
РУССКАЯ
МЫСЛЬ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ІЮНЬ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій переулокъ, № 5.

1884.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	Стр.
УѢ ПАГУБА. Историческій романъ. Гл. X — XVI. <i>Продолженіе.</i> — Е. П. Карновича	1
II. СТРАННИЦЫ. Очеркъ изъ исторіи раскола. Гл. IV и V. <i>Окон-</i> <i>чаніе.</i> — И. Н. Харламова	44
III. АЛОНЗО ДОБРЫЙ. Стихотвореніе. — Д. Меремновскаго	70
IV. РУССКІЙ ДОРЕФОРМЕННЫЙ ГОРОДЪ. Глава II. <i>Окончаніе.</i> — И. И. Дитятина	73
V. СИЛЬВЕКЪ. Романъ Элизы Омешковой. Переводъ съ польскаго В. М. Л. Часть II, гл. VI и VII. <i>Окончаніе</i>	89
VI. КАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. XIX—XXIV. <i>Продолженіе.</i> — В. И. Немировича-Данченко	136
VII. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА v НИКОЛАЯ. Гл. I. — В. И. Семевскаго	173
VIII. НЕДОРАЗУМЬЯ. Повѣсть. Гл. I—VI. — О. Забытаго	211
IX. НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ. — Э. Циммермана	255
X. ФИЛИНЪ. Романъ Фридриха Шпильгагена. Переводъ съ нѣмец- каго Р. Часть II, гл. XVI—XXIV. <i>Окончаніе</i>	284
XI. СЕМЕЙСТВО КАРДИНАЛЬ. — Людовика Галеви. Переводъ съ французскаго. Гл. I—III	349
XII. ОЧЕРКИ ФАБРИЧНОЙ ФИЛАНТРОПИИ ВЪ ГЕРМАНИИ И РОС- СИИ. — А. Погочева	1
XIII. ЛѢСНОЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ. — А. А. Крылова	29
XIV. ПРОГРАММА ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ДВИ- ЖЕНІЯ НА МѢСТАХЪ ВЫХОДА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ. — В. Н. Гри- горьева	62
XV. ЕВРЕИ И РУМЫНЫ ВЪ ВЕНГРИИ. Письмо въ редакцію. — Н. С.	77
XVI. ОТВѢТЪ Г. П—ОВУ. — Г. Сазонова	95
XVII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. — В.	1
XVIII. БИБЛИОГРАФІЯ:	

Русскія книги.

«Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимуще-
ственно Россіи». Е. А. Покровскаго. — Сочиненія Н. А. Са-
лова. Изд. тов. М. О. Вольфъ. — «Промыслы Владимірской
губерніи». С. А. Харизоменова. Выпускъ V. — «Что читать на-
роду?» Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго
чтенія. — «Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ
финансами». Л. В. Ходскаго. — «Возрожденіе классической
древности или первый вѣкъ гуманизма». Георга Фойта. Перев.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЬ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1884.

Редація и главная контора журнала: Леонтьевскій пер., 21.

ОТДѢЛЕНІЯ КОНТОРЫ:

Въ Москвѣ — Петровскія торговыя линіи.

Въ С.-Петербургѣ — при книжномъ Магазиנѣ Н. Фену и К^о.

Въ Кіевѣ — при типографіи И. Н. Кушнерева и К^о, Елисаветинская улица, д. Михельсона.

10 10 1954
ADDITIONAL

PRESERVATION
REPLACEMENT
REVIEW ordered 3/29/54

AP50

R875

v. 5/6

MAIN

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. ПАГУБА. Историческій романъ. Гл. X—XVI. <i>Продолженіе</i> .— Е. П. Карновича	1
II. СТРАННИКИ. Очеркъ изъ исторіи раскола. Гл. IV и V. <i>Окон-</i> <i>чаніе</i> .—И. Н. Харламова	44
III. АЛОНЗО ДОБРЫЙ. Стихотвореніе.—Д. Мережковскаго	70
IV. РУССКІЙ ДОРЕФОРМЕННЫЙ ГОРОДЪ. Глава II. <i>Окончаніе</i> .— И. И. Дяткина	73
V. СИДЬВЕКЪ. Романъ Элизы Омешниковой. Переводъ съ польскаго. В. М. Л. Часть II, гл. VI и VII. <i>Окончаніе</i>	89
VI. БАИНОВО ПЛЕМЯ. Романъ. Гл. XIX—XXIV. <i>Продолженіе</i> .— В. Немировича-Данченко	136
VII. КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ Гл. I.—В. И. Семева	173
VIII. НЕДОРАЗУМѢНІЯ. Повѣсть. Гл. I—VI.—О. Забытаго	211
IX. НОВАЯ БАЛЕДОНИЯ.—Э. Циммермана	255
X. ФИЛИНЪ. Романъ Фридриха Шпильгагена. Переводъ съ нѣмец-	
каго. Р. Часть II, гл. XVI—XXIV. <i>Окончаніе</i>	284
XI. СЕМЕЙСТВО КАРДИНАЛЬ. — Людовина Галеви. Переводъ съ французскаго. Гл. I—III	349
XII. ОЧЕРКИ ФАБРИЧНОЙ ФИЛАНТРОПИ ВЪ ГЕРМАНИИ И РОС-	
СИИ.—А. Погочева	1
XIII. ЛѢСНОЙ ВОПРОСЪ ВЪ РОССИИ.—А. А. Крылова	29
XIV. ПРОГРАММА ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНИЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАГО ДВИ-	
ЖЕНІЯ НА МѢСТАХЪ ВЫХОДА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ.—В. Н. Гри-	
горьева	62
XV. ЕВРЕИ И РУМЫНЫ ВЪ ВЕНГРИИ. Письмо въ редакцію.—Н. С.	77
XVI. ОТВѢТЪ Г. И—ВУ.—Г. Сазонова	95
XVII. НАУЧНАЯ ХРОНИКА.—В.	1
XVIII. БИБЛОГРАФІЯ:	

Русскія книги.

«Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимуще-
ственно Россіи». Е. А. Покровскаго.—Сочиненія И. А. Са-
лова. Изд. тов. М. О. Вольфа. — «Промыслы Владимірской
губерніи». А. С. Харизоменова. Выпускъ V.—«Что читать на-
роду?» Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго
чтенія. — «Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ
финансами». Л. В. Ходскаго. — «Возрожденіе классической
древности или первый вѣкъ гуманизма». Георга Фойта. Перев.

И. П. Рассадина. Изд. К. Т. Солдатенкова.—«Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.» Т. IV. «Темниковскій уѣздъ». Изд. тамб. губ. земства. 10

Иностранныя книги.

«Новая Австралія». *Марекъ Ля-Меле*. (*L'australie nouvelle. Marin La-Meslée*). — «Происхожденіе мадьяровъ». *Вамбери*. (*Der Ursprung der Magiaren. Eine ethnologische Studie von Hermann Vambery*). — «Культурная исторія крестовыхъ походовъ». *Пруцца*. (*Kulturgeschichte der Kreuzzuge von Hans Prutz*). — «Земледѣльческая жизнь въ Пикардіи и Артуа при старомъ порядкѣ». *Барона Калонна*. (*La vie agricole sous l'ancien régime en Picardie et en Artois. Baron. A. de Calonne* 29

ПАГУБА *).

Х.

Терпясь въ бесплодныхъ догадкахъ насчетъ того, какъ бы получше устроиться и выйти въ люди, неразборчивый въ выборѣ клонящихся къ тому средствъ, Бергеръ попалъ на мысль, что удобно было бы ему, какъ нѣмцу, воспользоваться раздраженіемъ русскихъ противъ его единоплеменниковъ и, выдѣлившись сразу изъ ряда этихъ послѣднихъ, заявить себя правительству съ самой, что ни на есть, благонадежной стороны. Какъ человѣкъ, хотя и крайне плутоватый, но вмѣстѣ и ограниченный умомъ и безъ всякихъ правилъ чести, онъ подумалъ, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, предательство можетъ служить очень пригоднымъ орудіемъ для достиженія предположенной цѣли.

«Если я укажу на политическія подстрекательства пасторомъ Грофтомъ его прихожанъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, во мнѣ увидятъ благонадежнѣйшаго человѣка, не думающаго, ради государственныхъ интересовъ, даже и о потачкѣ моимъ единоплеменникамъ и единовѣрцамъ. Кажется, тогда я представлю такое доказательство моей преданности, сильнѣе котораго едва ли можно найти. Непростительно было бы мнѣ упускать такой благоприятный случай», — думалъ Бергеръ.

Раздумывая такимъ образомъ, Бергеръ хотя и желалъ предать неосторожно проболтнувшаго пастора, но съ тѣмъ, чтобы устроить это предательство такъ, чтобы оно открыло ему прямо доступъ къ тѣмъ лицамъ, которыя имѣли сильное вліяніе при

*) *Русская Мысль*, кн. V.

императрицѣ. Теперь въ пустоватой головѣ кирасира, туманившейся, вдобавокъ къ тому, нерѣдко и пивными, и водочными, и винными парами, стали являться тѣ небольшіе переходы, посредствомъ которыхъ онъ, какъ одинъ изъ самыхъ усерднѣйшихъ вѣрноисповѣданнѣхъ, можетъ дойти и до государыни.

Бергеръ, отчужденный отъ нѣмцевъ, которые очень хорошо знали его, какъ продувнаго малаго, имѣлъ довольно обширное знакомство среди русскихъ, и у нихъ могъ провѣдать многое. Русскіе, по своему благодущію, относились къ нему, съ нравственной точки зрѣнія, гораздо снисходительнѣе, нежели нѣмцы, старавшіеся поддержать о своемъ небольшомъ петербургскомъ кружкѣ добрую молву относительно нѣкоторыхъ условій общественной жизни и личныхъ отношеній. Съ своей стороны, Грофтъ, въ качествѣ оберъ-пастора, успѣлъ даже присвоить себѣ своего рода нравственно-духовную расправу надъ своею паствою. Разумѣется, онъ не рѣшался привлекать къ своему суду болѣе или менѣе чиновныхъ лицъ изъ ея среды, но простыхъ нѣмцевъ онъ нерѣдко приглашалъ къ себѣ для соответствующихъ разсужденій. Хозяева часто обращались къ нему съ жалобами на мастеровыхъ, рабочихъ и прикащиковъ изъ нѣмцевъ, прося пастора сдѣлать имъ отеческія внушенія и наставленія. Нерѣдко приходили къ Грофту съ жалобами мужья на женъ, жены на мужей, отцы на дѣтей. На петербургской нѣмецкой колоніи лежала та же печать общиннаго духа, какую вообще наложило протестантство на своихъ послѣдователей.

Сбираясь обнаружить передъ надлежащими властями политическую неблагонадежность пастора, Бергеръ, одинъ изъ духовныхъ его чадъ, видѣлъ въ этомъ дѣлѣ особенную важность, на которую, какъ онъ полагалъ, слѣдовало ему указать въ своемъ доносѣ, а именно, что пасторъ Грофтъ былъ вызванъ въ Петербургъ бывшимъ фельдмаршаломъ Минихомъ, который теперь отправленъ за свои злокозненные замыслы противъ благополучно царствующей нынѣ государыни въ отдаленную ссылку; что онъ, Грофтъ, былъ въ дружбѣ съ графомъ Остерманомъ, достойно наказаннымъ за «злодѣйскіе поступки», и что при этихъ условіяхъ онъ и въ настоящее время можетъ затѣвать разныя злоумышленія, готовить возстановленіе Брауншвейгской фамиліи, а вмѣстѣ съ ея возвращеніемъ, и возвращеніе двухъ упомянутыхъ злодѣевъ. Короче, несмотря на свою ограниченность, честолюбиваго кирасира хватило настолько, что онъ съумѣлъ представить

дѣло пастора въ такомъ видѣ, что оно будто бы грозило государству страшную опасностію, и что онъ, Бергеръ, избавлялъ государыню отъ бѣды, почему въ настоящемъ случаѣ онъ являлся спасителемъ государства, и его нельзя было оставить безъ особыхъ отличій. «Важнѣе же всего, — думалъ онъ, — здѣсь окажется то, что такіа предостереженія идутъ отъ вѣмца и лютеранина. Поступи такъ русскій, доносъ его казался бы не столь важнымъ».

Обдумывалъ также Бергеръ, черезъ кого бы лучше всего можно довести о своемъ усердіи до свѣдѣнія императрицы. Сдѣлать это черезъ Лестока ему казалось не совсѣмъ удобнымъ, такъ какъ Лестоку — реформатъ, хотя и слыветъ безбожникомъ. На Воронцовыхъ, Шуваловыхъ и Разумовскаго тоже рассчитывать было нечего: они занимаются совсѣмъ иными дѣлами.

— Да что же я такъ долго думаю, — спохватившись, ударилъ себя по лбу поручикъ. — А Варсонофій-то монахъ — чего же лучше? Онъ черезъ государынина духовника представить мою бумагу императрицѣ, и, быть можетъ, она потребуетъ меня къ себѣ для личныхъ объясненій.

Въ тотъ же день Бергеръ, который, какъ мы сказали, имѣлъ много русскихъ знакомыхъ, началъ, какъ бы безъ всякой цѣли, спрашивать у нихъ объ отцѣ Дубянскомъ и о монахѣ Варсонофій. Собранныя имъ о томъ и о другомъ свѣдѣнія оказывались для него чрезвычайно благоприятными. Ему рассказали, что Дубянской пользуется у государыни большимъ вліяніемъ и что онъ непріязненно относится къ вѣмцамъ и въ особенности къ лютеранству. Сообщили ему также, что въ Александро-Невскомъ монастырѣ живетъ пріѣзжій монахъ Варсонофій, считающійся человекомъ святой жизни и имѣющій даръ пророчества; что ему въ монастырѣ, по внушеніямъ духовника императрицы, оказываютъ особый почетъ; что къ нему за благословеніемъ и за совѣтами ѣздятъ и знатные русскіе господа и госпожи, и именитое русское купечество, а онъ имъ всѣмъ пророчествуетъ, что русское царство скорѣ постигнутъ большія бѣдствія за нечестіе, которое разводятъ между православными «нечестивые лютеры», что ихъ давно бы слѣдовало изгнать, а божицы ихъ предать поруганію. Добавляли къ этому, что и набожная императрица внимаетъ такимъ вѣщимъ глаголамъ смиреннаго инока.

Императрица, собиравшаяся сама, послѣ ссылки Шубина Бирономъ, уйти въ монастырь и даже добровольно отвѣдавшая въ Успенскомъ Александро-Слободскомъ монастырѣ обстановку мона-

шеской жизни, любила окружать себя людьми, бывшими или только представлявшимися людьми благочестивой жизни, и отецъ Варсонофій, о которомъ столько наговорилъ ей Дубянской, былъ во многихъ отношеніяхъ подъ стать тому настроенію, въ какомъ находилась Елизавета.

Сообразительные люди могли легко догадаться, что то враждебное настроеніе къ нѣмцамъ и къ ихъ религіи, въ какое старался привести Елизавету Варсонофій, поддерживалось и лицами, бывшими къ ней близкими. Всѣ они желали избавиться отъ злаго и заносчиваго Лестока, который, содѣйствовавъ такъ много Елизаветѣ въ ея предпріятіи противъ брауншвейгцевъ, хотѣлъ управлять всѣмъ и всѣми по своему произволу. Не многіе, да и то слишкомъ робко и уклончиво, рѣшались не столько говорить ей прямо о Лестока, сколько лишь намекать на то исключительное положеніе, какое занялъ при ней иноземецъ, бывший лейбъ-хирургъ, въ обиду русскимъ. Отцу Дубянскому онъ былъ не въ могоду не только по какимъ-либо государственнымъ соображеніямъ, но и потому еще, что онъ, какъ безоглядный болтунъ, порою дерзко затрогивалъ религію.

«Пусть отецъ Варсонофій, — думалъ часто Дубянской, — скажетъ напрямки государынѣ то, чего не посмѣемъ сказать ей ни я и никто изъ ея приближенныхъ. Съ грубаго мужика за это не взыщется. Да и самъ-то Варсонофій, — какъ я замѣтилъ, — парень ловкій. Пусть другіе, какъ хотятъ, возьмется съ Лестокомъ, а я увѣренъ, что никто столько ему не навредитъ, сколько Варсонофій».

Пріѣзжая часто въ Невскій монастырь, государыня послѣ обѣдни бывала въ кельѣ Варсонофія и выходила оттуда растроганная, нерѣдко съ заплаканными глазами, и Лестока могъ замѣтить, что послѣ такой побывки она относилась къ нему уже не съ особенною благосклонностію и порою высказывала, что пора бы избавить Россію отъ всѣхъ иноземцевъ, и, разумѣется, что такія, какъ будто невольныя, обмолвки государыни принимались за предвѣстіе, что Лестоку не сдобровать.

Мало-по-малу Варсонофій, присмотрѣвшійся къ государынѣ и, такимъ образомъ, попривыкшій къ ней, а, слѣдовательно, уже переставшій ее бояться, сталъ постепенно забываться передъ государыней. Онъ позволялъ уже себѣ журить ее, угрожая ей и жупеломъ, и металломъ, и устрашалъ ее отъ имени Божія страннымъ воздаяніемъ за ея прегрѣшенія, если она будетъ непокорна его внушеніямъ, идущимъ будто бы не отъ него самого,

но отъ святой высоты. Онъ начиналъ входить въ обширныя права духовнаго отца, считающаго своею обязанностію обуздывать страсти и помыслы покорствующей передъ нимъ овечки. Главнымъ предметомъ укоровъ государынѣ со стороны этого изувѣра было то, что она слишкомъ мирволить нечестивымъ инновѣрцамъ, которые только и помышляютъ о пагубѣ святой православной церкви и о распространеніи ихъ дьявольскихъ ересей.

На первыхъ порахъ хитрый хохоль Дубянской, землякъ Разумовскаго, былъ очень доволенъ тѣмъ вліяніемъ, которое онъ, вдобавокъ къ своему личному, успѣлъ утвердить черезъ Варсонофія надъ Елизаветой. Варсонофій въ точности исполнялъ наставленія, даваемыя ему духовникомъ, но, почувствовавъ свою силу, началъ относиться иначе къ своему покровителю.

— Да что ты, отецъ Яковъ, вздоръ-то городишь! Безъ тебя я все знаю. Голова-то у тебя, видно, безъ мозговъ,—началъ возражать Дубянскому Варсопофій своимъ грубымъ вологодскимъ нарѣчіемъ въ противоположность мягкому говору малоросса.— Да ты кто?—такой же полякъ, какъ и пріятель твой Разумовскій; знаю я ваше отродье. Я и безъ тебя съумѣю не хуже сказать царицѣ, что ей нужно творить для спасенія ея души. Пусть она идетъ по моему пути, а ты въ дѣла наши не суйся. Никто тебя о томъ не проситъ. Знай, сверчокъ, свой шестокъ...

Спохватился отецъ Яковъ, что онъ ужъ слишкомъ далеко завелъ монаха въ довѣріе и благорасположеніе императрицы, и что теперь пора бы и повернуть его вспять.

«Потерплю еще маленько,—думалъ Дубянской,— пусть онъ прежде спихнетъ Лестока, а тамъ съ Варсонофіемъ ужъ я справлюсь».

Особенно встревожился Дубянской, когда Мавра Егоровна Шувалова, рожденная Шепелева, передала, что какъ-то однажды императрица сказала, что ей хочется побывать на духу у Варсонофія.

При этомъ извѣстіи отецъ Яковъ уразумѣлъ, что онъ, чего добраго, можетъ остаться не причемъ, по милости Варсонофія, и отправился посовѣтоваться къ Разумовскому.

— А щобъ его ніемъ добре отсель выпихнуть на его Вологду,— посовѣтовалъ земляку Разумовскій.

Дубянской объяснилъ Разумовскому неумѣстность такого простаго пріема въ настоящее время, такъ какъ пока Варсонофій еще имъ очень нуженъ, чтобы сжить ненавистнаго Лестока, и

что послѣ того, какъ Лестокъ свихнется, можно будетъ приняться за нѣй и распорядиться съ Варсонофіемъ. Разумовскій, очень хладнокровно выслушавъ мнѣніе протокона, согласился съ его доводомъ, вполне увѣренный, что его собственное положеніе насколько не зависитъ отъ Варсонофія, который, сверхъ того, вовсе не перебиваетъ доходовъ, пожалованныхъ ему императрицею, какъ можетъ перебивать высочайшія дачи, дѣлаемыя Дубянскому.

XI.

Собравъ свѣдѣнія о Дубянскомъ и Варсонофіи, Бергеръ рѣшился толкнуться къ послѣднему изъ нихъ. Онъ рассчитывалъ на то, что чѣмъ необыкновеннѣе дойдетъ его доносъ до императрицы, тѣмъ болѣе онъ будетъ имѣть важности и тѣмъ большее значеніе получить въ глазахъ государыни сочинитель доноса. «Ее непремѣнно должно будетъ, — соображалъ Фридрихъ, — поразить странное соединеніе, ради государственныхъ и ея личныхъ интересовъ, молодого керасирскаго офицера съ простымъ русскимъ монахомъ, и, притомъ, офицера изъ нѣмцевъ, указывающаго на свободомысліе своего пастора, пользовавшагося въ Петербургѣ общимъ уваженіемъ. Такіе подвиги не забываются, — думалъ Бергеръ, — они выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ. Я предупреждаю государыню отъ зловредныхъ противъ нея замысловъ, указываю ей на то, чего она не узнаетъ отъ русскихъ, открываю ей новую измѣну. Притомъ, — разсуждалъ Бергеръ, чувствовавшій, несмотря на все нравственное свое паденіе, потребность въ какомъ-нибудь хотя бы самомъ слабомъ оправданіи, — я въ сущности ничего не выдумываю, такъ какъ Грофтъ, дѣйствительно, былъ бы радъ возвращенію въ Петербургъ своихъ могущественныхъ покровителей, Миниха и Остермана, хотя бы это не обошлось безъ низверженія съ престола нынѣшней государыни. Помню я, что майоръ Шнопкопфъ, котораго всѣ считали честнымъ человѣкомъ, не находилъ возможнымъ измѣнить только знамени, а я, какъ лифляндецъ, присягалъ не только русскому знамени, но еще и на вѣрноподданство нынѣшней императрицѣ. Слѣдовательно, если я укажу на угрожающую ей опасность, то я только исполню мой долгъ».

Такъ желалъ оправдать себя Бергеръ, упуская изъ виду, что онъ прибавлялъ къ дѣйствительности много такого, что ее искажало и придавало чрезвычайную политическую важность проповѣди

Грофта. Бергеръ не хотѣлъ принять во вниманіе и то еще обстоятельство, что если бы его не мучило желаніе, такъ или иначе, выйти въ люди, то онъ не придумывалъ бы тѣхъ невозможныхъ способовъ, къ которымъ онъ прибѣгалъ теперь, и оставилъ бы настора въ покоѣ.

Разсуждая самъ съ собою, Бергеръ съ Луговой улицы, на которой онъ жилъ, вышелъ на Невскую перспективу. Эта улица — нынѣшній Невскій проспектъ — не имѣла тогда ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, что она представляетъ въ настоящее время. Въ концѣ ея стояло адмиралтейство, на томъ же мѣстѣ, гдѣ оно стоитъ нынѣ. Это было крайне неуклюжее зданіе, представлявшее укрѣпленіе, окруженное валами и рвами; передъ нимъ растлался лугъ, служившій городскимъ выгономъ, на которомъ пасся скотъ. По обѣимъ сторонамъ улицы, по направленію къ Зеленому мосту, стояли небольшіе камешные и деревянные дома, въ перемежку съ садами, огородами, пустырями и пустошорожными мѣстами, то открытыми, то загороженными досчатыми заборами. На мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора стоялъ прежній Казанскій соборъ, представлявшій большую деревянную постройку — образецъ строительнаго безобразія. Въ этомъ соборѣ отправлялось богослуженіе въ торжественные дни. Далѣе тянулись также дома и заборы до Аничкина моста; здѣсь по лѣвому берегу Фонтанки строились, уходя все далѣе къ взморью, загородные дома или усадьбы петербургскихъ вельможъ. На Невской перспективѣ, до Литейной улицы, которая вела къ артиллерійскимъ казармамъ или свѣтлицамъ, росъ сосновый лѣсъ. Въ немъ, какъ бы въ видѣ продолженія «перспективы», была сдѣлана просѣка, тянувшаяся вплоть до Невскаго монастыря, около котораго вдоль лѣваго берега Невы стали селиться оптовые хлѣбные торговцы, предки современныхъ кашаниковцевъ. На протяженіи Невской перспективы до Знаменской церкви во многихъ мѣстахъ были топи, оверхъ которыхъ была настлана бревенчатая мостовая, а далѣе начались «нески», шедшіе до самаго монастыря. Тротуаровъ около домовъ не было, и пѣшеходы пробирались или по тропинкамъ, проложеннымъ около домовъ, или около заборовъ, или шли посреди улицы.

Движеніе по Невской перспективѣ было очель незначительно, гораздо менѣе, нежели на Васильевскомъ островѣ и даже Петербургской сторонѣ. Рѣдко проѣзжали по перспективѣ громадныя тяжелыя кареты, запряженныя шестерной лошадей цугомъ, и

такая упряжь показывала, что экипажи эти принадлежат «знатнымъ персонамъ». Проѣзжали здѣсь также коляски и колымаги, запряженныя четверней и принадлежавшія лицамъ штабъ-офицерскаго ранга. Чане же всего показывались на перспективѣ парныя и одноконныя брички и телѣжки, въ которыхъ разъѣзжали лица оберъ-офицерскаго званія, купечество и духовныя лица. По временамъ проѣзжали здѣсь и бѣговыя дрожки, и существующія до сихъ поръ двухколесныя чухонскія таратайки. Вообще тогдашній Петербургъ по постройкамъ былъ непрасивѣе и по движенію менѣе оживленъ, чѣмъ нынѣшніе наши уѣздные города. Освѣщеніе города было самое жалкое, только кое-гдѣ были поставлены на столбахъ да повѣшены на веревкахъ, протянутыхъ поперекъ улицъ, тускло и недолго горѣвшіе фонари. Ворота въ домахъ русскихъ, по перешедшему изъ Москвы обычаю, были на запорѣ и днемъ, и ночью, и, вдобавокъ къ такой предосторожности, когда начинало смеркаться, на цѣни спускали около домовъ дворовыхъ собакъ. Рано ложившійся спать городъ всю ночь, до самаго разсвѣта, оглашался ихъ вытьемъ и лаемъ, протяжными овликами часовыхъ, грохотомъ трещетокъ и битьемъ въ чугунныя плиты или деревянныя доски.

Невскій монастырь вовсе не былъ тогда такою представительною обителью, какою является теперь. Въ то время онъ только что сталъ обстроиваться. Извѣстный въ свое время петербургскій архитекторъ графъ Растрелли началъ, по повелѣнію императрицы, возводить нынѣшній монастырскій Троицкій соборъ съ прилегающими къ нему полукруглыми галлереями, а также и митрополичьи палаты по образцу итальянскихъ палаццо. Весь монастырскій дворъ былъ загроможденъ камнями, кирпичами, бревнами и досками, и Бергеръ съ трудомъ пробирался между грудями этихъ строительныхъ матеріаловъ, отыскивая келью Варсонофія. Былъ послѣобѣденный часъ и на дворѣ ничего не было видно, такъ какъ вся братія послѣ трапезы разошлась по кельямъ на отдыхъ. Долго ходилъ по двору кирасиръ, пока встрѣтилъ какого-то послушника, у котораго онъ и спросилъ, какъ пройти къ Варсонофію.

По узкой и крутой лѣстницѣ взобрался Бергеръ къ той двери, на которую указалъ ему тотчасъ же скрывшійся послушникъ. Кирасиръ слегка постучалъ въ эту дверь, но она не отворялась, и на этотъ стукъ внутри кельи не было никакого отзыва. Онъ стукнулъ въ другой разъ посильнѣе, но также напрасно. Раздо-

садованный кирасиръ принялся стучать въ дверь кулакомъ и гремѣть по полу палаомъ.

— Что ты, дьяволъ, въ дверь такъ лопишься? Нешто же не знаешь, какъ къ монахамъ въ келью просятся?—отозвался за дверью грубый голосъ; но, услышавъ въ стѣнахъ зыканье налаша и шпоръ, Варсонофій, вставшій съ постели, поспѣшилъ пріотворить дверь.

— Я пришелъ къ вамъ, господинъ Варсонофьевъ, —проговорилъ смутившійся отъ такой невѣжливой встрѣчи поручикъ.

— Какой я господинъ Варсонофьевъ —и назвать-то меня не умѣешь, какъ слѣдуетъ. Я просто или отецъ Варсонофій, или, иначе, преподобный отче. Да что тебѣ, братъ, отъ меня надо?

— Позвольте войти къ вамъ, госпо... отецъ Варсонофьевъ, —проговорилъ неоправившійся еще отъ смущенія Бергеръ, и я вамъ расскажу, въ чемъ дѣло.

— Нагрѣшилъ, вѣрно, а теперь ко мнѣ за разрѣшеніемъ отъ грѣховъ притащился? Да ты кто такой будешь? —придерживая Бергера на порогѣ, спросилъ Варсонофій.

— Поручикъ кирасирскаго полка.

— Значить, изъ тѣхъ, что на коняхъ, въ желѣзѣ вѣзять?

— Такъ точно.

— Ну, лѣзь, —проговорилъ монахъ, толкнувъ впередъ рукою дверь, жалобно заскрипѣвшую на ржавыхъ петляхъ.

Едва ли можно представить себѣ что-нибудь хуже того помѣщенія, въ которомъ обиталъ Варсонофій. Хотя архимандритъ и предлагалъ ему въ монастырѣ очень приличное помѣщеніе, но Варсонофій, желая явить въ этомъ случаѣ смиреніе, отказался отъ всякаго удобства и выбралъ для себя самую северную келью. Воздухъ въ небольшой комнатѣ или просто каморкѣ, занятой Варсонофіемъ, былъ удушливъ. На стеклахъ запертаго теперь, да и вообще никогда не отворявшагося окна, покрытыхъ грязью и пылью, жужжало и вицало множество мухъ. У стѣны, на простыхъ изъ бѣлаго дерева помосткахъ лежали какія-то грязныя лохмотья, служившія одромъ отшельнику. Подлѣ этого ложа стоялъ деревянный замачканный столъ, а на немъ находился почернѣвшій желѣзный ковшикъ съ квасомъ.

— Эка тварь проклятая! —проговорилъ съ досадою Варсонофій, подбрасывая вверхъ своими запущенными въ ковшъ грязными пальцами плававшую тамъ муху. — Все время ко мнѣ окаянная приставала, лѣзла то въ носъ, то въ ротъ, а потомъ ты ко мнѣ

ломиться сталь. Совсѣмъ заснуть не дали, а я-то на службѣ Божіей съ самаго ранняго утра порядкомъ намаялся, отдохнуть надо было на вечернія радѣнія... Такъ что-жь тебѣ отъ меня надо?—спросилъ Варсонофій, обращаясь къ Бергеру и садясь на постель. Отъ закрылъ лицо ладонями и зѣвнулъ нѣсколько разъ.— Да садись же и ты вотъ сюда,—сказалъ онъ поручику, указывая ему глазами на стоявшій подлѣ постели чурбанъ.

Бергеръ присѣлъ на чурбанъ.

— Такъ, значить, выходить, чего-жь ты отъ меня хочешь?—спросилъ опять Варсонофій, сопровождая свой вопросъ нѣсколькими зѣвками во весь ротъ, который онъ принялся теперь осѣнять мелкими крестами.

— Правда ли, что вы, отецъ Варсонофій, бываете у государыни императрицы?

— А тебѣ къ чему это знать? Боли бываю—значить, того достоинъ, не даромъ же царица меня такъ жалуешь; значить, выходить, что я того достоинъ.

— Вотъ потому я и пришелъ къ вамъ. Хочу васъ просить, чтобы вы доставили мнѣ возможность лично поговорить съ ея величествомъ.

— Экъ куда хватилъ! Да знаешь ли ты, олухъ царя небеснаго, что не всѣ и епералы къ ней являться могутъ? Вишь чего захотѣлъ!

Бергеръ смѣшался.

— Да ты вѣрн-то какой, скажи ты мнѣ напередъ.

— Я лютеранинъ.

— То-то я смотрю, съ чего ты ко мнѣ и подъ благословеніе неходишь, какъ слѣдуетъ православному.

— Извините меня, отецъ Варсонофій, я не сдѣлалъ этого потому, что у насъ нѣтъ такого обыкновенія,—смирненно проговорилъ Бергеръ.

— Знаю, что вы лютеры—нечестивцы. Вы, чай, и своихъ архіереевъ ни въ гронѣ не ставите, а насъ, небось, совращать хотите. Да не долго вамъ у насъ тѣшиться, послѣ того, какъ вашимъ милостивцамъ Михишу да Стерманову хорошо по загривкамъ дали—всѣмъ вамъ присмирѣть пришлось. Или думаете, что эти злодѣи снова вернутся, такъ на вашей улицѣ праздникъ будетъ?

— Не хочу я этого, а хочу служить вѣрой и правдой нынѣшней государынѣ, и пришелъ-то я къ вамъ, чтобы черезъ васъ предупредить ее о той опасности, которая грозитъ ей...

Варсонофій вострепенулся отъ удовольствія и сталъ поглаживать свою всклокоченную, съ сильною просѣдью бороду, уставивъ свои лупавые глаза на нѣмца. Онъ очень обрадовался, что, помимо Дубляскаго и всѣмъ другимъ знатнымъ лицамъ, онъ можетъ явиться къ государынѣ съ такимъ важнымъ извѣстiemъ.

— Да кто же посмѣлъ злоумышлять на матушку-царицу? — строго спросилъ Варсонофій.

— Пасторъ Грофъ.

— Это—тотъ, что на Невской першпективѣ въ вашей божицѣ обѣдницы служить? Слыхалъ я о немъ, что онъ хочетъ быть у васъ патриархомъ свѣтлпетербургскимъ и всенѣмецкимъ, а потомъ и до нашей православной церкви добратся и сдѣлаться какъ бы папою римской, церкву нашу православную себѣ подчинить. Да его, окаяннаго, за это въ три дуги согнуть надо. Что-жь онъ злоумышляеть?

— Желаетъ онъ возвращенія Маниха и Остермана.

— Пстой, братъ, да, вѣдь, ты самъ изъ нѣмцевъ. Какъ же ты предательствуешь своихъ-то? Вѣдь, ты на Іуду-христопродавца смахиваешь.

Бергеръ до сихъ поръ терпѣливо переносилъ грубости монаха, но теперь онъ уже не выдержалъ, вскочилъ съ чурбана и застучалъ палашомъ по полу.

— Какъ смѣешь ты мнѣ это говорить! Я хочу вѣрно служить государынѣ, а ты называешь меня Іудой, сбиваешь меня съ пути. Да знаешь ли, что я сейчасъ же пойду отсюда въ тайную канцелярію и объявлю тамъ противъ тебя «слово и дѣло». Тамъ тебѣ всѣ кости переломаютъ, старая собака!

Не ожидая вовсе такой грозной острасти, Варсонофій струхнулъ порядкомъ, но не хотѣлъ показать своего испуга.

— Ты самъ суцій песь! Съ чего такъ на меня разлаялся? Я обмолвился, а онъ принялся на меня орать! Самъ я безъ тебя знаю, что ты не Іуда; вѣдь, ты не Христа предаешь, а только предаешь своего попа-негодника, да и предаешь ты не за серебрянники. Такъ возьми же въ толкъ, какой ты Іуда.

— То-то, смотри у меня! — сказалъ Бергеръ, садясь опять на чурбанъ и еще разъ въ угрозу старику постучавъ палашомъ объ полъ.

— Да ты изъ какихъ будешь? — спросилъ Варсонофій, желая переменить разговоръ.

— Сказано, вѣдь, тебѣ, что я лютеранинъ и нѣмецъ.

— Не о томъ я спрашиваю, а хочу спросить, кто твой отецъ будетъ, чѣмъ занимается?

Въ другихъ случаяхъ Бергеру неприятно было, когда заходила рѣчь объ его скромномъ происхожденіи отъ какого-то митавскаго бюргера, переселившагося въ Лифляндію, но теперь ему стѣсняться было не передъ кѣмъ: кто бы онъ по происхожденію ни былъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ могъ считать себя, по своей породѣ, выше какого-нибудь вологодскаго мужика.

— Отецъ мой въ Лифляндіи держалъ въ арендѣ мызу, — сказалъ Бергеръ.

— Не разберу я ничего изъ твоихъ словъ. Говори толково, чѣмъ же, значить, онъ занимался?

— У него было свое хозяйство, свои поля, свой скотъ...

— И крестьяне крѣпостные были?

— Нѣтъ, крестьянъ такихъ не было.

— Кто же у него въ полѣ-то работалъ?

— Наемные работники.

— Ну, это другое дѣло, а я-то думалъ, что ты по отцу будешь изъ господъ. Ужъ больно обидчивъ. Смотрю я, да и дивлюсь, изъ - за чего такъ малый заартачился? Эка диковина, что старикъ лишнее, пожалуй, и неосторожное слово проронилъ. Ну, хорошо: скажу я царицѣ о злодѣйскомъ противъ нея замыслѣ, а ты мнѣ передай, что ей къ сообщенію слѣдуетъ.

— Ну, нѣтъ, этого-то ужъ не будетъ, а ты только доведи меня до нея.

— Да какъ твое прозваніе будетъ?

— И этого тебѣ знать не нужно, — рѣшительнымъ голосомъ возразилъ Бергеръ. — Развѣ мало съ тебя будетъ, что ты, помимо всякихъ знатныхъ персонъ, первый предупредишь государыню о той опасности, которая ей угрожаетъ? Она тебѣ во всю жизнь признательна за это будетъ, а когда мы съ тобой къ ней пойдемъ, такъ все тамъ ей расскажемъ. Если бы я тебѣ не хотѣлъ добра, такъ развѣ не могъ бы я пойти прямо или къ графу Лестоку, или къ Андрею Ивановичу Ушакову, или въ кабинетъ - министру Бестужеву. Черезъ нихъ мнѣ дорога была бы и прямѣе, и скорѣе, а я ихъ хочу обойти и безъ нихъ прямо обо всемъ самой государынѣ рассказать. Да ты вѣрно ничего сдѣлать не можешь, такъ я отъ тебя къ Дубянскому пройду.

— Какъ не могу! — обидчиво вскричалъ Варсонофій, — да толи я ей еще говорилъ! А теперь скажу: такъ-то и такъ-то, ма-

тушка наша, благочестивѣйшая царица, приходилъ намедни ко мнѣ офицеръ изъ нѣмцевъ и говорилъ, что она, нечестивцы, хотятъ таки въ управленіе и Михива, и Стерманова неставить; да и сокрушенную тобою злодѣйну правительшу съ непрещеннымъ ея сыномъ на царство возстановить. Офицеръ-то этотъ своего прозванія не сказалъ, а хочетъ тебѣ открыть многое, что на твою, благочестивѣйшую самодержица, погибель готовится. Повели же ему черезъ меня, недостойнаго, къ тебѣ явиться, и онъ всѣхъ твоихъ недруговъ изъ окрѣпленныхъ нѣмцевъ тебѣ по пальцамъ перечтетъ. Видно, они страшное дѣло затѣваютъ, коли ихъ же братъ, нѣмецъ, на чистую воду вывести хочетъ. Никому этого дѣла не поручай, всѣ тебя, матушка, твое царское величество, обмануть, а разбери его сама. Офицеръ-то тебѣ все, какъ на духу, откроетъ. Сладко такъ будетъ?

— Больше ничего мнѣ и не нужно. Пусть только государыня позоветъ меня къ себѣ, а ужъ говорить съ нею я съумѣю, — самоувѣренно сказалъ Бергеръ. — И тогда тебя, старика, не забуду, — покровительственно добавилъ онъ.

— Ну, братъ, бабушка-то еще на двое сказала, кому кого забывать не придется, — возразилъ монахъ, — я-то ужъ въ великой чести у царицы, а ты куда какая еще не важная птица! Зайди ко мнѣ послѣ завтра, такъ я тебѣ дамъ отвѣтъ.

— Хорошо, буду я у тебя объ эту пору. Да только поскорѣй дѣло дѣлай, — сказалъ Бергеръ, уходя отъ Варсонофія, не совсѣмъ довольный первымъ съ нимъ свиданіемъ.

XII.

Спустя нѣсколько времени послѣ свиданія Бергера съ Варсонофіемъ, Варсонофій, одѣтый въ истертой и порыжѣвшей отъ времени рясу, съ бѣлой палкой въ рукахъ, подходилъ къ очень скромному деревянному дому, судя по приземистости и невзрачности котораго никакъ нельзя было предположить, что владѣлецъ этого жилища, — которое онъ самъ называлъ «конурами», — былъ однимъ изъ могущественныхъ людей въ тогдашней Россіи. Незатѣйливое, съ деревяннымъ навѣсомъ на тоненькихъ столбикахъ крыльцо, съ покосившимися и подгнившими ступенями невысокой наружной лѣстницы вело со двора въ эти «конуры». Надворныя деревянныя постройки имѣли обветшалый видъ, а просторный, заросшій травой, съ сохнувшей среди березой дворъ показывали,

что за этимъ домомъ не было никакого ухода. Все здѣсь было запущено: дожди давно смыли наружную окраску охрой, образовавъ на стѣнахъ огромныя бурныя пятна, ставни свѣшивались со сломанныхъ петель, и деревянная, преросшая бархотисто-зеленымъ мохомъ, а кое-гдѣ и травой, крыша и осыпавшіяся надъ нею дымовыя трубы наглядно обнаруживали весь неуходъ за обиталищемъ столь «знатной персоны», какою сдѣлался при императрицѣ Елизаветѣ и еще болѣе прославившійся впоследствии ея кабинетъ-министръ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Взойдя на крыльцо этого дома, Варсонофій не видѣлъ надобности постучать привѣщеннымъ у входной двери молоткомъ, такъ какъ двери прихожей были растворены настежь. Въ домѣ министра, противъ существовавшего тогда у разныхъ баръ обычая, не толпилась многочисленная челядь, и доступъ въ его покои былъ открытъ каждому. Стѣны и потолокъ первой небольшой комнаты были выбѣлены известью, и на небольшихъ окнахъ висѣли простыя ситцевыя занавѣски. Вдоль стѣнъ стояла самая простая деревянная мебель. Въ комнатѣ этой, которая должна была служить пріемной, не было ни секретарей, ни докладчиковъ, ни сторожей, ни вѣстовыхъ, ни ординарцевъ, которыхъ въ прежнюю пору по расписанной очереди посылали отъ полковъ и разныхъ командъ на дежурство къ высшимъ сановникамъ, хотя бы они состояли и въ гражданскихъ чинахъ. Только на дворѣ подъ березой, около привязанной къ ней осѣдланной лошади можно было замѣтить растянувшася на травѣ полицейскаго драгуна, назначеннаго, какъ это дѣлалось каждый день, отъ полиціи къ министру для спѣшныхъ посылокъ и для развоза бумагъ по городу.

Жилъ Алексѣй Петровичъ такъ скромно, а относительно своего высокаго положенія даже такъ бѣдно, можно сказать, такъ по-нищенски, не по наклонности къ простотѣ, но по очень тонкимъ соображеніямъ. Онъ не имѣлъ своихъ собственныхъ доходовъ, и такой образъ жизни давалъ ему право ссылаться на ту крайнюю нужду, какую онъ долженъ былъ испытывать, не владея значительнымъ имѣніемъ, а, между тѣмъ, обязанный по своему высокому служебному положенію имѣть блестящую обстановку. Убогій домашній бытъ Бестужева давалъ ему основательный поводъ сѣтовать передъ Анной Ивановной, а потомъ въ особенности передъ Елизаветой на то, что онъ живетъ «въ кону-

рахъ и не имѣть возможности обзавестись той обстановкой, которая соотвѣтствовала бы званію министра. Такія сѣтованія не оставались безплодными. Обѣ государыни надбавляли ему жалованья, приказывали производить значительныя денежные выдачи и жаловали деревни. Ограниченныя, дѣйствительно, въ прежнее время денежные средства Бестужева возрастали постепеио и въ особенности усилились въ то время, когда онъ, сдѣлавшись канцлеромъ, началъ получать отъ иностранныхъ дворовъ подарки и пенсіи. Тогда Бестужевъ развернулся на широкую ногу и на пожалованномъ ему подѣ Петербургомъ, на Невѣ, Каменномъ островѣ выстроилъ великолѣпный каменный домъ, обзавелся большимъ количествомъ серебряной посуды и для приѣма гостей у себя на дачѣ устроилъ большую шелковую палатку, о которой говорили въ Петербургѣ, какъ о чудѣ, стоившемъ много денегъ. Вдобавокъ къ этому, онъ устроилъ обширный погребъ, наполненный такими превосходными иностранными винами, какихъ ни за какія деньги нельзя было достать въ Петербургѣ и о пересылкѣ которыхъ заботились русскіе, находившіеся въ иностранныхъ земляхъ, дипломатическіе агенты, желая угодить своему начальнику.

Все это появилось у Алексѣя Петровича только въ послѣдствіи, какъ необходимость, по словамъ его, показать пріѣзжавшимъ въ Петербургъ иностранцамъ, что великій канцлеръ такой богатой и могущественной державы, какъ Россія, можетъ, благодаря неизмѣримымъ щедротамъ всемілостивѣйшей государыни, жить такъ же пышно, какъ живутъ владѣтельные князья въ Западной Европѣ. Императрица Елизавета, сама любившая пышность, была довольна тою роскошью, какою обставилъ себя ея канцлеръ. жившій прежде, когда этого отъ него такъ настоятельно не требовалось, не только скромно, но даже убого.

Варсонофій посѣтилъ Алексѣя Петровича въ прежнемъ его жилищѣ и очень удивился, что Бестужевъ, о которомъ онъ такъ много уже слышался, живетъ не въ палатахъ, уподобляющихся царскимъ, а въ такомъ домѣ, который, пожалуй, былъ не подлѣстать и зажиточному заурядному челоуку.

«Лицемѣръ, должно быть, — подумалъ невольно Варсонофій, судя по себѣ, — вѣдь, навѣрно у него есть на что жить иначе, а, должно быть, притворствуешь, чтобы убѣждать всѣхъ въ своемъ смиреніи и безкорыстіи».

Войдя въ приемную и ставъ лицомъ къ красному углу, Варсонофій занесъ ко лбу правую руку, чтобы перекреститься, по

привычѣ, но опустилъ ее, не видя передъ собою иконы. Онъ осматрѣлся по всемъ угламъ и, не найдя нигдѣ образа, удивился, зная, что онъ пришелъ не къ какому-нибудь иковѣрцу, а къ православному русскому боярину.

Черезъ растворенныя двери пріемной и другихъ слѣдовавшихъ за нею подъ-рядъ комнатъ, Варсонофій увидѣлъ въ этихъ комнатахъ разставленныя на простыхъ бѣлыхъ столахъ селянки, банки, пузырьки и разные снаряды, объ употребленіи и примѣненіи которыхъ онъ никакъ не могъ догадаться, а это было очень естественно: они требовались Бестужеву для производства разныхъ опытовъ по химіи, о которой невѣжественный монахъ не имѣлъ никакого понятія.

Желая подать о себѣ вѣсть, Варсонофій принялся ходить по комнатѣ, возя по полу ноги въ своихъ огромныхъ сапожищахъ, и по временамъ постукивалъ слегка палкой, припоминая палашъ Бергера. Потомъ онъ сталъ откашливаться все громче и громче. Наконецъ, онъ услышалъ приближающіеся изъ сосѣдней комнаты чьи-то легкіе шаги, и, вслѣдъ за тѣмъ, вошелъ высокій, представительный среднихъ лѣтъ мужчина. Онъ отличался горделивой осанкой и умнымъ, а также и привѣтливымъ выраженіемъ лица.

Варсонофій и Бестужевъ не знали одинъ другаго въ лицо, хотя министръ и слышалъ многое о разныхъ выходкахъ монаха; но такъ какъ эти выходки были направлены, подъ вліяніемъ Дубянскаго и Разумовскаго, противъ Лестока, то Алексѣй Петровичъ относился къ Варсонофію не только безъ неприязни, но даже готовъ былъ ласково его встрѣтить.

— Я старецъ Оедоровско-Рождественна монастыря Варсонофій,—представился монахъ.

Такъ какъ вѣжливость въ обращеніи съ каждымъ и въ ту уже пору считалась необходимымъ качествомъ людей благовоспитанныхъ, къ числу которыхъ принадлежалъ и Бестужевъ-Рюминъ, то онъ и пригласилъ Варсонофія, какъ духовное лицо, сѣсть на канапе, а самъ сѣлъ возлѣ.

— Что вамъ отъ меня угодно?—спросилъ министръ голосомъ, располагающимъ къ довѣрію.

— Слыхалъ я, что тебѣ благочестивѣйшая наша самодержица передала мой извѣтъ на нѣмецкаго распопа, что невѣрію въ своей молельнѣ народъ поучаетъ и козни зловредныя противъ царицы строить.

— Вѣрно хочешь, преподобный отче, спросить о дѣлѣ гос-

подина пастора Грофта?—мягко замѣтилъ Бестужевъ, замѣнивъ обращеніе на «вы» обращеніемъ на «ты», такъ какъ онъ увидѣлъ бесполезность такого приѣма, только что начавшаго входить въ употребленіе у русскихъ, въ подраженіе Западной Европѣ.

— Съ чего же она тебѣ это дѣло предложила? Кажись, прежде такими дѣлами Лештокъ занимался,—пытливо спросилъ Варсонофій, желая узнать объ этомъ любимцѣ императрицы что-нибудь новое отъ такого свѣдущаго по придворной части человѣка, какимъ долженъ былъ бы быть Бестужевъ.—Али въ немилость пришелъ?

— Не потому,—отвѣчалъ осторожный министръ,—а мудрая государыня изводила принять во вниманіе, что его сіятельство графъ Лештокъ не нашего закона, что безпристрастно можетъ разсмотрѣть это дѣло только русскій человѣкъ, а потому и соизволила мнѣ приказать заняться переданнымъ ея величеству отъ тебя извѣтомъ.

— Ужь ты, батюшка, высокографское сіятельство, снуску этому распопу, да и всей его богопротивной паствѣ не давай, а нажни ихъ хорошенько. На что въ православномъ царствѣ «лютеры» въ такомъ же почетѣ, какъ и мы, обрѣтаются? Много они въ себя злочестія и гордыни всяческой забрали. Ужь покараетъ Господь царство всероссійское за то, что мы ихъ у себя терпимъ. Слыхалъ, можетъ, какія въ разныхъ мѣстахъ чудеса и знаменія являюся?

— Слыхалъ, слыхалъ, отче,—проговорилъ Бѣстужевъ, вынимая изъ кармана золотую табакерку, подаренную ему императрицею Анной Ивановой,—какъ не слыхать!

— Да вотъ и я сподобился нынѣшней ночью особаго откровенія. Знаешь, какъ я послѣ моихъ молитвенныхъ радѣній опочилъ, то передо мною предсталъ святой Николай Чудотворецъ, да, словно какъ на яву, возглаголалъ мнѣ: «рабъ Божій» Варсонофій, чего ты зѣваешь, лютеры нечестивые свою божицу на Невской першпективѣ построили. и себѣ православную вѣру покорить хотять, такъ ты гряди къ благочестивой самодержицѣ и повѣдай ей, чтобъ повелѣла она эту хранину нечестія съ лица земли снести».

Легкая насмѣшливая улыбка скользнула по губамъ министра, но значеніе ея могъ уловить только человѣкъ, болѣе чуткій къ впечатлѣніямъ и болѣе наблюдательный, нежели Варсонофій, отличавшійся только грубою смекалкой. Бестужевъ щелкнулъ по

табакеркѣ двумя пальцами, открылъ ея крышку, усыпанную брилліантами, и, взявъ между двухъ пальцевъ щепотку табаку, началъ, по тогдашней модѣ, нюхать съ разстановкой.

— Справедливо ты говоришь, преподобный отче, что мы живемъ во время чудесъ и знаменій. Вотъ тебѣ приснился такой сонъ, который вызываетъ тебя на благочестивый подвигъ; представь же, что и мнѣ нынѣшнею ночью приснился тоже чудный сонъ. Наслышавшись много о тебѣ, я даже хотѣлъ повидаться съ тобою, чтобы попросить твоего праведнаго совѣта, а вотъ ты самъ, хотя ни разу не былъ у меня, вдругъ, точно руководимый какою-то особою силой, пришелъ ко мнѣ. Невѣрующіе скажутъ, пожалуй, что это не чудо, а я такъ думаю совсѣмъ иначе.

— Конечно, чудо! — подхватилъ Варсонофій, обрадованный тѣмъ льстивымъ оборотомъ рѣчи, какой принялъ Бестужевъ. — Чудо, чудо! — повторилъ онъ, покачивая головою.

— Снилось мнѣ, что ко мнѣ пришли оба верховныхъ апостола Петръ и Павелъ и сказали мнѣ, что вѣжкіе покушаются разрушить нѣмецкій храмъ, построенный на Невской першпективѣ во имя ихъ, и чтобы я воспрепятствовалъ тому, пошелъ бы къ ея величеству и доложилъ, что допускать этого не слѣдуетъ. Вотъ теперь и самъ я не знаю, какъ поступить: ты, преподобный отче, на свой сонъ сослаться изволишь, а я не могу пренебречь и моимъ. Какъ же мнѣ тутъ поступить? Вразуми меня.

Варсонофій сперва не догадался, въ чемъ заключалась суть такого чуднаго совпаденія сновъ, и только съ удивленіемъ продолжалъ покачивать головою.

— Знаешь что, отецъ Варсонофій, — сказалъ Алексій Петровичъ, дружески ударивъ по плечу монаха, — выходитъ тутъ какое-то недомыслие. Смотри, чтобъ кому-нибудь изъ насъ не попасть въ просакъ. Подождемъ-ка лучше, авось и мнѣ, и тебѣ привидится одинаковый сонъ, и тогда мы узнаемъ, что намъ слѣдуетъ сдѣлать.

Варсонофій въ глубокомъ раздумьи и какъ бы нехотя кивнулъ въ отвѣтъ утвердительно головою.

— А что касается господина пастора Грофта, то на это послѣдовало уже высочайшее повелѣніе, которое мною въ точности исполнено будетъ, а тебя надлежитъ поблагодарить за твое усердіе.

Сказавъ это, Бестужевъ всталъ съ мѣста; тоже сдѣлалъ и Варсонофій. Онъ стоялъ теперь, переминаясь съ ноги на ногу, въ ожиданіи, что министръ сообщитъ ему еще что-нибудь.

— Затѣмъ прощай, преподобный отче, не забывай меня въ твоихъ молитвахъ.

Проговоривъ это, Бестужевъ слегка поклонился монаху и направился въ ту комнату, изъ которой онъ къ нему вышелъ.

По его уходѣ, стоявшій въ раздумьи Варсонофій сообразилъ, что министръ точно такъ же выдумалъ свой предостерегательный сонъ, какъ выдумалъ свой сонъ самъ Варсонофій, и что Бестужевъ ловко поддѣлъ его.

— Эка нечисть!—ворчалъ про себя монахъ,— вотъ сейчасъ я и повѣрю, что ему станутъ являться во снѣ первоапостолы. Вонъ у него ни иконы нѣтъ, ни ко мнѣ подь благословеніе не подошелъ.

Въ назначенный день Бергеръ явился къ Варсонофію.

— Говорилъ я о тебѣ царицѣ, говорилъ. Будь готовъ, не сегодня, такъ завтра потребуетъ она тебя къ себѣ. Не робѣй только при ней. Вотъ я, такъ съ ней разговариваю, словно какъ съ тобой.

Еще раза два-три кирасиръ побывалъ у Варсонофія, который началъ смущаться при его посѣщеніяхъ и заговаривать притчами,— притчами, туманными даже и для русскихъ и совершенно непонятными для Бергера, который, пробывъ довольно долго въ Петербургѣ, хотя и порядочно выучился по-русски, но все же не настолько, чтобы быть въ состояніи разумѣть темное простонародное пустословіе вологжанина.

Кирасиръ сердился все болѣе и болѣе на проволочки со стороны Варсонофія, и когда однажды Бергеръ отправился къ нему, чтобы расправиться по-военному, то не достучался въ его двери ни кулаками, ни ногами, ни палашомъ. Прибѣжавшіе на этотъ страшный стукъ монахи и послушники рассказали Бергеру, что — какъ оказалось — Варсонофій вовсе не былъ человѣкомъ «ангельскаго чина», что за нимъ водились разныя худыя дѣла и что, провѣдавъ, что до него стали добираться, и ему грозитъ бѣда, онъ, неизвѣстно куда, скрылся, о чемъ архимандритъ и сдѣлалъ сегодня утромъ надлежащую явку и духовному начальству, и въ полицію.

XIII.

Неудовлетворенный Бестужевымъ, Варсонофій попытался толкнуться къ отцу Дубянскому. Духовникъ принялъ его уже не такъ предупредительно и ласково, какъ принималъ прежде. Отецъ Яковъ не только не угостилъ его игрой, семгой, наливками, настоекками и вареньями, какъ это всегда водилось, но даже не пригласилъ его сѣсть, а, проговоривъ съ нимъ, стоя, сказалъ, что теперь ему некогда, такъ какъ онъ долженъ идти къ ея величеству сейчасъ же по очень спѣшному дѣлу.

Назойливый Варсонофій отважился было пробраться попрежнему къ самой государынѣ, но когда онъ заднимъ ходомъ пришелъ къ ея апартаментамъ, то замѣтилъ, что ни прислуга, ни приживалки не только не обращаютъ на него никакого вниманія, но даже не хотятъ и разговаривать съ нимъ. Чуть онъ кого спроситъ, тотъ или та, не отвѣчая ничего, отворачиваются отъ него.

Объяснялось это тѣмъ, что Дубянской, раздраженный нахальствомъ Варсонофія устроилъ такъ, что государыня потеряла къ Варсонофію всякое довѣріе. Отецъ Яковъ сумѣлъ убѣдить ее, что Варсонофій дерзаетъ ее обманывать, рассказывая ей нелѣпости и небылицы, и что онъ не только не имѣетъ никакого понятія объ истинныхъ догматахъ православія, но даже не знаетъ, какъ слѣдуетъ, богослужебныхъ обрядовъ. Духовникъ говорилъ, что нужно произвести о Варсонофіи строгое дознаніе, и что тогда навѣрно окажется, что онъ никто иной, какъ бродяга.

Между тѣмъ, Бестужевъ, тотчасъ послѣ ухода отъ него Варсонофія, потребовалъ своего секретаря, который и написалъ къ Грофту повѣстку, чтобы онъ, Грофтъ, немедленно прибылъ къ министру для необходимыхъ объясненій, и спавшій на травѣ подъ березой полицейскій драгунъ поскакалъ съ этой бумагой на Невскую першепективу.

Съ партіей Миниха у Алексѣя Петровича были свои личные счеты. Нельзя сказать, чтобы онъ при Аннѣ Ивановнѣ велъ себя достойно честнаго человѣка. Угодливостію Бирону и заискиваніемъ у него Бестужевъ, какъ бы забытый въ Копенгагенѣ на скромномъ посту резидента, обратилъ на себя вниманіе могущественнаго временщика и былъ выведенъ имъ въ люди. При содѣйствіи герцога или, вѣрнѣе сказать, по его волѣ, Бестужевъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники и получилъ александров-

скую ленту. Затѣмъ онъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ кабинетъ - министромъ на мѣсто казеннаго Волинскаго. Когда же Биронъ былъ низвергнутъ, то Бестужевъ, какъ близкій къ нему человекъ, былъ арестованъ, и ему предстояла, вмѣстѣ съ его патрономъ, поѣздка въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. Онъ обвинялся въ томъ, что первый предложилъ въ регенты герцога Курляндскаго и, для достиженія этого, при составленіи акта о регенствѣ употреблялъ обманные способы. Обвиняли его въ сочиненіи «позитивной деклараціи и листа, яко бы вся нація бывшаго герцога регентомъ имѣть желаютъ». Далѣе въ обвиненіи говорилось, что онъ «неслыханнымъ образомъ націю къ подписанію сего листа принудилъ, призывая всѣхъ и приневоливая подписывать, впуская въ министерскую только человека по дватри». При допросѣ Бестужеву прямо говорили: «известно, что ты бывшаго регента весьма откровеннымъ шпиономъ былъ». Какъ человекъ хитрый и бездушный, Алексѣй Петровичъ выпутался, однако, изъ бѣды. Вмѣсто того, чтобы, въ благодарность Бирону за его покровительство, защитить его, онъ явился однимъ изъ главныхъ его обвинителей; но укоры Бирона пробудили въ немъ совѣсть, онъ упалъ на колѣни передъ бывшимъ регентомъ и просилъ у него прощенія въ томъ, что своими показаніями отягчилъ его участь.

Такъ какъ Бестужевъ былъ сторонникомъ Бирона, противъ котораго Елизавета не имѣла ничего, и явился какъ бы страдалцемъ при правительницѣ, противъ которой дѣйствовала цесаревна, то невзгода, постигшая Алексѣя Петровича, обратилась, — какъ это часто бываетъ въ жизни человека, — въ его пользу. Императрица смотрѣла на него, какъ на недруга власти Брауншвейгской фамиліи, а Лестоковъ, съ своей стороны, счелъ нелишнимъ оказать свое покровительство Бестужеву, какъ очень умному и способному, а, слѣдовательно, и пригодному человеку. Стеченіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ выдвинуло тотчасъ же, по вступленіи на престолъ Елизаветы, Бестужева на видное мѣсто, и впоследствии онъ сталъ распоряжаться всѣми дѣлами.

Какъ человекъ тонкій, Алексѣй Петровичъ отложилъ въ сторону всякія личныя раздраженія по вопросу о Грофтѣ, какъ представителю партіи Миниха, и рѣшилъ поступить съ пасторомъ великодушно.

Въ сильномъ смущеніи предсталъ Грофтъ передъ министромъ, который принялъ его съ холодною вѣжливостію.

— Мнѣ пришлось,—сказалъ ему по-нѣмецки Бестужевъ,— пригласить васъ къ себѣ по дѣлу, очень неприятному какъ для васъ, такъ равно и для меня, такъ какъ я долженъ вамъ, несмотря на ваше почтенное званіе, сдѣлать строгое замѣчаніе, а вы—выслушать его и принять его къ руководству...

— Ваше сіятельство...—поторопился замѣтить Графъ.

— Потрудитесь прежде выслушать меня, а потомъ я выслушаю и васъ. Есть у васъ «концептъ» той проповѣди, которую вы произнесли въ прошлое воскресенье? Если вы мнѣ можете доставить его сейчасъ же, то онъ послужитъ самымъ лучшимъ средствомъ для вашего оправданія.

— Къ сожалѣнію, господинъ графъ, я не могу этого сдѣлать, такъ какъ я всегда говорю мои проповѣди устно, а не по тетради.

— Этотъ способъ проповѣдничества указываетъ на ваше ораторское дарованіе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, служить причиною вашихъ увлеченій. Вы позволили себѣ отзываться съ неумѣстнымъ сочувствіемъ къ бывшему фельдмаршалу Миниху, зная очень хорошо, что онъ объявленъ государственнымъ преступникомъ и что имя его должно быть въ полномъ забвеніи.

— Но я говорилъ о графѣ Минихѣ, не упоминая даже его имени, только какъ о бывшемъ нашемъ первенствовавшемъ прихожанинѣ.

— Положимъ, что и такъ, но все же очень жаль, что у такого почтеннаго человѣка не достало на этотъ разъ необходимою въ подобныхъ случаяхъ сообразительности, и что вы вашей неосмотрительностью дали поводъ къ толкамъ, которые могутъ сильно повредить вамъ и вашей паствѣ.

— Мы, ваше сіятельство, и такъ оставлены теперь въ крайне опасное положеніе. Городскіе слухи настойчиво утверждаютъ, что храмъ нашъ хотятъ упразднить и вообще стѣснить предоставленную намъ въ Россіи свободу вѣроисповѣданія.

— Это возможно,—сурово и твердо началъ министръ,—если ваши проповѣдники и ваши прихожане станутъ выѣшиваться въ политическія дѣла. Россія должна быть Россіею, а не мѣстомъ сборища иностранныхъ политическихъ партій, которыми обыкновенно крайне ошибочно смотрятъ и на нашу государственность, и на нашъ народъ. Впрочемъ, я долженъ сообщить вамъ, что въ настоящее время ея императорское величество не думаетъ прибѣгать ни къ какимъ угнетательнымъ мѣрамъ, и насчетъ

этого я вполне уполномочиваю васъ успокоить вашу паству, разумѣется, только не съ проповѣднической кафедрѣ, а въ частныхъ разговорахъ. И затѣмъ можете считать дѣло ваше конченнымъ, такъ какъ я вполне увѣренъ, что въ будущемъ мнѣ не придется имѣть съ вами такого неприятнаго свиданія, каковымъ было настоящее. А затѣмъ Бестужевъ поклонился пастору, показавъ тѣмъ, что аудіенція кончена.

Не получая никакого не только приглашенія, но даже и отвѣта на свой доносъ и узнавъ объ исчезновеніи Варсонофія, Бергеръ убѣдился, что онъ по-пусту возился съ пройдохой, что дѣло его не выгорѣло и что пасторъ Грофтъ былъ не такой личностью, чтобы доносъ на него могъ, несмотря на всю обстановку доноса, выдвинуть донощика впередъ. Сообразивъ все это, Бергеръ сталъ измышлять новыя средства для своего возвышенія, утѣшая себя мыслию, что если гдѣ-нибудь встрѣтитъ Варсонофія, то вздуетъ его палашомъ безъ всякаго милосердія.

«Правду говорилъ мнѣ Лопухинъ, — думалъ Бергеръ, — что если ужъ ловить птицу, такъ ловить важную, и если ужъ падать, такъ падать съ хорошаго коня. Нужно будетъ послѣдовать его, въ этомъ случаѣ, разумному совѣту».

XIV.

Въ числѣ фамилій, выдвинувшихся впередъ въ области государственной дѣятельности послѣ Петра Великаго, была фамилія Бестужевыхъ. Людью «новыми» въ полномъ значеніи этого слова ихъ нельзя было назвать, такъ какъ родословіе ихъ восходило до начала XV вѣка, когда нѣкій англичанинъ Бестиоръ выѣхалъ изъ Англіи въ Москву, а передѣланное на русскій ладъ его родовое прозвище обратилось въ Бестужева. Бестужевы не только не были въ числѣ людей, ознаменовавшихъ себя какими-либо доблестями или подвигами, но даже не достигали значительныхъ служебныхъ степеней. Изъ нихъ не было ни бояръ, ни окольничихъ, ни даже стольниковъ. Они служили въ войскахъ, занимая скромныя должности, порой ихъ отправляли гонцами къ султану или къ хану крымскому—и только, и за эти не слишкомъ видныя службы жаловали ихъ соответствующими помѣстьями. Одному изъ Бестужевыхъ, Петру Михайловичу, и его ближайшимъ сродникамъ, въ отличіе отъ прочихъ ихъ единокорядцевъ, Петръ I дозволилъ личное прозваніе одного изъ ихъ

ближайшихъ предковъ «Рюма» обратитьъ въ фамильное имя, и такимъ образомъ явились Бестужевы-Рюмины.

Первый изъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Петръ Михайловичъ, человѣкъ довольно способный и преимущественно хитрый, былъ извѣстенъ Петру, и когда тотъ выдалъ племянницу свою Анну Ивановну за Вильгельма, герцога Курляндскаго, то для наблюденія въ Курляндіи интересовъ Россіи послалъ въ Митаву Петра Бестужева, въ качествѣ русскаго резидента. Бестужевъ оправдалъ ожиданія государя, такъ какъ онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что тамъ происходило, держалъ себя передъ тамошнимъ дворянствомъ съ достоинствомъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, сталъ пользоваться среди его и личнымъ вліяніемъ. Сверхъ того, онъ приобрѣлъ еще и дружественное расположеніе герцогини, съ которой, однако, ему было не мало хлопотъ, такъ какъ она постоянно билась изъ-за денегъ, ибо доходы, получаемые ею со вдовыхъ имѣній, находившихся въ Курляндіи, поступали очень туго, а доходы съ ея вотчинъ въ Россіи взымались неисправно и съ большими задержками. Разумѣется, что такое печальное состояніе финансовъ герцогини отзывалось весьма прискорбно и на карманѣ ея гофмаршала, такъ какъ герцогиня не только не была въ состояніи оказывать ему свои щедроты, но ему постоянно приходилось ждать уплаты даже слѣдовавшаго ему жалованья. Еще тяжелѣе было для него списываться съ Петербургомъ насчетъ полученія денегъ, объясняя при этомъ тѣ стѣснительныя обстоятельства по денежной части, въ которыхъ находилась его августѣйшая повелительница, такъ что онъ въ Петербургѣ оказывался не блестящимъ царедворцемъ, а какимъ-то надоѣдливымъ попрошайкою у всѣхъ, кто, такъ или иначе, могъ помочь герцогинѣ въ полученіи ея рублевиковъ, талеровъ и ефимковъ.

У Петра Михайловича было два сына: Михайло и Алексѣй. Изъ нихъ Алексѣй Петровичъ извѣстенъ въ исторіи, какъ знаменитый государственный человѣкъ. Что же касается старшаго его брата, Михаила, то онъ въ юности былъ «вояжоромъ», т. е. разъѣзжалъ по всѣмъ городамъ Европы, осматривая древности, замѣчательныя зданія, коллекціи разныхъ достопримѣчательностей, живописные виды, картинныя галлерей и посѣщая разные зрѣлища и увеселенія. Потомъ онъ попалъ въ число дворянъ русскаго посольства, снаряженнаго въ Данію, которая тогда имѣла для насъ весьма важное политическое значеніе. Былъ онъ послѣ того дворяниномъ русскаго посольства въ Константинополѣ при Ша-

Фировъ и пріѣхалъ отъ него съ депешами на Прутъ въ ту роковую пору, когда царь на берегахъ этой рѣки былъ окруженъ татарами и турками. Вскорѣ послѣ того былъ опредѣленъ «въ Бурляндію при родителяхъ для вспомошествованія ему въ нѣмецкомъ языкѣ». Такъ какъ, вѣроятно, самъ родитель подучился достаточно этому языку, то вспомошествовавшее ему чадо было назначено камеръ-юнкеромъ при кронпринцессѣ — такъ называли тогда на нѣмецкій ладъ супругу царевича Алексѣя Петровича. Онъ оставался при кронпринцессѣ въ этомъ самомъ званіи до ея кончины и съ извѣстіемъ объ этомъ событіи былъ отправленъ въ Вѣну, а оттуда попалъ на свадьбу въ Данцигъ, гдѣ Петръ обвѣнчалъ свою племянницу Екатерину Ивановну съ герцогомъ Мекленбургскимъ. Изъ Данцига Бестужевъ былъ отправленъ резидентомъ въ Англію, а оттуда Петръ перевелъ его въ Швецію «министромъ безъ характера», т.-е. приказалъ отправлять обязанности министра при иностранномъ дворѣ, а министерскаго званія официально ему не предоставилъ. Далъ ему Петръ хорошій, по тогдашнему времени, «трактаментъ» или жалованье, а именно три тысячи «рублевъ», но такъ какъ Петръ попусту денегъ тратитъ не любилъ, то за значительный трактаментъ взвалилъ на Бестужева не легкую работу. Онъ поручилъ ему стараться: во-первыхъ, о признаніи за русскими государями новаго императорскаго титула, а, во-вторыхъ, о признаніи за покровительствуемымъ со стороны Петра герцогомъ Гольштинскимъ титула королевскаго высочества, и, наконецъ, — что было особенно важно, — о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза между Россією и Швеціей, которыя еще такъ недавно вели между собою долгодѣтную и ожесточенную войну. Бестужеву удалось исполнить все это, и тогда императоръ далъ ему «характеръ» посланника, сдѣлавъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и камергеромъ. Не оставилъ онъ его и денежною дачею, такъ какъ, вмѣсто прежнихъ трехъ тысячъ трактамента, ему стали отпускать по пяти. Екатерина I отправила его своимъ посломъ въ Варшаву, а Анна Ивановна — въ Берлинъ, потомъ въ Швецію, гдѣ онъ осилилъ французскую партію, враждебную Россіи, за что получилъ чинъ тайнаго совѣтника и повышение трактамента до десяти тысячъ рублей. Вскорѣ къ этому ему прибавили еще четыре тысячи, сдѣлали дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, возложили на него александровскую ленту и отправили сперва въ Гамбургъ, а потомъ въ Англію, откуда

и вызвала его императрица Елизавета, назначивъ его оберъ-гофмаршаломъ своего двора, и, разумѣется, человекъ этотъ при-смотрѣвшійся при разныхъ европейскихъ дворахъ къ всевозможнымъ придворнымъ церемоніальнымъ и торжественнымъ порядкамъ и обрядностямъ, былъ, какъ нельзя болѣе, на своемъ мѣстѣ.

Такъ какъ Михайло Бестужевъ былъ пятью годами старше своего брата и выдвигался гораздо замѣтнѣе, чѣмъ Алексѣй, засидѣвшійся въ Копенгагенѣ на мѣстѣ резидента, то и полагали, что старшій руководить младшимъ. Но это мнѣніе было ошибочно. Алексѣй самъ по себѣ былъ не только не промахъ, но во многихъ случаяхъ гораздо даже хитрѣе, проворнѣе и изворотливѣе своего старшаго брата. Вся семья Бестужевыхъ-Рюминыхъ, получившая въ 1742 году отъ Елизаветы графское достоинство, старалась господствовать при дворѣ, и въ этомъ случаѣ не отставала отъ братьевъ и сестра ихъ Аграфена Петровна, бывшая замужемъ за княземъ Никитою Ѳеодоровичемъ Волконскимъ. Она при Екатеринѣ I неутомимо вела интриги, направленные противъ князя Меншикова, и добивалась должности гофмейстерины при великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, рассчитывая черезъ эту умную дѣвушку властвовать надъ братомъ Натальи, императоромъ Петромъ II, но надежды ея не сбылись.

Въ свою очередь, братья ея были готовы на все, чтобы выйти впередъ. Хотя Бестужевы были люди европейски-просвѣщенные, но изъ честолюбивыхъ цѣлей они применили къ партіи царевича Алексѣя, надѣясь, что онъ рано или поздно будетъ царствовать и что тогда не забудетъ ихъ своими милостями. Они заискивали и расположенія вѣнскаго двора, понимая, что близкая родственная связь римско-нѣмецкаго императора по женѣ его съ женою царевича Алексѣя, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и матерью Петра II можетъ въ свое время очень пригодиться. Алексѣй же Бестужевъ для удовлетворенія томившаго его честолюбія передался на сторону Бирона.

При Елизаветѣ онъ былъ въ большой силѣ, но попережь его дороги стоялъ Лестоукъ, который первоначально содѣйствовалъ возвышенію Бестужева, но потомъ, къ крайнему своему раздраженію, увидѣлъ, что Бестужевъ не только не уступаетъ ему, Лестоку, но даже, напротивъ, желаетъ отгѣснить его вовсе отъ государыни, чтобы исключительно только самому ему сдѣлаться довѣреннымъ ея лицомъ. Разумѣется, Лестоукъ не захотѣлъ уступить Бестужеву своего значенія безъ отчаяннаго боя, и между

соперниками завязалась упорная борьба. Бестужевъ, при помощи с.-петербургскаго почтъ-директора барона Аша, перехватывалъ пересылаемые по почтѣ депеши иностранныхъ пословъ въ Петербургъ и съ академикомъ Таубертъ разбиралъ шифръ этихъ депешъ, изъ которыхъ хитрымъ миниметръ извлекалъ все то, что могло служить ему въ пользу и быть обращено во вредъ его противнику, Лестоку.

— Наимудрѣйшій монархъ въ мірѣ, король прусскій Фридрихъ II, — оправдывалъ себя Бестужевъ, сознавая всю неприглядность такихъ поступковъ, — перехватываетъ чужія письма и перечитываетъ ихъ. Отчего же мнѣ не дѣлать этого, если «перлюстрація» дипломатическихъ депешъ можетъ служить на пользу моего отечества, а самого меня ограждать отъ тѣхъ возней и происковъ, которые ведетъ противъ меня мой противникъ тоже нечестнымъ образомъ.

Не мало уже накопилось у Бестужева собранныхъ такимъ способомъ свѣдѣній, которыя онъ, въ видѣ своихъ соображеній и догадокъ, ловко передавалъ императрицѣ, задѣвая, сколько возможно, Лестока. Бестужевъ теперь въ глазахъ Елизаветы сталъ оказываться какимъ-то вѣщимъ мудрецомъ. Ему по дѣламъ вѣдшей политики было заранѣе извѣстно, на какую сторону будетъ Лестокъ склонять императрицу, и, разумеется, предсказывая тавія попытки бывшаго лейбъ-медика, онъ объявлялъ ихъ его корыстными расчетами и сокрушался, что государыня такъ легко можетъ быть введена въ заблужденіе людьми, недостойными ея высочайшаго довѣрія и не желающими истиннаго блага отечеству.

Съ своей стороны, и Лестокъ, пользуясь своею чрезвычайною близостию къ императрицѣ, — какъ ея врачъ, какъ старый другъ и, наконецъ, какъ едва ли не самый главный дѣятель при переворотѣ въ ея пользу, — ежедневно имѣлъ случай оговорить Бестужева и никогда не упустилъ благоприятной минуты, чтобы воспользоваться такимъ случаемъ.

Бестужеву приходилось порою очель туго отъ злобныхъ наветовъ Лестока, такъ какъ онъ не могъ не замѣтить, что оказываемое ему императрицей довѣріе начинало вдругъ слабѣть и колебаться.

— Принужденъ я, — говорилъ въ такихъ случаяхъ Бестужевъ государынѣ, — терпѣть по злобѣ или по ненависти мерзкія нареканія и разныя Богу противныя оклеветанія; то я закупленъ

отъ Австріи, то отъ Англіи, а иногда и отъ датчанъ, но враги мои должны признаться, что досель ни въ европейскихъ, ни въ азіатскихъ дѣлахъ ничего не упущено. Приплетають меня и въ богомерзкую конспирацію, но беру я дерзновеніе просить, чтобъ это изслѣдовано было. Приводимъ я въ робость превеликую: неужели всѣ труды отъ моего чистаго сердца и усердія отринуты и ни во что превращены будутъ?

Такія жалобныя рѣчи министра трогали сердце Елизаветы. Она переиѣняла свое то равнодушное, то немилостивое даже обращеніе свое съ Алексѣемъ Петровичемъ въ благосклонное. Онъ ободрялся и уходилъ отъ нея обладаженный въ расположеніи къ себѣ государыни. Черезъ нѣсколько дней повторялось, однако, то же самое, и мнительный Бестужевъ никогда не былъ увѣренъ въ прочности своего положенія.

— Сегодня милость, а завтра, быть можетъ, гнѣвъ ожидаетъ меня. Разумѣется, что я никогда не могу быть спокоенъ. Быть можетъ, завтра же государыня изъяснитъ мнѣ свое не только неудовольствіе, но и опалу. Необходимо, прежде всего, сжить со свѣта Лестока. Спасибо еще, что Воронцовъ и Шуваловъ поддерживаютъ меня, а то меня сейчасъ бы поглотилъ лейбъ-медикъ, какъ глотаетъ государыня прописываемыя имъ ей пилюли.

Кромѣ соперничества о личномъ вліяніи на государыню, между Бестужевымъ и Лестокомъ была и политическая вражда. Лестокъ, какъ французъ, хотя и родившійся въ Ганноверѣ, и другъ маркиза де-Шетарди, поддерживалъ въ Россіи интересы версальскаго кабинета, который въ благодарность за это назначилъ ему ежегодную пенсію въ пятнадцать тысячъ рублей. Съ своей стороны, Бестужевъ, и по семейному расположенію, и по личнымъ своимъ чувствамъ, былъ приверженцемъ Австріи, соперничавшей въ это время съ Франціею. Шетарди пытался было подкупить Бестужева въ пользу Франціи, но онъ пребывалъ вѣренъ Австріи, которая, съ своей стороны, не оставляла благосклоннаго къ ней министра щедрыми благостынями.

— Уступка земель Швеціи государынею,—говорилъ Бестужевъ маркизу Шетарди,—была бы противна славѣ ея отца, и Франція напрасно старается склонить къ этому Россію. Начать переговоры съ Швеціею можетъ Россія только на основаніяхъ Ништадскаго мира, и мнѣ стоило бы отрубить голову, если бы я посовѣтовалъ ея величеству уступить Швеціи хоть одну пядь земли. Если нужно воевать съ Швеціею, то мы будемъ воевать

съ нею въ добрый часъ, но я думаю, что и не прибѣгая къ этой крайности, мы можемъ быть полезными Швеціи. Развѣ у нея нѣтъ другихъ потерь, которыя ей гораздо выгоднѣе возвратить?

— Ужь не говорите ли вы о Бременѣ и Верденѣ?—со смѣхомъ спросилъ маркизъ.—Ужь не думаете ли вы помочь ей въ этомъ дѣлѣ?

— Соглашеніе между нами и Швеціею всегда возможно,—какъ-то таинственно отозвался Бестужевъ.—Мы искренно желаемъ добра Швеціи; пусть его величество король французскій установитъ миръ на сѣверѣ, заключить союзъ съ Россіею и Швеціей и... и...—замысливъ, добавилъ Бестужевъ,—довершитъ дѣло бракомъ. Располагая Россіею и Швеціею, его намхристианнѣйшее величество можетъ дать такое направленіе политикѣ, какое онъ самъ пожелаетъ.

При упоминаніи о бракѣ, Шетарди насмѣшливо улынулся, понимая всю невозможность такого дипломатическаго сближенія между Россіею и Франціей въ настоящее время. Понималъ это, конечно, и Бестужевъ, но упоминаніе о бракѣ императрицы Елизаветы съ однимъ изъ членовъ Бурбонскаго дома было тогда однимъ изъ обыкновенныхъ припѣвовъ при дипломатическихъ переговорахъ между Россіею и Франціею.

Еще Петръ Великій, въ бытность свою во Франціи, держа на рукахъ въ Версали короля-ребенка Людовика XV, подумывалъ о бракѣ его съ Елизаветою. Придворные льстецы изъ французовъ говорили, что Елизавета рождена быть украшеніемъ версальскаго двора, и, по тогдашнимъ понятіямъ, нельзя было сдѣлать бѣльшей похвалы ни одной изъ принцессъ. Предположеніе о свадьбѣ Людовика XV съ испанскою инфантою сдѣлало замыслимый Петромъ бракъ невозможнымъ, но и послѣ того въ Петербургѣ намѣчали въ женихи Елизаветѣ то одного, то другаго изъ французскихъ принцевъ. Сама Елизавета, страстно любившая Францію,—вѣроятно, подъ вліяніемъ тѣхъ разсказовъ, которые она слышала отъ своихъ воспитательницъ, французенокъ де-Люне и Каро,—мечтала о такомъ бракѣ.

Въ свою очередь, и Лестокъ, не говоря уже о Шетарди, старался поддержать въ императрицѣ расположеніе къ прекрасной Франціи. Король Людовикъ XV былъ его идеаломъ.

— Какъ вы смѣшно сегодня одѣты, точно русская царица,—сказалъ однажды бывший не въ духѣ Людовикъ XV своей подругѣ герцогинѣ Мальи, замѣтивъ ея безвкусный нарядъ.

Это замѣчаніе изящнаго короля, знавшаго толкъ въ дамскихъ нарядахъ, не меньше первостепенной французской модистки, подхватили версальскіе придворные, какъ одну изъ мѣткихъ остроумствъ своего владыки, и оно быстро распространилось по Парижу, а противники перевѣса Франціи надъ Россіею не замедлили перенести королевскую остроуму и въ Россію.

Насмѣшкой короля было нанесено глубокое оскорбленіе Елизаветѣ, считавшей себя первой щеголихой въ мірѣ, имѣвшей въ своемъ гардеробѣ четыре тысячи великолѣпныхъ платьевъ.

Охлажденіе къ Франціи со стороны Елизаветы должно было невыгодно отозваться на положеніи Лестока и, въ то же время, облегчить для Бестужева борьбу съ нимъ, но, прежде чѣмъ произошло это, Алексѣю Петровичу пришлось извѣдать не мало неприятностей.

ХУ.

Прошло болѣе четырехъ лѣтъ со смерти Ягужинскаго, когда воцарилась императрица Елизавета Петровна. Противъ семейства Ягужинскаго она не имѣла ничего на сердцѣ, но не то слѣдуетъ сказать объ отношеніи ея къ семейству Головкиныхъ, изъ которыхъ самый видный представитель очутился сперва возлѣ плахи, а потомъ, хотя и помилованный, но опозоренный, томился вмѣстѣ со своею женой въ Собачьемъ Острогѣ, въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Сибири, около мало кому вѣдомаго Ягутска.

Ягужинская не могла переносить страданій своего любимаго брата и изыскивала всѣ способы, чтобы возвратить его изъ ужаснаго изгнанія, или, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько облегчить его участь. Сдѣлать что-нибудь такое могло только лицо, пользовавшееся особымъ довѣріемъ и чрезвычайнымъ расположеніемъ государыни. Графиня Анна Гавриловна пыталась достигнуть этого черезъ Воронцовыхъ, Шуваловыхъ и Разумовскаго, но легко поняла, что участники переворота 24 ноября 1741 года не могли заговорить о помилованіи графа Михаила Гавриловича, или о какомъ-нибудь къ нему снисхожденіи.

«Если замолвить о Головкинѣ доброе слово,—думали они,—то въ сущности это будетъ значить, что мы умалюемъ свои личныя заслуги. Не отъ слишкомъ важныхъ враговъ освободили мы цесаревну, если теперь сами начинаемъ просить за такого главнаго злодѣя, какимъ былъ Головкинъ. Не велика, значить, была его вина, если онъ вызываетъ теперь къ себѣ состраданіе въ

тѣхъ, которые обрекли его не на ссылку только, но и на жестокую смертную казнь. Довольно и того, что кроткая царица оказала ему свое неизреченное милосердіе. Кто можетъ также поручиться, что, получивъ свободу, онъ не начнетъ прискивать средствъ, чтобы сломить своихъ враговъ и при случаѣ отмстить имъ?»

По этимъ весьма основательнымъ и вполне послѣдовательнымъ соображеніямъ, ни Шуваловы, ни Воронцовы, ни Разумовскій не могли быть ходатаями за Головкина. Еще менѣе могъ явиться въ такомъ качествѣ Лестоковъ. При своей подозрительности, опасаясь какихъ-либо предпріятій со стороны бывшихъ «адгерентовъ» правительницы, онъ не только не думалъ о пощадѣ ихъ, но и хотѣлъ погрузить ихъ такъ, чтобы они не выплыли». Мало того, на возбуждаемыхъ упомянутыми «адгерентами» опасеніяхъ онъ думалъ вѣрнѣе упрочить свое положеніе при императрицѣ, начавшееся казаться ему шаткимъ. Духовникъ государыни былъ не такимъ человѣкомъ, который, молясь въ храмѣ Божиемъ «о страждущихъ», былъ бы на дѣлѣ готовъ помочь имъ своимъ предстательствомъ у земной царицы.

— Извини, братъ Михайло, — говорилъ однажды въ сильномъ раздраженіи Алексѣй Петровичъ, — хотя я и младшій тебѣ братъ, но въ настоящемъ случаѣ не могу удержаться, чтобы не дать тебѣ добраго совѣта. Дожилъ ты почти до пятидесяти лѣтъ холостякомъ, а теперь вдругъ вздумалъ жениться. Уже это одно, по моему мнѣнію, составляетъ большую ошибку. Повѣрь мнѣ, что не по тебѣ будетъ сумрачная жизнь, къ ней нужно привыкнуть съ молодости, и въ этомъ отношеніи я, какъ человѣкъ женатый, болѣе свѣдущъ, нежели ты.

Казалось, Михайло Петровичъ на внушенія своего брата не обращалъ никакого вниманія. Онъ, задумавшись и заложивъ за спину руки, ходилъ по комнатамъ мѣрными шагами, не отвѣчая ничего на замѣчанія, дѣлаемыя ему Алексѣемъ Петровичемъ.

— Неблагодаруміе съ твоей стороны заключается, впрочемъ, не въ одномъ только этомъ. Ты занимаешь при дворѣ такую важную должность, пользуешься особымъ расположеніемъ государыни и вдругъ берешь жену изъ опальнаго семейства. Если, положимъ, намъ и не нужно искать поддержки въ родственныхъ связяхъ, потому что мы сами за себя постоять сумѣемъ, то все же не кстати родниться намъ и съ такими фамиліями, которыя навлекли на себя немилость.

— Боишься ты, значить, Алексѣй Петровичъ, что бракъ мой можетъ отозваться и на тебѣ,—усмѣхнулся гофмаршалъ.

— Да что-жь ты думаешь: развѣ это невозможно? Развѣ не могутъ наши недоброжелатели припутать насъ къ разнымъ факціямъ и конспираціямъ, ссылаясь на твое родство съ Головкиными?

— Если это и такъ, то теперь уже поздно отсовѣтывать мнѣ жениться на Аннѣ Гавриловнѣ, да и я слишкомъ ее полюбилъ, чтобы могъ отказаться отъ ея руки.

Министръ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами.

— Дѣлай, какъ хочешь, но знай напередъ, что я на твоей свадьбѣ не буду; я не хочу наживать себѣ неприятностей изъ-за твоей запоздалой любви.

— Твоя воля,—отозвался равнодушно графъ Михайло.—Прощай, я ухожу.

— Будь счастливъ, боюсь только, чтобы не пришлось тебѣ вскорѣ раскаяться въ своемъ неосмотрительномъ союзѣ.

Братья разстались между собою болѣе, чѣмъ холодно, такъ какъ каждый изъ нихъ положилъ мысленно не имѣть другъ съ другомъ никакихъ сношеній.

Въ словахъ оберъ-гофмаршала своему мнительному брату о своей сильной страсти къ вдовѣ графа Ягужинскаго не было ничего напускнаго. Онъ полюбилъ Анну Гавриловну съ тѣмъ пыломъ, который казался уже несвойственнымъ его годамъ, когда порывы и увлеченія уступаютъ мѣсто старческой холодности и себялюбивымъ расчетамъ. Ягужинская могла, впрочемъ, понравиться ему. Она была теперь въ полномъ разцвѣтѣ своей если не блистательной, то обольстительной красоты. Въ петербургскомъ обществѣ она считалась самою скромной и вполне безупречной женщиной и составляла по своему поведенію совершенную противоположность младшей сестры своей Анастасіи, бывшей замужемъ за княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, за котораго пошла она, не чувствуя къ нему никакого расположенія. Въ это время молодой вѣтрянницы уже не было на свѣтѣ. Трубецкой похоронилъ ее въ 1735 году, но хорошо ее помнилъ. Помнилъ ее и историкъ князь Щербатовъ, который писалъ о ней слѣдующее: «Слюбился князь Иванъ Алексѣевичъ Долгорукой съ Трубецкою, рожденною Головкиною, жилъ съ нею и пилъ съ ея мужемъ, бивалъ и ругивалъ его, бывшаго генералъ-майоромъ кавалергардскаго полка». Подпившій крѣпко на какой-

то пирушкѣ Иванъ Долгорукой схватился съ Трубецкимъ и принялся колотить его и, наконецъ, въ ярости своей дошелъ до того, что призвалъ прислугу и приказалъ ей вышвырнуть рогоноснаго кавалергарда за окно, и только заступничество Степана Васильевича Лопухина спасло его отъ предстоявшаго ему помета.

Влюбившись по уши въ молодую вдовушку, гофмаршалъ завелъ съ нею почтительно-любовную переписку. «Каково вы, мой другъ Аннушка, сію ночь почивали, — писалъ ей Михайло Бестужевъ, — я худо спалъ для того, что болѣзнь моя вчера ввечеру немного прибавилась, нежели днемъ была, а теперь о нихъ ничего не слышу, и никакого знака на ногѣ нѣтъ; я (бы очень желалъ завтра ко двору выѣхать — должность мою исправить.

«Понезе сего дня куртаку (куртага) не будетъ, пожалуй, прїѣдь ко мнѣ, другъ мой; пробавимъ вечеръ виѣсть; мнѣ грустно, когда васъ не вижу, хотя вамъ и не такъ, то для меня учините».

Женихъ, начинавшій уже чувствовать приступы подагры, старался нравиться Ягужинской и другими способами, безъ которыхъ можетъ обойтись молодой человѣкъ въ отношеніи любимой имъ женщины. Онъ хлопоталъ по разнымъ дѣламъ вдовой графини и, увѣдомляя ее о результатахъ своихъ хлопотъ, писалъ ей слѣдующія нѣжныя строки: «А что до меня касается, то я не премину, гдѣ надлежитъ и гдѣ полезность увижу, крайнее стараніе и попеченіе о томъ имѣть, ибо вамъ уже видно и примѣтно о моей истинной вамъ преданности и особливой венераціи, и ничего такъ на свѣтѣ не желаю, яко и съ вашей стороны такихъ же сентиментовъ къ вашему вѣрному слугѣ, въ какихъ я къ вашей дражайшей и любезнѣйшей персонѣ нахожусь; сіи слова не суть комплименты, но отъ истиннаго сердца происходятъ».

«Третьяго дни, — продолжалъ влюбленный оберъ-гофмаршалъ, — будучи у господина Лестока, вы изволили мнѣ позволить къ себѣ писать; я въ той надеждѣ къ вамъ и пишу, не сумнѣваясь, что вы удостоите меня своимъ благосклоннымъ и прїятнымъ извѣтомъ, еже много поспѣшитъ моему облегченію; весьма мнѣ прискорбно, что я не сподоблюся на куртагѣ васъ видѣть; когда вы туда мимо моего двора поѣдете, хоть ужъ тогда спамятуйте обо мнѣ, вашемъ вѣрномъ слугѣ, который отъ сердца любить и почитаетъ и дражайшія ваши ручки цѣлуеть».

Императрица, узнавъ о предстоявшей женитьбѣ своего оберъ-гофмаршала на графинѣ Ягужинской, не только не выразила своего неудовольствія противъ этого брачнаго союза, но, поздравивъ стараго холостика со вступленіемъ въ супружество, пожелала лично обвинять ихъ кольца при обрядѣ обрученія. Провѣдавъ объ этомъ, Алексѣй Бестужевъ пожалѣлъ, что онъ петеропился своимъ отказомъ прѣхать на свадьбу брата изъ пустаго опасенія, что своимъ тамъ присутствіемъ не угодитъ императрицѣ. Теперь же онъ самъ поѣхалъ къ брату заявить, что онъ съ большимъ удовольствіемъ явится какъ на его обрученіе, такъ и на его вѣнчаніе. Разумѣется, что при такихъ условіяхъ отказа въ приглашеніи быть не могло. Но мнительный министръ впалъ, однако, въ новое сомнѣніе: онъ зналъ перемѣнчивость въ благосклонности императрицы, и полагалъ, что ею оказано было вниманіе брачующейся четѣ только потому, что не хотѣлось назваться мстительной, хотя въ душѣ она и не была расположена къ Ягужинской, какъ къ сестрѣ человѣка, котораго считала своимъ злѣйшимъ врагомъ, и, кромѣ того, ей было хорошо извѣстно какъ о тѣсной дружбѣ сестры къ брату, такъ и о томъ, что Ягужинская постоянно оплакивала злополучную долю, постигшую бывшаго вице-канцлера. Не забывала также Елизавета, что сама Ягужинская была другомъ правительницы Анны.

Стоя подъ вѣнцомъ съ оберъ-гофмаршаломъ, Анна поздно уже стала обдумывать, что она поступила опрометчиво, сдѣлавъ такой рѣшительный шагъ. Бестужевъ, плывавшій къ ней такою пламенною страстью, вовсе не нравился ей, а тутъ еще, какъ на бѣду, приходило ей на мысль сравненіе перваго ея мужа, статнаго и красиваго молодца, съ своимъ дряхлѣющимъ новымъ супругомъ. Супругъ же, который, вдобавокъ къ своему почтенному возрасту, а также несмотря на то, что самая должность его требовала представительности, былъ съ виду очень невзраченъ, и его неуклюжая походка и нѣкоторыя тѣлодвиженія просто-на-просто возбуждали смѣхъ, котораго не могли предотвратить ни изящество, ни утонченность его свѣтскаго обращенія.

Графиня Анна мысленно укоряла себя въ томъ, что связывала себя брачными узами съ человѣкомъ, котораго она не только не любила, но который ей даже вовсе не нравился. Согласіе ея отдать свою руку и свое сердце такому человѣку не примирялось съ ея прямодушіемъ, и она оправдывала себя только тѣмъ, что пожертвовала собою для облегченія тяжелой участи такъ го-

рячо любимого ею брата. Ягужинская рассчитывала, что Алексѣй Бестужевъ, все сильнѣе и сильнѣе становившійся при императорѣ, вскорѣ, по всей вѣроятности, приобрететъ надъ нею непреодолимое вліяніе, и что тогда онъ, въ качествѣ родственника графа Михаила Гавриловича Головкина, явится усерднымъ за него ходатаемъ. Она ничего не знала о происшедшей между братьями размолвкѣ по поводу брака и упускала изъ виду, что Алексѣй Бестужевъ былъ настолько остороженъ и себялюбивъ, что ни за что не сталъ бы хлопотать не только о совершенномъ помилованіи, но даже хотъ о нѣкоторомъ снисхожденіи къ чловѣку, имя котораго государыня не могла слышать равнодушно. Для Елизаветы, кипѣвшей жизнью, не представлялось ничего ужаснѣе, какъ, вмѣсто пышныхъ и разноцвѣтныхъ нарядовъ, надѣть на себя черную рясу и клобукъ съ такимъ же покрываломъ, и изъ обширныхъ золоченныхъ залъ дворца перебраться въ тѣсную простую келью. Между тѣмъ, Головкинъ, стараясь сдѣлать Анну Леопольдовну императрицею, готовилъ цесаревичу Елизаветѣ такой неприглядный нарядъ и такое неудобное и томительное помѣщеніе, и, разумеется, что ей не легко было забыть такую «конспирацію» вице-канцлера.

Послѣдствія неохотнаго и плохо рассчитаннаго брака Ягужинской съ Бестужевымъ не замедлили обнаружиться. Она съ первыхъ же дней послѣ свадьбы стала тяготиться ласками своего пожилого супруга, который и съ своей стороны, проведя всю свою жизнь на свободѣ, какъ холостякъ, началъ тяготиться своимъ положеніемъ и обязанностями мужа. Между молодыми возникли размолвки, которыя, можетъ быть, и окончились бы со временемъ благополучно, если бы Анна Гавриловна не убѣдилась, что всѣ ея расчеты на спасеніе брата черезъ Бестужевыхъ были напрасны.

При первомъ заявленіи Анны Гавриловны насчетъ этого, она выслушала отъ своего супруга рѣзкій отказъ. Онъ объявилъ, что изъ-за свадьбы съ нею онъ разошелся съ своимъ братомъ; «впрочемъ,—добавилъ супругъ,—и помимо этого братъ мой никогда не согласился бы своею просьбою за такого тяжкаго преступника навлечь на себя неудовольствіе государыни или, — что для него было бы еще хуже, — подозрѣніе въ сочувствіи къ образу дѣйствій бывшаго вице-канцлера, которому уже и такъ ея величество явила знакъ своего милосердія, даровавъ ему жизнь, тогда какъ столь презрѣнный злодѣй, — замѣтилъ Бе-

стужевъ, — не заслуживалъ бы такого милосердія за совершенныя имъ факціи».

Такимъ образомъ, прежняя графиня Ягужинская, а нынѣ графиня Бестужева-Рюмина, вмѣсто участія и утѣшенія, встрѣтила не только полную холодность, но и рѣзкое порицаніе любимаго ею брата. Одного уже этого было вполне достаточно, чтобы охладить любовь ея къ мужу, если даже она чувствовала прежде къ нему расположеніе. Вскорѣ начавшіяся между супругами размолвки перешли во взаимную вражду, съ той и съ другой стороны начали слышаться укоры и упреки; но мужъ и жена, боясь сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ со стороны общества, таили происходившія между ними несогласія такъ искусно, что всѣ считали ихъ счастливою супружескою четюю, жившею душа въ душу.

Узнавъ о томъ, что императрица отнеслась благосклонно къ браку Ягужинской съ Бестужевымъ, Бергеръ нашель, что теперь наступила благоприятная пора, чтобы попросить руки ея падчерицы. Съ неудовольствіемъ провѣдалъ объ этомъ дерзкомъ намѣреніи графъ Михайлъ Петровичъ. Онъ, не стѣсняясь нисколько, заявилъ своей женѣ, что, вступая съ нею въ бракъ, не какъ уже съ Головкиною, — которая была ему ровная, — но какъ съ Ягужинскою, вдовою какого-то проходимца, чуть ли не жидовской породы, до нѣкоторой степени унижилъ фамилію Бестужевыхъ. Онъ сталъ хвалиться тѣмъ, что Бестужевы служили русскимъ государямъ разныя дворянскія службы уже въ десяти поколѣніяхъ; что фамилія его происходитъ отъ знатнаго англійскаго рода Бестюровъ, какъ въ томъ удостовѣряла присланная изъ Англій братамъ Бестужевымъ - Рюминымъ королевская грамота. Графъ Михайло полагалъ, что принять въ свое хотя и отдаленное свойство сына какого-то безвѣстнаго лифляндскаго мызника онъ считаетъ крайнимъ позоромъ какъ для самого себя, такъ и для всѣхъ своихъ фамиліантовъ.

— Вы теперь носите уже не фамилію Ягужинскихъ, а фамилію Бестужевыхъ - Рюминыхъ, съ достоинствомъ которой вамъ и слѣдуетъ соображаться, тѣмъ болѣе теперь, когда фамилія наша заняла въ государствѣ такое видное мѣсто и, — добавилъ онъ съ гордостію, — въ лицѣ моемъ сдѣлалась извѣстной при многихъ европейскихъ дворахъ...

Пронырливый кирасиръ провѣдалъ о такихъ разсужденіяхъ новаго вотчина Настеньки и понялъ, что всякія относительно

ея исканія при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ будутъ напрасны.

Такому отзыву оберъ-гофмаршала вторилъ и братъ его, Алексѣй.

— Хорошо же, — думалъ Бергеръ, злобясь на Бестужевыхъ, — я когда-нибудь покажу такимъ зазнающимся господамъ, что Бергеръ можетъ быть не хуже ихъ по своему положенію въ ихъ обществѣ. Я выйду въ люди во что бы то ни стало!

XVI.

Преданія о красотѣ нѣкоторыхъ женщинъ, какъ и народныя преданія, бываютъ иногда очень живучи. Такія преданія и даже письменныя свидѣтельства сохранились и о красотѣ Натальи Федоровны Лопухиной. Хотя такого рода преданія обыкновенно преувеличиваются и приукрашиваются, но въ основаніи они бываютъ вѣрны, и нельзя сомнѣваться, чтобы современники Лопухиной не восхищались ея прелестями, какъ молодой женщины. Годы, однако, брали свое, и какъ роскошно распустившійся цвѣтокъ, просуществовавъ въ своей красотѣ короткій срокъ, начинаетъ увядать, такъ, конечно, стала увядать и Лопухина. Ей ко времени настоящаго разсказа шель уже сороковой годъ. Она имѣла нѣсколько человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ былъ старшій сынъ Иванъ Васильевичъ и старшая дочь Анастасія, очень миловидная, лѣтъ семнадцати дѣвушка, не обѣщавшая, однако, быть такой роскошной красавицей, какою была ея мать. Женственныя свои прелести Наталья Лопухина, рожденная Балжъ, получила въ наслѣдство отъ своей матери, происходившей изъ семейства Монсъ, извѣстнаго своею красотой, а также и постигшими его бѣдствіями.

Хотя Наталья Федоровна и увядала, но время, до извѣстной степени, щадило ее и не налагало на нее отпечатка ея возраста, такъ что она казалась, по отзывамъ современниковъ, слишкомъ молодою на свои годы, и молва о томъ, что она первая красавица, поддерживалась по старой привычкѣ. Такъ называетъ ее въ своихъ запискахъ леди Рондо, а, конечно, такому отзыву женщины о женщинѣ можно повѣрить. Но замѣчательная красота Лопухиной, въ соединеніи съ счастливою для женщины молодою стію, и, вдобавокъ, заносчивость красавицы, привыкшей къ поклоненію обожателей, возбуждали въ представительницахъ женскаго пола въ Петербургѣ враждебное къ ней чувство, и въ числѣ такихъ женщинъ была цесаревна Елизавета Петровна.

Поводъ къ враждѣ со стороны Елизаветы подавала отчасти и сама Лопухина, желая соперничать съ нею въ красотѣ, а Елизавета, — въ особенности съ лѣтами — стала очень щепотлива въ этомъ отношеніи. Соперничая съ Елизаветой, какъ женщина съ женщиной, Лопухина хотѣла уподобиться ей и по своимъ нарядамъ и, провѣдавъ, — что тогда въ Петербургѣ было не трудно, — въ какомъ платьѣ цесаревна собирается быть на куртагѣ или на балу, заказывала себѣ такое же платье и являлась въ немъ въ общество, раздражая тѣмъ цесаревну. При Аннѣ Ивановнѣ и въ особенности при правительницѣ такіе весьма чувствительные уколы, наносимые Елизаветѣ Лопухиною, совершенно безнаказанно сходили съ рукъ легкомысленной Натальѣ Федоровнѣ. Мало того, такія продѣлки вызывали при дворѣ Анны Леопольдовны веселый говоръ и насмѣшки надъ Елизаветой, которая не пользовалась тогда не только никакимъ почетомъ, но даже и вниманіемъ, и съ затаеннымъ раздраженіемъ должна была переносить тѣ мелкія обиды, какія позволяли себѣ наносить ей лица приближенныя къ Аннѣ Леопольдовнѣ.

У Лопухиной былъ неизмѣнный другъ и любовникъ — гофмаршалъ графъ Рейнгольдъ Ивановичъ Левенвольдъ. Она страстно его любила, была предана ему безпредѣльно.

Въ свою очередь, и Левенвольдъ, желая угодить обожаемой имъ женщинѣ, старался при каждомъ удобномъ случаѣ чѣмъ-нибудь кольнуть и раздражить цесаревну Елизавету, а по его должности, какъ гофмаршала, такихъ случаевъ представлялось не мало. Онъ то, какъ будто, забывалъ или оназдывалъ пригласить цесаревну на какое-нибудь придворное торжество или празднество, или дѣлалъ подобнаго рода приглашеніе не съ тою почтительностію, на какую имѣла право Елизавета по своему положенію въ императорскомъ семействѣ. Елизаветѣ внушали, да и сама она понимала, что въ такомъ оказываемомъ ей неуваженіи со стороны гофмаршала, челоуѣка, отличавшагося вѣжливою и даже изысканною утонченностію обращенія съ женщинами, былъ виноватъ не столько онъ самъ, сколько дѣйствовало на него постороннее вліяніе.

— Левенвольдъ настолько любезенъ и предупредителенъ съ дамами вообще, что онъ никогда не позволилъ бы себѣ оказать мнѣ какую-нибудь невѣжливость, — говорила въ своемъ кружкѣ Елизавета.

— Въ особенности съ молодыми и прекрасными дамами, —

добавлялъ кто-нибудь изъ присутствовавшихъ, — и чрезвычайно странно, что онъ дастъ вашему высочеству поводъ жаловаться на него.

— Нисколько не странно, — перебивала съ досадой Елизавета, — онъ въ рукахъ у Натальи, а она подбиваетъ его противъ меня. Чтобы угодить ей, онъ все готовъ сдѣлать.

Когда Елизавета вступила на престолъ, то Левенвольда, — независимо отъ взведенныхъ противъ него обвиненій въ зловредномъ политическомъ умыслѣ, — обвиняли еще и въ томъ, что «въ торжество дня рожденія принца Ивана для ея императорскаго высочества цесаревнѣ Елизаветы былъ поставленъ столъ съ прочими дамами вриадъ». Левенвольдъ на такое обвиненіе отвѣчалъ, что «сіе учинено было по приказанію бывшей правительницы, а не по его разбуженію».

— Я, — объяснялся бывшій гофмаршалъ передъ своими судьями, — возражалъ, не будетъ ли то для ея высочества обидно. Положи тарелку такъ, какъ я приказываю, — сказала мнѣ правительница, — а какъ я войду, то сама сдѣлаю, какъ надобно.

Такое оправдательное объясненіе Левенвольда, какъ и объясненія его противъ обвиненія въ «злокачественной конспираціи», уважены не были. Захваченный въ казематъ Петропавловской крѣпости въ полной силѣ, статнымъ и красивымъ мужчиной, Левенвольдъ вышелъ оттуда, чтобы идти на плаху, изможденнымъ дряхлымъ старцемъ, еле передвигавшимъ ноги, съ сѣдыми космами волосъ, беспорядочно спускавшимися на лицо и на плеча, худой, блѣдный, съ отросшею растрепанной бородою, и, конечно, никто бы не могъ узнать въ этомъ жалкомъ колодникѣ блестящаго гофмаршала, щеголявшаго еще такъ недавно въ великолѣпномъ модномъ парикѣ, въ бархатѣ, шелку, кружевахъ, лентахъ и бантахъ.

Несмотря, однако, на ту перемену, которая произошла въ Левенвольдѣ въ короткое время, чувство пылкой къ нему страсти нисколько не измѣнилось у Натальи Федоровны. Въ день, назначенный для совершенія казни надъ ея любовникомъ, она сходила съ ума и въ принадлегахъ отчаянія хотѣла наложить на себя руки, но когда дошла до нея вѣсть, что Рейнгольдъ избавленъ отъ смерти, она пришла въ какой-то дикій восторгъ и дала обѣщаніе быть мстительницей за него, если ей не удастся быть его спасительницей. Эта послѣдняя задача оказалась, однако, неосуществимою, и потому Наталья Федоровна рѣшилась

взяться за первую, но мщеніе это проявлялось уже слишкомъ по-женски.

Живя съ Рейнгольдомъ, какъ съ мужемъ, Лопухина до его ссылки вполнѣ довольствовалась домашнею жизнью и рѣдко являлась въ обществѣ. Теперь чувство мщенія подсказывало ей иное... Ей казалось, что она должна, какъ можно чаще, показываться на глазахъ государыни, представляясь веселой, и тѣмъ самымъ показывать Елизаветѣ, что она равнодушно переноситъ изгнаніе своего любовника.

Съ своей стороны, Елизавета, повидимому, совершенно равнодушно отнеслась къ демонстраціи, задуманной Лопухиною. Государыня дѣлала видъ, будто она вовсе не замѣчаетъ свою статсъ-даму. Императрица не удостоивала ее своимъ разговоромъ и только легкимъ, почти пренебрежительнымъ кивкомъ отвѣчала на почтительные и обязательные для Лопухиной придворные реверансы.

Такое хладнокровіе Елизаветы еще сильнѣе возбуждало чувство злобы въ сердцѣ Натальи Федоровны.

«Не постою я ни за чѣмъ,—думала она,—и выведу ее изъ терпѣнія». И не долго пришлось ей ждать.

Былъ назначенъ большой балъ во дворцѣ.

Балы эти были обыкновенно костюмированные и представляли не только пестрое и странное, но и забавное зрѣлище. Классическая мифологія была тогда при всѣхъ дворахъ въ большомъ ходу, но боговъ и богинь древней Греціи и древняго Рима даже на Западѣ—кромѣ ученыхъ и поэтовъ—знали очень плохо. Такъ, на примѣръ, въ Парижѣ на театральныхъ сценахъ, вмѣсто, насколько возможно болѣе, обнаженной Венеры, являлась актриса, затянута въ корсетъ, въ огромныхъ фижмахъ, съ напудренной головой и съ черными мушками на лицѣ, въ перчаткахъ и съ вѣеромъ въ рукахъ. Ахилесъ выходилъ на сцену въ мундиръ тогдашнихъ французскихъ кирасировъ, имѣя на латахъ лиліи, какъ знаки королевскаго герба дома Бурбоновъ. Понятно, что въ подобныхъ случаяхъ Петербургъ вдался въ еще большія несообразности. Хотя ученые классики, члены тогдашней петербургской академіи наукъ, и принимали дѣятельное участіе въ составленіи рисунковъ для фейерверковъ и транспарантовъ для «иллюминацій» и заготовляли все это въ классическомъ вкусѣ, но почему-то не требовалось ихъ мнѣній относительно одежды боговъ, богинь, полубоговъ, полубогинь и героевъ, появлявшихся съ того свѣта на придворные костюмированные балы.

Балы эти при Елизаветѣ отличались роскошною и разнообразною обстановкою. На нихъ являлась въ лицахъ вся греческая миеологія. Кавалеръ, прибирая себѣ имя языческаго божества или прославившагося въ древности героя, прицѣплялъ или прищипливалъ какой-нибудь отличительный его признакъ и затѣмъ оставался во всѣхъ принадлежностяхъ своего повседневнаго костюма. Общимъ же убранствомъ для древнихъ боговъ и богинь были обыкновенно бѣлыя тоги, изъ-подъ которыхъ у мужчинъ были видны бѣлые шелковые, плотно обхватывавшія икры чулки, и выставлялись башмаки съ пряжками, а на головахъ были громадныхъ размѣровъ парики; съ лѣваго бока у боговъ болтались шпаги, а распахнувшаяся тога обнаруживала иногда андреевскую или александровскую звѣзду и ленту, а у нѣкоторыхъ дамъ знаки ордена великомученицы Екатерины. Носы у иныхъ боговъ были осѣдланы очками, а богини употребляли лорнетки. Всѣ русскія дамы той поры сильно румянились, и обычай этотъ былъ не наносный съ Запада, но коренной московскій, перебравшійся и въ Петербургъ.

Кромѣ представителей древняго языческаго міра, на придворные балы Елизаветы являлись также представители всѣхъ національностей, преимущественно же были тутъ турки, персіане и венеціане. Отъ обязанности быть въ какомъ-нибудь характерномъ костюмѣ освобождались, по особому разрѣшенію государыни, только высшіе сановники, а также всѣ безъ исключенія иностранные дипломаты, которые, являясь въ придворный маскарадъ, обязаны были накидывать только домино поверхъ обыкновенно носимой ими одежды.

Были также заведены при дворѣ Елизаветы такъ называемыя «метаморфозы», т. е. такіе маскарады, на которые дамы являлись въ мужскомъ, а кавалеры въ женскомъ платьѣ.

Тотъ балъ, на который собиралась выѣхать Лопухина и раздражить, сколь возможно болѣе, императрицу, не былъ, однако, костюмированнымъ баломъ.

Надобно сказать, что императрица Елизавета сдѣлала запретъ, чтобы ни одна изъ дамъ не смѣла являться на балы въ такомъ платьѣ, какое будетъ надѣто на государынѣ. Требовательность эта была гораздо обширнѣе, нежели тѣ средства, какія представлялись для ея исполненія. Даже передъ самымъ выходомъ на балъ государыни трудно было хотя бы и черезъ камеръ-фрау узнать, во что одѣнется императрица. Для нея бы-

вало приготовлено въ уборной нѣсколько нарядовъ, такъ что только какая-нибудь случайность рѣшала окончательный выборъ одного изъ нихъ. Очень часто случалось, что прѣхавшая на балъ дама, увидѣвъ или узнавъ заранее, что нарядъ или головной уборъ императрицы близко подходитъ къ ея наряду, спѣшила ухъать поскорѣй съ бала, чтобы переимѣнить платье или измѣнить головной уборъ.

Разумѣется, что Лопухина, какъ статсъ-дама, болѣе, чѣмъ всѣ другія придворныя и такъ называемыя городскія дамы, должна была соображаться съ такимъ распоряженіемъ императрицы. Но легкомысліе и задоръ брали у Лопухиной перевѣсъ надъ благоразуміемъ, и она, узнавъ, что императрица собирается быть на предстоящемъ балѣ одѣтой очень просто, въ шелковой робѣ свѣтлорозоваго цвѣта, съ приколотою въ волоса только розою, сама одѣлась точно также.

Собравшіеся въ большой дворцовой бальной залѣ кавалеры и дамы стояли на мѣстахъ, указанныхъ имъ церемоніймейстеромъ или «конфузіонмейстеромъ», какъ титуловался графъ Санти, завѣдывавшій порядкомъ на придворныхъ балахъ. Всѣ ожидали выхода императрицы, которая, дѣлая свой туалетъ медленно и заботливо, заставляла по долгу ждать своего выхода. Прошло уже болѣе часа въ напрасномъ ожиданіи; но вотъ по знаку, поданному «конфузіонмейстеромъ», въ залѣ все смолкло: широко распахнулись двери изъ внутреннихъ апартаментовъ императрицы, и она, предшествуемая оберъ-гофмаршаломъ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ и сопровождаемая дежурною статсъ-дамою, женою оберъ-гофмаршала, и фрейлинами, вступила торжественно въ залу «при играніи на трубахъ и при битіи въ литавры».

У Лопухиной, стоявшей между дамами на самомъ видномъ мѣстѣ, радостно забилося сердце при появленіи императрицы: на ослушницѣ-статсъ-дамѣ было надѣто платье такое, что его трудно было отличить, и по цвѣту, и по качеству матеріи, и по покрою, и даже по разнымъ мелкимъ принадлежностямъ дополнительной отдѣлки, отъ того платья, какое было на императрицѣ. Мало того, въ волосахъ какъ той, такъ и другой было по одной только розѣ. Ничѣмъ нельзя было оказать болѣе неуваженія къ государынѣ и выразить сильнѣе полнаго пренебреженія къ ея запрету, какъ, замѣтивъ такое сходство нарядовъ, все-таки, явиться передъ нею. Лопухина же, напротивъ, постаралась попасть поскорѣе на глаза государыни, которая, опи-

раясь на руку канцлера князя Черкаскаго, торжественно стала обходить залу.

Увидѣвъ нарядъ Лопухиной, императрица быстро выхватила свою руку изъ руки своего кавалера. Лицо ея приняло гнѣвное выраженіе, и, тяжело дыша, она скорыми шагами вышла одна на середину залы. Всѣ въ изумленіи обратили на нее свои взгляды, не понимая, что такое случилось. Растерянный Черкасскій остановился, какъ вкопанный, на томъ мѣстѣ, гдѣ такъ неожиданно удалась отъ него Елизавета, и съ ужасомъ думалъ, не оказалъ ли онъ какой-нибудь невѣжливости или неловкости передъ ея величествомъ.

— Настя!—сказала императрица, обращаясь къ бывшей при ней въ этотъ вечеръ дежурной фрейлинѣ Ягужинской, — подай мнѣ ножницы.

Молодая дѣвушка поспѣшно запустила руку въ карманъ своей робы и вынула оттуда небольшой несессеръ, въ которомъ были потребованныя государыней ножницы, а также булавки, иголки и шелкъ. Такой несессеръ обязаны были имѣть при себѣ дежурныя фрейлины на случай; если бы пришлось привести въ порядокъ туалетъ государыни.

— А ты, Наталья, поди сюда!—гнѣвно крикнула Елизавета, подзывая къ себѣ напраказившую статсъ-даму повелительнымъ движеніемъ руки.

— Становись здѣсь на колѣни!—повелительно крикнула государыня, топнувъ ногой и указывая пальцемъ на полъ.

Побѣдившая, несмотря на румяна, Лопухина исполнила это приказаніе, а Елизавета, взявши отъ фрейлины ножницы, срѣзала розу, бывшую на головѣ Лопухиной, и растрепала ея прическу. Изъ глазъ Лопухиной выступили слезы.

Съ трудомъ въ своемъ бальномъ нарядѣ поднялась Лопухина на ноги. Никто изъ обружавшихъ кавалеровъ не рѣшился помочь ей, и она, шатаясь, вышла изъ залы, упала въ обморокъ, разразившись громкими рыданіями.

— Это что такое?—спросила императрица окружавшихъ ее.

— Лопухиной сдѣлалось дурно,—отвѣтили ей.

— И по дѣломъ ей, другой разъ не посмѣетъ издѣваться надо мной!—проговорила Елизавета.

Е. Карновичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТРАННИКИ *).

(Очеркъ изъ исторіи раскола).

IV.

Ефимъ, какъ мы сказали выше, имѣлъ очень мало послѣдователей и не отличался агитаціонной горячкой. Но даже если бы духъ прозелитизма былъ въ немъ очень силенъ, — все равно — согласіе странниковъ не могло распространяться при немъ. Эпоха Екатерины II какъ ни мало утѣшительна была для крѣпостнаго крестьянства, тѣмъ не менѣе, держала тонъ народной жизни довольно высоко. Заботы правительства о народномъ благѣ, высказываемыя гласно въ указахъ и манифестахъ, созваніе комиссіи для составленія уложенія возбуждали радостныя ожиданія и надежды, производили цѣлую массу слуховъ. Ничего не значить, что эти слухи постоянно опровергались, опроверженія не принимались за чистую монету, объяснялись въ благопріятномъ смыслѣ. А пока масса волнуется надеждой, пока она ждетъ жизни и счастья, ждетъ хоть какихъ-нибудь облегченій, само собою разумѣется, пессимистическая проповѣдь не найдетъ въ ней сколько-нибудь сильнаго сочувствія и отклика. Конечно, и среди массы всегда найдутся люди, которые, можетъ быть, прежде сильнѣе другихъ вѣрили и ждали, но за то скорѣе и больше извѣрились; они откликнутся на проповѣдь пессимизма, дадутъ ему нѣкоторую поддержку; но, во всякомъ случаѣ, они съ своею проповѣдью, съ своею организаціей не привлекутъ къ себѣ вниманія массъ до тѣхъ поръ, пока надежда не покинетъ даже самыхъ легковѣрныхъ людей. При Екатеринѣ надежда не покидала людей. Какъ ни мало,

*1) *Русская Мысль*, кн. V.

все же для массы сдѣлано кое-что и, притомъ, въ такихъ областяхъ, въ такихъ отношеніяхъ, что надежда не могла не разцвѣтать и по отношенію ко всему остальному. Расколъ, популярный среди массы, до сихъ поръ преслѣдуемый, получаетъ теперь «волю». Старовѣры, ушедшіе отъ преслѣдованій за рубежи, теперь массами возвращаются назадъ, призываемые льготами, которыя даются имъ, лишь бы воротились домой. Терпимость въ отношеніяхъ къ старовѣрью, гласно основанная на широкихъ гуманно-философскихъ соображеніяхъ, въ сущности преслѣдовала цѣли церкви. Разсчитывалось на то, что примиренныхъ съ государствомъ старовѣровъ гораздо легче будетъ примирить и съ церковью, и въ виду этого обстоятельства выработывался извѣстный «нескладный» компромиссъ единовѣрья. Разсчетъ на примиреніе старовѣровъ съ церковью оказался невѣрнымъ, во всякомъ случаѣ не далъ тѣхъ результатовъ, какіе отъ него ожидались; но въ смыслѣ подчиненія старовѣровъ государству достигнуть громадный успѣхъ.

Объяснимся подробнѣе, и пусть читатель не поспѣуетъ, если мы напомнимъ ему кое-что изъ прочитаннаго. Расколъ имѣетъ одну чрезвычайно важную государственно-устроительную заслугу, которой никакъ нельзя оспаривать. Въ то время, какъ многіе изъ тѣхъ, въ комъ живѣе билось и трепетало чувство независимости и жизни, кто чутче относился къ жизненной неурядицѣ, бѣжали на окраины, въ вольницу, «брели врозь», — расколъ своею проповѣдью стягивалъ эти наиболѣе живые элементы подъ свои знамена, давалъ нравственное успокоеніе, — задачу, въ которой можно было впоследствии разочароваться, но которую экзальтированное чувство старалось выполнить насколько хватало человѣческихъ силъ. На землѣ жило скверно, — расколъ указывалъ на небо и жизненную тягу приучалъ разсматривать какъ необходимое условіе достиженія царства небеснаго. Жизненная тяга, разсматриваемая, какъ мученическій вѣнецъ, становилась даже желательной. Заинтересовавши глубоко бродячіе элементы идеями, направивши ихъ исканіе счастья въ сторону загробной жизни, расколъ нечувствительно, незамѣтно для себя осадилъ ихъ въ виду этой цѣли на мѣстахъ. Богомысліе требуетъ спокойствія, требуетъ поддержки другихъ, нуждается въ соответствующемъ симпатическомъ настроеніи окружающихъ. Единомышленники устраиваютъ по монастырскому типу общины, скоро, въ силу безсознательныхъ привычекъ, принимающія обычный типъ трудовыхъ

общинъ. Въ болотахъ Олонецкой губерніи, на Вѣтѣ, за шведскимъ рубежомъ, за турецкимъ рубежомъ, въ Стародубѣ, на Ирғизѣ образуются центры мирной изстаринной колонизационной работы, прерванной нестроениями смутнаго времени, неурядицей періода устроения и жаднымъ, всезахватывающимъ, всюду мѣшающимъ полицейскимъ духомъ времени — петербургскихъ реформъ и реакцій XVIII в. Въ центрахъ старовѣрья бродячіе элементы осаживались, устранивались и обживались. Религіозная экзальтація перваго времени, державшая нравственный типъ старовѣрья на высокомъ уровнѣ, сплачивая людей и объединяя ихъ духомъ солидарности, тѣмъ самымъ потомъ создавала для общинъ достатокъ, а затѣмъ и богатство. Когда экзальтація проходила, когда на сѣнѣ ея выросталъ духъ компромисса, богатства, въ значительной степени обусловливавшій податливость на компромиссъ съ окружающимъ, вели потомъ общину по тому же пути дальше, развивая индифферентизмъ къ вѣрѣ отцовъ, разрывая связи съ окружающей массой. Въ расколъ гнало *недовольство* всеми порядками жизни; но это недовольство больше чувствовалось, чѣмъ опредѣленно сознавалось, и лишь только недовольнаго охватывала атмосфера старовѣрской общины, лишь только онъ входилъ въ интересы умственной и матеріальной жизни общины, недовольство, погнавшее его сюда, замирало, и съ теченіемъ времени даже близкій потомокъ протестанта, задумываясь надъ причинами отдѣленія предковъ отъ церкви и государства (въ бѣгствѣ за рубежи), находилъ, что «предки по невѣдѣнію всю цѣну христіанскаго благочестія придали однимъ обрядамъ, а необходимость онаго (благочестія), выпусти изъ очей разума, *неразсудною ревностью* гнались только за мелкостями, ни таинствъ, ни существа вѣры не содержащими» (прошеніе стародубскихъ «согласныхъ» на единовѣріе 1788 г. См. нашу ст. въ «Странѣ» 1880 г., № 64). Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на дѣло старовѣрья въ массѣ съ радостью должны были откликнуться на примирительные вызовы екатерининскаго правительства. Они и откликнулись. Когда Екатерина II издала свои указы о дарованіи льготъ старовѣрамъ, возвращающимся изъ-за границы, о запискѣ въ двойной окладъ и пр., тогда среди достаточнаго старовѣрья началось весьма характерное движеніе. Наставники согласій съ совѣта наиболѣе уважаемыхъ членовъ отправлялись за границу и во всѣ пункты, гдѣ скоплялись бѣглеы искатели нравственнаго

успокоенія и удовлетворенія, и опрашивали, кто хочет воспользоваться льготами? Совѣтовали, убѣждали скептиковъ, даже прибѣгали къ насилію; рекомендуя, даже приказывая общинамъ не давать убѣжища бѣглымъ, насильно выгонять ихъ отъ себя. По свидѣтельству источника, которымъ мы пользуемся (цитиров. рп. сб. Рум. музея, № 1277), особенно отличался въ этомъ стариннѣи «сократить» бѣглыхъ нѣвій «старецъ Леонтій изъ филиппова согласія», еще не такъ давно всѣми силами возстававшаго противъ подчиненія антихристу. Среди этого же согласія находятся люди, какъ нѣвій Григорій Алексѣевъ, которые говорятъ, что хотя власти и еретики—по вѣрѣ, тѣмъ не менѣе, «власть ихъ Божія и отъ Бога дана имъ есть». Поэтому нельзя хулить властей, а надо слѣдовать примѣру поморскихъ отцовъ, которые «вышнимъ властемъ покоряхуся и честнымъ титуломъ овѣиъ («благовѣрный»), аще и иновѣрныхъ, въ отвѣтахъ своихъ нарицаху». Григорій Алексѣевъ сполна присоединяется къ поморскимъ отцамъ: «покорятся и нарицати нынѣшнихъ властей (благовѣрными) усердствуемъ, а не ругати и не кляти—по реченному»: «и въ ложницѣ своей не кляни царя, да не како птица донесетъ до него гласъ твой» (ibid., л. 13—14).

Но при такомъ настроеніи установившихся старовѣрскихъ согласій возникновеніе новой протестующей группы, живѣе чувствующей власть антихриста, было совершенно естественно.

Точно также естественно было и то, что новое согласіе въ пору такого примирительнаго движенія, съ своимъ рѣзкимъ протестомъ противъ компромисса, съ своею послѣдовательностью въ развитіи аскетическаго принципа, совсѣмъ не могло рассчитывать на болѣе или менѣе значительное число послѣдователей. Для распространенія странничества нужна была другая пора. И настала эта пора въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. А до этого времени странничество держалось въ очень маленькомъ кружкѣ непосредственныхъ друзей и учениковъ Ефима, мало-помалу смягчая суровую рѣзкость въ отношеніяхъ къ антихристову міру, дѣлавшую невозможнымъ распространеніе согласія даже при болѣе благоприятномъ для него массовомъ настроеніи. И замѣчательно, что компромиссъ внесенъ былъ въ ученіе согласія перешедшими сюда послѣдователями старыхъ согласій.

Такъ, въ 1812 г. Василій Петровъ, изъ филиппова согласія, перешедши къ странникамъ, сдѣлалъ было попытку повернуть ученіе секты въ сторону рационализма. Мы не знаемъ, какого мнѣнія онъ

былъ объ антихристѣ, но онъ пробовалъ подробнѣе развить ученіе объ общности имуществъ въ практическомъ примѣненіи, отрицалъ необходимость исповѣди, проповѣдуя «милость Божию неисправленнымъ» (т.-е. не ходившимъ на исповѣдь). Въ одной рукописи, написанной имъ, или кѣмъ-то изъ его ближайшихъ учениковъ, доказывается, что вообще таинства въ дѣлѣ спасенія безнолезны. что самъ Богъ при смерти каждаго грѣшника невидимо пріемлетъ исповѣданіе грѣховъ, сообщается съ нимъ таинственно и освящаетъ его. Въ сторону рационализма Василій Петровъ шелъ еще дальше: онъ училъ, что всякое согласіе представляетъ церковь, въ которой такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ, возможно спасеніе, что за ереси судить нельзя и пр. Судя по всему этому, надо думать, что Василій Петровъ былъ совсѣмъ равнодушенъ къ вопросу о царствѣ антихриста, и само собой понятно, что его проповѣдь не имѣла ни малѣйшаго успѣха, не оставила на ученіи секты никакихъ слѣдовъ. Озлобленіе странниковъ противъ другихъ согласій, какъ мы видѣли, имѣло совершенно реальную причину; проклятія, адресованныя этимъ согласіямъ, были совершенно искренни, не представляли только пропагандистскаго пріема, и, конечно, проповѣдь примиренія и терпимости по отношенію къ ненавистнымъ «зажирѣвшимъ» «разныхъ вѣръ сектарямъ» не могла рассчитывать на сколько-нибудь радужный пріемъ.

Гораздо болѣе существенную и знаменательную поправку и дополненіе внесъ въ ученіе и организацію согласія еодосѣвецъ Иванъ Федоровъ. Онъ ввелъ въ ученіе очень важный компромиссъ, и любопытно, что компромиссъ этотъ вышелъ непосредственно изъ стремленія развить отрицательное отношеніе къ богоборному общественному порядку еще дальше Ефима. Иванъ Федоровъ настаивалъ на томъ, что нельзя брать въ руки денегъ, нельзя покупать продающихся отъ казны соли, крупъ, хлѣба и пр., потому что все это отъ антихриста и осквернено имъ. Такимъ образомъ, обрѣзавши свои матеріальныя потребности до minimum'a, странникъ обязывался, кромѣ того, удовлетворять этотъ minimumъ сполна самъ своими средствами. Но, вѣдь, въ бѣгахъ хлѣба не поѣешь, сукна на кафтанъ не изготовишь, даже лапти не сплетешь безъ кочедыка, а кочедыкъ тоже купить надо. Какъ же быть? Въ отвѣтъ на это сейчасъ же явилась фикція: нельзя брать въ руки денегъ, но имѣть ихъ на нужду можно; надо только, чтобы хранили ихъ и покупали на нихъ нужныя вещи другіе. Странники стали поручать деньги дозѣреннымъ пріятелямъ

въ деревняхъ. На пріятелей виѣшнихъ, однако, нельзя положиться вполне: возможны обманы, утайки,—лишній грѣхъ и себѣ, и другимъ! Лучше, если бы подобную функцію могли исполнять члены своей же группы, которые бы оставались на мѣстахъ. И самимъ странствующимъ необходимы мѣста для пріюта на случай болѣзни, занятій писаніемъ, необходимы убѣжища отъ преслѣдованій слугъ антихриста. Изъ этихъ соображеній развилось установленіе страннопримства, сообщившее согласію опредѣленный, законченный видъ, бытовую организацію.

Семень Крайневъ, ученикъ вѣрной спутницы Ефима, Ирины, допустилъ принадлежность къ согласію людей, которые такъ выгодно поставлены въ царствѣ антихриста, что, пожалуй, и не рѣшились бы порвать свои житейскія отношенія, продать свое имѣніе и раздать нищимъ, а, между тѣмъ, могли быть полезны странникамъ, обезпечивъ имъ хлѣбъ и кровь. Расколъ, который по этому поводу произошелъ было въ согласіи, былъ улаженъ уступками въ вопросѣ о крещеніи. Страннопримцы поставлены были въ отношеніи къ согласію какъ кающіеся, оглашенныя и готовящіяся къ крещенію, и только передъ смертью непременно обязывались креститься и уйти въ странство. Но такъ какъ умирающему уйти довольно мудро, то и этотъ уходъ замѣненъ новой фикціей (которая потомъ получила силу и для здоровыхъ людей): страннопримецъ, крестившись при концѣ жизни, могъ оставаться и дома, только въ строгомъ «скрытіи» отъ «виѣшнихъ» и отъ властей. Какъ только страннопримецъ принимаетъ крещеніе, умираетъ ли онъ затѣмъ, или еще остается живъ,—начальству заявляется, что такой-то скрылся неизвѣстно куда. То же самое заявлялось относительно каждаго умершаго члена согласія. Такое заявленіе должно было служить свидѣтельствомъ предъ Богомъ, что человекъ умеръ въ странствѣ истиннымъ христіаниномъ. Такимъ образомъ, въ странничествѣ образовалась нѣкоторая іерархія, въ которой низшую ступень представляютъ страннопримцы, затѣмъ рядовые братья и сестры и, наконецъ, учителя. Страннопримецъ хранитъ деньги странствующихъ членовъ согласія, тратитъ ихъ по указаніямъ владѣльцевъ, даетъ пріютъ людямъ, несущимъ подвигъ странства. Для этой цѣли онъ обязанъ имѣть у себя въ домѣ секретныя помѣщенія, потайныя ходы, чтобы въ случаѣ нужды можно было спрятаться и уйти отъ слугъ антихристовыхъ. Страннопримецъ долженъ держать въ секретѣ свою принадлежность къ согласію. Лицемѣрно онъ можетъ исполнять обряды и предписанія церкви,

но лучше, если онъ найдетъ возможность какъ-нибудь обходить эту тяжелую необходимость.

Членъ согласія, принявшій крещеніе (оно должно происходить въ рѣкѣ или въ новомъ чапѣ, наполненномъ дождевой, ничѣмъ не оскверненной водой), угодить, прежде всего, «на искусь» въ хѣса, затѣмъ постригается въ иноческій чинъ и отсебѣ всѣ отношенія его къ міру должны быть порваны. Онъ объявляется ушедшимъ въ самовольную отлучку, уничтожаетъ свой паспортъ ¹⁾, бросаетъ всякія заботы объ уплатѣ податей, объ общественныхъ дѣлахъ деревни и пр. Теперь онъ долженъ только странствовать, только заботиться о спасеніи своей души. Наставники естественно выдвигаются изъ ряда своими способностями, ревностью по вѣрѣ, начитанностью въ писаніи. Обязанности наставника возлагаются на нихъ общимъ избраніемъ членовъ согласія въ данной мѣстности. Наставникъ совершаетъ богослуженіе, учитъ вѣрѣ, разбираетъ несогласія и жалобы членовъ, обращаетъ въ согласіе вышнихъ. Все это заставляетъ его постоянно находиться въ странствѣ. За службы и требы наставники получаютъ плату; берутъ и деньги, несмотря на отрицаніе этихъ знаковъ антихриста, и иные сильно наживаются. Впрочемъ, сребролюбіе, замѣчательное въ наставникѣ, жестоко карается фанатическими членами согласія. Одинъ наставникъ, обличенный въ корыстолюбіи, былъ приговоренъ, на основаніи Бормчей, къ сожженію и дѣйствительно сожженъ около 54—60 г. (*Душев. Чт.* 1863 г., № 12, стр. 112—126).

Въ такомъ-то видѣ, вполне уже приспособленномъ къ дѣйствительности, странничество получило возможность распространяться, не отталкивая людей крайней, невозможной въ жизни послѣдовательностью. Уступка въ допущеніи страннопріимства и фикцій, вошедшихъ съ нимъ въ обиходъ согласія, была, конечно, нужна, если согласіе хотѣло распространенія, но она же и убила внутреннюю силу согласія, исказивъ его характеръ. Назначеніе фикцій — обойти принятыя ученіемъ формы протеста противъ

¹⁾ Иногда странники предъявляютъ начальству свои пародіи на паспортъ въ такомъ духѣ: «Объявитель сего, Іерусалима града вышняго азъ рабъ Христовъ, уволенъ въ разныя города и селенія, для ради себя прокормленія всякими трудами и работами, еже работати съ прилежаніемъ, а вѣсть съ воздержаніемъ; противъ всѣхъ чобы не прекословить, но паче Бога славословить; убивающихъ тѣло не боятся, но Бога боятся и терпѣніемъ укрѣпляются» и пр... «Дано сіе отъ нижеписаннаго числа впредь на одинъ вѣкъ. а по прошествіи сего числа вѣдиться въ мѣсто нарочито. Сей паспортъ явленъ въ части Святыхъ и въ книгу животну подъ № будущаго вѣка записанъ». (*Кельсійск.* Сборникъ прав. свѣд. о раск., выч. I—II.

среды. А такой обходъ, понятно, дѣлаетъ самый протестъ мертвымъ, краснымъ словомъ, которымъ никого не удивишь и не убѣдишь. Фикціи показываютъ очень ясно, какъ легко человекъ, «изыскавши способы» личнаго удовлетворенія, примиряется съ дѣйствительностью. И чѣмъ меньше самаго пониманія дѣйствительности, чѣмъ меньше охоты протестовать противъ нея, тѣмъ скорѣе находятся эти фикціи, тѣмъ негнѣе и формальнѣе онѣ бываютъ... Одна фикція тащитъ за собою фатальную другую, особенно когда секта начинаетъ распространяться, вбирая въ себя все больше и больше разнообразныхъ характеровъ, настроеній, симпатій.

Странничество становится замѣтнымъ, какъ согласіе, среди другихъ, какъ мы уже замѣтили, съ 20 годовъ нынѣшняго вѣка. Около этого времени оно выставило цѣлый рядъ талантливыхъ, начитанныхъ проповѣдниковъ, да и пора пришла для него самая подходящая. Только что кончилась великая война, державшая въ чрезвычайномъ напряженіи всѣ силы народа, взявшая у него страшное количество силъ. Во время войны всѣ жили однимъ общимъ чувствомъ. Крестьянство, такъ много пожертвовавшее, видѣло, какъ много въ великую годину бѣдствія имѣетъ оно значенія, видѣло, знало, что это сознаютъ и всѣ другія сословія, и съ радостью откликалось на зовъ этихъ сословій, обращенный къ его человѣческому достоинству, человѣческому, гражданскому чувству. Великая пора заставила признать это чувство въ крестьянствѣ, заставила гласно къ нему обращаться. Крѣпостной исчезъ; на время его заслонилъ «земледѣлецъ» — гражданинъ, какъ таковой, равный всѣмъ другимъ дѣтямъ одной и той же родины. Крестьянство давно ждало воли. Послѣ войны въ особенности оно въ правѣ было ожидать, что, наконецъ, ему будетъ, дана воля. Но крѣпостной принципъ оказался ненарушимымъ. Вскорѣ послѣ войны обществомъ овладѣваетъ болѣзненный мистицизмъ. То же настроеніе, усиленное, кромѣ того, суровымъ аскетизмомъ, какъ всегда у народа — искренное, доходящее до послѣднихъ выводовъ — въ смыслѣ подвига, замѣтно растетъ и въ крестьянствѣ, указывая на тягость жизни. Проповѣдники пессимистическаго аскетизма находятъ, наконецъ, внимательныхъ слушателей и ревностныхъ послѣдователей; кромѣ того, находятъ даже людей, въ которыхъ идея аскетизма растетъ и выражается какъ-то самопроизвольно. Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателя на раз-

рядъ фактовъ, весьма выразительныхъ въ этомъ смыслѣ, — это на народное келейничество.

«Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, — свидѣтельствуемъ одинъ священникъ, — особенное стремленіе къ аскетизму, даже манія овладѣла жителями и преимущественно дѣвками села Нечаевки (Пензенской губ.). Взапуски онѣ отказывались отъ замуштва и семейной жизни и уходили въ кельи. Деревня относилась къ отказамъ весьма внимательно, какъ къ дѣлу святому». И это было, въ указанное время не въ одной только Нечаевкѣ. Келейничество распространилось особенно сильно также въ Самарской, Тамбовской и Воронежской губерніяхъ¹⁾. Мы уже не говоримъ объ усиленномъ ростѣ крайне суроваго аскетизма на Поволжьи, въ виду закрытія монастырей на Иргизѣ и пр.²⁾.

Келейничество въ этотъ періодъ слагается въ нѣкоторую систему, вырабатываетъ организацію, близко подходящую къ странничеству. Уходили въ кельи мужчины и женщины, но женщинъ было больше. Мы уже видѣли причину этого: на женщинъ сильнѣе отражается гнетъ семейной жизни и, понятно, сильнѣе, интенсивнѣе ощущается. Въ нѣкоторыхъ селахъ Пензенской губ. келейныхъ насчитывалось по 100, по 200 человекъ. Священникъ села Адашевки, Инсарскаго уѣзда, Пензенской губ., въ 1862 г. сообщалъ, что всѣ келейницы его прихода, живущія отдѣльно (въ 1862 г.) въ кельяхъ, прежде жили общиною при церкви въ двухъ кельяхъ, раздѣленныхъ только сѣнями; за одно работали, ѣли за общимъ столомъ, вмѣстѣ молились. Вся Адашевка съ похвалою отзывалась о строгомъ образѣ жизни сестеръ. Такія же общины наблюдались и въ другихъ мѣстахъ. Кельи заводились вскладчину и при усердной помощи деревни. Въ нихъ жило отъ 8 до 12 сестеръ—крестьянскихъ дѣвицъ въ возрастѣ отъ 20 до 35 лѣтъ. Общины составлялись по соглашенію: родные и чужіе жили на равныхъ основаніяхъ; всегда находилось въ нихъ мѣсто безпріютнымъ сиротамъ. Когда умирала одна сестра, на мѣсто ея принималась другая, вступающая во всѣ права покойной. Одиночки-келейницы завѣщали свои кельи другимъ. Иногда прямо деревенскія общества строили кельи желающимъ, возлагая на нихъ за то обязанность принимать странниковъ-богомольцевъ. Въ кельи уходили и холостые, и женатые, или замушнія—все равно. Напр.,

1) «Пенз. Епарх. Вѣд.» 1871 г. № 13.

2) *Дюписьева*: «Движенія въ расколѣ». «Отеч. Зпн.» 1874 г., № 11.

одна 50-ти лѣтняя женщина ушла отъ старика-мужа съ двумя взрослыми дочерьми «изъ любви къ страннопріимству». Старикиъ въстроили имъ и особую келью. Иногда мужъ съ женой расходились и каждый ставился особой кельей. Молодые люди, ушедши въ келью, пользовались полнѣйшей свободой: никто не предъявлялъ имъ никакихъ требованій, не заявлялъ на нихъ правъ власти; тѣмъ не менѣе, молодежь вела очень строгую жизнь въ молитвѣ, постѣ и богомыслии. Въ свое время все это обратило вниманіе властей. На запросы слѣдователей, зачѣмъ уходятъ въ келью, отвѣчали: одна, что она ушла для огражденія отъ мірскаго соблазна и по желанію постничать и трудиться ради Бога; другая, — что странничество и страннопріимство—единственный путь отвергнуться міра и облегчить душѣ путь къ Богу. Выяснялась изъ дальнѣйшихъ воззрѣній цѣлая система наивнаго дуалистическаго пессимизма—борьбы въ мірѣ и человѣкѣ двухъ началъ: добраго и злаго и побѣды добра надъ зломъ при концѣ міра. Отношеніе келейныхъ къ церкви оказалось очень двусмысленнымъ. Они строго исполняли всѣ предписанія церкви, но можно было думать, что подобное поведеніе лицемерно. «Стѣны церкви ничего не прорекуютъ, къ проповѣданію же слова Божія пастыри небрегутъ», — говорятъ келейные. Странничество и страннопріимство считаются келейными величайшими добродѣтелями. Каждый келейный считаетъ своимъ обязательнымъ долгомъ отправиться хотя бы разъ въ годъ въ странство—на поклоненіе св. мѣстамъ, въ Кіевъ, въ Соловки и пр. Въ качествѣ странниковъ къ святымъ мѣстамъ, келейные принимаютъ пожертвованія въ Іерусалимъ и на Афонъ и пересылаютъ туда значительныя суммы денегъ. За образки, крестики и пр., приносимые изъ св. мѣсть, келейные получаютъ не мало подарковъ, которые дѣлятся поровну—на взаимную поддержку. У келейныхъ есть, наконецъ, и нѣкоторая организація, подходящая къ страннической; они дѣлятся на братьевъ и сестеръ и учителей. Братья иногда живутъ и въ семьяхъ; это еще не совсѣмъ отрѣшившіеся отъ міра. Учителя постоянно странствуютъ, но у каждаго обязательно есть своя, особая келья. Каждый учитель, повидимому, имѣетъ свой «приходъ» — верстъ на 30 кругомъ своего мѣстожительства. По этому кругу онъ и странствуетъ, останавливаясь по временамъ въ разныхъ мѣстахъ для поученія и богослуженія.

При такихъ-то предрасположеніяхъ начинается развиваться странничество. Изъ плеяды талантливыхъ учителей согласія, явив-

шихся въ 20—30-хъ годахъ, мы остановимся на самомъ вліятельномъ распространителѣ странничества, пользующемся громаднымъ авторитетомъ среди своихъ и большимъ уваженіемъ другихъ согласій. Никита Семеновъ, крѣпостной крестьянинъ Рыбнисаго уѣзда, Ярославской губ., сталъ старовѣромъ еще лѣтъ 10-ти отъ роду. Онъ былъ бродячій портной и больше всего работалъ въ Угличскомъ уѣздѣ, гдѣ въ ту пору было особенно много послѣдователей Филиппова и еедосѣева согласій. Съ ними Никита, по его собственнымъ словамъ, «за присущее ему раченіе спасти душу— много занимался понятіемъ о вѣрахъ». Должно быть, отсюда онъ перебрался въ Москву. Надѣленный отъ природы счастливыми способностями, онъ, очевидно, какъ и Ефимъ, не удовлетворился поученіями провинціальныхъ книжниковъ. Любознательность и жажда такой могучей вѣры, которая захватывала бы человека всего безъ остатка, влекли его дальше. Въ Москвѣ Никита ревностно продолжалъ знакомиться съ поученіями разныхъ согласій, вникать въ ихъ споры и разногласія, занимаясь, въ то же время, торговлей. Понятно, что московскіе сектанты 30-хъ годовъ еще меньше могли удовлетворить искренняго искателя истины вроде Никиты, потому что въ эту пору между согласіями, укрѣпившимися и разжившимися здѣсь, шли мелочные споры и раздоры, доходившіе иногда просто до мелкихъ, пошлыхъ дразгъ и сплетень, кончавшіеся унижительными скандалами, или постановленіями «соборовъ», рѣзко противорѣчившими завѣтамъ первыхъ «остальцевъ» древяго благочестія. Согласія въ Москвѣ въ это время были уже очень богаты. Вожди и наставники ихъ мало заботились о пропагандѣ, а занимались, главнымъ образомъ, устройствомъ и веденіемъ торговопромышленныхъ предпріятій и подъ вліяніемъ окружающей среды все больше и больше привыкали игнорировать свою традицію. Только представители странничества были еще вѣрны ученію своего основателя, вели строгій образъ жизни, рѣзко обличали въ отступничествѣ отъ вѣры «другихъ вѣръ сектарей». Въ своихъ исканіяхъ Никита натолкнулся и на нихъ и странничество увлекло его своею послѣдовательностію и, можетъ быть, въ значительной мѣрѣ искренностью проповѣдниковъ. Перешедши въ странничество, Никита бросилъ торговлю. Онъ обратилъ все свое имущество и товаръ въ деньги, изъ которыхъ часть оставилъ у себя, а другую отдалъ въ вѣрныя руки торговцевъ-старовѣровъ и затѣмъ ушелъ съ двумя товарищами на Поморье. Здѣсь съ 30-ю послѣдовательно при-

обрѣтенными учениками онъ прожилъ около 15 лѣтъ. Прослышавши о распространеніи странничества въ Поморьи, онъ перешелъ туда, устроился въ Романово - Борисоглѣбскомъ уѣздѣ у одной *келесницы*, принадлежавшей къ согласію, и началъ пропаганду своего учения. Онъ поражалъ старовѣровъ своею обширною начитанностью и левною изворотливостью въ спорахъ. Страстная дѣятельность на пользу согласія, эрудиція и личный характеръ скоро доставили ему почетную извѣстность въ сектантскомъ мірѣ и главенство въ своемъ согласіи, которое онъ удержалъ и до сихъ поръ. Странничество расло не только въ Ярославской губерніи; Никита Семеновъ распространилъ его и въ Вологодской губ., гдѣ лѣсная глушь на огромныхъ пространствахъ даже теперь даетъ полную возможность практически осуществлять главную задачу сектантовъ—бѣгство. Изъ Вологодской губ. Никита ходилъ въ Москву. Здѣсь на слѣдъ его напала полиція и, когда онъ, обдѣлавъ свои дѣла, хотѣлъ было уже снова воротиться въ вологодскіе лѣса, то былъ схваченъ. Это случилось въ 1854 г. Только за 3—4 года предъ тѣмъ власти узнали о существованіи секты и теперь старались ее искоренить. О Никитѣ знали уже изъ показаній попавшихся сектантовъ. Никитѣ приходилось плохо, а, между тѣмъ, онъ только что разошелся, былъ возбужденъ успѣхомъ. Онъ заявилъ, что желаетъ возвратиться «въ лоно церкви». Ему повѣрили и отпустили на волю. Но изъ показаній странниковъ, взятыхъ вскорѣ послѣ его освобожденія, узнали, что Никита «раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ» притворно, что онъ «какъ ни въ чемъ не бывалъ»—продолжаетъ усердно «свращать» православныхъ. Его снова взяли. Никита опять хотѣлъ было продѣлать ту же комедію, но на этотъ разъ ему уже не удалось ничего обмануть и онъ былъ сосланъ въ Соловки. Здѣсь, впрочемъ, Никита недолго пробылъ, бѣжалъ и въ 1864 г. уже дѣлается извѣстно, что онъ снова разъѣзжаетъ по Россіи. Онъ живъ и теперь и, какъ говорятъ, продолжаетъ свою работу.

Никита Семеновъ—пропагандистъ-писатель и даже поэтъ. Его извѣстная «главизна» «Малый обрядъ ересей»¹⁾ вся состоитъ изъ нападокъ на другихъ сектантовъ за уклоненія отъ вѣры,—нападокъ, имѣющихъ, какъ мы видѣли, совершенно реальное основаніе, искреннихъ, но за то придиричивыхъ. Безпоновцы, по сло-

1) „Сборникъ“ Рум. музея, № 1,277.

вамъ Никиты, «власть антихриста за благою признали и вѣрѣ своей поругались. Описью себя заключили неизбѣжнымъ быть отъ власти міродержца; поступають въ начальство съ присягою; съ нечестивыми въ совѣтъ пришли въ строеніи мірскихъ дѣлъ; въ нечестіи воинскаго ига—сопричастницы: аще и не собою, а нанимають—все едино, еще и горше, если вмѣсто себя въ нечестье послать. Писаніе повелѣваетъ не просто всякой власти дань даяти, но должная только отдавать той, которая отъ ратныхъ хранить и житье мирно творить. Старообрядцы же противно сему мудрствуютъ и врагу, иже церковь смущаетъ и рать творить,—дань давать научають. А писанье крѣпкую брань къ сему повелѣваетъ имѣть, а не дань давать». Обращаемъ вниманіе изслѣдователей, толкующихъ о противугосударственныхъ тенденціяхъ согласія, на эту тираду. По нашему мнѣнію, она указываетъ скорѣе на принципиальное признаніе государства, его необходимости. Только вмѣшательство государства въ дѣла вѣры и церкви заставляетъ автора цитаты протестовать. Выше же мы выслушали другаго теоретика-странника, который, признавая также существенное значеніе государства, требуетъ, напротивъ, отъ него вмѣшательства въ дѣла вѣры — для искорененія «ересей», которыя съ Никона овладѣли нашею церковью. Этотъ послѣдній авторъ больше субъективенъ, больше убѣжденъ въ истинѣ своей вѣры, больше фанатиченъ. Онъ хочетъ, чтобы его вѣру государство поддержало и потому что этого нѣтъ—отвертывается отъ него, какъ антихристово. Тѣмъ не менѣе, оба автора далеки отъ мысли протестовать противъ самой сущности государственнаго принципа. Больше того: у обоихъ просвѣчиваетъ признаніе его важности, его значенія для мирнаго культурнаго развитія. Называя себя старовѣрами, «сектари другихъ вѣръ», по мнѣнію Никиты, поступають «не отъ Божія Духа, ибо вѣра христіанская ничего стараго не имѣетъ, но паче юнѣетъ»... «Егда разсыпая рука освященная и видимаго причастія нѣсть, то остался въ церкви одинъ чинъ житія дѣвственнаго и дѣтелю (дѣлами) причащаются и внѣ мірскихъ попеченій подобаетъ проходить по писанію», а сектари «противно разумѣють и дѣйствуютъ, и того ради противницы благочестію, и не дѣвственницы, и безъ причастія обрѣтаются одержимы... Дѣвственное житіе проходити глаголють, а съ женскимъ поломъ вкупѣ живутъ, такожде и жены съ мужьями, еретическимъ бракомъ совокуплени, родити попуцають» и проч. Словомъ. на этой «главизнѣ» отразились

сильно московскія впечатлѣнія Никиты, но чего-нибудь новаго для странничества она не даетъ. Гораздо интереснѣе стихотворные опыты Никиты Семенова. Они опредѣлительно выясняютъ тотъ поворотъ къ мистико-дуалистическому аскетизму, на который мы указывали выше. Объ антихриствѣ тутъ уже и рѣчи нѣтъ.

Горе мнѣ, увы мнѣ,
 Во младости молодой!
 Самъ-то я не знаю
 На свѣтѣ какъ жить,
 Не знаю какъ быть!
 Мысли побиваютъ,
 Къ грѣху привлекаютъ...
 Плоть моя желаетъ
 Больше согрѣшити,
 А душа желаетъ
 Царство получить.
 ...Юность моя, юность.
 Быстро ты стрекаешь,
 Душу погубляешь,
 Грѣховъ прибавляешь!...
 Очи много видятъ,
 Уши много слышать,
 Руцѣ много грабятъ,
 Нози много ходятъ,—
 Гдѣ бы и не надо
 Вездѣ поспѣваешь!...
 Къ Богу ты лѣнива,
 Ко грѣху ретива!...
 ...Какъ, тебѣ я буду
 Молодой угождати
 Душѣ на погибель?
 ... Сижу я на борзѣ конѣ
 И той необузданъ—
 Смирить коня нечѣмъ.
 По горамъ, по холмамъ
 Прямо конь стрекаетъ,
 Меня разбиваетъ,
 Умъ мой помрачаетъ...
 Внѣ ума бываю,
 Дѣю что—не знаю;
 Вижу я погибель,
 Страхъ меня объемлетъ...

А дьяволъ силенъ; вездѣ и всюду сѣть онъ приманки для юности, ставитъ свои сѣти. Узкій и широкій пути лежатъ пе-

редь Божиимъ судомъ. Узкій — смирять страсти, бѣжать отъ грѣха, славить Бога, постоянно молить его о помощи; широкій путь — «по своей волѣ жить, во прелестяхъ быти» и понасть, въ полцѣ-концовъ, въ преисподнюю. Выборъ очевиденъ. Трудно идти по узкой тропинкѣ аскетизма, но за то награда велика впереді. Да и, притомъ, борьба съ грѣхомъ, все-таки, не представляетъ непобѣдимыхъ трудностей, — вѣрить авторъ. «Подождемъ, — говоритъ онъ въ другомъ стихотвореніи, — пока пройдетъ юность; улягутся страсти, тогда подберемъ у коня поводья и будемъ (его) направляти по пути смиренну и душеполезну». И ожиданіе это не оказывается напраснымъ. Борьба даетъ результатъ, душевное равновѣсіе приобрѣтено, и человѣкъ отдается весь спокойному созерцанію Бога въ природѣ.

Вмѣсто прелести и славы,
Зрю я въ темные лѣса,
Поминутно, вмѣсто власти,
Взоръ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсенъ,
Меня птички веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывать мнѣ велятъ...
Гдѣ кукушка воскукуетъ
На пустынныхъ древесяхъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ...
...И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ
Чтобъ не помнить никогда.
Поля злачны и долины
Здѣсь блистаютъ красотой:
Всѣ пріятны мнѣ и мило,
Но считаю все мечтой...

И такъ, убивай страсти, пожеланія и помыслы житейскія, удались отъ міра, направь всю свою волю на спасеніе души своей, — вотъ послѣдняя жизненная цѣль человѣка на землѣ. Убивай плоть: она грѣхъ и зло, она отъ дьявола, она влечетъ къ погибели только и единственно. Странствуй — съ неудобствами и лишеніями — это самое надежное средство освободиться отъ житейскихъ привязанностей.

Гдѣ бы ни жить,
Единому Богу служить,

Бояться моего Господина,
А не такъ жить, какъ скотина.

Если ужъ для тебя невозможенъ подвигъ странничества, если жизнь засосала тебя въ свою тину раньше, чѣмъ ты услышала слово истины, то, по крайности, облегчай подвигъ другихъ, содѣйствуй ему:

Странна или нища—не забуди никого,
Какъ друга или брата своего.
Богъ о странныхъ и нищихъ всегда печется,
Не бойся,—и отъ тебя за то на будущемъ судѣ не отречется.
Аще что имаши,—подай странну и нищу,
Да тѣмъ себѣ на небеси угодовиши пищу.
Аще и разбойникъ просить,—онъ такое же существо,
Господь сотворилъ тебя и его въ свое естество...

Такова мораль странничества въ ея послѣднихъ, житейскихъ приложеніяхъ. Вездѣ и всюду забота исключительно о личномъ спасеніи. Въ такомъ именно видѣ совершенно индифферентнаго къ міру аскетизма распространилось странничество, такой характеръ окончательно сообщенъ ему массою послѣдователей согласія. Разсужденія странниковъ, ихъ любимое чтеніе, особенно чтимые ими святыя,—все идетъ по одному направленію. Духовныя стихи объ Юсафѣ-царевичѣ, объ Алексѣѣ Божьемъ человекѣ постоянно распѣваются странниками. Житіе и творенія Ефрема Сирина и другихъ подвижниковъ - аскетовъ, житія Маріи Египетской, Кирика и Іулиты (особенно почитаемыхъ, какъ покровители согласія въ Вятской губерніи) и другихъ подвижниковъ и подвижницъ, отказавшихся отъ мірскихъ почестей и «прелестей», апокрифы богомильскаго происхожденія,—все это представляетъ наиболѣе ходовое и любимое чтеніе странниковъ и ясно отмѣчаетъ направленіе и характеръ странническаго настроенія и симпатій¹⁾.

Распространеніе странничества начинается сначала въ Ярославской губерніи. Любимымъ мѣстомъ странствованій Ефима были пошехонскіе лѣса. Послѣ его смерти, его неразлучная спутница, Ирина, поселилась въ с. Солѣлкахъ, Ярославскаго уѣзда, и продолжала проповѣдь ученія покойнаго друга. Солѣлки дали первыхъ прозелитовъ согласія, которое здѣсь прочно укре-

¹⁾ Даже самая манера проповѣди носитъ строгій характеръ, безпощаднаго аскетизма. Странникъ - проповѣдникъ входитъ въ домъ со словами: «аще хочещи спасти душу свою, прими мя, странника, Христа ради, аще же ни, прахъ отрясу отъ ногъ моихъ». Затѣмъ онъ кладетъ до 1000 поклоновъ и начинаетъ учить «не по церковному, какъ говорятъ мужики, а строго и страшно». (Рус. Архивъ 64 г., стр. 616).

нилось. Поэтому Сопѣлки сдѣлались главнымъ, руководящимъ центромъ странничества, откуда проповѣдь пошла дальше. Бюстромская, Нижегородская, Вологодская, Олонецкая губерніи съ своими дремучими лѣсами, удобными для сокрытія, скоро привлекли къ себѣ вниманіе учителей согласія и дали для него не мало послѣдователей. Изъ скита, основаннаго еще Никитой на Топь-озерѣ, странничество распространилось дальше на сѣверъ— въ Архангельскую губернію. Изъ Бюстромской губерніи оно перешло во Владимірскую (Шуйскій уѣздъ). Въ 50-хъ годахъ странничество обозначилось въ Московской и Тверской губерніяхъ. Въ то же время, оно появилось въ губерніяхъ Симбирской, Саратовской, Пермской, Вятской. Начиная съ 54 г., водворенные на поселеніе въ Сибири сектанты устроили пристани и приобрѣли послѣдователей по большой сибирской дорогѣ вплоть до Ярославля. Странники, оставшіеся въ Сибири, селились въ Томской губ. на р. Кѣ — въ кельяхъ, устроенныхъ или въ береговыхъ горахъ, или въ глухомъ лѣсу. Принимая на себя обязанности страннопріимства, они обзаводились хозяйствомъ, распахивали поля и огороды. Въ 1852 г. странническихъ «пристаней» было только въ Европейской Россіи 600. Всѣ странники данной мѣстности группируются около одного какого-нибудь селенія, старѣйшаго по появленію въ немъ согласія, болѣе зажиточнаго и вліятельнаго, которое становится центромъ. Метрополія этихъ маленькихъ «приходовъ» — Сопѣлки. Здѣсь собирается «верховный совѣтъ» и судъ странниковъ («верховный совѣтъ» составляется изъ наставниковъ разныхъ мѣстностей, разбираетъ вопросы вѣры и жалобы членовъ другъ на друга). Сюда на Пасху приходятъ человекъ по 100 наставниковъ и рядовыхъ членовъ для празднованія ея по своимъ обрядамъ. Здѣсь до 60 годовъ вкрестились въ секту. Крестьяне въ Сопѣлкахъ живутъ вообще зажиточно: земледѣіемъ почти не занимаются; многіе имѣютъ хорошіе капиталы и торгуютъ лѣсомъ и хлѣбомъ. Изъ другихъ центровъ странничества отмѣтимъ богатую деревню Коробово, Бюстр. у., родину Сусанина, долго злоупотреблявшую данною ей льготой: свободою отъ вѣзда земской полиціи. Благодаря этой льготѣ, тутъ пристанодержательство развилось широко. Обратимъ еще вниманіе на с. Вичугу (Кинешем. у.), на с. Иваново (теперь городъ, Шуйск. у.) и на Кимру (Каляз. у., Твер. губ.). Все это богатыя торговопромышленныя мѣстности, нуждающіяся въ рабочихъ рукахъ, изстари наполненныя старовѣрами — ведосѣвыми.

Филипповыми, спасовыми и пр. Вообще отиѣтимъ по этому поводу характерное явленіе. Купцы, владѣльцы фабрикъ и заводовъ, рыбопромышленники и судовщики въ 40 — 50 годахъ особенно охотно переходили въ странничество (но не въ странство) и устраивали пристани для странниковъ. Это на первый взглядъ странное явленіе объясняется въ сущности очень просто: зажиточные люди, владѣльцы какихъ-нибудь предпріятій отнюдь не бросали своихъ дѣлъ; они только ловко пользовались и подавнїями, какія собирали безсребреники-учителя, отдавашіе ихъ пристанодержателямъ (а это представляло часто приличныя суммы), и даровымъ трудомъ рядовыхъ странниковъ, не бравшихъ за трудъ «антихристовыхъ знаковъ» и не взыскательныхъ, скромныхъ, угодливыхъ, благодаря отсутствію паспортовъ и, такимъ образомъ, полной зависимости отъ пристанодержателей. Весною начинается движеніе странниковъ. Изъ своихъ зимнихъ пріютовъ они выходятъ въ странство. Главный сборный пунктъ ихъ въ это время Нижегородская губернія. Сюда приходятъ странники изъ окрестныхъ губерній и потомъ отправляются внизъ по Волгѣ «по божьей дорогѣ» къ «Разгуляю городку» (Астрахани) на купеческихъ расшивахъ съ хлѣбомъ, на рыболовныхъ судахъ, сплавляемыхъ нижегородскими судостроителями, съ караванами дровъ въ видѣ бурлаковъ, судорбочихъ, — преимущественно у своихъ пристанодержателей, хотя и вообще владѣльцы грузовыхъ судовъ охотно берутъ безпаспортныхъ странниковъ, какъ честныхъ, воздержныхъ, хорошихъ рабочихъ, притомъ, дешевыхъ, трудящихся за плату натурой.

V.

40—50 годы представляютъ періодъ наибольшаго распространенія странничества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начало его извращенія. Страннопрїимство становится простымъ пристанодержательствомъ и является цѣлая масса людей, желающихъ воспользоваться согласіемъ просто для расширенія торговыхъ оборотовъ. Покровительство согласію со стороны богатыхъ купцовъ, становящихся даже членами секты, въ это время особенно усиливается. Странничество въ Иваново-Вознесенскѣ, среди купцовъ въ Казани и пр. распространяется какъ разъ въ 50 годахъ. Но если даже мы не обратимъ вниманіе на эту сторону дѣла, если мы обратимся къ «истовымъ» странникамъ, дѣйствительно спасающимся, то и среди ихъ замѣтимъ признаки разложенія. Да это и понятно. Странниче-

ство даже съ послабленіями, если не принимать ихъ формально, какъ «страннопріимцы»-нушцы, слишкомъ уже сильно натягивало всѣ струны человеческой души, чтобы онѣ могли долго держать одинъ тонъ. Аскетизмъ въ непосредственной натурѣ можетъ явиться только въ видѣ порыва, сильнаго, положимъ, но непродолжительнаго, какъ всякое напряженное чувство. Для того, чтобы напряжение поддерживалось, нужно слишкомъ много сознательной работы надъ собой, нуженъ цѣлый рядъ искусственныхъ выдержекъ, строго систематизированный рядъ соответствующихъ занятій, размышленій и бесѣдъ, которыя бы поддерживали экзальтацию чувства на одномъ уровнѣ. Индѣйскіе, египетскіе, сирійскіе и другіе аскеты - подвижники сознательно вырабатывали системы борьбы съ грѣхомъ. Нашъ непосредственный аскетъ не зналъ ничего подобнаго. Онъ убѣжденъ, что побѣдить страсти вовсе не такъ трудно: подождать только надо, пока юность «прострекаеть». Аскетъ-странникъ, несмотря на восхваленія пустыни, все-таки, «на міру» надерживается, работаетъ нерѣдко, какъ и всякій другой человѣкъ — мірской, и его страстный порывъ скоро таетъ. Таетъ порывъ и оттого, что въ странствѣ отъ души отлегаеть та тяга, которая выгнала изъ міра, и такъ какъ ощущеніе тяги было несознательно, то полученное облегченіе удовлетворяеть человѣка и цѣль его странства начинаетъ тускнѣть. Онъ-то самъ думаетъ, что страсти побѣдилъ и оттого ему стало такъ легко, а на самомъ дѣлѣ чѣловѣкъ чѣловѣкомъ тѣмъ же остался и съ тѣми же «страстями», только житейская горечь немного забллась, постерлась въ странствованіяхъ. И оттого таетъ порывъ, что люди на подвижника смотрять, а не безлюдная пустыня, гдѣ чѣловѣкъ постоянно остается съ неизмѣннымъ сознаниемъ своего ничтожества, гдѣ не можетъ развиваться самообожанія и самовосхваленія, потому что нѣтъ людей для лицемѣрнаго сравненія ихъ съ своей особой. На міру люди преклоняются предъ подвигомъ и это преклоненіе мало-по-малу нечувствительно заставляетъ «возмнить о себѣ». Предъ чѣловѣкомъ преклоняются, а онъ наивно думаетъ, что это такъ и надо, что это заслужено. Сознаніе своей высоты сравнительно съ другими развиваетъ властное чувство по отношенію къ этимъ другимъ. Освобожденная личность неизмѣнно стремится подчинить себѣ другихъ, если только не сдерживается широко развитымъ сознаниемъ. Въ то же время, развитие этого властнаго чувства сопровождается ослабленіемъ воли въ регулированіи своихъ собственныхъ поступковъ. Чѣловѣкъ такъ

высоко сталъ надъ окружающими, что, кажется, достигъ возможнаго совершенства: дальше идти не куда. Самообожаніе доходитъ до послѣднихъ предѣловъ. Праведникъ, освобожденный отъ грѣха, можетъ уже и не слѣдить за собой: «праведному законъ не лежитъ». Всѣ его помыслы и дѣла чисты, хороши, напередъ оправданы и окуплены предшествовавшимъ подвигомъ. Властное чувство въ отношеніяхъ къ другимъ сопровождается полнымъ ослабленіемъ къ себѣ: вся воля уходитъ, такъ сказать, во выѣ. Человѣкъ не замѣчаетъ, прежде всего, самъ ослабленія воли, потому что оно развивается постепенно, сначала въ ослабленіи смиренія и неустаннаго покаяннаго надзора за собой. Человѣкъ проповѣдуетъ смиреніе, а самъ въ себѣ, благодаря поклоненію окружающихъ, раститъ сатанинскую гордость; проповѣдуетъ воздержаніе, а самъ становится мало-по-малу распущеннымъ. Въ исторіи нашихъ сектъ можно сплошь и рядомъ наблюдать подобный путь развитія личностей. Вотъ, между прочимъ, характерная картинка изъ быта странниковъ въ 50-хъ годахъ для иллюстраціи сейчасъ высказанныхъ положеній.

Въ 1849 году въ Костромскомъ у. одинъ изъ странниковъ задумалъ въ компаніи съ другимъ, тоже странникомъ, продать, пожертвованную въ пользу согласія, библіотеку. Одинъ изъ членовъ согласія, Иванъ Жаровскій, воспротивился этой продажѣ. Защищая книги, онъ больно поколотилъ Александра, странника, стоявшаго за продажу, и убилъ Василия. Это происшествіе произвело немалый переполохъ въ согласіи. Надъ виноватымъ назначенъ былъ судъ (согласія) и авторъ письма, которое мы сейчасъ приведемъ, отправился въ качествѣ слѣдователя на мѣсто разузнать какъ было дѣло. «Мы хорошенько не спросили (Ивана Жаровскаго), а онъ самъ ясно ничего не сказывалъ и мы по его смиренію дали ему чинъ суда. Наконецъ, я къ нему прибылъ и что узналъ, ты отнюдь не повѣришь, ибо страшна сія повѣсть весьма. Все Иваново было; и начинаніе, и совѣтъ, и всякій умыселъ, и къ дѣлу приступъ, и рукъ возложеніе... Дометіанъ за едино съ нимъ былъ и они разсудили, что надлежитъ одному умереть, да не всѣхъ онъ (убитый) погубить... Сначала (послѣ убійства) онъ взялъ высокое житье и крѣпкое покаяніе. И стала братія, какая при немъ была, просить вступить во все распоряженіе надъ нею. Онъ же согласился на сіе и положилъ на братію свой канонъ, и она съ любовью взяла. Но отселъ Иванъ началъ полагать, что онъ не грѣхъ сотворилъ, убивши Василия. «Я, глаголетъ, ученика моего

въ царство небесное ввелъ.» И сатана показалъ ему въ видѣніи ясно, а не во снѣ, Василья на воздухѣ, и мѣсто, уготованное ему въ царствѣ небесномъ, показалъ же. И видѣлъ тамъ Иванъ два сѣдалища—Васильево и свое. И говорили съ нимъ двое яко ангелы, и велѣли ему поклониться убиенному, и онъ поклонился. Тако ему видѣнія многія были. А когда икона стала чудеса у него творить, то возмечталъ онъ о себѣ зѣло... Всю весну не далъ никому отъ братіи млека ясти, и толико превознесся, что сказалъ: «теперь только въ моемъ монастырѣ спасутся, а вездѣ погибнуть». И всѣхъ насъ, христіанъ, не за христіанъ почелъ, но за іудеевъ. «И книги, сказалъ, сожгу: у меня книги въ сердцѣ. Одно евангеліе оставлю... да и то сожгу, а свое напишу». А что давно и многократно самъ себя Богомъ и Христомъ называлъ, сіе такъ безстыдно. И спрашивалъ: «вѣруете ли въ меня?» И правила потопталъ: «сіе іудейское все», говорить. И дерзостно сказывалъ: «мои заповѣди соблюдете, воистину спасетесь, а бойтесь прежде меня, потомъ Бога»... И принуждалъ всѣхъ объявлять ему помыслы каждый день, и кто что скажетъ тайно, все обличить при другихъ, а тѣмъ, которые о помыслахъ блудныхъ говорили, велѣлъ молиться убитому Василью, глаголя: «отъ сего избавить.» И случилось чудо не малое. Василья нашли въ Петровъ день: вымыло — около рѣки былъ зарытъ; ребята малые увидали, да всѣмъ по деревнѣ и объявили. Что было хлопотъ и страху! Мужики деревенскіе опять зарыли мертвеца, а Иванъ перенесъ его ночью и гдѣ новую келью ставилъ, тутъ и зарылъ, возопивъ: «престолъ на сихъ костяхъ созижду». (*Труды Ярослав. Статист. Ком.*, вып. 1, стр. 191—193).

Вы скажете, что этотъ Жаровскій нервно-больной, сумасшедшій? Но мы отвѣтимъ, что это неизбежный результатъ извѣстныхъ условій, извѣстной степени развитія, извѣстнаго міросозерцанія. Мы пересчитаемъ вамъ цѣлую массу другихъ примѣровъ точно такого же самообожанія. Илья Ковылинъ говорилъ: «если ангелъ съ неба придетъ и скажетъ, что слова мои невѣрны,—миѣ вѣрите, а не ему». Бапустинъ установилъ цѣлый обрядъ съ поклоненіями ему, какъ Христу (*Гакстгаузенъ*, по рус. изд., т. 1, стр. 273). До такого же самообожанія дошелъ и «задурилъ», по выраженію самихъ духоборцевъ, Побирохинъ на Кавказѣ.

Въ томъ-то и дѣло, что подобные факты не единичны; въ исторіи каждой секты ихъ можно отмѣчать десятками и это обстоятельство *заставляетъ* отнестись къ нимъ не такъ «просто»,

какъ къ сумасшедшимъ и исключеніямъ... Сами сектанты осуждаютъ такія выходы, смѣются надъ ними; изъ-за того въ согласіяхъ расколы бываютъ. Но и въ расколовшихся половинкахъ идетъ тотъ же процессъ развитія и постоянно есть возможность новаго раскола.

Во всякомъ случаѣ, разъ ужъ возможны въ согласіи такія явленія, какъ личность Ивана Жаровскаго, мы имѣемъ полное основаніе думать, что дѣла согласія начинаютъ идти неладно. И дѣйствительно: первые принципы секты все больше и больше рушатся, или обходятся съ помощію фантасій, или замѣняются новыми—не особенно высокаго качества. Дѣвственность, напр., составлявшая прежде одно изъ необходимыхъ условій странничества, теперь оказывается пустымъ звукомъ. Засвидѣтельствованъ совершенно достовѣрно прямой, беззащитный развратъ. Что за бѣда? «Тѣло играетъ, да душа непорочна», — гласитъ странническая поговорка. Семья нѣтъ — она отрицается, считается зломъ; брака, въ смыслѣ прочнаго союза не существуетъ;—ничего, кромѣ «безпорядочнаго полового смѣшенія», даже теоретизированнаго. Говорятъ: «сожитіе съ законной женой не осуждаютъ и съ ней удобнѣе грѣшить. А незаконное сожительство осуждаютъ и тѣмъ уменьшается тягость этого грѣха». Онъ карается осужденіемъ еще здѣсь на землѣ. Съ одного вола не по семя же шкуръ! Иные рѣшаютъ проще. «Въ антихристово время, говорятъ, праведному законъ не лежитъ», а извѣстно, что праведники на землѣ только странники.

Затѣмъ на ряду съ наставниками вроде Ивана Жаровскаго являются чистые проходимцы, беззащитно торгующіе своими духовными услугами, какъ нѣкій Афанасій, сожженный на Поморьи за лихоимство.

Вообще въ сектѣ шло глухое броженіе, общее недовольство, споры и ссоры, уклоненія отъ доктрины. Но все еще держалось на мѣстѣ; нужда въ передѣлкахъ и поправкахъ не сознавалась ясно. Окружающій антихристовъ міръ все еще гналъ въ секту новыхъ прозелитовъ и все же требовалось поддерживать нѣкоторый декорумъ, по крайности. А, между тѣмъ, подошла великая реформа и многое круто измѣнила въ крестьянской жизни. Прежде всего, свободная крестьянская семья какъ-то сама собой вышла на новую дорогу. Мало-по-малу падалъ семейный деспотизмъ; раздѣлы увеличились страшно: крестьянская личность стала сказываться въ нихъ рѣзко, на первыхъ порахъ, но во всякомъ

случаѣ видно было, что она не задретъ въ однихъ формахъ. Семья, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, съ увеличеніемъ числа раздѣловъ, перестала мало-по-малу казаться зломъ, потому что заявленія личности младшихъ членовъ семьи стали больше уважаться. Все это не замедлило сказаться на сектанствѣ и въ частности на странничествѣ. Въ немъ началось движеніе и ужъ на этотъ разъ вовсе не въ сторону аскетизма. Согласіе, напротивъ, быстро пошло въ сторону примиренія съ дѣйствительностью.

Въ 1863 г. Никита Семеновъ составилъ статьи для управленія братствомъ. *Символическій статейникъ православной церкви*, очевидно, отвѣчаетъ на упреки, обращенныя къ странничеству со стороны другихъ согласій по поводу обнаруженныхъ въ согласіи уклоненій отъ доктрины. Въ *Статейникѣ* Никита Семеновъ защищаетъ, между прочимъ, законность брачнаго сожитія или, правильнѣе, безпорядочныхъ половыхъ связей въ томъ видѣ, какъ онѣ существовали до тѣхъ поръ. Онъ доказываетъ также, что крестъ терпѣнія (странничество) тяжелѣе и важнѣе креста Христова (?!). Но, главнымъ образомъ, *Статейникъ* рассчитанъ на увеличеніе власти самого Никиты. Онъ считаетъ себя настоятелемъ всего согласія съ правами епископа: доказываетъ право безъ законнаго рукоположенія управлять церковью, регламентируетъ таинства и, въ виду нападокъ на сребролюбіе странническихъ учителей, устанавливаетъ, какъ должна распределяться получаемая ими милостыня. Она дѣлится на 3 части: одна—настоятелю, другая—на братію, третья—въ кружку на непредвидѣнные расходы.

Статьи Никиты Семенова такъ рѣзко разошлись съ принятой доктриной согласія, что вызвали въ согласіи цѣлую бурю, которая продолжалась нѣсколько лѣтъ и кончилась тѣмъ, что странничество разбилось на три фракціи. Одна часть примкнула къ Никитѣ Семенову, принявъ его статьи, его духовное руководство; другая—крѣпко держится за ученіе Ефима: до сихъ поръ чурается царства сатаны, отличается фанатизмомъ, упорно отбивается отъ всякихъ сдѣлокъ съ міромъ. Для насъ особенно интересна третья фракція, основанная Косаткинымъ, поддерживавшаяся Михаиломъ Кондратьевымъ, людьми искренними и начитанными (оба они, замѣтимъ мимоходомъ, обратились къ православію). Мы не знаемъ численнаго соотношенія между этими тремя фракціями, но есть основанія думать, что толкъ Косаткина и Кондратьева, впрочемъ, еще не установившійся оконча-

тельно, встрѣченный сначала насмѣшками и бранью, все больше и больше овладѣваетъ симпатіями странниковъ. Толькъ этотъ представляетъ собою полную усупку антихристову міру и, какъ знаменіе времени, очень любопытенъ. Представители его возмутились беззастѣнчивымъ оправданіемъ Никитою Семеновымъ половой распущенности въ согласіи. Косаткинъ выступилъ противъ Никиты Семенова съ заявленіемъ, что бракъ необходимъ съ благословенія церкви (своего согласія), что даже браки, заключенны въ церкви еретической, правы и свиты. Ученіе это особенно понравилось людямъ, уже женатымъ, жившимъ врозь съ своими женами. Для новыхъ браковъ въ самомъ согласіи установленъ особый обрядъ; это—«началь» (семь земныхъ поклоновъ съ Исусовой молитвой) и обѣщаніе при свидѣтеляхъ брачущимися жить вмѣстѣ неразлучно. Эти уступки естественно повлекли за собою дальнѣйшія. Разъ принимается человѣкъ, уже женатый, и бракъ его объявляется правильнымъ, надо признать и необходимость, удерживающую его въ мірѣ. Безбожно, нехорошо уйти въ странство, оставивъ семью безпомощной. Разъ человѣкъ женится и согласіе признаетъ его бракъ, оно должно предвидѣть необходимость осѣдлости современемъ для новой семьи. И дѣйствительно, толькъ Косаткина принимаетъ и креститъ стариковъ, не требуя, чтобы они уходили изъ міра и скрывались. Платащихъ подати, стало быть, сидящихъ на мѣстахъ, не считаютъ совершенно чуждыми спасенія. Признаютъ деньги. Признаніе это вызвало, впрочемъ, протестъ. Страница Любовь основала новую фракцію, которая принимаетъ бракъ, но отрицаетъ деньги. Но это, разумѣется, разногласіе не существенное и, можетъ быть, новый толкъ этотъ уже кануль въ вѣчность, какъ мертворожденный.

Какъ видитъ читатель, реформы предшествующаго царствованія совсѣмъ выбили странничество изъ колеи, давъ крестьянству значительно больше прежняго возможностей развитія своей личности, не выходя изъ рамокъ государственнаго строя. Бракъ, семья около своего очага не представляетъ теперь такого ужаса, какъ при крѣпостномъ правѣ. Любовь не преслѣдуется, не игнорируется, а, напротивъ, больше и больше получаетъ значенія въ дѣлѣ брака; отрицаніе семьи становится все больше и больше неубѣдительнымъ, нетрогающимъ, скорѣе даже отталкивающимъ; запросы личности развиваются и черствый аскетизмъ странничества теперь уже не можетъ ихъ удовлетворить. Согласіе признало бракъ,

признало съ грѣхомъ пополамъ осѣдлость,—оно не остановится на этомъ пути. Въ ученіи Ефима компромиссъ даже для наивнаго ума выставляется явнымъ противорѣчіемъ. Оно все подлежитъ, такимъ образомъ, отмѣнѣ или передѣлкѣ, которая сдѣлаетъ его неузнаваемымъ. Отъ чувственнаго антихриста едва ли много останется, а ученіе объ антихристѣ, царствующемъ духовно, до такой степени быстро въ другихъ сектахъ превращается въ пустой звукъ, въ мертвое слово, не дающее ни одного жизненнаго импульса, что разъ странничество перейдетъ къ нему (а оно переходитъ мало-по-малу; только въ Пошехоніи еще держится Ефимова старина), мы получимъ полное право покончить съ странничествомъ, какъ съ согласіемъ, окончившимъ свое теченіе, завершившимъ путешествіе по магическому кругу.

Среди странниковъ-брачниковъ намѣчается, впрочемъ, новое теченіе мысли, которое, перестраивая доктрину, повидимому, хочетъ совсѣмъ сдать ученіе объ антихристѣ въ архивъ. Въ 1875 г. Михаилъ Бондратьевъ, такимъ образомъ, доказывалъ, что у нихъ есть всѣ таинства. «Мы по чину Мелхиседеову всѣ бываемъ священники отъ св. крещенія, а нужды ради тайну миропомазанія получаемъ также при крещеніи, ибо, по завѣщанію св. апостоловъ, за немѣнѣемъ мѣра, довольствуется вода и помазаніе ею. Таинства крови и тѣла приобщаемся ежедневно, егда ограждаемъ крестнымъ знаменіемъ двуперстнаго сложенія, ибо въ двухъ перстахъ изображаемъ Христа во двою естеству, и какъ изображимъ на себѣ крестъ оными персты, то и причастимся онаго естества, еже есть тѣло и кровь Христова. А тайна елеопомазанія совершается у насъ милостынею, понеже въ писаніи милостыня называется елеемъ. О прочихъ же тайнахъ—крещеніи и покаяніи всякій знаетъ, что во время нужды и простецы крестили и на исповѣдь принимали, также и бракъ многожды сводили безъ священныхъ молитвъ по благословенію родителей или при пяти свидѣтеляхъ». Въ этихъ натяжкахъ характерно именно это стремленіе натянуть, этотъ прорывающійся, какъ предчувствіе, впрочемъ, только, духъ рационализма. Если этотъ пріемъ мышленія укрѣпится здѣсь, мы можемъ распроститься съ странничествомъ.

Странничество разлагается. Изъ Корчевы въ 1881 г. писали: «Недавно одинъ изъ странниковъ Борчевскаго уѣзда донесъ кому слѣдуетъ изъ корчевскаго начальства о существованіи въ уѣздѣ этихъ сектантовъ, съ указаніемъ на имена и мѣстоительство нѣкоторыхъ изъ нихъ. Причиной, побудившей странника къ доносу,

по его собственному заявленію, служить то обстоятельство, что за послѣднее время странники стали жить довольно открыто, начали явшаться съ православными, однимъ словомъ, повели себя слабо и отъ этого самаго впали въ большой грѣхъ; а потому онъ посредствомъ своего доноса хотѣлъ сдѣлать то, чтобы они, странники, приняли гоненіе и попрежнему начали бы скрываться» (*Руск. Курьеръ*).

Это ужь, разумѣется, послѣднее дѣло—прибѣгать для возвращенія людей на путь истины къ такимъ «героическимъ средствамъ». Хотя, съ другой стороны, наличность такихъ фанатическихъ борцовъ за statu quo согласія еще способно на нѣкоторое затянуть его жизнь. Такой «упорный» проповѣдникъ еще, можетъ быть, и нѣсколько десятковъ народа въ свою вѣру обратить. Но явленія атавизма уже подлежатъ особому изслѣдованію, а всякое возрожденіе странничества несомнѣнно только такимъ явленіемъ и можетъ быть.

И. Харламовъ.

АЛОНЗО ДОБРЫЙ.

...Передъ смертью къ больному вернулся рассу-
докъ... Донъ-Кихоть былъ теперь по просту Алонзо
Квинджано Добрымъ.

Сержантесъ.

Сквозь дымку облаковъ, что бурною толпою
Клубились въ небесахъ, двурогая луна
Холодные лучи серебряной волною
Въ обитель мрачную роняла изъ окна.
Играя по стѣнамъ огромными тѣнями,
Невѣрнымъ пламенемъ въ углу мерцалъ ночникъ;
Онъ латы озарилъ, покрытыя рубцами,
И ткани паутинъ, и груды старыхъ книгъ,
Заброшенныхъ въ пыли, изгрызенныхъ мышами...
Сидѣла дряхлая понигла головой,
Уснувъ предъ очагомъ, гдѣ угли потухали,
Едва подернуты остывшею золой,
И нѣжно-розовымъ отливомъ догорали...
Въ постели недвижимъ покоился больной,
Страданьемъ изнуренъ... То былъ гидальго бѣдный,
Прославленный молвой, безумецъ Донъ-Кихоть.
Лежалъ онъ въ забыты, какъ трупъ, худой и блѣдный:
Лицо и прядь волосъ смочилъ холодный потъ...
Чуть дрогнули уста... въ нихъ замерло стенанье;
Онъ поднялъ голову, собравъ остатокъ силъ,
И впалые глаза, гдѣ вспыхнуло сознанье,
Медлительно открывъ, больной проговорилъ:
«Такъ вотъ чего дорогой трудной,
Цѣною жизни я достигъ!»

Обманъ надежды безразсудной
Разоблаченъ, и въ этотъ мигъ,
Не въ грозный мигъ борьбы кровавой,
Не для побѣды величавой,
Какъ умирая, стяжавъ вѣнецъ,
Покрытый ранами и славой,
Роландъ, безтрепетный боецъ,
Лѣтъ, на постели, какъ старуха,
Какъ трусь, не сдѣлавъ ничего,
Умру я медленно и глухо!...
И здѣсь, у гроба моего
Мнѣ разумъ небо возвратило,
Чтобъ я прочелъ мой приговоръ
И надъ зіяющей могилой
Увидѣлъ вѣчный мой позоръ.
Съ моей надеждой простодушной,
Мечтой безумной ослѣпленъ,
Какъ былъ я жалокъ и смѣшенъ
Передъ толпою равнодушной!
Но неужель все это бредъ,
Чему такъ пламенно я вѣрилъ?
Я предъ собой не лицемѣрилъ,
Ужели правды въ мѣръ лѣтъ?
Я шелъ, на подвигъ благородный
Во имя братства и любви,
И были помыслы мои
Открыты, чисты и свободны.
Я думалъ кровь мою пролить
За всѣхъ обиженныхъ судьбою
И мечъ за слабыхъ обнажить,
Какъ рыцарь, честною рукою;
Но поруганьемъ осквернивъ,
Мою святыню растоптали
И грубымъ смѣхомъ отвѣчали
На мой восторженный призывъ!
О, этотъ смѣхъ неумолимый
Еще я слышу вдругъ себя!...
Съ какой враждой неутомимой,
О, люди, гнали вы меня!
За что, скажите, ваша злоба

Меня крестѣдуетъ до гроба,
 За что?... Не я ли вамъ открылъ
 Глубокой жалости объятья?
 Ужель не поняли вы, братья,
 Какъ беззавѣтно я любилъ,
 Какъ и донинѣ васъ люблю я?
 О да, любовь, одна любовь,
 Надъ смертной мукой торжествуя,
 Побѣдно вспыхиваетъ вновь.
 Я все простилъ толпѣ жестокой:
 Позоръ, гоненье и вражду,
 Но неужель изъ тьмы глубокой,
 Покинуть въ скорби одинокой,
 Напрасно отклика я жду?
 О, дай отвѣтъ, душа родная!
 Хотя на мигъ, когда-нибудь
 И мнѣ, вѣдь, нужно отдохнуть,
 Ко груди брата прижимая
 Мою тоскующую грудь!...»

Но тихо все кругомъ... сидѣлка мирно дремлетъ,
 Понигнувъ головой; никто ему не внемлетъ...
 И вотъ въ послѣдній разъ, отчаянемъ объять,
 Большой затрепеталъ отъ нестерпимой муки,
 Смежилъ потухшій взоръ, откинувшись назадъ,
 Съ безумною мольбой протягивая руки.
 Когда умчалась ночь, и солнце залило
 На стрѣльчатомъ окнѣ узорныя рѣшотки,
 Любовно озарилъ разсвѣта пламень кроткій
 Прозрачное, какъ воскъ, покойнига чело
 Съ пронизанной лучемъ, невысохшей слезою.
 То не былъ Донъ-Кихоть, то былъ святой боецъ.
 Алонзо-мученикъ, непризнанный толпою;
 И мнилось, что заря съ улыбкой молодо
 Владеть на мертвый ликъ сияющій вѣнецъ.

Д. Мережковский

РУССКІЙ ДОРЕФОРМЕННЫЙ ГОРОДЪ *).

II.

(Окончаніе).

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ перипетіяхъ судьбы городского «благоустройства и благообразія» со дня вступленія на престолъ Императора Александра I и до изданія свода законовъ—последняго въ 1857 году. Мы ограничимся по отношенію къ этому полустолѣтію лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Дѣло въ томъ, что всѣ претерпѣнныя городской полиціей перипетіи, какъ и полиціей имперіи вообще, носили въ сущности одинъ общій характеръ: развивались, во-первыхъ, главнымъ образомъ, начала безопасности и благочинія и, во-вторыхъ, что касается учрежденій, ее вѣдавшихъ въ странѣ вообще и въ городахъ въ частности, то въ теченіе всего времени до изданія «Городоваго положенія» 1870 года развивались исключительно учрежденія административныя—возстановленныя екатерининскія управы благочинія, полицеймейстеры и оберъ-полицеймейстеры, пристава и квартальные, а во главѣ ихъ губернаторъ и губернское правленіе.

Оговоримся еще, въ видѣ общаго замѣчанія, что по интересующему насъ вопросу въ теченіе указаннаго времени не сдѣлано, по существу дѣла, ничего новаго; въ массѣ «положеній», указовъ, проектѣ высказывались все тѣ же намъ извѣстныя положенія, такъ широко высказанныя Петромъ и Екатериной. Все это были требованія благообразія и чистоты ¹⁾ городовъ посредствомъ энергической деятельности губернскаго начальства вообще и городской полиціи въ частности.

Замѣтимъ при этомъ, ссылаясь на официальный авторитетъ.

^{*)} Русская Мысль, кн. V.

¹⁾ Акучинъ, назван. соч., стр. 226.

что съ 1826 года по 1853 г. «городская полиція оставалась въ неизмѣненномъ видѣ»; что же касается измѣненій, сдѣланныхъ въ этомъ году, то они сдѣланы «лишь въ комплектованіи городскихъ командъ, самое же положеніе о городской полиціи продолжало оставаться въ своемъ первоначальномъ видѣ до реформъ послѣдняго времени»¹⁾; что же касается «измѣненій», практиковавшихся до 1826 года, то и они имѣли въ виду, главнымъ образомъ, вышнюю организацію полиціи городской и ея штаты²⁾. Для отправления этой функціи съ 1802 года учреждены были во многихъ городахъ особые комитеты, которые³⁾ заботились лишь о покрытіи городами расходовъ на полицію изъ собственныхъ ихъ доходовъ. Это въ городахъ; а въ Петербургѣ для той же цѣли при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ учреждались особыя комисіи—въ 1825, 1836 и 1840 годахъ, которыя, наконецъ, соединили съ временнымъ отдѣленіемъ при хозяйственномъ департаментѣ министерства.

Несмотря на всѣ эти штаты и всякаго рода видоизмѣненія въ городской полиціи, ея состояніе въ теченіе всего времени, нами указаннаго, было плохо, а, стало быть, и возложенная на это учрежденіе функція по отношенію къ благосостоянію городовъ исполняема удовлетворительно быть не могла. Еще въ 1818 году, вслѣдъ за цѣлымъ рядомъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ по части организаціи городской полиціи, «послѣ ежегодно повторявшагося составленія и утвержденія новыхъ штатовъ, городская полиція находилась въ столь неудовлетворительномъ состояніи, что обратила на себя особенное вниманіе государя»⁴⁾. Состояніе городской полиціи и позже было таковымъ же. Послѣ того, какъ тогдашнее министерство полиціи получило порученіе озаботиться объ улучшеніи состоянія полиціи, положеніе ея оказывается въ связи «съ умноженіемъ городскихъ доходовъ, а доходы эти умножались и умножаются доселѣ, какъ извѣстно, очень туго; съ другой же стороны, средства на улучшеніе городской полиціи постоянно требуются все большія и большія.

Мы видѣли, что до новаго изданія свода законовъ никакихъ капитальныхъ измѣненій въ организаціи городской полиціи и ея функцій не произошло. То, что вошло въ это изданіе свода по

¹⁾ Тамъ же, стр. 227.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Алучинъ, назв. соч., стр. 224 — 225, и наше назв. соч., т. II, стр. 137—240.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 225.

данному предмету, существовало безъ всякихъ измѣненій до 1870 года, времени изданія «Городоваго положенія», т. - е. въ теченіе 13 лѣтъ, да въ значительной степени существуетъ и теперь.

Благоустройство города по своду, какъ и при Екатеринѣ, составляетъ функціи двоякаго рода учрежденій—городскихъ выборныхъ, такъ называемыхъ шести-гласныхъ думъ и городского головы и правительственной городской полиціи.

Первыя вѣдали «прочность публичныхъ городскихъ зданій», какъ еще это установило «Городовое положеніе» 1785 года, и представляли, чрезъ «предстательство» городского головы, «губернскому начальству о городскихъ нуждахъ и недостаткахъ» ¹⁾. А это послѣднее, т. - е. губернское начальство, уже и вѣдало городъ черезъ своихъ агентовъ и по отношенію къ благообразію, чистотѣ и опрятности; оно, губернское начальство, обращая должное вниманіе на представленія «города», смотря по свойству оныхъ, или старается удовлетворить эти нужды «по мѣрѣ данной ему власти и справедливости ходатайства, или же доводить о нихъ до свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ» ²⁾. На начальника губерніи возложено самостоятельное, по собственной инициативѣ, «наблюденіе за надлежащимъ устройствомъ городовъ... возвышеніе ихъ благосостоянія, покровительство общепользныхъ предпріятій» ³⁾. Онъ, въ силу этого общаго положенія, обязанъ заботиться, чтобы въ городахъ, въ коихъ предписаны каменные постройки, не допускались деревянные строенія, чтобы обстроивались города по утвержденнымъ и одобреннымъ начальствомъ планамъ и фасадамъ; онъ долженъ заботиться о постепенномъ замощеніи городовъ, для чего долженъ организовать особые комитеты, планы и проекты которыхъ о замощеніи города долженъ, съ своимъ заключеніемъ, представлять въ министерство внутреннихъ дѣлъ ⁴⁾. Губернаторъ долженъ наблюдать «за исправнымъ состояніемъ» всѣхъ казенныхъ и общественныхъ зданій въ городѣ ⁵⁾. Онъ же обращаетъ должное вниманіе на соблюденіе вообще *внѣшняго благоустройства въ городахъ*... между прочимъ, и *опрятности и чистоты* на улицахъ, площадяхъ и базарахъ ⁶⁾. Всѣ эти функціи губернаторъ выполняетъ «черезъ мѣстныхъ (го-

¹⁾ *Св. Зак.* 1857 г. т. II, ч. I, ст. 4,443, п. 3, § II и § I.

²⁾ *Тамъ же*, ст. 403.

³⁾ *Тамъ же*, ст. 428 и 429.

⁴⁾ *Тамъ же*, ст. 440, 442 и 443.

⁵⁾ *Тамъ же*.

⁶⁾ *Тамъ же*, ст. 457.

родовія) полицейскія управленія» ¹⁾, а эти послѣднія, согласно «Уставу полицейскому» императрицы Екатерины, съ немногими измѣненіями, состоятъ изъ тѣхъ же самыхъ управъ благочинія, оберъ-полицеймейстеровъ и полицеймейстеровъ въ столицахъ съ подчиненными имъ частными приставами и квартальными, а въ губернскихъ городахъ—изъ полицеймейстеровъ съ частными приставами; въ городахъ же уѣздныхъ — городничихъ съ тѣми же приставами и квартальными ²⁾. При опредѣленіи предметовъ вѣдомства этихъ учрежденій и органовъ повторяется то же, съ чѣмъ мы только что ознакомились, какъ съ функціями начальника губерніи ³⁾.

Не будемъ говорить объ особомъ полицейскомъ устройствѣ такъ называемыхъ градоначальствъ; для насъ важны не особенности въ подробностяхъ устройства городской полиціи вообще, а общія начала, на которыхъ она строится, а эти начала—вездѣ однѣ и тѣ же. Городъ вѣдаетъ никакъ не дума въ теченіе цѣлыхъ почти трехъ четвертей столѣтія; онъ въ исключительномъ вѣдѣніи во всѣхъ отношеніяхъ начальника губерніи и подчиненныхъ ему органовъ. Значеніе въ этомъ отношеніи думъ, какъ органовъ городского самоуправленія, сводилось къ выдачѣ на извѣстныя потребности, нужды и пользы, удовлетворяемыя правительственными административными учрежденіями. Думы не пользовались даже инициативой по отношенію къ усиленію городскихъ доходовъ. Этимъ занимались уже знакомые намъ комитеты или, за отсутствіемъ ихъ, сами начальники губерній; тѣ или другіе составляли примѣрныя росписи городскихъ доходовъ, потребныхъ на удовлетвореніе «пользы и нужды» города, представляли ихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онѣ превращались въ проекты, шедшіе на утвержденіе государственнаго совѣта. Такимъ образомъ, городскія учрежденія, а, стало быть, и городское общество, совершенно устранялись отъ всякаго участія въ изысканіи городскихъ доходовъ ⁴⁾.

То же самое смѣло можно сказать и по отношенію къ расходамъ или, другими словами, къ заботамъ о пользахъ и нуждахъ города самого городского общества. Мы только что видѣли, въ

¹⁾ Тамъ же, п. 459 и 465 стр.

²⁾ Тамъ же, ст. 4,093, 4,108 и 4,181.

³⁾ Тамъ же, ст. 4,119, § 1, пп. 9—11.

⁴⁾ Мое назван. сочиненіе, стр. 200. Правда въ «Уставѣ о городскомъ хозяйствѣ» говорится, что думы должны прилагать стараніе о приращеніи городскихъ доходовъ, но вмѣстѣ съ губернскимъ начальствомъ должны это продѣлывать.

какомъ отношеніи стоитъ къ этимъ нуждамъ начальникъ губерніи и его органы на основаніи постановленій закона о функціяхъ губернатора и органовъ городской полиціи. Мы увидимъ то же самое, только въ болѣе рельефной формѣ, если взглянемъ на дѣло съ другой стороны, со стороны дѣятельности самихъ думъ въ дѣлѣ расходованія городскихъ доходовъ на благоустройство города.

Думы могли расходовать лишь въ предѣлахъ смѣты, которыя въ городахъ, гдѣ были упомянутые комитеты, составлялись этими послѣдними и во всякомъ случаѣ утверждались министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; если въ городахъ, не снабженныхъ комитетами, смѣту расходовъ и доходовъ и составляли сами думы; но, во всякомъ случаѣ, по данной имъ формѣ, въ коей всѣ статьи дохода и расхода уже заранѣе опредѣлены; эта смѣта разсматривалась губернаторомъ въ губернскомъ правленіи, послѣ чего, смотря по ея размѣрамъ, утверждалась губернаторомъ или министромъ, по полученіи «предварительное заключеніе» министерства финансовъ ¹⁾. И вотъ, въ предѣлахъ только этой смѣты дума и можетъ двигаться: сверхъ опредѣленныхъ расходовъ, городскія «общества, говоритъ законодатель, не могутъ сами собою издерживать деньги городскія». Если бы эти «общества» нашли нужнымъ произвести какой-либо расходъ «къ пользѣ общей, къ выгодѣ и къ украшенію города», неусмотрѣнный въ смѣтѣ, то должны были представить объ этомъ начальнику губерніи и «ждать его дозволенія» ²⁾.

Во всѣхъ этихъ дѣлахъ по части смѣты начальникъ губерніи былъ полнымъ хозяиномъ; законъ не требуетъ отъ него мотивировки въ случаѣ неутвержденія или измѣненія той или иной статьи смѣты; онъ не устанавливаетъ даже срока, въ теченіе котораго губернаторъ могъ разсматривать въ губернскомъ правленіи смѣту, т.-е. не установлено срока, къ которому послѣдняя должна быть прислана въ думу къ исполненію ³⁾.

Поставивъ городъ въ исключительное вѣдѣніе хозяина губерніи и полиціи, сводъ законовъ даетъ этимъ послѣднимъ въ руководство цѣлый рядъ постановленій, въ известной степени ограничивающихъ дѣятельность губернаторовъ въ томъ смыслѣ, что послѣдняя должна была проявляться по отношенію, напр., къ устройству и украшенію городовъ въ известныхъ предѣлахъ,

¹⁾ Тамъ же, стр. 220—221.

²⁾ Тамъ же, стр. 221.

³⁾ Тамъ же, стр. 224.

каковые устанавливались, напр., планами, фасадами и т. д., коих должны были держаться губернаторы въ ихъ дѣятельности по части построекъ въ городахъ.

Еще съ начала нынѣшняго столѣтїа, съ первыхъ годовъ его, стали по городамъ основываться различные комитеты, — въ силу, очевидно, убѣжденїа, что губернаторской и полицейской дѣятельности по этому предмету недостаточно, — специально строительныя, дорожныя и т. п. При Императорѣ Николаѣ число этихъ комитетовъ увеличивается до второй половины 1842 года, когда вдругъ было замѣчено, что комитетамъ этимъ поручалось то же самое, что уже возложено было на давно и повсюду существовавшїя губернскїя строительныя комиссиї ¹⁾. Вотъ эти-то комитеты, а потомъ смѣнившїя ихъ губернскїя комиссиї производили въ городѣ всякаго рода постройки, мостовыя, бульвары, общественныя сады, заборы, канавы и т. п. Замѣтимъ кстати, что комитеты въ своей дѣятельности были тоже подчинены министерству путей сообщенїа.

Если обратимся къ такъ называемому «строительному уставу», къ пятому раздѣлу его, трактующему «объ устройствѣ улицъ, площадей, мостовъ и тротуаровъ въ городахъ», то нельзя не замѣтить, до чего въ немъ все предусмотрѣно до мельчайшихъ подробностей какъ относительно построекъ казенныхъ, общественныхныхъ, такъ и частныхъ.

Хочетъ обыватель построить себѣ жилище, ему не нужно съ архитекторомъ ломать голову надъ составленїемъ фасада его будущаго дома: фасады уже составлены и ему стоитъ только выбрать тотъ или другой ²⁾. При самой постройкѣ зданїй фантазїи архитектора разгуляться насчетъ нармана строителя негдѣ: все измѣрено и опредѣлено. Число оконъ по фасаду должно быть непременно нечетное, ширина и высота ихъ опредѣлена, разстоянїе между ними — тоже, кровля должна быть устроена въ надлежащей пропорцїи ³⁾. Указаны обывателю и цвѣта, въ кои онъ можетъ окрасить свой домъ, причемъ допускается его окрасить или «расписать и разноцвѣтными красками» съ утвержденїа начальства ⁴⁾. За-

¹⁾ По св. зак. 1857 г., строительныя комиссиї выдаютъ устройство вообще губернскихъ и уездныхъ городовъ. «Уст. строит.», ст. 40, п. 4.

²⁾ Уст. строит., ст. 312: «выборъ фасадовъ, сообразно заданнымъ, оставляется на произволъ каждаго желающаго строиться».

³⁾ Тамъ же, ст. 315—320

⁴⁾ Тамъ же, ст. 321. Въ распоряженїе обывателя предоставляли слѣдующїе цвѣта: бѣлый, палевый, блѣдножелтый, желтосѣрый, свѣтлосѣрый, днїй, блѣднорозовый и сибирскя (?) съ большою примѣсью бѣлой краски.

боры и ворота у частныхъ домовъ въ «городахъ строятся по фасадамъ, Высочайше для нихъ въ 1811 году утвержденнымъ» ¹⁾.

Зданія могутъ быть воздвигаемы въ городахъ каменные и деревянные, смотря по частямъ города; при этомъ тѣ и другія опредѣляются по отношенію къ размѣрамъ различно для различныхъ городовъ ²⁾. Точно опредѣляется, и опять различно для разныхъ городовъ, кровельный матеріалъ. Того же характера правила установлены и относительно зданій казенныхъ и общественныхъ въ городахъ.

Относительно тротуаровъ специально установлены особыя правила для Петербурга, Москвы и другихъ городовъ, опредѣленъ матеріалъ—плита, камень, хрящъ, деревянные пластины или фашины. Для тротуаровъ городовъ, кромѣ столицъ, изданы были «рисунки» въ 1805 году ³⁾; въ Петербургѣ тротуары должны были строиться по особымъ рисункамъ, изданнымъ въ 1816 г. ⁴⁾. По краямъ тротуаровъ вездѣ должны быть столбики, разстояніемъ одинъ отъ другаго отъ 2-хъ до 3-хъ сажень и вышиною въ три фута; они должны превышать поверхность тротуара однимъ футомъ и *сдѣланы быть по данному рисунку*: въ этихъ предѣлахъ «владѣльцы домовъ могутъ употреблять по произволу столбики чугунные или гранитные (въ Петербургѣ) ⁵⁾.

Замѣтимъ, что всѣ эти требованія должны были быть строго и точно исполняемы; за исполненіемъ долженъ былъ тщательно и постоянно слѣдить начальникъ губерніи чрезъ посредство полиціи.

Тѣмъ не менѣе, въ постановленіяхъ строительнаго устава мы найдемъ такія показанія, на основаніи коихъ придется усомниться въ томъ благообразіи городовъ, которое, повидимому, водворяется въ нихъ этимъ же самымъ уставомъ. Въ одной изъ статей устава ⁶⁾ въ нѣсколькихъ городахъ трехъ южныхъ нашихъ губерній—Харьковской, Полтавской и Черниговской—притомъ, не выключая и губернскихъ городовъ, одинъ изъ коихъ университетскій городъ, допускается крыть дома «*соломой съ растворомъ глины и навоза*»; въ городахъ другихъ губерній навозъ замѣняется «известковымъ растворомъ» ⁷⁾. А если загля-

¹⁾ Тамъ же, ст. 374.

²⁾ Тамъ же, ст. 365, 366.

³⁾ Тамъ же, ст. 294, п. 6.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 295.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 295.

⁶⁾ Статья 373, п. 3 и 2.

⁷⁾ Въ городахъ Гродненской, Тульской, Пензенской и Самарской губерній.

нуть въ полное собраніе законовъ, то увидимъ, что дѣло не ограничивается нѣсколькими губерніями. Изъ этихъ постановленій или разрѣшеній, вынужденныхъ недостаточностью обывателей, можно заключить о дѣйствительномъ существованіи такихъ построекъ въ гораздо большемъ количествѣ городовъ. Мы видѣли, что такія постройки допускались въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ далеко не изъ худшихъ; а что же въ большинствѣ уѣздныхъ городовъ и такъ называемыхъ заштатныхъ? Въ одномъ «Сборникѣ циркуляровъ и инструкцій министерства внутреннихъ дѣлъ» мы встрѣчаемся съ циркуляромъ министерства, изданнымъ въ отвѣтъ на ходатайство въ 1866 году «одного губернскаго начальства» о распространеніи права соломенной съ навозомъ покрышки домовъ на всѣ уѣздные города его губерніи. Министерство, въ виду «частаго повторенія въ городскихъ поселеніяхъ пожаровъ», ходатайство это отклонило.

Если обратиться, напр., хоть къ такому изданію, какъ официальное изданіе: *Экономическое состояніе городскихъ поселеній*, то придется сдѣлать не болѣе утѣшительное заключеніе о благообразіи, чѣмъ какое сдѣлано на основаніи только что приведенныхъ соображеній. Въ этомъ изданіи приводятся, между прочимъ, цифровыя данныя относительно домовладѣльцевъ по сословіямъ, къ которымъ принадлежатъ послѣдніе. Изъ этихъ данныхъ видно, что отъ 60 до 70 процентовъ домовладѣльцевъ—мѣщане, крестьяне, почталыоны, отставные солдаты, солдатки. Можно догадываться, что за дома въ большинствѣ случаевъ принадлежали этимъ домовладѣльцамъ. Это—дома-хизинны.

Если помнить, что приведенныя здѣсь показанія относятся къ разнымъ временамъ прошлаго нашихъ городовъ, то придется согласиться, что наши города лучше, чѣмъ теперь, въ прошломъ не были; они медленно, плохо, но, все-таки, растутъ и улучшаются, хотя ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Петербурга, да развѣ Одессы, и теперь не стоитъ на высотѣ благообразія и опрятности, соотвѣтствующей указаніямъ закона.

Гдѣ же причины этого явленія, по истинѣ страннаго?

Не разъ цитированный нами авторъ, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Анучинъ, въ своей книгѣ, изданной министерствомъ же въ 1872-году, сводя, повидимому, плохое состояніе, въ смыслѣ внѣшняго благообразія, нашихъ городовъ къ «неудовлетворительному состоянію городской полиціи», указываетъ на причины такого состоянія послѣдней. Эти «причины»

мы здѣсь считаемъ не лишнимъ привести. Дѣло въ томъ, что въ книгѣ этой среди причинъ «неудовлетворительнаго состоянія городской полиціи» встрѣчаются и причины плохого состоянія городовъ; а указаніе таковыхъ чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, притомъ, въ трудѣ, изданномъ министерствомъ, должно имѣть свое значеніе.

Изъ числа «весьма разнообразныхъ» причинъ неудовлетворительнаго состоянія городской полиціи, г. Анучинъ приводитъ всего шесть, изъ которыхъ половина указываетъ на плохое состояніе городовъ: прежде всего, говоритъ г. Анучинъ, въ министерствѣ явный недостатокъ «полныхъ свѣдѣній о состояніи городского населенія, его нуждахъ, промыслахъ, которыя могли бы служить правительству указаніемъ для принятія тѣхъ или другихъ мѣръ»; дальше, полная несостоятельность многихъ городовъ вынести тѣ расходы, которые необходимы на удовлетвореніе «административныхъ и общественныхъ нуждъ»; къ такимъ городамъ г. Анучинъ относитъ всѣ тѣ города, которые вызваны къ существованію «не какими-либо экономическими потребностями, а необходимою образовать административные центры»; наконецъ, «уменьшеніе доходовъ» городскихъ изъятіемъ изъ нихъ «нѣкоторыхъ статей въ пользу казны»—это съ одной стороны, а съ другой—«постоянное увеличеніе расходовъ и повинностей» ¹⁾. Последнія двѣ причины съ усиѣхомъ можно свести къ одной бѣдности нашихъ городовъ, обусловливающейся или ихъ бездоходностью, вытекающей изъ бѣдности самого населенія, или изъ того, что большая часть доходовъ ихъ уходила на покрытіе, выражаясь языкомъ г. Анучина, административныхъ нуждъ.

Г. Анучинъ не доказываетъ своихъ положеній, ограничиваясь простымъ утвержденіемъ; хотя за нимъ и числится значеніе официальной авторитетности, но мы не ограничимся его голыми утвержденіями и приведемъ нѣсколько данныхъ въ подтвержденіе бѣдности городовъ, вытекающей изъ указанныхъ причинъ.

Мы уже видѣли, какъ основывались многіе изъ городовъ, особенно при Императрицѣ Екатеринѣ; мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, видѣли, какъ многіе изъ нихъ не могли вовсе и существовать за отсутствіемъ населенія — источника богатства; почти всѣ эти города

¹⁾ Назван. соч., стр. 227. Авторъ указываетъ и еще на одну причину—на разнхарактерное историческое и этнографическое происхожденіе городовъ, не допущавшее, путемъ общихъ мѣръ, «положить основаніе правильной и вполне обдуманной системѣ устройства ихъ».

основаны были именно ради нужд административных — ради необходимости въ данномъ пунктѣ имѣть мѣстный административный центръ. Едва ли нужно особенно усилеио доказывать, что такіе города, за исключеніемъ развѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда потребности администраціи совпадали съ мѣстными интересами, не могли никогда стать тѣмъ, что собственно принято называть городомъ. Многие изъ такихъ городовъ, какъ мы сказали, вовсе даже не могли существовать именно благодаря полной экономической несостоятельности, обусловливавшейся отсутствіемъ достаточнаго количества населенія. Мы имѣемъ официально подтвержденные факты, указывающіе на это. Напр., въ полн. собр. зак. подъ 1801 годомъ мы встрѣчаемъ указъ, которымъ одинъ изъ такихъ административныхъ городовъ уничтожается; это былъ уѣздный городъ, основанный въ Новороссійской губерніи въ царствованіе Императрицы Екатерины; городъ уничтожили потому, что не оказывалось «никакой удобности» для пребыванія въ семъ городѣ тѣхъ учрежденій уѣздной администраціи, ради коихъ онъ основанъ: не оказалось ни зданій, потребныхъ для присутственныхъ мѣстъ, ни «достаточнаго строенія, въ которомъ бы чиновники и пріѣзжіе, говорить указъ, по надобностямъ до судовъ могли безъ нужды и утѣсенія тамошнихъ жителей помѣщаться»¹⁾.

Помѣщений вообще въ этомъ городѣ было такъ немного, что соседнее село, которое его и замѣнило, имѣло ихъ больше; а въ немъ было всего триста дворовъ. Въ 1854 году та же участь постигла одинъ городъ, населеніе котораго—323 души (!)—перечислено по его собственному желанію въ государственные крестьяне, не будучи въ состояніи выносить налоги «по мѣщанскому званію». Даже въ шестидесятыхъ годахъ (1862 — 1865) имѣли мѣсто такіа превращенія, напр., съ двумя городами Воронежской губерніи, все по той же причинѣ—полной несостоятельности населенія, превратившагося съ уничтоженіемъ городовъ въ крестьянство. Эти же причины заставляли правительство упрощать, сокращать городскія учрежденія во многихъ городахъ, приписывать одни города къ другимъ по управленію²⁾; въ нѣкоторыхъ городахъ уничтожали всякіа городскія учрежденія, оставляя одну полицію въ лицѣ городничаго съ канцеляріей и двумя-

1) Наше назван. соч., т. II, стр. 341.

2) Такихъ городовъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ насчитано было около тридцати.

тремя хозяевами ¹⁾; сюда же нужно отнести около трехъ десятковъ городовъ, признанныхъ закономъ «малолюдными» и управляющихся однимъ выборнымъ лицомъ ²⁾.

На всѣ эти города можно смотрѣть, пожалуй, какъ на исключенія. Обратимся къ бюджетамъ городовъ вообще и посмотримъ, что можно вывести изъ нихъ по отношенію къ благосостоянію городовъ.

Опять обратимся къ официальнымъ даннымъ ³⁾. По этимъ даннымъ оказывается, что, напр., въ 1844 году изъ пятидесяти одного *губернскаго города* доходы десяти, т.-е. одной пятой части ихъ, не достигли и десяти тысячъ; въ восемнадцати городахъ они колебались между девятью и двадцатью тысячами, не достигая, однако, ни въ одномъ этой послѣдней цифры; такимъ образомъ, почти *въ половинѣ городовъ* доходы не достигали 20 тысячъ рублей. Изъ остальной половины *губернскихъ* городовъ въ десяти доходы колебались между двадцатью и сорока тысячами; послѣдней суммы, однако, ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ. Изъ остальныхъ городовъ, исключая столицъ (свыше милліона рублей) и Одессы, только въ Нижнемъ-Новгородѣ сумма доходовъ достигаетъ цифры 100 тысячъ ⁴⁾.

Какъ бы медленно и тихо ни развивались наши города, все-таки, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы увеличились въ теченіе четверти столѣтія послѣ 1844 года; но какъ не широко они разраслись: въ 37 изъ 51 тѣхъ же губернскихъ городовъ возрасли доходы отъ 1½ до 3½, разъ; въ 11—отъ 4 до 7 разъ и лишь въ одномъ (Самара) въ 16 разъ. Ко времени изданія новаго «Городоваго положенія» доходы *уездныхъ* городовъ таковы: въ 165 изъ нихъ доходы—отъ *одной* до *пяти* тысячъ; въ 152 городахъ—отъ пяти до 10 тысячъ; въ 95 цифра доходовъ достигаетъ отъ 10 до 20 тысячъ; лишь въ одномъ Рыбинскѣ доходы опредѣляются въ 225 тысячъ въ годъ ⁵⁾. А если подняться ко времени за двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, то въ перечнѣ доходовъ *уездныхъ* городовъ, главнымъ образомъ, увидимъ цифры въ нѣсколько сотъ рублей.

1) Этихъ городовъ насчитывалось болѣе десяти.

2) Тамъ же, стр. 341—343.

3) Мы пользовались казеннымъ изданіемъ 1859 года. «Общественное устройство и хозяйство городовъ» въ 2 томахъ. Здѣсь данныя по городскимъ бюджетамъ за время отъ 1838 по 1859 годъ, т.-е. за 20 лѣтъ.

4) Наше сочиненіе, т. II, стр. 344—345.

5) Тамъ же, стр. 316—347.

Теперь взглянемъ, какъ или на что расходовались эти столь незначительные доходы городовъ.

Большая часть ихъ уходила, во-первыхъ, на содержаніе мѣстъ и лицъ общественнаго управленія, въ составъ котораго входила полиція, и, во-вторыхъ, на содержаніе казармъ, гауптвахтъ, тюремъ съ ихъ служебнымъ персоналомъ, конюшень, манежей, шлагбаумовъ, освѣщеніе военныхъ библіотекъ, школъ, сборныхъ учебныхъ и караульныхъ избъ, наемъ земли подъ лагеря, военные огороды и т. п. ¹⁾.

Мы имѣемъ въ цитированномъ уже нами изданіи министерства росписъ городскихъ расходовъ по всѣмъ городамъ Европейской Россіи за 1858 годъ. Изъ этой росписи оказывается, что расходы на «содержаніе» мѣстъ и лицъ городского управленія (въ опредѣленномъ нами смыслѣ) во *всѣхъ* городахъ въ общей сложности составляютъ *тридцать семь съ половиною процентовъ* общей суммы городскихъ доходовъ; а если въ этой же категоріи расходовъ отнести, — что необходимо сдѣлать, — «единовременные» расходы на тотъ же предметъ, а также и издержки «по военной части», то, въ общей сложности, всѣ эти расходы составляютъ уже почти *пятьдесятъ* процентовъ *всѣхъ* городскихъ расходовъ; этого мало: расходы эти дойдутъ до *шестидесяти* процентовъ, если раскрыть такія рубрики городскихъ росписей, какъ «мелочныя и экстраординарныя издержки», «по строительной части» и «по другимъ городскимъ надобностямъ». Такимъ образомъ, *два трети* городскихъ доходовъ уходили на покрытіе такихъ «нуждъ и пользы», которыя назвать собственно городскими нельзя ²⁾.

На дѣйствительныя «нужды и потребности» города оставалась едва третья часть весьма, какъ мы видѣли, незначительныхъ суммъ его дохода.

Но мы привели лишь среднюю цифру расходовъ на *не-городскія* нужды; если же обратиться къ распредѣленію расходовъ по отдѣльнымъ городамъ, то встрѣтятся города, въ которыхъ расходы на содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія достигаютъ трехъ четвертей, четырехъ пятыхъ, даже пяти шестыхъ общей суммы городскихъ расходовъ; окажутся даже города, и ихъ не мало, хотя и изъ заштатныхъ, въ которыхъ всѣ городскіе расходы фигурируютъ

¹⁾ «Уставъ о земск. повинностяхъ». Св. зак., т. IV, ст. 13.

²⁾ Наше соч., т. II, стр. 276 и сл.

въ одной лишь статьѣ или рубрикѣ: «содержаніе мѣстъ и лицъ городского управленія»¹⁾).

Теперь обратимся къ городскимъ расходамъ (въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, на дѣйствительныя, непосредственныя «пользы и нужды» городовъ; взглянемъ, какъ и въ какихъ размѣрахъ расходовалась городами скромная доля, остававшаяся за покрытіемъ обязательныхъ расходовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мы имѣли, по данному вопросу, въ рукахъ архивный матеріалъ по городскимъ бюджетамъ Ярославской губерніи за 1847 и 1857 года. По этимъ матеріаламъ оказывается слѣдующее: губернскій городъ Ярославль расходуетъ на всякаго рода «благотворительныя и богоугодныя заведенія», включая сюда и больницы, *два тысячи* рублей въ годъ; черезъ десять лѣтъ на эту же потребность, плюсь на просвѣщеніе этимъ городомъ расходуетъ сумма въ 3,840 рублей; а большинство уѣздныхъ городовъ этой губерніи, исключая такихъ богатыхъ, какъ Ростовъ и Рыбинскъ, затрачиваютъ на только что названныя нужды отъ *ста пятидесяти до семисотъ* рублей. А если поинтересоваться расходомъ собственно на благоустройство, въ тѣсномъ смыслѣ слова, на внѣшнее благообразіе и опрятность, то Ярославль затрачиваетъ: на уличное освѣщеніе 786 рублей, а на мостовыя и на поддержаніе «городскаго благоустройства» *четыре тысячи* рублей; десять лѣтъ спустя, на тѣ же потребности расходуетъ *шесть тысячъ* рублей; а очень богатый Рыбинскъ на уличное освѣщеніе въ 1847 году расходуетъ *пятьдесятъ шесть* рублей! Угличъ въ теченіе шести лѣтъ подъ-рядъ на «благоустройство города» тратитъ по 176 рублей ежегодно; въ нѣкоторыхъ росписяхъ расходовъ на «благоустройство» перечисляются отдѣльныя статьи ихъ, — и вотъ въ одной изъ такихъ росписей, противъ такой рубрики, какъ «*на содержаніе мостовъ, каналовъ, бульваровъ и проч.*» (1), значится *сто двадцать рублей* въ годъ. Каковы же эти мосты, каналы, бульвары? Въ большинствѣ городовъ и черезъ десять лѣтъ цифры этого рода расходовъ не увеличились ни на іоту.

¹⁾ Тамъ же, стр. 277. Эти цифры и выводы, сдѣланные нами на основаніи министерскихъ изданій, подтвердились и тѣми, которые мы же сдѣлали на основаніи вѣдѣнныхъ въ архивѣ мин. вн. дѣлъ городскихъ бюджетовъ Астраханской губерніи за 1850 г. Изъ бюджета самой Астрахани видно, что изъ 116 тыс. годового дохода ея 872 шли на мѣста и лица управленія. Для характеристики положенія городовъ и посадовъ уѣздныхъ можно привести, напр., одинъ посады Ярославской губерніи: весь валовой доходъ его въ 378 р. уходилъ на содержаніе городского управленія.

Не слѣдуетъ думать, что таково положеніе дѣлъ было лишь въ Ярославской губерніи. Приведенныя выше цифры, указывающія соотношенія двухъ категорій расходовъ, свидѣтельствуютъ, что таково было оно и въ другихъ городахъ ¹⁾).

Теперь позволительно будетъ поставить простой вопросъ: что можно сдѣлать для города, какія устроить въ немъ мостовыя, бульвары, мосты и скверы при такихъ скудныхъ средствахъ? Какая дѣятельность хозяина губерніи, съ подчиненной ему полиціей, изъ такого «ничего» могла сдѣлать что-либо?

Съ другой стороны, мы видѣли, что городская дума по своему личному усмотрѣнію, безъ разрѣшенія губернатора или губернскаго правленія, не могла ни на что копѣйки истратить; и вотъ лишь одна процедура полученія этого разрѣшенія задерживала дѣятельность тогдашнихъ городскихъ учреждений. Въ Петербургѣ, напр., даже городскія дѣла лежали нерѣшенными *по семи лѣтъ*. И это не были какія-нибудь сложныя, требовавшія комиссіи, дѣла, а такія немудренныя, какъ дѣла о починкѣ пожарныхъ рукавовъ, фонарныхъ столбовъ и т. п., такъ какъ нѣсколько рублей дума не могла истратить безъ «рапорта» о томъ губернскому начальству. Представимъ же себѣ какой-нибудь отдаленный уѣздный городокъ; въ немъ заходитъ рѣчь о починкѣ пожарныхъ рукавовъ, о необходимости купить на эту операцію кожи на нѣсколько рублей (мы имѣемъ въ виду фактъ, имѣвшій мѣсто въ уѣздномъ городѣ Ярославской губерніи—Даниловѣ), надо послать рапортъ въ губернскій городъ, а тамъ ждать, пока соберется по этому дѣлу губернское правленіе, пока наведутъ различныя справки въ законахъ; а дѣло не терпитъ, рукава расплзаются и рвутся; губернское начальство даетъ разрѣшеніе на починку злосчастныхъ рукавовъ ровно черезъ годъ по поднятіи самаго вопроса о починкѣ, когда уже отъ рукавовъ ничего, кромѣ лоскутьевъ, не осталось; пришло разрѣшеніе починить ихъ на 32 рубля, а въ дѣйствительности нужно было покупать новыя, на что нужна большая сумма, для затраты которой опять нужно посылать рапортъ въ губернію и опять ждать отвѣта Богъ вѣсть сколько времени.

Въ самомъ Ярославлѣ громадное зданіе городскихъ учреждений, благодаря такому порядку вещей, до второй половины семидесятыхъ годовъ украшало городъ своими развалинами: пока ут-

¹⁾ Тамъ же, стр. 274—276.

верждали смѣту на 1,000 р., потребныхъ на его ремонтъ, зданіе разрушалось на десятки тысячъ и т. д., пока, наконецъ, не разрушилось настолько, что на него махнули рукой.

Г. Анучинъ не указалъ, потому что это вовсе и не входило въ его задачу; еще на одну причину печальнаго состоянія городовъ,—причину, сущность которой сама собой вытекаетъ изъ только что приведенныхъ фактовъ и которая въ шестидесятыхъ годахъ была признана правительствомъ.

Эта причина — слишкомъ заботливая административная опека,—какъ писалъ о томъ въ шестидесятыхъ годахъ одинъ изъ губернаторовъ — Минскій,—опека... «столь вредная для развитія гражданственности на разумныхъ началахъ». «Она должна превратиться, — говорилъ онъ,—иначе городъ никогда не выйдетъ изъ своего положенія». Дѣйствительный статскій совѣтникъ Игнатьевъ въ своей тогда же изданной запискѣ «о состояніи общественнаго управленія въ Москвѣ» указываетъ на то же, сѣтуя, что даже въ Москвѣ дума превратилась «въ какую-то канцелярію, не мало не заботящуюся о соблюденіи городского интереса». Въ Петербургѣ дума «давно не имѣетъ никакой инициативы, а только исполняетъ годовую роспись». Тоже говоритъ сенаторъ Сафоновъ, ревизовавшій въ 1859 году городскія учрежденія Пензенской губерніи, въ своей запискѣ о городскихъ головахъ и думахъ этой губерніи ¹⁾.

Въ заключеніе мы приведемъ одинъ фактъ, недавно рассказанный редакторомъ газеты *Русь* ²⁾ о положеніи дѣлъ въ одномъ изъ городовъ Ярославской губерніи, который ему пришлось ревизовать въ сороковыхъ годахъ. Рѣчь идетъ о городѣ Мологѣ. Жители этого города, воспользовавшись тою статьею екатерининскаго «Городоваго положенія», которою разрѣшается «градскому обществу» дѣлать «добровольныя складки» на удовлетвореніе своихъ нуждъ, составили такую складку, сколотивъ очень почтенную сумму, а такъ какъ въ томъ же положеніи больше ничего не говорится объ этой «складкѣ» и такъ какъ на городскіе, закономъ указанные расходы положены и доходы, закономъ же указанные, то молодежь и рѣшила распорядиться своей складкой по собственному усмотрѣнію, употребляя деньги на пользы и нужды города, ими самими соизвѣстная. Такимъ образомъ, говорить г. Аксаковъ, получилось въ городѣ

¹⁾ Тамъ же, стр. 281—282.

²⁾ № 8 за 1884 годъ (апрѣль).

два самоуправления: «одно *казенное*, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое — *настоящее*, свое, подъ контролемъ самого общества; собранная для послѣдняго складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостинный дворъ, приносившій значительные барыши. Официальный городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше четырехъ тысячъ рублей дохода; неофициальный городъ имѣлъ доходы свыше 20,000 рублей. «Городъ сравнительно съ прочими процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губернии; въ немъ построено было два каменныхъ дома для училищъ, выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ, пожарный обозъ былъ исправнѣе, чѣмъ гдѣ-либо».

Скоро будетъ полтора десятка лѣтъ, какъ съ городовъ, по-видимому, снята «опека»; они признаны совершеннолѣтними; а, между тѣмъ, по свидѣтельству министерства внутреннихъ дѣлъ, даже «виѣшняя опрятность» нашего города все еще не удовлетворяетъ даже минимальнымъ требованіямъ. Что же это можетъ значить?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно заглянуть, и заглянуть поглубже, въ современный городской строй въ широкомъ смыслѣ этого слова, ознакомиться съ населеніемъ города, его экономическимъ благосостояніемъ, съ уровнемъ его умственного и нравственного развитія, съ организаціей самоуправленія, введеннаго въ 1870 году.

И. Дитятинъ.

СИЛЬВЕНЪ *).

Романъ Элизы Ожешковой.

(Переводъ съ польскаго).

Часть вторая.

VI.

Спокойная и броткая Плацида Лирская не могла опомниться отъ изумленія при видѣ странной перемѣны въ своемъ сынѣ. Никогда до сихъ поръ онъ не задумывался такъ, никогда его лицо не было такъ оживлено и взволновано. Правда, никогда также онъ и не обращался такъ презрительно, такъ небрежно съ матерью; но что для нея могли значить эти оскорбительныя выходки въ сравненіи съ довольствамъ сына? Что онъ хорошо проводилъ время внѣ дома (два или три часа въ полуденное время) — было видно по небывалому румянцу и блестящимъ глазамъ, съ которыми онъ возвращался домой. Теперь онъ болѣе равнодушно, чѣмъ прежде, относился къ разнымъ удобствамъ своей жизни, и иногда достигалъ такой степени великодушія, что забывалъ читать матери выговоры за нехорошо приготовленный соусъ, недостатокъ вина или за плохо вымытый галстукъ.

— Пустяки все это! — говорилъ онъ съ движеніемъ, полнымъ снисходительности, когда мать извинялась невозможностью удовлетворить его вкусы, — рѣшительно пустяки! Терпѣлъ ужъ довольно, потерплю еще немного! Скоро все измѣнится — вотъ вы сами увидите! Сидя въ углу и думая только о хозяйствѣ, вы и не знаете, что дѣлается на широкомъ свѣтѣ, то-есть не дѣлается,

*) Русская Мысль, вв. V.

а готовится... У, у! ухо не слыхало, глазъ не видалъ, — вотъ что будетъ! Переменны, громадныя переменны, капитальныя, ни одинъ камень не будетъ лежать такъ, какъ лежалъ, ни одинъ человекъ жить, какъ жилъ. Все на свѣтѣ переменится.

— Господи, Боже мой! Что ты толкуешь? Что это будетъ? Ужь не будетъ ли, храни Богъ, землетрясенія или комету новую ожидаютъ?

— О, да, землетрясеніе...—загадочно вѣщаль Маврицій, — будетъ имъ землетрясеніе, затрясутся! Я говорю вамъ, что готовятся великія событія, а какія—этого сказать не могу, ни за что не могу!

Съ любопытствомъ и безпокойствомъ пани Лирская просила сына растолковать ей свои предположенія. Маврицій вставалъ со стула, высоко поднималъ гордую голову и таинственно отвѣчалъ:

— Это тайна! Я влялся не измѣнять ей, и передъ кѣмъ теперь измѣню? Передъ вами... чтобы сейчасъ пошли сплетничать къ дядюшкѣ.

— Милый мой, побойся Бога! Развѣ я когда сплетничаю?

— Боли сказалъ, что не скажу, то и не скажу. Пожалуйста, отстаньте! Только и можно сообщить вамъ, что...

Онъ наклонился къ уху матери и спросилъ съ тихимъ смѣхомъ:

— Что милый дядюшка скоро запоетъ на другой голосъ, ой, запоетъ!...

— Исусъ, Марія! Зачѣмъ же это онъ другимъ голосомъ запоетъ, нашъ благодѣтель, такой хорошій человекъ?

— Ага! всѣ эти хорошіе люди, всѣ Брезы вмѣстѣ запоютъ. Довольно прожили и роскошествовали, пора и намъ, наконецъ, приступить къ жизненному пиру и удовлетворить потребности, которыя въ насъ заронила природа-мать.

Онъ теперь уснащалъ свою рѣчь выраженіями, которыхъ прежде, до встрѣчи съ Кенпой, и самъ бы не понималъ. Видно было, что онъ повторяетъ точно заданный урокъ. Однако, онъ былъ весь подчиненъ новымъ идеямъ, открывавшимъ передъ нимъ обширный кругозоръ. Его взглядъ, обращенный доселѣ на ближайшіе, непосредственно связанные съ нимъ предметы, теперь ослѣпляла новая перспектива надеждъ и упованій. Въ пустую голову залетѣла идея и наполнила ее, какъ наркозъ, цѣлымъ роємъ воздушныхъ, радужныхъ сновидѣній. Конечно, онъ рѣши-

тельно не могъ отнестись критически къ этой идеѣ; онъ только видѣлъ передъ собою новый свѣтъ, рай, гдѣ на деревьяхъ росли пащеты и бифштексы, гдѣ фонтаны били старыми винами, гдѣ пруды и озера, вмѣсто льда, были наполнены серебристымъ punch-glassé; гдѣ множество гурій, какъ двѣ капли воды похожихъ на кузину Аурелию, простирали къ нему свои объятія; гдѣ его имя произносится съ такимъ же почтеніемъ, какъ теперь имена его дяди и прочихъ «великихъ этого свѣта». Во снѣ и на яву, всѣми своими фибрами онъ предвкушалъ невыразимую сладость всего этого блаженства, благословляя день своей встрѣчи съ Кенпой и считалъ за величайшее счастье быть помощникомъ и правой рукой этого великаго, неоцѣннаго еще мужа.

Первая услуга, оказанная имъ своему учителю, состояла въ сообщеніи свѣдѣній о мѣстѣ пребыванія разныхъ богатыхъ семействъ, какъ живущихъ постоянно въ городѣ, такъ и прибывающихъ туда на зиму. Кенпа повторялъ ему нѣсколько разъ, что выходъ въ свѣтъ его великаго дѣла можетъ сильно помочь въ дѣлѣ возрожденія міра.

— Такъ или иначе, — говаривалъ онъ, — съ этимъ или безъ этого, міръ долженъ обновиться, но когда мои мысли разсѣются живымъ потокомъ среди современнаго общества и вслѣдствіи томимой жаждой, получить возможность утолить ее, — правда, какъ солнце, станетъ ясна всѣмъ и каждому... Великіе, — кто знаетъ? — могутъ быть, добровольно поступая частью своихъ благъ, а малые высоко поднимаютъ голову!

Маврицію того и нужно было, чтобы великіе умалились, а малые выросли; конечно, въ глубинѣ души онъ считалъ себя не малымъ, а униженнымъ и страдающимъ, благодаря людской злобѣ и несправедливости. Кенпъ онъ вѣрилъ безусловно. Съ благоговѣніемъ первобытнаго человѣка передъ фетишемъ смотрѣлъ онъ на исписанные листы бумаги, валявшіеся всюду. Сообщеніемъ разныхъ свѣдѣній онъ не особенно спѣшилъ. Однажды вечеромъ онъ шибко, съ необычнымъ румянцемъ спѣшилъ по направленію къ старому дому. Въ этотъ день онъ былъ глубоко оскорбленъ. Дядя Титусъ давалъ званый обѣдъ и не пригласилъ его. Его это не особенно оскорбило бы, еслибы не извѣстіе, полученное имъ гдѣ-то въ буфетѣ у дяди, что на этомъ обѣдѣ будетъ присутствовать одинъ молодой и очень богатый человѣкъ, влюбленный въ Аурелию и, кажется, намѣревавшійся посвататься за нея. Дрошь тревоги и гнѣва овладѣли Мавриціемъ, когда онъ подумалъ, что,

прежде чѣмъ свѣтъ переродится, кузина Аурелія выйдетъ замужъ и, благодаря незлѣпымъ предразсудкамъ, избобрѣннымъ извращенною человѣческою натурою, останется на вѣки для него, Мавриція, потерянною. Онъ рѣшилъ идти къ Бенпѣ и подвинуть его на рѣшительныя дѣйствія.

«Пусть, пусть, — думалъ онъ, — попробуетъ счастья у этихъ эксплуататоровъ... Если они еще долго будутъ тонуть въ роскоши и порокахъ, человѣкъ съ такимъ знаніемъ, съ такимъ краснорѣчіемъ найдетъ другой способъ для водворенія справедливости въ мірѣ... О! найдетъ непременно! Голова-то у него не для одной формы создана, коли столько листовъ бумаги съумѣлъ исписать! Фу! еслибъ меня кто-нибудь заставилъ написать столько, я, ей-Богу, лучше бы отказался даже отъ удовольствія видѣть счастливое будущее вселенной.

Хотя прежде онъ посѣщалъ Кенпу только днемъ, когда былъ увѣренъ, что не найдетъ у него никого изъ своихъ товарищей по школѣ, теперь душа его такъ жаждала словъ утѣшенія и надежды (кстати, и Кенпу надо понукать приступить поскорѣе къ дѣлу), что онъ измѣнилъ своему обычному правилу и пошелъ довольно позднимъ вечеромъ. Вотъ и узкій переулочекъ, вотъ и шинокъ Хаима... Маврицій почувствовалъ было нѣкоторое безпокойство, но тотчасъ же и ободрился: ночь была лунная, ясная, а на только что выпавшемъ снѣгѣ можно было даже издали разсмотрѣть малѣйшій предметъ. Рѣшительными шагами спустился онъ съ послѣднихъ ступенекъ и вошелъ въ темный корридоръ, ведущій къ дверямъ комнаты Кенпы. Вдругъ онъ остановился. До уха его долетѣлъ храпъ спящаго человѣка, да еще не одного, а нѣсколькихъ.

— Клянусь Богомъ! — шепнулъ Маврицій, — здѣсь чья-то спальня... интересно бы знать, чья именно?

Въ этотъ вечеръ въ корридорѣ не было темно. Въ одну изъ щелей прорывался лучъ мѣсяца и освѣщалъ полуразрушенную лѣстницу, ведущую на верхній этажъ. Осторожно, на цыпочкахъ, затаивая дыханіе, Маврицій поставилъ ногу на первую ступеньку. Чѣмъ далѣе шелъ онъ, тѣмъ яснѣе раздавалось храпѣніе. На верхней площадкѣ Маврицій остановился отъ удивленія, не вѣря собственнымъ глазамъ. Передъ нимъ черезъ проломъ (гдѣ когда-то были двери) виднѣлась большая комната, вся залитая луннымъ свѣтомъ, льющимъ въ большія окна безъ рамъ. То была большая зала, танцевальная или пріемная когда-то, теперь со-

вершено, пустая, загроможденная полусгнившими балками и досками, упавшими съ потолка. Тутъ и тамъ, на высокихъ стѣнахъ, покрытыхъ фестонами на углахъ, подь луннымъ свѣтомъ, сверкала позолота; съ покоробившагося потолка, казалось, слетали амурь и падали вѣнки изъ розъ. Въ глаза Мавриція бросилась, прежде всего, выдающаяся изъ-подь суконныхъ дохмотьевъ и покоющаяся на снопѣ соломы сѣдородая голова спящаго старика. Яркій лучъ мѣсяца, казалось, ласкалъ лысый черепъ, морщинистый лобъ сіялъ такимъ благодушнымъ спокойствіемъ, увядшія губы сложились въ такую добрую, ласковую улыбку, что всякій сказалъ бы, что жизнь этого человѣка прошла тихо и спокойно. Кромѣ головы, лучъ освѣщалъ еще и сухую руку, крѣпко сжавшую деревянную ложку: Не далеко отъ старика, въ полутьмѣ, какое-то небольшое существо выставляло на свѣтъ только свои босыя ноги; еще дальше спали: девятилѣтній Владзя, съ своей рожницей херувима, сердящейся даже и во снѣ не то на мѣсяцъ, не то на облупленнаго амуря на потолкѣ; Дамекъ съ длинными ушами и Антка, прислонившаяся головой къ его груди. Сонъ внезапно овладѣлъ старикомъ и дѣтми посреди обильнаго пира. У ногъ спящаго въ полумракѣ Томка стоялъ горшокъ съ остатками хорошаго липоваго меда, щеки и лобъ Владзи всѣ были вымазаны чѣмъ-то сладкимъ, вокругъ Дамка и Антки въ изобиліи валялись надкусанныя яблоки, борки булокъ и сыра и кусочки ветчины. Глубокая старость и невинное дѣтство крѣпкимъ и невозмутимымъ сномъ уснули посреди остатковъ своей добычи. Маврицій усмѣхнулся.

— Ага!—шепнулъ онъ,—малые и страдающіе... сегодня побаловали себя... Но откуда они могутъ добывать все это? Тутъ онъ замѣтилъ одинъ предметъ, на который прежде не обратилъ вниманія. Около Дамка на землѣ лежало что-то блестящее, связка ключей, можетъ быть, или просто куски желѣза. Увѣренный, что никого не разбудить, Маврицій тихонько подобрался, шагнулъ и посмотрѣлъ, но вдругъ выпрямился и почти громко крикнулъ:

— Отмычка!

— А!—прошепталъ онъ, немного погодя,—такъ вотъ тутъ какія дѣла дѣлаются!...

Взоръ его съ отмычекъ перешелъ на лицо Антки.

— Недурная изъ нея выйдетъ дѣвочка!

Дѣйствительно, лицо Антки во снѣ было совсѣмъ не то, какъ днемъ. То былъ не дикій звѣрь, съ бессмысленной улыбкой на

губахъ; нѣтъ, то былъ милостивый ребенокъ, съ нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ. Маврицій такъ же осторожно спустился съ лѣстницы и остановился въ глубокомъ раздумьи на минуту въ корридорѣ.

— Такъ вотъ тутъ какія дѣла дѣлаются,—повторилъ онъ.— И онъ тоже принадлежитъ къ нимъ?... О, еслибъ мнѣ удалось поймать его!...

Онъ—значило Сильвекъ, шарманщикъ, который когда-то причинилъ ему большую неприятность. Онъ встрѣтилъ его у Кенны, иногда разговаривалъ съ нимъ, но ненавидѣлъ съ каждой минутой все болѣе. Въ уличномъ мальчишгѣ было что-то, чего избалованный сынъ Пладины Лирской не могъ переваривать. Онъ не смѣлъ ему говорить *онъ*, или не отвѣтить поклономъ, когда при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ шарманщикъ приподнималъ свою тирольскую шляпу. Маврицій немного боялся его и часто думалъ, что будь у него глаза этого дикаго цыгана, то онъ, можетъ быть, и безъ перерожденія человечества влюбилъ бы въ себя Аурелию такъ, что дядюшка, волей-неволей, выдалъ бы ее за него.

— О, еслибъ я могъ поймать его!...

И съ этимъ страстнымъ восклицаніемъ онъ отворилъ дверь комнатки Кенны. Желтый, тусклый свѣтъ сальной свѣчки еле позволялъ видѣть хозяина, согнувшася надъ своими бумагами. Сгорбленный, съ нахмуренными бровями отъ усиленной работы мысли, съ разгорѣвшимися глазами, далекій отъ всякихъ сомнѣній, онъ писалъ съ лихорадочной поспѣшностью. Вчера Кенпа выходилъ въ городъ въ своемъ длинномъ и старомъ, но тщательно вычищенномъ сюртукѣ и красномъ платкѣ. Обойтись безъ помощи послѣднато онъ рѣшительно не могъ: еще во время тюремнаго заключенія онъ страшно отморозилъ себѣ уши и долженъ былъ закрывать ихъ отъ мороза. Теперь, въ силу эстетическихъ требованій, онъ измѣнилъ нѣсколько самый способъ повязки: концы торчали уже не подъ шеей, но красиво возносились на макушкѣ. На головѣ его красовалась допотопной моды шляпа, на рукахъ гигантскія черныя перчатки. Кенпа сдѣлалъ все, что могъ, дабы своею наружностью не произвести неприятнаго впечатлѣнія на нужныхъ ему людей. Теперь онъ былъ глубоко убѣжденъ, что костюмъ его, если не щегольской, то очень близокъ къ щегольскому, а уступки, которыя онъ сдѣлалъ требованіямъ свѣта, считались имъ за великую жертву.

Съ туго набитымъ, изорваннымъ портфелемъ подъ мышкой, долго таскался онъ по городу, много богатыхъ домовъ навѣстилъ, ни на минуту не теряя самообладанія. Опытный наблюдатель, впрочемъ, могъ бы замѣтить, что внутри онъ былъ далеко не спокоенъ. Безпокойство его доходило даже просто до тревоги. Цѣль, побудившая его ходить изъ дома въ домъ, была его единственною мечтою; если онъ не достигнетъ ея, всѣ надежды его падутъ прахомъ, обратятся въ ничто; обнародованіе сочиненія, выстраданнаго мученіями цѣлой жизни, отложится на долго, Богъ знаетъ на сколько... на вѣки, можетъ быть, къ великому несчастью человечества.

Съ той поры любимой темой для разговора во всѣхъ мѣстныхъ аристократическихъ салонахъ сталъ забавный старичекъ, ходящій изъ дому въ домъ и навязывающій всякому, кто допуститъ его къ себѣ, свои бумаги и дикія убѣжденія. Общій голосъ рѣшалъ, что онъ сумасшедшій; мнѣнія дѣлились только въ одномъ: опасный или безопасный? Люди добродушные, легкомысленные утверждали, что онъ человѣкъ очень смѣшной и, въ крайнемъ случаѣ, можетъ возбудить только чувство сожалѣнія, какъ и всякій другой уродъ, физическій или нравственный. Другіе, которые болѣе внимательно вслушивались въ его рѣчи и, хотя бѣгло, но просматривали его бумаги (а онъ съ неслышанной настойчивостью раскладывалъ ихъ передъ слушателемъ, то умоляя, то грозя страшными послѣдствіями), выражали мнѣніе, что сумасшедшіе подобнаго рода могутъ быть очень вредны для общественнаго спокойствія и порядка. Вообще же на него смотрѣли очень снисходительно. Прислуга въ барскихъ домахъ получила приказъ сопровождать его, когда онъ явится въ столовую или другую какую-нибудь второстепенную комнату. Сердобольныя хозяйки, видя его такимъ болѣзненнымъ, хилымъ, преждевременно состарившимся отъ нужды и заботъ, ласково просили его заходить почаще съѣсть обѣдъ или выпить чашку чаю: и то, и другое будетъ подано ему въ гардеробной. Но, каково же было всеобщее удивленіе, когда, на всѣ приглашенія подобнаго рода, этотъ нищій, этотъ сумасшедшій выпрямлялся, гордо поднималъ голову и отвѣчалъ:

— Я никогда не обращалъ особеннаго вниманія на свою тѣлесную пищу, никогда не лизалъ крохи, падающія со столовъ богатыхъ!

А мущья дамъ, въ свою очередь, при видѣ толстой до невѣ-

роятія рукописи, сразу приводящей ихъ въ трепетъ однимъ своимъ видомъ, вынимали изъ портмоне какую-нибудь кредитную бумажку, но гость рѣшительнымъ тономъ, не допускающимъ никакихъ возраженій, отклонялъ всякое вспомошествованіе.

— Я не нищій, — обыкновенно говаривалъ онъ, — напротивъ, я обладаю сокровищами, о которыхъ вамъ и во снѣ не снилось, но это сокровище хранится подъ спудомъ, до тѣхъ поръ, пока его не откроетъ чья-нибудь добрая рука. Деньги, что вы даете мнѣ, ни на что мнѣ не нужны; онѣ не вознаградятъ меня за страданія всей моей жизни, не доставятъ наслажденія, которымъ пользуются всѣ люди и отъ которыхъ я отрекся ради идеи... Сжальтесь не надо мной, — сжальтесь надъ человѣчествомъ!... Содержаніе этой книги избавитъ его отъ всѣхъ скорбей и возродитъ нравственно къ лучшей жизни... Нѣтъ! о, нѣтъ! Сжальтесь и на до мной также! Вѣдь, тутъ заключено все мое самолюбіе, всѣ мои надежды, вся огромная работа моей разбитой жизни!...

Когда онъ говорилъ такъ умоляющимъ, покорнымъ голосомъ, когда лицо его все испугалось внутренней мукой, а изъ глазъ текли слезы, самый твердый человѣкъ не могъ оставаться спокойнымъ. Нужно какъ-нибудь поощрить его, показать ему хоть проблескъ надежды въ будущемъ... Его просили оставить рукопись на просмотръ, дня на три, на недѣлю... но Кенпа ни за что не соглашался разстаться съ своимъ сокровищемъ.

— Кто мнѣ поручится, — вскрикивалъ онъ, — что вы не измѣните мнѣ, не уничтожите этихъ листовъ, написанныхъ моими слезами и кровью, коль скоро убѣдитесь, что они не льстятъ вамъ, не обѣщаютъ вамъ ничего, кромѣ суроваго урока?

Слушатель, обыкновенно, не выдерживалъ и разражался громкимъ хохотомъ; тѣ, что побоязливѣе или поосторожнѣе, безъ церемоніи указывали ему дверь. Но женщины, а въ особенности дѣти, горячо вступались за него.

Послѣднія приносили ему гостинцы, плоды, разныя лакомства, любовно прижимались къ нему и гладили его по льянымъ, мягкимъ, уже сѣдѣющимъ волосамъ. Тогда по лицу Кенпы разливалась необычайная радость и свѣтлое чувство; онъ принималъ подарки и заключалъ въ объятія своихъ маленькихъ друзей съ оттѣнками горячей любви и искренняго сожалѣнія.

— Бѣдныя, бѣдныя вы, маленькія существа, — шепталъ онъ, — вы еще невинны, на васъ не тяготѣютъ ни слезы, ни кровь, ни проклятія вашихъ близкихъ... ваши дары я могу принять, но,

Боже мой! что станеть съ вами, когда пробьеть минута справедливости, бѣдныя жертвы рода, который обрекъ вамъ родиться въ гнѣздѣ избытка, роскоши и эгоизма?!...

Бѣдныя жертвы вовсе не были опечалены пророческими словами Кенны, но старшіе, присутствовавшіе при этихъ сценахъ, старались, насколько возможно, сократить время визита апостола человечества и отбить у него охоту повторять свои посѣщенія.

Но, несмотря на то, онъ являлся еще разъ, снова умолялъ, трогалъ, читалъ горячіе монологи о равенствѣ людей, о малыхъ и страдающихъ и пр., говорилъ такъ долго, что одни начинали отчаянно зѣвать, другіе дѣйствительно пугались, но отвѣчали однимъ и тѣмъ же: сочиненія его издавать не хотятъ, а ежели ему угодно навѣщать ихъ домъ отъ времени до времени за полученіемъ небольшого вспомошествованія, то хорошо, ежели нѣтъ, то они прикажутъ ему вѣчно отказывать, и даже, въ случаѣ необходимости, гнать вонъ. Кенна уходилъ, но рѣчь о немъ долго не прекращалась. Смѣху было много.

Но самому Кеннѣ далеко было не до смѣха, когда онъ послѣ своихъ попытокъ, не оставляющихъ даже тѣни сомнѣнія въ томъ, что онѣ увѣнчаются успѣхомъ, возвращался въ свою убогую конуру. Дрожа какъ въ лихорадкѣ, трясущимися руками онъ стаскивалъ перчатки, снималъ допотопную шляпу, даже драгоценную рукопись и ту небрежно кидалъ въ уголь и, усѣвшись на пень или на землю, долгіе часы просиживалъ неподвижно, мрачный, какъ могила. Отъ времени до времени Сильвекъ бросалъ ему короткіе вопросы:

— А что? будетъ изъ этого какой-нибудь прокъ, или нѣтъ?

Кенна поднималъ голову и, окидывая Сильвку растеряннымъ взоромъ, отвѣчалъ:

— Ничего не будетъ.

Иногда разговоръ тѣмъ и ограничивался, но чаще, такъ какъ оба обладали страстными, порывистыми натурами, переходилъ въ общую бурю согласныхъ угрозъ и проклятій. Кенна, какъ и прежде, жаловался на человѣческій эгоизмъ и косность, но теперь (раньше этого не было) въ рѣчахъ его звучало сожалѣніе о всѣхъ жертвахъ, понесенныхъ имъ для идеи, и глухое, неясное, отчаянное сомнѣніе въ томъ, что не напрасны ли были эти жертвы, не загубилъ ли онъ жизнь задаромъ. Можетъ быть, то было простое послѣдствіе физическаго истощенія, соединеннаго со страшною душевною болью, какою онъ испытывалъ при видѣ

своей рукописи, которая едва ли... даже, можно сказать, навѣрное, благодаря его убожеству, никогда не увидитъ Божьяго свѣта. Какъ бы то ни было, сомнѣнiе приводило его въ полнѣйшее отчаянiе.

— Сдается мнѣ,—говорилъ онъ Сильвну слабымъ голосомъ,— сдается мнѣ, что я умираю... точно будто моя душа умираетъ во мнѣ. Неужели я ошибся, преувеличивалъ свои силы, и смѣлъ задаромъ?... О! счастливы тѣ, чей взоръ не старался проникнуть къ источнику вѣчнаго свѣта, чья мысль не была крещена въ огненной купели любви! Счастливы тѣ, что могли осуществить мечты своихъ юныхъ лѣтъ и теперь, на закатѣ жизни, угасаютъ тихо, при свѣтѣ своихъ звѣздъ! Счастливы тѣ, чья мысль и желанiя соннымъ ручейкомъ текутъ по гладкимъ равнинамъ, тѣ, которые не вырываютъ изъ груди сердець своихъ, чтобы бросить ихъ въ огонь жертвенника любви!... Счастливы...

Онъ долго говорилъ бы на эту тему, еслибъ передъ нимъ не выросла стройная фигура юноши, еслибъ его черные, огненные глаза не зажимали его усть. Сильвекъ поднимался, выпрямлялся и, наэлектризованный словами учителя, вдохновенный, восклицалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы говорите неправду! Я думаю не такъ! Я не того жажду! Я скажу вамъ, кто счастливъ.

И, закинувши на голову обѣ свои гибкiя руки, съ лицомъ, поднятымъ вверхъ, онъ начиналъ говорить:

— Счастливъ былъ бы тотъ, кто обладалъ бы такими широкими и сильными крыльями, чтобъ подняться на нихъ до высокаго солнца, посмотрѣть ему въ его золотой ликъ и напиться его лучей! Счастливъ былъ бы тотъ, который бы превратился въ дерево, растущее на пустомъ полѣ... и ничего бы не желалъ, ни на что бы не жаловался, а только бы слушалъ, какъ птицы щебечуть въ вѣтвяхъ, какъ вѣтры небесныя шумятъ въ выси! Счастливъ былъ бы тотъ, который бы превратился въ звукъ, въ пѣсню и леталъ бы надъ міромъ вмѣстѣ съ вѣтромъ, съ тучей... какъ сѣмя сыпалъ бы пѣсни на широкое поле, садился бы на высокiя башни и такъ бы игралъ, чтобъ люди становились бы на колѣни и молились бы на него!... Счастливъ былъ бы тотъ, кто плавалъ бы по широкому морю, днемъ смотрѣлъ бы на тучи, что стоятъ на небѣ, какъ дивныя картины, а въ темныя ночи съ самаго морскаго дна вызывалъ бы къ себѣ тѣхъ чудныхъ красавиць, что живутъ тамъ, бѣлыя, какъ жемчугъ, съ воло-

сами, какъ мѣсяць, плетутъ себѣ вѣнки изъ морскихъ травъ и слушаютъ только, слушаютъ: не зоветъ ли ихъ кто-нибудь полюбить!... Счастливъ былъ бы тотъ, который бы вызвалъ себѣ любовницу со дна моря и погрузился бы съ ней въ такую бездну, чтобъ никто не мѣшалъ бы ему любить ее и цѣловать, и убаюкиваться всѣми пѣнями, которыя ему сыгравать на золотыхъ солнечныхъ струнахъ морскіе духи...

Онъ увлекался все болѣе и болѣе, говорилъ все скорѣе, все съ болѣе одушевленіемъ. То была не рѣчь, а скорѣе какая-то декламация, какая-то импровизация, неудержимо льющаяся изъ его усть.

— А вы слышали когда-нибудь, — спросилъ онъ послѣ минутнаго молчанія, — какъ матери убаюкиваютъ своихъ дѣтей? — и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: — Когда я былъ ребенкомъ... тамъ, не далеко отъ кладбища, жила въ домѣ кузнеца дѣвочка, съ глазами, какъ небо. Она вѣрно любила своихъ братьевъ, а самаго маленькаго баюкала каждый вечеръ и пѣла, точно соловей... Потомъ, въ книжѣ я всегда слышу, какъ жидовка тоже поетъ своему сыну, и мнѣ все кажется, что то золотая муха жужжитъ въ грязной паутинѣ... Отчего меня никто не укачивалъ, никто не пѣлъ надо мною?

Онъ теперь говорилъ тише, полузакрывъ глаза.

— Когда съ Лукашемъ я ходилъ по городу, пѣлъ и плясалъ подъ шарманку, то видѣлъ, какъ разные мальчики и дѣвочки бѣгутъ въ школу, учатся тамъ узнавать свѣтъ и ходить по немъ прямо, легко... Отчего никто не позаботился, чтобъ я узналъ свѣтъ и шелъ бы прямой дорогой?

Онъ замолчалъ еще на минуту.

— У того мать, у того отецъ, у этого сестра, любовница... Передъ тѣмъ разстилаются отцовскія поля, передъ тѣмъ стоятъ открытыми двери собственнаго дома, а этотъ хоть издали, да видитъ заработокъ и разныя удовольствія... Отчего у меня никого нѣтъ? Отчего передо мною нѣтъ ничего?

Кенна смѣялся тихимъ, сдержаннымъ смѣхомъ и, пытливо глядя въ разгорѣвшееся лицо мальчика, спросилъ:

— Ты не знаешь, отчего? Еще не знаешь, отчего?

Сильвекъ повернулъ къ нему лицо и точно пробудился отъ сна.

— Знаю. Вы мнѣ говорили это тамъ, когда еще я былъ малъ. Забылъ, да, забылъ! Но теперь знаю еще лучше, не да-

ромъ же слушаю васъ каждый день, а спрашиваю себя такъ, съ горя!

Онъ, противъ желанія, ломалъ руки.

— Слушайте, дѣдушка! Пока васъ здѣсь не было, тоска и злоба часто сдавливали мое сердце, но я могъ жить. Теперь, когда вы открыли мнѣ глаза на все, когда я сталъ, благодаря вамъ, болѣе разумнымъ, я уже не могу! Теперь ужь улица не мой домъ, шинокъ не мѣсто для моего веселья, шарманна не моя музыка! Болото глубоко, но кабаномъ быть не мнѣ! Я не хочу ни ѣды, ни питья, не хочу тѣхъ свиной и волчицъ, что называютъ себя женщинами! Я хочу имѣть такіе сапоги, о которыхъ сказка говоритъ, что будто въ нихъ черезъ семь миль шагать можно, хочу выкупаться въ такихъ водахъ, которыя отнимаютъ у человѣка память обо всемъ, что было! Дайте мнѣ такіе сапоги! Проводите меня къ такой водѣ!

Бенна качалъ головой и, приблизившись къ своему ученику, сѣлся на землѣ рядомъ съ нимъ и тихимъ голосомъ успокаивалъ его взволнованныя страсти. Сильвекъ начиналъ говорить тоже ровно и тихо, свѣчка гасла и эти два голоса, раздающіеся въ темнотѣ, казались дуэтомъ двухъ взбунтовавшихся духовъ. Въ другой разъ, разбитый самъ и съ отчаяніемъ видящій, что непоколебимыя дотолѣ его вѣра и надежда начинаютъ шататься, Бенна схватывалъ скрипку и начиналъ играть. Онъ отлично, на ошупь, зналъ тѣ струны, которымъ всю жизнь повѣрялъ свои завѣтныя мечты. Въ густомъ мракѣ онъ вздыхалъ, смѣялся, рыдалъ на струнахъ и звуками ихъ передавалъ всѣ свои сомнѣнія, униженія и остатки надеждъ и упованій. Когда синеватый отблескъ разсвѣта заглядывалъ черезъ рѣшетчатое окошко, музыкантъ лежалъ у подножія желтой печки съ разстегнутой грудью, съ заплаканнымъ лицомъ, лежалъ и метался во снѣ, а возлѣ него, на грязномъ полу, скрипка, казалось, еще дрожала своими желтыми струнами. А въ углу комнаты, у стѣны свѣтились черные, безсонные глаза и точно задавали рядъ вопросовъ начинающемуся дню, точно просили его о чемъ-то.

Послѣ одной такой бурной, безсонной ночи, Сильвекъ, уже въ сумеркахъ, входилъ на обширный, красивый дворъ въ одной изъ отдаленныхъ и малозастроенныхъ улицъ города. Въ глубинѣ двора стоялъ изящный одноэтажный домъ, съ большими зеркальными окнами, съ широкимъ балкономъ. Заглянуть въ окна было не трудно, домъ былъ низенькій. Сильвекъ подошелъ къ одному

окну, поставилъ шарманку на каменную скамейку и завертѣлъ ручку, но медленно, такъ что, собственно говоря, мотива никакого не выходило. Все вниманіе Сильвна было направлено на окно. Тамъ была столовая; надъ круглымъ столомъ, сверкающимъ серебромъ и хрусталемъ, спускалась на бронзовыхъ цѣпяхъ большая люстра и ярко освѣщала всю комнату. За столомъ сидѣло четверо: высокій, сѣдоватый мужчина; женщина, не первой молодости, но еще очень красивая; молоденькая, прелестная дѣвушка и молодой же человѣкъ, въ которомъ Сильвекъ съ перваго взгляда узналъ Мавриція. Въ столовой, съ огромнымъ дубовымъ буфетомъ, на которомъ стояли разставленные серебряные кубки, сосуды, тарелки, происходила простая, спокойная сцена домашней жизни. Сидящіе за столомъ обѣдали, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, были такъ оживлены, такъ веселы, что гораздо болѣе смѣялись и разговаривали, чѣмъ ѣли. Пожилой мужчина по большей части улыбался въ сторону прелестной дѣвушки, нѣжно гладилъ ее по русымъ волосамъ и предупредительно подавалъ ей со стола разные предметы, очевидно, желая исполнить ее волю, прежде нежели она выразится. Она весело смѣялась, разсказывала что-то веселое и слегка кокетничала съ Мавриціемъ, который все старался выразить на своемъ лицѣ проявленіе глубокаго чувства, что, впрочемъ, ему плохо удавалось. Вокругъ стола безшумно двигались слуги въ черныхъ одеждахъ. Ничто, ни малѣйшее дуновеніе холоднаго вѣтра, ни одинъ рѣзкій звукъ, ни одна тѣнь, которая бы вторглась въ эту ярко освѣщенную комнату хоть бы отдаленнымъ намекомъ грусти или тревоги, — ничто не смущало здѣсь тепла, тишины и ясности, разлитыхъ во всей атмосферѣ и на лицахъ присутствующихъ. Вдругъ за окномъ послышались жалобы и трели томящагося въ тюрьмѣ трубадура. Прелестная панна обернулась къ окну, обернулся и хозяинъ дома и сдѣлалъ въ сторону окна жестъ, какъ будто бы хотѣлъ отогнать отъ себя надоѣдливую муху. Но въ это время шарманка перестала хрипѣть и ныть и въ комнату ворвался рой хаотическихъ, дикихъ, отчаянныхъ звуковъ. Сильвекъ, не спуская съ окна широко-раскрытыхъ глазъ, съ безумною поспѣшностію вертѣлъ ручку шарманки, а по его смуглымъ щекамъ медленно катились крупныя слезы. Но вотъ кто-то сильно ударилъ его по плечу. Передъ нимъ стоялъ человѣкъ, весь въ черномъ, съ салфеткою подъ мышкой, и приказывалъ ему сейчасъ же убраться прочь. Глаза шарманщика загорѣлись, слезы момен-

тально высохли; казалось, онъ хочетъ выказать сопротивление, что съ его дрожащихъ губъ готовъ сорваться дерзкій отвѣтъ, но это длится одно короткое мгновеніе. Голова его поникла на грудь; онъ прошепталъ, что сейчасъ уходитъ.

Слуга удалился, а Сильвекъ остался на мѣстѣ, только уже не игралъ; а переводилъ взоръ съ лица обѣдающихъ на стѣны, увѣшанныя картинами, на группы живописныхъ растений. Больше всего привлекало его вниманіе энергическое, хотя и ласковое лицо самого хозяина. Наконецъ, онъ взвалилъ на спину свою тяжесть и съ видимымъ трудомъ оторвался отъ картины, производящей на него какое-то магическое впечатлѣніе.

На утро Маврицій Лирскій пришелъ къ Беннѣ въ свое обычное время и засталъ его стоящаго посерединѣ комнаты въ длинномъ сюртукѣ, застегнутомъ до горла, въ шляпѣ и съ портфелемъ подъ мышкой. Непобѣжденный встрѣченными неудачами, съ упорствомъ отчаянія и гордостью человѣка, чувствующаго себя выше мелочныхъ оскорбленій, Бенна не переставалъ стучаться въ двери богатыхъ домовъ, и теперь собственно собирался еще разъ повторить свою попытку. Сильвекъ тоже находился въ комнатѣ и ѣлъ черный хлѣбъ. Увидавъ его, Маврицій, вѣроятно, ужъ не испытывалъ прежней своей тревоги, потому что привѣтствовалъ его любезнымъ и веселымъ кивкомъ головы. Теперь былъ бѣлый день и, наконецъ, можетъ быть, онъ просто былъ радъ случаю поближе разсмотрѣть молодаго шарманщика. Послѣ тщательнаго осмотра Сильвеа, онъ внимательно оглядѣлся по сторонамъ, точно искалъ чего-то въ комнатѣ, но тщетно: въ ней было попрежнему пусто и голо. У основанія печки полъ былъ покрытъ кожицею отъ картофеля; тамъ же стоялъ горшокъ съ остатками какой-то застывшей похлѣбки.

Бенна, увидавъ гостя, снялъ шляпу, положилъ портфель и ласково протянулъ обѣ руки.

— Куда это вы собираетесь?—спросилъ Маврицій.—Простите, я не помѣшаю вамъ... зашелъ только на минуту, чтобъ заявить вамъ, какъ я помню о васъ и какъ сильно интересуюсь успѣхомъ нашего дѣла... Вчера я говорилъ о васъ съ дядюшкой...

Бенна вздрогнулъ. Сильвекъ пересталъ ѣсть и застылъ въ одной позѣ, съ ножомъ въ поднятой рукѣ.

— Да, я говорилъ съ дядюшкой о васъ и о вашемъ сочиненіи. Я сказалъ ему ваше имя и прибавилъ, что когда-то вы хорошо знавали другъ друга. Онъ припоминалъ, потомъ вспом-

нигъ и сказалъ: «Правда! правда! я знавалъ когда-то какого-то Бенпу, и, кажется, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дураковъ, которые думаютъ, что міръ сотворенъ единственно только для того, чтобъ они его могли передѣлать»...

Бенпа широко разинулъ ротъ; Маврицій продолжалъ:

— Хотя для меня чрезвычайно важно сохранить добрыя отношенія съ дядей, я, однако, не могъ удержаться и замѣтилъ, что... конечно... но, съ другой стороны, на свѣтѣ есть много дурнаго, что слѣдовало бы измѣнить. Какъ вы думаете, что онъ мнѣ отвѣчалъ на это? Онъ отвѣчалъ, что измѣненіе міра я долженъ начать съ самого себя. Ну, это въ сторону! Я ужь не мало наслушался отъ него такихъ комплиментовъ, и этотъ проглотилъ, какъ устрицу. А такъ какъ я твердо рѣшился работать для васъ и... для нашей идеи... то и заговорилъ о вашемъ великомъ сочиненіи. «А! — закричалъ дядя, — такъ ты знаешь этого сумасшедшаго, который вотъ ужь два мѣсяца таскается изъ дома въ домъ со своимъ бредомъ! Слышишь, Аурелія? Интересно тебѣ будетъ увидать этого индивидуума? Попроси Мориса: пусть онъ тебѣ представитъ его».

Бенпа закрылъ уже ротъ, но поблѣднѣлъ, какъ полотно; за плечами Мавриція Сильвекъ машинально, но быстро размахивалъ ножомъ изъ стороны въ сторону. Маврицій не видалъ этого и не замѣтилъ волненія Бенпы. Со свойственной ему, незнающей удержу, болтливостью онъ шелъ дальше:

— Ей Богу! этотъ дядюшка престранный человѣкъ! Ума у него отнять нельзя, читаетъ много, съ друзьями — учеными ведетъ долгія бесѣды, а того, что подъ носомъ творится, не видитъ... Напримѣръ, надъ вами смѣется, а того и не знаетъ, что и вы тоже на свѣтѣ что-нибудь да значите и можете отлично прочесть и его, и его пріятелей... хотя бы уже единственно потому, что за вами стоятъ люди, готовые помогать вамъ... Я, напримѣръ...

Тутъ онъ обернулся и стремительно вскочилъ съ пня, на которомъ сидѣлъ верхомъ до того времени.

— Что это вы дѣлаете?—крикнулъ онъ. Его испугали эволюціи Сильвекъ съ ножомъ.—Какъ можно такъ неосторожно обращаться съ острыми инструментами!

Сильвекъ спокойно опустилъ руку на колѣни и въ задумчивости промолвилъ:

— Хотѣлъ бы я видѣть его вблизи.

— Зачѣмъ вы носите ножъ при себѣ?—спросилъ Маврицій.

— Какъ зачѣмъ?—чистосердечно удивился Сильвекъ. — Вы думаете, что намъ на столъ, также какъ и вамъ, накрываетъ лакей? Онъ помолчалъ немного.

— Хотѣлъ бы я видѣть поближе!

— Кого?—спросилъ Маврицій.

— Дядюшку вашего.

Кого-нибудь другаго напугалъ бы тонъ этихъ словъ и странная улыбка Сильвекъ, но Маврицій не обладалъ способностью угадывать чужія мысли по выраженію лица.

— Вы хотите увидать его? Отчего же нѣтъ? Хоть сегодня. Мамаша наговорила ему съ три короба о бѣдности и несчастіяхъ Шарскихъ, а такъ какъ дядя зналъ когда-то Шарскаго, и даже любилъ его, то рѣшилъ не посылать ему милостыни, а доставить ее самолично. Аурелии тоже взбрело на умъ ѣхать съ отцомъ вмѣстѣ, она и поѣдетъ навѣрно, потому что, чего она захочетъ, то и дѣлается... Черезъ часъ, черезъ полчаса они пріѣдутъ къ Шарскимъ, такъ что вы можете удовлетворить свое любопытство и увидать дядюшку вблизи. А посмотрѣть стоитъ, да! Большой баринъ, что называется, и по рожденію, и по состоянію, и по положенію... а Аурелия! О! впрочемъ, о ней не мѣсто говорить здѣсь. Сколько бы я не имѣлъ причинъ быть недовольнымъ дядею, даже обижаться на него, но, все-таки, не могу не гордиться родствомъ съ нимъ и не быть благодарнымъ за то, что онъ произвелъ на свѣтъ такое очаровательное существо, какъ Аурелия...

Маврицій долго продолжалъ на ту же тему, попеременно то жалуясь, то хвастаясь, но его уже никто не слушалъ. Кенпа, опершись локтями на сундукъ и спрятавъ лицо въ ладони, впалъ въ неподвижную задумчивость, а Сильвекъ взвалилъ на спину свою шарманку и вышелъ вонъ.

Почти въ то же самое время Плацида Лирская, взволнованная и задыхающаяся, вбѣжала въ квартиру Шарскихъ.

— Элена! Элена!—кричала она, торопливо пожимая руку хозяйки,—сейчасъ къ вамъ будутъ гости, приготовьтесь, прибегите немного... я нарочно поспѣшила немного впередъ.

Элена глядѣла на нее удивленнымъ взоромъ.

— Гости? Ахъ, какъ вы испугали меня, милая пани Плацида!... Кто же бы это могъ быть? Кто вспомнилъ обо мнѣ? Не мои ли родственники?

— Не ваши, Элена,—мой; Титусъ Таржицъ съ дочерью придутъ сейчасъ. Они узнали о вашихъ несчастіяхъ и спѣшатъ къ вамъ съ помощью; кромѣ того, мой кузенъ хочетъ возобновить знакомство съ вашимъ мужемъ.

Элена не слушала. Какъ человѣкъ, на котораго вдругъ спало неожиданное, огромное счастье, она молитвенно сложила свои худыя руки и возвела свои голубые глаза къ наутинѣ, покрывающей потолокъ.

— Наконецъ-то! наконецъ, кто-то изъ моей родной сферы вспомнилъ о несчастной изгнанницѣ! Да, такъ: то вѣрно моя родня вспомнила обо мнѣ... простила мнѣ мой неравный бракъ, присылаетъ за мной... Новый день загорается надъ моей головой... О! какъ бьется сердце!...

Она вскочила съ мѣста и начала безъ толку метаться по комнатѣ.

— Какъ я ихъ приму?—шптала она.—Боже мой! въ какомъ я костюмѣ! Ни дивана, ни ковра, хоть самага жалкаго, ни прислуги!... О, какой стыдъ! стыдъ!

Съ величайшимъ усиленіемъ она выдвинула на средину комнаты ободранную кушетку, приставила къ ней столикъ, закапанный стеариномъ, и, обернувшись кругомъ, вѣроятно, съ цѣлью украшенія, бросила на столикъ пару растрепанныхъ и засаленныхъ французскихъ книжекъ, потомъ подбѣжала къ комоду, надѣла на голову помятую наколку, а на плечи накинула розовый лохмотъ.

Лирская съ состраданіемъ смотрѣла на нее.

— Гдѣ вашъ мужъ, Элена? дѣти?

— Я здѣсь, пани... свидѣтельствую вамъ мое почтеніе,—тихо проговорилъ Шарскій, входя въ комнату. Въ это время онъ находился въ эпохѣ трезвости. Онъ пришелъ домой обѣдать и принесъ съ собою множество различныхъ свертковъ. Поклонившись пани Лирской, онъ подошелъ къ комоду, гдѣ Элена съ такой горячечной поспѣшностью украшала свою особу, и началъ вынимать изъ-подъ пальто принесенные предметы.

— Чай...—заговорилъ онъ своимъ однообразнымъ, тяжкимъ шепотомъ,—помни, Элена, когда дѣти придутъ со двора, съ мороза... а тутъ немного крупы, для Клары... свѣчи, сахаръ... деньги, мелочь... Еслибъ завтра ничего не заработалъ...

Элена, съ блестящими отъ гнѣва глазами, обернулась къ

мужу и порывистымъ движеніемъ руки сбросила съ комода на полъ всѣ покупки.

— Возьми это! возьми!—взвизгнула она.—О, Боже мой! зачѣмъ онъ-то пришелъ сюда въ такую минуту!

— Ты окончательно съ ума сошла?—равнодушно пожимая плечами, спросилъ Шарскій.

— Ваша жена, любезный панъ Илярій, ожидаетъ гостя; мой кузенькѣ...—начала было пани Лирская, но не договорила. Двери первой комнаты растворились и вошелъ Титусъ Таржицъ съ дочерью подъ руку.

Элена, съ дрожащими руками, съ пятнами густаго румянца на впавшихъ щекахъ, пошла навстрѣчу гостей, стараясь придать себѣ видъ свѣтской, развязной дамы. Она высоко поднимала голову и улыбалась, но когда остановилась передъ гостями (тѣ остановились тоже),—остолбенѣла, протянула было руку, но потомъ отдернула ее назадъ и прошептала что-то непонятное. На лицѣ ея выразилась невыносимая мука. Илярій Шарскій тоже не двигался съ мѣста. Ротъ его немного открылся отъ изумленія, что придавало ему отпечатокъ глуповатости, и только заплавышіе красные глаза смотрѣли изъ-подъ бровей на посѣтителей съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы спрашивали: чего имъ отъ меня нужно?

Таржицъ съ умѣньемъ и тактомъ свѣтскаго человѣка представилъ дочь хозяйкѣ дома и, оставивъ ея руку, обратился къ Шарскому:

— Не узнаете меня, панъ Шарскій? Мы съ вами старинные знакомые. Когда-то вы вели мое дѣло, а потомъ мы встрѣчались въ двухъ знакомыхъ домахъ. А и постарѣли мы оба...

Очевидно, Таржицъ желалъ, насколько возможно, ободрить своего собесѣдника, который все неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ съ полуоткрытымъ ртомъ и вопрошающимъ взглядомъ.

Въ Шарскомъ оставалось настолько мало надежды, что даже неожиданное посѣщеніе богатаго и сильнаго человѣка не пробуждало въ немъ никакого чувства. Ничто уже не могло поднять его въ собственныхъ глазахъ. Наконецъ, Таржицъ умолялъ, пытливо посмотрѣлъ ему въ лицо и, перемѣнивъ голосъ, заговорилъ серьезно:

— Вы принадлежите къ числу такихъ людей, съ которыми наше общество не свело еще счетовъ. Васъ лишили возможности существовать честнымъ трудомъ безъ всякой вины съ ва-

шей стороны. Вы пострадали за свою солидарность съ нами, и не должны ни удивляться, ни обижаться, если кто-нибудь изъ насъ вспомнилъ о своихъ обязанностяхъ относительно васъ и поспѣшилъ къ вамъ съ утѣшеніемъ и помощью.

Шарскій быстро поднялъ рѣсницы и также быстро опустилъ ихъ опять.

— Какая тутъ можетъ быть помощь! — махнулъ онъ рукою.

— Я долженъ долго и наединѣ поговорить съ вами, — сказалъ Таржицъ, взявъ его подъ руку и ведя къ окну.

А Елена въ это время занимала молодую, прекрасную дѣвушку, которая, несмотря на свой темный, скромный костюмъ, казалась существомъ изъ другаго міра въ этой обстановкѣ. Дорогой мѣхъ ея шубы, казалось, съ негодованіемъ прикасался къ грязной кушеткѣ. Елена, придвинувъ себѣ кресло со сломанной ручкой, начала съ того, что сообщила о своемъ знакомствѣ съ Тарговымъ и мѣстностью, гдѣ онъ находится, что она часто бывала въ той сторонѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ, у котораго было тамъ имѣніе, что отецъ ея былъ очень друженъ съ сосѣдомъ Таргова, княземъ Генрикомъ, и она сама очень любила туда ѣздить, въ особенности зимою, въ санихъ... Впрочемъ, и лѣтнія прогулки доставляли ей не малое удовольствіе... у отца ея тамъ были такія густыя лѣса... а она, въ свою очередь, очень любить природу, хотя, съ другой стороны, предпочитаетъ всему свѣтъ и свѣтскую жизнь... отдавать визиты, выѣзжать на прогулки, вечера проводить въ театрахъ... ахъ, какъ это пріятно!

Въ этомъ году въ городѣ, кажется, много веселятся... она слышала, что князь Генрикъ переѣхалъ въ городъ со всѣмъ семействомъ на цѣлую зиму. Она живетъ въ такомъ уединеніи, что даже не знаетъ навѣрно, какія теперь моды; хотя ей кажется, что платье *à panier* въ большомъ употребленіи, а модные цвѣта... Она все это проговорила съ такой поспѣшностью, что ни Аурелія, ни пани Лирская, которая, въ знакъ предостереженія, иногда дергала ее за платье, не могли вставить ни одного своего слова. Елена перепархивала съ предмета на предметъ, уснащала свою рѣчь французскими словами и постоянно, дрожащими руками, дотрогивалась то до своихъ волосъ, то до платья. Щеки ея пылали огненнымъ румянцемъ, на глаза навертывались слезы. Вообще она производила впечатлѣніе больнаго въ сильномъ градусѣ горячки. Аурелія смотрѣла на нее сначала съ недоумѣніемъ, потомъ съ невыразимымъ сожалѣніемъ, нако-

нецъ, просто начала теряться, когда вдругъ у нея вырвался веселый крикъ. Она наклонилась и съ ласковою улыбкой протянула руки навстрѣчу Клары, вбѣгающей въ комнату. Ребенокъ, раскраснѣвшійся на морозѣ, былъ очарователенъ. На ея маленькихъ ножкахъ были тонкіе, когда-то щегольскіе сапожки, теперь совершенно пришедшіе въ ветхость; изъ-подъ дыряваго пальто выглядывала бахрома какихъ-то грязныхъ лохмотьевъ. На обнаженную шейку цѣлымъ потокомъ сбѣгала волна золотистыхъ кудрей.

Когда Таржицъ, послѣ долгаго разговора съ хозяиномъ дома, повернулъ свое утомленное, грустное лицо, Клара уже сидѣла на колѣняхъ его дочери, любопытно разсматривая и дотрогиваясь до частей ея туалета. Аурелія сама, казалось, очень заинтересовалась дѣвочкой.

— Папа,—вскрикнула она, вставая и поднимая Клару, — помнишь эту дѣвочку? Припомни, гдѣ мы видѣли ее.

Таржицъ отлично помнилъ, гдѣ именно они видѣли ее, но счелъ нужнымъ замять разговоръ. Впрочемъ, Клара сама начала щебетать о маскарадѣ, о томъ, какъ она была одѣта обезьяною, какъ сидѣла на спинѣ Сильвга и какъ пани (она указала на Аурелію) бросила ей горсть конфетъ.

— Мнѣ мало досталось,—прибавила она съ недовольной миной.—Томекъ какъ увидалъ, такъ повалилъ меня на землю и все отнялъ... провалиться бы ему!

Аурелія чуть не заплакала. «Бѣдная, бѣдная!» прошептала она, потомъ, прижавшись къ отцу, что-то долго толковала ему на ухо, и, съ мольбой сложивъ руки, dokonчила громко, что «мама будетъ рада, очень рада! она такая добрая и любить дѣтей».

Таржицъ нахмурилъ брови съ очевиднымъ неудовольствіемъ; онъ колебался.

— Дорогой папа!—повторила дѣвушка.

Онъ улыбнулся, какъ улыбается отецъ на просьбу ребенка, любимаго сильнѣе собственной жизни, и осмотрѣлся кругомъ, отыскивая Шарскаго.

Шарскій оставался у окна въ томъ же самомъ положеніи, съ тѣмъ же выраженіемъ лица, съ которымъ, добрыхъ четверть часа тому назадъ, разговаривалъ съ гостемъ. Онъ весь какъ-то съежился, прикикъ къ землѣ, а лицо его точно окаменѣло въ горькой насмѣшкѣ надъ попыткой улучшить его судьбу. Казалось, онъ съ великимъ нетерпѣніемъ ожидалъ конца утомитель-

наго для него визита, и не думалъ, не чувствовалъ, не желалъ ровно ничего. Но, все-таки, распухшія рѣсницы дрогнули и губы поблѣднѣли, когда Таржицъ съ принужденной веселостью заявилъ, что его дочь хочетъ взять съ собою Клару на нѣсколько дней, а если они полюбятъ другъ друга, то, можетъ быть, и надолго.

— У васъ, кажется, еще двое дѣтей, — добавилъ онъ, — у насъ же въ домѣ маленькихъ нѣтъ. Моя жена и дочь страстно любятъ дѣтей... будутъ заниматься съ Кларой, учить ее...

Съ Шарскимъ дѣлалось что-то необычайное. Окаменѣвшій человѣкъ вновь превращался въ живаго человѣка. Онъ весь дрожалъ, губы его сложились въ горькую улыбку, за то глаза загорѣлись невыразимой радостью.

Онъ быстро подошелъ къ гостѣ, хотѣлъ сказать что-то, но не могъ... руки его сдѣлали нѣсколько беспомощныхъ движеній, и онъ съ глухимъ стономъ упалъ къ ногамъ Таржица, обнимая его колѣни. Радость уюила его такъ, какъ никогда не охмѣляла водкою. Наконецъ, онъ что-то заговорилъ, быстро-быстро, но совершенно безсвязно. Единственно, что можно было услѣдить, такъ это частое упоминаніе о дѣтяхъ. Онъ не обвинялъ и не оправдывалъ себя, не жаловался ни на что, онъ только говорилъ о своихъ дѣтяхъ, молилъ спасти ихъ, спасти во имя Распятаго, предохранить отъ гибельной будущности.

— Дѣти... дѣти... дѣти! — повторялъ онъ. — Спасите дѣтей!

Когда взволнованный Таржицъ поднялъ его съ пола и обратился къ Эленѣ съ просьбой одѣть ребенка во что-нибудь теплое, такъ какъ нельзя же ее вывозить на морозъ и вѣтеръ въ такой одеждѣ, Шарскій торопливо побѣжалъ въ сосѣднюю комнату и началъ дрожащими руками рыться въ старомъ чемоданѣ. Наконецъ, онъ отыскалъ какую-то суконную трипку, закуталъ въ нее Клару и, высоко поднявъ ее съ улыбкой, въ которой отчаяніе смѣшивалось съ сумасшедшею радостью, осыпалъ поцѣлуями ея волосы, лобъ и шею...

Элена, опираясь рукою о сломанное кресло, стояла, какъ олицетвореніе стыда. Было видно, что вся эта суета смертельно унижала ее. Она искусала до крови губы и поблѣднѣла, какъ полотно, но, все-таки, старалась улыбаться Аурелии, которая повторяла ей просьбу взять съ собою Клару.

— Миѣ очень прискорбно, — лепетала та еле слышнымъ, прерывающимся голосомъ, — что я должна разстаться съ дочерью...

хотя, собственно говоря... я нахожусь въ такомъ непредвидѣнномъ, ужасномъ положеніи... Наконецъ, у меня осталась надежда... что моя родня вспомнитъ обо мнѣ и освободитъ меня изъ такого положенія... Во всякомъ случаѣ, я скоро буду у васъ, чтобъ поблагодарить за память, только, надѣюсь, вы... извините мнѣ мой туалетъ... Тутъ лицо ея искривилось спазмодической судорогой, она пошатнулась и съ истерическимъ смѣхомъ упала на кушетку.

Черезъ двѣ минуты Таржицъ съ дочерью усаживались въ сани, а Шарскій подавалъ имъ Клару, закутанную въ кусокъ сукна. Аурелія уже сидѣла въ саняхъ; Таржицъ занесъ было одну ногу, но вдругъ остановился. Когда онъ выходилъ изъ воротъ, передъ его глазами мелькнуло лицо одного человѣка. Онъ сначала прошелъ было мимо, но потомъ остановился неподвижно на мѣстѣ.

У воротъ стоялъ Сильвекъ и пристально глядѣлъ на него; еще разъ они поглядѣли другъ другу глаза въ глаза.

Но отецъ Таржицъ вскочилъ въ сани, и лошади помчались стрѣлою.

— Ты видѣла этого шарманщика, что стоялъ у воротъ?— задумчиво спросилъ Таржицъ у дочери.

— Мнѣ кажется, это тотъ самый мальчикъ, котораго мы встрѣтили, когда пріѣзжали въ городъ. Трудно не узнать его: такое красивое, оригинальное лицо!

— Оригинальное! — повторилъ Таржицъ, — мнѣ самому кажется, что я уже нѣсколько разъ встрѣчалъ его, и всегда онъ напоминаетъ мнѣ кого-то, но кого, не помню. Но зачѣмъ онъ такъ всматривался въ меня, когда я садился въ сани? Въ глазахъ его было что-то недоброе.

Клара, которая внимательно прислушивалась къ ихъ разговору, капризно надула губки и запрыгала:

— Неправда! вы врете! Сильвекъ очень добрый! Когда папа напьется и лѣзетъ на лѣстницу, Сильвекъ папу всегда сводитъ съ лѣстницы и проводитъ домой, а когда Дамекъ или Владзя голодны, они идутъ просить къ нему. Мнѣ всегда покупаетъ пирожки и не позволяетъ Томку бить меня, а панъ Лукашъ говорить, что онъ ему лучше роднаго сына. А какъ хорошо Сильвекъ играетъ! Каждое воскресенье приходитъ въ шинокъ и играетъ. Хаймъ ему за это двугривенный даетъ. Въ шинкѣ весело! танцуютъ и такъ иногда дерутся...

— Великій Боже! — вздохнулъ Таржицъ, — кажется, эта пятилѣтняя крошка могла бы написать тайны этихъ трупобъ.

Аурелия, цѣлуя ребенка, сказала, чтобы впередъ не было и рѣчи о лѣстницѣ, по которой лазаетъ папа, о Томѣ, Хаимѣ и о шинкѣ. Клара стала маленькіе кулачки и запрыгала:

— Нѣтъ, буду говорить о панѣ, о Сильвекѣ и о шинкѣ! Буду! Ей Богу буду!

Съ того дня Сильвекъ почти не говорилъ съ Кенпой. Таржицъ не ошибся, что въ глазахъ у него что-то недоброе. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, въ глазахъ у него сидѣлъ «нечистый съ раскаленной головой въ зубахъ».

Только черезъ нѣсколько дней онъ улыбнулся въ первый разъ, когда въ сводчатую комнату впорхнуло маленькое существо, захлебываясь отъ смѣха. То была Клара. На ней была голубая верхняя одежда, голубая шляпка и даже сапожки голубые. Однимъ прыжкомъ она очутилась на колѣняхъ Сильвекъ и вѣриво обняла его шею своими маленькими ручонками. Сильвекъ, смѣясь самъ, ласково гладилъ ее по раздумявшемуся личику.

— А, это ты, маленькая дурочка! Откуда взялась, негодница? Я думалъ, что ужъ никогда тебя не увижу. Вспомнила-таки о старыхъ пріятеляхъ, пташка ты моя голосистая. Но какъ же ты пришла сюда? Ужъ не на тѣхъ ли красивыхъ саняхъ пріѣхала? а?

— Убѣжала! — крикнула дѣвочка, — ей Богу убѣжала! Чортъ ихъ всѣхъ возьми! Такъ мнѣ тамъ скучно, такъ грустно, хоть повѣситься! Муштруютъ, учатъ: Клара, говори, Клара не говори, Клара, сиди прямо, Клара, не кричи, а мнѣ такъ и говорить-то ни о чемъ не хочется, да и не позволяютъ. Скажешь что-нибудь о панѣ... о шинкѣ, или о Томѣ... напустятся на меня, какъ на собаку! Думаю себѣ: убѣгу! Какъ пойду гулять съ панной, что меня сторожить, какъ чортъ грѣшную душу, такъ и убѣгу. Пошла и убѣжала. Она въ одну сторону, а я въ другую, шмыгъ, и спряталась за стѣну, потомъ смотрю, ее ужъ нѣтъ...

Она то плакала, то смѣялась во все время своего разказа.

— А дома была, козочка маленькая? — спросилъ Сильвекъ.

Клара надулась и жалобнымъ голосомъ отвѣтила:

— Какъ же, зашла. Папа — на тѣ деньги, что ему тогда панъ подарилъ, пьянствуетъ въ шинкѣ; мама шьетъ платье для

визита, кроить и шьеть, пореть и шьеть, и снова шьеть и пла-
чать. Владзя такъ спитъ, что его и не добудишься, а Дамекъ съ
Анткой кошкѣ кормить въ сараѣ. Ну ихъ совсѣмъ!

— Боли такъ, ты и у насъ можешь остаться. Сниму я съ
тебя эту господскую одежду, одѣну опять какъ обезьянку и
будешь какъ прежде веселиться!

Суровые до тѣхъ поръ глаза юноши теперь кротко, любовно
смотрѣли на ребенка.

— Какъ разъ!— крикнула Клара, — держи карманъ, такъ я
и отдамъ тебѣ пальто мое, и останусь тутъ, чтобъдохнуть съ
голоду, да въ канавахъ валяться!

Она взяла въ руки металлическую пуговицу куртки Сильвѣка
и важнымъ голосомъ продолжала:

— Тамъ отлично! Кушанья такія вкусныя, а комнаты боль-
шія, пребольшія! Сегодня будетъ музыка и много, много гостей.
Музыканты пріѣхали оттуда... съ самаго края свѣта, а панъ
далъ имъ много денегъ, чтобы пришли къ нему и играли. У
пана въ футлярахъ столько камешевъ хорошихъ, что страхъ!
У панны тоже бѣлое ожерелье, а платьевъ столько, сколько ще-
покъ въ сараѣ. Нѣтъ, я не останусь, ни за что не останусь.
Можетъ быть, мнѣ подарятъ что-нибудь, платьевъ понадѣлаютъ...
лучше я здѣсь побуду немного, а потомъ убѣгу назадъ.

— Такъ у васъ будетъ музыка!— задумчиво протянулъ Силь-
векъ,—а когда?

— Вечеромъ; ночью, почему я знаю? Говорятъ тебѣ, что
будутъ играть на такихъ скрипкахъ, что даже панъ и пани ни-
когда ихъ не видали. И панна будетъ пѣть... Когда она поетъ,
то такъ кричитъ, что по всему дому слышно... И мороженое
будетъ. Сильвекъ, ты ѣдалъ когда-нибудь мороженое? Я ѣла;
оно такое сладкое.

Клара долгое время рассказывала разныя чудеса о домѣ,
въ которомъ она жила теперь, въ особенности же о предстоя-
щемъ вечерѣ.

— Тѣ музыканты, что будутъ играть, носятъ золотое платье.
а на головѣ у нихъ повязки, точно ленты... Сильвекъ, ты при-
дешь посмотреть?

Сильвекъ промолчалъ минуту; потомъ съ особеннымъ уда-
реніемъ сказалъ: «Приду».

Черезъ нѣсколько часовъ онъ, дѣйствительно, шелъ по
Сельской улицѣ по направленію къ бѣлому дому, стоящему въ

глубинѣ обширнаго двора. Дворъ, покрытый пеленой тающаго свѣта, тонулъ во мракѣ, за то изъ зеркальныхъ оконъ лились снопы яркаго свѣта. Оттуда слышались порою то неясные отголоски разговоровъ, то звуки настраиваемыхъ инструментовъ. Сильвекъ прибавилъ шагъ и жадно припалъ горячимъ лицомъ къ огромному стеклу.

Въ большой залѣ съ дѣвственно-бѣлыми мраморными стѣнами горѣли сотни газовыхъ рожковъ. Огромная пирамидальная люстра, спускаясь съ потолка на тонкомъ, незамѣтномъ шнуркѣ, казалась висящею въ воздухѣ. Посреди залы, около колоннъ, подъ сѣнью широкихъ листьевъ вѣчно зеленыхъ растений, сидѣло нѣсколько дамъ въ роскошныхъ туалетахъ. Головы ихъ были украшены цвѣтами, обнаженные руки при свѣтѣ газа казались алебастровыми. Около этого кружка, а также и по всей залѣ, поодиночкѣ, попарно, соединившись маленькими группами около столиковъ, гнущихся подъ тяжестью золотообрѣзныхъ книгъ, около открытаго фортепiano, прохаживались, стояли и сидѣли мужчины въ однообразной черной одеждѣ и бѣлыхъ галстукахъ. Казалось, зала настолько полна тепла, благоуханія, блестящихъ взоровъ и очаровательныхъ улыбокъ, что они вырывались вонъ, въ окно, и волною заливали лицо ночнаго бродяги.

Всякій свѣтскій человекъ, при первомъ же взглядѣ, догадался бы, что это общество объято нетерпѣливымъ ожиданіемъ чего-то необычнаго.

Всѣ взоры жадно устремились къ невысокой эстрадѣ на противуположной сторонѣ залы, около плотно притворенной двери, ведущей, по всей вѣроятности, въ сосѣдную комнату.

Наконецъ, дверь широко распахнулась и на эстраду взошли, одинъ за другимъ, трое музыкантовъ, съ инструментами въ рукахъ. Задрапированные широкими складками своей желтой, яркой одежды, стройные, красивые, эти три артиста съ далекаго юга, точно языческіе боги, приносящіе людямъ въ даръ небесные звуки, сѣли на мѣста и положили свои бѣлыя руки на струны мандолинъ. Все стихло, какъ по мановенію волшебнаго жезла; еще минута—и понеслись легкіе, чистые, очаровательные звуки. Они были такъ легки, что, казалось, шли не съ эстрады, а спадали сверху крылатомъ роемъ; такъ грустны, что ихъ можно было принять за дождь горячихъ слезъ; такъ чисты, что зала какъ будто сразу превратилась въ хрустальный храмъ, на стѣны котораго ритмически спадали брызги алмазной росы. Казалось,

какая-то чарующая сила перенесла сюда, въ эту залу, всѣ звуки далекаго юга, весь блескъ его лазурнаго неба, все благоуханіе его яркихъ цвѣтовъ. Всѣ слушали, затаивъ дыханіе, не шевелясь, чтобъ не проронить ни одного звука; наконецъ, вся зала потряслась отъ единодушныхъ рукоплесканій, артисты поднялись съ мѣстъ, раскланились, сошли съ эстрады и смѣшались съ гостями. По залѣ неслышными шагами сновали взадъ и впередъ слуги съ серебряными подносами въ рукахъ; потомъ вновь гости разошлись по мѣстамъ, вновь воцарилась тишина. То хозяйинъ дома велъ свою дочь къ открытому фортепіано. Медленно проходили они изъ одного угла въ другой: онъ съ улыбкой счастья на губахъ, нѣжно заглядывающій въ ея глаза, она, какъ дивное произведеніе искусства, съ длиннымъ шлейфомъ позади, съ обнаженными плечами, полуприкрытыми волной свѣтлыхъ волосъ, съ опущенной внизъ головой. Онъ гордился красотой своей дочери и былъ счастливъ, что можетъ показать ее свѣту во всей ея прелести; она, слегка смущенная, съ довѣріемъ и любовью проходила сквозь строй перекрестныхъ взоровъ, опираясь на твердую, надежную руку. Эта изящная пара промелькнула какъ разъ мимо окна, за которымъ, какъ два раскаленныхъ угля, горѣла пара человѣческихъ глазъ. Черезъ минуту раздалась прелюдія, потомъ сильный, чистый, артистически выработанный женскій голосъ. Широкою волною полилась знаменитая арія изъ Роберта. Вопль о состраданіи, о пощадѣ залилъ всю комнату своимъ безбрежнымъ отчаяніемъ. Въ ту же минуту два огонька за окномъ угасли, ночной бродяга упалъ на колѣни и, припавъ лицомъ на тающій снѣгъ, разразился рыданіями.

— Пощады! пощады! пощады!... — все сильнѣе и сильнѣе раздавалось въ домѣ, а тутъ, на дворѣ, этому воплю вторили громкія, конвульсивныя рыданія, и человѣческая фигура, черная, подъ снопомъ падающаго на нее свѣта, билась головою о землю отъ невыносимой скорби и муки.

Потомъ, изъ-подъ искусной руки хозяина полилась тихая мелодія, не то ноктюрнъ, не то колыбельная пѣсня. Но ни ласковые, мягкіе звуки ноктюрна, ни сонные, нѣжащіе звуки колыбельной пѣсни не убаюкали ребенка, который тамъ, за окномъ застылъ неподвижно, обнявъ колонну, поддерживающую балконъ. Все, что онъ увидалъ здѣсь, что услышалъ, вѣроятно, причинило ему такія нравственныя страданія, что онъ, полубезпамятный, палимый огнемъ непонятныхъ желаній и горя, съ грудью, колебле-

шеюся отъ рыданій, съ дрожащими устами бросалъ въ туманное небо не то громкія проклятія, не то вопросы... Онъ поднялся лишь тогда, когда дворъ загремѣлъ подъ топотомъ лошадиныхъ ногъ и колесъ экипажей. Онъ поднялся и, какъ тѣнь, шатаясь, проскользнулъ межъ деревьевъ и исчезъ во мракѣ улицы.

Эту ночь, какъ и нѣсколько предъидущихъ, Кенпа не спалъ. Ворочаясь на вязанкѣ соломы, вздыхалъ и произносилъ самому себѣ длинные монологи, онъ ожидалъ возвращенія Сильвека. Какъ только заскрипѣли двери, онъ вскочилъ, оцупью подошелъ къ сундуку и зажегъ свѣчку.

— Я для того зажигаю огонь, — въ полголоса началъ онъ, — чтобъ ты рассказалъ мнѣ, что видѣлъ и слышалъ... Онъ остановился вдругъ и воскликнулъ:

— Что съ тобой? Ты пьянъ?

Сильвекъ, шатаясь, прошелъ пространство отъ порога, и, отыскивая руками въ воздухѣ точку опоры, бессильно опустился на землю.

— Пьянъ... — прошепталъ онъ. — Вы говорите правду. Напился! Напился, только не водкой, другимъ... не знаю, какъ называется то, чѣмъ я тамъ напился...

Онъ закрылъ лицо руками и опять зарыдалъ, только безъ слезъ; глаза его оставались сухи. Изъ груди его иногда вырвались звуки чисто дѣтскаго, напряженнаго плача, но больше выходило какое-то звѣрское рычанье. То былъ страшный взрывъ первобытной натуры, не сдерживаемой ни одной изъ внутреннихъ силъ, которыя вырастаютъ и крѣпнутъ подъ влияніемъ культуры: разсужденія, сдержанности.

То были взрывы дикаго человѣка, который въ крови своей, въ каждомъ атомѣ своего существа носилъ зародыши добра, стремился къ нему всею силою страсти, но въ которомъ зависть, гордость, неудовлетворенныя желанія, жившія съ давнихъ поръ, достигли теперь кульминаціонной точки развитія и теперь страшно бушевали въ больной груди.

Когда онъ замолчалъ, наконецъ, и опустилъ руки, лицо его не было ни грустно, ни уныло, а только горѣло однимъ бѣшенствомъ.

Это горящее лицо онъ придвинулъ близко къ лицу Кенпы и тяжкимъ шепотомъ спросилъ:

— А если... если не *отдадутъ*, можно *взять*?

Кенпа вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Что... что говоришь ты?

Сильвегъ поспѣшно, съ порывистыми движеніями заговорилъ:

— Я говорю, что сапоги, въ которыхъ можно ступать черезъ семь миль... тамъ! И та вода, въ которой, если человѣкъ выкупается, то позабудетъ обо всемъ, что было... тамъ! И морскіе дворцы, гдѣ живутъ чудныя красавицы... тамъ! И крылья, на которыхъ можно долетѣть до высокаго солнца... тамъ! И все есть тамъ, на что глазъ хочетъ смотрѣть, чего ухо хочетъ слышать! Я пойду... и возьму.

— Боже великій!— вскрикнулъ Кенпа и торопливо загасилъ свѣчку. Но ни онъ, ни взволнованный до нелзя Сильвегъ не замѣтили, что въ то время, когда комната наполнилась криками и рыданіями Сильвга, въ углу приподнялась съ земли старая женская голова и начала внимательно прислушиваться.

На утро, когда Кенпа проснулся довольно поздно, послѣ короткаго, безпокойнаго сна, старуха Кенпова сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ, суровая и грозная, и грозила пальцемъ сыну.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ того по Сельской улицѣ шелъ Маврицій Лирскій, веселый, свободный, какъ птица, насвистывающій сквозь зубы какую-то пѣсенку. Онъ былъ очень веселъ; вчерашній вечеръ прошелъ такъ хорошо; кромѣ того, кузина Аурелія, по крайней мѣрѣ, раза три подзывала его къ себѣ и давала маленькія порученія. Маврицій былъ убѣжденъ, что это дѣлалось не безъ цѣли. Несомнѣнно, она интересовалась имъ, можетъ быть, даже и влюблена въ него... все это хорошо, еслибъ только не дядюшка, который, не стѣсняясь въ выраженіяхъ, называлъ его шалопаемъ, и тетушка, которая смотрѣла на него, точно какъ на ученика четвертаго класса гимназій. Охъ, ужъ этотъ эгоистъ и его достойная супруга! Конечно, они ни за что, ни за что не согласятся осчастливить его; они, конечно, уже намѣтили въ мужья Ауреліи какого-нибудь Креза, эксплуататора, пьявку какую-нибудь, такую же, какъ они сами.

Такъ думалъ Маврицій. Вдругъ за его спиной послышался старческій, дребезжащій голосъ:

— Паничъ! паничъ, золотой мой! подождите. Мнѣ нужно сказать вамъ кое-что... важное! Подождите минутку!

Онъ обернулся и увидалъ старуху Кенпову, которая, стуча костылемъ о каменья тротуара, торопилась за нимъ. Онъ зналъ ее, и, какъ матери человѣка, къ которому чувствовалъ инстинг-

тивную симпатію и уваженіе, не могъ отвѣтить ей какъ другой особѣ, находящейся въ ея положеніи, если-бъ таковая остано-вила его посерединѣ улицы въ бѣлый день. Съ нескрывае-мымъ неудовольствіемъ онъ спросилъ:

— Чего вы хотите отъ меня? Надѣюсь, не милостыню же вы будете просить у одного изъ лучшихъ друзей, даже, можно ска-зать, учениковъ вашего сына?

Старуха, опершись руками на палку, смотрѣла на него тре-вознымъ, вопросительнымъ взоромъ.

— Не милостыни я требую теперь, дорогой мой паничъ,— заговорила та, покачивая головой, съ которой на ея сморщенное лицо спадали сѣдые волосы.— Не милостыни я хочу теперь, а могилы, такой глубокой, гдѣ я могла бы скрыться и ничего не видѣть... Хочу я еще, прежде чѣмъ стану предъ судъ Божій, очистить свою совѣсть и не допустить, чтобы мое дитя совер-шило страшный грѣхъ... Намъ надо потолковать такъ, чтобъ насъ никто, никто не подслушалъ.

Немного нужно было, чтобы возбудить любопытство Мавриція. Странное выраженіе глазъ нищей, таинственность ея послѣднихъ словъ склонили его исполнить ея просьбу, тѣмъ болѣе, что свободнаго времени у него было много, а способовъ убить его— никакихъ. Но, все-таки, разговаривать съ нищей на виду у всѣхъ не особенно удобно. Онъ свернулъ въ боковую, малолюдную улицу и поспѣшно спросилъ:

— Что такое? что? Говорите!

Старуха, однако, заговорила не сразу. Голова ея понизла на грудь, блѣдныя губы начали сильно дрожать. Наконецъ, какъ бы погруженная въ сонъ, она заговорила монотоннымъ голосомъ:

— Скажите мнѣ, дорогой паничъ... вы выросли въ хорошемъ домѣ, обучены всякимъ наукамъ... скажите мнѣ, что это такое: человѣчество? До половины жизни уши мои не слышали такого слова, за то потомъ слушали его, о Боже мой! слушали такъ часто, что у меня отъ него раньше времени волоса посѣдѣли и спина согнулась. Ой, косточки мои, косточки! они у меня отъ этого человѣчества болятъ! Скажите вы мнѣ: что это—вещь ка-кая-нибудь, такая большая и такая тяжелая, что слабосильный человѣкъ нитянымъ манеромъ поднять ее не можетъ, а ежели ж взвалитъ на свою спину, то прямо въ грязь? Ей Богу, пра-мехонько, съ тѣломъ и душою, въ грязь!

— Что это вы городите, почтенная старушка,—перебилъ Маврицій,—хватили, что ли, черезъ край?

Глаза старухи блеснули горемъ.

— Охъ, косточки мои, косточки!—простонала она,—пили онѣ долгія лѣта горе и несчастье, вотъ и напились такъ, что имъ въ землю хочется. Говорила я ему не разъ, не сто разъ: что такое человѣчество? Покажи ты мнѣ его, пусть его мои глаза увидятъ, пусть я до него пальцами дотронусь... Зачѣмъ тебѣ сразу залетать такъ высоко, подъ самое небо? Велика была лѣстница, по которой ангелы сходили съ неба во снѣ Іаковлевымъ.

Маврицій нетерпѣливо постукивалъ ногою.

— Ну, старушка, довольно болтать. Если у васъ есть какое-нибудь дѣло, то говорите, а нѣтъ—такъ до свиданія; у меня нѣтъ времени.

Нищая схватила его за рукавъ пальто, близко придвинулась къ нему, такъ что онъ слышалъ ея дыханіе, и начала тихо шептать:

— Спасите душу человѣческую отъ убійства... спасите невиннаго отъ грѣха! Скажите тому пану, что живетъ въ бѣломъ домѣ, куда вы ходите часто, чтобы онъ былъ остороженъ... очень остороженъ, потому что будетъ плохо...

Теперь ужъ и Маврицій схватилъ ее за руку.

— Что? Вы говорите о моемъ дядѣ? Ему грозитъ какая-нибудь опасность? Ну?

Старуха утвердительно кивнула головой.

— Но что именно угрожаетъ ему? Да говорите же!—почти крикнулъ Маврицій и сильно потряхнулъ упорно молчавшую старуху. Она застонала, поколебалась съ минуту, потомъ шепнула на ухо Маврицію два-три слова, тихихъ, какъ дуновение вѣтерка.

— А! да!—воскликнулъ онъ, невольно пятясь назадъ; но затѣмъ опять схватилъ руку старухи и засыпалъ ее настоятельными вопросами:

— Откуда вы знаете? Кто? Когда?

Она застонала опять и вырвалась изъ его рукъ.

— Не знаю,—жалобнымъ голосомъ заговорила она,—не знаю ни гдѣ, ни кто, ни когда! Хоть убейте меня на мѣстѣ, не скажу... Богомъ клянусь, не скажу... Что вамъ до того: гдѣ, кто и когда?.. Что вамъ до того: гдѣ, когда и кто?

— Какъ, что мнѣ до того!—закричалъ Маврицій, —это очень мило! Что мнѣ до того! Прежде всего, мнѣ хотѣлось бы поймать этихъ пташекъ и задать имъ хорошаго перцу.

Старуха важно покачала головой. Что-то вродѣ саркастической улыбки промелькнуло на ея губахъ.

— Я вовсе не для того говорила вамъ, паничъ! Боже мой! не для того, чтобы вы ловили ихъ и задавали бы имъ хорошаго перцу. Я сказала вамъ потому, что хочу съ чистою совѣстью предстать передъ Богомъ и желаю, можетъ быть, больше спасенія своей собственной души, чтобъ одна человѣческая душа не омрачила себя великимъ грѣхомъ... Вы молоды еще, паничъ, и не знаете, что можно крѣпко сердиться и, въ то же время, любить, упрекать и жалѣть, проклинать и благословлять... Вы не знаете, паничъ мой, еще многихъ вещей... а я знаю хорошо, что такіе богатые люди, какъ дядюшка вашъ, должны сторожить свои дома, чтобъ другіе не соблазнились заглядывать въ ихъ окна. Пусть онъ и сторожить, а я потащусь въ костель къ вечернѣ и буду просить Отца нашего милосердаго, чтобъ Онъ, прежде чѣмъ я закрою глаза, или хоть бы на томъ свѣтѣ, показалъ бы мнѣ, что такое человѣчество!

Она отвернулась и, крехтя, пошла по направленію къ серединѣ города. Маврицій стоялъ долго, какъ вкопанный, весь погруженный въ занятіе, не особенно привычное ему: въ размышленіе. Потомъ онъ сразу поднялъ лицо, разцвѣтшее улыбкой, щелкнулъ пальцами и закричалъ:

— Попался ты мнѣ, голубчикъ! Попался!

И, смотря въ сторону, куда ушла нищая, прибавилъ съ громкимъ хохотомъ:

— Вотъ и не сказала, вѣдьма кievская, кто и что, а я знаю! Ей-Богу, знаю! Не даромъ я замѣтилъ эти цыганскіе глаза за окномъ дядюшки. Попался, голубчикъ!—Онъ вновь задумался. Какая-то забота омрачила ого лицо.

— Но что теперь дѣлать и какъ сдѣлать? Вѣдьма смотрѣла такъ... что какъ будто и учитель нашъ хочетъ сунуть сюда свое рыльце, а если промахнется... что будетъ съ возрожденіемъ міра... съ идеей? Что тутъ дѣлать? Что дѣлать?

Приставивъ палецъ къ губамъ, въ глубокой задумчивости, то опуская глаза внизъ, то поднимая ихъ, Маврицій долго прохаживался въ этой уединенной части города. Очевидно, онъ жаждалъ уединенія, потому что избѣгалъ главныхъ улицъ, и все

время велъ съ собой разговоры, то полные возвышенныхъ помысловъ, то грустнаго сомнѣнія, причемъ лицо его по очереди то хмурилось, то разъянялось. Былъ уже поздній и темный вечеръ, когда онъ вернулся домой.

Въ скромной, но уютной и безукоризненно чистой гостиной (она же и спальня Мавриція) пани Лирская ожидала сына съ тревогой и безпокойствомъ. Самоваръ, въ третій разъ уже подогрѣтый, шумѣлъ на чайномъ столѣ; постель, постланная собственными руками пани Лирской, красовалась своими мягкими подушками; бѣлье благоухало; шелковое одѣяло надменно выставляло свои пышныя складки. Около самовара стояли приготовленная закуска и бутылка превосходнѣйшаго ямайскаго рома. Каково же было удивленіе пани Лирской, когда ея сынъ, снявъ пальто и шляпу, не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на закуску и, слегка пощипывая рыжеватые усики, началъ крупными шагами прохаживаться по комнатамъ.

— Морись! ты пилъ гдѣ-нибудь чай?

Никакого отвѣта.

— Морись, холодный ростбифъ, очень вкусный, право... и ромъ.

Маврицій остановился и громко заоралъ:

— Да будете вы когда-нибудь сидѣть тихо, или нѣтъ? Вотъ, ей-Богу, мука чистая! Тра-та-та! тра-та-та! тра-та-та!—и все это надъ ухомъ! Подумать даже спокойно нельзя!

Гробовое молчаніе воцарилось въ комнатахъ. Пани Лирская погрузилась въ свое вязанье и только отъ времени до времени нетерпѣливо поглядывала на самоваръ. Казалось, она хотѣла крикнуть ему: «да тише ты! не мѣшай ему думать!»

Вдругъ Маврицій остановился.

— Кончено!—закричалъ онъ,—клянусь Богомъ, я рѣшился! Пусть будетъ, что будетъ. Кончено!

Онъ подошелъ къ столу, схватилъ приготовленный для него стаканъ чаю съ ромомъ, отхлебнулъ изъ него половину и только тутъ встрѣтился съ робкимъ, вопрошающимъ взоромъ матери. Онъ поклатился со смѣху.

— Что вы такъ смотрите на меня, мамаша, точно у меня на головѣ рога выросли?... Рогъ у меня не выросло, а что я самъ выросъ, это вѣрно. Хе, хе! теперь, во всякомъ случаѣ, я птица... не малая! Знаете, мамаша, вотъ въ этихъ рукахъ я держу судьбу нѣсколькихъ людей и станется съ ними то, чего

я хочу... а я знаю, чего хочу. Я рѣшился... Знаете, мамаша, дивныя дѣла творятся иногда на бѣломъ свѣтѣ!

— Я ничего не знаю, дитя мое,—тихо отвѣтила пани Лирская,—я ничего не понимаю, только боюсь, не болѣнь ли ты... у тебя такой румянецъ... глаза горять.

— Это отъ волненія; я ничуть не болѣнь, но за то сильно взволнованъ. Да и есть отъ чего! Ну, одну вещь я вамъ, такъ и быть ужь, куда ни шло, скажу... только вы не поскачете завтра повсюду, не разболтаете? да?

— Милый, развѣ я когда-нибудь...

Она не докончила, потому что онъ съ таинственнымъ видомъ наклонился къ ней:

— Положеніе вещей таково... только вы, пожалуйста, слушайте внимательно... положеніе вещей таково, что если я... слышите, мамаша?... я не приду къ нему на помощь...

И тонкимъ, пискливымъ голосомъ онъ добавилъ:

— То милый дядюшка не то запоетъ!

— Что ты, Господь съ тобою!—махнула рукой пани Лирская,—зачѣмъ же ему не то пѣть?

— Зачѣмъ? зачѣмъ? А зачѣмъ у васъ ума мало? Такъ себѣ... воля Божія, и конецъ! Такъ и здѣсь: судьба, вѣрно, хотѣла, чтобъ я былъ такимъ бѣднымъ рыцаремъ, какъ тотъ, который спасъ жизнь короля и которому король за то отдалъ свою дочь и полцарства въ придачу.

— Морись, съ тобой что-то случилось.

— Случилось! Что могло случиться-то? Случится еще когда-нибудь... это вѣрно, но случится то, отъ чего вы, какъ нѣкогда жена Лота, въ соляной столбъ обратитесь...

Онъ окончилъ свой стаканъ и съ видимымъ удовольствіемъ слѣдилъ за выраженіемъ лица матери. Онъ блаженствовалъ въ новой роли сфинкса, а языкъ его такъ и чесался разболтать все до послѣдняго.

— Вы знаете, что такое значить идея?—спросилъ онъ, секретивъ на груди руки.

— Какъ же мнѣ не знать, дитя мое? Идея есть понятіе о чемъ-нибудь.

— Такъ; идея есть понятіе о чемъ-нибудь. Вы это отлично выразили. То-есть понятіе о чемъ-то великомъ, необыкновенномъ, о чемъ-то такомъ, что можетъ возродить и осчастливить человечество. Знаете ли вы, что я недавно, не дальше, какъ съ начала

осени, познакомился съ одной такой идеей, полюбилъ ее и хотѣлъ всецѣло посвятить себя ей служенію? Но теперь я подумалъ: развѣ мало людей на свѣтѣ? Пускай они служатъ идеѣ, она обойдется и безъ меня, а я рѣшился служить самому себѣ.

Онъ нахмурилъ брови и, медленно прохаживаясь по комнатѣ, заговорилъ, сопровождая свои слова ораторскими жестами:

— Потому что я убѣдился, наконецъ, и она убѣдился также, что свѣтъ стоитъ не на любви, а на ненависти. Не любовь— сила, управляющая дѣлами людей, а ненависть. Я убѣдился въ этомъ изъ опыта. Если-бъ я не ненавидѣлъ этого цыгана, то, можетъ быть, и не сдѣлалъ бы того, что сдѣлаю, но я его такъ ненавижу. Уфъ!

Онъ сдѣлалъ руками движеніе, какъ будто стискиваетъ кому-нибудь горло, и остановился передъ матерью.

— Вы знаете ли, — торжественно продолжалъ Маврицій, — что есть на свѣтѣ человекъ, который страшно, кроваво обидѣлъ меня? Я ненавижу его такъ, что при видѣ его вся моя желчь волнуется; я жалѣю, что я не пчела, чтобы запустить ему жало въ самое сердце. Вотъ теперь я и буду такой пчелой... теперь я уничтожу его!.. Теперь я отомщу! ха!

Бровь яркимъ румянцемъ залила его лицо.

Пани Лирская начинала уже дрожать отъ безпокойства.

— Морись!— умоляющимъ голосомъ заговорила она, — ты бы лучше легъ, успокоился. Я не знаю, что съ тобой, но, тѣмъ не менѣе, боюсь.

— Ахъ, какъ вы скучны съ вашими вѣчными «боюсь»!.. Но я, дѣйствительно, лягу съ охотой. Я чувствую себя слегка утомленнымъ... Правду, однако, говорятъ люди, что умственная работа дьявольски мучительная вещь... А я потрудился довольно... даже голова заболѣла!

Пани Лирская заметалась по комнатѣ, поставила у кровати сына воду, какой-то морсъ, коробку конфетъ, флаконъ съ духами, потомъ собственными руками раздѣла его, какъ малаго ребенка, и горячо поцѣловала въ лобъ. Маврицій, утопая въ мягкихъ подушкахъ, также поцѣловалъ обѣ руки матери и, ласкаясь къ ней, проговорилъ:

— Вы, ей-Богу, добрая женщина, а если я когда-нибудь какимъ-нибудь словомъ обижу васъ, то только единственно благодаря моей горячности... честное слово! Не гнѣвайтесь на меня и идите-ка спать.

А когда она, со слезами счастья, съ радостной улыбкой на лицѣ, отошла на нѣсколько шаговъ, онъ крикнулъ ей въ догонку:

— Вѣдь, всякіе планы я обдумываю развѣ для себя одного? И для мамаша, потому что, если мнѣ на свѣтѣ будетъ хорошо, такъ и мамаша будетъ счастлива. Правда, вѣдь? Когда я сдѣлаюсь большимъ баринномъ и женюсь на Аурелии, мамаша будетъ жить у насъ, какъ у Бога за печкой... Птичье молоко доставать вамъ буду, ей-Богу!

Пани Лирская ничего не отвѣчала, потому что въ это время молилась въ своей тѣсной каморкѣ; только въ ея шенотѣ слышались какія-то радостныя, благословляющія нотки.

Черезъ часъ послѣ этого въ темнотѣ опять раздался голосъ Мавриція.

— Мамаша! вы спите?

— Нѣтъ еще, дитя мое! Я немного встревожена и не сплю.

— И я не могу спать!—простоналъ Маврицій, — бьюсь въ постелѣ, какъ рыба на льду, а спать не могу! Онъ аппетитно зѣвнулъ; въ сосѣдней каморкѣ слышался стукъ, какъ будто кто-то соскочилъ съ постели.

— Можетъ быть, тебѣ чего-нибудь нужно?—спросила пани Лирская, — чаю не заварить ли? или лавровишневыхъ капель для успокоенія нервъ?

Въ отвѣтъ на заботливое предложеніе въ гостиной раздался сердечный смѣхъ Мавриція.

— Ей-Богу! Я задыхаюсь отъ хохота, когда подумаю, какую рожу скоро скорчитъ дядюшка! Ха, ха, ха!

VII.

Никогда еще во всю свою бурную жизнь Шимонъ Кенпа не находился въ такомъ возбужденіи, какъ въ тотъ вечеръ, когда Маврицій Лирскій переступилъ порогъ его жилища. Онъ стоялъ посерединѣ комнаты и, сильно жестикулируя, съ величайшимъ жаромъ говорилъ что-то Сильвкѣ, который сидѣлъ передъ горящею печью и, казалось, надсматривалъ надъ печеніемъ картофеля. При видѣ Мавриція, Кенпа оборвалъ свою рѣчь на полусловѣ и смѣшался, какъ человекъ, застигнутый въ раскляхъ.

Но веселая любезность Мавриція вскорѣ помогла ему прийти въ нормальное состояніе.

— Мы толковали, — сказалъ Кенпа, еще замкаясь немного, — о вліяніи великихъ катастрофъ на будущность человѣчества. Уснувшая совѣсть должна пробудиться какъ отъ удара грома.

— А! великія катастрофы, — повторилъ Маврицій, — понимаю, вы не разъ уже говорили мнѣ о нихъ. Такъ вы думаете, что человѣческая совѣсть спитъ? Честное слово! люблю я человѣчество за то, что оно такъ дремлетъ, и я ничего другаго не желалъ бы для себя. Помилуйте! эту зиму столько удовольствій, что я никогда не успеваю выспаться хорошенько. Вчера, на-примѣръ, на музыкальномъ вечерѣ у дядюшки пробыли до пяти часовъ... А, вѣдь, не дурень былъ вечеръ, правда?

Послѣдній вопросъ, очевидно, былъ предложенъ Сильвку, который, въ свою очередь, повернулъ къ Маврицію свое лицо, облитое краснымъ свѣтомъ печки, и, вмѣсто отвѣта, равнодушно пожалъ плечами. За послѣдніе дни онъ сильно измѣнился, щеки его ввалились, глаза впали.

— Ну, ну, не запирайтесь! — засмѣялся Маврицій, — вы хорошо видѣли этотъ вечеръ, потому что все заглядывали въ окно. Никто не обратилъ вниманія на это, но я...

— Да, смотрѣлъ! — смѣло отвѣчалъ Сильвекъ, глядя ему прямо въ глаза. — Вы думаете, что я стану запираяться? Надѣюсь, я не откусилъ кусочка отъ вашей забавы?

— О, какъ можно! Еслибъ вы откусили и еще больше, то дурнаго здѣсь было бы немного. Не только кусочекъ, но даже цѣлую половину... и то еще осталось бы достаточно. Въ наслажденіяхъ и дядюшка, и семейство его могутъ купаться по уши. Они страшно богаты! Въ бюро его, въ одномъ ящикѣ я собственными глазами видѣлъ, по крайней мѣрѣ, на триста тысячъ банковыхъ билетовъ — приданое Аурелин. У тетюшки брилліантовъ и разныхъ другихъ драгоценныхъ камней цѣлая куча. А столовое серебро... а мѣха!... Всего, навѣрное, будетъ на полмилліона.

Онъ самодовольно оглянулся вокругъ. Какова бы ни была таинственная причина, заставившая его распространяться о богатствахъ дяди, одно уже сознаніе, что онъ состоитъ въ родствѣ съ такимъ человѣкомъ, доставляло ему большое удовольствіе. Несмотря на все это, Маврицій теперь внимательно наблюдалъ. Отъ него не укрылось, что взгляды его собесѣдниковъ

вдругъ встрѣтились другъ съ другомъ и сейчасъ же разошлись въ разныя стороны. Сильвекъ вновь уставился въ печку, глаза Бенны стали попрежнему безучастны. Маврицій усѣлся поудобнѣе на своемъ неудобномъ сидѣньи и съ высшей степенью непринужденности и добродушія продолжалъ болтать:

— Удивительная вещь, господа, какъ далеко адская гордость ослѣпила этихъ Брезовъ и экскулататоровъ! Они думаютъ, что они такъ велики, такъ велики, что никто и не осмѣлится нанести имъ какую-нибудь неприятность, что самъ Богъ велѣлъ несчастіямъ не дотрогиваться до нихъ. Они думаютъ, что имъ должны поклоняться, какъ богамъ. Дядюшка, напримѣръ, — что за неосторожность, что за самонадѣянность! — деньги свои хранитъ такъ, какъ я, съ позволенія сказать, пору старыхъ сапогъ. Ничего у него не заперто, ни зачѣмъ призору нѣтъ. Не разъ я говорилъ ему: смотрите, какъ бы чего ни случилось! а онъ говоритъ: я такъ цѣлую жизнь прожилъ, и ничего дурнаго не было... Что съ вами? Обожглись вы?

Вопросъ этотъ обращался къ Сильвеку, который, дѣйствительно, вскрикнулъ. На этотъ разъ, однако, онъ не повернулъ голову и, машинально выгребая изъ золы картофель, пробормоталъ:

— Нѣтъ, не обжогся. Тагъ, притронулся къ горячему, немного больно.

— Ага! на свѣтѣ есть много вещей, до которыхъ нельзя дотронуться, чтобъ не ощутить боли! Вотъ какъ только вы намъ, Бенна, отпечатаете ваше сочиненіе и на свѣтѣ водворится справедливость, болѣть никто не будетъ... Но возвращаюсь къ дядюшкѣ... У меня вся голова теперь занята имъ и его семьею... Сегодня онъ со всѣми чадами и домочадцами ѣдетъ на балъ; старшій лакей, дворецкій, ѣдетъ съ ними, а въ домѣ будетъ такъ: младшіе лакеи изъ столовой спустятся внизъ, въ кухню, играть въ карты съ поваромъ; старшая горничная уйдетъ въ гости къ знакомымъ, младшія заваятся пораньше спать и заснуть, какъ убитыя...

Тутъ онъ торопливо вскочилъ съ мѣста и схватилъ шляпу.

— Ай, ай, ай! какъ я заболтался! Мамаша ждетъ меня обѣдать, да я и самъ довольно голоденъ. Панъ Бенна, вы давно общались мнѣ прочитать самую важнѣйшую часть своего сочиненія. Завтра я приду немного пораньше и воспользуюсь вашимъ общаніемъ... А, и вы тоже уходите?

Дѣйствительно, Сильвекъ поспѣшно натянулъ блузу, взвалилъ на спину шарманку и сталъ у дверей.

— Если вы позволите... если не будете стыдиться моей компаніи,—сказалъ онъ тихо,—пройдемъ вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, только до которой-нибудь изъ главныхъ улицъ... и поболтаемъ.

— Очень охотно, очень охотно,—съ изысканной вѣжливостью согласился Маврицій.

Они вышли. Сильвекъ вернулся только въ сумерки. Онъ поставилъ шарманку на земь, усѣлся на ней и сказалъ:

— Сегодня... мой день.

— Сегодня!—какъ эхо, но эхо зловѣщее, повторилъ во мракѣ Кенна. Потомъ послѣ минутнаго молчанія, медленно, тихо съ глубокой грустью, онъ заговорилъ:

— Не того я жаждалъ... не о томъ мечталъ, не такими способами думалъ обновить человѣчество. Но судьба моей идеи была ужасна, на дорогѣ ей встрѣтились непоборимыя преграды и вызвали, въ свою очередь, рядъ гибельныхъ послѣдствій. А человѣкъ, хотя бы онъ, какъ я, обладалъ самую сильную волю, самымъ могущественнымъ разумомъ, есть ни что иное, какъ пуля; которая лититъ не тою дорогой, что она избрала себѣ, а тою, какою ее пустила воля стрѣлка. У исходнаго моего пункта я былъ полонъ одною горячею, чистѣйшею любовью, но, Боже великій! сколько другихъ нечистыхъ примѣсей взмутили мой чистый источникъ во время его пути по каменистому ложу, обставленному разбитыми надеждами, обманами и нуждой!

— Когда я былъ ребенкомъ,—заговорилъ другой, тихій, унылый голосъ,—вы мнѣ сказали, что я безбожно обиженъ однимъ изъ тѣхъ, которые живутъ тамъ, высоко. Вы сказали мнѣ, что мое мѣсто по рожденію и по праву тамъ, высоко. Вы сказали мнѣ, чтобъ я росъ для того, чтобъ отистить. Потомъ, у каждаго часа и каждой минуты моей жизни я спрашивалъ, правду ли вы сказали мнѣ, и каждый часъ, и каждая минута, и каждая капля моей крови кричали: правда! правда! правда!... Напрасно, напрасно теперь, вчера и сегодня вы спорили со мной. Что тяжелымъ камнемъ запало въ сердце, то оттуда не выйдетъ, что внутри человѣка расло многіе годы, того не вырвешь сразу, не уничтожишь. Когда пришелъ мой день, когда я иду вознаграждать себя за несправедливость, мстить и занять мѣсто,—а мѣсто мое тамъ, высоко,—не мѣшайте мнѣ, не воспрещайте—не послушаю.

Долго, долго молчали они оба. Прощель цѣлый часъ. Потомъ голосъ Кенны тихій, но ясный, уронишь только одно слово:

— Иди.

Сильвекъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Кенпа зажегъ свѣчку и остановился надъ сундукомъ, скрестивъ руки. Голосомъ, полнымъ злобной радости, онъ заговорилъ:

— Я—одинъ изъ тѣхъ дураковъ, которымъ кажется, что мѣръ сотворенъ для того, чтобъ они могли передѣлать его. Такъ сказалъ обо мнѣ ты, ты, князь міра сего, который зловѣщей тѣнью легъ на моей дорогѣ. Увидимъ теперь, кто изъ насъ сильнѣе, и тотъ глупецъ, тотъ сумасшедшій не съумѣетъ ли и на твою свѣтлую долю бросить такую же тяжкую тѣнь? Какъ только то свершится... выйдеть ли мальчикъ цѣль, нѣтъ ли... я отравлю тебѣ сердце и жизнь. То будетъ мое наслажденіе, мое сокровище, награда за все и, кромѣ того, какой урокъ для свѣта! Вотъ онъ первый глухой ударъ, отъ котораго проснется человѣческая совѣсть!

Въ углу комнаты стоялъ маленькій сундучекъ съ пожитками Сильвекъ. Кенпа съ быстротой звѣря, бросающагося на добычу, подскочилъ къ сундуку и началъ торопливо перебирать лежащія тамъ вещи, до тѣхъ поръ, пока въ карманѣ какой-то старой одежды не отыскалъ пожелтѣвшій, смятый кусокъ бумаги, поспѣшно засунувъ его въ карманъ своего сюртука и застегнувшись на всѣ пуговицы.

Въ это же время Сильвекъ взошелъ на дворъ Шарскихъ и остановился передъ отворенною дверью стараго дровянаго сарая.

— Антка! Антка!—позвалъ онъ въ полголоса.

— А?—лагонически отвѣтила откуда-то сверху Антка и начала спускаться на земь. Въ короткой юбкѣ, въ растегнутой рубашкѣ, цѣпляясь за малѣйшія выпуклости, она быстро слѣзала внизъ и потомъ прыгнула сразу съ довольно значительной высоты.

— Чего?—спросила она.—Кисъ, кисъ, кисъ!

— Антка!—заговорилъ было Сильвекъ, но она не слушала. Во слѣдъ ей, той же самой дорогой, началъ спускаться и желтый котъ, но какъ-то не удержался и свалился прямо Анткѣ на плечи. Антка даже застонала отъ боли, но кота не прогнала и только старалась освободить свои волосы изъ его хищныхъ когтей.

— Да брось ты этого звѣря!—прошипѣлъ взбѣшенный Силь-

векъ, но она отошла и посмотрѣла на него глазами, сверкающими даже въ темнотѣ.

— Брось! какъ разъ! Брось! Кисъ, кисъ, кисъ! кошечка моя!

— Ну, слушай же, глупая дѣвка, что я скажу тебѣ, только слушай внимательно. Знаешь тотъ бѣлый домъ, большой, что стоитъ тамъ на Сельской улицѣ, за пустыми огородами, посрединѣ большого двора?

— Ай, ай!—заорала Антка и подпрыгнула на аршинъ отъ земли. Сильвекъ зналъ, что это ея обычный утвердительный отвѣтъ.

— А знаешь, какъ покорооче пройти къ этому дому, да такую дорогою, которою никто... слышишь?... никто не ходитъ?

— Ой, ой!—отвѣтила Антка, нѣжно прижимая кота къ груди и закрывая его волосами, — черезъ плетень, направо, черезъ кусты... до дыры въ томъ хлѣву, что вотъ-вотъ развалится, туда шмыгъ... черезъ дыру-то... и къ калиткѣ! А въ калиткѣ дыра; если всунешь туда палецъ, то можно отворить съ другой стороны щеколду, а тамъ ужь отъ дерева до дерева, отъ дерева до дерева, подь самыя окна!

— Проводишь?—еле слышнымъ шепотомъ спросилъ Сильвекъ.

— А я вамъ не буду нуженъ?—послышался никѣмъ неожиданнѣе голосъ. То спрашивалъ сынъ Шарскаго, Дамекъ.

Сильвекъ шепнулъ ему что-то на ухо.

— Хорошо,—согласился мальчикъ,—отчего нѣтъ? Вы всегда были добры къ намъ, теперь и я могу отплатить вамъ тѣмъ же. Куда и когда принести вамъ отмычки?

— Какъ только пробьетъ часъ на церковныхъ часахъ... я выйду отъ Хаима.

Предметъ разговора, видимо, страшно тяготилъ его. Онъ быстро повернулся и ушелъ.

Въ шинкѣ Хаима всю эту ночь горѣла лампа, всю ночь растрепанная дѣвушка безмысленно смотрѣла своими восточными глазами на стѣны, на полки, уставленные бутылками и пачками папирозъ. Въ эту ночь она сильно перепугалась, когда входная дверь съ шумомъ распахнулась и какой-то человѣкъ стремительно подошелъ къ буфету. Правда, онъ былъ хорошо знакомъ ей, но лицо его было такъ искажено, движенія такъ порывисты, что дѣвушка вскрикнула и начала звать отца.

Изъ-за маленькой двери, закрытой изнутри занавѣской, поспѣшно высунулась голова Хаима.

— Водки!—повелительно крикнулъ гость.

Въ одно мгновеніе ока Хаимъ нацѣдилъ чарку живительной влаги. Гость выпилъ, сразу закашлялся, весь покраснѣлъ, и, подавая хозяину посуду, глухо вымолвилъ:

— Еще!

— Что это такое сдѣлалось съ вами, панъ Сильвекъ?— удивился жидъ. — Вы еще ни разу у меня ни капельки не выпили, а теперь... удивленье да и только!

Сильвекъ выпилъ и вторую чарку. Жидъ говорилъ правду; онъ до сихъ поръ чувствовалъ отвращеніе къ водкѣ и не пилъ ее никогда. Теперь, послѣ такой дозы, онъ зашатался и прислонился лбомъ къ стеклу окна. Впрочемъ, опьяненіе было минутнымъ. Въ воздухѣ пронесся протяжный, густой ударъ колокола.

— Часъ пробило!—замѣтилъ Хаимъ.

Растрепанная дѣвушка громко и широко зѣвнула.

Сильвекъ выпрямился и вышелъ вонъ, на улицу.

Здѣсь, вблизи стѣны, у канавы, поднялось, точно выросло изъ земли нѣсколько маленькихъ тѣней.

— Въ путь, крысы... туда!... Что буду вамъ бросать... хватайте.

Одна тѣнь помчалась впередъ вдоль стараго забора, потомъ взобралась на него и начала звать: кись! кись! кись!

А вблизи, за угломъ другаго зданія кто-то еще радостно прощенталъ:

— Попался, голубчикъ! Попалась, Аурелія!

И худощавый, стройный человекъ спѣшно зашагалъ къ центру города.

Немного погодя, Бенпа также оставилъ свою комнату и медленными шагами подвигался по тому же направленію, хотя и другой дорогой.

Титусъ Таржицъ на балъ не поѣхалъ. Богда дочь, осыпая его поцѣлуями, просила сопутствовать ей, увѣряя, что безъ него ей будетъ скучно, онъ, улыбаясь, отвѣчалъ, что онъ, очевидно, созданъ для роли деревенскаго учителя, домосѣда; что шумная жизнь его утомляетъ и онъ начинаетъ уже скучать по своей глуши.

А когда избалованный ребенокъ, непривыкшій къ противорѣчію, нахмурился, Таржицъ серьезно сказалъ, что она ѣдетъ не одна, а съ матерью, и что этого ей совершенно достаточно.

Незадолго до полночи къ подъѣзду подвинула карета; Аурелия, уже повеселѣвшая, прекрасная, одѣтая въ большое платье, выбѣжала изъ своей комнаты и бросилась отцу на шею. Прощанье длилось долго. Отецъ и дочь почти ни на минуту не разставались другъ съ другомъ.

— Папа! папа! мои ландыши!—вскрикнула дѣвушка, когда онъ сильно прижалъ ее къ своей груди; наконецъ, вырвавшись изъ его объятій, она бросила ему воздушный поцѣлуй.

Онъ последовалъ за нею, закуталъ ее въ шубу, усадилъ вмѣстѣ съ женою въ карету и съ зажженной лампой пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. То была большая, красивая комната, загроможденная массою изящныхъ вещей. Все говорило о художественномъ чутьѣ хозяина. Можетъ быть, это чутье посреди шума и увеселеній города и заставляло его скучать о своей тихой, деревенской жизни, гдѣ онъ могъ уединиться и свободно мечтать.

Теперь его домъ былъ нѣтъ и тихъ. Прислуга погасила огни и разошлась спать.

Таржицъ сѣлъ у письменнаго стола, взявъ какую-то книжку и началъ читать. Тщетно старался онъ сосредоточить свои мысли—нѣтъ! Аурелия, его прелестная дочь, въ своей бальной одеждѣ, съ радостнымъ лицомъ, какъ живая, стояла передъ нимъ. Прежде всего, ему пришло въ голову, что скоро, скоро придется ему разстаться съ ней, а она составляла лучшую часть его существованія, его очастія. Онъ вздохнулъ и подумалъ, что теперь находится въ самой важной эпохѣ своей жизни. Онъ былъ уже въ тѣхъ годахъ, когда человѣкъ, не утративши еще энергій молодости, предвидитъ ее близкій конецъ. Волоса его начинали серебриться, единственное дитя его вырадело и вскорѣ должно начать новую, самостоятельную жизнь. Онъ могъ съ увѣренностью сказать самому себѣ, что день его близится къ закату, что затѣмъ потянется, можетъ быть, долгій, можетъ быть, погожій, но, увы! все-таки, вечеръ. Мысль эта сильно опечалила его и натолкнула на два вопроса: былъ ли онъ счастливъ во всю свою жизнь и заслужилъ ли свое счастье? На первый вопросъ онъ, не колеблясь, отвѣтилъ утвердительно. Да; его путь былъ широкой, гладкой дорогой. Конечно, на этой дорогѣ были и маленькія рытвины, препятствія, но все это было мелкое, скоропреходящее. Наконецъ, ему во всемъ вѣкло, все складывалось самымъ благопріятнымъ образомъ. Счастливыя предсказанія бо-

гатства, общественнаго положенія, богатой духовной организаціи, — все это окружало его колыбель въ минуту его рожденія и оставалось вѣрнымъ ему и до сихъ поръ. Надъ другимъ вопросомъ Таржицъ глубоко задумался. Былъ ли онъ достоинъ своего счастья? Кто изъ людей съ сердцемъ и совѣстью прямо рѣшится отвѣтить на этотъ вопросъ: да? Какъ бы то ни было, Таржицъ въ настоящую минуту чувствовалъ необходимую потребность такъ или иначе разрѣшить этотъ вопросъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые говорятъ самимъ себѣ и всему міру: мы велики! но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признавалъ себя и малымъ. Съ рукою, прижатою къ груди, онъ рѣшилъ, что всегда исполнялъ обязанности, наложенныя на него рожденіемъ и общественнымъ положеніемъ. Онъ не растратилъ состоянія, перешедшаго къ нему отъ предковъ, не оставилъ на произволъ судьбы, какъ это дѣлали многіе, стѣнъ роднаго дома и землю, гдѣ почивали кости его предковъ. Семейная жизнь его шла безъ бурь и волненій, напротивъ—въ чистой, спокойной атмосферѣ не менѣе чистыхъ и спокойныхъ чувствъ, которыя еще болѣе закрѣпились рожденіемъ единственнаго ребенка. Можетъ быть, свои средства онъ тратилъ только на самого себя? Нѣтъ, если онъ и могъ упрекнуть себя въ чемъ, такъ именно въ излишней склонности къ благотворительности, часто не приносившей желаемыхъ результатовъ. Можетъ быть, то, что онъ тратилъ, тратилось на дурное, на позорное? И то нѣтъ: бѣльшая часть его денегъ уходила на удовлетвореніе его художественныхъ потребностей... Наконецъ, что еще? Незапятнанную родовую честь своихъ предковъ онъ могъ передать въ такомъ же видѣ потомству. Девизъ на его щитѣ: «Благородство обязываетъ» стоялъ передъ его глазами какъ завѣтъ; отъ этого завѣта онъ ни разу не уклонился въ сторону, честь своего имени, свою шляхетскую и человѣческую честь не запятналъ ничѣмъ. Жизнь его—точно книга съ бѣлыми страницами. Онъ спокойно могъ представить ее свѣту. Пусть смотритъ.

Изъ этого вовсе нельзя было вывести заключенія, что Таржицъ считалъ себя святымъ, свободнымъ отъ всѣхъ грѣховъ и ошибокъ. Грѣхи были, но маловажныя, происходящія отъ несовершенства человѣческой натуры. Въ молодости онъ былъ и живъ, и страстенъ; конечно, имѣлъ интрижки и разныя приключенія. Тогда, а, можетъ быть, и позже немного, онъ могъ согрѣшить, могъ сдѣлать что-нибудь такое, чего теперь, когда кровь поостыла,

не сдѣлалъ бы. Но, все-таки, это не ложилось особенно густою тѣнью на его прошедшее.

Когда онъ размышлялъ такъ, улыбаясь однимъ воспомина- ниямъ, задумываясь надъ другими, маленькая лампа догорѣла до тла и, наконецъ, совсѣмъ погасла. Онъ не замѣтилъ этого: въ темнотѣ было еще привольнѣе мечтать. Не замѣтилъ онъ, какъ часы на ближайшей церковной башнѣ пробили часъ по полуночи, не дослышалъ легкаго шума въ окнѣ прилегающей къ кабинету столовой. То былъ визгъ, подобный визгу тонкой пилы, когда ее проведешь по какому-нибудь твердому тѣлу. Наконецъ, все замолкло, выпиленное стекло съ легкимъ звономъ упало внутрь комнаты; въ кабинетъ ворвался потокъ холоднаго воздуха. Пробужденный отъ задумчивости, Таржицъ быстро зажегъ одинъ изъ стоящихъ на столѣ канделябровъ и, какъ ужаленный, вскочилъ съ мѣста. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, между письменнымъ столомъ и раскрытыми дверями столовой, стоялъ стройный юноша въ плисовой блузѣ и ярко-красномъ платкѣ на шеѣ. Надъ смуглымъ, точно отлитымъ изъ бронзы лицомъ, вились черные, какъ вороново крыло, волоса, изъ-подъ начинающихся усомъ блистали бѣлые зубы. Въ одной рукѣ онъ держалъ потайной фонарь, въ другой связку отмычекъ. При видѣ зажженной свѣчки и поднимающейся изъ-за стола высокой фигуры хозяина дома, юноша дрогнулъ и попятился назадъ. Впрочемъ, то было инстинктивное движеніе. Онъ остановился, какъ вкопанный, только фонарь выпалъ изъ его рукъ и погасъ.

— Кто вы и чего вамъ нужно?—спросилъ Таржицъ совершенно твердымъ голосомъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, онъ потянулся къ сонеткѣ, висящей на боковой стѣнѣ кабинета, но неожиданный гость однимъ прыжкомъ загородилъ ему дорогу и быстрымъ движеніемъ руки выхватилъ изъ кармана небольшой, но острый, какъ бритва, ножъ. Таржицъ не вздрогнулъ, на лицѣ его не выразилось ни тѣни тревоги, онъ только прислонился къ столу, скрестилъ руки и проницательно глядѣлъ прямо въ глаза злодѣю. Но и тотъ, въ свою очередь, не опустилъ своихъ глазъ. Напротивъ, онъ еще выше поднималъ голову, глаза его вспыхнули огнемъ гордаго презрѣнія, губы искривила болѣзненная, злобная улыбка. Такъ они простояли нѣсколько секундъ, неподвижные оба, смѣлые, одинаково гордые, и, несмотря на раздѣляющую ихъ пропасть, поразительно похожіе другъ на друга.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались поспѣшные шаги нѣсколькихъ человѣкъ. Злодѣй только тогда свелъ свои глаза съ лица Таржица и такъ же инстинктивно, какъ и прежде, бросился къ дверямъ, но было уже поздно. Десятокъ сильныхъ рукъ крѣпко схватили его и втащили обратно въ кабинетъ. Между полицейскими проскользнулъ скорѣе робко, чѣмъ смѣло, Маврицій Лирскій. Злодѣй не оказывалъ ни малѣйшаго сопротивленія, только повернулъ лицо въ сторону открытаго окна и громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Крысы, въ нору!

Маврицій приблизился къ Таржицу, который все оставался въ старой позѣ, и голосомъ, полнымъ чувства и торжества, заговорилъ:

— Я спасъ вашу жизньъ, дядюшка... Видите, вы всегда говорили, что уменя нѣтъ сердца, а я, съ опасностью для своей жизни, честное слово! бдительно оберегалъ вашъ домъ. Какъ видите, чтобъ не спугнуть пташку, я не звонилъ въ главную дверь, а этихъ господъ провелъ по черной лѣстницѣ черезъ кухню, гдѣ ваша прислуга пьянствуетъ и играетъ въ карты. Богомъ клянусь, еслибъ не я, васъ ограбили бы, а то, можетъ быть, и убили. Я спасъ васъ, дядюшка... слышите ли, дядюшка?

Онъ могъ такъ говорить до дня страшнаго суда, и тогда Таржиць не увидалъ бы и не услышалъ бы его.

Онъ все смотрѣлъ на злодѣя, смотрѣлъ съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ и со вниманіемъ прислушивался къ разговору между нимъ и старшимъ полицейскимъ.

— Ага! отмычки! вотъ и доказательство — пришелъ красть.

Злодѣй поднялъ голову и поглядѣлъ прямо въ лицо полицейскому.

— Нѣтъ; я не хотѣлъ воровать, я хотѣлъ уничтожить этотъ домъ... до тла.

— А ножъ? Убить кого-нибудь хотѣлъ, что ли?

— Нѣтъ, у меня двѣ сильныхъ руки; я могъ бы ими задушить его!

— А еще такъ молодъ!—вскрикнулъ полицейскій.

Злодѣй опустилъ глаза и тихо отвѣтилъ:

— Хотѣлъ бы и не быть молодымъ.

Теперь Таржиць задрожалъ. Такая ненависть и такое отчаяніе поразили его до глубины души. Больше съ сожалѣніемъ, чѣмъ

съ гнѣвомъ глядя на того, кто пришелъ за его деньгами, а, можетъ быть, и за жизнью, онъ спросилъ:

— Я видалъ васъ нѣсколько разъ. Кто вы?

Злодѣй стиснулъ зубы.

— Не знаю.

— Развѣ у васъ никого нѣтъ на свѣтѣ?.. Кто вашъ отецъ?

— Не знаю, — также глухо отвѣтилъ допрашиваемый.

— А я знаю, — шепнулъ подѣ самымъ ухомъ Таржица человекъ въ длинномъ, застегнутомъ сюртугѣ, — человекъ, который вошелъ вмѣстѣ съ прочими и теперь медленными шагами, съ торжественнымъ лицомъ, прошелъ всю длину комнаты и остановился рядомъ съ хозяиномъ. Но когда онъ подошелъ уже вплотную, торжественность съ его лица исчезла безъ слѣда. Убѣжденный, что, по своей роли жреца, онъ идетъ совершать «кровавую жертву», будить людскую совѣсть пророчествомъ «близкой катастрофы», Шимонъ Бенпа, — эта воплощенная утопія, — когда очутился по близости Таржица, почувалъ въ себѣ человека, обуреваемого завистью, гнѣвомъ и мекъ.

— А я знаю, — прошипѣлъ онъ и, смѣясь тихимъ, страшнымъ смѣхомъ, указывая на злодѣя, прошепталъ два слова, которыя присутствующіе не могли слышать.

Но Таржицъ слышалъ, и страшная блѣдность покрыла его лицо. Онъ протянулъ впередъ руки, точно охраняя себя отъ смертельнаго удара и вскрикнулъ:

— Что? какъ? Откуда вы знаете? Доказательства, доказательства!

Бенпа полѣзъ въ карманъ сюртука, вытащилъ оттуда листокъ пожелтѣвшей бумаги, развернулъ его передъ глазами Таржица и торжественно въ полголоса прочелъ:

«18.. года, такого-то дня, въ приходскомъ торговскомъ костелѣ окрещенъ младенецъ мужскаго пола, рожденный отъ Розалин Клиновой, крестьянки и неизвѣстнаго отца. Имя ему дано Сильвестръ».

Таржицъ закрылъ лицо руками и крикнулъ:

— Да! да! да! Наконецъ... припомнилъ! Знаю!... — замотался и безъ чувствъ упалъ на ближайшее кресло.

Когда онъ очнулся, въ кабинетѣ находились только Маврицій да перепуганные до нельзя слуги.

Таржицъ вскочилъ и бросился вонъ, крича:

— Воротите! Воротите! Приведите мнѣ этого... этого... этого ребенка!

Онъ повернулся къ слугамъ и, съ незнакомой дотошъ рѣзкостью, приказывалъ, чтобъ они шли, бѣжали и воротили съ дороги тѣхъ, кто только что оставилъ эту комнату. Но прошедшее никогда не возвращается, не уклоняются съ своего пути послѣдствія, неразрывной цѣпью связанныя съ первоначальной причиной...

На темную ночь, на морозный вѣтеръ Таржицъ выставилъ въ окно свое смертельно-блѣдное лицо... Въ его ушахъ все еще звучали тяжелые шаги нѣсколькихъ человѣкъ, уводящихъ въ мрачную, гробовую даль этого... этого ребенка.

Брысы попрыгали. Онѣ нырнули на дно помойной ямы, гдѣ, вѣроятно, найдутъ помощь и совѣты Шимона Бенны.

В. Л.

КАИНОВО ПЛЕМЯ *).

(Романъ).

XIX.

Офицеръ Травинъ и его изобрѣтеніе.

Ардальонъ Псищевъ и Іосифъ Мингинъ подымались по черной лѣстницѣ одного изъ самыхъ громаднѣхъ домовъ на Литейной. Лѣстница вся прозеленѣла насквозь отъ сырости. Дышать на ней было трудно. На мокрыхъ ступеняхъ едва удерживались ноги.

— Фу ты! Языкъ высушешь!—остановился первый.—Экимъ чревомъ чортъ наградила.

— На тачка лучше,—замѣтилъ Мингинъ.

— Какъ это?

— А я вояжировалъ по Тиролю на тачка... Эдакъ и совершенно невозможно! Эдакъ свой жизнь рѣшишь!...

— Да, высоко господинъ офицеръ живетъ, нечего сказать... Бѣднякъ, должно быть?...

— Видно свинья по свой полеть!—опять перепуталъ Мингинъ пословицу по обыкновенію.

— Ну, отдохнули, опять полѣземъ.

— Неужели вы, господинъ Псищевъ, думаете дѣйствительно заводъ строить для г. Травинъ?

— Дуракъ ты, Іоська!

— Зачиво вы ругаль? Попиталъ—не питалъ, спросилъ—не видалъ! говорить россійскій народный мудрость.

*) *Русская Мысль*, кн. V.

— Какой же мы станемъ заводъ строить! Развѣ наше это дѣло? Да намъ и некогда. Это Травину по глупости позволительно надѣяться, что мы въ серьезъ. Мы заберемъ въ руки его предпріятіе, выпустимъ паи, да на биржѣ ихъ и продадимъ. Понялъ? А заводъ строй кто хочетъ. Примѣрное освѣщеніе можно сдѣлать гдѣ-нибудь въ магазинѣ, въ квартирѣ, чтобы публикѣ пыль въ глаза пустить. Мы свое получимъ, а тамъ строй другіе! Ты, Юська, Плавта читалъ?

— Что такое Плавтъ?... Was ist das Plawt?....

— Былъ такой писатель у римлянъ.

— О! я Римъ видалъ... Барсо видалъ, соборъ святой Петръ былъ... Римски папъ, нога цѣловалъ, — съ необыкновенной гордостію увѣдомилъ онъ Псищева. — Я вездѣ былъ, всего видалъ.

— Я тебѣ не о томъ Римѣ. Ну, такъ Плавтъ, вотъ, говорить, что есть люди, которые, какъ репейникъ, берутъ шерсть съ каждаго проходящаго мимо барана. Понялъ? Вотъ и наше назначеніе брать шерсть съ каждаго барана, и мы съ тобой репейникъ!

— И господинъ Велинскій репейникъ? — обидѣлся Юсифъ прекрасный.

— Еще какой! Поучить насъ.

— Ну, тогда и я зоглазень быть репейникъ.

Офицеръ Травинъ занималъ маленькую квартиру, да и та была сплошь завалена книгами, аппаратами, машинами. На полкахъ стояли ряды лейденскихъ банокъ со всевозможными элементами; на простомъ, изъ досокъ сколоченномъ столѣ раскинуты были громадныя чертежи. Электрическій приборъ прямо къ двери направлялъ свою иглу, такъ что Юсифъ Лазаревичъ, со слѣпну наткнувшійся на него, немедленно перемѣнилъ фронтъ и спрятался за широкую спину Псищева. Страшные чертежи были развѣшены по стѣнамъ. Стружки стали и дерева валялись на полу, токарный столикъ у стѣны, казалось, только что былъ оставленъ хозяиномъ. Большое крыло какого-то винта, похожаго на парходный, зловѣще выглядывало изъ-подъ стола... Въ воздухѣ стоялъ острый запахъ неизвѣстныхъ реактивовъ. Самъ современный Фаустъ—Травинъ съ обожженными яписомъ и купоросомъ пальцами, увидѣвъ вошедшихъ, бросилъ прямо въ уголъ громадный фоліантъ на кучу другихъ такихъ же.

— Ахъ, Ардадьонъ Васильевичъ... какъ я радъ! какъ я

радъ!... Иосифъ Лазаревичъ... Да вы не бойтесь, пожалуйста. Ничего опаснаго нѣтъ... садитесь вотъ на этотъ стулъ. Этотъ винтъ самый невинный. Не пугайтесь!—и Травинъ иррезультельно ткнулъ винтъ ногою.

Минкинь усѣлся было, да задѣлъ какую-то шестерню; та перевернулась, приведя въ движеніе невѣдомый механизмъ надъ самою головою Иосифа прекраснаго. Колеса зашипѣли, молотокъ застучалъ, какое-то крыло стало раскачиваться. Иосифъ, весь поблѣднѣвшій, сорвался съ мѣста и съ перепуганнымъ лицомъ выскочилъ въ переднюю.

— Да не бойся ты... Жиды сейчасъ видно! — безцеремонно оборвалъ его Псищевъ.— Чего ты, какъ кошка, суетишься? Нѣтъ ли у васъ веревки привязать его къ столу, а то онъ все будетъ со стѣны въ стѣну-то...

— Тутъ можно свой жизнь лишать!... Почему я знай, что оно чичасъ не будетъ палить—этотъ машинъ?

Всѣ засмѣялись.

— Ужь извините, больше и принять-то васъ негдѣ. Тамъ у меня семья!—И какъ будто въ подтвержденіи его словъ, изъ другой комнаты послышался плачь ребенка и однообразный припѣвъ убаюкивающей его матери. Шустрый мальчуганъ показался въ дверяхъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ на Псищева и подошелъ къ нему ближе.

— Зачѣмъ такой толстый? — живо заинтересовался онъ.— Отчего папа не толстый, а ты толстый?...

Бѣдность свозила во всемъ: въ тѣснотѣ темной квартиры, въ старенькомъ и заплатанномъ платьѣ мальчика, въ объѣдкахъ сыра и колбасы, откровенно лежавшихъ на окнѣ, рядомъ съ какимъ-то флакономъ зловредной жидкости, очевидно, для химическаго препарата. Самъ Травинъ, несмотря на холодъ, былъ въ лѣтнемъ вѣтелѣ и довольно часто-таки потиралъ свои громадныя, обожженные руки. Нищета сказывалась даже въ болѣзненномъ напѣвѣ матери, едва доносившемся сюда. Слышно было, что эти печальные звуки выходятъ изъ больной и измученной груди.

— Вы ужь извините,—улыбался Травинъ,—мы, вѣдь, безъ прислуги. Жалованья получаю шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ,— не на что раскутиться. Очень ужь дорого аппараты и матеріалы стоятъ.

— Вотъ судьба русскихъ Эдиссоновъ! — патетически вздохнулъ Псищевъ.

— Нѣтъ, мнѣ еще ничего... Мнѣ недавно казна двѣсти рублей въ пособіе выдала на постройку одной модели. А вотъ бѣдному Григорьеву скверно. Григорьевъ, знаете, штатскій и на свое горе изобрѣлъ автоматическую стрѣльбу. Ужасно остроумный приборъ, — скороговоркой торопился куда-то Травинъ, — остроумный и полезный для войскъ... Толкнулся онъ въ одно мѣсто, а ему и говорятъ, что заботиться о войскахъ не дѣло черныхъ шуртукъ... Что же я-то?... Хорошъ тоже!.. Не хотите ли чего, чаю, кофе?..

— Саша! да, вѣдь, у насъ стакановъ нѣтъ, — послышалось изъ другой комнаты.

— Стакановъ... точно! — опомнился Травинъ.

Въ дверяхъ показалась молодая женщина, очень красивая, но страшно блѣдная и истощенная. Гости привстали и поклонились.

— Вамъ, знаете, можетъ быть, деньги нужны, — небрежно и совсѣмъ уже по-хамски уронилъ Псищевъ, — на постройку модели и на другіе расходы?...

Маневръ былъ вѣренъ; именно люди, подобные Травину, терпятъ при этомъ такъ, что у нихъ все можно взять за безцѣнокъ и потомъ хоть вить изъ нихъ веревки.

— Да, — покраснѣлъ Травинъ, — мнѣ ежели бы теперь рублей семьдесятъ пять...

— Какъ семьдесятъ пять! — воскликнулъ Псищевъ, у котораго уже лежало въ боковомъ карманѣ ассигнованныхъ для Травина пять тысячъ.

— То-есть... если это много... я могу и меньше, — заволовался офицеръ, и покраснѣлъ еще пуще. — Деревянные части я самъ сдѣлаю... можетъ быть, шестидесятью и обойдусь... Шестидесять довольно! — рѣшительно кончилъ онъ.

Псищеву вдругъ жалко стало этого агнца.

— Эхъ, господинъ Травинъ! Удивительное это дѣло! Вѣдь, вотъ, и уменъ, и образованъ, а такъ... (глупъ — хотѣлъ сказать, да споткнулся), а такъ... непрактиченъ...

— Нѣтъ, право, шестидесять довольно, — ужъ весь багровый завозился Травинъ, низко наклоняясь надъ своими чертежами. — Тутъ вотъ реечку... колесо... Шестерни у меня есть... Шарнеры самъ выточу, мелкая работа какая — тоже.

— Вотъ вамъ на первый разъ тысячу...

«Самъ виноватъ, дуракъ, всѣ бы пять получилъ», — мелькнуло въ головѣ у Псищева.

— Какъ тысячу!... Зачѣмъ тысячу? Помилуйте, тысяча куда же...

— Понадобится... нужно будетъ вамъ приодѣться... Мы васъ должны будемъ представить кое-кому, нельзя.

— Помилуйте,—какъ можно дальше держалъ отъ себя пачку ассигнацій, точно отбивался, Травинъ, — мундиръ мнѣ ежели, такъ Спиридоновъ за семьдесятъ пять отличный сошьетъ и даже со штанами... а на пальто—только погоны переменить да канты новые вставить... На это десять довольноно.

— Послѣ, послѣ сочтемся,—привсталъ Псищевъ.—Мы не жалѣемъ денегъ на полезное!—великодушничалъ онъ.—Берите.

— Да бери же!—разсердилась жена,—вѣдь, не даромъ тебѣ даютъ, не милостыню...

— Но, вѣдь, это... это...—и Травинъ дрожащей рукой передалъ ей деньги.

— Ну-ва, пузырь, поди сюда! — позвалъ мальчика Псищевъ; тотъ смѣло подошелъ и опять устался на его брюхо.— Ишь ты, шустрый какой... Ты конфеты любишь?

— Я пастилу люблю,—улыбнулся мальчикъ,—и барабанъ тоже.

— На вотъ тебѣ на игрушки,—сломалъ Псищевъ въ рукахъ двадцатипяти рублевую бумажку.—У насъ съ твоимъ отцемъ будетъ большое дѣло, на сотни тысячъ... понялъ?... такъ, значитъ, надо намъ съ тобой пріятелими быть.

— А у васъ зачѣмъ такая толстая цѣпь... для Трезорки?

— Какъ для Трезорки?!

— Мама, когда Трезорка шалить, сейчасъ ее на цѣпь сажаютъ; это у васъ на животъ-то тоже для Трезорки?

— Нѣтъ, это для самого себя.

— Какъ же вы сами себя на цѣпь сажаете?—усмѣхнулся ребенокъ.—Такъ нельзя... Можетъ быть, у васъ есть мама?

— Володя! не болтай глупостей,—послышалось изъ другой комнаты.

— Вотъ, что, г. Травинъ: чтобы васъ еще избавить отъ расходовъ... я вамъ предложилъ бы—закажите вы свою машину въ мастерской у Петерса и К",—съ нею имѣть дѣло Велинскій,—они исполнять быстро и аккуратно, «да и для насъ лучше,—замѣтилъ про себя Псищевъ.—Если ты спятишься, машина-то будетъ въ нашихъ рукахъ!»

— Отчего же? Я радъ! Только я самъ обязанъ наблюдать за всѣмъ этимъ.

— И отлично... Поклонъ вашей супругѣ... Прощай, пузырь...

И Псищевъ съ Минкинымъ выбрались на ту же лѣстницу.

— Ну, Юська! Что скажешь?

— Пустой человѣкъ...

— Честный, дуракъ, а не пустой человѣкъ. Геній... Геніи всегда на чердакахъ умираютъ, а мы, пользуясь ихъ изобрѣтеніями, милліоны наживаемъ. Понялъ? А этого мнѣ жаль... ужь слишкомъ агнецъ, самъ подъ ножъ лѣзетъ. Они, впрочемъ, изъ офицеровъ ежи, такъ всё такіе... Штатскіе за умъ взялись, а эти... Мнѣ его жаль, и жена у него больная, и въ квартирѣ воздуху мало. Пстой-ка...

И Псищевъ быстро поднялся опять, позвонилъ; на этотъ разъ ему отворила сама мадамъ Травина.

— Я ошибся. Я, дакъ вашему мужу въ счетъ будущихъ благъ, кажется, тысячу.

— Ну, вотъ я говорилъ, что много!—послышался изъ сосѣдней комнаты даже радостный голосъ.

— Ему назначено не тысяча, а пять!... Получите. До свиданія, матушка. Дайте-ка вашу ручку поцѣловать...

— Помилуйте,—сконфузилась Травина,—у меня не совсѣмъ чистая!—не нашлась она.

— Нечистыя руки у насъ, матушка вы моя, хоть мы ихъ и *sus de laitue* моемъ... а у васъ рука чистая!... А я вамъ другъ отъ сихъ поръ, такъ вы и знайте, и мужа вашего въ обиду не дамъ.

— Что это?—изумился про себя Псищевъ, спускаясь съ лѣстницы,—у меня, кажется, глаза мокрые... Не ожидалъ!... Ну, пошелъ, жидюга пархатая!—разозлился онъ на Юсифа прекраснаго, который осторожно со ступеньки на ступеньку переставляя свои обутые въ тончайшую лакированную кожу ноги.

— Зачѣмъ вы меня въ шей толкаете? — въ свою очередь обидѣлся Минкинъ.—Что, вы, г. Псищевъ, драконъ, что ли?

— Я тебѣ еще не только въ шею... повезу къ себѣ, да и выдеру!—заворочалъ Псищевъ мгновенно налившимися кровью глазами.

— Ну... ну... это я такъ... я не котѣлъ васъ оскорблять!... На всяки слово не начихаешься! — закончилъ онъ не совсѣмъ вѣрно цитированной пословицей.

XX.

Попытка Нади.

«Разореніе, нищета!... Ну, о Сибири онъ вретъ; за что паша въ Сибирь ссылать?—онъ такой добрый. Кого онъ обманулъ, кого обидѣлъ?»—разсуждала ничего не понимавшая Надя, проходя по Невскому. Сегодня солнце ярко горѣло на блѣдно-голубомъ декабрьскомъ небѣ, дома, улицы являлись въ какомъ-то праздничномъ видѣ, все кругомъ блистало въ зимнемъ уборѣ. «Разореніе, нищета! Что же такое нищета? Я молода, здорова—буду работать, трудиться»... И ей вдругъ стало весело. Для нея нищета значила отрѣшеніе отъ этого давно опротивѣвшаго ей міра наживы, разлука съ царствомъ мѣднаго гроша, съ мелкими интересами, съ биржевою моралью, съ нравственностью мѣняльныхъ лавокъ. И трудъ, какимъ привлекательнымъ рисовался онъ ей, до сихъ поръ не знавшей его на дѣлѣ, тотъ трудъ, о которомъ она читала въ книжкахъ, къ которому призывали ее сантиментальныя авторши-англичанки со страницъ своихъ нравственныхъ романовъ на розовой водицѣ! Она много прочла ихъ въ своемъ дрезденскомъ институтѣ, и не могла взять въ толкъ, какое же сравненіе можетъ быть между этою лихорадочной, разбивающей нервы, съумасшедшею жизнью ея отца съ спокойнымъ, почтеннымъ существованіемъ трудовой семьи, каждый вечеръ собирающейся въ опрятной столовой и, при свѣтѣ лампы, посвящающей свой досугъ чтенію любимыхъ поэтовъ или музыкѣ и пѣнію? Другой нищеты она не знала, ни о чемъ другомъ ей не говорили ея книжки. «Разумѣется, это будетъ гораздо лучше и для отца тоже». И она уже рисовала его сидящимъ въ спокойномъ вольтеровскомъ креслѣ въ халатѣ, улыбающимся, въ то время какъ она съ своимъ красавцемъ мужемъ будутъ тутъ же около трудиться вмѣстѣ и вмѣстѣ ухаживать за милымъ старикомъ. Теперь уже въ интересахъ отца она желала, чтобы это разореніе наступило скорѣе. Оно изъ этой холодной и громадной квартиры соберетъ ихъ всѣхъ ближе другъ къ другу, въ тѣсный кружокъ, въ уютной комнатѣ, гдѣ будетъ такъ тепло и хорошо... Хорошенькія занавѣси, простенькіе ковры, книги, рояль... И все веселѣе, и веселѣе дѣлалось на душѣ дѣвушки... Только надо заранѣе похлопотать найти занятія, чтобы

ударъ не засталъ ее въ распахъ. Пускай надъ нею смѣются; она, вѣдь, практичная. Довольно ей бить баклуни; нужно смотрѣть далеко впередъ, пусть судьба встрѣтитъ ее совсѣмъ готовой, вооруженной для борьбы съ нею. На первый разъ для Нади будетъ хорошо все: мѣсто учительницы музыки, языковъ... Какъ найти это только? Да! вѣдь, она вспомнила, что есть такія конторы; одна изъ нихъ должна быть близко здѣсь на Невскомъ... Она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ, пристально всматриваясь въ вывѣски. Да, вотъ, кажется; ей говорила объ этомъ Ксенія. Именно это и есть такая контора, какая ей нужна! Нада рѣшила разомъ пойти и записаться здѣсь. Въ этихъ конторахъ, вѣдь, всегда записываются и платять при этомъ рубль—такъ, вѣдь, кажется?... Она живо взбѣжала по не совсѣмъ опрятной лѣстницѣ, толкнулась въ дверь—дверь оказалась не запертой. Въ прихожей пахло кухней. Прислуги не было.

— Здѣсь контора для найма учительницъ?—громко спросила она.

Никто не отвѣчалъ ей.

Изъ сосѣдней комнаты слышался говоръ нѣсколькихъ голосовъ; она вошла туда. За конторкой стоялъ какой-то блѣдный, очевидно, чахоточный господинъ съ перомъ за ухомъ. За другой конторкой сидѣлъ совсѣмъ лысый старичекъ съ громадными круглыми очками на кругломъ носу; оба были одѣты неопратно и бѣдно. Передъ ними уже находилось нѣсколько человѣкъ.

Нада остановилась, ожидая своей очереди. Въ комнатѣ было темно, ее почти не видѣли; окна выходили прямо въ стѣну противоположнаго дома.

— Что же мнѣ ждать!—горячо размахивалъ руками какой-то оборванецъ.

— Подождешь!

— Я рупь внесъ?

— Внесъ.

— Должны вы, кажется, это понимать. Я уже два мѣсяца безъ мѣста, не воровать же мнѣ.

— За воровство къ мировому!—совершенно спокойно резюмировалъ лысый старичекъ,— за воровство—руки назадъ.

— Ну, вотъ! Что же вы мнѣ мѣсто?

— Мы тебѣ давали адреса?

— Что-жь, что давали? Тамъ не принимаютъ, тамъ не лакей, а поварь нуженъ... а въ другомъ мѣстѣ гучерьъ.

— Да кто тебя возьметъ-то!—раздраженно заговорилъ чахоточный и раскашлялся,—кто тебя возьметъ такого?

— Отчего не взять, чѣмъ я не человекъ?

— Посмотрите на него, Христа ради... пиджакъ оборванъ, жилетъ на одной пуговицѣ держится, штіблеты... Ба, да на тебѣ опорки?... Ну, братъ, какъ же тебя рекомендовать послѣ этого?

— Проѣлся!—уже окончательно опѣшивъ, робко заговорилъ лакей,—проѣлся, все съ себя скормилъ, вѣдь, два мѣсяца. Отцы вы наши... не оставьте, жена, дѣти...—и лакей вдругъ повалился въ ноги старику.

— Ну, ну... хорошо... будемъ въ виду имѣть, зайди на-дняхъ.

— Ъсть-то, ѡсть-то нечего, голубчики!

— Вѣдь, не могу же я тебя взять къ себѣ. Я не держу лакея, самъ даже готовъ пойти за хорошее жалованье.

— Такъ-то такъ; трудно ужь очень...—совсѣмъ безнадежнымъ тономъ, весь дрожа, говорилъ лакей.

— Ну, иди, иди... надняхъ придешь, можетъ быть, и выгорить.

Надя подошла къ конторкѣ.

Старикъ поднялъ на нее глаза: шубка голубаго velour-frappé, соболье боа, соболья муфта... модная шляпка на головѣ,—и на лицѣ его выразилось изумленіе... А тутъ, какъ нарочно, въ ухахъ ея загорѣлись крупные солитеры.

Старикъ вскочилъ.

— Что вамъ угодно-сь?... Кресло... присядьте...

— Я пришла... занятій поискать... мѣсто мнѣ,—сконфузилась Надя.

— Мѣсто... какое мѣсто?... Ахъ, понимаю-сь! — лукаво улыбнулся старикъ, смѣшно подскочилъ на мѣстѣ и засеменилъ ножками. — Александръ Ильичъ, это по пятой книгѣ, вѣрно!—кинулъ онъ чахоточному; тотъ злобно посмотрѣлъ на Надю.

— Разумѣется, по пятой; такія всегда по пятой книгѣ.

— Въ этомъ случаѣ, мадамъ,—забѣжалъ къ ней съ другой стороны старикъ,—вамъ надо поговорить съ хозяиномъ. Пожалуйста въ тотъ кабинетъ... вотъ сюда, сюда...—и, кланяясь, онъ отворилъ ей двери. — Ахъ вы, наши маточки! — совсѣмъ разстаялъ онъ, указывая ей въ глубь слѣдующей комнаты. — Да вы не бойтесь, къ намъ какія дамы приходятъ мѣсто искать! Вре-

менно остались на мели... но одно: имѣйте вѣру—мы васъ опять въ воду пустимъ. И намъ выгодно, и вамъ хорошо!...

Меланхолическій господинъ съ сѣрымъ, плохо выбритымъ лицомъ, съ громадными бирюзами на корявыхъ пальцахъ, подъялся ей навстрѣчу.

— Чему обязанъ?—спросилъ онъ ее.

— Онѣ по пятой книгѣ! — пояснилъ въ дверяхъ старичекъ, подмигивая и перескакивая съ ноги на ногу.

— А!—и та же лукавая, замгрывающая улыбка мелькнула на безкровныхъ, обкусанныхъ губахъ хозяина конторы, — вы по пятой книгѣ, красавица моя? Садитесь, пожалуйста.

— Мнѣ мѣста, занятій... я хочу работать...

— Ни слова-съ! довольно... мы деликатны здѣсь... Мы избавляемъ нашихъ кліентовъ отъ необходимости объяснять щекотливыя подробности... Мы беремъ хороший процентъ въ такихъ случаяхъ, но наша рекомендація всегда бываетъ солидна. Наши кліенты—пожилые и богатые люди; они хорошо платятъ, многіе, очень многіе даже присылаютъ намъ благодарственные письма. Здѣсь!—положилъ онъ руку на палку, — именно здѣсь оправданіе нашей дѣятельности; это — моя гордость, и когда я умру, это положить вмѣстѣ со мною въ могилу... Могу сказать одно: весьма и весьма порядочныя женщины въ затруднительномъ случаѣ прибѣгаютъ къ помощи моей фирмы и не имѣютъ повода раскаяваться въ этомъ!... Даже замужнія... Напримѣръ, третьяго дня жена одного дѣйствительнаго статскаго совѣтника обратилась ко мнѣ, а сегодня... сегодня она уже пристроена!...

— Вотъ и я тоже... въ затруднительномъ положеніи, — начала было Надя.

— Ни слова-съ... мадамъ, ни слова!... Мы деликатны, мы понимаемъ и такъ... — Старикъ вошелъ съ книгой и положилъ ее передъ хозяиномъ, потомъ подмигнувъ глазомъ дѣвушкѣ и ушелъ къ себѣ.

— Господи! какіе они всѣ странные, — внутренно смѣялась Надя, — вотъ будетъ хохотать Ксенія, когда я расскажу ей.

— Судя по вашей обстановкѣ, — шаркнулъ сѣрый господинъ, — вы за малое вознагражденіе не пойдете.

— Да, я желала бы побольше, — попросила Надя. — У меня, видите ли, старикъ отецъ, — перешла она въ откровенный тонъ.

— Это дѣлаетъ честь вашимъ чувствамъ. Такая красавица, какъ вы, можетъ требовать все, что захочетъ, и ей дадутъ. Теперь

простите... я долженъ исполнить нѣсколько формальностей. Ваше имя... впрочемъ, можетъ быть, пока вы не хотите отгрызать ваше никогнито?... И это возможно: мы деликатны съ нашими кліентами, мы ѣдимъ хлѣбъ отъ нихъ—и цѣнимъ.

— Да, пока я хотѣла бы не называть себя; заишите прямо: Надежда Андреевна.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Восемнадцать.

— Бутонъ-съ!—пришелъ въ восторгъ хозяинъ.—Дѣвица или замужемъ?

— Я дѣвушка!

— Хорошо-съ... хотя замужемъ бы лучше...

— Почему это?...

— Видите, нашъ кліентъ—солидный и прочный кліентъ; для нашего кліента замужество привлекательно. Получили вы образование?

— Какже, я кончила дрезденскій институтъ, говорю по-англійски, по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски.

— Довольно, довольно-съ, — поднялъ онъ обѣ руки вверхъ,—у насъ одного французскаго языка достаточно; нашъ кліентъ любить чтобъ по-французски. Пожалуйста, встаньте.

Надя встала. «Господи, какой онъ смѣшной!»—думала она.

— Ростъ высокій... стройная, и все такое... Теперь, пожалуйста, вашу карточку.

— Какую карточку?

— Фотографическую. Желательно въ кабинетномъ форматѣ.

— Зачѣмъ вамъ?

— Нашъ кліентъ—солидный, прочный кліентъ; онъ любитъ, чтобъ всѣ свѣдѣнія были уже собраны предварительно...

— Я этого не знала... я не захватила съ собой... я никакъ не думала, чтобы это было необходимо.

— Помилуйте, главное-съ. Сейчасъ онъ, нашъ кліентъ, и увидитъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

— Я принесу вамъ завтра...

— Пожалуйста... не забудьте... Ахъ, кстати, чуть было не упустилъ... Простите, одинъ деликатнѣйшій вопросъ, но и онъ необходимъ... мы все должны имѣть въ виду. У васъ волосы свои?

— Свои!—расхохоталась Надя.

— Въ желтый цвѣтъ крашены?

— Да зачѣмъ вамъ это?

— Необходимо-съ... Для рекомендацій необходимо,—убѣдительно заговорилъ хозяинъ.—Мы безъ обмана!

— Я никогда не красила волосъ; они ужь такого цвѣта.

— Прекраснаго цвѣта, милостивая государыня, прекраснаго цвѣта, рѣдкаго цвѣта... Не смѣю вамъ не вѣрить, но рѣдкаго и даже, можно сказать, рѣдчайшаго цвѣта-съ. Француженки каждый разъ по двѣнадцать рублей платятъ (оливье за опраску...

— Все теперь?—привстала Надя.

— Не смѣю васъ задерживать... но не могу удержаться, чтобы не сказать, что судьба рѣдко, очень рѣдко посылаетъ намъ такихъ кліентовъ,—я откровененъ—себѣ въ убытокъ, но откровененъ!—очень рѣдко... Я самъ былъ офицеромъ, сударыня, и понимаю...

Надя пошла къ дверямъ, но хозяинъ остановилъ ее еще разъ.

— Какъ вы насчетъ національности, сударыня?

— Что такое, объясните, пожалуйста.

— У насъ есть разные кліенты... разныхъ народовъ. Некоторые кліентки разбираютъ. Напримѣръ, еврей платитъ хорошо, а рѣдкая кліентка соглашается заниматься съ евреями; то же армяне—народъ солидный, но кліентки ихъ не весьма любятъ.

— О, мнѣ это все равно!...

— Приятно видѣть либеральный взглядъ и отсутствіе предразсудковъ. До свиданія, сударыня. Принесите или пришлите вашу фотографію, а дней черезъ пять навѣдайтесь сами... Деликатность, скромность и тайна,—вотъ мои принципы... Повѣрьте, сударыня, я самъ былъ офицеромъ!...

«Господи, что за позоръ—искать занятій и труда, что они все говорятъ о тайнѣ!»—недоумѣвала дѣвушка, выходя изъ конторы.

— Ахъ вы, наши маточки! — подбѣжалъ къ ней въ прихожей старикъ въ круглыхъ очкахъ, засеменилъ ножками, раза два подпрыгнулъ пѣтушкомъ и необыкновенно лихо, скосивъ глаза въ бокъ, прошелся мимо нея ферткомъ.

Радостная и возбужденная вышла Надя на улицу.

Еще веселѣе показалось ей теперь и это зимнее солнце, и этотъ искрившійся снѣгъ, и эти праздничные дома съ роскошными выставками магазиновъ, съ зеркальными стеклами и пышными подъѣздами.

На поворотѣ въ Большую Морскую она наткнулась на Ксенію

— Говорить или нѣтъ? Лучше скажу тогда, какъ уже найду мѣсто!—рѣшила Столѣшниковъ, пожимая руку своей подругѣ.

Онѣ пошли вмѣстѣ.

— Ну, что твой генералъ?—спросила Надя.

— Я отъ него въ восторгѣ; онъ было забуяннѣлъ на верху—я ему въ тотъ день не дала обѣдать; теперь онъ тише воды, ниже травы. И представь, онъ съ такимъ величіемъ сидитъ у меня въ гостиной, что всѣ вообразили себѣ, будто онъ очень уменъ и важенъ. Мнѣ это на руку... Сегодня я его огорчила, впрочемъ.

— Чѣмъ это?

— Трубу его выбросила. Представь, вздумалъ по вечерамъ сигналы играть!

Мимо на парѣ сѣрыхъ проѣзжала Александра Яковлевна Бубнова.

Бсенія посмотрѣла ей въ лицо и расхохоталась.

— Ты знаешь, я, вѣдь, ей визитъ сдѣлала, нарочно, чтобъ посмотрѣть, какъ она злится будетъ.

— Ну?

— Чуть она съ ума не сошла... Гости были, ничего ей выкинуть нельзя, поневолѣ надо быть вѣжливой.

XXI.

Преображенскій принимаетъ мѣтры.

Отставной генералъ Любскій-Дубасовъ сегодня еще торжественнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Еще бы! Андрей Федоровичъ сообщалъ ему, что онъ имъ очень доволенъ, что онъ удивляется. Отчего генералъ не заѣдетъ къ нему когда-нибудь вечеромъ на чашку чая, къ тому же и Надя желала бы познакомиться съ нимъ и съ его дочерью.

— Вѣдь, ваша дочь замужемъ, кажется?

— Да-съ, какже, у нихъ есть уже и дѣти.

— Это пріятно, очень пріятно... очень, очень пріятно,—обдумывалъ что-то Столѣшниковъ.—За Преображенскимъ она?

— Точно такъ-съ, за Ефремомъ Ферапонтовичемъ. Я, знаете, прежде былъ противъ этого брака, но потомъ примирился; онъ теперь и по службѣ въ статскихъ совѣтникахъ, ну, и въ литературѣ ихъ слушаютъ. Онъ больше, впрочемъ, статьи дѣловаго

содержанія пишеть: о биржѣ, о банковыхъ предпріятіяхъ, объ акціонерныхъ компаніяхъ, о желѣзныхъ дорогахъ.

— Вѣдь, онъ въ «Ключъ»?

— Да.

— «Ключъ» за послѣднее время что-то ужь очень на насъ нападаетъ, именно отчасти на мою контору и, главнымъ образомъ, на мою биржевую дѣятельность.

— Позвольте вамъ сказать, Ефремъ тутъ не причемъ. Онъ, напротивъ, спорилъ съ редакторомъ, но тамъ одержало верхъ болѣе сильное вліяніе.

— Знаю, Левшинъ, бывало, ко мнѣ все забѣгалъ, а теперь не считаетъ нужнымъ. Вѣдь, эта редакція недалеко отсюда?

— Два шага-съ.

— Не можете ли вы пригласить ко мнѣ г. Преображенскаго? У меня къ нему есть дѣло.

— Это сейчасъ, сейчасъ! — и обрадованный Любскій-Дубасовъ, почтительно склонивъ голову, вышелъ изъ кабинета своего патрона.

Все такъ же солидно и торжественно глядѣла контора, такъ же жестоко-важенъ и неприступенъ былъ бульдогообразный швейцаръ, такъ же солнце играло на сплошной лысинѣ главнаго помощника, напоминавшей бильярдный шаръ, такъ же безшумно щло, повидимому, крупное и прочное дѣло, тотъ же заманчивыи шелестъ ассигнацій носился въ воздухѣ. «Туда», «туда», «туда», — по-прежнему слышалось у палисандровыхъ конторокъ. Генералъ надѣлъ пальто.

— Куда вы? — поднялъ голову старикъ-помощникъ.

— По спеціальному порученію Андрея Федоровича, — съ необыкновенною важною отвѣтилъ тотъ.

— Они свободны?

— У себя.

Старикъ сидѣлъ, глядя въ какіе-то счета и ничего не видя; лицо его было попрежнему печально. За послѣднее время онъ еще опустился, глаза ввалились, руки стали дрожать. Андрей Федоровичъ, еще недавно столь бодрый, завелъ себѣ палку и безъ нея ужь не могъ обходиться. Въ самомъ костюмѣ его замѣчалась небрежность. Сегодня, напримѣръ, онъ пріѣхалъ въ домашнемъ пиджакѣ, такъ что всѣ эти дрессированные левретки только широко раскрыли глаза, глядя на него.

— Что вамъ угодно?

— Я васъ давно хотѣлъ повидать, Андрей Федоровичъ, когда вы менѣе заняты,—заговорилъ старшій помощникъ.

— Къ вашимъ услугамъ. Сегодня у меня очень мало дѣла. Есть что-нибудь особенное?

— Докладывалъ я вамъ мѣсяць назадъ, что дѣла наши шатаются...

— Знаю, знаю... у меня свои расчеты...

— Мнѣ они неизвѣстны, Андрей Федоровичъ.

— Развѣ я обязанъ вамъ отчетомъ?

— Это точно - съ, но дѣйствія нашей фирмы стали нынче рискованны, если позволено такъ выразиться,—фантастичны. Простите меня, Андрей Федоровичъ, я знаю, что по отношенію къ вамъ я обязанъ уваженіемъ, но на биржѣ вы особенно въ эту недѣлю являетесь скорѣе поѣтомъ, чѣмъ банкиромъ.

— Я не зналъ до сихъ поръ,—горько улыбнулся старикъ,—что мои служащіе обязаны контролировать мои дѣйствія.

— Не то-съ, но они должны беречь свою репутацію... свое честное имя!—съ нѣкоторымъ усиліемъ проговорилъ онъ.—Я не могу участвовать въ дѣятельности конторы, которая видимо стремится къ банкротству.

Андрей Федоровичъ вскочилъ, какъ отъ удара хлыстомъ.

— Что вы сказали?... Повторите!

— Я говорю, что, можетъ быть, ваши планы оправдаются, «Лѣсопромышленность» подымется и старгородскія акціи принесутъ вамъ милліоны; тогда я первый признаю васъ гениемъ финансоваго міра; но, по моему простому соображенію, вы упорно и, чѣмъ дальше, тѣмъ настойчивѣе, идете къ гибели. Я понимаю, что вамъ остановиться уже нельзя. Наше дѣло остановокъ не допускаетъ. Почему же я, ради непонятныхъ мнѣ цѣлей и необъяснимыхъ расчетовъ, долженъ рисковать своимъ именемъ, своей репутаціей?

— Вашу репутацію создала моя контора.

— Да-съ, и я глубоко благодаренъ вамъ за это, но къѣмъ бы она ни создалась, а беречь ее я долженъ...

— Если я васъ понялъ...

— Черезъ недѣлю кончается мѣсяць.

— И вы меня предупреждаете, чтобы я на ваше мѣсто нашелъ другаго?

— Какъ это мнѣ ни грустно, какъ ни больно... я здѣсь вы-

рось... я съ вами, Андрей Федоровичъ, двадцать три года работалъ вмѣстѣ.

— Я понимаю васъ!... Никто не обязанъ быть рыцаремъ... экипажъ не долженъ оставаться на палубѣ утопающаго судна вмѣстѣ съ его капитаномъ... Я васъ понимаю и не виню... но, вѣдь, я борюсь, вѣдь, я знаю, что выйду побѣдителемъ... Мои расчеты вѣрны, средства обширны, кредитъ непоколебленъ...

— Ваши расчеты вѣрны, но вы одного не приняли въ соображеніе — случайности. Стоитъ кому-нибудь изъ крупныхъ вкладчиковъ потребовать назадъ свои деньги...

— Моя контора ихъ выдастъ.

— Старгородскими акціями?

— Нѣтъ, деньгами... Вы забываете, что я другъ Велинскаго, что, въ случаѣ крайности, я у него найду кредитъ.

— Велинскій—врагъ вамъ. Велинскій дѣйствуетъ на биржѣ противъ васъ.

— Молчите. Я раньше васъ знаю Сергѣя Сергѣевича. Онъ слишкомъ крупенъ для этого; онъ еще недавно...

— Я не знаю цѣлей Велинскаго, но мое чутье подсказываетъ мнѣ...

— Ни слова больше!... Я не позволю оскорблять своихъ друзей!... Велинскій не оставилъ бы меня въ опасную минуту... Прошу васъ разъ на всегда и не заикаться о немъ; я ему вѣрю больше, чѣмъ вамъ.

Главный помощникъ грустно опустилъ голову.

— Ваши преміи, годовое содержаніе впередъ можете получить сейчасъ же. Черезъ недѣлю чтобы дѣла, бумаги и касса были сданы генералу.

— Повѣрьте, Андрей Федоровичъ, мнѣ самому...

— Безъ чувствъ... при чемъ тутъ чувства? Вамъ не выгодно оставаться со мной—никто васъ не держитъ. Я—последній! Можете идти куда вамъ угодно. Если понадобится вамъ рекомендація—къ вашимъ услугамъ...—и Андрей Федоровичъ, раздраженный, прошелся по кабинету.

— До свиданія!—кинулъ онъ ему.

Главный помощникъ стоялъ еще въ дверяхъ.

— Развѣ такъ прощаются съ людьми, съ которыми работали вмѣстѣ?—грустно прошепталъ онъ.

Андрей Федоровичъ остановился; тѣнь прошла по его лицу.

— Что вамъ угодно еще?... Но, наконецъ, старикъ не выдер-

жалъ, порывисто протянулъ руку... слезы блеснули у него въ глазахъ, онъ обнялъ Семень Семеновича.—Давай вамъ Богъ... Я былъ вами доволенъ, вы никогда не подводили меня...

Главный помощникъ, едва сдерживая волненіе, вышелъ въ дверь.

— Тараканы... тараканы бѣгутъ! Скоро быть пожару!—печально усмѣхнулся Столѣшниковъ. Въ дверь опять ступили.—Кто тамъ?—обернулся онъ. Въ дверь къ нему стучали. Показалась голова генерала.

— Преображенскій здѣсь, ждеть, когда вамъ будетъ угодно принять его.

— Хорошо-съ. Вамъ Семень Семеновичъ въ теченіе этой недѣли сдать дѣла; вы назначаетесь на его мѣсто.

Генералъ на минуту изумился, но потомъ еще выше поднялъ голову и совсѣмъ сдѣлался лучезарнымъ.

— Мы съ вами уже знакомы немного, Ефремъ Ферапонтовичъ.

— Какже, вѣхали вмѣстѣ изъ-за границы.

— Простите, если я самъ у васъ не былъ. Меня мой генералъ убѣдилъ, что вы не обидѣтесь, и вызвался пригласить васъ.

— Ничего. Я человекъ дѣла. Какія тамъ церемоніи?

— Вы, кажется, участвуете въ «Ключѣ» у Левшина?

— Да-съ.

Меня удивляетъ, Ефремъ Ферапонтовичъ, какъ это, право, такой знающій, дѣльный писатель, какъ вы, не обзаведетесь своей газетой.

— А пекуніи, гдѣ?

— Что это?

— Пекуніи, говорю, пенензы. На газету-то во какая прорва денегъ нужна. Тутъ сотней тысячъ пахнетъ. Маленькой издавать не стану, а большую подымать трудно.

— Ну-съ, а если вамъ дадутъ денегъ на газету... разумѣется, не сразу... сейчасъ же сто тысячъ, а по мѣрѣ надобности...

— Смотря по тому, кто дастъ. Вѣдь, дадутъ не изъ христіанскаго братолюбія. Съ кѣмъ и на какихъ условіяхъ придется имѣть дѣло?

— Видите ли... газету задумываю я... На меня за послѣднее время было столько нападокъ въ печати, меня просто съ грязью смѣшали, и все это такъ несправедливо, такъ лживо, что я больше чѣмъ когда-нибудь понялъ необходимость честнаго

органа, исключительно посвященного экономическимъ вопросамъ. Какъ вы думаете объ этомъ?

— Дѣло хорошее. Я бы съ удовольствіемъ. Теперь декабрь— поздно уже хлопотать-то, не успѣемъ и объявленій напечатать.

— Это ничего. Первый мѣсяцъ станемъ даромъ разсылать. Нужно добыть копію съ адресовъ подписчиковъ отъ какой-нибудь другой газеты, хотя бы отъ «Ключа».

— Что же, съ вами я радъ имѣть дѣло. Вы человекъ надежный. Мы такую редакцію составимъ...

Что-то защемило сердце Андрея Федоровича. «Надежный!— подумалъ онъ про себя,— сегодня надежный, а завтра?.. «Вы не принимаете въ соображеніе случайностей», — вспомнилась ему зловѣщая фраза Семена Семеновича.

— Такъ вотъ, обдумайте программу, подайте прошеніе — и начнемъ, благословясь. А пока я имѣю къ вамъ просьбу. Скажите, Ефремъ Ферапонтовичъ, вы, вѣдь, имѣете понятіе о моей фирмѣ? Не мошенникъ я, не престижизитаторъ, выманивающій деньги у публики. Не такъ ли?

— Еще бы! Фирма солидная, прочная... Простите меня, въ послѣднее время только на биржѣ вы поддались, если такъ можно выразиться, политикѣ увлеченій...

«И этоть туда же»,— подумалъ Столѣшниковъ, но тотчасъ же заставилъ себя улынуться.

— У меня свои расчеты. Видите ли, въ шестьдесятъ лѣтъ не рискують. Я знаю, что я дѣлаю—я вѣрно иду къ цѣли.

— Я ничего и не говорю... Такъ съ внѣшней стороны кажется.

— Ну, такъ, видите ли, доняли меня нападки на мой счетъ, да они могутъ отразиться и на дѣлахъ моихъ, я и обращаюсь къ вамъ, Ефремъ Ферапонтовичъ, возьмите на себя защищать меня въ печати. Дѣло вамъ знакомое, а вашъ тестъ сообщитъ вамъ всѣ матеріалы.

— Да гдѣ? Въ «Ключѣ» нельзя. «Ключъ» служить нашимъ врагамъ.

— Въ «Столичномъ Указателѣ».

— У васъ есть ходы туда?... Я никого не знаю у нихъ. Тамъ, говорятъ, и редакція-то чуть не изъ Литовскаго замка вся.

— Да... но ее на биржѣ читаютъ, а это главное. Ходы у меня есть и редакторъ не откажется. Я ужь такъ и буду на васъ надѣяться, дорогой мой... а до тѣхъ поръ вамъ слѣдовало бы

ко мнѣ заглянуть, да съ дочерью моею познакомиться. Ваша милая супруга знала Надю, когда ей, Надѣ-то, десять лѣтъ было. Она у меня выросла теперь, красавица стала, идеалистка только! Ну, да это пройдет!

— Я съ удовольствіемъ.

— Еще вамъ совѣтъ. Съ Черноморцевымъ вы не знакомы?

— Нѣтъ, слышалъ! У него салонъ, говорятъ.

— Я васъ познавлю, вы должны быть у него!... У него собираются всѣ наши. Совсѣмъ конспиративная квартира—пошутилъ онъ.

— Это не вродѣ мельхіороваго клуба?

— Что такое?

— Мельхіоровый клубъ... такъ у насъ называютъ салонъ фонъ-Бушъ.

— О, ничего общаго, помилуйте!... Доменика Станиславовна на смарку пошла. Черноморцевы совсѣмъ приличные люди.

Не успѣлъ уйти Преображенскій, какъ генералъ показалъ свою почтенную лысину Столѣшникову.

— Слонимскій на имя неизвѣстнаго внесъ сто тысячъ и проситъ позволенія видѣться съ вами.

— Проси.

Сигизмундъ Слонимскій больше чѣмъ когда-нибудь сегодня былъ похожъ на шуллера. Онъ какъ-то необыкновенно завилъ усы и отростилъ подъ самую губой совсѣмъ невиданную запяту. Его зеленый галстукъ съ аляповатой булавкой, изображавшей сторублевую бумажку, куча брелочковъ, висѣвшихъ на несомнѣнно бронзовой цѣпочкѣ, и перстни, сидѣвшіе на его узловатыхъ пальцахъ, невольно заставляли останавливаться каждого и съ недоумѣніемъ провожать взглядомъ этого столь необыкновенно декорированнаго джентльмена.

— Я къ вамъ, Андрей Федоровичъ, по серьезному дѣлу.

— Садитесь.

— Помните тогдашній нашъ разговоръ? Не примите меня за неблагодарную собаку: я знаю, что сдѣлала для меня ваша дочь, и хочу предупредить васъ...

— О чемъ?

— Въ вашу контору дѣлаются крупные вклады отъ имени неизвѣстнаго. Теперь такихъ вкладовъ я внесъ уже всего на пятьсотъ тысячъ...

— Знаю-съ. Что же вамъ угодно?

— Не обращайтесь этихъ денегъ на биржевую спекуляцію и держите ихъ постоянно на готовѣ.

— Я не привыкъ слушать совѣтовъ, господниъ Слонинскій; всю жизнь своимъ умомъ прожилъ.

— Знаю... но я всю ночь тогда не спалъ. Я человекъ бѣдный и долженъ исполнять то, что мнѣ приказываютъ. Но я *сей-то* не могу совсѣмъ продать... Еще разъ повторяю: пусть эти вклады у васъ всегда будутъ на готовѣ.

И онъ всталъ. Когда дверь за нимъ затворилась, Андрей Федоровичъ схватился за голову; что-то холодное, сознание чего-то ужаснаго скользнуло въ его душу... Теперь онъ ясно увидѣлъ бездну подъ своими ногами... Нервно онъ прижалъ пуговку электрическаго звонка.

— Сколько у насъ на лицо денегъ и векселей?

— На восемьдесятъ тысячъ.

— Общая сумма вкладовъ?

— Милліонъ семьсотъ тысячъ.

Бездна была вотъ тутъ подъ ногами. На этихъ дняхъ, завтра, сейчасъ неизвѣстный врагъ могъ придти и взорвать на воздухъ карточное зданіе!

XXII.

Первый блинъ да комомъ.

На другой же день Надя отнесла въ «контору рекомендацій» свою фотографическую карточку, а черезъ недѣлю ее просили придти.

Какъ билось сердце у дѣвушки, когда она поднималась въ третій разъ уже по этой грязной лѣстницѣ! Еще бы! Отсюда для нея должна начаться жизнь независимаго труда, здѣсь она найдеть возможность помочь своему отцу, — ему, который до сихъ поръ на нее работалъ, успокоить его старость... Она никому еще, ни Коротковскому, ни Бсени, не сообщала о своемъ «подвигѣ». Зачѣмъ? Скажетъ, когда все будетъ кончено... Тогда пусть и поздравляютъ ее. А теперь что же? Не стоитъ еще! Не опоздала ли она? Нѣтъ, на ея часахъ ровно двѣнадцать... Она позвонила у дверей. На этотъ разъ онѣ были заперты. Ей отворила грязная баба съ подтыканнымъ подоломъ. Запахъ кухни, какъ и въ первое посѣщеніе, билъ въ носъ.

— Ахъ вы, наши маточки, — попрежнему засеменялъ нож-

ками старикъ. — Ахъ вы, грѣхпроводницы! — фамильяричалъ онъ, отправляясь доглядывать въ слѣдующую комнату. — Васъ ужь ждуть. Ай, дѣвушка, дѣвушка! Глядитъ, не глядитъ — ея судьба ее сторожить, да!...

— Пожалуйте, — вышелъ сѣрый меланхолическій господинъ. — Васъ ждуть.

Едва сдерживая волненіе, Надя вошла въ другую комнату. Тамъ на диванѣ, весь въ перстняхъ, брелогахъ, въ пестромъ шелковомъ шилетѣ, — короче, сейчасъ изъ моднаго магазина, сидѣлъ толстякъ несомнѣнно еврейскаго происхожденія.

— Вотъ-съ... видите, я не преувеличилъ нисколько! — указалъ на дѣвушку хозяинъ конторы.

Еврей окинулъ ее взглядомъ знатока и приподнялся съ дивана.

— Ну, хорошо. Будемъ знакомы. Первой гильдіи купецъ Соломонъ Соломоновичъ Каплунъ.

— Ну что-съ? — торжествовалъ хозяинъ.

— Ужь вы, господинъ Рыжовъ, всегда... На васъ можно полагаться. Что скажете — вѣрно... Мадамъ или, то-есть, мадмуазель, вы давно въ Петербургѣ?

— Да... Родилась здѣсь, только воспитывалась въ Дрезденѣ.

— Онѣ получили блестящее воспитаніе, — вмѣшался хозяинъ.

— Пхе, зачѣмъ мнѣ воспитаніе?... На што мнѣ воспитаніе?... Я не воспитанъ, сѣрныя спички рабѣнномъ продавалъ, а маю свой домъ, магазины, контору... капиталъ тоже... Зачѣмъ воспитаніе для дѣвицы? Нужно красивы лицо... Мадмуазель, садитесь здѣсь со мной рядомъ.

— Благодарю васъ, мнѣ и тутъ хорошо, — отвѣтила Надя, сидя на креслѣ.

— Вы не бойтесь меня. Я васъ не обижу. Я не жалѣю деньги на свой удовольствій. Развѣ я какой пархатый жидъ, чтобы жалѣть?

— Мнѣ до этого нѣтъ дѣла... Я бы хотѣла переговорить объ условіяхъ.

— Условіи?... О, я люблю дѣловой дамъ! Сейчасъ видно, хорошій голова есть... Условіе, разумѣется, первый дѣлъ. Но мы таперичка будетъ ознакомливаться сначала. Ви кого зналъ здѣсь прежде?

— У меня много знакомыхъ...

— Они не о томъ... съ кѣмъ вы занимались? — спросилъ деликатно хозяинъ.

— О,—покраснѣла Надя,—еще ни съ кѣмъ. Я только нѣсколько мѣсяцевъ изъ пансіона.

— Чего такого?—подскочилъ еврей.—Serr gut... Serr gut... Ви знаете, я буду объ васъ очень себѣ заботить, чтобы вамъ совсѣмъ, совсѣмъ хорошо было!... Ви мнѣ вѣрите, въ мой годы человѣкъ всегда добрый есть! Да!... И если вы будите хорошо себя водить, я васъ никогда не оставлю...

— Очень вамъ благодарна... переговоримъ только о дѣлѣ.

— Ого, какой практичный дѣвицъ!—одобрилъ ее Банлунъ, обращаясь къ хозяину.

Но толковать имъ помѣшали. Въ комнату вошелъ тотъ же старикъ съ подносомъ въ рукахъ; на подносѣ дребезжали стаканы, грязные, захватанные руками; посреди красовалась бутылка шампанскаго и фрукты.

— Егоръ Ивановичъ, вы ужь и разлить потрудитесь.

Егоръ Ивановичъ, спосивъ глаза на Надю и лукаво подмигивая ей на Банлуна, съ трескомъ, по-хамски пустилъ пробку въ потолокъ. Надя, до сихъ поръ не понимавшая, что это значить, увидѣвъ шампанское, приподнялась.

— Я не во время къ вамъ, кажется, — покраснѣла она, — я потомъ.

— Нѣтъ, это шампанское для васъ; мы хотѣли поздравить васъ со вступленіемъ въ жизнь.

«Какіе странные, но добрые, въ сущности, люди!—радовалась Надя.—Что я имъ? Чужая совсѣмъ!»

— За ваше здоровье!...

— Желаю вамъ нажить милліоны, кататься въ коляскахъ, носить вотъ какіе брилліанты!—сжалъ кулакъ бывший офицеръ.

Егоръ Ивановичъ тоже налилъ себѣ стаканъ.

— Стариковъ не забывать, — чокался онъ, — стариковъ ласкать, къ старикамъ подобрѣе быть... Молодежь - то что? Пришелъ, закусилъ и ушелъ, а старикъ весь тутъ, старикъ навсегда!... Мой совѣтъ: къ молодымъ будьте жестоки!...

— Ну, Егоръ Ивановичъ, довольно... идите, занимайтесь.

— Я сейчасъ. И, поведя плечами, онъ молодцомъ прошелъ мимо Нади.

— Мнѣ некогда,—поставила она стаканъ на столъ; она даже и не коснулась до него губами.—Я бы хотѣла поскорѣй узнать.

— Ну-съ, вотъ теперь давайте разговаривать...

— У васъ большое семейство?—начала Надя.

— Чего?

— У васъ много дѣтей?

Каплунъ осоловѣло взглянулъ на хозяина; тотъ тоже вопросительно уставился на Надю.

— Зачѣмъ вамъ мой дѣти? Какой вамъ дѣль до мой семейства?

— Я, — смѣшалась Надя, — хотѣла бы знать, съ кѣмъ мнѣ придется заниматься.

— Съ кѣмъ заниматься?... Со мной заниматься... Вотъ мой условій...

— Позвольте... какше съ вами заниматься?... Я готовила себя...

— Я вамъ возьму хорошій квартиръ, дамъ пятьсотъ рублей въ мѣсяць...

— Да погодите, наконецъ... чѣмъ же мнѣ съ вами...

— Подарки отдѣльно, театръ, клубъ, другой удовольствіе...

— Я ничего не понимаю! — пришла въ отчаявіе Надя.

— Позвольте, — смѣшался хозяинъ, не появившій ея смущенія, — я сейчасъ выйду; вы безъ меня столкуетесь лучше.

И онъ выбрался въ контору.

— Ну, теперь, мадемуазель, вы можете безъ всякихъ церемоній...

— Да... но за кого вы меня приняли? Я не понимаю васъ. Тутъ какое-то недоразумѣніе...

— Очень простой дѣль... вы молодой, красивый дѣвиць, но у васъ денга нѣтъ; я старшій, у меня гелдь много, вы мнѣ дадите свой молодость, я вамъ дамъ свой гелдь, — мы будемъ квитъ.

Надя вспыхнула и встала.

— Что это?

— Обыкновенный дѣло... никто вамъ не дастъ столько на содержаніе.

Только теперь истина открылась Надѣ. Она поблѣднѣла... схватилась за ручку кресла... вотъ - вотъ упадетъ.

— Нитшево! Это перва разъ сегда такъ!

И Соломонъ Каплунъ, съ сжуженными глазами и сладкой улыбкой на лицѣ, подошелъ къ дѣвушкамъ.

— Идите прочь... идите прочь...

— Ну, какой еще церемонный, — и онъ протянулъ руку, чтобы взять ее за плечо.

Надя себя не помнила; она, желая его толкнуть, нечаянно ударила Каплуна муфтой въ лицо.

— Хозяинъ, хозяинъ! Это что за новость? — заоралъ Каплунъ, бросаясь въ другую комнату.

— За кого вы меня приняли... за кого вы меня приняли? — вышла она туда же.

— Какъ за кого? — спутался хозяинъ. — По пятой книгѣ у насъ всегда... Помилуйте!

— Я уроковъ пришла искать, а вы что?... За что... за что же это?...

— Кто же въ такихъ браслетахъ и бархатъ уроковъ ищетъ, помилуйте! — терялся хозяинъ.

Старикъ всталъ, разинулъ ротъ, передвинулъ очки на лобъ, да такъ и замеръ.

Чуть не рыдая, вышла Надя отсюда. У нея внутри все вздрагивало; если бы не улица, она сейчасъ же расплакалась бы.

Ей страстно захотѣлось видѣть сейчасъ же, сію минуту какого-нибудь близкаго человѣка... «Ксенію... она теперь дома», — соображала дѣвушка, садясь на извощика.

Ксенія поселилась въ небольшой квартирѣ, очень изящно меблированной. Ея генералу была нанята комната въ другомъ этажѣ, у старухи-нѣмки. Лакей встрѣтилъ дѣвушку въ прихожей.

— Дома Ксенія?

— Дома-съ.

Надя вошла и, плача и негодуя, бросилась на шею къ Ксеніи и рассказала ей, что случилось съ нею.

— И подѣломъ, — разозлилась та, — зачѣмъ ты безъ меня ѣздила? Вѣдь, ты что? Вѣдь, ты совсѣмъ канарейка... Какъ тебѣ не стыдно? Скажите, пожалуйста, сама одна сунулась! Не смѣй впередъ одна ѣздить безъ меня, никуда, слышишь?... развѣ навсегда. Впрочемъ, утѣшься, тамъ тебя не знали — и не хотѣли оскорбить... Да ты чего это вздумала — занятій искать, моя глупенькая, маленькая Красная Шапочка?

Надя рассказала ей о дѣлахъ отца.

— Да у тебя есть выходъ, вѣдь...

— Какой?

— А Велинскій; онъ сейчасъ женится на тебѣ — и все спасено будетъ.

— Ни за что! Ты знаешь, — покраснѣла она, — вѣдь, я Коретковскаго люблю.

— Да кто же тебѣ мѣшать станетъ?

— Господи! какіе ты ужасы проповѣдуешь, Ксенія!... Неужели же ты, если бы любила кого-нибудь, способна была бы измѣнить ему?

— А почему я знаю? Вѣдь, я на маломъ не мирюсь, хочу быть артисткой, знаменитостью, ну, а мужъ знаменитой артистки, если онъ ревнивъ—похожъ на сумасшедшаго, который заявилъ бы претензію на исключительное обладаніе солнечнымъ свѣтомъ.

— Да, вѣдь, это развратъ, низость... Ксенія, опомнись!

Она расхохоталась. Но хохотъ этотъ былъ еще хуже ея словъ.

— Теперь я пока еще чиста и честна; но каждый идетъ по своей дорогѣ; и жизнь не то, что мы воображали себѣ въ школь... впрочемъ, вы, а не я... я всегда смотрѣла иначе... Что-жь? Горе тому, кто попадетъ въ мои руки! А теперь—поѣдемъ кататься. И тебѣ, и мнѣ надо успокоиться.

XXIII.

Ночная тревога.

Хоръ цыганъ заливался на славу. Черноглазая Марфушка, подергивая плечами, свистала извощикомъ, приводя въ восторгъ оригинальныхъ любителей этого рода искусства. Вся горѣвшая желтымъ, краснымъ и зеленымъ, знаменитая Матрена орала во всю... Опереточная дива, выпившая нѣсколько болѣе шампанскаго, чѣмъ слѣдуетъ, плясала передъ хоромъ, а знаменитый каскадный теноръ, вырвавъ у Степши Долганова гитару, подыгрывалъ на славу своей подругѣ по сценѣ. Въ воздухѣ стоялъ чадъ отъ выкуренныхъ сигаръ и смѣшивался съ острымъ запахомъ жонки. Пейщевъ, сидя верхомъ на стулѣ, лицомъ къ спинкѣ его, пилъ прямо изъ громаднаго серебрянаго жбана какую-то смѣсь изъ джина, виски, абсента и Редерера; Иосифъ Лазаревичъ тоже выдѣлывалъ что-то ногами, къ вящему удивленію татарина-слуги, который одинъ въ этой компаніи былъ трезвъ. Въ разгоряченномъ отъ газа и дыханія массы народа въ воздухѣ какъ-то глухо звучало хриловатое, но все еще шигарное сопрано Липки, небрежно кидавшей на струны бѣлыя, горѣвшія брилліантами, руки. Лица положительно теряли человѣческое выраженіе; ревѣла и орала толпа животныхъ. Опереточный теноръ началъ

продѣлывать съ титарою такіа штуки, что Минкинь, не взирая на свое толстое брюхо и слабыя ноги, самъ пустился въ плясъ, выдѣлывая передъ нарядной дивой столь желѣзистыя колѣна. Что та задыхалась отъ хохота и, наконецъ, съ полнымъ пароксизмѣмъ бросилась на диванъ, стоявшій въ глубинѣ залы. Ею жѣсто, визави съ Юсифомъ прекраснымъ, сейчасъ же заняла толстая, рябая и беззубая старуха въ красномъ платьѣ, гремѣвшан бусами, мѣдными браслетами и ожерельями... «Охъ, жги говори!» — подбодряла она Минкина, который, наконецъ, дошелъ до присядки, хотя съ него уже градомъ лился потъ.

— Ай да Минкинь, — въ тактъ хлопалъ ему въ ладони Псищевъ, — ай да жидъ пархатый!... Поди - ка какъ пляшетъ... Машка... ступай сюда на колѣни...

Машка покорно вырвалась изъ хора, подбѣжала и сѣла на толстую, какъ бревно, ногу Ардальона. Это была дѣвочка четырнадцати лѣтъ, съ большими гавельными глазами, смуглая и тонкая, пугливая, какъ серна, и граціозная, какъ она. Псищевъ гладилъ ее по роскошнымъ волосамъ, выбивавшимся даже изъ туго закрученныхъ косъ.

— Машка, что у меня въ карманѣ для тебя припасено?

— Не знаю, баринъ...

Ея мать, рябая старуха, плясавшая съ Минкинымъ, не спускала глазъ съ Псищева. Она мигнула дочери; та, улыбаясь и краснѣя, потянулась въ карманъ къ нему.

— Ишь... египетское сѣмя, знаетъ гдѣ раки зимуютъ.

Маша вытащила красный сафьянный ящичекъ. Въ немъ на черномъ бархатѣ ярко блеснули брилліантовыя серьги.

— Ну, цѣлуй меня, шельма, за это.

Обрадованная цыганка потянулась, какъ-то совсѣмъ по-дѣтски обвила тонкими рученками бычачью шею Псищева и поцѣловала его прямо въ губы.

Наконецъ, Минкинь упалъ въ безсиліи на кресло. Неугомонившаяся старуха еще плясала передъ нимъ и выдѣлывала колѣна за колѣнами.

— Ну, что, жидъ, ноги-то подрѣзало?

— А ви, господинъ Псищевъ, чего сидить, какъ Навуходоносоръ?

— Что?

— Такой царь былъ въ Вавилонъ. Много кушалъ трава. Ви теперь на свои стулъ совсѣмъ Навуходоносоръ.

— Еще острить, скотина! Что, Машка, вѣдь, скоро, пожалуй, къ серьгамъ и браслеты тебѣ понадобятся?

Машка наклонилась еще и еще чмокнула толстяка въ красныя, словно вывернутыя губы.

Но въ это время кто-то постучался въ дверь.

— Гони вонь! Кто это стучится?— обернулся Псищевъ къ Мехмедгѣ.

Татаринъ бросился въ двери и сейчасъ же вернулся назадъ.

— Вашъ человекъ спрашиваетъ васъ...

— Ты, Андрей? Что случилось?

— Экстренная телеграмма получена на ваше имя изъ Чижовки.

— Какая Чижовка? Что еще тамъ такое?— съ пьяна не разобравъ Псищевъ.

— Станція-съ на старгородской дорогѣ...

— И по ночамъ, подлецы, беспокоятъ... Вотъ каторга - то! Изволь теперь телеграмму читать... Машка, читать умѣешь?:

— Умѣю, дяденька.

— Ну, прочти, что случилось... Глупость какая-нибудь, изъ всякой мелочи лѣзутъ. И ты тоже хорошъ!— укорилъ онъ лакея.

Машка разорвала конвертъ.

— Петербургъ,— медленно разбирала она,— Ардальону Псищеву, правленіе старгородской желѣзной дороги, экстренно...

— Дальше читай.

— Большое крушеніе... Почтовый поѣздъ между Чижовкой и Славнобубенскомъ...

— Что?— вскочилъ Псищевъ и вырвалъ телеграмму изъ рукъ цыганки.

— Почтовый поѣздъ между Чижовкой и Славнобубенскомъ, проходя по насыпи... Что такое, ничего не пойму!.. Провалился... Двѣнадцать вагоновъ изломано... Господи!— протиралъ онъ себѣ глаза.— Количество погибшихъ неизвѣстно, думаемъ, что болѣе четырехсотъ человекъ... Минкинъ, Минкинъ! — поднялъ онъ его за шиворотъ,— что это такое?.. Что это? — И Псищевъ прямо въ носъ ему совалъ телеграмму. Весь блѣдный, Минкинъ взялъ лоскутокъ бумаги, пробѣжалъ его...

— Тутъ еще есть...— едва могъ проговорить онъ внезапно поблѣвшими губами.

— Что... что такое?

— «Я неоднократно доносилъ о ненадежности этой насыпи,

также какъ и моста на рѣчкѣ Болвановѣ, и еще недѣлю назадъ лично сообщилъ объ опасномъ состояннн пути проезжавшему здѣсь директору правленія Псищеву, почему слагаю съ себя всякую отвѣтственность. Начальникъ станціи Чижовка Бобровскій».

Цыгане смолкли. Гдѣ-то звякнула лопнувшая струна. Жбанъ съ пойломъ, охмѣлявшимъ Псищева, выпалъ изъ рукъ у него и покатился по полу... Слышно было шипѣніе газа въ рѣзкахъ и шорохъ шелкового платья уходящей на свое мѣсто Машки.

— Ну, теперь намъ здѣсь дѣлать нечего,—подошелъ теноръ къ каскадной дивѣ.—Поѣдемъ Лиза.

— Поѣдемъ!—поднялась она.

Оба, не прощаясь, выскользнули въ дверь.

— Что это, что это?... Мехмедъ! воды со льдомъ, живо, въ ведрѣ! Что это?

Воду принесли.

— Лей мнѣ на голову... вотъ такъ... Давай теперь ведро.

Онъ наклонилъ его краемъ къ себѣ и началъ пить.

— Фу!... Ну, теперь я могу сообразить... Давай телеграмму, Минкинъ.

Минкинъ стоялъ, какъ вкопанный.

— Что жь ты, оселъ этакій? Телеграмму давай!

— Ардальонъ Иванычъ, — какимъ-то неестественно-тонкимъ голосомъ заговорилъ Юсифъ прекрасный, — что-жь теперь съ нами то сдѣлать будутъ?... Я тутъ не виноватъ, я былъ за граница... Вы ѣздили на линію—ви отвѣчать должны,—вдругъ расхорохорился онъ.

— Мехмедка!

— Что прикажете?—подбѣжалъ татаринъ.

— Возьми его за шиворотъ... ну, я тебѣ говорю возьми!...

— Извините, Юсифъ Лазаревичъ, я ослушаться не могу, они приказываютъ!—почтительно взялъ Минкина за шиворотъ татаринъ.

— Выведи его теперь вонъ и запри куда-нибудь, пока...

Минкинъ безпрекословно повиновался; его, не выпуская шиворота изъ рукъ, вывелъ Мехмедка.

— А то будетъ тутъ причитать—думать нельзя.

Вода ручьями текла съ головы Псищева, сюртукъ былъ на немъ мокръ. Онъ вновь развернулъ телеграмму и сталъ ее читать. Было что-то странное въ этой группѣ сбившихся въ кучу

и неподвижныхъ цыганъ съ одиноко сидѣвшимъ противъ нихъ Ардальономъ Псищевымъ.

— Я неоднократно доносилъ...— читалъ про себя Псищевъ.

Кто-то изъ цыганъ кашлянулъ. Маша въ полголоса заговорила съ матерью, показывая ей серьги.

— Фараоново племя — вонь! — крикнулъ Псищевъ, — вонь, чтобы и не пахло!...

Цыгане на цыпочкахъ пошли къ дверямъ, сбились тамъ кучей и одинъ за однимъ выбрались, наконецъ, въ корридоръ.

Псищевъ остался одинъ. Машинально онъ поднялъ голову и увидѣлъ себя въ зеркалѣ: блѣдный весь... точно и не онъ. Опять сталъ читать, нѣсколько разъ прочелъ, потомъ скомкалъ въ рукахъ телеграмму, въ карманъ ее сунулъ... сидитъ, а въ головѣ вихремъ мчатся мысли, словно снѣгъ въ непогоду...

Всталъ, прошелся по комнатѣ, въ окно заглянулъ: оттуда во все свои незримыя очи смотреть на него черная ночь; онъ поднялъ съ полу обрывокъ золотой бахромы, вонь чья-то гитара въ углу, машинально толкнулъ ее ногой, задрожали струны, гулъ пошелъ по комнатѣ.

— Мехмедка!

Татаринъ выросъ у дверей.

— Тройку пусть подають, шубу мнѣ и калоши.

Принесли шубу, одѣлся, вышелъ.

— Юсифа Лазаревича прикажете выпустить? Они въ здѣшней померѣ посажены! — указалъ туда Мехмедка.

— Выпусти.

Минкинъ, въ шубѣ тоже, догналъ его внизу. Псищевъ уже садился въ троечные сани.

— Ты куда?

— Съ вами...

— Оставайся здѣсь... не до тебя теперь!

— Помилуйте, господишь Псищевъ... что-жъ мнѣ на свои ногахъ городъ ходить? Что вы со мной шутить! Какой это шутка! — и Минкинъ полѣвъ было въ сани.

— Хуже, вѣдь, — посреди поля выброшу!

— Ардальонъ Ивановичъ...

— Федоръ!

Швейцаръ подбѣжалъ къ санямъ.

— Минкина навадь!

Сани, звеня бубенчиками, покатались по ровной дорогѣ. Изъ-

подъ копыть коней комыя сбѣга летѣли въ лицо Псищеву; онъ не замѣчалъ этого.

— Какъ вы смѣи меня держать! — бился въ рукахъ швейцара Минкина.

— Намъ тоже приказываютъ. Мы ослушаться не смѣемъ, — оправдывался тотъ, выпуская Юсифа Лазаревича. — Вы, вѣдь, сами Ардальона Ивановича знаете... не послушайся-ка его?

Тройка быстрыхъ коней живо донесла до города Ардальона Ивановича.

— На Захарьевскую! — крикнулъ онъ кучеру. — Знаешь домъ Велинскаго?

— Знаю-съ.

— Ну, вотъ...

Сами подкатились. Дворникъ безмятежно спалъ въ воротахъ, завернувшись въ тулупъ.

— Иванъ... Иванъ... толкни его кнутомъ, — разозлился Псищевъ. — Ты что, горшечная твоя рожа, дрыкнешь тутъ? Буди швейцара, чтобы подъѣздъ открылъ.

Велинскій спалъ, когда къ нему въ спальню внесли огонь.

— Что такое? кто тамъ?... что случилось? Ардальонъ Ивановичъ, это вы?

— Подлое дѣло вышло, вотъ что. Сейчасъ получилъ телеграмму изъ Чижевки.

— Ну, какой-нибудь товарный поѣздъ носъ разбилъ.

— Похуже-съ. Вы эту насыпь помните въ шести верстахъ отъ Чижевки и въ двадцати отъ Славнобубенска?

— Помню.

— Ну-съ, такъ она... разлѣзлась, да цѣлый поѣздъ почтовый и проглотила, и не подавилась даже!

— Что?! — разомъ всталъ съ кровати Велинскій.

— Какъ въ нашу ушли вагоны. Двѣнадцать сломано... Да вотъ телеграмма...

— Четыреста человѣкъ... Послушайте, что же это?

— А кой чортъ думалъ, что зимой такая штука выйдетъ?

— Да, вѣдь, она и лѣтомъ не чинилась, насыпь эта.

— Нѣтъ, — угрюмо отвѣтилъ Псищевъ, — развѣ ее чинить можно? Вѣдь, она какъ выстроена. На. фу-фу! Вотъ завтра распинать насъ начнутъ! Только влочья шерсти вверху полетятъ.

— Послушайте, да, вѣдь, вы весь мопрый.

— Ничего, пустяки... глупости.

— Нужно сейчасъ собрать правленіе, хоть у меня, что ли, и рѣшить къ утру, что дѣлать, да и распорядиться.

— Вотъ-те и на! Я Юську-то въ Самаркандѣ заперъ.

— Ну, онъ не важенъ. Пошлите сію минуту за Живаго, за княземъ да за Столѣшниковымъ.

— Андрей Федоровичъ; вѣдь, отказался.

— Мало ли что! У него почти на половину акцій этой дороги... Не удалось ему!

— Что?

— Вчера онъ мнѣ говорилъ, что собирался пустить всѣ акціи опять на биржу въ продажу... нужны ему деньги. Ну, а теперь акцій этихъ не пустишь. Вѣдь, вы знаете нашихъ, струсятъ!.. А вамъ, Псищевъ, придется утромъ выѣхать туда—на мѣсто крушенія, да пораньше! Возьмите экстренный поѣздъ; мой вагонъ къ вашимъ услугамъ.

— Жозефъ!—позвалъ лакея-француза Велинскій, —въ кабинетѣ зажги свѣчи, дворниковъ разошли сейчасъ же съ записками... вотъ они напишутъ... Разсылныхъ-то теперь нѣтъ!

— Ils dorment chez eux; ces cochons!—недовольнымъ тономъ отвѣчалъ потревоженный французъ.

— Не хотите ли обсудиться? обратился Велинскій къ Псищеву.

— Нѣтъ, я сейчасъ же опять голову подъ кранъ... Вотъ не было печали, такъ черти накачали!... Завтра не будетъ такой паршивой собаки, которая бы не стала лаять на насъ...

XXIV.

Травинъ въ ходу.

Какъ и слѣдовало ожидать, Доменика Станиславовна не положила оружія и не сдалась на капитуляцію.

Она рѣшила продолжать дѣла своего мельхиороваго клуба и если не совсѣмъ зарѣзать Черноморцева, то удержаться хотя въ томъ же положеніи, въ какомъ была теперь. Она нашла швейцара еще мордастѣе, переманила повара отъ Псищева, выписала бѣлые парики изъ Парижа для лакеевъ. Татьяна Борисовна не пришла въ отчаяніе. Она жила недалеко отъ яхтъ-клуба и вошла въ соглашеніе съ chef de cuisine этого аристократическаго со-

Бранія. Первый же ужинъ ея затмилъ Доменику Станиславовну и ея повара. На счастье Черноморцева, недавно умеръ старый баринъ и его лакеи остались безъ мѣста. Отъ нихъ такъ и вѣяло приличіемъ и порядочностію, и хотя они были и страшные мошенники, тѣмъ не менѣе, Татьяна приняла ихъ къ себѣ на службу. Доменика воспользовалась тѣмъ, что въ Петербургъ привезли картину Ганса Макарта и выставила ее у себя; Черноморцевъ, долго не думая, выписалъ изъ Парижа знаменитаго піаниста, да въ первый вечеръ, когда тотъ игралъ у него, неожиданно для всѣхъ показалъ только что купленные двѣ микроскопическія драгоценности Мейссонье, гдѣ художникъ на пространствѣ шести квадратныхъ вершковъ ухитрился помѣстить до десяти самыхъ отчетливыхъ фигуръ. А потомъ въ замѣткѣ объ этомъ репортеръ «Ключа» прибавилъ: «мы надняхъ были на другомъ вечерѣ—у радушной и милой фонъ-Б*** и хотя изъ вѣжливости молчали, но въ глубинѣ души сожалѣли довѣрчивую хозяйку. Выставленная у нея картина Ганса Макарта — только копія, положимъ безукоризненная, но, все-таки, не оригиналъ. Оригиналъ приобрѣтенъ въ Вѣнѣ у самого художника В. П. Черноморцевымъ, обладающимъ маленькой, но превосходно составленной галлереей». На счастье Доменики Станиславовны, которая чуть не заболѣла отъ этого удара, въ Петербургъ пріѣхала знаменитая французская путешественница. Фонъ-Бушъ ухитрилась познакомиться съ нею и прігласила къ себѣ. Та пріѣхала, проконферансировала что-то о Персіи и Индо-Китаѣ и тутъ же съ вечера увезла съ собой красавца-офицера, фаворита Доменики. Черноморцевъ тотчасъ же объявилъ, что у нихъ Травинъ прочтетъ лекціи о своей системѣ электрическаго освѣщенія и что отъ сего времени квартира ихъ будетъ освѣщаться новымъ способомъ. Французская туристка была позабыта и, проѣзжая мимо обонь Татьяны Борисовны, бѣдная фонъ-Бушъ видѣла, что оттуда льются во тьму и сырость петербургской декабрьской ночи цѣлыя волны бѣлаго, въ высшей степени для глазъ пріятнаго, дневнаго свѣта. Доменика не выдержала, поѣхала къ себѣ переодѣваться и такъ какъ явнаго разрыва у нея съ Черноморцевыми не было, то она разлетѣлась къ нимъ на квартиру. Большіе бѣлые шары, спрятанные въ клубы зелени, разливали по заламъ и гостиннымъ море свѣта. Въ одной изъ гостинныхъ нарочно было оставлено освѣщеніе лампами и свѣчами,—и эта комната среди другихъ казалась кавимъ-то желтымъ и тусклымъ пят-

номъ. Не зная, какъ дѣйствуетъ новый приборъ, бѣдная Доменника надумала нѣсколько подновить свою удивительную красоту—и электричество выдало и бѣшила, и румяна, одѣлавъ ея лицо совсѣмъ лиловымъ. Войдя въ гостинную и замѣтивъ себя въ зеркало, она пришла было въ ужасъ, но возвратиться оказалось поздно. Изъ другой комнаты прямо на нее шла торжествующая Татьяна Борисовна.

— Ахъ, милая Доменика Станиславовна, какъ я рада, что вы пріѣхали! Жаль, что поздно,—вы не застали лекціи. М-сье Травинъ былъ такъ любезенъ, что сообщилъ намъ сущность своего изобрѣтенія. Но вы его видите у насъ. Посмотрите, какой чистый, волшебный свѣтъ.

И она, подхвативъ фонъ-Бунъ подъ руку, втащила ее прямо въ полукругъ сидѣвшихъ въ гостинной дамъ.

— Это освѣщеніе такъ пріятно для глазъ, и знаете, оно сразу выдаетъ тѣхъ, которые имѣютъ дурную привычку мазаться! Несчастные кажутся совсѣмъ въ маскѣ.

Доменика бѣгло взглянула въ лицо хозяйки, зная, что и она далеко не безупречна въ этомъ отношеніи.

Увы! сегодня Татьяна Борисовна удовольствовалась только пудрою и лиловою была одна фонъ-Бунъ.

— Посмотрите, вечеромъ обыкновенно нельзя отличить свѣтло-голубаго отъ свѣтло-зеленаго, палеваго отъ бѣлаго, но этотъ свѣтъ—истинный волшебникъ. Невозможно ошибиться. Вотъ я нарочно тутъ разбросала матерію этихъ цвѣтовъ. Видите, какъ легко разобраться между ними? Что это, душечка, вамъ жарко, вы такъ покраснѣли!—добивала ее Татьяна Борисовна, обращая общее вниманіе на изумительный цвѣтъ ея лица.

Доменика готова была провалиться свозъ землю, но она еще рассчитывала отстоять свое достоинство.

— Напрасно вы не были на моей субботѣ.

— А что?... Я сама сожалѣла... но не могла. Вы знаете, какъ занята я, какъ много дѣла у бѣднаго моего мужа.

— У меня читала о своихъ впечатлѣніяхъ въ Персіи и Индо-Китаѣ знаменитая французская путешественница...—и она назвала ея фамилію.

— Ахъ, кстати, вы вспомнили объ этомъ. Развѣ вы не видали сегодняшній «Journal de S.-Petersbourg»?

Доменика поблѣднѣла, чувствуя что-то недоброе.

— Нѣтъ... не читала, а развѣ есть что-нибудь о ней?

— Редакція только предупреждаетъ, чтобы ее не смѣшивали съ знаменитой дѣйствительно писательницей. Онѣ носятъ одно и то же имя, но эта съ очень двусмысленнымъ прошлымъ... Изъ Парижа нѣсколько лѣтъ тому назадъ она бѣжала отъ долговъ, играла довольно печальную роль въ Шаххавъ и теперь прѣехала морочить русскихъ.

Доменика чувствовала, что кругомъ нея все кружится.

— Вы знаете, бѣдная Доменика Станиславовна, кто не жилъ такъ долго за границей, какъ мы съ мужемъ, тотъ легко можетъ вдаться въ подобный обманъ. Если вы хотите, я вамъ могу показать настоящую ***; у насъ есть ея большая фотографія.

Татьяна Борисовна торопливо подошла къ столу и вынула громадный портретъ очень декольтированной дамы съ книгою въ рукахъ.

— Вотъ она...

— Развѣ вы знакомы съ нею?

— Нѣтъ, эту надпись она сдѣлала моему мужу. Мой мужъ очень друженъ съ нею... Вы что надписи видите, что тутъ было нѣчто болѣе простой дружбы, но я не ревную къ прошлому. Ахъ, мой Викторъ такой шалунъ... Впрочемъ, вѣдь, и всѣ мужчины хороши!

Фонъ-Бушъ въ этотъ вечеръ была совершенно уничтожена.

— Да, — вдругъ точно сорвалась Доменика Станиславовна, — свѣтъ г. Травина вовсе не новость! — совсѣмъ не кстати, но съ большой злостью чуть не крикнула она.

— Какъ не новость? — высокомерно переспросила ее Татьяна Борисовна.

— Да, вѣдь, это тоже, что Яблочкова, Ладыгина, Симменса, — сыпала она именами.

— Ахъ, Доменика Станиславовна... какъ вы мало знаете въ этомъ отношеніи. Я вамъ подарю брошюру, написанную по этому случаю г. Преображенскимъ... Онъ у меня здѣсь самъ сегодня. Вѣдь, вы знаете, мы будемъ издавать съ новаго года свою газету?

— Что?... какую газету? — ужъ шипѣла Фонъ-Бушъ.

— Какже, насъ цѣлая компанія. Столѣшниковъ, мужъ мой, г. Преображенскій... Ну, такъ, видите ли... простите что я отвлеклась!... разница между освѣщеніемъ г. Травина и другими громадна. Вы видите, что огонь здѣсь не мигаетъ, не тускнеть, потому что онъ не шипитъ, онъ не того молочнаго цвѣта, какъ

Яблочкова! Цвѣтъ его нѣсколько ближе подходит къ дневному. а, главное, онъ ровно втрое дешевле... и какъ это просто! Вы видите, я пожимаю эту пуговку и...

Позади Доменики вспыхнулъ бѣлый шаръ, какъ будто нарочно для того, чтобы показать, какая громадная разница между мя шиньономъ и собственными волосами...

— Теперь я понимаю... теперь... это ясно! — шептала про себя растерявшаяся Доменика Станиславовна.

Травинъ былъ въ апогеѣ своего величія; онъ, впрочемъ, не замѣчалъ этого. Громадныя руки его краснѣли сквозь лопнувшія въ нѣсколькихъ мѣстахъ перчатки. Одѣтъ онъ былъ лучше, чѣмъ прежде, сюртукъ ему, очевидно, сшилъ уже не Спиридоновъ. а Норденштремъ, хотя громадныя лапищи были втиснуты въ такія же, какъ и прежде, рыжія лодки, которыя, по свойственной ему наивности, Травинъ считалъ ботинками. Онъ подходилъ ко всѣмъ, какъ ребенокъ, чему-то радовался, жаль руки.

— Я счастливъ, очень счастливъ! — повторялъ онъ, глядя, какъ горятъ его «бомбочки», — такъ онъ называлъ свои шары.

Рыцарь чести, г. Минкинъ, былъ тутъ же, но онъ старался не выдвигаться очень. Дѣло въ томъ, что утромъ вернулся Псищевъ и Иосифу прекрасному передали, что его собираются выдрать.

— Какой онъ имѣетъ такой право? — негодовалъ Минкинъ.

— Да, вѣдь, Псищевъ не станетъ спрашиваться или съ закономъ справляться, возьметъ и высѣчетъ.

Иосифъ Лазаревичъ повѣствовалъ и генералу Тигръ-Балабанскому о такомъ покушеніи на его особу... Ему казалось, что вмѣстѣ съ нимъ вознегодуютъ всѣ.

— Я васъ спросилъ, какой онъ имѣетъ правъ на то, чтобы меня драть?

— Это хорошо-о! — восхитился Тигръ.

— Чего хорошо?

— Драть, говорю, хорошо... я тоже дралъ... Разъ-два, разъ-два, разъ-два!... Это очень хорошо. Позовите, когда васъ драть будутъ, я радъ, я очень радъ. Я это дѣло знаю, могу совѣтъ дать!

И генералъ въ порывѣ протянулъ и пожалъ ему руку.

— Чики, чики, чики, чики... — восторженно ходилъ генералъ по залѣ и ваткнулся на Травина, улыбающагося радушно.

— Какъ я счастливъ, какъ счастливъ, ваше превосходительство! — дѣлился онъ и съ нимъ своею радостью. — Псищевъ знаетъ, меня...

— А... Псищевъ развѣ и васъ того?...

— Какже! Псищевъ принялъ большое участіе.

— Однако, любитель этотъ Псищевъ, всѣхъ съчь собираетъ...

Позовите, позовите—я приѣду. Теперь, помилуйте, это рѣдко гдѣ увидишь, хоть самого себя передъ зеркаломъ пори!...

— Что отецъ твой?—спрашивала Ксенія Надю.

У той на глазахъ выступили слезы.

— Бѣдный мой старикъ слегъ сегодня... Ты знаешь, гдѣ-то тамъ желѣзная дорога обвалилась?

— Ну, онъ, вѣдь, не виновать.

— Его и не винять... но онъ,—я не понимаю, право, этого дѣла,—хотѣлъ, кажется, обратно продать на биржѣ акціи старгородской дороги, ну, а теперь не знаю—нельзя или неудобно... Я вижу только, что онъ мучится, болѣетъ, на себя не похожъ сталъ. Двѣ ночи не спалъ, а сегодня слегъ, все повторяетъ: «вотъ она случайность Семень Семеновича... вотъ она его случайность!» Я хотѣла при немъ остаться, едва сижу здѣсь: отецъ настоялъ, чтобы я ѣхала. Мнѣ, говорить, надо, чтобы тебя видѣли; скажи, что я занята.

— Помни, Надя, что на всякій случай у тебя есть вѣрный другъ.

Надя крѣпко пожала руку Ксеніи.

— Ну, а твои дѣла какъ?

— Завтра у меня утромъ визитъ въ театральную контору, а послѣ обѣда—проба голоса къ театрѣ подъ фортепьяно.

— Значить, все хорошо,—заставила себя улыбнуться Надежда Андреевна.

Доменуку Станиславовну за ужиномъ ждалъ еще одинъ ударъ. У нея одинъ изъ гостей иногда рассказывалъ за столомъ сцены à la Горбуновъ, хорошо подражавшій талантливому артисту. Представьте же ей ужасъ, когда посреди ужина поднялся настоящій Иванъ Федоровичъ Горбуновъ и съ свойственнымъ ему юморомъ и талантомъ повелъ рѣчь отъ лица генерала Дитятина о новомъ электрическомъ освѣщеніи... Импровизація была такъ хороша, что Тигръ попался въ ловушку.

Онъ торжественно всталъ, подошелъ къ оратору.

— Я васъ знаю... Вы белебейскимъ полкомъ, ваше превосходительство, командовали.

— Точно такъ-съ, ваше превосходительство.—вошелъ тотъ въ роль,—вмѣстѣ съ вами служилъ.

— Радъ!... То-то слушаю, что за знакомое такое... Давно ли въ отставку?

— Съ 1875 года... Выгнали—неспособенъ оказался.

— Радъ!... Меня помните?... Тигръ-Балабанскій... Выгнали тоже... за свинью выгнали! А каково я когда-то польку-мазурку танцевалъ?... Теперь не могу... Генералъ Дитятинъ!... Какже, помню!... Женаты, ваше превосходительство?

— Нѣтъ.

— И не женитесь... трубу отымутъ и безъ обѣда оставлять... Милости просимъ... вонъ моя жена. Видите?

— Вижу, ваше превосходительство, красавица.

— А мнѣ отъ этого ни тепло, ни холодно... Солдаты драли?

— Дралъ.

— И я дралъ. Хотите посмотрѣть?... Псищевъ тутъ есть одинъ, хорошій человекъ, онъ вотъ этого жида скоро драть будетъ, — указалъ генералъ на Минкина. — Я вамъ дамъ знать, ваше превосходительство.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Николая.

I.

Что сдѣлано было въ царствованіе Императора Александра I для ограниченія крѣпостнаго права.

Серьезное обсужденіе крестьянскаго вопроса началось съ первыхъ годовъ царствованія Екатерины II; въ теченіе тридцати лѣтъ ея царствованія лучшіе представители русскаго общества успѣли высказать много разумныхъ предложеній для улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ. Всего чаще въ различныхъ мнѣніяхъ и проектахъ того времени мы встрѣчаемся съ требованіемъ запретить продажу людей порознь съ разлученіемъ семей; дѣйствительно, эта мѣра была настоятельно необходима въ виду того, что въ это время стали даже выводить толпы людей для продажи на рынкѣ. Затѣмъ, многіе признавали необходимымъ точное опредѣленіе повинностей крѣпостныхъ, желали предоставить крестьянину право жаловаться на помѣщика, право жениться по своему усмотрѣнію, безъ платы выводныхъ денегъ, право собственности на движимое имущество, наследственное владѣніе землею подъ условіемъ исправнаго отбыванія лежащихъ на нихъ повинностей и право выкупаться на свободу за опредѣленную сумму. Были также желающіе опредѣлить, какимъ наказаніямъ могъ господинъ подвергать своихъ крестьянъ, и запретить продажу крестьянъ безъ земли. Замѣчательный планъ цѣлаго ряда мѣропріятій для постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ сочиненіи Радищева. Несмотря на все это, ни одна изъ названныхъ выше мѣръ не была осу-

ществлена. Полное освобождение крестьянъ въ то время при совершенной неподготовленности общества къ окончательной реформѣ было дѣйствительно невозможно, но ограниченіе въ томъ или другомъ отношеніи чрезмѣрно разросшейся власти помѣщиковъ надъ крѣпостными явилось насущною потребностію государства.

При Императорѣ Павлѣ, въ виду цензурныхъ строгостей, въ печати невозможно было обсужденіе крестьянскаго вопроса; запрещены были и иностранныя квиви, затрогивающія эту сторону русской жизни. Тѣмъ не менѣе, тридцатилѣтніе толки о крестьянскомъ вопросѣ въ предшествовавшую эпоху оказались не всѣмъ безплодными. Недостаточно точно и опредѣленно, но, все-таки, правительство при Императорѣ Павлѣ отозвалось на два главѣйшихъ желанія сторонниковъ ограниченія крѣпостнаго права: относительно опредѣленія размѣровъ повинностей крѣпостныхъ крестьянъ и ограниченія продажи людей безъ земли. Что касается повинностей, то въ выраженіяхъ довольно нерѣшительныхъ указана была помѣщикамъ норма трехдневной барщины, запрещеніе же продажи крестьянъ безъ земли ограничилось только Малороссією, но, какъ бы то ни было, первый шагъ былъ сдѣланъ. Среди самыхъ близкихъ помощниковъ Императора Павла были люди, желавшіе и другихъ мѣръ на пользу крѣпостнаго крестьянства: запрещенія переселенія крестьянъ безъ ихъ согласія (на что указывалъ А. П. Шуваловъ еще при Екатеринѣ II), предоставленія движимаго имущества въ неотъемлемую собственность крестьянъ, измѣненія быта дворовыхъ и совершеннаго запрещенія безземельной продажи крѣпостныхъ (таковы были мнѣнія въ царствованіе Императора Павла кн. Безбородко), но осуществленія этихъ желаній, высказанныхъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ дѣятелей конца XVIII вѣка, приходилось ожидать уже отъ государственныхъ людей новаго столѣтія *).

Между тѣмъ, какъ при Екатеринѣ II всего чаще высказывалось требованіе запретить продажу людей съ разлученіемъ семей, въ первую четверть XIX вѣка наиболѣе распространено было желаніе *совершенно прекратить отчужденіе крестьянъ безъ земли*, да это и понятно: торговля людьми принимала все болѣе по-

* См. статьи «Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I» въ «Русской Мысли» 1883 г., №№ 10—12. и 1884 г., №№ 2 и 3, для которыхъ настоящая глава служитъ заключеніемъ; см. еще нашъ очеркъ «Крестьянскій вопросъ въ вольномъ экономическомъ обществѣ въ 1803—1822 году» въ «Русской Мысли» 1883 г., № 1.

стыдные размѣры, а законъ Императора Павла касался одной только Малороссіи, да и то едва ли строго исполнялся. Уже менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца по вступленіи на прѣстолъ Императора Александра, было внесено по его личному желанію въ государственный совѣтъ нѣсколько проектовъ о запрещеніи отчуждать крестьянъ безъ земли и ограниченіи перехода дворовыхъ изъ однихъ рукъ въ другія. Запрещенія безземельной продажи крестьянъ требовалъ также Зубовъ въ его проектѣ, обсуждавшемся въ неофициальномъ комитетѣ, который окружалъ Императора Александра въ первые годы его царствованія; того же желалъ и членъ комитета Бочубей. Въ 1802 г. этотъ вопросъ вновь возбуждается въ государственномъ совѣтѣ и находитъ энергическаго защитника въ лицѣ графа А. Р. Воронцова, высказывавшаго въ этомъ случаѣ идеи своего друга Радищева. Противъ запрещенія такой продажи не рѣшились на этотъ разъ протестовать даже люди консервативнаго образа мыслей, но мѣръ эта не была осуществлена. Затѣмъ требованіе ограниченія помѣщичьей власти въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ сочиненіи профессора Якоба, изданнаго по-нѣмецки въ 1809 году, авторъ котораго настаивалъ даже на воспрещеніи переселенія и отдачи въ наемъ крѣпостныхъ противъ ихъ желанія; Каразинъ въ своихъ планахъ переустройства быта крѣпостныхъ допускалъ безземельную продажу только какъ исключительную мѣру относительно закоренѣлыхъ преступниковъ, съ предоставленіемъ вырученныхъ денегъ въ пользу общественной крестьянской кассы, а авторъ одного неизданнаго въ то время мнѣнія настаивалъ на совершенномъ прекращеніи такой продажи. Энергично требовалъ дозволенія отчуждать людей только въ видѣ населенныхъ имѣній, и даже запрещенія владѣть крѣпостными всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ помѣстій, Н. И. Тургеневъ въ его проектѣ, поданномъ чрезъ Милорадовича Императору Александру. Наконецъ, вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли вновь возникаетъ, какъ увидимъ ниже, въ государственномъ совѣтѣ въ 1820 году.

Не мало было заявленій въ сочиненіяхъ и проектахъ, посвященныхъ крестьянскому вопросу, и о необходимости *ограниченія повинностей крестьянъ относительно помѣщика*. Державинъ въ 1803 г. предложилъ государю пригласить по частямъ губернскихъ предводителей дворянства для заявленія мнѣній о томъ, какихъ повинностей могутъ требовать помѣщики отъ крестьянъ въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи. Сперанскій, въ его

Введеніи къ уложенію государственныхъ законовъ, высказалъ мысль, что «никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни платить податей и повинностей иначе, какъ по закону или условію; а не по произволу другаго». Въ своемъ *Проектѣ конституціонной организаціи государства*, предлагая раздѣлить дѣло освобожденія крестьянъ на двѣ эпохи, онъ совѣтуетъ въ первой ограничиться опредѣленіемъ повинностей, которыя владѣлецъ можетъ законно требовать отъ крестьянъ *). Канкринъ предлагалъ въ проектѣ 1819 года, какъ одну изъ первыхъ мѣръ, опредѣлить и ограничить въ общихъ чертахъ повинности крѣпостныхъ, открыто поставивъ ихъ подъ защиту правительственныхъ комиссаровъ, по истеченіи извѣстнаго времени опредѣлить болѣе подробнымъ и льготнымъ образомъ крестьянскія повинности и, наконецъ, уже значительно поздиѣе, дозволить выкупъ всѣхъ личныхъ повинностей. Н. И. Тургеневъ, въ запискѣ, тогда же представленной государю, находилъ полезнымъ подтвердить законъ Императора Павла, дополнивъ его такимъ образомъ, что трехдневная обязательная работа избавляетъ крестьянина отъ всякой другой повинности, какъ натуральной, такъ и денежной; кромѣ того, Тургеневъ желалъ не допускать на помѣщичьи фабрики дѣтей моложе 12 лѣтъ и, наконецъ, совѣтовалъ предоставить въ каждой губерніи комитету, состоящему изъ правительственнаго комиссара, губернатора и предводителя дворянства, право ограничивать повинности крѣпостныхъ подъ угрозою отдачи имѣнія въ опеку. Наконецъ, динбургское дворянство собиралось составить инвентари для точнаго опредѣленія поземельныхъ повинностей **).

Запретить обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ считалъ необходимымъ, во-первыхъ, Кочубей. Кн. П. Зубовъ въ неофициальномъ комитетѣ предлагалъ записать дворовыхъ въ цехи съ тѣмъ, чтобы казна, по желанію владѣльцевъ, выкупила ихъ за опредѣленную заранѣе сумму **). Киселевъ, въ виду огромнаго количества дворни, предлагалъ запретить помѣщикамъ брать во

*) Карзинъ въ своемъ деревенскомъ уставѣ точно опредѣляетъ повинности крестьянъ, хотя и въ разнѣрѣ, для нихъ несомнѣнно обременительномъ.

**) Изъ печатныхъ сочиненій, кромѣ книги барона Унгернъ-Штернберга, необходимость точныхъ правилъ относительно повинностей крѣпостныхъ обсуждалась въ измѣскомъ сочиненіи проф. Якоба по полицейскому праву и въ его уварчанномъ премією отвѣтѣ на задачу вольнаго экономическаго общества о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда.

**) Карзинъ желалъ, чтобы помѣщики могли брать крестьянъ въ услуженіе не иначе, какъ предварительно выдавъ имъ отпускныя на волю.

дворъ земледѣльцевъ, за нынѣшнихъ же дворовыхъ обязать самихъ господъ платить подати, надѣясь, что это поведетъ къ постепенному уменьшенію, а затѣмъ и къ совершенному уничтоженію двора; Банкринъ желалъ устроить бытъ дворовыхъ на законномъ основаніи.

Нерѣдко въ различныхъ мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу мы встрѣчаемъ и желаніе ограничить *право помѣщиковъ наказывать крѣпостныхъ*. Державинъ считалъ необходимымъ, чтобы предложенный имъ съѣздъ губернскихъ предводителей дворянства, между прочимъ, обсудилъ, какимъ тѣлеснымъ наказаніемъ могутъ господа подвергать своихъ крѣпостныхъ, не посылая ихъ «въ городскія и сельскія полиціи». Сперанскій желалъ, чтобы помѣщики были лишены права наказывать крѣпостныхъ безъ суда и сдавать ихъ въ рекруты безъ очереди. Банкринъ, въ числѣ другихъ мѣръ, указанныхъ въ его проектѣ, настаивалъ на подчиненіи вотчиннаго суда надзору отвѣтственныхъ чиновниковъ, а, позднѣе, судъ и расправу должно было предоставить чиновникамъ, назначаемымъ правительствомъ. Тургеневъ желалъ опредѣленія того, какіе проступки подлежатъ суду господина, и передачи остальныхъ въ вѣдѣніе общихъ судебныхъ учреждений *):

Наконецъ, упомянемъ, что Новосильцевъ, въ неофициальномъ комитетѣ, предложилъ запретить участіе въ дворянскихъ собраніяхъ тѣмъ помѣщикамъ, которые жестокимъ обращеніемъ съ крѣпостными сдѣлаются недостойными этой чести.

Для разбора взаимныхъ неудовольствій и споровъ между крестьянами и помѣщиками Стройновскій совѣтовалъ учредить посредническіе и высшіе суды изъ дворянъ. Сперанскій также желалъ, чтобы одною изъ первыхъ мѣръ на пользу крѣпостныхъ крестьянъ было установленіе какой-либо судебной власти для рѣшенія споровъ между помѣщиками и земледѣльцами **).

Дарованія крестьянамъ права собственности требовалъ

*) Якобъ полагалъ, что государство обязано ввести въ опредѣленные рамки право владѣльцевъ наказывать крестьянъ.

***) Карзинъ готовъ былъ допустить жалобу крѣпостныхъ на господина предводителю дворянства, но протестовалъ противъ дозволенія имъ жаловаться въ общія судебныя учрежденія. Другой украинскій помѣщикъ, авторъ мнѣнія, вызваннаго указомъ объ освобожденіи эстляндскихъ крестьянъ, полагалъ, что крестьянамъ слѣдуетъ дозволить жаловаться на своихъ господъ, но только одному лицу, назначенному государемъ изъ помѣщиковъ, или лишь въ извѣстное время. Наконецъ, по мнѣнію Якоба, крѣпостнымъ должно было предоставить право приносить жалобы безпристрастнымъ судьямъ и, въ случаѣ виновности помѣщиковъ, крестьяне должны были получить свободу.

особенно настоятельно Пнинъ въ своей книгѣ *Опытъ о просвѣщеніи*; на предоставленіе имъ права собственности относительно движимаго имущества соглашался и Унгернъ-Штернбергъ. Якобъ, еще въ своемъ сочиненіи по полицейскому праву, настаивалъ, чтобы крестьянамъ неотъемлемо принадлежало то, что они зарабатываютъ во время, данное имъ для своихъ работъ, и, вообще, что они сберегутъ или приобретутъ. Сперанскій требовалъ, чтобы безъ суда никто не былъ лишенъ своей собственности. Одною изъ первыхъ мѣръ, рекомендованныхъ Канкринимъ, было объявленіе отъ сената во всеобщее свѣдѣніе, что у насъ нѣтъ закона, запрещающаго крѣпостному приобретать собственность, чему неотъемлемо принадлежитъ домъ и движимость, что онъ можетъ покупать земли и проч.

Назначеніе опредѣленнаго размѣра выкупа крѣпостныхъ на свободу въ однихъ проектахъ и мнѣніяхъ по крестьянскому вопросу являлось лишь одною изъ частныхъ, далеко не имѣющей первенствующаго значенія, въ другихъ это было единственною мѣрою, допускаемою авторами для измѣненія быта крѣпостнаго населенія Россіи. Къ числу первыхъ относятся записки и мнѣнія Каразина, неизвѣстнаго украинскаго помѣщика, Киселева, Якоба и Канкринна, къ числу вторыхъ—проекты Берга и Н. С. Мордвинова. Что касается лицъ, сводившихъ всю крестьянскую реформу на выкупъ одной личной свободы безъ земли, то изъ нихъ Бергъ совѣтовалъ произвести это при помощи правительства, посредствомъ особой кредитной операціи, а Мордвиновъ желалъ, чтобы крѣпостные своими личными усиліями накопляли огромную предложенную имъ сумму для выкупа, доходившую, смотря по возрасту крестьянина, отъ 100 до 2,000 рублей. По проекту Аракчеева предполагалось покупать помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ въ казну или по добровольнымъ условіямъ, если бы помѣщики пожелали продать свои имѣнія въ полномъ составѣ, или на основаніи особыхъ правилъ, если бы вмѣстѣ съ крестьянами продавалась и часть земли. По этому проекту всякій помѣщикъ могъ требовать покупки у него крестьянъ съ надѣломъ всего по 2 дес. на ревизскую душу; такъ какъ ежегодно предполагалось отпускать на этотъ предметъ лишь 5 милліоновъ рублей, то, разумѣется, вся операція выкупа должна была принять весьма незначительные размѣры.

Наконецъ, въ проектахъ по крестьянскому вопросу въ эпоху Императора Александра I, авторы которыхъ имѣли въ виду, хотя и

постепенное, но окончательное упраздненіе крѣпостнаго права, мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, возобновеніе въ проектѣ Малиновскаго мысли Императрицы Екатерины II объ освобожденіи всѣхъ вновь рожденныхъ, начиная съ извѣстнаго года; академикъ Шторхъ, допускающая освобожденіе со всею землею или частью ея, на различныхъ условіяхъ, въ то же время, считалъ возможнымъ и безземельное освобожденіе, съ тѣмъ, чтобы крестьяне сдѣлались свободными арендаторами, или чтобы была установлена вѣчная денежная или натуральная повинность. Неизвѣстный авторъ одного проекта по крестьянскому вопросу, начиная съ добровольныхъ условій для регулированія отношеній между крестьянами и помѣщиками, заканчиваетъ дарованіемъ личной свободы «съ наймомъ земли» или полученіемъ ея въ «ограниченную собственность» и опредѣленіемъ выкупа всѣхъ условленныхъ повинностей. Проф. Якобъ, въ своемъ сочиненіи по полицейскому праву, выражаетъ увѣренность, что правительство найдетъ средство предоставить *личную* свободу всѣмъ крѣпостнымъ безъ ущерба владѣльцамъ, а въ отвѣтъ на задачу вольнаго экономическаго общества рекомендуетъ въ небольшихъ имѣніяхъ просто обезземеленіе крестьянъ съ превращеніемъ ихъ въ свободныхъ работниковъ, въ другихъ же помѣстьяхъ совѣтуетъ раздавать земли въ наследственную аренду, предоставляя поденщикамъ и дѣтямъ крестьянъ право наниматься, у кого они захотятъ. Стройновскій возлагаетъ всѣ надежды на заключеніе добровольныхъ условій между помѣщиками и крестьянами, желая, съ своей стороны, превращенія всѣхъ крестьянъ въ наследственныхъ арендаторовъ (преимущественно съ вознагражденіемъ за землю трудомъ). Сперанскій энергически протестуетъ въ одной части своего плана государственнаго преобразованія противъ безземельнаго освобожденія крѣпостныхъ, прямо утверждая, что «участъ крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы уже всѣ рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ». Если онъ совѣтовалъ, въ концѣ-концовъ, дать крестьянамъ право перехода, то, все-таки, не ранѣе, чѣмъ повинности ихъ будутъ опредѣлены закономъ и они получаютъ возможность найти защиту отъ чрезмѣрныхъ требованій землевладѣльцевъ у судебной власти; слѣдовательно, крестьянинъ имѣлъ бы здѣсь возможность выбора между оставленіемъ земли и пользованіемъ ею за узаконенныя повинности. Н. И. Тургеневъ допу-

скаль возможность и такого освобожденія, при которомъ помѣщикъ, сохраняя въ своей власти землю, предоставляетъ ее крестьянамъ лишь во временное пользованіе. Декабристъ Якушкинъ, смоленскій помѣщикъ, готовъ былъ не только бесплатно даровать крестьянамъ личную свободу, но и уступить имъ безвозмездно усадебныя земли и общій выгонъ. Пользованіе другими землями, остающимися во власти помѣщика, было доступно крестьянамъ по первоначальной мысли Якушкина лишь на основаніи условій, добровольно заключенныхъ ими послѣ полученія личной свободы; но скоро, убѣдившись въ нежеланіи народа приобрѣсти свободу иначе, какъ съ земельнымъ надѣломъ, Якушкинъ началъ стремиться къ тому, чтобы, при улучшеніи положенія крестьянъ, они оказались бы въ состояніи платить такой оброкъ, часть котораго ежегодно учитывалась бы на покупку земли, находившейся въ ихъ пользованіи. Наиболѣе обстоятельно разработанный планъ крестьянской реформы, но рассчитанный на слишкомъ долгій срокъ, принадлежитъ Канкрину; завершеніемъ его было объявленіе земельныхъ надѣловъ собственностію каждаго семейства, подъ условіемъ уплаты соразмѣрнаго взноса, разрѣшеніе выкупать всѣ личныя повинности и дарованіе права перехода. Къ сожалѣнію, проектъ Канкринъ былъ построенъ на совершенно чуждыхъ нашей жизни началахъ, по образцу нѣмецкихъ поземельныхъ отношеній, какъ, напр., учрежденіе вотчиннаго суда чрезъ отвѣтственныхъ лицъ (нѣмецкіе юстиціары) и уничтоженіе общиннаго землевладѣнія. Впрочемъ, изъ всѣхъ представителей либеральнаго направленія въ крестьянскомъ вопросѣ за это время, едва ли не одному Якушкину была вполнѣ ясна громадная польза для крестьянъ общиннаго пользованія землею. Заявленія, шедшія изъ консервативнаго лагеря, о вредѣ для самого народа безземельнаго освобожденія крестьянъ, точно такъ же, какъ и подворнаго владѣнія землею, имѣютъ весьма важное значеніе въ исторіи крестьянскаго вопроса, какъ протестъ противъ слишкомъ поспѣшнаго и необдуманнаго освобожденія крестьянъ.

Сравнивая мнѣнія по крестьянскому вопросу, высказанныя въ теченіе двухъ эпохъ—царствованія Екатерины II и Александра I, мы видимъ, что перечисленные выше требованія отдѣльныхъ мѣръ для улучшенія быта крестьянъ, которыя мы нашли въ проектахъ и сочиненіяхъ первой четверти XIX вѣка, высказывались уже и въ екатерининскую эпоху, но нѣкоторыя изъ нихъ стали предъявляться рѣшительнѣе и болѣшимъ количест-

воиъ лицъ. Такъ, напр., пожеланія запретить продажу людей порознь замѣняются рѣшительными требованіями, не разъ принявшими уже форму законодательныхъ проектовъ о воспрещеніи всякаго отчужденія людей безъ земли; предложенія запретить превращеніе крестьянъ въ дворовыхъ и лишить помѣщиковъ права наказывать крѣпостныхъ безъ суда, которыя мы находимъ въ екатерининскую эпоху лишь въ мнѣніи Радищева, теперь не разъ встрѣчаются въ мнѣніяхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ.

Такимъ образомъ, извѣстный прогрессъ въ этомъ дѣлѣ несомнѣнно есть, въ интеллигенціи видно болѣе интереса къ крестьянскому вопросу: въ вольное экономическое общество поступаетъ не мало русскихъ мнѣній на заданныя темы, касающіяся барщиннаго труда; печатныя сочиненія, обсуждающія измѣненіе быта крестьянъ, вызываютъ горячую полемику, обыкновенно рукописную, въ лагерѣ консерваторовъ; петербургскіе дворяне выражаютъ желаніе измѣнить положеніе своихъ крестьянъ; наконецъ, является мысль учредить общество съ цѣлю освободить крѣпостныхъ. Прогрессъ этотъ тѣмъ важнѣе для насъ, что общество александровской эпохи не имѣло такого удобнаго случая коснуться крестьянскаго вопроса, какой при Екатеринѣ II представила коммиссія для составленія новаго уложенія. Что касается общаго плана крестьянской реформы, то хотя при Екатеринѣ II Радищевъ опередилъ въ этомъ отношеніи свой вѣкъ, но за то въ александровскую эпоху мы находимъ большее количество болѣе или менѣе цѣльныхъ проектовъ, составленіе которыхъ вызывалось нерѣдко самою верховною властію, но, въ то же время, нельзя не обратить вниманія на то, что, сравнительно съ предшествовающею эпохою, гораздо рѣзче выступаетъ мысль о правѣ собственности помѣщикомъ на земли и, если не считать писемъ кн. Д. А. Голицына къ Екатеринѣ II, впервые ясно высказывается и во всякомъ случаѣ впервые обстоятельно, со всѣми научными приѣмами, доказывается, что свободный трудъ выгоднѣе крѣпостнаго и что для самихъ помѣщиковъ будетъ полезно освобожденіе крестьянъ.

Тѣмъ не менѣе, эпоха Александра I была довольно опаснымъ временемъ для крѣпостнаго населенія Россіи: обезземеленіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ было очень плохимъ прецедентомъ и мысль о выгодности для землевладѣльцевъ такого освобожденія могла бы очень быстро распространиться среди нашего дво-

рянства. Тѣмъ болѣе мы должны цѣнить протестъ противъ обезземеленія народа, высказанный столь вліятельнымъ лицомъ, какъ Сперанскій, точно также, какъ и протестъ противъ конституціонныхъ мечтаній ранѣе уничтоженія крѣпостнаго права и указаніе на необходимость, для выполненія этой послѣдней задачи въ Россіи, неограниченной самодержавной власти, что такъ ясно было формулировано Н. И. Тургеневымъ.

Очень благопріятнымъ обстоятельствомъ для рѣшенія крестьянскаго вопроса было то, что Имп. Александръ, какъ извѣстно, самъ желалъ освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ. Въ Парижѣ, у г-жи Сталь, онъ далъ обѣщаніе уничтожить крѣпостное право. Онъ приказалъ выдать изъ средствъ кабинета 200 червонцевъ для приготовленія двухъ медалей за лучшіе отвѣты на задачи (о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда и объ отдѣленіи земледѣльцевъ отъ фабричныхъ рабочихъ), предложенныя въ 1812 г. вольнымъ экономическимъ обществомъ. Онъ предписываетъ Аракчееву и Банкрину составить проекты измѣненія быта крестьянъ; ему подаетъ Милорадовичъ записку по этому предмету Н. И. Тургенева; всѣ эти проекты онъ тщательно собираетъ, чтобы выбрать потомъ изъ нихъ все самое лучшее; при немъ совершается освобожденіе крестьянъ въ Остзейскомъ краѣ, хотя принесшее потомъ много горя освобожденнымъ, но основанное на началахъ, которыя многимъ казались тогда справедливыми; наконецъ, онъ съ большою рѣшимостію прекращаетъ пожалованіе населенныхъ имѣній въ потомственное владѣніе, несмотря на то, что даже такіе просвященные люди, какъ Мордвиновъ, желали раздачи всѣхъ казенныхъ земель знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ.

Мы видѣли, что образованное общество настоятельно всего требовало прекращенія продажи крестьянъ безъ земли; это было первымъ желаніемъ и самого Императора Александра. Проектъ закона по этому предмету вносится по его приказанію въ государственный совѣтъ менѣе чѣмъ черезъ 2 мѣсяца по восшествіи государя на престолъ и обсуждается въ его личномъ присутствіи. Когда совѣтъ несочувственно отнесся къ этому вопросу, въ неофициальномъ комитетѣ вновь къ нему возвращаются, и Кочубею даже было повелѣно приготовить проектъ указа; однако, дѣло опять откладывается. Въ 1802 году вопросъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли вновь возбуждается въ государственномъ совѣтѣ и, несмотря на отсутствіе прямыхъ протестовъ въ

этомъ учрежденіи, мѣра эта, все-таки, не была тогда осуществлена. Другимъ ясно формулированнымъ желаніемъ государя было опредѣленіе повинностей крестьянъ относительно ихъ владѣльцевъ, въ чемъ онъ также сходилъ со многими сторонниками крестьянской реформы. Къ сожалѣнію, члены неофициальнаго комитета въ 1803 года стали возражать противъ этого. Молодой императоръ былъ готовъ тогда дозволить даже и разночинцамъ пріобрѣтеніе населенныхъ земель, лишь бы только поступившіе въ ихъ владѣніе крестьяне были поставлены въ болѣе льготное положеніе, чѣмъ помѣщичи, и не были «рабами» своихъ владѣльцевъ. Гораздо позднѣе существованія неофициальнаго комитета, въ словахъ, сказанныхъ Канкрину, императоръ Александръ также упоминалъ о необходимости и «соразмѣрить и облегчить повинности крестьянъ, оградить ихъ отъ произвола помѣщиковъ»; тутъ же онъ выразилъ желаніе «дозволить имъ пріобрѣтать собственность, однимъ словомъ, составить новое, точное и умѣренное законоположеніе относительно крѣпостнаго состоянія». Но императоръ не вполне выяснилъ себѣ основныя положенія преобразованія, какъ это видно изъ того, что онъ недостаточно различалъ принципы лифляндской реформы 1804 года (состоявшей въ обращеніи крѣпостныхъ въ прикрѣпленныхъ къ землѣ) и эстляндской 1816 года, имѣвшей цѣлью личное безземельное освобожденіе крестьянъ. Въ указѣ бѣлорусскому военному губернатору, герцогу Виртембергскому, по поводу намѣренія динабургскаго дворянства даровать, по примѣру Остзейскаго края, личную свободу своимъ крѣпостнымъ своимъ, государь собственноручно написалъ: «Я нахожу нужнымъ вамъ изъяснить, что я непоколебимымъ правиломъ себѣ поставилъ подобныя побужденія не моимъ вліяніемъ производить, но всегда оставлять собственному стремленію челоуколюбивыхъ чувствъ дворянскихъ сословій, единственно предоставляя себѣ согласоваться съ вызовами о томъ самого дворянства, и руководствоваться оныя къ благополучному достиженію желаемой имъ цѣли». Государь имѣлъ намѣреніе произвести освобожденіе крестьянъ по одиночкѣ въ различныхъ губерніяхъ. Упомянувъ о томъ, что Псковская губернія была подчинена власти того же генералъ-губернатора, который управлялъ тремя прибалтійскими губерніями, Н. И. Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ о Россіи говоритъ, что «въ этой мѣрѣ видѣли, и не безъ основанія, намѣреніе императора испытать въ русскомъ краѣ то, что уже было

исполнено въ провинціяхъ нѣмецкихъ». Оставленіе этого намѣренія Тургеневъ приписываетъ измѣненію взглядовъ императора въ концѣ его царствованія. Мы видѣли, что въ неофициальномъ комитетѣ сдерживали иной разъ его освободительныя стремленія. Извѣстно, что Лагарпъ давалъ найконсервативнѣйшіе совѣты относительно крестьянскаго вопроса, что Сперанскій, при всемъ ясномъ сознаніи необходимости освобожденія крѣпостнаго населенія Россіи, ставилъ на первый планъ реформы политическія. А, между тѣмъ, русская консервативная партія протестовала противъ всякой мѣры на пользу крестьянъ, противъ всякой книги, написанной въ защиту необходимости измѣненія ихъ быта (припомнимъ роль Державина въ исторіи указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ, протесты Ростопчина и Попова противъ книги Стройновскаго); Шишкову хотѣлось даже съ высоты самаго трона заявить, что крѣпостное право полезно для самихъ крестьянъ. Александра I, какъ и Екатерину II, не приходится винить за то, что онъ не освободилъ крестьянъ собственно въ Россіи; напротивъ, нельзя не пожалѣть о допущеніи безземельнаго освобожденія остзейскихъ крестьянъ, а также и о томъ, что въ его царствованіе было принято слишкомъ мало мѣръ для ограниченія крѣпостнаго права, для улучшенія положенія крѣпостныхъ.

Было принято, во-первыхъ, нѣсколько мѣръ для *прекращенія торга невольниками* и вообще существованія рабовъ въ Россіи. Узнавъ, что нахичеванскіе армяне вымѣниваютъ или другимъ образомъ пріобрѣтаютъ за Кубанью невольниковъ, скованныхъ доставляютъ ихъ въ Крымъ и вообще южную Россію и тамъ продаютъ татарамъ и помѣщикамъ, Императоръ Александръ въ 1804 году именнымъ указомъ строго запретилъ этотъ «постыдный торгъ», «тѣмъ болѣе, какъ сказано въ указѣ, что по общимъ законамъ, въ Россіи существующимъ, люди сего рода и укрѣпляемы быть не могутъ, и, слѣдовательно, покупающіе ихъ, по незнанію или по обычаю, татары и помѣщики подвергаются потерѣ заплаченныхъ за нихъ денегъ, какъ скоро купленные предъявятъ искъ на свободу». Въ указѣ было оговорено, что это распоряженіе отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ запрещеніе выкупа съ благотворительною цѣлью плѣнныхъ христіанъ, вывозимыхъ армянами и другими торговцами, тѣмъ болѣе, что такіе, выкупленные на свободу «по существующимъ вообще о плѣнныхъ христіанахъ законамъ, свободны отъ всякаго укрѣпленія». По полученіи этого указа, херсонскій военный губерна-

торъ представилъ списокъ черкесовъ, купленныхъ въ невольничество нахичеванскими армянами отъ закубанскихъ владѣльцевъ, съ обозначеніемъ суммы, нужной для ихъ выкупа. Въ виду того, что, «по существующимъ въ Россіи издавна узаконеніямъ, иностранцы не могутъ быть никому укрѣпляемы и ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ купчей, крѣпости совершать на нихъ нельзя». государь въ 1805 года приказалъ «освободить отъ невольничества» 38 черкесовъ, означенныхъ въ спискѣ херсонскаго военнаго губернатора, и предоставить имъ право избрать родъ жизни по своему усмотрѣнію и даже выѣхать за границу, а прежнимъ ихъ владѣльцамъ, армянамъ, велѣно было заплатить изъ казны 3,490 руб. (это составляетъ среднимъ числомъ по 92 руб. за человека), причемъ имъ слѣдовало внушить, что вознагражденіе выдается единственно изъ милости и впредь они ни подѣ какимъ видомъ не должны заниматься противузаконною торговлею невольниками; послѣ объявленія объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, другіе «закубанцы», которые окажутся въ неволѣ въ Крыму или другихъ мѣстахъ, должны сдѣлаться свободными. Однако, этой частной мѣры оказалось недостаточно для прекращенія невольничества въ Крыму: у разныхъ таврическихъ владѣльцевъ находились еще въ «крѣпости» такъ называемые «ясырь», которые и числились за ними по послѣдней ревизіи. Узнавъ объ этомъ, государь въ 1808 году приказалъ освободить ихъ отъ рабства, предоставить имъ избрать родъ жизни по собственному желанію и если бы кто изъ нихъ захотѣлъ поселиться на казеннымъ земляхъ, то доставить имъ «надлежащее пособіе» на основаніи законовъ. Правительство хлопотало о прекращеніи въ Россіи невольничества, но по отношенію пріобрѣтенія рабовъ на границѣ Россіи оно вынуждено было сдѣлать нѣкоторыя уступки. Въ 1808 году подданные Россіи киргизы, кочевавшіе близъ оренбургской линіи и по всей границѣ отъ Каспійскаго моря до Сибири, не находя средствъ къ пропитанію, стали продавать своихъ дѣтей въ рабство хивинцамъ, пріѣзжавшимъ къ нимъ для торговли. Государь поручилъ оренбургскому военному губернатору позаботиться о переселеніи этихъ несчастныхъ, даже «родственниками отверженныхъ», въ казенныя селенія магометанъ, а не то и христіанъ, но, кромѣ того, чтобы отнять «всякій поводъ» къ продажѣ ихъ въ рабство хивинцамъ, дозволилъ всѣмъ русскимъ подданнымъ свободныхъ состояній покупать и вымѣнивать на линіи киргизскихъ дѣтей съ тѣмъ условіемъ, чтобы, по достиженіи 25-ти лѣтняго возраста, они дѣ-

лались свободными. Устанавливая различныя формальности, необходимыя для того, чтобы администрація могла позаботиться объ освобожденіи этихъ временныхъ рабовъ въ указанный срокъ, правительство, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣлило, что киргизъ, женившійся до 25-ти лѣтняго возраста, съ согласія хозяина, по достиженіи его дѣлался свободнымъ съ женою и дѣтьми, хотя бы женился на крѣпостной своего господина. Правила эти были распространены и на всю сибирскую линію. Указъ 1808 года не назначалъ никакого вознагражденія владѣльцамъ киргизскихъ дѣтей, получающихъ свободу по достиженіи указанного возраста: правительство, очевидно, считало достаточнымъ вознагражденіемъ за сумму, уплаченную при выкупѣ, пользованіе въ теченіе указанного времени трудомъ этихъ людей. Но черезъ 10 лѣтъ въ сенатѣ возникъ вопросъ, какимъ образомъ вознаграждать владѣльцевъ за вымѣненныхъ у киргизъ, калмыковъ и другихъ азіатцевъ дѣтей, когда они, по достиженіи 25 лѣтъ, будутъ получать свободу. Вслѣдствіе разногласія по этому предмету, дѣло перешло въ государственный совѣтъ и въ общемъ его собраніи 13 членовъ высказались за то, чтобы распространить на вымѣниваемыхъ калмыковъ, киргизъ и другихъ дѣйствіе указа 1808 года, т. е. не считали нужнымъ выдавать вознагражденіе, а двое, тайный совѣтникъ Вейдемейеръ и извѣстный Милорадовичъ, считали необходимымъ «назначить пристойное возмездіе тому, кто доставитъ отечеству извѣстное число людей безъ насилія, яко избавителямъ отъ тяжелой неволи». Государь, рѣшивъ дать болѣе широкое значеніе указу 1808 года, согласно мнѣнію 13 членовъ, въ то же время, принялъ мнѣніе меньшинства о необходимости денежной награды, которая и была опредѣлена въ 150 руб. за каждаго, получающаго свободу. Но, кромѣ такого временнаго рабства, въ Сибири издавна установилось и вѣчное рабство плѣнниковъ, вымѣниваемыхъ у киргизъ. Еще въ 1757 году сенатъ, въ виду недостатка въ Сибири владѣльцевъ, имѣющихъ законное право на пріобрѣтеніе крестьянъ, дозволилъ тамошнимъ купцамъ и разночинцамъ покупать и вымѣниванъ плѣнниковъ, привозимыхъ киргизами въ крѣпости Ямышевскую и Семипалатную, съ тѣмъ, чтобы купленные были за пріобрѣтателями «вѣчно», и владѣльцы могли продавать ихъ только лицамъ, имѣющимъ законное право на владѣніе крестьянами. Самыхъ плѣнниковъ вѣчно было не записывать въ подушный окладъ, а только ихъ дѣтей, рожденныхъ въ Россіи; если въ теченіе 3 лѣтъ послѣ

покупки купцы не возьмутъ владѣнныхъ выписей изъ губернскихъ и воеводскихъ канцелярій, то купленные ими плѣнники признавались свободными. Постановленіе это сохранило свою силу почти до самаго конца царствованія Александра I и только въ 1819 году было предписано, чтобы подобные люди находились не въ «вѣчномъ владѣніи», какъ это требовалось указомъ 1757 года, а лишь въ пожизненномъ, т.-е. до смерти перваго приобрѣтателя. Такъ какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на вымѣняемыхъ у азіатцевъ распространена была сила указа 1808 года, то, въ виду возникшихъ по этому поводу недоумѣній, государственный совѣтъ раздѣлилъ купленныхъ киргизъ и калмыковъ на два разряда: прибрѣтенныхъ до указа 1808 года и послѣ него; первые, на основаніи закона 1819 года, должны были находиться въ пожизненномъ владѣніи прибрѣтателей и никому отъ нихъ продаваемы быть не могли; тѣ же, которые проданы лицамъ, не имѣющимъ помѣщичьяго права, должны быть признаны свободными; напротивъ, поступившіе во владѣніе лицъ, имѣющихъ право владѣть крестьянами, и записанные за ними по ревизіи, должны навсегда оставаться крѣпостными. Что касается людей, прибрѣтенныхъ послѣ 1808 г., то всѣ они, и киргизы, и калмыки, должны получать свободу по достиженіи 25-ти лѣтняго возраста, причемъ было разъяснено, что право вымѣнять киргизъ и калмыковъ не распространяется на крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государственный совѣтъ задался вопросомъ, слѣдуетъ ли на будущее время позволять вымѣнъ и покупку этихъ инородцевъ. Тогда М. М. Сперанскій, какъ бывшій сибирскій генералъ-губернаторъ, разъяснилъ, что дѣти киргизъ и калмыковъ, привозимыя киргизами для продажи на сибирскую и оренбургскую линіи, большею частію бывають похищены вмѣстѣ съ барантою, т.-е. отгономъ скота, причемъ удобство сбыта ихъ поощряетъ и усиливаетъ похищенія. Дѣтей этихъ обыкновенно привозятъ на мѣшковые дворы, и тамъ мѣшчане, занимающіеся этимъ промысломъ, скупають ихъ оптомъ или вымѣнивають на товаръ по оцѣнкѣ, которая на мѣстѣ рѣдко бываетъ выше 10—25 р. Выдержавъ ихъ «въ неволѣ и изнуреніи» съ лѣта, когда производится мѣна, до зимы, эти торговцы дѣтьми, нагрузивъ ими фуры, отвозятъ ихъ обыкновенно на ирбитскую ярмарку, бывающую въ февралѣ, и тамъ продають или промѣнивають ихъ порознь купцамъ и мѣшчанамъ, которые, въ свою очередь, распродаютъ или раздариваютъ ихъ. «Излишне было бы описывать, — замѣтилъ Сперанскій, —

всѣ жестокости и страданія, съ симъ торгомъ сопряженныя, почему въ Сибирскомъ Учрежденіи и было уже постановлено общимъ правиломъ прекратить его на сибирской линіи, въ округахъ, образованныхъ по новому положенію». Государственный совѣтъ положилъ мѣру эту распространить и на оренбургскую линію, т.-е. запретить этотъ торгъ повсемѣстно, сдѣлавъ только слѣдующую оговорку: такъ какъ изрѣдка въ голодные годы киргизы привозятъ на мѣновыя двory и собственныхъ своихъ дѣтей и тамъ бросаютъ ихъ «такъ сказать, даромъ», то, чтобы въ этихъ случаяхъ не оставить подобныхъ дѣтей безъ всякаго призрѣнія, предписать сибирскому и оренбургскому главному правленію, чтобы позаботились о способахъ ихъ призрѣнія и размѣщали этихъ дѣтей по дсревнямъ, назначивъ за воспитаніе ихъ заработные годы, по истеченіи которыхъ они должны дѣлаться свободными.

Въ теченіе XVIII вѣка, какъ извѣстно, постепенно установилось правило, что только потомственные дворяне могутъ владѣть населенными имѣніями и даже приобрѣтать отдѣльныхъ крѣпостныхъ. По узаконеніямъ екатерининской эпохи, купцы, хотя бы и пожалованные чиномъ VIII класса, не получали права приобрѣтать населенныя имѣнія, такъ какъ дворянство сообщалось только тѣмъ, которые приобрѣли этотъ чинъ государственною службою. Но въ 1804 году всѣмъ купцамъ, пожалованнымъ этимъ чиномъ, позволено было покупать деревни и владѣть ими, не иначе, однако, какъ заключивъ съ крестьянами условіе, установленное указомъ 1803 года о свободныхъ хлѣбопашцахъ, приобрѣтать же крестьянъ и дворовыхъ безъ земли было имъ вовсе запрещено; а тѣмъ изъ купцовъ, которые, вслѣдствіе пожалованныхъ имъ чиновъ, или личнаго права покупать деревни, уже владѣли ими, дозволено было сохранить это владѣніе пожизненно, не распространяя этого права на ихъ потомство и не причисляя ихъ къ дѣйствительному дворянству. Затѣмъ въ 1810 году, по случаю внутренняго займа, «россійскому именитому купечеству разныхъ высшихъ разрядовъ», въ томъ числѣ и купцамъ первой гильдіи, разрѣшено было приобрѣтать населенныя земли, именно арендныя и другія имѣнія, продаваемыя изъ казны, съ тѣмъ, чтобы уплата за эти имѣнія производилась не иначе, какъ облигаціями внутренняго займа, и чтобы приобрѣтатели-купцы оставались въ купеческомъ сословіи безъ присвоенія ими правъ дворянства; при этомъ было оговорено, что покупать населенныя имѣнія у частныхъ людей

этимъ купцамъ не дозволяется. По вопросу о правѣ личныхъ дворянъ владѣть крѣпостными было въ 1814 году постановлено, что тѣ изъ нихъ, которые до тѣхъ поръ приобрѣли крестьянъ и дворовыхъ, могутъ неприкосновенно владѣть ими до своей смерти, не распространяя этого права на ихъ наследниковъ, которые должны будутъ продать этихъ крѣпостныхъ въ узаконенный (полугодовой) срокъ, если не приобрѣли сами права на владѣніе ими; на будущее же время предписано было стражайше наблюдать, чтобы никто изъ личныхъ дворянъ, т.-е. не достигшихъ VIII класса по службѣ, не могъ приобретать крѣпостныхъ.

Въ 1816 году до государя дошли свѣдѣнія, что покупка крестьянъ донскими чиновниками для переселенія ихъ въ предѣлы войсковыхъ земель сопровождается разореніемъ крестьянъ и даже раздробленіемъ ихъ семействъ, почему, до изданія относительно этого предмета особаго закона, онъ повсемѣстно запретилъ продажу донскимъ чиновникамъ для переселенія людей и крестьянъ; вслѣдъ затѣмъ, это запрещеніе было распространено и на всѣ остальные козацкія области. Въ 1820 году было воспрещено въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ Польши, купцамъ, мѣщанамъ и иностранцамъ, не утвержденнымъ въ рускомъ подданствѣ и дворянствѣ, покупать недвижимыя имѣнія съ крестьянами и владѣть ими; вмѣстѣ съ тѣмъ, недворянамъ и иностранцамъ, которые, на основаніи конституціи 1775 года, владѣли деревнями на вотчинномъ правѣ, велѣно было продать ихъ въ трехлѣтній срокъ. Евреямъ еще ранѣе было запрещено владѣть и распоряжаться населенными имѣніями, но такъ какъ они умѣли находить лазейки для обхода закона, то приходилось и противъ этого принимать мѣры.

Впрочемъ, не одни евреи, а вообще лица, не имѣющія права владѣть крѣпостными, прибѣгали къ различнымъ уверткамъ для того, чтобы обойти стѣснительный для нихъ законъ: такъ, между прочимъ, помѣщики выдавали подобнымъ лицамъ довѣренности на продажу своихъ имѣній или управленіе ими, по которымъ тѣ и владѣли имѣніями или отдѣльными крѣпостными. Правительству пришлось принять цѣлый рядъ мѣръ для прекращенія этого злоупотребленія. Въ 1812 году была запрещена выдача довѣренности на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли. Затѣмъ было постановлено, что если помѣщикъ продаетъ купцу одну землю безъ крестьянъ, то, во избѣжаніе недозволеннаго владѣнія населеннымъ имѣніемъ лицамъ, неимѣющимъ на то

права, продавецъ обязуется, не далѣе, какъ въ годовой срокъ, перевести живущихъ на этой землѣ крестьянъ въ инныя свои вотчины, или продать для переселенія другому дворянину, подъ угрозой конфискаціи крестьянъ казеннаго вѣдомства; владѣть и управлять крестьянами должны были сами господа или чрезъ своихъ прикащиковъ и повѣренныхъ, не поручая этого покупателямъ земли, не имѣющимъ правъ дворянства. Нѣсколько поздиѣе было разъяснено, что такъ какъ запрещена выдача довѣренности на продажу людей по одиночкѣ и безъ земли, то крѣпостные, которыхъ предполагалось продать или заложить, не должны жить у разночинцевъ и другихъ лицъ, не имѣющихъ дворянскихъ правъ, но получившихъ довѣренности на продажу населенныхъ имѣній. Въ довѣренностяхъ разночинцамъ на отдачу крѣпостныхъ людей на воспитаніе или въ ученіе запрещено было назначать срокъ ученія болѣе, чѣмъ въ пять лѣтъ. Однако, разночинцы продолжали подъ разными предлогами владѣть дворовыми людьми и предъявляли, въ случаѣ надобности, заключенные съ помѣщиками контракты на обученіе этихъ людей мастерствамъ, хотя послѣднимъ часто бывало болѣе 20 и 30 лѣтъ и хотя державшіе ихъ разночинцы не состояли ни въ какомъ цехѣ; предъявлялись также довѣренности на снабженіе дворовыхъ людей видами на жительство и полученіе съ нихъ оброка и тому подобныя документы. Для того, чтобы прекратить пребываніе дворовыхъ «въ рабствѣ» у разночинцевъ, въ 1823 году было постановлено, что лицамъ, не имѣющимъ дворянскаго права, не запрещается держать въ услуженіи, съ извѣстною платою, отпускаемыхъ по узаконеннымъ видамъ людей и крестьянъ, но затѣмъ предписано было уничтожать условія владѣльцевъ на отдачу дворовыхъ людей въ ученіе мастерамъ, не записаннымъ въ цехъ, давая свободу людямъ, отданнымъ вопреки этого закона, а съ разночинцевъ, которые будутъ держать ихъ у себя по контрактамъ и другимъ сдѣлкамъ, взыскивать въ казну за каждаго мужчину по 500, а за женщину по 200 р.; но помѣщики продолжали нарушать установленныя правила. Такъ, въ 1817 году княгиня Болховская заключила съ одною казанскою мѣщанкою условіе, по которому отдала послѣдней въ услуженіе свою дворовую дѣвушку, срокомъ на пять лѣтъ, съ платою по 40 р., и получила всѣ 200 р. впередъ, причемъ предоставила мѣщанкѣ право наказывать дѣвушку за непослушаніе или дурное поведеніе. Жалоба дѣвушки на жестокое обращеніе

съ нею ея хозяйки подала поводъ къ новому разсмотрѣнію вопроса объ отдачѣ помѣщиками крѣпостныхъ людей въ услуженіе лицамъ, не имѣющимъ права на владѣніе ими. Сенатъ нашель, что условіе, подобное только что приведенному, «заключаетъ въ себѣ видъ кабалы, законами воспрещенной, и что подь симъ предлогомъ явно допускается нарушеніе закона», такъ какъ, по истеченіи назначеннаго въ условіи времени, помѣщикъ можетъ, по новому условію, оставить своихъ людей у того же нанимателя; подь формою подобнаго условія можетъ скрываться продажа людей лицамъ, не имѣющимъ права на ихъ владѣніе. Въ виду того, что каждый крестьянинъ и дворовый, получивъ, съ разрѣшенія помѣщика, паспортъ, можетъ самъ наниматься въ услуженіе къ кому захочетъ, было запрещено помѣщикамъ заключеніе условій на отдачу ихъ въ услуженіе разночинцамъ, причемъ, однако, опредѣленіе ихъ на воспитаніе или въ ученіе было попрежнему дозволено.

Переходимъ къ правительственнымъ мѣрамъ относительно *различныхъ способовъ закрѣпощенія людей*. Еще при Екатеринѣ II было отмѣнено старинное правило, по которому свободный человѣкъ, женившійся на крѣпостной, дѣлался самъ крѣпостнымъ («по рабѣ — холопъ»), но, несмотря на нѣкоторыя ограниченія, продолжало и послѣ того существовать другое правило о закрѣпленіи свободной женщины, вышедшей замужъ за крѣпостнаго («по холопу — раба»), отмѣна котораго совершилась лишь въ царствованіе Императора Александра I. Въ 1765 г. воспитанницамъ, выпускаемымъ изъ учрежденнаго въ Петербургѣ при Воскресенскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ мѣщанскаго училища, было предоставлено право не только сохранять свободу при выходѣ замужъ за крѣпостнаго, но даже сообщать свободу своему мужу (такое же право было дано и воспитанницамъ академіи художествъ). Въ 1808 г. именнымъ указомъ было разъяснено, что если въ данномъ крѣпостному дозволеніи на женитьбу не будетъ точно сказано, что ему дозволяется вступленіе въ бракъ именно съ воспитанницею мѣщанскаго училища, то эта женитьба не даетъ мужу никакого права на свободу; онъ долженъ былъ остаться, попрежнему, крѣпостнымъ, вышедшая же за него замужъ воспитанница пользовалась только личною свободою, не сообщая ея ни мужу, ни дѣтямъ. Это постановленіе, слѣдовательно, вовсе не было шагомъ впередъ; но прогрессивное значеніе имѣлъ законъ 1815 г., которымъ, на осно-

ваніи указа 1783 г. о незакрѣпленіи никѣмъ вольныхъ людей, и только что приведеннаго указа 1808 г. о бракахъ воспитанницъ мѣщанскаго училища, было постановлено, что «всѣ вольнаго происхожденія вдовы и дѣвки, вышедшія замужъ за помѣщичьихъ дворовыхъ людей и крестьянъ, по смерти мужей ихъ въ число крѣпостныхъ обрацаемы быть не должны». Вскорѣ послѣ того правительство разъяснило, что въ виду этого закона нѣтъ препятствій для отпущка крестьянскихъ вдовъ и дѣвушекъ казенныхъ селеній въ замужство за помѣщичьихъ людей.

Относительно закрѣпленія незаконнорожденныхъ въ царствованіе Александра I были изданы слѣдующія постановленія. Въ 1815 г. былъ подтвержденъ указъ сената 1783 г. о закрѣпощеніи за владѣльцами только тѣхъ незаконныхъ дѣтей, которыхъ матери были крѣпостныя, а такихъ же дѣтей отъ свободныхъ женщинъ и дѣвушекъ велѣно было причислять къ государственнымъ селеніямъ, заводамъ и промысламъ по разсмотрѣнію казенной палаты и по собственному ихъ желанію. Въ 1806 г. было разъяснено, чтобы незаконнорожденные солдатскія дѣти не иначе отдавались помѣщикамъ на воспитаніе, какъ по опредѣленію судебного мѣста, послѣ точнаго изслѣдованія, что мать и родственники не могутъ ни сами воспитать такихъ незаконнорожденныхъ, ни доставить ихъ въ воспитательный домъ. Отданныя помѣщикамъ, безъ соблюденія этого правила, считались принадлежащими военному вѣдомству; если же это условіе было соблюдено, то такой незаконнорожденный дѣлался крѣпостнымъ. Указомъ 1812 г. незаконнорожденные отъ солдатскихъ женъ, вдовъ, дѣвокъ и дочерей этихъ послѣднихъ признаны принадлежащими военному вѣдомству, а нѣсколько позднѣе постановлено, чтобы во владѣніи помѣщиковъ оставались только тѣ незаконнорожденные солдатскія дѣти, которыя были записаны за ними въ первыя шесть ревизій.

До Екатерины II однимъ изъ способовъ приобрѣтенія крѣпостныхъ было закрѣпощеніе незаконнорожденныхъ подкидышей за ихъ воспитателями. Съ учрежденіемъ воспитательныхъ домовъ, а впослѣдствіи и приказовъ общественнаго призрѣнія, подкидыши стали поступать до совершеннолѣтія въ вѣдомство этихъ учреждений, а затѣмъ дѣлались вольными; укрѣпленія же за воспитателями не допускалось законами Императрицы Екатерины II, причемъ, однако, не былъ точно разъясненъ тотъ случай, если такимъ воспитателемъ явится лицо, имѣющее право владѣть

крѣпостнымъ. Въ 1815 г. всѣхъ незаконнорожденныхъ подкидышей, воспитываемыхъ личными дворянами, священно и церковнослужителями, приказными и другими разночинцами, велѣно было приписывать въ число казенныхъ поселенцевъ, а состоящихъ на воспитаніи у купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ — въ то званіе, къ какому принадлежать сами воспитатели.

Необходимо тутъ же отмѣтить рѣшеніе правительства по вопросу о закрѣпощеніи раскольниковъ филиппова согласія, поселившихся въ Польшѣ на помѣщичьихъ земляхъ и извѣстныхъ подъ именемъ *пилипоновъ*. Польскіе паны смотрѣли на русскихъ выходцевъ какъ на своихъ крѣпостныхъ, облагали ихъ податями, требовали непосильныхъ работъ и не позволяли имъ вступать въ купеческое и мѣщанское званія. Крестьяне жаловались правительству, что ихъ разоряютъ «двойными поборами, побоями и денно - нощнымъ утѣсненіемъ въ работѣ», и просили «пожалѣть объ изнуренномъ челоуѣчествѣ и избавить отъ небывалаго изъ вѣковъ ига». Добиваясь свободы, пилипоны обращались и въ мѣстные суды, и въ сенатъ, и, наконецъ, къ государю, который повелѣлъ разсмотрѣть это дѣло въ общемъ собраніи сената. Здѣсь большинство (15 сенаторовъ) признало пилипоновъ бѣглецами, заслуживающими скорѣе наказанія, нежели награды, и не имѣющими никакого права на полученіе свободы; меньшинство (8 сенаторовъ) полагало, что за тѣми, изъ пилипоновъ, которые заключили условіе съ помѣщиками, должны быть удержаны права и выгоды, выговоренныя въ условіяхъ; тѣ же изъ выходцевъ, которые поселились на помѣщичьихъ земляхъ безъ всякихъ условій, должны быть утверждены за помѣщиками. Наконецъ, сенаторъ Козодавлевъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ предлагалъ первыхъ причислить къ званію свободныхъ хлѣбопашцевъ, вторыхъ же оставить навсегда приписанными къ сельской ими землѣ; но такъ какъ эти послѣдніе пилипоны «поселеніемъ добровольнымъ на земляхъ помѣщичьихъ не могли лишиться права личнаго и не пришли тѣмъ въ состояніе совершеннаго рабства... то и не слѣдуетъ предоставлять владѣльцу надъ таковыми... неограниченнаго права, яко надъ рабами. Владѣлецъ можетъ пользоваться трудами ихъ и употреблять ихъ, яко земледѣльцевъ, пришедшихъ на землю его и поселившихся для земледѣлія. но изъ сего, однакожь, не слѣдуетъ, чтобъ владѣлецъ могъ ихъ употребить на другое, земледѣлію несвойственное дѣло, или же и продать ихъ безъ земли». И потому онъ счи-

такъ необходимымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ составленіе правилъ, на какихъ условіяхъ слѣдуетъ помѣщикамъ владѣть тѣми пилипонами или другими крестьянами, поселившимися на ихъ земляхъ безъ письменныхъ условій *). Государь согласился съ мнѣніемъ восьми сенаторовъ и предписалъ пилипонамъ, поселившимся на помѣщичьихъ и старостинскихъ земляхъ по письменнымъ условіямъ, предоставить право «пользоваться ихъ свободою и тѣми выгодами, какія означены въ ихъ условіяхъ и договорахъ», тѣхъ же, которые поселились на владѣльческихъ земляхъ безъ письменныхъ условій, «оставить навсегда приписанными къ землѣ хлѣбопашцами, наравнѣ съ прочими владѣльческими крестьянами»; такимъ образомъ, предложеніе Козодавлева о составленіи особыхъ правилъ на владѣніе пилипонами, поселившимися безъ всякихъ условій, принято не было и ихъ сравнивали съ крѣпостными.

Относительно *ограниченія повинностей помѣщичьихъ крестьянъ* при Императорѣ Александрѣ приняты были только двѣ мѣры. До свѣдѣнія государя дошло, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянъ посылаютъ на барщину даже по воскресеньямъ, такъ что они не имѣютъ возможности присутствовать при богослуженіи; въ виду этого императоръ, въ 1818 г., повелѣлъ, чтобы о всѣхъ подобныхъ случаяхъ духовныя лица доводили чрезъ начальство до свѣдѣнія комитета министровъ. Но въ томъ же году духовенство было освобождено отъ обязанности представлять эти донесенія, и наблюденіе за исполненіемъ воли государя было поручено губернскому начальству **). Въ царствованіе Императора Александра началъ распространяться между помѣщиками обычай отдавать въ наемъ большое количество своихъ крестьянъ для различныхъ работъ, иногда въ совершенно другой мѣстности; между прочимъ, запродавали такимъ образомъ трудъ крѣпостныхъ и на различныя фабрики, находящіяся въ другихъ губерніяхъ. На это послѣднее обстоятельство обратилъ вниманіе въ 1825 г. комитетъ министровъ и, не находя въ законахъ прямого дозволенія помѣщикамъ отдавать принадлежащихъ имъ людей въ заводскія работы и заключать условія отъ своего лица, пришелъ

*) Къ мнѣнію Козодавлева присоединились три сенатора, между прочимъ, князь Александръ Борисовичъ Курakinъ.

***) По представленію синода, повелѣніе не употреблять крестьянъ на работу по воскреснымъ днямъ было распространено, кромѣ того, на двунадесятые праздники, день Петра и Павла и дни Николая Чудотворца 9 мая и 6 декабря.

къ убѣжденію, что такія условія слѣдуетъ совершенно воспретить, тѣмъ болѣе, что помѣщики имѣютъ право отпускать крестьянъ на заработки по плакатнымъ паспортамъ и, слѣдовательно, заводчики могутъ нанимать ихъ по договорамъ съ самими крестьянами за условленную плату. Государь утвердилъ представленіе комитета министровъ.

Мы уже указывали, какъ много обсуждался въ царствованіе Императора Александра вопросъ о воспрещеніи *продажи людей безъ земли*, однако, изданы были лишь нѣкоторыя постановленія для ограниченія этой продажи. Въ первый же годъ своего царствованія государь запретилъ печатать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* объявленія о продажѣ людей безъ земли, но этого, разумѣется, было крайне недостаточно. Еще при Екатеринѣ II проѣзжавшихъ по Россіи иностранцевъ поражала открытая продажа людей порознь на площадяхъ; въ самый Петербургъ привозили на баркахъ толпы людей для продажи. Правительство Императора Александра обратило вниманіе на открытый торгъ крѣпостными на ярмаркахъ по слѣдующему поводу. Въ палатѣ рязанскаго суда было начато дѣло о проданныхъ на урюпинской ярмаркѣ подпоручикомъ Гололобовымъ по довѣренностямъ Головина и его жены крѣпостныхъ людяхъ безъ земли и съ разлученіемъ нѣкоторыхъ семействъ; палата рѣшила Головинымъ и Гололобову «за такой торгъ людьми, на ярмаркахъ производимый и въ благоустроенномъ государствѣ нетерпимый, сдѣлать въ присутствіи дворянскаго собранія выговоръ». Государь утвердилъ въ 1808 г. рѣшеніе палаты, велѣлъ опубликовать объ этомъ случаѣ повсемѣстно и строго подтвердить на будущее время, чтобы «люди безъ земли лично и поименно на ярмаркахъ и торгахъ отнынѣ впредь не были привозимы и продаваемы и чтобы никакихъ крѣпостей, ни сдѣлокъ, ни вѣрющихъ писемъ на таковыя продажи на ярмаркахъ не совершать и не записывать, подъ опасеніемъ, что люди симъ образомъ лично, поименно и безъ земли на ярмаркахъ и торгахъ купленные» не только не будутъ признаваемы крѣпостными купившихъ ихъ, но, по открытіи такой покупки, будутъ причислены въ казенное вѣдомство, а купившіе ихъ подвергнутся взысканію, назначенному законами за насильное владѣніе людьми. Нужно замѣтить, впрочемъ, что это распоряженіе не достигло своей цѣли, и урюпинская ярмарка до самаго уничтоженія крѣпостнаго права была мѣстомъ сбыта крѣпостныхъ, по одиночкѣ, причемъ приобрѣтателями являлись даже азіатскіе купцы. Въ

1812 г., какъ мы уже упоминали выше, было запрещено на будущее время выдавать довѣренности и совершать по нимъ купчія крѣпости на *продажу* людей по одиночкѣ и безъ земли. Нѣкоторыя губернскія учрежденія поняли это распоряженіе, какъ совершенное запрещеніе продажи людей безъ земли, но сенатъ разъяснилъ, что продажа людей порознь и безъ земли самими владѣльцами и выдача довѣренности на ихъ *покупку* должны остаться на прежнемъ основаніи. Затѣмъ въ 1820 г. вопросъ о воспрещеніи продажи людей безъ земли обсуждался въ государственномъ совѣтѣ, и мы должны подробно остановиться на этомъ эпизодѣ въ исторіи крестьянскаго вопроса въ царствованіе Императора Александра. Поводомъ для новаго возбужденія вопроса о воспрещеніи продажи людей безъ земли было слѣдующее:

Коллежскій ассессоръ Лупандинъ продалъ по одиночкѣ изъ своей вотчины 3 вдовы и 17 дѣвушекъ и еще одну подарилъ. вслѣдствіе чего Милорадовичъ приказалъ взять его имѣніе въ опеку; штабсъ-капитанъ Раздеришинъ, покупая по одиночкѣ дѣвушекъ, составилъ изъ нихъ у себя гаремъ; статская совѣтница Полонская продала своего двороваго съ женою и малолѣтнею дочерью, а старшую дочь оставила у себя. На эти случаи приобрѣтенія и отчужденія людей безъ земли, иногда съ разлученіемъ семей, обратилъ серьезное вниманіе петербургскій военный генералъ - губернаторъ Милорадовичъ и, привнявъ мѣры къ пресѣченію указанныхъ злоупотребленій, сдѣлалъ государю представленіе о запрещеніи продажи людей безъ земли и по одиночкѣ. Въ то же время, управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, довелъ до свѣдѣнія комитета министровъ результатъ слѣдствія по двумъ жалобамъ, поданнымъ государю крестьянами саратовской помѣщицы Кирѣевой, которая, заключивъ съ ними домашнее условіе объ увольненіи ихъ въ свободныя хлѣбопашцы и получивъ часть денегъ (14,800 р.) впередъ, вслѣдствіе невнесенія ими къ сроку остальной суммы, удержала эти деньги и еще, сверхъ того, продала 26 человекъ разнымъ лицамъ обоюга пола по одиночкѣ (которыхъ саратовское губернское правленіе велѣло отобрать отъ покупателей и возвратить ихъ на прежнее мѣсто жительства). Комитетъ министровъ препроводилъ записки Милорадовича и Кочубея въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта, который, въ свою очередь, въ засѣданіи 12 февраля 1820 г. отправилъ ихъ въ комиссію составленія законовъ для разсмотрѣнія вмѣстѣ со всѣмъ производ-

ствомъ по этому дѣлу. Въ томъ же году еще одинъ фактъ обратилъ вниманіе государя на продажу людей безъ земли. Въ Петербургъ въ маѣ мѣсяцѣ на чугунный заводъ Берда было привезено 59 мужчинъ, проданныхъ его владѣльцу псковскимъ помѣщикомъ Креницынымъ. Крестьяне эти подали жалобу государю, который, получивъ ее за границей, приказалъ комитету министровъ сдѣлать «законное положеніе» о помѣщикѣ Креницынѣ. Комитетъ нашелъ, что Креницынъ по нашимъ законамъ имѣлъ право поступить такимъ образомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, постановилъ испросить высочайшее повелѣніе, чтобы государственный совѣтъ какъ можно скорѣе занялся разсмотрѣніемъ существующихъ по этому предмету законовъ. Въ засѣданіи 28 сентября комитету было объявлено желаніе государя, чтобы ему былъ представленъ экстрактъ изъ всѣхъ относящихся сюда законовъ, «ибо его величество изволилъ полагать, что продажа людей безъ земли рѣшительно давно уже запрещена» (вѣроятно, государь считалъ запрещеніе торговли людьми на ярмаркахъ, изданное въ 1808 г., за запрещеніе всякой продажи ихъ безъ земли). Комитетъ министровъ постановилъ, чтобы комиссія составленія законовъ и министръ юстиціи внесли въ комитетъ выписки изъ всѣхъ законовъ по этому предмету. Такимъ образомъ, вопросъ о продажѣ людей безъ земли былъ вновь поставленъ въ правительственныхъ сферахъ: и государственный совѣтъ, и комитетъ министровъ потребовали, чтобы имъ занялась комиссія составленія законовъ. Александръ Ив. Тургеневъ, исполнявшій обязанности статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта и, въ то же время, служившій въ комиссіи законовъ, просилъ своего брата, извѣстнаго автора *Теоріи налоговъ*, принять участіе въ составленіи проекта новаго закона, который и былъ представленъ отъ имени комиссіи въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта.

Въ мотивахъ этого проекта, прежде всего, высказывается мнѣніе, что по нашимъ законамъ никогда не дозволялось продавать крестьянъ, приписанныхъ къ вотчинамъ, по одиночкѣ и безъ земли, и что это вошло въ обычай отъ неправильнаго пониманія или превратнаго толкованія закона, которымъ позволялось продавать такимъ образомъ дворовыхъ людей («старинныхъ полныхъ или докладныхъ холопей»). Отъ этого вкоренившася обычай происходитъ великое зло. «Не упоминая уже о томъ, сколь таковая продажа людей лично, по одиночкѣ, съ разлученіемъ отцовъ

отъ дѣтей, на подобіе безсловесныхъ животныхъ, не соотвѣтственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самого чело-вѣчества, она имѣетъ еще и многія другія неудобства, весьма вредныя для пользы государства и для благосостоянія нѣсколькихъ милліоновъ подданныхъ». Не даромъ ее «старался отвращать» еще Петръ I извѣстнымъ указомъ 1721 г. статсъ-секретарю Макарову. На основаніи этихъ соображеній, коммиссія предлагаетъ: дозволить продажу, закладъ и укрѣпленіе крестьянъ не иначе, какъ цѣлыми селеніями, со всѣмъ крестьянскимъ имуществомъ: сдѣлать общую перепись дворовыхъ и запретить впредь брать крестьянъ во дворъ: наоборотъ, не запрещать дѣлать дворовыхъ крестьянами выдачею дворовой дѣвушки замужъ за крестьянина или надѣленіемъ двороваго участка земли. Впредь дворовыхъ слѣдуетъ приписывать только къ деревнямъ, а не къ городскимъ домамъ, и подати должны платить за нихъ не крестьяне, а сами помѣщики. Предлагая постановить, чтобы дворовые могли переходить въ другія руки не иначе, какъ вмѣстѣ съ селеніемъ, къ которому они приписаны, коммиссія сдѣлала, однако, уступку существовавшимъ въ то время обычаямъ и предлагала дозволить продавцу при совершеніи крѣпости выключать изъ продажи всѣхъ или нѣсколькихъ дворовыхъ, а также отдавать ихъ въ наслѣдство и приданое отдѣльно отъ селенія, къ которому они приписаны, съ условіемъ, чтобы не разлучались жены отъ мужей и дѣти отъ родителей: мальчики до совершеннолѣтія, а дѣвушки до замужства. Дворовыхъ людей, принадлежащихъ дворянамъ, не имѣющимъ собственныхъ деревень, на первый разъ нужно попрежнему приписывать къ городскимъ домамъ, но ихъ нельзя будетъ продавать и они могутъ переходить отъ одного владѣльца къ другому не иначе, какъ по законному наслѣдству или по раздѣлу, или отдачею въ приданое за дочерью, но отнюдь не по завѣщаніямъ въ пользу постороннихъ лицъ или другимъ сдѣлкамъ. Имѣя въ виду, что положеніе крѣпостныхъ всего тяжелѣе у мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, коммиссія предложила, чтобы имѣніе въ нѣсколько сотъ душъ крестьянъ не могло быть отчуждаемо частями менѣе ста душъ. тѣ же, въ которыхъ общее число крестьянъ ниже этого количества, не иначе, какъ въ полномъ составѣ. Переселеніе крестьянъ правительство должно разрѣшать лишь по представленію удостовѣренія, что въ новомъ помѣстьѣ владѣлецъ устроилъ крестьянскіе дома и другія хозяйственныя заведенія, необходимыя для крестьянъ, и что они будутъ пользоваться

тамъ не меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ на прежнемъ мѣстѣ жительства. Крѣпостныхъ, относительно которыхъ будутъ нарушены установленныя правила, коммиссія предлагала объявлять свободными. Въ заключеніе было замѣчено, что только изданіемъ такого закона можетъ быть исполнено намѣреніе Имп. Петра I: если законодательство XIX в. не можетъ идти далѣе законодательства XVIII столѣтія, то оно, «по крайней мѣрѣ, не должно отставать отъ него».

Департаментъ законовъ государственнаго совѣта состоялъ въ то время изъ предѣдателя В. С. Ланскаго, черезъ три года послѣ того назначенаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, Ив. Б. Пестеля и, наконецъ, знакомаго уже намъ своими крѣпостническими взглядами и, въ то же время, гуманнѣйшаго помѣщика, адмирала Шишкова. «По прочтеніи онаго,—замѣчаетъ послѣдній въ своихъ запискахъ,—всякъ изъ насъ почувствовалъ, до какой степени простиралась охота и свобода законодательствовать. Каждый мальчикъ выдавалъ себя за Лигурга и Солона». Любопытно, что либеральныя мнѣнія были въ это время настолько распространены въ обществѣ, что даже человѣкъ, столь горячо стоявшій за свои убѣжденія, какъ Шишковъ, считалъ не совсѣмъ безопаснымъ бороться съ ними. «Хотя въ семъ проектѣ,—говоритъ онъ,—и явно было соединеніе неосновательности съ дерзкою безразсудностью новомыслія, но вооружаться противъ сего, по причинѣ весьма распространившагося, даже между женщинами, въ томъ предубѣжденія, требовало не малой осторожности». Онъ, все-таки, вызвался написать мнѣніе о представленномъ проектѣ; но, зная, что прекращенія продажи людей безъ земли желаетъ самъ государь, Шишковъ, чтобы оградить себя въ томъ случаѣ, если его записка не будетъ принята товарищами, предполагалъ предоставить на усмотрѣніе государя, подавать ли ему свое мнѣніе, и уже заготовилъ съ этою цѣлію письмо къ императору, но оно оказалось ненужнымъ, такъ какъ департаментъ законовъ одобрилъ замѣчанія Шишкова и подалъ ихъ въ общее собраніе государственнаго совѣта отъ своего имени.

Шишковъ, прежде всего, полемизируетъ съ Петромъ I по поводу выраженія въ его указѣ 1721 г., что въ «Россіи продаютъ людей, какъ скотовъ»; «сего выраженія,—замѣчаетъ онъ,—никимъ образомъ въ настоящемъ смыслѣ принять не можно; ибо въ Россіи продаются люди, какъ люди, а не какъ скоты»; затѣмъ онъ доказываетъ, что нашими законами только ограничи-

вается въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но вовсе не запрещается продажа людей безъ земли; особенно же возмутило его замѣчаніе комиссіи законовъ, что продажа людей по одиночѣ съ разлученіемъ родителей съ дѣтьми «на подобіе безсловесныхъ животныхъ несоотвѣтственна духу нынѣшняго времени и унизительна для самого человѣчества». Онъ спрашиваетъ: «почему продажа нѣсколькихъ человѣкъ вмѣстѣ предпочитается продажѣ одного человѣка и по какимъ причинамъ первая свойственна *духу нынѣшняго времени*, а вторая несвойственна и равняется продажѣ *безсловесныхъ животныхъ*?» Шишковъ указываетъ на то, что иногда для самихъ крестьянъ будетъ полезно, если малоземельный помѣщикъ продастъ ихъ такому, которому не хватаетъ рукъ для обработки земли; подобно Карамзину, онъ полагаетъ, что продажа людей безъ земли полезна и для отбыванія рекрутской повинности, такъ какъ даетъ возможность замѣнить отца семейства купленнымъ одинокимъ человѣкомъ. «Выраженіе, что продажа безъ земли и порознь *несоотвѣтственна духу нынѣшняго времени*, — продолжаетъ онъ, — есть неопредѣленное и съ силою законовъ несовмѣстное. Подъ словомъ *духъ времени* часто разумѣется общее стремленіе къ своевольству и неповиновенію. Департаментъ подобныхъ выраженій къ сужденіямъ своимъ принимать не можетъ, ибо мнитъ, что гдѣ правительство твердо и законы святы, тамъ они управляютъ духомъ времени, а не духъ времени ими. Что такая продажа унизительна для самого человѣчества, есть также не основанное на истинѣ вещей заключеніе. Утверждать, что человѣкъ, приписанный къ землѣ, составляетъ вмѣстѣ съ нею собственность владѣльца и тогда продается, какъ разумное существо, и отдѣльно отъ ней, какъ вещь или безсловесное животное, — есть несроднымъ образомъ человѣка смѣшивать и соединять съ землею или животными... Напротивъ, уничижительно для человѣка, когда благосостояніе и честь его не въ немъ одномъ ограничиваются, а соединенно съ кускомъ земли или чего иного, — когда полагается, что онъ безъ земли уже не человѣкъ и долженъ непремѣнно, какъ бы дерево, посаженъ быть въ оную, дабы пребывать на ней неподвижно». Не ограничиваясь этими курьезными возраженіями, Шишковъ указываетъ и на возможность обхода закона посредствомъ продажи людей съ небольшими клочками земли (забывая, однако, что проектъ допускаетъ продажу только цѣлыми селеніями) или обратной покупки той земли, съ какою проданы были крѣпост-

ные. Въ разлученіи семей при продажѣ Шишкова также не видѣть ничего ужаснаго, такъ какъ разлука родственниковъ составляетъ необходимое въ жизни зло: дочь выходитъ замужъ, сынъ женится или по другимъ причинамъ оставляетъ отца. При рекрутскихъ наборахъ также разлучаются семьи. «Человѣчество, конечно, страдаетъ, но развѣ бы оно меньше страдало, когда бы по неизбѣжно войскъ пришли непріатели и предали всѣхъ огню и мечу?» Шишкова при этомъ не останавливаетъ соображеніе, что защита отечества съ оружіемъ въ рукахъ—печальная необходимость при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи, а разлученіе семей при продажѣ можно прекратить силою закона.

Это мнѣніе Шишкова было внесено отъ имени департамента въ общее собраніе государственнаго совѣта, гдѣ и прочитано 20 октября. По его собственному свидѣтельству, оно произвело на большинство членовъ неблагопріятное впечатлѣніе. Нѣкоторые молчали; другіе «съ насмѣшкою улыбались; третьи сидѣли надумавшись; иные при самыхъ сильнѣйшихъ доказательствахъ моихъ говорили сосѣдямъ своимъ, кто по-русски: это пустое краснорѣчіе! кто по-французски: *Ce sont des phrases!* Но многіе, однакожъ (по несчастью меньше значащіе), съ чувствомъ живѣйшаго одобренія и благодарности подходили ко мнѣ и жали мнѣ руку или шептали мнѣ на ухо похвалу». Н. И. Тургеневъ также свидѣтельствуешь, что большинство государственнаго совѣта, казалось, было расположено принять проектъ. Рѣшеніе было отложено до слѣдующаго засѣданія, которое состоялось лишь 29 ноября.

Въ этомъ засѣданіи было прочитано, прежде всего, мнѣніе гр. Литты, высказавшагося противъ проекта закона; онъ замѣтилъ, что нужно ограничиться рѣшеніемъ относительно тѣхъ частныхъ злоупотребленій, которыя указаны въ запискахъ Милорадовича и Кочубея; что же касается желанія нѣкоторыхъ господъ составлять новые законы, то, если послѣдуетъ на это высочайшее соизволеніе, слѣдуетъ предоставить каждому сколько ему угодно времени для составленія ихъ съ объясненіями и доказательствами преимущества новыхъ постановленій. Государственный контролеръ Кампенгаузенъ не согласился съ мнѣніемъ департамента законовъ, что между продажей людей съ землею и безъ земли нѣтъ никакого различія. «Право продажи или уступки людей безъ земли,—говорилъ онъ,—есть рабственное состояніе, и если владыка не можетъ поступать съ... своими людьми по произволу,

то это доказываетъ только, что рабственное состояніе ихъ имѣть ограниченія. Напротивъ того, право продажи и уступки людей съ землею не иное что есть, какъ право продажи и уступки собственно земли, и относительно людей доказываетъ только крѣпостное ихъ состояніе по землѣ (*glebae adscriptio*). По его мнѣнію, полезно уничтожить продажу и уступку людей безъ земли, если только это можно сдѣлать безъ большого потрясенія; но, въ то же время, онъ признавалъ, что проектъ, составленный комиссіею, требуетъ измѣненій и пополненій и что, не рассмотрѣвъ его со всѣхъ сторонъ, нельзя обнародовать его, такъ какъ крестьяне сочтутъ его полнымъ освобожденіемъ и будутъ обвинять начальство въ томъ, что оно скрываетъ настоящій законъ; въ видѣ же временной мѣры онъ предложилъ, чтобы съ соизволенія государя министръ юстиціи предписалъ всѣмъ гражданскимъ палатамъ пріостановиться совершеніемъ купчихъ на продажу и уступку людей безъ земли. Министръ юстиціи, князь Лобановъ-Ростовскій, замѣтилъ, что дозволеніе продавать и покупать людей безъ земли и по одиночкѣ заключается въ указѣ 1688 г., которымъ было дано право поступаться, вмѣсто бѣглыхъ, помѣстными и вотчинными крестьянами по сдѣлочнымъ записямъ и всякимъ крѣпостямъ. Но хотя дворянство можетъ на основаніи закона продавать людей по одиночкѣ и безъ земли, все-таки, было бы желательно запретить при этомъ, по крайней мѣрѣ, разлученіе семей, подъ страхомъ отобранія крѣпостныхъ въ казну. Тутъ же упомянемъ, кстати, и о мнѣніи по этому предмету адмирала Мордвинова, написанномъ черезъ нѣсколько дней послѣ за сѣданія и поданномъ при подписаніи журнала въ слѣдующемъ общемъ собраніи государственнаго совѣта (8 декабря), сущность котораго онъ, вѣроятно, высказывалъ на словахъ и въ за сѣданіи 29 ноября, отличавшемся вообще весьма оживленнымъ и даже бурнымъ характеромъ. Здѣсь Мордвиновъ проводилъ мысль, что, при недостаточномъ населеніи Россіи, при ея обширности, разнообразіи почвы и климата, при маломъ развитіи просвѣщенія и недостаткѣ капиталовъ, «зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ должна быть для общаго благосостоянія въ высшей мѣрѣ, нежели существуетъ она въ Англіи, Швейцаріи и Италіи», но, въ то же время, она не должна быть неограниченною. Вообще, сочувствуя мнѣнію Шишкова по вопросу о продажѣ крестьянъ безъ земли, онъ желалъ, однако, чтобы изданные до тѣхъ поръ законы для огражденія крѣпостныхъ отъ злоупотребленія помѣ-

щичью властью были собраны и вновь рассмотрѣны; въ случаѣ недостаточности и неопредѣленности, ихъ нужно «пополнить и усовершенить», въ противномъ же случаѣ подтвердить генералъ-губернаторамъ и дворянскимъ предводителямъ, чтобы ихъ строго исполняли, а чтобы мѣстныя власти не притѣсняли помѣщиковъ, слѣдуетъ точно обозначить случаи, когда на основаніи закона ихъ имѣнія отдаются въ опеку или конфискуются. Такимъ образомъ, Мордвиновъ допускалъ на этотъ разъ даже дополненіе законовъ, ограничивающихъ крѣпостное право, но трудно представить себѣ, на какія ограниченія его онъ могъ бы согласиться, если, при всемъ своемъ либерализмѣ на англійскій образецъ, онъ не находилъ даже возможнымъ запретить продажу людей по одиночкѣ. Онъ могъ, впрочемъ, утѣшиться тѣмъ, какъ это видно изъ его отвѣта по поводу возраженій на его же мнѣніе о продажѣ крестьянъ безъ земли, что, хотя въ Англии мужъ можетъ продать свою жену въ торговый день на рынкѣ съ веревкою на шеѣ и можетъ наказывать ее, только не ломая реберъ, но она, все-таки, не составляетъ *собственности* мужа, а только *зависима* отъ него, какъ и наши крестьяне зависимы отъ помѣщика, подвластны ему, но онъ не имѣетъ надъ ними права собственности, какъ надъ вещью.

Въ томъ же засѣданіи 29 ноября министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Бочубей, подошелъ къ Н. И. Тургеневу и сказалъ: «Представьте себѣ: императоръ увѣренъ, что уже двадцать лѣтъ въ его государствѣ не существуетъ розничной продажи людей». Между тѣмъ, замѣчаетъ Тургеневъ, «въ то самое время, когда шли вышензложенныя пренія въ государственномъ совѣтѣ, одна старуха была продана такимъ образомъ за 2 р. 50 к.» Каподистрія, услышавъ объ этой продажѣ, задрожалъ отъ ужаса, сказалъ, что императоръ не вѣдаетъ о такихъ чудовищныхъ вещахъ и обѣщаль сообщить ему объ этомъ.

Возраженія департамента законовъ на проектъ комиссіи, прочитанныя въ засѣданіи 20 октября, не остались безъ отвѣта въ слѣдующемъ засѣданіи (29 ноября), гдѣ было выслушано отношеніе предсѣдателя государственнаго совѣта, главноуправляющаго комиссіею законовъ, съ объясненіями совѣта, этой комиссіи. На указанія Шишкова *) ему, между прочимъ, отвѣчали, что пред-

*) При томъ спокойствіи, въ которомъ прибываетъ Россія, говоритъ онъ, «на что перемены въ законахъ, перемены въ обычаяхъ, перемены въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемены?... Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи, подъ видомъ свободы ума, разливаемая ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболее господствуютъ».

ложенныя измѣненія настоятельно вызываются неясностью и неопредѣленностью существующаго законодательства, что эти измѣненія не имѣли и не могли имѣть никакой связи съ политическими революціями того времени въ Западной Европѣ и что мысль о нихъ не могла быть заимствована изъ тѣхъ странъ, волненія въ которыхъ привлекали тогда общественное вниманіе, т.-е. изъ Испаніи и Неаполя, такъ какъ ни та, ни другая страна не отличались развитіемъ своихъ школъ и особеннымъ просвѣщеніемъ.

Возраженія комиссіи департаменту законовъ были очень благоприятно встрѣчены въ общемъ собраніи государственнаго совѣта. Тогда раздраженный Шишковъ потребовалъ объясненія, отъ чьего имени представляется такой неприличный отвѣтъ департаменту законовъ, на что предсѣдатель государственнаго совѣта, кн. Лопухинъ, отвѣчалъ, что онъ написалъ и внесенъ имъ самимъ. Шишковъ отлично понималъ, что Лопухинъ только прикрылъ своимъ именемъ произведеніе авторовъ проекта. «Удивись, по его словамъ, такому въ семидесятилѣтнемъ старикѣ изъ угожденія оказываемому покровительству столь вреднаго и безразсуднаго новомыслія», Шишковъ отвѣчалъ: «ежели такъ, то желалъ бы я имѣть сію бумагу, дабы, какъ на частное мнѣніе члена, изъяснить мое частное же мнѣніе, и готовъ просить о томъ, чтобы возраженія наши другъ противъ друга были напечатаны и отданы на судъ цѣлаго свѣта». Поднялись горячія пренія, среди которыхъ одни не слушали, что говорятъ другіе. Наконецъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, второе лицо послѣ предсѣдателя, высказалъ, что нынѣшнее правительство съ самаго начала всегда поддерживало «либеральныя идеи, принятыя по всей Европѣ, что прежній образъ мыслей во многомъ измѣнился, что въ XIX вѣкѣ нельзя держаться правилъ стараго времени» и пр., а заключилъ свою рѣчь тѣмъ, что считаетъ необходимымъ рассмотреть еще разъ проектъ въ министерствѣ и что тогда представить свое мнѣніе по этому предмету. Рѣшено было отложить обсужденіе этого дѣла до полученія отзывовъ отъ членовъ совѣта. По свидѣтельству Шишкова, когда Кочубей спросили, скоро ли онъ представить свое мнѣніе, онъ отвѣчалъ: «Я не могу опредѣлить времени; можетъ быть, черезъ два, три, пять и болѣе мѣсяцевъ, а, можетъ быть, и болѣе». Обстоятельство это тѣмъ прискорбнѣе, что, по словамъ Тургенева, большинство общаго собранія совѣта было за принятіе проекта комиссіи законовъ, или, если до-

пустить, что онъ нѣсколько увлекается въ столь дорогое для него дѣло, было, по крайней мѣрѣ, склонно принять тѣ или другія мѣры для прекращенія торговли людьми безъ земли. Сообщая о поступкѣ Кочубея, Тургеневъ замѣчаетъ: «Между тѣмъ, это былъ человекъ просвѣщенный, который, повидимому, не былъ способенъ, какимъ бы то ни было образомъ, благопріятствовать рабству». Дѣйствительно, мы видѣли, что еще въ самомъ началѣ царствованія Имп. Александра, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову кн. Кочубей высказывалъ мнѣніе о необходимости принять мѣры для ограниченія крѣпостнаго права. Въ письмѣ къ Сперанскому, написанному въ апрѣлѣ 1819 г., сообщая о различныхъ слухахъ относительно намѣренія государя осуществлять крестьянскую реформу постепенно въ различныхъ губерніяхъ (см. выше), Кочубей выражается еще рѣшительнѣе: «Но существуетъ ли предположеніе сіе или нѣтъ, я тѣхъ мыслей, что несравненно бы лучше произвести, съ надлежащими осторожностями, общую въ государствѣ перемѣну въ разсужденіи крестьянъ, нежели возбуждать ежеминутно новые толки и новыя неудовольствія». Эти слова отчасти подтверждаютъ попытку Тургенева объяснить поведеніе Кочубея въ государственномъ совѣтѣ: «Быть можетъ,—говоритъ онъ,—продолжительный опытъ заставилъ его съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относиться ко всѣмъ этимъ пробамъ реформы, ко всѣмъ этимъ усиліямъ, столь же безсильнымъ и бесплоднымъ, какъ и недостаточно серьезнымъ для излеченія гигантскаго зла». Но это, все-таки, не оправдываетъ роли гр. Кочубея въ данномъ случаѣ, который самъ, своею запискою въ комитетъ министровъ, отчасти содѣйствовалъ возбужденію вопроса о запрещеніи продажи людей порознь и безъ земли: можно было находить недостаточнымъ отдѣльныя мѣры для ограниченія крѣпостнаго права, но если чувствуешь невозможность провести общую реформу, то нельзя было не поддержать всею силою своего вліянія частную мѣру, цѣлю которой было уничтоженіе одного изъ самыхъ вопіющихъ проявленій крѣпостнаго права.

Такимъ образомъ, и на этотъ разъ вопросъ о запрещеніи продажи людей безъ земли рѣшенъ не былъ. Что, однако же, и послѣ того государь не считалъ этого дѣла поконченнымъ, видно изъ повелѣнія, даннаго имъ въ 1822 г. о приостановкѣ публикацій въ сенатскихъ объявленіяхъ относительно продажи людей безъ земли. Однако же, въ царствованіе Александра I вопросъ этотъ не былъ рѣшенъ государственнымъ совѣтомъ, а при Императорѣ

Николаѣ, въ 1829 г., дано было высочайшее повелѣніе о составленіи особаго комитета для подготовленія закона по этому предмету, но и тогда продажа людей безъ земли запрещена не была.

Не рѣшаясь совершенно запретить безземельную продажу крѣпостныхъ, Императоръ Александръ старался, по крайней мѣрѣ, по примѣру Екатерины II, преслѣдовать торговлю рекрутами, еще въ XVIII вѣкѣ, несмотря на запрещеніе ея закономъ, принявшаю обширные размѣры (Радищевъ въ своей извѣстной книгѣ и А. Р. Воронцовъ въ государственномъ совѣтѣ, въ 1802 г., указывали на различные способы обхода этого запрещенія). Въ 1804 г. «для совершеннаго пресѣченія продажи людей въ рекруты, давно уже запрещенной, но подъ разными предлогами доселѣ еще существующей», именнымъ указомъ было предписано: 1) людей, вновь вступающихъ въ мѣщанское званіе или приписывающихся къ казеннымъ селеніямъ, ни ихъ самихъ, ни дѣтей ихъ, прижитыхъ до приписки, не отдавать и не принимать въ рекруты до общей ревизіи; дѣти же, рожденныя послѣ приписки, могутъ быть отдаваемы въ рекруты, но не иначе, какъ по дошедшей до ихъ семействъ очереди; 2) крѣпостныхъ людей, продаваемыхъ безъ земли, отъ одного помѣщика къ другому принимать въ рекруты не ранѣе, какъ черезъ три года послѣ совершенія крѣпости на ихъ продажу; 3) прекратить и перепродажу рекрутскихъ квитанцій между помѣщиками, предоставляя имъ право отдавать излишнія въ казну, за плату 360 р. Ради обхода этого закона, придумали новую уловку: помѣщики стали покупать крѣпостныхъ людей съ нѣкоторымъ количествомъ земли и затѣмъ немедленно сдавали ихъ въ рекруты за свои имѣнія; государь повелѣлъ и на такія фиктивныя покупки съ землею распространить правило о несдачѣ людей въ рекруты ранѣе трехъ лѣтъ послѣ ихъ приобрѣтенія. Но, несмотря на это, запрещенная торговля рекрутами во время наборовъ, все-таки, продолжалась.

Во вторую половину XVIII столѣтія помѣщики получили очень широкія права относительно наказанія своихъ крѣпостныхъ: въ концѣ царствованія Императрицы Елизаветы имъ было дозволено отправлять крѣпостныхъ на поселеніе, причемъ мужчины зачитались имъ даже за рекруты, а Екатерина II въ 1762 г. разрѣшила отдавать крѣпостныхъ и въ каторжную работу. Послѣдняя прерогатива помѣщиковъ была отмѣнена въ царствованіе Императора Александра I въ 1809 г. Поводомъ для этого послужило

то, что въ 1807 г., на основаніи указа 1765 г., былъ присланъ въ адмиралтействъ-коллегію крестьянинъ помѣщицы Козляиновой, съ просьбою продержатъ его 20 лѣтъ на каторжной работѣ «для воздержанія отъ продерзостныхъ его поступковъ». На запросъ коллегіи, сохраняетъ ли свою силу законъ 1765 г., первый департаментъ сената отвѣчалъ утвердительно и предписалъ ей исполнить требованіе помѣщицы, но государь нашель, что съ изданіемъ учрежденія о губерніяхъ и другихъ послѣдующихъ законовъ, указъ 1765 г. не долженъ уже имѣть дѣйствія, такъ какъ, для исправленія людей дурнаго поведенія, устроены смиренительные и рабочіе дома, а каторжная работа опредѣлена только для важныхъ преступниковъ; за меньшія же преступленія назначена ссылка на поселеніе и другія наказанія по приговору судебныхъ мѣстъ. Поэтому государь въ 1809 г. повелѣлъ отиѣнить постановленіе сената относительно крестьянина помѣщицы Козляиновой и впредь въ подобныхъ случаяхъ поступать на основаніи послѣднихъ узаконеній. Ссылку крѣпостныхъ на поселеніе, по желанію помѣщиковъ, государь также приказалъ въ 1802 г. остановить «впредь до повелѣнія». Такого повелѣнія, однако, не послѣдовало. Въ 1811 г. тверская помѣщица Воробьева за недоказанный побѣгъ своихъ крестьянъ просила сослать ихъ на поселеніе, и тверская уголовная палата готова была исполнить ея желаніе, но этого не допустилъ генераль-губернаторъ, принцъ Георгій Гольштейнъ-Ольденбургскій, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, вошелъ къ правительству съ просьбой о разрѣшеніи, «слѣдуетъ ли помѣщичьихъ крестьянъ сослать на поселеніе, когда они, за преступленія меньшія, нежели смертоубійство и т. п., назначаются туда по желанію ихъ владѣльцевъ и по приговору суда, и однихъ ли ихъ отсылать или съ ихъ семействами и безъ различія ли лѣтъ». Въ данномъ по этому случаю именномъ повелѣніи было разъяснено, что крѣпостные, на основаніи указовъ 1765 и 1799 гг., принимались, по желанію помѣщиковъ, на поселеніе въ Сибирь, съ зачетомъ за рекрутъ, не какъ преступники, а «для населенія полуденнаго Сибирскаго края изъ людей, никакого преступленія не учинившихъ», причемъ эти люди и называются «государственными поселянами»; но такая отправка въ 1802 г. была остановлена. Что же касается ссылки крѣпостныхъ на поселеніе, то она производится не по просьбѣ или желанію помѣщика, а по закону, причемъ преступникъ ссылается одинъ и безъ различія лѣтъ, тогда какъ по желанію помѣщика они от-

правлялись на его счетъ, съ женами, и не старѣе 45 лѣтъ. Но для ссылки на поселеніе по приговору судебныхъ мѣстъ крѣпостной долженъ совершить не какой-нибудь маловажный проступокъ (вродѣ сомнительнаго побѣга крестьянъ Воробьевой), а одно изъ слѣдующихъ преступленій: кражу выше ста рублей, неоднократное воровство, пристанодержательство и т. п.; за маловажныя же преступленія крестьяне подвергаются полицейскому наказанію, опредѣленному закономъ, съ возвратомъ на прежнее мѣстожителство или содержаніе въ смиренительныхъ и рабочихъ домахъ. Однако, то, что было постановлено въ первую половину царствованія Императора Александра I относительно ссылки крѣпостныхъ на поселеніе, впоследствии подверглось измѣненію. Поводомъ къ этому послужило то, что новгородскіе помѣщики, Протасовы не пожелали принять къ себѣ обратно своихъ дворовыхъ, судившихся за намѣреніе отравить госпожу, но, по недоказанности преступленія, оправданныхъ и возвращенныхъ на прежнее жителство. Тогда, по просьбѣ помѣщиковъ, уѣздный судъ приговорилъ сослать этихъ людей на поселеніе въ Сибирь, зачтя ихъ въ рекруты; губернское правленіе нашло это постановленіе несогласнымъ съ приведеннымъ выше указомъ 1811 г., представивъ помѣщикамъ право отдать своихъ людей въ военную службу; одинъ изъ нихъ и былъ отданъ въ рекруты, другой же, по лѣтамъ, оказался негоднымъ. Тогда помѣщикъ просилъ принять этого человѣка въ казенное вѣдомство безъ зачета. Въ первомъ департаментѣ сената произошло по этому дѣлу разногласіе, общее же собраніе департаментовъ высказалось за допущеніе ссылки людей, «коихъ помѣщики за пьянство и другіе продержостыя проступки, причиняющіе имъ безпокойства, имѣть при себѣ не пожелаютъ», и которые окажутся неспособными къ военной службѣ. Государственный совѣтъ предложилъ ссылать такихъ крѣпостныхъ по желанію помѣщиковъ на поселеніе безъ зачета въ рекруты, что и было утверждено государемъ въ 1822 г. Въ слѣдующемъ году сенатъ разъяснилъ, чтобы губернскія правленія исполняли просьбы помѣщиковъ «о ссылкѣ крѣпостныхъ ихъ людей за дурныя поступки въ Сибирь на поселеніе», не производя по этимъ дѣламъ никакихъ изслѣдованій въ судебныхъ мѣстахъ. Въ 1824 г. было еще пояснено, чтобы крѣпостныхъ людей принимали для ссылки въ Сибирь на поселеніе и безъ ограниченія лѣтъ. Нужно замѣтить, что въ указѣ 1822 г. шла рѣчь объ отправкѣ на поселеніе по желанію помѣщика, безъ зачета въ ре-

трупы только людей, негодныхъ къ службѣ, а указы 1823—24 годовъ были даны лишь въ разъясненіе указа 1822 г., тѣмъ не менѣе, различныя учрежденія толковали ихъ не одинаково: одни принимали отъ помѣщиковъ для отсылки на поселеніе только негодныхъ къ военной службѣ, другія же придавали болѣе общій смыслъ этимъ законамъ. По этимъ причинамъ въ комиссіи составленія законовъ въ 1824 г. былъ изготовленъ новый проектъ правилъ относительно ссылки крѣпостныхъ на поселеніе въ Сибирь, по усмотрѣнію помѣщика, который разсматривался и въ государственномъ совѣтѣ, но въ царствованіе Императора Александра осуществленъ не былъ. Кромѣ права отдавать своихъ крѣпостныхъ въ каторжную работу исылать ихъ на поселеніе, помѣщики получили въ XVIII вѣкѣ возможность на всякое время отдавать ихъ въ военную службу съ зачетомъ за рекрутъ во время рекрутскихъ наборовъ. Право это они сохраняли и во все время царствованія Александра I *).

Въ 1803 г. государь узналъ, что крѣпостные люди, за казенныя и частныя взыскапія съ нихъ помѣщиковъ, отдаются судебными мѣстами въ работу, и получаемыя за то деньги обращаются на удовлетвореніе долговъ помѣщиковъ. Найдя такія мѣры «крайне несправедливыми», государь повелѣлъ сенатѣ едѣлать распоряженіе, чтобы никто не подвергался наказанію за чужую вину.

Въ началѣ царствованія Александра I крѣпостные крестьяне получили право *выкупаться на свободу* съ землею съ согласія помѣщика на основаніи правилъ о такъ называемыхъ свободныхъ хлѣбовашцахъ **); затѣмъ, въ концѣ царствованія крѣпостные крестьяне въ Грузіи получили еще право выкупаться на свободу въ случаѣ продажи имѣнія съ публичнаго торга. Дѣло это было возбуждено главноуправляющимъ Грузіею, извѣстнымъ Ермоловымъ, который препроводилъ къ министру юстиціи рапортъ мѣстнаго прокурора о томъ, что верховное грузинское правительство, въ случаѣ несостоятельности должниковъ, хотя и вызываетъ желаю-

*) Относительно крѣпостныхъ, негодныхъ къ военной службѣ, государь въ 1802 г. повелѣлъ, чтобы такихъ людей, кромѣ престарѣлыхъ и увѣчныхъ, принимая, отсылали партіями въ крѣпостныя работы, а пока не составятся партіи, употребляли ихъ на работу въ городѣ; въ 1808 г. было предписано принимать безъ зачета за рекрутъ такихъ, которые по лѣтамъ къ службѣ годны, но неспособны къ ней по малости роста, неизмѣнныя пальцевъ или переднихъ зубовъ и употреблять ихъ въ денщики, погонщики и проч.

**) См. о нихъ подробно въ нашей статьѣ «Крестьянскій вопросъ въ царствованіе Императора Александра I» въ «Русской Мысли» 1883 г., № 11.

щихъ на покупку ихъ крестьянъ, но когда послѣ троекратной и болѣе публикаціи никто не является къ торгамъ, принуждено бываетъ отдавать ихъ заимодавцамъ, по предварительной оцѣнкѣ, которая обыкновенно ниже настоящей цѣны. Прокуроръ предлагалъ, чтобы по троекратномъ вызовѣ желающихъ на покупку крестьянъ, продаваемыхъ съ публичнаго торга, по долговымъ и другимъ претензіямъ частныхъ лицъ, вызывать и самихъ крестьянъ и предлагать имъ внести за себя послѣднюю состоявшуюся по переторжкѣ цѣну или, если торговъ не было, внести полную сумму по оцѣнкѣ и затѣмъ принимать ихъ съ имуществомъ въ казенное вѣдомство. На основаніи мнѣнія государственнаго совѣта, это разрѣшено было государемъ для одной только Грузіи, съ тѣмъ, чтобы выкупившіеся крестьяне пріобрѣтали личную свободу и право собственности на землю и вступали въ сословіе свободныхъ хлѣбопашцевъ.

При Екатеринѣ II было запрещено закрѣпощать вольныхъ людей даже по ихъ собственному желанію. Въ царствованіе Императора Александра было установлено правило, что лица, хотя бы непродолжительное время пользовавшіяся свободой, не должны снова дѣлаться крѣпостными. Въ 1810 г. запрещено возвращать въ помѣщичьи владѣнія даже тѣхъ, которые запишутся въ свободное состояніе по какому-нибудь подлогу, а велѣно, въ удовлетвореніе помѣщика, выдавать сумму, назначенную за рекрута. Въ 1818 г. подтверждено, что разъ получившій свободу—по отпускной ли помѣщика, или по распоряженію правительства—уже не можетъ быть возвращенъ въ крѣпостное состояніе, что было еще разъ повторено и въ 1821 г., съ разъясненіемъ, что помѣщики, въ тѣхъ случаяхъ, когда свобода ихъ крѣпостнымъ была дана неправильно, вознаграждаются зачетными квитанціями.

В. Семевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НЕДОРАЗУМѢНІЯ

I.

Александръ Алексѣичъ Перовъ былъ учитель исторіи и географіи въ —ской четырехклассной прогимназіи. Это еще очень молодой человекъ. На смуглыхъ, плоскихъ щекахъ, на широкомъ, остромъ подбородкѣ и на тонкихъ губахъ его едва успѣли пробиться признаки зрѣлости. Явился онъ на мѣсто службы до того бѣдно одѣтымъ, что стѣснялся домашняго знакомства даже съ самыми благодушными и невзыскательными изъ своихъ сослуживцевъ. Когда ему выдали такъ называемое «третное не въ зачетъ жалованье», онъ такъ обрадовался этому, какъ будто двѣсти тысячъ выигралъ, хотя тутъ же долженъ былъ болѣе половины полученной суммы ухлопать на присвоенный его званію мундиръ и вицъ-мундиръ. Квартиру себѣ онъ нанялъ въ одномъ изъ захолустныхъ переулковъ, у старичка-чиновника казенной палаты. Отдѣлили ему переднюю и маленькій залецъ, затворили дверь въ гостинную, — и образовалась учительская квартира, которую Александръ Алексѣичъ былъ очень доволенъ. Находясь въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ чужой семьей, онъ, тѣмъ не мѣнѣе, не испытывалъ особенныхъ неудобствъ при своихъ домашнихъ занятіяхъ. Маленькихъ надоѣдливыхъ ребятишекъ у хозяевъ не было, а была единственная семнадцатилѣтняя дочка, Лиза. Старикъ — хозяйка вели жизнь строго патриархальную. Вечеромъ Иванъ Ильичъ (такъ звали хозяина), прочитавши нѣсколько разъ нумеръ «Сына Отечества», аккуратно складывалъ его на старыя кресла, на кучу предшествовавшихъ нумеровъ той же газеты и, потягиваясь, возглашалъ:

— А что, супруга, не пора ли намъ... тово...! Глянъ-ка на часы-то: вѣдь, почти девять.

Старушка въ это время обыкновенно что-либо молча штопала или чинила, вооружившись двадцатикопѣчными очками съ толкучки. Она отлично понимала, что нужно разумѣть подъ словомъ *тово* и на предложеніе супруга обыкновенно отвѣчала:

— Погоди... ты вотъ свое кончили, а я еще своего не кончила. Кончу, тогда и *тово*.

— Да ты, можетъ, долго? А на часахъ-то — посмотри-ка, что дѣлается. Э-на! Сейчасъ бить будутъ. Шутка сказать—девять! Добрые люди небось ужь...

— Ну, не ворчи, не ворчи!—невозмутимо ограничивала супруга, не отводя глазъ отъ работы. — Сію минуту... Доколбаю вотъ, да и...

Въ нетерпѣливомъ ожиданіи ужина, Иванъ Ильичъ подойдетъ къ шкафику, достанетъ графинчикъ съ звѣробойной настойкой, выпьетъ рюмочку и, утершись рукавомъ, торопливо зашагаетъ по комнатѣ коротенькими шажками, для развлеченія затянетъ: «Среди самыхъ юныхъ лѣтъ вяну я, какъ нѣжный цвѣтъ», но тотчасъ же броситъ. Мимоходомъ заведетъ старенькіе стѣнные часы и при этомъ не премпнетъ промолвить:

— Времени-то, времени сколько! Фу ты, Боже мой!

Между тѣмъ, старушка все колбаётъ и колбаётъ, сильно щурилась и морщась и съ досадой подтапливая вверхъ сползающія съ носу очки. Противъ нея, на противоположномъ концѣ стола, сидитъ, облокотясь, Лиза и, слегка нагнувъ брови, углубляется въ лежащую передъ ней книгу.

Все это съ точностью повторялось изо дня въ день. Въ тиши своихъ quasi-кабинетныхъ занятій Перовъ ясно слышалъ отрывочные фразы и монологи, проносимые хозяевами въ сосѣдней комнатѣ, и могъ безошибочно предсказать, когда именно послышится многозначительное «тово», когда Иванъ Ильичъ начнетъ «вянуть, какъ нѣжный цвѣтъ», когда затрепещетъ цѣпочка у часовъ и т. п. Но это нисколько не мѣшало квартиранту, а, напротивъ, доставляло ему нѣсколько минутъ развлеченія.

Разъ, утромъ, въ какой-то праздникъ, двери изъ «хозяйскаго отдѣленія» въ учительскую квартиру растворились, и Перовъ получилъ отъ хозяйки радужное приглашеніе «откушать вмѣстѣ пирожка». Квартирантъ не заставилъ себя долго ждать. На этомъ-то «пирожкѣ» Александръ Алексѣичъ и увидѣлъ въ первый разъ Лизу.

Она высматривала почти уже сложившеюся физически дѣвухой, а наружность ея отличалась довольно характерными чертами. У нея было продолговатое, смуглое лицо, большой лобъ, глубокіе, темные, тревожно-задумчивые глаза, прямой, тонкій носъ, маленькія, розовыя губы, выражавшія своимъ складомъ что-то среднее между грустью и иронической улыбкой.

Заинтересованный наружностью дѣвушки, а равно и тѣмъ, что она представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ интеллигентный элементъ въ семьѣ, Александръ Алексѣичъ сосредоточилъ на ней особенное вниманіе и въ разговорѣ обращался больше къ ней, чѣмъ къ ея родителямъ. Она говорила негромко, нѣсколько неровно и торопливо, часто передыхая, какъ будто отъ усталости, при этомъ держалась прямо, даже немного вытянувшись, и смотрѣла на собесѣдника какъ-то съ боку; рѣчь свою она сопровождала порывистыми и, въ то же время, какъ бы нерѣшительными жестами... Изъ первой же бесѣды съ Лизой Перовъ заключилъ, что она дѣвушка весьма не глупая, что къ усвоеннымъ ею чужимъ мыслямъ она могла присоединить и свою собственную, иногда довольно мѣткую. Изъ той же бесѣды онъ узналъ, что она, при страстной любви къ чтенію, можетъ доставать книги только съ величайшимъ трудомъ. Когда рѣчь коснулась книгъ, то Софья Степановна (мать Лизы), умилненно осклабясь, жалобно проговорила:

— Да, вотъ... Александръ Алексѣичъ, взгляните вы въ нее, пожалуйста. Очень ужъ она страдаетъ насчетъ книгъ. Нельзя ли какъ-нибудь?... Давали бы ей хоть изрѣдка почитаться...

— Я съ удовольствіемъ, — отозвался Перовъ.

— Благодарю васъ, — сказали въ одинъ голосъ и мать, и дочь.

Во время этихъ объясненій Иванъ Ильичъ сидѣлъ, положивъ нога на ногу. Свѣсивъ голову на грудь, онъ совсѣмъ было собрался понюхать, да позадумался, а табакъ передъ носомъ въ щепоти держалъ. Когда произошла небольшая пауза, Иванъ Ильичъ торопливо выкушалъ приготовленную порцію табаку и какимъ-то трескучимъ голосомъ заговорилъ:

— Оно вотъ что... оно, положимъ... просвѣщеніе... образованіе... Но, какъ я уже неоднократно говорилъ, объ этомъ судить нужно законно, а не зря.

— Ну, пошелъ теперь, — замѣтила старушка.

— *Пошелъ!*... Я не пошелъ, я сижу, — подхватилъ старикъ

уже болѣе твердымъ и звучнымъ голосомъ.—Я только дѣло началъ говорить. Съ вами-то я ужь и закаялся: что можно рѣшить съ баб... съ женщинами? Но поелику теперь тутъ просвѣщенный мужь... какъ бы сказать... э-э... образованный *мужчина*, то я и счелъ своимъ долгомъ представить на его судъ мое твердое... какъ бы сказать... мнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Алексѣичъ, разсудите-ка вотъ насъ.

Старикъ поднялъ голову и, усиленно и быстро моргая, уставился на квартиранта.

— Я не знаю, въ чемъ дѣло, — отозвался Перовъ.

— Хочу я сказать то, что уже неоднократно говорилъ вотъ этимъ умницамъ, — пояснилъ Иванъ Ильичъ, кивнувъ на жену и дочь.

Старушка устремила на мужа полный упрека взглядъ. Лиза нервно вздернула плечами и отвернулась.

— То-есть? — допытывался Перовъ.

— А то и есть, — значительно произнесъ Иванъ Ильичъ, кивнувъ головой. — Я говорю насчетъ непомѣрности, которая... отъ которой... Онѣ вотъ знаютъ. Я имъ неоднократно...

— Папаша, пожалуйста! — начала было Лиза.

— Я ничего, ничего, — торопливо перебилъ Иванъ Ильичъ. — Я только хотѣлъ вотъ... понимающему и разсудительному чело-вѣку доложить, что у насъ не въ порядкѣ...

— Молчалъ бы ужь... порядочный! — произнесла старушка. — Вы, Александръ Алексѣичъ, не обращайтесь вниманія... Онъ самъ не знаетъ, что плететь.

Старикъ оскорбился и началъ горячиться.

— Нѣтъ, погоди! — воскликнулъ онъ, возвысивъ голосъ. — Я хочу совершенно напротивъ... я хочу, чтобъ почтеннѣйшій Александръ Алексѣичъ *побольше* обратилъ на меня вниманія. Вотъ чего я хочу!

Перовъ почувствовалъ себя крайне неловко. Чтобы предотвратить дальнѣйшія, еще болѣе нелѣпыя сцены, онъ поспѣшилъ встать и, обращаясь къ хозяину, проговорилъ:

— У васъ, кажется, какія-то семейныя недоразумѣнія. Не разъясняйте мнѣ ихъ, пожалуйста.

Иванъ Ильичъ вскочилъ съ своего мѣста и, ухвативъ гостя за обѣ руки, залотошилъ:

— Нѣтъ, сдѣлайте милость... Я васъ прошу... Ужъ позвольте изложить... дѣло великое. Скорбь... Нѣтъ, ужь вы мнѣ помогите!

Перовъ сдѣлалъ маленькую гримасу и сѣлъ. Иванъ Ильичъ придвинулъ свой стулъ къ его стулу, мелькомъ взглянулъ на жену и дочь, громко кашлянулъ и началъ:

— Скажите мнѣ, пожалуйста, многоуважаемый Александръ Алексѣичъ, вотъ при нихъ скажите, для чего... для чего намъ... дарованы женщины?

Лиза, выслушавъ этотъ приступъ, стремительно выбѣжала изъ комнаты, старушка, что-то бормоча про себя, принялась убирать со стола. Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ вслѣдъ удаляющейся дочери и обличительно произнесъ:

— А—а, не нравится? Давно знаю, что не нравится! А, все-таки, нужно это рѣшить... Я, впрочемъ, рѣшилъ... правильно рѣшилъ, да слова-то мои не принимаются! Ушла... Ну, да главное дѣло не въ ней, а вотъ въ матери. Она всему виною... Такъ вотъ, Александръ Алексѣичъ, благоволите рѣшить, для чего женскій полъ предназначенъ?

Озадаченный такимъ вопросомъ, Перовъ сперва ничего не отвѣтилъ, а только пристально посмотрѣлъ на угловатый черепъ старика, на его коротко остриженные сѣдые волосы, на вдавленные виски, темносѣрые, рѣзкіе глаза, толстый носъ и длинный-длинный, бритый подбородокъ.

— Вотъ онъ, сударыня, вопросецъ-то какой!—продолжалъ старикъ, обращаясь къ супругѣ, — умный, ученый человекъ—и тотъ не сразу на него отвѣчаетъ!... А вы сейчасъ: тра-ла-ла, тра-ла-ла, и ужъ все рѣшили, всѣхъ за поясъ заткнули... Такъ какъ же, Александръ Алексѣичъ? Я васъ усерднѣйше прошу! Отъ вашихъ словъ у насъ будетъ зависѣть очень многое. Поддержите!

— Я не знаю, какую поддержку я вамъ могу оказать. Вы поставили такой общій вопросъ, о которомъ намъ съ вами довольно неудобно распространяться. Въ свою очередь, и я васъ просилъ бы сказать мнѣ, что вамъ отъ меня нужно?

— Помощи!—съ чувствомъ произнесъ старикъ, наклонивъ голову и вытянувъ руки.

— Въ чемъ?

— Дочку жаль... Вѣдь, я, все-таки, отецъ... Одна она у меня. Боюсь пропадетъ...

— Отчего?

— Отъ чрезмѣрности...

— То-есть?

Старикъ пошевелился на мѣстѣ, методически вытеръ плат-

ножь носъ и губы, громко кашлянулъ и твердо, отчетливо заговорилъ:

— Вотъ, извольте видѣть: Лиза теперь въ гимназiи въ седьмомъ классѣ. *Я, съ своей стороны, я, собственно...* я не хотѣлъ отдавать ее въ гимназiю, потому что, во-первыхъ... Впрочемъ, это дѣло прошлое. Не будемъ объ этомъ говорить. Отдали, такъ отдали... хотя гораздо было бы лучше, если бы... Ну, да ужъ такъ и быть, не воротись... Хорошо, учится дѣвочка. Учитя она, а я, все-таки, не понимаю, зачѣмъ она учится, для чего это нужно, потому что,—какъ я уже вамъ сказалъ,—*я собственно, съ своей стороны...*

— Слышалъ, слышалъ,—перебилъ Перовъ.

— Ну, хорошо, не будемъ объ этомъ... изъясню вамъ самое главное... Пока Лиза шла по нижнимъ классамъ, все еще было ничего... хотя, по правдѣ сказать, у меня ужъ и тогда сердце сокрушалось. Но когда она подвинулась къ старшимъ классамъ, то я увидѣлъ, что дѣло совсѣмъ плохо. Въ такіе года, когда дѣвица должна быть «кровь съ молокомъ», Лиза моя начала хирѣть. Посмотрю-посмотрю: Боже мой, да что же это такое? Мы ляжемъ спать, а она все сидитъ, да, вѣдь, какъ сидитъ-то? За-полночь! Уроковъ много, уроки большіе, хозяйства... никакого. И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Съ прошлаго года кто-то ей натрубилъ, якобы нужно побольше книгъ читать. Пристали съ матерью: вынь да положи денегъ на библиотечку! А сколько, молъ, требуется?—«Десять цѣлковыхъ залогоу, да десять цѣлковыхъ одновременно».—Ого! Да гдѣ-же я вамъ возьму такую сумму? Миѣ и такъ книги-то обходятся каждый годъ вонъ сколько. Что ни годъ, то новые учебники, да плата за ученіе, да шляпичка, да башмаки, да шубочка съ плюшемъ... А тамъ домъ ремонту просить, да въ думу за него изволь внести... И не перечесть всего. А жалованье-то не бо знать какое, шестьсотъ рублей. Отказалъ, не далъ. Боже мой, что только было послѣ этого! Какъ только меня Господь скрѣпилъ! Немного погодя, гляжу моя Лизавета достала—таки гдѣ-то книгу. Рада, улыбается. Я молчу. Пообѣдала—прямо читать, напилась чаю—опять за ту же книгу. Я все молчу. Поужинали. Мы съ женой спать собрались, а *она* все проклятую книгу читаетъ. Тутъ ужъ я не стерпѣлъ.—Докуда-жь, говорю? Вѣдь, ужъ, собственно говоря, спать пора.—«Я, говорить, еще уроки должна выучить». И прокорнѣла часовъ до двухъ, либо больше. На другой день

опять та же исторія. Одну книгу прочла, другую притащила. Другую прочла—третью. Ото всего отбилась; спѣшить, суетится. путемъ не пообѣдаетъ, лишь бы ей до книги поскорѣй дорваться. Ежедневно корпится, засиживается, извелась вся. Дѣвчью красету, свѣжесть свою юную высидѣла. Скажешь что-нибудь—какъ къ стѣнѣ горохъ, потому мать за нее. Горе, да и только! Да еще что: послѣ книгъ-то даже спорить начала! Иной разъ такую рацею заведетъ, что хотъ и не говори. Отецъ, изволите видѣть, не такъ разоуждаетъ, а она, дочка, все правильно понимаетъ. Наконецъ, слава Богу, книги эти у ней перемѣжались. Кто ей тамъ давалъ ихъ и почему перестали давать,—не знаю. Но что же вы думаете? Я радуюсь, а она злится. Подъѣзжали было съ матерью опять ко мнѣ; но тутъ ужъ я безъ всякихъ объясненій на отрѣзъ... Вотъ онѣ теперь къ вамъ и подбираются. По своей любезности и по вѣжливости, вы обѣщали давать книги, но я увѣренъ, что послѣ моего изъясненія перемѣните свое намѣреніе.

Закончивъ свое «изъясненіе», старикъ вникъ глазами въ учителя. Но Перовъ ничего не отвѣтилъ, а только медленно потеръ себѣ ладонью лобъ.

— Иначе я боюсь, какъ бы у насъ съ вами не вышло какихъ-либо неприятностей,—пригрозилъ старикъ, опустивъ глаза. но тутъ же прибавилъ:—чего, конечно, не дай Богъ. Я съ роду ни съ кѣмъ не ссорился.

Старушка, неоднократно удалявшаяся во время длинной рѣчи мужа, снова появилась въ той же комнатѣ и запальчиво заговорила:

— Какъ тебѣ, старшій, не стыдно? Срамниѣ ты безпардонный! Вѣдь, дочь-то у тебя одна. Дѣвочка занимается образованіемъ, желаетъ въ люди выйти, а онъ на свою же кровь лихія болѣсти выдумываетъ, да позоромъ ее позорить!

Перовъ увидѣлъ, что его отвѣтная рѣчь старику предвосхищена, но существу, но, тѣмъ не менѣе, продолжалъ сидѣть. «Все равно,—думалъ онъ,—сдѣлавшись невольнымъ зрителемъ семейной драмы, прослѣжу ее до конца».

— Ты безъ ума-то не шуми,—возразилъ, между тѣмъ, Иванъ Ильичъ.—«Одна»!... То-то и больно то, что одна. Одна, да и та можетъ сдѣлаться ни Богу, ни людямъ. «Въ люди желаетъ выйти»!... Позвольте васъ спросить: въ какіе такіе люди она выйти можетъ? Высокій человѣкъ ее, по нашей бѣдности, не возьметъ, а за котораго пониже — она, по своей фанаберіи, не

пойдетъ. Я, дескать, образованная. Въдь, я все вижу. Слыхалъ я объ этакихъ-то. Ты-то ничего не думаешь, не разсуждаешь, а я все обнимаю!.. Какъ поразмыслишь, такъ подумать страшно... съ такимъ образованіемъ!... То ли дѣло: приучила бы ее къ хозяйству, къ руководѣлю, ко всякой простотѣ. По смерти моей приняли бы къ себѣ степеннаго, простенькаго зятка и поживали бы себѣ съ Богомъ, безъ всякихъ затѣй. А теперь что? Попробуй выйти изъ меня духъ—куда вы съ ней годитесь?

— Ну-у «духъ»!... Зачѣмъ онъ выйдетъ? Что пустяки-то болтать? Богъ души не вынетъ, сама не выйдетъ,—находчиво отвѣчала старушка. А ежели пошлетъ Богъ какую немилость, то, все-таки, съ образованіемъ лучше, нежели какъ безъ образованія. Посмотри-ка вонъ на Семёниху-то...

— Какую Семёниху?—спросилъ Иванъ Ильичъ, заряжая носъ табакомъ.

— Она-а! Семёниху не знаетъ!—упрекнула супруга.—Городскаго головы кухарка...

— Хе-хе-хе!—засмѣялся старикъ.—Вотъ такъ особа! Кухарка городскаго головы!... Простите, что визита до сихъ поръ не сдѣлалъ. Что-жъ она, эта Семёниха, посредствомъ образованія, что ли, такъ возвысилась? Хе-хе-хе!...

— Да ты прежде выслушай, а тамъ ужъ и хихикай.

— Дочь-то ея въ классахъ дамою состоитъ, да уроки по городу раздаетъ, да рублей шестьсотъ, либо больше загребаетъ. А то еще одна дѣвушка, тоже бѣдная, въ телеграфѣ за жалованье служить. А тутъ вотъ сидишь день и ночь, слѣпнешь,—колбаешь да штопаешь, а все нѣтъ ничего. Вотъ что значитъ образованіе и что значитъ необразованіе!

— погоди!—перебилъ Иванъ Ильичъ.— Ты мнѣ насчитала только двухъ счастливиць; значить, наша будетъ третья? Хе-хе-хе!... Вотъ блаженство-то! Каждый годъ *ихъ* оканчиваетъ курсъ видимо-невидимо, а деньги загребаютъ только двѣ, а *наша* будетъ третья.. А я-то, дуракъ, никакъ не пойму... Охъ, вы, бабы-бабы! То-то вы глупы-то!—заключилъ старикъ уже серьезно и, махнувъ рукой, пошелъ въ сосѣдную комнату.

— Куда-жъ ты прешь? Невѣжа! Въдь, съ гостемъ-то, чай, проститься надо!—укорила старушка.

— Ахъ, простите Христа ради!—воскликнулъ Иванъ Ильичъ, быстро обернувшись.

Онъ мелкими шажками приблизился къ Перову.

— Бога ради, простите. Видите, я взволнованъ... поколеблень окончательно!—изъяснялъ старикъ, держа обѣими руками руку квартиранта.—Надѣюсь, что вы резоны мои уразумѣли. Вѣдь, я для васъ собственно и говорилъ. Съ *ними* я ужь... давно пересталъ... Такъ, пожалуйста... войдите въ мое положеніе. Вы можете все понять... такъ ужь я буду въ надеждѣ... Конечно, вы человѣкъ посторонній, къ кому же мнѣ обратиться, какъ не къ вамъ? Будьте ужь не какъ квартирантъ, а какъ... Понимаете? Вы все можете сдѣлать,—заключилъ старикъ и, быстро осадивъ руку Перова внизъ, заковылялъ въ свой кабинетъ.

Спусти минутъ пять послѣ того, какъ Александръ Алексѣичъ возвратился въ свой уголь и затворилъ «пограничныя» двери, дверь изъ сѣней быстро распахнулась и въ учительской квартирѣ появилась Лиза. Она подбѣжала къ Перову, съ боязливой довѣрчивостью положила ему обѣ руки на плечи и, не поднимая на него глазъ, взволнованно и торопливо зашептала:

— Александръ Алексѣичъ! ради Бога не сердитесь на напашу... не смѣйтесь надъ нимъ, не презирайте его! Это онъ такъ... У него такая привычка... Не думайте, что у насъ тутъ Богъ знаетъ что...

— Не думаю, не думаю, успокойтеесь, что вы? Я все понимаю, все,—смущенно заговорилъ Перовъ, неловко и грубовато устранивъ съ своихъ плечъ руки дѣвушки.

— Нѣтъ, онъ такъ много наговорилъ... касался такихъ вещей, которыя вамъ могли показаться просто дикими,—шептала Лиза, слегка вздрагивая. На лицѣ ея изображались тревога и глубокое сокрушеніе.

— Ничего не значить, совершенно ничего не значить, успокойтеесь,—твердилъ Перовъ, переступая съ ноги на ногу и простирая впередъ руки.—Мы объ этомъ поговоримъ съ вами... послѣ поговоримъ... Вы увидите, вы убѣдитесь...

— Спасибо, благодарю васъ... Не осуждайте же, пожалуйста, погодите осуждать!—проговорила Лиза и быстро выбѣжала изъ учительской квартиры.

Перовъ, безпокойно поглаживая волосы, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, вздохнулъ, покачалъ головой и, подойдя къ окну, долго смотрѣлъ въ открывавшуюся изъ него луговую даль.

II.

Мѣсяцевъ черезъ семь послѣ описанной сцены, 4 июня, Лиза должна была сдавать экзаменъ по закону Божию. Это былъ предпоследній экзаменъ. На предыдущихъ экзаменахъ она отвѣчала очень удачно и получила высшіе баллы. Отъ напряженныхъ трудовъ въ экзаменаціонный періодъ она значительно похудѣла, но настроеніе въ ней было довольно свѣтлое. Переходъ въ восьмой, педагогическій классъ представлялся ей уже несомнѣннымъ, и она была очень рада этому. Къ экзамену по закону Божию она готовилась усердно и серьезно, какъ и къ другимъ экзаменамъ; оставивъ въ сторонѣ любимое чтеніе Блугъ, она все вниманіе свое сосредоточила на учебникѣ.

Ровно въ 9 часовъ утра экзаменаціонная коммиссія явилась къ отправленію своихъ обязанностей. Коммиссію эту составляли: директоръ, лѣтъ пятидесяти, съ круглою невозмутимо-спокойною фizioномією и длинными, съ просѣдью, бакенбардами; директрисса, смиренная, шурящаяся старушка, похожая больше на монахиню, чѣмъ на свѣтскую даму; законоучитель—высокій, свѣжій, остроносый протоіерей, съ черною окладистой бородой и магнетерскимъ крестомъ на груди, и, наконецъ, депутатъ отъ епархіальнаго начальства, дряхлый старецъ, съ впалыми щеками, потухшимъ взоромъ и нѣсколькими орденами на груди. Прочитали молитву. Нѣкоторыя ученицы, усѣвшись, перекрестились еще по нѣсколько разъ. Законоучитель сперва вытащилъ изъ-за пазухи «программу» и, старательно расправивъ помявшіеся листы, положилъ ихъ передъ собою; потомъ досталъ изъ кармана завернутые въ бумагу билеты, усердно перемѣшалъ ихъ и разбросалъ по зеленому сукну стола съ такимъ движеніемъ рукъ, которое напоминало процессъ сдачи картъ. Директоръ началъ вызывать ученицъ. Вызывали ихъ по алфавиту. Фамилія Лизы начиналась съ буквы щ (Щурова), и ей приходилось каждый разъ очень долго ждать вызова, тѣмъ болѣе, что ученицъ въ седьмомъ классѣ было свыше тридцати. Она сперва слѣдила за тѣмъ, какіе билеты достаются вызваннымъ къ большому столу подругамъ, и отвѣчала эти билеты въ книжкѣ, чтобы уже не просматривать ихъ; потомъ, когда это ей прискучило, она стала съ напряженнымъ вниманіемъ вслушиваться въ вопросы экзаменаторовъ и отвѣты ученицъ. Но ни эти вопросы, ни отвѣты на нихъ не представляли ничего особеннаго. Нѣсколько заинтересовало ее только то, какъ ба-

тошкѣ (законоучитель и депутатъ) поспорили между собой по вопросу о причинахъ раздѣленія церковей и еще о магометанствѣ. Батюшки воодушевились и говорили на этотъ разъ довольно громко, такъ что Лиза, сидя на предпоследней скамьѣ, могла воспринять почти все содержаніе пренія, изъ котораго узнала нѣчто новое для себя сравнительно съ тѣмъ, что ей приходилось слышать на урокахъ закона Божія. Но чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ однообразнѣе и томительнѣе становился экзаменъ. Преній больше уже не было. Слышались только вялые возгласы, вродѣ, на примѣръ, слѣдующихъ:

— Наумова, у васъ какой номеръ?

— Восемнадцатый.

— Гм. Ну-съ, такъ потрудитесь сказать о... и т. д.

Начиналось монотонное, нѣсколько торопливое чтеніе.

— Довольно... А у васъ, Нещадова, кажется, двадцать второй?

— Да.

— Гм... Въ такомъ случаѣ... (батюшка пробѣгаетъ глазами конспектъ) въ такомъ случаѣ... гм... не скажете ли вы намъ, въ чемъ состоитъ... и т. д.

И снова чтеніе, и какъ разъ такое же, какъ всѣ предыдущія. «Отчего это мы всѣ читаемъ, какъ одинъ человѣкъ?—думаетъ Лиза.—И тонъ, и интонація голоса, и даже манеры у всѣхъ одинаковы. Какъ это я прежде не замѣчала?»

— Довольно.

И долго-долго чередовались отрывочные возгласы батюшки и монотонное чтеніе. Рѣдко-рѣдко, какъ бы для разнообразія, къ слову «довольно» законоучитель прибавлялъ еще нѣсколько словъ, вродѣ слѣдующихъ:

— На урокахъ вы нѣсколько лучше отвѣчали. Ну, да, впрочемъ... идите себѣ съ Богомъ.

Или:

— Очень пріятно, что на испытаніи (батюшка никогда не говорилъ: «экзаменъ», а всегда «испытаніе») вы возвышаете своимъ отвѣтомъ свой годичный баллъ. Очень, очень пріятно. Дай Богъ вамъ... и въ жизни...

Вотъ уже и два часа. Палящія лучи июнскаго солнца, долготѣ освѣщавшіе другія части гимназическаго зданія, пробрались къ этому времени и въ экзаменаціонную залу, въ которой и безъ того было душно. Экзаменаторы то и дѣло вытираютъ себѣ платками лобъ, шею и руки. Во всемъ тѣлѣ ощущалось раз-

слабленіе, въ душѣ — невольное, безотчетное уныніе. Изрѣдка промелькнетъ подъ окнами ласточка, прощепечеть и скроется подъ карнизомъ зданія.

А, между тѣмъ, экзаменаторы возглашали фамиліи только еще на букву т. Лиза чувствовала, что голова ея совсѣмъ отяжелѣла. Она закрыла книгу, прислонилась къ спинкѣ скамьи, скрестила на груди руки и, истомленно дыша, безъ всякой опредѣленной мысли переводила глаза съ одного предмета на другой, чаще, впрочемъ, останавливаясь почему-то на опрокинутыхъ протоіерейскихъ камилавкахъ... На столѣ оставалось всего два три билета.

Законоучитель подбавилъ къ нимъ штукъ десять изъ «отвѣченныхъ».

— Щурова! — произнесъ, наконецъ, директоръ.

Лиза вздрогнула, будто не ожидала, что ее спросятъ. Она поправила фартучекъ, торопливо провела рукою по головѣ и вышла къ столу. Схвативъ первый попавшійся подъ руку билетъ, она нѣсколько удивилась и невольно сдѣлала маленькую гримасу. На билетѣ стоялъ № 1-й. «Стоило ли изъ-за этого столько волноваться и такъ долго сидѣть!» — подумала она и предъявила билетъ законоучителю.

— А-а, первый билетъ! Скажите, пожалуйста! — удивился тотъ въ свою очередь. — Ефремъ Лукичъ, смотрите-ка: первый билетъ! — обратился законоучитель къ директору.

— Что-жь, ея счастье, — сказалъ директоръ.

— Конечно, конечно, но какая случайность! — возразилъ законоучитель и, поднося билетъ къ носу сосѣда-депутата, присо-вокупилъ: — смотрите-ка — первый... Какъ это вамъ кажется?

— Первый, такъ первый. Что-жь теперь дѣлать? Кому-нибудь нужно и на первый отвѣчать, — прошепталъ депутатъ.

— Это такъ, совершенно вѣрно, — продолжалъ законоучитель, — но ученица-то такая, что... она бы могла и...

— Чего тамъ... Богъ съ ней. Пусть отвѣчаетъ, что ей выпало на долю, — вмѣшалась директрисса.

— Ну, стало быть, дѣлать нечего, — заключилъ законоучитель и предложилъ Щуровой вопросъ.

Не успѣла Лиза сказать пяти словъ, какъ депутатъ остано-вилъ ее:

— Скажите коротко, что, на примѣръ, сотворилъ Господь... хоть, на примѣръ... на примѣръ, хоть въ пятый день?

Лиза отвѣтила не впопадъ.

— Что вы, что вы? Въ пятый-то?!—воскликнулъ законоучитель.

— Тогда что же было въ день четвертый?—возражалъ депутатъ.—А? Что, молъ, было въ четвертый, смели, какъ вы говорите, все это было въ пятый? А?

Лиза молчала.

— Ну, скажите, что было создано въ шестой день?—спрашивалъ законоучитель.

Лиза опять отвѣтила не впопадъ.

— Да что вы это, Богъ съ вами! — волновался законоучитель.

— А тогда что же было въ пятый?—виѣшался депутатъ.

Лиза молчала.

— Что это вы, Щурова?—началъ законоучитель.—Въ такомъ вы ужъ возрастѣ... первый билетъ... въ теченіе года—хорошо... и вдругъ такимъ образомъ... Помилуйте, вѣдь, это Богъ знаетъ что! Вотъ-те и *счастье!* Вѣдь, другая бы какъ на этотъ билетъ-то!... Ну-ну-у! (Батюшка покачалъ головой).

— Лучше ей предложить вопросъ изъ другаго билета,—замѣтилъ директоръ.

-- Прикажете по всей системѣ?—спросилъ законоучитель.

— Не то, что по *всей*, а такъ... вопросъ-другой откуда-нибудь,—сказалъ директоръ.

Лиза стояла, сложивъ руки на груди и потупя глаза. Брови и плечи ея слегка вздрагивали.

— Ну-съ, дѣлать нечего, скажите намъ еще о чемъ-нибудь,—обратился къ ней законоучитель.—Бто, наиримѣръ, былъ... то-есть кто *будетъ*... антихристъ?

— Противникъ Христа, чуть слышно отвѣтила Лиза, не поднимая глазъ.

— Вы смѣлѣй, смѣлѣй, не стѣсняйтесь. Чего тутъ стѣсняться?—ободрила директрисса.

— А въ какомъ это смыслѣ онъ будетъ претивникъ?—возразилъ депутатъ.

Лиза молчала. У ней уже начинала кружиться голова. Къ ней обращались еще съ какими-то вопросами все насчетъ того же антихриста, но она ихъ не поняла и почти не слышала. Только какими-то судьбами долетѣло до ея слуха нѣсколько словъ изъ рѣчи законоучителя, обращенной къ «депутату»... «Курсовое

сочиненіе на магистра писалъ, да и то...», — сообщалъ о комъ-то законоучитель.

— Ну, что-жь, Щурова, довольно съ васъ, — заключилъ директоръ тономъ сожалѣнія. — Такъ это неожиданно... и жаль.. но мы должны будемъ поставить вамъ два. После канкулъ пердержите по закону Божию. А теперь идите собѣ.

Лиза быстро направилась къ двери, забывъ даже взять изъ стола книги.

— А, вѣдь, хорошая была ученица. Страшно! — Довольно не-постижимо! — недоумѣвалъ законоучитель.

III.

Иванъ Ильичъ былъ уже дома и съ петербургіемъ ожидалъ дочери: очень ужъ ему хотѣлось пообѣдать, а Софья Степановна все твердила: «Погоди, сейчасъ Лиза придетъ, тогда вмѣстѣ... Авось не умрешь». Только что Лиза появилась на порогъ, какъ Иванъ Ильичъ съ упрекомъ произнесъ:

— Что это ты, матушка, нынче особенно долго? Говѣй тутъ изъ-за тебя...

— Утѣшьтесь, больше не буду ходить въ гимназію, завтра же подаю увольненіе! — съ нервною энергіею проговорила Лиза, подойдя къ отцу, и тотчасъ разрыдалась.

— Что ты, что ты, дурочка ты этая... что ты это? — смущенно забормоталъ отецъ. — Вѣдь, это я такъ... развѣ я въ самомъ дѣлѣ?... Что ты это выдумала?

Онъ взялъ было ее за руки, но она вырвалась и, бросившись на диванъ, продолжала рыдать сильнѣе и сильнѣе.

Старушка перепугалась и, подскочивъ къ дочери, торопливо и ласково заговорила:

— Голубка моя, Господь съ тобой! Перекрестись... успокойся, милая. Охъ, Господи, вѣдь, родятся же такіе старые... прости ты меня, грѣшную! И къ чему такія рѣчи... сдуру?... Ну же, перестань, голубка. Вѣдь, это все пустое. Развѣ ты не понимаешь? Ужъ не маленькая. Стоитъ ли такъ убиваться?

Мать нѣжно обвиняла дочку руками. Цѣловала ее, но дочка ни мало не успокоивалась.

— Извѣстное дѣло — устала... уморилась, вотъ и... и... тово, — изъясняя, между тѣмъ, Иванъ Ильичъ, прохаживаясь возлѣ накрытаго обѣденнаго стола. — Я и самъ усталъ. Что-жь теперь

дѣлать-то? Стало быть, и сказать ужь ничего нельзя? Какъ, вѣдь, вѣжны-то всё стали. Господи, Боже мой!... Ну, стало быть, виновать... стало быть, простите. Ну?..—Будеть рюмить-то. И мать туда же разрюмилась. Фу ты, Боже мой, вѣдь, этакъ совсѣмъ пропадешь. Полно, садитесь-ка за столъ. Когда-жь мы будемъ обѣдать-то? Завтра, чтоль?

Но обѣдъ долго еще не могъ состояться. Софья Степановна все хлопотала около Лизы: разстегнула ее, вспырыскивала холодной водой, дула на нее, махала большимъ платкомъ и т. п. Наконецъ, Лиза нѣсколько успокоилась. Дышала она еще быстро и тяжело, но плакать уже перестала. Успокоилась немножко и мать. Посидѣвши около дочки минутъ десять молча, она, наконецъ, заговорила:

— Погорячилась, моя милая... Зачѣмъ такъ?... Сейчасъ ужь: «я не буду учиться, и увольнение...» Что ты это? Богъ съ тобой!

— Нѣтъ, мама, я дѣйствительно увольняюсь изъ гимназіи. Я нынче получила «двойку», передерживать не хочу. Завтра же увольняюсь!—твердо произнесла Лиза.

— О, Господи!—взвывала старушка, всплеснувъ руками.

— Да-а, во-отъ что!—произнесъ Иванъ Ильичъ и повелъ головою внизъ.—Это дѣло другаго рода. Тутъ ужь я не причемъ. Мое дѣло было споспѣшествовать... и я споспѣшествовалъ. А тамъ—доучилась ты, или не доучилась,—это ужь дѣло не мое. Не могу же я самъ учиться за другихъ. Такъ вотъ онъ, «ларчикъ»-то!.. А, вѣдь, все выходило, что отецъ виновать. Теперь вотъ не угодно ли вамъ сообразить... уразумѣть все это... Однако, давайте обѣдать. Докуда-жь мнѣ ждать?

— Да ѣшь ты, ради Бога! Ну, ѣшь! ѣшь! ѣшь!—раздражительно воскликнула Софья Степановна сквозь слезы.—Лиза, не огорчай ты меня, пожалуйста!—упрашивала старушка.—Другія по два года въ классѣ остаются, и то ничего. Если случилось несчастіе, такъ нужно его какъ-нибудь перенести. Передержать, такъ передержать. Не можешь, что-ль, ты? Господи, помилуй! Больше трудилась, а ужь теперь остается немного. За то судьбу свою dokonчишь, какой-нибудь жребій себѣ найдешь.

— Нѣтъ, мама, лучше не говорите. Ни за что, ни за что не буду передерживать!—съ удареніемъ произнесла Лиза.

— Пор-рядки, нечего сказать!—ворчалъ, между тѣмъ, Иванъ Ильичъ, проворно удовлетворяя свой аппетитъ. — Обѣдаешь одинъ... точно дома никого нѣтъ!...

— Что теперь подумаетъ Александръ Алексѣичъ?—продолжала старушка, не обращая вниманія на слова старика.—Вотъ, скажетъ, читала, читала книжки, а учиться не хочетъ. Какое тогда уваженіе къ тебѣ будетъ? Ты подумай-ка. И не стыдно тебѣ будетъ передъ нимъ?

— Ни передъ кѣмъ мнѣ не стыдно!—отрѣзала Лиза.

Но вотъ Иванъ Ильичъ кончилъ свой одной обѣдъ. Процессъ пищеваренія, «споспѣшествуемаго» звѣробоемъ, скоро оказалъ благотворное дѣйствіе на его психическое состояніе. Щеки его оживились румянцемъ, въ глазахъ засвѣтилось благодушіе. Угостивъ себя, вмѣсто десерта, большой понюшкой табаку, онъ подошелъ къ дочери и громко и весело заговорилъ:

— А знаешь что, Лиза! Ты, посмотрю я, молодецъ, — ей-Богу, молодецъ! Люблю, истинно люблю! Взяла да и плюнула. Такъ и слѣдуетъ. Чего тамъ добиваться? Хоть поздно, да уразумѣла.

— Что ты городишь, нескладный?—упрекнула Софья Степановна.—Чѣмъ бы поддержать, вразумить, а онъ Богъ знаетъ что... Иди-ка лучше спать. Подгрѣпился!

— Нѣтъ, Лиза, ей-Богу... я тебя окончательно уважаю,—продолжалъ Иванъ Ильичъ, переступая съ ноги на ногу и перекладывая платокъ изъ одной руки въ другую.—Мать-то вотъ только хнычетъ, а я... я все понимаю. Нѣтъ худа безъ добра. Я, вѣдь, постоянно присматривался... всячески предусматривалъ... Еще, пожалуй, вышла бы изъ тебя какая-нибудь... стриженая...

— Па-апа, что вы говорите!—обиженно и строго произнесла Лиза, сверкая влажными глазами.

— И что только плететь старый, что онъ плететь!—воскликнула старушка.—Уйди ты отъ грѣха! Спи—ступай. Вѣдь, побѣдалъ, чего тебѣ еще? Иди.

— Чего «иди»? Я дѣло говорю. А, главное, Лизу уважаю. А тамъ... какъ хотите,—ораторствовалъ Иванъ Ильичъ, присаживаясь на диванъ возлѣ дочери.

— Охъ, Господи!—прошептала Софья Степановна и, вскочивъ съ мѣста, подбѣжала къ затвореннымъ дверямъ, служащимъ границей владѣній квартиранта.—Александръ Алексѣичъ!

— Что вамъ угодно?—отозвался квартирантъ.

— Вы не спите?

— Нѣтъ.

— Будьте добры, войдите къ намъ, пожалуйста. У насъ несчастье.

— Сейчасъ, сію минуту.

Перовъ слышалъ рыданія Лизы и почти всѣ разговоры хозяевъ, волновался, сожалѣлъ, досадовалъ, но не рѣшался явиться въ качествѣ непрощеннаго посредника въ семейномъ междуусобіи. Поэтому, когда старушка пригласила его, онъ съ радостью напялилъ на себѣ сюртукъ и поспѣшно переступилъ заповѣдную черту своихъ владѣній.

Лиза сидѣла, закутавшись въ материнскую шаль. Ее начинала пробирать дрожь. Иванъ Ильичъ, опершись локтями на колѣнки, лѣниво похлопывалъ сонными глазами. Софья Степановна, сложивъ руки на животѣ, стояла посреди столовой въ нетерпѣливо-ожидательной позѣ.

— Здравствуйте!—промолвилъ Перовъ, входя въ столовую и дѣлая общій поклонъ.—Что у васъ такое?

— Да вотъ... поздравьте насъ: пошабашали,—началъ Иванъ Ильичъ, протягивая руку посѣтителю.—Учиться больше не будемъ. Хе-хе-хе! Хотимъ прійти въ свое натуральное положеніе. Больше ничего. Все слава Богу.

— Что это вы, Лизавета Ивановна? Съ вами лихорадка!—участливо воскликнулъ Перовъ, задерживая въ своей рукѣ холодную, какъ ледъ, руку Лизы.

— Больше ничего. Все слава Богу,—повторилъ старикъ.

— Батюшка, Александръ Алексѣичъ, помогите намъ какъ-нибудь!—взмолилась Софья Степановна, низко кланяясь Перову.—Вы видите?—добавила она, кивнувъ на мужа.—Что-жь намъ остается? А, вѣдь, Лиза-то не хочетъ учиться, хочетъ увольненіе взять! Совсѣмъ разстроила и себя, и меня. Сдѣлайте милость, постарайтесь ее какъ-нибудь! Она меня какъ громомъ поразила... Скажите намъ что-нибудь...

— Я вамъ вотъ что скажу,—началъ Перовъ, оглядывая всѣхъ членовъ семьи:—Лизавета Ивановна положительно больна, Иванъ Ильичъ замѣтно усталъ, вы тоже сильно утомлены и встревожены; вамъ всѣмъ нужно отдохнуть, успокоиться, особенно Лизаветѣ Ивановнѣ.

— Да какое же спокойствіе, помилуйте!—возразила Софья Степановна.—О томъ-то я васъ и прошу, чтобъ вы насъ успокоили!.. сказали бы что-нибудь этакое...

— Послѣ, хоть немножко позже,—сказалъ Перовъ.—Вѣдь,

вы, кажется, еще не кушали?—прибавилъ онъ, взглянувъ на два чистыхъ прибора, которые продолжали еще оставаться на обѣденномъ столѣ —*Можетъ быть, сегодня же вечеромъ потолкуемъ, если только Лизавета Ивановна будетъ чувствовать себя лучше. А теперь—приятнаго аппетита,—заклучилъ онъ, дѣлая общій поклонъ.*

IV.

Остатокъ дня и весь вечеръ Лиза пролежала на диванѣ, кислая, больная и раздраженная. Она настойчиво отклонила предложеніе матери пригласить Перова къ вечернему чаю. Старушка обидѣлась и замолчала. Ей очень хотѣлось, при содѣйствіи квартиранта, переломить капризъ дочери и направить ее на путь истинный. Между тѣмъ, Лизѣ хотѣлось только одного: ни о чемъ не вспоминать и ни о чемъ не загадывать: такъ она была потрясена событіями дня.

Но утро вечера мудренѣе. За ночь нервы Лизы успокоились, силы возстановились. Она проспала до десяти часовъ и встала бодрою и свѣжею. Проворно одѣвшись, Лиза отворила окно своей спальни. Утро стояло ясное и тихое. На травяныхъ коймахъ мостовой блестяли капли недавно выпавшаго дождя. Она съ минутой подышала у окна прохладно-влажнымъ воздухомъ. Ей чувствовалось легко, свободно и даже весело.

«Больше не пойду, пусть *ихъ* тайъ», —подумала она и, само-довольно улыбнувшись и махнувъ рукой, побѣжала умываться.

Когда она вышла въ столовую, гдѣ ее дожидался самоваръ, Иванъ Ильичъ, готовясь отправиться въ казенную палату, собственноручно чистилъ свой сюртукъ, а Софья Степановна перебирала въ решетѣ вишни. Увидя дочь, родители ни слова не сказали, только, когда Лиза, быстро повертываясь на каблучкахъ, стала что-то напѣвать про себя, старикъ съ улыбкой проговорилъ:

— Вотъ такъ-то лучше. А то вчера Богъ знаетъ какую меланхолію распустила. То ли дѣло! И посмотришь приятно.

— Пріятно!—протянула старушка и покачала головой.

— Пожалуйста, ничему особенно не радуйтесь и ни о чемъ не беспокойтесь!—сказала Лиза и усѣлась за чай.

Тѣмъ на этотъ разъ и кончился семейный разговоръ. Немного спустя, Иванъ Ильичъ отправился на службу, а Лиза пошла въ

садикъ готовить жаровню для варенья. Въ тѣнистомъ углу сада, на скамеечкѣ, она увидѣла Перова съ книгой въ рукахъ.

— У меня сегодня кѣтъ ни экзамена, ни ассистенства... свободный день,—объяснилъ Перовъ, вставая навстрѣчу барышнѣ.—Ну, какъ теперь вы чувствуете себя?—освѣдомился онъ и тотчасъ добавилъ:—повидимому, ничего?

— И повидимому, и на самомъ дѣлѣ ничего. Даже прекрасно!—оживленно объяснила Лиза и кивнула головой.—Ни чѣмъ не связана, ни къ чему официальному не обязана. Пойдемте въ бесѣдку.

И она быстро зашагала впередъ по узенькой дорожкѣ. Перовъ, закрывъ книгу, покорно направился за гимназисткой.

— Бурсъ ученія, какъ вы знаете, я еще вчера покончила, или, вѣрнѣе говоря, оборвала,—развязно говорила Лиза уже въ бесѣдкѣ, сидя съ учителемъ на скамеечкѣ.—Теперь хочу учиться по Домострою, какъ «ѣсты варити» (она указала на жаровню съ холодными угольями) и тѣмъ пополнить пробѣлы въ своемъ образованіи. Похвалите меня.

— Нѣтъ, не похваляю,—сказалъ Перовъ.

— Почему?

— Уже потому, что вамъ самимъ не понравилась бы такая похвала, хотя вы на нее, повидимому, и напрашиваетесь. Надѣюсь, вы позволите мнѣ говорить прямо.

— Съ удовольствіемъ. Очень рада... Только извините, пожалуйста... Я сейчасъ...

Она убѣжала изъ сада и минуты черезъ три возвратилась съ жѣднымъ тазикомъ, сверткомъ сахарнаго песку и съ стаканомъ, затѣмъ снова убѣжала въ домъ, откуда немедленно возвратилась съ вишнями, чистой тарелкой и столовой ложкой. Ей хотѣлось предотвратить появленіе матери въ садъ со всѣми этими вещами. Старушка, навѣрное, завела бы съ Перовымъ нескончаемый разговоръ на докучливую тему о дочери. А Лизѣ казалось болѣе удобнымъ и болѣе пріятнымъ послушать Александра Алексѣича и поговорить съ нимъ наединѣ.

— Такъ что вы мнѣ хотѣли сказать, Александръ Алексѣичъ?—возобновила Лиза, разводя въ жаровнѣ уголья.

— Я хотѣлъ бы сказать вамъ нѣсколько дружескихъ словъ, именно *дружескихъ*, и прошу выслушать меня не какъ учителя, не какъ квартиранта вашихъ родителей, а какъ хорошаго ва-

шего знакомого, желающего вамъ полного счастья (Перовъ выражался иногда нѣсколько книжно).

— Что же именно? Какихъ «вещей» вы не расположены хвалить?—допрашивала Лиза, прислонясь къ одной изъ колонокъ бесѣдки.

— Не расположенъ хвалить вашей необдуманности, — пояснилъ Перовъ. — Вы хотите уволиться изъ гимназіи. Что за фантазія? Изъ-за чего губить семилѣтніе труды?

— Изъ-за того, что я не выдержала экзамена изъ закона Божія.

— Знаю. Но это дѣло поправимое. Во время каникулъ исподволь подготовитесь по этому предмету и въ августѣ передержите экзамень. Вамъ легко дается... Времени много, на все достанетъ. Каникулы ваши, я увѣренъ, нисколько не испортятся. Передержите—и все пойдетъ своимъ порядкомъ. Ваша неудача скоро забудется.

— Вы, значить, желаете, чтобъ я разыграла изъ себя тупицу? Покорно благодарю!—обиженно проговорила Лиза и, отвернувшись, рванула за кончикъ ближайшую вѣтку акаціи.

— Изъ чего вы это вывели?—возразилъ Перовъ, удивленно раскрывъ глаза.

— Какъ изъ чего? Выводъ прямой. Передерживаютъ экзамень обыкновенно тупицы. Вотъ и мнѣ вы совѣтуете явиться такимъ жалкимъ существомъ, которое можетъ сдать экзамень не иначе, какъ съ двухъ приемовъ. Но я не желаю, чтобъ на меня такъ смотрѣли.

Сказавъ это, Лиза принялась отмѣривать стаканомъ сахарный песокъ.

— Никто и не посмотритъ на васъ *такъ*;—продолжалъ Перовъ. — Напрасно вы этого опасаетесь. Зная васъ въ теченіе семи лѣтъ, какъ хорошую ученицу, гимназія, конечно, и теперь не утратила увѣренности въ вашихъ способностяхъ. Неудачи же на экзаменахъ могутъ зависѣть отъ разныхъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ качествомъ способностей и степенью развитія экзаменующихся. Повѣрьте мнѣ. Я учился и экзаменовался больше васъ. Повѣрьте также, что гимназія съумѣетъ отнестись къ вамъ разумно и гуманно... Вы черезъ-чуръ самолюбивы.

— И это, по вашему, порокъ?

— Какъ вамъ сказать?... Самолюбіе вообще не порокъ; но,

за извѣстными предѣлами, какъ, на примѣръ, у васъ, пожалуй, и порокъ.

— Вотъ какъ!

— Да. По моему мнѣнію, такъ... Самолюбіе должно быть развито въ человѣкѣ настолько, чтобъ онъ могъ не давать себя въ обиду и не унижать себя...

— Вотъ я и не хочу себя унижать,—подхватила Лиза, присаживаясь на скамеечку возлѣ жаровни, на которой уже стоялъ тазикъ съ элементами будущаго варенья

— Да въ чемъ вы видите униженіе? Въ предстоящей вамъ переэкзаменовкѣ нѣтъ никакого униженія. Вы создали его сами... Вотъ опрометчивое рѣшеніе ваше дѣйствительно можетъ привести васъ къ униженію.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Вы отрываетесь отъ тѣхъ благъ въ своей жизни, на которыя имѣете полное право. Остаться позади тѣхъ, кто хуже васъ, не значитъ ли добровольно унижить себя? Подумали ли вы объ этомъ?

— Объ этомъ я, положимъ, не думала... Но, вѣдь, есть другія средства къ тому, чтобъ не остаться позади *худшихъ*. И я пользуюсь ими.

— Какія же это средства?

— Какъ какія? Они вамъ хорошо извѣстны... Я разумѣю особый экзамень на званіе учительницы. Сдамъ этотъ экзамень и получу свое.

Лиза вскинула на Перова ясные, оживленные глаза и улыбнулась. Щеки ея, частію отъ волненія, частію отъ сосѣдства съ жаровней, пылали яркимъ румянцемъ.

— Да-а... Ну, это дѣло другаго рода!—одобрительно произнесъ Перовъ, тоже улыбаясь.

— А вы какъ же обо мнѣ думали? Вы думали, у меня никакихъ мыслей, никакихъ плановъ... одинъ слѣпой капризь? Ха-ха-ха!... Это немножко обидно.

— Нѣтъ, я, собственно... Я говорилъ только о томъ, что вижу *теперь*,—оправдывался Перовъ, слегка покраснѣвъ.—Ваши планы мнѣ не были извѣстны... Но, все-таки, я нахожу, что вы напрасно предпочитаете длинный и трудный путь къ цѣли кратчайшему и болѣе удобному. Вы обрекаете себя на лишніе труды. Лишніе труды потребуютъ отъ васъ лишней затраты силъ. Къ чему эта затрата, когда можно обойтись и безъ нея?

— А вотъ тутъ-то я и могу показать, что я не тупица и не трусиха, что я со всѣмъ могу сладить и ничего не боюсь. Впрочемъ, я даже не думаю, чтобы мнѣ пришлось затрачивать лишнія силы... Вѣдь, въ восьмомъ классѣ я должна бы была работать цѣлый годъ. Я только замѣню одну работу другою... За то какъ хорошо я буду себя чувствовать! Всѣ будутъ считать меня пропащимъ существомъ, будутъ осуждать меня, презирать... и вдругъ я вы-ро-стаю!.. Ай-ай-ай!—всприкнула она, замѣтивъ, что варенье бѣжитъ черезъ края тазика.

Пока Лиза принимала мѣры къ укрощенію раскипѣвшаго варенья, Перовъ сидѣлъ молча и пристально и вдумчиво всматривался въ ея красивую, слегка наклоненную голову.

— Ну, что, Лиза, много наварила?—раздался вдругъ голосъ незамѣтно подкравшейся Софьи Степановны.—А, да здѣсь и Александръ Алексѣичъ!—воскликнула старушка, не дождавшись отвѣта дочери.—Здравствуйте, бабушка... Когда же это вы возвратились? Я что-то не замѣтила, а сидѣла все подъ окномъ.

— Я сегодня никуда не ходилъ.

— А-а, скажите, пожалуйста!... Кабы я знала это, я бы давно сюда пришла. Ежеминутно порывалась съ вами поговорить, да думала, вась дома нѣтъ. Не спала ночь напролетъ, все думала... вотъ объ этой сокрухѣ-то!

— Нечего, мама, думать обо мнѣ, — спокойно сказала Лиза.

— Какъ нечего? Легкомысленная! Вѣдь, во мнѣ вся душа изныла о тебѣ. Этакое несчастіе...

— Дѣйствительно, нечего думать,—подтвердилъ Перовъ.

— Что вы, Александръ Алексѣичъ, какъ можно этакъ говорить?—угрюмо проговорила старушка.—Вы вникните-ка...

— Я вникалъ. Мы съ Лизаветой Ивановной тутъ много говорили.

— Ну, что-жь, образумили хоть малость?

— Успокойтесь, все слава Богу. Лизавета Ивановна почувтъ свое.

— Дай-то, Господи!... Пошли ей, Царица небесная!—причитала старушка, крестясь. — Покорно вась благодарю, мой бабушка,—продолжала она, отвѣшивая Перову низкій поклонъ.

— Что вы, что вы? Все не за что,—смущенно проговорилъ Перовъ.—У Лизаветы Ивановны своего разума много. Она прекрасно все обдумала.

— Будеть толковать-то; давайте-ка варенье пробовать,— сказала Лиза, выливая готовое варенье въ миску.

— Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Алексѣичъ, ну-те-ка,— встрепенулась старушка.

Она сперва сама посмаковала новинки, одобрила ее и затѣмъ уже передала ложку квартиранту. Пока Перовъ лакомился вареньемъ, Софья Степановна лепетала:

— Нынче ужъ не знаешь, какъ *его* и варить. Ягода дорогая, сахаръ дорогой... Собственно изъ-за того варишь, что иной разъ хороший человѣкъ прилучится... А сами-то мы... Гдѣ ужъ тамъ?... Что же вы мало? Кушайте, милый, кушайте. Дай Богъ вамъ... Кушали бы еще... Ужъ такое-то вы намъ одолженіе оказали, право... А я все сокрушалась, думала, какъ бы *все это* уладить поскорѣе. А то, молю, Александръ Алексѣичъ уѣдетъ, тогда все пропало, тогда ужъ...

— Ну, мама, будетъ объ этомъ,—умоляющимъ тономъ произнесла Лиза и тотчасъ обратилась къ Перову:—А вы уѣдете на каникулы?

— Думаю поѣхать,—отвѣтилъ тотъ.

— Куда?

— Окончательно пока не рѣшилъ. Можетъ быть, на родину проѣду, а, можетъ быть, еще куда-нибудь.

— Мы тоже, должно быть, поѣдемъ,—сказала старушка.

— А вы куда?—полюбопытствовалъ Перовъ.

— У насъ одно мѣсто—въ Хвостово,—пояснила Софья Степановна.—Тамъ у меня деверь священникомъ. Живеть, слава Богу, въ достаткѣ. Къ нему вотъ и ѣздимъ иной разъ погостить. Не знаю только, дадутъ ли Ивану Ильичу отпускъ...

— Что-жь, мама, «отпускъ»? Развѣ мы не можемъ поѣхать однѣ?—возразила Лиза.

— Можемъ-то, можемъ,—отвѣтила старушка,—да мнѣ не хочется отца дома оставлять одного. Ты знаешь...

— Ну-у, пустяки!—таинственно промолвила Лиза и вдругъ оживилась.—А знаете что, Александръ Алексѣичъ? Поѣдемте съ нами.

— А что-жь? Это бы хорошо,—одобрила старушка.—Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Алексѣичъ, а? *Тамъ* будутъ страсть какъ рады.

— Не знаю, право,—колебался Перовъ.—У меня были иные планы.

— Да что-жь «планы»?—возражала Софья Степановна.—Вѣдь, смертной нужды нѣтъ, а развлечься—и тамъ развлечетесь. Въ Хвостовѣ очень хорошо.

— О, въ Хвостовѣ великолѣпно!—восторгалась Лиза, махая платкомъ на свое пылающее лицо.—Какой воздухъ! какіе виды! Сосновая роща... Прелесть! Да, еще вотъ что: тамъ есть замѣчательные курганы, историческіе.

— Курганы? Это интересно,—оживленно проговорилъ Перовъ.—Меня этотъ предметъ давно занимаетъ... Дѣйствительно, хорошо бы взглянуть...

— Вотъ и отлично! — подхватила Лиза. — Значить, ѣдемъ. Право, не пожалѣете.

— Хорошо. Я не прочь. Только бы не оттягивать эту поѣздку... чтобъ время даромъ не пропадало. Мнѣ, все-таки, хочется проѣхать и еще кое-куда.

— Зачѣмъ же оттягивать?—сказала Лиза.—Мама свободна, я свободна, а черезъ нѣсколько дней и вы освободитесь... Бакъ только наступятъ для васъ каникулы, сейчасъ же мы и поѣдемъ.

— Хорошо.

— А я скажу Ивану Ильичу, чтобъ онъ заблаговременно похлопоталъ насчетъ отпуска, чтобъ завтра же просился,—встала Софья Степановна.—А то... что-жь онъ тутъ одинъ останется?

— А далеко ѣхать-то?—спросилъ Перовъ.

— Нѣтъ, верстъ пятьдесятъ,—отвѣтили въ одинъ голосъ мать и дочь.

— По желѣзной дорогѣ?

— Нѣтъ, на лошадахъ, но это еще лучше. Лошади хорошія, экипажъ помѣстительный, покойный,—объяснила старушка.—Дадимъ знать—сейчасъ же и вышлютъ.

Мысль о совмѣстной поѣздкѣ еще болѣе сблизила хозяевъ и квартиранта. Когда Иванъ Ильичъ возвратился со службы, то всѣ будущіе путешественники усѣлись обѣдать за одинъ столъ. Всѣ чувствовали себя хорошо и неумолкаемо болтали. Перовъ мимоходомъ объяснилъ Ивану Ильичу, какое значеніе имѣетъ та или другая форма кургана. Иванъ Ильичъ чрезвычайно обрадовался внезапному расширенію своихъ познаній и, крутя головой, громко фантазировалъ:

— Одни воронкой, другіе коронкой... Вотъ штука-то! Сторожевые посты... Гм... Оказія! И какъ это я прежде не зналъ?

Вотъ дуракъ-то! Я бы ихъ собственными руками разрылъ всё... эти, что воронкой-то. Ей-Богу. А то, бывало, посмотришь: курганы да курганы. А выходить вонъ что! Этакое сокровище! И что это правительство до сихъ поръ?... Ну, спасибо, что сказали. Ей-Богу; собственными руками разрою! Попрошу подлиннѣй отпускъ и... тово... Что я, въ самомъ дѣлѣ, дуракъ, что ли, какой? Пусть *изъ тамъ* ничего не знаютъ. Тѣмъ лучше. А я тутъ, какъ тутъ. Раскопаю—и вотъ оно!... А тамъ, глядишь, и правительство вникнетъ. Скажетъ: «Кто раскопалъ?»—Титулярный совѣтникъ Иванъ Щуровъ.—«А дать ему, скажетъ, за этакое дѣло орденъ». Хе-хе-хе! Вотъ такъ Александръ Алексѣичъ, ей-Богу! Что я былъ бы безъ васъ? Пропалъ бы ни за грошъ... въ безвѣстности. А теперь—о-го-о-о!

V.

Часовъ въ пять одного прекраснаго юньскаго вечера къ дому хвостовскаго батюшки, о. Прохора, ухарски подкатили черезъ площадь два тарантасика; въ первомъ помѣщался Иванъ Ильичъ съ Перовымъ, а во второмъ, увязая въ подушкахъ, гиѣздились Софья Степановна съ дочкой. Проходя черезъ сѣни, гости увидѣли на полу большой кипящій самоваръ, прикрытый крышкой на бекрень. Не успѣли еще гости пройти довольно длинныхъ сѣней, какъ дверь изъ передней распахнулась на отмахъ, и на порогѣ засіяли лики почтенныхъ хозяевъ. Батюшка, сѣдой, но краснощекій, бародатый исполинъ, съ ястрибиными глазами, стоялъ въ торжественной позѣ, отклонивъ голову нѣсколько назадъ, выставивъ впередъ одну ногу и заложивъ руки въ карманы. Матушка, низенькая, толстенъкая, кругленькая, почти безъ шеи, топталась возлѣ супруга и, сложивъ руки на животѣ, улыбалась широкой улыбкой.

— Ну, отецъ Прохоръ, мы къ тебѣ не спроста,—началъ Иванъ Ильичъ, облобызавшись съ братомъ.—Приѣхали копать...

— Что? Ужъ не могилу ли мнѣ?—спросилъ о. Прохоръ съ искусственнымъ изумленіемъ.

— Нѣтъ, не могилу... Оно, положимъ, могилу, да только совсѣмъ въ другомъ родѣ,—изъяснялъ Иванъ Ильичъ, вступая въ залу.

— Ну, заплелъ плетень!—упрекнула Софья Степановна.—Ты бы вотъ человѣка-то лучше представилъ,—добавила она, указывая

на Перова, съ которымъ никто изъ хозяевъ не успѣлъ еще по-здороваться.—Прохоръ Ильичъ, это вотъ нашъ... Александръ Алексѣичъ... квартирантъ... изъ прогимназіи..

Такая редакція представленія не очень понравилась Перову, и онъ, здороваясь съ хозяевами, счелъ не лишнимъ съ своей стороны сказать: «Учитель прогимназіи, Перовъ».

— Очень пріятно... Уже имѣли удовольствіе слышать. Братъ писалъ, —объяснилъ о. Прохоръ и повелъ, гостя подь руку въ залъ.

— Эхъ, братъ, невѣсть-то ты своихъ всѣхъ роздалъ, а то бы...—возгласилъ Иванъ Ильичъ и лукаво подмигнулъ.

— Болтовня ты этакая, ты бы хоть въ гостяхъ-то воздержался. А онъ еще хуже, чѣмъ дома, —внушала Софья Степановна.

— А развѣ я тутъ не дома? — возразилъ Иванъ Ильичъ.— Мы всѣ тутъ свои. Александръ Алексѣичъ тоже, почитай, свой.

Хозяева переглянулись, а Перовъ, подойдя къ старенькому фортепьянчику, машинально ударилъ по нѣсколькимъ клавишамъ.

Подали на столъ самоваръ. Остальныя принадлежности чаепитія были приготовлены еще до пріѣзда гостей. Иванъ Ильичъ первый усѣлся въ «большое мѣсто» и, положивъ обѣ руки со-всѣмъ съ локтями на столъ, возгласилъ:

— Ну, путешественники, присаживайтесь!

— Прошу покорно!—произнесъ хозяинъ.

— Пожалуйте, сдѣлайте милость, гости дорогіе! — разсыпалась хозяйка.

— Оно, братъ, вотъ что, —продолжалъ Иванъ Ильичъ, — съ дорожки-то слѣдовало бы... тово... Ну, да ужъ, видно... не будемъ портить чередъ

— А что-жь? Это можно, —заявилъ хозяинъ.

— И, ужъ Богъ знаетъ что! Ну, кто-жь таки передъ чаемъ?—тревожно вступилась Софья Степановна.

— Только, братъ, вотъ что, —говорилъ, между тѣмъ, Иванъ Ильичъ, вставъ съ своего мѣста: —натаскивать сюда всякой всячины изъ-за одного человѣка не стоитъ Я лучше *туда* пойду; вѣдь, это минутное дѣло.

— А они-то?—сказалъ хозяинъ, кивая на Перова.

— О, нѣтъ, они еще въ настоящую пору не вошли, —объяснилъ Иванъ Ильичъ.

— Ну, пойдемъ... Я тебѣ *той* пятилѣтки... Помнишь?

— Ай! она еще цѣла? О, пойдемъ, пойдемъ! — воскликнулъ

Иванъ Ильичъ и, обнявъ брата одной рукой, направился съ нимъ въ таинственное *туда*.

— Иванъ Ильичъ, не хорошо... голова будетъ болѣть, — еще разъ замѣтила Софья Степановна.

— А зачѣмъ инѣ голова? Вѣдь, я не въ казенную палату прибылъ! — весело крикнулъ титулярный совѣтникъ и съ хохотомъ скрылся въ смежной комнатѣ.

Пока братья провѣдывали «нятилѣтку», хозяйка, угощая остальныхъ гостей чаемъ, успѣла спросить у родственницъ, варили ли онѣ себѣ варенье, а у Перова освѣдомиться относительно того, «откуда они будутъ родомъ, какого званія и живы ли ихъ родители». Получивъ на всѣ эти вопросы удовлетворительные отвѣты, хозяйка принялась рассказывать, какъ у ней было весело, когда ея дочери не были выданы еще замужъ.

Чаепитіе окончилось и гости съ хозяевами бродили по залѣ. Въ домѣ о. Прохора появился новый гость. Это былъ коренастый, мертвенно-блѣдный старикъ, съ черными, какъ смоль, глазами и съ сѣдыми висячими бакенбардами. На немъ былъ мѣшковатый мундиръ съ жгутами на плечахъ и высокіе сапоги со шпорами.

— А, Ома Емельянычъ! — воскликнулъ Иванъ Ильичъ, узнавъ своего исконнаго пріятеля.

— Рекомендую: предрержащая власть нашей округи, — сказалъ о. Прохоръ, указывая Перову на новаго гостя. — А это, Ома Емельянычъ, профе... то-есть учитель губернской прогимназіи.

Предрержащая власть ловко щелкнула шпорами и начала здороваться съ остальными смертными.

— Что за явленіе? — подумалъ Перовъ. — Становой... съ какой стати? Ужъ не новаго ли человѣка обнюхивать?...

Онъ закурилъ папиросу и сѣлъ въ отдаленный уголь комнаты.

— Провѣтриться вздумали? — фамильярно обратился становой къ Ивану Ильичу.

— Ну, нѣтъ, на сей разъ вовсе не провѣтриться, — важно отвѣтилъ Иванъ Ильичъ, раскрывая табакерку.

— Неужели по дѣламъ?

— По дѣламъ и по-о важнымъ дѣламъ! — отчеканилъ Иванъ Ильичъ и усердно принялся нюхать.

— Вонъ сидитъ человѣкъ-то... — продолжалъ было онъ и поперхнулся.

Становой, погрузивъ два пальца въ нѣдра пріятельской табакерки, покосился на Перова.

— Это все онъ...—продолжалъ Иванъ Ильичъ и спряталъ табакерку.

Становой еще разъ покосился на учителя и принялся нюхать.

Но, Боже мой, какая разница оказалась между нюханьемъ титулярнаго совѣтника и нюханьемъ становаго! Титуляръ нюхалъ искренно, съ полнымъ усердіемъ, съ соблюденіемъ установленнаго темпа, съ паузами, подъ конецъ отдувался и даже стоналъ, точно подъявши тяжкіе труды для отечества. Этому великому дѣлу онъ предавался всецѣло: въ немъ принимали участіе и разставленные извѣстнымъ образомъ ноги, и наклоненная до извѣстной степени голова, и сморщенное до опредѣленнаго числа морщинъ лицо, и прищуренный глазъ и т. п. Становой же продѣлалъ весь этотъ великій процессъ, такъ сказать, «малымъ обычаемъ», небрежно и коротко: опрокинутымъ большимъ пальцемъ становой толкнулъ сперва одну ноздрю, потомъ другую—вотъ и все. Ни особенной подготовки, ни сознанія долга, ни экспрессіи... Впрочемъ, въ моментъ нюханья у Ѳомы Емельяныча совершался за то другой процессъ, не менѣе важный, процессъ психическій,— процессъ догадокъ и подозрѣній. Страхнувъ съ пальцевъ табачную пыль, онъ придвинулся къ Ивану Ильичу поближе и таинственно опросилъ: «Вы говорите: «онъ»?... Что же такое онъ?»

— Да вотъ пріѣхалъ раскапывать... и меня соблазнилъ,— объяснилъ Иванъ Ильичъ, утираясь ситцевымъ платкомъ.

— Гм-гм,—промычалъ становой и медленно провелъ рукою по бакенбардамъ.

— Да-а! А вы какъ бы думали?—позируя, продолжалъ Иванъ Ильичъ. — У васъ тутъ все подъ носомъ, а вы и вниманія не обращаете... Чего вы до сихъ поръ сидѣли?

— Я, положимъ, не сидѣлъ,—нахмураясь проговорилъ становой и закашлялся.

— Ну, какъ не сидѣли?... Извѣстно, сидѣли. Иначе давно бы обратили вниманіе. Какъ мы вотъ раскопаемъ съ Александромъ Алексѣичемъ, такъ вы и увидите, чѣмъ это запахнетъ. Можетъ, завтра же приступимъ.

— Да, вѣдь, онъ, кажется, учитель?—почти шепотомъ сказалъ Ѳома Емельянычъ.

— Учитель.

— Такъ какъ же это?... Я, право, не понимаю.

— Дѣло хорошо знаетъ,— вотъ въ чемъ сила, — объяснилъ Иванъ Ильичъ. — Онъ мнѣ разъяснилъ такое, что мнѣ и въ носъ никогда не вклидывалось, даромъ, что я уже пожилъ-таки на свѣтѣ... А возгорѣлось все это, можно сказать, внезапно. И я еще дома вспомнилъ: что это, молъ, Оома Емельянычъ смотритъ? Такъ-то! — заключилъ Иванъ Ильичъ и зашагалъ по комнатѣ.

Становой секунды пять постоялъ, наклонивъ голову, и потомъ, нагоняя пріятеля, озабоченно произнесъ:

— Послушайте, Иванъ Ильичъ, мнѣ нужно съ вами...

— Чего тамъ? — перебилъ Иванъ Ильичъ, отмахиваясь отъ становаго. — Вотъ завтра приступимъ, да и все.

Онъ захохоталъ и тотчасъ обратился къ о. Прохору.

— Ну-ка, братъ, покажи-ка мнѣ свое хозяйство... какъ у тебя нынѣшній годъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, что мы тутъ сидимъ... въ этакую пору? — подхватила хозяйка. — Они тамъ пусть... въ свое мѣсто, а мы въ свое. Пойдемте-ка въ садъ, — обратилась она къ гостямъ. — У насъ нынче садикъ — слава Богу: и крыжовничекъ, и смородинка... Пойдемте-ка.

Хозяева и гости двинулись изъ комнаты. Александръ Алексѣичъ и становой оказались позади всѣхъ.

— Извините, я давеча не разслушала... ваше имя - отчество? — началъ Оома Емельянычъ, любезно подхватывая Перова подъ руку.

Перовъ назвалъ себя.

— Очень пріятно, — продолжалъ становой. — Въ нашей глуши встрѣтить интеллигентную личность — это такая рѣдкость... можно сказать, истинное счастье. Живешь, можно сказать, въ пустынѣ. Крутомъ невѣжество, тьма... встрѣтишь вотъ этакъ человѣка — и самъ ровно бы возвысишься... въ нравственномъ отношеніи. Я прежде служилъ въ губерніи, потомъ былъ въ отставкѣ, и теперь вотъ опять... при дѣлѣ. И скажу вамъ откровенно, всегда любилъ образованное общество.

— Ахъ, какая прелесть! — воскликнула Лиза уже въ саду. — Александръ Алексѣичъ, вотъ садъ-то! Это не то, что нашъ? А?

— Да, этотъ побольше и посодержательнѣе, — отозвался Перовъ, освобождая изъ-подъ своей руки руку становаго.

Компанія сгруппировалась возлѣ кустовъ смородины. Началось что-то вродѣ диспута.

— За то вашъ садикъ чище содержится,—сказала хозяйка Лизѣ,—а въ нашемъ и дорожекъ настоящихъ нѣтъ.

— А въ нашемъ зелень свѣжее и гуще, да и дышется какъ-то свободнѣе,—оппонировала Лиза.

— А къ намъ солдатъ пришелъ! — перебила вдругъ Лиза, взглянувъ на Перова, и расхохоталась.

— Какой солдатъ?—съ наивнымъ недоумѣніемъ спросила матушка.

— Э, да такъ... болтаетъ...—успокоила Софья Степановна.

Между тѣмъ, Ома Емельянычъ, заложивъ руки назадъ, чинно прохаживался по саду, останавливался почти у каждаго дерева и запрокидывалъ голову, точно желая удостовѣриться, есть ли на деревѣ верхушка, или не скрывается ли въ верхнихъ вѣтвяхъ жарь-птица.

Старушки направилась къ скамеечкамъ. Перовъ и Лиза пошли было за ними, но дальновидная матушка немедленно отлучила ихъ отъ своего общества.

— Что вы все за нами?—съ шутливою строгостью воскликнула матушка.—Что вамъ дѣлать со старухами? Какой съ нами интересъ? Вы бы лучше вонъ на качеляхъ покачались. А то бы смородинкой полакомились, красная-то ужъ поспѣла...

Перовъ и Лиза съ улыбкой переглянулись и послѣ нѣкотораго колебанія повернули назадъ. Они подошли къ качелямъ. Перовъ потянулъ внизъ скорчившуюся и почернѣвшую веревку.

— Развѣ поступить по рецепту?—обратился онъ къ Лизѣ.

Не успѣла Лиза отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ къ молодымъ людямъ подскочилъ становой.

— Александръ Алексѣичъ, давайте-ка покачаемъ Лизавету Ивановну,—предложилъ онъ, сладостно улыбаясь.

— Мерси, я не желаю,—отказалась Лиза.

— Отчего? Это очень полезно и даже... даже очень пріятно,—продолжалъ Ома Емельянычъ.—Помните, когда здѣсь были барышни... ваши кузины? Онѣ, бывало, съ удовольствіемъ... Ужъ на что я, старикъ,—и то, бывало, принималъ участіе... А вы такая молодая барышня... и, притомъ... условія городской жизни... Помилуйте, какъ это можно? Это даже въ гигиеническомъ отношеніи... Садитесь-ка, садитесь, а мы съ Александромъ Алексѣичемъ...

— Нѣтъ, пожалуйста! Благодарю васъ,—снова отреклась Лиза.

— Эхъ, жаль, очень жаль!—гореваль становой.— А ужь я... даромъ, что старижъ, такъ и быть бы ужь...

— Да гдѣ же это старики-то наши запропастились? — возгласила матушка, выходя съ Софьей Степановной изъ засады.— Пойдемте искать ихъ. Пора бы ужь и закуеить.

Публига направилась изъ сада.

О. Прохоръ имѣлъ удовольствіе выслушать нѣсколько похвальныхъ отзыовъ о своемъ хозяйствѣ, причемъ матушка резонно замѣтила, что все зависитъ отъ Бога, что иной разъ и въ малыя житницы нечего собирать.

— А знаете что? Зайдемте-ка ко мнѣ, — предложилъ становой, обращаясь къ мужчинамъ.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ за всѣхъ Иванъ Ильичъ.

— Вотъ и прекрасно, — одобрилъ Оома Емельянычъ.— А я теперь одинъ, жена у дочери гостить. Скука. Дамъ я затрудняюсь принять, а вы, господа, сдѣлайте милость... Александръ Алексѣичъ, позвольте надѣяться?

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

И, недолго думая, мужчины, со становымъ во главѣ, поѣздили черезъ изгородь.

Изъ передней, мимо какого-то мужика съ бляхой на груди, гости вступили въ довольно большую комнату, которая представляла собой и залу, и гостинную, и кабинетъ вмѣстѣ. Столъ круглый, два столика ломберныхъ, письменный столъ, диванъ, кушетка, кресла и разнородныя стулья, конторка, этажерка, маленький рояль, ковры, портреты, фотографическія карточки—составляли обстановку и убранство этой комнаты. Оома Емельянычъ усадилъ всѣхъ троихъ гостей на диванъ, а самъ усѣлся у противоположной стѣны, возлѣ рояля.

— Такъ вотъ, Александръ Алексѣичъ, моя хижина, — началъ онъ, обращаясь къ Перову.— И радъ бы попросторнѣе, да нельзя. Какъ хочешь, такъ и развертывайся. А также и въ нравственномъ отношеніи... большая тѣснота, какъ я уже имѣлъ честь сообщить вамъ. Обратите вниманіе: съ одной стороны, поэзія (онъ постучалъ ладонью по крышкѣ рояля), а съ другой стороны—бланки горою лежатъ (онъ кивнулъ на письменный столъ). Тамъ вонъ Гоголь въ переплетѣ стоитъ, а тутъ податей никакъ не соберешь. Ъздишь-ѣздишь, рассыльныхъ гоняешь, а выходитъ одно прискорбіе. А, вѣдь, издали можетъ показаться...

— Ничего не может показаться, — перебилъ Иванъ Ильичъ. — Да и грѣшно вамъ жаловаться на свою судьбу. Чего вамъ не достаетъ? Ишь какъ устроились — настоящій губернаторъ! Любо посмотреть. Жалобы-то намъ и въ городѣ надѣли. Мы прѣехали вовсе не за тѣмъ... Думали, во-первыхъ, развлечься, а главное...

— Какія же у насъ развлечения? — перебилъ въ свою очередь становой. — А, впрочемъ, я постараюсь съ своей стороны... У меня, напримѣръ, своя лодка на рѣкѣ. Вотъ, если удобно... А Александру Алексѣичу я предложилъ бы, кромѣ того, лошадку покататься. У меня теперь славный верховикъ. Только съ нимъ нужно умѣючи... Вы, Александръ Алексѣичъ, какъ? Имѣете въ этомъ навыкъ?

— Имѣю, — отвѣтилъ Перовъ. — Я жилъ у одного помѣщика на урокахъ, и тамъ мнѣ часто приходилось ѣздить верхомъ. Думаю, что съ тѣхъ поръ не разучился, и съ удовольствіемъ воспользовался бы вашимъ любезнымъ предложеніемъ.

— Сдѣлайте милость, хоть сейчасъ къ вашимъ услугамъ! — оживился становой.

— Нѣтъ, теперь уже поздно, а, если позволите, завтра.

— Все равно, все равно, какъ вамъ будетъ угодно, — согласился Оома Емельянычъ.

— Это все хорошо, это отъ насъ не уйдетъ, — началъ Иванъ Ильичъ, — а намъ бы вотъ за дѣло-то поскорѣе приняться. Это поважнѣе.

— За какое дѣло? — тихо спросилъ становой.

— Раскапывать.

— То-есть... что же это такое? Вы давеча мнѣ намекнули, но нисколько не выяснили, — допытывался становой.

— Неужели вамъ самимъ никогда въ голову не приходило? — удивился Иванъ Ильичъ.

— Да что, что именно? Я никакъ не могу догадаться и признаюсь, ничего такого не знаю.

— Не знаете, что раскапывать? Гм... А курганы-то, вѣдь, у васъ подъ носомъ торчатъ, — объяснилъ, наконецъ, Иванъ Ильичъ, обличительно кивнувъ головой.

Оома Емельянычъ крѣпко шлепнулъ себя по колѣнгамъ и залился громкимъ хохотомъ.

— Ну, диплома-ать! Ахъ, бакой дипломать! — воскликнулъ становой, отдохнувъ, и снова захохоталъ.

— Тамъ дипломатъ, или не дипломатъ, а ужъ мы съ Александромъ Алексѣичемъ добьемся-таки своей цѣли. Затѣмъ собственно и пріѣхали,—отъезжалъ Иванъ Ильичъ.—Вотъ тутъ-то ваша помощь намъ сильно бы пригодилась. Нельзя ли намъ этакъ мужичковъ побольше? А?

Становой пожалъ плечами и промолчалъ.

— Да ты что это, въ правду, чтоль?—обратился о. Прохоръ къ брату.

— Конечно, не шучу,—серьезно проговорилъ Иванъ Ильичъ.—Такъ какъ же, Гома Емельянычъ, мужичковъ-то?

— У мужичковъ теперь своей работы много,—замѣтилъ Перовъ.

— Совершенно вѣрно, мужичкамъ теперь некогда,—подтвердилъ становой.

— Ну, пока хоть разсылныхъ,—надумалъ Иванъ Ильичъ.—У васъ ихъ, чай, много, и не постоянно же они въ дѣлѣ. А намъ все-таки бы, для спорости...

— Нѣтъ, не могу, разсылныхъ не могу, извините,—твердо отчеканилъ становой.

— Вы, Иванъ Ильичъ, очень ужъ торопитесь,—замѣтилъ Перовъ.

— А по моему ты, братъ, затѣваешь чистую блажь,—вставилъ о. Прохоръ.

Иванъ Ильичъ даже подпрыгнулъ на мѣстѣ.

— Блажь? Нѣтъ, не блажь! Я тебѣ докажу, что не блажь!—горячился титулярный.—Спроси-ка вонъ у Александра Алексѣича. Я...

— Позвольте, позвольте,—остановилъ становой.—Зачѣмъ шумѣть понапрасну? Это вопросъ очень важный и даже необычайный, а потому...

— Это у васъ необычайный,—перебилъ Иванъ Ильичъ,—а вотъ спросите-ка у Александра Алексѣича... Нынче ужъ вездѣ копаютъ, нынче...

— Позвольте, дайте мнѣ докончить!—воскликнулъ становой.—Прежде чѣмъ приступить къ раскопкѣ, необходимо рѣшить вопросъ принципиально, и я тутъ близко заинтересованъ.

— А если заинтересованы, такъ чего-жь вы до сихъ поръ не копали?—возразилъ Иванъ Ильичъ.

— Я вовсе не о томъ,—продолжалъ становой.—Я заинтересованъ въ легальномъ отношеніи.

— Въ легальномъ?—передразнилъ Иванъ Ильичъ.

— Именно въ легальномъ. Помилуйте: ни съ того, ни съ сего прѣехали ко мнѣ копать! Бто? По какому полномочію? Для какой цѣли? Ничего этого я не знаю.

— Какъ не знаете?—кипятился Иванъ Ильичъ.—Меня вы знаете?

— Знаю.

— Александра Алексѣича знаете?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Что вы говорите? Вамъ первымъ долгомъ отрекомендовали... Онъ у меня цѣлый годъ квартируетъ.

— Прекрасно, но мнѣ неизвѣстно, изъ какого образа мыслей все это вытекаетъ. Вы говорите: «вездѣ капаютъ». Но какъ копаютъ и зачѣмъ копаютъ? Есть у васъ письменное разрѣшеніе отъ начальника губерніи?

— Нѣтъ.

— Вотъ видите. А безъ этого я не могу, какъ хотите. Иначе я долженъ буду немедленно донести губернатору, что въ моемъ районѣ... (становой закашлялся).

Перовъ, который доселѣ намѣренно отмалчивался, смель, наконецъ, нужнымъ вставить и свое слово.

— Успокойтесь, Гома Емельянычъ,—сказалъ онъ,—раскопокъ мы не будемъ производить. Иванъ Ильичъ нѣсколько увлекся. Я случайно узналъ отъ него, что здѣсь есть курганы, и сообщилъ ему нѣкоторыя свѣдѣнія о курганахъ вообще, и мы немножко пофантазировали. Но я никакъ не думалъ, что Иванъ Ильичъ такъ горячо приметъ къ сердцу археологическій вопросъ и выразитъ серьезную готовность немедленно приступить къ раскопкамъ. Если бы я дѣйствительно рѣшилъ изслѣдовать здѣшніе курганы, то я, конечно, заручился бы разрѣшеніемъ начальника губерніи.

— Да, это дѣло другаго рода,—сказалъ становой.—Тогда я не только не помѣшаю, а, напротивъ, окажу содѣйствіе... Только знаете что? Я бы вамъ, все-таки, не совѣтовалъ за это браться.

— Почему?—спросилъ Перовъ.

— Такъ. Пусть роютъ другіе... гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Какъ хотите, а это дѣло довольно сомнительное. Въ чему трогать вещь, которую во вѣки вѣковъ никто не трогалъ? Еще, пожалуй, что-нибудь случится... Тогда и вамъ будетъ плохо, да и мнѣ не хорошо. По моему, самое лучшее—не трогать... У

выѣшнихъ молодыхъ людей какая-то особенная страсть: дай, дескать, вотъ это трону, да вонъ-то расковыряю. Нехорошая страсть. Мало ли занятій помимо этого? Каждый къ чему-нибудь приставленъ. И дѣлай каждый свое. Если кому досугъ выпадеть—отдыхай, развлекайся. А если хочешь, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и польза была, такъ вонъ нравы - обычаи на это есть. Только бы это было не подъ видомъ, а по настоящему и съ образомъ мыслей. О. Прохоръ, правду я говорю?

— Пра... правду,—зѣвая, отвѣтилъ батюшка.—Только что же это мы тутъ разсидѣлись-то?... Да еще поругались было. А тамъ, небось, старуха съ ужиномъ ждетъ.

— Ахъ, гости дорогіе, а, вѣдь, я васъ ничѣмъ и не поподчивалъ,—спохватился становой.—Петръ, а Петръ?

— Чего изволите?—отозвалась изъ передней бляха.

— Принеси-ка тамъ...

— Не нужно, не нужно, мы сейчасъ ужинать, — перебилъ батюшка, вставая съ дивана и увлекая своимъ примѣромъ Ивана Ильича и Перова.

— Да погодите, вѣдь, *это* сію минуту, — удерживалъ становой.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отрекался о. Прохоръ.—*Мать* теперь окончательно... А мнѣ еще къ заутренѣ встать.

— Бабы пораньше, а то... я теперь разстроень,—вставилъ Иванъ Ильичъ.

— Ну, будетъ толковать-то. На моемъ мѣстѣ вы точно такъ же бы поступили,—сказалъ становой.

— Ладно, мы еще посмотримъ,—заключилъ Иванъ Ильичъ и первый началъ прощаться съ хозяиномъ.

Часа черезъ два Иванъ Ильичъ, изрядно подвыпившій, покоемъ вмѣстѣ съ братомъ на сѣновалѣ и страдалъ необычайнымъ бодрствованіемъ.

— Къ губернатору!... Съ какой стати къ губернатору?—размышлялъ онъ вслухъ.—Сунься-ка я къ губернатору, сейчасъ произойдетъ огласка. Тогда всякій шутъ конать полѣзеть, всякая сосулька начнетъ разрѣшенія просить. Еще бы! Всякому лестно... Гдѣ-жь тогда правительству разобрать, кто тутъ первый? Нѣтъ, шалишь, никому не уступлю! Этакая заслуга и вдругъ чортъ знаетъ кому достанется! Братъ!

О. Прохоръ невозмутимо и протяжно храпѣлъ.

— Братъ!!—крикнулъ Иванъ Ильичъ.

— М-и-м... Тамъ у попады. — пробормоталъ батюшка и зашелестѣлъ сѣномъ.

— Что у попады?—съ досадою спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Э, Господи, да ключи. Пушай благовѣстять, — невнятно проговорилъ о. Прохоръ и снова захрапѣлъ.

— Вѣдь, вотъ поповское отродье! Ему хоть трава не расти. Только и знаетъ, что благовѣстить, — заворчалъ Иванъ Ильичъ. — Ну, да чертъ васъ возьми! Я и одинъ управлюсь. Къ губернатору... Понима-аеть... *они* тогда какъ саранча налетятъ.. на чужой коровой. Охъ, Господи помилуй, Господи помилуй!... Только бы Царица небесная помогла совершить...

Монологъ Ивана Ильича продолжался еще нѣсколько минутъ. но становился все безсвязнѣе и безсвязнѣе, пока, наконецъ, совсѣмъ не оборвался на полсловѣ.

VI.

Слѣдующій день былъ праздничный. Когда батюшка, задержанный въ церкви молебнами и другими «требами», возвращался домой, то гости его уже успѣли покончить чай.

— Братъ, я тебѣ принесъ одну вѣсть... весьма для тебя поучительную, — началъ о. Прохоръ, поздоровавшись съ Иваномъ Ильичемъ.

— Какую это вѣсть?—спросилъ Иванъ Ильичъ.

— Я въ церкви говорилъ кое съ кѣмъ про твою затѣю.

— Ну?

— Ну, мнѣ и сообщили...

— Что?

— Что это самое опасное дѣло, прямо пагубное. Одинъ господинъ такъ-то придумалъ копать. Ну, и начали. Бопали-копали... подошло дѣло къ концу. Что же оказалось? Пастухъ утромъ подошелъ къ кургану-то, посмотрѣлъ на дно, а тамъ человекъ лежитъ.

— Какъ человекъ?

— Да такъ, мертвый.

— Шкелеть?

— Какой скелеть? Настоящій человекъ, свѣжій, недавній... и въ одѣяннн.

— Кто же это таковой?

— А самый этотъ... зачинщикъ-то... что конать придумалъ.

— Пустое! Быть не можетъ!

— Нѣтъ, не пустое, а самое вѣрное. Вотъ и тебѣ тоже самое будетъ.

— Откуда ты это узналъ?

— Дьяконъ сказывалъ.

— Ого-о! Нашелъ человѣка! Ха-ха-ха!... Я ужь думалъ...

— Да ты не шути этимъ человѣкомъ-то. У меня не такой дьяконъ, чтобы врать.

— Гдѣ это было? Здѣсь?

— Нѣтъ, не здѣсь, а гдѣ-то еще.

— Ну-у, вздоръ чистый, и толковать нечего. Александръ Алексѣичъ, вы слышали такую исторію?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—заявилъ Перовъ.

— Вотъ видишь. Значить, пустяки. Иначе Александръ Алексѣичъ зналъ бы,—доказывалъ Иванъ Ильичъ.

Перовъ улыбнулся, но не возражалъ.

— А я тебѣ говорю, что не пустяки,—продолжалъ о. Прохоръ.—Нужно знать, какой у меня дьяконъ. Вы, Александръ Алексѣичъ, извините, но дьяконъ у меня дѣйствительно необычайный. Чуть не вдвое старше меня и все знаетъ. Онъ не то что какіе-нибудь курганы, даже нашествіе французовъ помнить. За всѣмъ слѣдить и все вызнаетъ. Какъ это онъ вызнаетъ—уму непостижимо. Вотъ мы тутъ сидимъ—ничего не знаемъ. А онъ знаетъ, что въ Петербургѣ дѣлается!... И постоянно рассказываетъ. Вѣрите ли, иной разъ даже совѣстно. Все-таки, я священникъ, настоятель... По всѣмъ резонамъ, мнѣ бы слѣдовало больше дьякона знать... А ничего не сдѣлаешь. Онъ знаетъ, а я нѣтъ! Такъ какъ же такому человѣку не повѣрить? Нѣтъ, братъ, ты *этимъ* не шути. Тебя жалѣючи говорю.

— Опомоумѣлъ на старости лѣтъ и больше ничего,—высказалась Софья Степановна.

— А ты, сударыня, молчи. Вѣдь, не понимаешь,—иначе проговорилъ Иванъ Ильичъ и задумался.—А ежели я обращусь къ губернатору, да ежели онъ мнѣ вышлетъ войско... тогда кто съѣстъ меня тронуть?

Софья Степановна покачала головой. О. Прохоръ пренебрежительно махнулъ рукой.

— Вотъ что, Иванъ Ильичъ, вы пока успокойтесь,—началъ Перовъ.—Я прежде хорошенько осмотрю эти курганы. Можетъ

быть, они всё сторожевые. Тогда ихъ и конать не стоитъ. Одна насыпь и больше ничего. Они близко отъ села-то?

— Не очень,—сказалъ о. Прохоръ.

— Ну, это все равно. Я не полѣнюсь сходить,—объяснилъ Перовъ.

— Извѣстное дѣло, прежде разузнать нужно, — отозвалась Софья Степановна.—А то что же ты будешь безъ толку рыть?

— А знаете что? Пойдемте всё гулять въ ту сторону,—предложила Лиза.—Мы посидимъ около рощи, а Александръ Алексѣичъ въ это время курганы посмотритъ.

Предложеніе это было охотно принято всѣми, кромѣ о. Прохора, который заявилъ, что ему нужно отдохнуть, такъ какъ предстоитъ «необходимая» вечерня и нѣсколько требъ.

Въ концѣ села, возлѣ дороги, красовалась обширная общественная «гамазея». Позади ея широкимъ кругомъ плавно двигался хороводъ, состоящій изъ деревенскихъ дѣвокъ и молодокъ. Возлѣ самой стѣны «гамазеи» длиннымъ рядомъ стояли парни, пытливо поглядывая на мелькающія предъ ними свѣжія женскія фізіономіи. Поодаль стояла небольшая группа старичковъ и старушекъ. Еще дальше куврыкались по травѣ мальчишки.

— Видите, Александръ Алексѣичъ, женихи-то отобрались?—сказала матушка, когда гуляющая кампанія поравнялась съ хороводомъ.—Это они высматриваютъ себѣ невѣсть. Иной посмотреть-посмотреть, да и выберетъ себѣ подружку. И начнется сватанье, а тамъ, глядишь, и свадьба. Это не то, что господа учителя, которые по цѣлымъ годамъ разговариваютъ съ дѣвками, а свататься — не сватаются, — закинула матушка и зашмыгалась.

— Почему вы знаете?—сказалъ Перовъ.

— Да ужъ я знаю. Не первый годъ живу на свѣтѣ. Слышала...

Между тѣмъ, дѣвушки дискантовымъ унисономъ вытягивали:

Одному кому я достануся:

Либо черному, либо бѣлому...

— Вѣдь, вотъ умѣютъ же люди веселиться, — замѣтилъ Иванъ Ильичъ.—Просто и хорошо. А поди-ка этакъ у насъ!...

Путь отъ «гамазеи» къ рощѣ пролегалъ черезъ кладбище, находившееся въ страшномъ забросѣ. Только въ весьма не-

многихъ мѣстахъ торчали подгнившіе и похилившіеся деревянные брусья, служившіе когда-то основой крестовъ. Насыпи недавнихъ, зимнихъ могилъ глубоко осѣли и образовали широкія трещины. На всемъ довольно обширномъ кладбищѣ ни одного деревца. Идущая вокругъ кладбища канава, когда-то глубокая, теперь существовала только по имени, вслѣдствіе чего по могиламъ свободно расхаживали спутанныя и распутанныя лошади и свиньи.

— Видали когда-нибудь такое кладбище?—обратилась Лиза къ Перову.

— Приходилось,—отвѣтилъ Перовъ.

— Какъ вы думаете, есть тутъ чѣмъ вдохновиться поэту?

— Я не поэтъ, но мнѣ кажется, что, напримѣръ, для элегій тутъ достаточно матеріала...

Но вотъ и сосновая роща. Путешественники расположились по каймѣ какой-то межевой ямы, поросшей травой. Возлѣ самой ямы величаво высилась толстая сосна, широко распластавъ вѣтви съ густыми сочными хвоями. Вправо виднѣлось уходящее подъ гору село; влѣво, постепенно возвышаясь, тянулось по обѣимъ сторонамъ дороги огромное незапаханное поле и преграждалось вдали цѣпью кургановъ.

— Вонъ они!—воскликнулъ Иванъ Ильичъ и, точно изъ благоговѣнія къ курганамъ, снялъ фуражку.—Ежели одну эдакую махину раскопать, такъ и то, я думаю...

— Вотъ посмотрю... Можетъ быть, не стоитъ и хлопотать о нихъ,—сказалъ Перовъ.

— Ну, какъ не стоитъ? Въ этакое количество непременно найдутся подходящія,—возразилъ старикъ.

— А, вѣдь, это никакъ становой ѣдетъ?—заговорила матушка, смотря изъ-подъ ладони по направленію къ селу.—Лошадь-то его... Да, онъ и есть... Нѣтъ, кажется, не онъ. Лиза, ты поглазастѣе, посмотри-ка получше: становой это, или не становой?

— Нѣтъ, это какой-то мужикъ,—сообщила Лиза.

— Должно быть, разсылный,—предположилъ Иванъ Ильичъ.

Черезъ нѣсколько минутъ всадникъ подъѣхалъ къ межевой ямѣ. Онъ быстро соскочилъ съ коня и, держа его подъ уздцы, объявилъ:

— Вотъ баринъ прислалъ лошадку вчерашнему барину... вотъ имъ,—добавилъ онъ, кивнувъ на Перова.

— Очень радъ,—сказалъ Перовъ и вскочилъ на ноги.

Встали и остальные. Всѣ начали осматривать и хвалить коня. Конь дѣйствительно былъ хорошій: сѣрый, яблоками, грудастый, статный. На немъ былъ красивый чепракъ съ вензелемъ хозяина и новое, блестящее сѣдло. Выслуживая похвалы, онъ безпокойно топтался на мѣстѣ, широко раздымалъ ноздри и боязливо косился по сторонамъ. Иванъ Ильичъ и дамы, сами не замѣчая того, отступили на нѣсколько шаговъ въ глубь роши.

— Ну, «славянскій конь, неси меня стрѣлой!» — шутливо проговорилъ Перовъ и, при помощи разсылнаго, вскочилъ на сѣдло.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже мчался далеко въ поле, по направленію къ курганамъ. Остававшаяся у роши публика внимательно слѣдила за нимъ глазами. Вотъ Перовъ приблизился къ крайнему кургану, взобрался на него и тихо поѣхалъ вдоль. Вотъ онъ поскакалъ далѣе, по линіи кургановъ.

— Сейчасъ и на этотъ вскочить. Онъ ихъ всѣ осмотритъ, — предсказывалъ Иванъ Ильичъ.

Фигура коня и всадника отчетливо обрисовалась на вершинѣ слѣдующаго кургана.

— Молодецъ, ей-Богу! — восторгался Иванъ Ильичъ. — На конѣ ѣздить, курганы понимаетъ... а мы что, Софья Степановна? А? Куда мы годимся? А? Чтò, если бы тебя такъ взгромоздить? А? Хе-хе-хе!

— Ну, еще бы тебѣ! — возразила Софья Степановна.

— Намъ бы вотъ только у рошицы посидѣть, да на солнышкѣ погрѣться. А? А онъ, смотри, какія вѣсти сейчасъ привезетъ! — Любо-дорого! Ишь, ишь...

Когда Перовъ, свернувъ съ дороги, былъ уже саженьхъ въ пятнадцать отъ роши, Иванъ Ильичъ, высоко поднявъ руки, ринулся изъ засады навстрѣчу всаднику и неистово закричалъ:

— Чтò, голубчикъ, что Богъ далъ?

Лошадь подъ Перовымъ рѣзко осадилась назадъ, захрапѣла, бросилась въ сторону и понесла, оставивъ на травѣ его шляпу.

Дамы подняли крикъ и одна за другой побѣжали по направленію къ злополучному всаднику. За ними побѣжалъ и разсылный.

Но ни догнать, ни остановить испуганнаго и разгоряченнаго коня было никакъ нельзя при наличности такихъ спасительныхъ средствъ, которыя олицетворяли собой разсылный и Иванъ Ильичъ. Впрочемъ, Перову скоро удалось побѣдить капризы

«верховика». Онъ сдѣлалъ огромную дугу по полю, опять по направленію къ курганамъ и, выбравшись на дорогу, плавнымъ галопомъ понесся внизъ, къ кладбищу. Мужчины и дамы остались въ полѣ, вдали отъ дороги. Лишь только Перовъ приблизился къ чертѣ кладбища, какъ навстрѣчу ему, черезъ канаву, съ визгомъ бросились свиньи. Лошадь снова испугалась и раскапризничалась. Какъ Перовъ ни бился, но на этотъ разъ не могъ дать ей правильнаго направленія. Она то бросалась въ разныя стороны, то взвивалась на дыбы, то уморно топталась на одномъ мѣстѣ. Замѣтивъ затрудненіе всадника, парни-женіхи принесли въ жертву эгонстическіе марьяжные интересы альтруистическимъ. Они ловко аттаговали и плѣнили непріятеля, безъ всякой потери, кромѣ нѣсколькихъ минутъ празднаго времени. Перовъ спрыгнулъ съ сѣдла, поблагодарилъ парней и, попросивъ ихъ «пока поддержать коня», отправился къ своей компаніи. Впереди всѣхъ навстрѣчу ему бѣжалъ по дорогѣ разсыльный, крѣпко стуча огромными сапогами и поднимая облака пыли.

— Возьми вонъ своего... Кланяйся барину и благодари!—возгласилъ Перовъ, поравнявшись съ разсыльнымъ.

— Ладно,—отозвался тотъ, не останавливаясь.

Вторымъ встрѣчнымъ былъ Иванъ Ильичъ. Со всего разбѣга онъ обнялъ Перова и, смотря ему въ глаза, взволнованно и вѣжно заговорилъ:

— Избавились, мой милый? Слава Богу! А ужъ мы тутъ... Ну, а что *тамъ-то*... какъ? Годятся? А? Подходящіе?

— Нѣтъ, Иванъ Ильичъ, не подходящіе.. всѣ сторожевые,—объявилъ Перовъ.

— Ну, полноте, что вы!—воскликнулъ старикъ, быстро разомкнувъ свои объятія.

— Честное слово!—подтвердилъ Перовъ.

— Нѣтъ, да какъ же это? Вѣдь, ихъ...—началъ было Иванъ Ильичъ, но тутъ подоспѣли дамы и дружнымъ изліяніемъ собогизнованій герою заглушили возраженіе археолога.

— Что, натерпѣлись? Возьмите-ка вотъ шляпу-то, шляпу-то возьмите! Вы ужъ и забыли, что безъ шляпы,—щебетала Лиза.

— И какой это дуракъ выдумалъ эту лошадь!—громче всѣхъ восклицала Софья Степановна.

Послѣ нѣсколькихъ напрасныхъ попытокъ возобновить объясненіе насчетъ кургановъ, Иванъ Ильичъ осердился, махнулъ рукой и ушелъ впередъ одинъ.

Было часовъ десять вечера. О. Прохоръ и Иванъ Ильичъ уже покоились на сѣновалѣ. Матушка и Софья Степановна, расположившись въ спальнѣ на полу, на широкой импровизированной постели, вяло и отрывочно бесѣдовали между собой о разныхъ разностяхъ.

Перовъ и Лиза сидѣли рядышкомъ на крыльцѣ.

— А какъ я давеча испугалась, просто бѣда!—говорила Лиза.

— Чего же вы испугались?—спросилъ Перовъ.

— Какъ чего? Эта бѣшеная лошадь такъ понесла васъ... и совсѣмъ некому было помочь.

— Пустяки!

— Нѣтъ, не пустяки. Вы подвергались большой опасности: могли упасть, разбиться.

— Ну, и разбился бы. Бѣда небольшая.

— А если умерли бы, тоже бѣда небольшая?

— Пожалуй, что такъ.

— Что вы говорите? Неужели жизнь вамъ такъ дешева?

— Безполезна она... за что же цѣнить ее высоко?

— Неужели вы всегда такъ думали?

— Нѣтъ, не всегда. Не болѣе, какъ годъ тому назадъ, я думалъ совершенно иначе. Потомъ, какъ поприсмотрѣлся, да вдумался... Впрочемъ, объ этомъ лучше не разговаривать.

— Напрасно вы такъ смотрите на себя. Ваша жизнь можетъ быть нужна и полезна многимъ... Миѣ кажется, вы шутите.

Перовъ немного помолчалъ и потомъ началъ:

— Такъ вы пожалѣли обо мнѣ?

— Я ужъ вамъ сказала... Я не знаю, какъ это вы такъ судите...

— Спасиво, спасибо, — произнесъ Перовъ въ нѣкоторомъ раздумьи.

Въ воздухѣ замѣтно начинало холодѣть. Лиза сидѣла въ одномъ платьѣ и съ раскрытой головой. Она начала вздрагивать.

— Вамъ холодно?—спросилъ Перовъ.

— Нѣтъ, ничего.

— Какъ ничего? Очевидно, холодно. Я вамъ принесу что-нибудь.

— Не нужно, не нужно. Вы ничего не найдете.

— Ну, возьмите вотъ это, — предложилъ Перовъ, подавая свой плащъ.

— Да зачѣмъ это? Миѣ тепло, — сказала Лиза, отстраняя

руку доброжелателя.—И что это вамъ вздумалось такъ беречь меня? Если ужъ *о себѣ* вы такъ мало заботитесь, то обо мнѣ-то ужъ и толковать не стоитъ.

Одновременно съ этимъ въ спальнѣ происходилъ между матронами діалогъ, имѣющій своимъ предметомъ нашихъ молодыхъ людей.

— Да гдѣ же это ваша Лиза-то?—говорила матушка охрипшимъ голосомъ.

— На крыльцѣ, должно быть... съ Александромъ Алексѣичемъ,—отзывалась Софья Степановна.

— А ничего это? Вы не сомнѣваетесь?

— И, Богъ знаетъ что! Да Господь съ ними. Человѣкъ-то, вѣдь, золото. Такой человѣкъ,—пуще всякаго роднаго. Сколько онъ намъ добра сдѣлалъ!

— Положимъ... А, все-таки... какъ знать? Дѣло молодое... Нѣтъ, это вы, сестрица, напрасно. Я бы ни за что... Вы знаете, я сама имѣла дочерей... Вѣдь, вотъ Ома Емельянычъ... ужъ на что старый человѣкъ... и то, бывало, опасалась. Бывало, уйдутъ вмѣстѣ изъ комнаты... сейчасъ же хватилась и пойдешь разыскивать.

— Ну, что вы!

— Чего тамъ «ну»? Я, сестрица, по душѣ вамъ говорю... Не то что Ома Емельянычъ, а даже вотъ и поцъ, ежели въ приходъ уѣдетъ, и то беспокоилась. Вѣдь, знаю, что человѣкъ преклонный, а ничего не сдѣлаешь. Сердце такъ и щемитъ, не чаешь дождаться. Вотъ, вѣдь, какъ! А тутъ-то и вовсе страшно. Вы позовите ее.

— Э, да зачѣмъ? Что вы, въ самомъ дѣлѣ? Она дома привыкла долго сидѣть. Спать захочетъ—придетъ.

— О, нѣтъ, какъ это возможно! Я сама сейчасъ пойду...

Матушка что-то нацѣпила на себя въ потьмахъ и босикомъ выскочила въ переднюю.

— Лиза, Лизочка!—возгласила она, немного отворивъ дверь.— На постельку пора. Мамаша беспокоится, говорить—простудиться можно... голова будетъ болѣть...

Лиза черезъ минуту ушла на «постельку», а Перовъ, посидѣвъ немного на крыльцѣ, пошелъ бродить по площади. Долго бродилъ онъ во мракѣ, среди деревенской тишины, нарушаемой лишь слабымъ чириканьемъ сверчковъ. Вспомнились ему тутъ многія подробности его прежней жизни, вспомнились и недавнія

впечатлѣнія. Наконецъ, вниманіемъ его овладѣлъ только что конченный разговоръ съ Лизой, и онъ сосредоточенно и серьезно занялся рѣшеніемъ вопроса: точно ли его жизнь безполезна и точно ли она никому, даже ему самому, не нужна? Во время процесса обдумыванія этого вопроса у него являлись доводы про и contra, и онъ долго не могъ остановиться ни на чемъ определенно и рѣшительно. Но вдругъ въ его сознание нежданной искрой влетѣла мысль Тургенева: «Для предстоящей общественной дѣятельности не нужно ни особенныхъ талантовъ, ни даже особеннаго ума, ничего крупнаго, выдающагося; нужно трудолюбіе, терпѣніе; нужно умѣть жертвовать собой безъ всякаго блеска и треска—нужно умѣть смириться и не гнушаться мелкой работы... Нужно одно сердце, способное жертвовать своимъ эгоизмомъ»... Эта мысль, какъ молнія, внезапно освѣтила ему жизненный путь, который дотолѣ представлялся ему покрытымъ мглою. Онъ многозначительно кашлянулъ и бодро зашагалъ по направленію къ крыльцу. Церковные часы рѣзко, гулко и методично отчеканили двѣнадцать.

Когда Перовъ, взобравшись на стѣновалъ, началъ разуваться, то тутъ только замѣтилъ, что сапоги его всё мокрые отъ росы, и почувствовалъ, что пальцы его ногъ охолодѣли.

О. Забытый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВАЯ КАЛЕДОНИЯ.

Французы, какъ колонизаторы.—Карантинъ.—Островъ Фрейсинъ и его населеніе.—Рыбная ловля и танецъ пилу-паду.—Нумэйскій кружокъ и французскій табль-дотъ.—Сиверь, банкъ и кафе-рестораны.—Визитъ у губернатора и посѣщеніе правительственной фермы.—Отзывъ англичанина и страсть французовъ къ регламентаціямъ.—Борьба съ туземцами и рабочіе съ Гебридскихъ острововъ.—Смерть епископа и возмездіе великобританскаго правительства.—Каторжники и ссыльные кабылы.—Прогулка въ Палту и растительность острова.—Селеніе дикарей.—Походъ начальника телеграфныхъ станцій вокругъ острова.—Мѣстечко Канала и никелевые рудники.—Фермерское хозяйство и саранча.—Миссія Санъ-Люв.—Вымирание дикарей.

Изъ всѣхъ европейскихъ націй Франція является, можно сказать, единственною, хотя отнюдь не опасною соперницею англичанъ въ Тихомъ океанѣ. Превосходство англосаксонской расы предъ романскою въ дѣлѣ колонизаціи общеизвѣстно. Въ Сѣверной Америкѣ французы давно уже владѣли колоніями въ Канадѣ и Луизианѣ, а, въ концѣ-концовъ, всѣ тамошнія владѣнія ихъ отошли къ англичанамъ и Соединеннымъ Штатамъ. Французскіе мореходы, какъ оказывается по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, посѣщали Австралію и воды Тихаго океана ранѣе англичанъ, а, между тѣмъ, въ настоящее время владычество Франціи въ Океаніи ограничивается Новою Каледоніею, островами Маркизскими и Таити. Изъ этихъ колоній наиболѣе самостоятельную считается Новая Каледонія, а потому интересно прослѣдить, насколько преуспѣваютъ тамъ поселенія французовъ.

Пароходъ, поддерживающій сообщеніе между Сиднеемъ и Новою Каледоніею, вышелъ изъ Портъ-Джаксона неширокимъ проливомъ въ открытое море и, оставивъ за собою скалистые берега Австраліи, двинулся по сѣверозападному направленію. На тѣсной палубѣ весьма небольшого судна стояли ящики, наполненные яблоками и грушами, которыми австралійскія страны болѣе

умѣренного климата снабжаютъ обитателей тропическаго пояса. Несмотря на тѣсноту и на ограниченное число пассажировъ, наше общество было довольно оживлено, благодаря именно тому, что здѣсь преобладалъ болѣе свободный въ обращеніи живой французскій элементъ; хотя въ числѣ одиннадцати пассажировъ собственно французовъ между нами было всего четверо, а именно: молодой владѣлецъ довольно большого имѣнія на Новой Каледоніи, агентъ французскаго почтоваго вѣдомства, комми-вожеръ изъ Сиднея и миссіонеръ, отправлявшійся на одинъ изъ Гебридскихъ острововъ. Но дѣло въ томъ, что французы на этой палубѣ чувствовали уже себя какъ бы на родной почвѣ, а потому и не стѣснялись вовсе присутствіемъ англичанъ, ни даже тѣмъ, что самый пароходъ принадлежалъ англійской, точнѣе австралійской компаніи, которая по контракту съ французскимъ правительствомъ обязалась совершать по два рейса въ мѣсяцъ изъ Сиднея въ Новую Каледонію и обратно. Эти рейсы служатъ единственнымъ средствомъ постояннаго сообщенія, какое Франція поддерживаетъ съ своею отдаленною колоніею въ Тихомъ океанѣ. Въ текущемъ году, правда, французская компанія торговаго мореходства намѣрена открыть свое собственное пароходное сообщеніе непосредственно между Франціею и здѣшними ея колоніями.

Однако, предпринятая на этотъ разъ поѣздка не обошлась безъ нѣкоторыхъ препятствій. Когда мы выѣзжали изъ Сиднея, въ городѣ обнаружилась оспа, а потому, прежде чѣмъ высадиться въ столицѣ Новой Каледоніи, Нумѣ, намъ предстояло выдержать строжайшій семидневный карантинъ. Вслѣдствіе чего, не доѣзжая еще до Нумэйскаго порта, нашъ пароходъ на пятый день по выходѣ изъ Сиднея сталъ на якорь въ виду крохотнаго острова Фрейслинѣ. Къ намъ вскорѣ пристала барка, на которой мы и перебрались къ мѣсту нашего временнаго заточенія.

Начальникъ карантиннаго лазарета, отставной капитанъ французскаго флота, принялъ насъ весьма радушно и тотчасъ же указалъ пассажирамъ покои въ продолговатомъ, вытянутомъ вдоль берега баракѣ, предоставивъ имъ устроиться по собственному усмотрѣнію. Мы расположились довольно комфортабельно, и вообще во все время нашего ареста пользовались вполне удовлетворительнымъ содержаніемъ, такъ что жили тутъ на всемъ готовомъ не хуже, чѣмъ въ любомъ отелѣ. За это со всякаго пассажира взимается въ пользу лазарета по восьми франковъ въ сутки. Единственное неудобство состояло въ томъ, что мы въ

теченіе семидневнаго срока были вполне отлучены отъ остальнаго міра, пользуясь, впрочемъ, въ предѣлахъ острова полною свободою.

Но, омываемые со всѣхъ сторонъ водами океана, предѣлы эти крайне ограничены. И въ самомъ дѣлѣ, почти круглый островъ Фрейсинэ ничто иное, какъ торчащая надъ уровнемъ моря куполообразная скалистая гора въ нѣсколько сотъ футовъ вышины. По береговому краю вокругъ всего основанія горы будетъ немногимъ развѣ болѣе одной версты; такъ что, перелѣзая мѣстами черезъ глыбы камней и преодолевая всякія подобныя препятствія, весь островъ можно обойти въ четверть часа. У самаго берега, на болѣе отлогомъ, обращенномъ къ западу скатѣ размѣщены неприветливыя досчатыя постройки лазарета: продолговатый баракъ, гдѣ насъ помѣстили, кухня, въ которой чернокожій туземецъ готовилъ французскія блюда, небольшая хата, занимаемая на этотъ разъ однимъ изъ пассажировъ, и, сверхъ того, хлѣвъ для животныхъ, — вотъ и все. Да въ этомъ благодатномъ климатѣ ничего болѣе и не требуется! Было бы гдѣ прилечь на ночь и по временамъ укрыться отъ дождей, которыя, впрочемъ, перепадаютъ больше всего въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Близъ кухни разведешь небольшой огородъ, гдѣ росли бобы, картофель, а между ними стлалась по почвѣ магнагна, какъ прозывается здѣсь вьющееся растеніе съ желтыми воронкообразными цвѣтами; корень его употребляется въ пищу туземцами, а изъ волоконъ его стебля они плетутъ свои сѣти.

Къ неизмѣннымъ обитателямъ лазарета, а, стало быть, и всего острова, принадлежать, кромѣ упомянутаго выше капитана, еще старый эконокъ и багажный смотритель (всякая привозимая изъ Сиднея кладь также подлежитъ карантину); потомъ прислуга не только для проживающихъ въ лазаретѣ, но также и для нагрузки и выгрузки клади. Собственно при лазаретѣ приставлено четверо, а именно: туземецъ съ Малабарскаго берега, котораго всѣ такъ и звали малабаромъ (онъ обязанъ былъ убирать наши покровы, готовить постели и стирать бѣлье), потомъ трое чернокожихъ съ Гебридскихъ острововъ. Одинъ изъ нихъ былъ поваромъ, а двое прислуживали у стола. Ихъ здѣсь называютъ обыкновенно канаками, но это прозвище перенесено сюда французами съ острова Танти, тогда какъ оно вовсе не въ ходу между туземцами Новой Каледоніи и сосѣднихъ съ нею острововъ. Въ багажномъ отдѣленіи значилось человѣкъ шесть чернокожихъ.

Все одѣяніе ихъ состоитъ изъ однихъ штановъ, а нѣкоторые, ради приличія, просто обматываютъ вокругъ пояса кусокъ грубаго полотна, ниспадающаго въ видѣ юбки до колѣнъ. У многихъ грудь украшена татуированными фигурами ошшеватаго цвѣта, изображающими болѣею частью птицъ. Около лазарета бѣгало пять собакъ, которымъ, впрочемъ, не отъ кого было охранять жильцовъ, такъ какъ, кромѣ супоросой свиньи и рыскаго поле-сатаго поросенка съ Соломоновыхъ острововъ, на всемъ островѣ не было никакихъ иныхъ звѣрей.

Что же касается другихъ представителей животнаго царства, то тутъ при насъ жили три кулики, перелетавшіе по берегу съ камня на камень, потомъ пять-шесть птичекъ изъ семейства туземныхъ воробьевъ, нѣсколько стрекозъ и бабочекъ, порхавшихъ по кустамъ на горѣ, а подъ наиннами, омываемыми морскимъ прибоемъ, то и дѣло ныряли раки и краббы. Морское дно вокругъ острова кишѣло кораллами, обломки которыхъ вы-расыпались на берегъ вмѣстѣ съ разнаго рода раковинами.

Всѣ окружающее гору узкою полоскою побережье усыяно этими бѣлыми обломками. Довольно крутые скаты до верху по-крыты невысокимъ листовнымъ лѣсомъ, изъ чащи котораго здѣсь и тамъ выглядываютъ то верхушка пальмы, то широкій, причуд-ливо изрѣзанный листъ ричинуса, а мѣстами попадаются также панданусы.

Наши прогулки не ограничивались, впрочемъ, однимъ кратко-временнымъ обходомъ по окраинѣ острова. Отъ лазарета проло-жена узкая дорожка, ведущая къ простой, сложенной изъ сучьевъ бесѣдкѣ на горѣ. Отъ бесѣдки не далеко до самой вершины, покрытой обнаженными скалами. Съ высоты этихъ скалъ от-крывается далекій видъ на окружающую мѣстность; на югъ, по правую руку отъ насъ, тянется островъ Ну, на которомъ въ настоящее время содержатся каторжники, а за нимъ, далѣе, въ глубинѣ залива, ограниченнаго съ одной стороны этимъ продол-говатымъ островомъ, виднѣется городокъ Нумая, обѣтованная цѣль нашей поѣздки. Болѣе всего къ намъ подходятъ на востокѣ отлогіе берега полуострова Дюко, на которомъ не такъ еще давно содержались высланные изъ Франціи коммунары. Они жили тутъ въ простыхъ раскинутыхъ по берегу домикахъ. Несмотря на дѣятельный надзоръ со стороны расположеннаго здѣсь жан-дармскаго отряда, Рошфору съ нѣсколькими товарищами удалось подкупить одного изъ капитановъ небольшого паруснаго судна

и у́хать отсюда въ Сидней. Маловещъ, на западъ отъ насъ широко раскинулась морская поверхность, по которой вдали полукругомъ вытянулась кайма бѣлыхъ иѣмкстыхъ волнъ, разбивающихся о коралловые рифы; на одномъ изъ нихъ стоятъ маленький, изъ камня сложенный маякъ, предохраняя мореходовъ отъ грозящей имъ тутъ опасности.

Нѣкоторые изъ пассажировъ отъ нечего дѣлать удия; рыбы здѣсь водится довольно много. Разъ капитанъ показалъ намъ новый, употреблемый здѣсь способъ рыбной ловли. Онъ съ берега бросилъ въ море заряженный динамитомъ патронъ. Упавъ въ воду, послѣдній развалился сильнѣйшимъ взрывомъ, взволновалъ и вспѣшивъ морскую гладь. Едва только улеглись волны, какъ на поверхности показалось десятка три рыбъ, величиною съ нашихъ омулей. Каяки бросились за ними вплавь и вынесли на берегъ добычу.

Несмотря на убогое камнями дно, купаться въ морѣ было истиннымъ наслажденіемъ. Однако, туземцы предохраняли насъ, чтобы мы, плавая, не слишкомъ удалялись отъ берега, такъ какъ въ здѣшнихъ водахъ водится много акулъ. Недавно, рассказывали намъ, прожорливое морское животное утащило собаку, которую одинъ изъ памаковъ выбросилъ съ лодки въ воду.

Однимъ изъ развлеченій для скучающихъ отъ бездѣлья пассажировъ служило; между прочимъ, прибытіе изо дня въ день парохода изъ Нумэи. Какъ только раздастся, бывало, вдали гулкій свистъ паровой машины, то все населеніе острова сбѣжитъ уже къ пристани. Однако, строго соблюдалось, чтобы никто не приходилъ въ соприкосновеніе съ пріѣзжавшими изъ города. Пароходъ снабжалъ насъ свѣжими съѣстными припасами, а также и мѣстною газетою. Выложивъ всю привезенную гладь на пристань, онъ тотчасъ же удалялся, а наши каяки переносили затѣмъ всю провизію въ лазаретъ.

Несмотря на прекрасную, но жаркую погоду, на благодатное вѣванье въ морѣ, на хорошее содержаніе, какими мы пользовались пассажиры рады были, когда насталъ конецъ ихъ заточенію. Нананунъ нашего отъѣзда съ острова чернокожіе вечеромъ собрались всей гурьбой передъ пылавшимъ на берегу востромъ и учинили тутъ свой національный танецъ, носящій у нихъ названіе пилу-пилу. Вооружась кто дубиной, кто топоромъ, а иной горящимъ факеломъ и напѣвая подъ тактъ, они бѣгали и скакали вокругъ огня. Чѣмъ далѣе, тѣмъ все неистовѣе становилась

наѣвъ; размахивая орудіями, канатами запрыгали съ какимъ-то азартомъ, и воздухъ огласился дружнымъ гамомъ, чѣмъ и закончился танецъ. Для полнаго изображенія нилу-нилу тутъ не доставало только *дангата*, какъ называется родъ маски, употребляемой въ подобныхъ случаяхъ туземцами. Такой видный мною впоследствии и пріобрѣтенный у одного изъ здѣшнихъ миссіонеровъ дангата состоитъ изъ огромной маски съ страшными глазами и оскаленною пастью; голова увѣнчана большимъ пучкомъ густыхъ волосъ, а къ низу къ маскѣ придѣлана сѣть, вся покрытая черными перьями. Этотъ нарядъ играетъ важную роль въ нилу-нилу, особенно когда танецъ устраивается послѣ удачнаго побѣища племени съ сосѣднимъ врагомъ. Тогда одинъ изъ дикарей накидываетъ на голову дангата, такъ чтобы глаза его приходились въ открытую пасть маски, а сѣть съ перьями облегала его тѣло въ видѣ капюшона. Нарядившись такимъ образомъ, онъ пугается въ плясъ передъ костромъ, а товарищи его, прыгая и прискакивая, носятся вокругъ съ пѣснями и неистовымъ крикомъ.

На слѣдующее затѣмъ утро пароходъ, прибывъ изъ Нумей, захватилъ пассажировъ. Прѣхавъ потомъ мимо полуострова Дюко, онъ вошелъ въ рейдъ и высадилъ насъ въ городѣ. Выйдя на пристань и сдавъ свой багажъ чернокожему туземцу, который взвалилъ его на тачку, я послѣдовалъ за нимъ по улицѣ, носящей названіе Севастополь. Другая, параллельная съ нею улица именуется Альма, а третья Аустерлицъ, — все знакомыя, громкія имена! На противоположномъ концѣ первой улицы стоитъ отель, тоже прозванный Севастополемъ. Миѣ, однако, совѣтовали остановиться въ меблированныхъ комнатахъ, гдѣ я и занялъ номеръ. Благодаря рекомендательному письму изъ Сиднея къ одному изъ здѣшнихъ крупныхъ негоціантовъ, я тотчасъ же получилъ членскій билетъ, открывшій миѣ доступъ въ здѣшній клубъ или такъ называемый Нумейскій кружокъ—*Noûvéa Cevele*. Онъ учрежденъ съ цѣлю доставить живущимъ здѣсь безсемейнымъ офицерамъ и коммерческимъ людямъ пристойное убѣжище, гдѣ они могли бы, не обзаводясь своимъ хозяйствомъ, пользоваться хорошимъ столомъ. На такой конецъ въ клубѣ открытъ табль-дотъ совершенно во французскомъ вкусѣ, по два раза въ день, а именно въ 12 часовъ завтракъ и въ 7—обѣдъ. Цѣна за каждый разъ полагается по 5 франковъ съ виномъ, безъ котораго, какъ извѣстно, французы не садятся за столъ.

Мой знакомый самъ ввелъ меня въ назначенный часъ въ кружокъ, представивъ меня тутъ же нѣкоторымъ изъ членовъ. Надо сознаться, ни одна изъ націй земнаго шара не умѣетъ такъ радушно и, мало того, такъ человѣчно принимать въ свою среду забѣзгаго иностранца, какъ французы. У нихъ не встрѣтите ни опасливой чопорной сдержанности хотя бы и весьма учтивыхъ или, скорѣе, этикетныхъ англичанъ, ни слащавой, уснащаемой обильными комплиментами вѣжливости благодушныхъ нѣмцевъ. Французы, напротивъ, нисколько сами не стѣсняясь и сохраняя свойственныя имъ вѣжливыя формы, сразу обращаются къ вамъ какъ къ близкому человѣку, такъ что вы на чужбинѣ среди нихъ чувствуете себя какъ бы въ своемъ кружкѣ. Въ этомъ отношеніи американцы еще болѣе другихъ походятъ на французовъ. Приятное впечатлѣніе, произведенное на меня при самомъ входѣ въ клубъ, усилилось еще, когда гости сѣли за столъ. Тутъ невольно вспомнилъ я, какъ у англичанъ, хотя бы и тѣсно усѣвшись за табль-дотомъ, каждый изъ сотрапезниковъ ѣстъ, такъ сказать, самъ по себѣ, какъ будто у него нѣтъ ничего общаго съ ближайшими сосѣдями справа и слѣва. Одно уже то, что за англійскимъ общимъ столомъ каждый изъ гостей обязанъ самъ по картѣ назначать себѣ блюда, и официанты, слыша удовлетворить разнообразнымъ требованіямъ, толкая другъ друга, съ шумомъ мечутся взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ гости молча сидятъ, поджидая, когда имъ принесутъ требуемое; изрѣдка перекинется кто-нибудь двумя-тремя словами съ знакомымъ сосѣдомъ, но и то лишь шепотомъ. А здѣсь, за столомъ въ Нумэйскомъ кружкѣ — какая разница! Это во всѣхъ отношеніяхъ можно назвать общимъ столомъ! Каждое блюдо подается по означенному на картѣ порядку всѣмъ сотрапезникамъ сподрядъ, благодаря чему избѣгается непріятная для гостей суетня и толкотня малочисленной прислуги, которая здѣсь исполняетъ свое дѣло спокойно, безшумно. А гости, не заботясь о томъ, какое бы блюдо заказать по картѣ, безъ помѣхи и стѣсненія предаются, между тѣмъ, свободной бесѣдѣ. Когда я въ первый разъ сѣлъ за столъ въ здѣшнемъ клубѣ, то мнѣ показалось, будто я попалъ въ собраніе общества по поводу какого-нибудь публичнаго торжества. За длиннымъ столомъ, въ высокой, хорошо вентилированной столовой, сидѣло человѣкъ шестьдесятъ слишкомъ. Одна половина гостей состояла изъ штатскихъ, а другая изъ офицеровъ здѣшняго гарнизона. Давно не приходилось мнѣ видѣть такое

сконление мундировъ съ золотыми вышивками и эполетами! Военные заняли одинъ конецъ стола, а штатскіе размѣстились на другой половинѣ его, но гости не успѣли еще уѣсться. какъ зашумѣла общая громогласная бойкая бесѣда. Въ ней всѣ принимали живое участіе и отъ одного конца стола до другого перекидывались новостями, спорными рѣчами, остроуми, каламбурами, такъ что иной англичанинъ съ непривычки подумалъ бы, не ватѣвается ли тутъ нѣчто вродѣ буйста. Мой сосѣдъ, которому я высказалъ свое замѣчаніе, сказалъ только: «Помилуйте. у насъ всегда такъ. Въ теченіе дня воинъ занять своимъ дѣломъ, и мы сходимся вмѣстѣ только за табль-дотомъ. Тутъ сообщаются всякія новости и ватѣваются пренія». И дѣйствительно. столовая каждый день, какъ я убѣдился, оглашается все тою же живою, всѣхъ увлекающею бесѣдою, хотя бы. притомъ, изъ пустаго въ порожнее. Разъ какъ-то ожидали изъ Сидней пароходъ. Одинъ изъ офицеровъ утверждалъ, что онъ придетъ ночью: кто-то изъ коммерсантовъ сталъ возражать. Между ними тутъ же составилось пари на шампанское. Офицеръ, какъ оказалось на другой день, проигралъ пари, и на его счетъ за обѣдомъ шампанское разливалось всѣмъ присутствующимъ гостямъ. Такимъ порядкомъ, бесѣдуя, шутя и споря, незамѣтно просиживаютъ чаю по два, по три за столомъ. особенно вечеромъ, когда всѣ свободны отъ дѣлъ.

Въ клубѣ, который помѣщается въ особомъ двухъэтажномъ домѣ, выстроенномъ согласно условіямъ тропическаго климата, съ обширною верандою во второмъ этажѣ, отведены особыя комнаты для шахматной и карточной игръ, также большой кабинетъ для чтенія. На одномъ столѣ лежатъ журналы, конечно, все французскіе, а на другомъ газеты, не только французскія, но и англійскія. Тутъ обыкновенно собираются члены, то развлекаясь играми, то читая въ ожиданіи обѣда.

Клубный домъ стоитъ у самаго подножія холма, къ которому городъ какъ бы притиснутъ. И въ самомъ дѣлѣ, для столицы Новой Каледоніи выбрали весьма небольшую площадку у залива. ограниченную съ трехъ сторонъ горами, такъ что отъ пристани до подножія ихъ будетъ немногимъ болѣе полуверсты разстоянія, и въ этомъ направленіи отъ берега тянутся три главныя улицы, упираясь въ крутые скаты. Весь городъ, по крайней мѣрѣ, застроенная часть его, такъ малъ, что его можно обойти въ четверть часа. По обрестнымъ возвышенностямъ разсыпаны.

правда, окруженные пустырями обывательские дома, но их можно принять скорее за дачные жилища, находящиеся уже за чертой города. Какъ разъ противъ клубнаго дема разведенъ ничѣмъ не огороженный, открытый северъ, главную прелесть котораго составляетъ аллея ковсовыхъ пальмъ. Тутъ же мое вниманіе было привлечено строеніемъ, обращеннымъ къ северу страннымъ на видъ, вычурнымъ фасадомъ, такъ что я принялъ его сперва за театръ, тѣмъ болѣе, что парадная дверь была занерта и не замѣтно было, чтобы кто-нибудь жилъ въ домѣ. Это, какъ оказалось, былъ обанкротившійся банкъ. Кто-то справедливо замѣтилъ, что, закладывая новый городъ въ молодомъ краѣ, англичане первымъ дѣломъ открываютъ банкъ, американцы — типографію, а французы — кофейни. И дѣйствительно, кофейнъ въ Нумѣ не мало, и всѣ онѣ, повидимому, процвѣтаютъ, тогда какъ единственный бывший здѣсь банкъ оказался несостоятельнымъ и въ настоящее время окончательно закрытъ. Кстати, по поводу денежныхъ операцій упомяну еще объ одномъ обстоятельстве. На улицахъ мнѣ не разъ случалось встрѣчать прикащиковъ, несшихъ въ рукахъ туго набитые парусинные мѣшочки, въ которыхъ, какъ узналъ я, заключалась серебряная монета.

Дѣло въ томъ, что изъ Франціи присылается сюда для раздачи жалованья служащимъ одно только серебро; золота здѣсь почти вовсе не видать. И вотъ, получивъ съ должника по счету нѣсколько сотенъ франковъ, — не говоря уже о тысячахъ, — негодяи тащутъ въ свою массу довольно тяжеловѣсный мѣшечекъ, наполненный серебряною монетою.

За исключеніемъ больницы, казармъ и тому подобныхъ казенныхъ зданій, воздвигнутыхъ изъ кирпича, остальные дома въ Нумѣ болѣею частью деревянные, одноэтажные, нрѣдка двухэтажные. Позади города, на господствующей надъ нимъ горной вершинѣ стоитъ такъ называемый семафоръ, извѣщающій жителей при посредствѣ телеграфныхъ знаковъ о прибытіи какого-нибудь судна въ рейдъ. Какъ разъ подъ той же горой, почти у подножія ея, расположенъ губернаторскій домъ съ прекраснымъ садомъ, изобилующимъ пышною тропическою растительностью. Съ посвященіемъ этого мѣста для меня связанъ пассажъ, интересный уже въ томъ отношеніи, что онъ служитъ мѣткою характеристикой французской колониальной администраціи.

Здѣшній негодяитъ, къ которому у меня было рекомендательное письмо, совѣтовалъ мнѣ на всякій случай сходить въ кан-

целярю губернатора. «У насъ такъ принято, — говорилъ онъ, — чтобы всякій, посѣщающій городъ, сдѣлалъ визитъ губернатору. Спросите тамъ секретаря и передайте ему вашу карточку. Если губернаторъ захочетъ васъ принять, то тѣмъ лучше: онъ можетъ открыть вамъ доступъ въ нѣкоторые здѣшнія учрежденія. А если не приметъ, и то не бѣда: вы, во всякомъ случаѣ, исполнили долгъ вѣжливости». Слѣдуя совѣту моего знакомаго, я пошелъ въ губернаторскій домъ. У чугунныхъ рѣшетчатыхъ воротъ сада меня встрѣтилъ часовой съ ружьемъ на плечѣ и указалъ входъ въ канцелярію, гдѣ я и засталъ секретаря. Принявъ поданную ему мною карточку, онъ любезно объяснилъ мнѣ, что губернаторъ уѣхалъ на свою загородную дачу, но къ вечеру непременно будетъ въ городѣ и тогда онъ передастъ его превосходительству мою карточку. «На всякій случай, — прибавилъ секретарь, — прошу васъ зайти завтра утромъ». Явившись на другой день въ назначенный часъ, я тотчасъ же былъ приглашенъ въ кабинетъ губернатора, контръ-адмирала Курбэ. Одѣтый въ партикулярное платье, онъ, стоя за обширнымъ, заваленнымъ бумагами письменнымъ столомъ, вѣжливо отвѣтилъ на мой поклонъ и пригласилъ сѣсть на стоявшій противъ него стулъ. Я объяснилъ, что, прибывъ въ Нумэю, счелъ долгомъ представиться его превосходительству, и что желалъ бы ознакомиться съ французскою колонією. Такъ какъ въ ней имѣется образцовая правительственная ферма, то мнѣ было бы очень интересно посѣтить ее.

— Это невозможно! воскликнулъ адмиралъ. — Тамъ у насъ работаютъ ссыльные, а въ такія мѣста мы рѣшительно никого допускать не можемъ.

Признаюсь, меня не мало озадачилъ такой, хотя и весьма вѣжливымъ тономъ высказанный отказъ. Предполагая, однако, что для облеченнаго полномочіемъ властію губернатора въ предѣлахъ Новой Каледоніи все достижимое для смертныхъ возможно, я хотѣлъ еще попытаться, не удастся ли, по крайней мѣрѣ, узнать истинную причину такого отказа; а потому я тутъ же обратился къ адмиралу съ заявленіемъ, что желалъ бы посѣтить полуостровъ Дюко, гдѣ содержались прежде коммунары.

— Это невозможно! — воскликнулъ опять губернаторъ даже съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, — тамъ теперь тоже содержатся преступники.

Послѣ такихъ рѣшительныхъ отказовъ мнѣ, разумѣется, ничего болѣе не оставалось, какъ ограничиться посѣщеніемъ воз-

можныхъ для меня мѣсть. Высказавъ это адмиралу, я болѣе не настаивалъ и откланялся.

Когда я передалъ моему знакомому о результатѣ моего визита, то онъ, расхохотавшись, сказалъ только:

— Узнаю нашего контръ-адмирала! Онъ страшный формалистъ! Впрочемъ, нечего обращать на это вниманіе; не беспокойтесь, мы и безъ того вамъ все покажемъ, что пожелаете.

И вотъ въ наступившее вслѣдъ за моимъ визитомъ воскресенье мой знакомый раннимъ утромъ подѣхалъ на своемъ ботѣ къ моей квартирѣ, пригласивъ меня прокатиться по окрестнымъ мѣстамъ. Мы тотчасъ же покатили по хорошему шоссе, проложенному вдоль берега, въ сѣверозападномъ направленіи. На двѣнадцатой верстѣ мы своротили вправо и, проѣхавъ по аллеѣ кокосовыхъ пальмъ, вытянутыхъ по обѣ стороны въ видѣ великолѣпной естественной колоннады, остановились, наконецъ, у подѣзда красиваго коттеджа. Тутъ только узналъ я, что мы находимся на той образцовой фермѣ, посѣщать которую, по словамъ адмирала, нѣтъ никакой возможности.

На верандѣ привѣтствовалъ насъ самъ директоръ фермы. Гостеприимный хозяинъ, весьма знающій человекъ, среднихъ лѣтъ, доставилъ мнѣ всѣ возможныя свѣдѣнія касательно здѣшняго сельскаго хозяйства, жалуюсь, притомъ, на саранчу, истребляющую его сахарный тростникъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ веранды дома, стоящаго на возвышенномъ мѣстѣ, намъ представилось слѣдующее оригинальное зрѣлище: по ровному разстилавшемуся передъ нами полю, поросшему высокимъ уже сахарнымъ тростникомъ, носилась саранча. Желая помѣшать ей истреблять зелень, директоръ прибѣгъ къ крайнему, хотя, какъ выражался онъ самъ, и безнадежному средству. На полѣ было собрано около полсотни каторжниковъ, работающихъ на фермѣ. Мнѣ тутъ же бросилось въ глаза, что у всѣхъ преступниковъ бороды и усы были чисто выбриты, такъ что физиономія ихъ рѣзко отличалась отъ остального бородатаго населенія. Одѣтые въ холщевыя блузы и штаны, съ соломенными шляпами на головѣ, ваторжники вооружились хворостинами и, выстроившись длинной шеренгой на одномъ концѣ сахарнаго поля, медленно подвигались къ другому краю его, взгояняя засѣвшую въ тростникѣ саранчу. Густою тучею взлетала она передъ подвигавшимися шеренгой загонщиками; но, по мѣрѣ того, какъ они проходили впередъ, насѣкомыя позади нихъ опять спускались на поле. Дойдя до конца, каторжники

повторили тотъ же маневръ въ обратномъ порядкѣ, и это продолжалось во весь день съ небольшими перерывами. Такая работа подъ жгучими лучами солнца и, сверхъ, того въ виду безплодныхъ результатовъ ея, показало намъ по истинѣ каторжнымъ трудомъ.

Впрочемъ, о подробностяхъ хозяйства на здѣшнихъ фермахъ рѣчь будетъ еще впереди. Теперь же сообщу только объ особенномъ административномъ распоряженіи адмирала Курба, о чемъ я узналъ, благодаря именно посѣщенію фермы, на которой провелъ цѣлый день. Дѣло въ томъ, что мой знакомый сообщилъ мнѣ слѣдующее: директоръ былъ не мало встревоженъ моимъ появленіемъ на фермѣ, хотя изъ вѣжливости и не выказалъ своего безпокойства. По приѣздѣ нашомъ онъ тотчасъ же увелъ моего спутника въ кабинетъ и показалъ ему присланный нананунѣ отъ губернатора печатный циркуляръ, въ которомъ оновѣщалось, что въ Нумю прибылъ гвѣто Циммерманъ изъ Москвы; затѣмъ слѣдовало подробное описаніе моей личности и моего костюма съ надлежащими примѣтами; въ заключеніе сказано, чтобы означенную личность ни подъ какимъ видомъ не допускать ни въ одно изъ административныхъ учрежденій на островѣ. Сообщивъ мнѣ содержаніе циркуляра, составленнаго, конечно, знакомымъ мнѣ секретаремъ и подписаннаго контръ-адмираломъ Курба, знакомый мой шути прибавилъ:

— Теперь вы у насъ подѣ надзоромъ полиціи. Тѣмъ лучше: за вами будутъ слѣдить; благодаря чему вы избавлены отъ опасности быть ограблену или даже съѣдену туземцами.

Прибавлю еще, что, не смотря на такія строгія административныя мѣры, мнѣ во все время моего пребыванія въ Новой Каледоніи не приходилось испытать никакихъ стѣсненій или неприятностей со стороны лицъ, съ которыми случалось встрѣчаться. Напротивъ, не только въ клубѣ, но вездѣ, гдѣ случалось бывать мнѣ, я былъ принимаемъ съ одинаковою предупредительною любезностью французовъ.

Мнѣ удалось незнакомиться здѣсь съ англійскимъ консуломъ, написавшимъ дѣльное сочиненіе объ естественной исторіи птицъ Новой Каледоніи. У него же я видѣлъ замѣчательную коллекцію мѣстныхъ раковинъ и напоротниковъ, растущихъ не только въ Новой Каледоніи, но также и на другихъ островахъ Тихаго океана. Обладая дубликатами этихъ коллекцій, ученый консулъ предлагаетъ ихъ въ обмѣнъ обществамъ естественныхъ исторіковъ.

интересуясь особенно какъ раковинами, такъ и напоротнищами, находящимися въ предѣлахъ Россіи.

Когда я сообщилъ ему о губернаторскомъ циркулярѣ, то онъ нисколько этому не удивился.

— Адмиралъ принялъ васъ за русскаго нигилиста, — сказалъ почтенный консулъ.

Англійскій консулъ, въ свою очередь, передалъ мнѣ другаго рода административный курьезъ. Недавно въ пользу одного бѣднаго семейства въ Нумѣ собирались по подпискѣ деньги. Когда подписной листъ поднесли, между прочимъ, губернатору, то онъ тутъ же наложилъ на него запрещеніе, основываясь на томъ, что на листѣ не было узаконенной итемпельной марен.

Во всемъ этомъ такъ и проглядываетъ пристрастный къ бюрократической регламентаціи характеръ француза. Любезный, обходительный въ частной жизни, тотъ же вольнолюбивый французъ становится чуть ли не деспотомъ, коль скоро облачается въ какую-нибудь официальную должность. Въ особенности въ колоніяхъ всѣ административныя лица, начиная отъ губернатора и до послѣдняго жандарма или даже до чернокожаго канана, служащаго при полиціи, — всѣ охвачены административною горячкою къ регламентаціямъ. Такого бюрократическаго задора намъ никогда не случалось встрѣчать въ колоніяхъ англичанъ, гдѣ, напротивъ того, всегда и вездѣ уважаютъ стремленіе къ свободѣ и самоуправленію въ гражданахъ. Въ этомъ и заключается отчасти великая тайна ихъ изумительной колонизаторской способности и чрезвычайныхъ успѣховъ въ ихъ колоніяхъ. Нерѣдко заявляемое мнѣніе, будто французы вообще неспособны къ колонизаціи, опровергается явными фактами. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только вспомнить о Канадѣ и Луизианѣ въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ тѣ же французы еще прежде англичанъ основали цвѣтущія колоніи, въ которыхъ до настоящаго времени сохранились французскіе нравы, обычаи и французскій языкъ. Прибавимъ, сверхъ того, что ни одна изъ цивилизованныхъ націй не обладаетъ такою способностью сближаться мирнымъ путемъ съ дикарями, какъ французы, доказательствомъ чему служатъ, между прочимъ, ихъ вояжеры, какъ называютъ въ Америкѣ торговцевъ, обитывающихъ у краснокожихъ буйволовыя шкуры на ружья, порохъ и пр. и водолгу проживающихъ среди дикарей въ полной безопасности. Но само правительство во Франціи, какое бы оно ни было — монархическое или республиканское, своими стѣснен-

ющими свободное движеніе регламентаціями на каждомъ шагѣ въ самомъ зародышѣ задерживаетъ и губитъ едва возникшія поселенія.

То же самое повторяется, конечно, и въ Новой Каледоніи. А, между тѣмъ, этотъ, одинъ изъ наиболѣе крупныхъ острововъ въ здѣшнихъ водахъ, величиною въ 300 квадратныхъ миль, представляетъ чрезвычайно благодатныя условія для развитія цвѣтущей колоніи. Находясь въ тропическомъ поясѣ, онъ пользуется, однако, не черезъ-чуръ жаркимъ, во всякомъ случаѣ здодовымъ климатомъ; въ Новой Каледоніи не жарче, нежели на югѣ Европы, и здѣсь неизвѣстны никакія эпидемическія болѣзни, ни желтая лихорадка, столь опасная для жителей Антильскихъ острововъ. При всемъ томъ, растительность здѣсь вполне тропическая: въ долинахъ зрѣютъ кососы и бананы, на плантаціяхъ разводятъ сахарный тростникъ, кофе, въ огородахъ сажаютъ ананасы. Привлеченные столь благодатными условіями дѣйствительнаго края католическіе миссіонеры, эти повсемѣстные передовики французской колонизаціи, уже лѣтъ сорокъ тому назадъ водворились на восточномъ берегу острова, обращая туземныя племена въ христіанство. Затѣмъ французы, предупредивъ англичанъ, водрузили на берегу національное знамя, избравъ этотъ островъ средоточіемъ для ихъ колоній въ Тихомъ океанѣ. Но самый выборъ мѣста для столицы свидѣтельствуетъ уже о томъ, какъ мало вниманія французскіе администраторы обращаютъ на существенныя условія успешной колонизаціи: вмѣсто того, чтобы просто прилечь къ открытымъ уже миссіонерами цвѣтущимъ поселеніямъ на восточномъ берегу, начальникъ французской эскадры въ 1854 году соорудилъ военный постъ въ глубинѣ Нумэйской бухты и положилъ такимъ образомъ, основаніе Нумѣ. Вблизи города не нашлось даже хоть сколько-нибудь сносной воды для жителей. Мало того, несмотря на обильное число администраторовъ и чиновниковъ, наѣхавшихъ въ новый край, несмотря на значительныя затраты, сдѣланныя метрополіею для устройства и поддержки колоніи, здѣшніе правители въ теченіе почти тридцати лѣтъ не позаботились даже объ измѣреніи морской глубины въ Нумэйскомъ рейдѣ, какъ то сообщалъ мнѣ прибывшій сюда агентъ французской компаніи пароходства. Имѣя въ виду устроить непосредственное сообщеніе Франціи съ ея колоніею, компанія находится теперь въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ на дѣлѣ оказалось, что въ Нумэйской гавани море недостаточно

глубоко для большихъ, приготовленныхъ во Франціи. пароходовъ. Понятно, что послѣ такихъ оплошностей со стороны вѣдѣвающейся во все, но ничего основательно не дѣлающей администраціи, нечего ждать успѣшнаго развитіи колоніи. А, сверхъ того, завязалась еще кровавая борьба съ воинственными туземцами, жестокими людьми. Предоставленные сначала самимъ себѣ, колонисты, при содѣйствіи миссіонеровъ, ладили съ дикарями мирнымъ путемъ. Но послѣ введенія на островъ вооруженныхъ отрядовъ для защиты переселенцевъ дѣло не обходилось безъ кровавыхъ стычекъ: военачальники не знали другаго способа умиротворенія края, какъ пусканіе въ ходъ огнестрѣльнаго оружія и отгѣсненіе отъ береговъ разъяренныхъ дикарей, бѣжавшихъ въ недоступныя горы внутри острова. Однако, туземцы изъ своихъ притоновъ рѣдко совершаютъ опустошительныя набѣги на поселенія. Такъ, еще года три тому назадъ, дикари учинили изъ-за горъ нападеніе на одну изъ колоній, перебивъ болѣе сотни бѣлыхъ, трупы которыхъ, всѣ до единаго были съѣдены. Немногіе изъ колонистовъ успѣли бѣжать въ Нумэю, откуда человекъ сорокъ волонтеровъ верхами тотчасъ же отправились на мѣсто побоища, и прежде чѣмъ успѣлъ прибыть туда военный отрядъ, они перебили десятка два чернокожихъ. Потомъ, когда подошелъ гарнизонъ, Французы окружили толпу туземцевъ и забрали около шести сотъ человекъ въ плѣнъ, которыхъ и размѣстили по разнымъ мелкимъ островамъ близъ Новой Каледоніи.

Надо замѣтить, что туземцы на островѣ уже споконъ вѣка занимались воздѣлываніемъ земли, прибѣгая даже къ искусственному орошенію полей. Несмотря на то, правительство безъ разбора продаетъ наѣзжающимъ въ край бѣлымъ переселенцамъ участки, занятые и воздѣлываемые уже дикарями. Такое отчужденіе земли совершается, конечно, по планамъ на бумагѣ, а въ натурѣ предоставляется уже самимъ колонистамъ отбивать участки у исконныхъ владѣльцевъ ихъ, чѣмъ кладется начало нескончаемымъ кровавымъ стычкамъ между дикарями и переселенцами.

Понятно, что при подобныхъ порядкахъ туземцы съ ненавистью смотрятъ на поселенія бѣлыхъ, и даже изъ мирныхъ племенъ, живущихъ по берегамъ, рѣдко кто нанимается къ европейцамъ на работу. А потому, какъ фермеры, такъ и горожане вынуждены восполнять недостатокъ рабочихъ рукъ, привозя дикарей съ сосѣднихъ Гебридскихъ острововъ. На такой конецъ въ Нумэѣ имѣется коммерческая компанія, располагающая шестью

парусными судами. Последніе поддерживаютъ непрерывное сношеніе съ Гебридскими островами, вывозя отсюда кокосовые орѣхи, сандалное дерево и другія произведенія тропическаго края, а вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ же вербуются рабочіе для Новой Зеландіи. По писаннымъ уставамъ, такая вербовка должна бы совершаться на основаніи полюбовнаго соглашенія съ туземцами и не иначе, какъ по контракту на три года. Но на самомъ дѣлѣ судовладельцы, получая известное вознагражденіе за каждого привезеннаго яко бы вольнонаемнаго рабочаго, прибѣгаютъ къ разнаго рода ухищреніямъ и къ возмутительнымъ насиліямъ. Заманивая подъ всякія-нибудь предлоги до вѣрчивыхъ дикарей на палубу, шипперы увозятъ ихъ насильно. Иногда задариваютъ вождя мѣстнаго племени, который за то поставленъ требовать необходимое количество модиченныхъ ему чернокожихъ. Не владѣя французскимъ языкомъ, дикари не находятъ ни суда, ни расирывы и поневолѣ принимаютъ за навязанную имъ работу, лишь бы не голодать. Однако, по истеченіи уставовленнаго трехлѣтняго срока, они уѣзжаютъ опять на родину, не уеявъ, впрочемъ, сберечь ничего изъ заработковъ, но приучившись за то къ пьянству и разврату среди бѣлокожаго населенія. Проникаясь къ нему ненавистью, они передаютъ ее своимъ соотечественникамъ и не упускаютъ случая выместить на первомъ попавшемся въ ихъ руки европейцѣ всѣ наносимыя имъ обиды. Несмотря на строгія узаконенія, имѣющія цѣлью прекратить возмутительные поступки моряковъ, мѣстныя власти смотрятъ сквозь пальцы на варварскіе подвиги шипперовъ, а въ случаѣ послѣдовавшаго затѣмъ въ отместку избиенія бѣлыхъ чернокожими, безжалостно наказываютъ послѣднихъ.

Вотъ между прочимъ, одинъ изъ подобныхъ, часто повторявшихся за послѣднее десятилѣтіе фактовъ. Пользовавшійся на Гебридскихъ и сосѣднихъ съ ними островахъ большимъ довѣріемъ дикарей епископъ Паттесонъ лѣтъ десять тому назадъ совершалъ поѣздки по миссіонернымъ станціямъ. Случилось такъ, что, прежде припробытія на маленькій островъ Нукату, отсюда однимъ изъ капитановъ насильственно увезены были пять человекъ туземцевъ. Родственники несчастныхъ плѣнниковъ думали, что ихъ убили на кораблѣ, и рѣшили при первомъ удобномъ случаѣ отыскать за своихъ братьевъ. Вскорѣ вслѣдъ затѣмъ къ острову прибылъ епископъ Паттесонъ и, по обыкновенію, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности, вышелъ на берегъ съ двумя спутниками. Несмотря на довѣріе, какое островитяне всегда питали

въ миссіонеру, они убили подвернувшихся имъ на этотъ разъ бѣлыхъ. Потомъ завернули трупъ епископа въ циновки, уложили его въ лодку и пустили ее по заливу, бросивъ туда же пальмовую вѣтвь съ пятью узлами, въ знакъ совершенной ими мести за пятерыхъ захваченныхъ товарищей. Британское правительство задумало строго наказать дикарей и поручило дѣло возмездія крейсировавшему тогда въ Тихомъ океанѣ кораблю «Розаріо». Отъ того, какъ англійскій начальникъ исполнилъ возложенное на него порученіе, можно судить по слѣдующей, бывшей испорчена статья въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ въ Южной Австраліи.

«Корабль «Розаріо», — сказано тамъ, — изъ безопасной для него дали бомбами испепелилъ и разрушилъ селенію дикарей; потомъ вооруженный отрядъ на лодкахъ высадился на берегъ, перебилъ тамъ тридцать человекъ чернокожихъ и уничтожилъ ихъ ладьи. Сколько женъ и дѣтей погибло при бомбардировкѣ селенія, объ этомъ не упоминается даже. Съ какою же цѣлью совершена такая ужасная бойня? А для того, чтобы глушое, дикое, первобытное племя почувствовало могущество Англій, этой владычицы морей. За то, что епископъ Паттесонъ — Богъ вѣсть кѣмъ — убитъ на берегу, за это нитя не въ правѣ такимъ варварскимъ образомъ наказывать цѣлый островъ, цѣлое племя дикихъ людей. Кто довелъ мирныхъ островитянъ Тихаго океана до того, что они нашлись вынужденными защищать свои берега отъ чужеземцевъ, тогда какъ прежде они дружелюбно и гостепріимно принимали послѣднихъ? Вы негодуете на нихъ за то, что они не позволяютъ вамъ похищать и увозить въ неволю ихъ женъ и дѣтей? Неужели вопль ужаса о подобныхъ захватахъ людей не проникнетъ съвозъ всѣхъ колоній до англійскаго парламента? Вѣдь, называетъ же англичанинъ свой домъ своею крѣпостью, которую онъ готовъ отстаивать отъ всякаго вторженія. Тамъ признайте такое же право и за другими людьми».

Газета предостерегала, что такими мѣрами дикарей обратятъ въ тигровъ, и это злобѣщее пророчаніе негодующей газеты сбылось на дѣлѣ: года четыре спустя послѣ изложенныхъ выше событій, туземцы острова воспользовались случаемъ вновь откѣстить бѣлымъ, и убили англійскаго командора, приставшаго къ ихъ берегамъ. Не взирая на всеобщее негодованіе, возбужденное прежними распоряженіями, англійское правительство опять таки подвергло дикарей кровавой карѣ. И такая нескончаемая цѣль взаимныхъ возмездій, — съ одной стороны дикихъ острови-

тнѣ, а съ другой великобританскаго правительства, — продолжается все еще до настоящаго времени, и конецъ имъ предвидится лишь съ окончательнымъ истребленіемъ туземныхъ племенъ...

Привозимые, такимъ образомъ, всякими правдами и неправдами въ Новую Каледонію туземцы съ Гебридскихъ острововъ и составляютъ, какъ въ Нумѣѣ, такъ и на всемъ островѣ, главную рабочую силу, получая за трудъ по три франка въ день на своихъ харчахъ. Чернокожіе мерѣдко появляются здѣсь также въ качествѣ полицейскихъ, одѣтыхъ въ бѣлую блузу, съ круглою шапочкою на головѣ и съ тростью въ рукѣ. Помимо этихъ болѣею частью невольныхъ наемниковъ, администрація употребляетъ еще въ работу каторжныхъ. На отдѣленномъ отъ Нумѣи неширокимъ проливомъ островъ Ну стоятъ правительственныя казармы, гдѣ содержатся преступники. Каждое утро они на баркѣ перевозятся съ острова въ городъ и счетомъ сдаются тутъ офицерамъ. Потомъ подъ конвоемъ отводятся за городъ и, вооружась лопатами, проводятъ тамъ въ горы новое шоссе. Вечеромъ офицеры отводятъ преступниковъ къ пристани и опять счетомъ сдаютъ смотрителю, подъ надзоромъ котораго они отвозятся назадъ на островъ Ну, гдѣ и отдыхаютъ до слѣдующаго дня. Сверхъ того, на улицахъ Нумѣи часто попадаются кофейнаго цвѣта кабилы въ длинныхъ бѣлыхъ балахонахъ и съ такими же канюшонами на головѣ. Это тоже подданные Франціи, сосланные изъ другой ея колоніи, Алжира, послѣ бывшаго тамъ возстанія лѣтъ двѣнадцать тому назадъ. Они пользуются полною свободою въ предѣлахъ острова, но не могутъ его покинуть. Занимаются кабилы болѣею частью мелкой торговлей; но за какой-нибудь работой ихъ не случалось видѣть. Напротивъ того, ихъ во всякое время дня можно встрѣтить въ извѣстныхъ кофейняхъ, гдѣ они за чашкою кофе громко голосятъ на своемъ родномъ языкѣ. Такимъ образомъ, за работою на улицѣ здѣсь только и видишь или чернокожихъ, или каторжниковъ.

Изъ послѣднихъ нѣкоторые служатъ у здѣшнихъ офицеровъ поварами. По утрамъ эти повара ходятъ подъ надзоромъ чернокожихъ полицейскихъ по лавкамъ въ городѣ для закупки провизіи. Одѣтые, какъ мы уже видѣли, въ холщевыя блузы и штаны и всѣ до одинаго съ гладко выбритыми подбородками, преступники не обременяются, однако, кандалами, такъ что при ограниченной стражѣ, къ нимъ приставляемой, имъ, пожалуй, не трудно было бы бѣжать изъ неволи. Но едва ли кто поку-

сится на такое бѣгство, такъ какъ въ мѣстахъ, легко доступныхъ по берегамъ острова, вездѣ находятся лагеря съ отрядами конныхъ и пѣшихъ жандармовъ, а спастись въ горы, во внутрь острова крайне рискованно, такъ какъ тамъ дикари, навѣрное, перебили бы бродягъ, хотя бы только для того, чтобы полакомиться человѣческимъ мясомъ. Притомъ, заблудившись въ горахъ, бѣглецы умерли бы тамъ съ голода, тѣмъ болѣе, что островъ вообще снабженъ весьма скудными средствами сообщенія. Единственная спосная и законченная дорога, та самая, по которой мы проѣхали на образцовую ферму, пролегаетъ изъ Нумэи къ сѣверозападу, вдоль по берегу, и тянется всего верстъ на пятнадцать до мѣстечка Палты.

Въ одинъ прекрасный день я отправился по ней пѣшномъ съ раннего утра. Вскорѣ по выходѣ изъ города потянулись по правую сторону отвѣсныя, довольно высокія скалы, а слѣва стали тихія воды залива, только вдали морскія волны разбивались о коралловые рифы, образуя тамъ пѣнистую черту. Минувъ владѣище, а вслѣдъ за нимъ стоянку туземной полиціи и казармы жандармовъ на вершинѣ, я вышелъ въ болѣе открытую мѣстность. Отступя далѣе отъ берега, горы высились куполообразными вершинами, сплошь покрытыми кудреватымъ лѣсомъ. Однако, по спускающимся къ дорогѣ скатамъ растительность вообще не отличается тою пышностью, какую ожидаешь въ тропическомъ краѣ. Деревья не высоки и даютъ мало тѣни. Подобно тому, какъ на материкѣ Австраліи лѣса состоятъ болѣею частью изъ однихъ эйкалиптовъ, такъ и здѣсь въ нихъ почти исключительно растутъ одни такъ называемыя у туземцевъ ниаули. Рѣдко прямой, болѣею частью извилистый, корявый стволъ неказистаго на видъ дерева покрытъ бѣлесоватою корою, которая легко лущится и пропитана особеннымъ смолистымъ составомъ. Туземцы часто пользуются смолистою корою для факеловъ, а европейскіе поселенцы добываютъ изъ нея путемъ перегонки эфирное масло. Довольно твердое и не легко гнѣющее дерево употребляется здѣшними плотниками, столярами и каретниками для разныхъ подѣлокъ. Тамъ, гдѣ разросся неприглядный ниаули, рѣдко можно встрѣтить другія древесныя породы; кое-гдѣ въ видѣ подлѣска попадаются лишь акаціи и мимозы, по вѣтвямъ которыхъ вьются цѣпія растенія. Неглубокая глинистая почва поросла скудною травой. По краю самой дороги проложены водопроводныя трубы, изъ которыхъ мѣстами, въ нарочно для того

устроенные боковые краны, вода узкою струею брызжетъ на шоссе. Городъ Нумэя, какъ мы уже замѣтили, ощущаетъ сильный недостатокъ въ прѣсной водѣ, хотя островъ вообще изобилуетъ ключами, потоками и рѣчками. Горожане устраиваютъ при домахъ большіе цинковые водоемы для скопа дождевой воды. Но послѣ продолжительной засухи, она до того оживляется личинками насѣкомыхъ, что становится вовсе негодною для питья. А потому и вынуждены были проложить въ городъ трубы на протяженіи около десяти верстъ, съ тѣмъ, чтобы провести по нимъ воду съ горныхъ потоковъ. Такое водоснабженіе въ настоящее время, конечно, весьма удовлетворительно для трехтысячнаго населенія въ Нумэѣ; а значительнаго прироста жителей въ ближайшемъ будущемъ нечего и ожидать.

Верстахъ въ пяти отъ города дорога спускалась къ болоту, врѣзавшемуся отъ самаго моря въ материкъ. По обѣ стороны проложенной здѣсь гати, надъ разлившеюся отъ прилива морскою водою, по болоту разраслись такъ называемыя мангровы. Толстыя, торчащія надъ почвою корни этого страннаго дерева, величиною съ наши яблони, переплетаясь, образуютъ подъ собою родъ шалашей, гдѣ гнѣздятся змѣи, раки, краббы и нерѣдко находятя устрицы. А на корняхъ поднимаются, прихотливо развѣтвляясь во всѣ стороны, сучковатые темно-бурые стволы съ глянцевоытыми когтистыми листьями. Между ними висятъ темно-бурые, величиною съ голубиное яйцо, мясистые плоды, непріятные на вкусъ. Изъ узловъ на вѣтвяхъ спускаются внизъ воздушные корни; достигнувъ болотистой почвы, они врастаютъ въ нее и оттуда поднимаются новыя поросли. Вслѣдствіе этого образуется тутъ такой густой переплетъ, что туземцы нерѣдко пробираются черезъ болото по корнямъ растенія, какъ по мостовнику. Наносимый приливами тинистый песокъ накапливается подъ корнями, почва постепенно поднимается, и когда она поднялась уже выше морскаго уровня, то эти въ своемъ родѣ земноводныя деревья вымирають, уступая мѣсто новой, на сушѣ прозябающей растительности.

По лѣвую сторону поднявшейся въ гору дороги, въ долинахъ, показывались изрѣдка фермы, гдѣ воздѣлываются рисъ и корнеплодное растеніе таро. Тутъ же зрѣютъ бананы и кокосы, подъ которыми мѣстами разводятся кусты кофейника, сахарный тростникъ и ананасы. Иногда попадались лавочки, торгующія табакомъ и виномъ. Когда фермы пропадали изъ виду, то по обѣ

стороны опять тянулись все тѣ же однообразные лѣса ниаули. Но въ одномъ мѣстѣ дорога, пролегая по крутому скату горы, огибаетъ глубокое горное ущелье. Здѣсь предстала уже совсѣмъ иная, болѣе свойственная тропическому краю растительность; въ глубинѣ изъ лиственной чащи подымались вершины пихты и казуариновъ, а мѣстами выглядывали иззубренные листья стреловидныхъ папоротниковъ. Такія покрытыя тропическою флорою ущелья оживлялись, сверхъ того, стаями попугаевъ и разныхъ пестрыхъ пташекъ, которыя, повидимому, избѣгаютъ невеселые лѣса ниаули.

Перебравшись по мосту черезъ рѣчку Думбею, я поднялся на правый берегъ ея и скоро достигъ мѣстечка Палты, состоящаго изъ нѣсколькихъ десятковъ домовъ, въ которыхъ живутъ переселившіеся сюда французы и нѣмцы. Первые содержатъ кофейни и торгуютъ виномъ, а послѣдніе воздѣлываютъ поля и огороды, или занимаются плотничнымъ и кузнечнымъ ремеслами. При мѣстечкѣ расположена стоянка жандармовъ, а близъ нея находится селеніе одного изъ мирныхъ туземныхъ племенъ. Жилища чернокожихъ состоятъ изъ конусообразныхъ шалашей, сооружаемыхъ изъ сучьевъ и покрытыхъ сверху пальмовыми листьями. Для входа во внутрь оставляется съ боку невысокое отверстіе. Дикари, темнокофейнаго, почти чернаго цвѣта, ходятъ нагіе и рѣдко татуируются. У мужчинъ на поясѣ виситъ обыкновенно триципа впереди, а женщины носятъ родъ юбки, сдѣланной изъ кокосовыхъ волоконъ и бахромой ниспадающей до колѣнъ. Мужчины занимаются болѣе убранствомъ курчавыхъ волосъ на головѣ, густо напудривая ихъ известковымъ порошкомъ, такъ что издали кажется, будто голова покрыта бѣлой мѣховою шапкой. У многихъ дикарей нижняя часть уха снабжена большимъ отверстіемъ, въ которое легко просунуть даже большой палецъ. Они всовываютъ въ эти дырья что ни попало, иногда просто какой-нибудь сучокъ. Домашняя утварь дикарей весьма первобытнаго свойства: нѣсколько деревянныхъ и тыквенныхъ посудинъ для сохраненія воды, потомъ еще простыя глиняныя горшки неправильной формы. Боевыя орудія ихъ состоятъ изъ разныхъ видовъ тяжелыхъ палицъ, гладко обтесанныхъ, и изъ копій. Но самое страшное въ ихъ рукахъ орудіе, конечно, топоръ. До появленія европейцевъ такой топоръ дѣлался изъ гринштейна, вставляемаго въ отверстіе топорнища; но въ настоящее время туземцы пріобрѣтаютъ у поселенцевъ желѣзные орудія этого рода, владея ими съ большою ловкостью.

Селеніе подчиняется вождю, который здѣсь, благодаря поддержкѣ со стороны европейцевъ, пользуется довольно широкою властью, особенно въ спорныхъ случаяхъ по поводу землевладѣнія. Ближайшая къ деревнѣ земля почти вся занята, и каждый изъ хозяевъ владѣетъ своимъ участкомъ на правахъ личной собственности. Дальнія, невоздѣланныя еще земли считаются какъ бы общиннымъ владѣніемъ. Всякій изъ живущихъ въ селеніи хозяевъ воленъ выбрать себѣ кусокъ въ этой общинной землѣ и обработать его. Такой воздѣланный участокъ считается уже неотъемлемою его собственностью и переходитъ даже по наслѣдству къ его дѣтямъ. Такимъ образомъ, благодаря избытку нигдѣ еще незанятыхъ земель на островѣ, туземцы не лишены орудествъ къ пропитанію, почему и не нанимаются вовсе въ рабочіе къ европейскимъ колонистамъ.

Воспользовавшись почтовою каретою, какъ называютъ здѣсь простой, крытый клеенкою фургономъ, поддерживающей сообщеніе съ Нумбей, я вечеромъ того же дня воротился въ городъ.

Шоссейная дорога кончается въ Палтѣ. Дальнѣйшіе пути по острову до того затруднительны, что по нимъ можно пробраться лишь съ помощью туземныхъ вожаковъ, набираемыхъ изъ мирныхъ племенъ, разсѣянныхъ по берегу. Такіе вожаки назначаются обыкновенно мѣстнымъ вождемъ. А если послѣднему почему-либо вздумается отказать въ провожатыхъ, то путешественникъ рискуетъ остаться одинъ въ незнакомомъ ему краѣ, откуда не всегда легко бываетъ найти обратный путь. Какъ вообще затруднительно путешествіе по острову, объ этомъ можно судить по походу, который лѣтъ пять тому назадъ совершилъ здѣшній вачальникъ телеграфныхъ станцій, и то лишь придерживаясь по возможности береговъ острова. Какъ лицо официальное, онъ пользовался всѣми необходимыми средствами для такого путешествія и, въ крайнемъ случаѣ, могъ понудить туземныхъ вождей содѣйствовать его походу. Пространствовавъ около двухъ мѣсяцевъ пѣшкомъ, онъ прошелъ слишкомъ тысячу верстъ по нагорнымъ и лѣснымъ тропамъ, иногда не находя рѣшительно никакихъ слѣдовъ дороги, а руководясь единственно указаніями туземныхъ вожаковъ, которые мѣстами топоромъ пробивали проходъ въ чащѣ. Черезъ горные потоки и рѣки нигдѣ, конечно, не оказалось мостовъ, изрѣдка случалось переправляться черезъ нихъ въ ладьяхъ, такъ что путешественнику пришлось перейти въ бродъ сотни двѣ потоковъ, причемъ вода иногда доходила по шею. По пути онъ останавливался частью

на миссіонерскихъ и жандармскихъ станціяхъ, частью въ селеніяхъ туземцевъ. Для необходимаго въ дорогѣ багажа путешественникъ взялъ съ собою осла; но животное сильно задерживало людей по неудобно проходимымъ мѣстамъ, особенно по болотамъ; а потому вынуждены были повинуть его и нанимать, кромѣ проводниковъ, еще носильщиковъ. Но, получая поденную плату, наемники изъ каждаго селенія сопровождали путешественника только до слѣдующей ближайшей деревни, принадлежащей уже другому племени. Туземецъ ни за что не рѣшается удалиться за предѣлы принадлежащаго къ его племени округа, опасаясь быть перехваченнымъ и съѣденнымъ сосѣдними людоедами. Нечего и говорить о невозможности проникнуть внутрь острова, гдѣ до сихъ поръ по лѣсистымъ горамъ и ущельямъ скрываются воинственные неприимимыя племена чернокожихъ.

Поперекъ острова съ западнаго берега на восточный переваливаютъ, правда, черезъ горы, четыре тропы, по которымъ, однако, едва отваживаются ходить только туземцы. Одна изъ этихъ тропъ, исходя отъ небольшого селенія чернокожихъ на западномъ берегу, пролегаетъ до мѣстечка Каналы. Это одно изъ тѣхъ селеній на восточной сторонѣ острова, которыя прибывшими въ Новую Каледонію первыми миссіонерами были заняты еще прежде основанія Нумэи. Расположенная на берегу судоходной рѣчки близъ залива, Канала во всякомъ случаѣ представляетъ болѣе выгодныя условія для заложения портоваго города, нежели Нумэя. Тамъ уже и начинали селиться колонисты, устраивая въ отличающихся плодородіемъ окрестностяхъ цвѣтуція фермы. Но французскіе администраторы, какъ мы уже упоминали, не сообразуясь съ интересами колонистовъ, упустили изъ виду всѣ эти выгоды, и перенесли столицу острова въ Нумэю.

Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ горахъ близъ Каналы найдены были богатые никелевые рудники, и за разработку ихъ взялись англичане. Благодаря ихъ капиталамъ и энергичной дѣятельности, разработка никеля вскорѣ приняла довольно широкіе размѣры, и въ послѣдніе три-четыре года привлекла къ себѣ много разнородныхъ переселенцевъ. Обстроившись, поселеніе Канала начинаетъ уже принимать видъ города, который въ недалекомъ будущемъ, какъ полагаютъ, перерастетъ самую столицу Новой Каледоніи. Извѣстно, какое обширное примѣненіе во всѣхъ отрасляхъ металлическихъ издѣлій получилъ никель въ послѣднее десятилѣтіе. А потому рудники на островѣ разраба-

тываются въ настоящее время съ большою выгодною, и этотъ металлъ обѣщаетъ быть для Новой Каледоніи такимъ же источникомъ будущаго благосостоянія, какъ золото и мѣдь для Австраліи; но, судя по почину, здѣшними богатствами воспользуются скорѣе предприимчивые англичане, нежели сами французы.

Какъ Канала, такъ и другія прибрежныя мѣста, сообщаются съ Нумэей при посредствѣ парохода, который совершаетъ свои еженѣсячные рейсы вокругъ острова. Крімъ того, имѣется еще почтовое сообщеніе при помощи почтовой кареты, доходящей, какъ мы видѣли, до Палты. Отсюда почта переносится далѣе туземцами, которые отправляются для этого пѣшкомъ обыкновенно по двое, передавая почтовые сумки отъ одного племени другому. О надежности такого сообщенія можно судить по тому, что туземные почтари часто задерживаются по пути разлившимися послѣ дождей потоками. Нерѣдко случалось, что они пропадали дорогой безъ вѣсти.

При такихъ скудныхъ средствахъ сообщенія сельскохозяйственныя станціи на островѣ приносятъ, конечно, крайне ограниченныя доходы, несмотря даже на чрезвычайное плодородіе края. Мелкія фермы близъ города процвѣтаютъ еще хоть сколько-нибудь, благодаря удобному сбыту. Въ Нумэѣ я познакомился съ однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, станція котораго находится на восточномъ берегу, верстахъ въ 300 отъ столицы. Всей земли у него считается около 1,200 гектаровъ. При станціи имѣется до полутора ста головъ рогатаго скота, 300 овецъ и десятка три лошадей. За недостаткомъ рабочихъ рукъ воздѣлывается весьма ограниченное количество сахару, рису и другихъ произведеній тропическаго пояса, такъ что главный доходъ получается отъ продажи рогатаго скота. Его не легко, однако, пригнать въ Нумэю. Такой прогонъ, по словамъ хозяина, совершается въ теченіе трехъ или четырехъ недѣль, причемъ по пути приходится нѣсколько разъ переправлять весь гуртъ вплавъ черезъ рѣки. Владѣлецъ станціи вноситъ правительству ренту по три франка за гектаръ. Лишь по истеченіи 24 лѣтъ онъ будетъ окончательно введенъ во владѣніе землей. Участки въ Новой Каледоніи отчуждаются правительствомъ различными путями. Нѣкоторые продаются съ аукціона, другіе по добровольной сдѣлкѣ съ покупателемъ, а иногда отдаются въ долгосрочную аренду. Военные чины, вышедшіе по истеченіи ихъ служебнаго срока въ отставку и желающіе поселиться въ колоніи, имѣютъ право на

даровой участокъ земли въ размѣрѣ отъ 15 до 75 гектаровъ, смотря по чину.

Не такъ еще давно Новая Каледонія изобиловала сандалнымъ деревомъ. Но его истребляли для вывоза безъ всякой пощады, такъ что въ настоящее время оно встрѣчается въ лѣсахъ лишь въ видѣ мелкой поросли. За то кокосовая пальма все еще составляетъ немаловажный источникъ доходовъ. Изъ волоконъ кокосовыхъ орѣховъ изготовляются канаты, а изъ ядра добывается масло, составляющее довольно важный предметъ виѣшней торговли. Много кокосовъ вывозится также цѣликомъ въ Англію. На нѣкоторыхъ фермахъ воздѣлывается еще маниокъ, изъ корня котораго получается тапиока. Кофейное деревцо мало воздѣлывается, главнымъ образомъ, оттого, что оно требуетъ затраты значительнаго капитала, такъ какъ доходъ съ него получается только по истеченіи трехъ лѣтъ послѣ посадки. Самымъ доходнымъ растеніемъ фермеры считаютъ сахарный тростникъ, еслибъ только онъ не былъ истребляемъ саранчею. Последняя, впрочемъ, не трогаетъ ароматичныхъ растеній вродѣ кофе и табаку. До какой степени она размножается на островѣ, въ этомъ я воочию убѣдился, когда посѣтилъ миссіонерную стамцію Санъ-Люи.

Выѣхавъ для этого утромъ въ почтовой каретѣ по извѣстному уже намъ шоссе, я верстахъ въ шести отъ Нумэи покинулъ экипажъ и свернулъ вправо по дорогѣ, пролегающей къ востоку. Недалеко отъ поворота черезъ протекающую здѣсь рѣчку перекинутъ хорошій деревянный мостъ, по которому окружающая его мѣстность получила прозвище «моста Французовъ» (Pont des Français). Близъ рѣчки находится ферма съ большимъ садомъ, изобилующимъ апельсинными деревьями. Миновавъ ее и поднявшись на противоположный берегъ потока, я вскорѣ очутился въ лѣсу, гдѣ по воздуху густыми тучами носилась саранча, то я дѣло ударяясь о мою шляпу и попадая въ лицо. Чтобы избавиться отъ такихъ неприятныхъ налетовъ, я нашелся, наконецъ, вынужденнымъ распуścić зонтикъ, и сталъ подвигаться впередъ, держа его передъ собою. Ударяясь о зонтикъ, шасѣкомыя производили грохотъ, словно по немъ били крупныя градины. Но вотъ, вдали показался густой дымъ: тамъ чернокожіе выжигали лѣса, готовя почву подъ пашню. Туземцы подрубали топорами полуспорѣвшіе пни. Избѣгая, повидимому, дыма, саранча въ этомъ мѣстѣ подымалась выше стоячаго лѣса. Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго. Миновавъ пылавшій по обѣ стороны лѣсъ, я

вышелъ на открытую поляну и опять пришлось зонтикомъ защищаться отъ саранчи. Наконецъ, показалось селеніе, а на плоской вершинѣ холма бѣлѣла церковь миссіонеровъ.

Дорога къ ней шла аллеей, состоящей изъ кокосовыхъ пальмъ и банановъ. Поднявшись на возвышенную площадь, я увидѣлъ на просторномъ дворѣ толпу чернокожихъ мальчугановъ, весело игравшихъ въ мячъ, а на верандѣ одноэтажнаго довольно обширнаго дома меня привѣтливо встрѣтилъ самъ настоятель. Отрекомендовавшись ему, я попросилъ позволенія осмотрѣть станцію. Священникъ въ отвѣтъ предложилъ свои услуги и тотчасъ же повелъ меня осматривать принадлежащія къ его миссіи заведенія. Прежде всего, мы пошли въ находящійся тутъ лѣсопильный заводъ, приводимый въ движеніе паровою машиною. На заводѣ изъ отличнаго мѣснаго лѣса изготовляются доски и брусья для построекъ и разныхъ подѣлокъ. Эти предметы отвозятся въ Нумэю и сбываются тамъ за хорошую цѣну. Тутъ же рядомъ стоитъ хорошо устроенный сахарный заводъ, а возлѣ него въ особомъ отдѣленіи готовится коньякъ. На плантаціи въ работу употребляются живущіе въ селеніи при миссіи туземцы, обращенные въ христіанство. Они получаютъ за трудъ умѣренную плату. Такимъ образомъ, миссіонеры не только ведутъ выгодное хозяйство, поддерживая миссію собственными доходами, но, сверхъ того, имъ удалось также, при умѣннѣ обращаться съ дикарями, приучить послѣднихъ къ работѣ по найму.

Болѣе всего интересовала меня здѣшняя школа для дѣтей туземцевъ. Близъ церкви стоитъ двухъэтажное зданіе, въ которое и ввелъ меня настоятель. Насъ встрѣтилъ добродушный патеръ, наставникъ туземнаго молодаго поколѣнія. Классныя, спальни и вообще всѣ помѣщенія довольно обширной школы содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Чернокожихъ мальчиковъ обучаютъ тутъ всему, что преподается обыкновенно во французскихъ первоначальныхъ школахъ, т. е. чтенію, письму, счету, немного географіи и исторіи, причемъ всѣ предметы проходятся, конечно, на французскомъ языкѣ. Надо замѣтить, что дикари, обитающіе на посѣщаемыхъ европейцами островахъ Тихаго океана, не исключая даже Новой Каледоніи, говорятъ болѣею частью по-англійски, сильно коверкая слова. Изъ нихъ слѣдуетъ исключить только туземцевъ, обучавшихся у французскихъ миссіонеровъ. Эти туземцы не только говорятъ по-французски, но и знакомы—со словъ учителя, разумѣется—болѣе съ географіей

и исторіей Франціи, чѣмъ съ своимъ роднымъ островомъ. Въ классѣ, между прочимъ, для изученія географіи висѣла на стѣнѣ единственная большая карта Франціи. Когда я показалъ учителю бывшую при мнѣ подробную, недавно только вышедшую въ Нью-мѣ карту Новой Каледоніи, то онъ очень удивился, вовсе не подозрѣвая о существованіи подобной карты.

Разговорившись съ миссіонерами, я полюбозытствовалъ узнать, наростаеъ ли населеніе дикарей, живущихъ въ ихъ миссіи? Настоятель въ отвѣтъ передалъ мнѣ, что у нихъ младенцы рѣдко доживаютъ до перваго года. По словамъ его, у иной матери бываетъ по десяти дѣтей, и едва одно изъ нихъ остается въ живыхъ. Въслѣдствіе чего, несмотря на всѣ заботы миссіонеровъ, населеніе изъ года въ годъ сильно убываетъ. Но о причинѣ такой убыли патыры ничего не могли сказать.

Окончивъ обходъ по заведеніямъ миссіи, я простился съ радужными хозяевами ея и пошелъ въ находящееся вблизи селеніе туземцевъ. Спустившись по дорожкѣ, проложенной зигзагомъ по крутому скату, я перешелъ по перекинутому для пѣшеходовъ мосту черезъ ручей и—передо мною предстала восхитительная идиллія! Площадь, на которой расположилось селеніе туземцевъ, перерѣзана нѣсколькими правильными, краснымъ пескомъ усыпанными дорожками. По обѣ стороны каждой изъ нихъ стоятъ хижины, напоминающія по наружности мазанки въ нашей Малороссіи: онѣ такой же почти величины и также выбѣлены, но только крыты, вмѣсто очерета, пальмовымъ листомъ. Каждая хижина окружена садикомъ съ бананами и кокосовыми пальмами, осыняющими своими перистыми листьями уютныя жилища. Сидѣвшіе передъ ними на луговинѣ туземцы, радушно улыбаясь, отвѣчали на мои привѣтствія. Они, какъ слѣдуетъ по строгимъ правиламъ приличія, были одѣты болѣею частью въ полосатыя блузы и штаны. Само собою разумѣется, что и въ домашнемъ обиходѣ ихъ почти ничего не осталось отъ ихъ прежняго дикаго состоянія: первобытнаго свойства посуды замѣнены болѣе удобною утварью, употребляемою цивилизованными націями. Люди живутъ здѣсь, можно сказать, въ полномъ довольствѣ, и, въ виду окружающей ихъ пышной растительности, при благодатномъ раствореніи теплаго воздуха, всякому постороннему посѣтителю должно казаться, что здѣшнимъ обитателямъ для полнаго счастья нечего болѣе желать. Если же, вступивъ въ разговоръ съ туземцами, спросишь ихъ, довольны ли они своимъ настоящимъ

положеніемъ, то каждый изъ нихъ, не обвинясь, отвѣтитъ, что не захотѣлъ бы промѣнять его на прежнюю, дикую жизнь.

Но отчего же при всей столь благодатной обстановкѣ вымираютъ ихъ дѣти? Отчего племя, поставленное въ болѣе счастливыя условія жизни, не оставляетъ по себѣ счастливаго поколѣнія? Когда взглядишься внимательнѣе въ лица этихъ на первый взглядъ довольныхъ дикарей, — въ лица, утратившія свойственное туземнымъ, неподчинившимся еще цивилизаціи, племенамъ выраженіе чуть ли не звѣрской дикости, то невольно напрашивается другой вопросъ: отчего сквозь ихъ привѣтливыя улыбки проглядываетъ какое-то тоскливое выраженіе? Отчего глаза ихъ не встрѣчаются добрымъ взоромъ съ вашими, устремленнымъ на нихъ любопытнымъ взглядомъ, а, напротивъ, смотрятъ какъ бы бессознательно-уныло въ неопредѣленное пространство? Предчувствуютъ ли дикари неминуемую гибель своего племени? Но какое дѣло этимъ едва вышедшимъ изъ дикаго, изъ первобытнаго состоянія, беззаботнымъ дѣтямъ природы до того, будетъ ли процвѣтать или погибнетъ ихъ отдаленное потомство! Здѣшніе туземцы еще далеко не настолько развиты, чтобы ихъ могло омрачать подобное предчувствіе о дальнемъ будущемъ. Что же значатъ эти смутно-тоскливые взоры ихъ? На всѣ подобные вопросы находимъ только одинъ отвѣтъ: дикарей этихъ гложетъ тоска по волѣ.

Правда, живущіе при миссіи туземцы отнюдь не лишены свободы: миссіонеры никогда не прибѣгаютъ, да и не могутъ прибѣгать къ физическимъ насиліямъ, пріобщая своихъ прозелитовъ къ благамъ цивилизаціи. Каждому изъ здѣшнихъ обывателей открытъ путь на всѣ четыре стороны. Отчего же, казалось бы, не воспользоваться имъ свободой и не возвратиться къ прежней, не знавшей никакихъ стѣсненій жизни на полной волѣ? Это легко сказать, но не такъ-то легко выполнить, особенно въ ограниченныхъ предѣлахъ небольшого острова. Еслибъ здѣсь, въ Новой Каледоніи, туземецъ задумалъ воспользоваться свободой и, отдѣлившись отъ своихъ собратій въ миссіи, пустился въ лѣсистыя горы, то онъ наткнулся бы какъ разъ на чуждое ему племя и, навѣрное, былъ бы съѣденъ. А потому онъ по неволѣ остается при миссіи. Въ этомъ отношеніи, надо отдать имъ справедливость, миссіонеры ведутъ свое дѣло весьма искусно: одаривая сначала дикарей разными пріятными для нихъ предметами, они, такъ сказать, завлекаютъ туземцевъ исподволь въ сѣти цивилизаціи и, опутавъ ими беззаботныхъ людей, оконча-

тельно лишаютъ ихъ возможности возвратиться къ прежней вольной, дикой жизни. Дѣло въ томъ, что, въ порывѣ филантропическихъ замысловъ, миссіонеры вовсе не сообразуются съ характеромъ и потребностями туземцевъ, и съ искреннимъ желаніемъ облагодѣтельствовать послѣднихъ, они во что бы то ни стало хотятъ сдѣлать ихъ счастливыми на свой ладъ, примѣняя къ нимъ мѣрило зрѣлаго цивилизованнаго человѣка, упуская, притомъ, изъ виду, что какъ всякая особь, такъ точно и племя въ извѣстномъ возрастѣ постигаетъ счастье только по своему, сообразно съ извѣстною степенью его развитія. Лишившись средствъ удовлетворять своимъ естественнымъ побужденіямъ, какъ особь, такъ и племя вымираетъ медленною смертію. Такъ и несомнѣнныя удобства, и наружное довольство, которыми облагодѣтельствованы дикари, въ концѣ-концовъ, ведутъ къ окончательной ихъ гибели. И память объ исчезнувшихъ племенахъ сохранится развѣ въ интересныхъ, но сухихъ изслѣдованіяхъ ученыхъ этнографовъ.

Съ такими впечатлѣніями, вынесенными изъ поселенія отчасти цивилизованныхъ дикарей, я воротился въ Нумэю, гдѣ семафоръ извѣщалъ уже жителей о прибытіи парохода изъ Сиднея. За неимѣніемъ иныхъ средствъ сообщенія, мнѣ пришлось возвратиться въ Австралію, съ тѣмъ, чтобы оттуда уже посѣтить другіе острова Океаніи.

Э. Циниерманъ.

ФИЛИНЪ *).

Романъ въ двухъ частяхъ Фридриха Шпильгагена.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА XVI.

Гансъ лежалъ на обрывистомъ, заросшемъ лѣсомъ берегу и смотрѣлъ на сѣроватую даль безконечнаго моря. Съ востока тихо ползла и все выше и выше поднималась черная туча. Не далеко отъ берега на полуопущенныхъ парусахъ лавировалъ одинокій корабль и, казалось, уже нѣсколько часовъ держался на одномъ и томъ же мѣстѣ. На этомъ кораблѣ уносился онъ за океанъ, въ Америку и дальше... туда, гдѣ исчезаютъ послѣднія поселенія, гдѣ глазъ человѣка еще не проникалъ въ чащи дѣвственныхъ лѣсовъ. Тамъ поставилъ бы онъ свой блокгаузъ, кругомъ расчистилъ бы поле, садикъ завелъ... и поле, и садъ лишь такого размѣра, чтобы достало лично себѣ на пропитаніе, чтобы урожаемъ хорошаго года покрывалъ недородъ плохой жатвы. Убивать онъ уже больше не станетъ... ни дичи, ни мирныхъ животныхъ; хищниковъ только ждетъ вѣрная смерть отъ пули его старой винтовки, будь эти хищники въ образѣ звѣря или человѣка. Имъ не будетъ пощады, какъ не пощадилъ его тотъ, кто похитилъ его счастье и душевный покой, и вѣру въ людей, и отчизну, и все... Счастье его, что надъ ними обоими билось сердце одной матери, что въ предсмертномъ шепотѣ она сказала:

*) *Русская Мысль*, кн. V.

«будь для него добрымъ братомъ». Нѣтъ, не повторится исторія Банна и Авеля. Прежде Гансъ всегда думалъ: «Неправда это. Богъ любви не могъ допустить этого! Братъ никогда не убивалъ брата! Тогда могъ бы и я убить Густава... но не могу, что бы онъ ни сдѣлалъ мнѣ...» Теперь, когда онъ самъ былъ такъ близокъ къ совершенію того, что считалъ невозможнымъ, страшная исторія братоубійства пришла ему опять на память... и онъ въ нее ^озавѣрилъ. Она воочию пронеслась передъ нимъ... Онъ видѣлъ, какъ АVELЬ уналъ съ разбитою головою; окровавленные, бѣлокурые кудри разсыпались по золѣ и пыли. По молодому, прасивому тѣлу пробѣжала предсмертная дрожь, и стало оно недвижимо въ своемъ вѣчномъ поноѣ... А тотъ, братоубійца, объятый ужасомъ, смотрѣлъ на свою жертву; вспоминались ему ихъ дѣтскія игры, плоды, съѣденные вмѣстѣ, ложе, на которомъ они спали обнявшись. Смертоносное орудіе выпало изъ дрожащей руки, и съ отчаяніемъ въ сердцѣ онъ бѣжалъ безъ надежды найти гдѣ-либо миръ и покой. Все это онъ видѣлъ... видѣлъ своими глазами такъ ясно, будто это передъ нимъ совершилось тутъ, на этомъ крутомъ берегу... Гансъ разрядилъ пистолетъ, выстрѣлившіи въ верхушку дерева, отбросилъ его далеко отъ себя въ лѣсную чащу и быстро пошелъ прочь, изъ глубины души благодаря Бога за то, что болѣе милосердъ былъ Господь къ нему, чѣмъ къ несчастному Банну, избранному Имъ, чтобы служить вѣчнымъ примѣромъ для человѣчества, вѣчнымъ напоминаемъ о томъ, на что не должно посягать, когда настаетъ минута испытанія.

То же испытаніе подступило къ нему въ иной формѣ, когда около полудня въ глухой чащѣ лѣса онъ готовъ былъ упасть отъ изнеможенія и желалъ бы тутъ же умереть; только онъ зналъ, что не такъ - то скоро умирается, какъ порою хочется, и онъ пожалѣлъ о заброшенномъ пистолетѣ. Въ разстояніи полчаса ходьбы жилъ хорошо знакомый ему полѣсовщикъ Ясмундъ. Объяснить причину прихода къ нему было не трудно, легко найти и предлогъ для того, чтобы взять у него какое-нибудь оружіе. Гансъ направился къ дому полѣсовщика. Самого его не было дома; его молодая жена была очень удивлена страннымъ посѣщеніемъ въ такое необыкновенное время, но не посмѣла спросить о причинѣ. По просьбѣ гостя она подала ему молока и хлѣба и ушла за убѣдомъ для мужа, бывшаго въ дальнемъ участкѣ на лѣсномъ аукціонѣ. Гансъ остался одинъ въ малень-

комъ домика. На стѣнѣ вмѣстѣ съ другимъ оружіемъ висѣла заряженная винтовка полковника. Молодой человекъ сѣлъ къ столу написать хозяину, гдѣ онъ найдетъ свое ружье; но раздумалъ, сообразивши, какія непріятности могутъ произойти отъ того для честнаго полковника и какъ встревожится молодая женщина, такъ привѣтливо извинявшаяся въ томъ, что вынуждена его оставить и нѣсколько замѣшкаться, такъ какъ идти ей приходилось далеко и въ ея положеніи она не могла ходить слишкомъ скоро. На лежащемъ передъ нимъ листѣ бумаги онъ написалъ: «На крестины для ожидаемаго дитяти и на счастье!» положивъ на столъ два золотыхъ, оставшихся въ карманѣ отъ дороги, и, не взглянувши даже на винтовку, вышелъ изъ тихаго домика. Гансъ былъ опять въ лѣсу. Надо было рѣшиться на что нибудь. Могучія тѣни старыхъ деревьевъ, ихъ таинственный шепотъ всегда навѣвали ему добрыя думы, но тяжелыя и мрачныя на этотъ разъ; но все же злая мысль была отогнана прочь. Пришла и добрая въ то время, какъ онъ лежалъ на береговомъ обрывѣ и смотрѣлъ на одинокій корабль. Да, это, несомнѣнно, самое лучшее, — уѣхать, уѣхать какъ можно дальше, гдѣ бы никто даже взглядомъ не могъ спросить: что они тебѣ сдѣлали? и гдѣ бы ему не пришлось даже наединѣ съ самимъ собою вспоминать о томъ, что онъ желалъ бы забыть навсегда. Вотъ почему не слѣдуетъ брать съ собою никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ ему бы не хотѣлось разставаться и кто охотно послѣдовалъ бы за нимъ по одному его слову: фрау Рикманъ, предаанный Штутъ, старикъ Бришанъ... да, и еще многихъ дорогихъ лицъ будетъ не доставать ему. Дѣлать нечего, такъ необходимо. А эти милыя, юныя рожицы дѣтей, съ ясными взглядами голубыхъ и темныхъ глазъ, съ ихъ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ, радостью отзывавшимся въ его собственной груди... разлука съ ними превратитъ одиночество въ настоящее изгнанничество. Но и съ ними надо разстаться, если онъ не хочетъ убить... Убить себя или его! Обойти имъ нельзя жить здѣсь. Такъ пусть же онъ остается въ старомъ свѣтѣ, пусть лжетъ и обманываетъ попрежнему, пусть предаетъ поруганію все, что есть для человека святаго; но пусть не забудетъ молить Бога о томъ, чтобы онъ избавилъ его отъ встрѣчи съ братомъ, съ которымъ онъ все это сдѣлалъ!

Опять встрепенулись и громче, чѣмъ прежде, зашумѣли вершины деревьевъ подъ порывомъ вѣтра, подувашаго съ моря и разогнашаго бѣловатый туманъ, окутывавшій его поверхность

и скрывшій было одинокій корабль. На усѣянный мелкими камнями берегъ набѣжали шумливыя волны. Двѣ большихъ чайки поднялись и спѣшили укрыться въ безопасное мѣсто на мѣловыхъ скалахъ.

Гансъ тоже всталъ и расправилъ утомленные члены. Уходя раннимъ утромъ черезъ окно изъ своей комнаты, онъ не думалъ, что еще разъ переступить порогъ своего дома. Теперь это было необходимо, хотя бы на самое короткое время. Ему хотѣлось еще разъ увидеть добрую Рикманъ, — она, навѣрное, сильно напугана его отсутствіемъ, — распрощаться съ нею, поручить ей сказать за него послѣднее прости еще человѣкамъ двумъ... Потому надо взять изъ конторки денегъ, сколько по его расчету нужно на проѣздъ и на первое обзаведеніе. Ни разу не пришла ему въ голову мысль о томъ, куда пойдутъ остальные деньги, что станетъ съ его хозяйствомъ, со всѣмъ, что онъ покидаетъ. Онъ далъ себѣ клятву не думать объ этомъ — и сдержитъ обѣщаніе; пусть мертвые погребаютъ то, что для него умерло.

Гансъ не могъ сообразить навѣрное, гдѣ онъ находится; приблизительно, должно быть, миляхъ въ двухъ отъ Старо-Проница. Берегомъ туда утомительный путь по наноснымъ мелкимъ камнямъ или по сыпучему песку; но все же эта дорога лучше и надежнѣе, чѣмъ идти густымъ лѣсомъ при наступающей темнотѣ и разыскивать едва замѣтную тропинку. Однако, на лѣсную дорожку онъ наткнулся скорѣе, чѣмъ предполагалъ. Она вилась между зарослями перистаго папоротника, то по мягкому, болотистому грунту, то взбираясь на болѣе высокія мѣста, и вывела его на береговую тропинку, идущую прямо къ Старо - Проницу. Тутъ, чтобы не дѣлать длиннаго обхода, надо было пройти паркомъ. Гансъ могъ быть вполне увѣренъ, что въ этотъ поздній часъ паркъ такъ же пустъ, какъ это глухое мѣсто, гдѣ ему не встрѣтилось ни души и лишь вспархивали и посвистывали турухтаны-песочники.

Г л а в а XVII.

Камергеръ былъ въ высшей степени озадаченъ, когда, проснувшись, оказался одинъ одинешенекъ и когда узналъ отъ пришедшаго на его звонокъ слуги, что ея превосходительство съ фрейленъ Гертою уѣхали около пяти часовъ вечера въ Прору и еще не возвращались. Онъ даже не сразу повѣрилъ этому, и

Вильгельмъ долженъ былъ два раза повторить свой докладъ. Что бы это могло значить? Неужели барыня не приехала ничего сказать ему, уѣзжая? Вильгельмъ ничего не зналъ. Ея превосходительство приказали только приготовить парадный мундиръ для его превосходительства и ничѣмъ ихъ не безпокоить.

Вильгельмъ не сообщилъ только, что старая барыня на случай, если камергеръ проснется ранѣе ея возвращенія, приказала передать ему, что разсчитываетъ вернуться до пріѣзда гостей. Слуга потѣшался надъ страхомъ стараго барина, раздражавшагося обыкновенно сильнѣйшею бранью при малѣйшемъ противорѣчии, а теперь присмирѣвшаго, похваливавшаго «милаго Вильгельма» за его ловкость и упраснивавшаго плаксивымъ голосомъ «милаго Вильгельма» разыскать, по крайней мѣрѣ, господина барона. Вильгельмъ положилъ щипцы, которыми завивалъ дрожащаго старика, и хотѣлъ выйти, когда послышался стукъ въ дверь и вошелъ Густавъ въ бальномъ костюмѣ.

— Бога ради, — воскликнулъ камергеръ по французски, — что все это значить?

— Я самъ только сейчасъ узналъ, — возразилъ Густавъ. — Меня не было дома, когда онѣ уѣхали. Вернувшись, я думалъ, что дамы въ своихъ комнатахъ, и мнѣ никто не сказалъ ни слова...

— Это комплотъ, — волновался старикъ. — Могу завѣрить тебя. это заговоръ, комплотъ!

— Но ради чего? Противъ кого? — рѣзко воскликнулъ Густавъ.

— Противъ кого? Я полагаю, ты самъ видишь! Противъ меня, отданнаго на адекия муки въ лапы этого скота ради того, чтобы сдѣлать изъ меня пугало воронье!... Противъ тебя, противъ Изеи... противъ всѣхъ насъ, радовавшихся сегодняшнему вечеру... И все это штуки твоего возлюбленнаго братца. Онъ переварить не можетъ твоего триумфа и твоей жены, — повѣрь мнѣ! Держу пари тысячу противъ одного, что онъ и сегодня не пожалуетъ, какъ не соблаговолилъ пожаловать вчера!

— Часъ тому назадъ я былъ тамъ, — сказалъ Густавъ глухимъ голосомъ, — въ третій разъ сегодня. Онъ еще не вернулся.

— Вотъ видишь! — воскликнулъ старикъ. — Какова низость какова злобная зависть! Просто невѣроятно, неслыханно! И еще смѣетъ кичиться честностью, лояльностью! Всѣ восхваляютъ, превозносятъ... Не дальше, какъ вчера, его свѣтлость... посмотримъ, какую-то мину онъ сдѣлаетъ, когда пріѣдетъ и не

найдетъ своего protégé? О, Боже мой! Боже мой! Этого срама я не переживу! Никавъ уже кто-то подѣхалъ?

— Это наши дамы,—сказала Густавъ, подойдя къ окну.

— Наконецъ!... До сихъ поръ не одѣты... Безъ моего совѣта бабушка рѣшительно не умѣетъ одѣться какъ слѣдуетъ, а я самъ еще вотъ въ какомъ видѣ... самъ, кажется, никогда не буду готовъ!... А этотъ болванъ воображаетъ, что подкрасилъ лицо!... Боже мой, что же это такое? Густавъ, дорогой мой, ваты немного... тамъ. Или нѣтъ, иди лучше въ залъ, чтобы хоть кто-нибудь изъ насъ былъ тамъ! Умоляю тебя!...

Послѣднихъ словъ старика Густавъ уже не слышалъ. Увидавъ въ окно прѣхавшихъ дамъ, онъ простоялъ на мѣстѣ съ полсекунды и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. Быстро проходя по комнатамъ, въ которыхъ одинъ изъ выписанныхъ изъ Зундина наемныхъ лакеевъ зажигалъ канделябры, онъ приказалъ ему поторопиться. Въ отворенныя двери онъ окидывалъ взглядомъ другія, уже ярко освѣщенныя комнаты, ждавшія прѣзда гостей. Густавъ заглянулъ въ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы убѣдиться, что все въ порядкѣ, и опять вернулся въ большой залъ. Однимъ взглядомъ окинулъ онъ люстру, блестящую множествомъ огней, игравшихъ и передивавшихся въ хрустальныхъ подвѣскахъ, расписанный потолокъ съ причудливыми завитками золоченой лѣпной работы, стѣны, покрытыя шелковыми обоями и старыми картинами, пузатые комоды и вычурныя этажерки, кресла и козетки... Все это отражалось въ трехъ огромныхъ зеркалахъ на оконныхъ простѣвкахъ... поблекшее, полинявшее великолѣпие прошлаго столѣтія... Сравнить даже нельзя съ убранствомъ и элегантностью княжескаго замка; но, все-таки, великолѣпие, оригинальное и въ своемъ родѣ красивое... настоящая барская обстановка, рама, достойная знатнаго общества, которое онъ тутъ встрѣтитъ... онъ—хозяинъ дома!

А Ганса все нѣтъ! Входя въ домъ, бабушка прижимала платокъ къ глазамъ; Герта, казалось, утѣшала ее въ чемъ-то... Стало быть, онѣ ѣздили въ Прору наводить о немъ справки; навѣрное, заѣзжали и въ Ново-Прониць и тамъ слышали тоже самое, что никто не знаетъ, гдѣ онъ! Онъ не вернулся, и не вернется, ни сегодня, ни завтра, ни послѣ-завтра. Но когда-нибудь и гдѣ-нибудь его...

Густавъ вздрогнулъ и оглянулся дикимъ, потеряннымъ взглядомъ. Въ комнатахъ ни души, кромѣ его! Да къ тому же и нельзя

подслушать, что человекъ думаетъ. Письмо цѣло, тутъ оно, въ боковомъ карманѣ, вмѣстѣ съ банковыми билетами. «Я ровно тутъ ни въ чемъ неповиненъ... могу это смѣло сказать всякому разумному человекъ! Смѣшно просто... изъ такого пустяка... изъ фарса, изъ глупой, ребяческой выходки дѣлать что-то необычайно важное потому только, что двумъ старымъ бабамъ вздумается руками разводить и высказывать свои догадки. Ну, и пусть себѣ! А за ними и еще кому угодно! Наплевать мнѣ на нихъ!»

Онъ взглянулъ въ зеркало и испугался, увидавши въ немъ искаженное, блѣдное лицо, хотѣлъ было отвернуться, но принудилъ себя подойти ближе и постарался придать себѣ болѣе спокойное выраженіе.

«Рѣшительно не знаю, что и сказать вамъ, господа. Я самъ, какъ видите, крайне встревоженъ; но, вы знаете, онъ всю жизнь свою былъ удивительнѣйшимъ чудакомъ. Къ серьезному беспокойству нѣтъ никакихъ поводовъ,—могу васъ въ томъ завѣрить,—ни малѣйшаго повода. Завтра онъ вернется и отговорится какимъ-нибудь неотложнымъ дѣломъ... на самомъ же дѣлѣ, просто отвергъ отъ большого общества и посмѣивается себѣ въ усь... Я васъ нѣсколько пообморочу, высокочтимые мои гости; объ этомъ вы узнаете въ свое время; а на сегодня уже не взыщите. Не могу же я вамъ...»

Онъ быстро отвернулся отъ зеркала на шумъ отворенной двери. Вошла Иза. Густавъ только что подходилъ къ ея комнатѣ и просилъ ее посмѣшить туалетомъ и сойти въ залъ.

— Зачѣмъ ты опять надѣла это противное черное платье?—воскликнулъ онъ.

— Вчера всѣ нашли, что оно ко мнѣ очень идетъ; почему же не надѣть его и сегодня?—возразила Иза.

Въ отвѣтъ не слышалось и тѣни раздраженія; на лицѣ молодой женщины играла спокойная усмѣшка. Густавъ пытливо взглянулъ на красавицу, когда-то поразившую его такъ же, какъ теперь она поражаетъ всѣхъ, и, стало быть, не утратившую своей обворожительности, несмотря на то, что бывали часы и дни, когда она казалась ему отвратительно-безобразною. Да, казалась... Это было субъективное чувство, вызванное его сумасшедшею страстью къ той. Теперь все это кончено и брошено! Въ будущемъ ему почти нѣтъ возможности обойтись безъ ловкости и смѣлости Изы... Еще вчера вечеромъ онъ думалъ по-

мириться съ нею! Надо теперь же попытаться сдѣлать первые шаги къ этому. Густавъ взялъ ея руку, поцѣловалъ выше перчатки и сказалъ:

— Я сегодня два или три раза подходилъ къ твоей двери и всякій разъ неудачно.

— Бѣ сожалѣнію, всякій разъ не во время, — возразила Изея.

— Бѣ сожалѣнію для меня или для тебя?

— Я полагаю, для обоихъ.

Ихъ глаза встрѣтились. Оба старались прочесть другъ у друга въ душѣ, что должна означать эта неожиданная нѣжность. Изея не сморгнула, тогда какъ взоръ Густава съ особеннымъ, хорошо знакомымъ ей выраженіемъ увертывался куда-то въ сторону. Во время ихъ разнообразныхъ похожденій она часто говорила шутя, что онъ никогда не выучится притворяться потому, что не умѣетъ владѣть глазами. Ей это опять вспомнилось теперь.

Густавъ взялъ ее подъ руку, сталъ тихо ходить взадъ и впередъ по залѣ и заговорилъ:

— Благодарю. Мнѣ очень хотѣлось услышать отъ тебя дружеское слово. Въ послѣднее время мы какъ-то разошлись съ тобою, а, между тѣмъ, намъ необходимо держаться другъ за друга. Мнѣ чудится что-то тревожное въ воздухѣ...

— То-есть, что же именно?

— Я не умѣю даже объяснить что... Кажется, будто мнѣ... тебѣ... обоимъ намъ грозитъ нѣчто...

— На самомъ дѣлѣ ты сильно взволнованъ, — сказала Изея. Ни въ лицѣ ея, ни въ голосѣ незамѣтно было ни тѣни тревоги. — Случилось что-нибудь?

— Въ сущности, ничего... Мнѣ только сдается, что Гансъ и сегодня не прійдетъ. Я рѣшительно не могу придумать, что бы это значило... и начинаю серьезно беспокоиться.

— Вышло у тебя съ нимъ что-нибудь?

— Ничего ровнехонько. Что это тебѣ пришло въ голову?

— Да это же первое, о чемъ всякій подумаетъ. Я по себѣ сужу, любезный другъ. Не всѣ люди такъ же мало ревнивы, какъ я.

— Или какъ я, — сказалъ Густавъ, принужденно усмѣхаясь.

— Съ тою разницею, — возразила Изея, — что ты подалъ мнѣ поводъ или, вѣрнѣе, подалъ бы, если бы я была ревнива; а я только потѣшалась надъ глупостью пошлаго франта, возмечтавшаго одержать легкую побѣду надъ побинуютою бѣдняжкою.

— Плохо будетъ ему, если осмѣлится продолжать эти штуки,— горячо сказалъ Густавъ.—Клянусь въ томъ Богомъ! Надо... необходимо, чтобы между нами опять все было по старому. Это мое задушевнѣйшее желаніе. И твое, Изея? Да?

— Какъ ты можешь спрашивать?—возразила Изея.

Онъ попытался еще разъ прочесть правду въ большихъ, прямо устремленныхъ на него глазахъ. Искренна ли она? Сказать или не говорить ей, что ложь ихъ открыта, что дня черезъ два, быть можетъ, черезъ два часа ожидаемое ими въ эту минуту общество все узнаетъ и не пощадитъ ихъ, что князь уже высказался, а что онъ готовится отвѣтить всѣмъ имъ презрѣніемъ, что можетъ бросить имъ въ лицо свое презрѣніе, если только не вернется Гансъ и самъ онъ станетъ тѣмъ, чѣмъ сознавалъ себя въ моментъ ея прихода, — владѣльцемъ и хозяиномъ этого дома? Но все это основывалось только на предположеніяхъ, на вѣроятностяхъ. Если же бы Гансъ вернулся, потребовалъ письмо, деньги... Для одного ихъ было совершенно достаточно на случай поспѣшнаго бѣгства, на которое онъ рѣшился бы тогда, въ глубинѣ души рѣшился уже и теперь. Лучше промолчать... не говорить сегодня; завтра можно будетъ сказать: «я не хотѣлъ испортить тебѣ вечеръ».

У подъѣзда раздавался стукъ экипажа.

— Что бы ни случилось,—сказалъ Густавъ, — намъ нужно быть вмѣстѣ.

Онъ крѣпко пожалъ ея руку и поспѣшилъ навстрѣчу прибывшимъ гостямъ. Изея осталась на мѣстѣ и смотрѣла ему вслѣдъ широко раскрытыми, удивленными глазами. Что могло означать это внезапное желаніе опять сблизиться съ нею, схватиться за нее, это тревожное возбужденіе, беспокойные взгляды?...

— Быть можетъ, онъ убилъ Ганса,—подумала молодая женщина.—Во всякомъ случаѣ, онъ знаетъ, что насъ выдали, и не рѣшиль, бѣжать ли одному или вмѣстѣ со мною.

ГЛАВА XVIII.

Экипажъ за экипажемъ подъѣзжалъ къ дому. Въ залѣ собралось уже болѣе половины приглашенныхъ гостей, между тѣмъ, не показывались ни старики Линдبلادъ, ни Герта, ни Гансъ. Это имѣло такой видъ, будто Густавъ и Изея, встрѣчавшіе гостей, такъ одни и останутся, хотя они увѣрили всѣхъ, что остальные

члены семьи не замедлят явиться, за исключеніемъ одного Ганса, уѣхавшаго по дѣламъ въ Бергенъ и обѣщавшаго вернуться не-много позднѣе.

— Очень просто,—сказала баронесса Наделицъ,—мы сегодня въ гостямъ у молодыхъ хозяевъ, и старики будутъ такими же точно гостями, какъ и мы.

Эти слова облетѣли все общество, ихъ сообщали вновь прибывающимъ; всѣ находили эту мысль восхитительною и съ напряженнымъ любопытствомъ ждали появленія стариковъ и Герты. Болѣе чѣмъ страннымъ казалось всѣмъ то обстоятельство, что Гансъ пріѣдетъ позднѣе или, пожалуй, совсѣмъ не пріѣдетъ по вчерашнему; но отъ Филина все можетъ стать. Въ отчаянье можно придти отъ такого сумасброда-братца, а тѣмъ болѣе отъ подобнаго жениха! Нельзя и осудить Герту за то, что она не слѣшпитъ появиться въ обществѣ, гдѣ ее ждутъ нескромные и даже недружелюбные разспросы объ исчезнувшемъ женихѣ.

— Густавъ,—говорилъ только что пріѣхавшій Генрихъ Мальховъ, отводя пріятеля въ сторону,—я слышалъ, что ты всѣхъ увѣряешь, будто твой Филинъ въ Бергенѣ. По моему, этого не слѣдовало говорить такъ положительно. Въ Бергенѣ его нѣтъ, могу въ томъ тебя завѣрить.

— Развѣ ты былъ тамъ?

— Я не былъ. Но мой овчаръ видѣлъ своими глазами, какъ Гансъ проходилъ черезъ наши луга въ боръ Герштица. Старый Герштицъ сейчасъ входилъ сюда вмѣстѣ со мною по лѣстницѣ; я не сказалъ ему ни слова... онъ добрый малый, но способенъ поднять изъ этого цѣлую исторію... Я бы не сказалъ и тебѣ, если бы былъ увѣренъ, что все обстоитъ благополучно, но...

— Что еще такое?

— А еще очень простая вещь: десять минутъ спустя Залентинъ слышалъ выстрѣлъ въ томъ направленіи, по которому Гансъ вошелъ въ лѣсъ.

— Это неправда!

— Чего же ты кричишь-то? Я говорю тебѣ это по секрету...

— Неправда!—повторилъ Густавъ тише.—Чортъ знаетъ, кто тамъ стрѣлялъ!

Генрихъ пожалъ плечами.

— Я не могу завѣрять, что именно онъ стрѣлялъ, не стану увѣрять въ этомъ и Залентинъ. Когда я его разспрашивалъ, онъ припомнилъ, что не видалъ ружья у Ганса, и самый вы-

стрѣль слышалъ довольно слабо. Теперь твое уже дѣло. Я считалъ нужнымъ сообщить тебѣ объ этомъ, чтобы ты предупредилъ Ганса быть въ другой разъ осторожнѣе.

— По примѣру твоего умнаго овчара, я тоже ни въ чемъ завѣрять не стану, — воскликнулъ Густавъ и расхохотался какимъ-то страннымъ смѣхомъ.

— Онъ, кажется, уже успѣлъ напиться, — сказалъ Генрихъ Эрнсту Крeve и передалъ по секрету весь свой разговоръ съ Густавомъ.

— Или злится на то, что не выходятъ ихъ старики и Герта, — возразилъ Эрнстъ. — Глупо это; рассчитывая на эффектъ, они перемудрили; объ нихъ уже никто и не спрашиваетъ.

На самомъ дѣлѣ, общество, наполнявшее залу, едва обратило вниманіе на появленіе камергера подъ руку съ женою и въ сопровожденіи Герты. Если правда, что старикъ только что поднялся съ постели, какъ увѣряла его супруга, и чему, судя по его виду, повѣрить не трудно, то пусть бы себѣ лучше не поднимался. Что же касается Герты, рѣшившейся, кажется, и сегодня по вчерашнему парадировать съ тѣмъ же блѣднымъ и меланхолическимъ лицомъ, такъ и ее никто не неволилъ къ трагической помолвкѣ! Говоря по правдѣ, не умно она дѣлаетъ, выставляя всеѣмъ на показъ трагическую сторону положенія; этимъ лишь сильнѣе оттѣняетъ его комизмъ и вызываются болѣе или менѣе остроумныя шуточки на ея счетъ. Туповато острилъ Карлъ Думзевицъ, увѣрявшій, будто у нея такой видъ оттого, что она не можетъ привыкнуть къ любимой пищѣ своего жениха, — неудачный намекъ на извѣстную нѣмецкую пословицу. Болѣе забавною оказалась острота Альберта Зальхова. Проходя мимо дивана, остававшагося все время пустымъ въ ожиданіи пріѣзда бнягини, онъ сказалъ другую общеизвѣстную поговорку: тутъ филинъ сидѣлъ!

— Глулая шутка! — воскликнула баронесса Наделицъ. — Всеѣмъ молодымъ людямъ завидно и каждый изъ нихъ желалъ бы быть на его мѣстѣ! А что касается нашихъ свѣтлѣйшихъ... то они не пріѣдутъ. Мнѣ сейчасъ сказала объ этомъ по секрету ея превосходительство.

Извѣстіе это быстро распространилось по залѣ и несколько не нарушило общаго оживленнаго настроенія. Всеѣмъ было ясно, что князь занемогъ вчера не на шутку, если передъ самымъ концомъ бала вынужденъ былъ удалиться въ свою комнату. Всѣ

знали князя за милого человѣка, правда, строгихъ религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, но очень обходительнаго; всѣ признавали княгиню за олицетвореніе добродушія и любезности до тѣхъ поръ, пока при ней не нарушались внѣшнія приличія. Но, все-таки, безъ нихъ было и свободнѣе, и веселѣе, нѣтъ надобности взвѣшивать каждое словечко и держать себя на вытяжку, точно на плацпарадѣ! Много веселѣе и пріятнѣе! Кое-кто высказалъ это вслухъ, чувствовали же, повидимому, всѣ. Повсюду видны веселыя лица, повсюду слышны громкіе, слишкомъ громкіе разговоры. Иначе и быть не могло при молодыхъ хозяевахъ; на этотъ разъ Густавъ и Изея были настоящими хозяевами... И какими милыми хозяевами они были, съ какой неподдѣльною любовью исполняли они свои обязанности, съ какимъ тактомъ, съ какимъ умѣньемъ!

Вчера всѣ находили триумфъ Изеи вполне заслуженнымъ; сегодня же вынуждены были сознаться, что имѣли весьма малое понятіе о настоящихъ ея привлекательныхъ достоинствахъ. На балѣ у князя расточались похвалы ея красотѣ и умѣнью держать себя; теперь же мѣры не было восторгу передъ ея чудною веселостью и необычайною ловкостью. По настоящему, она появлялась въ этомъ обществѣ всего только во второй разъ и уже знала всѣхъ до единого человѣка... даже по имени!... Для каждаго находилось у нея пріятливое слово и, притомъ, по-нѣмецки! Гости едва вѣрили своимъ ушамъ. Точно волшебствомъ какимъ выучилась она въ одну ночь. Вчера она говорила только по-французски, и сотня гостей князя вынуждена была говорить на томъ же языкѣ... и какъ говорить! И очень естественно, вчера она была гостьей, сегодня она хозяйка и считаетъ себя обязанною ко всевозможной предупредительности и любезности передъ собравшимся у нея обществомъ. И какъ восхитительно звучалъ нѣмецкій говоръ этого маленькаго, обворожительнаго ротика... какъ забавно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изящно-красиво; точно каждое слово, сходя съ ея пунцовыхъ губокъ, какъ-то особенно умѣетъ принарядиться. Общій восторгъ доходилъ до крайняго предѣла, когда у нея срывалось словцо изъ простонароднаго говора, Plattdeutsch, подслушанное очаровательницею у прислуги. Со всѣхъ сторонъ сбѣгались послушать, подивиться этому чуду; вокругъ нея постоянно толпились полюбоваться движеніями, полными прелести и граціи, которымъ такъ неудачно старались подражать другія дамы къ немалой потѣхѣ кавалеровъ.

Впрочемъ, можно ли удивляться ея веселости и необыкновенной пріѣтливости послѣ того, что вчера его свѣтлость передалъ о счастливой перемѣнѣ, происшедшей въ судьбѣ ея отца? Изъ бѣдной изгнанницы, вынужденной жить милостями чудака-девера, она превратилась въ единственную наслѣдницу славнаго родителя, восстановленнаго во всѣхъ своихъ титулахъ и достоинствахъ, въ своихъ владѣтельныхъ правахъ. А состояніе это, судя по слухамъ, представляется громаднымъ, такъ какъ старый князь Болотрони владѣетъ пятидесятью замками и можетъ выставить въ поле десятитысячную армію, какъ не разъ и дѣлалъ это во время войны за независимость Греціи! Это рассказывалъ президентъ фонъ-Зиделицъ; а уже онъ-то хорошо знаетъ, конечно. Тестюшка не дурной для сорванца Густава. Отчаянная головушка этотъ Густавъ! Чистая кошка, — какъ ни брось, все на ноги станетъ! Три года тому назадъ уѣхалъ отсюда промотавшимся поручикомъ, въ долгу, какъ въ шелку; вернулся бѣднѣе, кажется, чѣмъ уѣхалъ, да къ тому еще съ женою и ребенкомъ на рукахъ, настоящимъ бродячимъ цыганомъ... Удивительныя вещи рассказывали про это возвращеніе. А теперь!... Ну, и по немъ замѣтно, что привалившее счастье вскружило ему голову: лицо красное, глаза блестятъ, нервный смѣхъ, какая-то необыкновенная суетливость и говорливость, начнетъ и не кончитъ, спроситъ и не дождется отвѣта... самъ не свой. Впрочемъ, настоящаго апломба, выдержки нельзя и требовать сразу; это придетъ со временемъ. Онъ вылитый отецъ! — Конечно, нынче живъ, завтра умеръ! — Что это вы, баронесса! — Что? всѣ умремъ, вотъ и все; а мнѣ сдается, что онъ впередъ всѣхъ. — Вы, вѣдь, его терпѣть не можете.

— Такого выраженія я даже не понимаю, нахожу только совсѣмъ нехорошимъ, что всѣ вы становитесь на колѣни передъ золотымъ тельцомъ... и никто не вспомнитъ добраго Ганса, тогда какъ молодые ему обязаны тѣмъ, что въ состояніи дать такой прекрасный вечеръ.

— Ну, баронесса, кто же мѣшалъ Гансу быть на этомъ вечерѣ? Самъ виновать!

— Можетъ быть! Но мнѣ это не нравится и я остаюсь при своемъ мнѣніи.

Баронесса Наделицъ повернулась спиной къ собесѣдникамъ и отошла прочь. Не отъ того совсѣмъ злится эта чудака. Всѣ знаютъ, какъ она хлопотала сосватать за Акселя хорошенькую

графиню Ульрику Узелинъ и теперь видитъ ясно, что изъ этого ничего не выходитъ, несмотря на желаніе родителей. Благодаря наслѣдству, полученному отъ тетки-англичанки, графиня Ульрика совершенно самостоятельна и не стѣсняясь пользуется своею независимостью. Бѣдняга Аксель самъ видитъ это; а вчера у него уже разгорѣлись было глаза на состояніе графини. Просто потѣха, какъ онъ вертится вокругъ нея, а она и не смотритъ!— Вонъ опять!—Гдѣ?—тамъ въ углу... она сидитъ съ Гертою, должно быть, утѣшаетъ невѣсту въ отсутствіи жениха. Аксель-то... раскланивается передъ спиною Ульрики, а она опять обратилась къ Гертѣ.—Это онъ хотѣлъ вести ее къ ужину и остался съ носомъ.—Да, да... кстати объ ужинѣ, пора бы, кажется.—А гдѣ будутъ ужинать?—Внизу, въ комнатахъ, выходящихъ окнами въ садъ.—Ага! Какъ у князя вчера.—Только повеселѣе немного, полагать надо.—Вотъ отворяють двери.—Позвольте предложить вамъ руку?—Съ удовольствіемъ! А вы, милая Эвелина?—У меня еще нѣтъ кавалера.—Я только что хотѣлъ имѣть честь... — Отлично! Мы и сядемъ четверомъ. — Удалимъ особнячкомъ... — *Fi done*, баронъ!—Конечно, съ милостиваго соизволенія дамъ.— Ботораго вы не получите.—*Nous verrons...*

Надо полагать, что милостивое соизволеніе было дано не только этими двумя дамами, но и всѣми остальными, такъ какъ непринужденное оживленіе за маленькими столиками перешло скоро въ шумное веселье. По замѣчанію нѣкоторыхъ насмѣшниковъ, весь ужинъ изображалъ собою подражаніе вчерашнему княжескому ужину... Но всѣ соглашались, что подражаніе удачно, кушанья превосходны и вина восхитительны.

— Оно и немудрено: до прибытія греческихъ сокровищъ князь Прора подѣлился кухней и погребомъ.—Э, какой тамъ князь! Я знаю этотъ *Chateau la Rose*; онъ изъ погреба Густавова отца.—Вы забыли, кажется, что этимъ погребомъ пятнадцать лѣтъ распоряжался старый камергеръ. Отъ его хозяйничанья тамъ едва ли что-нибудь могло уцѣлѣть.—Да, онъ умѣлъ распорядиться.—Умѣетъ и теперь еще.—Оно и не грѣхъ послѣ семи лѣтъ діеты подъ попечительствомъ Филина! — Шш!... Густавъ идетъ. Онъ не пригласилъ себѣ дамы, чтобы имѣть возможность быть всюду.—Густавъ, Густавъ! Сюда! Молодчина ты! Вотъ такъ вечеръ!—Погодите, еще не то будетъ. Сейчасъ явится музыка... Я послалъ нарочнаго въ Зундинъ.—Какъ, уже вставать изъ-за стола? И не подумаемъ. Чокнемся, Густавъ!—Убѣждалъ уже. Ка-

кого мнѣннѣя дамы насчетъ музыки?... — Тише, кто-то говорить. Смотрите, старикъ Грибенъ! — такъ и слѣдуетъ. Говорилъ же вчера князь... Тише!... — Вотъ будетъ потѣха!

— Милостивыя государыни и милостивые государи! — выкрикивалъ графъ въ третій или въ четвертый разъ, стоя весь красный съ стаканомъ въ рукахъ около своей дамы, Изеи. — Я постараюсь быть краткимъ...

— Bravo!...

— Этотъ прекрасный праздникъ...

— Bravo! da caro!... — Да перестаньте же! — Это неловко, наконецъ... — Оставьте, мы послѣ. — Тише! Тш!...

Наступила сравнительная тишина. Графъ, точь въ точь такъ же, какъ наканунѣ князь, сталъ въ дверяхъ, чтобы всѣ могли его видѣть и слышать.

— Милостивыя государыни и милостивые государи! — началъ онъ еще разъ. — Я постараюсь быть краткимъ. Этотъ прекрасный ужинъ мы должны закончить, провозгласивши дружный тостъ за здоровье тѣхъ, которые... Я говорю: тѣхъ, которые... Вы, конечно, понимаете о комъ я говорю. И тагъ, наполнимъ же бокалы! Я говорю: тѣхъ, которые для насъ этотъ прекрасный ужинъ... т.-е., я хочу сказать, вообще этотъ прекрасный праздникъ...

Спичъ вдругъ оборвался. Графъ обернулся на звонъ разбитаго бокала и на раздавшійся сзади него крикъ испуга, который былъ услышанъ и въ слѣдующей комнатѣ. Гости, сидѣвшіе за столами въ другихъ комнатахъ, подумали, что у графа не хватило голоса или же, просто, по своему обыкновенію, онъ спутался и не знаетъ, какъ кончить, начали чокаться и кричать: за здоровье Густава и его прекрасной супруги! Ура! Нощ! Нощ!... А тамъ въ это время всѣ суетились вокругъ упавшаго безъ чувствъ камергера. Уже не умеръ ли? Онъ всталъ было съ мѣста съ бокаломъ въ рукахъ, намѣреваясь, повидимому, подойти къ графу и благодарить его; но бокалъ выскользнулъ изъ дрожащей руки, и старикъ упалъ на стулъ, къ величайшему ужасу супруги, сидѣвшей за тѣмъ же столомъ. Одни бросились помогать больному, другіе выбѣжали изъ комнаты, чтобы прекратить все еще раздававшіеся крики «Нощ!» и тѣмъ еще болѣе увеличили общую суматоху. Еще долго никто не могъ разобрать въ чемъ собственно дѣло, и каждый толковалъ свое; нѣкоторые молодые люди, слишкомъ усердно прикладываясь къ стаканамъ,

увѣрили, что это не болѣе, какъ плохая шутка, придуманная Густавомъ, чтобы заставить ихъ встать изъ-за стола и разстаться съ недопитыми бутылками; но подъ конецъ самые недовѣрчивые замѣтили, что произошло нѣчто неладное, и поспѣшили слѣдомъ за большинствомъ въ залу разузнать о причинѣ тревоги, такъ не встали нарушившей общее веселье.

Г л а в а XIX.

Въ большомъ залѣ Густавъ и Изея встрѣчали гостей и слышать не хотѣли о прекращеніи бала. По ихъ словамъ, къ этому не было никакого повода. Случай съ дѣдушкой не болѣе, какъ простой обморокъ... даже того менѣе, — легкая дурнота вслѣдствіе упадка силъ, что очень естественно у старика, который ни за что не хотѣлъ сознаться, что онъ не юноша, и два вечера сряду не отстаетъ отъ молодежи. Онъ, впрочемъ, давно уже оправился и чувствуетъ себя какъ нельзя лучше; бабушка уложила его въ постель и сейчасъ сама выйдетъ къ гостямъ. О безпокойствѣ больного, — если только кому угодно называть его больнымъ, — не можетъ быть рѣчи; его спальная отдѣлена отъ зала тремя комнатами и двери затворены. Молодежь можетъ танцовать, насколько не стѣсняясь; а для старшихъ давно уже приготовлены карточные столы въ сосѣднихъ комнатахъ. Хозяевамъ дома будетъ крайне прискорбно, если кто-нибудь изъ гостей нарушить общее веселье своимъ ничѣмъ не мотивированнымъ отъѣздомъ.

Эти радушныя слова встрѣчали, однако же, сочувствіе общества лишь въ томъ случаѣ, когда слышались изъ устъ Изеи и были подкрѣплены ея милою улыбкою, не утратившею обычнаго спокойнаго выраженія даже въ эту критическую минуту; между тѣмъ, старанія Густава, по бѣльшей части, производили весьма слабое дѣйствіе, иногда же совсѣмъ противоположное тому, какое было желательно. Въмѣсто любезной просьбы, съ его дрожащихъ губъ срывались слова, звучащія тономъ приказанія, которому всѣ должны подчиняться. При этомъ лихорадочно блестящіе глаза вспыхивали гнѣвомъ, какъ только обращались къ кому-либо изъ несогласныхъ остаться, и рѣзко противорѣчили радушнымъ словамъ. Это, конечно, не измѣнило намѣренія тѣхъ, кто рѣшился оставаться во что бы ни стало; другіе же, напротивъ, поторопились уѣхать какъ можно скорѣе, отговариваясь предложеньемъ, довольно основательнымъ въ деревенской жизни. Кое-кто

изъ мужчинъ ходилъ взглянуть на свой экипажъ и, возвратившись въ залъ, всѣ въ одинъ голосъ заявили, что еще съ вечера собиравшіяся тучи, повидимому, непременно разразятся въ ночь сильною грозой. На западъ все небо задернуто густымъ туманомъ, а съ востока надвинулись черныя облака и уже захватили полнеба; въ воздухѣ невыносимая духота; кучера съ трудомъ справляются съ встревоженными лошадьми.

Замѣтное колебаніе охватило все общество. Нерѣшительные и даже желавшіе остаться готовы уже были увлечься заразительнымъ примѣромъ уѣхавшихъ явно, какъ баронесса Наделицъ, объявившая во всеуслышаніе, что ее веревками не удержать, или ускользнувшихъ тихомолкомъ, подобно старикамъ Грибенъ, напрасно старавшимся уговорить Аксея ѣхать вмѣстѣ. Ясно было, что еще минутъ черезъ десять въ залѣ не осталось бы ни души, если бы Густавъ не приказалъ заиграть музыкантамъ, расположившимся на эстрадѣ, устроенной на скорую руку. Раздались звуки веселаго вальса. Молодые люди поспѣшили ангажировать дамъ, маменьки изъявили согласіе на одинъ только танецъ, папаши и супруги постояли еще немного съ шляпами въ рукахъ и одинъ за другимъ перебрались къ карточнымъ столамъ за давно желанный бостонъ или ломберъ.

Густавъ взялъ первую попавшуюся подъ руку даму, какую-то молоденькую дѣвочку, сдѣлалъ съ ней тура два и подошелъ къ графинѣ Ульриксѣ. Та наотрѣзъ отказалась танцевать, говоря, что уже простилась съ Изеей и поджидаеть только Герту. Густавъ отвѣтилъ церемоннымъ поклономъ и отошелъ въ сторону, уступая мѣсто Гертѣ, только что пришедшей изъ комнаты дѣда. Дамы поговорили съ полминуты шепотомъ; потомъ графиня обняла молодую дѣвушку и вышла изъ залы. Герта обернулась и очутилась лицомъ къ лицу съ Густавомъ. Она отшатнулась было назадъ, но онъ подошелъ прямо къ ней.

— Ты опять уходишь?

— Да.

— Бажется, вѣжливѣе было бы остаться... то-есть передъ обществомъ вѣжливѣе, хочъ я сказать.

Они взглянули другъ другу въ поблѣднѣвшія лица; ихъ глаза встрѣтились. Пристальный взглядъ Герты былъ необыкновенно холоденъ; въ глазахъ Густава свѣтилась злая ненависть.

— Мнѣ некогда быть вѣжливой, — отвѣтила она, дѣлая надъ собою замѣтное усиліе, чтобы остаться спокойною. — Дѣдушкѣ

много хуже, чѣмъ ты находишь нужнымъ утверждать. Тебѣ не слѣдовало удерживать гостей.

— Благодарю за наставленіе. Мнѣ до сихъ поръ казалось, что въ интересахъ общества позволительна маленькая ложь.

— Для тебя рѣшительно все равно—маленькая или большая.

Отвращеніе къ предателю вырвало у нея эти слова. Разъ она проговорила ихъ и увидала на лицѣ, искаженномъ бѣшенствомъ, сознание вины, ее охватилъ страхъ за Ганса, и она продолжала, почти задыхаясь:

— Гдѣ Гансъ? Онъ, навѣрное, узналъ, кто обогалъ его передо мною и обманулъ его. Вотъ почему его нѣтъ здѣсь. Онъ это не переживетъ, и ты его убійца!

— А ты сумасшедшая!

Густавъ насмѣшливо расхохотался. Двое молодыхъ людей, только что замѣтившихъ Гертю, подошли ангажировать ее танцевать. Она безсвязно извинилась и поспѣшно вышла въ корридоръ. Молодые люди обратились къ Густаву съ вопросами, что это значитъ? Не отвѣтивши ни слова, Густавъ бросился мимо танцующихъ паръ на другой конецъ залы, гдѣ Аксель только что хотѣлъ начать вальсировать съ Изеей.

— На одно слово!—сказалъ Густавъ, дотрогиваясь до его плеча.

— Черезъ минуту къ твоимъ услугамъ!—отозвался Аксель и закурилъ въ вихрѣ вальса.

Густавъ остался на томъ же мѣстѣ и отупѣлымъ взоромъ слѣдилъ за танцующими. Въ его груди кипѣло бѣшенство, щени горѣли, точно каждое слово Герты было пощечиною. Обогалъ... обманулъ!... И это она сказала... она, ради которой онъ и лгалъ, и обманывалъ! Какъ она должна его ненавидѣть! Какъ онъ ненавидитъ ее!... Местъ, местъ!... Местъ ей!... местъ этому долговязому негодю, измѣнившему ему! Расплатиться съ нимъ за любезничанья Изее! Она теперь опять должна принадлежать ему! Это будетъ также местию той и другой!... Куда они дѣвались? А, тамъ у двери... Что это значитъ? Они не танцуютъ... Изее приложила платокъ къ лицу... онъ отворяетъ ей дверь... Что такое?... Сюда идетъ мерзавецъ!...

— Извини, дружище! У твоей жены... кровь носомъ... очень неприятно. Она сейчасъ вернется... Ты хотѣлъ мнѣ что-то...

— Ты сказалъ Гертѣ?

— Что?

— Что я все время зналъ... про Ганну, про тебя, про Ганса!

— Даю тебѣ честное слово въ томъ, что я ни одного слова не говорилъ съ Гертою обо всей этой исторіи. Да и могъ ли я сказать что-нибудь, не выдавая себя самого? Сообрази только! Завтра потолкуемъ обстоятельно, а теперь прощай; я обѣщалъ старинамъ уѣхать слѣдомъ за ними...

— Такъ я тебѣ долженъ сказать еще два словечка на дорогу: ты подлецъ!

— Ладно. Продолженіе услышишь завтра, когда протрезвишься. Прощай!

Аксель повернулся на каблугахъ и направился къ двери, осторожно пробираясь между парами, несшимися въ отчаянномъ галопѣ. У двери онъ остановился на мгновенье въ раздумьи и вышелъ.

Густавъ проводилъ его глазами.

«Воображалъ, что я пойду извиняться... Глупо это, въ сущности... онъ не могъ ей сказать... а я нажилъ лишняго врага. Какъ-то отнесется къ этому Изея?... Ну, что же? Ну, приревновалъ!... Женщины любятъ это... Шампанскаго! Эй, ты! Подай шампанскаго... такъ-то лучше!»

Онъ взялъ съ подноса полный стаканъ и выпилъ залпомъ, потомъ разыскалъ раньше ангажированную даму, о которой со всѣмъ было забытъ, и понесся съ нею по залъ; еще черезъ минуту, самъ не сознавая какъ, онъ очутился въ игорной комнатѣ.

— Маленькій фараонъ! Прекрасно... Король, сто талеровъ!

— Вашъ... Идетъ двѣсти!

— Идетъ! Эй! Несчастливъ въ картахъ, счастливъ... пятьсотъ!...

Что тамъ еще? Что нужно?

— Дамы требуютъ французскую кадрили, — сказалъ Генрихъ Мальховъ, — не могу я тамъ одинъ управиться, когда вы всѣ разбѣжались.

— Сейчасъ иду... еще пятьсотъ!

— Густавъ! Ты съ ума сошелъ! Иди сію минуту! Извините, господа. Генрихъ взялъ со стола выкинутыя Густавомъ ассигнаціи, сунулъ ихъ ему обратно въ карманъ и потащилъ за руку въ залъ. Тамъ уже составились пары, не доставало одной дамы...

— Да гдѣ же твоя жена?

— Развѣ не вернулась она? Я сію минуту приведу ее!

— Да самъ-то приходи!

— Черезъ полминуты...

Онъ выбѣжалъ въ корридоръ, изъ котораго узкая лѣстница вела внизъ къ тремъ комнатамъ, занятымъ Изеей. Темно... ни свѣчи, ни лампы... Дураки! Каждый вечеръ горитъ лампа, а сегодня какъ нарочно!... Онъ наткнулся на стѣну, потомъ оцупалъ дверную ручку и отворилъ дверь. Это была нежилая комната; въ ней онъ одѣвался къ балу, чтобы не ходить по лѣстницѣ на свои антресоли. Тутъ еще лежало снятое имъ платье... «Чортъ возьми! Пистолеть среди стола, какъ разъ на виду... должно быть, я уже тогда былъ нянь! Что могла подумать прислуга?»

Густавъ оглянулъ пустую комнату и, не находя мѣста куда бы спрятать пистолеть, сунулъ его въ карманъ, взялъ угасающую лампу и быстро направился къ комнатѣ Изей. Дверь оказалась запертою.

— Изей!

Отвѣта не было. Онъ подбѣжалъ къ дѣтской—заперта; бросился къ третьей комнатѣ—заперта и эта. Тогда онъ вернулся къ двери спальни и еще разъ крикнулъ:

— Изей!

И опять никакого отвѣта.

— Неужели кровотеченіе изъ носа только предлогъ? Уже не предупредила ли она его?

Съ послѣднею вспышкою потухшей лампы эта мысль блеснула въ его головѣ; въ тотъ же моментъ сильнымъ ударомъ ноги онъ вышибъ замокъ изъ старой двери, бросился въ спальную жены и засталъ старуху Зою готовою скрыться въ другую комнату, изъ которой былъ выходъ въ садъ. Однимъ прыжкомъ Густавъ нагналъ старуху, схватилъ ее за шиворотъ и такъ тряхнулъ, что она упала на колѣни.

— Гдѣ Изей? Пришибу на мѣстѣ!... Гдѣ Изей?

Старуха отчаяннымъ усиліемъ оторвала его руку отъ своей шеи и прохрипѣла:

— Пусти! Клянусь Матерью Божіею, все скажу!

Густавъ выпустилъ ее изъ рукъ. Зоя встала на ноги и, все еще дрожа отъ страха, сказала хриплымъ голосомъ:

— Убѣжала она... убѣжала съ своимъ любовникомъ, съ графомъ!

— Куда?

— Не знаю: Посмотри тутъ, можетъ быть, что-нибудь узнаешь...

Она показала на открытую шифоньерку, на откинутой доскѣ которой горѣла свѣча, между всякимъ хламомъ, наскоро выкиданнымъ изъ ящиковъ. Тутъ валялись ничего не стоящія вещицы, привезенныя изъ Греціи, ленты, банты, разорванныя записки!... его рука!... А вотъ цѣлая записка... рука незнакомая.

Сдавленный смѣхъ вырвался изъ его груди въ то время, какъ онъ рвалъ дрожащими руками тонкій листокъ бумаги. «Это сегодня поутру передалъ камердинеръ! Она все знала! и искала выхода изъ общества, въ которомъ не могла оставаться... ишла! Онъ же самъ и помогъ ей, выгнавши Акселя изъ дома!» Онъ ударилъ себя кулакомъ въ лобъ.

— Болванъ! Нужно же было именно теперь, когда я хозяинъ! Передъ ней никто не можетъ устоять... она могла бы вернуть мнѣ всѣхъ и все...

Его растерянный взглядъ блуждалъ по опустѣлой комнатѣ... по несмятой кровати...

— Сегодня ночью!... Такъ обмануть, такъ глупъ невыносимо!... Вернуть во что бы ни стало...

Онъ быстро оглянулся на какой-то крадущійся, чуть слышный шумъ. Старуха хотѣла ускользнуть и была уже въ другой комнатѣ у выходной двери въ садъ. Густавъ опять нагналъ ее, схватилъ за растрепанные волосы и втащилъ обратно.

— Ты знаешь, гдѣ она... иначе не норовила бы убѣжать за нею... Признавайся... или чортъ тебя возьми!...

Съ невообразимою силою старуха вырвалась. Ея глаза сверкали, какъ глаза дикой кошки.

— Знаю, знаю... На горѣ за паркомъ подъ большимъ дубомъ... ждутъ экипажа...

Густавъ оттолкнулъ старуху и выбѣжалъ вонъ, не обращая вниманія на то, что Зоя выбѣжала вслѣдъ за нимъ и пустилась по парку въ ту же сторону, только другою дорогою, скача, прыгая, продираясь сквозь кустарники, съ быстротою и силою дикаго звѣря, котораго травятъ собаками. Старуха во что бы то ни стало хотѣла быть на мѣстѣ, откуда только что вернулась передъ тѣмъ поторопить замѣшкавшуюся Изею... Тамъ нетерпѣливо ожидалъ ее Вальяносъ. Ускользнула измѣнница, за то не спаслась обольстителю... Вальяносъ съумѣетъ его встрѣтить! Расправится

съ нимъ! Лишь бы успѣть предупредить его, лишь бы посѣть во время!

XX.

Между тѣмъ, въ залѣ кадрили, все-таки, составилаь. Охлопотагъ это Генрихъ, ангажировавшій свою обожаемую Эмилию и ни за что не хотѣвшій пропустить любимаго танца; наскоро уговорилъ онъ свою сестру Эмму, давно уже не танцовавшую, стать на мѣсто хозяйки дома.

— И безъ того мы слишкомъ долго ждали... *En avant deux! Demie chaine anglaise!*

И пары задвигались навстрѣчу другъ другу и опять назадъ, пропускали другъ друга подъ бойкій тактъ музыки съ такою точностью, которая была возможна лишь при дирижерствѣ Генриха. Сегодня онъ превзошелъ самого себя. Всѣ думали, что знаютъ уже весь репертуаръ его фигуръ... не тутъ-то было. Опять новыя фигуры, одна красивѣе и веселѣе другой!...

— Ну, кажется, и у него уже не хватаетъ...

— *Attention, mesdames et messsieurs!*—раздается голосъ дирижера.

— Возможно ли? Еще!... *Bravo, Генрихъ!* Превосходно, невѣроятно... удивительно, гениально!

— Нѣтъ, это уже немножко того... слишкомъ!

— Э, не бѣда! Завтра мы уже не такъ молоды будемъ, какъ сегодня!

И опять пары мчатся веселою вереницею, то сплетаются, то расплетаются и кружатся... Говоръ и смѣхъ. Музыканты воодушевляются общимъ оживленіемъ, трубятъ еще громче, ускоряютъ тактъ. Старый залъ точно дрожитъ отъ давно забытаго веселья, звенять хрустальныя подвѣски люстры... Маменьки и тетушки встали съ своихъ мѣстъ, плотнымъ кругомъ охватили танцующихъ, одни смотреть боязливо, другія смѣются. Мужчины, привлеченные шумомъ, оставили карты, тѣснятся въ дверяхъ, подталкивая другъ друга локтями, похлопывая по плечамъ, пережидываясь замѣчаніями:

— Каково, сосѣдъ? Въ свое время и мы едва ли такъ отплясывали.

— Едва ли даже и тѣ!

— Кто?

— А вотъ эти большіе парики и парчевыя камзолы въ зо-

лотыхъ рамахъ, вся коллекція Проновъ! Одинъ отчаяннѣе другаго! Стоитъ только взглянуть въ нихъ. Вонъ тотъ налѣво, прадѣдъ... настоящій сорви голова! Звали тоже Густавомъ; правнукъ весь въ него, какъ двѣ капли воды. Гдѣ онъ, однако?

— Не видать что-то.

— Чудно! А его жена?

— И ея нѣтъ.

— И стариковъ тоже! Вотъ такъ потѣха! Танцы и веселье у Проновъ въ Проницѣ безъ Проновъ, кромѣ нарисованныхъ на стѣнахъ.

— Ого! Какъ блеснуло!

— Гроза! и какой ударъ!

— Короткій... вѣроятно, прямо въ землю.

— Даже молодежь дрогнула! Только... Боже мой, неужели же это не громъ, а?...

Бѣто-то вбѣжалъ въ дверь, ведущую на лѣстницу въ сѣни, и съ громкимъ крикомъ бросился въ самую середину танцующихъ, изъ которыхъ многіе не видали молніи и не слышали грома. Всѣ испуганно кинулись въ разные стороны.

— Фрейленъ Герта! Пропустите, ради Бога! Фрейленъ Герта! Гдѣ моя фрейленъ? Фрейленъ Герта!

— Что случилось? Зажгло, что ли? Гдѣ горить?

— Пропустите! Фрейленъ Герта!

Герта появилась на порогѣ двери, ведущей въ комнаты камергера. Она пришла просить Изею, требовать отъ нея, чтобы праздникъ былъ законченъ. Старуха Панкъ увидала свою барышню и кинулась къ ней съ крикомъ:

— Убить! Убить! Мой Густавъ убитъ... Тамъ, внизу!... Принесли его! Гансъ застрѣлили!

Герта пошатнулась и схватилась рукою за притолку. Она была блѣдна, какъ ея бальное платье, глаза широко открыты. Двѣ дамы носившіи къ ней на помощь; но она уже оправилась, отстранила всѣхъ руками и быстро направилась къ двери, ведущей на лѣстницу. Толпа боязливо разступалась передъ нею, потомъ опять смыкалась и стремилась вслѣдъ за нею. Только немногіе рѣшились сойти внизъ; остальные тѣснились у желѣзной рѣшетки площадки, задержанные ужасомъ передъ тѣмъ, что лежитъ тамъ внизу, на каменныхъ плитахъ... покрытое плащомъ одного изъ таможенныхъ стражниковъ, принесшихъ свою страшную ношу въ ярко освѣщенный домъ, полный веселья и шума. Не зная,

что дѣлать дальше, они молча смотрѣли на своего начальника. Онъ увидалъ быстро приближающуюся Герту и смущенно двинулся ей навстрѣчу.

— Дорогая фрейленъ... вы здѣсь!... Я рѣшительно внѣ себя... не знаю, что начать. Слава Богу, что ваша уважаемая бабушка... Вы уже, конечно...

— Гдѣ онъ?

Голосъ молодой дѣвушки прозвучалъ такъ странно, взгляды широко открытыхъ глазъ имѣлъ такое необыкновенное выраженіе, что начальникъ таможи подумалъ, не лишилась ли она разсудка, не видитъ, что лежитъ тутъ въ двухъ шагахъ отъ нея. Онъ взглянулъ въ ту сторону, разсчитывая, что ея взоръ обратится по тому же направленію, и сказалъ:

— Мы нашли его въ паркѣ... Я только что сошелъ съ мони людьми на берегъ... услышали выстрѣлы... иначе мы бы, можетъ быть... Онъ былъ только что... Куда прикажете несчастнаго?...

Она теперь только увидала трупъ, обративши на мгновеніе глаза въ ту сторону, гдѣ онъ лежалъ, вздрогнула всѣмъ тѣломъ, провела обѣими руками по мертвенно-блѣдному лицу и проговорила тѣмъ же сдавленнымъ голосомъ:

— Гдѣ онъ?

И затѣмъ отчаянно вскрикнула:

— Гдѣ Гансъ?

Начальникъ таможи вздрогнулъ въ свою очередь отъ этого крика, такъ онъ показался ему ужасенъ, но тотчасъ же оправился и проговорилъ съ глубокимъ участіемъ:

— Баронъ отправленъ въ Бергенъ... Онъ настоятельно желалъ не быть здѣсь. Его сопровождаютъ двое изъ моихъ людей... Въ деревнѣ мы добыли телѣгу... Онъ самъ тяжело раненъ... очень тяжело... Куда прикажете намъ, фрейленъ?

На этотъ разъ она поняла вопросительный взглядъ чиновника и указала на одну изъ комнатъ нижняго этажа. Начальникъ таможи вздохнулъ свободно и сдѣлалъ знакъ своимъ людямъ. Они подняли страшную ношу; Генрихъ Зальховъ, Эрнстъ Креве и еще человѣка два пріятелей поспѣшили помочь имъ. Герта сдѣлала за ними нѣсколько нетвердыхъ шаговъ, потомъ вдругъ остановилась.

— Уважаемая фрейленъ! — подбѣжалъ къ ней начальникъ таможи. — Предоставьте намъ, умоляю васъ! Это убьетъ васъ!

По ея блѣдному лицу пробѣжала усмѣшка безумія.

— Очень возможно, — пробормотала она едва внятно, — очень возможно.

И затѣмъ болѣе твердымъ голосомъ, ясно свидѣтельствовавшимъ о силѣ внутренней борьбы, она прибавила:

— Вы говорите, его убилъ Гансъ?

— Дорогая фрейленъ...

— Я хочу знать! Мнѣ необходимо знать! Были вы при этомъ?

— Я пришелъ минутъ черезъ пять... Баронъ стоялъ на колѣняхъ около убитаго съ выраженіемъ глубокаго отчаянія по поводу совершеннаго дѣянія, въ которомъ онъ тутъ же сознался... на половину, по крайней мѣрѣ...

— Это неправда, онъ ничего не дѣлаетъ на половину. Онъ убилъ его?

— Онъ говорилъ: я хотѣлъ его убить, но Богу не угодно было, чтобы желаніе осуществилось.

— Вы сказали, онъ раненъ? Тяжело?

— Я этого опасаясь. Онъ раненъ въ високъ и, кажется, поврежденъ глазъ...

— Здоровый глазъ?

— Не знаю, кажется...

— Ослѣпъ, стало быть? Да, ослѣпъ?

— Не слѣдуетъ отчаяваться, быть можетъ, не навсегда. Представьте всѣ заботы мнѣ... умоляю васъ о томъ, дорогая фрейленъ...

— Хорошо, благодарю васъ. Онъ въ Бергенѣ?

— Да.

— Благодарю васъ. Прежде всего, мнѣ необходимо пойти къ его несчастной бабушкѣ. Прошу извинить меня!

Она кивнула головой и пошла черезъ корридоръ къ боковой двери, у которой толпилось нѣсколько дѣвушекъ, плакавшихъ, закрывшись фартуками, что не мѣшало имъ внимательно слѣдить за всѣмъ происходившимъ въ сѣняхъ. Въ эту минуту, впрочемъ, и слѣдить уже было не зачѣмъ; сѣни опустѣли. Самъ начальникъ таможни ушелъ въ ту комнату, куда перенесено было тѣло. На томъ мѣстѣ, гдѣ оно лежало, видѣлось лишь неправильной формы черное пятно. Плачущія дѣвушки показываютъ его другъ другу и рѣшаютъ, что младшая изъ нихъ должна идти вымыть его. Та убѣгаетъ съ громкимъ крикомъ; дру-

гая объявила, что скорѣе согласится умереть, чѣмъ подойти къ нему близко, но остается и вмѣстѣ съ другими продолжаетъ смотрѣть на большое черное пятно, которое черезъ двѣ секунды еще разъ измѣнило свои очертанія. Какъ бы то ни было, сходящія сверху господа должны пройти мимо него, чтобы добраться до экипажей.

Только, несмотря на общее желаніе уѣхать какъ можно скорѣе, не такъ легко это сдѣлать. На дворѣ разыгралась буря, вѣтромъ задуло фонари на подъѣздѣ и на воротахъ, на экипажахъ и въ рукахъ жокеевъ. Ослѣпительныя молніи, непрерывныя раскаты грома, хлынувшій потокомъ ливень, вой бури такъ напугали лошадей, что онѣ мечутся во все стороны, бьются и чуть не разносятъ экипажи... Измученные долгимъ ожиданіемъ, промокшіе до костей и оглушенные грозою кучера и форрейторы потеряли головы; имъ уже представляется, что вотъ-вотъ все сейчасъ рухнетъ и провалится.

Не лучше было положеніе гостей, толпившихся въ обширныхъ сѣняхъ. Въ широко отворенную дверь врывается вѣтеръ и бьетъ пескомъ и дождемъ въ блѣдныя лица осмѣливающихся сунуться наружу, накинувшихъ на себя въ попыхахъ и въ страхѣ что попало подъ руку, часто чужой плащъ. Переходъ отъ шумнаго веселья наверху сюда внизъ, гдѣ смертью вѣетъ въ грохотѣ бушующихъ стихій, гдѣ у всѣхъ на виду это черное пятно, отъ котораго не можетъ оторваться глазъ, нагоняетъ ужасъ на всѣхъ. Одни подавлены, стоятъ молча съ потупленнымъ взглядомъ; другіе хлопчатъ вокругъ, дамы, упавшей въ обморокъ; а тамъ съ другою нервной, истерическій припадокъ...

— Боже мой! Съ кѣмъ?... Съ его женою?... Она, бѣдняжка, и безъ того была уже не совсѣмъ здорова!

— Нѣтъ! Это Луиза Герштицъ... А ту нигдѣ не могутъ найти... вездѣ ищутъ.

— Она, навѣрное, не пережила этого!

— Я же говорю вамъ, она не можетъ еще ничего знать...

— Господи! Слышали вы еще?...

— Что такое?

— Да вотъ, сейчасъ... Генрихъ Зальховъ увѣряетъ... клянется, будто она съ Акселемъ Гривенъ...

— Пустяки! Она просто была въ связи съ убійцей; это единственное объясненіе... Я говорилъ сейчасъ съ господиномъ

фонъ-Кириць... Онъ передавалъ, что тотъ тоже страшно наказанъ: выбить здоровый глазъ... слѣда не осталось...

— Да перестаньте вы! Дамъ-то пощадите...

— Вотъ фрау Зильмницъ... Ну что? Нашли?

— Нигдѣ. Въ ея комнатѣ страшный беспорядокъ; ребенокъ кричитъ въ кроваткѣ... старая вѣдьма нянька тоже исчезла. Я свазала уже Панкѣ, чтобы она взяла несчастную крошку. Вотъ, она несетъ ее къ себѣ.

— Какъ крошка плачетъ, точно понимаетъ...

— И представьте, Панкѣ говорить, что камергеръ при смерти.

— Боже мой, Боже мой! Только бы уѣхать скорѣй. А, вотъ братъ... Карлъ! Карлъ! что же карета?

— Ъхать нѣтъ возможности... Нельзя носа показать.

— Такъ пойдѣмъ пѣшкомъ.

— Что вы! Десяти шаговъ не пройдете!

— Все равно, я дольше выносить не могу.

— Такъ не смотри туда!... Это просто отвратительно, не могутъ хоть пескомъ, что ли... Да перестань же, Мари, будь благоразумна. Ну, такъ и ждалъ...

И опять суетятся вокругъ еще одной, упавшей безъ чувствъ. Настроеніе, близко подходящее къ поголовному сумасшествію. охватываетъ съ каждою минутою все сильнѣе и сильнѣе толпу ожидающихъ въ сѣняхъ, гдѣ порывы вѣтра, того гляди, погасятъ послѣдній фонарь. Только два наиболѣе смѣлыхъ человѣка сохранили присутствіе духа: Генрихъ Зальховъ и Эрнстъ Крече. Громкій голосъ Генриха раздается на дворѣ среди грома и бури: благодаря его распоряженіямъ, удается распутать одинъ по одному сдѣпившіеся экипажи и подавать ихъ къ подъѣзду. Эрнстъ принялъ команду въ сѣняхъ, быстро спроваживаетъ потерявшихъ головы и усаживаетъ въ экипажи, не разбирая, кто въ чей попадетъ. Не до того уже тутъ, лишь бы скорѣе выбраться, лишь бы не видать этого страшнаго чернаго пятна, не быть въ домѣ, гдѣ совершенно братоубійство.

ГЛАВА XXI.

— Два часа! — пробормоталъ Карло, опуская въ карманъ часы, которые онъ для точности свѣрилъ съ только что пробившими часами ратуши.

Карло фонъ-Лиліенъ застегнулъ сюртукъ, плотнѣе закутался

въ плащъ, стараясь укрыться отъ мелкаго, холоднаго дождя, и опять началъ ходить взадъ и впередъ по узкому крыльцу ратуши, поглядывая отъ времени до времени на небольшой рынокъ съ дюжиною драныхъ холщевыхъ лавченонъ, привлекаявшихъ очень немногихъ покупателей. По ту сторону площади, у дверей трактира, прохаживались господа управляющіе въ высокихъ сапогахъ, а дальше у длинныхъ обозовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, и у разгруженныхъ подводъ толпились прикащики и рабочіе.

Изъ переулка вышелъ какой-то господинъ и направился мимо ратуши. Несмотря на поднятый до очковъ воротникъ, Карло узналъ длинную, сухую фигуру доктора Бертрама и сбѣжалъ съ лѣстницы. На его зовъ докторъ приостановился съ недовольнымъ видомъ; но лицо его нѣсколько прояснилось, когда онъ увидалъ подходящаго Карло.

— Что вы тутъ дѣлаете подъ дождемъ, баронъ? — сказалъ онъ.

— Жду господина фонъ-Боленъ, — отвѣтилъ Карло.

— Ахъ, да!

— Вы дали вчера разрѣшеніе произвести первый допросъ моего несчастнаго друга...

— Вѣрно! — сказалъ докторъ. — Не вижу поводовъ отълаживать дѣло; напротивъ... съ нервною лихорадкою я благополучно справился; какъ нельзя болѣе пора серьезно приниматься за глазъ, иначе останется слѣпымъ на всю жизнь. Говоря откровенно, я убѣжденъ, что вообще это уже опоздано; впрочемъ, я не считаю себя достаточно компетентнымъ по этой части... Какъ вы знаете, я не боюсь, подобно многимъ господамъ, моимъ коллегамъ, сознаться въ неудовлетворительности моихъ знаній. Мнѣ бы хотѣлось какъ можно скорѣе перевести его въ Грюнвальдъ, куда онъ во всякомъ случаѣ долженъ отправляться какъ только кончится здѣсь предварительное дознаніе.

— Вы не вѣрите въ его невиновность? — грустно спросилъ Карло.

По тонкимъ губамъ доктора пробѣжала ироническая улыбка.

— Я такъ люблю иезуитовъ, — сказалъ онъ, — что склоненъ вѣрить всякому абсурду потому только, что это абсурдъ.

— Какъ вы можете шутить при такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ? — съ легкимъ упрекомъ проговорилъ Карло.

— Къ сожалѣнію, я не шучу, — возразилъ докторъ. — *Au contraire!* Меня очень печалитъ эта черта моего характера. Гипертрофія мозга, окостенѣніе сердца... страшныя слѣдствія такъ на-

зываемаго образованія. Спросите у всѣхъ высокообразованныхъ господъ вашего общества, вы не наберете трехъ человекъ, которые бы считали его невиновнымъ. Спросите вонъ тѣхъ молодыхъ, что тамъ въ грязныхъ сапогахъ подъ дождемъ жоннуть. Каждый изъ нихъ на смерть пойдетъ за то, что вашъ другъ невиновенъ. Могу васъ завѣрить, что всѣ эти дни и еще сегодня я слышалъ говоръ въ народѣ... эти люди, того гляди, силою освободятъ его изъ тюрьмы.

— Гласъ народа—гласъ Божій,—сказалъ Карло.

Врачъ усмѣхнулся.

— Похлопочите, чтобы вашъ пріятель, господинъ окружный судья, напомнилъ объ этомъ членамъ королевскаго суда въ Грюнвальдѣ. А затѣмъ извините, господинъ баронъ, меня жена ждетъ уже полтора часа съ обѣдомъ.

— Я долженъ просить извиненія, что такъ долго задержалъ васъ,—сказалъ Карло.

— Не въ чемъ,—отвѣтилъ врачъ.—Вся жизнь есть задержка изъ-за ничего между двумя ничего.

Карло взошелъ опять на крыльцо и задумался о разговорѣ съ докторомъ. «Этотъ врачъ одинъ изъ тѣхъ притворныхъ нечестивцевъ, которые боятся показаться смѣшными, признавшись, что у нихъ есть сердце». А, между тѣмъ, сердце есть у него; онъ съ полнымъ самоотверженіемъ ухаживалъ за ихъ общимъ другомъ; говорить, что онъ и этотъ другъ его на перебой стараются словомъ и дѣломъ помочь бѣднымъ во всей округѣ. Правъ онъ, какъ нельзя болѣе правъ: кто изъ насъ твердо вѣрить въ невиновность Ганса? Развѣ только баронесса Наделицъ; да ее никто и не считаетъ въ числѣ людей образованныхъ; а еще вѣрить, конечно, чудная Ульрика. Въ послѣднее время даже князь сталъ опять какъ-то колебаться... Вообще онъ очень измѣнился. Баронесса Наделицъ увѣряетъ, будто онъ любилъ ту несчастную. Этимъ можетъ быть объяснено его глубокое потрясеніе.

— А, наконецъ-то!

— Что же ты разгуливаешь тутъ по дождю?—воскликнулъ господинъ фонъ-Боленъ.—Что не пошелъ хотя напротивъ въ домъ?

— Я обѣщалъ ждать тебя здѣсь,—возразилъ Карло.

— Не дурно было бы, если бы всѣ люди были такъ же вѣрны своему слову,—сказалъ фонъ-Боленъ.—Однако, пойдемъ домой, да за столъ. Я голоденъ, какъ волкъ.

— Ну, а...

— Послѣ, мой дорогой, послѣ!

Экономка сразу поставила на столъ весь обѣдъ, чтобы не мѣшать бесѣдѣ молодыхъ людей. Карло едва дотронулся до кушаній; но прошло довольно много времени, прежде чѣмъ его плечистый пріятель утолилъ свой здоровый аппетитъ. Погончивши съ ѣдою, онъ налилъ стаканъ краснаго вина, выпилъ его залпомъ, зажегъ горѣлку подъ кофейникомъ, стоявшимъ тутъ же на столѣ, взялъ трубку, затянулся раза два и сказалъ:

— Вотъ теперь я готовъ. Но, Carlo mio, прими къ свѣдѣнію: все, что я скажу тебѣ, составляетъ канцелярскую тайну; слѣдовательно, секретъ полнѣйшій, Carlo mio!

— Я то уже, конечно, не выдамъ тайны, — возразилъ Карло. — Но, во всякомъ случаѣ, не желалъ бы, чтобы ты для меня рисковалъ...

— Заслужить крупное неодобреніе предсѣдателя суда въ Грюнвальдѣ, если бы дошло до него. Ну, а до него не дойдетъ, и ты можешь быть совершенно спокоенъ. По правдѣ говоря, мнѣ самому необходимо съ кѣмъ-нибудь... то-есть, я хочу сказать, съ такимъ милымъ человѣкомъ, какъ ты, потолковать объ этомъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе, что ты, само собою разумѣется, крѣпко стоишь за невиновность, тогда какъ я утверждаю, къ сожалѣнію, противное.

— Какъ! и теперь, послѣ допроса? — испуганно проговорилъ Карло.

— Послѣ допроса болѣе, чѣмъ прежде, — возразилъ слѣдователь. — Собственно, только теперь и утверждаю.

— Но возможно ли это? — грустно воскликнулъ Карло. — Не могъ же онъ признаться тебѣ въ томъ, чего онъ рѣшительно не способенъ сдѣлать!

— Не такъ это просто дѣлается, какъ ты думаешь! — сказалъ фонъ-Боленъ съ добродушною усмѣшкою. — Будь это тамъ, не изъ чего было бы цѣлые три года биться... Всѣ бы эти Согрис jugis, пандекты, уголовное право и все прочее... отправить къ свиньямъ! У этого рожа мнѣ не понравилась, слѣдовательно... а этотъ смотреть на мой взглядъ честнымъ малымъ, ergo!... Говоря серьезно, мой милѣйшій, такъ дѣла не могутъ дѣлаться. Впрочемъ, твой клиентъ если и сознается, то по болѣеи мѣрѣ лишь на половину. Сегодня онъ слово въ слово повторилъ то же,

что говорилъ господину фонъ-Кириць, когда тотъ засталъ его почти *in flagranti*; онъ говоритъ: «я хотѣлъ его убить».

— «Хотѣлъ убить!» не значить: «я его убилъ!»—горячо воскликнулъ Карло.—Выходитъ, что правъ я. Хотѣлъ убить! Ужасно уже и то, что такая мысль могла закрасться въ его измученное сердце. Но между хотѣніемъ и исполненіемъ страшнаго дѣянія Богъ положилъ, по своему милосердію, глубокую пропасть, непреходимую для хорошихъ людей. А онъ хорошій человѣкъ, болѣе того—онъ человѣкъ честный, необыкновенно честный человѣкъ; онъ....

— Честнѣйшій изъ людей,—горячо перебилъ слѣдователь.— Да, мой дорогой другъ, но такимъ путемъ мы не далеко уйдемъ.

— Прощу извинить,—сказалъ Карло.

— Не въ извиненіи дѣло. Я понимаю твой энтузіазмъ. На меня баронъ тоже произвелъ впечатлѣніе истиннаго джентельмена, неспособнаго солгать. Въ сожалѣнію, въ его разсказѣ о событіи оказываются такіе пробѣлы, неправдоподобности, прямо невозможности, которыхъ не можетъ принять на вѣру не только юристъ, но всякій здравомыслящій человѣкъ. Посуди самъ.

Окружный судья въ крупныхъ чертахъ передалъ все, только что слышанное имъ отъ Ганса. Карло слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ, причѣмъ его собесѣднику казалось, что спокойная увѣренность, одушевлявшая вначалѣ тонкія черты лица его друга, мало-по-малу уступала мѣсто боязливому напряженію и перешла въ выраженіе отчаянія, когда рѣчь дошла до конечной катастрофы. Разсказчикъ самъ не ожидалъ такого рѣшительнаго дѣйствія своего повѣствованія и рассчитывалъ на цѣлый рядъ возраженій, которыя ему придется устранять. Тѣмъ болѣе былъ онъ пораженъ, когда Карло поднялъ опущенную голову и мягко заговорилъ:

— И ты, все-таки, вѣришь... до сихъ поръ вѣришь, что онъ убійца? Вѣришь, послѣ этого разсказа, въ которомъ такъ и звучитъ правда? Вѣдь, за душу хватаетъ эта трогательная исторія мучительной борьбы человѣка съ тяжкими испытаніями, изъ которыхъ онъ выходитъ побѣдителемъ не разъ только, а два раза, и вторично въ послѣдній, рѣшительный моментъ при такихъ обстоятельствахъ, когда всякое менѣе благородное сердце не выдержало бы борьбы! Пока ты рассказывалъ, я переживалъ душею все, пережитое имъ. Неужели ты можешь относиться иначе? Прощу тебя, не оставяй во мнѣ ни тѣни сомнѣнія въ

добротѣ твоего сердца, въ твоей прощительности также... Мнѣ больно, мнѣ за тебя обидно!...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!—сказалъ слѣдователь.

Онъ всталъ, выпилъ рюмку коньяку и продолжалъ:

— Карло, милый мой, неужели для такихъ энтузіастовъ-фанатиковъ, какъ ты, не существуетъ никакой логики? Выходить человѣкъ раннимъ утромъ изъ дома съ твердымъ намѣреніемъ покончить съ собою или съ роднымъ братомъ, или, пожалуй, съ братомъ и потомъ съ собою. Къ этому у него есть поводы, о которыхъ я сейчасъ скажу... Беретъ онъ съ собою,—опять-таки по его собственному сознанию,—именно для этой цѣли заряженный пистолетъ....

— Изъ котораго,—тоже по его сознанию,—онъ выстрѣлилъ въ лѣсу и самый пистолетъ забросилъ. Черезъ мѣсяцъ какой-то крестьянинъ нашелъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ же слышалъ выстрѣлъ, и представилъ его въ судъ,—спокойно проговорилъ Карло.

— Да,—возразилъ слѣдователь съ оттѣнкомъ досады,—и изъ этого я заключаю, что онъ имѣлъ при себѣ не одинъ пистолетъ, а два.

— На чемъ же основано такое заключеніе?—спросилъ Карло.

— Очень просто: на томъ, что другой пистолетъ, парный съ первымъ, найденъ въ мѣстѣ преступленія... а, кромѣ того, въ карманѣ жилета найдено нѣсколько пистоновъ. Оставшіеся въ живыхъ тяжело ранены... изъ чего слѣдуетъ, что между нимъ и Густавомъ происходила отчаянная борьба, во время которой тотъ успѣлъ вырвать уже разряженный пистолетъ и сильнымъ ударомъ, или бросивши его, вышибъ несчастному его единственный глазъ. Но, хотя тяжело раненый, тотъ живъ, а тотъ легъ мертвымъ на мѣстѣ, прострѣленный пулей...

— Которой на лицо не имѣется...

— При выстрѣлѣ чуть не въ упоръ она прошла на вылетъ....

— Сдѣлавши рану, про которую докторъ Бертрамъ говоритъ, что она больше калибра пистолетной пули.

— Окружный врачъ не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ.

— Я держусь заключенія доктора и въ особенности потому, что изъ двухъ выстрѣловъ, слышанныхъ таможенными, второй былъ сильнѣе перваго.

— Жаль только, что нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ ихъ начальникъ, слышали лишь одинъ выстрѣлъ.

— Стало быть, они слышали второй, болѣе сильный, а перваго, слабѣйшаго не слышали. Опять одно показаніе противорѣчить другому; и большая вѣра должна быть дана болѣе подробному и положительному, а не менѣе обстоятельному и отрицающему половину перваго свидѣтельства.

— Bravo! — воскликнулъ окружный судья. — Даже *bravissimo*, въ виду твоего незнакомства съ юридическою частью! Теперь разьясни же мнѣ, сдѣлай одолженіе, эти два выстрѣла изъ одного пистолета, когда для втораго не было заряда, если бы даже и было время его заряжать... что я, впрочемъ, отрицаю.

— Очень просто: тутъ было третье лицо, которымъ и совершенно убійство изъ другаго пистолета, большаго калибра.

Слѣдователь чуть не вскочилъ съ мѣста, но сдержался, закурилъ потухшую трубку и заговорилъ съ притворнымъ замѣшательствомъ:

— И такъ, мы добрались-таки до таинственнаго незнакомца, вѣчно являющагося во всякомъ сложномъ процессѣ и разыгрывающаго свою трагическую роль до тѣхъ поръ, пока онъ не улетучится безслѣдно передъ правильно поставленными перекрестными допросами. Остается два такихъ вопроса: кто могъ удачно воспользоваться крайне короткимъ временемъ, въ которое все это случилось? Кому и для чего могло быть нужно это убійство? Возможно было бы указать на графа Грибенъ, укатившаго съ греческою искательницею приключеній; къ сожалѣнію, суду до сихъ поръ не удалось открыть его теперешняго мѣста жительства. Но, по единогласному показанію всѣхъ свидѣтелей, онъ былъ уже полчаса въ дорогѣ въ то время, когда совершено преступленіе. Кромѣ того, слѣдовало бы допросить старую вѣдму гречанку; но и она пропала безъ вѣсти... либо повѣсилась гдѣ-нибудь въ лѣсу, либо утопилась въ пруду съ отчаянія, что ея госпожа не взяла ее съ собою. Кромѣ нихъ, ни у одного чело-вѣка въ мірѣ не было повода убить молодаго барона. Такие поводы могъ имѣть только его братъ. Одинъ изъ нихъ извѣстенъ тебѣ лучше, чѣмъ кому бы то ни было. Ты показалъ уже при слѣдствіи, что онъ былъ въ высшей степени взволнованъ твоими сообщеніями; но ты не имѣлъ основаній предполагать, что бы это возбужденіе могло выразиться въ какихъ-либо крайнихъ поступкахъ ни противъ его брата, ни противъ собственной жизни, т.-е., по просту говоря, ты не предполагалъ возможности убійства или самоубійства. Подтвержденіемъ этому служить твое

письмо, найденное въ карманѣ убитаго. Однако же, возбужденіе, доходившее до крайней экзальтаціи, должно почитаться вполне констатированнымъ. Такого рода возбужденіе, особливо въ извѣстной стадіи, принимаетъ иногда совершенно неожиданное направление. Человѣкъ рѣшился на самоубійство. Виновникъ этого рѣшенія подвергается случайно подѣ руку; происходитъ объясненіе, споръ, причеиъ перевѣсъ легко остается на сторонѣ чувства личнаго негодованія и самосохраненія; кара обращается на того, кого оскорбленный считаетъ виновнымъ; онъ убиваетъ, чтобы не былъ убитымъ имъ. Это не простое предположеніе только; у насъ есть тысячи подобныхъ примѣровъ. Но признаюсь тебѣ чистосердечно, одинъ этотъ мотивъ съ самаго начала казался мнѣ не вполне достаточнымъ, чтобы повести къ такому страшному преступленію; я былъ убѣжденъ въ существованіи другаго, находящагося въ связи съ этимъ или существовавшаго самостоятельно и, притомъ, достаточно сильнаго для того, чтобы имъ могло обуславливаться случившееся. Поэтому я сегодня спросилъ его, не имѣлъ ли онъ какого-либо другаго повода къ неудовольствію на брата. Само собою разумѣется, я указалъ ему на всю важность предложеннаго вопроса, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, объяснилъ, что онъ въ правѣ не отвѣчать на него, какъ и на всякій другой, на который ему показалось бы неудобнымъ давать отвѣты. Онъ отвѣтилъ, что ждалъ этого вопроса, но отвѣчать на него сполна считаетъ себя не въ правѣ, такъ какъ отвѣтомъ вышелъ бы изъ круга личныхъ признаній. Да, у него несомнѣнно былъ другой поводъ, въ сравненіи съ которымъ первый долженъ казаться совершенно ничтожнымъ. Я, конечно, воздержался отъ всякихъ настояній, да и надобности не имѣлъ, такъ какъ отлично понималъ, что тутъ, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, замѣшана женщина, и именно та особа, на которой онъ помолвленъ и которая прежде любила меньшаго брата, что ни для кого не составляетъ тайны.

Карло покачалъ головою и сказалъ:

— Этого я рѣшительно не понимаю. Въ ту минуту, когда я съ нимъ разстался, онъ сокрушался о томъ, что сердечныя братскія отношенія его къ Густаву должны разрушиться въ самое счастливое время въ его собственной жизни. Это было въ одиннадцать часовъ вечера. Онъ пошелъ домой пѣшкомъ черезъ дюны съ очевиднымъ намѣреніемъ въ уединеніи и въ тиши ночи найти душевный покой; около часа ночи онъ долженъ былъ

прийти домой; въ половинѣ втораго онъ опять ушелъ изъ дома и съ тѣхъ поръ до самаго роковаго событія ни съ кѣмъ не говорилъ, кромѣ жены полѣсовщика. Что же такое случилось въ этотъ промежутокъ времени, что бы могло такъ подѣйствовать на него?

— Этого я не знаю, — возразилъ слѣдователь, — но должно было случиться нѣчто. Мое дѣло сдѣлано. Я заканчиваю слѣдствіе и вмѣстѣ съ арестованнымъ отправляю въ Грюнвальдъ, счастливый и довольный тѣмъ, что сбуду дѣло съ рукъ долой. Я не болѣе, какъ сынъ чиновника, и, слѣдовательно, человѣкъ пришлый, чужой здѣсь, а потому могу казаться подозрительнымъ. Мое ученье въ Зундинской школѣ ничего не дало мнѣ, кромѣ твоей дружбы. Тѣмъ не менѣе, вначалѣ меня приняли довольно сносно. Теперь же ни одна собака знать меня не хочетъ, точно моя вина, что ихъ божокъ попалъ въ тюрьму! Такъ и кажется, будто онъ всѣхъ приворожилъ къ себѣ. Живи онъ во время крестьянскихъ войнъ, народъ, навѣрное, сдѣлалъ бы его своимъ вождемъ, какъ храбраго Геца фонъ-Берлихингенъ; онъ же и напоминаетъ его даже вишностью, особливо теперь, послѣ тяжелой болѣзни... Къ тому же эта слѣпота!... Если бы здѣшніе господа бароны и наши дамы, такъ поголовно ополчающіеся на Филина, видѣли его сегодня такъ, какъ я его видѣлъ, то я увѣренъ... Ну, да Богъ съ ними, съ этими баронами! Будь моя воля, давнымъ давно былъ бы онъ на свободѣ, хотя бы переколотилъ полдюжины негодяевъ... Я, все-таки, остался бы при убѣжденіи, что онъ правъ. Но въ данномъ случаѣ я не Удо фонъ-Боленъ, а окружный судья, и мнѣ въ высшей степени прискорбно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ я добился моимъ предварительнымъ слѣдствіемъ лишь очень сомнительныхъ результатовъ, по дѣлу же контрабандистовъ и совсѣмъ никакихъ не добился. Повѣсилъ бы я этого Кирица. Разъ онъ не былъ твердо увѣренъ, не слѣдовало ему звонить во всѣ колокола; казался корабль подозрительнымъ, надо было захватить его въ Зундинской гавани, не смотря на французскій флагъ и на бумаги, бывшія, повидимому, въ порядкѣ. Нѣтъ, ему понадобилось изловить молодцовъ на мѣстѣ преступленія... А отъ нихъ и слѣдъ простылъ! Самъ-то онъ въ эту непогоду еле-еле унесъ шкуру и добрался до берега, да вмѣсто контрабандистовъ притащилъ несчастнаго барона, до котораго ему ровно никакого дѣла не было. Не путайся онъ, гдѣ его не спрашивали, свои люди подняли бы раненаго

и перенесли бы тихохонько домой, не то изошелъ бы онъ кровью на мѣстѣ... лично для него это было бы, несомнѣнно, самое желательное. Нечего сказать, настряпалъ,—чертямъ только расхлебывать его кашу. Жалуются, что островъ кишитъ контрабандистами, а самъ не можетъ поднараулить даже такого завзятаго негодяя, какъ старикъ Пребровъ, первый ихъ коноводъ здѣсь, не можетъ дать мнѣ повода забрать его въ руки. Я же убѣжденъ, что дѣло съ французскимъ кораблемъ не обошлось безъ его участія, и онъ опять воспользуеъ. Впрочемъ, докторъ Бертрамъ говоритъ, что не долго ему осталось мошенничать, приходится отпраляться на тотъ свѣтъ контрабандничать... Вамъ что, фрау Гарлофъ?

Экономка вошла въ комнату съ запискою въ рукѣ, — принесъ босоногій мальчишка и проситъ господина судью сейчасъ же прочесть,—дѣло величайшей важности.

— Ну, да!—проворчалъ фонъ-Боленъ.—У нихъ вѣчно важныя дѣла! Давайте, что тамъ за исторія еще!

Онъ началъ читать, покачалъ головой, взглянулъ на подпись на оборотѣ, перечиталъ опять сначала до конца, раздумчиво опустилъ голову и подалъ пріятелю листокъ, очевидно, вырванный изъ дѣтской тетрадки. Карло взялъ записку и прочелъ:

«Умоляю васъ, не откладывая ни минуты, пожаловать ко мнѣ на Пустошь въ сопровожденіи вашего письмоводителя, такъ какъ я имѣю сообщить вамъ по дѣлу барона Ганса фонъ-Пронъ нѣчто такое, чего никто, кромѣ меня, не можетъ показать. Отъ этого зависитъ жизнь барона.

«Умирающій».

— Слава Богу!—прошепталъ Карло.

— Что скажешь?—спросилъ слѣдователь.

— Скажу, что надо сію минуту ѣхать,—проговорилъ Карло, быстро поднимаясь съ мѣста.—И прошу тебя взять съ собою доктора, если возможно!

— Запрягать скорѣе, — крикнулъ слѣдователь экономкѣ, — и бѣжать за докторомъ! Да пошлите сюда мальчишку.

Испуганная экономка послѣшила исполнить приказанія и втокнула въ дверь Адольфа Преброва.

— Бѣдняга! — сказалъ судья, участливо оглядывая босыя ноги и вымокшіе отъ дождя лохмотья мальчика. — На-ка вотъ, выпей сначала! Смѣлѣе! Жжется? Не бѣда! Ну, что отецъ?

— Плохъ!—отвѣтилъ Адольфъ, утирая глаза грязнымъ кулакомъ.—Очень плохъ!

— Какъ долго придется ѣхать до Пустоши?

— Глядя по тому, какъ поѣдете,—сказалъ Адольфъ.

— Это ты правильно, мудрый оиванецъ!

— Проѣдешь около часа,—сказалъ Карло, смотря въ окно.— Вотъ и докторъ!

— Ну, такъ въ путь!—воскликнулъ слѣдователь.

— Кто у васъ тутъ болѣнь?—спросилъ докторъ въ окно.

— Оба, докторъ!—весело отвѣтилъ фонъ-Боленъ.—И онъ, и я! Если вылечите, стаблю бутылку!

— При такомъ условіи желаю какъ можно скорѣе вылечить,—отозвался докторъ.

Черезъ нѣсколько минутъ открытая голштинка подпрыгивала по тряской мостовой, унося слѣдователя, доктора и мальчишку, помѣстившагося на козлахъ между письмоводителемъ Фабіусомъ и кучеромъ.

XXII.

Графиня Ульриха приказала доложить о себѣ Гертъ и нетерпѣливо поджидала ее внизу въ залѣ. Она быстро пошла навстрѣчу появившейся въ дверяхъ дѣвушкѣ и дружески обняла ее.

— Какъ ты блѣда опять сегодня, моя бѣдняжка! Ну, что дѣвушка?

— Все то же, никого уже не узнаеть. Вчера послѣ твоего отъѣзда былъ докторъ Бертрамъ; онъ даетъ ему немного дней жизни.

— Противный онъ! Могъ бы тебя пощадить и не говорить тебѣ.

— Не знаю, нужно ли это. Онъ вѣрно понялъ меня... Я ко всему готова.

— Такъ всегда кажется. А какъ дѣвочка?

— Не хорошо и ей сегодня. Пришлось еще разъ переѣздить кормилицу. Ганна слишкомъ встревожена болѣзнью отца, опять побѣжала къ нему. Я хочу тоже съѣздить.

— Я всегда думала, что рискованно было брать эту дѣвушку.

— До сихъ поръ всешло прекрасно. На худой конецъ я, все-таки, найду въ ней себѣ опору; она въ глаза мнѣ смотреть, старается угадать мои желанія.

— Я видѣла это; она такъ много тебѣ обязана.

— Я продолжаю лишь то, что имъ начато.

— Конечно... А о немъ что говорилъ докторъ?

Маленькая ручка дѣвушки дрогнула въ рукѣ Ульрики.

— Сегодня будетъ первый допросъ.

— Такъ вѣрно это?

— Докторъ мнѣ прямо сказалъ, что желаетъ скорѣйшаго окончанія слѣдствія. Ему бы хотѣлось перевести Ганса въ Грюнвальдъ.

— Объ этомъ мы поговоримъ потомъ. А пока прочти вотъ эти два письма. Я должна ихъ тотчасъ же сама отвести господину фонъ-Боленъ въ Бергенъ, такъ какъ моего адъютанта, по обыкновенію, не оказывается на лицо именно тогда, когда онъ нуженъ, а никому другому я не могу ихъ довѣрить.

Ульрика вынула письма изъ ридикюля; одно изъ нихъ она развернула, другое положила на колѣни и заговорила, усмѣхаясь:

— Такъ какъ моя неустрашимая дѣвочка готова ко всему, то я безъ предисловія прочту сначала письмо тети Клевелэндъ... по-англійски, конечно. Если не поймешь чего-нибудь, скажи.

«Милое мое дитя! Отвѣчаю тебѣ сразу на оба твои послѣднія письма въ сильномъ волненіи, причину котораго ты поймешь изъ послѣдующаго. Меня въ высшей степени заинтересовала необыкновенная исторія, разыгравшаяся въ близкомъ тебѣ кружкѣ и описанная тобою въ первомъ письмѣ. Мы здѣсь до пресыщенія привыкли къ необыкновеннымъ исторіямъ, случающимся въ большомъ свѣтѣ; но твоя слишкомъ выходитъ вонъ изъ ряда. Братъ сильно заподозрѣвъ въ убійствѣ горячо любимаго брата въ ту самую минуту, когда жена убитаго бѣжала съ молодымъ человекомъ, котораго тотъ считалъ своимъ лучшимъ другомъ. Ко всему этому оказывается, что бѣжавшая съумѣла невѣроятнымъ образомъ обморочить все общество и въ томъ числѣ своего похитителя. Нашъ «Times» могъ бы недѣли двѣ пробавляться такимъ богатымъ матеріаломъ для наполненія извѣстнаго отдѣла газеты, не считая даже интересныхъ и трогательныхъ подробностей, описанныхъ въ твоемъ второмъ письмѣ. Но довольно... Ты хорошо знаешь свою старую энтузіастку - тетку... Я просто жила этою романическою исторіей, не подозрѣвая даже, что судьба сведетъ меня такъ скоро съ двумя главными дѣйствующими лицами этой драмы. Читай и удивляйся! Пріѣзжаю я на раутъ къ лэди Кэстльвудъ и застаю все общество въ волненіи по случаю новинки: супруги одного нѣмецкаго графа Ланквица, введенной

въ общество молодымъ герцогомъ Б., познакомившимся съ этою парочкою на переѣздѣ изъ Гавра. Она французженка, дочь какого-то знатнаго, но разорившагося барина изъ южной Франціи. Меня знакомятъ съ нею, и я прихожу отъ ея красоты и граціи въ такой же восторгъ, въ какой она уже привела все общество. Повидимому, и я, на старости лѣтъ, ей понравилась; а, можетъ быть, она сочла меня подходящею для себя *damе d'honneur*... Какъ бы тамъ ни было, она сошлась со мною, къ великой зависти молодыхъ и старыхъ, такъ какъ весь Лондонъ доходилъ изъ-за нея чуть не до драки и ради нея принялъ даже и супруга... въ сущности, приличнаго джентельмена, очень бойко и довольно скверно говорящаго по-французки. Молодая дама бываетъ у меня каждый Божій день; мы неразлучны цѣлую недѣлю. Само собою разумѣется, я рассказала ей описанную тобою исторію, отчасти съ похвальною цѣлью предупредить молодую женщину объ опасности иныхъ слишкомъ короткихъ знакомствъ; я не стѣснилась даже прямо предостеречь ее отъ ухаживаній герцога, не даромъ заслужившаго въ обществѣ названіе Ловеласа. Я объяснила ей значеніе этого названія. Она горячо благодарила меня, руки цѣловала и... на другой день укатила съ герцогомъ въ Шотландію. Вчера я получила отъ нея прелестнѣйшее письмо съ выраженіями вѣчной благодарности за мои сообщенія о смерти нелюбимаго мужа, преждевременный конецъ котораго она оплакиваетъ, несмотря на то, что въ первый разъ въ жизни получаетъ свободу слѣдовать влеченію собственнаго сердца и сдѣлаться женою герцога Б., извѣщеніемъ о чемъ она и спѣшитъ порадовать мою къ ней материнскую дружбу. Предвидя, что на ея счетъ пойдутъ по Лондону разные толки, она считаетъ нужнымъ передать мнѣ всю правду о себѣ, которую я уже отчасти могла подозрѣвать. Она героиня исторіи, мною ей рассказанной. Она, конечно, передала ее въ общихъ чертахъ своему супругу и убѣдилась при этомъ, что мужчина, пока любить, готовъ на всевозможныя жертвы. Она сочтетъ за большое счастье для себя, если черезъ мое посредство ей удастся оказать счастливое вліяніе на незаслуженно-жестокую участь, постигшую лучшаго изъ людей, и тѣмъ хотя отчасти заплатить ему за его доброту и великодушіе, за которыя она считаетъ себя ему обязанною на всю жизнь. Таково содержаніе ея письма, въ которомъ эта особа ни однимъ словомъ не обмолвилась о покинутомъ ею мужѣ! Какъ тебѣ это нравится? Со вчерашняго дня весь

Лондонъ на ногахъ,—герцогъ сообщилъ о своей женитьбѣ двумъ-тремъ пріятелямъ! Всѣ сплчуть другъ къ другу. останавливаютъ другъ друга на улицахъ, выходятъ изъ экипажей, судятъ и ридятъ, осуждаютъ и сожальютъ... въ особенности усердно сожальютъ. Женитьба герцога—огромнѣйшій скандалъ, но, судя по всему, что я слышу, дѣло уже непоправимое, и на слѣдующій сезонъ мы будемъ имѣть удовольствіе принимать отчаянную авантюристку въ качествѣ законной супруги одного изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ лордовъ соединеннаго королевства. До тѣхъ поръ молодые проживутъ въ шотландскихъ помѣстьяхъ герцога. Я предсказываю ей колоссальный успѣхъ. Мы такъ надки на всякія необычайности, что пикантность все выкупить. Впрочемъ, герцогу, при его страшномъ вліяніи на правительство, не трудно будетъ прилично уладить дѣло своего достойнаго греческаго тестя. Утѣшаться можно только однимъ: случались у насъ и не такіе безумные пассажи, а Англія, все-таки, не погибла; на то она и Англія. Эта странная женщина проситъ меня еще обстоятельно передать тебѣ все то, что касается ея здѣшнихъ походовъ, такъ какъ самой ей некогда описывать всѣ подробности; между тѣмъ, тебѣ необходимо быть au courant, чтобы хорошо понять тѣ сообщенія, которыя она намѣрена сдѣлать тебѣ относительно несчастнаго брата своего перваго мужа...

— По этой же причинѣ и я прочла тебѣ сначала это письмо,— сказала Ульрика.—Остальное въ немъ насъ пока не интересуеть. Второе письмо отъ гречанки и касается нашего милаго Ганса. Прочту опять-таки безъ предисловія... Оно, разумеется, по-французски:

«Дорогая графиня! Если я позволяю себѣ обратиться къ вамъ въ такомъ близкомъ мнѣ дѣлѣ, что я могу считать его почти моимъ собственнымъ дѣломъ, то прошу васъ приписать это глубокой симпатіи, внушенной мнѣ съ перваго знакомства вашимъ умомъ и энергіей. Къ тому же вы такъ близки съ бѣдняжкой Гертою! Пользуясь вашей добротой, я могу разсчитывать, что эти строки дойдутъ до нея, причемъ я избѣгаю стѣснительной для меня необходимости обращаться прямо къ ней.

«Ваша глубокоуважаемая, милая тетушка, истинная виновница моего теперешняго счастья, вѣроятно, уже передала вамъ, по моей просьбѣ, все, что касается лично меня, такъ что я могу перейти прямо къ дѣлу, которымъ вызвано это письмо. По мѣрѣ силъ моихъ, я бы желала бросить свѣтъ на нѣкоторые темныя под-

робности несчастныхъ событій, жертвою которыхъ сталъ благороднѣйшій изъ людей — братъ моего перваго мужа. Говорятъ, будто его подозрѣваютъ въ убійствѣ. Обстоятельства дѣла, какъ я узнала изъ вашего письма къ тетускѣ, сложились противъ него; не подлежитъ также сомнѣнiю, что онъ имѣлъ достаточные поводы къ сильному негодованiю противъ брата, обманувшаго его такъ непростительно. Между тѣмъ, всякій, кто знаетъ душевную высоту этого единственнаго человѣка, не можетъ допустить возможности, чтобы онъ изъ-за какого бы то ни было мотива поднималъ руку на горячо любимаго, хотя и недостойнаго брата. Скорѣе онъ убилъ бы себя самого. Но такими доводами нельзя бороться съ ограниченностью формалистовъ, добивающихся во что бы то ни стало найти виновника преступленiя. Въ данномъ случаѣ и по глубокому моему убѣжденiю, таковымъ можетъ быть только одинъ человѣкъ — Иоаннъ Вальяносъ Паннурисъ, молодой человѣкъ съ острова Тино, мой соотечественникъ, назначавшiйся мнѣ въ женихи съ дѣтства. Помимо мести, къ убiйству соперника его обязывалъ обычай родной страны. Вальяносъ очень вѣрно рассчиталъ, что его недругъ долженъ же, наконецъ, вернуться къ себѣ на родину, а потому для удовлетворенiя мести и предпринялъ смѣлую экспедицию въ далекiя моря. Какъ человѣкъ практической, онъ не забылъ при этомъ своихъ торговыхъ выгодъ. Съ неутомимымъ терпѣнiемъ и съ хитростью тинота, мстящаго за кровное оскорбленiе, онъ сумѣлъ выслѣдить свою жертву вплоть до безопаснаго, повидимому, убѣжища подъ роднымъ кровомъ. Въ этомъ помогалъ ему одинъ старикъ, по имени Пребровъ, считавшiй себя тоже оскорбленнымъ. Я пропускаю подробности плана дѣйствiя, который могъ быть приведенъ въ исполненiе только съ помощью этого Преброва и моей кормилицы Зои; сводился онъ, вначалѣ, къ тому, что въ эту самую ночь и на то мѣсто, гдѣ совершено убiйство, должна была выдти я, чтобы слѣдовать за Вальяносомъ на родину. На этомъ условiи и то послѣ долгаго сопротивленiя онъ далъ мнѣ обѣщанiе не мстить Густаву. Само собою разумѣется, онъ счелъ себя свободнымъ отъ этого обѣщанiя какъ только убѣдился, что прождетъ меня напрасно. Объ этомъ, вѣроятно, сообщила ему моя кормилица: она же, можетъ быть, извѣстила и Густава о моемъ бѣгствѣ. Я, конечно, не знаю, что произошло потомъ; но по этимъ указанiямъ уже не трудно будетъ добраться до правды. Изъ всего мною сказаннаго я вывожу предположенiе, что между братьями

завязался споръ, во время котораго третье лицо воспользовалось удобнымъ моментомъ для осуществленія своихъ цѣлей. А Вальясность именно такой человѣкъ, который не пропуститъ удобнаго случая.

«Почти излишнимъ считаю прибавлять, дорогая графиня, что я во всякое время готова все это показать передъ здѣшнимъ судомъ и подтвердить клятвою. Показанія графа Грибенъ могли бы тоже служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ сказаннаго мною. По слухамъ, здѣшній климатъ оказался для него нездоровымъ и онъ уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ не трудно будетъ его найти. Письмо это, вышедшее длиннѣе, чѣмъ я предполагала, я закончу, дорогая графиня...»

— И такъ далѣе,—сказала Ульрика, складывая оба письма и пряча ихъ обратно въ ридикюль.—Вотъ каковы мои новости. Теперь посмотримъ, осмѣлятся ли высокоумный господинъ фонъ-Боленъ увѣрять, что его слѣдствіе закончено.

Пока Ульрика читала письма, Герта, къ удивленію пріятельницы, ни однимъ движеніемъ не выразила ни радости, ни удивленія, ни даже какого-либо участія. Теперь она подняла опущенную голову и, съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лица, сказала:

— Слѣдствіе закончится допросомъ самого Ганса. Онъ скажетъ всю правду.

— Герта!—испуганно воскликнула Ульрика.—Неужели ты?...

— Да, я... именно я!—горько проговорила Герта.—Ты не знаешь Ганса, изъ васъ никто его не знаетъ. Только бабушка... и то потому, что онъ поразительно похожъ на своего дѣда, да еще я... Вотъ здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ онъ признался мнѣ въ любви!... Много лѣтъ тайлъ онъ эту любовь... и вдругъ она вырвалась наружу съ страшною силою. Да, мнѣ страшно было и такъ обворожительно сладко... точно изъ глубины души поднялся какой-то голосъ и сказалъ: будь его женою. И послѣ этого я такъ позорно измѣнила своей клятвѣ, я повѣрила гадостямъ, гнусностямъ... и онъ узналъ объ этомъ!

— Какимъ образомъ? Отъ кого узналъ?—воскликнула Ульрика.

— Узналъ!—повторила Герта.—Все равно какъ узналъ или отъ кого... Мнѣ говоритъ это внутренней голосъ, а онъ не солжетъ. Узналъ, что увѣрилъ меня въ томъ Густавъ, что Густавъ предалъ его... Ему измѣнили, его предали два любимыхъ

существа! Кто бы могъ перенести это! А онъ... умѣлъ такъ безконечно любить, онъ долженъ такъ же страшно ненавидѣть и мстить. . Нѣтъ, не мстить, а наказывать. Онъ въ правѣ наказывать! И наказалъ только предателя-брата... а былъ бы въ правѣ такъ же точно убить и меня. Я бы глазомъ не моргнула, моею послѣднею мыслью было бы: онъ правъ! Такъ и надо!

— Ты съ ума сошла, дитя!—сказала Ульрика, слѣдя испуганнымъ взоромъ за Гертою, нервно ходившею взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, не сошла еще пока, — воскликнула Герта. — Ты видишь, кажется, что я спокойно дѣлаю все, что обязана дѣлать. Никто не смѣетъ на меня пожаловаться. Что тамъ дѣлается, внутри... не хорошо тамъ! Я не разъ думала, что могу сойти съ ума... И вынесу ли я, если его осудить, если... о, Господи! Господи!...

Съ громкимъ рыданіемъ она бросилась на грудь пріятельницы. Ульрика нѣжно обняла несчастную и пыталась успокоить. Герта опять выпрямилась и покачала головою.

— Ты добрая, — сказала она. — Вы всѣ добрые, ты, бабушка, баронъ фонъ-Лиліенъ... но мнѣ-то отъ того не легче. Если вонъ то, что она пишетъ... если все это не ложь, если это правда... такъ, вѣдь, и этимъ ничего не измѣнится, онъ опять-таки останется запятаннымъ, его доброе имя опозореннымъ соприкосновеніемъ съ этими людьми и ихъ подлыми дѣлами.

Она хотѣла высвободиться изъ объятій Ульрики, но та держала ее и заговорила веселымъ тономъ, сквозь который проглядывало глубокое чувство:

— Если ты не перестанешь сейчасъ же говорить всѣ эти глупости, если не скажешь, что Гансъ невиновенъ въ этомъ преступленіи и не могъ его совершить, то, значить, ты его, все-таки, не любишь... и тогда я покажу тебѣ, что такое Ульрика. Узелинъ! Клянусь, я сейчасъ же прогоню Карло, несмотря на мое рѣшеніе выйти за него замужъ, и выйду за твоего Ганса; авось онъ во второй разъ отъ меня не откажется. Что? Удивилась!... Да, да, мнѣ, Ульригѣ Узелинъ, подавшей карету двадцати женихамъ, четыре года тому назадъ отказалъ... Гансъ-Филинъ! Разъ мы встрѣтились, оба верхами, на дорогѣ въ Грибеницъ. Ѣхали довольно долго молча. Я ему сказала: «Гансъ, хочешь на мнѣ жениться? Я давно, давно люблю тебя». Что онъ мнѣ отвѣтилъ и какъ это на меня подѣйствовало... нечего

разсказывать, ты помнишь; со мною тогда сдѣлалась нервная горячка, и съ тѣхъ поръ я мучаю тебя моею дружбою. За невѣріемъ его, я привязалась къ той, которую онъ любилъ такъ безгранично. Не слѣдовало тебѣ знать объ этомъ... Ну, дѣлать нечего, сорвалось съ языка...

Ульрика хотѣла опять обнять Герту, но молодая дѣвушка вскочила съ мѣста и горячо заговорила:

— Да, мнѣ не слѣдовало знать этого, тебѣ не слѣдовало говорить объ этомъ. Мнѣ и безъ того невыносимо тяжело, и вдругъ я узнаю, что по милости его любви ко мнѣ загублена возможность его счастья. Ты была настоящею парою ему... по благородству, по прямотѣ, по правдивости... Своимъ богатствомъ ты бы избавила его отъ гнета бѣдности, заставлявшаго его тратить силы на недостойное его дѣло; ты открыла бы ему подходящее для него поле дѣятельности! О, зачѣмъ ты говорила мнѣ объ этомъ!

— Э, полно!—сказала Ульрика.—Онъ любить тебя, ты поняла, наконецъ, что это за человѣкъ. Выйдешь за него—и конецъ дѣлу.

— Это ужасно!—воскликнула Герта.

— Что еще?

— А то, что ты говоришь! То, что ты сулишь мнѣ—никогда невозможное счастье... никогда!

— Но послушай же, моя дѣвочка, теперь уже я очень серьезно спрошу: ты въ своемъ умѣ?

— Ты не въ своемъ умѣ, если говоришь серьезно, если не жестоко насмѣхаешься. Допуская даже, что ничего не было, что не онъ убилъ Густава, что его оправдаютъ, что онъ, наконецъ... все-таки, захочетъ жениться на мнѣ... вѣдь, мнѣ каждый день, каждый часъ придется видѣть его слѣзные глаза... каждый часъ, каждую минуту терзаться одною мыслью: это твое дѣло, ты виновата во всемъ, ты, по слабохарактерности, по слабодушію, слушала Густава, не оттолкнула его съ презрѣніемъ и довела его... вотъ до какого ужаса! Любила того, кто два раза поднялъ руку на брата, на своего благодѣтеля, на второго отца! Этого я не перенесла бы! Нѣтъ! Не подь силу мнѣ это! Не перенесла бы я вѣчнаго сомнѣнія, что онъ не по любви на мнѣ женился, а изъ состраданія. Онъ жалѣетъ всякую страдающую тварь... и знаетъ онъ, какъ много, какъ ужасно я страдаю. А любить! Меня любить! Да развѣ это возможно... даже для него?... Не естественно это...

— Такъ!—остановила ее Ульрика.—Стало быть, по твоему, лучше бросить слѣпаго на произволь судьбы, одного покинуть въ то время, когда ему особенно нужна твоя помощь, твой уходъ днемъ и ночью?

— Днемъ я готова быть его служанкою, его рабою... ночью— у дверей его лежать, какъ собака... женою быть я не могу никогда!

«Права она,—подумала про себя Ульрика.—Мое счастье сдѣлало меня менѣе чуткою къ чужому страданію; я перестала понимать, каково на душѣ у несчастныхъ, забыла, что они не могутъ и не должны вѣрить въ счастье».

Но этого она не сочла себя въ правѣ сказать вслухъ, и что бы она ни сказала въ эту минуту, все это было бы фразою, прозвучало бы фальшью. Ульрика сидѣла молча и грустными взоромъ слѣдила за Гертою, тихо ходившею назадъ и впередъ съ низко опущенною головою. Вдругъ распахнулась дверь въ садъ и въ комнату вбѣжала Ганна, вся растрепанная вѣтромъ, измокшая подъ дождемъ.

— Что случилось?—тревожно спросила Ульрика.

— Отецъ!—едва могла выговорить запыхавшаяся дѣвушка.—Фрейленъ, васъ ему нужно повидать... просить въ послѣдній разъ! Умираетъ онъ... докторъ сказалъ. Докторъ пріѣхалъ съ окружающимъ судьбою...

— Съ господиномъ фонъ-Боленъ? — испуганно, перебила ее Герта.

— Съ нимъ,—отвѣтила Ганна.—Отецъ посылалъ за нимъ Адольфа въ Бергенъ. Онъ уже съ полчаса у насъ сидитъ... Съ нимъ еще какой-то записываетъ, что онъ ему говорить. Докторъ хотѣлъ дать мнѣ ихъ экипажъ, но я пріѣжала прямо лугами...

— Моя карета у подъѣзда,—сказала Ульрика.—Я доведу васъ. Накинь на себя что-нибудь, Герта; сегодня холодно.

— Я сію минуту все принесу, фрейленъ! — и Ганна выбѣжала изъ комнаты.

— Зачѣмъ попалъ туда фонъ-Боленъ?—тревожно обратилась Ульрика къ Гертѣ.—Навѣрное, что-нибудь по дѣлу Ганса.

— Я думала, онъ унесетъ съ собою въ могилу,—прошептала Герта.

— Я тебя не понимаю.

Приходъ Ганны избавилъ Герту отъ необходимости отвѣчать.

— На Пустошь!—приказала Ульрика кучеру, садясь въ карету.—И пошелъ во всю прыть!

Г л а в а ХХІІІ.

Бучеръ взмахнулъ бичемъ и горячіе кони, соскучившіеся долгимъ стояніемъ, съ мѣста понесли вскачь. Экипажъ быстро миновалъ линовую аллею и повернулъ на полевую дорогу. Дождь врвался въ открытое окно; но ни одна изъ трехъ женщинъ не замѣчала этого. Ганна тихо плакала, сидя на передней скамейкѣ, закрывшись накиннутымъ на голову платкомъ. Ульрика прижалась въ уголокъ и не рѣшалась обратиться къ подругѣ за дальнѣйшими разъясненіями. Герта напрягала всѣ силы въ ожиданіи новыхъ бѣдъ, которыя ей грозили. Она уже давно была убѣждена, что рѣшающее слово принадлежитъ Преброву, что старикъ, по обыкновенію, шлевшийся день и ночь, либо былъ очевидцемъ страшнаго событія, либо, такъ или иначе, точно знаетъ всѣ подробности. Сидя въ эти дни у его постели, она не разъ замѣчала обращенный на нее полумиспуганный взглядъ больного, видѣла, какъ вздрагивали его поблекшія губы, какъ бы желая сказать что-то. Но вслѣдъ за тѣмъ старикъ бормоталъ непонятныя слова, оборачивался лицомъ къ стѣнѣ и притворялся спящимъ, чтобы не выказать того, что было у него на языкѣ, чтобы не сказать ей: онъ сдѣлалъ это, и я радовался потому, что ненавижу его такъ же сильно, какъ прежде любилъ. Въ этомъ я видѣлъ свою месть. Теперь же, когда я знаю, что не онъ оболѣтилъ Ганну, что онъ былъ ея благодѣтелемъ и защитникомъ, что ты принимаешь такое доброе участіе въ моихъ дѣтяхъ и во мнѣ самомъ, — теперь я бы желалъ не знать о случившемся, желалъ бы, чтобы ничего этого не было. Сдѣланнаго вернуть я не въ силахъ, но я могу молчать и буду молчать. За это ты закроешь мнѣ глаза на вѣчный покой и, когда меня не станетъ, позаботишься о ребятишкахъ, не дашь имъ умереть съ голоду. На томъ нашъ договоръ; исполни же его такъ, какъ я исполняю! Неужели, чувствуя свой конецъ, онъ передумалъ... хочешь все сказать и нарушить договоръ? Для чего, Боже мой, для чего? Неужели онъ не зналъ Ганса и не понималъ, что не стоитъ молчать и лгать на смертномъ одрѣ, такъ какъ самъ Гансъ при первомъ же спросѣ скажетъ всю правду?... Вотъ и эти не вѣрятъ... Ульрика... Ганна... эта только одно и твердить: не онъ, не могъ онъ этого сдѣлать! Она тоже любила его, навѣрное, и теперь любитъ! Насъ три тутъ въ каретѣ... есть мѣсто и для четвертой, для Изеи; въ объятіяхъ новаго любов-

нига она нашла время о немъ подумать, хлопотать объ этомъ «единственномъ человѣкѣ»... Всѣ три одного мнѣнія... только она... одна она!... Смѣшно даже...

— Боже мой, что съ тобою?—воскликнула Ульрика.

— Ничего, ничего!—простонала Герта, задыхаясь отъ рыданій.—Оставь меня! Оставь...

Барета миновала грязный дворикъ и остановилась у покосившагося дома. Стоявшій въ дверяхъ докторъ поспѣшилъ отворить карету и помогъ дамамъ выйти. Ганна бросилась было къ мачихъ, сидѣвшей снаружи подъ дождемъ, опершись локтями на столъ. Но та быстро поднялась съ мѣста, погрозила дѣвущкѣ кулакомъ и чуть не бѣгомъ скрылась въ амбаръ. Плачущая дѣвушка последовала за другими въ домъ. Черезъ темныя сѣни онѣ добрались до комнаты, въ которой лежалъ больной. Дверь была только притворена. Докторъ тихо отворилъ ее, пропустилъ Гертю впередъ, а самъ остался на порогѣ и движеніемъ руки остановилъ Ульрику и Ганну. Прямо противъ двери у ногъ больного сидѣлъ господинъ фонъ-Боленъ; вѣво отъ него писмоводитель спѣшно писалъ что-то. Больной, повидимому, пріостановился, чтобы отдохнуть. Но вотъ опять послышался его слабый голосъ:

— Подходила таможенная лодка. Минуть черезъ пятнадцать она должна была пристать къ берегу. Я побѣжалъ предупредить Вальяноса. Въ это время кто-то показался изъ мелколѣсья; мы было подумали: не еще ли таможенные, незамѣтно подкравшіеся въ другой лодкѣ?... Оказался одинъ баронъ Гансъ. Я тотчасъ узналъ его при блескѣ молніи; онъ едва волочилъ ноги, видно было, что утомленъ сильно. Тутъ онъ опустился на скамью, и я слышалъ его стонъ... Онъ плакалъ. У меня даже сердце защемило, хотя я былъ еще золъ на него и не зналъ о чемъ онъ плачетъ, да и раздумывать было не время,—въ эту самую минуту выбѣжалъ кто-то изъ парка, точно спасаясь отъ погони. Онъ, конечно, услышалъ шаги, вскочилъ и крикнулъ: «Густавъ!» потомъ крикнулъ еще разъ: «Густавъ! Это я! Все опять уладится, все обойдется!» Его голосъ звучалъ какъ бы радостно. А тотъ ему въ отвѣтъ: «Ты! Опять ты!»—да злобно такъ, точно лай гончей по звѣрю.—«Опять сталъ мнѣ поперегъ дороги, проклятый! Такъ я же отъ тебя избавлюсь!» Раздался выстрѣлъ; при его блескѣ я разсмотрѣлъ искаженное бѣшенствомъ лицо Густава. Онъ промахнулся; по крайней мѣрѣ, баронъ Гансъ остался

на ногахъ. Тогда тотъ выронилъ пистолеть и, какъ дикій звѣрь, вцѣпился въ горло Ганса. Только Гансъ-то вдвое, а не то втрое сильнѣе, опрокинулъ его, придавилъ колѣномъ и схватилъ за горло. «Хорошенько его,—подумалъ я,—дави по настоящему; по дѣломъ ему!» Вдругъ онъ поднялся, помогъ встать на ноги Густаву и говорить: «Ты и такъ избавишься отъ меня, Густавъ. Я уѣзжаю отсюда навсегда». — «А вотъ тебѣ на дорогу!» — крикнулъ тотъ, нагнулся, поднялъ пистолеть и со всего размаха швырнулъ имъ въ голову барона Ганса на разстояніи двухъ или трехъ шаговъ. Я видѣлъ это при новомъ блескѣ молніи, видѣлъ какъ среди бѣлаго дня. Баронъ Гансъ упалъ пластомъ, словно не жилъ. Такъ мнѣ стало горько, будто сына роднаго у меня на глазахъ убили. Забылъ я про чертей таможенныхъ, высочилъ изъ-за куста и сгребъ убійцу за горло, совсѣмъ было повалилъ его, хотя онъ отбивался отчаянно... Тутъ вдругъ что-то точно оборвалось у меня въ груди. Выпустилъ я его и думаю: теперь онъ меня покончить... Про Вальяноса я совсѣмъ забылъ. А грекъ только подкарауливалъ удобный моментъ и пристрѣлилъ его начисто. Я было хотѣлъ подойти къ барону Гансу, да уже поздно было. Таможенные бѣжали къ намъ... съ той самой стороны, откуда пришелъ баронъ Гансъ. Мы едва успѣли добраться до телѣги; грекъ меня почти на рукахъ дотащилъ. Старая гречанка сидѣла уже въ телѣгѣ. Тогда, минуя Старо-Прониць, я довезъ ихъ лѣсомъ до Прорской бухты, у которой держался въ это время его корабль, и благополучно выпроводилъ обоихъ. Я зналъ, что конецъ мой приходитъ; въ груди у меня была невыносимая боль; но я далъ слово и не могъ выдать Вальяноса таможеннымъ... Вотъ и все, господинъ судья. Теперь дайте подписать, авось осилю какъ-нибудь нацарапать.

Господинъ фонъ-Боленъ взялъ со стола бумаги и подошелъ къ постели. Казалось, онъ водилъ рукою умирающаго старика. Когда все было кончено, слѣдователь взглянулъ еще разъ на подпись, передалъ протоколъ письмоводителю и выслалъ его изъ комнаты; потомъ подозвалъ знаками ожидавшихъ у двери и уступилъ имъ мѣсто у кровати.

— Кто это? — послышался беззвучный голосъ.

— Я! — тихо отвѣтила Герта.

— Слава Богу! — прошепталъ старикъ и протянулъ къ ней костлявую, изсохшую руку. — Дайте руку, фрейленъ Герта, и простите... Поберегъ я свою старую шкуру... теперь точно ка-

мень у меня съ сердца свалился, — все записано. Насидѣла бѣдняга въ тюрьмѣ по моей милости... теперь выпустить. Поклонитесь ему отъ стараго негодня. Любилъ я его, видитъ Богъ, какъ любилъ! Не оставьте ребятшекъ, Ганну и другихъ!

Холодѣющая рука старика судорожно дрогнула подъ горячимъ пожатіемъ Герты. Онъ вдругъ приподнялся съ подушки, глаза вспыхнули дикимъ огнемъ, голосъ зазвучалъ своею прежнею силою:

— Гансъ, Гансъ! Смотри, твой проходимецъ! Берегись! такъ, такъ! Ловко, Гансъ!... Выстрѣлъ! Ага! Нановаль! Чисто... Гансъ! Не дыхнулъ!...

Черезъ четверть часа фонъ-Боленъ вышелъ изъ дома и пошелъ къ каретѣ, въ которой Ульрика поджидала Гертю.

— Прочли письма?—спросила Ульрика.

— Прочелъ, графиня,—отвѣтилъ фонъ-Боленъ,—и отъ души благодарю васъ за ихъ сообщеніе мнѣ и за позволеніе ими воспользоваться для слѣдствія. То мѣсто, гдѣ говорится объ ограниченности формалистовъ, я бы охотно уничтожилъ, не ради себя лично, а ради грюнвальдскихъ судей. Ну, да не бѣда. Показанія барона и этого несчастнаго старика настолько полны и согласны между собою, настолько убѣдительно подкрѣплены письмомъ изъ Лондона, что съ этой минуты мы въ правѣ считать барона совершенно свободнымъ отъ суда и слѣдствія... Для освобожденія его изъ тюрьмы необходимы лишь кое-какія формальности, и я не замедлю ихъ исполнить какъ можно скорѣе. Теперь поѣжайте съ Богомъ въ Бергенъ. Вотъ и дозволеніе на пропускъ васъ къ нему; благоволите тамъ показать. Только... я позволю себѣ сказать вамъ, графиня... я полагаю... то-есть не увѣренъ... опасаюсь я, что онъ васъ... по просту говоря. графиня, онъ васъ не приметъ. Я спросилъ его сегодня, не желаетъ ли онъ повидаться съ кѣмъ-нибудь до отправки въ Грюнвальдъ. «Да,—отвѣтилъ онъ,—желалъ бы очень повидать Карло фонъ-Лиліенъ». —И никого кромѣ?—«Никого». Я умышленно повторилъ вопросъ, и онъ вторично отвѣтилъ то же. Я счелъ нужнымъ предупредить васъ объ этомъ, графиня.

— Благодарю,—сказала Ульрика.—Благодарю васъ за себя и за мою дорогую Гертю. Она такъ взволнована, что легко можетъ забыть поблагодарить васъ за всю доброту и любезность, съ которыми...

— Прощу васъ, графиня, оставьте это!—перевалъ ее фонъ-Боленъ. — Я ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы заслужить благо-

дарность. Совсѣмъ напротивъ: уже никакъ не мнѣ обязанъ онъ тѣмъ, что не попалъ на эшафотъ. Объ этомъ я хлопоталъ съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи... мой другъ Карло можетъ подтвердить это... А вотъ и фрейленъ Герта.

Фонъ-Боленъ обратился къ молодой дѣвушкѣ, вышедшей изъ дома въ сопровожденіи Ганны, и помогъ ей сѣсть въ карету.

— Намъ съ докторомъ необходимо остаться здѣсь еще на нѣсколько минутъ, — сказалъ онъ. — Относительно участи несчастныхъ дѣтей можете быть спокойны. Смерть хорошій миротворецъ между супругами; передъ нею смиряются самыя отчаянныя мегеры. Впрочемъ, эта женщина очень хорошо понимаетъ, что она у меня въ рукахъ по участию въ контрабандныхъ продѣлкахъ. И такъ, съ Богомъ! До свиданія въ Бергенѣ. Пріѣдемъ мы, вѣроятно, въ одно время; по такой отвратительной дорогѣ все равно, на какихъ лошадяхъ ни ѣхать, на нашихъ клячахъ или на вашихъ рысакахъ.

Онъ затворилъ дверцу и поклонился. Карета тронулась съ мѣста.

Г л а в а XXIV.

Было почти шесть часовъ, когда Карло въ сопровожденіи тюремщика ощупью пробирался по темнымъ корридорамъ тюрьмы къ камерѣ, куда въ это утро перевели Ганса изъ больницы. Напрасно прождавши возвращенія фонъ-Болена, Карло шелъ теперь безъ ожидаемыхъ утѣшительныхъ извѣстій повидать несчастнаго заключеннаго, къ которому неудержимо влекло его сердце, особливо же съ тѣхъ поръ, какъ надъ горемыкою разразились страшные удары судьбы.

— Точно! — бормоталъ тюремщикъ, останавливаясь передъ затворенною дверью. — Входите смѣло. Мы его не запираемъ. Убѣжать не можетъ, говорить господинъ окружный судья. Точно, говорю, гдѣ ему... А вотъ если вы его уведете...

— Я? — прошепталъ Карло.

— Точно. У васъ какъ есть и видъ такой. Ну, по мнѣ-то пожалуй... Только вотъ жена, дѣтишки тоже...

— Я не понимаю, — тихо сказалъ Карло.

— Точно. Входите смѣло... не запираемъ... — и чудной старичина зашмыгалъ по корридору.

Карло простоялъ минуты двѣ, чтобы собраться съ духомъ и не дать пріятелю замѣтить овладѣвшаго имъ волненія, потомъ ти-

хонько постукался. Въ послышавшемся изнутри «hegein» онъ узналъ голосъ Ганса и вошелъ въ камеру. Гансъ сидѣлъ на креслѣ у единственнаго окна съ желѣзною рѣшеткою, снизу заключеннаго прочными досками для вѣщей предосторожности. Падающій сверху свѣтъ ненастнаго дня скудно освѣщала убогую келью заключеннаго. Часть лица и правый глазъ Ганса были прикрыты повязкою; безжизненный взглядъ лѣваго глаза обратился къ вошедшему. Прекрасные, густые волосы сильно порѣдѣли, въ отросшей за это время бородѣ засеребрилась сѣдина. Гансъ встрѣтилъ посѣтителя тихой улыбкою и протянулъ ему обѣ руки.

— Вы это, дорогой другъ?

— Я, — отвѣтилъ Карло и не выдержавъ, съ громкимъ рыданіемъ склонился на грудь Ганса,

— Милый Лилиенъ, милый Карло! — заговорилъ Гансъ, обнимая его. — Я испугалъ васъ моимъ видомъ.

— Простите, — сказалъ Карло, силясь овладѣть собою. — Это очень дурно съ моей стороны... Вы еще такъ слабы.

— Правда, я еще очень слабъ, — отвѣтилъ Гансъ. — Впрочемъ, чувствую себя хорошо, если бы только не мучительная боль въ глазу. Очень радъ вамъ; берите стулъ и садитесь поближе ко мнѣ.

— Къ сожалѣнію, я не могъ быть у васъ раньше, — сказалъ Карло, усаживаясь рядомъ съ больнымъ.

— Знаю и считаю за особенное снисхожденіе разрѣшеніе кому бы то ни было посѣтить меня. Этимъ я обязанъ господину фонъ-Боленъ и боюсь, какъ бы его добрыя отношенія ко мнѣ не навлекли ему непріятностей. Докторъ тоже очень добръ ко мнѣ. Мы съ нимъ старые знакомые; но лишь теперь я узналъ его по настоящему. Онъ такъ ухаживалъ за мною, точно я его единственный пациентъ. Благодаря ему, я въ своемъ одиночествѣ, все-таки, не совсѣмъ отчужденъ отъ всего міра. Не его вина, конечно, если онъ не могъ сообщить мнѣ ничего радостнаго. А вамъ, мой другъ... вамъ я никогда не въ силахъ буду отплатить за вашу любовь!

— Обо мнѣ не стоитъ говорить! — сказалъ Лилиенъ.

Какъ же не говорить, — возразилъ Гансъ, — когда я ничѣмъ, кромѣ словъ, не могу выразить моей благодарности? Вы объѣздили весь свѣтъ и вотъ цѣлыхъ шесть недѣль живете въ этомъ городишкѣ изъ-за того только, чтобы быть ближе отъ меня, чтобы постоянно знать, что со мною дѣлается. Чѣмъ я могъ

заслужить такое расположеніе?... Это, впрочемъ, неумѣстный вопросъ. Надо Бога благодарить за то, что въ душѣ живо чувство благодарности. Немногимъ оно дано.

Онъ проговорилъ эти послѣднія слова, имѣвшія въ его устахъ глубоко-трагическій смыслъ, съ такою дѣтскою кротостью, что на глазахъ Карло опять выступили слезы. Какой неисчерпаемый запасъ доброты долженъ былъ лежать въ сердцѣ этого чловека, если онъ въ состояніи такъ говорить, такъ думать послѣ всего, что онъ пережилъ. Въ этому мнѣнію о Гансѣ, которое фонъ-Лидіенъ успѣлъ уже составить себѣ прежде, присоединилось теперь новое впечатлѣніе, не испытанное молодымъ чловекомъ при первой его встрѣчѣ съ Гансомъ, — сознание необыкновенной ясности и высоты духа, до которыхъ какъ бы выросъ этотъ простой чловекъ за время тяжелой болѣзни и глубокой скорби. Они отразились даже въ спокойномъ и твердомъ теченіи его рѣчи, несмотря на ея тихій тонъ. До сихъ поръ Карло еще никого не встрѣчалъ, кто бы такъ полно олицетворялъ идеалъ добраго, незлобиваго чловека. На этотъ разъ ему удалось переилитъ волненіе и онъ отвѣтилъ:

— Въ сожалѣнію, вы правы, хотя я, лично, затрудняюсь согласовать это съ безконечною благодатью Всевышняго. Можетъ ли быть что-нибудь ужаснѣе неспособности чувствовать благодарность!

— А, между тѣмъ, въ большей или меньшей степени таково, повидимому, общее правило, — возразилъ Гансъ. — Противуположное оказывается лишь исключеніемъ, вродѣ необыкновенной силы или ума, или способности видѣть дальше и лучше другихъ людей, какою одаренъ былъ я, напримѣръ, прежде чѣмъ ослѣпъ. Равнымъ образомъ, мнѣ представляется не совсѣмъ понятнымъ положеніе, будто благодарность можетъ служить какъ бы вознагражденіемъ. Да и вообще, можно ли когда бы то ни было, при жизни или за гробомъ, ожидать награды за то, что мы кому-нибудь сдѣлали добро; вѣдь, это же не болѣе, какъ удовлетвореніе личной склонности, подобно тому, какъ способность чувствовать благодарность есть чисто врожденная способность.

— Которою Господь въ благодати своей надѣлилъ преимущественно бѣдныхъ и слабыхъ, — замѣтилъ Карло.

— Правда, — согласился Гансъ. — Настоящее значеніе куска хлѣба узнаешь лишь тогда, когда, чуть не умирая отъ голода, найдешь его въ своемъ ягдташѣ. Впрочемъ, не мало есть небла-

годарныхъ и между бѣдняками. Я хорошо знаю ихъ добрыя качества и недостатки; вѣдь, и самъ - то я принадлежу къ числу бѣдняковъ.

— Потому, что раздавали все, что имѣли, — сказалъ Карло.

— Я не въ этомъ смыслѣ говорю, — возразилъ Гансъ. — Нѣтъ. Но можетъ ли человѣкъ не сознавать себя бѣднякомъ, когда онъ, подобно мнѣ, выросъ, почти ничему не учившись и не выучившись, когда онъ не въ состояніи былъ даже чему-нибудь порядочно выучиться по своей крайней неспособности? Поздиѣе, выросшимъ уже, я пытался наверстать потерянное, и ничего изъ этого не вышло. Надъ одною какою-нибудь страницей, которую Густаву стоило только разъ прочесть, чтобы знать наизусть, я сидѣлъ цѣлыми часами, цѣлыми днями и, все-таки, не могъ ничего запомнить. Вотъ тогда-то человѣкъ и жметъ тихохонько къ сторонкѣ, и ищетъ общества людей, которые не поставятъ ему въ вину недостатка его знаній; а еще охотнѣе уходитъ такой человѣкъ въ полное уединеніе. Гансъ-Филиппъ! Правы они были, давши мнѣ это прозвище; не потому только, что я былъ кривымъ! Это уже встаетъ подошло. Всѣ постоянно смотрѣли на мой кривой глазъ, или, быть можетъ, мнѣ это казалось, но это, во всякомъ случаѣ, очень стѣсняло меня и дѣлало еще застѣнчивѣе, еще плоше, чѣмъ я былъ отъ природы. Только въ полѣ, да въ лѣсу некому было смотрѣть на меня; тутъ-то и расплачивались за мое убожество несчастные тетерева, зайцы и олени. Такъ-то я и одичалъ; общепринятая цѣнности потеряли для меня всякое значеніе, и раздавать ихъ мнѣ ровно ничего не стоило, — я и отдавалъ все... отдавалъ моему милому, несчастному брату. Имъ я гордился и безумно поощрялъ его склонность къ расточительности... Отдавалъ доброй моей старушкѣ-бабушкѣ, а она, въ свою очередь, отдавала все мужу, которому, по настоящему, ничего бы не слѣдовало давать. Раздавалъ я всякому, кто попроситъ, раздавалъ даже прежде, чѣмъ успѣвають попросить. Впрочемъ, дни на два и меня обуяла скупость... Теперь самому смѣшно! Вздумалъ было устраивать свою собственную жизнь... дѣло вышло совсѣмъ плохо. Я долженъ былъ предвидѣть это, не будь я настоящимъ глупымъ филиномъ. За то и тяжелые только часы я пережилъ. Вы, мой другъ, провели со мною первые изъ нихъ. За ними слѣдовали еще болѣе ужасные; объ нихъ я вспоминаю, какъ о какомъ-то страшномъ снѣ. Я хотѣлъ себя убить, хотѣлъ убить брата... въ безумномъ сновидѣніи чего не придетъ въ го-

лову! Потомъ я занемогъ, ослѣпъ... Тутъ только я оглянулся на себя и опомнился, и мнѣ вдругъ стало необыкновенно хорошо; несмотря на боли въ глазу, въ головѣ легко и такъ покойно на сердцѣ... Даже о несчастномъ братѣ я вспоминаю съ такимъ чувствомъ, какъ если бы онъ былъ убитъ молніей на моихъ глазахъ. Въ сущности, вѣдь, это такъ и было... Если меня обвиняютъ... я никогда не боялся смерти, напротивъ, слишкомъ часто желалъ умереть... Если же оправдаютъ,—въ чемъ я почти увѣренъ, ну, въ теперешнемъ моемъ положеніи я уже не могу жаться къ сторонкѣ отъ людей, нѣ имѣя возможности уйти отъ нихъ. Это придастъ мнѣ бодрости и самоувѣренности; а это мнѣ нужнѣе, быть можетъ, чѣмъ зрѣніе. Даже въ томъ случаѣ, если я ослѣбну окончательно, все-таки, я могу еще быть полезнымъ: въ своемъ полѣ я знаю каждый вершокъ земли, знаю, что на ней можетъ расти, что не можетъ, къ тому же у меня есть мой вѣрный Штутъ и моя добрая Рикманъ. На нихъ я могу положиться, какъ на самого себя. Конечно, настанутъ долгіе часы полного одиночества; но съ одиночествомъ мы старые знакомые. Такой жизни я бы никому не пожелалъ, само собою разумѣется. ну, а для меня сойдеть и такая. На этотъ счетъ можете быть совершенно спокойны; мой добрый, мой единственный другъ!

Движеніемъ, свойственнымъ слѣпцамъ, онъ протянулъ руку. Карло поспѣшилъ взять ее и горячо пожалъ. Излишняя говорливость Ганса показалась ему вредною для здоровья больнаго друга, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, эта плавная рѣчь звучала такъ пріятно, что у него не хватало духа прервать ее.

— Не могу выразить, съ какою искреннею радостью я васъ слушалъ, — сказалъ фонъ-Лиліенъ, — какъ отрадны мнѣ и это примиреніе, и крѣпость духа, и покорность тому, что Богу угодно было ниспослать вамъ. Но я остаюсь въ твердомъ упованіи, что Онъ не потребуетъ отъ васъ всѣхъ жертвъ, которыя вы готовы принести; я также не теряю надежды, что искусство врачей возвратитъ вамъ зрѣніе. Въ томъ Его святая воля... на нее мы и возложимъ наши упованія; а теперь обратимся къ вашему будущему, какимъ оно представляется въ вашемъ умѣ. Вы не посѣтуете на меня, если я замѣчу одну прискорбную черту въ набросанной вами картинѣ? Вы обо всемъ подумали.... забыли только друзей.

Бользненно-грустная улыбка пробѣжала по губамъ Ганса.

— Я назвалъ васъ моимъ единственнымъ другомъ, — мягко

возразилъ онъ. — Конечно, кромѣ меня, никто не виноватъ въ томъ, что другихъ друзей нѣтъ, и не моя заслуга въ томъ, что я пользуюсь вашею любовью, благодарить за которую не нахожу словъ.

— А князь?—робко спросилъ Карло.

— Онъ слишкомъ большой баринъ, — сказалъ Гансъ. — Къ тому же, между нами велика разница въ годахъ. И, насколько я его знаю, онъ никогда не забудетъ скандала, надѣланнаго въ нашемъ кружкѣ несчастнымъ, легкомыслиемъ Густава, хотя пострадали онъ него одни только графы Грибенъ, да и то по собственной винѣ Аксея. Примѣру князя послѣдуютъ всѣ остальные. Для нихъ я всегда былъ Филиномъ, надъ которымъ втихомолку потѣшались и вынуждены были терпѣть въ торжественныхъ случаяхъ, какъ потомка знатнаго рода. Теперь же, благо есть подходящій поводъ вышвырнуть меня разъ навсегда, они сдѣлаютъ это непременно. Повѣрьте мнѣ!

Желалъ бы Карло возразить ему, но, по врожденной правдивости, вынужденъ былъ молчать. Слепой точно видѣлъ сквозь стѣны больницы и тюрьмы все то, что дѣлается тамъ, наружи, точно слышалъ злыя рѣчи, которыя ведутся о немъ въ высшемъ кругу, гдѣ его прямо называютъ обманщикомъ, сообщникомъ позорной комедіи, разыгранной его братомъ, гдѣ говорятъ, что все было устроено съ его согласія, что, когда нельзя было продолжать обмана и онъ по этому поводу разошелся съ братомъ, то сдѣлался его убійцей, чтобы свалить съ себя вину. Фонъ-Лиліенъ не могъ разубѣдить во всемъ этомъ даже глубоко уважаемаго имъ князя, который хотя и не принималъ участія въ такихъ злостныхъ и неправильныхъ сужденіяхъ, но за то не выходилъ изъ совершенно необычной ему сдержанности, отнюдь не согласовавшейся съ его прежнею открытою симпатіею и уваженіемъ къ Гансу, ни съ его гуманными взглядами и сужденіями о людяхъ вообще. Правъ несчастный слѣпой: нѣтъ у него друзей въ этомъ обществѣ.

Не находя выраженія для тяжелыхъ думъ, волновавшихъ его душу, Карло сидѣлъ молча. Молчалъ и Гансъ. Между тѣмъ, дождь все сильнѣе стучалъ въ окна, отъ быстро наступающихъ сумерокъ все темнѣе становилось въ пустой, мрачной комнатѣ. Съ сосѣдняго рынка смутно доносились крики пьяныхъ или ссорящихся. Не по себѣ становилось Карло. Ему представлялось,

будто грубый міръ силится ворваться сюда и нарушить покой, водворившійся въ душѣ несчастнаго заключеннаго.

— Не припишите моихъ словъ чувству досады, когда я говорю, что у меня нѣтъ друзей, — началъ опять Гансъ. — Я стараюсь только уяснить себѣ мое положеніе, какъ земледѣлецъ при неурожаѣ обсуждаетъ и рассчитываетъ какъ промориться зиму. До такой бѣдности я еще, слава Богу, не дошелъ. У меня остается моя добрая бабушка. Если ея старикъ дѣйствительно умретъ, какъ говорятъ, тогда ей не будетъ надобности скрывать свою любовь ко мнѣ. А затѣмъ есть у меня маленькая Ія. Теперь, когда и мать ее бросила, она по совѣсти и по праву мое дитя. Вотъ мнѣ и есть кого любить и надолго хватить. Когда-нибудь и вы обо мнѣ вспомните, пріѣдете изъ Зундина погостить недѣльки на двѣ. Работать у меня вамъ будетъ такъ же покойно, какъ въ Зундинѣ; а по вечерамъ вы мнѣ станете рассказывать про свои путешествія. Надо вамъ сказать, что я самъ страстный путешественникъ... въ мечтахъ.

Карло не могъ выбрать болѣе удобной минуты для сообщенія своего великаго секрета; веселый тонъ, которымъ были сказаны Гансомъ послѣднія слова, придали ему духа. Съ сильно бьющимся сердцемъ заговорилъ фонъ-Лиліенъ:

— Дорогой мой другъ, чтобы носѣщать васъ, мнѣ уже не придется пріѣзжать изъ Зундина. Я буду жить очень близко отъ васъ. Я... я женюсь на графинѣ Ульрихѣ.

— Что? — спросилъ Гансъ, думая, что ослышался.

Карло испугался.

— Я зналъ, что это удивитъ васъ, но думалъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, и порадуетъ, — проговорилъ онъ въ полголоса.

— И, право, не ошиблись! — воскликнулъ Гансъ, протягивая ему обѣ руки. — Я не знаю, что бы могло меня еще такъ обрадовать. Рассказывайте скорѣе, какъ это такъ счастливо устроилось? Я думалъ, что вы даже незнакомы съ Ульрихой.

— Я познакомился съ графиней около двухъ лѣтъ тому назадъ, — сказалъ Карло, — во время ея поѣздки по Италіи съ леди Клевелендъ, ея теткою. Тамъ я имѣлъ случай показать дамамъ кое-какія достопримѣчательности и, конечно, не воображалъ, что стану когда-нибудь для гордой красавицы чѣмъ-нибудь больше обыкновеннаго знакомаго. Оно такъ бы и было, вѣроятно, если бы графиня и я не сошлись въ общемъ чувствѣ дружбы къ вамъ, въ общихъ заботахъ объ васъ въ теченіе этихъ печальныхъ и

дорогихъ для меня шести недѣль. Мой уважаемый другъ! Я все знаю. У нея слишкомъ возвышенная и открытая душа для того, чтобы скрыть отъ меня главный мотивъ, повліявній на ея рѣшеніе. Я сталъ ей дорогъ именно потому, что люблю васъ. Я же, съ своей стороны, вижу въ ея безнадежной любви къ вамъ, продолжавшейся цѣлые годы, ручательство въ томъ, что она можетъ любить только честное, доброе и что тотъ, кто честно стремится, по мѣрѣ силъ своихъ, быть добрымъ, можетъ быть увѣреннымъ въ ея любви, хотя, правда, пламя страсти не вспыхиваетъ въ человѣкѣ дважды, какъ дважды солнце не восходитъ въ одинъ и тотъ же день. Какъ бы то ни было... Богъ не лишилъ меня способности чувствовать благодарность, и я уже теперь, заранѣе благодарю Его за открывающуюся для меня будущность — объ руку съ супругою, чудное сердце которой я цѣню выше ея красоты. Ея богатство я, бѣднякъ, ничуть не стыжусь принять, такъ какъ лично для меня оно рѣшительно не нужно. А въ довершенію моего счастья, моему лучшему другу предстоитъ назвать своею лучшимъ другомъ моей жены. О, дорогой мой! я, по истинѣ, имѣлъ бы основаніе бояться за свое счастье, если бы не былъ свободенъ отъ античнаго вѣрованія въ возможность зависти со стороны языческихъ боговъ.

Карло такъ увлекся своими восторгамъ, а въ комнатѣ, между тѣмъ, настолько стемнѣло, что онъ только теперь, не получая отвѣта отъ Ганса, всмотрѣлся въ него и со страхомъ замѣтилъ, какъ низко склонилась на грудь голова больного, какъ дрожали сложенные на колѣняхъ его руки.

— Что же это я, однако, дѣлаю! — сказалъ онъ. — Болтаю тутъ безъ конца, а того и не соображу, какъ вы еще слабы и какъ это васъ утомляетъ. Это непростительно. Я сію же минуту ухожу, если только вамъ не нужно, чтобы я въ чемъ-нибудь помогъ вамъ.

— Единственная помощь, какую вы мнѣ можете оказать, — отвѣтилъ Гансъ, поднимая голову, — это спокойно остаться на своемъ мѣстѣ и не прерывать нашей бесѣды. Мнѣ было бы невыносимо остаться непонятымъ вами, и я чувствую, что мнѣ грозитъ такая опасность, если я вамъ не скажу теперь же того, что рано или поздно буду вынужденъ сказать... вамъ и Ульрихъ, и никому на свѣтѣ, кромѣ васъ двоихъ.

Голосъ Ганса звучалъ такою глубокою грустью, что сердце Карло замерло. Его другъ сказалъ: «я надѣюсь быть оправ-

даннымъ», а не сказалъ: «я не виновенъ»... Выходило несогласное противорѣчiе со всѣмъ предъидущимъ разговоромъ и съ душевнымъ настроенiемъ Ганса; но Карло былъ до того пораженъ, что не могъ ясно сообразить этого, и, чуть не дрожа отъ страха, ждалъ дальнѣйшихъ признанiй. Гансъ продолжалъ тѣмъ же печальнымъ тономъ:

— Вы напрасно радовались, мечтая о дружески милыхъ отношенiяхъ, когда мы оба будемъ женаты. Я никогда не женюсь.

— Вы никогда...—Карло занулся.

— Никогда не женюсь,—повторилъ Гансъ.—И вамъ считаю себя обязаннымъ объяснить почему. Отнюдь не потому, чтобы я вообще отчаявался въ жизни... Вы знаете, этого нѣтъ... И не потому, чтобы я не любилъ Герту... Нѣтъ, я люблю ее, только иною любовью, чѣмъ прежде, люблю такъ, какъ любилъ бы ее мертвую... и это опять-таки не потому, чтобы я могъ упрекнуть ее въ чемъ-нибудь. Не можетъ же быть поставлено ей въ упрекъ, что она меня не любитъ и никогда не полюбитъ... Это мое несчастье; съ нимъ я родился, съ нимъ жизнь прожилъ тихо, безъ жалобы, жилъ бы и до сихъ поръ и до самой смерти, если бы Герта, обманутая счастьемъ, не общалась съ отчаянiя то, чего общаться ей не слѣдовало, и если бы я, безумный, не повѣрилъ этому общанiю и тѣмъ не создалъ бы для бѣдной дѣвушки новаго горя, пожалуй, на всю жизнь. Ну, мой другъ, теперь все сказано. Не скоро, очень не скоро соберусь я съ духомъ высказать это самой Гертѣ; прошу васъ, передайте это вашей невѣстѣ, а она пусть скажетъ Гертѣ. У нея, бѣдняжки, и безъ того довольно горя и заботъ. Мнѣ бы очень хотѣлось снять съ ея души хотя эту тяжесть. А чтобы вы, другъ мой, не подумали, что все это результатъ ипохондрическаго настроенiя, созданнаго болѣзнию и одиночествомъ, и чтобы Герта не вздумала изъ ложнаго великодушiя насиловать своихъ чувствъ и приневоливать себя по отношенiю ко мнѣ, то пусть графиня Ульрика скажетъ ей также, что я знаю, какъ Герта сама рѣшилась отказать мнѣ. Въ ту ночь, когда я разстался съ вами въ Прорѣ и бродилъ по дюнамъ, стараясь, по старой привычкѣ, наединѣ съ самимъ собою, подъ чистымъ Божьимъ небомъ, обдумать какъ мнѣ быть и что мнѣ дѣлать, — тутъ я прилегъ въ высокой травѣ. Они прошли мимо меня и я все слышалъ... все до слова! Бѣдняжка она! Онъ говорилъ ей обо мнѣ неправду...

гадную неправду, которой ей не должно было вѣрить. А она, все-таки, повѣрила потому, что его она любила, а меня не любила... и никогда не могла любить. Она хотѣла сказать мнѣ это... пусть не говорить, я знаю...

Глубокой, мягкой голосъ Ганса перешелъ почти въ шепотъ и смолкъ. Опять сидѣлъ несчастный слѣпецъ, низко склонивши голову, опрестивши руки на колѣняхъ. Карло былъ потрясенъ до глубины души. Только теперь узналъ онъ все, что выстрадалъ этотъ человѣкъ, какую вынесъ онъ борьбу съ самимъ собою, прежде чѣмъ въ его истерзанное сердце снизошли святой покой и всепрощеніе.

Но неужели-жь вѣчный удѣлъ добрыхъ и честныхъ терпѣть предательства, насмѣшки и мученія отъ міра, который ихъ не понимаетъ и самъ не сознаетъ того, что дѣлаетъ? Неужели Богъ любви допускаетъ совершаться тому, передъ чѣмъ возмущается его сердце?

— Нѣтъ, это невозможно,—проговорилъ Карло громко.

— Что невозможно, другъ?—спросилъ Гансъ.

— О, Боже мой!—воскликнулъ Карло.—Все, сказанное вами такъ мнѣ невыразимо больно, что мое сердце, мой умъ отказываются принять это за правду. Такъ ли все это? Можетъ ли это быть такъ? Я почти каждый день вижу фрейленъ Герту, былъ свидѣтелемъ того, какъ смерть вашего брата, со всѣми печальными и потрясающими событіями, обычными спутниками подобнаго несчастья, — какъ все это исчезло для нея, было, такъ сказать, поглощено боязливою заботою о васъ. Вѣдь, это было бы невозможно, если бы справедливы были ваши опасенія. Вы, навѣрное, ошиблись, придали отрывочнымъ словамъ такое значеніе, какого они на самомъ дѣлѣ не имѣли. А что, если все это случилось лишь затѣмъ, чтобы открылось ей до того времени замкнутое сердце? Вы менѣе, чѣмъ кто-либо, въ правѣ отвернуться отъ него потому только, что оно такъ поздно открылось!

По лицу Ганса пробѣжала болѣзненная усмѣшка.

— Мнѣ отвернуться отъ Герты!—голосъ Ганса дрогнулъ.—Скорѣе солнце повернетъ на своемъ пути. Такъ неужели же надо быть любимымъ, чтобы любить? Нѣтъ, мой милый Карло, по этой части я больше васъ знаю. Бъ тому же, я убѣжденъ, что рано или поздно Герта пойметъ меня своимъ яснымъ умомъ. Именно такъ, какъ бы я желалъ быть понятъ ею. А полюбить

меня!.. О, нѣтъ! Отъ этого избави Богъ ее, избави Богъ и меня! Прежде... это было бы блаженство!.. А теперь...

Его голосъ оборвался. Гансъ смолкъ и потомъ заговорилъ голосомъ, звучавшимъ непоколебимымъ убѣжденіемъ:

— Теперь было бы наученіемъ, котораго я не былъ бы въ силахъ вынести, да и Герта тоже, хотя она сильнѣе меня. Теперь случилось нѣчто, чего не сгладить никакимъ годамъ, что вѣчно будетъ стоять между мною и ею, какъ бы ни рвались другъ къ другу наши сердца. Развѣ можемъ мы рука съ рукою подойти къ могилѣ, гдѣ лежитъ окровавленный трупъ того, кого она любила со всѣмъ пыломъ первой дѣвичьей любви, кого я любилъ больше себя? Да если бы мы въ пустыню убѣжали... и тамъ намъ чудился бы шумъ дерева, слышавшаго его предсмертный стонъ. Не говорите мнѣ: онъ этого не стоилъ. Стоилъ или нѣтъ, но мы-то его любили лучшими силами нашихъ душъ... и нѣтъ теперь, и быть не можетъ для насъ счастья! Если вы, мой добрый другъ, видите меня такимъ спокойнымъ, безмятежнымъ... такъ это лишь потому, что я отказался отъ счастья, въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Герту я хорошо знаю, и знаю, что въ этомъ мы съ нею сходимся. Мы оба можемъ думать лишь объ одномъ—какъ бы въ будущемъ прожить бодро безъ счастья. И это было бы опять-таки своего рода счастьемъ, даже самымъ высшимъ счастьемъ, отнять которое безсильны и злые люди, и злой случай.

— Вы правы, — сказалъ Карло, — и мнѣ... мнѣ стыдно за свое счастье!

— А вы неправы, — воскликнулъ Гансъ. — Вы счастливы и пользуетесь, и наслаждаетесь своимъ счастьемъ, докажите злымъ и завистникамъ, что добрымъ можно быть и въ счастья. Я хотѣлъ только сказать, что есть на свѣтѣ нѣчто, что учить насъ обходиться безъ счастья. Это, однако, что еще такое?

Подавленный глубокимъ волненіемъ, Карло не замѣтилъ, что глухой шумъ голосовъ, доносившійся съ рынка, становился съ каждою минутою все громче, ближе. Вотъ онъ уже слышится въ переулкѣ... топотъ по мостовой подбитыхъ гвоздями сапогъ... очевидно, большая толпа, дикіе крики... Гдѣ-то поблизости неистовые удары въ дверь и опять крики и возгласы, и опять удары въ дверь. Вслѣдъ за тѣмъ подъ окнами топотъ толпы по направленію къ рынку съ тѣми же дикими криками.

— Что бы это значило?—спросилъ Гансъ еще разъ.

Между тѣмъ, Карло, тщетно старавшійся выглянуть въ переулокъ черезъ доски, которыми была забита нижняя половина окна, вышелъ было въ дверь, но столкнулся съ старымъ тюремщикомъ.

— Что тамъ такое?—спросилъ Карло.

— Точно!—сказалъ старикъ.—За нимъ.

— За кѣмъ?

— За господиномъ барономъ... точно!

— Да кто?

— Кто? Всѣ... а съ ними человекъ сто съ бревнами и оглоблями... точно!

— Безумцы!—воскликнулъ Гансъ и быстро поднялся съ мѣста. — Карло! прошу, дайте мнѣ руку! Этого нельзя допустить. Несчастный народъ! Нельзя допустить, чтобы они гибли изъ-за меня. Гдѣ они теперь?

— У ратуши... точно!—сказалъ старикъ.—Сюда вломиться не могли, двери прочныя... точно! А можно пройти черезъ ратушу... берегись теперь, господинъ бургомистръ... это точно!

— Скорѣе, Карло, скорѣе!—кричалъ Гансъ.—Мартинъ, идите впередъ и показывайте дорогу.

— Жена у меня, дѣтишки...—бормоталъ старикъ.

— И у тѣхъ есть жены, и у нихъ дѣтишки!—вскричалъ Гансъ.—Карло, ради Бога, идемъ скорѣе!

— Въ вашемъ положеніи вамъ нельзя рисковать выходить на дождь и вѣтеръ,—сказалъ Карло.—Вѣдь, это вѣрная смерть! Ну, пусть они придутъ... пусть придутъ сюда! Пусть увидятъ васъ! Наконецъ, дайте имъ увести себя! Правы они, что не хотятъ, чтобы лучший изъ людей сидѣлъ въ тюрьмѣ.

— Карло!

— Да, да, тысячу разъ правъ этотъ честный народъ! Это, по истинѣ, гласъ Божій!

— Карло, это безуміе! Ведите меня или я полетусь одинъ ощупью!

Онъ хотѣлъ вырвать руку изъ руки Карло; тотъ удержалъ его.

— Простите,—прошепталъ онъ.—Я поведу васъ.

Тюремщикъ зашмыгалъ впередъ. Гансъ подъ руку съ Карло слѣдовалъ за нимъ по узкимъ и темнымъ переходамъ до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезъ въ двери, ведущей изъ окружной тюрьмы въ ратушу. Съ крыльца ратуши, выходящаго на рыночную площадь, донесился невообразимый шумъ. Въ сѣняхъ ра-

стерянно бродило два или три чиновника городскаго управления, привлеченные шумомъ и послѣдившіе въ ратушу не то изъ любопытства, не то по долгу службы, а теперь не знавшіе куда дѣваться, куда спрятаться отъ толпы, только что вломившейся въ сѣни. Старый бургомистръ тщетно пытался своею собственною особою загородить главный входъ, напрасно силился именемъ закона уговорить толпу разойтись по домамъ. Его слабого голоса не было даже слышно за воплями разбушевавшейся толпы.

— Бей его! Бей на смерть! Въ голову его! Бей на смерть всѣхъ кровонійцъ!

Вдругъ все смолкло. Въ дверной аркѣ, гдѣ видѣлся лишь маленькій, старый бургомистръ, появилась могучая фигура чловѣка, бывшаго кумиромъ этой толпы, котораго она поглялась выручить изъ тюрьмы. Безъ шапки, съ бѣлою повязкою на лицѣ, освѣщенный послѣдними лучами ненастнаго вечера, подъ дождемъ и вѣтромъ, онъ протянулъ впередъ руки и заговорилъ:

— Друзья мои! Милые мои друзья!

— Ура!—крикнулъ одинъ изъ толпы.—Ура Гансу-Филину!

— Ура! Ура Гансу-Филину!—загремѣли сотни голосовъ.

Но вотъ сквозь шумъ дождя и вой вѣтра раздался опять его голосъ:

— Друзья и сосѣди! Вы хотите мнѣ добро сдѣлать... Отъ всего сердца благодарю васъ за это. Но затѣяли вы, все-таки, плохое дѣло, и я не могу исполнить вашего желанія. Это противно закону.

Въ толпѣ пробѣжалъ громкій ропотъ. Послышались одинокіе крики:

— Чортъ его дерн, этотъ законъ! Хорошъ законъ—честныхъ людей въ тюрьму сажать... а мерзавцы на волю бѣгаютъ!... Законъ живорѣзовъ!...

Голосъ Ганса зазвучалъ громче:

— Что дѣлать, друзья, хорошъ ли законъ, плохъ ли,—онъ, все-таки, законъ, и мы обязаны его уважать, не то на свѣтѣ еще хуже будетъ и никакого порядка не станетъ. Мнѣ законъ не страшенъ. Я не виновенъ въ томъ, въ чемъ меня подозрѣваютъ; рано или поздно это выяснится. А до тѣхъ поръ я долженъ оставаться здѣсь. И такъ, еще разъ крѣпко благодарю васъ, друзья! Теперь же ступайте по домамъ, коли меня любите. Дороги плохи, доберетесь вы до дому только темною ночью. А я, вотъ видите, едва оправился отъ болѣзни; рана на вискѣ все еще не зажи-

ваеть и жестоко болитъ отъ громкаго говора. Оставаясь дальше подъ дождемъ и вѣтромъ, я легко могу поплатиться жизнью. Этого вы, конечно, не хотите. Такъ, вѣдь?

— Нѣтъ, конечно, не хотимъ, — отозвались нѣкоторые. — Поидемъ, ребята!

Въ толпѣ, однако же, послышались крики:

— Онъ боится! Нечего его слушать!... За нимъ пришли, съ нимъ и уйдемъ!...

— Тащи его изъ двери-то! Забирай съ собою!

— Идите съ ними, Бога ради, господинъ баронъ! — умолялъ бургомистръ, подходя къ Гансу. — Не то съ ними до бѣды!...

— Идите въ домъ! — кричалъ Карло. — Вы губите себя!

— Оставьте меня, — сказалъ Гансъ. — Не допущу я, чтобы эти бѣдняки изъ-за меня попали въ смиренный домъ.

Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и заговорилъ такъ громко, что покрылъ своимъ голосомъ дикіе крики толпы:

— Клянусь, доброй волей я съ вами не пойду, а силою вы меня не возьмете иначе, какъ разорвавши въ клочки! Образумьтесь, ребята! Мнѣ толпу никакого не будетъ отъ того, что вы меня уведете; все равно, заберутъ и опять засадятъ... только тогда засадятъ и васъ вмѣстѣ со мною. Подумайте о вашихъ женахъ и дѣтишкахъ! Вѣдь, они станутъ проклинать Ганса-Филина! О себѣ самихъ подумайте! И безъ того не красна ваша жизнь!

— Правда, правда! — слышалось изъ толпы.

— Я вотъ сегодня тридцать мѣшковъ хлѣба на себѣ отволокъ на третій этажъ! — крикнулъ кто-то.

— И тебѣ это легче, чѣмъ мнѣ сосчитать до тридцати, — отозвался Гансъ. — Дѣти! Я попытаю, хватитъ ли еще у меня настолько силы... А кто останется на площади до конца, на того пусть и падетъ моя кровь. Разъ... два... три...

Толпа продолжала шумѣть; иные грубо расхохотались, другіе стали выкрикивать вслѣдъ за Гансомъ: пять... шесть...

Но шумъ и смѣхъ, и шутки мало-по-малу стихли. Толпѣ, очевидно, не по себѣ становилось.

— Идемъ, ребята! Ну, чего тамъ!... Съ Богомъ, уйдемъ!... — проносился уже негромкій ропотъ.

— Расходятся! — сказалъ Карло. — Всего человѣка два осталось. Гансъ, умоляю, перестаньте!... Ни души нѣтъ!... Уйдите, Гансъ!

Гансъ продолжалъ считать.

Карло себя не помнилъ отъ страха. Онъ видѣлъ, какъ Гансъ пошатнулся, слышалъ, какъ онъ задыхается. Увести больного силою молодой человѣкъ не рѣшался.

— О, самъ Богъ посылаетъ васъ!—воскликнулъ Карло, увидавши дамъ, выходящихъ изъ кареты, подъѣхавшей къ радушъ.—Фрейленъ Герта... Ульрика... скорѣе... Вѣдь, это же неминуемая смерть!

— Гансъ!...

Онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ звука дорогаго голоса, отъ прикосновенія ея руки.

— Гансъ! Милый мой! Ты невиновенъ... ты свободенъ!

Герта припала къ его груди. Собравши послѣднія силы, онъ сталъ ее въ своихъ объятіяхъ и опрокинулся навзничъ на руки Карло. Тотъ не выдержалъ тяжести и опустилъ полубезчувственнаго друга на плиты помоста.

— Пусти-ка меня!—крикнулъ фонъ-Боленъ, подоспѣвшій съ докторомъ Бертрамомъ.

Онъ поднялъ Ганса, съ помощію Карло внесъ его въ сѣни и уложилъ на скамью. Докторъ затворилъ двери, подошелъ къ больному, взялъ пульсъ, приложилъ ухо къ груди.

— Что? Конецъ?—прошепталъ умирающій.

— Да,—тихо отвѣтилъ докторъ.

— Прошу... фонъ-Болена!

Докторъ выпрямился и знакомъ подозвалъ судью.

— Тѣмъ людямъ ничего не будетъ?

— Ничего. Нѣтъ жалобы—и суда нѣтъ. Я позабочусь объ этомъ. Даю слово!

— Благодарю... Правда, я свободенъ?...

— Пребровъ все рассказалъ, какъ было... Это разбойникъ грекъ... Вы не виновны и ваша невинность доказана...

— Благодарю васъ... за все! Карло, Ульрика... здѣсь вы? Благослови васъ Богъ!... Герта!

Всѣ отступили прочь. Герта опустилась около него на колѣни.

— Гансъ! милый мой... я люблю тебя...

— Милое дитя! Теперь я знаю, что ты меня любишь. Не суждено было... слишкомъ много счастья для бѣднаго Филина. Перенеси это съ покорностью, какъ я переносилъ... Поцѣлуй въ

последній разъ. Положи мою голову къ себѣ на грудь... покойно такъ мнѣ... сладко...

Съ громкимъ крикомъ охватила Герта покойника. Ульрига опустилась на колѣни рядомъ съ нею, обняла ее, шепча слова утѣшенія, которымъ сама не вѣрила. Остальные присутствующіе не смѣли шевельнуться, точно замерли. Въ эту минуту наверху, надъ ихъ головами раздались мѣрные, отчетливые удары башенныхъ часовъ... и ихъ металлическій голосъ отдавался въ сердцахъ, точно загробное «прости» только что смолкшаго, безконечно добраго человѣка...

«Будьте добры! Людями будьте!»—слышалось изъ вѣчности въ этихъ мѣрныхъ, торжественныхъ звукахъ.

Р.

СЕМЕЙСТВО КАРДИНАЛЬ

Людовика Галеви.

(Съ французскаго.)

Рядъ разсказовъ талантливаго писателя, соединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ «Семейство Кардиналь», представляетъ замѣчательно вѣрную картину парижскихъ буржуазныхъ нравовъ, — картину далеко не привлекательную, но набросанную мастерскою рукою художника; близко знакомаго съ описанною средою. Въ его очеркахъ, какъ живые, проходятъ передъ нами *madame Cardinal*, *monsieur Cardinal*, ихъ милыя дочки, друзья, знакомые, маркизы, сенаторы, *ouvreuses* оперныхъ ложъ, все это на ярко очерченномъ фонѣ современнаго общества 1870 — 1883 годовъ. Главныя лица повѣствованія, супруги Кардиналь, — а съ ними и вся буржуазія, созданная имперіей, — были бы омерзительны и невозможны, какъ литературные типы, если бы симпатичный талантъ г. Галеви не представилъ ихъ въ высоко-комическомъ видѣ, если бы тонкимъ юморомъ и остроумнымъ смѣхомъ не прикрылъ язвъ, разъѣдающихъ Францію, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы не показалъ въ глубинѣ души своихъ героинь и героевъ прекрасныхъ качествъ, исковерканныхъ и направленныхъ на трагикомическое негодяйство цѣлымъ рядомъ прискорбныхъ историческихъ событій, сбившихъ съ пути его соотечественниковъ. «Казаться! Во что бы ни стало, казаться!» — вотъ девизъ и задача огромнаго большинства французовъ. Ихъ сокрушаютъ *les arripences*. Ради того, чтобы *казаться*, французъ готовъ на все на свѣтѣ, на трудъ, на подвигъ, на геройство, но лишь съ тѣмъ, чтобы казаться, а не быть добродѣтельнымъ, подвижникомъ или героемъ; французъ-буржуа готовъ на всякую гадость и мерзость, но подъ не-

премѣннымъ условіемъ, чтобы были спасены *les apparences*. Мы говоримъ, конечно, не о всѣхъ французахъ, даже не о большинствѣ націи. Но дѣло въ томъ, что большинство не видно, а выдаются лишь тѣ, кому хочется *казаться*; вотъ почему и вся нація, при своихъ превосходныхъ качествахъ, *кажется* много хуже и испорченнѣе, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Въ разсказахъ г. Галеви проходятъ не только почти типическія фигуры мелкихъ буржуа, но затрогивается слегка и исторія Франціи послѣднихъ тринадцати лѣтъ, изображено, какъ очень крупныя историческія событія, потрясавшія эту страну, отражались въ умѣ и сердцѣ такихъ ея сыновъ и дочерей, каковы супруги Кардиналь и имъ подобныя, имѣвшіе несомнѣнную долю вліянія и на самый ходъ этихъ событій. Въ легкой, чрезвычайно остроумной формѣ, не имѣющей въ себѣ ничего рѣзкаго и грубаго, рядъ этихъ разсказовъ составляетъ очень мѣткую сатиру на современное французское общество.

I.

Мадамъ Кардиналь.

Вечеромъ 6 мая 1870 года толстая, небрежно одѣтая дама, въ старой клѣтчатоѣ накидкѣ на плечахъ, съ серебряными очками на носу, неподвижно стояла за кулисами оперы, облокотившись о подставку для лампы, и смотрѣла на сцену восторженными, умиленными глазами. Давали «Фауста» Гуно. Дѣвѣнцы кордебалета танцевали вальсъ вокругъ Маргариты, а дамы хора, выстроенныя вдоль декораціи, съ видомъ неизмѣримой скуки и покорности своей участи, распѣвали:

Que la valse nous entraîne!

Faisons retentir la plaine

Du bruit de nos chansons!

Valsons!

Je respire à peine!

Ah! quel plaisir! etc. etc.

И подошелъ къ толстой дамѣ, слегка хлопнувъ ее по плечу и сказалъ:

— Здравствуйте, мадамъ Кардиналь! Какъ поживаете?

— Такъ себѣ, не дурно, благодарю васъ.

— А ваши дочки?

— И дѣвочки ничего.

— Онѣ танцуютъ сегодня?

— Полина танцуетъ, Виржини нѣтъ. Видите, вонъ Полина, въ полосатомъ платьѣ, голубое съ бѣлымъ.

— Знаете, прехорошенькой становится ваша Полина.

— Да, ни дать, ни взять, какъ Виржини, — до тринадцати лѣтъ какая была дурнушка и вдругъ выровнялась.

— Еще какъ выровнялась-то! Лучше всѣхъ теперь въ балетѣ.

— О, нѣтъ! Не лучше всѣхъ. Во мнѣ нѣтъ этого материнскаго ослѣвленія. Мари Ферно лучше Виржини.

— А скажите, который годъ Полинѣ?

— Скоро пятнадцать.

— Пятнадцать! Время-то какъ летитъ! Точно вчера видѣла ее вотъ такую между мелюзгою въ «Вильгельмъ Телъ», на мосту надъ потокомъ во время балета.

— Да, пятнадцать. Она въ первой кадрили; послѣ экзамена, навѣрное, переведутъ въ корифеи... Не дальше какъ третьяго дня директоръ, проходя мимо, потрепалъ ее за подбородокъ; а вы знаете, директоръ не всякую потреплетъ за подбородокъ.

— А? Пятнадцать лѣтъ! Каково это?... Ну, и, надѣюсь, еще ничего... А? мадамъ Кардиналь, ничего?

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!... Не подумайте, чтобы не было предложеній. Напротивъ, отбою нѣтъ... Въ особенности господинъ N..., — изъ дома не выходитъ. Но дѣвочка терпѣть его не можетъ; ну, знаете, приневоливать какъ-то духа не хватаетъ, къ тому же это совсѣмъ не дѣло матери.

— У васъ прекрасное сердце.

— О! что касается сердца!... Да скажите сами, къ чему спѣшить? Къ будущему году дѣвочка еще похорошѣетъ.

— А Виржини? Все еще мосье Поль?

— Мосье Поль! Развѣ вы не знаете? Да гдѣ же вы были?

— Только что вернулся изъ Россіи; я три мѣсяца пробылъ въ Петербургѣ.

— Ахъ, да, то-то мы и не имѣли удовольствія васъ видѣть... Я даже надняхъ говорила объ этомъ съ мосье Кардиналь... Да, въ эти три мѣсяца много воды утекло. Съ мосье Полею покончено!

— Покончено? Что же такое случилось?

— О, Боже мой! Такъ, пустяки сущіе.

— Расскажите...

— Съ удовольствіемъ... Только актъ конченъ... Мы тутъ будетъ мѣшать перемѣнѣ декораций; отойдемте вонъ туда, въ уголокъ налѣво.

Я послѣдовалъ за мадамъ Кардиналь, и вотъ что она рассказала мнѣ въ уголокѣ налѣво:

— Мосье Поль, вы, вѣдь, знаете, былъ всегда неносѣда: то ему туда надо, то сюда... Вотъ въ началѣ февраля онъ и говоритъ вдругъ: «Мнѣ нужно съѣздить къ себѣ въ деревню, по-смотреть работы...» Въ этотъ самый день, — бывають же въ жизни такія роковыя случайности! — является къ намъ одинъ молодой человекъ, не бывавшій Богъ знаетъ сколько времени. Вы, навѣрное, знаете... Брошаръ, актеръ изъ Портъ-Сенъ-Мартенъ... Нѣтъ, не знаете? Нисколько меня не удивляетъ; онъ изъ мелкихъ, но малый видный, способный... Рано или поздно пробѣется, я въ этомъ увѣрена. Такъ вотъ приходитъ онъ и говоритъ: «Не хотите ли сегодня къ намъ, въ Портъ-Сенъ-Мартенъ? Я играю одного изъ вельможъ въ «Луcreціи Борджіа». Принесъ четыре мѣста. Оперы въ этотъ день не было, репетиціи тоже; мы согласились, пошли. Роль Брошара была не изъ крупныхъ; но, несмотря на это, онъ, все-таки, былъ замѣтенъ, — и голосъ. и костюмъ, ну и самъ-то молодець... Я все восхищалась имъ: «Экій красавецъ! Вотъ молодець-то!» Виржини молчитъ. А мнѣ и не въ домекъ, просто ослѣпла, точно одурѣла въ этотъ вечеръ... Какъ на грѣхъ! А, кажется, въ чемъ другомъ, а ужъ въ наивности меня нельзя заподозрить.

На другой день сидимъ мы вдвоемъ съ Виржини; она строчитъ балетные башмаки. Вдругъ звонокъ. Оттираю — Брошаръ. Входитъ онъ и говоритъ:

— Довольны вчерашнимъ вечеромъ?

— Еще бы не довольны.

Сидимъ, разговариваемъ. Минуть черезъ десять мнѣ нужно ийти, рыбы купить, — мы ждали гостей къ обѣду. Возвращаюсь я, Виржини сидитъ красная, Брошаръ тоже. Я уже это послѣ сообразила. На другой день приѣзжаетъ мосье Поль изъ деревни, сидитъ у насъ. Какъ разъ въ это время приносятъ письмо Виржини. Я, съ дуру, и захожу съ письмомъ. Мосье Поль сидитъ на креслѣ, Виржини стоитъ у камина. Я и говорю:

— Тебѣ письмо, Виржини. Рука незнакома.

Я думала, какое-нибудь объясненіе въ любви. Мосье Поль

очень любилъ читать такія объясненія; показывать можно было, такъ какъ въ это время у насъ рѣшено было всѣхъ спроваживать, кромѣ мосье Поля. Виржини распечатала, да вдругъ какъ вскрикнетъ:

— Ахъ, это отъ него!

Что тутъ подѣлаешь? Молода... невзначай это сорвалось у нея. Мосье Поль всталъ, а она хлопъ — дурно... Письмо упало на полъ, онъ такъ и бросился на него. Я не виню его, насколько не виню; на его мѣстѣ я бы сдѣлала тоже. Прочелъ онъ такъ, однимъ взглядомъ. Потомъ смотрю, преспокойно беретъ со стола перчатки и шляпу. Я хлопочу около Виржини, — безъ чувствъ лежитъ въ креслѣ, похолодѣла, — а сама и говорю мосье Полю:

— Что тамъ такое случилось?

— Вотъ, говорить, что, — подаетъ мнѣ письмо и уходитъ.

Надо правду сказать, въ тотъ же вечеръ онъ прислалъ Виржини десять тысячъ франковъ. Что-жь, этого отъ него не отнимешь: мосье Поль поступилъ какъ человѣкъ порядочный. Мнѣ, конечно, не до письма было; я хлопотала все около Виржини. Наконецъ, она открыла глаза.

— Ахъ, — говорить, — шатап, шатап!

— Что такое?

— Ахъ, шатап, письмо...

— Ну, что письмо?

— Отъ Крошара, шатап.

— Что же такое, что отъ Крошара?

— Ахъ, шатап если бы ты знала, тогда-то...

— Что такое? Когда?

— Пока ты ходила за рыбой...

— Ну, что, когда я ходила за рыбой? Что? Что? Что?

— Ну, шатап, да... Что съ этимъ подѣлаешь? Я точно съ ума сошла...

И вдругъ, хлопъ, — опять въ обморокъ. Только я и говорю:

— Ну, довольно, брось; это несчастіе, конечно, но здоровье дороже всего. Какъ это ты такую глупость сдѣлала? Что тебѣ пишеть этотъ актеришка?

Ахъ, дорогой мой, онъ настрочилъ тамъ такихъ вещей, такихъ вещей... словомъ, ясно было, что Виржини бѣгаетъ за нимъ послѣ той глупой исторіи. Онъ извиняется, что не былъ еще, днемъ, вишь, у него репетиція, вечеромъ спектакль, называется

ее и голубкою, и обожаемымъ ангеломъ... на ты!... кончаетъ тѣмъ, что будетъ дома завтра въ четыре часа. А? какова гадость? Не доставало, чтобы Виржини стала изъ-за него себя беспокоить... Какъ это вамъ покажется?

Подаю я ей письмо и говорю:

— Почитай хорошенько, онъ насмѣхается надъ тобою, и по дѣломъ. А мосье Поля-то нѣтъ.

— Ахъ, что мнѣ за дѣло до мосье Поля!

— Опять глупо! Встань, пройдишь по комнаѣ, на тебѣ лица нѣтъ... Слѣдовало бы тебѣ колотушекъ надавать, трепку хорошую, да догадалась ты во время упасть въ обморокъ. Еще разъ повторяю, здоровье дороже всего. Ну, оправилась?... Сію минуту садись и пиши мосье Полю, проси прощеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что!

Такъ и не написала. За то на другой день такъ и порывалась убѣжать къ своему Брошару. Только уже мосье Кардиналь и я были насторожѣ... Она вздумала было артачиться и добилась обѣщанной наканунѣ трепки; а Брошаръ получилъ въ четыре часа въ видѣ утѣшенія письмо мосье Кардиналя, отлично написанное письмо. Слово въ слово я его не упомяну, знаю только, что оно начиналось словами: «Monsieur! Разгнѣванный отецъ считаетъ своимъ долгомъ отвѣтить на ваше почтеннѣйшее письмо отъ такого-то числа...» и т. д., и т. д.

Брошаръ присмирѣлъ, и Виржини, казалось, выгинула его изъ головы; а отъ мосье Поля ни слуха, ни вѣсточки, кромѣ десяти тысячъ франковъ. Вы скажете, хорошо еще и это... Конечно, конечно. Но отъ времени до времени я, все-таки, говорила Виржини, чтобы она написала. Она всякій разъ отвѣчала:

— Да, въ такомъ случаѣ надо отослать назадъ десять тысячъ франковъ.

— Я не настаивала, хотѣла было сама сѣсть и написать мосье Полю, посовѣтовалась съ мосье Кардиналемъ. А онъ и говоритъ:

— Многое можно сказать и за, и противъ этого. Но, обсудивши здраво, не дѣло матери мѣшаться въ эти исторіи... Нѣтъ, нѣтъ... Я напишу ему самъ. Ты не бойся, имени Виржини не будетъ произнесено; это будетъ письмо порядочнаго человѣка къ порядочному человѣку; я выскажу мосье Полю мое глубокое сожалѣніе о томъ, что, вслѣдствіе событія, отъ моей воли независѣвшаго, наши добрыя отношенія нарушились и т. д., и т. д.

И онъ написалъ... Отвѣта не было... Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ. Пусто какъ-то казалось въ домѣ; знаете, привычка, что, все-таки, кто-нибудь есть. Въ особенности скучалъ мосье Кардиналь, съ утра до вечера твердилъ: «Вотъ тоска-то! Все одни, да одни!» По вечерамъ сталъ даже уходить въ кофейную, вмѣсто того, чтобы сидѣть съ нами, какъ бывало при мосье Поль.

Въ оперѣ про Крошара ничего не узналось; но всѣ видѣли, что съ мосье Полемъ все покончено. Ну, само собою разумѣется, сейчасъ разные тамъ господа начали увиваться вокругъ Виржини... Что толковать, вы сами знаете! Всѣхъ больше ухаживалъ маркизь Кавальканти. Знаете его?... Онъ мнѣ часто говорилъ про васъ, всегда отлично отзывался.

Виржини—ни туда, ни сюда, ни маркизу, ни другимъ нѣтъ отвѣта; а сама все тоскуетъ, похудѣла, поблѣднѣла, поутру во время класса не можетъ полминутки на носкахъ простоять... А, вѣдь, вы знаете, каковъ у нея былъ носокъ; всю жизнь, кажется, выстояла бы. Я и говорю ей:

— Нельзя такъ падать духомъ, дитя мое, надо опять устроиться.

— О, шатап! Они всѣ такіе противные, всѣ, всѣ до одного!

Только разъ получаетъ она письмо отъ маркиза и показываетъ мнѣ: «Прочти, говорить, мама». Просто, скажу вамъ, восторгъ что такое! Даже слишкомъ хорошо! Сейчасъ сами увидите.

Я говорю Виржини:

— Вотъ это человѣкъ, умѣетъ жить! Тебѣ-то онъ нравится?

— Ахъ,—говорить,—шатап, да развѣ такой можетъ нравиться? Только, сказать правду, онъ ли, другой ли—мнѣ все равно. И видишь ли, такъ какъ надо же кого-нибудь, такъ по мнѣ уже лучше такого, котораго нельзя любить. А то съ тѣми одно мученье.

Да вдругъ какъ расплачется, откуда только слезы берутся, точно изъ пожарной трубы... Каково вамъ покажется? Это она все еще о Крошарѣ!.. Я и говорю:

— Ну, перестань, говорю, мой ангелочекъ! Не къ спѣху дѣло... Не будемъ говорить о маркизѣ. О немъ и завтра успѣемъ.

— Нѣтъ, говорить, шатап, лучше сразу покончимъ... Онъ уродъ, онъ смѣшонъ... я увѣрена, что не полюблю его. Бромъ него никого не хочу!

Сию же минуту написала ему и даетъ мнѣ письмо отправить къ маркизу. Признаюсь, я была въ порядочномъ затрудненіи, какъ поступить. Въ важныхъ случаяхъ я всегда спрашиваю совѣта у мосье Кардиналь. Онъ и говоритъ мнѣ:

— Виржини неприлично писать къ незнакомому мужчинѣ... Это совсѣмъ не идетъ. Я самъ напишу ему!

Сѣлъ самъ писать. Только пишетъ, пишетъ и остановится.

— Да, — говоритъ, — мадамъ Кардиналь, не легко сочинить такое посланіе, но я, все-таки, сочину. — И сочинилъ, прекрасно написалъ. Знаете, у мосье Кардиналь громадный тактъ въ щекотливыхъ дѣлахъ. Онъ никогда ни словомъ не обмолвится про Виржини; я уже говорила вамъ, онъ въ такихъ случаяхъ ведетъ дѣло какъ слѣдуетъ мужчинѣ съ женщиною...

На другой день является маркизь. На первый разъ всегда какъ-то не знаешь съ чего начать. Но маркизь человекъ очень порядочный и ловкій; онъ очень скоро, незамѣтнымъ манеромъ приступилъ къ дѣлу.

— Такъ какъ же, — говоритъ, — мы устроимся? — Я отвѣчаю:

— Вы бы, господинъ маркизь, какъ располагали?

Тутъ онъ и высказалъ свои предположенія... Безобразіе, настоящій ужасъ! Представьте, онъ хотѣлъ выплачивать намъ маленькій пенсіонъ, это мосье Кардиналю-то и мнѣ, а Виржини, чтобы жила съ нимъ, въ его отелѣ на бульварѣ королевы Гортензін. Вотъ, скажу вамъ, когда надо бы видѣть мосье Кардиналя! Онъ былъ великолѣпнень, показалъ, что значитъ истинное достоинство отца семейства!

— Господинъ маркизь, — сказалъ онъ, — разъ навсегда примите къ свѣдѣнію, что насъ ничто не разлучитъ съ Виржини, или, вѣрнѣе, мы, мадамъ Кардиналь и я, лучше согласимся весь остатокъ нашей жизни довольствоваться супомъ и кускомъ говядины, даже безъ соли, чѣмъ отпустить куда бы ни было дочь безъ себя... Во-первыхъ, чего желаетъ сама Виржини? Жить и не разставаться съ родителями. Она порядочная дѣвушка и не мечтаетъ о великолѣпіяхъ...

И пошелъ, и пошелъ, Богъ знаетъ, когда бы кончилъ, если бы Виржини не перебила его и не сказала:

— Папа совершенно правъ, мы привыкли жить вмѣстѣ и не желаемъ разставаться.

— Какъ вамъ угодно будетъ, мадемуазель... Я готовъ исполнить всѣ ваши желанія, такъ какъ моя любовь...

Этого мосье Бардиналь уже не могъ вынести. Онъ всталъ блѣдный отъ гнѣва.

— О подобныхъ вещахъ, господинъ маркизъ, ни слова въ моемъ присутствіи. Такія вещи до меня не касаются!

— Надо же мнѣ, однако, объясниться съ вашею дочерью, — отвѣтилъ маркизъ.

— Я не понимаю, о какихъ объясненіяхъ вы говорите; я не долженъ понимать, что такое вы подъ этимъ разумѣете! Бъ тому же, у меня назначено дѣловое свиданіе въ четыре часа, и меня ждутъ. Я ухожу и надѣюсь, что могу сказать вамъ до свиданія, а не прощайте.

— Мое искреннее желаніе, чтобы это такъ было, — мосье Бардиналь.

— И такъ, до свиданья, господинъ маркизъ.

Мосье Бардиналь ушелъ, какъ вы видите, ни на мгновенье не уронивши своего достоинства.

Только что онъ вышелъ, мы, т.-е. я съ маркизомъ, сошлись въ два слова. А Виржини во все время хоть бы словечко вымолвила, хоть бы глазкомъ моргнула, точно будто ей и дѣла нѣтъ до нашего разговора. Правда, въ ней собственно пока и надобности не было. Вотъ мы и порѣшили, я и маркизъ, нанять такую квартиру, чтобы можно было всѣмъ помѣститься. Маркизъ предложилъ было намъ всѣмъ перебраться въ его домъ; но я отвѣтила, что мосье Бардиналь ни за что не согласится, да тутъ же, къ слову, обстоятельно выяснила ему характеръ мосье Бардиналя, растолковала ему, насколько этотъ человѣкъ дорожитъ честью, добрымъ именемъ и уваженіемъ общества, насколько необходимо во что бы то ни стало устроить все такъ, чтобы соблюдены были всѣ приличія, что для этого нужно имѣть два подъѣзда и двѣ лѣстницы во избѣжаніе какихъ бы то ни было непріятныхъ встрѣчъ въ неуказанные часы.

Маркизъ все это отлично понялъ, на другой же день пустился искать квартиру и къ полудню разыскалъ и нанялъ. Въ ней мы и живемъ теперь... это въ улицѣ Пигаль. Мосье Бардиналь любить старые кварталы. Прекрасная квартира! Заходите какъ-нибудь. Въ серединѣ гостинная, столовая, направо наши комнаты, мосье Бардиналя, моя и Полинина, налѣво помѣщеніе Виржини и маркиза. Два входа, двѣ лѣстницы. Маркизъ очень настаивалъ, чтобы мы взяли отдѣленіе съ парадною лѣстницею. Но мосье Бардиналь отказался съ своимъ обычнымъ тактомъ. Вы знаете,

сколько тафта у этого челоѣка. Мы взяли себѣ черную лѣстницу.

Какъ видите, устроилось все превосходно и, все-таки, дорогой мой, намъ живется не такъ хорошо, какъ кажется. Бываютъ минуты, когда я искренно жалѣю о мосье Поля... Хорошъ онъ былъ со мною, любилъ меня! Возилъ въ театръ и въ такихъ случаяхъ бралъ всегда кресло для мосье Кардиналя... Понимаете, вѣдь, тотъ ни за что въ мѣръ не согласился бы показаться въ одной ложѣ съ... Теперь все пошло иначе. Маркизь всячески старается удалить отъ меня Ирвинни... Мало этого, маркизь рѣшительно ни въ чемъ не сходится съ мосье Кардиналемъ: ни во взглядахъ на литературу, ни въ политикѣ, ни въ религіозныхъ вопросахъ... ни въ чемъ; а это вызываетъ постоянные споры, непріятности. У Кавальканти на карточкахъ напечатано: камергеръ двора... ну, какого-то тамъ изъ оставшихся за штатомъ послѣ Сольферино; онъ противникъ прогресса, стоитъ за дворянство, за духовенство... Можете себѣ представить, до чего у нихъ доходить съ мосье Кардиналемъ. Не дальше, какъ въ страстную пятницу, недѣли двѣ тому назадъ, цѣлая драма разыгралась, настоящая драма! Надо вамъ сказать, что еще наканунѣ, въ великій четвергъ, мосье Кардиналь, чтобы подразнить маркиза, говоритъ мнѣ:

— Мадамъ Кардиналь, угостите насъ завтра хорошенькой жареной бараниной!

А маркизь очень просто замѣчаетъ:

— Вы знаете, мадамъ Кардиналь, что я ѣмъ постное.

— А вотъ я такъ буду ѣсть жареную баранину въ великую пятницу,—возразилъ мосье Кардиналь.

Маркизь промолчалъ; тѣмъ пока дѣло и кончилось. Только мосье Кардиналь внутренно изъ себя выходилъ, все искалъ случая придраться. Вотъ на другой день подается два обѣда, одинъ скромный, другой постный. Безъ скандала обойтись не могло. Къ довершенію дѣла, только что сѣли за столъ, Альфонсъ приноситъ газеты... Альфонсъ слуга... нашъ лакей... У насъ теперь лакей служить! Маркизь получаетъ *la gazette de France*, мосье Кардиналь—*la Marseillaise*. Альфонсъ ошибкою *gazette de France* подалъ мосье Кардиналю, а *Marseillaise* маркизу...

— Господинъ маркизь, — сказалъ тогда мосье Кардиналь, извольте вашу мерзкую газету!

— Извольте вашу прекрасную газету, мосье Кардиналь, — отвѣтил маркизь и улыбнулся.

Прекрасную! Понимаете, вѣдь, это была иронія... Мосье Кардиналь не терпитъ ироніи. Это, говорить, орудіе итальянцевъ и они имъ владѣютъ такимъ особеннымъ манеромъ.

Обиѣялись они газетами и молчать. Потомъ разговоръ опять завязался и сама уже я не знаю какъ сошелъ на Ватиканскій соборъ. Мосье Кардиналь такъ и вспыхнулъ, точно трутъ, и началъ... что интриги іезуитовъ отвратительны, что Римъ принадлежитъ итальянцамъ, а Франціи нѣтъ до него никакого дѣла, что папу долой, іезуитовъ вонъ, и да здравствуетъ итальянское единство, цѣлую рѣчь сказалъ и закончилъ словами:

— Все ваше духовенство—каналы!

Маркизь преспокойно ѣсть свою треску и молчить... Каково это? Молчить... Вѣдь, это же опять иронія, это молчаніе!.. Тогда я, уже какъ супруга, сочла своею обязанностью поддержать мосье Кардиналя и вскричала:

— Извольте отвѣчать мосье Кардиналю какъ слѣдуетъ, а не дѣлать такихъ штукъ. Чего молчите? Это все одна иронія!

Тутъ вышелъ изъ терпѣнія и маркизь, всталъ и говорить:

— Мосье Кардиналь, я прошу васъ такихъ вещей не говорить, особенно въ такіе дни.

— Ничто не помѣшаетъ мнѣ высказывать мои мнѣнія, — отвѣтил мосье Кардиналь. — Я сказалъ каналы и стою на этомъ.

— Мосье Кардиналь, я католикъ и не позволю вамъ трогать мою религію; въ нашимъ семействѣ два епископа... Не позволю. Понимаете вы?...

Это меня окончательно взорвало.

— Какъ вы смѣете говорить: не позволю... говорить мосье Кардиналю, когда вы въ его домъ, у его семейнаго очага, за его столомъ?... Это уже слишкомъ! И чего вы носитесь съ вашею религіей? Прежде чѣмъ толковать о религіи, слѣдовало бы подумать о нравственности.

— О нравственности! Что вы этимъ хотите сказать, мадамъ Кардиналь?

— То, что я хочу сказать, очень просто. Нечего тутъ носиться съ религіозными чувствами человѣку, который бросилъ жену и троихъ дѣтей въ Италиі, а самъ живетъ въ Парижѣ съ танцовщицею! Нѣтъ, мнѣ просто гадко становится!

— Мадамъ Кардиналь, вы затрогиваете такія вещи, которыхъ

нельзя трогать. Да, я женатъ, но сто разъ говорилъ вамъ, что маркиза первая подала мнѣ поводъ... Не будь этого, и меня бы здѣсь не было.

— Ахъ, какъ это вѣжливо! Слышишь, Виржини? Онъ говоритъ, что его бы здѣсь не было, если бы маркиза не подала повода... Онъ тебя оскорбляетъ!

— Не дочь, а васъ, сумасшедшая вы старуха!...

— Не смѣйте вы называть мою жену сумасшедшею старухою!—вступился мосье Бардиналь.

— Ну, такъ старая вѣдьма, если вамъ это больше нравится.

— Какъ!... Я старая вѣдьма?... Это за то, что дочь ему отдала?

— Дочь! Да она полюбила меня!

— Виржини полюбила! Моя дочь полюбила такого-то... Да съ чего же вы это взяли? Даже наканунѣ дня, когда все рѣшено было, Виржини спрашивала моего совѣта; она никогда ничего не дѣлала, не спросившись меня, никогда, за исключеніемъ вотъ только Крошара... И я же ей сказала: «нечего тутъ раздумывать, хотя онъ и итальянскій маркизъ, а, все-таки, маркизъ». А Виржини мнѣ отвѣтила: «Не въ этомъ дѣло, маман. Если я рѣшусь, то лишь потому, что увѣрена, что никогда не полюблю его, и если онъ разойдется со мною когда-нибудь, то я не только не стану тужить, а даже очень довольна буду».

— Ты сказала это, Виржини?—вскричалъ маркизъ.

— Не совѣмъ такъ. Маман нѣсколько переиначиваетъ.

— Ничего я не переиначиваю, клянусь Богомъ, который меня слышитъ.

— Не богохульствуйте, мадамъ Бардиналь,—вскричалъ маркизъ.

— Хочу богохульствовать и буду, старая вы итальянская крыса.

Маркизъ въ правду окрысился и назвалъ меня гадиной. Мосье Бардиналь вскочилъ, хотѣлъ графиномъ пустить маркизу въ голову; Полина убѣжала вся въ слезахъ, Виржини чуть жива отъ страха, кричить:

— Папа! Маман! Эдуардъ!

Это его, маркиза звали Эдуардомъ. Потомъ она расплакалась и говорить:

— Ахъ! Я вижу, намъ придется разстаться!

Настоящій скандалъ вышелъ, скажу вамъ. На счастье пришла мадамъ Берсонъ, портниха, въ одномъ домѣ съ нами живетъ, пришла играть въ лото. Маркизь сейчасъ же ушелъ. Мы стараемся быть какъ можно любезнѣе; но мадамъ Берсонъ отлично поняла, что что-то у насъ не ладно; женщина она съ большимъ тактомъ, посидѣла немного и ушла.

Виржини надулась, взяла «Petit Journal» и читаетъ. Мосье Кардиналь отвелъ меня въ сторонку и говоритъ:

— Слышала, что сказала Виржини?

— Что такое?

— Намъ придется разстаться.

— Слышала. Что же изъ этого?

— Это, выходитъ, съ кѣмъ же разстаться? Съ нами?

— Съ нами! Ты съ ума сходишь, мосье Кардиналь... Съ маркизомъ разстаться. Возможно ли, чтобы Виржини отреклась отъ отца съ матерью... Перестань, пожалуйста! Самъ увидишь сию минуту... Милка!

— Матап!

— Знаешь, что говоритъ мосье Кардиналь? Будто ты сказала, что хочешь насъ покинуть?

— Я?

— Да, будто ты сказала, что намъ надо разстаться?

— О, рара! о, матап! Да развѣ это можно? Я говорила про Эдуарда. Развѣ я промѣняю васъ на него? Только вы ему сегодня много лишняго наговорили. Оставьте въ покое политику и его религію.

— Дѣло въ томъ, — отвѣтилъ мосье Кардиналь, — что въ политикѣ и въ религійи вся суть.

— Можно говорить, однако же, о чемъ-нибудь другомъ.

— Можно, только что же это за разговоры будутъ? Болтовня пошлая!

— Ну, полноте, папа, повоздержитесь, все-таки.

— Повоздержусь, дочка, повоздержусь... Помиримся.

Позвали Полину, всѣ перецѣловались... У меня даже слезы навернулись. Потомъ сѣли вчетверомъ за лото. Въ двѣнадцать часовъ вернулся маркизь, поклонился, поклонилась и я... все какъ слѣдуетъ. Улеглись всѣ спать. Вдругъ на разсвѣтъ — стукъ-стукъ, въ мою дверь стучатся.

— Кто тамъ?

— Я, маркизь. Вставайте скорѣе.

Я наскоро накинула на себя кофточку и выхожу Маркизь въ туфляхъ, въ халатѣ.

— Виржини больна?

— Ей что-то не здоровится.

— Это вчерашняя сцена ее разстроила. Надо сдѣлать ей теплую ножную ванну.

— Да, она о томъ же просить.

Я пошла въ кухню, развела огонь, поставила воду. Маркизь приходилъ нѣсколько разъ узнать, готово ли. Наконецъ, вода зашипѣла; я вылила ее въ ножную ванну и понесла. Прошла я столовую, прошла гостинную и постучалась въ дверь.

— Я это, отворите, принесла ванну.

— Хорошо. Давайте сюда.

— Это съ какой стати?

— Я самъ сдѣлаю ей ванну.

— Съ чего же вы взяли, что я позволю вамъ дѣлать ножную ванну моей дочери, когда я сама тутъ на-лицо?

— Говорю вамъ, что вы ни на, что не нужны. Давайте.

— Ни за что!

Онъ схватился за ванну; я не даю. Онъ тащитъ къ себѣ, я—къ себѣ. Вода расплескалась и ему обдало ноги кипяткомъ. Закричалъ онъ и отскочилъ прочь. Тогда я прошла въ комнату, подбѣжала къ Виржини.

— Вотъ,—говорю,—мой ангелъ, твоя ножная ванна.

Потомъ обратилась я къ маркизу:

— Но-но, мерзкая обезьяна, попробуй вырвать дочь изъ объятий ея матери. Ты побросалъ своихъ дѣтей, а я свою не оставлю!...

Вдругъ мадамъ Кардиналь оборвала свой рассказъ и рысцой побѣжала на сцену; черезъ минуту она вернулась, таща Полину за ухо.

— А! мерзкая дѣвчонка!

— Но, пашап...

— Я сама видѣла, какъ мосье де-Гальерандъ поцѣловалъ тебя за этой кулисой.

— Не правда это, не цѣловалъ...

— А я говорю, правда.

Мадамъ Кардиналь закончила фразу звонкой пощечиной. Прибѣжалъ режиссеръ танцевъ.

— Штрафъ, мадемуазель Полинъ, штрафъ!

— За что, мосье Плюкъ? За то, что меня же пашап побилъ?

— Не могу же я оштрафовать вашу мамашу; а я лучше сдѣлаю, я вотъ васъ, мадемуазель Полинъ, вдвойнѣ оштрафую.

— А за что, смѣю спросить?—сказала мадамъ Кардиналь.

— За ваше присутствіе въ кулисахъ, мадамъ Кардиналь. Маменьки не имѣютъ права входить на сцену. Вы знаете правило.

— Хорошо ваше правило, нравственно! Его выдумали, чтобы лишить матерей возможности смотрѣть за дѣтьми.

— Это до меня не касается. Знаю я только, что ваша дочь заплатитъ шесть франковъ штрафа.

— Ну, и заплатитъ!—отвѣтила мадамъ Кардиналь.— Не испугаете насъ вашими шестью франками. Слава Богу, за насъ есть кому выкинуть вамъ какіе-то жалкіе шесть франковъ! Полина, идемъ.

Прощаясь со мною, мадамъ Кардиналь проговорила:

— Ахъ, дорогой мой, сколько заботъ, сколько тревогъ для матери, когда двѣ дочери въ балетѣ!

II.

Мосье Кардиналь.

22 ноября 1871 года, въ девять часовъ вечера, я шелъ по одному изъ корридоровъ, перекрѣшивающихся и перепутывающихся въ зданіи Оперы. Впереди меня шелъ помощникъ балетнаго режиссера, звонилъ изъ всей силы и какъ-то нараспѣвъ выкрикивалъ: «На сцену, mesdames, на сцену. Начинаютъ второй актъ».

Изъ уборной корифей вышло десятка полтора юныхъ балеринъ. Шумя, смѣясь, болтая, толкая другъ друга, онѣ бѣгомъ вѣслись на сцену. Я посторонился къ стѣнѣ.

— Bonjour, vous...—привѣтствовали меня пятнадцать молодыхъ голосовъ.—Какими судьбами?... Вы зачѣмъ сюда попали?...

Веселая, красивая толпа, декольтированная, одѣтая въ газъ, шелкъ и бархатъ, промчалась мимо и исчезла за поворотомъ лѣстницы. Зачѣмъ я сюда попалъ? Я отлично зналъ, зачѣмъ,—разыскать моего глубокоуважаемаго друга, мадамъ Кардиналь. Дверь въ уборную оставалась отворенной. Я заглянулъ въ нее. Служанки развѣшивали по стѣнамъ грязноватыя платья, красныя фланелевыя юбки, невзрачныя коконы, изъ которыхъ только что вылетѣли блестящія бабочки балета въ «Донъ-Жуанъ». Три или четыре мамашы сидѣли на соломенныхъ стульяхъ, вязали, болтали или дре-

мали. Въ углу я разглядѣлъ мадамъ Кардиналь. Давно знакомые, сѣдые тирбушоны все такъ же обрамляли ея патріархальное лицо; табаверка попрежнему лежитъ на колѣняхъ; тѣ же неизмѣнныя серебряныя очки. Мадамъ Кардиналь читала газету. Погруженная въ чтеніе, она не слыхала, какъ я подошелъ и сѣлъ рядомъ съ нею на табуретъ. Быстро и тихо я проговорилъ ей на ухо:

— Мадамъ Кардиналь, соблаговолите рассказать мнѣ исторію мосье Кардиналя.

— Нѣтъ никакой исторіи...

— Исторія есть и прелюбопытная. Мосье Кардиналь былъ мировымъ судьей во время коммуны, мосье Кардиналь былъ арестованъ.

— Тише... тише... въ Оперѣ никто не подозрѣваетъ...

— Я буду говорить такъ тихо, какъ вы прикажете; но я хочу знать подробности. Меня интересуетъ все, что васъ касается... А въ моей скромности...

— Знаю, знаю и вполне увѣрена... Охотно расскажу вамъ... только подвиньте вашъ табуретъ.

Я подвинулся къ мадамъ Кардиналь, и она начала свое повѣствованіе:

— Я принуждена начать издалека, такъ какъ, знаете, въ жизни бываютъ необыкновенныя сдѣленія обстоятельствъ... Начать надо съ 4 сентября. Ахъ! Что это былъ за день для насъ, дорогой мой! Во-первыхъ, революція!... Нечего и говорить объ участіи въ ней мосье Кардиналя. Онъ былъ на набережной Орсе, передъ законодательнымъ собраніемъ, въ первомъ ряду у самой рѣшетки; домой вернулся въ шесть часовъ, измученный, потерявши голосъ отъ крика: да здравствуетъ республика! Онъ принесъ съ собою холодный паштетъ въ пять франковъ и бутылку бургонскаго и говоритъ: «Мадамъ Кардиналь, мы сегодня пируемъ». Къ обѣду собралась вся семья: мосье Кардиналь, я, Полина, пришла и Виржини съ маркизомъ. Знаете, Кавальканти, ну, тотъ, котораго она выбрала. Маркизь и объявляетъ, что завтра же уѣзжаетъ съ Виржини въ Италію; онъ сутокъ не хочетъ пробыть въ городѣ, гдѣ уличная сволочь провозгласила республику... При этихъ словахъ мосье Кардиналь такъ и подпрыгнулъ.

— Я былъ въ числѣ этой сволочи, провозгласившей республику!—крикнулъ онъ, бросился на маркиза и схватилъ его за воротъ. Мы, т.-е. я и мои двѣ цыпочки, насилу оттащили его отъ маркиза.

Къ счастью, Виржини все уладила съ своимъ обычнымъ так-

томъ. Она разъяснила мосье Кардиналю настоящую причину отъезда. Дѣло было въ томъ, что во время осады Оперу закроютъ, а Виржини не желала бы прекращать танцевъ, что ей предлагаютъ ангажементъ въ Миланъ и т. под. Мосье Кардиналь успокоился.

— Я преклоняюсь, если дѣло идетъ объ искусствѣ и о будущности Виржини,—сказалъ онъ.

Маркизь взялъ назадъ свое слово насчетъ сволочи, и они распрощались очень прилично.

Во все время осады въ мосье Кардиналѣ точно два разныхъ челоуѣка было: патриотъ, требовавшій поголовной вылазки, употребленія въ дѣло греческаго огня, превращенія въ груды пепла всего Парижа... Но, дорогой мой... я скажу вамъ всю правду... въ немъ былъ и собственникъ... Виржини настоящій ангелъ! Передъ отъѣздомъ въ Италию она потребовала отъ маркиза, чтобы онъ прилично устроилъ ея родителей, мосье Кардиналя и меня... Само собою разумѣется, всѣ переговоры вела я, и достоинство мосье Кардиналя ни чуть не было затронуто... На другой день послѣ отъезда маркиза съ Виржини, я и говорю мосье Кардиналю:

— Другъ мой, не можешь ли ты указать мнѣ хорошаго помещенія капитала въ тридцать тысячъ франковъ?

— Капитала въ тридцать тысячъ?—отвѣтилъ онъ.—Я не спрашиваю васъ, откуда взялся такой капиталъ, не желаю знать этого! А въ настоящее время, по случаю тревожныхъ событій, сильно подешевели дома... Надо абонироваться на «Petites Affiches».

Черезъ недѣлю мы очень выгодно купили домъ въ Батиньолѣ. Вотъ причина колебаній мосье Кардиналя въ вопросѣ о томъ, чтобы взорвать Парижъ на воздухъ.

Впрочемъ, мосье Кардиналь велъ себя настоящимъ героемъ во время осады. По его годамъ и вслѣдствіе ревматизмовъ, онъ не въ состояніи былъ нести службу національной гвардіи. Но онъ, все-таки, нашелъ возможность принимать дѣятельное участіе въ оборонѣ: онъ каждый вечеръ ходилъ въ клубы! Такая жизнь не особенно противорѣчила его вкусамъ. Онъ заводилъ связи въ политическомъ мирѣ. Въ Батиньолѣ онъ уже успѣлъ составить себѣ видное положеніе. Три или четыре раза его выбирали въ бюро клуба и разъ даже, когда предсѣдателю необходимо было выйти на нѣсколько минутъ, мосье Кардиналь занялъ его мѣсто на это время. Вечеромъ онъ вернулся домой самъ не свой отъ радости, бросился мнѣ на шею и уже ничего не могъ выговорить, какъ только:

— Мадамъ Кардиналь, я предсѣдательствовалъ, я предсѣдательствовалъ!... Ну, вы, вѣдь, сами знаете, какъ Трошию выдалъ насъ пруссакамъ... Подписали капитуляцію, заключили миръ... Мосье Кардиналь подчинился обстоятельствамъ, но пришелъ въ настоящее отчаяніе, когда узналъ, что король Вильгельмъ хочетъ войти въ Парижъ. Я даже представить себѣ не могу, что бы было, если бы пруссаки вздумали придти въ Батиньоль!.. Я рѣшительно не въ силахъ была бы сдержать мосье Кардиналя. Бѣ счастью, они не пошли дальше парка Монсо. Однако же, мосье Кардиналь не переставалъ повторять:

— Послушайте, мадамъ Кардиналь, Альзась, Лотарингія, пять миллиардовъ, — со всѣмъ этимъ, дѣлать нечего, надо мириться. Но если они осмѣлятся тронуть Бордо, если посмѣютъ тронуть республику!.. О, посмѣй только тронуть республику!

Между тѣмъ, наступило 18 марта, и я даю вамъ честное слово, мосье Кардиналь тутъ уже рѣшительно не причемъ.... Еще бы! Я держала его подъ замкомъ цѣлую недѣлю, боялась, какъ бы чего... Многіе совѣтовали мосье Кардиналю принять участіе въ движеніи. Оно и понятно; выскажись только мосье Кардиналь за коммуны, онъ увлекъ бы за собою многихъ къ Батиньоль. Но мосье Кардиналь не высказался. Я, съ своей стороны, употребляла всевозможныя усилія успокоить его. Какъ супруга, я, конечно, раздѣляла политическія мнѣнія мосье Кардиналя. Но я не только супруга, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, мать; у меня еще дочь оставалась на рукахъ... Я и соображала: «По милости всей этой исторіи опера закрыта вотъ уже девять мѣсяцевъ, и кто ихъ знаетъ, когда ее откроютъ. А Полина не пристроена; пристроить ее при республикѣ мнѣ будетъ очень мудрено, тогда какъ во время имперіи,—надо отдать ей должную справедливость,—это дѣлалось очень просто, само собою».

Предубѣжденія мосье Кардиналя противъ высшихъ классовъ общества у меня, конечно, не было, да и быть не могло. За кулисами Оперы мы встрѣчаемся съ свѣтскими людьми высшаго общества и понимаемъ, что въ нихъ есть много хорошаго... Не подумайте, что я это только вамъ говорю изъ вѣжливости. Нѣтъ, это мое убѣжденіе. Я очень хорошо сознаю, насколько необходимы люди порядочные, такъ какъ безъ нихъ,—ну, скажите на милость сами,—что бы случилось съ нашими бѣдными крошками? Только этихъ доводовъ я не могла высказать мосье Кардиналю;

онъ сію минуту остановилъ бы меня словами: «мадамъ Кардиналь, ты знаешь, я не люблю входить въ эти дѣла».

Черезъ недѣлю я вынуждена была выпустить мосье Кардиналя. Онъ далъ мнѣ слово вести себя тихо и смирно. Съ моего позволенія онъ вступилъ въ батиньольскій комитетъ соглашенія... Это было превосходно!... Каждый день засѣданія, посылали делегатовъ въ Версаль... Изъ этого ровно ничего не могло выйти, но представляло, все-таки, большія выгоды: во-первыхъ, это занимало мосье Кардиналя, во-вторыхъ, поддерживало его значеніе и нисколько не компрометировало.

Но это не все. Для развлеченія мосье Кардиналя, у него было массонство... Онъ, само собою разумѣется, былъ франмассономъ и занималъ даже должность... должность Великаго Шотландца священнаго свода Іакова VI. Франмассонство волновалось... Въ немъ образовалось три партіи: одни члены стояли на томъ, чтобы не дѣлать ничего ровно, другіе предлагали мирныя манифестаціи, третьи хотѣли высказаться за коммуну. Мосье Кардиналь былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ ничего дѣлать, такъ какъ франмассонство не слѣдуетъ впутывать ни въ войну, ни въ политику.

Собранія логи происходили почти ежедневно. Тамъ шумѣли, спорили... Мосье Кардиналь, возвращаясь домой, говорилъ мнѣ: — Мадамъ Кардиналь, если хочешь видѣть человѣка, только что блиставшаго въ преніяхъ, то смотри на меня.

Такъ прошло съ мѣсяць. И если мосье Кардиналь склонялся на чью-нибудь сторону, то скорѣе на сторону версальцевъ, а никакъ не коммуны. Начать съ того, что онъ далеко не одобрялъ декрета о наймѣ квартиръ. Домъ, купленный нами въ Батиньоль, былъ доходный домъ, и что же? Какъ только вздумается квартирантамъ, такъ они и съѣзжаютъ, не заплативши, подъ покровительствомъ національной гвардіи. А потомъ мосье Кардиналь нѣжный и любящій отецъ... Его очень печалило отсутствіе Виржини, продолжавшееся уже около восьми мѣсяцевъ, и онъ зналъ, что маркизъ не вернется съ нею до тѣхъ поръ, пока въ Парижѣ будетъ коммуна. Что касается меня, то я давно была на сторонѣ версальцевъ. Коммуна, правда, хлопотала объ открытіи Оперы, но безъ балета! Будущность Полины просто истерзала меня, невольно думалось: «Не бѣда бы все это, если бы имперія просуществовала двумя или тремя годами дольше; Полина была бы въ трупѣ, и ея положеніе было бы, вѣроятно, обез-

печено во всѣхъ отношеніяхъ». Извините, я все увлекаюсь въ сторону; но, знаете, когда мать заговорить о дочеряхъ, это дѣлается невольно.

Такъ вотъ подошло 28 апрѣля.... ужасное время! Тутъ начались всѣ наши несчастія. Уже съ недѣлю передъ тѣмъ стали долетать бомбы и до Батиньоля. Мосье Кардиналь каждый день осматривалъ домъ... Вдругъ, 26 числа вечеромъ, входитъ онъ ко мнѣ, а на самомъ лица нѣтъ, зубъ на зубъ попасть не можетъ....

— Мадамъ Кардиналь, — говоритъ, — знаешь ли ты, что случилось?

— Нѣтъ, мосье Кардиналь, ты меня пугаешь.

— Мосье Тьеръ бомбардировалъ насъ!.. Да, чего не дѣлалъ мосье де-Бисмаркъ, то сдѣлалъ мосье Тьеръ! Ни одно прусское ядро не упало въ Батиньолъ, а сегодня ночью версальская бомба прошибла нашу крышу; починки, по крайней мѣрѣ, на полторы тысячи франковъ!

Я даю мосье Кардиналю капель, стараюсь успокоить; но онъ страшно разстроены и вдругъ говорить:

— Я не хотѣлъ участвовать въ масонской демонстраціи, а теперь отправлюсь, мадамъ Кардиналь, отправлюсь въ первыхъ рядахъ, грудью стану противъ версальскихъ пуль.... Шляпу, мою, шляпу... Въ полдень собраніе ложи... иду къ моимъ братьямъ.

Онъ ушелъ, несмотря на мои крики и слезы. На завтра была назначена большая демонстрація. Рѣшено было выставить на укрѣпленіяхъ масонскія знамена; и если бы хотя одинъ выстрѣлъ задѣлъ ихъ, тогда всѣ братья дали клятву двинуться на версальцевъ. Наканунѣ мосье Кардиналь возставалъ противъ этого проекта; но въ то время его еще не бомбардировали! Ну, а знаете, когда прошибуть крышу бомбой и надѣлаютъ убытку на полторы тысячи франковъ, тутъ человекъ поневолѣ другое заговорить. Вернулся мосье Кардиналь въ четыре часа, спокойный, важный, съ длинною палкой въ рукахъ.

— Мадамъ Кардиналь, — сказалъ онъ мнѣ, — дѣлай такъ, какъ сама знаешь, но завтра къ 8 часамъ утра мнѣ необходимо масонское знамя... Я самъ понесу знамя и обязался его изготовить. Понимаешь, чѣмъ больше будетъ знаменъ, тѣмъ внушительнѣе будетъ и тѣмъ болѣе заставитъ призадуматься того, кто насъ бомбардируетъ! Вотъ древко для знамени!

По фигурѣ и по тону мосье Кардиналя я сразу поняла, что возраженія бесполезны. Дѣлать нечего, взялись мы съ Полиною за работу и изъ стараго балнаго платья Виржини состряпали знамя. Я пожертвовала одною изъ моихъ шерстяныхъ юбокъ для прокладки между двумя шелковыми полотнищами, чтобы плотнѣе было. Всего же лучше вышли эмблемы и девизъ. Изъ голубыхъ атласныхъ лоскутовъ отъ костюма Виржини я вырѣзала трехъугольникъ, молотокъ, лопатку и буквы для девиза: «любите другъ друга». Все это мы нашили на бѣлое знамя. Удивительно вышло! При отъѣздѣ мосье Кардиналя въ открытомъ кабриолетѣ, всѣ присутствующіе пришли въ восторгъ... А было человекъ до трехсотъ на улицѣ. Мосье Кардиналь обнялъ меня при всѣхъ. Я плакала, кричала, удерживала его за пальто, говорила:

— Мосье Кардиналь, я не отстану отъ тебя! Тебя ждутъ опасности, я твоя супруга и должна раздѣлить ихъ съ тобою!

— Нѣтъ, мадамъ Кардиналь, — отвѣтилъ онъ, — я не возьму тебя съ собою. Миѣ нужна вся моя твердость; твое присутствіе можетъ поколебать ее. Прощай!... Не удерживай меня! Я грудью стану противъ выстрѣловъ версальцевъ! Грудью послѣ крыши!

Онъ обнялъ меня еще разъ, сѣлъ въ кабриолетъ, раскланялся съ толпою и уѣхалъ. Я чуть не падала въ обморокъ, меня поддерживала одна добрая знакомая, мадамъ Баниве, — въ Оперѣ она, при ложахъ... и смотрѣла вслѣдъ удаляющемуся кабриолету и знамени, развѣвающемуся надъ головою мосье Кардиналя. Кругомъ всѣ восхищаются, говорятъ:

— Лучше всѣхъ будетъ ваше, навѣрное лучше всѣхъ.

Но миѣ уже, сами вы понимаете, не до того было. Кабриолетъ не успѣлъ повернуть за уголъ, какъ я сообразила: «Онъ не взялъ меня съ собою, но могу же я пойти и посмотрѣть процессію на бульварѣ. Надо показать Полинѣ, чтобы это осталось въ памяти дѣвочки, надо, чтобы она видѣла, какъ будетъ дефилировать ее отецъ. Тутъ же я припомнила, какъ интересовался моими дѣвочками графъ де Глайель... Раза два или три я бывала у него съ Виржини, и онъ всякій разъ говорилъ:

— Привозите какъ-нибудь Полину.

Это было еще до 4 сентября. Мосье де-Глайель, скажу вамъ, не изъ такихъ франтовъ, что норовятъ только погубить дѣвочку. Нѣтъ, это человекъ серьезный, любая мать можетъ ему смѣло довѣрить свою дочь, — большой знатокъ танцевъ и жизнь хорошо знаетъ. Онъ всегда давалъ очень хорошіе совѣты Виржини. Вотъ

я и подумала: «Повезу я къ нему Полину. Онъ живетъ на антресоляхъ окнами на бульваръ... бульваръ Мадленъ. Для насъ лучше желать нечего: мы будемъ въ ложѣ перваго яруса и увидимъ всю процессію».

Мосье де-Глайёль принялъ Полину съ распростертыми объятіями, меня усадилъ въ кресло у окна гостиной, а самъ сталъ съ Полиною къ другому окну; втроемъ у одного окна намъ было бы тѣсно и неудобно... Въ часъ процессія начала дефилировать. Ну, скажу вамъ, кто не видалъ этого, тотъ уже ничего подобнаго не увидитъ! Поразительно! Впереди всѣхъ члены-коммуны, подпоясанные своими шарфами, за ними три отряда тюркосовъ коммуны, потомъ делегатиіи массонскихъ ложъ и, наконецъ, чины... чины массонства, а между этими чинами мосье Кардиналь съ сіяющимъ лицомъ и развѣвающимся надъ головою знаменемъ... Я высунулась изъ окна и кричу дочери: «Полина! Полина! Отецъ, смотри, твой отецъ!» Полины нѣтъ въ окнѣ.... Я продолжаю кричать: «Полина! гдѣ же ты? Говорю тебѣ, смотри, вонъ отецъ!» Наконецъ, она услышала и тоже высунулась изъ окна.... личико у бѣдняжки такъ и горитъ, такъ и пылаетъ отъ волненія... Я говорю: «Махай платкомъ, Полина, махай платкомъ!» Стали мы обѣ махать платками. Я кричу изъ всѣхъ силъ: «Мосье Кардиналь! мосье Кардиналь!... Вотъ мы.. здѣсь, въ антресолѣ!...» Онъ услышалъ, повернулъ голову, тихо преклонилъ передъ нами свое знамя и продолжалъ дальше! Когда я собиралась уходить, мосье де-Глайёль и говоритъ:

— Оставьте у меня вашу крошку, я привезу ее самъ вечеромъ, послѣ обѣда.

— Нѣтъ, — говорю, — графъ, нѣтъ, не сегодня; не могу я разстаться съ дочерью въ такой день, когда мосье Кардиналь подвергается величайшимъ опасностямъ... Въ другое время... въ другое время! — И я увела Полину.

Вернулись мы, было около трехъ часовъ... Кононада прекратилась. Это меня нѣсколько успокоило. Вдругъ часа въ четыре опять, залповъ шесть или семь. Точно предчувствіе подсказало мнѣ, я вскрикнула: «Это мосье Тьеръ стрѣляетъ въ мосье Кардиналя!» — Такъ и вышло.

Въ шесть часовъ распаивается настезъ дверь, является мосье Кардиналь, виѣ себя, безъ шляпы, весь въ пыли, глаза страшные... Можете себѣ представить, что произошло? Въ то время, какъ мосье Кардиналь ставилъ свое знамя между воротами Мальо

и воротами Дофина, вдруг версальское ядро летитъ прямо на него... Мосье Кардиналь слегъ въ постель отъ сильнѣйшей лихорадки; больше недѣли я не знала покоя съ нимъ. Ночью постоянный бредъ, и въ бреду онъ только и твердитъ: «Мосье Тьеръ бомбардировщикъ! Бидаетъ бомбы въ мой домъ! Бидаетъ бомбы въ меня! Да здравствуетъ коммуна!»

Когда мосье Кардиналь оправился, около 15 мая, я уже не могла удержать его отъ дѣятельнаго участія въ движеніи. Ему предложили на выборъ мѣсто въ бюро военнаго управленія или должность въ магистратурѣ. Я склоняла его въ сторону магистратуры. Мнѣ это казалось безопаснѣе, почетнѣе и болѣе подходящимъ къ характеру мосье Кардиналя. Въ пятницу 19 мая было опубликовано въ *Оффициальной газетѣ* назначеніе мосье Кардиналя мировымъ судьей. Меня это тревожило, но, все-таки, должна вамъ признаться, и льстило мнѣ, что имя мосье Кардиналя напечатано на первой страницѣ правительственной газеты. Первое засѣданіе предстояло мосье Кардиналю въ понедѣльникъ, въ девять часовъ утра. Наканунѣ, въ воскресенье, онъ пошелъ въ фотографію и снялся въ двухъ позахъ; на первомъ портретѣ онъ одинъ, задумчивъ и важенъ, одѣтъ въ судейскую робу, стоитъ опершись на цоколь колонны, въ рукахъ *Оффициальная газета* отъ 19 мая... Это членъ магистратуры! На второмъ портретѣ онъ одѣтъ въ костюмъ судьи, но уже не одинъ,—я опираюсь на его руку, а онъ показываетъ мнѣ номеръ *Оффициальной газеты* отъ 19 мая и улыбается... Это супругъ!

Въ понедѣльникъ, въ девять часовъ утра, мосье Кардиналь, одѣтый въ судейскую робу, сѣлъ на судейское кресло. По его торжественному и внушительному виду, можно было подумать, что онъ всю свою жизнь только и дѣлалъ, что былъ судьей... Само собою разумѣется, что я привела Полину. Засѣданіе открыто, объявлено разбирательство перваго дѣла... вдругъ, въ эту самую минуту вбѣгаетъ разсыльный коммуны и кричитъ: «Неприятель ворвался въ городъ!... Всѣ на баррикады!»

Однимъ прыжкомъ я очутилась на судейской эстрадѣ, стащила съ мосье Кардиналя судейскую одежду, закинула куда-то его судейскую шапочку и живымъ манеромъ увела его самого домой... Тамъ я опять заперла его крѣпко на крѣпко, и въ теченіе шести недѣль онъ носа не показывалъ даже въ окно. По прошествіи шести недѣль я было начала уже успокаиваться, какъ

вдругъ разъ утормъ звонокъ... Полина пошла отпирать, потомъ бѣжить въ ужасѣ и кричить:

— Матап, шатап! Полиція!

Дѣйствительно, явилась полиція и предъявила мосье Кардиналю фотографическіе портреты, которые онъ имѣлъ глупость снимать съ себя въ самый день вступленія версальцевъ. Мосье Кардиналь держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

— Да, это я;—сказалъ онъ.—Я жертвовалъ моею жизнью и готовъ слѣдовать за вами. Цѣною униженія я не соглашусь купить жизнь... Позвольте мнѣ обнять жену и я готовъ на все...

Онъ простеръ ко мнѣ объятія; я бросилась ему на шею, и тутъ онъ успѣлъ мнѣ шепнуть:

— Кромѣ маркиза, никто не выручитъ... Я помню, онъ съ нимъ очень друженъ, обѣдывалъ у него...

Потомъ онъ обратился къ полицейскому комиссару и сказалъ:

— Идемте, мосье, идемте!

Я тотчасъ отправила телеграмму Виржини: «*Отецъ на ка- торгу. Приѣзжай съ маркизомъ. Одинъ можетъ спасти*». Надо отдать справедливость маркизу, — настоящій баринъ... Черезъ двое сутокъ онъ уже былъ въ Парижѣ, и когда я было начала:

— Какъ вы добры, что приѣхали!...

Онъ остановилъ меня и сказалъ:

— Не благодарите меня. Мнѣ нужно было видѣть господинна Тьера по римскимъ дѣламъ. Кстати, я поговорю съ нимъ о мосье Кардиналѣ.

На другой день мосье Кардиналь былъ возвращенъ мнѣ.

Въ эту минуту корифеи, цвѣтки и бабочки шумною толпою вернулись въ уборную. Полина подбѣжала къ мадамъ Кардиналь и, сіяя отъ удовольствія, сказала:

— Смотри, шатап, смотри на мои уши... брилліантки! Это мосье де-Глайель мнѣ привезъ сегодня!

Мадамъ Кардиналь быстро надѣла на носъ очки, осмотрѣла по очереди оба маленькихъ брилліанта и, повидимому, осталась довольна, такъ какъ обратилась ко мнѣ и проговорила:

— Онъ очень мило ведетъ себя съ Полиною, этотъ мосье де-Глайель.—Знаете, тогда точно что осѣнило меня, какъ я съ нею поѣхала къ нему во время демонстраціи мосье Кардиналя... А теперь уходите... Вы стѣсняете этихъ дѣвочекъ... Онѣ слиш- комъ хорошо воспитаны для того, чтобы раздѣваться при васъ.

III.

Дѣвицы Кардиналь.

29 ноября 1875 года въ первый разъ по возобновленіи оперы давали «Донъ-Жуана». Шелъ второй актъ. У меня было кресло оркестра, направо, въ уголкѣ, излюбленномъ старыми завсегда-тѣями, *слушающими* только балетъ. А такъ какъ балетъ появляется лишь въ слѣдующемъ актѣ, то въ нашемъ уголкѣ никто не обращалъ вниманія на ссору Церлины съ Мазетто... Мы болтали, переливали изъ пустаго въ порожнее... старину вспоминали, старую сцену улицы Пелетье, оперу до войны и до пожара... Сколько невознагражденныхъ утратъ въ кордебалетѣ! Сколько хорошенькихъ дѣвочекъ не досчитывались! Виллеруа, Брашъ, Вольтеръ, Жоржо... двухъ Кардиналь... Я совсѣмъ было забылъ о нихъ, о ихъ вѣчной и неизмѣнной спутницѣ, ихъ почтенной мамашѣ, осанистой, величественной мадамъ Кардиналь въ сѣдыхъ бубляхъ, съ прекрасными серебряными очками на носу, испачканномъ въ табакѣ... А мосье Кардиналь!... Я всѣхъ ихъ потерялъ изъ вида и рѣшительно ничего не зналъ о настоящемъ житьѣ-бытьѣ этой интересной семьи. Я рѣшилъ, не откладывая вдаль, навести о нихъ справки.

Въ антрактъ я прошелъ на сцену и, добравшись до дамскихъ уборныхъ, приступилъ къ разпросамъ. Отвѣтъ получился отъ всѣхъ одинъ: «Виржини Кардиналь не поступала на сцену послѣ войны, а Полина Кардиналь исчезла съ пожара!» Исчезли хорошенькія Кардиналь, исчезла и мадамъ Кардиналь! Слѣдовъ никакихъ... Меня, впрочемъ, едва слушали; всѣмъ не до того было: въ этотъ вечеръ не только «Донъ-Жуанъ» шелъ въ первый разъ, но шли впервые костюмы Гревена; танцовщицы вертѣлись передъ большимъ зеркаломъ фойе, затягивая шнуровки обуви, расправляя малю движеньемъ стана, оправляя буфы газовыхъ юбокъ. Электричекій звонокъ... На сцену! На сцену весь балетъ. Цѣлая армія пьерретокъ, полишинелекъ и арлекинокъ, точно солдатки, выстроилась въ глубинѣ сцены у большой арки. Все это было очень мило и красиво, но ни на волосъ не подвигало моихъ розысковъ о судьбѣ, постигшей мадамъ Кардиналь.

Вдругъ кто-то тихонько хлопнулъ меня по плечу. Оборачиваюсь и оказываюсь лицомъ къ лицу съ прехорошенькой полишинелькой, — высокая, остроконечная шапка, полосатый горбъ

спереди, полосатый горбъ сзади, трубчатый оборокъ, атласныя буфы на плечахъ... и шустрая, хорошенькая мордочка дѣвочки лѣтъ шестнадцати.

— Вы мосье X.?

— Я мосье X.

— Вы справлялись о семействѣ Кардиналь?

— Я справлялся.

— Такъ вотъ, если не боитесь лѣзть въ ложи четвертаго яруса, идите туда и обратитесь къ моей тетушкѣ мадамъ Каниве.

— Мадамъ Каниве?

— Да. Она — уврежь въ четвертомъ ярусѣ, четная сторона амфитеатра... Она можетъ вамъ все рассказать про мадамъ Кардиналь.

— Быть можетъ, вы сами что-нибудь знаете?

— Конечно, только очень немного. Я знаю...

— Мадемуазель Каниве, — прервалъ маленькую полишинельку строгій голосъ, — что вы тамъ дѣлаете? Извольте отправляться на свое мѣсто!

Это распорядился балетный режиссеръ, милѣйшій мосье Плюкъ, недреманнымъ окомъ слѣдившій за эволюціями своей маленькой арміи. Въ три прыжка мадемуазель Каниве очутилась въ первомъ ряду и еще разъ крикнула мнѣ:

— Обратитесь къ моей тетушкѣ!

Тотчасъ послѣ балета, во время финала я отправился наверхъ.

Прости, великая тѣнь Моцарта! Высоко четвертый ярусъ, очень высоко... Добрался я, наконецъ, и обращаюсь къ первой корридорной:

— Четная сторона амфитеатра?

— Здѣсь.

— Мадамъ Каниве?

— Это я.

Мадамъ Каниве пристально всмотрѣлась въ мое лицо, потомъ воскликнула:

— Позвольте, позвольте, вѣдь, я васъ знаю. Вы мосье X.?

— Совершенно вѣрно.

— Я отлично васъ знаю. Мы съ вами обѣдали.

— Обѣдали? Гдѣ же это?

— Да у мадамъ Кардиналь!

Тутъ съ необычайною ясностью все сразу возстановилось въ моей памяти. Да, мы обѣдали у мадамъ Кардиналь въ Батинь-

омъ... было это шесть, семь лѣтъ тому назадъ... Разъ въ Оперѣ... въ бѣдной сгорѣвшей Оперѣ улицы Друо мы были вчетверомъ... отлично помню, именно вчетверомъ... Одинъ сенаторъ, настоящій сенаторъ, засѣдавшій въ шитомъ мундирѣ въ Люксамбургѣ, первый секретарь одного иностраннаго посольства, одинъ художникъ и вашъ покорнѣйшій слуга. Дѣло было въ корридорѣ... Чудные старые корридоры были въ погибшей Оперѣ съ множествомъ закоулковъ и закоулочковъ, плохо освѣщенныхъ какими-то коптылками. Изловили мы въ одномъ изъ такихъ закоулковъ обѣихъ дѣвицъ Кардиналь и приставали къ нимъ сдѣлать намъ удовольствіе отобѣдать съ нами завтра въ англійскомъ кафе. Хотѣлось дѣвочкамъ невообразимо.

— Ахъ, вотъ шатап,—говорили онѣ,—шатап ни за что не согласится. Вы не знаете, какова шатап...

А она уже тутъ, какъ тутъ, эта страшная шатап.

— Прекрасно!—воскликнула она.—Отлично! Вы опять доведете моихъ дочерей до того, что я падаю имъ колотушекъ.

— О, мадамъ Кардиналь!

— Не люблю, чтобы онѣ шлялись по корридорамъ. Не терплю я этого... неприлично.

Я сейчасъ же выпускаю впередъ сенатора. Мадамъ Кардиналь всегда съ должною аттенціею относилась къ установленнымъ властямъ. Вступается сенаторъ:

— Перестаньте, мадамъ Кардиналь, не сердитесь. Я былъ тутъ, и мое присутствіе можетъ служить вамъ порукою, успокоить васъ...—Вещь самая невинная. Мы просто просили вашихъ милыхъ дочекъ откушать съ нами въ англійскомъ кафе.

— Какъ! Безъ матери?

— Ахъ, мадамъ Кардиналь, вы бы доставили несказанное удовольствіе!

— Такъ, такъ... семейство Кардиналь отправится кутить по кабачкамъ! Вамъ бы уже кстати пригласить и мосье Кардиналя! Да за кого вы насъ принимаете, наконецъ?

Мадамъ Кардиналь рѣзко выговорила эту фразу и тотчасъ же осыплась, сконфузилась, перемѣнила лицо и тонъ. Она почувствовала, что пересолила, и струсила, какъ бы сенаторъ не обидѣлся.

— Извините,—поспѣшила она поправить дѣло,—я погорячилась; но, знаете, я превращаюсь въ настоящую львицу, чуть что, коснется моихъ дѣвочекъ... Вамъ хочется пообѣдать съ

ними? Все это можно устроить... Приходите завтра... прошу всѣхъ четверыхъ, приходите откушать къ намъ, что Богъ послалъ. Мосье Кардиналь за величайшую честь почтеть...

Мы переглянулись и, несмотря на сильно разбиравшій насъ смѣхъ, совершенно серьезно приняли приглашеніе. На слѣдующій день поутру мы препроводили основательный запасъ провизіи и корзину шампанскаго, а въ половинѣ седьмаго явились сами. Мосье Кардиналь принялъ насъ отменно любезно. Всмотрѣвшись очень внимательно, можно было замѣтить въ некоторый оттѣнокъ сдержанности по отношенію къ сенатору. Все шло прекрасно. Дѣвочки были необыкновенно милы, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьицахъ съ широкими голубыми кушаками, — настоящіе амурчики. Папаша, мамаша, дочки изображали вѣжную, почти умильную картину; отъ всей обстановки вѣяло патріархальною добродѣтелью... Мы всѣ, начиная съ самого мосье Кардиналя, были во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ, — ни дать, ни взять маленькая провинціальная свадьба.

Вдругъ звонокъ.

— Это, должно быть, пирожное принесли, — объяснила мадамъ Кардиналь. Входитъ горничная и шепчетъ что-то на ухо хозяйкѣ... Мадамъ Кардиналь замѣтно взволнована, зоветъ Виржини... Оживленное совѣщаніе между маменькой и дочкой. Очевидно, дѣло идетъ не о пирожномъ. Но что же случилось? Виржини подходитъ къ намъ и говорить:

— Это звонила мадамъ Каниве, старая пріятельница шашан, прекраснѣйшая женщина, пришла къ намъ обѣдать... Машанъ хочетъ ей отказать... я говорю, что нельзя этого, не хорошо... Она, видите ли, уврезъ, корридорная въ Оперѣ... Такъ неужели?..

Мы возражаемъ противъ отказа, въ одинъ голосъ требуемъ мадамъ Каниве... Входитъ мадамъ Каниве, насъ знакомятъ, и всѣ усаживаются за столъ. Что за обѣдъ! Что за разговоры! Восторгъ! Во всю мою жизнь я не ѣлъ съ такимъ аппетитомъ, во всю жизнь не обѣдалъ такъ весело... Ничего подобнаго я не видывалъ и не увижу.

Мадамъ Каниве кушала фундаментально и надъ рюмочкой не задумывалась, но ни на минуту не теряла головы; всякій разъ, какъ только прерывался разговоръ, она небрежно пропускала слѣдующую фразу, при вѣжной улыбочкѣ по адресу сенатора:

— Какъ подумаешь, что съ маленькою протекціей я могла бы перейти изъ ложъ четвертаго яруса въ третій ярусъ!

Сенаторъ дурачкомъ притворялся, дѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ; но мадамъ Каниве не теряла духа, и опять, точно припѣвъ старинной баллады, повторялось:

— Какъ подумаешь, что съ маленькою протекціей, и т. д., и т. д.

За десертомъ мосье Кардиналь *сразился* съ сенаторомъ изъ-за государственнаго переворота. Это былъ букетъ!

И вотъ я опять встрѣтилъ мадамъ Каниве, и все еще въ четвертомъ ярусѣ. Я счелъ долгомъ вѣжливости выразить мое удивленіе по этому поводу.

— Совсѣмъ было, совсѣмъ было перешла въ третій,—сказала она,—и, навѣрное, перешла бы, не случись этого 4 сентября... Ахъ, оставьте это... я непременно взволнуюсь... Скажите лучше, чѣмъ могу вамъ служить?

— Мнѣ говорили, что я могу разузнать отъ васъ о мадамъ Кардиналь.

— Конечно, могу сообщить самыя свѣжія новости... третьяго дня получила письмо отъ нея... Садитесь, пожалуйста.

Мы сѣли на великолѣпной скамейкѣ, обитой поддѣльной кордовской кожей. Въ новой Оперѣ царить необыкновенная роскошь даже въ корридорахъ четвертаго яруса. На другомъ концѣ скамьи, опершись обѣими руками на саблю, дремалъ муниципальный гвардеецъ въ каскѣ. До насъ доносились звуки финала «Донъ-Жуана» и служили аккомпаниментомъ повѣствованію мадамъ Каниве.

— Мадамъ Кардиналь живетъ въ деревнѣ, — рассказывала она, — разумѣется, съ мосье Кардиналемъ. Виржини купила имъ хорошенькій домикъ въ Рибомонѣ, селеніи близъ Сень-Жермена... подарила имъ по случаю свадьбы... Помните маркиза? Ну, овдовѣлъ и женился на Виржини. Теперь она маркиза по настоящему. Гдѣ Полина, меньшая, не знаю, думаю только, что, должно быть, завертѣлась. Начинала я раза два или три разговоръ о ней съ мадамъ Кардиналь; она всякій разъ отвѣчала: «Одна у меня дочь—маркиза во Флоренціи. Не напоминайте мнѣ о другой». Я уже и не напоминаю. Не весело живется мадамъ Кардиналь въ деревнѣ, скучаетъ страшно. Привыкла она къ Батиньолю, а знаете, разъ привыкъ человекъ къ Батиньолю... Но эта женщина вся предана своимъ обязанностямъ и какъ только увидала, что дѣло идетъ о политической будущности мосье Кардиналя, она забыла о себѣ. Да, онъ очень серьезно пустился въ политику; вѣдь, это была его всегдашняя мечта. Въ послѣднемъ

письмѣ мадамъ Кардиналь пишетъ мнѣ: «Мосье Кардиналь доволенъ, очень доволенъ... все идетъ отлично, какъ нельзя лучше»...

Разсказъ былъ прерванъ невообразимымъ шумомъ и гамомъ. Всѣ двери отворились. Антрактъ. Мадамъ Каниве захлопотала по своимъ дѣлишкамъ; я вернулся внизъ.

И такъ, мосье Кардиналь серьезно принялся за политику и очень доволенъ, и все идетъ отлично. Я нашелъ, что это общественное явленіе заслуживаетъ ближайшаго изученія. Маленькое путешествіе въ Рибомонъ—просто большая прогулка; на слѣдующій день старая наемная коляска изъ Сень-Жермена подвезла меня къ жилищу мосье Кардиналя. На двери нѣчто вродѣ рукописной афиши содѣржало въ себѣ слѣдующія драгоцѣнныя свѣдѣнія:

Мосье Кардиналь принимаетъ ежедневно, не исключая воскресеній, отъ 12 до 4 часовъ, и готовъ давать объясненія избирателямъ Рибомона и сосѣднихъ общинъ относительно ихъ обязанностей и въ особенности правъ.

Выборы сенатскіе, законодательнаго собранія, департаментскіе, окружныя, муниципальные и другіе.

Начало хорошо. Я позвонилъ. Тотчасъ же послышался голосъ... знакомый голосъ: «Амели, Амели... звонять... отопрі...» Калитка отворилась, передо мной стояла маленькая горничная.

— Вы насчетъ политики?... Вы избиратель?

— Нѣтъ, я бы желалъ видѣть мадамъ Кардиналь.

Меня прервалъ громкій возгласъ. Мадамъ Кардиналь узнала меня и бѣжала мнѣ навстрѣчу... или, по меньшей мѣрѣ, дѣлала посильныя попытки бѣжать... Тирбушоны развѣвались по вѣтру, очки подпрыгивали на носу, круглое лицо еще болѣе расплылось въ выраженіи восторга, изъ ея запыхавшейся груди вырывались возгласы:

— Вы! вы!... Ахъ, какъ же это? Вы!...

Кажется, никогда и никто не встрѣчалъ меня такъ радостно и привѣтливо; я растерялся даже. Мосье Кардиналь сохранялъ больше достоинства. Онъ встрѣтилъ меня на верхней площадкѣ крыльца, провелъ черезъ сѣни, отворилъ дверь и проговорилъ съ величественнымъ жестомъ:

— Прошу въ гостинную... Я бы могъ сказать—вступите въ храмъ.

Я удивленно посмотрѣлъ на него и невольно повторилъ:

— Въ храмъ?

— Да. Смотрите... Вот божество! Мое божество!... Тамъ, тамъ, на каминѣ.

Я старался разсмотрѣть, но храмъ былъ темноватъ. На каминѣ видѣлось дѣйствительно что-то бурое, но я никакъ не могъ сообразить, что такое...

— Вольтеръ! Это Вольтеръ! Знакомъ вамъ этотъ бюстъ Вольтера?

Знакомъ ли мнѣ этотъ бюстъ! Да я же и вупилъ-то его! Мой пріятель Поль былъ въ Англіи. Разъ я получаю отъ него письмо... Онъ писалъ, между прочимъ: «прочти приложенную записку Виржини и распорядись...» Записка Виржини была приблизительно такого содержанія: «Милый мой, на будущей недѣлѣ день рожденія папаши. Прежде онъ справлялъ именины, а теперь не хочетъ, говорить, что это отзывается суевѣріемъ и клерикализмомъ. Поэтому мы будемъ праздновать день его рожденія. Насчетъ подарковъ дѣло нисколько отъ того не мѣняется. Ты знаешь, какъ папа деликатенъ и какъ онъ гордъ!... Прямо никогда ничего у насъ не попросить, но всегда съумѣетъ очень ловко дать мнѣ понять, чѣмъ бы я могла сдѣлать ему удовольствіе. Такъ вотъ недѣли двѣ онъ съ утра до ночи только и говоритъ о какомъ-то бюстѣ Вольтера... «Ахъ, какъ бы хорошо имѣть бюстъ Вольтера! Я великолѣпный видѣлъ, бронзовый, въ натуральную величину, на бульварѣ Пуассоньеръ» и т. д. Ты знаешь, онъ боготворитъ Вольтера. Очень мило было бы съ твоей стороны, если бы ты написалъ кому-нибудь изъ твоихъ друзей купить этотъ бюстъ и прислать къ намъ. Только объясни хорошенько, чтобы не вышло ошибки. У того бюста голова наклонена и лицо улыбается. Папа говоритъ, что это настоящая улыбка Вольтера... Да смотри, какъ бы купецъ не надѣлалъ глупостей, какъ въ прошломъ году съ мебелью для гостиной. Помнишь, ее принесли съ твоею карточкою и со счетомъ на твое имя. Мебель папа взялъ тогда, но цѣмъ двѣ недѣли злился, не говорилъ ни съ татан, ни со мною. Пусть пришлютъ бюстъ безъ карточки и безъ счета».

И вотъ мы втроемъ, мадамъ Кардиналь, мосье Кардиналь и я, усѣлись вокругъ каминъ, подъ предсѣдательствомъ благополучно присланнаго мною Вольтера, и бесѣдуемъ, безъ малѣйшаго толка для меня, да и говорилъ, въ сущности, одинъ мосье Кардиналь, а мы лишь слушали о томъ, какъ онъ посвятитъ себя на служеніе отечеству, по мѣрѣ силъ своихъ... Парижъ,—онъ сознаетъ это,—слишкомъ большое поприще для его дѣятельности; но онъ

уже успѣлъ оказать важныя услуги въ Рибомонѣ и окажетъ еще болѣе важныя... Дѣло приходится ему имѣть съ людьми очень узкихъ взглядовъ, очень отсталыми... съ честными и добрыми людьми, но невѣжественными, знающими лишь свое поле да виноградники. Онъ съумѣетъ расшевелить ихъ, стряхнуть съ нихъ апатію. Смѣлый піонеръ всеобщей подачи голосовъ, онъ подниметъ первобытный слой... и т. д., и т. д., безъ умолку, безъ перерыва болѣе четверти часа. Я начиналъ уже раскаяваться въ этой поѣздкѣ; совсѣмъ не то мнѣ было нужно, хотѣлось съ глазу на глазъ поговорить по душѣ съ мадамъ Кардиналь. Въ счастью, раздался звонокъ. Мосье Кардиналь поднимаетъ голову, прислушивается; его взоръ загорается... Онъ зачуялъ... избирателя и не ошибся. Маленькая горничная вводитъ его въ гостиную. Видъ этого избирателя отвратителенъ. Сапоги стоптанные, пальто изтертое, смятая шляпа, галстухъ веревкой, усы нафабрены ваксой... Словомъ, омерзѣніе! Мосье Кардиналь бросается навстрѣчу.

— Вы желаете поговорить со мною, мой другъ?

— Да, насчетъ внесенія меня въ списки избирателей... Представьте, они хотятъ меня вычеркнуть изъ-за какого-то дряннаго приговора суда...

— Пойдемте, мой другъ, сюда, ко мнѣ въ кабинетъ.

Мосье Кардиналь удалился въ свой кабинетъ, почтительно пропустивши впередъ своего восхитительнаго кліента. Мы остались вдвоемъ съ мадамъ Кардиналь. Заводить пружину не пришлось, машина сама заработала. Рѣчь мадамъ Кардиналь полилась обильнымъ и наивнымъ потокомъ.

— Ахъ, какъ я рада... какъ я рада васъ видѣть! Помните... Ахъ, времячко, времячко!... Хорошее было времячко... Опера... ложа мадамъ Монжъ... урокъ мадамъ Доминикъ... Все прошло, все кончено... Вотъ куда пришлось забраться. Я пожертвовала собою мосье Кардиналю, положительно пожертвовала... Знаете, что тогда-то было, при коммунѣ?... Мосье Кардиналь согласился принять должность въ магистратурѣ... Его арестовали, хотѣли сослать на понтоны. Маркизь бросился къ мосье Тьеру... Наизъ возвратили мосье Кардиналя. Но тутъ начинается по Батиньолю говоръ, какимъ способомъ удалось мосье Кардиналю выбраться на свободу. Начинаютъ добираться... Его дочь любовница маркиза! Маркизь другъ мосье Тьера! Положеніе мосье Кардиналя въ Батиньолѣ было сразу подорвано... Отъ него отверываются,

пристраиваютъ ему гадость на гадости. Это, конечно, не поколебало убѣжденій мосье Кардиналя, но, все-таки, огорчало его. Тутъ-то онъ и заговорилъ о переѣздѣ въ деревню, о необходимости распространенія полезныхъ истинъ въ средѣ деревенскаго населенія... А распространеніе полезныхъ истинъ всегда было страстью мосье Кардиналя! «Я рожденъ быть проповѣдникомъ,—говорилъ онъ часто.—Мое призваніе распространять истины...» Вамъ нечего растолковывать, вы, вѣдь, знаете мосье Кардиналя.

— Знаю, мадамъ Кардиналь, отлично знаю.

— Къ тому же Парижъ былъ въ осадномъ положеніи. Мосье Кардиналь просто умиралъ отъ этого осаднаго положенія, только и зналъ, что повторялъ: «Задыхаюсь я, задыхаюсь подъ этимъ осаднымъ положеніемъ. Точно давить меня что-нибудь... Я не понимаю, какъ вы всё можете дышать; я не могу... не могу!» За него страшно становилось; бѣдняга просто, можно сказать, прозябалъ. Миѣ, все-таки, жилось кое-какъ, у меня была Опера, была Полина...

— Ахъ, да, Полина... Скажите, что, какъ она?...

— Да, вамъ я скажу, но только вамъ, вамъ одному. На нашей семьѣ есть скорбное пятно и это пятно Полина! Давно она меня тревожила... Она negliжировала танцами, а разъ дѣвочка negliжируетъ танцами, это уже ясный признакъ, что у нея въ головѣ разныя эдакія идеи заводятся... При этомъ ничуть, ничуть не похожа на Виржини. Та довѣрчивая, нѣжная, такъ всегда хороша съ матерью, безъ совѣта ничего не дѣлаетъ. А Полина, напротивъ, все сторонилась какъ-то отъ меня, удалялась; никогда, бывало, не поговорить съ матерью откровенно, по душѣ, что думаетъ дѣлать, какъ устроиться въ будущемъ. Я была насторожѣ. Но, вы знаете, разъ дѣвочка рѣшилась погубить себя, ни одна мать уже тутъ ничего не подѣлаетъ. За кулисами я постоянно замѣчала одного маленькаго молодого человѣка, все вертится, все увивается вокругъ Полины. Я спросила ее, что за молодой человѣкъ; отвѣчаетъ: «Очень милый молодой человѣкъ, занимаетъ прекрасное мѣсто, секретарь министра». Секретарь министра!... Какъ вамъ это покажется? Хорошо положеніе тамъ, гдѣ этихъ министровъ мѣняютъ, какъ козырей въ картахъ?... Разъ, наконецъ, Полина говоритъ миѣ прямо, что любитъ этого франтика, обожаетъ... жить безъ него не можетъ... хочеть отдаться ему по любви... А? Каковы ужасы? Не говоря уже объ отцѣ. Полина знала политическія убѣжденія мосье Кар-

диналя... Отецъ все бы простилъ ей... кромѣ чиновника, служащаго правительству мосье Магъ-Магона!... Я читаю Полинь длинную нотацію, безъ дальнихъ околичностей запрещаю ей близко къ себѣ подпускать этого министерскаго секретаришку. Она, повидимому, соглашается съ моими доводами, и въ тотъ же вечеръ... знаете ли, дорогой мой, что произошло въ тотъ же вечеръ?

— Предполагаю, мадамъ Кардиналь, догадываюсь!

— Вечеромъ, — давали «Роберта», — послѣ балета она промежду пальцевъ у меня проскользнула. Всѣ сходятъ со сцены... Полинья нѣтъ!... Гдѣ живетъ этотъ секретаришка, я не знала, иначе пустилась бы за нимъ вдогонку и отняла бы у него мое дитя. Но не могла же я бѣгать по всѣмъ министерствамъ и спрашивать у дворниковъ: «Не вашъ ли секретарь?...» Вернулась я домой. Увидавши, что я одна, мосье Кардиналь поблѣднѣлъ. Я падаю на колѣни.

— Мосье Кардиналь, прости меня... Я дурная мать, не сумѣла уберечь дочь.

Онъ поднимаетъ меня, мы обнимаемся и вмѣстѣ плачемъ... Въ такія минуты мосье Кардиналь доходитъ до удивительной высоты! Полина вернулась... на другой день, и мы имѣли слабость простить несчастную. Но, понимаете сами, разъ дѣвочка сдѣлала такую штуку, къ ней уже нельзя имѣть довѣрія. Мосье Кардиналь съ грустью говоритъ мнѣ:

— Мадамъ Кардиналь, помяни ты мое слово, дѣвочка уйдетъ отъ насъ; она не будетъ окружать нашу старость... Эта—не Виржини!

Ахъ, Виржини! Это—ангелъ! Про нея я расскажу вамъ, какъ только кончу про Полину, — всего два слова... Полина бросила танцы, у нея теперь свой отель, лошади, экипажи, но родителей она забыла, знать не хочетъ! Я только одно ей сказала:

— Послушай, у твоего отца есть политическая будущность. Умоляю тебя, не позорь ты имени Кардиналь... Перемѣни фамилію.

— Это, — говоритъ, — сдѣлано уже мѣсяцъ тому назадъ, шапан... Полинь Кардиналь! Совсѣмъ не шикарно... Меня зовутъ Полинь де-Жиральда.

— Мадамъ де-Жиральда—ваша Полина?

— Да, она... а маркиза Кавальканьти, моя радость, это моя Виржини! Онъ женился на ней, дорогой мой, по настоящему же-

ились!... Живетъ она въ собственномъ дворцѣ, во Флоренціи. Играетъ роль въ обществѣ... вездѣ принята... пользуется уваженіемъ... ни одного любовника!... Мы были у нихъ во Флоренціи, мосье Кардиналь и я... Цѣлую недѣлю прогостили въ ихъ дворцѣ. Маркизь былъ очень хорошъ съ нами, засыпалъ подарками. Мосье Кардиналь остался очень доволенъ.

— Приятно, — говоритъ, — получать подарки, отъ которыхъ не придется краснѣть, подарки настоящаго зятя. И я долженъ признаться, что, несмотря на раздѣляющую насъ политическую пропасть, въ этомъ человѣкѣ много хорошаго, видна порода, онъ умѣетъ дарить, хорошо дарить.

Мы уже были на отъѣздѣ въ Парижъ, какъ вдругъ мосье Кардиналь передумалъ и сказалъ мнѣ:

— Мадамъ Кардиналь, не прокатится ли намъ въ Римъ?

— Берегись, — говорю, — мосье Кардиналь, Римъ поповскій городъ... Въ состояніи ли ты будешь смотрѣть на это спокойно?

— Да, мадамъ Кардиналь, я хочу посѣтить это гнѣздо суевѣрія.

Мы поѣхали въ Римъ. Всю дорогу мосье Кардиналь повторялъ:

— Я убѣжденъ, мадамъ Кардиналь, что Римъ не произведетъ на меня никакого впечатлѣнія.

И, дѣйствительно, никакого не произвелъ... Мы осмотрѣли рѣшительно все, кромѣ внутренности церквей, такъ какъ мосье Кардиналь ни за что не хотѣлъ переступить ихъ порога, и вездѣ онъ говорилъ одно и то же:

— Мадамъ Кардиналь, вся болтовня объ этомъ Римѣ раздута, — одно преувеличеніе!

Римъ со всѣми его церквами и монастырями приводилъ его въ отчаянье.

— Это мертвый городъ, мадамъ Кардиналь, — городъ, который слѣдовало бы стереть съ лица земли. Видите ли, я не знаю Чикаго, но Чикаго я предпочитаю... тамъ жизнь.

Въ три дня все это такъ опротивѣло мосье Кардиналю, что мы собрались уѣзжать и уже укладывались, когда явился къ намъ слуга отеля и говорить:

— Сегодня въ четыре часа пріемъ у его святѣйшества; у меня есть два входныхъ билета... Не желаете ли?

Я отвѣчаю ему:

— Милый мой, если бы вы знали мосье Кардиналя, вы не сдѣлали бы намъ подобнаго предложенія.

— Позвольте, мадам Кардиналь, — остановилъ меня мосье Кардиналь, — позвольте. Я не сталъ бы добиваться этой встрѣчи; но такъ какъ случай представляется, то... мы будемъ въ Ватиканѣ.

И мы были... Я была очень рада посмотрѣть все это, но, все-таки, я не спокойна была за мосье Кардиналя. Правда, онъ обѣщаль мнѣ быть смирнымъ, сдерживаться; но я знала его пылкій характеръ, знала его мнѣнія о папѣ... Вотъ пришли мы; насъ ввели въ прекрасную залу и объяснили, что, при появленіи его святѣйшества, всѣ должны стать на колѣни... А? мосье Кардиналя на колѣни!

— Что-то будетъ? — думаю я про себя. — Мосье Кардиналь никогда въ жизни не согласится стать на колѣни передъ челоувѣкомъ.

Отворяется дверь... появляется его святѣйшество... мосье Кардиналь опускается на колѣни. Просто, скажу вамъ, ничего я не понимаю... Папа подходитъ къ намъ. Въ эту минуту... ну, что прикажете съ этимъ дѣлать?... Въ дѣтствѣ, въ молодости я была религіозна... безъ мосье Кардиналя была бы, пожалуй, и теперь... къ тому же слабость, женская слабость... Я такъ была взволнована, до слезъ... Но тутъ, только что папа поровнялся съ нами, мосье Кардиналь поднимается во весь ростъ, да прямо такъ и смотритъ въ лицо папѣ... гордо, какъ равный равному!...

Въ эту минуту отворилась дверь изъ кабинета. Вышелъ избиратель. Мятая шляпа на головѣ, самъ онъ набиваетъ трубку. Вокругъ всей его особы распространяется запахъ водки и дряннаго табаку. Мосье Кардиналь проводилъ его отменно почтительно, съ низкими поклонами, повторяя:

— Къ вашимъ услугамъ, мой добрый другъ, всегда къ вашимъ услугамъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки фабричной филантропіи въ Германіи и Россіи.

Съйте разумное, доброе, вечное!

Съйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!

I.

Различные виды такъ называемой фабричной филантропіи (общественныя учрежденія при фабрикахъ и заводахъ, разнаго рода вспомогательныя кассы и т. п.) представляютъ, относительно говоря, одно изъ лучшихъ, практически испытанныхъ на Западѣ средствъ для *нѣкотораго* противодѣйствія легкомыслію, нерасчетливости, болѣзнямъ и т. п. фабричныхъ рабочихъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ мы не имѣемъ въ виду касаться критико-экономической стороны вопроса, предполагая ограничиться, главнымъ образомъ, лишь указаніемъ на тѣ выдающіеся примѣры фабричной филантропіи, о которыхъ повѣствуютъ германскіе фабричные инспектора въ своихъ официальныхъ отчетахъ послѣдняго времени *).

Быть можетъ, нѣкоторымъ читателямъ не безызвѣстно, что отчеты германской фабричной инспекціи касаются, между прочимъ, вопроса объ устройствѣ и поддержкѣ фабрикантами и заводчиками такихъ учреждений (Wohlfahrtseinrichtungen), которыя имѣютъ цѣлью устраненіе дурныхъ условій фабричной жизни. Къ числу официально признанныхъ мѣръ для достиженія упомянутой цѣли, одинъ изъ фабричныхъ инспекторовъ (Рюдигеръ, въ округѣ Франкфуртъ-на-Майнѣ) относитъ слѣдующія: 1) *вспомогательныя кассы* на случай болѣзни или смерти; 2) страхованіе отъ всякаго

*) Amtliche Mittheilungen aus den Jahresberichten der mit Beaufsichtigung der Fabriken betrauten Beamten. Berlin. 1881. Korthkampff. 1882.

Die Jahresberichte der königlich-bayerischen Fabriken-Inspectoren für des Jahr 1881. München. 1882.

Отчетами за 1882 г., появившимися недавно, мы не пользуемся изъ опасенія слишкомъ загромождать статью фактическими данными, въ ущербъ ясности главной, руководившей нами, идеи.

рода случайностей при работѣ; 3) ссудосберегательныя кассы; 4) привлеченіе рабочихъ къ участию въ прибыли отъ производства; 5) *дешевыя столовыя и потребительныя товарищества*; 6) богадѣльни и различнаго рода пріюты; 7) библіотеки, читальни, музыкальныя и хоровыя общества; 8) третейскіе суды для разбора неудовольствій между рабочими и фабрикантами и т. д.). Въ нашемъ русскомъ фабричномъ законодательствѣ также обнаруживается стремленіе *распространить* среди русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ идеи фабричной филантропіи и промышленной гигіены. Такъ, въ ст. 128 т. XI уст. фабр. и зав. прямо предписывается поощрять и побуждать мѣстныхъ фабрикантовъ имѣть *«особое попеченіе о мастеровыхъ и улучшеніи ихъ быта посредствомъ устраненія сопряженныхъ съ извѣстными работами опасностей для ихъ жизни и здоровья, а также предоставленіемъ рабочему народу выюды, моущихъ предохранить его отъ нищеты и безпомощности въ случаѣ болѣзни или утраты силъ»*.

Къ сожалѣнію, вышеприведенная статья св. зак. до сихъ поръ еще не могла дать достаточно плодотворныхъ результатовъ вслѣдствіе этого гуманнаго и предусмотрительнаго требованія фабричнаго устава.

Быть можетъ, это объясняется также и тѣмъ, что, съ одной стороны, у насъ въ Россіи не вполне отчетливо ясно сознаютъ неопредѣленные плодотворныя послѣдствія для отечественной промышленности правильнаго, систематическаго и повсемѣстнаго примѣненія принциповъ фабричной филантропіи, а съ другой — условія возникновенія и организаціи разнаго рода филантропическихъ учрежденій недостаточно извѣстны, пугая нѣкоторыхъ своей новизной и непримѣнимостію въ данное время. Въ виду этого, не безынтересно будетъ коснуться, въ общихъ чертахъ, какъ именно и когда возникла фабричная филантропія въ Германіи, прежде чѣмъ она достигла своего современнаго развитія. Вообще говоря, въ концѣ первой половины нынѣшняго столѣтія благотворительныя учрежденія для рабочихъ далеко не пользовались удобными условіями для своего возникновенія. Это обуславливалось, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ Германіи, подобно тому, что замѣчается теперь и въ Россіи, фабрично-заводская промышленность развилась исподволь и, во всякомъ случаѣ, поздне, нежели, напримѣръ, въ Англіи и во Франціи.

Однако, уже въ тридцатыхъ годахъ слышно было множество жалобъ на бѣдственное положеніе большинства германскихъ рабочихъ, но лишь въ концѣ сороковыхъ годовъ, вслѣдствіе неурожая и торговаго кризиса, жалобы эти особенно обострились. Все-таки, въ первое время, дальше кой-какихъ не существенно важныхъ мѣръ и *безсистемной* частной благотворительности ничего еще не было сдѣлано.

Мысль объ основаніи между рабочими учрежденій и товариществъ, приноровленныхъ къ мѣстнымъ экономическимъ нуждамъ Германіи, впервые съ неутомимой энергіей была осуществлена извѣстнымъ филантропомъ-

экономистомъ Шульце изъ Делича, основавшимъ въ 1849 г. въ своемъ родномъ городѣ Деличѣ первую кассу для вспоможенія бѣднымъ рабочимъ и для погребенія умершихъ. Вскорѣ примѣру Шульце-Делича послѣдовала и большая часть сосѣднихъ городовъ, между которыми особенно выдавался въ этомъ отношеніи городъ Биттерфельдъ. Всѣ участники въ этихъ обществахъ уплачивали при своемъ вступленіи извѣстную сумму, а затѣмъ производили правильные ежемѣсячные взносы.

Дѣла общества рѣшались въ общихъ собраніяхъ, по большинству голосовъ: съ общаго же согласія избирались какъ директоръ, такъ и комитетъ для управленія дѣлами общества.

Размѣръ взноса за право участія въ обществѣ обыкновенно опредѣлялся возрастомъ вступающаго члена, въ виду того, что, съ увеличеніемъ числа лѣтъ, увеличивается и предрасположеніе къ заболѣваніямъ *). Въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ членовъ, общество обязано было доставлять возможность пользоваться бесплатно врачебнымъ пособіемъ и лекарствомъ; съ этой цѣлью оно заключало особаго рода условія какъ съ докторомъ, такъ и съ аптекаремъ. Кромѣ того, бѣднѣйшіе изъ членовъ, во все время своей болѣзни, получали извѣстное денежное пособіе, дававшее имъ возможность легче перенести лишеніе обычнаго заработка. Такъ, напримѣръ, если болѣзнь наступала въ первыя пять лѣтъ по вступленіи въ общество, то заболѣвшій получалъ около 10 зильбергрошей въ недѣлю и 1 талеръ и болѣе; если больной состоялъ членомъ кассы шестой годъ, и т. д.

На почвѣ, подготовленной этими кассами, вскорѣ стали устраиваться въ Германіи сходныя съ ними товарищества для доставленія необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, такъ называемыя *потребительныя товарищества*, возникшія первоначально въ Англіи, гдѣ еще въ 1844 г. основано было знаменитое товарищество рочдельскихъ пионеровъ. Это первое англійское потребительное общество быстро развилось, такъ что, спустя 33 года, вмѣсто прежнихъ 28 членовъ, стало почти 7,000, основной капиталъ съ 28 ф. стерлинговъ возросъ до 130 тысячъ ф. стерлин. (около 1 милліона руб.). тогда какъ чистая прибыль, равнявшаяся въ 1845 г. 22 ф. стерлин., въ 1867 г. доходила почти до 42 тыс. ф. ст. (слишкомъ 300,000 руб.). Переходной формой къ потребительнымъ обществамъ послужили *сберегательныя кассы*, дававшія возможность, посредствомъ небольшихъ, большей частью еженедѣльныхъ взносовъ, сберегать такую сумму, на которую можно было бы оптомъ, какъ можно дешевле закупать жизненные припасы. Необходимо, однако, сдѣлать оговорку, что существованіе большинства вышеупомянутыхъ обществъ возможно было въ первое время *мишъ при стороннемъ содѣйствіи и управленіи дѣлами*. Этими они рѣзко отличались отъ обществъ, самостоятельно развившихся, основанныхъ единственно на

*) Такъ, по словамъ берлинскаго профессора Гейма, рабочій въ возрастѣ 20—30 л. въ теченіе года болѣетъ около 6—7 дней, тогда какъ на долю 60-ти лѣтняго возраста приходится 109 дней болѣзни.

взаимномъ вспоможеніи своихъ сочленовъ, причеъ управленіе дѣлами общества не можетъ и не должно находиться въ рукахъ постороннихъ.

Что касается собственно потребительныхъ обществъ, то, какъ извѣстно, они имѣютъ ближайшей своей цѣлью—приобрѣтеніе въ большомъ количествѣ самыхъ лучшихъ продуктовъ и продажу ихъ въ розницу съ умѣреннымъ барышомъ. Этимъ путемъ члены получаютъ возможность приобрести главнѣйшіе жизненные припасы въ магазинахъ товарищества несравненно лучше и выгоднѣе, чѣмъ при покупкѣ гдѣ-либо въ другихъ лавкахъ. Главнѣйшими предметами торговли въ такихъ общественныхъ магазинахъ повсюду въ Германіи служили вначалѣ мука, масло, топливо и мясо. Какъ велико сбереженіе отъ такой оптовой закупки, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что деличское общество потребителей имѣло возможность, безъ ущерба для себя, продавать большинство предметовъ потребления на 20—30% дешевле, чѣмъ въ мѣстныхъ мелочныхъ лавкахъ. Понятно, что чѣмъ большее число лицъ участвуетъ въ такомъ потребительномъ товариществѣ, тѣмъ болѣе благоприятныхъ результатовъ его дѣятельности возможно бываетъ достигнуть. Обратный капиталъ общества обыкновенно составляется складчиной членовъ, или же посредствомъ займа за общей круговой порукой всѣхъ участвующихъ въ товариществѣ. Веденіе торговыхъ операций и пр. предоставляется особой выборной комиссіи, состоящей изъ предсѣдателя, кассира и главнаго прикащика. Должностныя лица, понятно, должны получать вознагражденіе, соотвѣтственно своему активному участию въ дѣлѣ, въ размѣрѣ извѣстнаго процента съ прибыли отъ предпріятія: такъ, напримѣръ, кассиру идетъ $\frac{3}{4}\%$, завѣдывающему центральнымъ складомъ $2\frac{1}{4}\%$ изъ выручки, такъ какъ ему же приходится заботиться также и о помѣщеніяхъ для склада и продажи товара. Такимъ образомъ, если предпріятіе расширяетъ кругъ операций, пропорціонально этому увеличивается и вознагражденіе руководителямъ его. При розничной продажѣ на цѣну товара дѣлается извѣстная надбавка, обыкновенно около 5%, причеъ 3% идутъ на содержаніе администраціи, остальные же составляютъ прибыль товарищества, которая при быстромъ и обширномъ торговомъ оборотѣ достигаетъ иногда весьма значительныхъ размѣровъ. Однако, несравненно выгоднѣе для членовъ товарищества, если закупка товара производится по-возможно низкой цѣнѣ, розничная же продажа примѣняется къ среднимъ рыночнымъ цѣнамъ данной мѣстности за наличныя деньги, какъ это, напримѣръ, практикуется въ англійскихъ потребительныхъ складахъ. Дѣло въ томъ, что въ одномъ случаѣ вся выгода для рабочаго состоитъ лишь въ ничтожной, сравнительно, прибыли отъ дешевой покупки, тогда какъ при другой системѣ рабочій получаетъ возможность составить изъ своихъ барышей довольно значительный капиталъ, пустивъ свои *потребительныя сбереженія* въ общій торговый оборотъ.

Изъ другихъ обществъ взаимнаго вспоможенія заслуживаютъ вниманія различныя товарищества ссудъ, весьма распространенныя въ Германіи, какъ

и въ другихъ странахъ. Эти *ссудныя кассы* даютъ рабочимъ возможность пользоваться мелкимъ кредитомъ, не прибѣгая къ услужливому посредничеству ростовщиковъ. Первоначально общества эти имѣли характеръ скорѣе благотворительно-вспомогательныхъ кассъ, основанныхъ, бѣльшей частью, благодаря стараніямъ отдѣльныхъ богатыхъ и гуманныхъ личностей, путемъ одновременныхъ пожертвованій или безпроцентныхъ ссудъ. Деньги, собранныя такимъ случайнымъ образомъ, были вообще незначительны, такъ что не давали возможности удовлетворять мѣстнымъ потребностямъ. Притомъ, этимъ обществамъ, пока они находились въ зависимости отъ случайныхъ благодѣяній лицъ, стороннихъ дѣлу, не доставало своей собственной, самостоятельной жизнедѣятельности. Основанное въ 1850 г., подъ руководствомъ Шульце-Делича, общество ссудъ, хотя капиталъ его и былъ составленъ первоначально изъ пожертвованій и безпроцентныхъ ссудъ, рѣзко отличалось отъ прежнихъ обществъ подобнаго рода тѣмъ, что за пользованіе ссудой обязательно взимался извѣстный процентъ.

Дѣла свои общество вело само при помощи предсѣдателя, кассира, писмоводителя и комиссіи изъ 9 лицъ, избранныхъ, по большинству голосовъ, изъ среды самихъ членовъ. Каждый изъ участниковъ въ обществѣ обязанъ былъ вносить въ кассу по 1 зильбергрошу въ мѣсяцъ. Однако, такъ какъ этихъ взносов едва хватало только на удовлетвореніе расходовъ по управленію, то вышеназванное общество первое время существовало почти безъ всякаго успѣха среди мѣстнаго населенія. Пользуясь собраннымъ весьма небольшимъ капиталомъ, общество могло удовлетворить лишь очень незначительную часть нуждавшихся въ кредитѣ, а потому эти послѣдніе, видя ничтожную пользу для себя отъ этой кассы, стали все болѣе и болѣе чуждаться ея. Лишь благодаря установленію *принципа круговой поруки*, впервые примѣненнаго д-ромъ Бернадомъ въ Эйленбургѣ въ 1851 г., ссудныя товарищества стали на твердую почву и вскорѣ быстро распространились по всей Германіи.

Въ эйленбургскомъ ссудномъ обществѣ, кромѣ ничтожнаго ежемѣсячнаго взноса, установлена была также особая плата за право вступленія въ число членовъ общества, хотя, впрочемъ, допускалось уплачивать ее и по третямъ года. Изъ этой суммы, а также изъ прибыли отъ операций ссудной кассы составилъ мало-по-малу общественный капиталъ. Когда же запасный фондъ достигъ извѣстнаго размѣра, указаннаго въ уставѣ общества, то чистая прибыль дѣлилась между членами, а такъ называемыя *вступныя* деньги употреблялись на погашеніе общественнаго займа. За вычетомъ дивиденда и расходовъ по управленію, остатокъ поступалъ на пополненіе запаснаго капитала. Кромѣ громаднаго притока денегъ отъ болѣе крупныхъ капиталистовъ, общества, основанныя на новыхъ, болѣе разумныхъ началахъ, охотно принимали также и небольшія суммы, а когда эти взносы достигали извѣстнаго предѣла (въ размѣрѣ, напр., одного талера), то они начинали приносить мелкимъ вкладчикамъ около 5% чистой прибыли.

Такимъ путемъ, деньги даже бѣдныхъ ремесленниковъ и рабочихъ стали постепенно переходить изъ обыкновенныхъ *сберегательныхъ* кассъ въ руки этихъ *ссудо-сберегательныхъ товариществъ*, которыя, при вполне надежномъ обеспеченіи, давали, въ то же время, возможность пользоваться значительно бѣльшимъ процентомъ на свои сбереженія.

II.

Въ фабричномъ округѣ восточной и западной Пруссіи, по словамъ инспектора Закка, кассы для вспомошествованія больнымъ рабочимъ устроены при 46 мѣстныхъ фабрикахъ и, въ общей сложности, состоятъ изъ 7,250 членовъ. Въ большинствѣ случаевъ, кассы эти находятся въ непосредственномъ завѣдываніи представителей фабричной администраціи и, за исключеніемъ трехъ, пользуются отъ владѣльцевъ фабрикъ субсидіей въ размѣрѣ пятой и даже половинной доли общей суммы взносовъ, получаемыхъ съ рабочихъ. На нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ сами рабочіе не дѣлаютъ никакихъ взносовъ, но касса существуетъ на вычетъ извѣстнаго процента съ чистой прибыли отъ производства.

Система денежнаго участія рабочихъ въ этихъ кассахъ вообще неоднородна. Въ большинствѣ случаевъ размѣръ взноса опредѣляется величиною еженедѣльнаго заработка рабочаго, простираясь отъ 9 до 40 пфенниговъ въ недѣлю *). Въ другихъ случаяхъ взносъ уплачивается въ размѣрѣ 2—3% съ заработка, или же каждый рабочій, каковой бы ни былъ его заработокъ, вноситъ въ кассу по 10—20 пфенниговъ въ недѣлю. При большинствѣ такого рода кассъ существуютъ также и *похоронныя* кассы (*Sterbekassen*). Нѣкоторые же фабриканты, сверхъ того, принимаютъ на свой счетъ часть издержекъ на погребеніе одного изъ членовъ рабочей семьи или же выдаютъ денежное пособіе въ размѣрѣ до 60 марокъ. Что касается остальныхъ мѣстныхъ фабрикъ, гдѣ не существуетъ вышеупомянутыхъ больничныхъ кассъ, то, по заявленію фабричнаго инспектора, рабочіе на такихъ промышленныхъ заведеніяхъ состоятъ членами въ другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ (общинныя кассы, ремесленные союзы и пр.). Въ противномъ случаѣ, рабочіе пользуются отъ владѣльца фабрики бесплатной врачебной помощью и, сверхъ того, денежнымъ пособіемъ въ размѣрѣ половины или двухъ третей своего ежедневнаго заработка.

Ссудосберегательныя кассы въ названномъ выше округѣ встрѣчаются вообще довольно рѣдко, ибо, по словамъ самихъ фабрикантовъ, рабочіе, вынужденные перебиваться изо дня въ день (*von der Hand in den Mund leben*), не обнаруживаютъ большой склонности дѣлать сбереженія изъ своего скуднаго заработка. Впрочемъ, на двухъ фабрикахъ рабочимъ вѣняется въ обязанность вносить въ сберегательную кассу, по крайней мѣрѣ, по 20 пф.

*) Одна германская марка содержитъ 100 пфенниговъ, что составляетъ около 31—43 коп. на русскія деньги.

въ недѣлю, а къ собранной такимъ образомъ общей суммѣ фабричная фирма прибавляетъ отъ себя около 5%. На другихъ же двухъ фабрикахъ администрація удерживаетъ по 10—25 пфен. изъ ежедневнаго заработка рабочихъ, а затѣмъ въ опредѣленные сроки покупаетъ для нихъ на эти деньги запасъ провизіи на зиму или же сѣмена для посѣва и т. п.

Обращаясь затѣмъ къ отчету по округу Франкфуртъ-на-Майнѣ (инспекторъ Рюдигеръ), мы, прежде всего, должны остановить свое вниманіе на любопытномъ отчетѣ в уставѣ вспомогательной и сберегательной кассы рабочихъ на суконной фабрикѣ Хемеля въ Губенѣ *) Изъ цифровыхъ данныхъ о дѣятельности этого общества, указываемыхъ упомянутымъ инспекторомъ, видно, что въ теченіе 7 лѣтъ, съ 1875 по 1881 г., въ сберегательной кассѣ было принято вкладовъ отъ рабочихъ на сумму 32,656 марокъ, изъ коихъ выдано было обратно около 21 тысячи марокъ. Размѣръ процентовъ, выдававшихся на принятые вклады, простирался отъ 3 $\frac{1}{2}$ % въ 1878 году до 4 $\frac{1}{2}$ —5% въ остальные года. Далѣе, въ указанный періодъ времени, изъ 8,600 марокъ, поступившихъ въ вспомогательную кассу, было выдано пособій на сумму слишкомъ 3,000 марокъ.

Въ отчетѣ другаго фабричнаго инспектора (окр. Шлезвигъ-Гольштейнъ) заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія заявленіе о томъ, что въ его округѣ заработная плата значительно выше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Германіи, расположенныхъ ближе къ югу, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ фабричный инспекторъ, «по климатическимъ условіямъ данной мѣстности организмъ рабочихъ нуждается въ обильной и болѣе питательной пищѣ, чѣмъ та, которой пользуется южный рабочій». Не менѣе любопытны также свѣдѣнія о томъ, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одна изъ мѣстныхъ промышленныхъ фирмъ (цементный заводъ Альзена и сына) выстроила около 9 отдѣльныхъ двухъэтажныхъ домовъ для семейныхъ рабочихъ. Каждый изъ этихъ домовъ раздѣляется на 4 квартиры, съ пристройками для погреба, хлѣва и небольшимъ участкомъ земли для огорода. Отдѣльная квартира состоитъ изъ общей комнаты, спальной каморки и небольшой свѣтлой кухни. Задумавъ одновременно съ этимъ устроить для рабочихъ сберегательную кассу, фабричная администрація предложила каждому квартиранту, поселившемуся въ одномъ изъ вышеназванныхъ домовъ, вносить на свое имя по 2 марки изъ своего еженедѣльнаго заработка. Однако, рабочій, безъ согласія на то хозяина, не могъ располагать, по своему усмотрѣнію, ни своими сбереженіями, ни процентами съ нихъ. Деньги же эти должны служить обезпеченіемъ того, если рабочій пожелаетъ уйти съ фабрики, то онъ обязанъ сдать свою квартиру въ полной сохранности. Если же рабочій живетъ все время на фабрикѣ, то сдѣланныя имъ сбереженія составляютъ для него запасный фондъ подъ старость или на случай болѣзни. Однако, только 9 рабочихъ согласились на такого рода условія и въ на-

*) Amtliche Mittheilungen etc. стр. 39—40.

стоящее время у нихъ хранится въ сберегательной кассѣ капиталъ, въ общей сложности, въ 2 115 мар. Остальные же рабочіе съ неопытнымъ, по мнѣнію фабричнаго инспектора, недовѣріемъ отнеслись къ сдѣланному предложенію, такъ что новыхъ квартирантовъ для выстроенныхъ помѣщеній не оказалось. Тогда владѣльцы фабрики, хотя и неохотно, сдѣлали уступку рабочимъ, предложивъ, чтобы каждый квартирантъ позволялъ вычитать изъ своего заработка лишь по 1 маркѣ въ недѣлю, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ремонтъ квартиры производился на его счетъ.

Далѣе, въ отчетѣ того же инспектора упоминается, что на одномъ изъ мѣстныхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній, именно на старинномъ чугунно-плавильномъ и машиностроительномъ заводѣ въ Регенбургѣ, давно уже существуетъ нѣсколько весьма полезныхъ для рабочихъ учреждений. Одно изъ нихъ—*пенсіонная касса* для рабочихъ, которая, въ то же время, служитъ и вдовьей кассой, содержащей въ настоящее время около 8 инвалидовъ и 23 вдовы. Каждый рабочій, поступившій въ число членовъ кассы, еженедѣльно вноситъ извѣстную сумму, тогда какъ фабричная администрація, изъ собственныхъ суммъ, удваиваетъ, съ своей стороны, этотъ взносъ. Другое не менѣе полезное учрежденіе возникло въ день празднованія 50-ти лѣтняго юбилея существованія фирмы, причемъ всѣмъ рабочимъ, бывшимъ на заводѣ 25 и болѣе лѣтъ, были выданы особаго рода почетные дипломы и книжки на полученіе небольшого вклада, положеннаго на ихъ имя въ одну изъ мѣстныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ. Тѣмъ же знакомъ отличія и денежной наградой пользуется съ тѣхъ поръ каждый изъ рабочихъ, дожившій до двадцатипятилѣтія своей работы на заводѣ съ годовщины его возникновенія 19 апрѣля. Этимъ путемъ предполагалось возбудить въ рабочихъ склонность къ сбереженіямъ и домовитости, хотя, впрочемъ, надежды владѣльцевъ завода не оправдались, ибо значительная часть рабочихъ, удостоенныхъ награды, при первой же надобности въ деньгахъ, взяла обратно изъ кассы положенный вкладъ вмѣстѣ съ процентами. Немногіе лишь выполняли намѣреніе жертвователя, откладывая, время отъ времени, къ подаренной суммѣ собственныя маленькія сбереженія.

Въ послѣднее время примѣру ихъ стали слѣдовать и другіе рабочіе, главнымъ образомъ, благодаря настояніямъ своихъ болѣе брагоразумныхъ жень. Наконецъ, на той же самой фабрикѣ устроена для рабочихъ *ссудная касса*, ежегодный оборотъ которой простирается до 400 мар. Подъ поручительствомъ одного изъ мѣстныхъ жителей, имѣющаго постоянную осѣдность, каждый рабочій имѣетъ возможность, за небольшой процентъ, взять изъ кассы ссуду, уплачивая ее путемъ вычетовъ изъ своего еженедѣльнаго заработка.

Далѣе, по отношенію къ Ганноверскому округу, любопытно отмѣтить тотъ фактъ, что изъ общаго числа 213 фабричныхъ заведеній на 70 фабрикахъ устроены вспомогательныя кассы съ капиталомъ, составившимся изъ взносовъ рабочихъ и субсидій отъ самихъ фабрикантовъ. Рабочіе же на

другихъ 40 фабрикахъ, по словамъ инспектора, состояли членами различныхъ мѣстныхъ вспомогательныхъ кассъ (eügeneschiebene Kassen). Кроме того, на нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ фабрикахъ и заводахъ существуютъ ссудосберегательныя и инвалидныя кассы, пользующіяся отъ фабрикантовъ извѣстной поддержкой или въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ единовременныхъ пожертвованій, или же меньшихъ періодическихъ взносовъ. Въ пользу этихъ кассъ поступають, между прочимъ, также и штрафныя деньги съ рабочихъ. Достоинно вниманія, что даже въ кассахъ, основанныхъ самими фабрикантами, рабочіе принимаютъ весьма дѣятельное участіе, избирая изъ своей среды отдѣльныхъ депутатовъ, а по отдѣльнымъ вопросамъ постановляя рѣшенія лишь съ общаго согласія всѣхъ участвующихъ въ кассѣ. Равнымъ образомъ, въ потребительныя товарищества, существующія въ этомъ округѣ при нѣкоторыхъ фабрикахъ, находятся въ непосредственномъ завѣдываніи самихъ рабочихъ. Участіе въ этихъ товариществахъ приносятъ рабочимъ болѣе 13%, прибыли сравнительно съ мѣстными цѣнами у мелкихъ торговцевъ, не говоря уже о лучшемъ качествѣ приобретаемыхъ припасовъ.

Кстати будетъ отмѣтить и тотъ фактъ, что на нѣсколькихъ мѣстныхъ фабрикахъ устроены такъ называемыя *суппелы* (Suppen-Anstalten), гдѣ за 10—20 пфен. рабочіе получаютъ порцію (1 литръ) хорошаго супа съ овощами и $\frac{1}{8}$ килограмма говядины. Утромъ же и въ полдень въ этихъ столовыхъ за ничтожную плату рабочіе могутъ пользоваться кофе (около $\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ литра), а также легкимъ, но безусловно хорошимъ пивомъ. Такъ какъ цѣны, получаемыя за это, весьма низки, то владѣльцы фабрикъ прибавляютъ отъ себя болѣе или меньшія суммы, составляющія обыкновенно четвертую или половинную часть тѣхъ денегъ, которыя взимаются съ рабочихъ за пользованіе этой столовой.

Относительно Вестфальскаго фабричнаго округа мы узнаемъ изъ отчетовъ инспекторовъ, что владѣльцы нѣкоторыхъ мѣстныхъ фабрикъ оказываютъ значительную поддержку вспомогательнымъ кассамъ для рабочихъ, уплачивая отъ себя около половины общей суммы взносовъ, получаемой съ участниковъ кассы. Далѣе, существующая при двухъ фабрикахъ въ Брэкведѣ ссудосберегательная касса принимаетъ вклады изъ 5% годовыхъ, выдавая также и ссуды нуждающимся членамъ на самыхъ необременительныхъ условіяхъ. Кроме того, среди мѣстныхъ рабочихъ уже давно съ полнымъ успѣхомъ существуетъ потребительное товарищество, а также союзъ, основанный съ цѣлью содѣйствовать распространенію просвѣщенія между рабочими (Arbeiterbildungs-Verein). Союзъ этотъ собирается одинъ разъ въ недѣлю на вечернія засѣданія, выписываетъ множество газетъ и обладаетъ библіотекой, которая, по уставу этого общества, доступна также для лицъ, не пренимающихъ участія въ союзѣ.

Пробѣгая отчеты другихъ инспекторовъ, мы узнаемъ, между прочимъ, что въ Дюссельдорфскомъ округѣ, судя по официальнымъ статистическимъ

даннымъ 1881 г., было 497 вспомогательныхъ фабричныхъ кассъ, кромѣ такъ называемыхъ союзовъ рудокоповъ (Knappschaftskassen), представляющихъ совершенно особую организацію.

Число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ фабричныхъ кассахъ, простиралось до 106,444 чел., причемъ изъ общей суммы взносовъ (слишкомъ 2 милліона марокъ), 60% приходится на долю самихъ рабочихъ. 25% составляютъ ежегодную субсидію отъ владельцевъ фабрики, остальные 14% состоятъ изъ вступныхъ денегъ, процентовъ, пени и т. д. Въ теченіе 865,310 дней пособіемъ пользовалось 59,428 членовъ, причемъ кассой израсходовано было около 1.800,000 мар., изъ коихъ 78% было выдано въ пособіе заболѣвшимъ членамъ, 11% на вспомошествованіе инвалидовъ и пр., 6% отчислено на издержки по управленію кассой и, наконецъ, 5% было выдано на погребеніе умершихъ членовъ. Наличный капиталъ кассы простирался почти до $3\frac{1}{2}$ милліон. мар. Сравнивая данныя 1878 г., вышеназванный инспекторъ замѣчаетъ, что число вспомогательныхъ кассъ въ его округѣ возрасло на 4%, число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ нихъ, на 10%, также какъ и число получившихъ пособіе; наличный капиталъ кассы увеличился на 5%, тогда какъ расходы по управленію возрасли на 17% сравнительно съ предыдущими годами. Въ дополненіе къ приведеннымъ выше цифрамъ, замѣтимъ, что, по сообщенію другаго фабричнаго инспектора, въ Кельнскомъ округѣ, судя по даннымъ 1880 г., числилось около 54 вспомогательныхъ кассъ съ общимъ капиталомъ въ 638 тысячъ мар. Число рабочихъ, принимавшихъ участіе въ этихъ кассахъ, въ общей сложности, равнялось слишкомъ 23,000 чел., при численности всего фабричнаго населенія въ Кельнскомъ округѣ въ 1880 г. до 32,225 чел. Отсюда слѣдуетъ, что въ этихъ кассахъ не принимало участія всего лишь около одной трети мѣстнаго фабричнаго населенія.

По отношенію же къ фабричному округу Аахенъ и Триръ, обращаютъ на себя вниманіе любопытныя свѣдѣнія, сообщаемыя инспекторомъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ на чугунно-плавильномъ и машиностроительномъ заводѣ бр. Штуммъ. Заводъ этотъ расположенъ въ одномъ изъ небольшихъ городовъ округа Триръ и имѣетъ около 2,000 рабочихъ. Особенно интересны цифровыя данныя о дѣятельности союза рудокоповъ (Knappschafts-Verein), имѣющаго свой особый уставъ и состоящаго изъ всѣхъ мѣстныхъ рудниковыхъ рабочихъ, удовлетворяющихъ требованіямъ устава. Пополненіе средствъ кассы производится: 1) изъ взносовъ съ рабочихъ, распределяемыхъ по 5 разрадамъ *); 2) изъ субсидій отъ владельцевъ рудниковъ, въ размѣрѣ половины той суммы, которая получается со всѣхъ рабочихъ, состоящихъ членами союза; 3) изъ штрафныхъ денегъ и

*) Ежемесячный взносъ колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: въ первомъ разрядѣ 3 марки, во второмъ 2.40 мар., въ третьемъ 1.80 мар., въ четвертомъ 1.20 мар. и, наконецъ, въ послѣднемъ разрядѣ записываются только несовершеннолѣтніе рабочіе, вносящіе ежемесячно по 60 пенниговъ.

заработка рабочихъ, уходящихъ съ завода раньше условленнаго срока; 4) изъ процентовъ на капиталъ. Дѣятельность союза проявляется въ шести направленіяхъ или функціяхъ. Во-первыхъ, члены союза, а равно ихъ жены и дѣти бесплатно пользуются врачебной помощью и лекарствами или же бесплатнымъ леченіемъ въ госпиталѣ. Кромѣ того, во все время болѣзни, лишашей рабочихъ обычнаго ихъ заработка, союзъ выдаетъ ежедневное пособіе, а именно: для членовъ перваго и втораго разряда въ размѣрѣ около 1 мар. въ день, для двухъ слѣдующихъ разрядовъ по 50—60 пфен. Въ случаѣ же смерти союзъ выдаетъ пособіе на похороны: для рабочихъ первыхъ четырехъ разрядовъ по 36 мар., для несовершеннолѣтнихъ по 27 мар. Если же смерть послѣдовала отъ несчастія при работѣ, то семья пострадавшаго получаетъ въ полтора раза большее пособіе. Размѣръ выдачи пожизненныхъ пенсій престарѣлымъ рабочимъ и вспомоствованій вдовамъ и сиротамъ по каждому изъ четырехъ вышеуказанныхъ разрядовъ распределяется на 9 степеней, смотря по числу лѣтъ работы на заводѣ. вспомоствованіе выдается въ размѣрѣ 9—39 мар., а малолѣтнимъ (питая категория) по 6 мар. въ мѣсяцъ. Пожизненный пенсіонъ простирается отъ 4½ до 19½ мар., сироты же получаютъ 1½—3 мар. въ мѣсяцъ. Далѣе, касса выдаетъ экстренныя вспомоствованія для доставленія членамъ возможности пользоваться, въ случаѣ надобности, леченіемъ на минеральныхъ водахъ, въ клиникахъ и пр. Дѣлами союза завѣдуетъ особый комитетъ изъ 6 членовъ, изъ коихъ трое избираются изъ среды рабочихъ и трое назначаются владѣльцами завода. Въ концѣ 1880 г. въ союзѣ числилось 2,062 члена (657 постоянныхъ, 1,289 временныхъ и 116 малолѣтнихъ). Интересно прослѣдить движеніе кассовыхъ суммъ въ 1880 г. Приходъ кассы простирается почти до 122 тысячъ мар., а именно:

Выплаты рабочихъ	51,721,82	мар.
» хозяевъ	25,860,91	»
Вступныя деньги	159,00	»
Проценты и пени	15,951,26	»
Штрафныя деньги и пр.	28,282,28	»
Итого	121,901,33	мар.

Въ то же время, общій расходъ кассы (около 78 тысячъ марокъ) распределялся слѣдующимъ образомъ:

Вознагражденіе врачамъ	3,591,67	мар.
Расходъ на лекарства и пр.	13,974,82	»
Пособія заболѣвшимъ	13,481,39	»
» на погребеніе	720,00	»
» инвалидамъ	21,237,20	»
» вдовамъ	10,960,00	»
» сиротамъ	2,985,00	»

Экстренныя вспомошествованія	6,535, ⁰⁰ мар.
Содержаніе администраціи	2,060, ⁰³ »
Прочіе расходы	2,322, ³⁵ »
Итого	77,868, ⁰⁹ мар.

Такимъ образомъ, въ 1880 г. приходъ кассы союза превышалъ общую сумму расходовъ на 44 тысячи марокъ, причеиъ въ концѣ года наличное имущество кассы равнялось 368,386 мар.

Задача другаго благотворительнаго учрежденія на томъ же заводѣ состоитъ въ попеченіи о бѣдныхъ и больныхъ рабочихъ, что возложено на 5 діакониссъ или сестеръ милосердія. Одна изъ сестеръ заботится спеціально о бѣдныхъ и больныхъ мѣстной общины и, преимущественно, среди рабочаго населенія, располагая предоставленными въ ея распоряженіе съ этой цѣлью довольно крупными денежными средствами. Двѣ сестры дежурятъ въ госпиталѣ, четвертая состоитъ при богадѣльнѣ и, наконецъ, пятая завѣдуетъ школой для маленькихъ дѣтей. Владѣльцы упомянутаго завода, около 8 лѣтъ тому назадъ, выстроили обширное помѣщеніе для призрѣнія больныхъ и дряхлыхъ, а также и для вдовъ и сиротъ. Больница устроена на 34 кровати и состоитъ изъ 14 палатъ, операціонной комнаты, двухъ ванныхъ и, наконецъ, комнатъ для доктора, дежурныхъ діакониссъ, сидѣлокъ и пр. Въ 1880 г. больничнымъ леченіемъ пользовалось 308 человекъ, включая и стороннихъ, причеиъ ими было проведено въ больницы въ общей сложности 6,877 дней, что составляетъ, среднимъ числомъ, на каждаго больного слишкомъ 22 дня. Богадѣльня служитъ для призрѣванія увѣчныхъ дѣвушекъ, дряхлыхъ старухъ и инвалидовъ изъ среды заводскихъ рабочихъ и состоитъ изъ 18 палатъ на 25 чел. и общей столовой. Далѣе, въ виду того, что въ помѣщеніи, предназначенномъ для пріюта сиротъ, до сихъ поръ еще не представлялось надобности, администрація завода и эти 4 комнаты уступила временно для устройства въ нихъ женской школы, въ которой дочери рабочихъ имѣютъ возможность безвозмездно пополнять свое элементарное образованіе. Къ госпиталю и богадѣльнѣ примыкаетъ большой паркъ или садъ, предоставленный въ пользованіе больныхъ и призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ. Наконецъ, на томъ же заводѣ, на средства владѣльцевъ его, устроена дешевая столовая на 16 столовъ и 128 мѣстъ, преимущественно, для дальнихъ и безсемейныхъ рабочихъ. Ежедневно отпускается около 200—300 порцій, состоящихъ, обыкновенно, изъ картофельнаго супа съ овощами и $\frac{1}{4}$ фунта мяса; каждая порція стоитъ 25 пфенниговъ, а съ хлѣбомъ около 30 пфен. Вообще не мѣшаетъ замѣтить, встати, что и въ Дрезденскомъ [округѣ (Саксонія)] на мѣстныхъ фабрикахъ также устроено множество подобнаго рода дешевыхъ столовыхъ или кухонь, причеиъ, напримѣръ, на одной изъ фабрикъ 6 обѣдовъ обходятся владѣльцу около $1\frac{1}{2}$ мар., но съ рабочихъ взимается всего лишь 1 марка. Равнымъ образомъ, вспомогательныя кассы для ра-

бюхи существуютъ почти при всѣхъ мѣстныхъ фабрикахъ въ этомъ округѣ, расположенныхъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ другъ отъ друга, тогда какъ на фабрикахъ, стоящихъ отдѣльно и вдали отъ населенныхъ мѣстечекъ, кассы встрѣчаются, сравнительно, рѣже. Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія весьма похвальный обычай, существующій на многихъ крупныхъ фабрикахъ въ названномъ выше округѣ: *выдавать беременнымъ работницамъ, въ теченіе 3 недѣль до родовъ и 3 недѣль въ послѣродовомъ періодѣ, заработокъ также и за нерабочіе дни.* Не безъинтересна также организація общей вспомогательной кассы на одной обширной старинной пивоварной фабрикѣ въ Дрезденѣ, на которой работаютъ 122 муж. и 46 женщ. Внеся одновременно въ эту кассу отъ 1 до 3 мар., рабочіе получаютъ право на денежное пособіе въ случаѣ болѣзни, по крайней мѣрѣ, въ теченіе 24 недѣль. Въ случаѣ же смерти своего сочлена, касса принимаетъ на себя расходы на погребеніе. Основной капиталъ кассы въ 30,000 марокъ былъ пожертвованъ владѣльцемъ фабрики въ память пятидесятилѣтняго ея существованія, а въ настоящее время этотъ основной фондъ пополняется взносами рабочихъ, а также штрафными деньгами и пр. Согласно уставу кассы, изъ процентовъ на основной капиталъ расходуются на пособія не болѣе 900 мар. въ годъ, остатокъ же изъ этой послѣдней суммы ассигнуется на экстренныя вспомошествованія наиболѣе нуждающимся членамъ. Въ случаѣ же, когда упомянутой суммы въ 900 марокъ оказывается недостаточно для правильной выдачи обычныхъ пособій, то недостающая сумма пополняется владѣльцемъ фабрики изъ собственныхъ средствъ.

Въ фабричномъ округѣ Цвикау замѣчательно, главнымъ образомъ, устройство общества вспоможенія вдовамъ, сиротамъ и дряхлымъ рабочимъ на одномъ изъ мѣстныхъ рудниковъ. Начиная съ пятого года своего пребыванія на заводѣ, рабочіе получаютъ право на пенсію въ размѣръ 10%, получаемого ими содержанія, а затѣмъ, по мѣрѣ достиженія или 25 лѣтъ работы на заводѣ, размѣръ пенсіи постепенно возрастаетъ до 50%. Основной капиталъ, простиравшійся въ 1881 г. до 40,000 мар., внесенъ былъ владѣльцами заводовъ, а именно изъ 3 1/3% съ заработной платы рабочихъ и 1 пфеннига съ каждаго центнера проданнаго заводомъ желѣза. Служащіе и рабочіе въ 1881 г. получили, въ общей сложности, 36,770 мар. пенсіона, а вдовы и сироты около 17,400 мар. Не лишена значенія для успѣха дѣятельности упомянутаго завода также и тотъ обычай, что рабочій, придумавшій какое-нибудь улучшеніе въ производствѣ, получаетъ въ награду соотвѣтственное вознагражденіе, или же въ пользу его, въ теченіе четверти года, отчисляется половина прибыли, доставленной владѣльцу придуманнымъ улучшеніемъ. Не менѣе замѣчательное распоряженіе по фабрикѣ сдѣлала фирма Шimmelъ и комп. въ Лейпцигѣ, а именно: всякій рабочій, пробывшій на фабрикѣ 10 лѣтъ и ни разу не замѣченный ни въ чемъ предосудительномъ, получаетъ въ концѣ

года награду въ 600 мар., а за каждыя слѣдующія 5 лѣтъ по 300 мар. въ надежныхъ процентныхъ бумагахъ. Что касается остальныхъ рабочихъ, то, въ награду за хорошую службу, они также получаютъ, въ видѣ свѣточного подарка, по 100 мар. каждый. Точно такой же прекрасный примѣръ поощренія заслуженныхъ рабочихъ встрѣчаемъ мы и въ другомъ фабричномъ округѣ (бывшее княж. Рейссъ старшей линіи), на одной изъ мѣстныхъ ткацкихъ фабрикъ въ Грейцѣ, гдѣ каждый, проработавшій на фабрикѣ 20 лѣтъ, получаетъ въ награду 300 мар. одновременно, а проработавшій 40 лѣтъ пользуется пенсіей по 10 мар. въ недѣлю.

Баварскіе фабричные инспектора въ своихъ отчетахъ, вышедшихъ также и отдѣльнымъ изданіемъ, кромѣ общаго сборника, сообщаютъ весьма любопытныя для насъ свѣдѣнія о нравственно-экономическихъ условіяхъ жизни мѣстнаго рабочаго населенія *). Между прочимъ, заслуживаетъ вниманія заявленіе одного изъ баварскихъ инспекторовъ, что фабричный заработокъ, при 10 — 11 часовой продолжительности рабочаго дня, несравненно выше, нежели въ такъ называемой домашней промышленности (*Haushandlung*). Въ этой послѣдней, при поштучной платѣ, получаемой отъ разныхъ мелкихъ фабрикантовъ (*Accordanten*) или, какъ ихъ у насъ въ Россіи называютъ, мастерковъ или *замодь*, женщина, при самой напряженной работѣ, заработаетъ, напр., шитьемъ перчатокъ не болѣе 4 мар. въ недѣлю. Напротивъ, рабочій на такой же фабрикѣ, раздающей часть работы по домамъ, шитьемъ тѣхъ же самыхъ перчатокъ заработаетъ отъ 25 до 36 мар. въ недѣлю. Что касается условій харчеваго продовольствія мѣстныхъ фабричныхъ, то, кромѣ нѣсколькихъ потребительныхъ обществъ для снабженія продуктами первой необходимости, на многихъ фабрикахъ существуютъ дешевыя столовыя или кухни для рабочихъ.

Такъ, на вышеуказанной перчаточной фабрикѣ (около 300 постоянныхъ рабочихъ и до 800 человекъ, работающихъ на сторонѣ) въ просторной столовой ежедневно изготовляется на 100 рабочихъ сытный обѣдъ за 50 пфенниговъ (около 20 коп.) и, сверхъ того, за ту же цѣну дается еще стаканъ пива. Опуская нѣкоторыя свѣдѣнія о мѣстныхъ вспомогательныхъ кассахъ, устроенныхъ совершенно такъ же, какъ и тѣ, которыя были нами указаны раньше, мы остановимся лишь на отчетѣ фабричнаго инспектора Перальцскаго округа. Именно, упомянутый инспекторъ сообщаетъ чрезвычайно любопытныя цифровыя данныя о колебаніи цѣнъ на жизненные припасы за четырехлѣтній періодъ времени, а также объ условіяхъ харчеваго продовольствія рабочихъ на нѣкоторыхъ мѣстныхъ фабрикахъ.

Такъ, напримѣръ, сопоставляя рыночныя цѣны 1879—81 годовъ, фабричный инспекторъ заключаетъ, что въ числѣ другихъ продуктовъ особенно сильно вздорожала рожь (на 27%), тогда какъ цѣна ржанаго хлѣба

*) Резервируемая нами часть этихъ отчетовъ носитъ общее заглавіе: *Wirtschaftliche und sittliche Zustände der Arbeiter - Bevölkerung; Wohlfahrtseinrichtungen; Verschiedenes.*

увеличилась къ концу этого періода всего лишь на 6%. Вообще цѣны на большую часть съѣстныхъ припасовъ значительно возрасли въ 1881 г. Впрочемъ, возрастаніе цѣнъ обнаруживаетъ не одинаковыя процентныя соотношенія при сравненіи отдѣльныхъ продуктовъ животнаго и растительнаго царства, а также при сопоставленіи отдѣльныхъ годовъ вышеуказаннаго періода времени. Полагая, что одна рабочая семья, среднимъ числомъ, потребляетъ ежедневно около 6 фунтовъ ржанаго хлѣба, оказывается, что вздорожаніе одного фунта хлѣба на $\frac{3}{4}$ пфен. составитъ разницу, сравнительно съ 1878 г., въ $4\frac{1}{2}$ пфен. въ день. Однако, въ виду того, что заработная плата стала на 10—20 пфен. выше, въ среднемъ выводѣ на одного рабочаго, инспекторъ заключаетъ, что, вообще говоря, благодаря отсутствію застоя мѣстной промышленности, положеніе фабричныхъ не ухудшилось, тѣмъ болѣе, что мясо на 25% стало дешевле, чѣмъ было въ 1878 году.

Далѣе, тотъ же инспекторъ сообщаетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія о дешевой столовой или кухнѣ для рабочихъ на химическомъ заводѣ въ Лудвигстафенѣ, на которомъ работаетъ около 150 человекъ. Кухня эта устроена владельцемъ фабрики съ цѣлію дать возможность рабочимъ, живущимъ, сравнительно, далеко, за недорогую плату пользоваться хорошей, питательной и, притомъ, горячей пищей. Фабричная администрація приняла на себя расходы по устройству, ремонту и отопленію столовой, деньги же, получаемыя съ рабочихъ за обѣды, служатъ лишь для приобрѣтенія припасовъ и на жалованье кухаркѣ. За 20 пфен.,—что составляетъ на наши деньги не болѣе 10 коп., если считать германскую марку равной, по курсу, 50 к.,—рабочій получаетъ: 125 граммъ или $\frac{1}{4}$ фунта мяса *безъ костей*, $\frac{3}{4}$ литра супа и 400 граммъ или $\frac{1}{5}$ ф. картофеля съ саломъ. Кромѣ того, за 5 пфен., сверхъ обычной платы, дается поллитра кофе съ молокомъ. Дешевизна поразительная, въ особенности, если мы примемъ во вниманіе, что у насъ, въ Россіи, даже при артельномъ продовольствіи, харчи обходятся фабричному рабочему не дешевле 17—20 коп. въ день *). Во избѣжаніе могущихъ возникнуть сомнѣній, упомянутый выше фабричный инспекторъ окр. Пфальцъ сообщаетъ, между прочимъ, слѣдующій подробный расчетъ стоимости изготовленія харчей на 100 человекъ: 100 × 135 граммъ мяса (вмѣстѣ съ костями) составляютъ $13\frac{1}{2}$ килограмма или, по 90 пфен. за килограммъ, въ общей суммѣ 12,15 марки.

Далѣе, приправа къ супу (рисъ, мука, горохъ, бобы и пр.) въ количествѣ 7 килогр. на сумму 3,03 мар. Наконецъ, сюда же слѣдуетъ отнести:

1 $\frac{1}{2}$ килогр. соли по 20 пфен.	0,30 мар.
45 > картофеля къ супу и ко второму блюду на	2,80 >
Зелень и коренья	0,40 >

*) Эрисманъ: «Пища рабочихъ Москов. уезда» «Труды VI губерн. съѣзда врачей москов. земства» 1882 г., стр. 181 и далѣе.

Сало 0,60 мар.
 Жалованье кухаркѣ 1 »

Такимъ образомъ, расходы на продовольствіе 100 рабочихъ обходятся 20,30 мар. или на каждого около 20 пфен.

Арифметическая точность приводимаго фабричнымъ инспекторомъ расчета этимъ, однако, не ограничивается, а именно указывается также и стоимость приготовления кофе съ молокомъ:

100 × 10 гр. жаренаго кофе = 1 килогр. = 2,60 мар.
 Цикорія 0,20 »
 100 × 1/8 литра молока = 12 1/2 литра по 17 пфен. = 2,13 »
 Вознагражденіе за трудъ 0,30 »

Отсюда слѣдуетъ, что приготовленіе 100 порцій кофе обходится 5,13 мар., такъ что одна порція стоитъ всего лишь 5 пфенниговъ или около 2 коп. Въ виду такой точности сообщаемыхъ инспекторомъ свѣдѣній, мы охотно готовы вѣрить его заявленію, что этой дешевой столовой остаются вполне довольны всѣ пользующіеся ею рабочіе. Что касается условій жизни и продовольствія рабочихъ, ведущихъ собственное хозяйство, то нельзя не упомянуть о томъ, что, по словамъ фабричнаго инспектора, семейные рабочіе на фабрикахъ вообще рѣдко имѣютъ возможность пользоваться хорошей и питательной пищею. Дѣло въ томъ, что въ данной мѣстности, подобно тому, какъ это всюду встрѣчается у насъ въ Россіи, жены фабричныхъ берутся также изъ среды рабочаго населенія и, въ большинствѣ случаевъ, вынуждены вмѣстѣ съ мужьями работать на фабрикѣ. Притомъ, по словамъ инспектора, рѣдкая изъ женъ рабочихъ имѣла случай въ дѣвушкахъ научиться умѣнной *вести домашнее хозяйство и дешево, и хорошо*. А, между тѣмъ, если рабочему удалось взять себѣ жену, которая раньше жила гдѣ-нибудь въ качествѣ домашней прислуги или побывала въ практическихъ школахъ кухарокъ, то въ большинствѣ случаевъ хозяйство велось вполне разумно и экономно. Наоборотъ, когда домашнее хозяйство находится въ завѣдываніи неумѣлой хозяйки, кое-какъ, да и то не всегда, научившейся раньше въ своей семьѣ рутинному способу приготовления пищи, тамъ продовольствіе рабочей семьи, по наблюденію упомянутаго инспектора, поражало своей непрактичностью и отсутствіемъ умѣнья готовить дешевую и, въ то же время, достаточно разнообразную и питательную пищу.

III.

Если у читателя хватило терпѣнія пробѣжать нашъ обзоръ фабричной филантропіи въ Германіи, то, въ результатѣ, у него непременно, самъ собой, возникнетъ вопросъ, встрѣчается ли что-либо подобное у насъ въ Россіи, на нашихъ фабрикахъ и заводахъ? Увы, какъ это ни оскорбительно для нашего патріотизма, но мы должны замѣтить, что въ теченіе почти

пятилѣтнихъ развѣздовъ по фабрикамъ и заводамъ Московской губерніи намъ приходилось встрѣчать лишь очень слабыя проявленія русской фабричной филантропіи и предприимчивости. Однако, какъ ни смутно еще у насъ, въ Россіи, сознание практической необходимости и важности для самихъ фабрикантовъ фабричнаго законодательства вообще и, въ частности, промышленной гигіены, все же постараемся сопоставить, рядомъ съ приведенными выше свѣдѣніями, все, что намъ извѣстно относительно благотворительныхъ учреждений при русскихъ фабрикахъ и заводахъ. Задача такого сопоставленія будетъ не особенно затруднительна, въ виду того скуднаго матеріала, который у насъ имѣется подъ руками. Такъ какъ о нѣкоторыхъ фабрикахъ, на которыхъ также существуютъ благотворительныя учреждения, почти вовсе не упоминается за отсутствіемъ источника, изъ котораго можно было бы заимствовать необходимыя свѣдѣнія, то, очень можетъ быть, въ нашемъ обзорѣ легко окажется, во всякомъ случаѣ, полагаемъ, не особенно существенный пробѣлъ. Впрочемъ, мы будемъ очень рады, если кто-нибудь изъ лицъ, болѣе свѣдущихъ въ этомъ отношеніи, возьмется пополнить этотъ пробѣлъ и сообщить нѣкоторыя данныя о томъ, что не могло войти въ кругъ нашихъ личныхъ наблюденій.

Прежде всего, нельзя не отмѣтить того отраднаго явленія, что сами русскіе фабриканты и заводчики начинаютъ въ послѣднее время отчетливо сознавать необходимость болѣе ревностнаго соблюденія требованій вышеуказанной ст. 128 т. XI уст. фабр. и зав. Особенно поучительной въ этомъ отношеніи является извѣстная брошюра московскаго фабриканта золотыхъ издѣлій, мануфактуръ - совѣтника П. А. Овчинникова *), которая раздавалась, если не ошибаемся, въ витринѣ этого фабриканта на московской промышленной выставкѣ. Разсматривая вскользь общее положеніе вопроса о рабочихъ на фабрикахъ, г. Овчинниковъ, между прочимъ, утверждаетъ, что «рабочій вопросъ въ той формѣ, въ какой онъ разработанъ представителями науки въ западной литературѣ, едва ли представляетъ вопросъ, вполне исчерпанный, несмотря на громадное богатство усилій и трудовъ, положенныхъ въ его основаніе». Далѣе, въ брошюрѣ упоминается о томъ, какъ г. Овчинниковъ, владѣлецъ и основатель фабрики золотыхъ издѣлій въ Москвѣ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, нынѣ директоромъ на его фабрикѣ, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ былъ отданъ родителями въ ученіе на 8 лѣтъ. Поэтому, въ виду двадцативосьмилѣтнихъ наблюденій и личнаго опыта автора, нельзя не обратить вниманіе на общіе выводы, которые онъ дѣлаетъ въ заключеніе своей брошюры.

Расходы, потраченные на улучшеніе быта рабочихъ, по мнѣнію г. Овчинникова, вернутся къ фабрикантамъ съ лихвой. Въ подтвержденіе этого онъ указываетъ на тотъ несомнѣнный фактъ, что «русская промышленность серебряныхъ издѣлій на послѣднихъ всемірныхъ выставкахъ заняла

*) „Нѣкоторыя данныя по вопросу объ устройствѣ быта рабочихъ и учениковъ на фабрикахъ и ремесленныхъ заведеніяхъ“. Москва, 1881 г.

не только почетное мѣсто, но и успѣла сбросить ярмо иностраннаго давленія, *только благодаря тому, что сумѣла отзваться къ дѣятельности свое рабочею сословіе*. По мнѣнію автора брошюры, «пора фабрикантамъ и ремесленникамъ разстаться съ устарѣлыми порядками, которые, будучи унаслѣдованы нѣсколькими поколѣніями, обратили весь строй фабричнаго и ремесленнаго люда въ неурядицу, порчу и нищету».

«Настало время, — такъ заканчиваетъ свою брошюру г. Овчинниковъ, — когда слова должны дать мѣсто дѣлу. Какъ ни трудна эта задача, во величіе ея несомнѣнно, а потому она не должна насъ тяготить. Необходимо лишь приступить къ ней съ смиреніемъ и осторожностью и хотя никто одинъ и не въ состояніи ее разрѣшить, но для усилій всѣхъ это возможно. Что значать индивидуальное въ дѣлѣ общаго прогресса самые искусные работники? И, однако, работа подвигается, великая задача человечества неудержимымъ потокомъ стремится къ разрѣшенію, и каждый труженикъ мысли, хотя бы онъ и ошибался, все же способствуетъ дѣлу истины».

Что касается фактическихъ указаній относительно улучшеній, введенныхъ г. Овчинниковымъ и указываемыхъ имъ въ своей брошюрѣ, то, при сравненіи съ тѣмъ, что мы видѣли выше, эти улучшенія далеко уступаютъ филантропическимъ учрежденіямъ на многихъ германскихъ фабрикахъ и заводахъ. Однако, даже и то немногое, что удалось сдѣлать автору упомянутой брошюры, представляется чрезвычайно рѣдкимъ, исключительнымъ явленіемъ при сравненіи съ большинствомъ другихъ русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Для помѣщенія учениковъ при фабрикѣ г. Овчинникова отведено отдѣльное двухъэтажное зданіе, соединенное съ самой фабрикой теплымъ корридормъ, вдоль стѣны котораго поставлены шкафы для храненія одежды учениковъ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщенія устроена спальня, причѣмъ каждому изъ 130 учениковъ полагается отдѣльная желѣзная кровать. Въ нижнемъ этажѣ помѣщаются кухня, столовая, комната для прислуги, далѣе, скульпторная мастерская и, наконецъ, больница на пять кроватей, снабженная всѣмъ необходимымъ. Больница посѣщается двумя врачами, а уходъ за больными поручается особой сидѣлкѣ. При больницѣ имѣется аптека со всѣми необходимыми медикаментами. Въ случаѣ упорныхъ эпидемическихъ заболѣваній среди учениковъ, больные переводятся въ одну изъ городскихъ больницъ. Впрочемъ, по словамъ автора брошюры, такіе случаи бывають рѣдки, ибо *«хорошій уходъ и своевременная помощь скоро пресѣкають развитие недуга»*.

Для столовой отведена особая зала, въ которой, во время обѣда, чай и ужина, за 4 длинными столами свободно усаживаются всѣ ученики. Ежедневно, какъ за обѣдомъ, такъ и за ужиномъ, подаются три перемѣны кушанья, причѣмъ каждому ученику полагается отдѣльный приборъ. Чай дается два раза въ сутки. Въ свободное отъ учебныхъ и рабочихъ заня-

тій время, ученики находятся частью въ этой столовой, частью въ спальнѣ, подъ непремѣннымъ надзоромъ особаго воспитателя, который также слѣдитъ за чистотой, порядкомъ и санитарнымъ состояніемъ помѣщенія. Каждый ученикъ обязанъ наблюдать только за чистотой своего платья и опрятностью постели, исполненіе же черныхъ работъ поручено особымъ вольнонаемнымъ рабочимъ. День учениковъ распредѣляется по точно обозначеннымъ правиламъ, такимъ образомъ, что всѣхъ рабочихъ часовъ на фабрикѣ полагается двѣнадцать, изъ коихъ утрошъ отъ 9 до 12 и отъ часу до 4 часовъ ученики занимаются въ школѣ. Курсъ школы при фабрикѣ распадается на два отдѣленія: въ *спеціальному* преподаются черченіе, рисованіе, лѣпка изъ глины и воска, въ *общеобразовательному*—законъ Божій, русскій языкъ, ариметика, начальная геометрія, географія (общій обзоръ), пѣніе и гимнастика. Кромѣ необходимыхъ учебныхъ пособій, при школѣ устроена бібліотека, снабженная различными книгами научнаго содержанія и изданіями для народнаго чтенія. Съ теченіемъ времени, изъ учениковъ образовался хоръ пѣвчихъ, въ настоящее время состоящій изъ 35 чел. Не мѣшаетъ замѣтить, что, по мнѣнію владѣльца фабрики, «хоровое пѣніе, развивая музыкальныя способности ученика и дѣйствуя на душу и сердце, смягчаетъ его нравы, умѣряетъ желанія и, кромѣ того, все-таки, приучаетъ человека съ дѣтства съ пользою примѣнять свободное отъ труда время». Далѣе, для игръ учениковъ на дворѣ устроены садъ, карусели, испанскіе шаги, кегли и гимнастика. Наконецъ, еще большаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя другія нововведенія на фабрикѣ г. Овчинникова, почти вовсе не встрѣчающіяся на другихъ фабрикахъ и заводахъ. Именно, «въ видахъ закрѣпленія связи между рабочимъ населеніемъ и для поощренія подмастерьевъ», владѣлецъ фабрики установилъ слѣдующее правило: мастеръ, прослужившій на фабрикѣ честно и непорочно 10 лѣтъ, *записывается на мраморную доску*, вывѣшенную на видномъ мѣстѣ въ мастерскихъ, и, сверхъ условленной платы, ежегодно получаетъ 10% съ получаемаго имъ оклада; прослужившій же 15—20 лѣтъ получаетъ 15—20% награды и т. д. Вознагражденіе это выдается пожизненно, даже въ томъ случаѣ, если мастеръ покинетъ фабрику и возвратится къ семейству на родину. Оно не выдается лишь тому, кто, покинувъ фабрику, перейдетъ къ другому фабриканту или ремесленнику. Всѣхъ подмастерьевъ, пользующихся въ настоящее время этой надбавкой сверхъ жалованья, болѣе 30 человекъ, изъ коихъ трое получаютъ 25%, пятеро—20%, остальные же—по 10—15%. Если же мастеръ, удостоенный такой награды, не явится на работу безъ уважительныхъ причинъ, хотя бы на одинъ день, то онъ лишается надбавки въ теченіе одного мѣсяца. По мнѣнію г. Овчинникова, такая мѣра, «въ примѣненіи къ другимъ фабрикамъ, можетъ способствовать искорененію разгула и пьянства, ничуть не лишая рабочаго получаемаго жалованья, необходимаго ему на семью и свои домашнія нужды».

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что рабочіе на описываемой фабрикѣ

устроили общую ссудосберегательную кассу съ основнымъ капиталомъ въ 2,000 руб. Касса эта, какъ учрежденіе самихъ служащихъ, стоитъ совершенно особо отъ администраціи фабрики и находится въ завѣдываніи выборныхъ членовъ, снискавшихъ особое уваженіе среди рабочихъ.

И такъ, вотъ въ общихъ чертахъ тѣ мѣры, которыя г. Овчинниковъ приѣхавъ у себя на фабрику, убѣдившись собственнымъ многолѣтнимъ опытомъ, что онѣ ведутъ къ *обоюдной выгодѣ*.

Приступая затѣмъ къ рассмотрѣнію организаціи едва ли не единственнаго въ Россіи потребительнаго товарищества для рабочихъ на коломенскомъ машиностроительномъ заводѣ Струве (Московской губ.), мы, прежде всего, должны обратить вниманіе на то, что въ этомъ полезномъ предпріятіи, существующемъ уже съ 1874 г., въ настоящее время принимаютъ участіе около 1,000 заводскихъ рабочихъ. Общество устроено съ цѣлью доставлять своимъ членамъ необходимыя продукты хорошаго качества, по возможно дешевой цѣнѣ и, притомъ, на такихъ условіяхъ, чтобы доставить потребителямъ *возможность изъ прибыли общества дѣлать сбереженія*.

Дѣятельность общества, съ основными положеніями устава котораго мы познакомимся ниже, заслуживаетъ тѣмъ бѣльшаго сочувствія, что у насъ въ Россіи далеко не для всѣхъ достаточно ясны главнѣйшіе принципы и несомнѣнныя выгоды организаціи подобнаго рода потребительныхъ товариществъ. Подтверженіемъ этого можетъ, на примѣръ, служить то, что высшая администрація нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ, задумавъ обезпечить своихъ служащихъ снабженіемъ продуктами первой необходимости по удешевленнымъ цѣнамъ, къ сожалѣнію, ограничилась, въ первоначальной постановкѣ задуманнаго предпріятія, лишь случайными и односторонними филантропическими побужденіями. Именно, устроивъ на специально ассигнованныя суммы изъ средствъ желѣзнодорожныхъ обществъ склады для храненія продуктовъ, а равно заготовку, отпускъ и доставку припасовъ*). инициаторы дѣла совершенно упустили изъ виду слѣдующее несомнѣнное положеніе, доказанное многолѣтнимъ примѣромъ Англій и Германіи: *всѣ подобнаго рода предпріятія только тогда приносятъ плодотворные результаты, когда они поставлены исключительно на коммерческую почву*. Притомъ, пользуясь въ первое время поддержкой сочувствующихъ лицъ, этого рода предпріятія должны представлять, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполне самостоятельную организацію, независимую отъ случайнаго филантропическаго настроенія лицъ, стороннихъ дѣлу. Цѣль учрежденія вышеуказаннаго предпріятія, — снабженіе желѣзнодорожныхъ служащихъ дешевыми продуктами, — сама по себѣ, безусловно прекрасная и осуществленіе ея дѣлаетъ честь гуманности и великодушію кружка лицъ, въ средѣ которыхъ родилась эта благотворная идея. Однако, въ интересѣ дальнѣйшаго успѣха дѣла, было

*) «Положеніе о снабженіи служащихъ московско-ризанской и живущихъ въ Москвѣ служащихъ рязанско-козловской и курско-киевской дорогъ продуктами первой необходимости по удешевленнымъ цѣнамъ». Москва, 1882 г.

бы несравненно выгоднѣе для служащихъ, если бы они сами принимали болѣе активное участіе въ дѣятельности учрежденнаго для нихъ потребительнаго товарищества.

Коломенское потребительное общество пока держится, напротивъ, на болѣе прочномъ основаніи. Такъ, напримѣръ, оно устроило на заводѣ собственную хлѣбопекарню и прекрасный обширный магазинъ, снабженный всеми предметами потребленія, не выключая и тѣхъ, на которыя существуетъ, сравнительно, меньшій спросъ (сигары, папирсы, иностранныя вина, искусственныя минеральныя воды и проч.). Далѣе, согласно своему уставу, общество, по мѣрѣ увеличенія средствъ, имѣеть право приобрѣтать въ собственность, на общихъ основапіяхъ, недвижимыя имущества, необходимыя для цѣлей общества. Продажа предметовъ потребленія производится на наличныя деньги или же въ кредитъ, но въ послѣднемъ случаѣ опредѣленіе условій и размѣра кредита зависитъ отъ общаго собранія членовъ товарищества. Средства общества состоятъ изъ оборотнаго и запаснаго капитала. Первый образуется изъ членскихъ паевъ, по 10 руб. каждый. вносимыхъ разомъ или по частямъ въ теченіе шести мѣсяцевъ. Источниками пополненія запаснаго капитала служатъ: 1) *вступная плата*, съ каждаго вновь вступающаго члена по 1 руб.; 2) сумма, вырученная отъ продажи расчетныхъ книжекъ для забора припасовъ; 3) годовыя отчисленія отъ прибылей по торговлѣ въ размѣрѣ 10%; 4) дробн копейки при распределеніи прибылей между членами товарищества; 5) случайные доходы и пр. Оборотный капиталъ служитъ для торговыхъ операцій и текущихъ расходовъ общества, тогда какъ запасный капиталъ составляетъ неприкосновенную собственность всего товарищества, которая не можетъ подлежать взысканіямъ участвующихъ въ немъ лицъ и возвращается членамъ лишь при полномъ прекращеніи дѣятельности общества. Членами товарищества, по уставу, могутъ быть лица обоего пола, живущія на Коломенскомъ заводѣ и въ окрестностяхъ его, причемъ всѣ члены, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ, пользуются равными правами, каковымъ бы числомъ паевъ они ни обладали. Что же касается членовъ, не внесшихъ полного пая, то они пользуются лишь правомъ приобрѣтенія припасовъ изъ магазиновъ товарищества по удешевленнымъ цѣнамъ. Изъ чистой прибыли отъ оборотовъ общества, за исключеніемъ всѣхъ расходовъ, по утвержденіи общимъ собраніемъ годоваго отчета правленія, 10%, какъ выше было упомянуто, отчисляются въ запасный капиталъ, 50%, распределяются между членами товарищества, соотвѣтственно количеству произведенныхъ каждымъ изъ нихъ, въ теченіе года, закупокъ, остальные же 40% составляютъ дивидендъ по числу паевъ каждаго члена. Дивидендъ, по желанію, можетъ быть оставленъ въ кассѣ общества для составленія новыхъ паевъ или же выдается на руки пайщику въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ слѣдующаго операціоннаго года. Дѣлами товарищества завѣдуютъ: 1) *общія собранія*, бывающія два раза въ годъ, а въ экстренныхъ случаяхъ и чаще; 2) *правленіе*, со-

стоящее из трехъ членовъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ на годъ и за свои труды, *впередъ до усиленія* средствъ товарищества, не пользующихся никакимъ вознагражденіемъ. Общее собраніе признается, по уставу, состоявшимся, если въ немъ участвуетъ не менѣ одной трети всѣхъ членовъ общества, причѣмъ всѣ дѣла рѣшаются по большинству голосовъ, открытой или закрытой баллотировкой, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенно важныхъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ необходимо согласіе, по крайней мѣрѣ, двухъ третей всѣхъ членовъ товарищества. Всякій разъ общее собраніе избираетъ изъ своей среды предсѣдателя и секретаря, но въ эти должности не могутъ быть избираемы ни члены правленія, ни члены ревизіонной комиссіи.

Остальные пункты официально утвержденного устава коломенскаго потребительнаго товарищества не представляютъ особаго интереса. Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на заявленіе главнаго директора Коломенскаго завода, генераль-майора Струве, что упомянутыя общія собранія рабочихъ, несмотря на свою многочисленность и нѣкоторую неподготовленность большинства къ участию въ преніяхъ, тѣмъ не менѣ, въ состояніи поразить стороннихъ слушателей своею стройностью и полнымъ отсутствіемъ неурядицы даже при обсужденіи самыхъ жгучихъ вопросовъ. Къ числу послѣднихъ, какъ говорятъ, относятся, между прочимъ, далеко не маловажный вопросъ, неоднократно возбуждавшійся нѣкоторыми крупными пайщиками: слѣдуетъ ли товариществу стремиться къ возможному увеличенію дивиденда на пай, путемъ возвышенія цѣнъ на продукты, продаваемые въ настоящее время по опредѣленному прейсъ-куранту, безъ запроса, всѣмъ потребителямъ по одной и той же цѣнѣ, или же брать съ членовъ товарищества, не внесшихъ полного пая, тѣ же цѣны, какъ и съ дѣйствительныхъ, болѣе состоятельныхъ членовъ? Къ чести общаго собранія слѣдуетъ замѣтить, что значительное большинство пайщиковъ до сихъ поръ рѣшало этотъ вопросъ обыкновенно въ смыслѣ благопріятномъ для своихъ болѣе нуждающихся сотоварищей. Пожелавъ отъ души полного успѣха и дальнѣйшаго процвѣтанія дѣятельности коломенскаго потребительнаго товарищества для рабочихъ, намъ слѣдовало бы, въ цѣляхъ возбудить примѣръ подражанія въ средѣ другихъ фабрикантовъ и заводчиковъ, привести тяжелый балластъ цифровыхъ данныхъ о торговомъ оборотѣ нѣсколькихъ фабричныхъ лавогъ въ различныхъ мѣстностяхъ Московской губерніи. Однако, изъ опасенія преждевременно и безъ особенной практической пользы обременить вниманіе читателей, мы оставляемъ до поры, до времени подъ сцудомъ имѣющійся у насъ фактическій матеріалъ; замѣтимъ лишь, что на основаніи этого матеріала можно будетъ впоследствии убѣдиться до очевидности, какую громадную выгоду для рабочихъ и для самихъ фабрикантовъ, дѣйствительно, въ состояніи принести правильное примѣненіе основныхъ принциповъ устройства потребительныхъ обществъ для снабженія фабрикъ и заводовъ дешевымъ и хорошими продуктами.

Припоминая соответствующія свѣдѣнія о различныхъ крупныхъ фабрикахъ и заводахъ Московской губерніи, описанія которыхъ появились уже въ печати, благодаря дѣятельному участию московскаго губернскаго земства, приходится снова повторить сказанное выше относительно ограниченности этого матеріала. Такъ, напримѣръ, относительно Воскресенской бумагопрядильной мануфактуры при с. Нары-Фоминскомъ, Верейскаго уѣзда, можно лишь отмѣтить, основываясь на заявленіи одного изъ директороу упомянутой фабрики, что при фабричной конторѣ имѣется *ничто вродь* сберегательной кассы, куда нѣкоторые изъ рабочихъ отдають свои сбереженія, приносящія имъ около 2%, прибыли въ годъ. Далѣе, согласно одному изъ параграфовъ устава Высочайше утвержденнаго «Товарищества Воскресенской мануфактуры», путемъ ежегоднаго отчисленія 1%, чистой прибыли отъ производства, былъ организованъ въ 1865 году особый благотворительный фондъ, предназначенный, какъ говорятъ, для выдачи служащимъ и рабочимъ, въ случаѣ несчастія при работѣ, пенсіи въ размѣрѣ отъ 5 до 10 руб. въ годъ, или же единовременнаго вспомошествованія. Къ сожалѣнію, болѣе подробныхъ и, притомъ, *фактическихъ*, не голословныхъ данныхъ о сберегательной кассѣ и особомъ благотворительномъ фондѣ фабричная администрація не могла сообщить. Подобно тому, что встрѣчается и на всѣхъ другихъ русскихъ фабрикахъ и заводахъ, на Воскресенской мануфактурѣ не существуетъ ни колыбеленъ, ни пріютовъ для беременныхъ и родильницъ изъ числа фабричныхъ работницъ. Правда, по словамъ фабричной администраціи, записаннымъ около трехъ лѣтъ тому назадъ, давно, будто бы, предполагается устроить особый пріютъ, въ которомъ маленькія дѣти могли бы находиться подъ присмотромъ особыхъ нянекъ, а матери приходили бы съ работъ кормить грудью своихъ дѣтей. Однако, этому прекрасному намѣренію до сихъ поръ не суждено еще было выйти изъ области благихъ пожеланій. До приведенія же въ исполненіе этой прекрасной идеи, всѣ фабричныя дѣти остаются почти безъ всякаго призора въ семейныхъ каморкахъ и въ темныхъ корридорахъ спальныхъ казармъ. Рабочіе по недостатку средствъ не въ состояніи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, нанимать для ухода за дѣтьми особую няньку, содержаніе которой обходится не менѣе 8 руб. въ мѣсяцъ. Ненаемныя же няньки (престарѣлыя родственницы, сестры - подростки и т. п.) рѣдко у кого бывають, такъ какъ всѣ члены рабочей семьи, *сохранивши* или *только что приобрѣвши* физическую силу, предпочитаютъ найти себѣ хотя какую-нибудь работу на самой фабрикѣ. Женщины, работающія на фабрикѣ, кормить грудью своихъ дѣтей или въ самыхъ мастерскихъ, или же въ помѣщеніи, чрезвычайно неудобномъ во всѣхъ отношеніяхъ, именно *около паровой машины* и рядомъ съ главнымъ наружнымъ входомъ на фабрику, т. е. съ одной стороны, въ жаркомъ, шумномъ мѣстѣ, съ другой—на постоянномъ сквознякѣ.

Изъ другихъ благотворительныхъ учрежденій на Воскресенской ману-

фактурѣ слѣдуетъ упомянуть о дешевой столовой для рабочихъ и кухмстерской для мелкихъ служащихъ на фабрикѣ. Оба эти учрежденія были устроены нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но очень скоро послѣ этого почему-то закончили свое существованіе. По словамъ главнаго директора фабрики, при устройствѣ дешевой столовой для рабочихъ, рѣшено было первое время терпѣть убытокъ отъ предпріятія, хотя бы онъ простирался до 1¹/₂ тысячи рублей. Заведены были жестяные переносные судки для отпуска рабочихъ обѣдовъ на квартиры, а также мѣдныя нумерованныя марки, выдача которыхъ отмѣчалась въ расчетныхъ книжкахъ. Обѣдъ и ужинъ для рабочихъ состоялъ изъ двухъ блюдъ: щи или картофельная похлебка съ полуфунтомъ мяса на каждую порцію, каша съ саломъ или постнымъ масломъ, а по праздникамъ, сверхъ того, пеклись, вмѣсто пироговъ, булки изъ втораго сорта круничатой муки. За обѣдъ и ужинъ рабочіе платили 14 коп., если вѣрить заявленію фабричной администраціи. Несмотря, однако, на то, что столовая давала рабочимъ возможность хорошо питаться за такую дешевую плату, что положительно невозможно при харчевомъ продовольствіи семьями и въ одиночку (преимущественно и исключительно селедки и черныя хлѣбъ), тѣмъ не менѣе, дешевая столовая, какъ говорятъ, просуществовала всего лишь восемь мѣсяцевъ и, *не встрѣтивъ должнаго сочувствія среди рабочихъ*, должна была закрыться. Въ воспоминаніе объ этомъ полезномъ предпріятіи, такъ преждевременно закончившемъ свое существованіе, въ харчевой лавкѣ при фабрикѣ въ настоящее время хранятся лишь совершенно новенькіе судки и мѣдныя штампованныя марки. Въ первый же мѣсяць существованія столовой получился, будто бы, убытокъ въ 1,800 руб., количество отпускаемыхъ ежедневно обѣдовъ доходило всего лишь до 100 порцій (при общей численности фабричнаго населенія въ 2¹/₂ тысячи), постепенно уменьшилось до 45 и вообще, среднимъ числомъ, не превышало 50—60 обѣдовъ въ день. Не зная мѣстныхъ условій, отношенія къ этому дѣлу самой фабричной администраціи, состава персонала, которому поручено было завѣдываніе столовой, а также множества другихъ болѣе или менѣе важныхъ факторовъ, трудно, разумѣется, судить о причинахъ такого печальнаго исхода задуманнаго предпріятія.

Затѣмъ слѣдуетъ обратить вниманіе на успѣшную дѣятельность ваулинскаго ссудо-сберегательнаго товарищества, устроеннаго всего лишь года два тому назадъ при бумагопрядильной фабрикѣ гг. Балина и Пупышева въ Можайскомъ уѣздѣ.

Судя по послѣднему отчету о его дѣятельности, товарищество это вполне успѣшно и самостоятельно ведетъ свои операціи.

Относительно Покровской бумаго-прядильной мануфактуры въ Дмитровскомъ уѣздѣ не лишено значенія заявленіе главнаго ея директора, англичанина, давно уже живущаго въ Россіи и хорошо освоившагося съ своими рабочими, среди которыхъ онъ пользуется весьма значительнымъ авторитетомъ и довѣріемъ. Хотя на указанной фабрикѣ, на

которой считается около 5,000 всего фабричнаго населенія, и не существуетъ, въ официальномъ смыслѣ, сберегательной кассы, но многіе изъ рабочихъ отдають свои сбереженія прямо на руки директору, которому, судя по его словамъ, приходится иной разъ хранить до 45,000 руб. въ годъ. На эти деньги директоръ покупаетъ своимъ добровольнымъ вкладчикамъ наиболѣе прибыльныя и надежныя процентныя бумаги. Оказывается, что рабочіе, въ простотѣ души, вначалѣ крайне стѣснялись тѣмъ, что на цѣнныя бумаги, купленные на ихъ деньги, въ концѣ года причитался извѣстный процентъ. По незнакомству съ сущностью банковыхъ операцій, вкладчики и особенно вкладчицы наивно полагали, что директоръ пускаетъ ихъ деньги въ ростъ, что, будто бы, считается въ простонародь такимъ великимъ грѣхомъ, котораго и въ вѣкъ не замолишь. Лишь послѣ долгихъ разъясненій удавалось убѣдить, что государственный процентъ на цѣнныя бумаги не лихва и пусканіе денегъ въ ростъ. Какъ ни поразительна можетъ показаться указанная выше сумма сбереженій (около 45,000 руб.), но не слѣдуетъ забывать, что на Покровской бумаго-прядальной и самоткацкой мануфактурѣ работаетъ до 4,000 человекъ; причемъ нѣкоторые изъ нихъ живутъ на этой громадной и, *сравнительно*, недурно-устроенной фабрикѣ болѣе 20—30 лѣтъ. Кромѣ того, вблизи фабрики не существуетъ никакой ссудо-сберегательной кассы вродѣ тѣхъ, которыя иногда, хотя и очень рѣдко, встрѣчаются при волостныхъ правленіяхъ.

Считаемъ не лишнимъ указать, въ дополненіе къ вышесказанному, на поучительный примѣръ твачей-евреевъ на фабрикахъ въ Бѣлостокѣ, которые недавно устроили ссудосберегательную кассу на слѣдующихъ основаніяхъ. Каждый членъ кассы вноситъ одновременно 1 руб. и затѣмъ платитъ по 5 коп. въ недѣлю. Изъ образовавшагося такимъ образомъ запаснаго фонда выдаются вспомошествованія тѣмъ изъ рабочихъ, которые остаются безъ занятій по случаю закрытія фабрики или сокращенія на ней числа рабочихъ; кромѣ того, каждому члену этой кассы, въ случаѣ его болѣзни, выдается еженедѣльно по три рубля на врача и медикаменты, а въ случаѣ смерти—единовременное пособіе семейству его, въ размѣрѣ 100 рублей, которое и обезпечиваетъ семью, по крайней мѣрѣ, на первое время (*Техникъ* 1882 г., № 24).

IV.

Въ заключеніе нашего очерка припомнимъ, что практическое значеніе выполненія фабрикантами требованій 128 ст. уст. фабр. и зав. было указано покойнымъ *Ө. М. Дмитріевымъ*, профессоромъ москов. техн. учил. и директоромъ знаменитой Раменской мануфактуры «*П. Малютина сыновей*», Бронницкаго уѣзда, Москов. губ. Именно, въ своей прекрасной рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Императорскаго технич. учил., въ 1876 г., покойный профессоръ высказалъ практическій взглядъ на необходимость улучшеній жилыхъ помѣщеній для рабочихъ на фабрикахъ и

заводахъ. Мысли свои покойный подтвердилъ и раньше, и позднѣе тѣмъ, что, несмотря на громадныя затраты фирмы «П. Малытина сыновья» на улучшеніе быта рабочихъ, Раменская фабрика не только не потерпѣла убытка отъ своихъ *непроизводительныхъ* филантропическихъ затѣй, но, напротивъ, съ каждымъ годомъ все больше и больше расширяла свое производство и улучшала его въ техническомъ и экономическомъ отношеніи. Много техниковъ и фабрикантовъ слушало замѣчательную рѣчь незабвеннаго практика и теоретика въ области русской промышленности. Раменская фабрика была у всѣхъ на глазахъ и всѣ ей удивлялись и восхищались... Базалось, въ какихъ доказательствахъ нуждалась бы мысль, приводимая нами въ настоящемъ очеркѣ, именно, что фабричная филантропія безусловно необходима для успѣховъ россійской промышленности? А. между тѣмъ, неотразимо убѣдительный примѣръ фирмы «П. Малытина сыновья» и до сихъ поръ еще почти нигдѣ не вызвалъ подражанія. Это побуждаетъ насъ снова повторить то, что было высказано проф. Дмитріевымъ примѣнительно къ нуждамъ русской промышленности, ибо лучше и полнѣе выразить значеніе того, что уже признано въ Западной Европѣ, едва ли возможно. Занимаясь въ теченіе многихъ лѣтъ чтеніемъ лекцій по технологіи волокнистыхъ веществъ и завѣдуя, въ то же время, громадной бумагопридѣльной мануфактурой, проф. Дмитріевъ не могъ не задуматься надъ вопросомъ: вполне ли оцѣнено участіе рабочихъ людей въ производствахъ вообще, хорошо ли понято значеніе ихъ участія въ экономіи, выгодъ и совершенствованіи техническихъ производствъ тѣми лицами, которые принимаютъ непосредственное участіе въ управленіи рабочими, и какія мѣры могутъ быть приняты этими лицами для возможно лучшаго сохраненія здоровья рабочихъ, которое, какъ понятно, должно находиться въ прямомъ отношеніи съ процвѣтаніемъ производительнаго труда *).

Признавая вполне законнымъ стремленіе всякаго предпринимателя къ наивозможной выгодѣ, проф. Дмитріевъ, тѣмъ не менѣе, упрекалъ владельцевъ промышленныхъ заведеній въ крайней непослѣдовательности и недальновидности. Въ самомъ дѣлѣ, всякій фабрикантъ и заводчикъ не жалѣетъ издержекъ на приобрѣтеніе хорошихъ матеріаловъ, нужныхъ для дѣла, хорошихъ машинъ и инструментовъ, на сооруженіе прочныхъ хозяйственныхъ построекъ и пр. Онъ знаетъ, что лишнія траты при покупкѣ добротныхъ матеріаловъ и хорошихъ машинъ окупятся съ выгодой и принесутъ большій процентъ, чѣмъ матеріалы, инструменты и машины, сравнительно дешевыя и, слѣдовательно, низшаго достоинства. Однако, нельзя сказать, чтобы наши фабриканты и заводчики придерживались тѣхъ же

*) Проф. Дмитріевъ: «Объ устройствѣ жилыхъ помѣщеній для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Отчетъ и рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго москов. технич. учил. въ 1875—76 академическомъ году». Москва, 1876 г., стр. 3—38.

самыхъ соображеній по отношенію къ живому элементу всякаго производства, именно къ рабочимъ.

Какъ бы ни была проста работа человѣка, исполняющаго свое дѣло при посредствѣ фабричныхъ машинъ, во всякомъ случаѣ, по мнѣнію проф. Дмитріева, нельзя не признать, что для успѣшнаго выполненія даже такой самой простой работы нужна извѣстная доля умѣнья. Само собой разумеется, что для достиженія этого умѣнья, въ большинствѣ случаевъ, достаточно навыкъ, который приобрѣтается болѣе или менѣе продолжительнымъ упражненіемъ, но не иначе, какъ при содѣйствіи умственныхъ и физическихъ силъ рабочаго. *Умъ, эти силы полнѣе и энергичнѣе приводятся въ дѣйствіе, тѣмъ и работа выходитъ совершеннѣе, выполняется успѣшнѣе, а, слѣдовательно, и выгоднѣе.* Степени совершенства всякой работы разнообразны; нѣтъ и не можетъ быть такого приѣма, такого способа въ работѣ, который можно было бы считать законченнымъ: всегда чего-нибудь не достааетъ, всегда остается нѣчто, требующее улучшенія. Съ другой стороны, прирожденные способности и силы человѣка хотя и не безпредѣльны. однако, могутъ получать обширное развитіе и, притомъ, въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ, предѣлъ которымъ положить трудно. Нагляднымъ доказательствомъ этого могутъ служить иностранныя фабрики, гдѣ, *при болѣе заботливости о благосостояніи рабочихъ, тѣ же результаты достигаются меньшимъ количествомъ рукъ.*

По приблизительному расчету проф. Дмитріева, при средней потерѣ на cadaго заболѣвающаго рабочаго, круглымъ наименьшимъ числомъ, въ 50 коп. въ годъ, основываясь на данныхъ проф. Петтенкофера, на cadaго умершаго приходится 850 дней болѣзни *),—потеря, соотвѣтствующая только одному человѣку, составитъ 425 руб. въ годъ, которые, очевидно, ложатся чистымъ убыткомъ для промышленности и государства. На какую же цифру сбереженій могутъ рассчитывать государство и администраціи фабрикъ и заводовъ, если будетъ обращено серьезное вниманіе на улучшеніе условій фабричной жизни или, другими словами, когда много разъ упомянутая уже нами раньше ст. 128 уст. фабр. и зав. будетъ настойчиво внушаться и проводится неуклонно въ практику жизни? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ покойный проф. Дмитріевъ въ своей рѣчи указалъ на слѣдующій ариметическій расчетъ: уменьшеніе смертности на одного человѣка съ 1,000 даетъ сбереженіе въ 425 руб. въ годъ, что составитъ на 10 чел. 4,250 руб. въ годъ. Капитализируя это предполагаемое сбереженіе изъ 6%, мы получаемъ крупную сумму,

*) На cadaго умершаго приходится 34 больныхъ, причемъ среднимъ числомъ приходится 25 дней, въ теченіе которыхъ заболѣвшій находится въ болѣзненномъ состояніи, и потому проф. Петтенкоферъ въ своихъ популярныхъ лекціяхъ, читанныхъ въгодъ въ Мюнхенѣ, и принимаетъ число дней болѣзни на 1,000 равнымъ $34 \times 25 = 850$ дней въ годъ.

равную $\frac{4,250}{6} \times 100 = 70,833$ руб. Если бы, напр., въ Москов. губ. было *всего лишь* 20 фабрикъ, имѣющихъ болѣе 1,000 чел. рабочаго народа (а такихъ крупныхъ фабрикъ, разумѣется, несравненно больше), то, принявъ общее число рабочихъ на этихъ крупныхъ фабрикахъ, положимъ, *только* въ 30,000 чел., мы получимъ $70,833 \times 30,000 = 2.124,990$ руб. И такъ, небольшая доля крупныхъ фабрикъ Москов. губ. могла бы, съ прямой выгодой для себя, затратить болѣе двухъ милліоновъ рублей на улучшеніе жизни рабочихъ въ санитарномъ отношеніи, не говоря уже о такъ называемыхъ филантропическихъ или общественныхъ учрежденіяхъ для рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. А мы уже видѣли выше, что многія изъ этихъ общественныхъ учрежденій (общества снабженія съѣстными припасами, дешевыя кухни и пр.) сами себя поддерживаютъ и вознаграждаютъ свои издержки, если только эти учрежденія поставлены на разумномъ коммерческомъ основаніи, а не возникли въ силу однихъ лишь филантропическихъ побужденій.

А. Погосевъ.

Лѣсной вопросъ въ Россіи.

(По поводу книги г. Я. Вейнберга: *Лѣса*).

Opinionum commenta delet dies, naturae iudicia confirmat.
(Cic.: de Nat. deorum).

Въ каждый историческій моментъ привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе тѣ или другія стороны народной жизни, вызываютъ особенную заботливость тѣ или другія условія ея. Такъ и въ настоящее время большее оживленіе возбуждаетъ у насъ, между прочимъ, лѣсной вопросъ. Правда, вопросъ этотъ уже неоднократно возникалъ и прежде, начиная со времени Петра Великаго, но все выраженіе его тогда ограничивалось исключительно изданіемъ извѣстныхъ законоположеній и равныхъ правительственныхъ распоряженій; положеніе его мало измѣнилось даже и съ привлеченіемъ (съ 1838 года) науки, въ лицѣ ея представителей, къ участию въ его разрѣшеніи; и только за послѣдніе годы, когда живое участіе въ немъ приняли и общественное мнѣніе, и пресса, проявился онъ съ особою силою и достигъ наибольшаго напряженія. Съ этого времени крайне настойчиво стали со всѣхъ сторонъ раздаваться сѣтованія на безграничное истребленіе нашихъ лѣсовъ, высказываться различныя опасенія за послѣдствія такого порядка вещей въ будущемъ, указываться печальные прикѣры его въ настоящемъ, заявляться, въ концѣ - концовъ, требованія о скорѣйшемъ престѣненіи зла и предлагаться различныя средства для этой цѣли.

Въ виду этой напряженности сужденій по рассматриваемому вопросу, въ виду близкой очереди его разрѣшенія, въ виду всего этого, я нахожу полезнымъ и своевременнымъ высказаться по поводу способовъ его рѣшенія и тѣмъ, по возможности, содѣйствовать выбору наиболѣе цѣлесообразнаго изъ нихъ.

Что лѣсъ имѣетъ очень важное значеніе въ народной жизни, доставляя человѣку необходимые предметы потребленія, и оказываетъ въ этомъ смыслѣ существенное вліяніе на благосостояніе страны, — это очевидно само

собою и никто въ этомъ не сомнѣвается, никто этого не оспариваетъ. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находится посредственное значеніе лѣса, вліяніе его на климатическія и гидрографическія свойства страны; а, между тѣмъ, въ этомъ-то именно вліяніи лѣса и заключается вся суть лѣснаго вопроса.

Если лѣсъ составляетъ не болѣе, какъ запасный капиталъ, то еще не предвидится особенно большой бѣды въ томъ, что данное время израсходуется на свои текуція надобности не одни проценты его, но, и нѣкоторую часть самаго капитала: наступитъ другое время, возникнутъ инныя жизненныя условія и капиталъ этотъ можетъ быть снова пополненъ, хотя бы и въ другой формѣ. Другое дѣло, если лѣсъ, кромѣ того, оказываетъ существенное вліяніе на климатъ и воды страны и содѣйствуетъ этимъ ея производительности; тогда съ истребленіемъ лѣса не только потребляется извѣстная часть капитала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, подрываются и другіе источники благосостоянія, тогда данное время, понятно, становится вполнѣ отвѣтственнымъ за тяжкія послѣдствія нецѣлесообразнаго расходованія наследственнаго капитала, тогда дѣйствительно необходима внимательная заботливость о предупрежденіи этихъ послѣдствій.

Хотя это именно вліяніе лѣса и стало уже съ очень давнихъ поръ точкою отправленія во всѣхъ сужденіяхъ о значеніи лѣса для благосостоянія страны, но оно, тѣмъ не менѣе, и до нашихъ дней остается еще спорнымъ. Много ученыхъ и практическихъ дѣятелей занимались вопросомъ объ этомъ вліяніи лѣса, много усилій было потрачено на его рѣшеніе, много разнообразныхъ сужденій было высказано по этому поводу, много различныхъ, діаметрально-противуположныхъ рѣшеній его было предложено въ свое время, много разныхъ способовъ осуществленія этихъ рѣшеній было указано, получилась въ концѣ-концовъ, громадная литература по этому вопросу, а самый вопросъ оставался, все-таки, не разрѣшеннымъ окончательно.

Иначе, въ сущности, и быть не могло.

Это вліяніе лѣса обуславливается такою сложною совокупностію явленій, происходящихъ въ самомъ лѣсу, и находится въ такой причинной зависимости отъ разнообразныхъ общихъ климатическихъ условій, что для надлежащаго выясненія его, во всей полнотѣ, необходимо было употребить много времени и труда на предварительное изученіе его съ различныхъ точекъ зрѣнія, на добываніе соответствующаго количества разнообразныхъ фактическихъ данныхъ, на проложеніе различныхъ путей къ его изученію.

Поэтому-то всестороннее обсужденіе этого вліянія, точное уясненіе его истиннаго смысла, вѣрное опредѣленіе его дѣйствительнаго значенія могло послѣдовать только какъ результатъ всѣхъ предшествующихъ трудовъ по этому предмету, какъ общій выводъ всего уже ранѣе добытаго наукою, какъ заключительное слово всѣхъ уже высказанныхъ мнѣній.

Но если и самая задача, и средства къ ея разрѣшенію доставлены вре-

менемъ: то обстоятельнѣйшее и добросовѣстнѣйшее выполненіе ея въ книгѣ: *Лѣсъ, значеніе его въ природѣ и мѣры къ его сохраненію* составляетъ несомнѣнную заслугу г. Вейнберга.

Книга эта заслуживаетъ полнаго вниманія: она во всѣхъ подробностяхъ исчерпываетъ спорный вопросъ о вліяніи лѣса на климатъ, почву и проточныя воды и даетъ, такимъ образомъ, окончательное рѣшеніе его. Нѣкоторыя частныя объясненія автора, нѣкоторыя сужденія его по побочнымъ вопросамъ допускаютъ, правда, вполне основательныя возраженія, но всѣ эти частности нисколько не измѣняютъ сущности основныхъ выводовъ, нисколько не подрываютъ ихъ вѣрности: выводы эти являются простыми выраженіями точно установленныхъ фактовъ и обладаютъ поэтому такою же неопровержимою силою, какъ сама дѣйствительность.

Такимъ образомъ, не можетъ подлежать теперь ни малѣйшему сомнѣнію, что лѣсъ оказываетъ существенное вліяніе на:

1) Температуру воздуха. Температура воздуха внутри лѣса лѣтомъ въ теченіе дня *ниже*, чѣмъ на открытомъ мѣстѣ, ночью же (при обыкновенныхъ условіяхъ инсоляціи) и зимою, наоборотъ, *выше*; слѣдовательно, лѣсъ умѣряетъ температуру воздуха и окрестныхъ мѣстъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предупреждаетъ появленіе очень позднихъ весною и очень раннихъ осенью—заморозковъ-утренниковъ.

«Это подтверждается, — говоритъ г. Вейнбергъ, — изложенными нами процессами нагрѣванія какъ лѣсной почвы, такъ и лѣснаго воздуха и самихъ деревьевъ. Если примемъ въ расчетъ существующія между лѣсомъ и подею воздушныя теченія; если также обратимъ вниманіе на измѣненіе температуры и вообще на измѣненіе физическихъ свойствъ, которое обнаруживается въ вѣтрахъ по прохожденіи ихъ черезъ лѣсъ и поверхъ онаго, то, на основаніи вышеизложенныхъ фактовъ, придемъ къ заключенію, что присутствіе лѣса не можетъ остаться безъ вліянія на температуру окрестныхъ полей» (*Лѣсъ*, стр. 66) и «что лѣсъ не только не способствуетъ весеннимъ и осеннимъ морозамъ, а, напротивъ, служитъ къ предохраненію растительности отъ губельнаго ихъ дѣйствія» (стр. 53).

2) Влажность воздуха и почвы. Хотя «въ продолженіи цѣлаго года абсолютная влажность лѣснаго воздуха на весьма незначительную величину больше, чѣмъ влажность воздуха въ открытомъ полѣ», но «относительная влажность его постоянно выше таковой же на открытомъ полѣ» (стр. 69), а эта послѣдняя несравненно важнѣе абсолютной «и въ климатическомъ отношеніи, и для жизни растений и животныхъ». Количество атмосферныхъ осадковъ надъ лѣсомъ тоже *больше*; «это указываетъ чашь, по словамъ г. Вейнберга, еще на одну сторону климатическаго вліянія лѣса—на увлажненіе ближайшихъ къ нему мѣстъ» (стр. 90). На влажность почвы вліяніе лѣса также несомнѣнно и, притомъ, «вліяніе это въ жаркое и сухое лѣто гораздо значительнѣе, чѣмъ въ холодное и сырое» (стр. 105). Поэтому *лѣсъ не иссушаетъ почвы*, какъ это предполагалось

нѣкоторыми изслѣдователями. «Теперь достовѣрно можно сказать, — говоритъ г. Вейнбергъ, — что лѣсъ, если не менѣе, то и не болѣе потребляетъ почвенной влаги, чѣмъ кормовыя травы и хлѣбныя растенія» (стр. 142) и, слѣдовательно, истребленіе его не можетъ повести къ предполагавшемуся *заболачиванію* почвы

Что касается, наконецъ, вліянія лѣса на уменьшеніе грозъ и градобитій, то хотя оно и подтверждается нѣкоторыми фактами, но все еще далеко не выяснено окончательно и не допускаетъ еще увѣреннаго рѣшенія. «Конечно, — справедливо замѣчаетъ г. Вейнбергъ по этому поводу, — дозволено высказать то или другое мнѣніе, тотъ или другой взглядъ, основанный на теоретическихъ соображеніяхъ, но слѣдуетъ помнить мудрое правило: «de posse ad esse non valet consequentia» (стр. 159).

Изъ этихъ-то физическихъ свойствъ лѣса вытекаютъ и многообразныя вліянія его и на климатъ, и на почву, и на состояніе проточныхъ водъ.

«Невѣроятно, — говоритъ Маршъ, — чтобы лѣса, занимая столь небольшую сравнительно часть земной поверхности, могли замѣтно вліять на *общій* климатъ земнаго шара»; но для жизни не такъ важно состояніе этого *общаго* климата, какъ важны *мѣстные* климатическія условія, вліяніе же на нихъ лѣса болѣе уже не подлежитъ сомнѣнію. Вліяніе это, впрочемъ, «находится въ прямой зависимости отъ свойства преобладающихъ вѣтровъ и свойства почвы. Смотря по дѣйствию двухъ этихъ факторовъ, климатъ страны, вслѣдствіе обезлѣсенія, можетъ становиться теплѣе и холоднѣе, суше или влажнѣе; крайности температуры лѣтомъ и зимою могутъ сдѣлаться болѣе или менѣе ощутительными» (стр. 173). Кроме того, оно зависитъ также и отъ распредѣленія въ странѣ лѣсовъ; такъ, вліяніе его сильнѣе на мѣстность, защищенную лѣсомъ съ подвѣтренной стороны, чѣмъ на мѣстность, лежащую на противоположной отъ него сторонѣ, наиболѣе же полезное дѣйствіе его проявляется при чередованіи лѣса съ открытыми мѣстами и, притомъ, «при сухихъ или влажныхъ вѣтрахъ, въ особенности же при послѣднихъ» (стр. 226). Такое чередованіе особенно полезно «въ мѣстностяхъ, нуждающихся во влажности», каковыми оказываются наши южныя губерніи, гдѣ «не недостатокъ атмосферныхъ осадковъ причиняетъ частыя и столь гибельныя засухи, а слишкомъ быстрое испареніе, по причинѣ дующихъ сухихъ и горячихъ вѣтровъ» (стр. 264).

Отсюда, климатическія послѣдствія обезлѣсенія отразятся тоже не только на той площади, которая была до тѣхъ поръ занята лѣсомъ, но также и на всей окружающей мѣстности. Первая «подвергнется, — по словамъ г. Вейнберга, — болѣе сильной инсоляціи и лученспусканію, чѣмъ прежде, будетъ сильнѣе нагрѣваться лѣтомъ и скорѣе остывать зимою, однимъ словомъ, *крайности температуры проявятся сильнѣе*, а вмѣстѣ съ ними какъ бы *континентальный* характеръ обнаружится на той самой площади, которая во время существованія на ней лѣса во многомъ отличалась отъ окрестныхъ полей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уменьшится *относительная* влажность воз-

духа» (стр. 341). Въ окрестностяхъ же послѣдствія эти, болѣе значительныя въ лѣтнее время, чѣмъ въ зимнее, при преобладающихъ сухихъ вѣтрахъ, чѣмъ при сырыхъ, состоятъ въ большей сравнительно сухости воздуха и почвы, во вредномъ дѣйствіи «какъ относительно температуры, такъ и относительно влажности» на всякую почву (въ наименьшей степени—на перегнойную, въ наибольшей—на песчаную), въ особенности же въ мѣстностяхъ, подверженныхъ теплomu и сухому вѣтру, и, наконецъ, даже въ полезномъ дѣйствіи—въ болотныхъ мѣстностяхъ.

Далѣе, лѣсъ, препятствуя быстрому удаленію съ поверхности атмосферныхъ осадковъ и содѣйствуя болѣе значительному проникновенію ихъ въ почву, оказываетъ тѣмъ существенное вліяніе на распредѣленіе (régime) ихъ, служитъ какъ бы уравнивателемъ количества проточныхъ водъ и потому «можетъ быть разсматриваемъ какъ большой водопріемникъ для окружающей мѣстности» (стр. 378). Слѣдовательно, обезлѣсеніе необходимо повлечетъ за собою неравномѣрность въ распредѣленіи атмосферныхъ осадковъ; оно вызоветъ, съ одной стороны, увеличеніе весеннихъ половодій и лѣтнихъ паводковъ, а съ другой—изсяканіе ключей и ручьевъ и обмелѣніе большихъ рѣкъ во все остальное время года.

Наконецъ, лѣсъ, представляя собою механическую преграду, уменьшаетъ скорость протекающихъ по поверхности его почвы водъ и проникающихъ сквозь него вѣтровъ, и удерживаетъ, такимъ образомъ, уносимые водою съ крутыхъ отлогостей щебень и камни и сдуваемые вѣтромъ пески. Слѣдствіемъ истребленія лѣсовъ будетъ повтому загроможденіе болѣе значительныхъ площадей камнями и сыпучими песками.

Вотъ каковы въ самыхъ общихъ чертахъ благотворныя вліянія лѣса и вотъ каковы печальныя послѣдствія несоразмѣрнаго истребленія его!

«Отрицать благотворное вліяніе лѣса, — говоритъ г. Вейнбергъ, — на основаніи отдѣльныхъ случаевъ; отрицать пользу лѣсовъ, доказанную множествомъ фактовъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію, въ виду нѣкоторыхъ исключеній, обусловленныхъ, вѣроятно, чисто мѣстными причинами, недостаточно изслѣдованными; отвергать вліяніе одного изъ великихъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ климатъ и плодородіе данной мѣстности, — вліяніе, несомнѣнно вытекающее изъ теоретическихъ разсужденій и почти ежедневно и повсемѣстно подкрѣпляемое опытами, — отрицать все это значитъ спорить противъ очевидности, значитъ быть мало знакомымъ съ физическими свойствами лѣса, значитъ на основаніи малочисленныхъ, мало изслѣдованныхъ и подверженныхъ сомнѣнію явленій желать создать теорію, явно противорѣчащую общимъ, неизбѣжнымъ законамъ физики, противорѣчащую и долготѣнному опыту всѣхъ народовъ во всѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара, весьма разнообразныхъ по физическимъ своимъ свойствамъ!» (стр. 342).

Но, несмотря на все благо, доставляемое лѣсомъ, несмотря на все зло, причиняемое обезлѣсеніемъ, — несмотря на все это, лѣсоистребленіе произ-

водится все въ большихъ и большихъ размѣрахъ и достигаетъ уже мѣстами почти полнаго обезлѣсенія.

Г. Вейнбергъ съ большою подробностью показываетъ, какъ безопасно хозяйничаетъ топоръ на всемъ протяженіи Россіи и какъ лѣса подь его ударами быстро исчезаютъ во всѣхъ губерніяхъ. Онъ рисуетъ массу картинъ этого беззавѣтнаго господства топора, приводитъ множество печальныхъ примѣровъ такого безграничнаго истребленія лѣсовъ. Но мы не станемъ останавливаться на нихъ и ограничимся только указаніемъ нѣкоторыхъ цифровыхъ данныхъ.

Со времени генеральнаго межеванія по 1874 годъ, въ теченіе столѣтія, лѣсныя площади уменьшились: на 11%—въ Новгородской и Псковской губерніяхъ, 13%—въ Московской, 22%—въ Орловской, 29%—въ Смоленской, 33%—въ Рязанской, 34%—въ Петербургской, 35%—во Владимірской, 36%—въ Могилевской, 46%—въ Тверской, 46—50%—въ Ярославской. Въ такихъ же приблизительно размѣрахъ слѣдуетъ предположить уменьшеніе лѣсной площади и въ другихъ губерніяхъ, для которыхъ не имѣется точныхъ данныхъ для выраженія его въ процентахъ.

И такъ, лѣсоистребленіе пагубно, а лѣсъ, между тѣмъ, все сильнѣе и сильнѣе истребляется! Чѣмъ же объяснить такое поразительное положеніе дѣла, такое противорѣчіе между сознаніемъ и поступками, такое упорное подрываніе собственнаго благосостоянія? Нельзя же въ подобныхъ вопросахъ довольствоваться соображеніями вродѣ того, что «русскій человѣкъ—прирожденный врагъ лѣса», что онъ до сихъ поръ сохранилъ привычку былаго времени, «когда шагъ за шагомъ Русь отбивала у древнихъ насельниковъ землю, нещадно губила лѣса, какъ вражескія твердыни» (стр. 570). Нельзя же въ серьезъ приписывать все это одному нашему невѣжеству, наивно полагающему, что у насъ «ширь необъятная, даль необозримая, лѣса непроглядные, а потому и гуляй топоръ куда можеть и какъ хочеть, гуляй и лѣсной пожаръ и губи сколько угодно десятинъ лѣса; имъ не истребить всего того, что насадила природа, хватить ихъ и на насъ, хватить и на потомство!» (стр. 216).

Если бы такое положеніе лѣснаго дѣла у насъ зависѣло исключительно отъ вражды *русскаго* человѣка къ лѣсу, отъ его глубокаго невѣжества, то въ другихъ странахъ, гдѣ *русскій* человѣкъ уже не причеъ, мы должны бы встрѣтить совсѣмъ иное отношеніе къ лѣсу. Но что же оказывается въ дѣйствительности?

Слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ знаменитый Кольберъ восклицалъ: «la France régira un jour faute de bois!», но это, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ французамъ, этой передовой націи, продолжать истребленіе своихъ лѣсовъ, совершаемое по временамъ съ особенной энергіей. То же наблюдается и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Вотъ, напримѣръ, какую грустную картину современнаго состоянія Испаніи рисуетъ намъ Росмессеръ: «Долина средней Испаніи представляетъ обнаженную, накали-

важную ягучимъ солнцемъ пустыню, по которой видѣются каменистыя русла прежнихъ, теперь уже не существующихъ рѣкъ. Совершенно позабываешь, что находишься въ цвѣтущей нѣкогда Бетикѣ, а не въ Сахарской степи» (стр. 196). «Многочисленные лѣса, прежде покрывавшіе горныя возвышенности верхней Италиі—срублены; Аппенины—обнажены; «Сицилія, прежде столь изобиловавшая лѣсомъ, имѣеть въ настоящее время одинъ только значительный лѣсъ: Bosco di Capena». Вырубка лѣсовъ на островѣ Сардиніи до того значительна, что скоро они сдѣлаются на ней рѣдкостью. Греція, изобиловавшая въ древности лѣсами, теперь ихъ «вовсе не имѣеть, если, конечно, не причислять сюда оливковыхъ плантацій или же ничтожныхъ дубовыхъ и сосновыхъ роощъ, встрѣчающихся у берега моря» (стр. 198). Въ Германіи населеніе не болѣе бережно относится къ лѣсу: «печальные слѣды дурнаго и небрежнаго хозяйства легко прослѣдить какъ въ южной, такъ и въ сѣверной Германіи» (стр. 199). «Благодаря врожденному отвращенію венгерцевъ къ лѣсамъ, послѣдніе въ Венгріи вырубались безошадно» (стр. 424). «Великобританія, сравнительно съ своею величиною, всѣхъ болѣе потеряла свои лѣса, которые почти систематически истреблялись на громадномъ протяженіи» (стр. 204). На Скандинавскомъ полуостровѣ «истребленіе лѣсовъ происходило и происходитъ и по нынѣ въ страшномъ размѣрѣ» (стр. 206); «огонь и топоръ, коровѣдъ и скотъ,—все соединяется противъ лѣса, а послѣдній оказывается въ борьбѣ безсильнымъ» (стр. 207).

То же безошадное отношеніе къ лѣсамъ наблюдается, наконецъ, и въ другихъ частяхъ свѣта; г. Вейнбергъ приводитъ многочисленныя примѣры послѣдовательнаго лѣсоистребленія въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ.

Очевидно, слѣдовательно, что дѣло вовсе не во враждебности чувствъ русскаго человѣка и не въ одномъ его невѣжествѣ, иначе враждебность къ лѣсу придется приписать и всему человѣческому роду, и обвинять въ слѣпои невѣжествѣ даже самыя передовыя націи Европы.

Довольствоваться при сужденіяхъ о такомъ важномъ дѣлѣ какими-то природными чувствами значить не хотѣть заглянуть въ глубь; усматривать всю причину даннаго порядка вещей, даннаго направленія народной жизни и дѣятельности въ этихъ самыхъ чувствахъ и невѣжественной слѣпотѣ народа значить не хотѣть видѣть дѣйствительной причины, значить не желать знать законовъ, по которымъ слагается народная жизнь, которыми опредѣляется направленіе народной дѣятельности.

Мы видѣли, что прогрессивное развитіе народа стоитъ въ прямой связи съ прогрессивнымъ лѣсоистребленіемъ. Это соотношеніе, очевидно, не случайное; оно наблюдается у всѣхъ народовъ, во всѣхъ странахъ. Невозможно, слѣдовательно, сомнѣваться въ глубокой внутренней связи между историческимъ прогрессомъ народа и количествомъ истребленнаго имъ лѣса.

Но въ чемъ же состоитъ эта связь, чѣмъ объясняется такое соотношеніе?

Во-первыхъ, тѣмъ, что вмѣстѣ съ развитіемъ народа потребность его въ лѣсномъ матеріалѣ послѣдовательно растетъ и растетъ съ непропорціонально усиливающейся быстротою; во-вторыхъ, тѣмъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается въ значительной степени потребность въ расширеніи площади, назначаемой для другихъ культурныхъ цѣлей.

Въ Россіи, напримѣръ, истребленіе лѣсовъ, начавшееся съ незапамятныхъ временъ, достигло угрожающихъ размѣровъ только въ послѣдніи 20—30 лѣтъ, какъ удостовѣряютъ въ томъ и многочисленныя свидѣтельства со всѣхъ концовъ Россіи, приведенныя въ книгѣ г. Вейнберга. Стало быть, и у насъ усиленное истребленіе непосредственно совпадаетъ съ эпохою нашего наибольшаго прогресса.

Если бы эта усиленная вырубка лѣсовъ происходила отъ одной нашей неряшливости, отъ одной неразумности и нерасчетливости нашего лѣснаго хозяйства, зависѣла исключительно отъ того, что «помѣщики, не зная, какъ приступить къ вольнонаемному труду и нуждаясь въ деньгахъ, взяли за свои лѣса, а государственные крестьяне стали рубить свои участки и года въ три ихъ покончили» (стр. 413); если бы эта усиленная рубка обуславливалась дѣйствительно только подобными причинами, а не вызывалась возрастающими потребностями въ лѣсномъ матеріалѣ, то, несомнѣнно, должно было произойти переполненіе рынка этими матеріалами, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспослѣдовать и паденіе цѣнъ на него. На дѣлѣ же мы видимъ совсѣмъ иное. Лѣса истреблено за эти года громадное количество: не осталось почти и слѣдовъ отъ необозримыхъ нѣкогда лѣсовъ, каковы были лѣса Муромскіе, Брынскіе и т. п., а цѣны на лѣсной матеріалъ, между тѣмъ, все время послѣдовательно поднимаются. Стоимость лѣса всюду повысилась за это время во много разъ; такъ, напр., въ Судогодскомъ уѣздѣ она увеличилась въ десять лѣтъ болѣе, чѣмъ въ 8 разъ; въ Покровскомъ уѣздѣ цѣна десятины лѣса возрасла съ 25 руб. до 550 руб.; въ Жиздринскомъ — съ 97 до 375 руб.; въ Волынской губерніи — съ 40—50 руб. до 240—250 руб. и т. д., и т. д. Соответственно съ этимъ вздорожалъ и лѣсной матеріалъ. Цѣна дровъ, напримѣръ, поднялась на Бергенцѣ (Нижег. губ.) за 16 лѣтъ съ 8 руб. за пятерикъ — на 18 руб.; въ Копотопскомъ уѣздѣ сажень дровъ стоила въ 1875 году 12 руб., а въ 1882 году — 22 руб.; даже въ Вытегрѣ и Каргополѣ цѣна дровъ за послѣдніи 4—5 лѣтъ утроилась. Цѣна на другіе лѣсные матеріалы поднималась, разумѣется, не въ меньшей степени. Не находя указаній по этому предмету въ книгѣ г. Вейнберга, я обращаюсь къ указанію другаго, вполне компетентнаго лица. «За послѣдніи 6—8 лѣтъ, — говоритъ г. Лохтинъ *), — цѣна на шпалы ежегодно возрастала, приблизительно, на 1½—2 процента въ годъ; 15 лѣтъ тому назадъ, сосновое бревно 10 арш. длиною, 6 верш. толщиною продавалось въ Калугѣ по 70 коп. сер., теперь же продается по 2 рубля. Въ такой же, приблизительно, пропорціи уве-

*) «О пропитываніи шпалъ». Журн. мин. пут. сооб. «Инженеръ» 1882 г., стр. 551.

личилось за этотъ періодъ въ средней Россіи цѣна на дрова и другіе лѣсные матеріалы».

Нельзя сомнѣваться послѣ этого, что спросъ на лѣсной матеріалъ увеличивался сильнѣе предложенія и что даже при такой беспощадной вырубкѣ лѣсовъ спросъ этотъ не могъ быть удовлетворенъ въ такой же степени, какъ прежде.

Слѣдовательно, не безпричинное желаніе владѣльцевъ избавиться отъ своихъ лѣсовъ вызывало истребленіе ихъ, а, напротивъ, все усиливавшійся спросъ побуждалъ ихъ къ еще болѣе вырубкѣ своихъ лѣсовъ.

Но отчего же зависѣлъ у насъ такой усиленный спросъ на лѣсной матеріалъ за послѣднія 20—30 лѣтъ?

Постараемся, хотя приблизительно, уяснить себѣ его причины и опредѣлить примѣрную величину его возрастанія за этотъ періодъ времени.

«Въ началѣ генеральнаго межеванія (въ 1778 г.),—говоритъ г. Вейнбергъ,—въ Ярославской губерніи насчитывалось 1.500,000 десятинъ лѣса, въ шестидесятыхъ же годахъ нынѣшняго столѣтія было уже 800.000 дес., слѣдовательно, лѣсная площадь уменьшилась на 46,7%. А, между тѣмъ, населеніе губерніи съ 4-й переписи (1762 г.) до шестидесятыхъ годовъ увеличилось на 17%» (стр. 214). Это-то значительное возрастаніе потребленія лѣса (почти въ 3 раза) сравнительно съ увеличеніемъ населенія и заслуживаетъ, по моему мнѣнію, болѣе вниманія и болѣе подробнаго обсужденія. Въ этомъ послѣдовательно возрастающемъ расходѣ лѣса и заключается причина усиленнаго лѣсоистребленія, вызывающаго справедливыя опасенія за будущее.

Если бы расходовался населеніемъ только одинъ приростъ лѣса, то площадь его, очевидно, оставалась бы постоянно безъ измѣненія; дажѣ, если бы расходъ лѣса возрасталъ въ одинаковой мѣрѣ съ приростомъ населенія, то лѣсная площадь уменьшилась бы, понятно, совершенно соразмѣрно съ прибылью населенія, такъ что въ Ярославской губерніи площадь эта равнялась бы въ 60-хъ годахъ 1.245,000 десятинъ, въ дѣйствительности же лѣса занимали всего 800,000 дес., слѣдовательно, было потреблено еще излишнихъ 445,000 десятинъ. Съ того времени прошло еще 15 лѣтъ, въ теченіе которыхъ въ предѣлахъ этой губерніи построено 3 желѣзныхъ дороги, значительно увеличено парходство, очень расширена мануфактурная промышленность, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, сильно возрасло и потребленіе лѣса. Поэтому общую величину этого излишка потребленія можно принять въ настоящее время, безъ всякаго преувеличенія, въ 500,000 десятинъ, что составляетъ, при 1 милл. населенія губерніи, 0,5 десят. на одного жителя.

Такъ какъ эту губернію въ отношеніи потребленія лѣса можно считать, безъ большой погрѣшности, за среднюю изъ центральныхъ и южныхъ губерній, то и 0,5 дес. на жителя можно принять за примѣрную норму. Если принять далѣе населеніе Европейской Россіи, за исключеніемъ Польши,

Остзейскаго края, Финляндіи, нашихъ сѣверныхъ и пріуральскихъ губерній, въ 60 милл. человекъ, то этотъ излишекъ израсходованнаго за тотъ же періодъ времени лѣса на всей этой площади выразится цифрою въ 30 милліоновъ десятинъ. Цифра эта относится, правда, къ столѣтнему періоду, но мы имѣемъ всѣ основанія полагать, что въ дѣйствительности она ложится почти всею своею тяжестью на послѣднія 20—30 лѣтъ, въ теченіе которыхъ такъ существенно измѣнился весь строй нашей жизни и проявился, вмѣстѣ съ тѣмъ, такой усиленный спросъ на лѣсъ.

Чѣмъ же, спрашивается, вызывался такой усиленный спросъ, потребившій сверхъ обыденнаго расхода, считая, притомъ, и приростъ населенія, еще такое громадное количество лѣса?

Вызывался онъ, во-первыхъ, значительнымъ увеличеніемъ, послѣ освобожденія, числа дворовъ въ селеніяхъ, вслѣдствіе уменьшенія численнаго состава крестьянскихъ семей, и числа домовъ въ городахъ, а также и нѣкоторымъ расширеніемъ потребностей населенія, послѣдовавшихъ за измѣненіемъ его быта; во-вторыхъ, усиленнымъ развитіемъ фабричной и заводской промышленности съ примѣненіемъ паровыхъ двигателей; въ-третьихъ, положеніемъ около 85,000 верстъ, вмѣстѣ съ запасными, разъѣздными, двойными и т. д., рельсовыхъ путей и возникновеніемъ и быстрымъ развитіемъ пароходства.

Вотъ на что потребовались эти излишніе милліоны десятинъ лѣса, вотъ на удовлетвореніе какихъ потребностей онъ были израсходованы.

Этимъ приблизительнымъ расчетомъ, этими краткими замѣчаніями мы можемъ ограничиться по отношенію къ произведенной уже затратѣ лѣса; лѣсная площадь уменьшилась на столько-то, взамѣнъ того возникло то-то и то-то; это—фактъ совершившійся и мы должны мириться съ нимъ.

Иное дѣло предстоящій расходъ: съ нимъ мы должны считаться и имѣемъ возможность принимать соотвѣтствующія мѣры къ его уменьшенію. Постараемся, поэтому, хотя отчасти, въ круглыхъ приблизительныхъ величинахъ опредѣлить этотъ предстоящій расходъ, предполагая при этомъ, что на всѣ текущія потребности будетъ расходоваться исключительно лѣсной матеріалъ и что этотъ послѣдній не будетъ, такимъ образомъ, замѣняться другими продуктами.

При этомъ нужно замѣтить, что если приростъ лѣса прежде покрывалъ всѣ текущія потребности населенія, то съ уменьшеніемъ этой площади величина общаго прироста, естественно, окажется недостаточною на покрытие потребностей даже въ прежнемъ размѣрѣ и появится необходимость въ дальнѣйшемъ уменьшеніи лѣсной площади. Слѣдовательно, чѣмъ больше площадь эта будетъ сокращаться, тѣмъ быстрѣе будетъ слѣдовать это сокращеніе. Поэтому даже временное, значительное уменьшеніе лѣсной площади, вызванное какими бы то ни было исключительными причинами, должно имѣть своимъ слѣдствіемъ все болѣе и болѣе усиленное уменьшеніе ея въ дальнѣйшемъ.

Указанныя нами причины не временныя; онѣ не уничтожились произведенною на нихъ единовременною затратой, онѣ продолжаютъ не только требовать постоянного расхода, но и въ послѣдовательно увеличивающемся размѣрѣ.

По мѣрѣ прибылі населенія увеличивается и число жилищъ. Принимая эту прибыль населенія въ 1,7 промиллей, равную указанной въ Ярославской губерніи, мы получимъ, что населеніе разсматриваемаго района Россіи ежегодно увеличивается слишкомъ на 100,000 человекъ; принимая дагѣ численный составъ крестьянской семьи въ настоящее время равнымъ 5 человекамъ обоюго пола, мы найдемъ, что число дворовъ въ селеніяхъ возрастаетъ ежегодно приблизительно на 20,000. На первоначальную постройку и обзаведеніе этихъ дворовъ потребуется, примѣрно, 5,000 десятинъ лѣса ежегодно. Вслѣдствіе же уменьшившагося послѣ освобожденія состава крестьянской семьи, число дворовъ въ селеніяхъ должно было увеличиться въ значительной степени. Такъ, при населеніи въ 60 милліон. и при уменьшеніи семьи съ 6 на 5 человекъ, новыхъ дворовъ должно было возникнуть въ селеніяхъ слишкомъ 2 милліона; да еще отъ прибылі населенія за эти 25 лѣтъ 500,000, а всего 2.500,000 дворовъ. На отопленіе этихъ вновь возникшихъ дворовъ потребуется ежегодно по малой мѣрѣ 5 милл. кубовъ дровъ, что составитъ болѣе 100,000 десятинъ хорошаго лѣса. Если, кромѣ того, принять въ расчетъ расширеніе городовъ, послѣдовательное увеличеніе числа построекъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и увеличенный расходъ на отопленіе ихъ, если дагѣ принять въ соображеніе увеличеніе вообще потребностей населенія съ теченіемъ времени, съ повышеніемъ его благосостоянія, то, очевидно, расходъ лѣса на эти непосредственныя нужды населенія будетъ послѣдовательно увеличиваться и можетъ быть опредѣленъ въ настоящее время, примѣрно, въ 150,000 десятинъ въ годъ.

Въ настоящее время въ Россіи насчитывается до 20,000 фабрикъ и заводовъ, потребляющихъ ежегодно громадное количество топлива. Такъ, по вычисленію г. Савельева, «въ Московской и смежныхъ съ нею губерніяхъ, гдѣ сосредоточена обработка хлопка, общій годовой расходъ дровъ для одного только этого вида промышленности опредѣляется въ настоящее время въ 900,000 куб. саж.», что составляетъ до 30,000 десятинъ лѣса (стр. 214); свежло-сахарными заводами, которыхъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ насчитывается теперь до 300, расходуетъ ежегодно, судя по указаніямъ г. Вейнберга, до 20,000 десятинъ лѣса. Слѣдовательно, расходъ лѣса на всѣ уже существующія фабрики и заводы можетъ быть опредѣленъ по малой мѣрѣ въ 150,000 десятинъ въ годъ.

Очень большую статью расхода лѣса представляетъ уже существующее паровое сообщеніе. На отопленіе паровозовъ желѣзныхъ дорогъ, по расчету г. Лохтина, требуется ежегодно до 40,000 десятинъ лѣса; на ремонтровку шпалъ до 10,000 десятинъ *). Расходъ топлива на другія же-

*) Стр. 551—554.

лѣзно-дорожныя службы составлялъ въ 1872 г. на нижегородской желѣзной дорогѣ 4,715 куб. саж., или болѣе 11 куб. саж. на версту (отчетъ за 1872 г., стр. 96 и 124); отсюда, на всѣ дороги потребно болѣе 200,000 куб. саж. или болѣе 5,000 десятинъ хорошаго лѣса. Кромѣ того, остается еще разный ремонтъ службъ и зданій, постройка новыхъ дорогъ и пр., и пр. расходы, которые составятъ всѣ вмѣстѣ не менѣе 5,000 десятинъ. Слѣдовательно, желѣзныя дороги потребятъ ежегодно, по крайней мѣрѣ, 60,000 десятинъ лѣсу. Не много менѣе потребляютъ и пароходы. Такъ, «на нужды волжскаго пароходства ежегодно истребляется 10,000 десятинъ лѣса» (стр. 395). На нужды же пароходства по всѣмъ другимъ рѣкамъ, а также морскаго торговаго пароходства и военнаго флота, потребуется по малой мѣрѣ въ 3—4 раза болѣе противъ волжскаго. Такимъ образомъ, весь расходъ на пароходство выразится приблизительно въ 40,000 дес. лѣса, а расходъ всего пароваго сообщенія въ 100,000 десятинъ.

И такъ, общій ежегодный расходъ лѣса на удовлетвореніе исключительно вновь возникшихъ потребностей выражается приблизительно 400,000 дес. Но при этомъ мы не принимали въ соображеніе разныхъ другихъ постоянно возникающихъ нуждъ, не брали въ расчетъ и возрастающаго отпуска лѣса за границу, котораго вывезено въ 1876 году на сумму 33 милліоновъ рублей (стр. 544). Поэтому, ежегодный излишекъ въ потребленіи лѣса въ дѣйствительности долженъ быть больше опредѣленнаго нами, но при томъ предположеніи, повторяю, что другіе матеріалы, замѣняющіе дерево, не будутъ находиться въ употребленіи.

Если при этомъ принять во вниманіе, во-первыхъ, что вся масса этихъ вновь заявившихся и постоянно возрастающихъ потребностей въ лѣсномъ матеріалѣ совсѣмъ не коснулась нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній (Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской и Олонецкой), гдѣ однихъ государственныхъ лѣсовъ болѣе 80 милліоновъ десятинъ, а легли всею своею тяжестью на среднія и южныя, въ которыхъ насчитывается всего на всего 50 милліоновъ десятинъ лѣсовъ всѣхъ наименованій, и, во-вторыхъ, что даже и въ предѣлахъ этихъ губерній мѣста главнаго потребленія лѣса не распредѣлялись равномерно по всей площади, а послѣдовательно сосредоточивались въ опредѣленныхъ пунктахъ и на опредѣленномъ протяженіи,—если принять все это во вниманіе, то является совершенно естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ нашего прогрессивнаго движенія за послѣднія 20—30 лѣтъ то усиленное лѣсоистребленіе, которое замѣчается именно въ этихъ губерніяхъ, которое совершенно обезлѣсило многія мѣстности и которое, наконецъ, вызвало основательную тревогу не только за будущее, но и за настоящее.

Слѣдовательно, и въ Россіи это угрожающее истребленіе лѣсовъ было обусловлено исключительно экономическими причинами, было вызвано необходимыми требованіями времени.

Другая причина, обуславливающая истребленіе лѣсовъ, заключается, какъ

мы сказали выше, въ послѣдовательномъ расширеніи площади, обращаемой подъ другія культуры, по мѣрѣ увеличенія населенія страны. Сравненіе разныхъ европейскихкихъ государствъ вполне подтверждаетъ это. Въ Россіи, напримѣръ, при населеніи въ 737 человекъ на 1 кв. милю, пахотная и луговая земля составляютъ 42,2% всей территоріи, тогда какъ въ Бельгіи, при густотѣ населенія въ 9,822 человекъ, эти угодія составляютъ 70,3%, въ Саксоніи, при 9,390 человекъ на 1 кв. м. — 65,4% и т. д. Но сравненіе это, кромѣ того, показываетъ, что другія культуры тѣмъ въ большей степени распространяются насчетъ лѣсной площади, чѣмъ болѣе неудобной земли находится въ странѣ. Въ Россіи, при 42,2% пахотной и луговой земли, покосами занято 38,1%, между тѣмъ въ Испаніи, при 44,3% пахотной и луговой почвы, подъ лѣсомъ находится всего 16,3%; неудобной же земли въ Россіи — 19,7%, а въ Испаніи — 39,4%. Далѣе: въ Англіи и Саксоніи густота населенія почти одинакова (9,345 и 9,390 чел. на 1 кв. м.), а, между тѣмъ, пахотной и луговой земли: въ Англіи — 60%, въ Саксоніи же — 65%; подъ лѣсомъ: въ Англіи — 2,4%, въ Саксоніи же — 30,5%, но при этомъ неудобной земли: въ Англіи — 37,5%, а въ Саксоніи — только 4,1%. Въ Бельгіи, имѣющей самое густое население, при 70,3% пахотной и луговой земли, подъ лѣсами — 15%, въ Пруссіи же, гдѣ населеніе въ 2½ раза рѣже, при 68,4% пахотной луговой земли, подъ лѣсомъ находится 23,1%, но за то неудобной земли: въ Бельгіи — 14,7%, въ Пруссіи же — 8,5%. Въ Австріи, при 3,168 чел. на 1 кв. м., пахотной и луговой земли 61,6%, подъ лѣсомъ — 31,6%, въ Венгріи же собственно, при густотѣ 2,816 человекъ, пахотной и луговой земли — 58,3%, подъ лѣсомъ — 26,8%, а неудобной земли: въ Австріи — 6,7%, въ Венгріи же — 14,9%; въ Италиіи и Виртембергѣ, почти при одинаковой густотѣ населенія, пахотной и луговой земли: въ Италиіи — 62,1%, въ Виртембергѣ — 64,6%; подъ лѣсомъ: въ Италиіи — 22,9%, въ Виртембергѣ — 30,6%, а неудобной земли: въ Италиіи — 15%, въ Виртембергѣ — 4,8%; во Франціи и въ Баваріи неудобной земли почти одинаковый процентъ, пахотной же и луговой: во Франціи — 76,6%, въ Баваріи — 62%; подъ лѣсомъ: во Франціи — 17%, въ Баваріи — 32%, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и населеніе во Франціи слишкомъ на 200 человекъ гуще: во Франціи приходится 3,761 житель на 1 кв. м., а въ Баваріи — 3,522 человекъ. Подобное же соотношеніе наблюдается и при сравненіи нашихъ губерній между собою; такъ, въ Архангельской губерніи, при 18 жителяхъ на 1 кв. м., лѣса занимаютъ слишкомъ 70%, не считая тундры; а въ Полтавской, Подольской, Тульской и Курской губерніяхъ, въ которыхъ на 1 кв. м. приходится болѣе 2,000 жителей, подъ лѣсомъ находится всего отъ 4 до 10 процентовъ (4,2%, 10,5%, 6,3%, 7,2%); сообразно съ этимъ измѣняется и количество пахотной и луговой земли, которое, понятно, съ теченіемъ времени все болѣе увеличивается. Въ Ярославской губерніи, напримѣръ, «площадь пахотныхъ земель, по указанію г. Вейн-

берга, со времени генеральнаго межеванія увеличилось въ $2\frac{1}{2}$ раза» (*Дльс.*, стр. 214).

Но, отмѣчая связь, существующую между приростомъ населенія и расширеніемъ пахотной и луговой площадей насчетъ дѣсной, я вовсе не умаляю вліянія на это мѣстныхъ и временныхъ условий. Напротивъ, я вполне увѣренъ, что именно эти условия опредѣляютъ данное распределеніе угодій и выборъ соответствующихъ культуръ. Въ нихъ-то я вижу причину того, что во Франціи, напримѣръ, пашня составляетъ 54,8%, а луга — 21,8%, между тѣмъ какъ въ Англіи, при населеніи въ $2\frac{1}{2}$ раза болѣе густомъ, пашни только 22,7%, а луговъ — 37,4%; что въ Голландіи и Саксоніи, при одинаковомъ общемъ процентѣ, отношеніе пашни и луговъ различное; пахотной земли: въ Голландіи 28,2%, въ Саксоніи—52,4%, а луговъ: въ Голландіи—37%, въ Саксоніи же только—13%; что у насъ, наконецъ, въ западныхъ губерніяхъ подъ пашнею — 39,7%, а подъ лугами—9,9%, тогда какъ въ Астраханской губерніи, въ Донской Области и губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской и Таврической — пашня занимаетъ всего 18,4%, а луга—34% и т. д. Все это находится, несомнѣнно, въ прямой зависимости отъ данныхъ мѣстныхъ и временныхъ условий и можетъ такъ или иначе измѣниться исключительно съ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ.

«Какъ бы ни было ненормально, — говоритъ г. Ермоловъ, — въ большинствѣ случаевъ то чрезмѣрное и, повидимому, преувеличенное развитіе одной отрасли хозяйства надъ другою, которое мы встрѣчаемъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи, какъ бы ни казалось неестественно-малою утилизируемая въ сельско-хозяйственномъ отношеніи площадь земли на сѣверѣ и на югѣ, какъ бы вообще безсознательно ни было обращеніе хозяевъ къ той или другой отрасли хозяйства, — въ основаніи каждого изъ этихъ явленій лежитъ, однако, законъ необходимости, каждое изъ нихъ представляетъ собою логическое послѣдствіе извѣстныхъ естественныхъ причинъ. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, обусловливаютъ затѣмъ, до извѣстной степени, и систему организаціи хозяйства, наиболѣе соответствующую временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, — систему, которая логически вытекаетъ изъ этихъ условий и не можетъ быть ни насильственно измѣнена, ни искусственно создана, ни отменена раньше времени. Въ выборъ той или другой системы, повторяемъ, хозяинъ неволенъ; онъ подчиняется въ этомъ случаѣ всеѣмъ, не имъ созданнымъ и нисколько отъ него независящимъ, условіямъ времени и мѣста, — онъ слѣдуетъ закону необходимости» (Ермоловъ: *Система полеводства*, стр. 61).

Этотъ законъ необходимости, управляя хозяйствами отдѣльныхъ лицъ, управляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и хозяйствомъ всѣхъ ихъ въ совокупности, хозяйствомъ всей страны.

«Такъ какъ доходъ, выручаемый отъ посѣва хлѣбныхъ растений, — замѣчаетъ г. Вейнбергъ, — въ большей части случаевъ во многомъ превосхо-

дѣть доходъ, получаемый съ лѣса, занимающаго то же пространство, то владѣлецъ его можетъ найти гораздо выгоднѣе для себя отдавать эту площадь подъ пашню, и въ такомъ случаѣ лѣсъ истребляется совершенно, съ выгорчевываніемъ пней... Разъ убѣдившись въ выгодѣ для него обращенія лѣсной площади подъ пашню, владѣлецъ преслѣдуетъ свои цѣли, не обращая вниманія на происходящій отсюда вредъ» (*Лѣсъ*, стр. 475 и 476). Руководствоваться другими соображеніями, кромѣ выгоды, хозяинъ не можетъ. Сельское хозяйство — не забава праздныхъ людей, а промышленность и, притомъ, промышленность чрезвычайно важная для благосостоянія страны. «Рациональность хозяйства, по справедливому замѣчанію г. Ермолова, въ строгомъ согласованіи всего хозяйственнаго строя и мѣня съ мѣстными условіями, въ правильномъ сочетаніи, въ хозяйствѣ, отдѣльныхъ факторовъ, отдѣльныхъ отраслей производства, *направленныхъ къ полученію высшаго, возможнаго въ данное время чистаго дохода, безъ уменьшенія, а, напротивъ, съ увеличеніемъ при этомъ цѣнности самаго и мѣня*» (стр. XXII).

Поэтому хозяйство, какъ и всякая другая промышленность, сообразуется исключительно съ выгодностью, представляемою данными условіями времени и мѣста; это—тоже законъ необходимости.

Пока лѣсная площадь не будетъ доставлять тѣхъ же выгодъ, какъ и площади, занятая другими культурами, до тѣхъ поръ неминуемо она все въ болѣе и болѣе размѣрахъ будетъ обращаться подъ эти послѣднія. Порядокъ этотъ измѣнится только тогда, когда доходность отъ лѣса сравняется съ доходностью отъ другихъ культуръ; тогда-то и установится, наконецъ, извѣстное, наиболѣе выгодное въ данное время соотношеніе между площадью лѣса и площадью другихъ угодій. Ожидать иного порядка вещей мы не имѣемъ никакихъ основаній, а потому и должны принять его, какъ необходимость, при рѣшеніи нашего лѣснаго вопроса.

«*Земледѣльческая производительность, — говоритъ кн. А. Васильчиковъ, — въ послѣднее 12-лѣтіе (1861—1872 г.) положительно усилится въ Россіи и находится по нынѣ въ періодъ непрерывнаго развитія*» (*Землевѣд. и землед.*, т. II, стр. 649). Это обусловливается, по мнѣнію кн. Васильчикова, между прочимъ, эксплуатацией новыхъ земель, «лежавшихъ при помѣщицѣмъ владѣніи впустѣ», распашкою громаднаго пространства земель, «производимой крестьянами на владѣльческихъ пустошахъ и степяхъ». «Хотя помѣщичьи запашки, — замѣчаетъ онъ далѣе, — нѣсколько сократились, а въ сѣверной полосѣ отчасти упразднились, но общее количество культурныхъ земель отъ этого не уменьшилось, и земледѣліе, переходя въ руки самихъ хлѣбопашцевъ, *ежегодно увеличиваетъ на нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ площадь пахотныхъ угодій*» (*Землед. и землевѣд.*, т. II, стр. 650).

Если послѣдовательное обращеніе лѣсныхъ площадей подъ другія культуры у насъ еще и не выразилось съ ясною опредѣленностью, ограничи-

ваясь пока только незначительными размѣрами, то, тѣмъ не менѣе, оно неминуемо послѣдуетъ въ будущемъ все въ болѣе и болѣе степени. Устранить этотъ естественный порядокъ вещей невозможно; препятствовать и задерживать послѣдовательный ходъ развитія нельзя безъ существеннаго вреда для благосостоянія страны; необходимо, напротивъ, отнестись къ этому явленію съ должнымъ вниманіемъ и позаботиться съ надлежащею осмотрительностью исключительно объ устраненіи въ будущемъ тѣхъ затрудненій и преградъ, какія могутъ встрѣтиться на дальнѣйшемъ пути этого прогресса страны.

Иное дѣло государственныя земли: государство находится въ иномъ совсѣмъ отношеніи къ хозяйству на своихъ владѣніяхъ. При казенномъ управленіи лѣсное хозяйство представляетъ наиболѣе выгоду; введеніе же на государственныхъ земляхъ другихъ культуръ при данныхъ условіяхъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и невыгодно, и даже почти невозможно. Сверхъ того, государство имѣющее полную возможность руководствоваться при выборѣ системы своего хозяйства гораздо болѣе продолжительнымъ оборотомъ, должно, вмѣстѣ съ тѣмъ, строго сообразовать свое хозяйство и съ другими экономическими условіями страны въ настоящемъ, и съ предстоящими потребностями ея въ болѣе отдаленномъ будущемъ.

Мы ознакомились, такимъ образомъ, пока съ первыми двумя составными частями нашего лѣснаго вопроса. Мы видѣли, съ одной стороны, то вліяніе, какое оказываетъ лѣсъ на климатъ и воды, и тѣ послѣдствія, какія вызываетъ несоразмѣрное лѣсоистребленіе и обезлѣсеніе, а съ другой стороны — ту усиленную вырубку лѣсовъ, какая наблюдается въ Россіи въ настоящее время и которая уже выразилась въ обезлѣсеніи нѣкоторыхъ мѣстностей. Мы старались при этомъ выяснять, по возможности, также и тѣ причины, которыя обуславливаютъ такой порядокъ вещей, и намѣтить этимъ способомъ дальнѣйшую судьбу нашихъ лѣсовъ. Теперь остается намъ, слѣдовательно, рассмотреть только послѣднюю часть нашего вопроса, а именно: мѣры къ сохраненію лѣса въ желательной пропорціи, — часть, имѣющую очень важное значеніе по своему непосредственному приложенію къ практической жизни и вполне заслуживающую поэтому должнаго вниманія и строгаго обсужденія *).

*) Признавая вполне, что книга г. Вейнберга какъ по богатству и разнообразію содержанія, такъ и по обилію фактическимъ матеріаломъ не имѣетъ себѣ равной не только въ нашей, но и заграничной литературѣ по этому предмету; отдавая злѣмъ полную справедливость совершенной безпристрастности и строгой объективности, съ которыми авторъ относится къ изучаемымъ явленіямъ, и образцовой добросовѣстности, которую онъ проявилъ при выполненіи своей крайне трудной задачи, — я тѣмъ болѣе желаю бы найти въ ея изложеніи болѣе строгую систематичность, болѣе послѣдовательное расположеніе и болѣе выраженную цѣлостность.

Въ книгѣ этой г. Вейнбергъ совершенно основательно слѣдовалъ господствующему теперь методу изслѣдованія явленій, начавъ свое изученіе съ явленій болѣе простыхъ и послѣдовательно переходя къ явленіямъ болѣе сложнымъ, представляющимъ собою

Въ послѣдніе годы и частными лицами, и общественными учреждениями были предложены въ разнообразныхъ вариантахъ различныя мѣры къ устраненію усиленнаго лѣсомстребленія и къ сохраненію уцѣлѣвшихъ лѣсовъ. Всѣ эти мѣры собраны вмѣстѣ и подробно рассмотрѣны г. Вейнбергомъ въ

все болѣшую и болѣшую совокупность первыхъ. Такимъ образомъ, г. Вейнбергъ сначала обстоятельно изучаетъ физическія свойства лѣса, рассматривая каждое изъ этихъ свойствъ отдѣльно (часть 1-я книги), и затѣмъ уже преступаетъ къ изученію вліянія лѣса на климатъ и почву (часть 2-я) и, наконецъ, къ вліянію его на проточныя воды (часть 3-я). Но методъ этотъ, къ сожалѣнію, не проведенъ авторомъ въ должной полнотѣ. Онъ начинаетъ свою книгу прямо съ изученія свойствъ лѣса во всей его сложной совокупности. Хотя самъ авторъ неоднократно упоминаетъ о томъ значеніи, какое имѣетъ порода, возрастъ и свойства деревьевъ, составляющихъ лѣсъ, и способъ ихъ насажденія и пр. (стр. 73, 90 и др.), а мѣстами даже довольно подробно рассматриваетъ нѣкоторыя изъ свойствъ самого дерева (стр. 33, 53—57); хотя вообще онъ, видимо, признаетъ важность вліяній, проявляемыхъ отдѣльными деревьями, -- но, тѣмъ не менѣе, онъ изучаетъ эти вліянія только совместно со свойствами и вліяніями цѣлаго лѣса во всей ихъ разнообразной сложности. Между тѣмъ, при болѣе строгой послѣдовательности, изученіе свойствъ отдѣльныхъ деревьевъ и проявляемыхъ ими вліяній должно было бы предшествовать рассмотрѣнію свойствъ и вліяній всей ихъ совокупности, т.-е. лѣса. Тогда и методъ изслѣдованія (отъ болѣе простаго къ болѣе сложному) былъ бы примѣненъ съ болѣею точностію, и самое изложеніе отличалось бы болѣею систематичностію.

Далѣе, въ книгѣ г. Вейнберга данныя относительно вліянія лѣса и данныя касательно послѣдствій обезлѣсенія излагаются тоже совместно, постоянно чередуясь другъ съ другомъ. Хотя данныя эти дополняютъ взаимно другъ друга, но, тѣмъ не менѣе, вліяніе лѣса и послѣдствія обезлѣсенія вовсе не одно и то же: эти послѣдствія должны служить, строго говоря, только дальнѣйшимъ подтвержденіемъ, нагляднымъ оправданіемъ того вліянія лѣса, которое должно быть установлено непосредственными наблюденіями и теоретическими соображеніями. Поэтому и слѣдовало, по моему мнѣнію, объ эти категоріи данныхъ болѣе точно обособить между собою и провести между ними болѣе рѣзкую границу.

Наконецъ, въ книгѣ г. Вейнберга данныя относительно размѣровъ истребленія лѣса въ Россіи и въ другихъ странахъ излагаются вмѣстѣ съ вліяніемъ лѣса на климатъ и почву и на проточныя воды. Между тѣмъ, вліяніе лѣсовъ, — это одинъ вопросъ, а размѣры ихъ истребленія и количество ихъ въ настоящее время — совсѣмъ другой. Вслѣдствіе этого я нахожу, что данныя эти надлежало излагать отдѣльно, составивъ изъ свѣдѣній касательно истребленія лѣсовъ самостоятельную часть, куда должны быть отнесены также и свѣдѣнія о количествѣ лѣсовъ въ настоящее время, помѣщенные авторомъ въ 4-й главѣ четвертой части.

Но, указывая на эти недостатки, я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія поколебать этимъ значеніе труда г. Вейнберга для рассматриваемаго нами вопроса. Я, напротивъ, вполне сознаю, что устраненіе ихъ нисколько не измѣнило бы, въ сущности, ни фактическаго матеріала, ни слѣдующихъ изъ него основныхъ выводовъ и заключеній, которые и составляютъ всю суть книги. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я также признаю, что черезъ это очень выиграли бы, несомнѣнно, и систематичность, и послѣдовательность изложенія, что, въ свою очередь, сообщало бы выводамъ болѣшую убѣдительность, и, производя на читателя болѣе рѣзкое впечатлѣніе, оставило бы въ немъ и болѣе ясное, и болѣе цѣлостное представленіе, которое очень желательно какъ въ виду важности самаго вопроса, такъ и въ виду значенія этой книги для его рѣшенія.

четвертой части его книги, а потому и ограничимся обсужденіемъ исключительно тѣхъ мѣръ, которыя предлагаются также и г. Вейнбергомъ.

Первою изъ этихъ мѣръ является правительственная опека надъ частными и общественными лѣсами. Г. Вейнбергъ наиболѣе останавливается на этой мѣрѣ и наиболѣе подробно обсуждаетъ ее, причемъ старается доказать право государства на вмѣшательство въ частное лѣсовладѣніе. Едва ли возможно сомнѣваться въ правѣ государства на извѣстныя ограниченія частной собственности въ видахъ общественной пользы. Другое дѣло опредѣлить, насколько правительственная опека надъ частными лѣсами соотвѣтствуетъ даннымъ условіямъ и данному времени.

«Законъ остается мертвою буквою, если онъ не поддѣрпывается сознаниемъ его необходимости и пользы со стороны тѣхъ лицъ, для которыхъ онъ пишется», — справедливо замѣчаетъ г. Вейнбергъ. Законъ, вызванный къ жизни не дѣйствительно существующими потребностями населенія, несоотвѣтствующій данному времени, не только останется мертвою буквою, но принесетъ еще существенный вредъ какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Поэтому необходимо рѣшить предварительно такой вопросъ: вызывается ли предлагаемая опека дѣйствительными потребностями и отвѣчаетъ ли она нашему времени?

Среднее количество лѣса, потребное для благотворнаго дѣйствія на растительность и текуція воды, опредѣляется разными учеными нѣсколько различно, а именно въ предѣлахъ отъ 17% до 33% всей территоріи.

А такъ какъ въ Россіи лѣса занимаютъ слишкомъ 38% всей площади, то на этомъ основаніи можно было бы отрицать и всякую потребность въ опекѣ. Но дѣло въ томъ, что лѣса для возможности оказать свое благотворное вліяніе должны быть распределены по всей площади болѣе или менѣе равномерно, согласно мѣстнымъ условіямъ, а не сосредоточиваться въ одномъ какомъ-либо мѣстѣ и совсѣмъ отсутствовать на всей остальной площади. Въ Россіи же распределеніе это таково, что однѣ губерніи почти сплошь покрыты лѣсомъ, тогда какъ другія его совсѣмъ не имѣютъ. Такъ, въ Вологодской — лѣса занимаютъ 90% всей площади, въ Олонецкой и Пермской — 75%, въ Вятской и Костромской — болѣе 60%, между тѣмъ въ 13 губерніяхъ подъ лѣсами менѣе 25% (отъ 10% до 25%) всей площади, въ 10 губерніяхъ — менѣе 10% (отъ 1% до 10%) и въ 2 губерніяхъ менѣе 1%: въ Астраханской — 0,6% и въ Уральской области — 0,3% (*Лѣсы*, стр. 539). Слѣдовательно, крайній недостатокъ лѣса во многихъ мѣстностяхъ Россіи очевиденъ, а отсюда можно заключить, что въ этихъ мѣстностяхъ ощущается и потребность въ правительственной опекѣ.

Что касается своевременности у насъ такой опеки въ настоящее время, то по этому поводу г. Вейнбергъ вполне справедливо замѣчаетъ, что «если правительственная опека надъ частными и общинными лѣсами необходима, то она не иначе достигнетъ своей цѣли, какъ если число лицъ, коимъ довѣрена будетъ инспекція, будетъ вполне достаточно для того, чтобы они,

по возможности, чаще и удобнѣе могли переноситься съ мѣста на мѣсто и могли вполне и подробно ознакомиться съ ввѣренными ихъ инспекціи лѣсными площадями, причемъ, само собою разумѣется, необходимо, чтобы лица эти обладали спеціальною подготовкою и надлежащею опытностью» (стр. 527); у насъ же, между тѣмъ, ощущается большой недостатокъ въ лѣсничихъ даже для однихъ казенныхъ лѣсовъ; такъ, «въ 15 губерніяхъ, обнимающихъ площадь 17,473 кв. миль (т.-е. немного меньшую, чѣмъ площадь Германіи и Франціи, вмѣстѣ взятыхъ), состояли, по словамъ г. Вейнберга, лишь 94 спеціально образованныхъ лѣсничихъ, слѣдовательно, на каждого приходилась площадь въ 186 кв. миль» (стр. 527). Этотъ недостатокъ въ лѣсничихъ еще болѣе выразится, если сравнить лѣсную площадь, принадлежащую на одного лѣсничаго у насъ и за границей; такъ, «въ Пруссіи площадь эта почти въ 7 разъ меньше, во Франціи въ 26 разъ, въ Баденѣ—64, въ Баваріи—91, въ Саксоніи—98, въ Виртембергѣ въ 105 разъ меньше, чѣмъ въ Европейской Россіи (не считая Кавказа, Финляндіи и привислянскихъ губерній)». «Если, притомъ, — продолжаетъ г. Вейнбергъ, принять въ расчетъ громадность нашей территоріи, отдаленность одной площади отъ другой у насъ и за границей, затруднительность путешествій весною и осенью, въ особенности по проселочнымъ дорогамъ, то во сколько разъ увеличится трудъ нашего лѣсничаго?» (стр. 527).

«Но, при настоящемъ числѣ лѣсничихъ въ Россіи, есть ли возможность удовлетворить означеннымъ требованіямъ?»—вполнѣ основательно спрашиваетъ г. Вейнбергъ и также основательно отвѣчаетъ на этотъ вопросъ: «Если бы на этотъ личный составъ былъ возложенъ надзоръ надъ общинными и частными лѣсами, то можно ли думать и возможно ли предполагать, что они въ состояніи будутъ исполнять эту обязанность какъ слѣдуетъ, въ особенности же вначалѣ, когда, безъ всякаго сомнѣнія, возникнетъ множество вопросовъ, требующихъ подробнаго и всесторонняго обсужденія, возникнутъ, вѣроятно, и спорные вопросы, даже препритательства? На данную личность невозможно возложить болѣе труда, болѣе обязанностей, чѣмъ она дѣйствительно можетъ исполнить; въ противномъ случаѣ исполненіе будетъ или плохое, или же дѣло вовсе останется неисполненнымъ и законъ останется мертвою буквою, а это всего хуже: тутъ страдаетъ и дѣло, страдаетъ и авторитетъ власти» (стр. 528).

Далѣе авторъ указываетъ намъ на результаты казеннаго хозяйства въ государственныхъ лѣсахъ.

«Общая площадь лѣсовъ, состоящихъ въ казенномъ лѣсномъ управленіи, составляла (считая и Царство Польское) къ 1 января 1882 г. 123,731,838³/₄ десятинъ. Валовой доходъ съ казенныхъ лѣсовъ ежегодно простирается почти до 14¹/₂ милл. рублей, а за вычетомъ расходовъ (болѣе 6¹/₂ милл.), чистый доходъ опредѣляется около 7¹/₂ милліоновъ руб.» (*Лѣсъ*, стр. 543). При этомъ расчетѣ десятина казеннаго лѣса приноситъ среднимъ числомъ съ небольшимъ 6 коп. чистаго дохода, но въ дѣйствительности этотъ до-

ходъ значительно меньше, такъ какъ сверхъ $6\frac{1}{2}$ миллионъ рублей на мѣстную администрацію, слѣдуетъ отнести на счетъ лѣснаго же хозяйства и еще нѣкоторыя статьи расходовъ, частью полностью, частью же въ известной долѣ. Обратимся для болѣе точнаго учета къ послѣднему (1883) году. Въ этомъ году воловой доходъ съ казенныхъ лѣсовъ достигъ наибольшей величины, а именно 16.394,544 рубля; въ расходъ же было употреблено: на мѣстную администрацію — 6.233,321 руб., на уплату поземельнаго сбора — 2.112,000 руб., на лѣсоустройство — 721,962 руб., а всего — 9.067,283 рублей, относящихся на лѣсное хозяйство полностью; сверхъ того израсходовано: на центральную администрацію — 925,549 руб., на строительные и операціонные расходы — 3.783,274 руб., на денежные арендныя выдачи — 2.000,000 руб., на расходы разнаго рода — 648,883 руб., итого — 7.357,706 руб., часть которыхъ должна быть также отнесена на счетъ лѣснаго хозяйства. Такъ какъ доходъ съ лѣсовъ составляетъ безъ малаго половину всѣхъ доходовъ по министерству государственныхъ имуществъ, то и эти послѣднія статьи расхода надлежитъ отнести на счетъ лѣснаго хозяйства тоже въ половинной части, т.-е. въ суммѣ $3\frac{1}{2}$ милл. рублей. Слѣдовательно, общій расходъ по казенному управленію лѣсами превышаетъ $12\frac{1}{2}$ миллионъ рублей; отсюда, чистый доходъ съ государственныхъ лѣсовъ, даже въ 1883 году, не составляетъ и 4 миллионъ рублей, а съ десятины лѣса — и 4 копейки.

Но и этихъ ничтожныхъ размѣровъ доходности лѣса казенное управленіе достигло только въ послѣднее время: съ 1850 по 1875 годъ она увеличилась слишкомъ въ 10 разъ, и достигло, притомъ, какъ разъ тѣмъ же путемъ, за который такъ настойчиво упрекаютъ частныхъ лѣсовладельцевъ, — путемъ усиленной вырубки лѣсовъ преимущественно въ малолѣсныхъ губерніяхъ. Такъ, по словамъ г. Вейнберга, въ теченіе 8 лѣтъ, съ 1871 по 1878 годъ, въ губерніяхъ: Волинской, Воронежской, Киевской, Пензенской, Полтавской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тамбовской, Тульской, Харьковской и Черниговской уменьшилась площадь лѣсовъ вообще, площадь же казенныхъ лѣсовъ уменьшилась «гораздо значительнѣе, чѣмъ вся лѣсная площадь, а стало быть, *уменьшеніе казенныхъ лѣсовъ происходило быстрѣе, чѣмъ общественныхъ и частныхъ*. Наибольшее же уменьшеніе площади казенныхъ лѣсовъ замѣчается въ губерніяхъ: Харьковской (5,2%), Пензенской (5%) и Тамбовской (4,4%)» (*Лѣсъ*, стр. 539).

Вообще, ежегодная рубка въ казенныхъ лѣсахъ «не соображается, — говоритъ г. Вейнбергъ, — ни съ количествомъ казенныхъ лѣсовъ въ губерніи, ни съ отношеніемъ къ общей лѣсной площади, а исключительно лишь съ цѣнностью лѣса въ данной мѣстности и удобствомъ его сбыта. Въ этомъ отношеніи крайности представляютъ губерніи: Курская, Московская, Полтавская и Тульская, въ коихъ рубка превосходитъ 100 куб. фут. съ десятины, а съ другой стороны — губерніи: Олонецкая, Костромская, Пермская, Минская, Вологодская, Архангельская, гдѣ ежегодная рубка не до-

стигаеть и 10 куб. ф. съ десятины. Равнымъ образомъ рубка значительна въ губерніяхъ: Калужской, Екатеринославской, Воронежской и Саратовской. А, между тѣмъ, во всѣхъ поименованныхъ губерніяхъ, гдѣ рубка производится въ значительномъ размѣрѣ, лѣсовъ вообще мало, а казенныхъ — еще меньше» (стр. 542).

Нѣтъ, время для предлагаемой г. Вейнбергомъ опеки у насъ еще далеко не настало.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ въ настоящее время государственная опека надъ частными лѣсами, она могла осуществиться въ надлежащей степени и съ надлежащимъ успѣхомъ только въ самое послѣднее время (въ половинѣ и даже концѣ семидесятыхъ годовъ), когда экономическія условія страны существенно измѣнились.

Назидательный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Франція.

«Пораженный повсемѣстнымъ истребленіемъ лѣсовъ во Франціи,—говорить г. Вейнбергъ,—Людовикъ XIV, подъ вліяніемъ Кольбера, установилъ въ 1669 году весьма строгіе законы не только относительно лѣсовъ государственныхъ, но и относительно лѣсовъ, принадлежащихъ частнымъ владѣльцамъ». Но охранительные законы «дѣйствовали не долго: вслѣдствіе суровой зимы 1709 года, истребившей посѣвы, виноградники, плодовые и множество другихъ деревъ, правительство, опасаясь всеобщаго голода и желая доставить народу работу, дозволило лѣсныя порубки, которыя и начались повсемѣстно». «Истребленіе лѣсовъ еще болѣе усилилось въ 1762 году вслѣдствіе неурожая пшеницы; обезлѣсеніе, начиная съ этого времени, становится какъ бы модою; правительство и частныя лица наперерывъ другъ передъ другомъ стараются по возможности больше истреблять лѣса и превращать ихъ въ пашню, исходя изъ того начала, что одна и та же площадь, засѣянная хлѣбомъ, приноситъ больше доходу, чѣмъ занятая подъ лѣсомъ. Тулузскій парламентъ въ 1770 году приостанавливаетъ дѣйствіе законовъ, касающихся лѣсоистребленія, и послѣднее производится безнаказанно до 1791 года. Въ этомъ году правительство, побуждаемое управленіемъ путей сообщенія, усмотрѣвшимъ весь вредъ, происходящій отъ безумнаго истребленія лѣсовъ, обратило на это вниманіе; впрочемъ, издавъ постоянное касательно государственныхъ лѣсовъ, оно какъ бы узаконило истребленіе частныхъ, упомянувъ, что только первые будутъ охраняемы правительствомъ. Но и это продолжалось не долго: національный конвентъ предоставлялъ полную свободу всѣмъ и каждому рубить лѣсъ сколько и гдѣ угодно, а въ клубахъ прославлялась эта мѣра... Хотя во времена слѣдующихъ затѣмъ консульства и имперіи правительство старалось оберегать лѣса, но непрерывныя войны не давали Наполеону возможности исполнить и привести въ дѣйствіе предполагаемые законы» (стр. 188—189). Послѣ того, «реставрація продала 300,000 гектаровъ казеннаго лѣса и вообще съ 1814 по 1860 г. перешло въ частныя руки болѣе 360,000 десятинъ казенныхъ лѣсовъ. Хотя въ 1803 году правительство подѣ стро-

жайшимъ наказаніемъ запретило коснуться какого бы то ни было лѣса безъ разрѣшенія власти въ продолженіе 25 лѣтъ, но истребленіе лѣсовъ, тѣмъ не менѣе, продолжалось въ громадномъ размѣрѣ» (стр. 487). «По закону 1860 года подлежало облѣсенію 1.134,000 гектаровъ... Въ первое же пятилѣтіе облѣсено было въ горахъ около 50,000 гектаровъ». Но «въ одно почти время съ облѣсеніемъ вырублена была площадь лѣса въ 69,600 гектаровъ. Начали раздаваться жалобы со стороны жителей горныхъ мѣстностей на то, что ограниченіе сведенія лѣсовъ съ возвышенностей и облѣсеніе ихъ лишаетъ жителей пастбищъ». «Правительство полагало нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя уступки и въ 1864 году изданъ былъ законъ, который, вмѣсто прежняго принудительнаго облѣсенія возвышенностей и другихъ важныхъ для удержанія потоковъ мѣстностей, предписывалъ одно только покрытіе ихъ дѣрномъ» (стр. 491—492). «Съ 1870 года не было отчуждено ни одного гектара казеннаго лѣса. Что же касается частныхъ лѣсовъ, то и они значительно оберегаются: между тѣмъ какъ вторая имперія разрѣшала расчистку частныхъ лѣсовъ въ годъ среднимъ числомъ 14,000 гектаровъ, теперь (начиная съ 1871 года) приходится ежегодно лишь 3,000 гектаровъ» (стр. 493—494).

Не можемъ также согласиться съ почтеннымъ авторомъ и относительно другой предлагаемой имъ мѣры: увеличенія наказанія за самовольныя порубки въ чужихъ лѣсахъ.

Никакая строгость наказанія никогда не могла уничтожить извѣстныхъ преступленій, если условія, ихъ вызывающія, продолжали существовать въ прежней силѣ. Самъ же г. Вейнбергъ приводитъ въ своей книгѣ чрезвычайно поучительный въ этомъ отношеніи примѣръ и, притомъ, изъ нашего, отечественнаго законодательства.

«Петръ I,—говоритъ г. Вейнбергъ,—обратилъ особенное вниманіе на лѣса и рубка ихъ была ограничена». По лѣсному уставу его, «за вырубку дуба въ западныхъ лѣсахъ виновный подлежалъ смертной казни»; онъ также «настрога запретилъ всякую рубку» въ березовой рощѣ, находившейся въ самомъ Петербургѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь гостинный дворъ. Возможенъ ли еще болѣе строгій законъ? Но какія послѣдствія его были въ дѣйствительности? «Несмотря на то,—продолжаетъ г. Вейнбергъ,—жители Петербурга, даже изъ чиновнаго люда, начали вырубать деревья» въ этой рощѣ. «А какъ мало обращали вниманія на строгій запретъ рубить мачтовый лѣсъ, — замѣчаетъ далѣе г. Вейнбергъ,—можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1726 году близъ рѣки Онеги найдены были цѣлыя кучи срубленныхъ мачтовыхъ деревьевъ и тамъ же сгнившихъ безъ употребленія» (стр. 500—502).

Возможно ли, послѣ такого разительнаго примѣра недѣйствительности самаго строгаго наказанія, ратовать за увеличеніе наказаній съ цѣлю прекратить данное преступленіе?

Никакая строгость закона, никакое увеличеніе земской таксы, и безъ

того уже очень высокой, не въ состояніи прекратить самовольныхъ порубокъ, если наше лѣсное хозяйство будетъ оставаться все въ томъ же положеніи и если сельское населеніе не будетъ имѣть возможности инымъ, болѣе легкимъ и не преступнымъ путемъ удовлетворить свои насущныя потребности.

Вопросъ объ измѣненіи нашего законодательства, въ смыслѣ усиленія наказанія за лѣсныя порубки, очень основательно разобранъ профес. Рудзкимъ, пользующимся, притомъ, заслуженною извѣстностью и опытного практика по лѣсному хозяйству, въ егѣ прекрасной книгѣ *Лѣсная бесѣда* (1881 г.). Мнѣнія такого лица особенно цѣнны, а потому я и приведу здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ. «Въ старину, — говоритъ онъ, — дѣйствовали и у насъ, и на Западѣ драконовскіе лѣсные законы, доходившіе до постановки (при Петрѣ I) особыхъ висѣлицъ для лѣсокрадѣвъ. Но исторія указала, что чрезмѣрная строгость наказанія безсильна противъ явленія, вызываемаго могущественными органическими причинами... и законодательства, все болѣе и болѣе поддаваясь влияніямъ дѣйствительныхъ, а не измышленныхъ явленій, дѣлалось съ теченіемъ времени болѣе мягкими, пока, наконецъ, не пришли къ прямо противоположному взгляду. Въ настоящее время, законодательства большинства европейскихъ государствъ, въ томъ числѣ и наше, именно въ повседневности лѣсныхъ правонарушеній видятъ мотивъ для назначенія за нихъ болѣе легкаго наказанія, даже, въ большинствѣ случаевъ, отказываются наказывать за порубку лѣса какъ за обыкновенную кражу, а назначаютъ за обыкновенную порубку (во Франціи даже за всякую) лишь денежный штрафъ. Многолѣтняя практика уже достаточно доказала всю цѣлесообразность такого измѣненнаго порядка вещей (*Лѣсная бесѣда*, стр. 7—8).

Проф. Рудзкій приходитъ въ заключеніе къ выводу, «что наше дѣйствующее законодательство хотя и способно, конечно, къ нѣкоторымъ улучшеніямъ, но въ общемъ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени и никакъ не подлежитъ коренной ломкѣ. Усовершенствованіе законодательства будетъ идти постепенно, по мѣрѣ развитія самаго хозяйства» (*Лѣс. бес.*, стр. 21).

По мнѣнію г. Вейнберга, «не въ малой степени способствуютъ хищническимъ порубкамъ чрезвычайно низкія таксы за оныя, назначаемыя земскими управами» (*Лѣс.*, стр. 509). Профессоръ же Рудзкій справедливо указываетъ; напротивъ, на то, что «очень многія земскія собранія, пользуясь умолчаніемъ закона, брали въ основаніе своихъ таксъ цѣны не на корнѣ, а рыночныя, т.-е. гораздо высшія», такъ что былъ изданъ даже законъ (въ 1871 году), «указывающій брать для таксы цѣны на корнѣ». «Нѣкоторые же земскіе дѣятели руководились при составленіи своихъ таксъ даже не рыночными цѣнами, а просто-на-просто своими стремленіями стать выше закона и исправить ошибку, по ихъ мнѣнію, законодателя, давъ широкій просторъ битью рублемъ. Такъ, на первомъ сѣздѣ русскихъ лѣсоводовъ было заявлено, что екатеринославскіе лѣсовладѣльцы, которымъ,

въ качествѣ гласныхъ, было довѣрено составленіе таксы, довели ее до такой высоты, при которой порубщики не могутъ уплачивать штрафа и должны, слѣдовательно, садиться въ тюрьму. Напримѣръ, за ивовое дерево въ 2 вершка, продажная стоимость котораго равна 5 копѣйкамъ, полагалось 24 рубля, или въ 480 разъ больше; за дубъ 4-хъ вершковъ въ комлѣ, стоящій по казенной таксѣ 42 копѣйки, назначалось 50 рублей, т.-е. въ 119 разъ болѣе; за яблонь, стоящую столько же, 75 рублей, или въ 178 разъ болѣе; наконецъ, за сотню хворостинъ изъ негоднаго терновника, стоящихъ 80 копѣекъ, полагалась невѣроятная сумма въ 200 рублей, т.-е. по 2 рубля за хворостину».

«Не говоря уже о томъ,—продолжаетъ г. Рудзкій по этому поводу,— что подобными дѣйствіями нарушаются самые священные интересы, мы увѣрены, что при этомъ, и въ болѣе узкихъ цѣляхъ полезности, достигаются результаты, прямо противоположные желательнымъ: непомерность денежнаго взысканія, конечно, дѣлаетъ его невыносимымъ, и порубки этого могутъ лишь прогрессировать» (*Лѣс. бес.*, стр. 13).

«Лѣсныя порубки составляютъ великое зло во всей Европѣ, но едва ли гдѣ-либо зло это имѣетъ мѣсто въ столь грандіозныхъ размѣрахъ, какъ у насъ» (*Лѣс.*, стр. 508), — говоритъ г. Вейнбергъ и въ подтвержденіе приводитъ много разительныхъ примѣровъ (стр. 509—510).

Чѣмъ же, спрашивается, объясняется, отчего зависитъ такое громадное развитіе у насъ этого «зла»? Какимъ же способомъ, по крайней мѣрѣ, уменьшить, если не совсѣмъ искоренить, это «зло», когда не могутъ сдѣлать этого ни строгость законовъ, ни высота земскихъ таксъ?

Вполнѣ доказательные отвѣты и на эти вопросы мы находимъ въ книгѣ г. Рудзкаго. «Однѣ самовольныя порубки,—говоритъ Рудзкій,—могутъ истощать лѣсъ лишь въ такомъ случаѣ, если онѣ производятся не для удовлетворенія крестьянскихъ нуждъ, а для промысла, т.-е. въ большомъ видѣ. Но такія порубки совершенно невыносимы не только въ хорошемъ хозяйствѣ, но даже въ хозяйствѣ сколько-нибудь сносномъ. Мнѣ пришлось устранять хозяйство въ одномъ нижегородскомъ имѣніи, которое владѣлецъ хотѣлъ было продать вслѣдствіе убѣжденія въ невозможности охранить его отъ порубокъ. Убѣжденіе это основано было, повидимому, на достаточно доказательномъ фактѣ, а именно на убійствѣ управляющаго и пораненіи многихъ сторожей при преслѣдованіи въ лѣсу цѣлаго селенія, въѣхавшаго скопомъ на порубку. При мѣстномъ изслѣдованіи оказалось, дѣйствительно, нѣсколько сотъ десятинъ лѣса, вырубленнаго безъ поступленія гроша въ кассу помѣщика; но оказалось также, что убитый управляющій продавалъ лѣсъ въ свою пользу, а потомъ, убоясь пріѣзда владѣльца, много лѣтъ отсутствовавшего, сталъ выгонять изъ лѣса своихъ же покупателей, которые сочли такія дѣйствія несправедливыми, отправились въ лѣсъ цѣлымъ селомъ и, встрѣтя сопротивленіе, совершили прискорбное насиліе. Однако, новый управляющій, не принимая никакихъ особыхъ мѣръ, а лишь отно-

сясь честно къ дѣлу и часто объѣзжая лѣсъ, сразу прекратилъ большія порубки и сталъ вести хозяйство безъ помѣхи. Другой разъ, будучи приглашенъ для организаціи хозяйства въ одномъ приветливомъ имѣніи, я паткнулся тоже на крупныя порубки, снабжавшія лѣсомъ чуть не весь сосѣдній городокъ; но управляющій тѣмъ имѣніемъ оказался валымъ старцемъ, всего раза два въ годъ объѣзжающимъ лѣса въ экипажѣ и оставившимъ огромный лѣсъ исключительно на попеченіе пятирублевыхъ сторожей. Украсить сразу сколько-нибудь большое количество лѣса, нѣсколько десятковъ бревенъ, не говоря уже о сотняхъ, положительно немислимо, если управляющій достаточно часто объѣзжаетъ лѣсъ и имѣетъ не вѣчно - закрытые глаза, а лѣсная стража не кормится продажей лѣса. Большія порубки всегда служатъ несомнѣннымъ признакомъ очень дурнаго управленія (*Лѣс. бес.*, стр. 31—32).

Въ небрежномъ отношеніи самихъ лѣсовладѣльцевъ къ своимъ лѣсамъ заключается, слѣдовательно, источникъ того зла, на которое они такъ усердно жалуются. Причина его кроется вовсе не въ законѣ, не въ народномъ міровоззрѣніи, а въ нихъ самихъ, въ нежеланіи ихъ приняться надлежащимъ образомъ за дѣло.

«Порубки, по утвержденію г. Рудзкаго, преимущественно совершаются бѣднымъ людемъ для покрытія необходимой потребности въ топливѣ и строевомъ лѣсѣ, а иногда и въ матеріалѣ для кустарныхъ промысловъ. Лѣсовладѣлецъ не долженъ ни на минуту забывать, что его собственный же интересъ заставляетъ его предпочитать имѣть дѣло съ населеніемъ зажиточнымъ, и потому, при упадкѣ благосостоянія крестьянъ, онъ не долженъ еще болѣе подрывать этого благосостоянія непомерными цѣнами на лѣсъ, а, напротивъ, долженъ разными льготами поддерживать людей и дать имъ возможность оправиться и платить впоследствии ему же высокія цѣны за лѣсъ безъ разоренія... Часто населеніе, даже способное къ платежу, прибѣгаетъ къ порубкамъ вслѣдствіе невозможности приобрести за деньги лѣсъ въ нужное время и въ требуемой формѣ... Поэтому число порубокъ значительно уменьшается отъ устройства мелочной продажи не по площади, а по сортиментамъ, а еще цѣлесообразнѣе и, въ тоже время, лучше для контроля держать, близъ каждаго селенія, въ заготовленномъ видѣ и въ надлежащемъ количествѣ, всѣ лѣсные сортименты мѣстнаго крестьянскаго обихода; при возможности купить сподручно, безъ проволочекъ, готовый и, притомъ, сухой матеріалъ, число охотниковъ до порубки быстро уменьшится, не говоря уже о томъ, что такая мѣра, въ то же время, дастъ возможность извлекать болѣшій доходъ и утилизировать деревья, иначе пропадающія безслѣдно, а иногда, въ слишкомъ густыхъ молодятникахъ, даже приносящія вредъ» (*Лѣс. бес.*, 28—30).

«Внимательное и дробное хозяйство, по словамъ г. Рудзкаго, способно не менѣе лѣсной стражи помогать охраненію лѣса, и этой истины не должны забывать владѣльцы, слишкомъ часто предпочитающіе гуртовое

хозяйство при посредствѣ лѣсопромышленника, вялое управленіе, плохенькое охраненіе, и, въ концѣ-концовъ, жалующіеся на расхищеніе лѣса, хотя оно и является лишь логическимъ послѣдствіемъ даннаго дѣлу ложнаго направленія» (*Лѣс. бес.*, стр. 30).

Ничто въ мірѣ не въ силахъ охранить лѣсъ отъ этихъ порубокъ, если управленіе ими будетъ таково, что лѣсники будутъ имѣть возможность «за 5 рублей денегъ, 2 воза сѣна и 1 четверть водки позволять вывезть крестьянамъ изъ охраняемой ими дачи 600 возовъ строеваго еловаго лѣса» (*Лѣс.*, стр. 213).

«Не сѣтовать на безпомощность, а съ толкомъ взяться за дѣло нужно русскому лѣсовладѣльцу», — вполне основательно совѣтуетъ г. Рудскій (*Лѣс. бес.*, стр. 32).

Нужно не «сваливать съ больной головы на здоровую» и не лѣчить «здоровую» вмѣсто «больной», а, напротивъ, обратить все вниманіе именно на «больную голову», тогда, быть можетъ, и она станетъ постепенно выздоравливать.

«Охраненіе частныхъ лѣсовъ сторожами должно бы составлять особенную заботливость комитета», который, по проекту г. Вейнберга, составляется въ каждомъ уѣздѣ «изъ спеціалистовъ по лѣсоводству и изъ лѣсовладѣльцевъ, при участіи лицъ, назначенныхъ отъ правительства», «но лѣсные сторожа, — продолжаетъ г. Вейнбергъ, — не принесутъ той пользы, которой можно отъ нихъ ожидать, если по своему образованію и поведенію оказались бы несоответствующими возлагаемой на нихъ обязанности. Для того, чтобы лѣсной сторожъ пользовался авторитетомъ въ глазахъ крестьянъ, онъ непремѣнно долженъ быть гратотенъ, достаточно свѣдущъ въ лѣсоводствѣ, трезвъ и по суду непороченъ. До своего назначенія ему надлежало бы одинъ или два года находиться подъ руководствомъ правительственнаго лѣсничаго, отъ котораго имѣлъ бы одобрительное свидѣтельство» (*Лѣс.*, стр. 521 и 522).

Но вотъ что говорить по этому поводу разумная практика: «Я далеко отъ мысли требовать отъ лѣснаго сторожа спеціальныхъ знаній или общаго образованія, но убѣжденъ, что въ сторожа должно принимать лишь людей изъ порядочныхъ крестьянскъ семей, людей не старыхъ, физически крѣпкихъ и не безправственныхъ... Я лично всегда предпочитаю крестьянъ, но ничего не имѣю противъ солдатъ, если только они мѣстные уроженцы... Мѣстный человекъ, хотя и встрѣтитъ, дѣйствительно, затрудненія при преслѣдованіи своихъ близкихъ, но это обстоятельство съ избыткомъ выкупается знакомствомъ съ мѣстнымъ бытомъ и знаніемъ всѣхъ людей въ околдѣѣ». Кроме того, «сторожу нужно давать такое вознагражденіе, которое заставляло бы его дорожить мѣстомъ и давало бы ему возможность посвящать службѣ все свое время и устоять противъ искушеній подкупа» (*Лѣс. бес.*, стр. 23 и 24).

«Къ числу причинъ, способствующихъ истребленію нашихъ лѣсовъ, —

говорить г. Вейнбергъ,—можно отнести непропорціональность налоговъ, налагаемыхъ земскими управами въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на лѣсъ, сравнительно съ приносимымъ имъ доходомъ» (*Лѣсъ*, стр. 506). Поэтому для сохраненія лѣса почтенный ученый предлагаетъ, между прочимъ, чтобы налогъ, взимаемый съ лѣса, былъ строго соразмѣренъ «съ мѣстными условіями и потребностями» и «чтобы оберегаемые владѣльцами частные и общинные лѣса-изъяты были отъ налоговъ. При рубкѣ же лѣса налогъ долженъ быть взимаемъ сообразно съ его цѣнностію» (*Лѣсъ*, стр. 535).

Я полагаю, что налогъ, опредѣляемый земскими собраніями, слѣдовательно, самими лѣсовладѣльцами, никакъ не можетъ служить причиною къ истребленію лѣсовъ. Правда, г. Вейнбергъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, подтверждающихъ, повидимому, причинную связь обложенія съ истребленіемъ лѣсовъ (*Лѣсъ*, стр. 506 и 507), но въ дѣйствительности такой связи я признать не могу, иначе пришлось бы допустить возможность совершеннаго уничтоженія всякаго капитала ради избѣжанія копѣчнаго налога. Очевидно, что и въ примѣрахъ г. Вейнберга причина вовсе не въ налогахъ, а въ чемъ-нибудь совсѣмъ иномъ.

Что же касается осуществимости предлагаемой имъ мѣры, то, при нашемъ полнѣйшемъ неустройствѣ лѣсовъ, не только частныхъ, но и большей части казенныхъ*), при отсутствіи сколько-нибудь правильнаго лѣснаго хозяйства, при совершенной неопредѣленности вырубаемыхъ и предназначаемыхъ владѣльцами къ вырубкѣ лѣсныхъ площадей,—при такомъ положеніи нашего лѣснаго дѣла взиманіе налога по вырубкѣ лѣса представитъ такія практическія затрудненія, вызоветъ, несомнѣнно, столько непроизводительныхъ расходовъ на измѣреніе вырубленныхъ пространствъ или количества отпуска и на опредѣленіе ихъ цѣнности, что они лягутъ тяжелымъ бременемъ и на владѣльцевъ, и на учрежденія, въ пользу которыхъ взимается налогъ.

Но, кромѣ того, встрѣчаются при этомъ и другія еще важныя неудобства. По справедливому замѣчанію автора, «освобождая лѣсъ, не приносящій доходовъ, отъ налоговъ, дѣлая для него исключеніе, мы, такъ сказать, заставили бы платить за него прочія земельныя угодія» (*Лѣсъ*, стр. 518). Слѣдовательно, для владѣльцевъ, большинство которыхъ имѣетъ различныя угодія, никакой выгоды или удобства мѣра въ дѣйствительности не представляетъ: развѣ не все равно для него, какая произведена разверстка при обложеніи его угодій, если общая сумма ежегоднаго взноса его останется тою же? Да, притомъ, еще вопросъ, насколько желательно въ экономическомъ отношеніи отягощеніе излишнимъ обложеніемъ другихъ угодій.

Взиманіе же налоговъ по вырубкѣ лѣса поставитъ, сверхъ того, въ крайне затруднительное положеніе всѣ учрежденія, въ пользу которыхъ взимается

*) Къ 1 января 1882 года площадь устроенныхъ составляли всего 8,8% общей площади казенныхъ лѣсовъ (*Лѣсъ*, стр. 543).

налогъ, при составленіи ими ежегодныхъ смѣтъ, вслѣдствіе совершенной неопредѣленности предстоящихъ доходовъ отъ этого налога. Между тѣмъ, нѣтъ ничего болѣе неудобнаго, какъ включеніе въ бюджеты гадательныхъ, произвольныхъ цифръ, подверженныхъ большимъ колебаніямъ. Для избѣжанія такого положенія учрежденія эти вынуждены будутъ усиливать еще болѣе обложеніе другихъ статей, а это уже совершенно противно всѣмъ требованіямъ здоровой экономіи.

Предположимъ, наконецъ, что лѣса наши всѣ надлежаще устроены, лѣсное хозяйство идетъ правильно, съ опредѣленнымъ оборотомъ ежегодной рубки, въ такомъ случаѣ дѣйствительно и площадь ежегодно вырубимаго лѣса, и его стоимость извѣстны заранее, но тогда и мѣра эта теряетъ всякое значеніе и устраняется сама собою: и для лѣсовладѣльцевъ, вносящихъ ежегодно опредѣленный налогъ, и для учреждений, получающихъ его, совершенно безразлично, будетъ ли этотъ налогъ значиться взимаемымъ со всей лѣсной площади или только съ извѣстной его части; единственнымъ послѣдствіемъ ея можетъ быть только увеличеніе канцелярской работы, но отъ этого суть дѣла нисколько не выиграетъ.

Одну изъ задачъ правильнаго лѣснаго хозяйства составляетъ возобновленіе лѣса на вырубимыхъ площадяхъ. Но такая забота имѣетъ мѣсто и приложеніе только тамъ, гдѣ, по мѣстнымъ условіямъ, для хозяина выгоднѣе оставлять землю подъ лѣсомъ, чѣмъ обращать ее подъ другое назначеніе. Въ противномъ случаѣ не помогутъ ни отпускъ саженцевъ и сѣмянъ, ни замѣообразная выдача денежныхъ пособій, какъ это рекомендуетъ почтенный авторъ *Лѣса* (стр. 519). Экономическій расчетъ всегда пересылитъ въ огромномъ большинствѣ даже соблазнъ, представляемый денежнымъ пособіемъ.

Хотя я лично и очень сочувствую возобновленію лѣса, но, тѣмъ не менѣе, не могу не сознавать, что никакими искусственными мѣропріятіями не создатъ того, что не согласуется съ могущественными, жизненными условіями даннаго времени и мѣста. Приведенная выше исторія лѣснаго законодательства во Франціи довольно убѣдительно доказываетъ это положеніе, которое подтверждаютъ также и наши собственные попытки лѣсоразведенія. Попытки эти, въ болѣшихъ или меньшихъ размѣрахъ, уже издавна дѣлаются у насъ и казною, и частными лицами; напримѣръ, сажанные лѣса г. Шатилова и гр. Уварова пользуются уже общею извѣстностію; но они до сихъ поръ остаются только попытками отдѣльныхъ лицъ и, несмотря на прекрасные, повидимому, результаты ихъ, не имѣютъ сколько-нибудь замѣтнаго распространенія. Чѣмъ же объясняется, что лѣсоразведеніе на частныхъ земляхъ совсѣмъ не прививается у насъ? Объясняется это, разумѣется, не тѣмъ, чтобы хозяева наши не желали собственной пользы, и не тѣмъ, чтобы всѣ они не сумѣли поставить дѣло это такъ же, какъ поставлено оно трудами покойнаго Мейера и г. Тюрмера, но тѣмъ, что «лѣсъ», по справедливому выраженію кн. А. Васильчикова, по сво-

нѣ природнымъ свойствамъ, представляетъ самую долгосрочную изъ всѣхъ культуръ, изъ всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ оборотовъ самый продолжительный; поэтому, очевидно, что *владелецъ*, нуждающійся въ деньгахъ и не имѣющій запаснаго капитала, *не можетъ, хотя бы и хотѣлъ, соблюдать правильные обороты периодическихъ рубокъ, и самымъ своимъ положеніемъ, случайностями своего хозяйственнаго быта, наприм., неурожаемъ, принуждается къ сплошной вырубкѣ лѣса и продажѣ его за безцѣнокъ*» (Землевод. и земледѣліе, т. II, стр. 653).

Если наше экономическое положеніе таково, что хозяева часто не могутъ, при всемъ своемъ желаніи, соблюдать правильныхъ рубокъ своего лѣса и нерѣдко бываютъ вынуждены прибѣгать къ сплошной вырубкѣ его, то само собою понятно, что не имѣется никакихъ основаній рассчитывать на развитіе лѣсонасаженій въ частныхъ владѣніяхъ и предполагать возможность затраты болѣе или менѣе значительныхъ капиталовъ на такую долгосрочную культуру, какъ культура лѣса.

«Въ настоящее время, — говоритъ г. Вейнбергъ, — мы не имѣемъ точнаго отвѣта на вопросъ: что выгоднѣе — сельское или же лѣсное хозяйство и при какихъ именно условіяхъ? Неопредѣленность отвѣта на этотъ вопросъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ, въ Россіи, *лѣсоразведеніе дѣло новое, производится еще въ не довольно значительныхъ размѣрахъ*, а потому еще нѣтъ опредѣленныхъ практическихъ результатовъ» (Лѣсъ, стр. 548). Я же, напротивъ того, полагаю, что жизнь даетъ довольно опредѣленный отвѣтъ на предложенный вопросъ: малые размѣры лѣсоразведенія служатъ именно такимъ отвѣтомъ. Если какое-либо промышленное дѣло не выходитъ изъ зачаточнаго состоянія, не развивается въ должной степени, несмотря на все внѣшнее содѣйствіе и покровительство ему, то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что дѣло это не имѣетъ еще само въ себѣ надлежащихъ жизненныхъ силъ, не соответствуетъ экономическимъ условіямъ времени и мѣста; оно невыгодно при данномъ положеніи страны.

Вполнѣ соглашаясь далѣе съ мнѣніемъ почтеннаго автора, что «крайне нужно озаботиться лѣсонасаженіемъ и разведеніемъ лѣсовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ возрастаніе лѣса необходимо: на отлогостяхъ, близъ источниковъ и рѣкъ, близъ сыпучихъ песковъ» (Лѣсъ, стр. 519), я нахожу, однако, что надлежащее осуществленіе этой заботы можетъ быть достигнуто исключительно въ томъ случаѣ, если оно станетъ дѣломъ государства, а не частныхъ лицъ, а потому я и считаю единственно надежнымъ путемъ къ этой цѣли — экспропріацію казною тѣхъ земельныхъ участковъ, на которыхъ сохраненіе и разведеніе лѣса признается имѣющимъ общегосударственное значеніе.

«Но всѣ мѣропріятія, по совершенно вѣрному замѣчанію г. Вейнберга, не достигнуть желаемой цѣли, если въ самомъ обществѣ не созрѣетъ сознание въ пользу лѣса и убѣжденіе въ необходимости его «сбереженія»

(Лысь, стр. 522). Нельзя не согласиться съ этимъ взглядомъ почтеннаго автора, нельзя также не раздѣлять его сожалѣнія, что «сельско-хозяйственныя познанія еще довольно мало распространены въ нашемъ народѣ», а свѣдѣнія о лѣсоводствѣ—еще менѣе, и о томъ несоотвѣтствіи программъ нашихъ народныхъ школъ съ требованіями жизни, на которое и ранѣе уже неоднократно указывалось. Невозможно, кромѣ того, не признавать вполне справедливымъ и утверждение г. Вейнберга, что «число существующихъ у насъ высшихъ и низшихъ училищъ лѣсоводства далеко не достаточно, если взять въ разсужденіе громадность нашей территоріи и разнообразныя условія, представляемая каждой полоскою даже Европейской Россіи. Весьма немного лицъ, сравнительно съ нашими народонаселеніемъ, обучаются въ училищахъ лѣсоводства, а еще меньшее число имѣетъ возможность прилагать вынесенныя изъ школы познанія къ практикѣ. Съ своей стороны наши школы въ особенности народныя, по крайней мѣрѣ, до сего времени, не прилагаютъ заботы о томъ, чтобы распространить въ народѣ познанія о лѣсѣ и его важности» (Лысь, стр. 523). Я признаю поэтому вполне основательнымъ и желаніе уважаемаго автора, «чтобы число специально-образованныхъ лѣсничихъ было увеличено», и вполне цѣлесообразнымъ его мнѣніе, что «надлежало бы всячески стараться о возможно большемъ числѣ лѣсныхъ школъ и о распространеніи въ народѣ свѣдѣній о свойствахъ лѣса и его пользѣ» (Лысь, стр. 537).

Нѣтъ у государства болѣе производительныхъ затратъ, какъ затрата на борьбу съ невѣжествомъ, нѣтъ болѣе важнаго и настоятельнаго дѣла, какъ поднятіе образовательнаго и нравственнаго уровня народа.

Этимъ мы заканчиваемъ разсмотрѣніе мѣръ къ сохраненію лѣса, предлагаемыхъ г. Вейнбергомъ въ четвертой части его капитальнаго труда. Хотя и невозможно, какъ мы старались это доказать, согласиться со многими изъ нихъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не отдать полной справедливости и богатству матеріаловъ, содержащихся также и въ этой части, и совершенному отсутствію какой-либо пристрастной односторонности, столь опасной въ такомъ важномъ дѣлѣ. Нагляднымъ доказательствомъ этого можетъ служить, по моему мнѣнію, одно то обстоятельство, что мнѣ не представлялось почти надобности обращаться за фактическими подтвержденіями моего взгляда къ другимъ источникамъ, несмотря на все различіе его со взглядомъ самого автора. Эти-то очень цѣнныя свойства и придаютъ книгѣ г. Вейнберга особенно важное значеніе, и дѣлаютъ ее вполне достойною занять мѣсто на столѣ каждаго образованнаго человѣка, которому не чужды всѣ успѣхи человѣческихъ знаній, которому дороги всѣ интересы своей страны.

И такъ, разсмотрѣніе нашего лѣснаго вопроса показало намъ, во-первыхъ, что лѣсъ имѣетъ большое значеніе для страны, какъ важный метеорологическій факторъ, и въ силу этого долженъ находиться въ опредѣленномъ соотвѣтствіи съ другими земельными угодіями и физическими свойствами

страны, и что несоразмѣрное истребленіе его приводитъ во многихъ мѣстностяхъ къ печальнымъ послѣдствіямъ уже и въ настоящее время и угрожаетъ ими въ еще большей степени будущему; во-вторыхъ, что истребленіе лѣса, особенно усилившееся у насъ за послѣднія 20—30 лѣтъ, производится въ огромныхъ размѣрахъ теперь и неминуемо должно еще болѣе увеличиться впослѣдствіи, но что истребленіе это, сопутствующее вообще прогрессивному развитію народа, вызывается могущественными экономическими причинами, опредѣляется неизбежными условіями времени, и, наконецъ, въ-третьихъ, что предлагаемая правительственная опека надъ частными и общественными лѣсами — неудобопримѣнима у насъ при современномъ положеніи нашего лѣснаго хозяйства; измѣненіе нашего дѣйствующаго законодательства, въ смыслѣ усиленія наказанія за самовольныя лѣсныя порубки, лишено всякой цѣлесообразности; уменьшеніе и даже совершенная отмѣна налога на лѣсныя площади неспособны уменьшить лѣсоистребленіе и сохранить лѣса въ желательной пропорціи; разныя рекомендуемыя льготы не въ состояніи распространить лѣсоразведеніе на частныхъ земляхъ.

Но какъ же быть въ такомъ случаѣ, что же дѣлать при такомъ взаимодѣйствіи противоположныхъ факторовъ?

Очевидно, что безучастно относиться къ современному состоянію нашего лѣснаго хозяйства невозможно; дожидаться, пока сами лѣсовладѣльцы сознаютъ, наконецъ, что «подъ лежащій камень и вода не течетъ», и примутся разумно за свои хозяйства, пока населеніе настолько разовьется, что проникнется любовью къ лѣсу и достигнетъ такого благосостоянія, что получитъ возможность заняться лѣсопроизведеніемъ, а въ ожиданіи этого идеальнаго будущаго оставаться равнодушнымъ зрителемъ все большаго и большаго истребленія лѣсовъ, все сильнѣйшаго обезлѣсенія — тоже невозможно.

Какимъ же способомъ послѣ этого можетъ быть рѣшенъ нашъ лѣсной вопросъ?

Единственно вѣрный способъ и въ этомъ случаѣ—внимательное и послѣдовательное воздѣйствіе на ту же самую почву, которая даетъ нежелательные почему-либо плоды; единственно надежный путь—путь историческаго прогресса, путь заботливаго устраненія причинъ, вызывающихъ данное опасное явленіе.

Усиленное истребленіе лѣса обусловливалось у насъ, какъ мы видѣли, усиленнымъ спросомъ на лѣсной матеріалъ; слѣдовательно, и дѣйствовать надлежитъ именно на этотъ спросъ: постараться уменьшить его. Но такъ какъ насильственно уменьшить этотъ спросъ немыслимо, уничтожить существующія потребности, безъ существеннаго нарушенія благосостоянія всей страны, невозможно; то необходимо обратиться къ иному, болѣе вѣрному средству для этой цѣли, а именно: къ удешевленію и возможно широкому распространенію матеріаловъ, замѣняющихъ лѣсной матеріалъ. Если

употребление минерального топлива, а равно и других веществ минерального происхождения представить действительныя выгоды сравнительно съ употреблениемъ дерева для тѣхъ же цѣлей, то потребление послѣдняго, безъ всякаго сомнѣнія, сократится, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ больше выгодъ будетъ представлять потребление его суррогатовъ.

Но если истребление лѣса вызывалось у насъ до сихъ поръ по преимуществу усиленнымъ спросомъ, то и значительное сокращеніе спроса можетъ повести къ тѣмъ же послѣдствіямъ—тоже къ усиленному истребленію лѣса. За уменьшеніемъ спроса, должно послѣдовать и паденіе цѣнъ на лѣсной матеріалъ, а отсюда и уменьшеніе доходности лѣсныхъ площадей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственное увеличеніе выгодности обращенія ихъ подъ другія культуры и угодія. Такимъ образомъ, мы вступаемъ, повидимому, въ заколдованный кругъ, для выхода изъ котораго требуются особенно напряженныя усилія, особенно благоприятныя условія. Такія-то благоприятныя условія, по счастью, имѣются у насъ въ наличности: они состоятъ въ томъ, что государство наше уже владѣетъ слишкомъ двумя третями всей лѣсной площади Европейской Россіи. Имѣя въ своемъ непосредственномъ распоряженіи такое громадное количество государственныхъ лѣсовъ, казна обладаетъ полною возможностью управлять рынкомъ и держать цѣны лѣснаго матеріала на требуемой высотѣ; не допуская же значительнаго колебанія рыночныхъ цѣнъ, она тѣмъ самымъ обезпечитъ опредѣленную доходность лѣса и воспрепятствуетъ болѣе усиленному обращенію лѣсныхъ площадей подъ другія назначенія.

Но все это можетъ быть достигнуто казеннымъ управленіемъ лишь въ томъ случаѣ, если оно вполне сознаетъ свои задачи и пожелаетъ съ должнымъ вниманіемъ преслѣдовать ихъ въ своемъ лѣсномъ хозяйствѣ.

Хотя государство не можетъ и не должно преслѣдовать въ своемъ хозяйствѣ исключительно коммерческихъ выгодъ, но, тѣмъ не менѣе, оно обязано заботиться о разумной организаціи своего хозяйства и о полученіи надлежащаго дохода съ своихъ имуществъ, а не довольствоваться современною ничтожною доходностію ихъ, болѣе 75%, которой поглощаетъ, притомъ, самое управленіе ими. Слѣдовательно, одною изъ задачъ преобразованія казеннаго лѣснаго хозяйства должно составлять повышение дохода съ государственныхъ имуществъ. Это повышение особенно важно по своему возможному вліянію на благосостояніе страны: увеличеніе доходности государственныхъ имуществъ должно облегчить напряженіе другихъ источниковъ обложенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и содѣйствовать подъему платежныхъ силъ населенія.

Другою задачею этого преобразованія должно быть такое устройство лѣснаго хозяйства, которое согласовалось бы съ потребностями страны, соотвѣтствовало бы необходимымъ требованіямъ времени, и такое состояніе его, которое могло бы служить поучительнымъ примѣромъ для частныхъ хозяйствъ, представлять собою образецъ, достойный подражанія.

Когда лѣсное хозяйство на государственныхъ земляхъ будетъ надлежащимъ образомъ организовано, тогда только можетъ оказаться цѣлесообразнымъ и распространеніе казеннаго управленія на большую еще площадь, можетъ признаваться полезною и болѣе обширная экспропріація казною частныхъ лѣсовъ, тогда станетъ возможнымъ и устройство въ казенныхъ лѣсахъ рекомендуемыхъ г. Рудкинымъ складовъ разныхъ сортиментовъ лѣсныхъ матеріаловъ мѣстнаго крестьянскаго обихода; склады эти не только повысятъ доходность лѣсовъ, но и сократятъ, кромѣ того, количество лѣсныхъ порубокъ, которыя въ однихъ казенныхъ лѣсахъ, при ихъ современномъ положеніи, опредѣляются чуть не въ полмилліона рублей ежегодно. При устройствѣ этихъ складовъ слѣдовало бы, быть можетъ, для бывшихъ государственныхъ крестьянъ теперешніе ежегодные отводы лѣса, не приносящіе крестьянамъ дѣйствительной пользы и сбываемые ими за безцѣнокъ лѣсопромышленникамъ даже на нѣсколько лѣтъ впередъ, замѣнить бесплатнымъ отпускомъ изъ такихъ складовъ опредѣленнаго количества потребныхъ матеріаловъ въ заготовленномъ видѣ; думаю, что въ этомъ случаѣ и лѣсъ былъ бы сохраненъ, и населеніе болѣе существенно удовлетворено.

Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ способы, которыми можетъ быть разрѣшенъ нашъ лѣсной вопросъ.

А. Крыловъ.

Программа для изслѣдованія переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ.

Въ послѣдніе 3 — 4 года переселенческое движеніе обратило на себя особенное вниманіе общества, земства и правительства. Это сложное явленіе русской экономической жизни затрогиваетъ, къ тому же, множество противоположныхъ интересовъ; вслѣдствіе этого, вполне вѣрный и безпристрастный взглядъ на него далеко еще не установленъ и крайне затруднителенъ, но, разумѣется, тѣмъ болѣе желателенъ. Лишь детальное и внимательное изученіе переселенческаго движенія въ мѣстностяхъ наибольшаго его развитія можетъ уяснить намъ истинный смыслъ и причины крестьянскихъ переселеній. А, между тѣмъ, для этого сдѣлано слишкомъ мало; мы не имѣемъ хоть сколько-нибудь точнаго представленія даже о размѣрахъ движенія, не говоря уже о многоразличныхъ, нерѣдко исключаящихъ другъ друга мнѣніяхъ.

Изъ громаднаго количества газетныхъ сообщеній (преимущественно въ лѣтніе мѣсяцы) можно только установить фактъ чрезвычайно оживленнаго переселенческаго движенія за послѣдніе годы и что, притомъ, главная волна этого живаго потока исходитъ изъ сѣверной части нашей черноземной полосы. Тамъ есть указанія на выселенія и изъ болѣе южныхъ, а также и изъ болѣе сѣверныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Но какъ эти указанія о распространенности движенія, такъ въ особенности и всѣ остальные газетныя данныя о переселеніяхъ (о ихъ ходѣ, причинахъ, послѣдствіяхъ) по необходимости страдаютъ случайностью, отрывочностью и бессистемностью. Были, правда, нѣкоторыя газетныя статьи *), дававшія возможность для болѣе полнаго сужденія о переселенческомъ движеніи; но и онѣ, — по самому свойству газетной работы и по недостаточности усилій одного лица для подробнаго изслѣдованія значительныхъ районовъ, — охватывали лишь небольшіе участки и отвѣчали только на нѣкто-

*) Напримеръ, статья г. Ходкевича въ газетѣ «Земство» о переселеніяхъ изъ Новодѣвичскаго уѣзда, Воронежской губ.

рые вопросы. Даже и въ указанныхъ предѣлахъ статьи эти рѣдко давали вполнѣ достовѣрныя свѣдѣнія и цифры, а сравнивать ихъ съ подобными же данными другихъ мѣстностей совершенно немыслимо, по отсутствію общей программы и по разнородности приѣмовъ изслѣдованія; притомъ же, въ газетныхъ статьяхъ и корреспонденціяхъ едва ли можетъ быть и рѣчь объ указаніи этихъ приѣмовъ, а безъ этого условія трудно судить о сравнительности матеріала.

Какъ извѣстно, еще въ 1881 году правительство и земство поставили на очередь вопросъ о ближайшемъ ознакомленіи съ переселенческимъ движеніемъ. Созывъ «свѣдущихъ людей» по переселенческому вопросу ясно обнаружилъ, какъ мало имѣется данныхъ для сужденія о немъ. Нѣтъ надобности напоминать здѣсь о ходѣ этихъ совѣщаній; они происходили такъ недавно, что, конечно, сохранились въ памяти всѣхъ, интересовавшихся вопросомъ о крестьянскихъ переселеніяхъ. Отмѣтимъ только, что среди матеріаловъ по переселенческому движенію, доставленныхъ въ комиссію «свѣдущихъ людей», особенно выгодно отличались данныя тамбовскаго губернскаго земства. Эта небольшая брошюра, очевидно, составленная по образцу извѣстнаго труда г. Романова *), снабжена также и нѣкоторыми указаніями, добытыми при мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ уѣздовъ губерніи. Но, несмотря на ея несомнѣнныя преимущества предъ остальными матеріалами комиссіи, ее далеко нельзя считать исчерпывающей переселенческой вопросъ Тамбовской губ.; она даетъ отвѣты лишь на нѣкоторыя стороны этого вопроса и, притомъ, не претендующіе на полноту. Авторъ этой брошюры, очевидно, располагалъ крайне незначительнымъ временемъ для этой сложной работы и имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, лишь тѣ стороны вопроса, какія были поставлены на разрѣшеніе «свѣдущими людьми». Главнымъ основнымъ матеріаломъ этой работы по Тамбовской губ. (какъ и для упомянутаго изслѣдованія г. Романова) послужили не данныя мѣстныхъ изслѣдованій, а свѣдѣнія казенной палаты о перечисленіи крестьянъ губерніи въ другія мѣстности Россіи. Около того же времени рязанское губернское земство обратило вниманіе на все усиливавшееся переселенческое движеніе на югъ губерніи и представило о немъ докладъ собранію очередной сессіи 1881 года. Докладъ этотъ составленъ на основаніи мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій, производившихся въ то время губернскимъ земствомъ.

О преимуществахъ мѣстнаго, такъ называемаго экспедиціоннаго способа статистическихъ изслѣдованій было уже достаточно говорено и въ журнальной, и въ научной литературѣ; здѣсь останавливаются на этомъ вѣтъ надобности. Разумѣется, все сказанное о преимуществахъ экспедиціоннаго метода изслѣдованій вполнѣ примѣнимо и къ изученію переселенческаго движенія. Мѣстное ознакомленіе съ хозяйственной силой каждой

*) «Крестьянскія переселенія Вятской губ.». Изданіе вятскаго губернскаго земства за 1880 г.

семьи въ моментъ ея выхода на новыя мѣста своего поселенія даетъ возможность для гораздо болѣе точнаго и многосторонняго сужденія объ истинной экономической фizioноміи переселяющихся и о причинахъ движенія, чѣмъ самыя полныя выборки изъ казенныхъ палатъ. Самъ г. Романовъ, — замѣчательно обстоятельно и остроумно разработавшій данныя послѣдняго рода по Вятской губ., — признаетъ ихъ крайнюю неполноту. Не располагая данными мѣстныхъ изслѣдованій о выселившихся семьяхъ, онъ въ своемъ трудѣ вынужденъ дѣлать заключенія о причинахъ выселенія крестьянъ по общему характеру тѣхъ мѣстностей, откуда произведены отчисленія ревизскихъ душъ, а не по экономической силѣ и обстановкѣ самихъ выселяющихся. Не имѣя сколько-нибудь основательныхъ данныхъ для сужденія о хозяйственномъ типѣ переселенца, г. Романовъ не могъ и касаться этого интереснаго вопроса; безъ мѣстныхъ изслѣдованій онъ не могъ прослѣдить и самаго хода передвиженія переселенцевъ на новыя мѣста.

Но уже не говоря о другихъ сторонахъ переселенческаго вопроса, самое количество выселившихся получается по книгамъ казенныхъ палатъ далеко не полное. Г. Романовъ въ своей работѣ не разъ обращаетъ на это вниманіе читателя, да и вообще въ литературѣ встрѣчались прямыя указанія, что по официальнымъ перечисленіямъ ревизскихъ душъ нельзя составить точнаго представленія объ истинномъ количествѣ переселенцевъ: многіе крестьяне, окончательно водворившіеся на новыхъ мѣстахъ, выправляютъ себѣ паспорта изъ своихъ обществъ, не отчисляясь отъ нихъ по 10-ти и болѣе лѣтъ. Г. Ядринцевъ въ своей *Польздѣ по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ* говоритъ, что цифры официальныхъ перечисленій «далеко не даютъ понятія обо всемъ притокаѣ» переселенцевъ: «множество лицъ живутъ по паспортамъ въ селеніяхъ до перечисленія». Въ другой своей работѣ (*Сибирь, какъ колонія*) онъ удостовѣряетъ, что ему удалось лично видѣть новоселовъ, «живущихъ по 12-ти лѣтъ и болѣе по паспортамъ безъ перечисленія, точно такъ же, какъ и людей, лѣтъ по 11-ти хлопочущихъ о перечисленіи». Мѣстными изслѣдованіями въ Рязанской губерніи нами константированы сотни случаевъ, когда крестьяне, распродавъ все свое имущество, живутъ вмѣстѣ съ своими семьями вдали отъ своихъ родныхъ селеній по 10—20 лѣтъ и все еще не отчислились по новому мѣсту жительства. Понятно, что по числу отчисленныхъ ревизскихъ душъ трудно даже приблизительно судить о размѣрѣ выселеній.

Кромѣ того, не говоря про то, что по годамъ перечисленій нельзя судить о годахъ выхода переселенцевъ, по названнымъ даннымъ казенныхъ палатъ легко сдѣлать ошибочныя заключенія и объ относительныхъ размѣрахъ движенія въ разныхъ районахъ. Не только въ цѣлыхъ губерніяхъ или уѣздахъ, но и въ болѣе мелкихъ территоріальныхъ единицахъ процентъ *перечисляющихся*, завися отъ многихъ условій, можетъ быть далеко не одинаковъ. Такъ, напримѣръ, изслѣдованіями по Рязанской губ. установлена тѣсная связь между направленіемъ движенія и относительнымъ чис-

люмъ перечисляющихся: наибольшій процентъ перечисленій приходится на долю переселенцевъ въ Сибирь, гдѣ они находятъ для этого болѣе благоприятныя условія; напротивъ того, громадное большинство выходцевъ въ степныя губерніи Европейской Россіи живетъ тамъ, не отчисляясь по 10 и болѣе лѣтъ. Изъ Скопинскаго уѣзда Рязанской губ. главная масса переселеній направилась въ степныя губерніи, а изъ Раненбургскаго—въ Сибирь. Очевидно, не производя мѣстныхъ изслѣдованій, а пользуясь лишь данными казенной палаты объ отчисленныхъ ревизскихъ душахъ, мы пришли бы къ заключенію объ относительно ничтожныхъ размѣрахъ движенія изъ Скопинскаго уѣзда, тогда какъ на самомъ дѣлѣ по проценту выселеній онъ мало уступаетъ Раненбургскому уѣзду.

Изъ этихъ бѣглыхъ указаній уже достаточно ясно, насколько неудобно считать переселенцами только официально перечисленныхъ крестьянъ. Всѣ эти намѣченные нами неудобства легко устранимы при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, если *подъ переселенцемъ разуметь каждую крестьянина, окончателно порвавшіаго хозяйственную связь съ своимъ роднымъ селеніемъ и отправившагося съ семьей устраиваться на новыя мѣста.* Конечно, при такомъ опредѣленіи въ число переселенцевъ войдутъ и тѣ семьи, которыя не только не отчислены по новому мѣсту жительства, но и не дошли до него и даже могутъ вернуться съ дороги. Такое возраженіе теряетъ свое практическое значеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ процентъ обратво возвращающихся семей незначителенъ (какъ, напримѣръ, въ 3-хъ изслѣдованныхъ уѣздахъ Рязанской губ.); но и во всякомъ случаѣ при названномъ приемѣ будетъ значительно меньшая неточность, чѣмъ при численіи переселенцевъ по числу отчисленныхъ ревизскихъ душъ. Но, главное, должно имѣть въ виду, что для наиболѣе существенной цѣли изслѣдованія — для уясненія причинъ движенія—необходимо занести въ списокъ переселенцевъ и неудачныя попытки къ выселенію, такъ какъ и эти случаи ухода съ родины произошли подъ вліяніемъ общихъ причинъ, которыя желательно изучать.

Но мало того, что изслѣдованіе переселенческихъ движеній должно быть ведено экспедиціоннымъ способомъ: оно должно быть ведено *одновременно* съ изученіемъ общаго экономическаго характера той мѣстности, откуда происходятъ выселенія. Только при наличности обоихъ этихъ условій мы получимъ возможность примѣнить сравнительный методъ при разработкѣ матеріала; а громадное значеніе этого метода слишкомъ ясно и говорить о немъ здѣсь не представляется надобности. Отмѣтимъ только, что лишь изъ сравненія экономическаго достатка семей, ушедшихъ на переселеніе, и тѣхъ, которыя остались на мѣстахъ прежняго своего жительства, — только изъ такого детальнаго сравненія и можно сдѣлать обоснованные выводы какъ объ истинныхъ причинахъ движенія, такъ и о хозяйственной фізіономіи выселяющихся. Сверхъ того (какъ увидимъ при изложеніи самой программы изслѣдованій), одновременное изученіе переселенческаго движенія и общихъ

экономическихъ условий предохранить изслѣдователя отъ многочисленныхъ пропусковъ при регистраціи давнихъ случаевъ выселеній. Такая одновременность изученія вполне доступна для тѣхъ земствъ, которые ввели у себя статистическія работы экспедиціоннымъ способомъ, съ составленіемъ хозяйственной переписи каждаго двора. Если бы статистическія бюро такихъ земствъ (разумеется, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ переселенческое движеніе болѣе или менѣе развито) включили въ свои программы мѣстныхъ изслѣдованій и попутное собраніе данныхъ о крестьянскихъ переселеніяхъ, то это не особенно увеличило бы продолжительность работъ; а, между тѣмъ, подобныя свѣдѣнія, собранныя въ разныхъ губерніяхъ *по однообразной программѣ*, оказали бы громадную услугу дѣлу выясненія этого интереснаго и сложнаго акта русской экономической жизни.

Примѣнительно къ экспедиціонному способу изслѣдованія земскихъ статистическихъ бюро и составлена предполагаемая ниже программа для изученія переселенческаго движенія. Она служила при мѣстныхъ статистическихъ работахъ въ Рязанской губ. и заключаетъ въ себя *только три вопроса*, на которые мѣстный изслѣдователь можетъ получить ясныя и опредѣленные отвѣты крестьянъ; въ ней указаны и нѣкоторые практическіе приемы, необходимые для извлеченія возможно достоверныхъ и полныхъ данныхъ.

Переселенческое движеніе можно изучать или на мѣстахъ выхода переселенцевъ, или на мѣстахъ ихъ новаго поселенія, или, наконецъ, во время самаго пути—въ тѣхъ пунктахъ, чрезъ которые проходятъ главныя массы переселяющихся. Такъ какъ въ настоящее время переселенія направляются преимущественно въ Сибирь, въ уфимско-оренбургскій край и въ Закавказье, то понятно, что для огромнаго большинства нашихъ земствъ при изученіи переселенческаго движенія придется знакомиться съ нимъ *на мѣстахъ выхода* переселенцевъ, что и имѣетъ въ виду программа.

Какъ извѣстно, при мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованіяхъ главный цифровой матеріалъ получается при помощи хозяйственной *переписи каждой семьи*; во-вторыхъ, одновременно съ переписью, путемъ разспросовъ крестьянъ добываются свѣдѣнія и объ экономическихъ условіяхъ *цѣлой общины*; въ-третьихъ, производятся необходимыя *выборки* изъ книгъ волостныхъ правленій и сельскихъ старостъ. Сообразно этому расположимъ и нашу программу.

I. При составленіи общей подворной переписи.

1. Каждую выселившуюся семью слѣдуетъ и (въ намѣченныхъ ниже предѣлахъ) вполне возможно проводить чрезъ всѣ графы общей переписи, обозначая свѣдѣнія объ ея личномъ составѣ и экономической силѣ, *каковы они были въ моментъ выхода ея на переселеніе*.

Намѣчать программу самой переписи нѣтъ надобности; она достаточно извѣстна изъ трудовъ земскихъ статистиковъ. Но какъ же получить необходимыя данныя о семьяхъ переселенцевъ, не присутствующихъ при

спросѣ, быть можетъ, ушедшихъ изъ роднаго селенія уже много лѣтъ тому назадъ, и насколько точны подобныя данныя? Необходимо имѣть въ виду, что крестьянинъ передъ выходомъ на переселеніе распродаетъ все свое имущество; въ громадномъ большинствѣ случаевъ, только благодаря подобной распродажѣ, переселяющійся и получаетъ возможность отправиться на новыя мѣста съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ. Домъ, часть скота (нерѣдко и весь скотъ), домашняя утварь, одежда, а иногда и земля переходятъ въ руки кого-либо изъ односельцевъ; про такого скупщика имущества переселенца крестьяне мѣтко говорятъ, что онъ *«отпускаетъ на самару»*, т.-е. даетъ средства на дальній путь и обустройство на новомъ мѣстѣ. Кромѣ того, жизнь нашего крестьянина у всѣхъ на виду; если (въ большихъ селахъ) и не всѣ знаютъ хозяйственныя и семейныя условія каждаго изъ своихъ односельцевъ, то ближайшіе сосѣди знакомы съ этимъ не хуже самихъ домохозяевъ. Вотъ этотъ-то «отпускавшій на самару» или сосѣди переселенца и дадутъ не только вполне достовѣрные отвѣты на вопросы переписи, но сообщаютъ также о причинахъ того или иного состоянія хозяйства переселенца въ моментъ выхода его съ родины, о мотивахъ его выхода въ далекую сторону, о суммѣ денегъ, какую онъ взялъ съ собой, и пр. Но, понятно, чѣмъ раньше ушелъ переселенецъ, тѣмъ труднѣе получить о немъ вполне точныя данныя. Хотя довольно часто крестьяне съ несомнѣнной достовѣрностью даютъ названныя свѣдѣнія о своихъ землякахъ, выселившихся лѣтъ 10—12 назадъ, но практика изслѣдованій въ Рязанской губ. показала, что достаточно-точные цифровые отвѣты на вопросы подворной переписи можно получать лишь о переселенцахъ *послѣднато шестилѣтія*.

2. Въ примѣчаніяхъ противъ *каждой* семьи, выселившейся не ранѣе послѣднихъ шести лѣтъ, вполне возможно дѣлать слѣдующія отмѣтки:

а) Годъ ухода, куда ушелъ, на сколькихъ лошадахъ или пароходнымъ путемъ и по желѣзной дорогѣ.

б) Сколько выручилъ денегъ отъ продажи имущества и (за вычетомъ долговъ, недоимокъ, дорожнаго обустройства и пр.), какую сумму повесъ съ собой.

в) Дошелъ ли до мѣста, приписался ли и куда именно.

Кромѣ того, для *нѣкоторыхъ* семей можно получить отвѣты еще и на такіе вопросы:

г) Какъ выселившійся жилъ дома и какова ближайшая причина, толчокъ къ его выселенію.

д) Подробности его пути на новыя мѣста.

е) Какъ онъ устроился на новомъ мѣстѣ: хозяиномъ или батракомъ, въ своемъ домѣ или на квартирѣ и проч.

ж) Какъ отзывается о новыхъ мѣстахъ, доволенъ ли своимъ перемѣщеніемъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ отмѣтокъ (какъ и отвѣты на многіе изъ послѣ-

дующихъ вопросовъ) особенно удобно получать при личномъ опросѣ ходокъ, а также отъ лицъ, почему-либо возвратившихся на родину изъ своихъ поисковъ новыхъ земель. Эти крестьяне, побывавшіе въ тѣхъ мѣстахъ, куда такъ тянетъ ихъ односельцевъ, испытавшіе на себѣ тяжесть пути въ далекую Сибирь и въ инныя мѣстности, — такіе крестьяне нерѣдко даютъ изслѣдователю чрезвычайно цѣнные указанія.

3. Для переселенцевъ, выбывшихъ 7—8 и болѣе лѣтъ назадъ, приходится довольствоваться въ большинствѣ случаевъ лишь *поименнымъ спискомъ* выбывшихъ домохозяевъ, безъ наполненія графъ переписи напротивъ каждаго изъ нихъ. Но и противъ такихъ, болѣе раннихъ, переселенцевъ очень часто удается сдѣлать слѣдующія отмѣтки:

а) Годъ ухода и куда переселился.

б) Живетъ по паспорту съ родины или приписанъ.

в) Сколько числится за нимъ общественной земли и кто ею пользуется.

Иногда, впрочемъ, и противъ этихъ переселенцевъ оказывается полная возможность выставить вполне достовѣрныя цифры, указывающія степень ихъ хозяйственной состоятельности и составъ ихъ семей въ моментъ выхода съ родины; иногда удается отмѣтить и то, какъ они устроились на новыхъ мѣстахъ.

Съ другой стороны, далеко не рѣдки случаи, когда нельзя даже составить поименнаго списка всѣхъ выселившихся домохозяевъ и приходится довольствоваться лишь *опредѣленіемъ ихъ общаго числа*. Это случается обыкновенно въ тѣхъ крупныхъ селеніяхъ, изъ которыхъ переселенія начались издавна. Для избѣжанія пропусковъ переселившихся семей, необходимо прибѣгать къ слѣдующимъ приемамъ. Въ переписи противъ каждой семьи (какъ наличной, такъ и переселенческой) всегда обозначается число душевыхъ надѣловъ («душъ»), отведенныхъ въ ея пользованіе обществомъ; сумма этихъ душъ *по всѣмъ дворамъ* общины должна равняться числу единицъ, на которое крестьяне разверстываютъ свою надѣльную землю; общее же число единицъ разверстки имъ всегда точно извѣстно. По окончаніи переписи *необходимо всегда дѣлать подобную проверку*, и почти всегда (особенно въ крупныхъ общинахъ) окажется, что не хватаетъ нѣсколькихъ и даже нѣсколькихъ десятковъ земельныхъ душъ. Это несомнѣнный признакъ пропуска въ переписи нѣкотораго числа домохозяевъ; ихъ необходимо разыскать, пока не пополнится недочетъ въ единицахъ разверстки. Иногда въ числѣ опущенныхъ дворовъ попадутъ и наличные крестьяне, живущіе гдѣ-нибудь «на отшибѣ», «не въ линію» и почему-либо не присутствовавшіе во время переписи; но въ большинствѣ случаевъ это будутъ переселенческіе дворы дальнихъ лѣтъ. Хотя крестьяне всегда бываютъ до мелочей точны въ отыскиваніи «пропавшихъ душъ» и съ большой охотой помогаютъ въ этомъ изслѣдователю, но такая работа беретъ въ этомъ много времени и утомляетъ обѣ стороны. Чтобы сократить ее, чтобы пропуски переселенцевъ были возможно рѣже во время самой пере-

писи, необходимо строго различать «души» каждаго домохозяина, *данныя ему общиной*, отъ тѣхъ душевыхъ надѣловъ, какіе попали къ нему *путемъ аренды* отъ его однообщинниковъ, выясняя, притомъ, не принадлежатъ ли послѣдніе кому-либо изъ ушедшихъ на переселеніе. Сочетаніе указанныхъ пріемовъ дѣлаетъ почти невозможными пропуски не только наличнаго населенія, но и переселенцевъ. Разумѣется, указанная провѣрка затрудняется въ тѣхъ общинахъ, гдѣ земля переселенцевъ уже подѣлена между оставшимися дома ихъ однообщинниками; но такой передѣлъ обыкновенно совершонъ такъ недавно, что нетрудно бываетъ возстановить число единицъ старой разверстки, а, слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ вполне возможно практиковать только что изложенные пріемы.

II. При составленіи пообщиннаго бланка.

Производя опросъ крестьянъ объ экономическихъ условіяхъ цѣлой общины, относительно переселеній необходимо выяснять слѣдующее:

1. Когда начались переселенія: на памяти крестьянъ (въ какомъ году?) или они знаютъ ихъ лишь по рассказамъ стариковъ. Одновременно вышли всѣ семьи или въ нѣсколько пріемовъ.

Куда уходили; много ли ушло семей или ревизскихъ душъ и каковъ былъ ихъ достатокъ.

Переселялись самостоятельно или по вызову и съ пособіемъ казны.

Годы наибольшихъ выселеній и причины этого.

2. Мнѣнія крестьянъ о причинахъ выселеній изъ ихъ общины и изъ сосѣднихъ деревень и селъ.

3. Какъ появилась мысль о переселеніяхъ въ ту или иную мѣстность. Какъ и отъ кого узнавали о новыхъ мѣстахъ для поселенія: слухи, письма земляковъ, ходоки и проч.

Посылали ходоковъ отдѣльныя группы домохозяевъ, общество или они шли по личному почину и за свой страхъ. Расходы ходоковъ въ пути и пріемы ихъ развѣдки.

4. Время и условія распродажи имущества готовящимся къ переселенію: исподволь или передъ самымъ выходомъ; большая или меньшая трудность распродажи и зависимость этого отъ состава и достатка остающагося на мѣстѣ поселенія.

Что захватываютъ съ собой уходящіе на переселеніе: изъ скота, одежды, домашней утвари, съѣстныхъ припасовъ и пр.

Стоимость снаряженія въ зависимости отъ размѣровъ семьи, направленія переселеній, маршрута и средствъ уходящаго.

Какъ идущіе на переселеніе справляются съ недоимками, частными долгами и съ другими задерживающими переселеніе вліяніями. Отношеніе администраціи къ переселеніямъ и значеніе этого для движенія.

Съ какими документами пускаются въ путь выселяющіеся: съ паспортами или съ увольнительными свидѣтельствами и приговорами своихъ об-

ществъ; имѣютъ ли они пріемные приговоры тѣхъ обществъ, гдѣ думаютъ поселиться.

5. Маршрутъ и способы переѣздовъ; преимущества того или иного пути, того или иного способа передвиженія; стоимость пути.

Не останавливаются ли переселенцы на работы во время пути, гдѣ и на какія именно, чѣмъ это вызывается. Не питаются ли подаaniemъ. Кормъ скота во время передвиженія.

Бдутъ партіями или по одиночкѣ; размѣръ партій.

Отношенія другъ къ другу въ пути. Не условливаются ли передъ выѣздомъ о взаимной помощи; не бываетъ ли объ этомъ письменнаго договора или сбора денегъ для взаимной поддержки; не выбираютъ ли путевого старосты. Въ чемъ проявилась помощь членовъ партіи другъ другу.

Переселенческія конторы и отношенія къ нимъ крестьянъ.

6. Каковы земледѣльческія условія новыхъ мѣстъ поселенія: качество и количество земли, разныхъ угодій, ея урожайность, способъ хозяйства вообще и приемы обработки земли въ частности (орудія, число лошадей, необходимыхъ для подъема нови, для второпашки и пр.).

Другія экономическія и бытовыя условія мѣстъ поселенія, имѣющія значеніе для крестьянъ: размѣръ и видъ заработка, цѣны на продукты; способъ раскладки податей и распредѣленія земель; севтаторство и пр.

7. Какъ устраивались на новыхъ мѣстахъ: особыми поселеніями, на казенныхъ или частновладѣльческихъ земляхъ и условія этого; приписка къ крестьянскимъ обществамъ или въ мѣщане и ея стоимость. Охотно ли принимаютъ новоселовъ и какъ измѣнялась стоимость приписки во времени. Обзаведеніе хозяйствомъ на арендной землѣ.

Стоимость первоначальнаго обзаведенія: домъ, скотъ и земледѣльческія орудія и пр.

Многіе ли изъ переселившихся членовъ общины стали полными хозяевами и какая сумма денегъ для этого необходима; какъ устроились остальные; многіе ли перечислены по новому мѣсту жительства.

Неудачные случаи переселеній и причины этого (не понравившись мѣста, не хватило средствъ и пр.); откуда вернулись: съ пути или уже дойдя до мѣста.

Число возвратившихся. Прослѣдить ихъ путь на новыя мѣста и обратно на родину.

Каково положеніе возвратившихся; не думаютъ ли они снова идти на поселеніе.

8. Вліяніе переселеній на остающихся дома членовъ общины и на ихъ сосѣдей.

Вому и на какихъ условіяхъ достается надѣльная земля *) переселен-

*) Необходимо обратить особое вниманіе, насколько доходность надѣльной земли выше или ниже связанныхъ съ ней платежей; безъ этого данный вопросъ останется неразъясненнымъ.

цевъ (наслѣдственная и общественная; выгонъ, усадьба и остальные угодья) до ихъ приписки на новыхъ мѣстахъ и *посль* нея.

Какъ поступаетъ общество съ землей переселенцевъ, *издавна* проживающихъ по паспортамъ съ родины; споры по поводу ихъ земли.

Вліяніе выселеній на арендные цѣны на землю и на размѣръ заработка.

Какъ мѣстные крестьяне смотрятъ на переселенія; не помогаютъ ли они выселяющимся и какъ именно.

Каково мнѣніе оставшихся дома крестьянъ о мѣстахъ переселенія; не собираются ли туда новые выходцы. Если переселенческое движеніе приостановилось или измѣнило направленіе, то почему.

9. Если переселеній изъ данной общины вовсе не было, то чѣмъ слѣдуетъ это объяснить: хорошими ли мѣстными экономическими условіями, отсутствіемъ ли средствъ къ выходу, усиленнымъ развитіемъ мѣстныхъ и отхожихъ заработковъ, незнакомствомъ съ мѣстами переселенія или какими-нибудь иными условіями.

III. Выборка изъ документовъ.

Въ книгахъ «сдѣлокъ и договоровъ» волостныхъ правленій, въ книгахъ «сельскихъ приговоровъ», а иногда даже и изъ книги «рѣшеній волостныхъ судовъ» изслѣдователь можетъ почерпнуть довольно существенныя данныя по переселенческому вопросу. Тамъ можно встрѣтить условія о продажѣ имущества уходящими на переселеніе и о сдачѣ ихъ земли въ аренду; тамъ попадаются въ высокой степени интересные приговоры сельскихъ сходовъ о помощи выселяющимся однообщественникамъ и пр., и пр. Иногда подобныя документальныя указанія даютъ весьма обстоятельный и важный матеріалъ, такъ что, желая полнѣе ознакомиться съ движеніемъ, ихъ нельзя упускать изъ вида. Однако, необходимо замѣтить, что этотъ источникъ свѣдѣній о переселенцахъ далеко не имѣетъ того значенія, какъ два предъидущіе — подворная перепись и пообщинный бланкъ.

Упомянемъ здѣсь еще объ одномъ источникѣ, въ высшей степени живомъ и полномъ не только фактическихъ данныхъ о переселенческомъ движеніи, но и взглядовъ на него самихъ переселенцевъ. Этотъ источникъ — *письма переселенцевъ на родину*. Закинутые вдалѣ отъ родныхъ селеній и по себѣ знающіе, какъ живо интересуются ихъ земляки этой далекой, но обильной стороной, переселенцы тотчасъ же по приходѣ на мѣсто начинаютъ сообщать своимъ роднымъ и знакомымъ объ условіяхъ, какія они встрѣтили на новыхъ мѣстахъ, о томъ, какъ они сами устроились, и о трудностяхъ далекаго пути; они даютъ маршруты и подробныя указанія, какъ и когда добраться до мѣстъ ихъ поселенія; они сообщаютъ даже о нравахъ и обычаяхъ мѣстныхъ жителей; словомъ, изъ этихъ писемъ и изъ устныхъ разсказовъ ходяковъ и возвратившихся переселенцевъ изслѣдователь знакомится съ чрезвычайно интересными и мельчайшими подробностями переселенческаго движенія и узнаетъ тѣ малоизвѣстныя мѣстности, куда ус-

тремляется главный поток переселенцев. Мало того, письма переселенцев так ярко обрисовываютъ взглядъ крестьянина на движеніе и даже на нѣкоторыя стороны его идеала, а самый языкъ ихъ такъ живъ и своеобразенъ, что при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ было бы въ высшей степени желательно не ограничиваться выборками изъ нихъ, но съ нѣкоторыхъ писемъ снимать копія цѣликомъ. Чтобы дать понятіе объ этомъ интересномъ и живомъ источникѣ, приведемъ выписки 3—4 писемъ переселенцевъ въ Томскую губернію.

1) Отставной унтеръ-офицеръ Леонтіѣй¹ Егоровъ Горбылевъ еще въ 1878 г. ушелъ «на самару», т. е. въ Томскую губернію, гдѣ и поселился. Какъ рассказываютъ, въ деревнѣ, образовавшейся изъ выселенцевъ Тамбовской губерніи. Теперь онъ живетъ въ Барнаульскомъ уѣздѣ. Буравлянской волости, въ деревнѣ Черемушки, устроился тамъ хорошо, приписавшись къ обществу, имѣеть порядочную запашку, арендуетъ много земель за баснословно дешевую цѣну и зоветъ своихъ родныхъ и друзей продать все имущество и ѣхать къ нему. Письма Егора Горбылева были такъ заманчивы, что его стали просить выслать имъ пріемный приговоръ черемушскаго общества не только родные его, но и нѣкоторые односельцы села Дубоваго, Раненбургскаго уѣзда, Рязанской губ. На ихъ просьбу онъ прислалъ отвѣтное письмо, изъ котораго и сдѣланы здѣсь выписки дословно.

Отписавъ всевозможнымъ роднымъ и знакомымъ повлоны, онъ пишетъ: «Предотвораю васъ, что заочно васъ къ обществу предѣлялъ; потомъ, батюшка Егоръ Никитичъ, и вы, братцы, я Васъ предѣлялъ къ очень хорошему житію. Продавайте все свое имущество и идите сюда ко мнѣ.—я вамъ мѣсто приобрѣлъ очень хорошее. Удовольствіе,—какое сѣно! я поставилъ на душу 400 копенъ, кромѣ вольныхъ мѣстовъ; церковь—2 версты. лѣсъ—боръ 3 версты; всякія ягоды и хмѣля возлѣ деревни. Земля пахать—сколько угодно; земля и лѣса никогда не дѣлятся, и объѣздки нѣту. Потомъ наемка очень дорога: уборка хлѣба за десятину 20-ть пудовъ хлѣба даютъ; нѣту косцовъ косить хлѣбъ... а Леонтіѣй Егоровъ Горбылевъ (самъ авторъ письма) свой посѣвъ имѣеть.

«Еще рѣки очень хороши, озера рыбныя; ловить рыбу очень хорошо. Мельницы водяныя, вѣтрянки и рушалки есть гдѣ строить. Хлѣба всякіе родятся: рожь, пшеница, ярица, гречуха, просо, овесъ, ячмень и горохъ. У насъ въ деревнѣ ржаная мука 30 коп. пудъ. Потомъ работника подражаютъ въ годъ 50 руб. сереб. и даютъ двѣ десятины подъ посѣвъ хлѣба.

«Еще всѣхъ, которые писали: Степана Андреева Черникова, Алексѣя Андреева Черникова, Алексѣя Трифонова Горбылева, Алексѣя Кириллова Некрасова, Федота Степанова Халимонова, Алексѣя Васильева Жихарева и меня,—всѣхъ тѣхъ, которые записаны кромѣ солдатъ 11 душъ, которыя ревизионныя съ тѣхъ душъ по 10 р., а которыя не въ ревизіи съ тѣхъ 5 р.»^{*)}.

*) Это имена просившихъ о припискѣ и ея стоимость сравнительно очень небольшая: за каждую мужскую душу, попавшую въ ревизію,—10 р., за остальные по 5 р. По другимъ письмамъ, стоимость приписки доходить до 60 р. съ «ревизионной души».

Дальше онъ говоритъ, что взнесъ за приписку своихъ 35 руб. и обѣщаетъ выслать приемный приговоръ общества всѣмъ просившимъ его об этомъ, если вышлютъ ему 100 р.¹

Дѣйствительно, тѣ, что просили Леонтія Горбылева приписать ихъ къ бійскому обществу, думаютъ теперь послать требуемые сто рублей, чтобы, заручившись приемнымъ приговоромъ, направиться «на самару».

2) Гаврило Марковъ—мѣщанинъ,—жилъ въ с. Буховомъ (Раненбургскаго уѣзда), занимался исключительно выдѣлкою прялокъ, хорошій былъ мастеръ и здѣсь жилъ хорошо. Раньше ушелъ въ Томскую губернію родственникъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ деревни Крыжокъ (Тамбовской губерніи?). По зову этого родственника и пошелъ Гаврило Марковъ. Идетъ въ Буховое на родину. Письмо писано собственноручно, грамотный. Въ началѣ благодаритъ за полученное имъ письмо и очень проситъ о присылкѣ веретень, за которыя обѣщаетъ выслать денегъ.

«Затѣмъ желательнo вамъ объяснить житье Бійскаго округа, при немъ сель и деревень; но вамъ самимъ кой-какія стороны извѣстны, гдѣ какъ кто живетъ: въ иныхъ мѣстахъ въ каменныхъ домахъ живутъ и крыты желѣзомъ, а другіе въ землянкахъ или въ землянкахъ, а то въ деревянныхъ, покрытыхъ соломой, въ другихъ мѣстахъ—черепицею, но въ Бійскомъ—ничѣмъ, а просто земли навалать и поживать; но нѣкоторые кроютъ тесомъ,—кто поднежижій. Самый Бійскъ подобенъ селу доброму: два храма; дома всѣ раскрыты *)», но нѣкоторые есть хорошіе; дома два или три покрыты желѣзомъ. Построенъ онъ при рѣкѣ Бии; пространство сталъ занимать большое, около двухъ тысячъ домовъ: построй весь по плану и къ нему ежегодно прибавляются новоселы—домовъ по сто и болѣе. Торговля въ немъ увеличивается ежемѣсячно все болѣе; торговый народъ сталъ щеголять не попржнему. Товары всѣ до цѣнъ небывалыхъ дошли. Земли въ Бійскомъ очень много и ея берутъ на ренду, сколько кому угодно по 40 коп. десятина,—новъ и вся подъ огуль; нѣкоторые земледѣльцы бійскіе имѣютъ десятины по ста и заводятъ хутора на двѣнадцать лѣтъ и пользуются, какъ господинъ.

«Всѣ вдругъ лежашія села надѣлены землею вдосталь, даже въ нѣкоторыхъ селахъ десятины по сту на каждую душу; напримѣръ: въ Чермовкѣ, Буланихѣ, Шубенкѣ, Поперечномъ, Трынкиной. Всѣ земли до нельзя хлѣбородны. Дальность всѣхъ означенныхъ селъ отъ Бійскаго, начиная къ Томску: Шубенка—12 верстѣ, Безруково—8 верстѣ, Чермовка—12 верстѣ, Савино—20 верстѣ; всѣ эти села по рѣкѣ Чермовкѣ; далѣе, по рѣкѣ Иткуль: Буланиха—40 верстѣ, Иткуль—55 верстѣ, Тепешное—75 верстѣ, Комарово—40 верстѣ, Соколово—35 верстѣ и Савиново, гдѣ рѣчки сошлись вмѣстѣ (Ворской съ Катунью); городъ Бійскъ при соединеніи двухъ большихъ рѣкъ Бии и Катуня. Съ этого мѣста начало рѣки Оби. Село Поперечное самое лучшее: два храма и торговое; прежніе жители (его) пере-

*) Должно быть, глиняныя крыши съ малымъ скатомъ.

селены на казенный счет; земли до нельзя много: отъ города 35 верстѣ и отъ Алтайскихъ горъ—100 верстѣ по дорогѣ на Поперечное. Въ горахъ тоже живутъ очень хорошо; горы высокія, и видно ихъ верстѣ за 200: стоятъ онѣ, какъ облака, ежели смотрѣть изъ Булаихи. Деревня Фомина стоитъ на берегу Оби и въ центрѣ всѣхъ селѣ и отъ Бійска шестнадцать верстѣ. Народъ весь по всѣмъ селамъ и деревнямъ—новоселы; а за Бійскомъ есть еще новыя участки для поселянъ, и афишки прибиты желающимъ. Со всѣхъ означенныхъ селѣ ко мнѣ ѣдутъ за прялкой, но я стараюсь болѣе всего, чтобы прялка моя была въ каждомъ селѣ по двѣ или три прялки; но уже загремѣли мои прялочки: кромѣ (ихъ) работы не беру никакой; кабы было прялокъ тысячи, и всѣ бы разошлись до одной; но я одинъ, ничего не подѣлаешь; даже, когда путь сталъ черезъ Обь, то одного задатку можно взять въ день сто рублей. Затѣмъ желаю вамъ быть здоровыми (нѣсколько именъ)... Николаю Петровичу большущее почтеніе; но сюда ко мнѣ идти, прежде нужно собраться съ полной головой. 21 декабря 1880 года».

3) Крестьянинъ с. Мелихова (Раненбургскаго уѣзда), ушедшій въ 1880 г. въ Томскую губернію, Кирей Васильевъ, пишетъ своему брату Николаю Васильеву. Сначала поклонны, затѣмъ:

«Мы купили избу съ сѣнцами за 25 руб.; по вашему это будетъ стоить 60 руб.; купили сѣна 50 копенъ за 3 р., овса 8 копенъ за 8 руб., изъ 8 копенъ вышло 100 пудовъ; шпеницы 1 десят., съ которой снято 90 пудовъ; купилъ (снялъ въ аренду?) земли—залогу и пахотной—за 4 руб.—5½ десят. Купилъ соху за 7 руб. и съ сохою еще 2 бороны. Если мои деньги получены, то непременно пришлите мнѣ, потому что нужно къ веснѣ покупать лошадей, а также присылайте и своихъ денегъ, если желаете приходить къ намъ,—тогда я и для васъ посѣю хлѣба. Въ этомъ письмѣ я пропишу вамъ подробно, что у васъ тамъ можно умереть, а у насъ здѣсь на новоселы воскреснуть. Въ отношеніи урожая какъ хлѣбовъ, такъ равно и всѣхъ овощей—у насъ хорошо, и, кромѣ того, народъ ужасно добродѣтельный, а въ особенности у насъ здѣсь ремесленнымъ людямъ хорошо жить: работы для нихъ очень довольно. Лѣсъ же строевой, т. е. сосновый, лиственный и проч., не продается, а отпускается бесплатно,—отъ насъ за 15 верстѣ и дровянаго около нашего селенія,—сколько угодно руби. Землей пахотной и сѣнокосной пользуются бесплатно (?) сколько кому нужно, а другіе хотя покупаютъ (арендуютъ), то по 40 коп. за десятину; хлѣбъ у насъ пшеничный за пудъ 40 коп. и ржаной—20 коп., овесъ—15 коп., а о прочихъ продуктахъ и говорить нечего». Затѣмъ поклонны сестрѣ и просьба, чтобы она не отставала отъ нихъ, а шла на жительство «къ намъ: у насъ здѣсь народъ гораздо лучше вашего въ отношеніи добродѣтели; у насъ въ селѣ церковь семиглавая во имя св. Или Пророка; въ городѣ Бійскѣ проживаетъ преосвященный, гдѣ и строится монастырь; недалеко отъ Бійска, на Улавѣ, женскій монастырь. Сестрицѣ Феклѣ Лукіановнѣ съ

супругомъ, дѣтками, если желаете къ намъ, то приходи, а если не думаешь, то оставайся тамъ; а льна я намяла 900 горстей, который въ 6 четвертей. Если кто отъ васъ пойдетъ, то пришлите двѣ гребенки овчинныхъ». Далѣе дообщается, что нѣсколько односельцевъ живутъ неподалеку и ходятъ въ ихъ церковь. «Всѣ наши родные и знакомые, кто изъ васъ желаетъ придти къ намъ на жительство, то для семейныхъ лучше ѣхать на лошадяхъ, а несемейнымъ—по машинѣ. Дорогой пушай больше накупить гребней и гребенокъ; у насъ здѣсь для таковыхъ нѣтъ лѣса, хотя и дѣлаютъ изъ березоваго, но не крѣпкія».

«Братецъ Николай, постарайся насчетъ моихъ приговоровъ поскорѣе высылкою къ намъ, потому что я посылая вѣстѣ съ нѣкорыми и вотъ уже они получили, а моихъ еще нѣтъ; братецъ Николай Васильевичъ, если къ намъ пойдешь, то отправляйся поскорѣе и возьми съ собою сестрицу чернячку, а братецъ пускай идетъ на лошадяхъ; какъ онъ семейный, ему придется на машинѣ очень дорого; если пойдете, то берите съ собой больше сухарей». Далѣе поклоны.

4) Отъ Алексѣя Иванова Шебанова, Данковского уѣзда. Ушелъ въ 1881 году весною къ своему дѣду. Самъ отправился машиной, а семью послалъ на повозкахъ; съ собой взялъ рублей 500, да въ с. Бигильдинѣ за людьми деньги остались. Дедъги эти собралъ продажею четвертной земли (около 10 десятинъ было). Хотя человекъ былъ работающій, но когда его взяли въ солдаты, хозяйство разстроилось; оставалась одна жена хозяйкой. Вернувшись изъ солдатъ, онъ снова завелъ лошадь, повелъ самъ хозяйство, но скоро надумалъ идти въ Томскую губернію, откуда и пишетъ:

«Увѣдомляю я васъ въ томъ, что я и семья моя, и лошади наши дошли всѣ живы и здоровы; но только что по дальней дорогѣ мы много денегъ исхарчили, а именно: я проѣхалъ на машинѣ 47 руб., а семья моя (на лошадяхъ) 280 руб.,—всему 327 руб. Теперь мы приписались въ ту деревню, гдѣ свать Будаевъ, то-есть Старо-Чемровка, Бійской волости; видно намъ, что жизнь хорошая; что было писано солдатомъ Будаевымъ, то все вѣрно, а именно: земля недѣленая, хорошая, луговъ очень много, лѣсу тоже, рѣчка небольшая, но вода въ ней хорошая и рыбы въ ней много... Прошу васъ похлопотать, чтобъ Дмитрій Николаевъ прислалъ мнѣ денегъ 50 р. (долгъ), потому что сейчасъ мнѣ они очень нужны; вы сами знаете, что послѣ пожару остаются однѣ стѣны и тогда трудно бываетъ, а мы теперь сѣли, какъ какія залетныя птички садятся середъ поля, не имѣя никакой пристани; но, Господь поможетъ, исправимся: свать Будаевъ годъ перебился, а теперь полный хозяинъ: онъ напраталъ пшеницы 125 копенъ, овса 63 копны, яровой ржи 24 копны, проса 20 копенъ, сѣна накосилъ 360 копенъ, а я накосилъ 90 копенъ, завелъ скотину: 2 коровы, 18 овецъ и 5 свиней; лошадей было 4, а теперь 6; одно слово, жить можно; затѣмъ прощайте».

5) Отъ того же Алексѣя Иванова Шебанова.

«Благодѣтелямъ нашимъ Петру Федоровичу — волостному старшинѣ,

волостному писарю Степану Мануиловичу и всѣмъ начальствующимъ лицамъ! желаю я вамъ отъ Бога добраго здоровья и всякаго благополучія, въ дѣлахъ вашихъ скорого и счастливаго успѣха; посылаю я вамъ свое почтеніе и низкій поклонъ. Еще моимъ общественникамъ, то-есть господамъ старичкамъ, низкій поклонъ и прошу покорно васъ всѣхъ вообще, какъ господъ начальниковъ, такъ и старичковъ, не оставьте моей просьбы—не задержите, а скорѣй пришлите намъ увольнительное свидѣтельство».

Какъ ни важенъ и ни интересенъ матеріалъ переселенческихъ писемъ, необходимо имѣть въ виду, что критическое отношеніе къ нимъ изслѣдователя крайне необходимо. Переселенцы, частію желая вызвать къ себѣ родныхъ, частію стыдясъ сознаться землякамъ въ своей неудачной попыткѣ устроиться на новыхъ мѣстахъ, рисуютъ иногда въ болѣе заманчивыхъ краскахъ далекую сторону, а въ особенности свое собственное положеніе тамъ. Но тутъ легко разобратся, легко отличить истину отъ (нерѣдко крайне наивныхъ) преувеличеній. Этому помогаютъ какъ сравненіе однихъ писемъ съ другими, такъ въ особенности и сами крестьяне, доставляющіе изслѣдователю письма переселенцевъ; они охотно и нисколько не стѣсняясъ даже цѣлаго схода указывать степень довѣрія, какую можно имѣть къ словамъ автора даннаго письма и нерѣдко покрываютъ дружнымъ хотомъ его очевидныя преувеличенія.

В. Григорьевъ.

Евреи и румыны въ Венгріи.

(Письмо въ редакцію).

Было время, и весьма недавнее, всего каких-нибудь 17 — 15 лѣтъ тому назадъ, когда вся Европа занималась Венгріей и мадьярами, которыхъ, замѣтимъ кстати, она однихъ только и знала во всей Венгріи. Ихъ геройствомъ восхищались, превозносили ихъ изумительныя политическія способности и ихъ дѣйствительно великій патріотизмъ, о нихъ говорили и писали, въ особенности писали безъ конца. Не было газеты или журнала, сколько-нибудь состоятельныхъ, которые не посылали бы своихъ специальныхъ корреспондентовъ въ Венгрію и не печатали бы болѣе или менѣе правдивыхъ изслѣдованій о прошлой исторіи и о современныхъ состояніи и нравахъ мадьяръ. Словомъ, это были герои дня, временно-излюбленные баловни Европы, которая, казалось, только теперь въ первый разъ открыла присутствіе такой интересной народной группы въ своей части свѣта. Съ ними такъ носились, о нихъ столько кричали, что и гораздо болѣе скромный народъ легко могъ бы возгордиться; мадьяры же, которые никогда не страдали избыткомъ скромности, напротивъ, преисполнены самомиѣнія, какъ никто въ мірѣ, естественно должны были вообразить себя центромъ всего живущаго. Но интересъ, внезапно возникшій, внезапно же и исчезъ. Дѣло въ томъ, qu'ils ne gagnent pas à être connus, бѣдные мадьяры. У нихъ есть хорошія и симпатичныя стороны, но есть и весьма антипатичныя, а условія ихъ быта, въ особенности политическаго, таковы, что мало-мальски добросовѣстное изученіе неизбѣжно должно было и изучающихъ, и ихъ читателей скорехонько разочаровать въ мадьярахъ. Такъ это и случилось. Теперь не только мадьяры давнымъ-давно уже перестали быть предметомъ восторженныхъ похвалъ, но и вся Венгрія вообще интересуется Европу лишь какъ часть Габсбургской монархіи и по столько, по сколько судьбы ея связаны съ послѣдней. Это отсутствіе интереса упорно продолжается даже и въ настоящую минуту, хотя именно теперь въ Венгріи происходятъ событія, заслуживающія вниманія отнюдь

не менѣе, чѣмъ стремленіе (въ сердцѣ и въ мечтахъ мадьярскихъ патриотовъ) навѣки утвердить мадьярскую гегемонію *ausgleich* 1867 года. Я говорю объ антисемитскомъ движеніи, которое въ послѣднее время приняло тамъ такіе размѣры, въ какихъ Европа давно уже не видала его.

Для насъ, русскихъ, Венгрія вообще никогда не можетъ такъ всецѣло утратить всякій интересъ, какъ она утратила его для остальной Европы. Мы, старшіе члены славянской семьи, не можемъ безучастно относиться къ странѣ, которая наполовину населена славянами и господствующая національность которой, мадьярская, сама себя называетъ «чуждымъ островомъ на славянскомъ морѣ» и своимъ историческимъ призваніемъ считаетъ борьбу на жизнь и смерть противъ объединенія славянъ. Но и помимо этого, еврейскій вопросъ самъ по себѣ имѣетъ очень большой интересъ для насъ, такъ какъ онъ является столь же жизненнымъ вопросомъ у насъ, на югѣ и на западѣ, какъ и въ Венгріи. Вотъ эти-то причины и побудили меня рассказать вамъ кое-что изъ лично видѣннаго и слышаннаго мною въ Венгріи, въ увѣренности, что ваши читатели не безъ интереса прочтутъ безпристрастное показаніе на этотъ счетъ очевидца, который такъ же мало, какъ и журналъ вашъ вообще, можетъ быть заподозрѣнъ въ юдофобствѣ. Я лично вообще никакой принципиальной ненависти къ цѣлымъ народамъ или государствамъ не признаю и, сколько мнѣ извѣстно, *Русская Мысль* тоже не заражена ею. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ журналъ вашъ, съ большой для себя нравственной выгодой, отличался вполне безпристрастнымъ, объективнымъ отношеніемъ даже и къ такимъ государствамъ и народамъ, о которыхъ у насъ многіе считаютъ почему-то нарочито обязательнымъ говорить не иначе, какъ съ пѣною у рта, тѣхъ же, кто этого не дѣлаетъ, лишать званія «русскихъ людей» и именовать антипатриотами и измѣнниками. Въ частности евреевъ я тоже не вижу причины ненавидѣть. Но, нельзя быть слѣпымъ къ ихъ недостаткамъ, нельзя не признать того, что, при извѣстныхъ условіяхъ, они являются язвой страны, въ которой поселяются, источникомъ бѣдствій и деморализаціи для туземнаго населенія. Опять и тутъ нельзя исключительно обвинять однихъ евреевъ, хотя бы уже потому, что отвѣтственность за условія, о которыхъ я говорю, лежитъ, главнымъ образомъ, на самихъ народахъ, страдающихъ отъ еврейства. Ибо условія эти ничто иное, какъ невѣжество и его неизбежное слѣдствіе — экономическое безсиліе населенія. Въ сущности еврейскій вопросъ есть собственно вопросъ народнаго образованія. Хотя евреевъ нигдѣ не любятъ (и, какъ показываетъ ихъ исторія, никогда не любили, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ), но все же тамъ, гдѣ масса умственно развита и, слѣдовательно, экономически болѣе или менѣе сильна, тамъ борьба противъ еврейства не можетъ достигнуть и дѣйствительно не достигаетъ тѣхъ крайнихъ формъ, въ какой она проявляется у насъ, въ Венгріи, въ Румыніи, въ сѣверной Германіи, точнѣе говоря, въ Пруссіи. Не слышится тамъ также и обра-

женныхъ къ правительству моленій и требованій о защитѣ противъ еврейской эксплуатаціи, объ ограниченіи гражданскихъ правъ евреевъ и т. п. Развитая масса сама въ себѣ находитъ и силы, и средства оборониться отъ чрезмѣрной эксплуатаціи, равно какъ и вести борьбу мирнымъ путемъ, не прибѣгая къ насиліямъ. Только среди невѣжественныхъ массъ, не умѣющихъ защититься иначе, наступаютъ время отъ времени бурныя вспышки, называемыя обыкновенно «избіеніемъ евреевъ». Но хотя и не единственные и даже не главные виновники, а все же и евреи не свободны отъ отвѣтственности. Не свободны потому, что разъ имъ удалось проникнуть въ какую-либо, на невысокой ступени культуры стоящую страну, они становятся въ ней тормазомъ какъ экономическаго, такъ и умственнаго развитія народа. Съ того момента, какъ евреи пускаютъ корни среди невѣжественнаго народа, культурное развитіе этого народа становится крайне затруднительнымъ, а быстрое поступательное движеніе въ этомъ отношеніи и совсѣмъ невозможнымъ, благодаря всеобщему обѣднѣнію и деморализаціи, распространяемымъ евреями вокругъ себя.

Таково именно положеніе дѣлъ въ Венгрии, всѣ народы которой, но больше всѣхъ мадьяры, находятся подъ гнетомъ еврейской эксплуатаціи. Именно подъ гнетомъ, даже подъ игомъ,—это настоящее выраженіе; другаго употребить нельзя. Иго это усиливается съ каждымъ годомъ, потому что съ каждымъ годомъ, почти можно сказать съ каждымъ днемъ евреи дѣлаютъ все болѣе успѣховъ, становятся все болѣе полновластными господами Венгрии. Необыкновенно быстрый ростъ этихъ успѣховъ съ одной стороны и столь же быстрое обѣднѣніе, главнымъ образомъ, собственно мадьярскаго крестьянства съ другой обуславливаются двумя общественными явленіями, свойственными исключительно одной Венгрии. Эти два явленія суть: первое—нигдѣ, сколько мнѣ извѣстно, кромѣ этой страны, не встрѣчающійся классъ евреевъ-крестьянъ и второе—чрезвычайная легкость переимѣны имени, позволяющая евреямъ выдавать себя за чистокровныхъ мадьяръ и, подъ прикрытіемъ мадьяризированнаго имени, проникать въ такія сферы, куда имъ безъ этого невозможно было бы попасть.

Проживательство подъ чужимъ именемъ составляетъ обычное явленіе вездѣ, гдѣ не существуетъ болѣе или менѣе строгой паспортной системы. Но такая продѣлка, если и не вездѣ преслѣдуется судомъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ Австріи, то все же и закономъ, и общественнымъ мнѣніемъ разсматривается какъ поступокъ неблаговидный, какъ обманъ, бросающій тѣнь справедливаго подозрѣнія на лицо, его совершившее. Въ Венгрии это вовсе не считается предосудительнымъ, напротивъ, усиленно поощряется и совершается законнымъ порядкомъ. Для вищаго удобства наружнаго мадьяризованія, отъ желающихъ переимѣнить свое имя не требуется даже исполненія никакихъ особенныхъ формальностей. Имъ стоитъ только заявить въ особое отдѣленіе канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ о желаніи своемъ принять такое-то имя и затѣмъ помѣстить трое-

кратное объявление о томъ въ какой-либо газетѣ (обыкновенно въ «Pester Lloyd'ъ»), такъ что теперь это сдѣлалось почти обязательнымъ). Этими и исчерпываются всѣ формальности, по исполненіи которыхъ заявившему выдаются изъ канцеляріи бумаги уже на новое, избранное имъ и отнынѣ ему законно принадлежащее имя. Нужно ли прибавлять, что евреи широкой рукой пользуются этимъ легкимъ способомъ выдавать себя за мадьяръ и водить за носъ мадьяръ настоящихъ? Въ послѣднее время общество въ Венгріи стало иначе относиться къ такимъ оборотнямъ новѣйшаго образца; но прежде оно носило ихъ на рукахъ, всячески поощряло. Аристократія вообще очень брезгливо относилась къ «жидамъ», а немногочисленная буржуазія, разумѣется, еще того брезгливѣе. Давно уже пользующіеся всѣми гражданскими правами, евреи, однако же, не имѣли входа въ общество, а равно и извѣстныхъ должности были для нихъ закрыты не закономъ, но обычаемъ. И никакія заслуги, никакія матеріальныя жертвы съ ихъ стороны не могли открыть имъ зановѣдныхъ дверей, остававшихся неумолимо запертыми передъ «жидами», хотя они и именовали себя «мадьярами моисѣева закона». Даже безспорная самоотверженность, выказанная евреями въ 1848 году, когда они, наравнѣ съ мадьярами, жертвовали и имуществомъ, и жизнію, не помогла въ этомъ отношеніи евреямъ. Общество ихъ восхваляло, стало относиться къ нимъ чрезвычайно благосклонно, но въ свою среду ихъ, все-таки, не приняло. «Свѣтъ» попрежнему оставался для нихъ сказочной, заколдованной пещерой, входъ въ которую могъ сдѣлаться доступенъ лишь при условіи знанія волшебнаго слова. Это волшебное слово, «сезомъ, отворись» тысячи и одной ночи, нашлось для евреевъ въ перемѣнѣ имени. Обратни этого рода немедленно попадали и въ свѣтъ, и на всѣ ступени служебной іерархіи, и всюду, словомъ, куда до тѣхъ поръ тщетно стремились. Такое странное отношеніе общества къ ренегатству было бы совершенно необъяснимо нигдѣ, кромѣ Венгріи, а въ ней ни въ какой средѣ, кромѣ мадьярской. Чувство чести, внутреннее нравственное сознаніе, прирожденное людямъ, даже не отличающимся честностью поступковъ, подсказало бы всякому иному человѣческому обществу, что тѣ, которые отрекаются отъ имени своихъ отцовъ, не заслуживаютъ ничего, кромѣ презрѣнія. Тутъ побудительной причиной можетъ быть только корыстный расчетъ. Было бы несправедливостью сказать, что у мадьяръ вообще мало развито чувство чести. Наоборотъ, они скорѣе страдаютъ чрезмѣрнымъ преувеличеніемъ, чѣмъ недостаткомъ въ этомъ отношеніи. Но другое чувство, почтенное и возвышенное само по себѣ, но которое они, къ сожалѣнію, тоже счумѣли неимовѣрнымъ преувеличеніемъ исказить и унижить,—чувство патриотизма, выродившееся у нихъ въ безпощадный, хищный національный эгоизмъ,—это чувство дѣлаетъ мадьяръ, въ обыденной, частной жизни такихъ добродушныхъ, деликатныхъ и щекотливыхъ въ вопросахъ чести, слѣпыми и глухими во всемъ, что, по ихъ мнѣнію, можетъ послужить на пользу ихъ національности. «Интерессы мадьяризма»,—это для нихъ *ultima ratio*, передъ которымъ умолкаетъ

голосъ и совѣсти, и чести, и даже разума. Отнюдь не могущіе быть причисленными къ образованнымъ народамъ, мадьяры, однако же, достаточно развиты, чтобы понимать, что этой единственной фразы: «мы основали государство» еще черезъ-чуръ мало для оправданія ихъ безграничнаго господства надъ всѣми прочими, населяющими Венгрію, народами, что для этого надо стоять выше ихъ качественно, превосходящимъ своей культуры, или, по крайней мѣрѣ, пересиливать хоть количественно, своей численностью. Между тѣмъ, не говоря уже о превосходствѣ культуры, котораго и въ поминѣ нѣтъ мадьяры, если не стоять ниже другихъ національностей, то ни въ какомъ случаѣ и не превосходить ни одну изъ нихъ. Только небольшая группа аристократіи можетъ до извѣстной степени претендовать на равное мѣсто въ ряду образованныхъ классовъ Европы; масса же, можно сказать, едва вышла изъ первобытнаго состоянія и рѣшительно ничѣмъ не выдѣляется изъ ряда сербовъ, словаковъ, румынъ и пр., ничѣмъ, кромя, повидимому, органически свойственной мадьярамъ необыкновенной лѣни, доходящей у мадьярскаго простонародья до отвращенія и презрѣнія къ труду. Мадьяры и численностью не только не превосходятъ прочіе народы, но уступаютъ имъ значительно. И въ этомъ послѣднемъ отношеніи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, тщательно ведущаяся здѣсь статистика приводитъ къ заключеніямъ, совершенно для бѣдныхъ мадьяръ безнадежнымъ. Именно оказывается, что хотя въ общемъ народонаселеніе Венгрии и увеличивается, но увеличеніе это все приходится на долю инородцевъ; мадьярское же населеніе, вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, мѣстами остается численно неподвижнымъ, мѣстами же уменьшается. Русскому читателю, гражданину могущественной, громаднѣйшей въ мірѣ имперіи, сыну многомилліоннаго народа, національности котораго не грозитъ ни откуда и никакая опасность, невозможно даже и представить себѣ, какое горькое, страдальческое чувство тоски и безнадежнаго унынія возбуждаетъ въ сердцѣ образованнаго мадьяра эта маленькая статистическая табличка, безъ словъ говорящая ему, что, помимо всѣхъ прочихъ опасностей, обусловливаемыхъ географическимъ положеніемъ и историческими условіями, его народъ, его такъ нѣжно и страстно любимый народъ самой природой обреченъ на смерть и суровый приговоръ этотъ уже исполняется. Только мать, на глазахъ которой неизлечимо-больной ребенокъ ея медленно чахнетъ и увядаетъ, съ каждымъ днемъ приближаясь къ неотвратимой могилѣ, только такая несчастная мать можетъ понять во всей ихъ горькой полнотѣ ощущенія мадьяръ, видящихъ, какъ ихъ народъ вырождается и гибнетъ, а вотъ тутъ рядомъ, вокругъ него всѣ эти сербы, румыны, словаки, русины и пр., которыхъ они считаютъ неизмѣримо ниже и хуже себя, преспокойно плодятся, множатся и наполняютъ землю, *изъ* землю, ихъ возлюбленную, дорогую Венгрію, за которую они пролили столько своей, мадьярской крови и сейчасъ готовы положить жизнь всѣ до послѣдняго... Удивительно ли, что какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и мадьяры увлеклись иллюзіей, будто соединеніе съ еврействомъ, этимъ изу-

нительно выносливымъ, одареннымъ такой могучей живучестью народнымъ элементомъ можетъ укрѣпить мадьярскій народъ и сообщить ему хоть часть той жизненной энергіи и силы, которой ему не достаетъ, а у евреевъ имѣется въ такомъ избыткѣ. Къ этому присоединилось еще общеизвѣстное въ 1867 года обратившееся у нихъ положительно въ *idée fixe* стремленіе мадьяръ «образовать націю», тоже, разумѣется, въ видахъ оправданія и упроченія своего политическаго господства. Сколько-нибудь дѣйствительному достиженію всѣхъ этихъ цѣлей могло бы до извѣстной степени содѣйствовать допущеніе смѣшанныхъ браковъ христіанъ съ евреями. При этомъ, и только при этомъ условіи никогда не старѣющая, вѣчно кипящая жизненной энергіей кровь семитовъ могла бы, можетъ быть, смѣшавшись съ разжиженной и выродившейся кровью туранцевъ, вдохнуть новую жизнь въ дряхлѣющій организмъ мадьярскаго народа и если не спасти, то, во всякомъ случаѣ, продлить его жизнь. И надо замѣтить, что, въ противность своему вѣковому обычаю, заставляющему ихъ избѣгать родственныхъ связей съ христіанами, евреи въ Венгріи усиленно и упорно добивались разрѣшенія смѣшанныхъ браковъ. Но по странному противорѣчію, рѣшительно ужъ ничѣмъ логически и разумно не объяснимому, мадьяры такъ же упорно всегда въ этомъ отказывали. Читатели знаютъ, что даже въ нынѣшнемъ, 1884 году, министръ-президентъ Венгріи, Коломанъ Тисса, принужденъ былъ, въ виду сильнѣйшей оппозиціи магнатовъ, взять назадъ внесенный было имъ въ парламентъ законопроектъ о смѣшанныхъ бракахъ. Отвращеніе мадьяръ вообще и аристократіи ихъ въ особенности къ самой мысли о смѣшанныхъ бракахъ таково, что они, обыкновенно доводящіе свою ревность къ мадьярской самостоятельности до нечѣпости, подчасъ до смѣшного, на этотъ разъ не задумались пригласить австрійскихъ магнатовъ, имѣющихъ на то право (которымъ они, разумѣется, никогда не пользуются), явиться въ Пешть и занять свои мѣста въ палатѣ господъ. И не слѣдуетъ думать, что это сдѣлано было исключительно ради партійныхъ интересовъ, съ тѣмъ, чтобы свергнуть нелюбимаго аристократіей Тиссу. Совсе нѣтъ; по крайней мѣрѣ, отнюдь не ради этого одного, ибо вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ всегда и прежде встрѣчалъ точно такую же энергическую оппозицію. А, между тѣмъ, тѣ же магнаты носились, какъ съ писанной торбой, съ евреями, перемѣнявшими имя, и открывали имъ двери своихъ домовъ...

Пусть, кто можетъ, объяснитъ это логическое противорѣчіе; я знаю только одно, что послѣдствія его для мадьяръ были и остаются самыя печальныя. Статистическія карточки, украсившись множествомъ чисто мадьярскихъ именъ, стали являть нѣсколько болѣе утѣшительное для мадьяръ зрѣлище и таблицы съ ихъ цифрами, изъ года въ годъ показывающими увеличеніе мадьярскаго элемента, тоже доставляли пріятную иллюзію, скрывая отъ глазъ непосвященныхъ дѣйствительное положеніе дѣла. Но сущность его отъ этого не измѣнилась, а передъ евреями открылось такое ши-

рокое поле дѣятельности, какого они, при всей своей изворотливости, при всѣхъ своихъ несмѣтныхъ капиталахъ, нигдѣ и никогда еще не могли себѣ создать. Вся торговая жизнь—что несомнѣнно хуже того—вся умственная жизнь страны находится почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Расскажу два маленькія случившіяся со мною приключенія, заставившія меня обратить особенное вниманіе на этотъ предметъ и затѣмъ, такъ какъ я старался тщательно провѣрять каждое наблюденіе, скоро фактически убѣдился, что это дѣйствительно такъ.

Осенью 1881 года случилось мнѣ быть въ Пештѣ и, между прочимъ, видѣться съ министромъ - президентомъ Тиссой. Аудіенція была назначена утромъ, въ 10 часовъ. Вечеромъ я вспомнилъ, что у меня нѣтъ свѣжихъ перчатокъ, а такъ какъ это неудобное изобрѣтеніе тлетворной западной цивилизации необходимо въ такихъ случаяхъ, то я рѣшился было, разумѣется, не безъ подобающихъ проклятій Западу, идти покупать перчатки. Но тутъ кто-то пришелъ, задержалъ меня, заговорили, заспорили — безъ этого нельзя же, и я совсѣмъ забылъ о перчаткахъ. Ну, думаю поутру, ничего, ѣхать недалеко, времени еще много, успѣю. Выхожу, направляюсь къ знакомому, ближайшему магазину — запертъ. Иду дальше — заперто. Дальше, дальше, поварачиваю въ одну улицу, въ другую, въ третью — все заперто кругомъ, нѣтъ ни одного открытаго магазина, даже булочныя и табачныя лавочки, и тѣ 9 изъ 10-ти стоятъ съ огромными замками на запертыхъ дверяхъ. Между тѣмъ, день будній и въ городѣ все спокойно, никакихъ волненій нѣтъ и въ подозрѣніи, почему бы, казалось, прекращать торговлю? Недоумѣвая, иду все далѣе, хотя съ ужасомъ замѣчаю, что уже около половины десятаго. Наконецъ, о, радость! вижу открытый магазинъ и въ немъ въ огнѣ висятъ прелестныя лайковыя перчатки. Ворваться туда, какъ бомбѣ, купить перчатки и тутъ же надѣть ихъ было дѣломъ одной минуты. Но когда сердце мое успокоилось насчетъ перчатокъ, въ немъ тѣмъ сильнѣе заговорило любопытство.

— Скажите,—обратился я къ торговцу,—что сегодня за день? Я православный и плохо знакомъ съ католическимъ календаремъ. Какой у васъ праздникъ?

— Т.-е. у насъ, у католиковъ, вы спрашиваете? Никакого.

— Можетъ быть, какой-нибудь національный праздникъ, историческій, памятный день?

— Нѣтъ, и этого нѣтъ.

Торговецъ (это былъ нѣмецъ, а нѣмцы не любятъ мадьяръ) лукаво улыбаяся, глядя на мое возрастающее недоумѣніе.

— Такъ почему же,—продолжалъ я расспросы,—у васъ все заперто? Отчего вся торговля въ городѣ прекращена?

— Потому что сегодня новый годъ.

Надо было видѣть это выраженіе язвительной насмѣшки, разлившейся по жирному лицу нѣмца, когда на мой изумленный вопросъ: «Какъ новый

годъ? Въ сентябрь-то!» онъ спокойно отвѣтилъ мнѣ: «Ну, да, еврейскій новый годъ».

— Господи помилуй! Такъ у васъ, значить, 99 торговцевъ изъ 100 еврей?

— Я не венгерець, я изъ Австріи,—исправилъ меня нѣмецъ.—А здѣсь это такъ и даже больше того. Вы смѣло можете сказать 199 изъ 200.

— Да не можетъ быть!

— Провѣрьте сами; проѣзжайтесь по городу, увидите. Сегодня и завтра открыты только нѣмецкіе магазины.

— Нѣмецкіе? А мадьярскіе развѣ тоже закрыты? Это же почему? Ужели они такъ далеко заводятъ свое уваженіе къ еврейству, что даже не торгуютъ въ еврейскіе праздники?

Нѣмецъ помолчалъ минуту, видимо любясь моимъ невѣдніемъ, и потомъ съ презрительной усмѣшкой небрежно отвѣтилъ:

— О, нѣтъ, конечно. Мадьярскіе магазины не открываются просто потому, что ихъ вообще нѣтъ въ Пештѣ.

— Какъ! Во всемъ городѣ?

— Во всемъ. На окраинахъ есть кое-какія лавчонки, преимущественно ремесленныя и съѣстные, а въ городѣ нѣтъ.

Пораженный изумленіемъ, я молча смотрѣлъ на своего собесѣдника и, должно быть, лице мое, помимо моей воли, выразило недовѣріе, потому что онъ снова повторилъ свой прежній совѣтъ: «провѣрьте, посмотрите».

Натурально, я, тотчасъ послѣ аудіенціи, взялъ коляску и поѣхалъ по городу, не пропуская ни одной улицы. Мой нѣмецъ былъ правъ. Во всемъ Пештѣ открытыхъ магазиновъ оказалось счетомъ 23 — даже двухъ дюжинъ полныхъ не набралось, да и тѣ всѣ нѣмецкіе. Съ тѣхъ поръ, отправляясь въ какой бы то ни было городъ въ Венгріи, я всегда норовилъ или пріѣхать въ субботу, или дождаться тамъ этого дня и вездѣ встрѣчалъ то же самое, что въ Пештѣ, т. е. огромное большинство лавокъ запертыми, а немногія открытыя—принадлежащими либо нѣмцамъ, либо румынамъ, либо славянамъ, смотря потому, въ какой мѣстности я находился. Въ мадьярскомъ государствѣ мадьяръ торговцевъ нѣтъ (не безусловно, конечно, одинъ или полтора % ихъ наберется, но развѣ это можно считать?).

Случай какъ разъ въ этомъ же родѣ выпалъ мнѣ на долю и по отношенію къ высшей интеллигенціи венгерской столицы. Пріѣхалъ я туда гораздо раньше сентябрьскаго «новаго года», мѣсяца за два еще, и, разумѣется (кто изъ иностранцевъ бывалъ въ Пештѣ, тотъ знаетъ по опыту, что это дѣйствительно разумѣется само собою), успѣлъ перезнакомиться съ половиной города, а съ представителями интеллигенціи, печати и университета положительно со всеми, какіе только были въ то время въ столицѣ.

Въ числѣ моихъ знакомыхъ былъ одинъ чрезвычайно скромный и милый человѣкъ, издатель маленькаго иллюстрированнаго журнала, котораго,

т.-е. издателя, я назову Миклоше (хотя это не настоящее его имя) и съ которымъ мы сошлись особенно дружески. Въ немъ было что-то дѣтски-наивное и простосердечное и онъ по-дѣтски же сразу привязался ко мнѣ и не отходилъ отъ меня по цѣлымъ днямъ. Затѣвается ли въ городѣ что-нибудь, что можетъ интересовать иностранца: концертъ, регаты, балъ съ благотворительною цѣлю, митингъ, политическая демонстрація съ факель-цугомъ — Миклоши тутъ какъ тутъ съ билетами для насъ обоихъ и спеціальнымъ приглашеніемъ для меня. Всѣ немногочисленныя достопримѣчательности города онъ мнѣ показаль, свозилъ на всѣ пуниты, откуда красивый видъ открывается, доставляль мнѣ нужныя книги, терпѣливо переводилъ мадьярскія газеты, привозилъ ко мнѣ разныхъ чѣмъ-либо выдающихся лицъ, которыхъ я желалъ видѣть, къ другимъ сопровождалъ меня, словомъ, *il me faissait les honneurs de Pest* самымъ неутомимымъ и заботливымъ образомъ. Особенно усиливались его попеченія каждый разъ, какъ кто-нибудь позволяль себѣ оскорблять мое національное чувство враждебными отзывами о Россіи и русскихъ въ моемъ присутствіи. Хотя онъ обыкновенно молчалъ и даже не разъ уходилъ, чтобы не увлечься до вспышки, но по лицу его видно было, что такія рѣчи возмущали его до глубины души, и онъ неизмѣнно старался съ удвоенною нѣжностію и предупредительностію пендись обо мнѣ, какъ бы желая заставить меня забыть неприличные выходки его соотечественниковъ. Я его положительно полюбилъ за это и только ради того, чтобы не огорчать его, старался по возможности менѣе рѣзко обрывать руссофобовъ. Но разъ даже моего терпѣнія не хватило, до того недѣльный вздоръ несъ одинъ очень извѣстный профессоръ, пользующійся нѣкоторымъ авторитетомъ даже и за предѣлами Венгрии. Не надо забывать, что это было непосредственно послѣ берлинскаго конгресса, когда, съ одной стороны, шовинизмъ, съ другой — панической страхъ мадьяръ передъ совершившейся противъ ихъ воли окупаціей Босніи и Герцеговины были до крайности возбуждены. По выходѣ этого профессора я сказалъ блѣдному отъ негодованія Миклоши:

— Ну, баста, дружище; больше вы меня не будете ни съ кѣмъ знакомить и я самъ не стану знакомиться.

— Пожалуйста, припомните и не забывайте никогда, прошу васъ, что я самъ познакомилъ васъ только съ П. У. и гр. А. А., съ остальными же вы познакомились сами, а которыхъ я вамъ и представилъ, то лишь по вашей личной просьбѣ.

— Да, помню, но будьте спокойны: больше васъ беспокоить я не стану, потому что вообще не хочу больше знакомиться съ мадьярами.

— Почему?

— Потому что... Послушайте, Миклоши, не разсердитесь на меня, пожалуйста. Право же, васъ лично я очень цѣню и даже люблю, но ваши соотечественники... Не стану отрицать, большинство изъ нихъ милые, радушные, привѣтливые и любезные люди, но — будьте справедливы, со-

знайтесь сами — развѣ все это не отъявленные шовинисты и, притомъ же...

— Что-жъ вы остановились? Вы хотѣли сказать — глупые шовинисты.

— Да, неумные. Ну, можно ли человѣку, имѣющему претензію быть здравомыслящимъ, говорить такую совершеннѣйшую чепуху, какую мы только что слышали, а, вѣдь, намъ уже не разъ приходилось выслушивать ее. Я не знаю настроенія массы, я ее не видалъ, но, судя по интеллигенціи, съ вами, мадьярами, не только никакое политическое соглашеніе, но и простой, академическій разговоръ вести нельзя, не стоитъ.

Изъ блѣднаго блѣдный Миклоши сдѣлался вдругъ краснымъ, какъ ракъ.

— А вы не разсердитесь, если я въ свою очередь скажу вамъ кое-что?

— Разумѣется, нѣтъ; говорите. Я даже радъ былъ бы, еслибъ вы мнѣ тоже что-нибудь не особенно приятное сказали.

— Это чтобы пріобрѣсти еще больше воображаемаго права не влюбить мадьяръ? Нѣтъ, ужъ такое удовольствіе сохрани меня Богъ доставить вамъ. Я не о Россіи хочу говорить — о васъ самихъ.

— А! Ну, такъ ужъ не разсержусь навѣрное, говорите смѣло.

— Вотъ что. Какъ это такой человѣкъ, какъ вы есть, и, притомъ, журналистъ, политическій корреспондентъ большой газеты, можете говорить такъ категорически, произносить такой безапелляціонный приговоръ надъ мадьярами, когда вы, кромѣ вашего покорнѣйшаго слуги да гр. А., ни съ однимъ мадьяромъ двухъ словъ не перемолвили?

Я даже остановился при этомъ вопросѣ и буквально выпучилъ глаза на Миклоши.

— Миклоши, мой другъ, въ своемъ ли вы умѣ? Какъ такъ ни съ однимъ мадьяромъ двухъ словъ не перемолвилъ? Да я ихъ знаю нѣсколько десятковъ.

— Только двухъ: меня и А.

— А прочіе-то кто же? Вы знаете всѣхъ, съ кѣмъ я знакомъ—кто они? Бѣдняга смутился и замаялся. Ему, видимо, было тяжело вымолвить то слово, которое, однако же, надо было сказать.

— Они,—прошепталъ онъ, наконецъ,—они — евреи.

— И У., и П. тоже?

— Нѣтъ. Но они тоже не мадьяры; они славяне.

— А всѣ остальные сплошь евреи?

— Да.

Предоставляю вамъ судить о моемъ положеніи. Я два мѣсяца жилъ въ Пештѣ, перезнакомился со множествомъ людей, узналъ, какъ мнѣ казалось—а, впрочемъ, и въ дѣйствительности такъ было—сливки мадьярской интеллигенціи—и во всей массѣ этихъ сливокъ оказалось всего двѣ чисто мадьярскія капли! Да и изъ этихъ капель—одна, гр. А., политическій дѣятель, другая—мой пріятель Миклоши, самый скромный, ничѣмъ, кромѣ своей доброты и любезности, не выдающійся журналистъ. Между же дѣйстви-

тельно выдающимися, вліятельными писателями, между профессорами и учеными, сколько-нибудь замѣтными, совсѣмъ не было мадьяръ, ни одного! Это все были евреи, одни евреи, съ небольшою примѣсью славянъ и нѣмцевъ. Высшая интеллигенція Венгрии оказывалась, по составу своему, совершенно однородной съ торговой буржуазіей: въ ней царить и ею управляютъ еврей. Мадьяры наши враги. Они ненавидятъ всѣхъ вообще славянъ и насъ, русскихъ, въ особенности. Какъ врагамъ, я, разумѣется, и самъ не могъ имъ очень симпатизировать. Но, признаюсь, когда я слышалъ только что сказанное, я почувствовалъ, какъ у меня сжимается сердце отъ жалости къ этой несчастной «господствующей націи», которая, сама того не замѣчая, оказывалась въ худшемъ и болѣе гибельномъ подчиненіи, чѣмъ то, въ которомъ она такъ усердно старается удержать другихъ. Можетъ быть, этому невольному движенію способствовала стоявшая передо мною пристыженная фигура Миглоши, на лицѣ котораго явственно отражалась глубокая скорбь.

— Боже милосердый! Мой бѣдный другъ, вѣдь, это ужасно-то, что вы говорите, ужасно для васъ, мадьяръ!

— Да, ужасно: Такъ ужасно и такъ стыдно, что я до сихъ поръ не могъ рѣшиться сказать вамъ правду.

— И неужели же настоящихъ мадьяръ такъ-таки совсѣмъ нѣтъ среди сферъ, руководящихъ умственной жизнью страны?

— Мало. Всѣ наши интеллигентныя силы уходятъ на политику, а на долю науки, искусствъ, промышленности и торговли не остается почти ничего. Что же касается нашей печати, то вы теперь знаете, что она, за немногими исключениями, находится безусловно въ еврейскихъ рукахъ, да и исключеніе-то составляютъ самые ничтожные, бѣдные, не пользующіея никакимъ вліяніемъ органы.

Въ Венгрии вообще трудно, почти невозможно отыскать хоть одно дворянское имѣніе, хоть одинъ клочекъ крестьянской земли, которые не находились бы въ залогѣ у еврея, и также трудно встрѣтить человѣка, къ какому бы классу онъ ни принадлежалъ, который не состоялъ бы должникомъ одного или нѣсколькихъ евреевъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что земельная собственность въ Венгрии фактически вся сплошь принадлежитъ евреямъ. Исключительно въ ихъ же рукахъ находятся и всѣ кредитныя учрежденія, отъ крупныхъ до самыхъ мельчайшихъ, не говоря уже о ростовщичествѣ, которое тамъ достигаетъ едва вѣроятныхъ размѣровъ. 10% въ мѣсяць, напримѣръ, считается умѣреннымъ, божескимъ процентомъ. Большинство кредиторовъ, особенно крестьянъ, лѣнниковъ, беспечныхъ, мало развитыхъ и потому сплошь нуждающихся, платитъ отъ 240 до 500 и болѣе процентовъ (10% въ недѣлю), не считая личнаго труда на евреевъ, который почти всегда идетъ не въ зачетъ. Въ послѣдніе же годы, т.-е. собственно со времени вступленія въ министерство Тиссы, евреи проникли и въ высшее финансовое управленіе страны. При

ихъ извѣстномъ, дѣлающемъ ихъ почти необходимыми въ экономической борьбѣ, племенномъ корпоративизмѣ, легко судить, какъ это отражается на интересахъ государства и населенія.

Но что производитъ особенно тяжелое впечатлѣніе на посторонняго наблюдателя и что, по моему мнѣнію, составляетъ одну изъ самыхъ болѣзненныхъ и собственно для мадьярскаго народа зловреднѣйшихъ сторонъ здѣшняго еврейства, это упомянутый уже выше, невиданный и невѣроятный въ другихъ европейскихъ странахъ, классъ евреевъ-крестьянъ. Крестьяне эти разселены исключительно въ средней части государства. въ чисто же мадьярскихъ мѣстностяхъ, на окраинахъ, среди инородцевъ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Что за жалкія поселенія эти еврейскія деревни и какой существенный вредъ приносятъ онѣ окружающимъ мадьярскимъ поселеніямъ, это можетъ понять вполне только тотъ, кто ихъ самъ видѣлъ. Не видавши, невозможно представить себѣ эту грязь, это убожество человѣческихъ жилищъ и эту низкую степень земледѣльческой культуры. Собственно земледѣльчествомъ еврей-крестьяне не занимаются вовсе. Особенно женщины даже и не касаются полевыхъ работъ, а мужчина пахарь пли жнецъ составляетъ рѣдчайшее исключеніе. Они часто нанимаютъ батраковъ, но въ большинствѣ на нихъ работаютъ находящіеся у нихъ кругомъ въ долгу мадьярскіе поселяне. Сами же евреи занимаются шинкарьствомъ, скупкой и продажей сельскихъ продуктовъ и факторствомъ всякаго рода. Въ числѣ главныхъ и наиболѣе выгодныхъ ихъ занятій фигурируетъ, между прочимъ, и то, которымъ они вообще нигдѣ не брезгаютъ: скупка краденыхъ вещей. Цѣлыя семьи спеціально заняты передѣлкой этихъ вещей, другія — передачей ихъ живущимъ подалеже соплеменникамъ своимъ. третья — препровожденіемъ ихъ въ города и перепродажей тамъ. Въ матеріалъ для такой почтенной спеціальности недостатка никогда не бываетъ. потому что окрестное крестьянское населеніе, деморализованное поголовной нищетой, съ своей стороны, занимается не только воровствомъ, но и грабежемъ на большихъ дорогахъ. Вѣзда по этимъ послѣднимъ настолько не безопасна именно въ чертѣ осѣдлости еврейскаго крестьянства, что порядочные, честные ящики ни за какія деньги не соглашаются вести пассажира ночью, развѣ ихъ соберется нѣсколько заразъ и всѣ вооруженные. Думаю, излишне прибавлять, что среди крестьянъ въ этихъ мѣстностяхъ царствуетъ ужасающее невѣжество, тогда какъ грязные, на видъ убогіе крестьяне-евреи посылаютъ своихъ дѣтей въ городскія школы, а нерѣдко и въ университеты.

Инициатива начавшагося нынѣ въ Венгріи антисемитскаго движенія прошла не снизу, а сверху, принадлежитъ не крестьянству, а парламентскому кружку. Пештская печать, какъ уже сказано, почти сплошь находится въ рукахъ евреевъ. Я нигдѣ неоднократно случай лично убѣдиться, что большія газеты не только издаются, редактируются и пишутся, но даже набираются, упаковываются и рассылаются евреями. Газеты эти чуть не съ пѣною

у рта отрицаютъ фактъ чрезвычайнаго развитія этого движенія въ Венгрии, увѣряя, будто это явленіе чисто мѣстное, временное, произведенное гнусной агитаціей небольшой кучки злонамѣренныхъ фанатиковъ. Но это положительная неправда. Неправда и то, будто это явленіе чужеродное, занесенное въ Венгрію извнѣ и именно изъ Германіи. Напротивъ, оно вполне туземное, всецѣло зародилось, выросло и созрѣло на венгерской почвѣ, воспитанное всѣми условіями общегитія этой страны. Насколько нерасположеніе къ этимъ послѣднимъ остаткамъ семитическаго племеніи глубоко проникаетъ въ классы мадьярскаго общества, это достаточно показалъ извѣстный тисса-эсларскій процессъ. Въ настоящее время антисемиты уже не могутъ въ Венгрии именоваться *крутой*; это *партія* и, притомъ, вліятельная, многочисленная и могущественная сила, съ которой приходится очень и очень снаться. Эта-то партія и представляетъ собою главнаго врага Тиссы,—врага, который непремѣнно при нынѣшнихъ выборахъ поборолъ бы его, еслибъ къ нему не подоспѣла неожиданная, помощь съ одной стороны въ видѣ примирительнаго движенія сербовъ и румынъ, впервые рѣшившихся принять дѣятельное участіе въ общей политической жизни страны, съ другой — извѣстное дѣло о поставкѣ скота въ Вѣну,—дѣло, въ которомъ Тисса доставленъ былъ случай появиться въ обычной его благородной и всегда производящей на мадьяръ одинаковый эффектъ роли энергическаго защитника мадьярскихъ интересовъ и самостоятельности.

Но всего больше мѣшаетъ быстрѣйшему развитію антисемитическаго движенія и успѣху антисемитовъ, какъ парламенской партіи, то обстоятельство, что къ ней пристала и въ ней растворилась прежняя, такъ называемая партія «независимости». Всѣ эти господа Гельфи, Баллы, Шимони и т. п. издавна составляютъ притчу во языцѣхъ въ Венгрии и ихъ участіе только вредитъ дѣлу антисемитовъ. Ибо тотъ ни съ чѣмъ несообразный вздоръ, который они обыкновенно городятъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, пересыпанная его радикальными фразами и громкими словами насчетъ независимости отъ Австріи, и тѣ скандалы, которые они постоянно производятъ въ палатѣ, сдѣлавшейся, благодаря имъ, театромъ чисто уличныхъ перебранокъ и чуть не дракъ, все это пугаетъ и отталкиваетъ образованное общество отъ партіи, считающей этихъ молодцовъ въ числѣ своихъ передовыхъ дѣятелей. Тѣмъ не менѣе, насколько мнѣ извѣстны отношенія въ Венгрии, я убѣжденъ, что успѣхъ тамъ антисемитовъ обезпеченъ, что партія ихъ будетъ расти и крѣпнуть съ каждымъ днемъ.

Если положеніе и дѣятельность евреевъ въ Венгрии представляетъ сплошной рядъ темныхъ и грустныхъ картинъ, то положеніе румынъ, напротивъ, должно отрадно дѣйствовать на душу каждаго друга истинныхъ культуры и прогресса, которому дороги интересы челоѣчества и развитія среди него идей гуманности и солидарности людей между собою.

Судьба венгерскихъ румынъ въ высшей степени замѣчательна тѣмъ

въ особенности, что она являетъ необыкновенно типическій образецъ народной живучести и могущества животворящей силы національной идеи. Невозможно представить себѣ, до какой низкой степени паденія дошелъ было этотъ народъ, считающій свою историческую жизнь тысячелѣтіями, — народъ, происходящій отъ римлянъ и когда-то бывшій господномъ и повелителемъ Дакии. Безжалостная и безпощадная, какъ сама природа, исторія была для него злой мачихой—не матерью. Точно будто одушевленная какой-то особенной, сознательной ненавистью къ нему, она карала его такъ, какъ никогда ни одинъ народъ въ мірѣ. Подъ ея жестокими ударами ния *валаха* сдѣлалось на всемъ европейскомъ востокѣ символомъ презрѣнія, стало браннымъ словомъ и, притомъ, самой оскорбительной и унижительной бранью. Бывшіе цивилизаторы, принесшіе культуру въ варварскую страну, низведены были на степень жалкаго скопича какихъ-то двуногихъ скотовъ, только способностью издавать членораздѣльные звуки отличавшихся отъ своихъ четвероногихъ собратій. Владыки и господа превратились въ крѣпостныхъ рабовъ. И какое это было рабство! Страшное, неслыханное, безпримѣрное въ исторіи. Не то, чтобы крѣпостное право было въ Венгріи (мы говоримъ собственно о венгерскихъ валахахъ, или, какъ они теперь именуются, румынахъ) болѣе варварскимъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, или мадьяры отличались особенно звѣрской жестокостію. Нѣтъ, венгерскіе крѣпостники были не лучше и не хуже другихъ. Безпримѣрный ужасъ положенія валаховъ заключался въ томъ, что они сами не понимали и не чувствовали его, не выказывали ни малѣйшаго стремленія къ освобожденію. Они свое рабство переносили совершенно такъ, какъ переносятъ его домашніе животные: спокойно, апатично, очевидно, безъ проблеска мысли, что можетъ быть для нихъ иное положеніе въ мірѣ. Презираемые всѣми, даже такими же рабами, какъ и они, только не мирившимися съ своимъ рабствомъ, какъ, на примѣръ, сербы, валахи свыклись съ своимъ положеніемъ парій и не думали искать выхода изъ него. Они одичали, вернулись къ животному состоянію, въ буквальномъ смыслѣ этихъ страшныхъ словъ. Довольно сказать, что они мѣстами вновь обратились въ номадовъ, позабыли осѣдлую жизнь, къ которой ихъ возвратила было Марія-Терезія. А когда Іосифъ II, эта великая, свѣтлая личность, такъ плохо оцѣненная своими современниками и въ особенности благодѣтельствованными имъ подданными, не смущаясь разсказами о звѣроподобіи валаховъ, учредилъ для нихъ школы и освободилъ ихъ отъ крѣпостной зависимости, несчастные—странно вымолвить—возстали противъ него. Повинуясь своимъ господамъ, они взяли за оружіе и дрались. Дрались за то, чтобъ снова сдѣлаться рабами... Можетъ ли человѣческое существо пасть ниже этого? Можно ли придумать положеніе болѣе трагическое, какъ такое паденіе цѣлаго народа?

Желаніе несчастныхъ «революціонеровъ» исполнилось—они опять стали крѣпостными, но исполнилось лишь отчасти: крѣпостничество было слом-

лено, подрѣзано въ корню и не могло болѣе возродиться въ прежней силѣ. Противъ его воли, животворящій духъ человѣчности, духъ свободы коснулся этого народа своимъ дуновеніемъ и, подъ вліяніемъ онъ злополучный сталъ понемногу оживать. Появилось полуинстинктивное, полусознательное стремленіе къ человѣческимъ условіямъ существованія. Школа и наполеоновскія войны, такъ сильно способствовавшія быстрому развитію національной идеи, довершили возрожденіе венгерскихъ валаховъ. 1848 годъ засталъ уже ихъ во всеоружіи національнаго самосознанія. Это было уже не стадо говорящихъ полуживотныхъ, это былъ *народъ, нація*, понимающая свои права и требующая ихъ осуществленія. И страшно мстия валахи своимъ прежнимъ господамъ и угнетателямъ. Они возродились, относительно развились, но отъ прежняго мрачнаго униженія у нихъ остались еще звѣрскіе инстинкты, выразившіеся въ превосходящихъ всякое вѣроятіе, безчеловѣчныхъ жестокостяхъ, которыя они совершали надъ мадьярами. Лишнее прибавлять, что они, какъ и хорваты, и сербы—последніе, не уступая валахамъ въ жестокости—шли съ Габсбургами противъ мадьяръ. Въ томъ же 1848 г., именно послѣ сраженія при Блазендорфѣ, гдѣ они принимали дѣятельное участіе, валахи подали императору петицію, прося разрѣшенія называться отнынѣ не «валахами», а «румынами» (они произносятъ «румунъ»). Выйдя изъ тысячелѣтняго униженія, кровью купивъ себѣ право занять мѣсто между людьми, они не хотѣли больше носить и имя, напоминавшее ихъ недавнее жалкое прошлое. Это разрѣшеніе было дано имъ и съ тѣхъ поръ валахи уже не останавливались на пути интеллектуальнаго и политическаго развитія. Образование изъ дунайскихъ княжествъ Молдавіи и Валахіи единой Румыніи дало, разумѣется, венгерскимъ румынамъ сильный толчекъ и, въ то же время, опору, центръ, къ которому они стали неудержимо и страстно стремиться. Туда хлынула вся, успѣвшая уже образоваться, довольно многочисленная интеллигенція ихъ; но хлынула не съ тѣмъ, чтобы тамъ и остаться, нѣтъ, а только чтобы тамъ, на родной почвѣ, среди роднаго народа получить образованіе и съ нимъ вернуться домой и дома служить дѣлу дальнѣйшаго національнаго развитія. За послѣднія 10—15 лѣтъ въ австрійскихъ университетахъ можно было лишь рѣдко встрѣтить венгерскаго румына, а въ венгерскихъ и совсѣмъ нельзя; они всѣ воспитываются въ Румыніи. Национальный патріотизмъ во всѣхъ классахъ доходитъ до фанатизма. Онъ настолько силенъ, что разнища вѣроисповѣданія — примѣръ почти единственный въ исторіи — нисколько не вліяетъ на взаимныя отношенія румынъ. Православные, униаты, католики (такихъ очень мало, но все же есть), прежде всего, румыны и, какъ таковые, крѣпко держатся другъ друга. У православныхъ и униатовъ священники всегда, разумѣется, разные, но храмъ зачастую одинъ и не было примѣра, чтобы изъ-за этого происходили недоразумѣнія. Своего политическаго тяготѣнія къ Румыніи венгерскіе румыны никогда не старались скрывать. Они не кричали объ этомъ, какъ сербы, никогда не по-

падались въ сепаратистскихъ интригахъ, но центробѣжныя стремленія ихъ были ясны для каждаго; все ихъ поведеніе, весь обиходъ доказывалъ, что они, подобно своимъ независимымъ братьямъ, ждутъ удобнаго момента и готовятся воспользоваться имъ, радѣя больше и прежде всего о народномъ образованіи. У румынъ въ 1880 г. было до 3,000 народныхъ школъ, т. е. больше, чѣмъ у самихъ мадьяръ и даже у нѣмцевъ. Количество это увеличивается съ каждымъ годомъ и часть этихъ школъ содержится на частныя средства. Отъ политической жизни они безусловно держались въ сторонѣ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, со стороны кажущееся невыгоднымъ для нихъ обстоятельство, что Бонаръ и Трансильванія были представляемы въ парламентѣ исключительно мадьярами и нѣмцами. Ни одинъ румынъ никогда даже не появлялся у избирательной урны. Словомъ, они примѣнили къ мадьярскому государству ту самую систему молчаливаго протеста, пассивной оппозиціи, которую сами мадьяры съ такимъ успѣхомъ практиковали между 1848 и 1867 гг. относительно Австріи. Если спросить мадьяръ, какъ они смотрѣли на это поведеніе румынъ, они всѣ до одного дадутъ горделивый, презрительный отвѣтъ, что, дескать, это ничтожество, на которое мы никогда не обращаемъ и не обратимъ вниманія. Валахъ, хотя и называетъ себя теперь румыномъ и ведетъ свое происхожденіе отъ римлянъ, все же не стоитъ вниманія. Но на дѣлѣ далеко не такъ и мадьярскихъ патріотовъ давно уже озабочиваетъ румынскій вопросъ, а мадьярское правительство не даромъ сочло нужнымъ довольно внезапно навязать румынскимъ школамъ обязательное изученіе мадьярскаго языка. Дѣло въ томъ, что тысячекратнее безпримѣрное униженіе, оказалось, не убило въ потомкахъ древнихъ цивилизаторовъ способности подчинять себѣ чуждыя національности. Едва сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ они были разбужены великимъ реформаторомъ Австріи, и уже румыны показали, какъ сильна въ нихъ способность ассимиляціи. Отъ чисто мадьярскихъ поселеній, кое-гдѣ разсѣянныхъ прежде оазисами въ румынскихъ земляхъ Венгріи, теперь не осталось почти и слѣда. Составлявшіе ихъ чистокровные мадьяры крестьяне забыли свой родной языкъ, свои обычаи, зачастую свою вѣру и сдѣлались истыми румынами, за каковыхъ и признаютъ себя сами. Мало того, даже нѣмецкіе крестьяне стали въ послѣднее время замѣтно румынизироваться; между прочимъ, и число нѣмецкихъ народныхъ школъ въ Бонаръ уменьшается, вмѣсто того, чтобы увеличиваться, какъ румынскія. Въ этомъ отношеніи борьба съ румынами оказалась тяжелѣе, чѣмъ со всѣми другими, населяющими Венгрію національностями, и совсѣмъ не по силамъ мадьярамъ. У другихъ, не исключая и нѣмцевъ, простой народъ сохраняетъ, правда, свою національную самобытность, но за то интеллигенція почти сплошь мадьяризуется. У румынъ и этого нѣтъ. Омадьярившихся румынъ приходится считать единицами, не болѣе, да денационализація и тѣхъ относится къ давно прошедшимъ временамъ. Понятно, поэтому, что, при всемъ ихъ на-

пунктомъ презрѣннѣ, отношеніе румынъ къ ихъ государству совсѣмъ не было и не могло быть безразлично для мадьяръ. Понятно и чрезвычайное удовольствіе ихъ теперешняго главнаго вождя и министра - президента, Коломана Тиссы, прекрасно сознающаго, что рѣшеніе румынъ стать на признанную ими, наконецъ, почву государственнаго права Венгрии значительно способствуетъ упрощенію его пошатнувшагося было въ послѣднее время положенія. Румыны, правда, говорятъ такимъ гордымъ, самоувѣреннымъ языкомъ и въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя, навѣрное, сильно уязвляютъ щекотливое самолюбіе высококѣрныхъ мадьяръ. Вотъ, наприимѣръ, небольшая, касающаяся вопроса о преподавательномъ языкѣ въ школахъ, выдержка изъ недавно составленнаго въ Германштадѣ меморандума румынъ: «Прирожденное право людей свои мысли и чувства выражать словами, посредствомъ роднаго языка, право абсолютное и не можетъ подлежать компетенціи какого бы то ни было человѣческаго законодательства въ мірѣ, какъ не входитъ въ ихъ компетенцію запрещеніе вѣтру свистѣть, быку реветъ, волку выть, или птицѣ пѣть. Поэтому всякое покушеніе стѣснить какой - либо народъ въ свободномъ употребленіи его національнаго языка, или, еще хуже, запретить ему его употребленіе есть и останется всегда актомъ тираніи и, притомъ, завистливой и подлой тираніи. Народы, какъ и отдѣльныя личности, имѣютъ свою собственную индивидуальную жизнь, со свойственными каждому изъ нихъ хорошими и дурными чертами самобытности. Между первыми лучшая и драгоценнѣйшая, неоцѣнимая есть языкъ, выраженіе духовной жизни народа. Слѣдовательно, если отдѣльныя личности имѣютъ право на индивидуальную жизнь, а тѣ, которые убиваютъ отдѣльныхъ лицъ, во всѣхъ человѣческихъ обществахъ называются убійцами, разбойниками и душегубцами, то во сколько же разъ болѣе заслуживаютъ этихъ названій тѣ люди, которые совершаютъ подобное покушеніе надъ духовной жизнью цѣлаго народа?» Нельзя не согласиться, что, употребленный здѣсь способъ выраженія слѣдовало бы назвать рѣзкимъ даже и въ газетной статьѣ, въ официальномъ же документѣ онъ невозможенъ.

Но мадьяры народъ все-таки довольно умный. Они умѣютъ быть необходимыми, когда это нужно, умѣютъ и дѣлать уступки, когда необходимость вынуждаетъ и собственный интересъ того требуетъ. Всѣ многочисленныя органы офиціозной печати наперерывъ толкуютъ теперь о бесполезности національныхъ правъ, о всевозможной ненарушимости ихъ въ Венгрии и т. п., и нѣтъ сомнѣнія, что въ школьномъ вопросѣ румыны добьются очень миролюбивыхъ уступокъ, кромѣ, разумѣется, отѣмны распоряженія о преподаваніи мадьярскаго языка, какъ обязательнаго предмета. Труднѣе будетъ румынамъ добиться исполненія другаго ихъ требованія, именно о расширеніи избирательныхъ правъ и уменьшенія имъ имущественнаго ценза для Трансильваніи и Боната. Такое измѣненіе для румынъ необходимо, но для мадьяръ совсѣмъ невыгодно. Теперешній высокій цензъ обезпечиваетъ имъ большин-

ство въ представительствѣ, несмотря на численно ничтожное меньшинство ихъ въ упомянутыхъ земляхъ, такъ какъ румыны вообще бѣдны, и даже среди интеллегенціи ихъ, состоящей почти сплошь изъ школьныхъ учителей, мелкихъ чиновниковъ, духовенства, да людей такъ называемыхъ свободныхъ профессій, весьма немногіе въ состояніи удовлетворить требованіямъ цеза. А такъ какъ для исполненія этого требованія румынъ необходимо измѣненіе нѣкоторыхъ статей конституціи, то мадьяры имѣютъ полную возможность, не отказывая прямо, тянуть это дѣло безконечно. Но политическій тактъ не позволитъ имъ и тутъ черезъ - чуръ натягивать струну. Когда нельзя будетъ отглаживать долѣе, они и въ этомъ вопросѣ сдѣлаютъ уступку.

Н. С.

Отвѣтъ г. Ив—ову.

Г. Ив — ову въ *Юридическомъ Вѣстникѣ* дѣлаеть нѣсколько замѣчаній и возраженій на мой докладъ о земской статистикѣ. Отвѣчу кратко на каждое изъ нихъ.

1) Я сказалъ: «Земская статистика уступаетъ пока правительственной *только* въ одномъ отношеніи: она не дѣлаеть и не даетъ возможности сдѣлать *пока* обширныя обобщенія не только о Россіи, но даже о сколько-либо значительномъ ея районѣ».... «Завтра сознають значеніе статистики остальныхъ земства и послѣ - завтра она охватитъ бѣольшую и лучшую часть Россіи». Кажется, ясно сказано: земская статистика, дѣйствуя «пока» въ большей части Россіи, спорадически, не даетъ возможности сдѣлать научно-статистическихъ обобщеній о Россіи или о сколько-либо значительной части ея.

Разумѣется, априорно при помощи аналогіи можно сдѣлать и обширныя обобщенія, но въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду выводы, основанные на научно-статистическомъ изученіи Россіи, ибо, какъ я сказалъ въ началѣ доклада, прошло уже то время, когда можно было ограничиваться общими соображеніями, частными фактами, смѣлыми умозаключеніями.

Очевидно, дѣло идетъ о количественной недостаточности «пока» земской статистики: не изучивши всей Россіи, нельзя дѣлать обобщеній о ней научно-статистическихъ по самымъ важнымъ вопросамъ, напр.: движеніе населенія, состояніе скотоводства, урожайности и т. д. А, между тѣмъ, правительственная статистика позволяетъ дѣлать выводы о цѣлой Россіи.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на ясность моей мысли, г. Ив — овъ сьумѣлъ почему - то ее перетолковать, уличая меня «въ крайнемъ заблужденіи». Онъ основывается на возможности дѣлать «научно - экономическія построенія и выводы» изъ данныхъ земской статистики, я же имѣю въ виду научно - статистическіе выводы, опирающіеся на точныя цифры всей Россіи или значительной части ея.

Выходить, мы говоримъ о разныхъ вещахъ.

2) Мой аппонентъ поправляетъ «маленькую біографическую неточность, вкравшуюся, по его словамъ, въ докладъ мой по какому - то странному недоразумѣнію». Указывая на важность того обстоятельства, кто берется за дѣло, что успѣхъ или неуспѣхъ его часто зависитъ отъ дѣятеля, я привелъ рядъ именъ нѣкоторыхъ статистиковъ, стоящихъ во главѣ, называя ихъ почтенными и извѣстными Россіи лицами; между прочимъ, мною были названы гг. Пудовиковъ и Василенко. Г. Ив — овъ крайне неприлично глумится надъ этими почтенными именами, приправляя остроты подчеркиваніями и вопросительными и восклицательными знаками. «Кто такой и въ самомъ дѣлѣ г. Василенко?—вопрошаетъ онъ,—кто такой г. Пудовиковъ? Какими статистическими трудами ознаменовали свою дѣятельность эти лица?» Прежде чѣмъ дать отвѣтъ на эти вопросы, я долженъ сказать слѣдующее: статистика, какъ наука, у насъ въ зачаточномъ состояніи, а земская статистика двинута и идетъ отнюдь не профессиональными статистиками; наоборотъ, работая на этомъ поприщѣ, гг. Орловъ, Романовъ, Григорьевъ и др. приобрѣли, такъ сказать, почетный дипломъ статистиковъ, стали извѣстны Россіи. Такимъ образомъ, чтобы стать дѣльнымъ статистикомъ, не требуется спеціально-статистической подготовки, но необходима подготовка общая и особенно желательное знаніе народной жизни, изученіе ея въ томъ или иномъ отношеніи. Вотъ почему весьма пріятно видѣть, когда люди, въ литературѣ доказавшіе свое знаніе народа, становятся земскими статистиками. Если такіе серьезные изслѣдователи народной жизни, какъ г-жа Ефименко или г. Щербина (недавно приглашенный воронежскимъ земствомъ), къ слову сказать, «никакими статистическими трудами» не заявившіе о себѣ, берутся за дѣло статистическаго изученія народа, можно только пріветствовать и радоваться этому.

Теперь мы отвѣтимъ и на вопросы. «Совершенное недоумѣніе» г. Ив — ова должно обратиться, по меньшей мѣрѣ, въ несовершенное, если онъ узнаетъ, что г. Пудовиковъ такой же организаторъ петербургскаго бюро, какъ г. Григорьевъ рязанскаго, г. Романовъ тамбовскаго, г. Вернеръ курскаго и т. д.,—значить, онъ «стоялъ и во главѣ». Но мало того, что г. Пудовиковъ обработалъ изданный 1-й томъ трудовъ петербургскаго бюро; онъ извѣстенъ былъ въ экономической литературѣ гораздо ранѣе, какъ глубокой знатокъ кустарничества. Не Богъ вѣсть какъ много онъ написалъ, но достаточно припомнить его въ высшей степени замѣчательную брошюру - статью *Кустарная промышленность*, изданную лѣтъ 10 назадъ, чтобы

оцѣнить, какую потерю понесла статистика въ его лицѣ. Это былъ глубокий, оригинальный, сильный умъ. Г. Пудовиковъ уже въ то время совершенно ясно понималъ характеръ русскаго производства и высказалъ нѣкоторые основательныя положенія. Изъ всѣхъ статистиковъ онъ единственный обратилъ вниманіе, напр., на отрѣзныя земли и пр.

Г. Василенко, кажется, секретарь кievскаго юридическаго общества, также извѣстенъ въ литературѣ обычнаго права. Весьма интересная статья его помѣщена въ томъ же *Юридическомъ Вѣстникѣ* *).

Что касается его роли въ полтавскомъ бюро, то объ этомъ можно судить уже изъ того, что въ «Полтавскомъ уѣздѣ» отдѣлъ «очеркъ хозяйства сельскихъ сословій» въ 94 большихъ страницъ, составленный г. Василенко, представляетъ трудъ огромной важности, которому должно быть отведено одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ полтавской, но и во всей земской статистикѣ. Вѣроятно, не безызвѣстно почтенному оппоненту, что отдѣлъ «крестьянскаго хозяйства» нигдѣ не поручается «второстепеннымъ» лицамъ. Самъ г. Ив—овъ, говоря, и вполне основательно, о большой важности группировки населенія по размѣрамъ землевладѣнія, утверждаетъ, что «болѣе другихъ подошло къ этой задачѣ земской статистики бюро полтавскаго земства». Здѣсь въ отдѣлѣ «землевладѣнія» хозяйства подраздѣлены на имѣющихъ менѣе 1 дес., 1 и менѣе 2 дес., отъ 2 — 3 и т. д., причемъ выдѣлены въ особія хозяйства: снимающіе землю, жнушіе со снопа, отпускающіе членовъ на дальніе заработки, съ подраздѣленіемъ ихъ на группы по размѣрамъ землевладѣнія.

Остается добавить, что этотъ замѣчательный отдѣлъ составленъ г. Василенко, который, по словамъ Ив—ова, «никакихъ самостоятельныхъ работъ не производилъ». Кстати, по полнотѣ и детальности обследованія полтавское бюро не имѣетъ соперниковъ. Послѣ этого да будетъ позволено обратиться къ г. Ив—ову съ слѣдующими словами: милостивый государь, каждому позволительно, конечно, имѣть болѣе или менѣе значительныя пробѣлы въ знаніи экономической литературы, но никому не можетъ быть дозволено, вслѣдствіе собственнаго незнанія, издѣваться хотя бы и надъ мало извѣстными, но почтенными именами. Если бы даже я нѣсколько и преувеличилъ роль названныхъ лицъ въ земской статистикѣ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, если они ни чѣмъ не ниже всѣхъ остальныхъ статистиковъ, кромѣ 2 — 3 выдающихся именъ, то и тогда прекрасное чувство деликатности должно было подсказать вамъ, что глумиться надъ ни въ чемъ неповинными именами непристойно порядочному человѣку.

3) Переходя къ вопросу о недостаткахъ земской статистики, г. Ив—овъ дѣлаетъ мнѣ три замѣчанія: а) «Къ недостаткамъ такой теоретической обработки, — говоритъ онъ, — авторъ относитъ, по какимъ-то страннымъ соображеніямъ, и то, напр., что по Курскому уѣзду «промыслы безцѣльно (!?)

*) «Объ обычномъ правѣ въ земледѣліи въ Малороссіи».

разбиты на множество рубрик». Думаю, никаких «странныхъ соображеній» не требовалось, чтобы «мѣстные и отхожіе промыслы» Курскаго уѣзда отнести къ теоретической обработкѣ, такъ какъ трудъ статистиковъ состоитъ изъ 2-хъ частей: сырыхъ цифирныхъ матеріаловъ, сведенныхъ въ таблицы, и разработки нѣкоторыхъ изъ нихъ, что можетъ быть названо теоретической обработкой, какъ оно и есть въ данномъ случаѣ. Во-вторыхъ, г. Ив—овъ передъ «безцѣльно» ставить вопросительный и восклицательный знаки, стало бытъ, сомнѣвается и недоумѣваетъ (это съ нимъ, впрочемъ, часто бываетъ). Несмотря на столь внушительные знаки, я остаюсь при своемъ мнѣніи, считая такую излишнюю подробность безцѣльной, бесполезной. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на эти таблицы и вы увидите до 25 рубрикъ, совершенно пустыхъ по всѣмъ 15 волостямъ уѣзда, рубрикъ же съ 1 чуть не вдвое. Къ чему же это? Къ чему эти рубрики: «пиво-варъ», «сережечница», «тараканщикъ» и пр.? Скажутъ, можетъ быть, что при такой детальности получаются вполне точныя цифры. Но и это едва ли. Кто же можетъ повѣрить, что въ Курскомъ уѣздѣ, въ районъ котораго входитъ губернской городъ, 1 молочница, 1 угольщикъ, 1 банщикъ, 2 содо-промышленника и пр.? Повторяю, этотъ отдѣлъ неудаченъ; этимъ, впрочемъ, я не отрицаю значительныхъ достоинствъ другихъ отдѣловъ.

б) Почтенный оппонентъ упрекаетъ меня въ томъ, что я ограничиваюсь «лишь голословнымъ перечисленіемъ» недостатковъ, не иллюстрируя фактами, а если и дѣлаю это, то поверхностно. Но самъ г. Ив—овъ признаетъ всѣ мои замѣчанія и иллюстраціи «вполнѣ справедливыми», стало быть, и вѣрными. Причемъ же тутъ обвиненіе въ поверхностности? Если они выражены кратко, это не значитъ поверхностно. Конечно, слѣдовало бы на этомъ остановиться съ болѣею подробностію, но, вѣдь, предѣлы доклада очень ограничены и мнѣ настоятельно совѣтовали члены вольно-экономическаго общества быть возможно болѣе краткимъ и вогнать чтеніе доклада не болѣе какъ въ 1 часъ времени, утверждая, что болѣе продолжительное чтеніе дѣйствуетъ утомительно. Я долженъ былъ согласиться съ этимъ требованіемъ тѣмъ охотнѣе, что смотрѣлъ на свой докладъ, какъ на вступительный, общаго характера, за которымъ долженъ былъ слѣдовать рядъ другихъ докладовъ, болѣе детальныхъ, частныхъ. Мнѣ очень пріятно заявить, что также смотрѣли на мой докладъ и почтенный президентъ К. Д. Кавелинъ, и нѣкоторые вліятельные члены общества.

Не мѣшало бы также моему оппоненту имѣть въ виду, что задача моего доклада: *Значеніе и главная нужда земской статистики*—выяснить положительные качества и указать на «главную нужду», которая, безъ всякаго сомнѣнія, заключается въ отсутствіи общей солидарной программы. Стало быть, въ виду необходимой краткости доклада и его задачи, по меньшей мѣрѣ, странно спрашивать, почему я не остановился на томъ-то, почему не иллюстрировалъ побочныя положенія многими (не многіе есть) фактами и т. д. Такія требованія можно предъявлять безгранично, но они не имѣ-

отъ никакого серьезнаго значенія, ибо не считаются съ дѣйствительностью, не принимаютъ во вниманіе ни времени, ни возможности.

с) Послѣ этого понятенъ станетъ и третій упрекъ его, что я упустилъ недостатокъ «самый важный» — отсутствіе группировки населенія по размѣрамъ землевладѣнія. Считаю этотъ вопросъ дѣйствительно серьезнымъ, я никакъ не могу отвести ему первое мѣсто, принадлежащее, по моему, отсутствію солидарной программы, какъ недостатку болѣе общаго характера, въ зависимости отъ котораго находятся почти всѣ частныя недостатки вплоть до указываемаго. Тѣмъ не менѣе, повторяю, что это вопросъ высокой важности въ статистикѣ и именно сознание этого было причиною упрека, сдѣланнаго мнѣ г. Ив—овымъ. Дѣло въ томъ, что онъ трудно поддается рѣшенію, и если мой оппонентъ едва ли не категорически порѣшилъ съ нимъ, то я позволяю себѣ усумниться въ полезности столь прямолинейнаго рѣшенія. Въ самомъ дѣлѣ, имѣя научный, вполне точный статистическій матеріалъ объ экономическомъ положеніи данной мѣстности, классифицировать населеніе по степени зажиточности — чрезвычайно важно и крайне необходимо не только въ теоретическомъ, но, главнымъ образомъ, въ практическомъ отношеніи. Знать, сколько процентовъ населенія зажиточнаго вполне, сколько находится въ положеніи устойчивомъ, сколько въ неустойчивомъ и сколько въ бѣдственномъ — въ высшей степени важно и въ этомъ собственно конечная цѣль экономической статистики. Но, къ великому сожалѣнію, важность прямо пропорціональна трудности рѣшенія. Какой критерій возьмемъ, къ какой мѣрѣ будемъ пригонять населеніе, чтобы разбить его на классы? Размѣры землевладѣнія, — говоритъ г. Ив—овъ. Конечно, это наиболѣе простой, наглядный, доступный признакъ. Но, несмотря на всѣ эти качества, я не могу считать его пригоднымъ, ибо размѣры землевладѣнія очень часто не могутъ говорить о степени зажиточности. Такъ, въ нечерноземной полосѣ крестьяне надѣлены выспимъ надѣломъ, часто убыточнымъ для ихъ хозяйства. Затѣмъ нерѣдко и въ хлѣбородной полосѣ выспіе надѣлы состоятъ въ значительной степени изъ земель плохаго качества. Бому неизвѣстно, что экономическое состояніе громадной массы крестьянъ находится въ тѣсной зависимости отъ арендной системы? Но этого мало. Цѣлыя мѣстности родины находятся въ такомъ положеніи, что землевладѣніе въ хозяйственномъ бытѣ ихъ отходить на второй планъ, становится дѣломъ дѣтей и стариковъ, а населеніе питается отхожими заработками, или отъ мѣстнаго кустарнаго или капиталистическаго производства и т. п. Такимъ образомъ, размѣры землевладѣнія совершенно негодный критерій зажиточности. Онъ могъ бы годиться для нѣкоторыхъ хлѣбородныхъ мѣстностей, но и здѣсь, въ глубоко черноземной губерніи, въ лучшей, по признанію самого г. Ив—ова, попыткѣ полтавскаго бюро подойти къ этому вопросу, критеріемъ взять не размѣръ землевладѣнія, а размѣръ пахотной земли, и совершенно основательно.

Изъ этого легко видѣть, какія затрудненія представляетъ этотъ во-

проще и какъ было бы легкомысленно съ моей стороны коснуться его въ двухъ словахъ, а иначе я не могъ сдѣлать это въ докладѣ моему волебно-экономическому обществу. Обойти же его я могъ тѣмъ легче, что считалъ вопросъ этотъ очереднымъ для одного изъ слѣдующихъ докладовъ.

Въ заключеніе мнѣ очень пріятно заявить, что г. Ив—овъ также категорически высказывается за необходимость устроить съѣздъ статистиковъ для выработки солидарной программы.

Г. Сазоновъ.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Результаты послѣднихъ путешествій по азіатскимъ владѣніямъ Россіи и сосѣднимъ съ ними странамъ.

Результаты значительныхъ путешествій становятся извѣстными такъ поздно, что лишь теперь, въ томъ 1884 года, можно приняться за обзоръ успѣховъ по изслѣдованію Россіи и сосѣднихъ странъ Азіи, т.-е. въ районѣ дѣятельности нашего географическаго общества.

Впрочемъ, и теперь еще мы не знаемъ ничего, сколько-нибудь точнаго, напр., о путешествіи г. Регеля на Памиръ и его западныя окраины, а свѣдѣнія о магнито - метеорологической станціи въ Сагастырѣ, въ дельтѣ Лены, очень отрывочны. По извѣстіямъ, дошедшимъ до географическаго общества, наблюденія продолжаются благополучно и станція останется въ дѣйствиіи долѣе другихъ, т.-е. до іюля 1884 года. Кроме того, члены экспедиціи сдѣлали съемку значительнаго пространства въ дельтѣ Лены.

Извѣстно, какаѧ печальная судьба постигла американскую полярную экспедицію, отправившуюся на корабль «Jeannette»: корабль попалъ во льды, носился съ ними болѣе года, наконецъ, былъ раздавленъ, а команда и другіе участники экспедиціи спаслись въ 3 лодкахъ, изъ которыхъ одна пропала безъ вѣсти, а двѣ успѣли высадиться на берега Сибири, но, не зная страны, долго не могли найти жилья, такъ что многіе погибли отъ холода и голода, другіе получили неизлечимыя болѣзни. Недавно въ *Извѣстіяхъ Геогр. Общ.* помощникъ верховнаго исправника, г. Барзинъ, напечаталъ списокъ поселеній сѣверной части этого округа, съ обозначеніемъ числа жителей, разстоянія отъ моря и рѣкъ и т. д. Работа имѣетъ географическій интересъ, касаясь мѣстности, еще очень мало извѣстной. Будь она напечатана ранѣе и извѣстна американской экспедиціи, то послѣдняя не окончилась бы такъ плачевно: была бы возможность сравнительно скоро отыскать жилье и спастись отъ смерти.

Другая русская экспедиція для производства магнито - метеорологическихъ наблюденій на дальнемъ сѣверѣ уже воротилась: она провела годъ на западномъ берегу Новой Земли, въ заливѣ Малые Кармакулы. Здѣсь

зимовка была сопряжена съ меньшими затрудненіями, чѣмъ въ Сагастырѣ, вслѣдствіе меньшей суровости зимы и, главное, вслѣдствіе близости къ Европѣ и возможности доѣхать прямо до мѣста на кораблѣ, что, конечно, облегчаетъ доставку всего необходимаго.

Одинъ изъ участниковъ экспедиціи, докторъ Гриневецкій, дѣлалъ сообщеніе въ географическомъ обществѣ о своемъ путешествіи съ западнаго на восточный берегъ острова. Прежнія попытки подобнаго рода были неудачны, не удалась и его попытка совершить этотъ путь въ августѣ 1883 года, такъ какъ на первомъ ночлегѣ его настигла сильная снѣжная метель и заставила воротиться въ Кармагулы.

Въ апрѣлѣ одинъ изъ самоѣдовъ, кочующихъ въ послѣдніе годы у Малыхъ Кармагулъ, сказалъ ему, что ему удалось пройти до юго-восточной оконечности острова и что онъ тамъ встрѣтилъ другихъ самоѣдовъ. Г. Гриневецкій рѣшился отправиться съ самоѣдами, взявъ съ собой сани, запряженные собаками. Вслѣдствіе бездорожья, отсутствія корма для собакъ, холода и вѣтровъ, путешествіе было затруднительно и сопряжено съ опасностью, такъ что составляетъ значительный географическій подвигъ. Разсказъ о немъ напечатанъ въ *Извѣстіяхъ Геогр. Общ.* 1883 г.

Самая значительная экспедиція 1883 года несомнѣнно *большая памирская*, членами которой были капитанъ Путята, геологъ Ивановъ и топографъ Бендерскій. Краткій отчетъ о ней, съ картой, полученъ въ Петербургѣ уже зимой, а весной пріѣхалъ Ивановъ и сдѣлалъ рядъ сообщеній въ обществахъ географическомъ и минералогическомъ.

Громадное высокое магорье, которое въ Персіи и Средней Азіи носитъ названіе «Крыши міра», давно привлекало вниманіе европейцевъ и было уже нѣсколько экспедицій для его изслѣдованія, съ сѣвера со стороны русскихъ, съ юга и запада — англичанъ. Но каждая изъ этихъ экспедицій прошла лишь небольшое пространство и значительная часть Памира, особенно восточнаго, никогда еще не посѣщалась европейцами.

Экспедиція 1883 г. прошла значительную часть Памира, особенно восточнаго, въ разныхъ направленіяхъ, такъ что теперь онъ извѣстенъ не хуже многихъ частей Азіи, уже давно посѣщаемыхъ европейцами. Знакомство со страной позволило г. Иванову утверждать еще рѣшительнѣе, чѣмъ прежнимъ русскимъ ученымъ, бывшимъ въ странѣ, что предполагаемаго Гумбольдтомъ меридіанальнаго; т. е. направляющагося съ сѣвера на югъ, хребта Болоръ въ дѣйствительности нѣтъ и что всѣ горныя цѣпи на Памирѣ направляются съ востока на западъ, съ незначительнымъ отклоненіемъ на сѣверъ или югъ.

Замѣтимъ, что въ этомъ вопросѣ русскіе путешественники почти единогласно высказали такое же мнѣніе, какъ и г. Ивановъ.

Восточная часть Памира—самая высокая, но, однако, она довольно ровна и можетъ быть названа *луговой*. По условіямъ почвы и климата здѣсь встрѣчаются растенія степей (напр., ковыль), сѣверныхъ луговъ и тундры

Европейской Россіи и Сибири и, наконецъ, растенія высокихъ горъ (такъ называемыя альпійскія), но нѣтъ деревьевъ. Изъ дикихъ животныхъ упомянемъ въ особенности о дикихъ баранахъ (*архаракъ*) и дикихъ козлахъ (*киукъ*).

Высота такъ велика, что даже лѣтомъ бываетъ снѣгъ, хотя и не часто. Памиръ и находящійся къ сѣверу отъ него болѣе низкій Алай—любимыя лѣтнія пастбища киргизъ. Они находятъ здѣсь обильныя пастбища для своего скота, прохладу и отсутствіе оводовъ, мухъ и комаровъ, мучающихъ людей и скотъ лѣтомъ въ болѣе теплыхъ мѣстахъ.

Нѣкоторые изъ киргизъ зимуютъ на Памирѣ, пользуясь тѣмъ, что мѣстами выпадаетъ мало снѣга. Главное домашнее животное ихъ—лошадь (т.-е. горбатый быкъ, найденный дикимъ въ сѣверномъ Тибетѣ г. Пржевальскимъ), овецъ они держатъ меньше, козскихъ табуновъ у нихъ совсѣмъ нѣтъ, а немногихъ верховыхъ лошадей они покупаютъ въ западныхъ долинахъ.

Киргизы—кочевники по преимуществу.

Еще очень недавно *барантѣ* (грабежѣ) былъ въ большой чести у этого народа, который вообще болѣе сдержанъ, чѣмъ киргизы нашихъ среднеазиатскихъ владѣній. Вслѣдствіе суровой природы (даже въ июлѣ падаетъ иногда снѣгъ), народъ очень бѣденъ, и настолько мало знакомъ съ удобствами жизни, что проводитъ и зиму въ рваныхъ кибиткахъ, не обладывая ихъ камышемъ и вообще мало заботясь о защитѣ отъ холода. Чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ болѣе измѣняется природа Памира. Средняя высота меньше, но страна становится болѣе гористою, встрѣчаются глубокія долины (верховья Аму-Дарьи и ея притоковъ), горы круче, перевалы труднѣе. На югѣ Памира кустарники (лозникъ, нѣсколько ниже розы и позачій можжевельникъ) встрѣчаются уже на высотѣ 12,000 футовъ, а немного ниже, въ долинахъ, начинается уже земледѣліе; какъ въ Европѣ и на Гималаѣ, всего выше изъ хлѣбныхъ злаковъ идетъ ячмень.

Какъ только начинается возможность земледѣлія, измѣняется весь бытъ жителей и даже племя; на мѣсто кочевниковъ-киргизъ, встрѣчаются земледѣльцы—таджики, т.-е. люди арійскаго племени, близкіе къ персіанамъ по крови и языку; несмотря на трудныя условія, въ которыхъ живетъ этотъ народъ, онъ сумѣлъ устроиться гораздо лучше киргизъ. Земледѣліе очень тщательное; всякій клочекъ, способный къ земледѣлію, очищается отъ камней и засѣвается, хотя бы онъ былъ и далеко отъ жилья. Въ болѣе низкихъ долинахъ примѣняется искусственное орошеніе, сѣютъ хлопѣкъ, рисъ, разводятъ фруктовыя деревья и т. д.

Таджики живутъ очень чисто и у нихъ оказывается замѣчательное умѣніе и вкусъ въ украшеніи жилищъ и домашней утвари. Вообще видѣнъ культурный народъ, очень способный. Таджики—шииты, т.-е. принадлежатъ къ магометанской сектѣ, которую ихъ сосѣди—афганцы, бухарцы и коканцы, принадлежащіе къ сектѣ суннитовъ, считаютъ еретической. Ханы этихъ странъ (Дарваза, Шугнана и т. д.) тоже сунниты и обыкновенно

венно зависят отъ болѣе сильныхъ сосѣднихъ странъ. Въ настоящее время преобладаетъ афганское вліяніе; афганскій эмиръ, благодаря деньгамъ и оружію, котораго онъ получаетъ изъ Англіи, въ состояніи распространять свои владѣнія на сѣверъ.

Въ 1883 году окончилась большая экспедиція, по поводу которой было много толковъ, самыхъ страстныхъ, возбудилась вражда, казалось бы, не вполне умѣстная въ научномъ вопросѣ. Мы разумѣемъ экспедицію для изслѣдованія стараго русла Аму-Дарьи подъ начальствомъ генерала Глуховскаго. Обширныя изслѣдованія, которыя сдѣланы этой экспедиціей, очевидно, не могутъ быть разработаны въ короткое время, поэтому намъ кажется, что и окончательное рѣшеніе вопросовъ, связанныхъ съ этой мѣстностью, дѣло будущаго, хотя и довольно близкаго. Одно только кажется намъ яснымъ: нельзя надѣяться на то, чтобъ вода, пущенная по старому руслу, достигла Каспійскаго моря. Это невозможно уже потому, что верстахъ въ 100 къ западу отъ Хивы находится обширная Сары-Камышская котловина, дно которой ниже уровня Каспійскаго моря, а поверхность — не менѣе 10 тысячъ квадратныхъ верстъ. Вода должна была бы сначала наполнить эту котловину, если не оградить ее отъ стараго русла дорого стоящими плотинами.

Геологи, изслѣдовавшіе русло между Сары-Камышскимъ и Каспійскимъ моремъ, приходятъ къ заключенію, что здѣсь не было прѣсной воды, а такъ называемые «соры», которые г. Ковшинъ такъ характеризовалъ въ засѣданіи географическаго общества: это глубокія котловины, съ сырими песчанымъ дномъ, въ которомъ обнажаются слои желтаго и краснаго желѣзистаго песку, а также обилуютъ куски кристаллическаго гипса и гипсоваго песчаника; на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ здѣсь, неизмѣнно, встрѣчается горько-соленая вода. Эти впадины расположены всегда на нѣсколько саженей ниже *такыровъ* (глинистыхъ степей) и суть, очевидно, наиболѣе пониженныя точки въ степи, сохраняющія до сей поры остатки горько-соленыхъ водъ бывшаго здѣсь морскаго бассейна. Нѣкоторые соры тянутся на десятки верстъ въ длину, при ширинѣ не болѣе версты, обладаютъ крутыми, рельефными берегами и нерѣдко тянутся цѣпью, непрерывно слѣдуя другъ за другомъ на далекое разстояніе. Въ восточной части Каракумовъ, т.-е. со стороны Хивы, они попадаются еще чаще и многіе изъ нихъ ошибочно были приняты за старыя русла рѣки и получили названіе Чарджуй-Дарьи, Тону-Дарьи, Унгуза, Узбоя и т. д. Геологъ экспедиціи Глуховскаго, кн. Гедройць, также пришелъ къ заключенію, что ниже Сары-Камыша никогда не истекала Аму-Дарья; онъ не находилъ рѣчныхъ осадковъ, а, напротивъ, находилъ створки раковинъ, и теперь живущихъ въ Аральскомъ и Каспійскомъ моряхъ, т.-е. въ соленой водѣ.

Отмѣтимъ еще залежи сѣры, находящіяся въ этой степи. Туземцамъ онѣ были извѣстны, вѣроятно, давно, а въ Россіи впервые заявилъ о нихъ

пор. Калитинъ. Позже тамъ былъ г. Коншинъ и нашелъ, что въ одномъ изъ осмотровыхъ имъ холмовъ должно находиться до 500 милліоновъ пудовъ сѣры. Подобныхъ холмовъ онъ осмотрѣлъ 10. Въ этомъ мы видимъ новое подтвержденіе истины, что если наши минеральныя богатства еще недавно считались небольшими (за исключеніемъ Урала и немногихъ другихъ мѣстъ), то просто потому, что ихъ не умѣли найти. Богатыя залежи сѣры—вообще рѣдкость и до сихъ поръ Сицилія имѣла фактическую монополию добыванія сѣры. Съ сицилійской сѣрой соперничали колчеданы, но извѣстно, что добываніе сѣры изъ нихъ обходится не дешево. Можетъ быть, Россіи въ недалекомъ будущемъ предстоитъ сдѣлаться серьезной соперницей Сициліи. Извѣстно, что у насъ уже нѣсколько лѣтъ разрабатываются очень богатые залежи сѣры въ Чирнатѣ, недалеко отъ Петровска, въ Дагестанѣ.

Послѣ завоеванія Ахаль-Теке вся степь Кара-Кумъ (Черные Пески), между Каспійскимъ моремъ и Аму-Дарьей и далѣе на югъ, стала гораздо безопаснѣе прежняго для движенія. Многіе русскіе путешественники и даже иные иностранцы воспользовались удобнымъ случаемъ для посѣщенія этой пустынной, но во многихъ отношеніяхъ интересной мѣстности. Не слѣдуетъ принимать названія Каракумовъ въ буквальномъ смыслѣ и думать, что она вся состоитъ изъ песковъ.

Самыя обширныя изслѣдованія этой степи были сдѣланы молодымъ инженеромъ М. П. Лессаромъ. Онъ искрестилъ ее въ разныхъ направленіяхъ: былъ и въ Мервѣ ранѣе его подданства Россіи, и въ окрестностяхъ Герата, изслѣдовалъ пути отъ священнаго персидскаго города Мешхеда до Каспійскаго моря и Ахалтекинскаго оазиса и т. д.

Долго его изслѣдованія были извѣстны лишь по краткимъ сообщеніямъ, дѣлаемымъ имъ въ разныхъ ученыхъ обществахъ, во время непродолжительныхъ пріѣздовъ въ Петербургъ. Наконецъ, въ кн. первой *Извѣстій Геогр. Общ.* 1884 г. мы находимъ нѣсколько болѣе подробный отчетъ о его путешествіяхъ.

Особенно замѣчательно его путешествіе между рр. Мургабомъ, на которомъ находится Мервъ, и Герирудомъ (Гератской рѣкой). Противъ ожиданія, здѣсь не было найдено горъ и дорога довольно удобна для движенія.

Сообразно своей специальности, г. Лессаръ вообще обратилъ особенное вниманіе на дороги, желѣзныя и караванныя. Относительно первыхъ онъ находилъ вообще удобныя условія въ русской территоріи и даже далѣе къ Герату; относительно караванныхъ путей по Каракумамъ онъ дѣлаетъ обстоятельныя изслѣдованія. Общій результатъ ихъ тотъ, что въ послѣднія 20 лѣтъ передъ 1881 годомъ положеніе ухудшилось, такъ какъ въ степи ослабилось влияніе Персіи и Хивы и стали рѣшительно преобладать разбойники—туркмены. Не стало порядка въ степи, колодцы содержались небрежно, иногда въ нихъ попадались мертвыя животныя, пескамъ давали

распространяться, не щадя жалкой растительности, которая появлялась на нихъ.

О нашихъ новыхъ подданныхъ, мервскихъ и тейинскихъ туркменахъ, г. Лессаръ невысокаго мнѣнія. Лѣнь и жадность къ деньгамъ особенно замѣтны у нихъ. Даже гостеприимство у нихъ основано на расчетѣ получить отъ гостя цѣнные подарки.

Совершенно подобное же мнѣніе выражалъ о туркменахъ человекъ, имѣвшій возможность узнать ихъ близко еще въ 1836 году, именно Карелинъ. Онъ подробно изучилъ положеніе дѣлъ на восточномъ берегу Каспійскаго моря, между Астрабадомъ и Красноводскомъ.

Чрезвычайно интересныя записки Карелина напечатаны лишь недавно, въ X томѣ записокъ геогр. общ. Въ нихъ находятся свѣдѣнія и о заливѣ Мертвый Култукъ, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ съ прошлаго года.

Въ прошломъ году напечатаны, наконецъ, изслѣдованія И. С. Полякова на о. Сахалинѣ. Онъ былъ посланъ туда для естественно-историческихъ изслѣдованій, а также чтобъ судить о возможности земледѣлія.

Интересъ путешествія сосредоточивался особенно на долину р. Тымы; она течетъ на значительномъ пространствѣ съ юга на сѣверъ, почти посрединѣ острова, и потомъ, заворачивая на востокъ, впадаетъ въ Охотское море.

На верхнемъ теченіи рѣки существуютъ уже русскія поселенія (Дербинское, Рыково) и сѣтся хлѣбъ, но г. Поляковъ думаетъ, что лишь ямень удастся хорошо.

По Тымы до устья онъ спускался въ лодкѣ, причемъ встрѣтилъ большія препятствія, вслѣдствіе многочисленныхъ пороговъ. Такимъ образомъ, пришлось идти болѣе 200 верстъ, постоянно подвергаясь опасности. Лишь около 70 верстъ, въ нижнемъ теченіи, рѣка удобно проходима для не глубоко-сидящаго парохода, а въ устьѣ превосходная якорная стоянка даже для морскихъ судовъ.

На Тымы и у береговъ Охотскаго моря онъ имѣлъ возможность познакомиться съ жизнью двухъ туземныхъ племенъ. Гиляки занимаютъ болѣе южную часть бассейна. Ихъ главные занятія — рыболовство и разведение собакъ. Рыба кормитъ хозяина и собаку, собака возитъ хозяина и его кладь. Прибытіе русскихъ возбуждало всеобщее вниманіе; все населеніе высыпало на берегъ, разсматривая, какъ рѣдкость, все, что привезли съ собой путники. Особенный праздникъ достался гилякамъ послѣ того, какъ лодка наполнилась водой, вещи подмокли и пришлось сушить съѣстные припасы, инструменты и т. д. Какъ и другіе туземцы этихъ странъ, гиляки крайне нечистоплотны и почти вся работа падаетъ на женщинъ, особенно приготовленіе въ прокъ рыбы.

Ближе къ Охотскому морю живутъ орочи; ихъ главное занятіе также рыболовство; они охотятся и за морскими млекопитающими, нерпами и тюленями. Собака у нихъ не играетъ особенной роли, за то они держатъ оленей.

Въ низовьѣ р. Тыни г. Поляковъ былъ во время хода рыбы изъ северныхъ породъ, кэты и горбуши. Количество рыбы, поднимающейся изъ моря въ рѣки для метанія икры, поразительно. Рядомъ съ туземцами и гораздо успѣшнѣе ихъ ловятъ рыбу японцы. По сахалинскому трактату, заключенному русскими правительствомъ съ японскими, японцы имѣютъ право ловить и приготавливать въ прокъ рыбу по всему Сахалину, но г. Поляковъ замѣчаетъ, что они злоупотребляютъ отсутствіемъ надзора, преграждая все устье рѣки заборомъ, и тѣмъ лишаютъ рыбы живущихъ выше по рѣкѣ.

Природа на берегахъ Охотскаго моря поразила г. Полякова своимъ полнѣйшимъ характеромъ; адсь нѣтъ даже деревьевъ; правда, кое-гдѣ проглядываютъ въ ложбинкахъ лиственница, но это приземистыя деревца, ростомъ не болѣе полутора аршина, да и то съ засохшимъ стволомъ... Главнымъ представителемъ растительности былъ, однако же, мой давнишній знакомый по холоднымъ горнымъ высотамъ сѣверо-восточной Сибири *кедровый сланецъ* (т.-е. низкій, стелющийся по землѣ, видъ кедра); замѣтимъ, что это — подъ широтой Курска. Даже градуса два южнѣе, у низовьевъ Пороная, природа такая же суровая. У Охотскаго моря, близъ устья Тыни, г. Поляковъ нашелъ на глубинѣ аршина мерлоту, т.-е. постоянно, даже среди лѣта мерзлый слой почвы.

Даемъ заключеніе труда г. Полякова: «Съ не очень давняго времени водворилось на островѣ русское, хотя и исключительное, населеніе, съ цѣлю внести сюда культуру промышленную, сельско-хозяйственную, въ болѣе или менѣе европейскомъ смыслѣ слова; задачей колонизаціи было поставлено развитіе на Сахалинѣ разработки каменнаго угля, а также земледѣлія, скотоводства и огородничества. Наиболѣе шансовъ на успѣхъ нужно ожидать отъ разработки каменнаго угля, такъ какъ онъ въ изобиліи залегаетъ въ разныхъ пунктахъ острова; будущность этой промышленности будетъ обезпечена только тогда, когда способы разработки угля усовершенствуются, цѣна на него понизится и доставка его на суда съ берега облегчится; тогда только онъ будетъ успѣшно конкурировать съ углями южныхъ портовъ, начиная съ Владивостока». Замѣтивъ далѣе о суровости климата, особенно у Охотскаго моря, онъ продолжаетъ: «Климатическая суровость въ немалой степени поддерживается и топографическимъ характеромъ острова, преобладающимъ на немъ различнымъ горнымъ хребтамъ, круто падающихъ къ морскимъ водамъ и представляющихъ части гребня съ высотой отъ 2 до 3 тысячъ футъ надъ уровнемъ моря. Благодаря ручьямъ и рѣчкамъ, низвергающимся часто съ огромныхъ высотъ въ двѣ продолжныя долины Тыни и Пороная, эти послѣднія приобрѣтаютъ болотистый характеръ, часто подвергаются наводненіямъ, при изобиліи тундръ, съ торфяниками и мхами, озеръ, старицъ. Если при этихъ условіяхъ долины рѣкъ не могутъ быть причислены къ удобообитаемымъ, то, съ другой стороны, остаются небольшія, часто короткія и узкія долины ручьевъ, пере-

рѣзающія хребты въ поперечномъ направленіи и круто падающія къ морскому берегу. Въ общемъ Сахалинъ нельзя признать, по его климатическому и топографическому характеру, страной, представляющей какія бы то ни было удобства для благоприятной земледѣльской будущности. Если создается на островѣ скромное земледѣльское хозяйство, то и оно будетъ стоить огромныхъ трудовъ. Гораздо болѣе благоприятныхъ результатовъ слѣдуетъ ожидать отъ развитія на Сахалинѣ, сообразно съ его природой, огородничества и скотоводства; изъ нихъ послѣднее можетъ въ лучшей степени обезпечить благоприятный исходъ и земледѣльскаго труда.

«Рыбные промыслы, если они будутъ разумно организованы, составятъ безусловное богатство для жителей острова; превосходные сорта лососевыхъ рыбъ въ засолѣ, въ копченомъ видѣ и консервированные могли бы служить предметомъ вывоза далеко за предѣлы нашего отечества. Этими рыбами, а также селедками, ловимыми въ моряхъ, омывающихъ южную часть острова, японцы нагружаютъ въ теченіе весны и лѣта болѣе 45 парусныхъ шкутъ и джонокъ. При этомъ я не говорю о морскихъ промыслахъ, предметомъ которыхъ могли бы служить до 5 видовъ китовъ, водящихся около Сахалина, поразительно громадныя стада бѣлугъ (*Delphinopterus leucas*), которыхъ я наблюдалъ весной въ заливѣ Терпѣнія».

Въ числѣ успѣховъ по географіи странъ Азіи, сосѣднихъ съ Россіей, въ 1883 году, отмѣтимъ и о выходѣ обширнаго труда Н. М. Пржевальскаго, посвященнаго третьему изъ его смѣлыхъ и въ высшей степени успѣшныхъ путешествій по средней и восточной нагорной Азіи; это очень толстый томъ, содержащій, кромѣ текста, карту пути на двухъ листахъ и большое число рисунковъ. Оно издано географическимъ обществомъ на Высочайше дарованныя средства.

Огромное значеніе путешествій г. Пржевальскаго извѣстно не однимъ только специалистамъ по географіи, поэтому мы считаемъ излишнимъ распространяться о значеніи книги г. Пржевальскаго. Замѣтимъ только, что онъ обладаетъ значительнымъ даромъ изложенія, такъ что книга читается легко. Извѣстно, что г. Пржевальскій уже въ прошломъ году опять отправился въ путь, находя, что въ сосѣдствѣ странъ, посѣщенныхъ имъ, находится еще многое интересное для географіи, и чувствуя въ себѣ достаточно здоровья, силъ и энергій, чтобы исполнить путешествіе, еще болѣе обширное и трудное, чѣмъ прежнія. И на этотъ разъ онъ не только нашелъ людей, готовыхъ раздѣлить съ нимъ труды и опасности пути, но долженъ былъ отказывать очень многимъ, желавшимъ ѣхать съ нимъ. Увеличивать число спутниковъ въ такихъ странахъ неудобно, такъ какъ постоянно приходится бороться съ недостаткомъ продовольствія и перевозочныхъ средствъ.

Пожелаемъ же нашимъ путешественникамъ полного успѣха въ ихъ трудномъ дѣлѣ.

Въ 1883 году изданъ географическимъ обществомъ еще томъ *Очер-*

ковъ сѣверо - западной Монголіи Г. Н. Потанина. Этотъ томъ посвященъ этнографіи, въ особенности легендамъ и сказкамъ монголовъ. Г. Потанинъ также не новичокъ въ дѣлѣ путешествія; южная окраина Сибири и бѣольшая часть Монголіи посѣщены имъ уже не разъ. Какъ слѣдуетъ путешественнику въ такихъ отдаленныхъ странахъ, онъ изслѣдовалъ ихъ въ разныхъ отношеніяхъ, привозилъ съ собой значительныя коллекціи зоологическія и особено ботаническія, но всего болѣе интересовала его этнографія монгольскихъ племенъ; матеріалъ, собранный имъ въ этомъ отношеніи, чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Какъ и г. Пржевальскій, г. Потанинъ не удовольствовался уже сдѣланнымъ, и прошлой зимой отправился въ новое путешествіе въ западный Китай и сосѣднія области за Великой стѣной. Средства на его новое путешествіе составились изъ субсидіи правительства и пожертвованія г. Сукичева.

В.

БИБЛОГРАФІЯ.

РУССКІЯ КНИГИ.

Физическое воспитаніе дѣтей у разныхъ народовъ, преимущественно Россіи. (Извѣст. общ. люб. естествознанія, антропологии и этнографіи). Е. А. Покровскаго. Москва, 1884 г.

Г. Покровскій задался въ своей работѣ «собраніемъ такихъ фактовъ, которые имѣютъ цѣлю, главнымъ образомъ, показать вліяніе извѣстныхъ приемовъ воспитанія на физическое развитіе дитяти въ раннемъ возрастѣ, когда всякое насиліе оставляетъ особенно рѣзкій слѣдъ». Но почтенный авторъ выходитъ изъ предѣловъ этой весьма обширной задачи, толкуя, въ большой главѣ, и о заботахъ объ охранѣ и развитіи плода, и о сожиганіи вдовъ, и о социальномъ бытѣ современныхъ народовъ, и о бытѣ древлянъ, родимичей, сѣверянъ, по Карамзину. Намъ кажется не вполне умѣстнымъ въ сочиненіи о физическомъ воспитаніи дѣтей и глава вторая, въ которой говорится о плодонизганіи и дѣтоубійствѣ. Глава третья посвящена рожденію и первой обстановкѣ новорожденнаго, четвертая—уходу за пупкомъ, пятая—помѣщенію дитяти въ семьѣ родителей, шестая—уходу за кожей у нѣкоторыхъ народовъ, седьмая—омовенію дитяти, восьмая—купанью и крещенію новорожденныхъ, девятая и десятая—одеждѣ дѣтей. Сочиненіе покуда еще не окончено: у насъ въ рукахъ первый выпускъ VII тома *Трудовъ антропологическаго отдѣла общества*, составляющій 128 страницъ большаго формата въ два столбца. Изслѣдованіе г. Покровскаго, какъ онъ самъ замѣчаетъ, скудно выводами, но въ немъ собрано много интересныхъ фактовъ, которые разбѣяны по разнымъ сочиненіямъ, отчасти мало доступнымъ. Крімъ того, г. Покровскій, благодаря содѣйствію бывшаго *комитета московской антропологической выставки*, получилъ болѣе 800 отвѣтовъ по разосланной имъ во все мѣстности Россіи программѣ. Трудъ почтеннаго автора могъ появиться въ свѣтъ вслѣдствіе щедрого пожертвованія въ кассу общества любителей естествознанія со стороны бывшаго профессора московскаго университета А. П. Разцвѣтова. Издано *Физическое воспитаніе*

дѣтей прекрасно. Оно украшено въ текстѣ пояснительными рисунками и даже фотогравюрою „*крестьянскія дѣти играютъ въ деревнѣ*“. Значеніе послѣдней, впрочемъ, для насъ непонятно. Нарисовано, что ребятишки играютъ въ бабки, вскарабкались на лошадь, погоняютъ ее,—но что собственно разъясняетъ такое шаблонное изображеніе времяпрепровожденія крестьянскихъ дѣтей,—остается неизвѣстнымъ.

Г. Покровскій собралъ данныя о печальныхъ послѣдствіяхъ чрезмѣрной или даже усиленной физической работы на плодovitость женщинъ. Женщины рабочаго класса годомъ позже (наблюденія произведены во Франціи и въ Австріи) достигаютъ половой зрѣлости, чѣмъ женщины средняго класса. Это зависитъ, кромѣ большой мышечной траты, еще и отъ худшаго питанія. Подобное же явленіе подмѣчено въ Московской и Тульской губерніяхъ гг. Бензентромъ и Смидовичемъ. Но утвержденію о меньшей плодovitости женщинъ, усиленно работающихъ (стр. 8), противорѣчитъ другое утверженіе г. Покровскаго (стр. 17): «Статистическія изслѣдованія показываютъ, что городскія и фабричныя населенія вообще отличаются большимъ количествомъ рожденій сравнительно съ деревенскимъ населеніемъ; но за то оно отличается и огромнымъ количествомъ дѣтской смертности, зависящей нерѣдко прямо отъ врожденной слабости».

Г. Покровскій справедливо вооружается противъ образа жизни такъ называемыхъ великосвѣтскихъ матерей семейства, уродующихъ себя и дѣтей, противъ безобразныхъ мѣръ предупрежденія зачатія и т. п. Онъ указываетъ на безмысленные, жестокіе и крайне вредные обычаи при разрѣшеніи отъ бремени, практикуемые у различныхъ народовъ, находящихся на низкой ступени культурнаго развитія. Послѣ длиннаго ряда примѣровъ, авторъ высказываетъ печальное заключеніе о томъ помѣщеніи, въ какомъ ребенку, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, приходится начинать и продолжать свою физическую жизнь. Обширная работа г. Покровскаго, въ которой онъ приводитъ много свѣдѣній о пагубныхъ послѣдствіяхъ невѣжества и суевѣрія (крещенія, напримѣръ, въ холодной водѣ), можетъ принести значительную пользу русскому обществу, если почтенный авторъ сведетъ свой трудъ къ опредѣленному количеству точныхъ выводовъ, насколько это допускаетъ современное состояніе науки.

Сочиненія И. А. Салова. Два тома. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб., 1884 г.

Повѣсти и рассказы г. Салова появлялись въ повременныхъ изданіяхъ. Они читаются не безъ интереса и обнаруживаютъ въ авторѣ наблюдательность и свѣтлый взглядъ на явленія современной русской жизни. Должно замѣтить, однако, что кругъ наблюденій г. Салова не великъ, дѣйствующія лица въ его рассказахъ повторяются, а самая значительная по объему повѣсть *Грачевскій крокодилъ* отличается нѣкоторою каррикатурностію.

Героинею *Путиловскаго реента* выведена какая-то шаблонно-демоническая дѣвица; маленькіе же рассказы, какъ *Асидъ*, носятъ характеръ недостаточно обработанныхъ очерковъ. Встрѣчаются небрежности въ изложеніи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ авторъ говоритъ, что въ послѣднюю войну съ Турціей мы взяли Эрзерумъ; на стр. 99-й тома втораго мы встрѣчаемъ слѣдующій неправильный оборотъ: «я пошелъ назадъ, но, немного не доходя дома, въ кустахъ сирени послышался шепотъ». Г. Саловъ прибѣгаетъ иногда къ рискованнымъ сравненіямъ. Говоря о вѣтерѣ, пробѣгавшемъ по верхушкамъ сосноваго лѣса, онъ замѣчаетъ: «Точно сотни невидимыхъ существъ стучали гдѣ-то палочками и дразнили насъ этой странной музыкой».

Намъ больше всего понравилась *Разбитая жизнь*, гдѣ просто и тепло передается о судьбѣ молоденькой дѣвушки, вышедшей замужъ за безсердечнаго кулака и бѣжавшей отъ него съ семинаристомъ-учителемъ. Послѣдній, умный и добрый по природѣ человекъ, оказался горькимъ пьяницей и негодяемъ. Онъ обираетъ и, наконецъ, прогоняетъ беременную Надежду Ивановну, которая пріютилась (дѣло происходитъ въ селѣ) на мельницѣ мѣстнаго купца. Передъ несчастною женщиною блеснулъ было радостный лучъ: возможность стать народной учительницей. Но тутъ мужъ присылаетъ требованіе вернуться къ нему, не скрывая намѣренія издѣваться надъ связанною по закону женою. Надежда Ивановна не выдержала новой бѣды и повѣсилась въ лѣсу.

При расширеніи наблюдательности, при тщательной работѣ надъ своимъ дарованіемъ, г. Саловъ можетъ, думается намъ, написать такое произведеніе, которое займетъ видное мѣсто въ нашей современной беллетристикѣ.

Промыслы Владимірской губерніи. С. А. Харизоменова. Изданіе А. И. Баранова. Выпускъ V. Москва, 1884 г.

Въ названномъ выпускѣ въ высшей степени полезнаго изданія г. Баранова напечатано изслѣдованіе г. Харизоменова о промыслахъ Переяславскаго и Александровскаго уѣздовъ Владимірской губерніи. Статистическія работы почтеннаго изслѣдователя уже обратили на себя вниманіе печати своими выдающимися достоинствами. Новый трудъ г. Харизоменова свидѣтельствуетъ о томъ, что этотъ изслѣдователь, продолжая свою полезную дѣятельность, стремится и расширять кругъ своихъ наблюденій, и совершенствовать приемы описанія и изученія. Имъ собрана масса интересныхъ фактовъ.

Г. Харизоменовъ отмѣчаетъ, что земельная частная собственность сильно концентрируется въ рукахъ кулаковъ. Земли, покупаемыя обществами, въ мірской передѣлѣ не поступаютъ, а находятся въ чрезполосномъ подворно-наслѣдственномъ пользованіи. Изъ 59 общинъ Переяславскаго уѣзда въ восьми не было коренныхъ передѣловъ со времени ревизіи—для крестьянъ

государственныхъ, со времени освобожденія — для бывшихъ крѣпостныхъ. Въ большинствѣ общинъ (53%) приобладаютъ долгіе сроки передѣловъ (отъ 11 до 20 лѣтъ). Г. Харизоменовъ говоритъ, что крестьянской общинѣ очень трудно отрѣшиться отъ тягловой крѣпостнической организаціи: «Исчезли причины, которыя ее создали, но осталась привычка къ ней, весь складъ крестьянскаго обычнаго воззрѣнія, отъ котораго отказаться не такъ легко» (стр. 25).

Свѣдѣнія, собранныя г. Харизоменовымъ о промыслахъ Переяславскаго и Александровскаго уѣздовъ, подтверждаютъ тѣ заключенія, къ которымъ уже пришли лица, занимавшіяся этимъ важнымъ вопросомъ. Изнурительная и весьма продолжительная работа въ различныхъ промышленныхъ заведеніяхъ доставляетъ, въ большинствѣ случаевъ, весьма скудный заработокъ. Маліе мастера, подъ давленіемъ соперничества, вытѣсняются изъ производства, и промышленныя предпріятія все болѣе и болѣе сосредоточиваются въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ Переяславскаго уѣзда встрѣчаются артельные свѣтелки, принадлежащія ткачамъ. Появились онѣ не ранѣе 1870 года. Были ли прежде подобнаго рода случаи, г. Харизоменову неизвѣстно. «Врядъ ли, впрочемъ,—прибавляетъ онъ,—можно сомнѣваться, что совмѣстное пользованіе свѣтелкой, какъ естественный результатъ семейныхъ раздѣловъ, имѣло мѣсто и раньше. Что же касается общей постройки или покупки свѣтелки, то, по утвержденію крестьянъ, такихъ способовъ возникновенія артельного владѣнія до 70-хъ годовъ не было». Стремленіе къ артельнымъ постройкамъ возникло подъ давленіемъ комиссіонеровъ, которые стали съ крайнею неохотою отдавать работу по набамъ. Это обстоятельство и заставило недостаточныхъ хозяевъ, которые раньше вели ткачество въ избахъ, складываться въ артели. Въ этихъ артеляхъ участвуютъ и крупныя комиссіонеры, что лишаетъ ихъ отчасти, въ нашихъ глазахъ, благотворнаго значенія, но что является необходимымъ при нынѣшнихъ условіяхъ кустарнаго производства, которому ни откуда не приходится помощи въ борьбѣ съ крупными предпринимателями. Ткачи Переяславскаго уѣзда имѣютъ дѣло (за исключеніемъ одного крестьянина) съ готовыми основами и уткомъ, которые черезъ посредство комиссіонеровъ доставляютъ имъ фабриканты. Они только мотають шпудки и ткуть. Окончательная отдѣлка тканей производится на фабрикахъ».

Средній рабочій день для ткачей начинается съ 4—5 часовъ утра и продолжается до 9—10 часовъ вечера; иногда онъ значительно больше. Въ началѣ осени и весной ткача отрываютъ земледѣльческія работы. Г. Харизоменовъ, указывая на трудность поэтому точнаго опредѣленія рабочаго времени, говоритъ, что ткачъ сплошь и рядомъ сидитъ за станомъ 15—16 часовъ. Заработная плата въ Переяславскомъ уѣздѣ подвергается сильнымъ колебаніямъ. Въ 1882 году она упала весьма низко: съ аршина ткани приходится ткачу отъ 1½ до 2½ коп. Хорошій ткачъ можетъ заработать

въ зиму 40—50 рублей, но въ среднемъ выводѣ чистый годово́й доходъ ткача не превышаетъ жалкой суммы—15-ти рублей. Въ Александровскомъ уѣздѣ той же Владимирской губернии плата значительна выше, и эта разница не въ пользу Переяславскаго уѣзда объясняется его сравнительно удаленностью отъ центровъ промышленности.

Сходныя явленія наблюдаются въ полотняномъ производствѣ. Въ трехъ селеніяхъ уѣзда издавна существуетъ производство горшковъ. Горшки гѣпятъ въ жилыхъ избахъ, тамъ же ихъ просушиваютъ, а обжигаютъ въ особе приспособленныхъ горнахъ, которые ставятся на задахъ усадебъ. Горни устраиваютъ нѣскольکو хвелевъ сообща, — два, три, даже пять домовъ. При обжиганіи между артельщиками не соблюдается очереди; топитъ горни тотъ, кто нахѣренъ работать. «Все значеніе артели, — замѣчаетъ г. Харизоменовъ, — выражается лишь въ томъ, что постоянная попеременная топка не даетъ горну остынуть. Совмѣстное отопленіе всѣми артельщиками наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, если горни отъ продолжительнаго неупотребленія замерзъ или его залило дождемъ. Въ такихъ случаяхъ, чтобы разогрѣть горни, требуется сжечь до сажени дровъ, и эти дрова доставляются артельщиками поровну». Среднимъ числомъ, горшечникъ сработаетъ въ день до 20 пятикопѣечныхъ горшковъ, и г. Харизоменовъ опредѣляетъ чистый годово́й доходъ производства въ 125 руб., прибавляя, однако, что «нельзя забывать тѣ расходы, которые сопряжены съ заготовкой матеріаловъ и особенно сбытомъ надѣлій на ярмаркахъ и базарахъ. Они поглощаютъ весьма значительную долю чистаго дохода». Промыселъ этотъ ожидается, по мнѣнію г. Харизоменова, гибель въ скоромъ времени вслѣдствіе дороговизны дровъ и глины. «Промыселъ могъ бы держаться и развиваться въ томъ случаѣ, если бы онъ усвоилъ болѣе совершенныя приемы крупнаго производства, какіе мы встрѣчаемъ въ Гжельскомъ округѣ или въ Жаровской волости, Покровскаго уѣзда. Ожидать этого, однако, трудно и по недостаточной предпримчивости переяславскихъ горшечниковъ, и по незавиднымъ качествамъ мѣстной глины».

Недостатокъ предпримчивости и крайне слабое распространеніе образованія не даютъ во многихъ, очень многихъ случаяхъ возможности вернуться дарованіямъ русскаго народа. Въ округѣ полотнянаго, напримѣръ, производства Переяславскаго уѣзда среди мужчинъ грамотныхъ 25%, среди женщинъ—0,5%.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, въ одномъ изъ селеній Александровскаго уѣзда, въ деревнѣ Черницкой, возникло производство молотилокъ и вѣялокъ. Теперь это производство распространилось въ тридцати селеніяхъ (работаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и плуги). Встрѣчаются случаи артельного владѣнія молотилками. Но при этомъ г. Харизоменовъ наблюдалъ и печальныя явленія: «Ремонтъ артельной молотилки долженъ производиться на общій счетъ. Это обстоятельство служитъ источникомъ непрестанныхъ пререканій, которыя влекутъ за собою распаденіе артелей. Вмѣсто

того, чтобы сообща произвести ремонтъ, совладѣльцы стараются свалить починку одинъ на другаго, перекоряясь другъ съ другомъ о томъ, кто сломалъ машину. Крестьяне находятъ артельное владѣніе машинами явлениемъ временнымъ и ненормальнымъ, вызваннымъ или семейнымъ раздѣломъ, или нуждой, недостаткомъ денегъ при первоначальномъ обзаведеніи, недостаточнымъ числомъ лошадей и работниковъ».

Кромѣ названныхъ, въ Переяславскомъ уѣздѣ существуетъ промыслы бондарный, смолокурный, красильное производство, выдѣлка овчинъ, сапоговаляльное производство. Последнее возникло послѣ 1870 года. Всѣ эти промыслы большого значенія не имѣютъ. Въ нѣсколькихъ деревняхъ существуютъ спичечныя заведенія, которыя изготовляютъ вѣстѣ (двѣнадцать заведеній) до 15,000 ящиковъ, на сумму около 22,000 руб. За эту цѣну спички переходятъ въ руки скупщиковъ, потребители же выплачиваютъ около 50,000 рублей. Опять доказательство того, какъ было бы полезно оказать содѣйствіе кустарямъ устройствомъ, напримѣръ, складовъ для продажи ихъ произведеній. Впрочемъ, спичечный промыселъ не имѣетъ, какъ кустарный, будущности, и съ теченіемъ времени мелкія фабрички должны уступить свое мѣсто крупнымъ предпріятіямъ. Кромѣ того, — мы не разъ уже говорили объ этомъ, — производство спичекъ крайне вредно отражается на здоровьи рабочихъ. «Только самая крайняя бѣдность, — справедливо говоритъ г. Харизоменовъ, — побуждаетъ заниматься производствомъ, которое, давая ничтожныя заработки, грозитъ искалѣчить человека на всю жизнь». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы говорили о необходимости законодательнаго регулированія этого вреднаго производства (слѣдуетъ, — и давно уже, — запретить употребленіе желтаго фосфора при изготовленіи спичекъ).

Въ приложеніи къ изслѣдованію г. Харизоменова помѣщены свѣдѣнія о производствѣ миткаля и полушерстяныхъ тканей въ Александровскомъ уѣздѣ.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Спб., 1884 г.

Учительницамъ харьковской частной воскресной школы пришла счастливая мысль составить указатель книгъ для чтенія народу и дѣтямъ, которыя обучаются въ начальныхъ школахъ. Въ указателѣ приводится заглавіе, число страницъ, имя автора и издателя, годъ и мѣсто изданія, цѣна его, краткое изложеніе содержанія, критическая оцѣнка, вопросы для провѣрки степени усвоенія книги читавшими ее. При многихъ сочиненіяхъ, преимущественно изъ области словесности, приводятся отзывы прочитавшихъ сочиненіе. Составительницы указываютъ и многія напечатанныя рецензіи на разбираемыя книги. Учебники и книги для класснаго чтенія въ указателѣ не вошли. Разобрано болѣе 1,000 сочиненій, въ томъ числѣ литературный отдѣлъ заключаетъ въ себѣ 313 названій, историческій — 287

(кроме того, 85 биографій), естествознаніе—122, земское дѣло и народное хозяйство—9 названій. Ничтожность послѣдней цифры невольно наводитъ на самыя печальныя размышленія.

Трудъ харьковскихъ учительницъ *) исполненъ съ величайшею добросовѣстностію и съ теплою любовію къ дѣлу. Стоить указатель,—большой томъ въ два столбца, почти въ 800 страницъ,—только два рубля. Нельзя не пожелать полного успѣха этому прекрасному изданію. Приведемъ несколько примѣровъ, чтобъ познакомить читателей съ характеромъ *Критическаго указателя*.

Высокоталантливый рассказъ графа Л. Н. Толстаго *Чѣмъ люди живутъ* производятъ на дѣтей сильное впечатлѣніе. Понять весь глубокій смыслъ рассказа дѣти, конечно, не въ состояніи, но отвѣты ихъ указываютъ, что имъ чувствуется этотъ смыслъ. Одна дѣвочка на вопросъ, чѣмъ же люди живы? отвѣтила: добротою. Вторая сказала, торжественно приостановившись: любовью. Нѣкоторые могли только передать содержаніе рассказа, не будучи въ состояніи отвѣтить на вопросъ. Другія сочиненія графа Л. Н. Толстаго производятъ также сильное и благотворное впечатлѣніе. Гуманныя идеи многихъ произведеній Тургенева вполне доступны дѣтскимъ чувствамъ и пониманію. Въ *Указатель* приведены пересказы и отзывы дѣтей о *Жизель моцартъ*, *Пльцахъ*, *Бирюкѣ*, *Муму* и нѣкоторыхъ другихъ. Въ отзывахъ этихъ встрѣчаются, конечно, иной разъ нелѣпости, но часто отъ нихъ вѣетъ свѣжестію чистаго чувства и ясной мысли. Издательницы собрали отзывы учениковъ и ученицъ и городскихъ, и сельскихъ школъ, что представляетъ весь поучительный матеріалъ для сравнительныхъ выводовъ. Такъ, городскія дѣти оказываются говорливѣе деревенскихъ, горе и радость выражаются у нихъ быстрѣе и ярче; крестьянскія ребятшкіи сосредоточеннѣе, не столь экспансивны, но глубоко усваиваютъ себѣ все содержаніе рассказа, который ихъ интересуется. Подобное явленіе замѣчалось, напримѣръ, при чтеніи *Муму*.

Разборъ воспитательныхъ приемовъ самихъ составительницъ *Критическаго указателя* можетъ быть дѣломъ педагогическихъ изданій. Само собою разумѣется, что въ этомъ отношеніи были и промахи. Вопросы иной разъ, по нашему мнѣнію, формулированы нѣсколько книжно, что должно было затруднять для дѣтей пониманіе, путать ихъ отвѣты. Намъ кажется, напримѣръ, что не слѣдовало бы спрашивать: много ли *привязанностей* было у Герасима (въ *Муму*)? Не проще ли было бы сказать: кого любилъ Герасимъ? Но, разумѣется, и въ подобныхъ случаяхъ — *la critique est aisée l'art est difficile*. Почтенныя издательницы *Критическаго указателя* и сами признаются въ ошибкахъ и пробѣлахъ и ждутъ педагогической критики.

Разборъ книгъ по земскому дѣлу и народному хозяйству принадлежитъ

*) Г-жа Алчевская, Гордѣева, Грищенко. З. И. Дашкевичъ, Л. И. Дашкевичъ. Есинвичъ, А. Д. Иванова, М. А. Иванова, Калимыкова, Пенго, Руднева, Цвѣткова.

покойному педагогу, барону Николаю Александровичу Корфу. Эта работа была лебединою пѣсней знаменитаго земскаго дѣятеля, который такъ много и такъ честно потрудился для распространенія народнаго образованія. «Не въ интересѣ ли государства и земства то, чтобы въ крестьянствѣ пустила корни идея земскаго согласія, — замѣчаетъ баронъ Корфъ, — чтобы крестьянинъ не поддавался эксплуатаціи различныхъ жулаговъ, пользующихся его матеріальною или умственною нищетою. А почти нѣтъ такихъ книгъ, которыя хотя сколько-нибудь выяснили бы огромному большинству русскаго народа отношенія одного сословія къ другимъ, законы самоуправленія, которое у насъ предоставлено въ весьма широкихъ размѣрахъ народу». Баронъ Корфъ разбираетъ слѣдующія книги: *Разказы о царствѣ Бовы-королевича* Александра Иванова (отзывъ одобрителный; рецензентъ предостерегаетъ только отъ нѣкоторыхъ выводовъ автора); *Земская служба* Н. Блинова (намъ приходилось говорить въ *Русской Мысли* объ этой прекрасной книжкѣ). Баронъ Корфъ очень хвалитъ ее и другое сочиненіе того же автора: *Сельская общественная служба*. Заслуживаютъ одобренія: *О дѣлахъ житейскихъ* (рассказъ стараго учителя), *Общая воинская повинность* (чтеніе въ Солянскомъ городѣ) М. Острогорскаго, *Гдѣ и какъ дешево добыть денегъ?* (ссудо-сберегательныя товарищества). Объ остальныхъ разбираемыхъ сочиненіяхъ для народа и дѣтей отзывы барона Корфа въ значительной степени или даже совсѣмъ неодобрителны, а названнымъ книжкамъ нельзя не пожелать самаго широкаго распространенія. Одною только отзывомъ покойнаго педагога мы не можемъ раздѣлить вполне — о книжкѣ *Бережь и трудъ* (переработка сочиненія М. Блока). По нашему мнѣнію, она не заслуживаетъ большихъ похвалъ.

Русская Мысль имѣетъ въ виду дать своимъ читателямъ особую статью по поводу *Критическаго указателя* и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ изданій.

Краткій курсъ политической экономіи въ связи съ финансами. Д. В. Ходскаго. Спб., 1884.

Русская литература бѣдна курсами политической экономіи. Сочиненія г. Вредена, Капустина и Антоновича отличаются въ большей степени недостатками, чѣмъ достоинствами. Нельзя поэтому не привѣтствовать попытки молодого ученаго, магистерское разсужденіе котораго *Поземельный кредитъ въ Россіи* (оно печаталось въ нашемъ журналѣ) доставило автору почетную извѣстность.

Г. Ходскій предназначаетъ свой курсъ для тѣхъ, «кто, не изучая спеціально политической экономіи, тѣмъ не менѣе, желалъ бы нѣсколько ознакомиться съ этимъ предметомъ огромной важности для практической жизни». Стройность, ясность и живость изложенія вполне удовлетворяютъ этой цѣли труда почтеннаго автора. На нашъ взглядъ, однако, работа г. Ходскаго отличается нѣкоторою торопливостію. О ней свидѣтельствуетъ отчасти при-

ложенный къ книгѣ указатель пособій и источниковъ. Такъ, авторъ приводитъ извѣстное сочиненіе Ланге по рабочему вопросу въ изданіи 1870 года, тогда какъ оно было значительно переработано Ланге и вышло въ 1874 году третьимъ изданіемъ, а въ 1879 (по смерти нѣмецкаго писателя. уже безъ переизданія) четвертымъ. Въ числѣ руководствъ по наукѣ о финансахъ г. Ходскій помѣщаетъ учебникъ Умфенбаха и совсѣмъ не упоминаетъ о замѣчательномъ трудѣ Лоренца Штейна и т. д.

Это не мѣшаетъ, конечно, курсу г. Ходскаго быть радушно встрѣченнымъ съ нашей стороны. По нѣкоторымъ вопросамъ мы не раздѣляемъ воззрѣній почтеннаго автора. По его мнѣнію, напримѣръ, экономическая наука, считая пріобрѣтеніе съ наименьшими усиліями наибольшей суммы цѣнностей главнымъ принципомъ хозяйственной дѣятельности человѣка, разумѣетъ при этомъ не всякое пріобрѣтеніе, а лишь такое, которое не вредитъ интересамъ всего народнаго хозяйства. «Въ этомъ отношеніи, прибавляетъ г. Ходскій, экономическая наука опирается на нравственность и не должна расходиться съ требованіями и велѣніями послѣдней» (стр. 5—6). На нашъ взглядъ, въ этихъ словахъ смѣшиваются задачи науки и искусства. Только послѣднее,—въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, не политическая экономія, а экономическая политика,—можетъ и должно приниматьъ какъ цѣль, какъ желательное, предписанія нравственности или общественной пользы, а наука лишь изслѣдуетъ преемственную связь или сосуществованіе явленій. Иной разъ авторъ высказываетъ мысли по практическимъ вопросамъ, съ которыми, опять-таки, мы не можемъ согласиться. Такъ, раздѣляя воззрѣніе, осуждающее государственные лотерейные займы, г. Ходскій оговаривается, что это воззрѣніе «пришлось бы значительно смягчить, если бы организація лотерейныхъ займовъ была нѣсколько иная, чѣмъ теперь» (стр. 362). Измѣненія почтенный авторъ предлагаетъ слѣдующаго рода: а) выпускъ процентныхъ выигрышныхъ билетовъ, погашаемыхъ тиражемъ съ возвратомъ номинальной цѣнности ихъ; при этомъ помѣщеніе капиталовъ въ выигрышный заемъ отличалось бы отъ помѣщенія ихъ въ другія процентныя бумаги только меньшимъ доходомъ и шансами выигрыша; б) невысокая номинальная цѣна билетовъ или допущеніе продажи ихъ по частямъ, такъ чтобы небогатое населеніе безъ особенныхъ усилій могло помѣщать въ выигрышные билеты свои скудныя сбереженія; в) незамынутость займа, т. е. чтобы выпускъ новыхъ билетовъ продолжался въ зависимости отъ спроса на нихъ, такъ чтобы каждый желающій могъ пріобрѣсти выигрышный билетъ по номинальной цѣнѣ. «Послѣднее,—говоритъ г. Ходскій,—отняло бы отъ выигрышныхъ билетовъ спекулятивный характеръ»; но уважаемый авторъ упускаетъ изъ виду, что такимъ образомъ создавался бы заемъ на какую-то неопредѣленную сумму, съ неопредѣленнымъ количествомъ билетовъ, — дѣло явно невозможное. Привлеченіе скудныхъ сбереженій, причѣмъ проценты по нимъ были бы ниже, чѣмъ проценты по другимъ государственнымъ бумагамъ, въ лотерейныя займы мы считаемъ

именно поэтому невыгоднымъ для народнаго благосостоянія, а самую идею лотерейныхъ выигрышей осуждаемъ съ точки зрѣнія нравственности и здравой экономической политики.

Для первоначальнаго ознакомленія съ политической экономіей книга г. Ходскаго очень полезна. Авторомъ введены въ курсъ свѣжія данныя о фабричномъ законодательствѣ, о бюджетахъ великихъ государствъ и т. п.

Возрожденіе классической древности или первый вѣтъ гуманизма. *Георга Фойгта*. Переводъ И. П. Рассадина. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Томъ I. Москва, 1884.

Книга Фойгта, живо написанная, основанная на глубокомъ изученіи эпохи, составляетъ очень цѣнное приобрѣтеніе нашей переводной литературы. Время разцвѣта наукъ и искусствъ, извѣстное подъ именемъ Возрожденія, представляетъ чрезвычайно много привлекательнаго и поучительнаго.

Гуманизмъ выступилъ противъ римско-католическихъ притязаній на руководство жизнью западно-европейскихъ народовъ. «Господствующая церковь,—говоритъ Фойгтъ,—не терпитъ индивидуальнаго человѣка. Все должно стать покорнымъ звеномъ въ цѣпи ея систематики и подчиниться закону ея установленій. Она не признаетъ частной духовной собственности. Съ такой же точки зрѣнія она обошлась и съ классической литературой. Вотъ почему классическія произведенія были произвольно укорачиваемы и расширяемы, христіанизуемы и искажаемы» (стр. 13). Уже въ твореніяхъ Данта чувствуется вѣяніе новаго духа, возрожденіе лучшихъ преданій греко-римскаго міра. Въ его поэмѣ христіанскія воззрѣнія перемѣшиваются съ языческими, исторія съ мифами съдой классической старины. Но «новый міръ гуманизма былъ открытъ Франческо Петраркою» (стр. 23). По мнѣнію Фойгта, личность его съ поразительной наглядностью уясняетъ намъ великую роль гениаго всемірной исторіи. Петрарка является «пророкомъ новаго времени, родоначальникомъ новѣйшихъ поколѣній» (стр. 123). Въ немъ, въ противоположность средневѣковымъ сословіямъ и корпораціямъ, смѣло и свободно выступила на сцену исторіи личность. «Петрарка,—говоритъ Фойгтъ,—оказалъ много услугъ классическимъ наукамъ, сильно содѣйствовалъ паденію схоластики, но несравненно выше и величественнѣе всѣхъ заслугъ его, это—выработка собственной личности». Вслѣдствіе этого умственное возбужденіе, шедшее отъ Петрарки, было глубоко и плодотворно. Гуманистическое движеніе сосредоточилось, главнымъ образомъ, во Флоренціи. «Многія условія споспѣшествовали тому, что Флоренція стала центромъ сильнаго умственнаго движенія, утонченныхъ нравовъ, оживленной литературной и художественной дѣятельности. Прежде всего, этому содѣйствовалъ республиканскій духъ ея, который былъ тѣмъ могучее, что столица Тосканы, поднявшись на степень итальянскаго государства, постоянно должна

была отражать нападенія властителей верхней и средней Италіи. Свободное государство сдѣлалось бы жертвою политическихъ бурь, не будь оно проникнуто гражданскимъ чувствомъ, не обладай политическою зрѣлостью, образованностью и богатствомъ» (стр. 151). Въ другихъ государствахъ раздробленной тогда Италіи, при дворахъ нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ государей, гуманизмъ также нашелъ себѣ пріютъ и покровительство, хотя это покровительство и сопровождалось отчасти печальными послѣдствіями, потому что при дворѣ голосъ ученаго и художника звучалъ не всегда свободно, и многіе изъ гуманистовъ повинны въ непривлекательной льстивости передъ сильными міра сего. Переводчикъ сочиненія Фойгта на русскій языкъ, въ предисловіи, старается до извѣстной степени извинить это низкопоклонство. Онъ говоритъ, что «эти слабости и увлеченія, неизбѣжные спутники каждаго смертнаго, сошли въ могилу вмѣстѣ съ ними (гуманистами), не нанеши вреда потомству, тогда какъ ихъ ученія заслуги легли въ основу дальнѣйшаго развитія человѣчества». По нашему мнѣнію, существованіе разлада между словомъ и дѣломъ, между образомъ мыслей, сочиненіями или художественными произведеніями и жизнью ихъ творца сопровождается вредомъ и для потомства, ослабляетъ нравственное воздѣйствіе высшихъ ученій. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что многіе гуманисты отличались поразительною стойкостью и неподкупностью.

Съ выходомъ втораго тома *Возрожденія классической древности* русскіе читатели приобретутъ, какъ мы уже замѣтили, капитальное сочиненіе по одной изъ важнѣйшихъ эпохъ въ исторіи человѣчества.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ. Томъ IV. Темниковскій уѣздъ. Изданіе тамбовскаго губернскаго земства. Тамбовъ, 1883 г.

Въ теченіе 1883 года тамбовское губернское земство издало 2 тома трудовъ своихъ статистиновъ: IV-й томъ—Темниковскій уѣздъ и V-й—Спасскій уѣздъ. Познакомимся сначала съ статистическими свѣдѣніями IV-го тома. Онъ заключаетъ въ себѣ подробный очеркъ крестьянскаго хозяйства въ Темниковскомъ уѣздѣ и распадается на 4 главы: I-я—землевлдѣніе, II-я—земледѣліе и скотоводство, III-я—аренда и сдача земли крестьянами и мѣстные земледѣльческіе заработки, IV-я—внѣземледѣльческіе промыслы крестьянъ. Кромѣ того, въ видѣ приложенія помѣщены: подробныя (83 графы) таблицы свѣдѣній объ экономическомъ положеніи каждой общины и ихъ повозостныхъ и поразрядныхъ группъ, а также матеріалы для оцѣнки земель и карта уѣзда.

Подворною переписью 1882 года крестьянское населеніе Темниковскаго уѣзда опредѣлилось въ 113,000 душъ обоого пола; оно состоитъ изъ русскихъ, мордвы и татаръ:

Русскихъ	76,000	душъ	обоого	пола	или	67,3%
Мордвы	31,000	»	»	»	»	27%
Татаръ	6,000	»	»	»	»	5,3%.

Несмотря на громадное преобладание русскаго населенія (болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ крестьянъ уѣзда), коренное населеніе здѣсь мордва и татары. Нѣкоторыя русскія деревни ведутъ свое происхожденіе то же отъ этихъ инородцевъ, издавна обрусѣвшихъ. Впрочемъ, вліяніе племенныхъ различій на хозяйственную жизнь крестьянъ настолько незначительно, что г. Романовъ (составитель сборника) ведетъ группировку данныхъ крестьянскаго хозяйства по инымъ, преимущественно экономическимъ факторамъ. Послѣдуемъ и мы за нимъ.

Размѣръ крестьянскаго надѣла въ среднемъ для всего уѣзда — 3,2 десятины на рев. душу; но, какъ и вездѣ, бывшіе государственные крестьяне (составляющіе почти $\frac{1}{2}$ крестьянскаго населенія уѣзда) значительно лучше снабжены землей, чѣмъ крестьяне, бывшіе помѣщичьи: у перваго разряда въ среднемъ выводѣ по 4,3 десят. на рев. душу, у вторыхъ — меньше 2-хъ (1,9) десятинъ; положеніемъ же 19 февраля для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Темниковскаго уѣзда высшій размѣръ надѣла определенъ въ 3 десят. на рев. душу. Всѣхъ крестьянъ съ малыми надѣлами, недостающими указанной нормы въ 3 десят. на рев. душу:

У бывшихъ помѣщичьихъ	15,298	рев. душъ,	т.-е.	69%	душъ	разряда.
»	»	государствен.	2,172	»	»	10%

Итого по уѣзду 17,470 рев. душъ, т.-е. 40% душъ разряда.

Преобладающая здѣсь форма владѣнія землей—общинная. Изъ всѣхъ 418 общинъ только у 35 (съ 8% всего населенія уѣзда) большая часть надѣла находится въ подворно - наследственномъ владѣніи, но и у нихъ часть земли въ нераздѣльномъ владѣніи общины. Всѣ эти 35 обществъ съ наследственной землей состоятъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а изъ остальныхъ 383-хъ общинъ — 277 приходится на долю бывшихъ помѣщичьихъ и только 106 — на долю бывшихъ государственныхъ. Во время X ревизіи всѣ эти 106 общинъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ разверстали свою надѣльную землю по числу мужскихъ ревизскихъ душъ; съ тѣхъ поръ коренныхъ передѣловъ полей у нихъ не происходило до 1877 года и онѣ владѣли землей на основаніи прежней разверстки. Въ промежутокъ между 1877 и 1882 годами многія *) изъ нихъ произвели коренные передѣлы, разравнявъ свою надѣльную землю по числу наличныхъ мужскихъ душъ каждой семьи, какъ это сдѣлано во многихъ общинахъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ и другихъ уѣздовъ губерніи. Требованіе положенія для передѣла земли большинства $\frac{2}{3}$ домохозяевъ порождаетъ сильные раздоры между однообщинниками. Въ одной деревнѣ, напримѣръ, не желавшее передѣла меньшинство, состоя изъ зажиточныхъ дворовъ, наняло себѣ адвоката и обжаловало рѣшеніе схода въ

*) Коренные передѣлы произведены тогда 26 наиболѣе крупными общинами бывшихъ государственныхъ крестьянъ; въ нихъ до 60% всѣхъ крестьянъ - общинниковъ этого разряда.

уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе; послѣднее признало приговоръ о передѣлѣ неправильнымъ, и дѣло перешло въ губернское присутствіе; фактически же передѣлъ совершонъ. Благодаря этому, объ партіи, по словамъ крестьянъ, во враждѣ другъ съ другомъ; а, между тѣмъ, весь споръ изъ-за 2-хъ голосовъ, которыхъ, по мнѣнію недовольнаго меньшинства, не достаетъ до $\frac{2}{3}$. Въ виду того, что малоплодородная почва Темниковскаго уѣзда требуетъ заботливаго удобренія полей, большая часть общинъ, передѣлавшихъ свою землю, постановили не производить новаго передѣла раньше 12 лѣтъ; у остальныхъ онъ предположенъ чрезъ 9—11 лѣтъ. Кромѣ упомянутыхъ коренныхъ передѣловъ, никакихъ переверстоковъ общественной земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ со времени X ревизіи не производилось.

При крѣпостномъ правѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне были надѣляемы землей потягольно. При введеніи уставныхъ грамотъ и эта категорія крестьянъ Темниковскаго уѣзда приняла за единицу разверстки ревизскую душу; но обременительные платежи при малой доходности надѣла скоро заставили многія изъ этихъ общинъ нѣсколько отступить отъ принятаго ими основанія разверстки, а нѣкоторыя изъ нихъ приняли даже разверстку по наличнымъ работникамъ за основное правило. Понятно, все это заставило бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ производить въ первые годы по освобожденіи довольно частыя пережеребьевки своихъ полей; но крестьяне и прежде старались избѣгать частыхъ переверстоковъ земли, а въ послѣднее время онѣ стали и вовсе рѣдки, такъ какъ доходность надѣловъ поднялась, и каждая семья старается удержать ихъ за собой. Во многихъ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ происходятъ теперь оживленные споры о болѣе уравнительномъ распредѣленіи надѣльной земли; окончательно же передѣлъ ея по наличнымъ душамъ произведенъ лишь въ семи общинахъ; и здѣсь не обошлось безъ крупныхъ ссоръ изъ-за передѣла; доходило даже до драки.

Въ послѣднее время держался упорный слухъ, что въ законодательныхъ сферахъ поставленъ вопросъ о правѣ общинъ, приступившихъ къ выкупу, передѣлять свою надѣльную землю; крестьяне, которымъ невыгоденъ передѣлъ, тоже нерѣдко оспариваютъ у общины это право. Но мѣстныя изслѣдованія Тамбовской и нѣкоторыхъ другихъ губерній показали, что даже и у крестьянъ, состоящихъ на выкупѣ, коренные передѣлы надѣльныхъ земель далеко не исключительное явленіе. То же замѣчается и въ Темниковскомъ уѣздѣ: изъ 7 общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, уравнившихъ землю по наличнымъ душамъ, 5 произвели этотъ передѣлъ уже выйдя на выкупъ, причѣмъ три изъ нихъ начали вносить выкупные платежи съ 60-хъ годовъ. Такимъ образомъ, оказывается, что нѣкоторыя общины Темниковскаго уѣзда нашли возможнымъ приступить къ коренному передѣлу земли, несмотря на то, что ихъ отдѣльные домохозяева вносили выкупъ за находившіеся въ ихъ пользованіи надѣлы въ про

долженіе 14—16 лѣтъ. Такіе и подобныя факты общинной жизни не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида при рѣшеніи законодательнымъ путемъ вопроса о правахъ общины на распоряженіе ея надѣльной землей.

Минуя много другихъ интересныхъ данныхъ по общинному владѣнію Темниковскаго уѣзда, отмѣтимъ еще чрезвычайно важныя постановленія «большинства сходовъ» о передѣлахъ мірскихъ полей: въ нихъ общины признали за отдѣльными семьями право на особенно тщательно удобренныя ими участки полевой земли и согласились при новыхъ передѣлахъ оставлять ихъ за прежними хозяевами. Усадебная и приусадебная земля при коренныхъ передѣлахъ полей тоже уравнивалась по числу наличныхъ душъ каждой семьи; но въ виду понятныхъ неудобствъ при передѣлахъ такихъ угодій, это уравниваніе достигалось прирѣзкой или отрѣзкой лучшей и ближайшей къ усадьбамъ полевой земли. Переверстка сѣнокосовъ производится ежегодно въ большинствѣ общинъ; въ нѣкоторыхъ луга дѣлятся на тотъ же срокъ, какъ и полевая земля; нерѣдко цѣлая жеребьевая группа домохозяевъ косить траву сообща, дѣля ее копами между своими членами; во всѣхъ этихъ случаяхъ каждый домохозяинъ получаетъ на свою долю количество луга или сѣна, строго соразмѣрное съ числомъ его душевыхъ надѣловъ.

Всѣхъ общинъ, владѣющихъ надѣльной землей на наследственно-четвертномъ правѣ, 35; почти всѣ онѣ въ настоящее время состоятъ изъ русскихъ крестьянъ, происшедшихъ отъ давно обрусѣвшихъ и принявшихъ православіе татаръ; объ этомъ свидѣлствуютъ преданія и самыя фамиліи четвертныхъ владѣльцевъ. Названіе *четвертныхъ* крестьянъ произошло отъ старинной земельной мѣры — *четверти*, равной почти 1½ десятинамъ; этой мѣрой измѣрялась земля, поступавшая въ ихъ владѣніе. У четвертныхъ крестьянъ сохраняется преданіе, что ихъ предки были дворяне и князья, что они владѣли родовыми земельными участками, пожалованными имъ московскими государями; только впоследствии они зачислены въ подушный окладъ и стали платить оброчную подать за свою родовую землю, вполне сравнявшись, такимъ образомъ, съ государственными крестьянами. Около X ревизіи у многихъ общинъ четвертныхъ крестьянъ происходило размежеваніе земель съ сосѣдними владѣльцами; при этомъ каждое общество получило свою землю въ возможно округленныхъ участкахъ; предстояло опредѣлить владѣнія отдѣльныхъ дворовъ, совершенно спутанныя размежеваніемъ. Живя сплошными селеніями, нуждаясь въ общемъ выгонѣ и пастбищѣ по пару и жнивью, крестьяне нарѣзали свои наследственно-четвертные участки полевой земли чрезполосными клочками, стремясь при томъ урвать ихъ по качеству почвы и по разстоянію отъ селенія; словомъ, они приняли способъ распределенія полей между домохозяевами тотъ же, который всегда практикуется крестьянами-общинниками, съ той существенной разницей, что за основаніе разверстки было принято не число мужскихъ душъ, а число десятинъ наследственнаго владѣнія каждой семьи.

Точно такъ же владѣютъ полевой землей и четвертные крестьяне остальныхъ обществъ. Луга распределены между отдѣльными дворами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и пашня; но выгоны и лѣсные участки находятся у нихъ въ нераздѣльномъ владѣніи цѣлыхъ общинъ.

Въ Темниковскомъ уѣздѣ изслѣдователями не отмѣчено ни одного случая перехода отъ наследственно-четвертнаго владѣнія къ общинному; только въ одномъ селеніи послѣ размежеванія съ сосѣдними владѣльцами крестьяне подѣлили свои наследственные участки поровну, но и то не по душамъ, а по дворамъ, «обратно». Здѣсь нелишнее замѣтить, что въ другихъ мѣстностяхъ переходъ къ общинному владѣнію отъ четвертнаго былъ гораздо болѣе распространенъ, а, напримѣръ, на югѣ Рязанской губерніи онъ принялъ весьма значительные размѣры: почти всѣ бывшіе государственные крестьяне-общинники Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ раньше владѣли землей на наследственно-четвертномъ правѣ; такой переходъ къ общинному владѣнію въ нѣкоторыхъ обществахъ произошелъ не такъ давно, а въ иныхъ готовится даже въ настоящее время*). Наследственное владѣніе 35 общинъ Темниковскаго уѣзда влечетъ за собой, съ одной стороны, увеличеніе земельныхъ участковъ нѣкоторыхъ членовъ, съ другой—крайнее измельчаніе владѣній многихъ другихъ дворовъ; приведенныя въ сборникѣ таблицы убѣждаютъ, что у четвертныхъ крестьянъ земельная собственность распределена гораздо менѣе равномерно, чѣмъ даже у тѣхъ крестьянъ-общинниковъ, которые не производили коренныхъ передѣловъ земли съ X ревизіи.

Изъ сказаннаго о формахъ владѣнія крестьянскимъ надѣломъ можно между прочимъ, составить довольно ясное представленіе о томъ результатѣ, какой получился бы отъ замѣны общиннаго владѣнія подворно-наследственнымъ. При такой замѣнѣ внѣшнее устройство землевладѣнія не измѣнится: останется та же чрезполосность и разбросанность земельныхъ участковъ; выборъ системы хозяйства, время запашки, сѣвооборотъ будутъ такъ же мало зависѣть отъ усмотрѣнія отдѣльнаго домохозяина, какъ и при общинномъ порядкѣ; вся разница будетъ въ томъ, что домохозяинъ пріобрѣтетъ право отчужденія своего надѣльнаго участка, и всякій непредвидѣнный случай легко можетъ тогда обезземелить его и его наследниковъ; словомъ, обративъ общинное землевладѣніе въ подворное, крестьяне «не избавятся этимъ отъ стѣснительныхъ сторонъ» перваго, а всѣхъ существенныхъ выгодъ его несомнѣнно лишатся, замѣчаетъ г. Романовъ.

Почвы Темниковскаго уѣзда, — иловато-песчаная, иловато-глинистая, много и чистыхъ песковъ, — вообще или посредственные, или и вовсе плохи; поэтому крестьяне всюду удобряютъ свои поля навозомъ и, гдѣ возможно, стараются даже прикупить его. Расположеніе надѣловъ во многихъ селе-

*) «Сборникъ статист. свѣдѣній по Рязанской губ.», т. II, вып. I, стр. 4.

нихъ очень неудобно: не только у крупныхъ, но и у небольшихъ общинъ дальнія части полей отстоятъ иногда на 10—15 и даже на 20 верстъ отъ усадебъ. Такая разбросанность полевыхъ угодій крайне затрудняетъ вывозку навоза, проѣздъ на обрабатываемыя полосы, прогонъ скота на паръ и жнивье. Сѣвооборотъ повсюду принять трехпольный. Рожь—главный продуктъ крѣстьянскаго полеводства и единственный озимый посѣвъ крѣстьянъ; въ яровомъ клину сѣется преимущественно овесъ, но въ послѣднее время стали увеличивать посѣвы картофеля и проса. Подъ рожь обыкновенно производится три вспашки, рѣже двѣ, подъ овесъ поле перепахивается два раза; не только рожь, но въ большинствѣ случаевъ и овесъ жнутъ, а не косятъ; просо полять, а при сильномъ проростаніи сорныхъ травъ пропалываютъ и овесъ. Рожь при среднихъ урожаяхъ даетъ $4\frac{1}{2}$, овесъ—4 зерна; средній урожай проса не ниже самъ 15-ти (посѣвъ 2 мѣры на десяти), картофеля—самъ 5. При такихъ невысокихъ урожаяхъ главныхъ хлѣбовъ и при маломъ размѣрѣ посѣвовъ (въ среднемъ по уѣзду 4, ржи на душевой надѣль), крѣстьяне Темниковскаго уѣзда въ громадномъ большинствѣ случаевъ являются не продавцами, а покупателями хлѣба; нѣкоторые начинаютъ его покупать уже съ сентября. По приближительному расчету, на каждую душу обоего пола не хватаетъ для собственнаго продовольствія цѣлой четверти ржи; переводя это на деньги, оказывается, что крѣстьянамъ уѣзда необходимо заработать на покупку хлѣба для своего пропитанія чуть не вдвое больше, чѣмъ на покрытіе всѣхъ податей: податей сходитъ съ нихъ до 300,000 р., а на покупку хлѣба необходимо 500,000 р.

По отношенію количества скота къ населенію Темниковскій уѣздъ почти не отличается отъ Козловскаго и Моршанскаго: во всѣхъ на 100 душъ обоего пола по 44—45-ти головъ крупнаго скота. Но, благодаря своей малой запашкѣ, темниковскій крѣстьянинъ располагаетъ бѣльшими удобрительными средствами; на 10 паровыхъ десятинъ приходится: у крѣстьянина Темниковскаго уѣзда 20 головъ крупнаго скота, Моршанскаго—15, а у крѣстьянина Козловскаго уѣзда—только 12. Г. Романовъ дѣлитъ всѣ крѣстьянскія хозяйства на четыре категоріи: *несостоятельныя* (безлошадныя), *малосостоятельныя* (съ одной лошадейю), *среднесостоятельныя* (съ 2 и 3 лошадами) и *наибольше состоятельныя* (болѣе 3-хъ лошадей). Оказывается, что несостоятельныхъ и малосостоятельныхъ по Темниковскому уѣзду почти $\frac{2}{3}$ всѣхъ дворовъ, а къ послѣдней категоріи отнесены только $4\frac{1}{2}\%$; Темниковскій уѣздъ въ этомъ отношеніи значительно разнится отъ Борсогльбскаго, Козловскаго и Моршанскаго: въ 3-хъ послѣднихъ крѣстьяне двухъ бѣднѣйшихъ категорій составляютъ лишь $\frac{1}{2}$ ихъ семей, а наибольше состоятельныхъ дворовъ въ нихъ 10%. За то темниковскій крѣстьянинъ нѣсколько богаче рогатымъ скотомъ; на 100 человекъ обоего пола приходится: въ Темниковскомъ уѣздѣ—18 коровъ, въ Моршанскомъ—14, въ Козловскомъ—13.

Сравненіе цифръ скота четвертныхъ крестьянъ и крестьянъ - общинниковъ съ чрезвычайной наглядностью указываетъ невыгодную сторону наслѣдственныхъ участковъ: у четвертныхъ крестьянъ значительно большій процентъ несостоятельныхъ и окончательно обѣдѣвшихъ семей, чѣмъ у крестьянъ-общинниковъ, несмотря на то, что размѣръ надѣла первыхъ много больше (у четвертныхъ на рев. душу—4,2 десят., а по цѣлому уѣзду—3,2). Вотъ эти %:

	Безъ всякаго скота.	Безошадныхъ.
У четвертныхъ	21%	28%
У общинниковъ	8%	22%

Сѣнокосами и постоянными выгонами крестьяне Темниковскаго уѣзда нѣсколько богаче, чѣмъ крестьяне черноземныхъ уѣздовъ Тамбовской губерніи; но и здѣсь этихъ угодій далеко недостаточно; особенно нуждаются въ нихъ бывшіе помѣщичьи крестьяне. Впрочемъ, средства къ содержанию скота у обоихъ разрядовъ крестьянъ значительно уравниваются, благодаря ббльшей близости бывшихъ крѣпостныхъ къ частно-владѣльческимъ имѣніямъ,—это дѣлаетъ для нихъ арендованіе пастбищъ (а частію и покосовъ) болѣе доступнымъ. Благодаря меньшему проценту распаханыхъ земель, скотоводство темниковскаго крестьянина держится преимущественно на луговодствѣ, тогда какъ въ южныхъ уѣздахъ губерніи скотъ почти исключительно кормится продуктами полеводства; хотя въ Темниковскомъ уѣздѣ идетъ въ пищу скоту и солома, но ея здѣсь слишкомъ мало, и скотъ кормится, главнымъ образомъ, сѣномъ (своимъ и аренднымъ); въ южныхъ же уѣздахъ скотъ всю зиму ѣстъ солому, а сѣно видитъ лишь изрѣдка.

Арендваніе крестьянами частновладѣльческой земли—весьма распространенное явленіе въ Темниковскомъ уѣздѣ; одной пахотной земли снимается ими до 28,000 *) десят., что составляетъ 30% всѣхъ надѣльныхъ и арендныхъ пашень, находящихся въ пользованіи крестьянъ. Но арендная земля далеко не такъ равномерно распредѣлена, какъ пашня надѣла: въ арендѣ участвуютъ лишь немного болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ крестьянскихъ дворовъ (35,6%); наибольшее участіе въ ней принимаютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне; почти $\frac{1}{2}$ (48%) ихъ семей дополняютъ свои малые надѣлы сѣмкой большихъ или меньшихъ участковъ пашни частныхъ землевладѣльцевъ. Благодаря арендѣ, наиболѣе малоземельные крестьяне увеличиваютъ размѣры своей запашки вдвое и даже болѣе; громадная группа семей (около $\frac{2}{3}$ всѣхъ дворовъ уѣзда) съ наименьшимъ посѣвомъ ржи на душевой надѣлъ (отъ 1 до 4 мѣръ) почти удваиваетъ свою запашку путемъ аренды: къ 17,000 десят. своей надѣльной пашни она присоединила 15,000 десят.

*) На страницѣ 136 (въ итогѣ таблицы) вкралась двѣ опечатки: вмѣсто 28,641 дес. аренды, напечатано 18,641 дес., и вмѣсто 66.861 дес. своей надѣльной пашни, значится 76,861 дес.

арендной. Понятно, какое громадное значеніе имѣеть для крестьянъ уѣзда ихъ арендная запашка; но, кромѣ пахотныхъ земель, они снимаютъ еще до 12,000 десят. луга. Средняя по уѣзду цѣна сѣмной десятины: паровой—8 р., подъ ярь—7 р., луговой—тоже 8 р. Эти цѣны нельзя не считать довольно высокими, если имѣть въ виду плохое качество почвы уѣзда и тотъ фактъ, что въ аренду крестьянамъ поступаютъ худшія земли частновладѣльческихъ экономій; лѣтъ 10—20 назадъ арендные цѣны были вдвое, втрое и даже вчетверо ниже настоящихъ, а урожай сдаточныхъ земель понизились.

Сдача крестьянами своихъ надѣловъ здѣсь мало распространена; такихъ сдатчиковъ, нарушившихъ свое земледѣльческое хозяйство, не болѣе $\frac{1}{20}$ всѣхъ дворовъ уѣзда. Сдаютъ свои надѣлы окончательно обѣднѣвшіе хозяева, почему настоящей цѣны за нихъ имъ и не удастся получить, несмотря на нужду крестьянъ въ сѣмой землѣ; обыкновенно надѣлъ сдается почти за всѣ лежащія на немъ платежи, и только у лучше надѣленныхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ сдающій получаетъ иногда небольшую доплату.

Земледѣльческіе заработки въ Темниковскомъ уѣздѣ мало развиты, такъ какъ собственной запашки въ здѣшнихъ частновладѣльческихъ хозяйствахъ едва ли болѣе 8,000 десят., считая и паровое поле. Этими работами заняты почти исключительно бывшіе крѣпостные крестьяне, получая за полную обработку и уборку 2-хъ десятинъ (яровой и озимой) около 10-ти рублей; значительная часть платы забирается впередъ—зимой и даже еще съ осени. Поденная плата земледѣльческому работнику: мужчинѣ — 25 — 50 коп., женщинѣ—10—30 коп., изрѣдка выше.

Приведенныя данныя свидѣтельствуютъ, что темниковскій крестьянинъ не можетъ кормиться однимъ земледѣльческимъ трудомъ; онъ долженъ искать иныхъ заработковъ. Дѣйствительно, при подворной переписи у $\frac{3}{4}$ дворовъ уѣзда отмѣченъ какой-либо внѣземледѣльческій заработокъ: семьи безъ собственной запашки обыкновенно имъ только и живутъ; у остальныхъ имъ заняты болѣе или менѣе продолжительное время одинъ или нѣсколько рабочихъ. При значительныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ лѣсовъ Темниковскаго уѣзда, лѣсной заработокъ выступаетъ на первый планъ; въ особенности развитъ лѣсорубный или дроворубный промыселъ. Лѣсорубныя работы, распространенныя почти по всей площади уѣзда, не требуютъ далекихъ отлучекъ изъ дому и, несмотря на непостоянство и скромный размѣръ заработка, даютъ здѣшнему крестьянину главную (послѣ земледѣлія) поддержку его экономическаго быта; лѣсорубъ зарабатываетъ 20—40 к. въ день на своихъ харчахъ. Изъ остальныхъ внѣземледѣльческихъ промысловъ наиболѣе распространены: пильщики, плотники, извошники, смолокуры, торговцы, разные отхожіе заработки и пр.

Въ концѣ IV-й главы приведенъ интересный очеркъ экономическихъ условій горнозаводскихъ крестьянъ трехъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ

Темниковскаго уѣзда: Еремшинскаго, Мердушинскаго и Вознесенскаго. Заводы эти были основаны еще въ прошломъ вѣкѣ княземъ Рѣпиннымъ и его наследниками; впоследствии они переходили къ разнымъ владѣльцамъ. Первые два завода вскорѣ по освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости значительно сократили свое производство, а въ 1878 году были окончательно закрыты; крестьяне этихъ заводовъ, лишась привычнаго заработка, обѣднѣли. По уставной грамотѣ они на свои 3,143 рев. души получили лишь 418 десятинъ земли и не только не могутъ заняться земледѣліемъ, но у $\frac{1}{2}$ дворовъ нѣтъ даже никакого скота, а лошадь держать немного болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ домохозяевъ обоихъ заводовъ. Эти 418 десят. еремшинскихъ и мердушинскихъ крестьянъ состоятъ лишь изъ усадебъ и небольшого выгона; остальныхъ угодій у нихъ вовсе нѣтъ. Крестьяне терпятъ сильный недостатокъ въ топливѣ; многіе должны были поселиться въ чужихъ избахъ, изрубивъ свои ветхія избы на дрова, благодаря чему въ Еремшинскомъ заводѣ 15% бездомовыхъ семей; остальные избы тоже ветхи и безъ всякихъ пристроекъ. На крестьянахъ этихъ двухъ заводовъ накопилось до 15,000 р. недоимки. Бѣдственныя условія ихъ экономической жизни отразились и на приростѣ населенія: тогда какъ въ цѣломъ уѣздѣ этотъ приростъ достигъ со времени X ревизіи 24%, здѣсь произошла убыль населенія въ 18%. Впрочемъ, крестьяне Еремшинскаго и Мердушинскаго заводовъ не поголовно бѣдняки: въ нихъ наберется состоятельныхъ крестьянъ до 30 семей (изъ 600 слишкомъ). Чѣмъ же и какъ живутъ остальные? Они зарабатываютъ свой хлѣбъ, главнымъ образомъ, гвоздарнымъ промысломъ, сохранившимся у нихъ до сихъ поръ. Средній недѣльный заработокъ гвоздаря-мастера 1 $\frac{1}{2}$ рубля, женщины—50 коп.; на эти деньги они должны закупить хлѣба на слѣдующую недѣлю для себя и семьи. Кромѣ гвоздарнаго дѣла, до 300 душъ обоего пола уходятъ въ Орѣхово-Зуево на мануфактуру Саввы Морозова; многіе разбрелись по разнымъ сторонамъ; до 85-ти семей круглый годъ нищенствуютъ и пр. Достойно замѣчанія, что при всей бѣдности крестьянъ Еремшинскаго и Мердушинскаго заводовъ грамотность у нихъ распространена, какъ нигдѣ въ уѣздѣ; крестьяне очень цѣнятъ ее и постановили взимать въ пользу училища извѣстную плату съ паспортовъ, выдаваемыхъ волостнымъ правленіемъ при отпускахъ на дальніе заработки. Видовъ на отлучки выдается такъ много, что этимъ сборомъ содержаніе училища обезпечено. Крестьяне живутъ теперь надеждой на надѣлъ (они по закону имѣютъ право на него), но въ настоящее время имъ не легко будетъ справиться и съ землей: у нихъ нѣтъ ни хозяйственнаго инвентаря, ни скота, ни даже навыка къ хлѣбопашеству.

Вознесенскій заводъ и до сихъ поръ въ дѣйстви; большая часть крестьянъ имѣютъ на немъ заработокъ и въ настоящее время, благодаря чему они не такъ обѣднѣли, какъ крестьяне двухъ только что описанныхъ заводовъ, хотя и они получали только 227 десят. на всѣ свои 1,070 рев. муж. душъ. Теперь крестьяне Вознесенскаго завода надѣются значительно опра-

витья: обзавестись скотомъ, завести свои запашки и пр., такъ какъ въ сентябрѣ 1882 года имъ отведенъ полный надѣлъ — по 3 десят. на рев. душу.

И Н О С Т Р А Н Н Ы Я К Н И Г И .

Новая Австралія. *Маренъ Ля-Месле. (L'australie nouvelle. Marin La-Meslée).*

Русскимъ читателямъ мало извѣстно современное положеніе британскихъ колоній въ Австраліи. Ихъ сильный ростъ во всѣхъ отношеніяхъ возбуждаетъ удивленіе къ англійской предприимчивости, къ силѣ характера, которая развилась у этого великаго народа въ неустанной борьбѣ то за свободныя учрежденія у себя дома, то съ внѣшнимъ врагомъ, то съ непогодю океана. Путешествіе Маренъ Ля-Месле, члена парижскаго общества торговой географіи, представляетъ весьма любопытное и поучительное описаніе Викторіи и Новаго Южнаго Валлиса. Авторъ прибылъ въ Австралію въ началѣ 1876 года, вернулся во Францію въ 1882 году и имѣлъ возможность близко познакомиться съ этою замѣчательною страню.

Городъ Мельбурнъ, основанный въ 1836 году, имѣлъ черезъ сорокъ лѣтъ болѣе 250,000 жителей. Доходъ города превышалъ 25 милліоновъ франковъ ежегодно. Великолѣпная бібліотека и музеи, многочисленныя театры украшаютъ столицу Викторіи. Мельбурнъ не просуществовалъ и двадцати лѣтъ безъ университета, который открытъ въ 1855 году. Правительство колоніи выдаетъ на его содержаніе около 300,000 франковъ. Частныя пожертвованія весьма значительны. Главный городъ Новаго Южнаго Валлиса, Сидней, развивался хотя менѣе быстро, чѣмъ Мельбурнъ, но имѣетъ теперь населеніе также въ 250,000 и въ скоромъ времени, благодаря необыкновенно счастливому своему положенію и богатству колоніи, повсей вѣроятности, займетъ первое мѣсто въ Австраліи. Другіе города и поселенія возникаютъ и развиваются съ удивительною быстротою. Французскій путешественникъ справедливо видитъ одну изъ причинъ превосходства британскихъ колоній передъ тѣми, которыя основаны французами, въ широкой свободѣ, въ правильной постановкѣ мѣстнаго самоуправленія. Бюрократическій строй управленія во Франціи, отъ котораго не можетъ еще освободиться даже республика, тормазитъ частный починъ, замедляетъ плодотворное развитіе богатыхъ отъ природы французскихъ колоній. Противуположныя условія ведутъ къ процвѣтанію земель, занятыхъ британскими колонистами. Новый Южный Валлисъ владѣетъ, напримѣръ, уже 1,340 километрами желѣзныхъ дорогъ (къ 1886 г. эта цифра подымется до 2,700 километровъ), Викторія—болѣе 2,000 кил. Въ Новой Зеландіи, сорокъ лѣтъ тому назадъ бывшей въ исключительномъ распоряженіи совершенно дикихъ племенъ, число жителей европейскаго происхожденія достигло полумилліона, рельсовыхъ путей построено значительно болѣе 1,500 километровъ.

Въ административномъ отношеніи Новый Южный Валлисъ распредѣляется на округа, которые имѣютъ отчасти временное значеніе—для регулированія отчужденія или аренды земельныхъ участковъ, на которыхъ предъявляютъ требованія колонисты. Послѣдніе раздѣляются на *squatters*, крупныхъ фермеровъ, и на все болѣе и болѣе увеличивающихся *free selectors*, свободныхъ земледѣльцевъ на мелкихъ участкахъ. Между тѣми и другими идетъ сильная борьба. Затѣмъ существуютъ судебныя участки (*police districts*) и избирательныя (*electoral districts*), которые посылаютъ по одному или по нѣсколько представителей въ парламентъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ значеніемъ и числомъ жителей. Постепенно въ дѣленіи страны на округа устанавливается однообразіе, какъ послѣдствіе успѣховъ колонизаціи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе крѣпнетъ мѣстное самоуправленіе. Города имѣютъ, конечно, особое устройство, во главѣ котораго стоятъ мэръ (*mayor*) и нѣсколько совѣтниковъ (*aldermen*), по избранію плательщиковъ податей. Надобно замѣтить, что Новый Южный Валлисъ пересталъ быть мѣстомъ ссылки съ 1849 года (Квинслендъ съ 1839), окончательная же отгѣна пенитенціарной системы въ Австралазіи, какъ называютъ англичане материкъ съ прилегающими группами острововъ, произошла въ 1868 году. Въ настоящее время въ этой части свѣта существуютъ колоніи короны (*Crown colonies*) и независимыя колоніи. Послѣднія управляются вполнѣ самостоятельно, ничего не получаютъ отъ метрополіи и ничего не платятъ ей. Англія посылаетъ лишь въ каждую изъ такихъ колоній губернатора (содержаніе ему назначаетъ сама колонія), который является представителемъ верховной власти. Новый Южный Валлисъ, Викторія, Квинслендъ, Южная Австралія, Тасманія и Новая Зеландія составляютъ колоніи независимыя. Остальныя управляются изъ Лондона (*Colonial office*), но это управленіе составляетъ только переходную ступень къ самоуправленію.

Новый Южный Валлисъ имѣетъ слѣдующія учрежденія. Всеобщее подачею голосовъ выбираются депутаты въ законодательное собраніе (ихъ 108). Это собраніе, въ свою очередь, избираетъ исполнительный совѣтъ, соотвѣтствующій министерству въ европейскомъ смыслѣ. По представленію этого совѣта, губернаторъ назначаетъ членовъ всего законодательнаго совѣта. Законопроектъ долженъ получить согласіе обѣихъ палатъ и санкцію королевской власти, чтобы стать закономъ. Несмѣняемость судей, независимость ихъ отъ администраціи проведены въ австралійскихъ колоніяхъ съ замѣчательною послѣдовательностію. Остальныя независимыя колоніи пользуются подобнымъ же устройствомъ, только въ Викторіи и верхняя палата выборная (отъ избирателей требуется извѣстный цензъ и выборы происходятъ на 10 лѣтъ). Здѣсь демократическое начало и мѣстное самоуправленіе получили самое полное примѣненіе. Тѣмъ не менѣе, австралійцы стремятся къ совершенному освобожденію отъ тѣни подчиненія метрополіи, и, вѣроятно, недалеко то время, когда образуются Соединенныя

Штаты Австраліи. Англичане предвидить. этотъ исходъ и нисколько не смущаются имъ. Экономическая связь между Великобританіей и ея достигшими политическаго совершеннѣтїя колоніями сохранится въ полной силѣ. До настоящаго времени развитію благосостоянія рабочихъ классовъ въ Австраліи угрожаетъ только соперничество китайцевъ, которые довольствуются ничтожнымъ вознагражденіемъ и отличаются крайнею бережливостію. Законодательство колоній стремится, въ болѣе или менѣе значительной степени, ограничить наплывъ кули, но эти мѣры не препятствуютъ возрастанію въ Австраліи числа желтыхъ рабочихъ, ремесленниковъ, мелкихъ торговцевъ.

Происхожденіе мадяровъ. Этнографическій этюдъ. *Вамбери.* (*Der Ursprung der Magiaren. Eine ethnologische Studie von Hermann Vambery.*)

Если бы книга всѣмъ извѣстнаго венгерскаго путешественника и ученаго касалась только вопроса о происхожденіи его народа, то для русскаго читателя она бы представляла интересъ не особенно значительный, по Вамбери даетъ въ своемъ сочиненіи гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе.

Онъ вводитъ мадяровъ въ среду другихъ родственныхъ имъ народностей и знакомитъ съ происхожденіемъ всѣхъ главныхъ представителей турецко-татарской семьи, которые играли и продолжаютъ играть весьма важную роль въ историческихъ судьбахъ русскаго народа и въ этнографическомъ составѣ русскаго государства. Особенное значеніе получаетъ работа Вамбери, какъ знатока турецко-татарскихъ языковъ, вслѣдствіе распространеннаго у насъ, со времени работъ Д. И. Иловайскаго, стремленія ослаблять нѣкоторыхъ, весьма важныхъ въ исторіи, представителей турецко-татарской семьи.

Г. Иловайскій приступаетъ къ рѣшенію историко-этнологическихъ вопросовъ безъ всякой, необходимой для этого, лингвистической подготовки. создаетъ различныя этимологіи на почвѣ турецко-татарскихъ и славянскихъ нарѣчій и, не зная турецко-татарскихъ языковъ, дѣлаетъ выводы, съ которыми и оперируетъ, опираясь на нихъ, какъ на непреложныя истины. Такая рѣшительность въ приемахъ, примененныхъ къ области въ высшей степени трудной для историческаго изслѣдованія, породила много вреда въ изученіи начальной исторіи нашего народа и государства. Свойства источниковъ, которыми пользуется историкъ для опредѣленія сродства народовъ, исчезнувшихъ въ настоящее время съ лица земли, таковы, что не даютъ возможности установить точный критеріумъ для вполне научныхъ и безспорныхъ выводовъ. Ученый, приступающій къ рѣшенію подобнаго рода вопросовъ съ цѣлью отысканія истины ради самой истины, а не изъ желанія проявить свое остроуміе или доказать свою излюбленную предвзятую теорію, не говоря о патріотическихъ увлеченіяхъ, долженъ, прежде всего, заставить себя необходимыми, часто весьма разнообразными знаніями, опасаться

всякой тенденціозности и въ особенности избѣгать стремленія объяснить и рѣшить все то, что при современномъ состояніи науки иногда еще не можетъ быть ни объяснено, ни рѣшено. Безпристрастный и осторожный ученый точно отдѣляетъ въ изслѣдованіи свое предположеніе отъ выводовъ, основанныхъ на точномъ представленіи фактовъ, и никогда изъ предположеній не дѣлаетъ никакихъ выводовъ. Историкъ долженъ не только умѣть критиковать источники, но и прилагать критику къ своимъ собственнымъ предположеніямъ. Когда у изслѣдователя появляется новая мысль, онъ обязанъ взвѣсить, насколько эта мысль вытекаетъ изъ фактовъ и насколько она плодъ его собственной фантазіи. Мы не утверждаемъ, что гипотезы бесполезны и что историкъ долженъ избѣгать гипотезъ; онъ обязанъ только отводить гипотезамъ подобающее мѣсто и не выдавать ихъ за непреложную истину. Вотъ мысли, которыя были намъ навѣяны чтеніемъ разысканій о началѣ Руси Д. И. Иловайскаго.

Прежде чѣмъ приступить къ теоріямъ, нужно разобраться въ существующемъ матеріалѣ. Матеріалъ этотъ сводится преимущественно къ двумъ категоріямъ: во-первыхъ, свидѣтельства современниковъ; во-вторыхъ, данныя, доставляемыя лингвистикой. Свидѣтельства современниковъ должны быть подвергнуты критикѣ, причѣмъ каждый писатель обязательно изучается вполнѣ для опредѣленія степени его достовѣрности, и только тогда его свидѣтельство приобретаетъ свое настоящее значеніе. Лингвистическіе факты слѣдуетъ подчинять при установленіи ихъ доказательности всѣмъ требованіямъ той науки, изъ которой они взяты. Только при соблюденіи условій, указанныхъ нами, возможно приближеніе къ болѣе точному рѣшенію сложныхъ и щекотливыхъ историко-этнологическихъ вопросовъ. Трудъ Вамбери, со стороны лингвистическаго матеріала, представляетъ драгоцѣнное обогащеніе науки, ибо къ этому труду приступилъ человѣкъ, вооруженный всѣми необходимыми для этого средствами. Какъ этнологъ, венгерскій ученый познакомился непосредственно съ самыми чистыми представителями турецко-татарскаго типа, населяющими и въ настоящее время Среднюю Азію. Какъ лингвистъ, Вамбери изучилъ почти всѣ языки турецко-татарской семьи, и вотъ къ какимъ результатамъ привело его всестороннее изученіе по отношенію вопроса о происхожденіи гунновъ и булгаръ и о мѣстѣ, занимаемомъ этими народами среди человѣческихъ племенъ.

«Къ числу самыхъ трудныхъ этнологическихъ задачъ,—говоритъ Вамбери,—принадлежитъ, прежде всего, вопросъ: къ какой національности слѣдуетъ отнести тѣ кочевыя племена, которыя, начиная съ V-го вѣка, двигались, все разрушая на своемъ пути, отъ сѣверо-восточныхъ побережій Чернаго моря до Тейса и Дуная? Даже неизвѣстно, какъ себя называли эти народы. Имена гунновъ и аваровъ, подъ которыми они встрѣчаются у византійскихъ и западно-европейскихъ писателей, по всему вѣроятію, даны этимъ дикимъ кочевникамъ другими народами. Хотя византійскіе и латинскіе историки часто упоминаютъ о гуннахъ, но свѣдѣнія, сообщаемыя ими,

крайне сбивчивы, и потому не всегда могут способствовать рѣшенію вопроса о происхожденіи. Среди многихъ фактовъ, сообщенныхъ современными историками, Вамбери находитъ, однако, нѣкоторыя данныя, которыя, по его убѣжденію, опредѣляютъ родство гунновъ съ турками. Такъ, наряду съ славяно-германскимъ напитокомъ—медомъ, они употребляли питье, называвшееся *камось*, безъ всякаго сомнѣнія, турецко-татарскій кумысъ. Государственный и военный строй гунновъ вполнѣ напоминаетъ основныя начала, изложенныя въ Ясахъ Чингисъ-Хана и Тюрюкати-Тимура. Какъ въ этихъ двухъ сборникахъ законовъ, такъ и въ гуннскомъ государствѣ мы видимъ полное отвращеніе къ земледѣльческимъ занятіямъ, стремленіе къ самому свободному образу жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнѣйшее слѣпое подчиненіе своему вождю. Такой деспотической власти, какъ у турецко-татарскихъ народовъ, мы не встрѣчаемъ ни среди германскихъ королей, ни среди славянскихъ князей. Весьма интересны соображенія Вамбери о шаманствѣ у гунновъ, о гаданіяхъ посредствомъ сожиганія лопатокъ домашнихъ животныхъ; эти обряды значительно напоминаютъ то, что существуетъ у современныхъ турецкихъ племенъ въ центральной Азіи.

Но главный аргументъ, приводимый Вамбери въ доказательство турецко-татарскаго происхожденія гунновъ, это—лингвистическія данныя. Какъ оказывается, всѣ имена собственные, какъ личныя, такъ и племенные, совершенно точно объясняются на основаніи древнѣйшихъ формъ турецко-татарскихъ языковъ, такъ что можно считать вполнѣ доказаннымъ, что языкъ гунновъ составляетъ одно изъ древнѣйшихъ турецкихъ нарѣчій. Точно также и всѣ болгарскія слова, дошедшія до насъ въ видѣ именъ собственныхъ или титуловъ, получаютъ свое объясненіе изъ языковъ турецко-татарскихъ. Въ особенности доказательно названіе Бога у болгаръ—*Тангри*. Это названіе существуетъ и до сихъ поръ у всѣхъ турецко-татарскихъ народовъ. Самое названіе болгаръ ни что иное, какъ аористъ глагола, означающаго *производить мятель*; эта аористическая форма въ турецкомъ языкѣ употребляется какъ нарѣчіе.

Зонара называетъ дворъ царя Крума *ауломъ*. Это слово чисто турецкое и даже указываетъ на большую близость болгарскаго языка къ западнымъ турецкимъ нарѣчіймъ. Такихъ доказательствъ у Вамбери приведено весьма много и они въ глазахъ всякаго безпристрастнаго ученаго, довѣряющаго точности лингвистическихъ выводовъ, должны имѣть рѣшающее значеніе. Такъ же любопытны и важны для насъ страницы, посвященныя хозарамъ, и мы надѣемся, что лица, занимающіяся русской исторіей, обратятъ должное вниманіе на книгу Вамбери. Для этнографовъ важно первое приложение: «Этнографическій очеркъ турецко-татарскихъ народовъ». Этотъ очеркъ отличается полнотою и ясностью и составленъ на основаніи не только западно-европейскихъ источниковъ, но также и русскихъ работъ.

Культурная исторія крестовыхъ походовъ. *Прутца*. Берлинъ, 1883 г. (*Kulturgeschichte der kreuzzuge von Hans Prutz*, Berlin, 1883).

Въ исторической литературѣ Западной Европы, въ особенности же въ Германіи, замѣтно стремленіе заниматься детальными изслѣдованіями отдѣльных мелкихъ вопросовъ, относящихся преимущественно къ такъ называемой ви́шней исторіи. Рѣдко приходится встрѣтить сочиненіе, обнимающее какое-нибудь важное историческое событіе во всей его полнотѣ, еще рѣже появляются книги, трактующія о культурной исторіи. Къ такимъ немногимъ сочиненіямъ принадлежитъ новая книга нѣмецкаго историка Прутца.

Въ пей авторъ поставилъ своей главной задачей изображеніе культурно-историческихъ результатовъ движенія, волновавшаго всю Западную Европу и часть азіатскаго міра въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій. Онъ старается представить, съ одной стороны, развитіе оригинальной культуры, основанной на смѣшеніи началъ европейскихъ и азіатскихъ, съ другой стороны—воздѣйствіе какъ крестовыхъ походовъ, такъ и этой смѣшанной культуры на западный міръ. Для выполнения подобной работы, авторъ не только воспользовался богатствами двухъ архивовъ: Ватиканскаго и Мальтійскаго, но также посѣтилъ Сирію и Палестину и ознакомился тамъ на мѣстѣ со всеми сохранившимися памятниками франкскаго владычества. Кроме того, успѣшному ходу изслѣдованія во многомъ помогли обширныя коллекціи памятниковъ, изданныя въ послѣднее время во Франціи, гдѣ даже образовалось цѣлое ученое общество для изученія латинскаго Востока.

Сочиненіе раздѣлено авторомъ на пять книгъ; въ первой, носящей заглавіе «Христіане и магометане»; представлены отношенія, существовавшія между этими двумя религіями какъ до крестовыхъ походовъ, такъ и во время всѣхъ этихъ войнъ. Прутцъ выясняетъ, что сначала между христіанствомъ и исламомъ не было особой непримиримой вражды. Исламъ принялъ въ себя многіе христіанскіе элементы; все магометанское богословіе развивалось по образцамъ христіанскимъ и даже впоследствии христіанскія ученія нашли себѣ доступъ въ нѣкоторыя арабскія секты. Исламъ высказывалъ терпимость къ христіанамъ и іудеямъ и по большей части распространялся мирнымъ путемъ, въ особенности благодаря упадку византійской церкви, развитію сектъ среди восточныхъ христіанъ и обременительности византійской налоговой системы. Калифатъ подвергся во время своихъ завоеваній значительному вліянію государственнаго и военнаго строя Византійской имперіи.

Далѣе весьма рельефно выставлено Прутцемъ существованіе передъ крестовыми походами разнообразныхъ мирныхъ сношеній между магометанами и христіанами, въ особенности при помощи итальянскихъ торговцевъ. Западъ могъ многому научиться у арабовъ, такъ какъ ихъ культура и государственныя учрежденія стояли гораздо выше западныхъ. Наконецъ, даже во время крестовыхъ походовъ не всегда сохраняется характеръ религіозныхъ войнъ. Между христіанами, прочно усѣвшимися на Востокѣ, и

магометанами, отличавшимися большей терпимостью, чѣмъ хрістіане, скоро установилось сближеніе, въ особенности въ области торговли. Изъ простаго перечня содержанія первой книги читатель можетъ видѣть, насколько интересно и даже ново то, что высказываетъ въ ней Пруціцъ.

Вторая книга—«О населеніи въ крестоносныхъ государствахъ»—занимается характеристикю разнообразныхъ, по своему племенному составу, жителей латинскаго Востока.

Въ третьей книгѣ—«Государство, право и церковь въ крестоносныхъ государствахъ»—въ самой для насъ важной части, именно тамъ, гдѣ Пруціцъ говоритъ о правѣ, мы не находимъ столь желательной характеристики правовыхъ отношеній, представлявшихъ самое полное осуществленіе феодальнаго права; тутъ историкъ говоритъ только о происхожденіи ассизъ іерусалимскаго королевства. За то весьма богата четвертая книга: «Экономическая культура». Она начинается главою о земледѣльческой культурѣ въ крестоносныхъ государствахъ. Авторъ показываетъ, что Сирія въ началѣ крестовыхъ походовъ, не взирая на весь гнетъ турецкаго господства, находилась въ цвѣтущемъ состояніи и, не взирая на опустошенія, произведенныя во время перваго крестоваго похода, весьма скоро оправилась. Въ эту эпоху лѣса покрывали значительныя пространства не только въ горахъ, но и на равнинахъ. Хлѣба добывалось сравнительно мало, такъ что его не доставало для прокормленія жителей страны и приходилось привозить недостававшее количество изъ другихъ земель. За то винодѣліе и садоводство доставляли обильный доходъ, а сахарный тростникъ и разведеніе шелковичныхъ червей способствовали развитію важныхъ отраслей промышленности; приготовленіе сахара и шелковыхъ тканей занимало много рукъ. Но при этомъ Пруціцъ замѣчаетъ, что франки, воспользовавшіеся производительными силами страны, раскрытыми еще благодаря арабамъ, сами мало сдѣлали для ихъ дальнѣйшаго развитія. Прежнія аграрныя условія остались безъ перемѣнъ; франкскіе бароны замѣнили собою прежнихъ турецкихъ феодальныхъ владѣтелей; сельское населеніе осталось закрѣпощеннымъ и подвергалось самому тяжкому гнету; хозяйство, какъ государственное, такъ и частное, носило характеръ хищническій. Болѣе рациональные приемы сельскаго хозяйства замѣчаются только во владѣніяхъ рыцарскихъ орденовъ. Города, благодаря торговлѣ и ремесламъ, сдѣлались важными центрами культуры, хотя имъ не удалось получить то самоуправленіе, котораго добились городскія общины на западѣ Европы. Населеніе этихъ городовъ состояло, главнымъ образомъ, изъ европейскихъ выходцевъ, причѣмъ крупные торговцы получали иногда дворянство и даже прибрѣтали феодальныя владѣнія. Пруціцъ подробно изучаетъ ассизы суда горожанъ и находитъ, что въ этомъ юридическомъ сборникѣ вездѣ проявляется стремленіе къ свободѣ и вѣротерпимости. Франкскіе горожане освободились совершенно отъ церковнаго вліянія во всѣхъ вопросахъ, касавшихся религиозныхъ различій. Особенно этотъ духъ свѣтской свободы крѣпокъ въ италъ-

янскихъ общинахъ, основанныхъ въ святой землѣ морскими государствами Италіи. Итальянцы преслѣдовали совершенно самостоятельную политику и, будучи совершенно свободны отъ религіозныхъ предрасудковъ, руководясь одними промышленными интересами, дружили съ магометанами.

Пятая и послѣдняя книга труда Прутца—«О культурно - историческомъ вліяніи крестовыхъ походовъ»—представляетъ въ подробностяхъ много интереснаго, но выводы ея не настолько новы и оригинальны, чтобы здѣсь стоило объ нихъ распространяться. По нашему мнѣнію, это самая слабая часть весьма важнаго культурно - историческаго сочиненія Ганса Прутца. Прутцъ извѣстенъ былъ до сихъ поръ въ литературѣ исторической двумя монографіями о Генрихѣ Львѣ, противникѣ Фридриха Барбароссы, и о самомъ императорѣ Фридрихѣ I.

Монографіи эти, не взирая на свою важность, отличались значительными недостатками какъ въ изслѣдованіи предмета, такъ и въ литературной его обработкѣ. Послѣднее сочиненіе нѣмецкаго историка въ значительной степени свободно отъ этихъ недостатковъ, хотя изложеніе носитъ на себѣ слѣды нѣсколько поспѣшной работы: собранные матеріалы не всегда въ достаточной мѣрѣ обработаны.

Земледѣльческая жизнь въ Пикардіи и Артуа при старомъ порядкѣ. Барона Калонна. 1883 г. (*La vie agricole sous l'ancien régime en Picardie et en Artois. Baron A. de Calonne. 1883*).

Пикардія и Артуа, самыя сѣверныя провинціи Франціи, представляли въ XVIII столѣтіи переходъ къ болѣе интензивному сельскому хозяйству фламандцевъ и, слѣдовательно, стояли выше въ земледѣльческомъ отношеніи многихъ другихъ областей старой французской монархіи. Калоннъ, крупный землевладѣлецъ Пикардіи, занимающійся археологіей и исторіей сѣвера Франціи, издаетъ теперь уже вторую книгу, касающуюся экономическихъ вопросовъ. Первое сочиненіе было посвящено изученію городской жизни сѣвера Франціи въ XV вѣкѣ; въ настоящей работѣ онъ изъ города переходитъ въ деревню и изъ среднихъ вѣковъ къ болѣе новому времени. Оба сочиненія Калонна не отличаются особенно крупными научными достоинствами; они написаны легко, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поверхностно и отличаются стремленіемъ автора представить факты въ болѣе выгодномъ свѣтѣ для оцѣнки дѣятельности своего сословія. Но въ книгахъ этого пикардійскаго помѣщика собрано много интересныхъ извлеченій изъ ненапечатанныхъ архивныхъ матеріаловъ и потому онѣ заслуживаютъ вниманія всѣхъ занимающихся судьбами земледѣльческихъ и городскихъ классовъ французскаго общества въ дореволюціонную эпоху.

Послѣдняя книга Калонна гораздо полезнѣе сочиненія Бабо о сельской жизни въ старой Франціи *), потому что Бабо, пользующійся архивами

*) *Vibron*: «La vie rurale dans l'ancienne France». 1883.

департаментъ Обы, не ограничивается архивнымъ матеріаломъ этой одной мѣстности, но, соперничая съ Токвиллемъ, старается дѣлать болѣе широкія обобщенія, расширяетъ область своихъ наблюденій и выводовъ и пишетъ сочиненія, въ которыхъ не видно таланта и матеріалъ мѣстный, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный, совершенно заслоненъ данными, набранными отовсюду, болѣею частью изъ вторыхъ рукъ. Калоннъ возложилъ на себя задачу болѣе скромную и болѣе соответствующую его силамъ. Хотя и онъ иногда увлекается желаніемъ привести примѣры изъ другихъ частей Франціи, но, все-таки, у него мѣстный матеріалъ играетъ первую роль.

Сѣверная часть Франціи, по заявленіямъ современниковъ, достигла высокой степени процвѣтанія сельскаго хозяйства. Одинъ изъ нихъ говоритъ, что въ окрестностяхъ Суассона и Лана совершенно нѣтъ бесплодныхъ земель, всякій клочекъ тщательно обработанъ; другой заявляетъ, что въ Артуа земледѣліе доведено до совершенства. Прилагаются всѣ новые способы и земледѣльцы заботятся объ изобрѣтеніи лучшихъ средствъ для увеличенія производительности земли. Правительство еще въ XVIII столѣтія понимало значеніе статистики и разсылало интендантамъ въ опредѣленные сроки печатные бланки съ вопросами, на которые чиновники должны были отвѣтить. На основаніи этихъ свѣдѣній центральное правительство хотѣло регулировать цѣны на хлѣбъ, но всѣ эти мѣры при существованіи запрещенія вывоза не только на границахъ Франціи, но и на границахъ каждой отдѣльной провинціи дѣйствовало на земледѣліе въ высшей степени подавляющимъ образомъ. На это указываютъ значительныя выписки, сдѣланныя Калонномъ, изъ жалобъ, подаваемыхъ интендантамъ и требующихъ установленія свободной торговли. Другимъ весьма важнымъ препятствіемъ къ развитію земледѣлія было повсемѣстное переселеніе помѣщиковъ изъ деревни въ городъ. Примѣръ, подаваемый дворянствомъ, былъ заразителенъ и зажиточные крестьяне ему слѣдовали. Зажиточная крестьянская семья, во второмъ поколѣніи, бросала земледѣльческія занятія, такъ какъ земледѣлецъ, скопившій порядочныя средства, старался устранить своего сына отъ пауга и посылалъ его въ городъ служить у какого-нибудь адвоката или ходатая по дѣламъ, гдѣ молодой крестьянинъ утрачивалъ всякую способность къ земледѣльческому труду и увеличивалъ собою и безъ того многочисленный классъ мелкихъ чиновниковъ и аферистовъ.

Въ виду охлажденія къ земледѣльческой дѣятельности, правительство старой Франціи пыталось искусственными мѣрами возбудить ослабѣвшій интересъ къ сельскому хозяйству. Оно поощряло всѣми средствами образованіе сельско-хозяйственныхъ обществъ; такъ, въ Аміенѣ интендантъ собралъ всѣхъ богатыхъ землевладѣльцевъ и убѣдилъ принять предложенный имъ уставъ и образовать общество. Герцогъ Шонскій принялъ предсѣдательство этого общества, раздѣленнаго на нѣсколько бюро, зависѣвшихъ отъ центральнаго бюро. Но аміенское общество, такъ хорошо организованное и пользовавшееся такимъ покровительствомъ, существовало

только на бумагѣ и никогда не дѣйствовало. Другое общество, основанное въ Ланѣ, несмотря на завѣренія многихъ лицъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, въ полной готовности поддерживать земледѣліе, послѣ 15-ти лѣтняго существованія удостоилось отъ интенданта въ письмѣ къ Неккеру такого отзыва: «Отъ этого общества не произошло никакой пользы; выгоды получаетъ только одинъ непремѣнный секретарь; все общество ни что иное, какъ грубый обманъ».

Вообще передъ революціей было великою модою толковать о сельскохозяйственныхъ вопросахъ не только въ специальныхъ обществахъ, но и на академическихъ конкурсахъ. Для земледѣльцевъ устраивались особые публичные курсы; примѣромъ ихъ могутъ служить лекціи земледѣлія въ Ангулемѣ и правительственная образцовая ферма недалеко отъ Компьена, на которой государство учредило стипендіи.

Много фактовъ приведено Калонномъ въ подтвержденіе того, что земля какъ въ обработкѣ, такъ и въ самомъ владѣніи дробилась на мелкіе участки. Крупные землевладѣльцы раздавали земли многочисленнымъ фермерамъ и половникамъ, причемъ, какъ оказывается, земли сдавались и продавались значительно выше ихъ дѣйствительной стоимости. Въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи фермеры вытѣсняють половниковъ. Срокъ аренды около половины XVIII вѣка былъ девятилѣтній, что давало возможность фермерамъ производить различныя улучшенія, но и этотъ срокъ не удовлетворялъ многихъ экономистовъ XVIII вѣка; такъ, одинъ изъ помѣщиковъ провинціи Артуа говоритъ, что въ Англии долгосрочная аренда отъ 18 до 27 лѣтъ пріохочиваетъ фермеровъ къ затратамъ на лучшее удобреніе, такъ какъ они считаютъ себя почти что собственниками земли. По этому поводу Калоннъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ особенномъ обычай, получившемъ почти уже силу закона и извѣстномъ подъ именемъ «droit de marcber». Объ этомъ правѣ историки земледѣльческихъ классовъ упоминають только вкратцѣ. Обычай этотъ господствовалъ въ области, лежащей между городами Перонной, Бапомомъ, Камбрѣ, Гизомъ, С.-Кантенномъ и Ланомъ. На основаніи стародавняго обычая, происхожденіе котораго, вслѣдствіе его древности, намъ неизвѣстно, арендаторы утверждаютъ, что какъ они, такъ и ихъ наследники имѣють право пользоваться обрабатываемыми землями безъ всякаго срока. Пока они отбываютъ всѣ повинности и уплачивають опредѣленную аренду, до тѣхъ поръ они считаютъ себя въ правѣ передавать арендуемую землю, не испрашивая на то согласія собственника, кому имъ заблагоразсудится. Подобные участки могутъ подлежать раздѣлу, переходить въ видѣ приданаго или передаваться по духовному завѣщанію. Если собственникъ пожелаетъ переимѣнить фермера, возвысить арендную плату или измѣнить условія пользования землею, то ему не помогутъ никакія правительственныя мѣры; все населеніе противодѣйствуетъ подобному поступку всѣми средствами. Никто изъ мѣстныхъ жителей не рѣшится нарушить обычай и арендовать участокъ, съ котораго

былъ удаленъ прежній фермеръ. Чужакъ, осмѣлившійся явиться изъ другой мѣстности для занятія пустоющей фермы, становится отверженнымъ человѣкомъ и его всячески выживаютъ, дѣлая для него жизнь въ этой мѣстности совершенно невозможной; такимъ образомъ, права собственника становятся въ этой мѣстности чисто фиктивными.

Не только городъ отвлекаетъ земледѣльцевъ отъ полевыхъ работъ, но и фабричная промышленность, прежде сосредоточивавшаяся въ городахъ, теперь начинаетъ проникать въ села и, такимъ образомъ, отнимаетъ рабочія руки у земледѣлія. Со второй половины XVIII вѣка фабричная промышленность сдѣлалась источникомъ доходовъ для многихъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Вообще не всѣ улучшения оказывались полезными для бѣдняковъ, и въ мануфактурныхъ округахъ, не взирая на плодородную почву, земля поросла сорными травами и вездѣ распространялось нищенство; за то Артуа, по заявленію одного изъ современниковъ, была одною изъ самыхъ богатыхъ областей королевства, не имѣя при этомъ ни одной фабрики. Для насъ весьма важны свѣдѣнія о томъ, какъ относились въ Артуа къ раздѣлу общинныхъ земель, о которомъ хлопотали многіе помѣщики. Раздѣлъ этотъ былъ встрѣченъ земледѣльцами враждебно, причемъ, главнымъ образомъ, указывалось вредное вліяніе этого раздѣла на скотоводство.

И въ самомъ дѣлѣ, вездѣ, гдѣ подобная мѣра была приведена въ исполненіе, земли, попавшія въ частныя руки, употреблялись для разведенія хлѣба и, такимъ образомъ, сократились пастбища.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ журнала
„Русская Мысль“ продаются слѣдующія изданія

В. М. ЛАВРОВА:

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

Ф. Д. НЕФЕДОВА.

Москва. 1878 года. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ИЗБРАННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

Кондратовича Людвиг (В. Сырокомли).

Томъ I-й. Москва. 1879 года. Цѣна 2 рубля.

„СНЫ НА ЯВУ“

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Л. В. ПАЛЬМИНА.

Изданіе 2-е. Москва. 1881 года. Цѣна 2 руб. 50 коп.

КОРОЛЬ ЛИРЪ

ТРАГЕДІЯ В. ШЕКСПИРА. ПЕРЕВОДЪ С. А. ЮРЬЕВА.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

АМЕРИКАНСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ГЕНРИКА СЕНКЕВИЧА,

переводъ В. М. Лаврова. 2 т. Москва. 1883 г. Цѣна 2 р. съ пересылкой

ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ.

ОЧЕРКИ И «ОТРЫВКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ» Г. УСПЕНЬЕГО.

Москва. 1883 г. Цѣна 2 р. 50 к. Складъ изданія у книгопродавца Вольфа.

Находится въ продажѣ новая книга

(складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. Стасюлевича:
в С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 2 линія, д. № 7):

КРАТКІЙ КУРСЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ФИНАНСАМИ.

СОСТАВИЛЪ

Л. В. ХОДСКІЙ,

МАГИСТРЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

С.-Петербургъ, 1884 года. Цѣна 3 руб.; страницъ XVI+388.

Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи.

(Посвящается памяти А. И. Кошелева).

Предлагаемое изслѣдованіе основано на матеріалѣ, собранномъ при мѣстныхъ работахъ на югѣ Рязанской губ. въ 1882 и частію въ 1881 годахъ. Попутно съ собираніемъ данныхъ (по порученію рязанскаго губернскаго земства) объ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ мѣстнаго населенія южныхъ уѣздовъ губерніи, мы старались собрать возможно полныя свѣдѣнія и о ходѣ переселенческаго движенія изъ нихъ. Въ концѣ 1882 года, мѣстныя статистическія работы рязанскаго земства на время прекратились; неизвѣстно было, когда онѣ вновь начнутся и будутъ ли приняты прежняя программа и прежніе приемы изслѣдованія. Такимъ образомъ, подробная разработка крестьянскихъ переселеній изъ всей Рязанской губерніи можетъ затянуться на долгое время, а собранный нами матеріалъ могъ устарѣть и сдѣлаться несравнимымъ съ матеріаломъ по другимъ уѣздамъ. Эти соображенія и заставили насъ взяться за обработку данныхъ по переселенческому движенію изъ трехъ южныхъ уѣздовъ (Раненбургскаго, Данковскаго и Скопинскаго), не ожидая окончанія статистическаго изслѣдованія всей Рязанской губерніи.

Приемы статистическихъ изслѣдованій при мѣстныхъ работахъ въ этихъ 3-хъ уѣздахъ были совершенно тѣ же, какъ и въ Рязанскомъ уѣздѣ *): запасшись необходимыми документальными выборками въ волостномъ правленіи и бросивъ въ немъ первый бѣглый взглядъ на общины-водости, мы объѣзжали всѣ селенія, производя на мѣстахъ перепись крестьянскихъ домохозяевъ и знакомясь съ общими экономическими условіями цѣлой деревни и ея составныхъ частей—общинъ. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какъ добывались свѣдѣнія о выселившихся крестьянахъ; но сначала необходимо выяснитъ, какое понятіе соединяемъ мы съ словомъ *переселенецъ*. Обыкновенно о размѣрѣ выселеній судятъ по числу ревизскихъ душъ, официально *от-*

*) Приемы эти выработаны практикою московскаго земскаго статистическаго бюро; подробности о нихъ см. введенеіе къ „Сборнику статистическихъ свѣдѣній по Рязанскому уѣзду“.

численности по новому их мѣсту жительства. Но, во-первыхъ, на такое перечисленіе новоселовъ необходимо довольно значительный промежутокъ времени (по крайней мѣрѣ, годъ, два) и, слѣдовательно, указаннымъ способомъ не будутъ охвачены новѣйшіе случаи переселеній, да и по годамъ отчисленія трудно судить о годахъ выхода; во-вторыхъ, не разъ уже указывалось въ печати, что официальные перечисленія вообще не даютъ истиннаго понятія о размѣрахъ переселенческаго движенія, что масса окончательно выселившихся крестьянъ живетъ по паспортамъ, не отчисляясь отъ своихъ родныхъ селеній. Г. Ядринцевъ, напримѣръ, опредѣляя число перечисленныхъ въ Алтайскій горный округъ съ 1875 года въ 8,000 душъ, говоритъ *): „Но это далеко не даетъ понятія обо всемъ притока переселенцевъ: множество лицъ живутъ по паспортамъ въ селеніяхъ до переселенія; другіе же переселяются самовольно и даже не могутъ быть открыты“. Онъ же говоритъ въ своемъ трудѣ „Сибирь, какъ колонія“ (стр. 152): „Когда начинается перечисленіе, для переселенца наступаетъ переходное состояніе, тянущееся иногда года; мы имѣли случай видѣть людей, живущихъ по 12 лѣтъ и больше по паспортамъ безъ перечисленія, точно также, какъ и людей, лѣтъ по 11-ти хлопочущихъ о перечисленіи и находящихся въ переходномъ состояніи“. Мы увидимъ, какъ много крестьянъ нашего района изслѣдованія, распродавъ все свое движимое и недвижимое имущество на родинѣ, живутъ съ своими семьями вдали отъ нея по 10 — 20 лѣтъ и даже больше и все еще не перечислены по мѣсту новаго жительства. Понятно, мы не могли принять за признакъ переселенца его официальное отчисленіе отъ роднаго селенія; напротивъ, по указаннымъ причинамъ, мы на этотъ признакъ вовсе не обращаемъ вниманія, считая переселенцемъ всякаго, кто окончательно порвалъ хозяйственную связь съ своимъ роднымъ селеніемъ и ушелъ съ семьей устраиваться на новыя мѣста; такимъ образомъ, къ числу переселенцевъ отнесены нами и тѣ крестьяне, которые въ самый годъ нашего изслѣдованія распродали все свое имущество и ушли съ своими семьями въ Томскую и другія губерніи. Тутъ можетъ представиться, повидимому, весьма вѣское возраженіе: считая переселенцами и не отчисленныхъ, даже не дошедшихъ еще до мѣста поселенія, мы включаемъ въ число ихъ и такія семьи, которыя могутъ снова вернуться на родину. Но мы увидимъ, что случаи возвращенія въ нашихъ уѣздахъ составляютъ незначительный % всѣхъ выселеній, а, слѣдовательно, и предъидущее возраженіе теряетъ практическое значеніе; кромѣ того, для главной цѣли нашего изслѣдованія — изученія причинъ движенія — необходимо было зарегистрировать и неудачныя попытки къ выселенію, такъ какъ и эти семьи уходили съ родины подъ давленіемъ общихъ условій, которыя мы желаемъ уяснить.

Подворная перепись велась нами не только наличному населенію, но мы старались и ушедшихъ „на самару“ — „самарцевъ“ (такъ зовутъ переселенцевъ крестьяне) проводить чрезъ ея графы. Перепись про-

*) „Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ“, въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго общества“, за 1880 годъ кн. II, стр. 114.

изводилась въ порядкѣ дворовъ селенія; когда доходила очередь до самарца, записывался и онъ и разузнавалось о его хозяйственномъ достаткѣ въ моментъ выселенія. Переселенецъ обыкновенно только продажею всего своего имущества получаетъ возможность идти въ далекую сторону съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ; домъ, часть скота (или и весь скотъ), одежда, домашняя утварь, а иногда и земля продаются кому-либо изъ односельцевъ, который, по мѣтвому выраженію крестьянъ, „отпускаетъ на самару“. Вотъ этотъ-то отпускавшій на самару извѣстнаго переселенца или кто-либо изъ его сосѣдей даютъ не только точные отвѣты о немъ на всѣ вопросы переписи, но и нѣкоторыя указанія на причины того или иного состоянія его хозяйства, на то, чѣмъ вызвано его рѣшеніе идти въ далекую сторону, какъ шель онъ въ пути и пр. Но чѣмъ раньше ушелъ переселенецъ, тѣмъ труднѣе было получать отвѣты о немъ; иногда не только невозможно было узнать, напримѣръ, о количествѣ скота у него передъ выходомъ, но и показаніямъ о размѣрахъ его семьи и даже о годѣ его выхода слѣдовало придавать лишь приблизительное значеніе; могли даже случаться пропуски цѣлыхъ переселенческихъ семей. Для избѣжанія такихъ пропусковъ мы практиковали слѣдующій приемъ. Въ переписи противъ каждаго домохозяина (какъ наличнаго, такъ и переселенца) всегда обозначалось число душевыхъ надѣловъ („душъ“), отведенныхъ въ его пользованіе обществомъ; сумма этихъ душъ по всѣмъ дворамъ общины должна равняться числу единицъ, на которыя она разверстываетъ надѣльную землю; а общее число единицъ разверстки крестьяне всегда знаютъ. По окончаніи переписи мы дѣлали указанную провѣрку, и очень часто (а въ крупныхъ селахъ всегда) оказывалось, что въ нашей переписи не хватаетъ нѣсколькихъ, а иногда и нѣсколькихъ десятковъ „душъ“; ясно, что произошелъ пропускъ нѣкотораго числа домохозяевъ; начиналось разыскываніе ихъ, пока не пополнялся недочетъ въ единицахъ разверстки. Изрѣдка въ числѣ опущенныхъ дворовъ попадались и наличные крестьяне, живущіе гдѣ-нибудь „на отшибѣ“ „не въ линію“ и почему-либо не присутствовавшіе на сходѣ; но въ большинствѣ случаевъ это были сходческіе дворы давнихъ лѣтъ. Несмотря на то, что крестьяне были всегда до мелочей точны въ отыскываніи „пропавшихъ душъ“, и съ большой охотой, помогали намъ въ этомъ, но такая работа занимала много времени и утомляла обѣ стороны. Чтобы сократить ее, чтобы пропуски самарцевъ во время самой переписи были возможно рѣже, мы всегда строго различали „души“ каждаго домохозяина, данныя ему общиной отъ тѣхъ, которыя онъ арендовалъ у своихъ однообщественниковъ, выясняя, не принадлежатъ ли послѣднія кому-либо изъ ушедшихъ на переселеніе. Сочетаніе указанныхъ приемовъ дѣлало почти невозможными пропуски не только наличныхъ домохозяевъ, но и „самарцевъ“.

Въ числѣ прочаго матеріала, добытаго при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, слѣдуетъ упомянуть о письмахъ переселенцевъ. Такъ какъ и ими придется пользоваться при уясненіи причинъ и послѣдствій переселенческаго движенія; то необходимо сказать нѣсколько словъ о степени ихъ достовѣрности. Письма самарцевъ, за немногими исклю-

ніями, написаны или ими самими, или кѣмъ-либо другимъ — малограмотнымъ, такъ что нерѣдко разобрать ихъ бывало довольно трудно, достать ихъ тоже не легко: въ большинствѣ случаевъ ихъ тщательно берегутъ и очень боятся, чтобы кто-нибудь не затералъ ихъ, такъ что письма приходилось переписывать на мѣстахъ, тотчасъ же возвращая оригиналъ ихъ владѣльцу. Случалось, впрочемъ, что и сами крестьяне приносили письма, главнымъ образомъ, потому, что не все разобрали, — рады показать грамотѣ: авось, доберется! Иногда цѣлый сходъ просилъ прочесть письмо и во время чтенія слушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ; нѣкоторые вставляли свои замѣчанія, позволявшія судить объ отношеніи ихъ къ автору письма; о степени довѣрія къ нему и о ихъ взглядахъ на переселеніе, о ихъ чаяніяхъ и надеждахъ на этотъ исходъ. Конечно, письма представляютъ собой весьма цѣнный матеріалъ, знакомя съ способами передвиженія, съ тѣмъ краемъ, куда попадаетъ переселенецъ, и съ его первыми шагами на новомъ мѣстѣ, но пользоваться ими нужно съ большою осмотрительностью; сами крестьяне, какъ увидимъ дальше, далеко не удовлетворяются одними письмами, чтобы извѣдать тотъ край, куда они такъ стремятся въ послѣднее время. Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что многіе, „желая къ себѣ родныхъ“, рисуютъ край переселенія и свое собственное положеніе болѣе свѣтлыми красками, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. Чтобы оцѣнить письма, какъ матеріалъ, чтобы видѣть степень ихъ достовѣрности, воспользуемся рассказами одного изъ вернувшихся домой изъ Томской губерніи — главнаго мѣста стремленія переселенцевъ.

Почти всѣ письма самарцевъ рисуютъ Бійскій округъ, Томской губерніи, въ очень заманчивыхъ краскахъ; между тѣмъ, въ село Зенкино (Раненбургскаго уѣзда) приходили извѣстія оттуда, хотя и одобрявшія тамошнія мѣста, но сильно сдерживавшія потокъ переселенцевъ. Эти письма шли отъ Емельяна Катасонова, тоже зенкинца, выселившагося въ Бійскій округъ. Емельянъ считается односельцами „мужикомъ правдивымъ“; ему вѣрили, и переселенія изъ Зенкина на время стали тише. Скоро (по чисто семейнымъ обстоятельствамъ) вернулся и самъ Катасоновъ. Онъ рассказывалъ, что мѣста въ Томской губерніи дѣйствительно хороши, но что необходимы средства для перваго обзаведенія: нужно на первый разъ не менѣе 100—150 рублей, чтобы стать хозяиномъ, чтобы „соху осилить“. Онъ говорилъ, что многіе изъ ушедшихъ не стали полными хозяевами, хотя и имѣютъ 1—2 лошади (какъ увидимъ, необходимо для этого не менѣе 3-хъ лошадей), что они работаютъ по людямъ, что въ письмахъ они часто рисуютъ свое положеніе въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ на дѣлѣ, „желая къ себѣ родныхъ“, и пр. То же говорили и другіе вернувшіеся переселенцы и ходоки, ходившіе на развѣдку новыхъ мѣстъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они (какъ и Емельянъ Катасоновъ) утверждали, что бѣднякъ въ Бійскомъ округѣ голодать не будетъ, что и бѣдный, но хорошій работникъ черезъ два-три года можетъ стать на ноги, вполне обзавестись хозяйствомъ, что человѣку „со средствами“ (очень умѣренными, какъ уже было замѣчено) не трудно „соху осилить“. Такимъ образомъ, и

вернувшиеся из Томской губернии рассказывали о ней почти то же, что было в письмах оттуда; их рассказы „окоротили“ лишь хозяев среднего достатка, которые не в силах были сбить рублей 300, чтобы за дорожными издержками принести на новые места рублей 150, а, между тем, дома жили еще сносно. Сказанного достаточно, чтобы по достоинству оценить содержимое переселенческих писем, чтобы при некоторой осторожности можно было ими пользоваться.

I.

История переселений; их размеры и направление.

Исторические указания на выселения из бывших государственных и бывших помещичьих крестьян Раненбургского и Данковского уездов. — Крестьяне Скопинского уезда, принадлежавшие к ведомству государственного коннозаводства. — Исторические указания на выселение из Скопинского уезда. — Размеры переселений с 1859 — 82 год: поуездный, поволостной и поразрядный. — Изменения размеров переселенческого движения во времени в разных уездах и разрядах крестьян. — Процентные отношения переселенцев к наличным крестьянам *местности выселения*. — Пообщинные проценты выселений. — Направления переселений и их изменения во времени в каждом из уездов. — Трудность перемены направления для крестьян. — Зависимость направления движения от разряда крестьян.

Если земство и администрация обратили внимание на переселенческое движение в Рязанской губернии лишь в 1881 г., то это объясняется, главным образом, особенно усиленным переселенческим потоком отсюда весной этого года. На самом же деле переселение крестьян из южных уездов Рязанской губернии — явление далеко не новое. Проследи́м его историю, насколько то позволяют материалы, добытые местными исследованиями. Разумеется, до 1861 г. добровольные переселения могли происходить только из среды бывших государственных крестьян; крестьяне, бывшие помещичьи, привлеченные к землѣ, лишенные права передвижения, лишь вновь приобретя это право, начинают примыкать к переселенческому движению. Понятно, что и наши материалы по истории переселений касаются преимущественно крестьян, бывших государственных.

Государственные крестьяне в Скопинском уезде составляют почти $\frac{3}{4}$ (71%) всего его крестьянского населения, в Раненбургском уезде их 40%, а в Данковском — 36%. Как увидим дальше, характер переселенческого движения в Скопинском уезде значительно иной, чем в двух остальных, а потому и его историю удобнее проследить отдельно. Обратимся сначала к истории движения в Данковском и Раненбургском уездах.

В Раненбургском уезде почти все бывшие государственные крестьяне, а в Данковском значительная часть их составляли некогда особый вид служилого сословия (однодворцы, четвертные владѣльцы), получавшего за свою сторожевую службу не деньгами, а землей. Получив в свое пользование обширные пространства прекрасного чер-

нозема Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, они стали исключительно земледѣльцами. Земли у нихъ было вволю: „каждый пахалъ, сколько хотѣлъ, и косилъ, сколько могъ“, что и до настоящаго времени составляетъ ихъ идеалъ и влечетъ за тысячи верстъ на „вольныя земли“. Для нѣкоторыхъ селеній этихъ уѣздовъ, повидимому, пора такого приволья не такъ давно миновала: во время мѣстныхъ изслѣдованій нерѣдко приходилось слышать отъ крестьянъ, что у нихъ еще на памяти стариковъ была своя „самара“ *), были „вольныя земли“.

Насколько удалось выяснить при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, начало переселеній въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ отходить къ первымъ годамъ текущаго столѣтія. Въ то время многія изъ селеній государственныхъ крестьянъ не имѣли еще вполне устойчиваго вида; внутри ихъ земельныхъ владѣній происходили передвиженія. Даже и до сихъ поръ нѣкоторыя села государственныхъ крестьянъ (съ сильно растянутымъ надѣломъ) выдѣляютъ изъ себя часть домохозяевъ на болѣе отдаленные участки своихъ угодій. Такъ, въ Раненбургскомъ уѣздѣ село Ломовое выдѣлило изъ себя нѣсколько выселковъ. Дальняя часть надѣла села Кривополянья и теперь еще отходить отъ него на 15 верстъ; на одномъ изъ отдаленныхъ краевъ этого надѣла недавно поселилось нѣсколько семей кривополянцевъ; онѣ, вѣроятно, послужатъ ядромъ для новыхъ выселковъ изъ этого большаго села (5,616 душъ обоего пола), уже давшаго начало двумъ значительнымъ поселкамъ: Чечорѣ (теперь 476 душъ обоего пола) и Новополянью (883 души обоего пола). Новополянце такъ рассказываютъ о происхожденіи своего села. Лѣтъ 70 назадъ, одна семья изъ Кривополянья поселилась на отдаленной части (за 11 верстъ) своей душевой земли; мѣсто для поселка было выбрано удачно; начали перебираться сюда и другіе двory; такимъ образомъ, образовался поселокъ дворовъ въ 30, составлявшій все еще одну общину съ Кривополяньемъ. При введеніи владѣнныхъ записей, за Новополяньемъ была отмежевана часть ихъ общаго надѣла, и оно стало самостоятельной общиной. Чечора вышла изъ Кривополянья гораздо раньше Новополянья; тогда выселились 42 души на отдаленную часть своей земли—„на степь“.

Такого рода переселенія крестьянъ въ предѣлахъ ихъ земельныхъ владѣній происходили въ началѣ этого столѣтія и въ Данковскомъ уѣздѣ. Деревня Зашево (Жахово, по мѣстному), состоящая теперь изъ 804 душъ обоего пола, образовалась лѣтъ 70—80 назадъ изъ выселенцевъ селъ Звѣрева и Орловки, и до сихъ поръ жаховцы различаютъ въ своей деревнѣ два порядка—орловскій и звѣревскій. Надѣлъ, принадлежащій теперь Жахову, былъ тогда частью владѣній Звѣрева и Орловки, частью отдаленной и отбитой чужими землями. Звѣрево и Орловка, составляя въ то время одну общину, владѣли всѣми своими

*) Съ этимъ именемъ у мѣстныхъ крестьянъ соединяется представленіе о полномъ земельномъ просторѣ, такъ какъ первоначальныя передвиженія шли въ Самарскую губернію, гдѣ первые переселенцы встрѣчали земли „вволю“. Отсюда и названіе переселенца—„самарецъ“.

землями чрезполосно; въ чрезполосномъ же владѣніи находилась и эта отдѣльная часть пашни и мелколѣсья. Сначала на эту землю мало обращали вниманія, но возрастающее населеніе все болѣе и болѣе придавало ей цѣну, такъ что, наконецъ, неудобство обработки такихъ удаленныхъ земель заставляло звѣревцевъ и орловцевъ въ первыхъ годахъ столѣтія высадить туда нѣкоторую долю своего населенія. Хотя и метали жребій, кому идти, но выселились на новое мѣсто преимущественно бѣдняки, такъ какъ зажиточные хозяева „откупались“, давая въ помощь идущимъ за нихъ переселенцамъ до 10 р. на душу. Такимъ-то образомъ на мѣстѣ теперешняго Жахова и образовались два порядка—по 30 дворовъ въ каждомъ—звѣревскій и орловскій. Земля была здѣсь плохо обработана и неудобрена, почему нѣсколько лѣтъ продолжалось прежнее чрезполосное пользованіе всѣми землями общины: жаховцы пахали близъ Звѣрева и Орловки; звѣревцы и орловцы имѣли участки вблизи новаго поселка. Когда земля подъ Жаховымъ была нѣсколько уважена и часть новной земли (изъ-подъ кустовъ) поднята, сравнявшись по качеству съ остальной землей, каждое селеніе стало пахать ближайшую къ нему землю, получивъ ее на свою долю пропорціонально количеству душъ въ немъ; образовались сначала двѣ общины (Зашево съ одной стороны, Звѣрево съ Орловкой—съ другой), а лѣтъ 25 назадъ Звѣрево и Орловка тоже составили двѣ самостоятельныя земельныя единицы.

О происхожденіи пригородной (при Данковѣ) Козацкой слободы и села Требунокъ сохраняется у крестьянъ такое преданіе. Въ давнія времена съ низовьевъ Дона пришли 12 козацкихъ семей и заняли землю, принадлежащую теперь Козацкой слободѣ и Требункамъ. Захвативъ массу земель, раскинувшихъ версты на 15 въ діаметръ, пришельцы поселились на одномъ изъ краевъ этого участка, на берегу рѣки Дона. Долгое время они и ихъ потомки жили вмѣстѣ, пользуясь землей на захватномъ правѣ. Ростъ населенія заставилъ почувствовать „стѣсненіе въ землѣ“; новыхъ участковъ захватывать было не откуда,—и часть семей Козацкой слободы образовала версты за 7 отъ нея новый поселокъ, разросшійся теперь въ большое село Требуны (2,028 душъ обоюга пола). Границы земельныхъ владѣній обѣихъ общинъ были установлены на основаніи прежнихъ захватовъ и до сихъ поръ сохраняютъ крайне неправильную форму.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, какимъ земельнымъ просторомъ пользовались въ началѣ столѣтія государственные крестьяне Ренбургскаго и Данковскаго уѣздовъ и насколько еще они неирочно осѣли на мѣстахъ своей осѣлости. Понятно, что и представленіе тогдашняго крестьянина о „стѣсненіи въ землѣ“ было значительно иное, чѣмъ въ настоящее время; во всякомъ случаѣ эта относительная тѣснота въ землѣ уже и тогда вызывала переселенія государственныхъ крестьянъ въ Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губерніи. Изъ села Требунокъ, сосѣдняго съ нимъ села Бигильдина (Сурки тожь), изъ селъ Малинокъ (Кудрявской волости) и Долгаго выселенія въ указанныя 3 губерніи то отдѣльными семьями, то значительными партіями начались очень давно, такъ что „самые древніе старики не за-

помнить“ ихъ начала. Въ Суркахъ старики говорили намъ, что, по рассказамъ ихъ отцовъ, въ Самарскую и Уфимскую губерніи вышло такъ много народу, что въ настоящее время они могли бы образовать такіе же Сурки (въ Суркахъ теперь 2,307 душъ обоего пола). Въ селѣ Долгомъ теперь 1,365 душъ обоего пола, а, по словамъ стариковъ, переселенія изъ него издавна приняли такіе размѣры, что изъ его выселенцевъ должно бы образоваться значительно бѣльшее село, чѣмъ нынѣшнее Долгое. Всѣ эти переселенцы шли безъ всякой правительственной помощи, хотя нѣкоторые и „охлопатывали“ себѣ казенные участки на мѣстахъ поселенія, а другіе покупали землю у „татаръ“ (киргизовъ?), или приселялись къ существовавшимъ обществамъ. Лѣтъ 60 назадъ вышли значительныя партіи переселенцевъ въ Самарскую губернію изъ селъ Звѣрева, Орловки и уже образовавшагося тогда Жахова. По рассказамъ орловцевъ, изъ ихъ села ушло въ то время до 150 душъ и всѣ онѣ поселились на „охлопотанномъ казенномъ участкѣ“.

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ переселеніе началось съ одной изъ самыхъ южныхъ его волостей — Путятинской. Изъ села Путятина уже лѣтъ 70 назадъ были посланы ходоки на розыски „вольныхъ земель“; въ Самарской губерніи они нашли удобное для поселенія мѣсто и вывели за собой до 100 душъ. Лѣтъ 60 назадъ, въ селѣ Ратчинѣ (Путятинской волости) происходило размежеваніе земель сосѣднихъ землевладѣльцевъ съ крестьянскими; отъ ратчинцевъ, по ихъ словамъ, отошелъ тогда значительный участокъ земли, — и „подсела“ вышло въ Саратовскую губернію, образовавъ тамъ поселокъ Рычки, не менѣе Ратчина. Около того же времени происходили выселенія въ Самарскую и Уфимскую губерніи изъ ближнихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Истобнаго (Колыбельской волости), Юсова (Крюковской волости) и Ломоваго. Изъ Юсова вышло тогда 5 семей, изъ Истобнаго — 10, а ломовскіе „саадчики“ (ходоки) повели за собой около 30 семей. Въ селѣ Истобномъ намъ говорили, что указанныя 10 семей ушли изъ него, „почувствовавъ стѣсненіе въ землѣ“. Интересно, что тогда считалось стѣснительнымъ? Въ числѣ выселившихся истобенцевъ были двѣ семьи Калашниковыхъ. Про ихъ уходъ рассказываютъ такъ. Всѣхъ дворовъ Калашниковыхъ, состоявшихъ въ близкомъ родствѣ, было 4 съ 13 душами мужескаго пола; въ ихъ владѣніи было 52 десятины напши. Собрались Калашниковы на совѣщаніе и порѣшили, что отъ такой тѣсноты два двора должны идти на вольныя земли, снабдили выселяющихся деньгами (до 1,000 р. ассигнац.), и тѣ ушли неизвѣстно куда.

Всѣ перечисленные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по личной инициативѣ крестьянъ, безъ всякой сторонней помощи; только нѣкоторымъ изъ переселившихся, какъ было указано, удавалось выхлопотать себѣ уже по приходѣ на мѣсто казенные участки для поселенія. Скоро правительство обратило вниманіе на эти передвиженія и, повидимому, захотѣло урегулировать ихъ, направивъ переселенцевъ въ опредѣленные мѣста. Такъ, лѣтъ 50 назадъ, по рассказамъ крестьянъ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ, былъ „кликъ отъ прави-

тельства“, вызовъ „на вольныя земли“. Впрочемъ, и на этотъ разъ, повидимому, правительство не давало матеріальной поддержки переселенцамъ: только было разрѣшено послать развѣдчиковъ для выбора мѣстъ переселенія. На вызовъ правительства потянулись переселенцы изъ большихъ селъ Раненбургскаго уѣзда: Зенкина, Кривополяня, Истобнаго, изъ дер. Чечоры и др., а также изъ села Телепнева (Покровское тожь) Данковскаго уѣзда. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ первыми откликнулись на зовъ правительства кривополянскіе выходцы—чечорцы. Чечора къ этому времени уже разрослась въ большую деревню и выдѣлила изъ себя двухъ „ссадчиковъ“, братьевъ Харитона и Ивана Медвѣдовыхъ, отправившихся на розыски „вольныхъ земель“. Медвѣдовы нашли подходящее для селенія мѣсто въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи, при рѣкѣ Самарѣ. Ссадчики набрали изъ окрестныхъ деревень до 300 душъ, желавшихъ идти на новыя мѣста, и, перечисливъ ихъ въ казенной палатѣ, повели за собой. Образовавшаяся, такимъ образомъ, въ Бузулукскомъ уѣздѣ деревня назвалась по имени ссадчиковъ Медвѣдовой. Теперь уже туда никого не принимаютъ („своихъ стало много“), и деревня превратилась въ большое село съ церковью.

Въ то же самое время, по зову правительства были посланы два ссадчика и изъ села Телепнева, Данковскаго уѣзда; они тоже отыскали мѣсто для поселенія въ Бузулукскомъ уѣздѣ и вывели за собой до половины своего села (въ Телепневѣ тогда было только 100 дворовъ). Поселокъ, образованный переселенцами, разросся теперь въ большое село Ефремово (по имени одного изъ ссадчиковъ); „кабы не болѣзнь, было бы оно не меньше Телепнева!“—говорили намъ крестьяне. Дѣло въ томъ, что хотя выбранныя мѣста и оказались очень плодородными, но болотистые берега озера, близъ котораго расположились новоселы, породили массу заболѣваний злокачественными лихорадками. „Всѣ члены нѣмѣли,—разказывали телепневцы:—затрясется, къ примѣру, борода да такъ и обвиснетъ безсильная. Много народу перемерло“. Теперь озеро осушено, и лихорадки прекратились. Ефремовцы до сихъ поръ не теряютъ связи съ своимъ роднымъ селомъ: у нихъ въ Телепневѣ есть родичи, къ которымъ они заходятъ, идя на поклоненіе кievской и соловецкой святынямъ. „Если бы въ ту пору не вышло полсела,—заключили свой разказъ телепневцы,—плохо бы намъ пришлось теперь: земля бы страхъ раздробилась, самая малость ея пришлась бы на душу“.

Лѣтъ за 35 назадъ шли выселенія преимущественно изъ Данковскаго уѣзда; они происходили не только по вызову казны, но и съ ея матеріальной поддержкой изъ слѣдующихъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ: Вигильдина (30 семей), Требунокъ (20 семей), Ярославовъ (60 душъ), Теплаго (40 душъ), Малиновъ (4 семьи) и пр. Эти выселенія шли въ Самарскую, Уфимскую и Томскую губерніи. Въ то же самое время, рядомъ съ семьями, идущими на счетъ казны, шли самостоятельныя выселенія; напримѣръ, изъ выселенцевъ села Ярославовъ не всѣ 60 душъ получили пособіе; нѣкоторые изъ нихъ не только на свой счетъ совершили путь, но и на новыхъ мѣстахъ

селились не на казенныхъ земляхъ, а на участкахъ, приобретенныхъ ими у „татаръ“ Уфимской губерніи. Изъ Березовки (Ерошкинской волости, Данковского уѣзда) вышло около того же времени 27 душъ въ Самарскую губернію на свой счетъ; по своей же инициативѣ выселилось тогда 5 семей въ Урюпинскую станицу изъ села Топовъ, Раненбургскаго уѣзда.

Лѣтъ 25 назадъ (около времени X ревизіи), снова идетъ рядъ переселеній съ пособіемъ отъ правительства. На этотъ разъ движеніе было направлено, главнымъ образомъ, въ Таврическую губернію (Бердянскій уѣздъ), въ Тобольскую и частію въ Самарскую (Бугурусланскій уѣздъ). Изъ села Бигильдина вышло тогда до 25 семей въ Тобольскую и Таврическую губерніи, изъ Требунокъ — туда же до 13 семей, изъ Жахова и Орловки направлялись въ Бугурусланскій уѣздъ и Тобольскую губернію мелкія партіи, изъ Звѣрева въ Таврическую и Самарскую губерніи вышло до 70 душъ, изъ Делихова (Путятинской волости, Раненбургскаго уѣзда) ушло около 7 семей въ Бердянскій уѣздъ и пр. И на этотъ разъ рядомъ съ правительственными выселеніями шли изъ тѣхъ же и сосѣднихъ селъ самостоятельные „самарцы“. Такъ, на примѣръ, около этого времени вышли изъ села Зенкина, Раненбургскаго уѣзда, до 7 семей самостоятельныхъ переселенцевъ въ Оренбургскую губернію, изъ села Колыбельскаго ушло тогда же до 10 бѣднѣйшихъ семей, а около 1860 года ушли изъ села Демкина въ Томскую губернію 10 семей средняго достатка и даже зажиточныхъ.

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ переселеній съ пособіемъ казны (въ концѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ) выходили, по словамъ крестьянъ, все больше „мелкомѣстныхъ“ (бѣднѣйшихъ) семьи; онѣ получали отъ правительства пособіе на дорогу, получали право пасти свой скотъ на всѣхъ встрѣчныхъ пастбищахъ, а по приходѣ на мѣсто — трехлѣтнюю льготу отъ податей и нѣкоторую сумму денегъ для первоначальнаго обзаведенія.

Вотъ тѣ данныя по исторіи переселенческаго движенія до X ревизіи, какія удалось добыть при мѣстныхъ изслѣдованіяхъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Они, конечно, крайне неполны; по нимъ нельзя судить объ истинныхъ размѣрахъ движенія, но и они даютъ право утверждать, что переселенія до X ревизіи дѣйствительно происходили только среди крестьянъ, бывшихъ государственныхъ: что начало переселенческаго движенія должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, въ первымъ годамъ настоящаго столѣтія; что первое время движеніе происходило по инициативѣ крестьянъ безъ всякой сторонней помощи, и что только впоследствии правительство пробовало его урегулировать, но воплію овладѣть движеніемъ оно или не считало нужнымъ, или не могло, такъ какъ, на ряду съ переселеніями правительственными, шли „самовольныя“ выселенія крестьянъ.

До X ревизіи переселеніе направлялось, главнымъ образомъ, въ губерніи Европейской Россіи: Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Саратовскую, Ставропольскую, Землю Войска Донскаго, Таврическую и только отчасти—въ Тобольскую и Томскую; въ настоящее же время главная масса переселенцевъ изъ Данковскаго и Раненбургскаго уѣз-

довъ направляется въ Томскую губернію и преимущественно въ Війскій округъ ея. Привольныя мѣста Томской губерніи, повидимому, были раньше и обстоятельнѣе извѣстны переселенцамъ изъ сосѣдней Тамбовской губерніи; отъ нихъ-то раненбургскіе крестьяне и узнали о сибирскомъ просторѣ. Правда, еще въ концѣ 40-хъ годовъ пошли по вызову правительства въ Томскую губернію нѣсколько десятковъ семей изъ Сурковъ и Требунокъ, но тогда это мѣсто переселеній почему-то не привилось; томское направленіе прочно установилось лишь съ 60-хъ и даже съ 70-хъ годовъ *). Первые переселенцы (о которыхъ хорошо помнятъ крестьяне), пошедшіе въ Томскую губернію, были упомянуты 10 семей демкинцевъ (ушли около 1860 года); онѣ пошли по слѣдамъ переселенцевъ изъ Тамбовской губерніи. Около 1874 года вышло въ Томскую губернію нѣсколько семей изъ Зенкина по зову односельца, попавшаго туда изъ Оренбургской губерніи, благодаря своему родственнику, тоже тамбовцу. Про начало переселеній въ Томскую губернію изъ Данковского уѣзда рассказываютъ такъ. Государственный крестьянинъ села Никольскаго (Долговской волости) Арбузовъ — хорошій плотникъ — отправился на заработки сначала въ Оренбургскую губернію, а затѣмъ перешелъ въ Томскую. Тамошнія мѣста ему понравились, и онъ (около 1875 года) сталъ звать (письмами) своихъ односельцевъ на вольныя земли. Хотя всѣ знавшіе Арбузова считали его человѣкомъ, достойнымъ довѣрія, но все же опасались вѣрить его письмамъ и, несмотря на ихъ заманчивыя описанія томскихъ приволій, никто не рѣшался идти по нимъ за тысячи верстъ. Нѣкоторые даже думали, что это письма не его, что онъ гдѣ-то запропалъ и отписали предполагаемому лже-Арбузову, вызывая его вернуться на родину и, если такъ хорошо въ Сибири, забрать туда свою семью и устно рассказать то, что онъ передавалъ письменно. Арбузовъ дѣйствительно вернулся и вмѣстѣ съ семьей поѣхалъ въ Томскую губернію; съ нимъ пошли изъ села Никольскаго нѣсколько домохозяевъ, письмами подтвердившихъ рассказы Арбузова о сибирскомъ просторѣ. Тогда еще вышло нѣсколько семей уже не только изъ Никольскаго, а и изъ Сурковъ (пошли родственники); въ 1881 г. уже очень многіе изъ этихъ и окрестныхъ селеній направились въ Томскую губернію.

Переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ началось на другой же годъ по освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости. Такъ, на примѣръ, изъ Подкидышева и Горлачевки (Зміевской волости, Данковского уѣзда) въ 1862 году по нѣсколько семей распродали все свое имущество и ушли „на низы“, т. е. въ землю Войска Донскаго. Въ 1863 году бывшіе помѣщичьи крестьяне Сергіевской Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, двинулись массой въ

*) Дѣйствительно, г. Ядринцевъ говоритъ, что свободное переселеніе изъ губерній Европейской Россіи въ Алтай началось съ 1864 года; но и до тѣхъ поръ свободной колонизаціи были доступны двѣ волости: въ Війскомъ округѣ—Смоленская (куда, по нашимъ матеріаламъ, и вышли нѣкоторыя семьи Раненбургскаго уѣзда) и Подонинская — въ Кузнецкомъ. См. „Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества“, кн. II (1880 г.), стр. 113.

630 ревизскихъ душъ въ Ставропольскую губернію. Это движеніе замѣчательно своей необдуманностью и тяжелыми послѣдствіями для переселенцевъ; сами крестьяне такъ объясняли причину его: „открылась воля; можно было идти на всѣ четыре стороны,—и пошли, кто куда, счастья искать“. Еще во время крѣпостнаго права нѣкоторые крестьяне Шереметьевской волости ходили въ Ставропольскую губернію пильщиками и гуртовщиками. Привольное житіе тѣхъ мѣстъ имъ нравилось всегда, а когда при введеніи уставныхъ грамотъ имъ показалось, что они „землю обижены“, что получаютъ не то, чего ожидали,—они отказались отъ надѣла, распродали имущество и пошли въ Ставропольскую губернію. Такимъ образомъ, вышли тогда изъ селъ Сергіево-Шереметьевского, Ново-Сергіевского и деревни Конюховки до 630 душъ. Въ Ставропольскую губернію онѣ попали въ неурожайный годъ; многія перемерли и переболѣли лихорадками, а въ особенности были напуганы обязательностью перехода „въ козацій окладъ“. Хотя впоследствии путемъ административной переписки и было, кажется, выяснено, что перечислены въ козаки будутъ только желающіе, но пока шла переписка — шереметьевцы массами стали возвращаться на родину, такъ что въ Ставропольской губерніи осталось не болѣе 30 семей. Хотя, повидимому, земля была наръзана и уходившимъ на переселеніе шареметьевцамъ, но общества утверждали, что на нихъ земли не дано, что они вовсе отказались отъ нея при уходѣ въ Ставрополь, — и на этихъ основаніяхъ возвратившіеся „ставропольцы“ не только не получили пахотныхъ и сѣновосныхъ угодій отъ своихъ обществъ, но даже должны платить имъ за право пастбы скота по общественному пару и жнивью рубля по 2 съ двора. Это дѣлаетъ положеніе вернувшихся „ставропольцевъ“ крайне тяжелымъ: кой-кто изъ нихъ успѣлъ обзавестись скотомъ и ведетъ запашку на сѣмной землѣ, но большинство разбралось по сторонамъ, а нѣкоторые снова пытаются устроиться въ Ставропольской губерніи.

Иногда дѣлами вотчины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ охватывало стремленіе уйти на Самару; но такіе порывы были настолько еще незрѣлы, необдуманны, что оказывалось достаточно вмѣшательства администраціи и даже просто сельскаго священника, чтобы оладить порывъ и даже совершенно остановить движеніе, крайне еще непривычное для помѣщичьихъ крестьянъ. Крестьяне-собственники села Хрущева (бывшіе г. Хомякова) около 1876 года надумали было идти на самару; уже ходоковъ выбрали, да—по ихъ разсказамъ—священникъ отговорилъ,—„болжно ясную притчу сказалъ: сходи, говоритъ, на толчею *) да послушай; толкачь, и тотъ твердитъ: „какъ тутъ, такъ и тамъ! какъ тутъ, такъ и тамъ!“ Ну, и не пошли: можетъ, и впрямь—вездѣ худое найдется“. Приведу еще примѣръ. Той же волости крестьяне деревни Хорошовки хотѣли выселиться всей вотчиной (и другія деревни присоединались къ нимъ) около 1867 г. Тогда былъ „кликъ на вольныя земли по всему Данковскому уѣзду“; мировой посредникъ чрезъ старшину объявилъ имъ о вызовѣ въ Оренбургскую,

*) На мельницу.

Тобольскую и Томскую губерніи; были выбраны 8 ходоковъ и отправлены въ Рязань къ губернатору. Губернаторъ велѣлъ имъ подать письменную просьбу, въ которой бы были изложены причины, заставляющія ихъ выселиться. Просьба была подана; хорошовцы указали на недостатокъ воды въ ихъ деревнѣ, а, главное, на очень тяжелую барщину при тогдашнемъ управляющемъ ихъ помѣщика. Имъ объявили, что выселиться они могутъ, но не всѣ, а лишь 10-й человекъ; 9 же должны непременно остаться на мѣстѣ—„храмы блюсти“. „Если всѣ уйдете, — говорилъ, по ихъ рассказамъ, губернаторъ, — храмы Божьи запустѣютъ; на вашемъ мѣстѣ тоже сдѣлается самара,—и начальству придется вызывать сюда кого ни то, чтобы заселить ее“. Переселеніе не состоялось, но барщина съ тѣхъ поръ стала легче, а черезъ 3 года они перешли на оброкъ.

Вообще въ первые годы переселенческое движеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отличалось значительно меньшею стройностью и обдуманностью; у нихъ было больше неудачныхъ случаевъ переселеній, чѣмъ въ установившемся уже движеніи изъ селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но слухи о новыхъ земляхъ отъ крестьянъ государственныхъ стали все больше проникать и къ бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ; иногда они уже и отъ себя высылаютъ ходоковъ для осмотра новыхъ земель, и хотя выселенія отъ нихъ до сихъ поръ происходятъ въ менѣе значительныхъ размѣрахъ, но весьма возможно, что бывшіе помѣщичьи крестьяне скоро станутъ такими же участниками этого движенія, какъ и крестьяне, бывшіе государственные; впрочемъ, еще и теперь есть цѣлыя волости бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Данковского и Раненбургскаго уѣздовъ, куда слухъ о новыхъ земляхъ только что начинаетъ проникать, и оттуда поэтому не вышло „на самару“ ни одной семьи.

Приведу примѣръ того, какъ исподволь назрѣвала мысль о переселеніи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Въ былое время,—рассказывали намъ крестьяне сельца Пителина (Крючковской волости, Раненбургскаго уѣзда), — здѣсь было лучше всякой самары. Хотя земля у насъ была издавна дѣлепая, все же годовъ 70 назадъ ее приходилось больше 7 десятинъ на душу (тягло?), годовъ 50 назадъ—больше 5 десятинъ; лѣсу—сколько хочешь; луга—степь безконечная. Хлѣба было невпроворотъ: въ 1812 году, когда француза въ полонъ брали, скирды гнили... А, между тѣмъ, народу все стало прибавляться,—стали землей утѣсняться, но все еще хорошо было, можно было жить. Даже недавно, при нарѣзкѣ земли, когда часть ея къ барину отошла, жить-перебиваться все же была возможность. Барская земля, что за надѣломъ осталась, пошла тогда по разнымъ рукамъ, но больше все у мѣщанъ Полякова да Малахова была; они сдавали ее по 7—9 р. за десятину. Правда, это было не то, что раньше,—когда десятина сдавалась по 5 р., да и десятины-то были шальные,—но по нынѣшнему времени и то вспомнешь. Но вотъ купилъ эту барскую землю купецъ Кунинъ; сталъ онъ сдавать ее много дороже, рублей по 18 — 20 за десятину, да, въ тому же, сдачу сокращать началъ, а на себя запашку увеличилъ. Въ тому вре-

мени, какъ земля по наръзкѣ отошла отъ насъ, крестьянство наше и то ужъ маленько поопустилось: земли стало меньше; лѣсъ былъ сведенъ бариномъ; топки не стало; начали режь косить пониже; солома пошла на топку, урожай — на убыль. Повышеніе аренды подъяло крестьянство еще больше... Не стало нашей самары; только старики вспоминають о ней. Года три назадъ (около 1878 года) пошли слухи про новую самару—сибирскую; слухи эти шли изъ Чечоръ, Зенкина, Кривополяня, Каликина *); говорили, будто люди въ Сибирь идутъ и что тамъ самара не хуже той, что у насъ была. Дальше да больше. Пошли слухи со всѣхъ сторонъ; разное говорили, а все чаще—хваляли сибирскую сторону, говорили, что стоитъ идти туда. Бывало, на базарѣ одинъ демкинскій мужикъ какъ начнетъ про сибирскую самару рассказывать (онъ нарочно ходилъ туда, а потомъ съ семьей въ Бійскій уѣздъ выписался), такъ вокругъ него толпа на полверсты стоитъ; самъ-то онъ высокій, здоровый, выше всей толпы, да еще на телѣгу взберется и кричить, что есть мочи,—самару расписываетъ... Думали, думали,—и стали нашихъ 13 семей собираться въ Томскую губернію^а.

Чтобы сталъ яснѣе историческій ходъ переселенческаго движенія изъ Скопинскаго уѣзда, необходимо упомянуть объ особенностяхъ въ условіяхъ жизни бывшихъ государственныхъ крестьянъ его западной части. 30 большихъ сель, изъ которыхъ въ настоящее время образовано семь западныхъ волостей уѣзда, составляли до 30-хъ годовъ нашего столѣтія одну громадную волость, принадлежавшую къ вѣдомству государственнаго коннозаводства. Неподалеку отъ Скопина, близъ сель Стараго-Кельца и Журавинокъ, было два казенныхъ завода и окружное коннозаводское управленіе. Кромѣ установленнаго оброка, крестьяне этихъ 30 сель обязаны были отбывать нѣкоторыя натуральныя повинности: они поставляли для заводовъ конюховъ, производили уборку сѣна съ заводскихъ луговъ, чистку конюшенъ, зимой расчищали снѣгъ, возили дрова и пр. Сверхъ того, крестьяне должны были поставлять въ достаточномъ количествѣ солону для подстилки лошадямъ, а въ случаѣ недостатка корма, и сѣно. Подчиняясь департаменту государственнаго коннозаводства, мѣстный управляющій (всегда изъ военныхъ) почти настолько же полномочно управлялъ этой громадной волостью, какъ бывшіе помѣщики—своими вотчинами: онъ не только собиралъ оброкъ, отсылалъ его непосредственно въ департаментъ, не только наблюдалъ за исполненіемъ натуральныхъ повинностей, но чинилъ судъ и расправу. Такія громадныя права управляющаго, его удаленность отъ центра (а, слѣдовательно, почти полная безконтрольность) порождали много злоупотребленій властью. До сихъ поръ среди коннозаводскихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда живы воспоминанія о крутыхъ мѣрахъ при собираніи оброка; называютъ даже фамилію знаменитаго своей жестокостью управляющаго, требовавшаго такихъ натуральныхъ повинностей въ свою пользу, на которыя рѣдко претендовали самыя жестокіе помѣщики. А, между тѣмъ, при окру-

*) Все селенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда, а Каликино—Тамбовской губерніи.

номъ коннозаводскомъ управленіи былъ цѣлый штатъ чиновниковъ, кромѣ управляющаго: два его помощника, ассесоръ, казначей, бухгалтеръ, землемѣръ и нѣсколько писарей; злоупотребленія исходили и отъ нихъ. Понятно, что положеніе бывшихъ коннозаводскихъ крестьянъ весьма близко подходило къ положенію бывшихъ крѣпостныхъ. Обязательныя отношенія къ коннозаводскому управленію обончались около 1836 года, когда и самыя заводы были перенесены на югъ, въ болѣе просторную Харьковскую губернію (близъ Вѣловодска).

Въ остальной части Скопинскаго уѣзда преобладали бывшіе помѣщичьи крестьяне; бывшихъ государственныхъ тамъ было около 40%. Хотя крестьяне государственнаго коннозаводства и имѣли право ухода на сторонніе заработки, хотя имъ и выдавались безпрепятственно паспорта (если были выполнены денежныя и натуральныя повинности), но все же окончательно порвать съ своей родиной, распродавъ имущество и поселившись съ семьями на новыхъ мѣстахъ, имъ было настолько же невозможно, какъ и бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ. И дѣйствительно, въ нашихъ матеріалахъ самыя раннія случаи выселеній изъ коннозаводскихъ волостей не отходятъ далѣе 40-хъ годовъ; переселенія изъ бывшихъ помѣщичьихъ, конечно, начались лишь послѣ освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости; самыя же раннія выселенія могли происходить (и дѣйствительно происходили) изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ восточной половины уѣзда. Въ нашихъ матеріалахъ имѣются указанія на выселенія раньше 40-хъ годовъ изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской, Корневской, Измайловской и Маклаковской волостей, лежащихъ въ восточной части уѣзда.

Еще въ первыхъ годахъ столѣтія (лѣтъ 80 назадъ) выселилось нѣсколько семей въ Оренбургскую губернію изъ села Большаго Подовечья, Курбатовской волости. Съ тѣхъ поръ до 30-хъ годовъ у насъ есть указаніе лишь на одинъ случай выселенія: около 1820 года (въ „голодный годъ“) ушла въ Саратовскую губернію половина села Маклакова. Въ 30-хъ годахъ переселенцы направлялись тоже преимущественно въ Саратовскую губернію: изъ Бакланова (Маклаковской волости) и изъ Полотебнаго (Курбатовской) вышло туда по нѣсколько семей, а другое село той же волости — Дехтярка — выслало $\frac{1}{2}$ своего населенія; крестьяне хорошо помнятъ, что въ 30-хъ годахъ послались предварительно въ Саратовскую губернію „ссадчики“ для осмотра мѣстъ будущаго поселенія. Въ 30-хъ же годахъ изъ Чулковскихъ выселокъ (Корневской волости) ушло 5 семей въ Землю Войска Донскаго, но (хотя нѣкоторые изъ нихъ и устроились полнымъ хозяйствомъ) всѣ онѣ живутъ и до сихъ поръ по паспортамъ, не отчисляясь отъ своей родной деревни, такъ что даже при дѣлѣхъ земли въ 1881 году и имъ нарѣзали землю по числу ихъ мужскихъ душъ. Въ 40-хъ годахъ ходили на развѣдку въ Саратовскую, Самарскую, Уфимскую и Оренбургскую губерніи, и затѣмъ вышло туда по нѣсколько семей изъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Курбатовской волости (изъ Большаго и Малаго Подовечья, Дехтярки и Борщовки), да изъ Спасскаго, Измайловской волости, выселилось тогда около 50 душъ

въ Саратовскую губернію. Всѣ переименованные до сихъ поръ случаи выселеній происходили по инициативѣ крестьянъ, безъ матеріальной поддержки правительства и даже, повидимому, безъ его вызова и указаній; очевидно, что менѣе значительныя выселенія изъ Скопинскаго уѣзда, (сравнительно съ двумя болѣе южными) почти до самой X ревизіи не обращали на себя вниманія администраціи.

Около 1856 г. „вличъ на вольныя земли“ дошелъ и до Скопинскаго уѣзда; на него отозвались государственные крестьяне Курбатовской волости: ушло нѣсколько душъ, изъ Малаго Подовечья, около 10 душъ изъ Большаго Подовечья и изъ Дехтарыки—до 50 душъ; всѣ шли въ Самарскую губернію „по манифесту“: правительство, по словамъ крестьянъ, давало помощь на проходку, дозволяло пасти коней на большихъ дорогахъ, а по прибытіи на мѣсто поселенія отпускало для перваго обзаведенія по 140 р. ассигнаціями на двухъ работниковъ и по 39 сотенныхъ десятинъ (въ $100 \times 40 = 4,000$ кв. сажень каждая). Въ то же время, выселялись семьи и на свой страхъ, безъ казеннаго пособія: вышло нѣсколько семей изъ деревни Полотебнаго, и, вѣроятно, изъ деревни Ермилина, Полянской волости, такъ какъ оттуда пошелъ тогда въ Самарскую губернію главный ссадчикъ. Около 1860 года была новая „выличка“ въ Самарскую губернію, но на этотъ разъ, повидимому, матеріальной поддержки со стороны правительства не было. По этому вызову вышло въ Самарскую губернію до 25 душъ изъ Дехтарыки, около 11 семей изъ Гулынокъ и Есакова (Курбатовской же волости), изъ Ермолина (Полянской волости) до 70 душъ и нѣсколько семей бывшихъ государственныхъ крестьянъ изъ Лѣтова, Яблоневской волости. Совершенно самостоятельно (хотя и въ томъ же 1860 году и въ Самарскую же губернію) вышло 7 семей изъ Чулковскихъ выселокъ.

Какъ уже замѣчено, отхожіе заработки могли развиваться среди коннозаводскихъ крестьянъ и до прекращенія ихъ обязательныхъ отношеній къ заводскому управленію. Заработки эти носили по большей части земледѣльческій характеръ (иногда и ремесленный—шерстобиты), а самый выходъ направлялся почти исключительно въ степныя губерніи южной Россіи и Кавказа. Населеніе расло; земельныя условія становились все болѣе и болѣе стѣснительными, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивался и отходъ на сторону; уже въ 40-хъ годахъ нѣкоторые работники, по нѣсколько лѣтъ живя въ степи, стали переводить къ себѣ свои семьи, распродаютъ свое имуществу, окончательно поселяясь въ мѣстахъ своихъ заработковъ; большинство такихъ семей и до настоящаго времени не перечислено въ свое новое мѣстожителство, а живутъ по паспортамъ, получаемымъ съ родины, съ которой они имѣютъ очень мало общаго во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Число такихъ „сходцевъ“ (какъ зовутъ ихъ мѣстные крестьяне) все увеличивалось: въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ оно достигало весьма значительной цифры и затѣмъ начало слабѣть все сильнѣе и сильнѣе, окончательно уступивъ свое мѣсто восточному направленію выселеній къ концу 70-хъ годовъ. „Сходцы въ степь“, „степняки“— почти исключительно принадлежность Скопинскаго уѣзда, а въ немъ—крестьянъ,

принадлежавших до 1836 г. къ вѣдомству государственнаго коннозаводства; въ другихъ разрядахъ крестьянъ и въ другихъ уѣздахъ это направленіе выселеній встрѣчается значительно рѣже.

Извѣстія о просторѣ Томской губерніи проникли въ Скопинскій уѣздъ очень поздно — въ концѣ 70-хъ годовъ: частью изъ сосѣдняго Елифанскаго уѣзда, Тульской губерніи, но, главное, изъ Раненбургскаго уѣзда. Осенью 1882 года зажиточный крестьянинъ села Хворощевки (Затворинской волости) повелъ за собой до 10 семей въ Томскую губернію; но большая часть изъ нихъ осѣла въ Троицкомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, и только нѣкоторыя ушли дальше. Особенно сильный толчекъ движенію въ Томскую губернію изъ Скопинскаго уѣзда былъ данъ весной 1882 года бывшимъ старостой Чулковскихъ выселокъ Петромъ Ивановымъ. Этотъ зажиточный, даже богатый крестьянинъ; прослышавъ отъ своихъ знакомыхъ Раненбургскаго уѣзда объ изобиліи Томской губерніи, пошелъ лично убѣдиться въ справедливости слуховъ. Мѣста полюбились, — и Петръ Ивановъ вернулся на родину, чтобы окончательно перебраться въ Томскую губернію, забравъ семью и распродавъ имущество. Разказы этого умнаго и хозяйственнаго мужика о сибирскомъ просторѣ и въ особенности его рѣшимость идти въ такую даль отъ здѣшняго хорошаго житья произвели сильное впечатлѣніе; не только родные, но и посторонніе стали просить Петра Иванова взять съ собой ихъ или хотя ихъ развѣдчиковъ. Онъ повелъ въ Сибирь не одинъ десятокъ семей изъ Чулковскихъ выселокъ и другихъ селеній, — иныхъ даромъ, съ другихъ бралъ по 40 р. съ ревизской души „за показъ мѣста“. Эти переселенцы хорошо устроились въ Бійскомъ округѣ, Томской губерніи, хватать мѣста и зовуть еъ себѣ своихъ земляковъ.

Переселенческое движеніе изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда еще очень мало развито (всѣхъ переселенческихъ семей вышло не болѣе 80); есть нѣсколько указаній, что оно началось тотчасъ по освобожденіи отъ крѣпостной зависимости въ Саратовскую губернію (изъ Кумина, Маклаковской волости) и на Кавказъ (изъ Лыкова хутора, Боровской волости); въ настоящее время и до этого разряда крестьянъ проникла вѣсть о Томской губерніи (частью отъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, частью изъ сосѣдняго Ражскаго уѣзда), и число переселенцевъ изъ нихъ тоже растетъ.

Познакомясь съ ходомъ переселенческаго движенія до X ревизіи во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ изслѣдованнаго района, посмотримъ на размѣры движенія послѣ нея, до 1882 года включительно. Въ теченіе этого времени (почти четверти столѣтія) изъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ выселилось до 3,661 семьи съ 22,438 душами обоюга пола, что составляетъ около 6% всего наличнаго населенія этихъ уѣздовъ вмѣстѣ съ переселенцами*). По отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ процентъ колеблется около той же цифрѣ

*) Не только здѣсь, но и въ послѣдующемъ изложеніи подобныя процентныя отношенія выведены не къ наличнымъ цифровымъ даннымъ рассматри-

Всѣхъ выселившихся:

	Семей.	Душъ обоого пола.	Наличн. душъ обоого пола.	% выселеній.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ.	1,595	9,887	134,099	7
„ Данковскомъ уѣздѣ . .	881	5,807	98,224	6
„ Скопинскомъ „ . .	1,185	6,747	143,124	5
Итого . .	3,661	22,438	375,447	6

То-есть по относительному размѣру переселеній со времени X ревизіи Скопинскій уѣздъ занимаетъ послѣднее мѣсто: въ немъ этимъ путемъ выбыла $\frac{1}{20}$ часть населенія; Раненбургскій же уѣздъ и по абсолютнымъ, и по относительнымъ цифрамъ выселенія стоитъ на первомъ мѣстѣ, хотя и не особенно обогналъ въ этомъ отношеніи Данковскій и Скопинскій уѣзды.

Но если цѣлыя поуѣздныя территоріи со времени X ревизіи выпустили изъ среды себя почти одинаковыя относительныя количества переселенцевъ, то для разныхъ районовъ каждаго уѣзда проценты переселеній весьма различны; такъ, напримѣръ, изъ нѣкоторыхъ волостей переселеній не было вовсе, тогда какъ въ двухъ изъ нихъ убавилось путемъ переселеній болѣе $\frac{1}{3}$ части всего населенія. Приведемъ всѣ волости каждаго изъ уѣздовъ, располагая ихъ по убывающему проценту выселеній; волости разбиты по этимъ процентамъ на естественныя группы.

Раненбургскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоого пола.		%
	Наличныхъ.	Выселившихся.	
1. Колыбельская	6,205	1,683	21
2. Путятинская	8,254	1,567	16
3. Зенкинская	5,493	984	15
Итого по 1, 2 и 3-й	19,952	4,234	18

II-я группа.

4. Головинщинская	4,089	742	15
5. Ломовская	6,694	982	13
6. Гагинская	4,568	389	8
7. Никольская	4,680	353	7
8. Троицкая	4,624	266	5
9. Дубовская	7,884	385	5
10. Кривополянская	6,499	333	5
11. Брючовская	6,092	341	5
Итого по 4—11-й	45,130	3,791	8

ваемыхъ районовъ, а къ наличнымъ — однородныя данныя выселившихся изъ нихъ крестьянъ; такимъ образомъ, процентныя отношенія получаются болѣе соответствующими дѣйствительнымъ, тѣмъ болѣе, что главныя массы переселенцевъ падаютъ на послѣдніе годы изслѣдуемаго періода.

III-я группа.

12. Сергіево-Шереметьевская.	5,189	255	5
13. Вѣдновская	5,438	247	4
14. Просѣчинская	3,972	167	4
15. Пителинская	6,687	206	3
16. Нарышкинская	6,034	145	2
17. Зимаровская	6,872	107	2
18. Старо-Кленская	5,626	57	1
19. Солнцевская	4,010	22	1
20. Екимецкая	4,430	29	1
21. Ново-Тишевская	6,819	60	1
22. Карповская	3,151	35	1
23. Ивановская	5,174	23	0,4
24. Снѣжетковская	4,086	5	0,4
Итого по 12—24-й	65,488	1,358	2

IV-я группа.

25. Салтыковская	3,529	502	31
----------------------------	-------	-----	----

Приведенныя цифры по Раненбургскому уѣзду свидѣтельствуютъ о громадной неравномѣрности выселеній изъ разныхъ его волостей: изъ первыхъ четырехъ вышло на переселеніе больше, чѣмъ изъ остальныхъ 21-й; изъ Снѣжетковской волости за весь рассматриваемый періодъ выселилось только 5 душъ обоого пола, тогда какъ изъ Болыбельской 1,683 души. Первая группа, состоящая изъ 3-хъ волостей, дала движенію 4,234 души обоого пола, т.-е. 18% своего населенія; изъ Салтыковской волости, выдѣленной въ самостоятельную группу (IV-ю), ушло 13% населенія; въ 8 волостяхъ II-й группы убыло путемъ переселенія 8% душъ обоого пола, а переселенцы остальныхъ 13-ти волостей (III-я группа) составляютъ лишь 2% общаго ихъ населенія. О причинахъ такой неравномѣрности выселеній будетъ сказано въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія; здѣсь лишь обратимъ вниманіе на географическое положеніе приведенныхъ группъ волостей.

Салтыковская волость лежитъ на сѣверѣ Раненбургскаго уѣзда и переселенческое движеніе изъ нея стоитъ какъ бы внѣ связи съ переселеніями остальной части уѣзда. Остальныя 3 группы волостей расположены сплошными районами; только Карповская волость по своему географическому положенію находится между волостями второй группы, а по % выселеній отнесена къ третьей. Три волости I-й группы занимаютъ самую южную часть уѣзда, граничащую съ Тамбовской губерніей; волости II-й группы идутъ по направленію на сѣверо-западъ отъ I-й (только Дубовская примыкаетъ къ ней съ востока); 13 же волостей III-й группы занимаютъ сѣверо-восточную часть Раненбургскаго уѣзда.

Данковскій уѣздъ.

I-я группа.

	Душъ обоего пола.		%
	Наличныхъ.	Выселившихся.	
1. Бигильдинская	4,635	1,211	21

II-я группа.

2. Долговская	4,975	882	15
3. Ягодновская	4,321	597	12
4. Кудрявская	4,372	437	9
5. Змѣвская	5,178	421	8
6. Кочуровская	5,878	468	7
7. Муравинская	5,730	248	4
Итого по 2-й—7-й	30,453	3,053	9

III-я группа.

8. Тепловская	5,413	462	7
9. Самодуровская	4,511	214	5
10. Знаменская	5,153	229	4
11. Одоевская	6,027	96	2
12. Богословская	5,876	123	2
13. Хрущовская	5,803	136	2
14. Спѣшневская	3,070	60	2
15. Лошаковская	4,274	102	2
16. Хитровская	5,448	47	1
17. Валовневская	3,519	37	1
18. Еропчинская	5,210	29	1
19. Ивановская	4,048	—	0
20. Острокаменская	4,784	5	0,1
Итого по 8-й—20-й	63,136	1,540	2

И здѣсь, въ Данковскомъ уѣздѣ, видна та же громадная неравно-мѣрность выселенія изъ разныхъ районовъ его: изъ 7-ми первыхъ волостей ушло почти втрое болѣе переселенцевъ, чѣмъ изъ всѣхъ остальныхъ 13-ти; тогда какъ изъ Ивановской волости нѣтъ ни одного переселенца, изъ Бигильдинской ушло 1,211 душъ, т.-е. больше пятой части всего населенія волости. Бигильдинская волость образуетъ самостоятельную (I-ю) группу съ 21%, переселенцевъ; 6 волостей II-й группы выдѣлили изъ себя 9%, переселенцевъ, а 13 остальныхъ волостей (III-я группа) дали только 2% ихъ.

Семь волостей I-й и II-й группъ, т.-е. мѣстность съ наибольшимъ количествомъ переселеній, занимаетъ сѣверо-восточный уголь Данковскаго уѣзда; Бигильдинская волость (21%) лежитъ на югѣ этой переселенческой мѣстности, примыкающей къ западной части Раненбургскаго и къ южной—Скопинскаго уѣзда.

Скопинский уездъ.

I-я группа.

	Душъ обоого пола.		
	Наличныхъ.	Выселившихся.	%.
1. Чуриковская	10,790	1,128	9
2. Казинская	11,449	962	8
3. Павелецкая	10,860	971	8
4. Чернавская	12,045	1,000	8
5. Затворнинская	11,163	748	6
6. Горловская	8,296	398	5
7. Князевская	11,209	315	3
Итого по 1-й—7-й	75,812	5,522	7

II-я группа.

8. Полянская	7,622	443	5
9. Корневская	10,704	314	3
10. Махлаковская	5,341	102	2
11. Яблоневская	5,593	133	2
12. Боровская	8,809	66	1
13. Вослебская	6,056	36	1
14. Курбатовская	9,625	114	1
15. Измайловская	7,658	7	0,1
16. Сергѣевская	5,904	5	0,1
Итого по 8-й—16-й	67,312	1,220	2

Семь волостей I-й группы занимаютъ сплошное пространство на западѣ Скопинскаго уѣзда; изъ нихъ выселилось 5,522 души, т. е. въ $4\frac{1}{2}$ раза больше, чѣмъ изъ остальныхъ 9-ти восточныхъ волостей, откуда вышло 1,220 душъ: по процентнымъ отношеніямъ выселеніе изъ западныхъ волостей въ $3\frac{1}{2}$ раза превышаетъ выселенія восточныхъ. Если же разсматривать выселенія изъ отдѣльныхъ волостей, то въ Скопинскомъ уѣздѣ нѣтъ той громадной разницы въ ихъ относительныхъ размѣрахъ, какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ: наибольшій % выселеній (изъ Чуриковской волости) не достигаетъ 10; это, главнымъ образомъ, зависитъ отъ значительнаго размѣра западныхъ волостей, такъ какъ абсолютныя цифры переселеній и въ Скопинскомъ уѣздѣ подвержены значительнымъ колебаніямъ: отъ 5-ти переселенцевъ Сергѣевской волости до 1,128—Чуриковской.

Слѣдующая таблица поможетъ однимъ взглядомъ охватить неодинаковость выселеній изъ всѣхъ волостей разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздовъ. Всѣхъ волостей 61; изъ нихъ:

Съ 1 %	переселенцевъ и менѣе	17 волостей
» 5 %	» » » до 1 % вкл.	24 волости
» 9 %	» » » до 6 % »	11 волостей
» 16 %	» » » до 12 % »	7 »
» 21 %	» » »	2 волости.

Только изъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ волостей (изъ 20-ти) путемъ переселеній убыло болѣе, чѣмъ по $\frac{1}{20}$ ихъ населенія, и только изъ 9-ти — болѣе, чѣмъ по $\frac{1}{10}$, а изъ 16-ти волостей выселенія только что начинаютъ, изъ одной же не ушло на вольныя земли ни одного человѣка.

Если неравномѣрность распространенія переселенческаго движенія ясна на такихъ крупныхъ единицахъ, какъ волость, то, рассматривая число общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, мы окончательно убѣдимся въ этомъ. Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ—947 общинъ; изъ нихъ со времени X ревизіи приняли участіе въ переселенческомъ движеніи только 330, т.-е. немного больше $\frac{1}{3}$ (34⁰/₀); по отдѣльнымъ уѣздамъ этотъ $\%$ нѣсколько колеблется: наибольшій $\%$ общинъ, вовлеченныхъ въ движеніе, даетъ Раненбургскій уѣздъ (42⁰/₀), наименьшій — Скопинскій (29⁰/₀). Абсолютныя и относительныя цифры для каждаго уѣзда видны изъ слѣдующей таблицы:

	Число общинъ:		
	Всѣхъ.	Съ переселенцами послѣ X ревизіи.	$\%$
Раненбургскій уѣздъ.	330	143	42
Данковскій	313	100	32
Скопинскій	294	87	29

Говоря о размѣрахъ переселенческаго движенія во всѣхъ 3-хъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, мы не обращали вниманія на разряды крестьянъ; теперь опредѣлимъ долю участія въ движеніи каждаго изъ нихъ. Всѣ бывшіе помѣщичьи крестьяне войдутъ въ одинъ разрядъ, а категорію бывшихъ государственныхъ необходимо разбить на два подразряда: душевыхъ и четвертныхъ, такъ какъ они весьма различны по своимъ относительнымъ цифрамъ переселенцевъ. Бывшіе государственные душевые (какъ и бывшіе помѣщичьи) владѣютъ всей своей надѣльной землей на общинномъ правѣ, тогда какъ болѣшая часть надѣла бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ состоитъ въ наслѣдственномъ владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ; душевые крестьяне, какъ извѣстно, не могутъ продавать своей надѣльной земли; четвертные—предъ уходомъ на переселеніе ее продаютъ, что дѣлаетъ для нихъ передвиженіе въ далекую сторону болѣе легкимъ. Для удобства читателя нелишне здѣсь же замѣтить, что степень зажиточности крестьянъ въ разсматриваемомъ районѣ стоитъ въ прямой связи съ размѣромъ ихъ земледѣлія: наибольшій размѣръ надѣла у четвертныхъ крестьянъ,—они и всѣхъ зажиточнѣе; всѣхъ бѣднѣе и малоземельнѣе—бывшіе помѣщичьи; бывшіе государственные душевые составляютъ среднюю. При дальнѣйшемъ изложеніи все сейчасъ сказанное будетъ подтверждено цифровыми данными.

Всѣхъ переселенцевъ обоего пола въ разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздахъ, какъ мы видѣли уже, 22,438; изъ нихъ на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ надаетъ 15,712 душъ, а на долю бывшихъ помѣщичьихъ—6,726, т.-е. абсолютное число переселенцевъ бывшіе государственные крестьяне выдѣлили почти въ $2\frac{1}{3}$ раза болѣе, чѣмъ бывшіе помѣщичьи. Это преобладаніе абсолютнаго числа переселен-

цевъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ проходить чрезъ всѣ уѣзды, хотя оно далеко не одинаково въ каждомъ изъ нихъ:

Переселенцевъ обою пола съ X ревизіи:

	У бывш. госуд.	У бывш. помѣщ.
Въ Раненбургскомъ уѣздѣ	6,061	3,826
Въ Данковскомъ уѣздѣ	3,387	2,420
Въ Скопинскомъ уѣздѣ	6,264	479

Принявъ за 10 число переселенцевъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ каждаго уѣзда, мы получимъ слѣдующія цифры для переселенцевъ изъ бывшихъ государственныхъ:

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ	16
Въ Данковскомъ уѣздѣ	14
Въ Скопинскомъ уѣздѣ	130

Но эти цифры еще не даютъ полнаго представленія о долѣ участія въ переселенческомъ движеніи каждой категоріи крестьянъ; необходимо обратить вниманіе на отношеніе общаго числа выселенцевъ къ наличному населенію каждаго разряда.

Мы уже знаемъ, что по всему району изслѣдованія вышло на переселеніе 6% всего населенія; для отдѣльныхъ же разрядовъ крестьянъ этотъ процентъ значительно колеблется:

Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ:

	душъ обою пола:		‰.	
	Наличныхъ.	Пересел.		выселившихся.
Бывш. госуд.	Душевые.	160,726	11,143	7
	Четвертные.	30,753	4,569	13
	И тѣ и другіе.	191,479	15,712	8
Бывшіе помѣщичьи	183,968	6,726	4	

Хотя бывшіе государственные четвертные крестьяне и даютъ абсолютное число переселенцевъ меньше, чѣмъ каждый изъ остальныхъ разрядовъ, но относительное участіе въ переселенческомъ движеніи этой категоріи крестьянъ наибольшее: тогда какъ бывшіе государственные душевые крестьяне выдѣляли изъ себя около $\frac{1}{14}$ своего населенія, а бывшіе помѣщичьи только $\frac{1}{23}$, четвертные крестьяне отдали движенію около $\frac{1}{3}$ доли всѣхъ душъ обою пола своего разряда. Мы знаемъ уже, что абсолютное число переселенцевъ изъ всѣхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ $2\frac{1}{3}$ раза больше, чѣмъ изъ разряда бывшихъ помѣщичьихъ; теперь же видимъ, что и проценты переселеній этихъ разрядовъ крестьянъ находятся почти въ томъ же отношеніи (8:4=2:1).

Разсматривая относительныя величины выселеній по отдѣльнымъ уѣздамъ, мы легко замѣтимъ, что онѣ слѣдуютъ тому же закону: наименьшій процентъ выселеній даетъ разрядъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, наибольшій—разрядъ бывшихъ государственныхъ четвертныхъ. Скопинскій уѣздъ представляетъ нѣкоторое отклоненіе: въ немъ первое мѣсто по проценту выселеній занимаетъ категорія бывшихъ государственныхъ душевыхъ, а государственные четвертные отходятъ

на второе; въ этомъ же уѣздѣ замѣтно особенное преобладаніе выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ: процентъ его въ 6 разъ больше процента выселеній изъ категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Сказанное легко провѣрить на слѣдующей таблицѣ:

		душъ овогого пола:		%	
		Наличныхъ.	Переселенц.	выселеній.	
<i>Раменбургскій уѣздъ.</i>					
Бывш. госуд.	{ Душевые	42,297	3,930	8	
	{ Четвертные	11,188	2,131	16	
		<hr/>			
		И тѣ и другіе	53,485	6,061	10
Бывшіе помѣщичьи		80,614	3,826	5	
<i>Данковскій уѣздъ.</i>					
Бывш. госуд.	{ Душевые	19,817	1,141	5	
	{ Четвертные	14,920	2,246	13	
		<hr/>			
		И тѣ и другіе	34,737	3,387	9
Бывшіе помѣщичьи		63,487	2,420	4	
<i>Скопинскій уѣздъ.</i>					
Бывш. госуд.	{ Душевые	98,612	6,072	6	
	{ Четвертные	4,645	192	4	
		<hr/>			
		И тѣ и другіе	103,257	6,264	6
Бывшіе помѣщичьи		39,867	479	1	

До сихъ поръ говорилось о размѣрахъ всего вообще переселенческаго движенія, происшедшаго въ разсматриваемомъ районѣ съ X ревизіи; теперь обратимъ вниманіе на то, какъ измѣнились эти размѣры по времени. При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ удалось совершенно точно получать годъ выхода переселенцевъ, начиная съ 1877 года; хотя переселенцы начала 70-хъ годовъ довольно часто значатся въ нашихъ матеріалахъ съ точнымъ годомъ выхода, но ужъ и здѣсь много такихъ отмѣтокъ: „ушелъ лѣтъ 10 назадъ“, „на самару вышелъ въ 1875 или 1874 году“ и пр.; чѣмъ ближе подходимъ къ году ревизіи, тѣмъ меньше точности и въ отмѣткахъ годовъ выселенія; ясно только, что такой-то домохозяинъ ушелъ послѣ ревизіи и значится въ ревизіонныхъ спискахъ. Такое свойство матеріала заставляетъ насъ разсматривать размѣры переселеній въ два періода: съ X ревизіи по 1876 годъ и съ 1877—82 г. включительно. Только въ послѣднемъ періодѣ возможно разсматривать размѣры переселеній погодно.

Выше были приведены цифры переселенцевъ со времени X ревизіи: по всѣмъ 3-мъ уѣздамъ вышло за это время 3,661 семья съ 22,438 душами обоого пола; изъ нихъ въ первыя 18 лѣтъ (т.-е. съ 1859 по 1876 годъ) ушло 1,537 семей съ 9,246 *) душами обоого пола, а

*) При указанномъ (въ предисловіи) способѣ изслѣдованія, о размѣрѣ семьи переселенцевъ, ушедшихъ до 1877 г., часто нельзя было узнать, почему эта цифра только *приблизительная*: она получалась помноженіемъ числа переселенческихъ семей до 1877 г. на средній размѣръ переселенческой семьи каждаго уѣзда; а послѣднія данныя получены изъ точныхъ свѣдѣній о переселенцахъ съ 1877 года. Хотя число переселенцевъ обоого пола, вышедшихъ съ

остальные 13,192 души (въ 2,124 семьяхъ) переселились въ послѣднія 6 лѣтъ (1877—82 г.); такимъ образомъ, въ послѣдній, гораздо меньшій, періодъ произошло $\frac{2}{3}$ (59%) всѣхъ переселеній, выселяясь среднимъ числомъ ежегодно по 2,199 человекъ, тогда какъ среднее годовое выселеніе въ теченіе 18-ти лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за ревизіей, давало 514 душъ или было слишкомъ въ 4 раза слабѣе переселеній 6-ти послѣднихъ лѣтъ. Впрочемъ, отдѣльные уѣзды сильно отличаются другъ отъ друга въ этомъ отношеніи: тогда какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ въ 6 послѣднихъ лѣтъ выселилось въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ въ предшествующія 18, въ Скопинскомъ уѣздѣ съ 1877 года ушло лишь 20% всѣхъ переселенцевъ, остальные 80% ихъ выселились раньше. Это яснѣе видно изъ нижеслѣдующей таблицы, гдѣ показано число семей и душъ обоого пола, ушедшихъ на переселеніе до и послѣ 1877 года изъ каждаго уезда.

<i>Раненбургскій уѣздъ.</i>		До 1877 г.	Съ 1877—82 г.	Итого.
Число переселенческихъ семей		268	1,327	1,595
Въ нихъ переселенцевъ } обоого пола.	Число	1,688	8,199	9,887
	%	17	83	100
<i>Данковскій уѣздъ.</i>				
Число переселенческихъ семей		324	557	881
Въ нихъ переселенцевъ } обоого пола.	Число	2,171	3,636	5,807
	%	37	63	100
<i>Скопинскій уѣздъ.</i>				
Число переселенческихъ семей		945	240	1,185
Въ нихъ переселенцевъ } обоого пола.	Число	5,386	1,357	6,747
	%	80	10	100

Слѣдующая табличка, показывая среднія годовыя величины переселеній, нагляднѣе представитъ измѣненія размѣровъ переселенческаго движенія въ каждомъ уѣздѣ въ оба рассматриваемые періода:

Среднее годовое выселеніе.

	Съ 1859—76 годъ.	Съ 1877—82 годъ.
Раненбургскаго уѣзда	94 души об. п.	1,366 душъ об. п.
Данковскаго уѣзда	121 " " "	606 " " "
Скопинскаго уѣзда	299 " " "	226 " " "

Ясно, что за послѣднее время роли Раненбургскаго и Скопинскаго уѣздовъ измѣнились: Раненбургскій уѣздъ по размѣрамъ переселеній изъ него стоитъ теперь во главѣ движенія, изъ Скопинскаго же выходитъ наименьшее число переселенцевъ, тогда какъ до 1877 г. онъ давалъ ихъ ежегодно больше не только каждаго изъ двухъ остальныхъ, но и обонихъ ихъ вмѣстѣ. Это произошло отъ того, что среднее годовое выселеніе шести послѣднихъ лѣтъ въ Раненбургскомъ уѣздѣ возрасло въ 14 разъ, въ Данковскомъ хотя и возрасло, но зна-

1859—76 годъ и не вполне точно, но оно даетъ болѣе сравнимыя процентныя отношенія къ наличному населенію, не завися отъ измѣнчиваго во времени размѣра семьи.

чительно тише (въ 5 разъ), въ Скопинскомъ же оно стало менѣе, чѣмъ въ первыя 18 лѣтъ послѣ ревизіи.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ измѣняются во времени размѣры переселеній у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Слѣдующая таблица даетъ необходимыя для этого абсолютныя величины:

		душъ овоего пола.			
		Раненб. у.	Данк. у.	Скоп. у.	По 3-мъ у.
Бывшіе государственные крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	800	1,253	5,170	7,223
	съ 1877—82 г.	5,261	2,134	1,094	8,489
Бывшіе помѣщичьи крестьяне, выселившіеся	до 1877 г.	888	918	216	2,023
	съ 1877—82 г.	2,938	1,502	263	4,703

Чтобы яснѣе представить зависимость размѣровъ переселеній отъ времени и разряда крестьянъ, выведемъ изъ предъидущей таблицы средніе годовые размѣры переселенія для каждаго разсматриваемаго періода выселеній и для каждой категоріи крестьянъ:

Среднее годовое выселеніе.

		Съ 1859—76 г.	Съ 1877—82 г.	Во сколько разъ оно увеличилось или уменьшилось.	
Раненбург. уѣздъ.	{ Быв. госуд. крест.	44 души об. п.	877 душъ об. п.	+	19
	{ Быв. помѣщичьи.	49 " " "	490 " " "	+	10
Данковский уѣздъ.	{ Быв. госуд. крест.	70 " " "	356 " " "	+	5
	{ Быв. помѣщичьи.	51 " " "	250 " " "	+	5
Скопинскій уѣздъ.	{ Быв. госуд. крест.	287 " " "	182 " " "	—	1,6
	{ Быв. помѣщичьи.	12 " " "	44 " " "	+	3,7
По всѣмъ 3-мъ уѣздамъ.	{ Быв. госуд. крест.	401 " " "	1,415 " " "	+	3,5
	{ Быв. помѣщичьи.	112 " " "	784 " " "	+	7

Мы видимъ, что констатированное выше возрастаніе размѣровъ переселенческаго движенія за послѣднія 6 лѣтъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ произошло какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ; въ Скопинскомъ же уѣздѣ среднее годовое выселеніе крестьянъ государственныхъ стало въ 1¹/₂ раза меньше, но и здѣсь оно болѣе чѣмъ утроилось у категоріи бывшихъ помѣщичьихъ. Цифры послѣдняго вертикальнаго столбца даютъ наглядное представленіе о быстротѣ роста переселенческаго движенія; мы видимъ изъ нихъ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ возрастаніе переселенческаго движенія у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ идетъ почти вдвое медленнѣе, чѣмъ у государственныхъ; въ Данковскомъ уѣздѣ ростъ этого движенія происходитъ одинаково быстро въ обоихъ разрядахъ; о Скопинскомъ уѣздѣ было сказано раньше *).

*) Необходимо замѣтить, что изъ цифръ этого столбца для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ нельзя дѣлать вывода объ вдвое большемъ (чѣмъ у бывшихъ государственныхъ) ростѣ средней годовой цифры переселеній у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: это зависитъ, такъ сказать, отъ игры среднихъ цифръ и становится яснымъ при внимательномъ просмотрѣ абсолютныхъ данныхъ по Скопинскому уѣзду, гдѣ переселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ особенно сильно преобладали въ ранній изъ разсматриваемыхъ періодовъ, а выселенія бывшихъ помѣщичьихъ вообще незначительны.

Обратимся теперь къ ежегоднымъ размѣрамъ переселенческаго движенія за послѣднiя 6 лѣтъ. Здѣсь мы имѣемъ совершенно точныя цифры, хотя для переселенiй 1882 г. въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ онѣ неполны: главныя массы переселенцевъ уходятъ въ май, а изслѣдованiя Раненбургскаго уѣзда производились въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1882 г.; двѣ волости Данковскаго уѣзда были изслѣдованы еще въ 1881 г., но за то въ остальныхъ волостяхъ уѣзда зарегистрированы почти всѣ его переселенческiя семьи, такъ какъ изслѣдованiя велись май и июнь 1882 г.; данныя по Скопинскому уѣзду совершенно полны и для 1882 года: въ немъ мѣстныя изслѣдованiя производились осенью 1882 года.

Переселенческихъ семей.	Изъ Раненбургскаго уѣзда.		Изъ Данковскаго уѣзда.		Изъ Скопинскаго уѣзда.		ИТОГО.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%		
Въ 1877 году	81	6	30	5	5	2	111	5
• 1878 »	56	4	18	3	7	3	81	4
• 1879 »	66	5	16	3	17	7	99	5
• 1880 »	227	17	42	7	26	11	295	14
• 1881 »	894	68	407	75	59	24	1,360	64
• 1882 »	3	0	44	7	126	53	173	8
Итого	1,327	100	557	100	240	100	2,124	100

Во всѣхъ трехъ уѣздахъ вмѣстѣ наибольшая масса переселенцевъ приходится на 1881 годъ: въ этомъ году вышли почти $\frac{2}{3}$ (64%) всѣхъ переселенческихъ семей съ 1877 года; въ Данковскомъ же уѣздѣ на этотъ годъ падеть $\frac{3}{4}$ переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ; только въ Скопинскомъ уѣздѣ годомъ наиболее сильнаго движенiя былъ 1882 годъ, когда ушло изъ него больше $\frac{1}{2}$ (53%) переселенцевъ послѣдняго періода. Вообще въ Скопинскомъ уѣздѣ замѣчается почти совершенно точное ежегодное удвоенiе числа переселенческихъ семей; это зависитъ отъ того, что давнiй (южный) потокъ переселенiй изъ него почти прекратился, а въ послѣднiе годы движенiе приняло восточное, повидимому, болѣе удачное направленiе.

Въ слѣдующей таблицѣ даны ежегодныя размѣры движенiя по рядамъ крестьянъ для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Переселенческих семей.

	1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
У быв. госуд. крестьянъ. {	Число 39	46	65	159	914	108	1,331
{	% 3	3	5	12	69	8	100
У быв. помѣщ. крестьянъ. {	Число 77	35	34	136	446	65	793
{	% 10	4	4	17	57	8	100

Мы видимъ, что для обоихъ разрядовъ крестьянъ всѣхъ трехъ уѣздовъ вмѣстѣ годомъ наибольшихъ выселеній былъ 1881 годъ, но у бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ этомъ году вышло особенно большой % переселенцевъ (69%).

Разсматривая ежегодныя поразрядныя выселенія изъ каждаго уѣзда, замѣтимъ, что оба разряда крестьянъ въ этомъ отношеніи весьма несущественно отличаются другъ отъ друга; это ясно изъ таблицы:

Переселенческихъ семей.		1877 г.	1878 г.	1879 г.	1880 г.	1881 г.	1882 г.	Итого.
Раненбургскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число	20	30	42	108	629	—	829
	%	2	4	5	13	76	—	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число	61	26	24	119	265	3	498
	%	12	5	5	24	53	1	100
Данновскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число	14	9	9	29	237	7	305
	%	5	3	3	10	77	2	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число	16	9	7	13	170	37	252
	%	6	4	2	5	68	15	100
Снопинскаго уѣзда.								
Бывшихъ государственныхъ.	Число	5	7	14	22	48	101	197
	%	3	4	7	11	24	51	100
Бывшихъ помѣщичьихъ.	Число	—	—	3	4	11	25	43
	%	—	—	7	9	26	58	100

Ежегодныя переселенія обоихъ разрядовъ крестьянъ каждаго уѣзда слѣдуютъ почти тѣмъ же измѣненіямъ, какія указаны выше для дѣльных уѣздовъ.

Разсмотрѣніе процентныхъ отношеній всѣхъ переселенцевъ со времени X ревизіи къ населенію разныхъ разрядовъ крестьянъ привело насъ къ выводу, что бывшіе государственные крестьяне выдѣлили изъ

себя вдвое большія относительныя количества переселенцевъ, чѣмъ бывшіе помѣщичьи, и что государственныя четвертные крестьяне вышли на новыя мѣста наиболѣе крупную долю своего населенія. Слѣдующая таблица показываетъ, что и въ послѣдній 6-ти лѣтній періодъ (съ 1877—82 г.) отношеніе разрядовъ крестьянъ къ размѣрамъ выселеній изъ нихъ осталось то же. Таблица даетъ % переселенцевъ шести послѣднихъ лѣтъ каждаго разряда крестьянъ къ его наличному населенію; необходимыя для того абсолютныя величины были приведены рѣьше.

	Раненб. уѣздъ.	Данков. уѣздъ.	Скопнн. уѣздъ.	По всѣмъ 3-мъ у.	
Быв. государт. крестьяне.	Душевыя	8	3	1	3
	Четвертные	14	10	2	10
	И тѣ и другіе	9	6	1	4
Бывшіе помѣщичьи	4	2	0,6	2	

Слѣдовательно, въ послѣднее шестилѣтіе, какъ и во всѣ 24 года, протекшее съ X ревизіи, % выселенія бывшихъ государственныхъ крестьянъ вдвое больше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Но какъ здѣсь, такъ и раньше мы брали процентныя отношенія переселенцевъ къ населенію *всего* разряда или къ общему числу жителей, населяющихъ *всю* территорію волости, уѣзда. Поразрядныя проценты выселеній значительно измѣнятся, если при выводѣ ихъ станемъ брать во вниманіе только *мѣстности выселеній*, разумѣя подъ ними всѣ общины, вовлеченныя въ движеніе; тогда мы увидимъ, что въ мѣстностяхъ, уже захваченныхъ движеніемъ, помѣщичьи крестьяне далеко не такъ сильно отстаютъ отъ государственныхъ по своему проценту выселеній, а въ Скопинскомъ уѣздѣ даже значительно ихъ опередили.

Душъ овоого пола.

		Въ мѣстности выселенія.	У переселе- нцевъ (съ 1877 г.)	% высе- леній.
Раненбургскій уѣздъ.	Быв. государтвен.	49,476	5,261	10
	Быв. помѣщичьи . .	34,495	2,938	8
Данковскій уѣздъ.	Быв. государтвен.	24,645	2,134	8
	Быв. помѣщичьи . .	18,607	1,502	7
Скопинскій уѣздъ.	Быв. государтвен.	66,942	1,094	2
	Быв. помѣщичьи . .	3,267	263	7

Изъ сравненія этой и предъидущей табличекъ становится яснымъ, что изъ очень большаго числа общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ переселенческое движеніе еще вовсе не начиналось, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ вовлеченъ въ движеніе значительно большій % общинъ. И дѣйствительно, объ этомъ непосредственно свидѣтельствуютъ слѣдующія цифровыя данныя. Въ послѣднее шестилѣтіе изъ всѣхъ 947 общинъ 3-хъ уѣздовъ приняли участіе въ движеніи только 261 или немного болѣе $\frac{1}{4}$ (28%); по отдѣльнымъ разрядамъ эти цифры распредѣляются такъ:

хозяйство замѣтно возрастеть, если только земля переселенцевъ не выйдетъ изъ общины.

Теперь разобьемъ всѣ общины, участвующія въ движеніи послѣд-
няго періода (261 община), на группы по проценту выселенія изъ нихъ:

Общины, изъ которыхъ происходили вы- селенія съ 1877—82 г.	Раненб. уѣзда.		Данков. уѣзда.		Скопин. уѣзда.		Итого	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Общинъ съ 1 и менѣе % переселенцевъ	12	10	12	14	24	45	48	18
„ отъ 1 до 5% включ.	40	32	28	33	14	27	82	32
„ „ 5% — 10% „	35	28	20	24	4	8	59	23
„ „ 10% — 20% „	22	18	16	19	6	12	44	17
„ сверхъ 20% „	16	12	8	10	4	8	28	10
Итого переселенческихъ общинъ.	125	100	84	100	52	100	261	100

Таблица показываетъ, что больше, чѣмъ $\frac{1}{4}$ (27%) общинъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ, участвующихъ въ движеніи съ 1877 г., выдѣлили изъ себя свыше $\frac{1}{10}$ доли своего населенія; $\frac{1}{2}$ ихъ дала движенію не болѣе $\frac{1}{20}$ своихъ наличныхъ членовъ; изъ остальной $\frac{1}{4}$ общинъ (изъ 23%) ушло на переселеніе отъ $\frac{1}{20}$ — $\frac{1}{10}$ душъ обоюго пола. Почти тѣ же процентныя отношенія различныхъ группъ переселенческихъ общинъ въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ; въ Скопинскомъ же особенно большой % общинъ съ незначительнымъ размѣромъ выселеній въ послѣднія 6 лѣтъ: почти $\frac{3}{4}$ (72%) ихъ выдѣлили не болѣе $\frac{1}{20}$, а 45% не болѣе $\frac{1}{100}$ своего населенія.

Разряды крестьянъ оказываютъ замѣтное вліяніе на разсматриваемыя процентныя отношенія: для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и въ относительныхъ, и въ абсолютныхъ величинахъ занимаютъ первое мѣсто по % выпущенныхъ ими переселенцевъ; сказанное въ особенности относится къ Скопинскому уѣзду. Слѣдующая таблица убѣждаетъ насъ въ этомъ цифрами:

О Б Щ И Н Ъ .		Съ 1 менѣе % пересел.	Отъ 1 до 5% пересел.	Отъ 5 до 10% пересел.	Отъ 10 до 20% пересел.	Сверхъ 20% пересел.	Итого всѣхъ пересе- ленческихъ.	
Раненбургскаго уѣзда.	Бывшихъ государственныхъ	Число.	4	10	10	8	5	37
		%.	11	27	27	22	13	100
	Бывшихъ помѣщичьихъ	Число.	8	30	25	14	11	88
		%.	10	34	28	16	12	100

Данковского уѣзда.	Бывшихъ государственныхъ . . .	Число.	6	6	6	4	4	26
		%	23	23	23	15,5	15,5	100
	Бывшихъ помѣщичьихъ . . .	Число.	6	22	14	12	4	58
		%	10	38	24	21	7	100
Скопинскаго уѣзда.	Бывшихъ государственныхъ . . .	Число.	22	12	1	1	1	37
		%	59	32	3	3	3	100
	Бывшихъ помѣщичьихъ . . .	Число.	2	2	3	5	3	15
		%	13,3	13,3	20	33,3	20	100
По 3-мъ уѣздамъ.	Бывшихъ государственныхъ . . .	Число.	32	28	17	13	10	100
		%	32	28	17	13	10	100
	Бывшихъ помѣщичьихъ . . .	Число.	16	54	42	31	18	161
		%	10	34	26	19	11	100

Мы видѣли, что въ 28 общинахъ въ теченіе послѣдняго шестилѣтія выселилось болѣе $\frac{1}{3}$ ихъ населенія; 8 изъ нихъ выдѣлило болѣе, чѣмъ по 30% душъ обоего пола; если же добавить, что одна изъ восьми отдала движенію слишкомъ $\frac{1}{3}$ своего населенія (53%), да еще одна вышла въ полномъ составѣ, то можетъ явиться представленіе о какомъ-то массовомъ движеніи изъ нѣкоторыхъ частей разсматриваемаго района. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ: всѣ упомянутыя 9 общинъ крайне мелки и довольно было, напр., одной изъ нихъ выдѣлять на вольныя мѣста лишь 1 семью въ 8 душъ обоего пола, чтобы % выселенія изъ нея сталъ равнымъ 53-мъ. Слѣдующая таблица, вмѣщающая данныя о наличныхъ размѣрахъ всѣхъ этихъ 9 общинъ и о числѣ выселенцевъ изъ нихъ, устранить упомянутое недоразумѣніе:

	ДУШЪ ОБОЕГО ПОЛА:		%
	Наличныхъ.	Пересел. съ 1877 г.	Выселеній.
1. С. Вѣдное б. госуд. душевые. . .	7	8	53
2. Муравинскіе выселки Федоровой	16	15	48
3. " " Карцевой.	63	41	39
4. Кузовлево Вагина.	70	39	36
5. С. Истобное Богданова.	86	47	35
6. С-цо Пупки б. госуд. четвертные	37	24	39
7. Новиково Трухачева.	11	6	35
8. Орловка.	56	30	35
9. Бягильдино госуд., б. Григорова	—	39	100

Болѣ подробныя данныя о размѣрахъ переселенческихъ партій въ моментъ ихъ выхода изъ родныхъ селеній, а также о попыткахъ къ массовымъ переселеніямъ будетъ сказано далѣе, когда пойдетъ рѣчь о самомъ процессѣ передвиженія и о сборахъ къ нему.

Теперь познакомимся съ *направленіями движенія*, какія приняли переселенцы изслѣдованнаго нами района. Въ послѣдующихъ таблицахъ всѣ данныя сгруппированы по тѣмъ же двумъ періодамъ, по которымъ мы рассматривали свѣдѣнія о размѣрахъ переселеній; болѣе дробная, погодная группировка была бы возможна лишь для послѣднихъ шести лѣтъ, но и въ ней нѣтъ существенной необходимости, такъ какъ въ послѣднее время (съ 70-хъ годовъ) направление ясно опредѣлилось и оставалось почти безъ измѣненія. Свѣдѣнія о направленіи переселеній, добытыя нашими мѣстными изслѣдованіями, довольно полны, что даетъ возможность дѣлать то или иное заключеніе въ предѣлахъ рассматриваемаго района: всѣхъ семей выселилось съ Х ревизіи 3,661, а въ нашихъ матеріалахъ имѣются данныя о направленіи, принятомъ 3,503 семьями, т.-е. о 96%; причемъ изъ 158 переселенческихъ дворовъ, направленія которыхъ мы не знаемъ, 143 приходится на болѣе отдаленный періодъ (съ 1859—76 г.), что и понятно.

Слѣдующія цифровыя данныя покажутъ намъ число семей каждаго уѣзда, принявшихъ то или иное направленіе въ оба рассматриваемые періода движенія:

Число семей, ушедшихъ на переселеніе.	И Т О Г О.													
	Въ Томскую губернію.	Въ Тобольскую губернію.	Въ Уфимскую губернію.	Въ Оренбургскую губернію.	Въ Землю Войска Донск.	На Кавказъ.	Въ Самарскую губернію.	Въ Тамбовскую губернію.	Въ Таврическую, Харьковскую и Воронеж. губ.	Въ степь.	Въ Москов., Петербург., Владимирскую и пр. губ.	Въ Скопинскій уѣздъ.	Въ другіе уѣз. Ряз. губ.	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Раненбургскаго уѣзда.														
До 1877 г.	42	5	4	24	35	69	67	19	—	—	3	—	—	26
Съ 1877—82 г.	1,161	9	89	41	12	12	1	1	—	—	1	—	—	1,327
Итого	1,203	14	93	65	47	81	68	20	—	—	4	—	—	1,353
Данковскаго уѣзда.														
До 1877 г.	5	5	14	32	58	2	44	2	5	9	1	—	—	—
Съ 1877—82 г.	439	1	5	43	18	2	29	—	—	—	3	—	—	—
Итого	484	6	19	75	76	4	73	2	5	9	4	—	—	757

Скопинскаго уѣзда.														
До 1877 г.	14	4	21	42	153	124	83	15	20	356	13	45	19	909
Съ 1877—82 г.	101	15	20	12	15	55	—	2	—	20	—	2	—	242
Итого	115	19	41	54	168	179	83	17	20	376	13	47	19	1,151
Во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ.														
До 1877 г.	101	14	39	98	246	195	194	36	25	365	17	45	19	1,394
Съ 1877—82 г.	1,701	25	114	96	45	69	30	3	—	20	4	2	—	2,109
Итого	1,802	39	153	194	291	264	224	39	25	385	21	47	19	3,503

Нелишне замѣтить, что цифры этой таблицы указываютъ лишь то направленіе, какое принимаютъ переселенцы по выходѣ съ своей родины; впрочемъ, онѣ очень близки къ дѣйствительному распредѣленію ихъ на новыхъ мѣстахъ, хотя, напримѣръ, бѣдняки, направляясь въ Бійскій округъ, нерѣдко задерживаются въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ на время и даже навсегда. Если удавалось узнать, что нѣкоторыя семьи во время пути по какимъ-либо причинамъ измѣнили свое направленіе, мы дѣлали необходимыя поправки. Въ таблицѣ есть графа крайне неопредѣленная: „въ степь“; уже изъ историческаго обзора движенія извѣстно, что подъ именемъ „степняковъ“ крестьяне Скопинскаго уѣзда разумѣютъ своихъ выходцевъ, осѣвшихъ въ степныхъ и низовыхъ губерніяхъ Европейской Россіи, а также въ Ставропольской губерніи и Кубанской области Кавказа; поэтому, соединяя графы предыдущей таблицы (для избѣжанія дробности цифръ) въ болѣе общія рубрики, семьи „степняковъ“ необходимо присоединить къ семьямъ графъ отъ 5—9 включительно; двѣ губерніи Сибири тоже соединимъ въ одной общей графѣ; также поступимъ съ Уфимской и Оренбургской губерніями, лежащими рядомъ и недавно только раздѣленными; семьи, ушедшія изъ своихъ селеній въ Скопинскій и другіе уѣзды Рязанской губерніи, помѣстимъ тоже въ одну рубрику. Сдѣлавъ все это, мы получимъ слѣдующія данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

	Съ 1859—76 г.		Съ 1877—82 г.		Съ 1859—82 г.	
	Число.	%	Число.	%	Число.	%
Семей выселившихся:						
Въ Томскую и Тобольск. губ. . .	115	8	1,726	81,4	1,841	53
Въ Уфимскую и Оренбургск. губ.	137	10	210	10,2	347	10
Въ степныя и низовыя губ.						
Европ. Россіи и на Кавказъ. . .	1,061	76	167	8,1	1,228	34,4
Въ промышленныя губерніи . . .	17	1	4	0,2	21	0,6
Внутри Рязанской губерніи . . .	64	5	2	0,1	66	1,9
Итого . . .	1,394	100	2,109	100	3,503	100

То, что мы видѣли мелькомъ въ историческомъ обзорѣ движенія, теперь наглядно подтверждаютъ цифры этой таблицы.

Господствующимъ направленіемъ переселенческаго движенія со времени X-ревизіи суть переселенія въ Сибирь и, притомъ, почти исключительно въ Томскую губернію; въ Сибирь ушло больше $\frac{1}{2}$ (53%) всѣхъ переселенцевъ; затѣмъ слѣдуютъ степныя и низовыя губерніи Европейской Россіи съ Кавказомъ: больше $\frac{1}{3}$ (34,6%) переселенцевъ ушло туда. Но эти господствующія направленія рѣзко помѣнялись своими ролями въ два разсматриваемые періода: до 1877 г. переселеніе въ Томскую губернію только что начиналось (оно дало 8% всѣхъ переселенцевъ за 18 лѣтъ); въ послѣднее шестилѣтіе Сибирь приняла въ себя больше $\frac{4}{5}$ (81,4%) всѣхъ переселенческихъ семей этого періода. „Степняки“ же съ 1877—82 годъ составляютъ только 8% переселеній, тогда какъ въ ранній періодъ ихъ было болѣе $\frac{2}{3}$ всѣхъ выходцевъ (76%).

Оренбургско-уфимское направленіе сохранило свое относительное значеніе въ оба періода, составляя $\frac{1}{10}$ долю всего движенія.

Выходцы внутри Рязанской губерніи и въ губерніи промышленной полосы составляютъ незначительный %; въ послѣднее шестилѣтіе число ихъ совершенно ничтожно (6 семей).

Тѣ же явленія ясно выразились и въ каждомъ отдѣльномъ уѣздѣ, но далеко не въ одинаковой степени. Посмотримъ на таблицу.

Семейъ оселившихся.	Въ Томск. и Тобольск.	Въ Уфим. и Оренбур.	«Въ и степь».	Въ про- мышлен- ныя губ.	Внутри Рязанской губерніи.	Итого.	
<i>Изъ Рязанбургскаго уѣзда.</i>							
Съ 1859—77 г.	Число	47	28	190	3	—	268
	%	18	10	71	1	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	1,170	130	26	1	—	1,327
	%	88	10	2	0	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	1,217	158	216	4	—	1,595
	%	76	10	14	0	0	100

Изъ Данковскаго уѣзда.

Съ 1859—77 г.	Число	50	46	120	1	—	217
	%	23	21,3	55	0,3	0	100
Съ 1877—82 г.	Число	440	48	43	3	—	540
	%	81	9	9	1	0	100
Съ 1859—82 г.	Число	490	94	169	4	—	757
	%	65	12	22	1	0	100

Изъ Скопинскаго уѣзда.

Съ 1859—77 г.	Число	18	63	751	13	64	909
	%	2	7	83	1	7	100
Съ 1879—82 г.	Число	116	32	92	—	2	242
	%	48	13	38	0	1	100
Съ 1859—82 г.	Число	134	95	843	13	66	1,151
	%	12	8	73	1	6	100

Мы видимъ, что только Скопинскій уѣздъ отстываетъ отъ намѣченныхъ среднихъ основаній въ направленіи движенія для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ: въ немъ для всего 24-хъ лѣтняго періода переселеніе „въ степь“ является преобладающимъ, и хотя оно значительно сократилось за послѣднія 6 лѣтъ, уступивъ первое мѣсто переселеніямъ въ Сибирь, но все же держится въ немъ прочнѣе, чѣмъ въ двухъ остальныхъ уѣздахъ. Выселенія внутри губерніи происходили исключительно изъ Скопинскаго уѣзда, составляя за весь періодъ со времени X ревизіи 6% всѣхъ его „сходцевъ“. Въ Данковскомъ и особенно въ Раненбургскомъ уѣздѣ переселенцы въ Сибирь получили въ послѣднее шестилѣтіе громадный перевѣсъ; въ Раненбургскомъ уѣздѣ ихъ до $\frac{9}{10}$ (88%) всѣхъ „самарцевъ“, такъ что самое выраженіе „самарцы“ смѣняется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженіемъ: „томенца“, т.-е. переселяющіеся въ Томскую губернію. Вообще въ послѣднее время южное направленіе переселеній окончательно уступаетъ мѣсто восточному: если къ сибирскимъ губерніямъ присоединить и Оренбургскую съ Уфимской, то за послѣднее шестилѣтіе вышло сюда болѣе $\frac{9}{10}$ (91%) всѣхъ переселенцевъ изслѣдуемаго района.

Эти перемѣны въ направленіи движенія совершаются крайне осмотрительно и даются крестьянину не легко; толкаемый необходимостью оставлять свои родныя поля, онъ крѣпко держится разъ отсканнаго его родичами и земляками направленія, такъ какъ о другомъ или не слыхалъ вовсе, или и есть слухи, да силы нѣтъ провѣрить ихъ. Часто приходится крестьянину горько платиться за такую произвольную косность. Вотъ, напримѣръ, какимъ тяжелымъ опытомъ пришлось убѣдиться въ непригодности для переселеній Самарской губерніи, и, притомъ, этотъ опытъ послужилъ лишь самымъ пострадавшимъ, ихъ односельцамъ, да самому незначительному, ближайшему къ нимъ району.

Изъ историческаго очерка движенія мы знаемъ, что издавна нѣкоторыя селенія Данковскаго уѣзда посылали своихъ сходцевъ въ Самарскую губернію; мы знаемъ, что изъ села Телепнева (на югѣ уѣзда) выходили „на самару“ еще въ 50-хъ годахъ, что изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ Зашева, Звѣрева и Орловки около того же времени шли переселенія въ Самарскую губернію; были переселенія туда же изъ этихъ селъ и позже, переселенія болѣе или менѣе удачныя. Но вотъ уже около 1870 г. попытка телепневцевъ выселиться въ Самарскую губернію окончилась неудачей. „Ссадчики“ пошли зимой, облюбовали мѣсто („По насту все хорошо!“—говорилъ одинъ изъ ссадчиковъ); но когда они повели за собой лѣтомъ до 20 семей, многимъ показалось невозможнымъ устроиться на новомъ мѣстѣ, и они вернулись, на этотъ разъ благополучно, „съ деньгами“, благодаря встрѣтившимся въ тѣхъ мѣстностяхъ хорошимъ заработкамъ.

Въ 1876 году снова потянулись въ Самарскую губернію изъ Звѣрева, Орловки и Зашева болѣе 30 семей на 60 подводахъ; но изъ нихъ только 3 семьи остались на новомъ мѣстѣ, остальные вернулись. Возвращеніе было тяжелое: на обратномъ пути всѣ переболѣли лихорадкой; нѣкоторые умерли, а дошедшіе домой не имѣли здѣсь при-

станица. Вотъ кое-что изъ разсказовъ одной женщины (изъ Зашева), особенно пострадавшей отъ этой крайне неудачной попытки къ переселенію. Пошла она въ семьѣ изъ 11 человекъ на двухъ лошадахъ съ 20 рублями, пошла по зову отправлявшагося туда зажиточнаго родственника изъ Орловки. По приходѣ на мѣсто, у ея семьи не было силы нанять квартиры (пока тянулись переговоры о приемѣ), и они провели нѣсколько дней въ повозкахъ на выгонѣ. Переговоры съ разными обществами окончились неудачно: тамъ, гдѣ земля понравилась, гдѣ были и лѣсъ, и вода,—приемка дорога, а въ другихъ мѣстахъ земля оказалась не подходящей. Рѣшили вернуться назадъ; тутъ-то они и вытерпѣли страшныя лишенія. Сначала поработали, сблизись съ силами и тронулись въ путь. Въ ихъ семьѣ было 2 работника, 2 работницы, остальные семеро—мелочь да старики. Вскорѣ по выѣздѣ, вся семья заболѣла жестокой лихорадкой; умеръ одинъ работникъ, умерла старуха. Лошадь пала,—пришлось остановиться и еще поработать. Справили плохую лошаденку (за 5 р. ее продали, прийдя домой) и пошли дальше. Бѣжали одни, всѣ больные; вошь напала; не разъ ночевали въ полѣ, а разъ пришлось провести ночь въ своихъ телѣгахъ среди небольшой рѣчки: лошади стали, а изъ нихъ никто не могъ выйти изъ телѣги,—лихорадка измучила всѣхъ; такъ и простояли, пока отдохнувшія лошади не надумали ихъ вывести изъ воды. Больными вернулись домой; въ жилую избу никто не принималъ, боясь заразы; нашлась въ селѣ пустая изба; въ ней сначала и помѣстились; потомъ выжили два года на квартирѣ, пока не поставили своей избенки. Остальные изъ возвратившихся семей дошли до своихъ селъ тоже измученными и разорившимися; ихъ примѣръ и разсказы остановили движеніе въ Самарскую губ. изъ окрестныхъ селеній, а такъ какъ вѣсть о томскомъ просторѣ только еще начинаетъ проникать къ нимъ, то и вообще переселенческое движеніе съ юга Данковского уѣзда почти прекратилось.

Оканчивая вопросъ о направленіи крестьянскихъ переселеній въ изслѣдуемой мѣстности Рязанской губерніи, обратимъ еще вниманіе на зависимость его отъ разрядовъ крестьянъ; слѣдующая таблица выясняетъ эту связь для всего 24-хъ лѣтняго періода движенія (съ X ревизіи):

Семей, выселившихся съ 1859—82 г.	Въ Сибирь.	Въ Уфимск. и Оренб. губ.	Въ «Въ степь».	Въ промышл. губерн.	Внутри Рязанской губерн.	Итого	
<i>Изъ Раненбургскаго уѣзда.</i>							
У быв. государ.	Число	805	54	93	4	—	956
	%	84	6	9,6	0,4	—	100
У бывш. помѣщ.	Число	412	104	123	—	—	639
	%	64	16	20	—	—	100
<i>Изъ Данковского уѣзда.</i>							
У быв. государ.	Число	285	18	108	3	—	414
	%	69	4	26	1	—	100
У быв. помѣщ.	Число	205	76	61	1	—	343
	%	60	22	18	0	—	100

Изъ Скопинскаго уѣзда.

У быв. государ.	Число	109	74	829	8	62	1,076
	%	10	7	76	1	6	100
У быв. помѣщ.	Число	25	21	20	5	4	75
	%	33	28	27	7	5	100

Бывшіе помѣщичьи крестьяне Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ дали нѣсколько меньшій % переселеній въ отдаленныя губерніи Сибири, чѣмъ крестьяне, бывшіе государственные.

% уфимскихъ и оренбургскихъ выходцевъ наглядно подтверждаетъ намѣченный раньше фактъ, что менѣе обезпеченные помѣщичьи крестьяне, не осиливая пути въ Сибирь, осѣдаютъ по дорогѣ въ болѣе близкомъ Оренбургскомъ краѣ: у нихъ переселенія туда даютъ значительно болѣшій %, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Вслѣдствіе громаднаго преобладанія переселеній „въ степь“ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ Скопинскаго уѣзда, % его сибирскихъ сходцевъ преобладаетъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Изъ 66 семей, выселившихся изъ Скопинскаго уѣзда въ предѣлы губерніи, 62 приходятся на долю бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Не слѣдуетъ думать, что направленіе переселеній находится въ большой зависимости отъ степени достатка крестьянъ; въ нашемъ районѣ эта причина играетъ далеко не главную роль, на что указываетъ и малая разниця поразрядныхъ процентовъ выселеній въ разныя мѣста; все зависитъ преимущественно отъ условий, какія ждутъ новоселовъ на новыхъ мѣстахъ: чѣмъ они лучше, тѣмъ легче устроиться тамъ, тѣмъ сильнѣе стремленіе по тому направленію. Это особенно ясно на движеніи послѣдняго шестилѣтія (преднамѣренномъ, а не случайномъ), когда не только бывшіе государственные, но и бывшіе помѣщичьи крестьяне устремились въ далекую Сибирь, проходя мимо менѣе благоприятныхъ для поселенія Самарской, Уфимской и Оренбургской губерній. Поэтому-то причины выбора переселенцами томскаго направленія станутъ яснѣе впоследствии, когда познакомимся съ условіями разныхъ мѣстъ поселеній.

При историческомъ обзорѣ переселенческаго движенія мы видѣли, что въ Шереметьевской волости, Раненбургскаго уѣзда, и въ западной части Скопинскаго на выборъ направленія оказывали существенное вліяніе отхожіе заработки крестьянъ въ мѣста, обильныя землей, но теперь даже и для Скопинскаго уѣзда пора такого вліянія миновала: низовыя и степныя губерніи Европ. Россіи и Кавказа уже не представляютъ прежняго простора, такъ что даже и отходъ туда значительно сократился, смѣнившись болѣе выгодными торфяными заработками въ сѣверныхъ губерніяхъ, о переселеніи въ которыя не можетъ быть и рѣчи.

II.

Причины движенія.

Мнѣніе о причинахъ переселенческаго движенія мѣстныхъ жителей и въ особенности крестьянъ. — Причины движенія вообще. — Экономическая сила переселенческихъ семей по уѣздамъ и разрядамъ крестьянъ. — Размѣръ переселенческихъ семей сравнительно съ наличнымъ населеніемъ. — Сравнительный размѣръ надѣла переселенческихъ семей. — Значеніе земельной аренды для хозяйства мѣстнаго края. — Неравномѣрность распредѣленія надѣльной земли. — Плохое качество почвы и неудобства въ расположеніи надѣловъ. — Мѣстные и отхожіе заработки. — Подати и недоимки. — Безводіе, неурожай, пожары и проч. — Вліяніе писемъ и примѣровъ зажиточныхъ крестьянъ. — Причины болѣе сильнаго выселенія изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. — Степень зажиточности разныхъ разрядовъ крестьянъ и ихъ обремененности платежами. — Вліяніе хода переселенческаго движенія. — Приростъ населенія. — Неравномѣрность распредѣленія земли. — Малое развитіе мѣстныхъ заработковъ и арендованія внѣнадѣльной земли. — Переживаемый сельскохозяйственный кризисъ.

Знакомые съ размѣрами и направленіемъ переселенческаго движенія въ 3-хъ изслѣдуемыхъ уѣздахъ Рязанской губерніи и имѣя нѣкоторыя историческія указанія, перейдемъ къ выясненію вѣроятныхъ причинъ этого явленія. Выясняя постоянно дѣйствующія и временныя причины, вызывающія переселенія вообще, постараемся объяснить и извѣстный уже намъ фактъ бѣльшаго % выселенія изъ лучше обставленнаго въ экономическомъ отношеніи разряда крестьянъ, бывшихъ государственныхъ. Сдѣлаемъ также и нѣкоторыя указанія для уразумѣнія того явленія, что уѣзды сѣвера губерніи почти не участвуютъ въ переселенческомъ движеніи, хотя ихъ земельныя условія (въ почвенномъ и иныхъ отношеніяхъ) значительно хуже южныхъ черномоземныхъ уѣздовъ.

Производя изслѣдованіе переселенческаго движенія на мѣстахъ выхода переселенцевъ, мы старались прислушаться къ говору мѣстныхъ жителей объ этомъ явленіи, къ ихъ объясненіямъ причинъ движенія; но изъ всего слышаннаго трудно вывести хоть сколько-нибудь устойчивое заключеніе по интересующему насъ вопросу. Одни утверждали, что малоземелье гонитъ крестьянъ изъ ихъ родныхъ селеній; но, говоря такъ о движеніи вообще, они совершенно противорѣчили себѣ, объясняя усиленный выходъ на новыя земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими, владѣющими худшимъ надѣломъ. Знакомые съ недостаточнымъ количествомъ фактовъ, они доходили до такихъ странныхъ увѣреній, что помѣщичьи крестьяне обставлены въ экономическомъ отношеніи лучше, чѣмъ бывшіе государственные, благодаря близости къ нимъ частновладѣльческихъ хозяйствъ, дающихъ имъ возможность мѣстныхъ заработковъ. Едва ли надо указывать неосновательность такого мнѣнія; замѣтимъ только, что крестьяне, получая за полную обработку и уборку десятины отъ 3—5 р. (изрѣдка 6 р.), по бѣльшей части *забираютъ деньги впередъ за годъ, за два* и что зажиточный крестьянинъ всячески избѣгаетъ такой работы, какъ крайне вредной для его хозяйства. Мѣстные землевладѣльцы прекрасно это понимаютъ и нерѣдко сдаютъ въ аренду землю при *непретънномъ* условіи въ счетъ арендной платы обработать и убрать опредѣленное число десятинъ экономіи; при этомъ имѣется въ виду совершенно вѣрный расчетъ, что нужда въ

земль заставить крестьянина взять ненавистный для него заработокъ. Другіе же, не желая признать первой причины, указываютъ на какой-то „переселенческій зудъ“, на свойственное русскому крестьянину непосѣдство, видя въ этомъ основную причину движенія. Одни утверждаютъ, что идетъ съ родины бѣднякъ и пропойца, другіе не сомнѣваются, что чуть ли не одни богачи составляютъ контингентъ переселенцевъ. Нѣкоторые видятъ едва ли не исключительную причину движенія въ легковѣрїи крестьянина къ заманчивымъ вѣстямъ изъ далекихъ, но обильныхъ мѣстъ, а есть и такіе, что увѣрены въ осмотрительности крестьянина. Словомъ, даже у мѣстныхъ жителей, близко видѣвшихъ движеніе, но неохватившихъ достаточнаго числа фактовъ,—масса мнѣній, исключающихъ другъ друга; очевидно, приведенныя сужденія зависятъ отъ тѣхъ случаевъ переселенія, съ какими приходилось сталкиваться ихъ автору. Сами крестьяне, если заговорить съ ними о переселенческомъ движеніи *вообще*, дадутъ настолько же спутанные и противорѣчивые отвѣты. Другое дѣло, если заходитъ рѣчь объ извѣстнотъ домохозяинѣ, ушедшемъ „на самару“; тутъ отвѣты вполне опредѣлены, хотя тоже крайне разнообразны. Въ имѣющемся у насъ матеріалѣ (подворной переписи каждаго переселенца) ихъ очень много; приведемъ нѣкоторые изъ нихъ.

Идетъ въ Томскую губ. крестьянинъ села Буховаго, Ранен. уѣзда; семья его изъ 10 человекъ; съ собою взяли 500 р.; про него говорятъ: „Кредитный былъ человекъ, да земли только на 1 душу,—ну и пошелъ“. Изъ села Колыбельскаго уходитъ на вольныя земли богачъ, тысячникъ: „ребятъ, говорятъ, на вольныя земли поповель: 5-ти работникамъ на 10-ти десятинахъ дѣлать нечего, да и свать звалъ“. Изъ Колычева уходитъ „на самару“ кое-какъ перебивавшійся крестьянинъ, на дорогу сбилъ 100 р. да 2 повозки: „дѣти одолѣли,—не прокормить ихъ на нашей землѣ“. Идетъ въ Уфимскую губ. изъ Салтыковъ крестьянинъ, имѣвшій 13 десятинъ собственной земли и собравшій отъ распродажи своего имущества 2,500 р.; даютъ такое объясненіе: „выгоны и усадьбы тѣснили, а тамъ земля дешева“. Изъ Демкина двинулся въ Бійскій округъ богатый мужикъ; съ собою понесъ 1,500 р.; про него говорятъ: „жилъ здѣсь — лучше не надо, да тѣсно скотинѣ, говорилъ“. Изъ Ляпуновки пошелъ съ 200 рублями: „скотины держать нельзя,—штрафы (за потраву скотомъ) одолѣли“. Вообще тѣспота угодій для скота, тѣспота усадьбы и боязнь, что у дѣтей земли будетъ мало,—почти всегдашнее объясненіе переселеній зажиточныхъ крестьянъ. Эти причины, конечно, не менѣе вліятельны и на стремленіе къ выселенію бѣдняковъ.

Изъ Буховаго выселился однолошадный домохозяинъ съ 150-ю рублями; про него говорятъ: „жилъ сносно, да отъ зенкинскаго поля бѣжалъ,—неспокойно было на одной лошади“. „Зенкинское поле“—лучшая часть надѣльной земли буховскихъ крестьянъ; она лежитъ за 15 верстъ отъ села. Въ селѣ Дубовомъ такая замѣтка противъ переписи одного изъ самарцевъ: „Годъ отъ году все труднѣй становится, да и дальше хорошаго не видать. Собралъ 270 р. и уѣхалъ за другими“. Изъ села Колыбельскаго идутъ два бѣдняка; каждый взялъ съ собою по 50 р. Про одного говорятъ: „хлѣба не хватало; дровъ ку-

пить не на что"; про другаго: „земля была сдана на 12 лѣтъ; самъ жилъ въ людяхъ,—врядъ добромъ вспоманетъ свою сторону“. Временно-обязанный крестьянинъ села Гагина пошелъ въ Томскую губ. съ 70 рублями: „отъ тяжелаго оброка, говорилъ, ѣду да отъ трудной кормежки“. Переселенецъ въ Уфимскую губ. изъ Анненскаго беретъ съ собою 400 р.; про него: „жилъ хорошо, да опускаться сталъ отъ дорогой аренды,—захотѣлось устроиться попрочнѣй“. Изъ Просѣчья (бывшіе г. Проконовича) ушли двое. Одинъ „жилъ не плохо, съ собою взялъ 400 р., да на 1 душѣ (земли) впятеромъ житье тяжелое“; другой понесъ 25 р.: „былъ старшиной, да аренда въ худой годъ разорила, поправляться ушелъ“. Одинъ „самарецъ“ пишетъ: „Слава Богу, отъ картошки убежъ“,—разумѣя подъ этимъ вообще худшія условія питанія на своей родинѣ:—„въ Шубенкѣ (деревня Бійскаго округа) пшеницу ѣмъ, а дома ржи не хватало!“ Изъ этихъ примѣровъ видно, что нужда въ разныхъ ея проявленіяхъ гонитъ крестьянина въ далекую, но просторную сторону: то неудобное расположеніе надѣла, то аренда на тяжелыхъ условіяхъ, то недостатокъ топлива, то хлѣба не хватаетъ, подати тяжелы.

Въ этой почти исключительно земледѣльческой сторонѣ отхожихъ промысловъ „не уважаютъ“, хотя въ западной части Скопинскаго уѣзда они и развиты; обращаются къ нимъ въ крайности и иногда идутъ „на самару“, чтобы избавиться отъ нихъ; про одного „самарца“ говорятъ: „зиму и лѣто онъ на заработкахъ (отхожихъ),—не въ охоту, а тамъ (въ Томской губ.), Богъ дастъ, жителемъ (настоящимъ хозяиномъ-землепашцемъ) станетъ“. Или: идетъ на самару семья съ 3-мя работниками; земли у нея 2¹/₂ десятины (четвертная); уходъ объясняютъ: „земли мало; ребята на сторонѣ (т.-е. на заработкахъ) балуются; оттого и пошелъ“.

Подобныя же объясненія, почему та или другая семья рѣшилась уйти съ родной стороны, давали намъ и въ двухъ другихъ уѣздахъ. Идетъ въ Томскую губ. зажиточный крестьянинъ села Требунокъ; съ собою собралъ около 500 р. „Былъ первымъ жителемъ у насъ, говорятъ про него сосѣди, да наемка (аренда земли) дорога стала, а на своей землѣ не прожить“. Изъ Подвидышева ушелъ въ Бійскій округъ бѣднякъ съ 5 рублями; на родинѣ онъ жилъ въ пастухахъ. „Хуже не будетъ!“ передаютъ его слова предъ выходомъ. Тоже и въ Скопинскомъ уѣздѣ. Богатый крестьянинъ изъ Полевина, понесшій съ собою около 1,500 р., оттого „удумалъ въ самару, что здѣсь телка негдѣ привязать“, т.-е. выгоновъ нѣтъ. Или бѣднякъ изъ села Топилъ пошелъ за другими въ Сибирь, до того добившись въ родномъ селѣ, что „зимой съ дѣтьми въ печи ночевалъ, — отопиться нечѣмъ было“.

Кромѣ такихъ общераспространенныхъ причинъ переселенія, крестьяне указывали иногда основанія переселеній чисто мѣстнаго характера; временныя, иногда совершенно случайныя причины тоже играютъ весьма видную роль въ объясненіяхъ крестьянами ухода на самару того или иного своего односельца. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Изъ Кузовлева (Раненбургскаго уѣзда) ушелъ на самару зажи-

точный крестьянинъ на 3-хъ лошадахъ, съ 800 р.: „Скотинѣ тѣсно, а пуще изъ воды ушелъ“ (большой недостатокъ въ водѣ). Изъ Бухового идетъ въ Томскую губ. съ 50 рублями: „Сгорѣлъ, на штрафовку (страховку) пошелъ; здѣсь бы ему не подняться, а тамошнее житье не сравнится съ здѣшнимъ“. Или: „маломощный былъ человекъ: лошади увели, потомъ сгорѣлъ, — и пошелъ на самару съ Козлова по огнамъ“, т.-е. собираясь, такъ какъ съ нимъ было лишь около 10 р.; вдвоемъ съ женой пошелъ. Уходитъ изъ с. Троицкаго бѣднякъ съ 8 рублями: „Тамъ на самарѣ, говорилъ, куски больше подаютъ“. Кузовлевскій богачъ уходитъ въ Томскую губ. „отъ стыда: 1¹/₂ года въ острогѣ за воровство отсидѣлъ“; подобное же объясненіе даютъ уходу въ Томскую губ. „главнаго ссадчика“ новѣйшихъ переселенцевъ изъ Скопинскаго уѣзда (Петръ Ивановъ, староста Чулковскихъ выселковъ): „Умный былъ мужикъ: общество и продать, и выучить; жилъ богато (5,000 руб. съ собою взялъ), да не вытерпѣлъ, — стали за глотство (міроѣдство) стыдить“.

Объясняютъ иногда стремленіе на вольныя земли чужимъ примѣромъ: изъ Зыкова (съ 400 р.) пошелъ одинъ, „на пиковскаго (изъ дер. Пиковая Ряса) богача глядя, — видно хорошо, коли тотъ собрался!“ или: „ушла мать жены; жена мужа потащила“. Давались и такія объясненія: „отъ пьянства ушелъ; тамъ, говорилъ, пить не стану“ или: „шахта деканала“, т.-е. показалась очень тяжелой работа на мѣстныхъ каменно-угольныхъ копахъ (въ Скоп. у.).

Изъ приведенныхъ примѣровъ объясненія крестьянъ ясно, что они видятъ причину переселеній отдѣльныхъ семей „въ тѣснотѣ отъ земли“, въ несообразности надѣловъ съ рабочими силами семьи, въ тяжелыхъ условіяхъ аренды, въ нуждѣ вообще. Иной и зажиточный живетъ недурно, да вдругъ „заробѣетъ“, что дальше плохо будетъ, а на самарѣ можно прочнѣй устроиться. Видно, что въ изслѣдуемомъ районѣ крестьяне привыкли быть земледѣльцами почти исключительно: отхожіе промыслы ихъ таготятъ, и манитъ та сторона, гдѣ можно „пахать, гдѣ хочешь, косить, сколько въ силахъ, а въ лѣсу обѣзвядчиковъ нѣтъ“, какъ рисуетъ Війскій округъ одинъ переселенецъ въ письмѣ на родину. Въ глазахъ крестьянъ среди поводовъ къ переселеніямъ имѣютъ значеніе и нѣкоторыя иныя частныя и временныя причины; играютъ роль и родственныя зыванія. Какъ ни интересно знать мнѣніе крестьянъ о причинахъ движенія, но на нихъ нельзя строить выводовъ уже въ силу ихъ отрывочности: далеко не о каждой переселенческой семьѣ имѣются приведенные отзывы односельцевъ.

Въ подворной переписи переселенцевъ мы имѣемъ цифровыя данныя, позволяющія составить довольно точное понятіе объ экономической силѣ уходившихъ на самару: почти противъ каждаго самарца стоитъ сумма денегъ, какую онъ понесъ съ собой. Хотя эти цифры лишь приблизительны, но все же весьма близки къ истиннымъ потому, во-первыхъ, что сообщалъ ихъ, какъ сказано въ предисловіи, „отпускавшій на самару“ или сосѣдъ самарца, хорошо знавшіе собранную пе-

переселенцемъ сумму; во-вторыхъ, потому, что скрывать было не зачѣмъ, — вѣдь, самого самарца налицо не было; въ-третьихъ, иногда эта сумма получалась такимъ путемъ: „отпускаяшій на самару“ пересчитываетъ, наприимѣръ: „избенка и прочая стройка продана за 38 р., Коврова—20 р., землю продать (четвертной 1½ дес. было) по 35 руб. за десятину, — всего 140 р.; за лошадь далъ (безлошадный былъ) 40 р., проѣлъ до дороги близъ 50 р., да должники были рублей на 20; съ собой понесъ 30 р.“ Указавъ степень точности цифръ, воспользуемся ими, чтобы приблизительно судить о достаткѣ уходившихъ на переселеніе. Какъ эти, такъ и всѣ послѣдующія цифровыя данныя имѣются у насъ лишь для переселенцевъ послѣдняго шестилѣтняго періода (съ 1877—82 г.).

Изъ всѣхъ 2,125 переселенческихъ семей позднѣйшаго періода, зарегистрированныхъ нашей переписью, мы только о 163 не имѣемъ требуемыхъ данныхъ; сумма, собранная въ дорогу каждою изъ остальныхъ 1,961 семей (92%), намъ извѣстна. Сгруппируемъ же эти данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Менѣе 50 руб. взяли съ собой	415 семей, т.-е.	21%
Отъ 50—150 р. „ „	745 „ „	38%
„ 150—300 „ „	438 „ „	22%
„ 300—800 „ „	306 „ „	16%
Сверхъ 800 „ „	57 „ „	3%
И т о г о . . . 1,961 „ „		100%

57 семей понесли съ собою по 1,000 руб. и болѣе, а три изъ нихъ по 5,000 руб.; эти домохозяева жили съ полнымъ достаткомъ и на родинѣ, и на новыхъ мѣстахъ, конечно, хорошо устроятся; они составляютъ $\frac{3}{100}$ доли общаго числа переселенческихъ семей. Если къ нимъ присоединить предъидущую группу (взявшихъ отъ 300—800 р.), то окажется, что зажиточныхъ и богатыхъ домохозяевъ пошло на самару менѣе $\frac{1}{3}$ (19%) всѣхъ переселенческихъ семей. Нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ (22%) приходится на среднюю группу переселенцевъ, понесшихъ съ собою отъ 150—300 руб. Остальные $\frac{3}{5}$ самарцевъ (1,160 семей или 59%), распродавъ все свое имущество, не въ силахъ были выручить на дорогу больше 150 руб.; едва ли можно сомнѣваться, что все это—хозяева ниже средняго достатка. Изъ нихъ 415 семей (болѣе $\frac{1}{3}$ всѣхъ вышедшихъ на самару) выселились отъ крайней бѣдности, взявъ съ собою менѣе 50 р.; и дѣйствительно, перепись показываетъ, что все это безлошадныя домохозяйства; у нѣкоторыхъ не было дома и даже земельного надѣла (изъ бывшихъ дворовыхъ, отставныхъ солдатъ и пр.). Нѣкоторыя изъ этихъ семей пошли съ 10-ю, 5-ю и 3-мя рублями, пошли съ самаго мѣста выхода Христовымъ именемъ или нанявшись въ работники къ зажиточному домохозяину, идущему въ Томскую губ.

Стремленіе бѣдняковъ на просторныя земли, желаніе ихъ обезпечить будущее своихъ дѣтей и свое собственное существованіе настолько велико, что иногда даже семейные рѣшаются идти за тысячи верстъ почти вовсе безъ средствъ. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ: кре-

стьянинъ с. Дубоваго продалъ избу и остальное имущество за 60 р.; справивъ кое-какіе запасы и подводу за 35 р., онъ съ остальными 25 р. отправился (самъ-пять) въ Томскую губ., надѣясь пройти этотъ громаднѣйшій путь Христовымъ именемъ, на пятирублевой лошади.

Абсолютныя цифры семей, взявшихъ съ собой (идя на переселеніе) ту или иную сумму денегъ, даетъ для каждаго уѣзда слѣдующая таблица:

		Ранен. у.	Данк. у.	Скоп. у.
Менѣе 50 руб. взяли съ собой (I групп.)	235 сем.	133 сем.	47 сем.	
Отъ 50—150 р. " " " II "	512 "	175 "	58 "	
" 150—300 " " " III "	286 "	121 "	31 "	
" 300—800 " " " IV "	208 "	64 "	34 "	
Сверхъ 800 " " " V "	35 "	9 "	13 "	
Итого . . .	1,276 сем.	502 сем.	183 сем.	

• Выражая въ процентахъ:

	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Раненбургскій уѣздъ.	19%	40%	22%	16%	3%	100%
	59%			19%		
Данковскій уѣздъ . .	26%	35%	24%	13%	2%	100%
	61%			15%		
Скопинскій уѣздъ . .	26%	31%	17%	19%	7%	100%
	57%			26%		

Процентныя отношенія Раненбургскаго уѣзда почти не отклоняются отъ того средняго для всѣхъ изслѣдуемыхъ уѣздовъ, который только что нами рассмотрѣнъ; изъ Данковскаго уѣзда зажиточныхъ и богатыхъ крестьянъ вышло на переселеніе нѣсколько менѣе (15%), а Скопинскій съ 1877 г. выслалъ на вольныя земли 47 семей (1/4 всѣхъ своихъ переселенцевъ), унесшихъ съ собой болѣе 300 р.

Теперь посмотримъ, какъ распредѣлятся въ разсматриваемомъ отношеніи всѣ переселенческія семьи по разрядамъ крестьянъ. Вотъ абсолютныя данныя для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

	Менѣе 50 р. взяли съ собой	(I гр.)	Бывшіе государственные.			Бывшіе помещичьи.
			Душевые.	Четверти.	И тѣ и др.	
Отъ 50—150 р. " " " (II ")	315	153	468	277		
" 150—300 " " " (III ")	131	143	274	164		
" 300—800 " " " (IV ")	126	96	222	84		
Сверхъ 800 " " " (V ")	19	21	40	17		
Итого . . .	753	470	1,223	738		

Или въ процентахъ:

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.	
Бывшіе государств.	Душевые	22%	42%	17%	16%	3%	100%	
	Четвертные	11	35	30	20	4	100	
	И тѣ и др.	18	38	22	19	3	100	
		36%						
		54						
		22%						
Бывшіе помѣщичьи		27	38	22	11	2	100.	
		13%						

Сравнивая разрядъ всѣхъ бывшихъ государственныхъ съ бывшими помѣщичьими, видимъ, что послѣдніе рѣшаются идти на самару съ меньшими средствами: бывшіе государственные крестьяне дали болѣе % выселенцевъ изъ зажиточныхъ и богатыхъ группъ (IV и V), а весь недостающій въ нихъ % (9%) у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ пополюняетъ группа бѣдняковъ, понесшихъ съ собою на вольныя земли менѣе 50 руб.; процентныя отношенія II и III группъ въ обоихъ разрядахъ одинаковы. Бывшіе государственные четвертные крестьяне дали движенію наибольшей % 3-хъ болѣе зажиточныхъ группъ переселенцевъ, а именно 54%, тогда какъ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ только 36% всѣхъ выходцевъ съ 1877 г. унесли болѣе, чѣмъ по 150 р., а у бывшихъ помѣщичьихъ такихъ семей 35%. Процентныя отношенія I и II группъ тоже свидѣтельствуютъ о болѣемъ числѣ бѣдняковъ, ушедшихъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ сравнительно съ категоріей крестьянъ государственныхъ душевыхъ.

То же замѣчается и по отдѣльнымъ уѣздамъ: наименьшій % бѣдняковъ и наибольшій % зажиточныхъ и богатыхъ изъ числа переселенческихъ семей даютъ бывшіе государственные четвертные; наибольшій же % бѣдныхъ и наименьшій—зажиточныхъ шлютъ на самару бывшіе помѣщичьи; государственные душевые занимаютъ среднее мѣсто. Въ слѣдующей таблицѣ совмѣщены абсолютныя данныя по разрядамъ каждаго уѣзда; переселенческія семьи разбиты на тѣ же V группъ по количеству денегъ, которыя онѣ захватили съ собою, отправляясь на вольныя земли.

Раненбургскаго уѣзда.

		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
Бывшіе государств.	Душевые	88	249	103	98	9	547
	Четвертные	33	88	69	50	11	251
	И тѣ и др.	121	337	172	148	20	798
Бывшіе помѣщичьи		114	175	114	60	15	478

Данковского уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевные . . .	34	27	8	4	—	73
	Четвертные . . .	24	64	73	41	8	210
<hr/>							
И тѣ и др. . .	58	91	81	45	8	283	
Бывшіе помѣщичьи.	75	84	40	19	1	219	

Скотинскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевные . . .	40	39	20	24	10	133
	Четвертные . . .	—	1	1	5	2	9
<hr/>							
И тѣ и др. . .	40	40	21	29	12	142	
Бывшіе помѣщичьи.	7	18	10	5	1	41	

Выражая это въ ‰, получимъ:

Раненбургскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевные . . .	16‰	45‰	19‰	18‰	2‰	100‰
	Четвертные . . .	13	35,1	27,4	20	4,5	100
<hr/>							
И тѣ и др. . .	15	42	22	19	2	100	
Бывшіе помѣщичьи.	19	40	22	16	3	100	
<hr/>							
59‰							

Данковского уѣзда.

Бывшіе государств.		I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	V гр.	Итого.
	Душевные . . .	47	38	10	5	—	100
	Четвертные . . .	11	31	35	19	4	100
<hr/>							
И тѣ и др. . .	20	32	29	16	3	100	
Бывшіе помѣщичьи.	36	37	18	9	—	100	
<hr/>							
73‰							

Скотинскаго уѣзда.

Бывшіе государств.	Душевные . . .	30	29	15	18	8	100
	Четвертные . . .	—	11	11	56	22	100
	И тѣ и др. . .	28,5	28,5	15	20	8	100
<hr/>							
Бывшіе помѣщичьи.	17	45	24	12	2	100	
<hr/>							
62‰							

Проглядывая приведенныя поуѣздныя цифры, находимъ замѣтное отступленіе отъ намѣченныхъ среднихъ основаній (для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ) лишь въ Данковскомъ уѣздѣ, гдѣ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ болѣе процентъ переселенцевъ двухъ бѣднѣйшихъ

категорій, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ, и гдѣ вообще переселенцы изъ бывшихъ государственныхъ душевыхъ крестьянъ менѣе зажиточны, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ.

Но чтобы судить о степени достатка переселенческихъ семей, чтобы сдѣлать болѣе обоснованное заключеніе о томъ, кто же эти переселенцы,—богачи, бѣдняки или крестьяне среднего достатка,—для этого мы воспользуемся точными цифрами переписи; онѣ тѣмъ пригоднѣе для поставленной цѣли, что *вполнѣ сравнимы* съ однородными данными не участвующихъ въ переселенческомъ движеніи домохозяевъ. Мы будемъ сравнивать достатокъ переселенческихъ домохозяйствъ, выбывшихъ изъ общины съ 1877—1882 г., съ оставшимися домохозяйствами всѣхъ общинъ (261), вовлеченныхъ въ движеніе за это время, т.-е. тѣхъ же общинъ, откуда вышли и переселенцы. Къ выясненію причинъ неравномѣрности выселеній изъ различныхъ районовъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ мы обратимся впоследствии. Необходимо замѣтить, что изъ 2,125 переселенческихъ семей, о которыхъ шла до сихъ поръ рѣчь, 159 не составляли самостоятельныхъ домохозяйствъ, выдѣлясь изъ другихъ семей лишь передъ самымъ выходомъ на переселеніе; поэтому дальше будетъ рѣчь только объ остальныхъ 1,966 дворахъ, составлявшихъ и на родинѣ самостоятельныя хозяйственныя единицы.

Какой же признакъ примемъ для указанія экономической силы переселенческихъ и наличныхъ домохозяйствъ? Наиболѣе общимъ такимъ признакомъ въ разсматриваемой земледѣльческой полосѣ будетъ количество скота вообще и лошадей въ особенности. Вотъ среднія цифры головъ крупнаго скота (считая 10 мелкаго за одну крупнаго) для всѣхъ уѣздовъ:

		Головъ крупнаго скота.		
		Дворовъ.	Общее число.	На дворъ.
Раненб. уѣзда .	{ Наличное населеніе . .	12,906	34,954	2,7
	{ Переселенцы съ 1877 г.	1,216	2,797	2,3
Данк. " . .	{ Наличное населеніе . .	6,487	18,203	2,8
	{ Переселенцы съ 1877 г.	517	1,115	2,3
Скоп. " . .	{ Наличное населеніе . .	9,752	28,388	2,9
	{ Переселенцы съ 1877 г.	233	437	1,9
По 3-мъ уѣздамъ.	{ Наличное населеніе . .	29,145	81,549	2,8
	{ Переселенцы съ 1877 г.	1,966	4,353	2,3

Цифры таблицы показываютъ, что на 10 переселенческихъ домохозяйствъ приходится среднимъ числомъ 22 головы крупнаго скота во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ, тогда какъ у 10 наличныхъ дворовъ крупнаго скота 28 головъ. То же замѣтно и для всѣхъ уѣздовъ: въ каждомъ изъ нихъ среднее количество скота на переселенческой дворъ ниже, чѣмъ на дворъ кореннаго жителя. То же самое можно прослѣдить почти во всѣхъ волостяхъ. Уже это даетъ право заключить, что достатокъ *средняго переселенца ниже достатка средняго кореннаго домохозяина.*

Но, чтобы оцѣнить не среднюю, а дѣйствительную силу домохозяйствъ, необходимо взглянуть на распредѣленіе скота между отдѣль-

ными дворами. Возьмемъ наиболѣе важный видъ скота, — рабочую силу хозяйства, — лошадь. Для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Домохозяевъ.	Наличныхъ.		Переселенцевъ съ 1877 г.	
	Число.	%	Число.	%
Безлошадныхъ	9,685	33	623	32
Съ 1 лошадыю	7,933	28	749	38
" 2 "	6,057	20	394	20
" 3 и болѣе	5,469	19	200	10
Итого	29,144	100	1,966	100

Мы видимъ, во-первыхъ, что около $\frac{1}{3}$ переселенцевъ (32%), живя дома, не имѣли и одной лошади; хозяйство такихъ крестьянъ почти всегда въ полномъ разстройствѣ: они не въ силахъ слѣдить за нимъ, добывая себѣ пропитаніе отхожимъ или мѣстнымъ заработкомъ, а землю или сдаютъ въ аренду односельцамъ, или обрабатываютъ наймомъ на чужой лошади. Хозяйство однолошаднаго двора крайне непрочно: дороговизна корма, лишній семейный расходъ, пожаръ или иной экстренный случай переводятъ его въ категорію безлошадныхъ; а, между тѣмъ, 749 самарцевъ (38%) однолошадны. Эти цифры ясно указываютъ на то, что больше $\frac{1}{3}$ (безлошадные и значительное число однолошадныхъ) всѣхъ переселенцевъ жили на своей родинѣ очень бѣдно, что исправныхъ и богатыхъ изъ нихъ было не болѣе $\frac{2}{10}$ (дву и болѣе лошадыне).

Во-вторыхъ, сравнивая переселенческія и наличныя домохозяйства, нельзя не замѣтить, что экономическая сила первыхъ значительно ниже: процентныя отношенія безлошадныхъ и двулошадныхъ почти одинаковы у обѣихъ группъ, но у коренныхъ жителей на 9% болѣе многолошадныхъ хозяйствъ, чѣмъ у переселенцевъ, у которыхъ этотъ недостающій % возмѣщается однолошадными дворами.

Почти такія же отношенія замѣчаются и въ отдѣльныхъ уѣздахъ:

Число домохозяйствъ.	Раненб. уѣзда.		Данк. уѣзда.		Скоп. уѣзда.	
	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.
I. Безлошадныхъ	4,446	368	2,014	153	3,225	102
II. Съ 1 лошадыю	8,538	482	1,676	190	3,719	77
III. " 2 "	2,647	247	1,312	115	2,098	32
IV. " 3 и болѣе	2,275	119	1,484	59	1,710	22
Итого	12,906	1,216	6,486	517	9,752	233

Выражая абсолютныя величины каждой группы въ % къ уѣздному итогу, получимъ:

	I гр.	II гр.	III гр.	IV гр.	Итого.
Наличные	34%	27%	21%	18%	100%
Переселенцы	30	40	20	10	100
	70%				

Данковского уѣзда	}	Наличные. . .	31	26	20	23	100
			57%				
		Переселенцы. . .	30	37	22	11	100
			67%				
Свопинск. уѣзда	}	Наличные. . .	33	28	22	17	100
			61%				
		Переселенцы. . .	43	33	14	10	100
			76%				

Во всѣхъ уѣздахъ подворное распределение лошадей указывает на меньшую хозяйственную силу переселенцевъ сравнительно съ оставшимися на мѣстѣ домохозяевами, а также и на малый достатокъ переселенцевъ вообще.

Обращаясь къ распределению среднихъ цифръ скота у разныхъ разрядовъ крестьянъ, расположимъ весь матеріалъ въ нисходящемъ порядкѣ зажиточности разрядовъ: бывшіе государственные четвертные, бывшіе государственные душевые и бывшіе помѣщичьи. Сначала для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

		Головъ крупнаго скота.				
		Число		Общее	На 10	
		дворовъ.	число.	дворовъ.		
Бывшіе государственные.	} Четвертные.	{ Наличное население.	3,554	11,756	33	}—12
		{ Переселенцы съ 77 г.	473	1,016	21	
	} Душевые.	{ Наличное население.	16,580	47,789	29	}— 7
		{ Переселенцы съ 77 г.	754	1,684	22	
} И тѣ и другіе.	{ Наличное население.	20,134	50,545	30		
	{ Переселенцы съ 77 г.	1,227	2,700	22		
Бывшіе помѣщичьи.	}	Наличное население.	9,011	21,999	24	}— 2
		Переселенцы съ 77 г.	739	1,653	22	

Крайній вертикальный рядъ этой таблички какъ бы говоритъ намъ: чѣмъ зажиточнѣе крестьяне, тѣмъ относительно меньше достаточные переселенцы выходятъ изъ среды ихъ; тогда какъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ средній достатокъ наличнаго и переселенческаго двора почти одинаковъ, у бывшихъ государственныхъ душевыхъ средній переселенческой дворъ бѣднѣе кореннаго больше, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ головы крупнаго скота (на $\frac{7}{10}$), а у четвертныхъ на $1\frac{1}{2}$ головы. Да это и понятно, если обратить вниманіе на экономическую силу средняго переселенческаго двора: она почти одинакова во всѣхъ разрядахъ и выражается 22 головами крупнаго скота на 10 дворовъ, тогда какъ достатокъ средняго наличнаго двора у разныхъ категорій крестьянъ подверженъ значительнымъ колебаніямъ (почти на цѣлую голову крупнаго скота).

Замѣченное нами правило для средняго переселенческаго двора 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ вполне подтверждается и для каждаго уѣзда въ отдѣльности. Ограничимся только средними цифрами, такъ какъ абсолютныя величины въ данномъ случаѣ не имѣютъ особаго интереса.

Головъ крупнаго скота на 10 дворовъ.

		Раненб. у.			Данков. у.			Скол. у.		
Бывшіе государ- ствен- ныя.	Четверт- ныя.	{ Наличное население.	32	— 13	34	— 11	37	— 16		
		{ Переселенцы съ 77 г.	19		23		21			
	Душе- выя.	{ Наличное население.	29	— 4	29	— 7	29	— 12		
		{ Переселенцы съ 77 г.	25		19		17			
И тѣ и другіе.	{ Наличное население.	30		30		29				
	{ Переселенцы съ 77 г.	23		22		18				
Бывшіе помѣщичья.		{ Наличное население.	24	— 1	26	— 6	25	— 1		
		{ Переселенцы съ 77 г.	23		20		24			

Эта табличка, пополняя предыдущую, даетъ право сдѣлать заключеніе о нѣкоторой нормальной средней экономической силѣ переселенческаго домохозяйства для цѣлыхъ разрядовъ каждаго уѣзда: она уклоняется отъ средней для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ (2,2 головы крупнаго скота на дворъ) въ обѣ стороны не болѣе, чѣмъ на 1/2 головы крупнаго скота, равняясь въ крайнихъ своихъ величинахъ 1,7 и 2, головамъ крупнаго скота на дворъ.

Отъ этихъ среднихъ цифръ перейдемъ къ болѣе детальному, по-дворному распредѣленію скота (лошадей) у крестьянъ разныхъ категорій. Вотъ необходимыя для этой цѣли относительныя цифры:

Въ 3-хъ уездахъ вмѣстѣ:

		Домохозяевъ (въ %/о).	Безлошад- ныхъ.	Съ 1 лошад.	Съ 2 лошад. и бол.	Съ 3 и бол.	Итого
Быв- шихъ государ- ствен- ныхъ.	Четверт- ныхъ.	{ Наличныхъ . . .	27%	23%	22%	28%	100%
		{ Пересел. съ 77 г.	32	40	20	8	100
	Душе- выхъ.	{ Наличныхъ . . .	33	29	20	18	100
		{ Пересел. съ 77 г.	34	38	18	10	100
				33			
Бывшихъ помѣ- щичьяхъ.	И тѣхъ и другихъ.	{ Наличныхъ . . .	31	28	21	20	100
		{ Пересел. съ 77 г.	34	38	19	9	100
		{ Наличныхъ . . .	36	26	20	18	100
		{ Пересел. съ 77 г.	30	37	21	12	100
				33			

Какъ видимъ, и эти цифры подтверждаютъ только что высказанныя заключенія: хозяйственная сила переселенческихъ дворовъ всегда ниже по сравненію съ силой наличныхъ домохозяевъ соотвѣтствующаго разряда, причемъ эта разница тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ благосостояніе разряда выше.

То же сохраняетъ силу и для разрядовъ каждаго отдѣльнаго уѣзда, что видно изъ слѣдующей таблицы; въ ней безлошадные домохозяева составляютъ первую группу (I), одношадные — вторую (II), двушадные — третью (III), а въ четвертую (IV) вошли 3-хъ и болѣе лошадные; буква Н. означаетъ наличное населеніе, П. — переселенцевъ.

Домохозяева (въ %/о-хъ)	Бывшіе государственные.						Бывшіе помещицы.		
	Четвертные.		Душевные.		И тѣ и другіе.				
	Н.	П.	Н.	П.	Н.	П.	Н.	П.	
Раненбург. уѣздъ.	I.	28%	40%	33%	28%	32%	32%	37%	28%
	II.	24	39	29	42	28	40	27	39
	III.	25	15	20	20	21	19	20	21
	IV.	23	6	18	38	10	9	16	36
Итого . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Данковский уѣздъ.	I.	26%	22%	31%	37%	28%	26%	34%	34%
	II.	22	41	32	35	26	39	26	34
	III.	21	26	19	18	22	24	20	20
	IV.	31	11	18	10	26	11	20	12
Итого . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Свопинскій уѣздъ.	I.	26%	31%	33%	50%	33%	48	42%	22%
	II.	21	38	28	28	28	29	26	54
	III.	16	23	22	12	21	13	17	17
	IV.	37	8	17	10	18	10	15	7
Итого . . .	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Чтобы закончить съ цифровыми данными, дающими возможность судить объ экономическомъ достаткѣ переселенцевъ, обратимъ вниманіе еще на слѣдующіе факты: изъ 623 безлошадныхъ переселенческихъ дворовъ (во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ) 173 (9% всѣхъ переселенцевъ) вовсе не вели на родинѣ земледѣльческаго хозяйства, а сдавали весь свой надѣлъ сосѣдямъ, не имѣя силъ уплатить за обработку его въ свою пользу; 42 домохозяина, ушедшихъ на самару, на родинѣ были вовсе безъ земли, а 93 не имѣли даже и избы, живя съ семьей въ батракахъ или на квартирѣ.

Разсмотрѣнныя цифровыя свѣдѣнія указали намъ, что хотя среди переселенцевъ даннаго района можно встрѣтить и богача, и бѣдняка, и крестьянъ средняго достатка, но что эти три категоріи крестьянъ далеко не въ одинаковой степени пополняютъ контингентъ переселенцевъ; напротивъ того: значительное большинство самарцевъ владѣли на родинѣ крайне непрочными земледѣльческими хозяйствами или вовсе ихъ не имѣли. Мы видѣли, что во всѣхъ уѣздахъ и разрядахъ уѣзда достатокъ переселенческихъ семей ниже достатка ихъ наличныхъ жителей; мы видѣли, какъ много полныхъ бѣдняковъ участвуютъ въ движеніи. Послѣ этого становится яснымъ, что *главной побудительной причиной переселенческаго движенія является нужда во всѣхъ ея видахъ*, что она „гонитъ на самару“, какъ характерно выражаются крестьяне, желая указать этимъ трудность покинуть родную сторону, вѣряясь обманчивой надеждѣ на обѣтованную землю. Вотъ какъ (почти дословно) крестьяне с. Бигильдина объясняли значеніе нужды въ переселенческомъ движеніи своихъ односельцевъ: „Бѣдность и при мало и при многоземели гонитъ на самару. Запутавшійся человекъ не видитъ здѣсь средствъ выйти изъ своего положенія:

земли у него или мало, или она позаложена на года; капитала нѣтъ. Продать землю *) и уйти съ деньгами туда, гдѣ она дается чуть не даромъ (да еще какаѣ!), гдѣ все остальное дешево, — представляется очень хорошимъ средствомъ стать на ноги. Безысходная нужда туда же двигаетъ. Плохой годъ, нѣтъ хлѣба, продано все, кромѣ необходимѣйшаго... Продать домъ или землю? Помирать, побираться придется, а продавать надо. Послѣ этого только и остается, что хотъ на удачу идти, хотъ Христовымъ именемъ: кой-какая надежда на успѣхъ есть, а жузе, чѣмъ здѣсь, не будетъ“.

Вообще сами крестьяне очень часто указываютъ, какъ на основную причину выселеній, на тяжелыя земельныя условія своей родины, но и по ихъ словамъ, *непосредственнымъ поводомъ къ выселенію почти всегда является или бѣдность, или обстоятельства, разстраивающія хозяйство, или, по крайней мѣрѣ, позволяющія предвидѣть это разстройство.* Неурожайные годы, пожары и вообще всѣ острия несчастія, подрывая хозяйство, усиливаютъ выселеніе. Одни, по ихъ словамъ, идутъ на самару „вовсѣ подбившись,—имъ не съ чѣмъ взяться за дѣло, не у чего жить здѣсь“; другіе, хотя еще и ведутъ хозяйство, но, чѣмъ-либо подкошенные, предвидятъ близкую возможность (для себя или дѣтей) спуститься на низшую ступень благосостоянія — и тоже идутъ на вольныя земли.

Если нужда является такимъ сильнымъ стимуломъ къ переселеніямъ, то она же нерѣдко и задерживаетъ движеніе. Часто намъ приходилось встрѣчать довольно сильное стремленіе па вольныя земли и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма незначительное число ушедшихъ туда; причиной этому во многихъ случаяхъ являлась нужда, невозможность сбить необходимую сумму на дорогу и на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Это особенно часто встрѣчалось среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, болѣе бѣдныхъ и менѣе знакомыхъ съ движеніемъ, а потому съ еще болѣею осторожностью рѣшающихся на него. „И рады бы въ Томскую губ., да не съ чѣмъ взяться“; „средствъ не хватаетъ“; „если и все продадимъ, то не уплатить долговъ съ податями; до самары ли тутъ!“ Эти и подобныя объясненія отсутствія переселеній или малаго числа ихъ очень часто приходилось слышать отъ крестьянъ. И дѣйствительно, иногда иного объясненія и дать нельзя не только для отдѣльныхъ семей или общинъ, но даже для цѣлыхъ волостей; напри- мѣръ, мы должны были отнестн одну изъ волостей Раненбургскаго уѣзда (Карповскую) въ группу съ низшимъ % выселеній (третью), хотя по своему географическому положенію она должна бы занять мѣсто во второй группѣ. Объ этомъ придется говорить подробнѣе; теперь замѣтимъ только, что крайне тяжелыя экономическія условія этой волости усиленно гнали крестьянъ на самару, но многіе не могли найти покупателей на свое скромное имущество, а иные, распродавъ его, не въ силахъ были раздѣлаться съ долгами и уплатить недоимку. Не только въ Карповской (самой бѣднѣйшей волости Раненбургскаго уѣзда), а и

*) Дѣло идетъ о наследственной „четвертной“ землѣ; въ Бигильдинѣ господствуетъ четвертное право.

въ другихъ (Гагинской, Головинщинской, Змиевской, въ двухъ-трехъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда) встрѣчалась та же причина, останавливавшая движеніе на самару: не находилось покупщиковъ не только на землю, скотъ, избу, но и на домашнюю утварь готовящагося на переселеніе. При большомъ числѣ уходящихъ на самару это встрѣчалось почти вездѣ: имущество или вовсе нельзя было продать, или продавалось за безцѣнокъ; случалось такъ, что, распродавъ все зимой, крестьянинъ весной шелъ на самару Христовымъ именовъ или оставался побираться на родинѣ: всѣ вырученныя деньги едва прокормили его съ семьей до весны. Трудность распродажи имущества при большомъ числѣ выселяющихся является одной изъ причинъ, отчего массовыя выселенія встрѣчаются крайне рѣдко, да и то изъ очень большихъ селъ съ значительнымъ числомъ зажиточныхъ домохозяевъ, а выселенія цѣлыхъ обществъ почти никогда не могутъ состояться.

Характеристика хозяйственной физиономіи переселенческихъ семей была бы неполна, если бы мы прошли молчаніемъ составъ ихъ рабочей силы. Очень часто и въ этомъ случаѣ бываютъ сильныя разногласія: одни утверждаютъ, что переселенцы, главнымъ образомъ, вербуются изъ многорабочихъ семей; другіе говорятъ, что уходятъ на самару мало-рабочіе бѣдняки. Но мы уже знаемъ, что основной причиной движенія является нужда (а она можетъ застигнуть и мало и многорабочія семьи), то и въ правѣ ожидать, что въ этомъ отношеніи переселенцы мало будутъ отличаться отъ наличнаго населенія своей родины. Посмотримъ, что скажутъ цифры. Такъ какъ въ изданномъ II томѣ *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губ.* при распредѣленіи семей по составу ихъ рабочей силы включены и полуррабочія, то совершенно такую же группировку семей сдѣлаемъ и для переселенцевъ; получивъ, такимъ образомъ, сравнимыя цифры, мы станемъ разсматривать переселенцевъ параллельно съ наличнымъ населеніемъ мѣстности выселеній. Изъ всѣхъ 1,966 семей самарцевъ (съ 1877 года), составлявшихъ на родинѣ самостоятельную хозяйственную единицу—дворъ, мы могли распредѣлить указаннымъ образомъ почти всѣ (1,965). Слѣдующая таблица даетъ указанную группировку для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Семей.	Общее число.		% къ итогу.	
	Налич.	Пересел.	Налич.	Пересел.
I. Безъ рабочей силы	1,200	22	4	1
II. Только съ полурработниками	630	16	2	0,3
III. Съ 1 работн. (безъ полурработн.)	11,357	839	40	42,2
IV. Отъ 1—2*) рабочихъ влюч	9,410	659	32	34
V. Отъ 2—3 " "	4,343	304	15	16
VI. Сверхъ 3-хъ рабочихъ	2,159	125	7	6
Итого	29,099**)	1,965	100	100

*) Т.-е. съ 2 рабочими или съ 1 рабочимъ при одномъ или нѣсколькихъ полуррабочихъ. Подъ полуррабочимъ здѣсь разумѣется подростокъ отъ 14—18 лѣтъ, а также и старикъ свыше 60 лѣтъ, если онъ составляетъ единственную рабочую силу семьи и ведетъ хозяйство.

**) Составъ остальныхъ 45 семей остался невыясненнымъ.

Переселенческія семьи по составу ихъ рабочей силы встрѣчаются во всѣхъ шести категоріяхъ, но главная масса ихъ (больше $\frac{2}{3}$ всего числа переселенческихъ дворовъ) отправилась на новыя мѣста съ 1 работникомъ; если же къ нимъ присоединить слѣдующую группу, то окажется, что почти 1,500 переселенческихъ семей, т.-е. больше $\frac{1}{4}$ ихъ (76,2%), имѣли одного, двухъ рабочихъ или одного работника съ полурабочими; группы же переселенцевъ съ болѣе выгоднымъ рабочимъ составомъ включают въ себѣ немного болѣе $\frac{1}{3}$ (22%) всѣхъ самарцевъ; семья безъ рабочей силы и съ неполными работниками составляютъ менѣе $\frac{1}{30}$ всѣхъ переселенцевъ.

Просматривая составъ рабочей силы у наличнаго населенія, замѣтимъ, что онъ весьма близокъ къ рассмотрѣнному составу переселенческихъ дворовъ; наиболѣе существенное отличіе замѣтно въ разбѣрѣ первыхъ двухъ группъ: процентныя отношенія ихъ у переселенцевъ слишкомъ втрое менѣе, чѣмъ у ихъ оставшихся на родинѣ земляковъ. Подобныя отношенія наблюдаются и въ каждомъ изъ уѣздовъ и несомнѣнно свидѣтельствуютъ о крайней осмотрительности, съ какой пускаются на новыя мѣста семьи съ неполной рабочей силой или и вообще безъ нея.

Тѣ же сравнительныя цифровыя данныя помѣщаемъ для каждаго изъ уѣздовъ. Сначала абсолютныя:

Число семей.	Наличныхъ.			Переселенческихъ.		
	Ранен. у.	Данк. у.	Скоп. у.	Раненб. у.	Данк. у.	Скоп. у.
I группы . .	656	289	255	12	5	5
II " . .	287	145	198	12	3	1
III " . .	5,191	2,728	3,438	500	221	118
IV " . .	4,139	2,001	3,270	412	175	72
V " . .	1,802	902	1,639	195	81	28
VI " . .	807	411	941	84	32	9
Итого . .	12,882	6,476	9,741	1,215	517	233

Выводя %/о, получимъ:

%/о семей.	Раненбург. уѣзда.		Данковск. уѣзда.		Скопинскаго уѣзда.	
	Налич.	Пересел.	Налич.	Пересел.	Налич.	Пересел.
I группы . .	5}7	1}2	4}6	1}1	3}5	2}2
II " . .	2}7	1}2	2}6	0}1	2}5	0}2
III " . .	40	41	42	43	35	50
IV " . .	33	34	31	34	34	31
V " . .	14}20	16}23	15}21	16}22	17}26	13}17
VI " . .	6}20	7}23	6}21	6}22	9}26	4}17
Итого . .	100	100	100	100	100	100

Какъ видимъ, замѣченное для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ приложимо и къ каждому изъ нихъ, только въ Скопинскомъ %/о многорабочихъ семей у переселенцевъ (V и VI группы) меньше, чѣмъ въ другихъ двухъ, семья же съ 1 рабочимъ (III группа) составляютъ $\frac{1}{3}$ всѣхъ его самарцевъ.

Распределеніе семей на группы по составу ихъ рабочей силы въ разныхъ разрядахъ крестьянъ не имѣетъ особеннаго интереса. Замѣтимъ только, что наибольшій %/о многорабочихъ семей даютъ бывшіе

государственные четвертные крестьяне *). Это, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ крайней неравномѣрностью въ распредѣленіи ихъ наслѣдственной надѣльной земли, причѣмъ несоотвѣтствіе между рабочей силой и количествомъ надѣла должно особенно сказываться у многорабочихъ семей, а это, какъ сейчасъ увидимъ, наиболѣе распространенное условіе, вызывающее переселенческое движеніе.

Размѣръ средней переселенческой семьи мало отличается отъ средняго размѣра семьи наличнаго населенія; для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ онъ равенъ:

У переселенцевъ 6,1 душамъ обоого пола.

У наличнаго селенія . . . 6,7 " " "

Для каждаго уѣзда отдѣльно размѣръ средней семьи выразится слѣдующими цифрами:

	Раневб. уѣзда.	Данк. уѣзда.	Скоп. уѣзда.
У переселенцевъ	6,3 д. об. п.	7 д. об. п.	6 д. об. п.

У наличнаго населенія	6,3	> > >	6,6	> > >	7	> > >
---------------------------------	-----	-------	-----	-------	---	-------

Наибольшая разница наблюдается въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ на среднюю переселенческую семью приходится одной душой обоого пола меньше, чѣмъ у наличнаго населенія.

Мы познакомились съ хозяйственной фізіономіей переселенцевъ, видѣли что нужда—основной стимулъ, толкающій крестьянина въ далекую сторону. Посмотримъ же, при какихъ земельныхъ и другихъ условіяхъ сложился намѣченный типъ переселенца и какія изъ нихъ наиболѣе могущественны и распространены? Начнемъ съ земельныхъ условій вообще, а въ частности съ распредѣленія надѣльной земли по отношенію къ рабочей силѣ переселенцевъ сравнительно съ распредѣленіемъ ея у наличнаго населенія той же мѣстности.

Въ общей сложности у всѣхъ переселенцевъ (съ 1877—82 г.) разсматриваемыхъ 3-хъ уѣздовъ было во владѣніи 14,848 десятинъ надѣльной земли; она принадлежала только тѣмъ 1,966 дворамъ, которые и на родинѣ составляли самостоятельныя семьи. Такъ какъ во всѣхъ этихъ дворахъ было 3,217 рабочихъ мужскаго пола, то на каждаго рабочаго-переселенца приходилось среднимъ числомъ по 4,6 десятины надѣльной земли.

Во всей мѣстности выселенія (т.-е. у всѣхъ 261 общинъ, участвующихъ въ движеніи съ 1877 г.) крестьяне владѣютъ въ настоящее время 273,291 десятиной надѣльной земли; вычтя отсюда всю землю, оставленную имъ переселенцами (**), (т.-е. 14,848 десятинъ), мы получимъ то количество надѣльной земли, каковымъ владѣли оставшіеся на мѣстахъ своего жительства крестьяне изслѣдуемой мѣстности. Разложивъ всю эту землю (258,443 дес.) на общее число рабочихъ наличнаго населенія (46,870 дес.), мы получимъ, что на каждаго оставшагося дома рабочаго приходилось среднимъ числомъ 5,4 десятины.

*) Впрочемъ, поуѣздныя цифры выражаютъ это недостаточно рельефно: въ Данковскомъ уѣздѣ $\frac{1}{10}$ $\frac{1}{10}$ многорабочихъ семей въ разрядѣ четвертныхъ крестьянъ одинаковы какъ для личнаго населенія, такъ и для переселенцевъ.

**) Впослѣдствіи мы увидимъ, что почти вся земля переселенцевъ осталась въ рукахъ крестьянъ, преимущественно односельцевъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что *средній рабочий-переселенецъ былъ почти на 1 десятину бѣднѣ надѣльной землей, чѣмъ средній рабочий, оставшійся дома.*

Слѣдуя указанныя выкладки для каждаго уѣзда, мы повсюду увидимъ меньшую надѣленность земель переселенцевъ сравнительно съ населеніемъ той же мѣстности, оставшимся на мѣстахъ прежняго жительства:

	Число рабочихъ	Десятинъ Всего.	надѣл. земли. На работника.
Раненбур.уѣзда.	{ Наличное населеніе. 19,978	108,845	5,4
	{ Переселенцы . . . 2,003	9,464	4,7 } —0,7
Данковс. уѣзда.	{ Наличное населеніе. 10,209	63,194	6,2
	{ Переселенцы 883	3,945	4,4 } —1,8
Скопинс. уѣзда.	{ Наличное населеніе. 16,683	86,404	5,2
	{ Переселенцы 331	1,439	4,3 } —0,9

Дѣйствительно, во всѣхъ уѣздахъ количество земли на работника у переселенцевъ было менѣе, чѣмъ у населенія, воздержавшагося отъ переселенія, а въ Данковскомъ уѣздѣ эта разность достигаетъ почти 2-хъ десятинъ.

То же ясно замѣтно и въ различныхъ разрядахъ крестьянъ каждаго уѣзда, причѣмъ у бывшихъ государственныхъ четвертныхъ въ Данковскомъ уѣздѣ разниа эта особенно велика: здѣсь на средняго рабочаго изъ переселенцевъ приходится надѣльной земли на 3,3 десятины менѣе, чѣмъ на оставшагося, не ушедшаго на переселеніе работника. Приводимъ только среднія количества десятинъ надѣла земли на работника:

		Десятинъ надѣл. земли на работника.					
		Ран. уѣзда.	Данк. уѣзда.	Скоп. уѣзда.			
Бывшіе государственные.	Четвертные.	{ Наличное насел. 7	{ —2,3	8,8	{ —3,8	5,1	{ —0,9
		{ Переселенцы . . . 4,3					
	Душевые.	{ Наличное насел. 6,4	{ —0,7	6,7	{ —2,1	5,2	{ —0,6
		{ Переселенцы . . . 5,9					
	И тѣ и другіе.	{ Наличное насел. 6,3		7,7		5,2	
		{ Переселенцы . . . 5,4					
Бывшіе помѣщичьи.	{ Наличное насел. 4	{ —0,6	4,2	{ —0,8	4,1	{ —0,9	
	{ Переселенцы . . . 3,4						3,4

Мы видимъ, что наиболѣе многоземельные переселенцы ушли изъ бывшихъ государственныхъ душевыхъ Раненбургскаго уѣзда и изъ четвертныхъ Данковскаго, но и въ этихъ обоихъ случаяхъ (какъ и во всѣхъ остальныхъ) переселенцы, въ среднемъ, владѣли меньшимъ количествомъ земли, чѣмъ оставшіеся на мѣстѣ ихъ земляки. Это правило настолько обще, что его можно прослѣдить на еще болѣе мелкихъ группахъ, чѣмъ поуѣздный разрядъ крестьянъ: почти во всѣхъ волостяхъ и даже въ громадномъ большинствѣ общинъ мы видимъ у переселенцевъ болѣе несоотвѣтствіе надѣла съ рабочей силой, чѣмъ у крестьянъ, оставшихся дома.

Возьмемъ по двѣ общины каждаго уѣзда съ наибольшимъ % зажиточныхъ переселенцевъ и посмотримъ, каковы были земельныя условія у ихъ переселенцевъ сравнительно съ оставшимся населеніемъ. Сте-

пень зажиточности переселенцевъ опредѣлимъ количествомъ денегъ, взятыхъ ими на дорогу:

	Переселенчес. семей.	Переселенцевъ, взявшихъ съ собой 300 р. и бол.				
		До 300 р.	%	Число.	%	
Равен. уѣздъ.	{ Салтыки	47	20	43	27	57
	{ Демкино	69	43	62	26	38
Данк. уѣздъ.	{ Бигильдино	98	61	62	37	38
	{ Подвидышево	12	4	33	8	67
Скоп. уѣздъ.	{ Чулковскіе выселки	17	1	6	16	94
	{ Хворощевка	18	4	22	14	78
Итого по 6 общинамъ		261	133	51	128	49

Какъ мы видѣли, по всему изслѣдуемому району нашлось меньше $\frac{1}{3}$ (19%) всѣхъ переселенцевъ; взявшихъ съ собой 300 р. и болѣе; въ этихъ же шести общинахъ почти $\frac{1}{2}$ (49%) переселенческихъ семей понесли съ собой такую значительную сумму, т.-е. почти $\frac{1}{2}$ сходяцевъ жили на родинѣ или богато, или зажиточно. Каковы же земельныя условія переселенцевъ этихъ исключительныхъ общинъ?

	Число рабоч.		Всего.		Десятигъ надѣльной земли.		Разнос.
	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.	
Салтыки	494	68	2,116	318	4, ₃	4, ₇	+0, ₁
Демкино	457	114	3,361	651	7, ₃	5, ₇	-1, ₆
Бигильдино	535	165	4,889	905	9, ₁	5, ₃	-3, ₈
Подвидышево	102	15	346	47	3, ₄	3, ₁	-0, ₃
Чулковскіе выселки	232	20	1,156	139	5	7	+2
Хворощевка	578	17	2,389	64	5, ₁	4	-1, ₁
Итого	2,398	399	14,857	2,124	6, ₂	5, ₃	-0, ₉

Даже и въ этихъ общинахъ (взятыхъ вмѣстѣ) средній рабочій переселенческихъ семей владѣлъ на родинѣ почти на цѣлую десятину надѣльной земли меньше рабочаго, не принявшаго участія въ движеніи. Только въ двухъ общинахъ (Салтыки и Чулковскіе выселки) на работника-переселенца приходилось больше земли *).

Такимъ образомъ, разсмотрѣнныя цифровыя данныя приводятъ къ такому заключенію: *непретѣннымъ, почти неизмѣющимся исключеніемъ условіемъ выхода на новыя земли является (въ изслѣдуемомъ районѣ) несоответствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ.*

Крайняя тѣснота въ выгонахъ и трудность арендованія земли по

*) Надо замѣтить, что обѣ эти общины являлись пионерами движенія (Салтыки—въ Уфимскую губ., Чулковскіе выселки—въ Томскую) для своей мѣстности, а въ такихъ случаяхъ вообще выходятъ болѣе зажиточныя семьи, хотя тоже почти всегда гонимыя земельными неудобствами. Эти общины не представляютъ исключенія: салтыковцы крайне тѣснены въ выгонахъ (на 1,365 головъ крупнаго скота 50 десят. выгона); Чулковскіе выселки сдали часть своихъ надѣльныхъ угодій подъ каменноугольныя копи и жили арендной землей, но въ послѣднее время арендныя цѣны такъ вздорожали, что „хоть всѣхъ лошадей размотай“, говорили чулковцы.

сколько-нибудь сходнымъ цѣнамъ—тоже весьма распространенныя условія, вызывающія движеніе крестьянъ съ своей родины.

Богатая черноземная почва, весьма значительная густота населенія *) и земледѣльческій характеръ рассматриваемыхъ уѣздовъ вызвали здѣсь усиленное стремленіе къ распашкамъ: выгоны, пространства изъ-подъ вырубленныхъ лѣсковъ, лощины въ поляхъ, а иногда даже и прирѣчные луга, — все пораспахано. Во многихъ селеніяхъ выгоновъ и пастбищъ для скота совсѣмъ нѣтъ, въ другихъ этихъ необходимыхъ для хозяйства угодій осталось совершенно ничтожное количество и только очень небольшое число общинъ располагаетъ достаточными выгонными пространствами, но это вѣрный признакъ малой годности ихъ для обработки. Сказанное относится почти въ одинаковой степени ко всѣмъ 3-мъ уѣздамъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ Раненбургскаго уѣзда. Въ селѣ Колыбельскомъ выгона нѣтъ вовсе; въ Мелеховомъ его самое незначительное количество, — все, что можно было, распашано. Хотя въ Ратчинѣ пастбища и довольно просторны, но уже всѣ лощины въ поляхъ пораспаханы, распашано до 300 десятинъ заливнаго луга (сѣять гречу на гречу, и родится хорошо); подумываютъ добраться и до пастбищъ. Въ селѣ Путятинѣ 7 десятинъ выгопу; сѣнокосъ за 10 верстъ отъ селенія. Демкино: лѣсъ верстъ за 10 отъ села и не можетъ служить пастбищемъ; выгонъ—за 7 верстъ и тѣсенъ. Приведенные примѣры (кромѣ селца Путятина) взяты изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ, значительно лучше представленнаго въ земельномъ отношеніи, чѣмъ бывшіе помѣщичьи.

По даннымъ центрального статистическаго комитета, въ 3-хъ уѣздахъ нашего района около $\frac{1}{3}$ всей площади распашано и только остальная пятая доля занята усадьбами, лѣсами, кустами, лугами и выгонами. Для земель, находящихся въ собственности и пользованіи крестьянскихъ общинъ, показаны слѣдующія процентныя отношенія для каждаго уѣзда:

Раненбургскій уѣздъ . . .	78, ⁰ / ₆ %	пашни и	21, ⁰ / ₄ %	остальныхъ угодій.
Данковскій уѣздъ	82, ⁷ / ₇ "	" "	17, ³ / ₃ "	" "
Скопинскій уѣздъ	76, ² / ₂ "	" "	23, ⁵ / ₅ "	" "

Если имѣть въ виду весьма часто встрѣчающееся здѣсь неудобство въ расположеніи надѣловъ (растянутость и изрѣзанность ихъ фигуры, пересѣченность чужими землями и пр.), то по этимъ цифрамъ станеть достаточно яснымъ, насколько бѣдны выгонами крестьяне этихъ 3-хъ уѣздовъ. Понятно, что при таковой обширной распашанной площади (и при соответствующемъ количествѣ скота) своихъ сѣнокосныхъ и пастбищныхъ угодій для здѣшнихъ крестьянъ крайне недостаточно, но и нанять выгона и луговъ имъ негдѣ, такъ какъ частныя землевладѣльцы не менѣе крестьянъ стремятся превратить все въ пашню. По тѣмъ же даннымъ мы имѣемъ для земель, состоящихъ въ личной собственности, слѣдующіе % %:

*) На квадратную милю въ каждомъ изъ уѣздовъ приходится больше 2,000 душъ обоего пола: въ Скоп.—2,540, въ Раненб.—2,315, въ Данк.—2,111.

Раненбургскій уѣздъ	83,9%	пашни	и	16,1%	остадныхъ угодій.
Данковскій уѣздъ	82,8	"	"	17,2	"
Скопинскій уѣздъ	75,6	"	"	24,4	"

При громадномъ преобладаніи трехпольнаго сѣвооборота въ частновладельческихъ хозяйствахъ, они сами должны бы ощущать не меньшій недостатокъ луговъ и выгоновъ, если-бъ здѣсь не была сильно развита система обработки земли крестьянскимъ скотомъ. Но, несмотря на малое развитіе скотоводства въ экономіяхъ частныхъ владѣльцевъ, имъ все же почти нечего сдавать въ аренду крестьянамъ изъ сѣнокосныхъ и выгонныхъ угодій. Ничтожное значеніе для крестьянъ арендныхъ луговъ всего яснѣе выражаютъ цифры, добытыя при подворной переписи. Всего арендовано луга крестьянами:

Раненбургскаго уѣзда	333	десятины.
Данковскаго уѣзда	170	"
Скопинскаго "	563	"

При такомъ ничтожномъ количествѣ своихъ и арендныхъ травяныхъ выгоновъ, скоть здѣшняго крестьянина почти исключительно пасется по жнивью и паровому полю. Съ самой ранней весны его выгоняютъ на парь; если гдѣ и есть выгоны, ихъ берегутъ на время „межупарья“,—когда парь взметанъ, а время уборки хлѣбовъ еще не наступало; уберутъ рожь—скоть идетъ на ржище, скосятъ овесъ—мѣстомъ выпаса служитъ „овсянье“; здѣсь онъ пасется до глубокой осени. При скромныхъ размѣрахъ крестьянскаго пара (до $\frac{1}{2}$ десят. на душу), вообще скудная паровая растительность скоро окончательно исчезнетъ подъ копытами крупнаго и мелкаго скота: въ жаркій и сухой іюль надъ стадомъ стоитъ черное облако пыли, и всякій хоть сколько-нибудь зажиточный крестьянинъ все лѣто „привармливаетъ свою скотину“; скоть пасется „будто какъ для прогулки“. Недостаточность выгона по своимъ полямъ вынуждаетъ крестьянина съ жадностью хвататься за всякій случай для найма „кормовъ“ своему скоту. За нихъ онъ въ большинствѣ случаевъ платитъ работою, но нерѣдко и деньгами, причѣмъ выпасъ по пару и жнивью частныхъ землевладѣльцевъ обходится отъ 50 к. до 1 р. съ овцы и отъ 3—5 р. съ головы крупнаго скота.

Дальше будетъ сказано о существующей во многихъ селеніяхъ южной части Раненбургскаго уѣзда системѣ полеводства (о „пестропольѣ“) безъ правильнаго чередованія хлѣбовъ, при которой сплошнаго пароваго пространства нѣтъ вовсе. Правда, во всѣхъ этихъ селеніяхъ подъ пестропольемъ только часть пахотныхъ земель, остальные же разбиты на 3 поля, но все же недостатокъ выгона, благодаря пестрополью, дѣлается еще ощутительнѣе. Особенно рѣзкій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ большое село Кривополянне. Надѣль этой общины имѣетъ фигуру неправильной трапеціи; узкая сторона ея (версты въ 3) подходит къ селу, а широкая, версть въ 10, отходитъ отъ него на 15 версть. Только ближайшая часть пашни (на 3 версты отъ Кривополянна) разбита на 3 поля; остальная—подъ пестропольемъ. Размѣръ пароваго поля, такимъ образомъ, не болѣе 5 квадр.

версть или 520 десят., а, между тѣмъ, скотъ Кривополянья дѣлится на 50 стадъ, состоящихъ болѣе, чѣмъ изъ 2,000 головъ крупнаго скота (1,192 рабочихъ лошади, 595 коровъ, 3,676 овецъ, телята, жеребята, свиньи), такъ что на голову крупнаго скота придется немного болѣе $\frac{1}{4}$ десят. пара; не даромъ кривополянцы говорили намъ, смѣясь, что ихъ коровы „другъ другу бока въ кровь изорвутъ, по нашему пару ходючи“. При новомъ передѣлѣ земли они намѣрены значительно сократить или даже и вовсе уничтожить пестрополье.

Этихъ краткихъ указаній достаточно, чтобы составить себѣ понятие о степени вліятельности тѣсноты въ выгонахъ на переселенія крестьянъ разсматриваемой мѣстности; мы видимъ, что крестьяне имѣли полное основаніе часто указывать на недостатокъ „угоды для скота“, какъ на причину выселенія многихъ семей, особенно зажиточныхъ: онѣ, благодаря тѣснотѣ въ выгонахъ, не могли завести необходимаго скота и шли искать въ далекую сторону болѣе благопріятныхъ условій для своего хозяйства.

Мы видѣли уже, что надѣльной земли на средняго рабочаго-переселенца во всей мѣстности выселенія приходится 4,6 десят., а на рабочаго той же мѣстности, не ушедшаго на самару, 5,3 десят. Считая въ томъ числѣ до 80% пашни, получимъ на средняго рабочаго изъ переселенцевъ 3,6 дес. пашни, а изъ наличнаго населенія 4,4 дес. пашни, т.-е. въ каждомъ полѣ придется даже на наличнаго работника меньше $1\frac{1}{2}$ десятины, а на работника-переселенца $1\frac{1}{2}$ десятины. Понятно, что при такой средней надѣленности землей далеко не всѣ рабочія силы мѣстнаго населенія могутъ быть заняты обработкой своего надѣла; въ изслѣдуемомъ земледѣльческомъ районѣ онѣ ищутъ исхода въ мѣстныхъ и отхожихъ промыслахъ, но, прежде всего, пытаются пополнить недостатокъ своего надѣла арендой земли у сосѣднихъ частныхъ землевладѣльцевъ.

При мѣстныхъ изслѣдованіяхъ намъ часто встрѣчались примѣры того, что не только благосостояніе отдѣльныхъ семей, но цѣлыхъ общинъ и даже волостей, исключительно зависѣло отъ условій и возможности аренды, или, по крайней мѣрѣ, аренда значительно вліяла на ихъ достатокъ. Если размѣръ аренды болѣе или менѣе значителенъ и условія ея выгодны, то достатокъ общины иногда обезпеченъ, несмотря на малый размѣръ надѣла; но даже аренда на довольно тяжелыхъ условіяхъ нерѣдко поддерживаетъ благосостояніе крестьянъ на среднемъ уровнѣ. Съ другой стороны, когда условія аренды становятся непосильны для крестьянъ или размѣръ сдаваемой земли сокращается, благосостояніе ихъ замѣтно падаетъ и подъ вліяніемъ наступившей нужды создается или усиливается стремленіе къ переселеніямъ. Приведемъ примѣры.

Село Сибѣтокъ, община временно-обязанныхъ г-жи Рахмановой. Всей надѣльной земли 117 десят., т.-е. по 2 дес. на ревизкую душу или 3,6 дес. на работника; надѣлъ малъ, значительно ниже выведеннаго средняго, а, между тѣмъ, это вполне зажиточная община, занимающаяся почти исключительно земледѣліемъ и извозомъ; всѣ домохозяева хорошо удобряютъ землю и имѣютъ возможность не брать зем-

лѣдѣльческихъ заработковъ, тогда какъ почти всѣ лошадные хозяева сосѣднихъ общинъ завалены работой на частновладѣльческой землѣ и чрезъ то упускаютъ свое хозяйство. Такой достатокъ Рахмановской общины исключительно зависитъ отъ выгодныхъ условій ихъ аренды: уже 15 лѣтъ вся община снимаетъ всю свою западѣльную землю (109 дес. пашни въ 3-хъ поляхъ), платя по 9 руб. за посѣвную десят., тогда какъ кругомъ ихъ 17—20 руб. за десятину—обыкновенная цѣна такой десятины.

Большинство общинъ Змѣвской волости имѣютъ возможность арендовать землю у сосѣднихъ частныхъ землевладѣльцевъ. Условія аренды мало выгодны: земля сдается по бѣльшей части изъ вторыхъ рукъ и плохого качества; иногда часть платы обязательно отработана; но уже самая возможность аренды по невысокой цѣнѣ (отъ 6—15 р. десятина) въ значительной степени обуславливаетъ зажиточность такихъ общинъ сравнительно съ остальными той же волости, неимѣющими аренды.

Благосостояніе сельца Путятина стало видимо понижаться лѣтъ 8 тому назадъ, когда, вмѣсто испольной аренды, крестьяне этой общины начали платить по 18—20 р. за посѣвную десятину.

Въ двухъ общинахъ села Нарышеина, обѣихъ общинахъ сельца Никольскаго, въ Воскресенскомъ и Лазовѣхъ (всѣ Нарышкинской волости) благосостояніе крестьянъ видимо ухудшилось съ тѣхъ поръ, какъ много дворянскихъ земель перешло въ руки купцовъ: они завели свою запашку (крестьянскимъ инвентаремъ), и сдача земли въ аренду значительно сократилась, а цѣна аренды повысилась; теперь стоимость десятины аренды доходить здѣсь до 23 р., да еще бѣльшую часть платы обязательно отработывать на землѣ экономіи.

Въ с. Воскресенскомъ, Кочуровской волости, съ 1882 года крестьяне имѣютъ возможность арендовать землю (по 1—3 десят. на домохозяина); до 1880 г. они арендовали ее въ такомъ же количествѣ, но въ этомъ году почему-то вся земля понадобилась самой экономіи князя Шаховскаго (гдѣ крестьяне брали аренду); крестьянамъ не дали ни одной десятины ни въ 1880, ни въ 1881 году. „Боязно стало“, говорили крестьяне; сразу ощутили они недочетъ земли въ своихъ хозяйствахъ,—и въ 3 года (1880—1882 гг.) ушли на переселеніе 32 семьи съ 162 душами обоого пола, т.-е. 21% всего населенія общины.

Изъ этихъ примѣровъ ясна важность аренды для благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ; но, чтобы виднѣе стала распространенность ея значенія въ 3-хъ разсматриваемыхъ уѣздахъ, приведемъ цифры аренды вънадѣльной пашни изъ II тома *Сборника статистическихъ свѣдѣній по Рязанской губерніи*:

	Домохозяевъ.		‰ аренду- ющихъ дворовъ.	Десятны аренды.	
	Всѣхъ.	Аренду- ющихъ.		Общее число.	На аренду- ющій дворъ.
Раненбургскаго уѣзда . .	19,990	5,280	26	17,711	3, ₈
Данковскаго „ . .	14,584	3,881	27	13,622	3, ₈
Скопинскаго „ . .	20,236	5,160	25	17,041	3, ₄

Такимъ образомъ, благосостояніе больше $\frac{1}{4}$ всѣхъ дворовъ нашихъ 3-хъ уѣздовъ находится въ сильной зависимости отъ сѣмной пашни: въ среднемъ на дворъ подъ яровой и озимый посѣвы они снимаютъ около $3\frac{1}{2}$ десят., а въ 3-хъ поляхъ—5 десятинъ. Такъ какъ средній подворный участокъ надѣльной земли для всѣхъ 3-хъ уѣздовъ равенъ $8\frac{1}{2}$ десят., то путемъ аренды онъ увеличивается у этихъ 14,300 домохозяевъ значительно больше, чѣмъ въ $1\frac{1}{2}$ раза.

Понятно, что, при такомъ значеніи арендной пашни для здѣшняго крестьянина, возвышеніе арендныхъ цѣнъ и уменьшеніе количества сдаточной земли вызоветъ сильное разстройство его хозяйства, нужду, т.-е. послужитъ могущественнымъ толчкомъ къ переселеніямъ.

Не только организованный планъ хозяйства даже здѣшняго крупнаго землевладѣльца, но и самое право на владѣніе извѣстнымъ земельнымъ участкомъ чрезвычайно неустойчивы: способы веденія хозяйства, размѣры собственной запашки экономій, управляющіе и сами владѣльцы здѣсь часто измѣняются. Конечно, съ этимъ связано и измѣненіе въ размѣрахъ сдаточныхъ земель: если въ среднемъ (напрямѣрь, по уѣзду) количество такихъ земель и не измѣнится, то въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ общинахъ такія колебанія происходятъ постоянно. Но сѣмка земли для крестьянъ становится особенно тяжелой, иногда разорительной, благодаря сильному росту арендныхъ цѣнъ за послѣднія 8—9 лѣтъ: тогда какъ въ началѣ 70-хъ годовъ цѣна посѣвной десятины колебалась между 6—10 рублями, въ настоящее время *средняя* стоимость сѣмной десятины:

въ Раненбургскомъ уѣздѣ	17 р. — к.
„ Данковскомъ „	12 „ 30 „
„ Скопинскомъ „	13 „ 80 „

Теперь очень часто десятина аренды идетъ въ 20—23 р., а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной части Раненбургскаго уѣзда стоимость сѣмной озимой десятины доходить до 30 р., не говоря уже, что подъ табакъ (Раненбургскій уѣздъ) и огородныя овощи (лукъ въ Скопинскомъ уѣздѣ) десятина приусадебной земли сдается по 70 р. Необходимо помнить, что урожай послѣднихъ лѣтъ понизился и что крестьянинъ сѣетъ хлѣбъ на арендной землѣ преимущественно не для продажи (это показываетъ и средній участокъ сѣмной земли—въ $3\frac{1}{2}$ дес.), а для своего потребленія, что и при арендной землѣ ему къ веснѣ нерѣдко придется прикупить хлѣба, а, слѣдовательно, и повышение хлѣбныхъ цѣнъ не облегчаетъ ему условій аренды.

Такія несоразмѣрно высокія арендныя цѣны на земли вызываютъ весьма понятныя послѣдствія. Въ урожайный годъ крестьянинъ сниметъ количество хлѣба, достаточное для прокормленія своей семьи, а иной и продастъ; частію отъ этой продажи, но больше изъ стороннихъ заработковъ или обработкой земли экономіи онъ оплатитъ аренду; въ плохой же годъ онъ непремѣнно является несостоятельнымъ плательщикомъ, такъ какъ иногда не сберетъ съ сѣмной земли не только ея арендной стоимости, но и сѣмянъ. Этимъ рискомъ землевладѣльцевъ и объясняется отчасти тотъ фактъ, что многіе изъ нихъ

избѣгать имѣть дѣло съ мелкими сѣмщиками-крестьянами, а, слабая имѣ, требуютъ иногда вдвое большую плату, чѣмъ при огульной сдачѣ крупному арендатору. Ясно, что аренда земли для крестьянина очень рискованное дѣло, и нуженъ нѣкоторый достатокъ, чтобы быть въ силахъ арендовать вообще и, въ особенности, чтобы вынести неурожайный годъ; при настоящихъ цѣнахъ этотъ достатокъ долженъ быть настолько великъ, что многіе домохозяева не въ силахъ арендой поддерживать своихъ хозяйствъ и, впадая въ нужду, являются кандидатами на переселеніе.

Разбирая земельныя и земледѣльческія условія, вызывающія нужду въ разныхъ видахъ (а съ нею и стремленіе къ переселенію) среди мѣстнаго крестьянства, слѣдуетъ упомянуть и о весьма вліятельномъ условіи такого же рода—о плохой обработкѣ почвы и переживаемомъ или только что пережитомъ сельско-хозяйственномъ кризисѣ многими общинами юга Раненбургскаго уѣзда. Но подробнѣе объ этомъ будетъ сказано дальше.

Отсутствіе коренныхъ передѣловъ и наследственное владѣніе земель, вызывая неравномѣрное распредѣленіе ея между отдѣльными домохозяйствами, создаютъ главное условіе переселенческаго движенія— несоотвѣтствіе количества земли съ рабочими силами двора. Коренные передѣлы распространены только въ Скопинскомъ уѣздѣ; въ Данковскомъ къ нимъ приступилъ весьма небольшой % общинъ, а въ Раненбургскомъ ко времени изслѣдованія только двѣ общины привели свои надѣлы въ соотвѣтствіе съ наличными силами семей; понятно, что въ двухъ послѣднихъ уѣздахъ малое развитіе коренныхъ передѣловъ не можетъ не способствовать усиленію движенія. Наибольшая же неравномѣрность владѣнія проявляется, конечно, при наследственномъ-четвертномъ пользованіи земель, т.-е. у разряда бывшихъ государственныхъ четвертныхъ крестьянъ. Послѣднее условіе оказываетъ свое наибольшее вліяніе въ Данковскомъ уѣздѣ, гдѣ четвертной земли слишкомъ 28,000 десятинъ, затѣмъ въ Раненбургскомъ, гдѣ такой земли до 13,000 десятинъ, а въ Скопинскомъ уѣздѣ ея лишь 5¹/₂ тысячъ десятинъ.

Къ довольно вліятельнымъ земледѣльческимъ условіямъ, вызывающимъ переселенія, слѣдуетъ отнести плохое качество почвы и неудобство въ расположеніи надѣловъ. Хотя всѣ 3 изслѣдуемые уѣзда обладаютъ прекрасною черноземною почвою отъ ³/₄ до 1¹/₂ аршина глубиной, но все же и здѣсь есть мѣстности, гдѣ черноземъ не только становится до крайности мелокъ, но и вовсе исчезаетъ, уступая мѣсто суглинку, глинѣ, сыпучему песку. По малой распространенности такихъ неудобныхъ для земледѣлія почвъ это условіе для цѣлыхъ уѣздныхъ площадей не имѣетъ большаго значенія, но на отдѣльных общинахъ, получившихъ, напримѣръ, значительную часть надѣла изъ сыпучаго песка, оно оказываетъ сильное вліяніе, разстраивая ихъ хозяйства и вызывая стремленіе къ выходу на новыя мѣста. Значительно распространеннѣе второе изъ упомянутыхъ условій, вызывающихъ выселенія, — неудобство въ расположеніи надѣловъ: то значительная часть надѣла удалена отъ селенія и лежитъ за чужими зем-

лами, то оврагъ мѣшаетъ вывозу навоза на болѣе или менѣе значительную часть полей, то надѣль применилъ только угломъ къ усадьбамъ, а съ остальныхъ сторонъ къ нимъ подошла земля частнаго владѣльца, вызывая неизбѣжныя пререканія и штрафы за потравы; иногда надѣль состоитъ изъ узкой и длинной полосы, дѣлающей невозможнымъ прогонъ скота на нѣкоторую часть полей, и проч. Неудобства въ расположеніи надѣла встрѣчаются, главнымъ образомъ, у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и бывшіе государственные далеко ихъ не избавлены; у нихъ даже особенно часто встрѣчается растянутасть надѣловъ. Селенія и общины бывшихъ государственныхъ крестьянъ значительно крупнѣе, размѣръ надѣла ихъ больше, благодаря чему у нихъ во многихъ общинахъ нѣкоторыя части надѣловъ отходятъ отъ усадебъ на 12—15 и даже 20 верстъ. Мы видѣли уже, что одолошадные бѣдняки изъ государственныхъ крестьянъ села Буховаго „бѣгутъ“ отъ зенкинскаго поля, удаленнаго отъ села на 15 верстъ; можно было бы привести и другіе примѣры подобнаго рода.

Если же оба указаннаго условія (плохое качество почвы и неудобное расположеніе надѣла) соединяются вмѣстѣ, дѣйствіе ихъ бываетъ особенно сильно; иногда цѣлая община, получившая подобный надѣль, готова подняться на переселеніе; такъ, на примѣръ, было въ Демкинскихъ выселкахъ. До освобожденія крестьянъ эта община жила исправно, исправно внося оброкъ своей госпожѣ; теперь она одна изъ бѣднѣйшихъ общинъ Раненбургскаго уѣзда: въ ней больше $\frac{2}{3}$ дворовъ безлошадны и въ среднемъ на дворъ приходится 22 р. 60 к. недоимки. До 1861 г. Демкинскіе выселки пользовались всею землею своей госпожи. По освобожденіи, крестьянамъ отведенъ надѣль въ двухъ мѣстахъ: у деревни 65 десятинъ песку, а остальные 81 десятина 246 сажень чернозема—за 3 версты отъ усадебъ, за чужой землей; прогона для скота на нихъ нѣтъ. На занадѣльной землѣ владѣльца поставила хуторъ и завела свое хозяйство, сдавая лишь часть пашни. Къ 1880 году крестьяне настолько обѣднѣли, что уже не были въ силахъ снимать землю (да и сдача земли почти прекратилась), а на одномъ надѣлѣ не прожить; имъ представлялся одинъ исходъ—выселеніе. Въ 1880 г. вся община собралась въ Томскую губернію, и если таковаго массоваго движенія не произошло (за трудностью подняться и раздѣлаться съ надѣломъ), все же 27% наличнаго населенія Демкинскихъ выселковъ ушли тогда въ далекую Сибирь.

Другой подобный же примѣръ представляетъ община села Истобнаго временно-обязанныхъ крестьянъ г. Богданова; только здѣсь къ неудобству расположенія надѣла присоединяется и весьма малый размѣръ его. До 1861 г. крестьяне г. Богданова состояли на барщинѣ, имѣя, по ихъ словамъ, пахотной земли въ каждомъ полѣ по $2\frac{1}{2}$ десятины на тягло, а въ 3-хъ поляхъ— $7\frac{1}{2}$ десятины одной пахоти; они владѣли землей чрезполосно съ своимъ помѣщикомъ и государственными крестьянами того же села Истобнаго. Кромѣ того, у нихъ были просторныя усадьбы (по 2 десятины на дворъ) между усадьбами крестьянъ государственныхъ; вмѣстѣ съ ними же они имѣли по $1\frac{1}{2}$ жеребья сѣнокоса. Жили „богдановскіе“, по словамъ сосѣдей, достаточно, ско-

та держали по многу. Въ 1861 году имъ былъ отведенъ надѣлъ за версту отъ села, за землей помѣщика; онъ тянется полосой въ 120 саж. ширины и около 2 версты длины; размѣръ его на всѣ 41 душу общины 66 десятинъ, т.-е. по 1 десятинѣ 1,492¹/₂ саж. на душу. Выпасъ скота на такомъ надѣлѣ настолько затруднителенъ, что „богдановскіе“ остались на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства: часть на землѣ государственныхъ крестьянъ, часть на землѣ помѣщика (на 12 лѣтъ), платя за усадьбу по 3 р. въ годъ съ двора. За прогонъ скота и проѣздъ платятъ помѣщику по 2 р. съ двора, за выпасъ скота платятъ государственнымъ крестьянамъ по 1¹/₂ р. съ коровы и по 3 р. съ лошади. 4-мъ дворамъ пришлось недавно выселиться на свой надѣлъ, такъ какъ владѣлецъ земли не пожелалъ продолжить арендный срокъ. Такія условія вынудили переселиться болѣе, чѣмъ ¹/₂ всей общины: изъ 133 душъ обоего пола ушло 47, т.-е. 35,4⁰/₁₀₀.

Мы не разсматриваемъ чрезвычайно важнаго фактора по его вліянію на переселенческое движеніе—размѣра надѣла; громадное значеніе его ясно само собой, разъ установлено, что наиболѣе распространеннымъ условіемъ выхода на самару оказывается несоотвѣтствіе количества земли съ рабочими силами населенія; несоотвѣтствіе это, конечно, значительнѣе у малоземельныхъ общинъ.

Познакомясь съ земельными условіями, вліяющими на переселенія изъ изслѣдуемаго района, посмотримъ, какое значеніе въ жизни крестьянъ имѣютъ мѣстные и отхожіе заработки и какъ они вліяютъ на изучаемое явленіе.

Размѣръ надѣльной и арендной земли не въ силахъ дать необходимыхъ средствъ для пропитанія мѣстнаго крестьянина: уже не говоря о безлошадныхъ и сдающихъ свой надѣлъ сосѣдямъ, но и большинству крестьянъ, лично обрабатывающихъ свою землю, не хватаетъ хлѣба на цѣлый годъ даже при среднемъ урожаѣ; иные начинаютъ покупать его только весной, другіе съ масленицы, а есть и такія семьи, которымъ своего хлѣба едва хватаетъ до Рождества. Понятно, что всѣмъ такимъ крестьянамъ необходима работа внѣ своихъ земельныхъ надѣловъ и внѣ арендной земли. И дѣйствительно, всѣ силы, лишнія въ своемъ хозяйствѣ, заняты мѣстными и отхожими заработками; по переписи видно, что изъ многихъ семей, даже лично ведущихъ свое хозяйство, но имѣющихъ больше одного рабочаго, всѣ остальные берутъ какіе-нибудь заработки на мѣстѣ или принуждены отправляться въ отходъ; понятно, что всѣ рабочіе безлошадныхъ дворовъ или въ батракахъ, или въ поденной работѣ, или на сторонѣ. Чтобы яснѣе видѣть значеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ, возьмемъ цифровыя данныя для нашихъ уѣздовъ во всемъ ихъ объемѣ. Для отхожихъ заработковъ мы имѣемъ цифру переписи объ общемъ числѣ рабочихъ, ими занятыхъ, для мѣстныхъ же—о числѣ промысловыхъ семей; подъ послѣднимъ терминомъ надо понимать тѣ семьи, въ которыхъ хотя одинъ рабочій имѣетъ заработокъ внѣ своей надѣльной, собственной или арендной земли.

	Раненб. уѣзда.	Данков. уѣзда.	Скопин. уѣзда.
Всѣхъ наличныхъ семей	20,875	15,251	20,643
„ промысловыхъ семей	11,381	8,599	8,151
	54%	56%	39%

Таблица показываетъ, что въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ больше, чѣмъ изъ $\frac{1}{4}$ крестьянскихъ дворовъ выходитъ для мѣстныхъ заработковъ одинъ или нѣсколько рабочихъ мужчинъ; въ Скопинскомъ уѣздѣ такой родъ занятій значительно менѣе распространенъ: тамъ мѣстные заработки имѣютъ значеніе менѣе, чѣмъ для $\frac{2}{3}$ всѣхъ наличныхъ дворовъ.

За то по развитію отхожихъ промысловъ первое мѣсто занимаетъ Скопинскій уѣздъ: тамъ больше $\frac{1}{3}$ (37%) всѣхъ наличныхъ рабочихъ заняты работой на сторонѣ, тогда какъ въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ только $\frac{1}{5}$ такихъ рабочихъ. Это видно изъ слѣдующей таблицы:

	Раненб. уѣзда.	Данков. уѣзда.	Скопин. уѣзда.
Всѣхъ наличныхъ рабоч.	31,856	23,416	33,905
Рабочихъ, занятыхъ отхожими заработками	6,310	4,835	12,722
	20%	21%	37%

Не только въ цѣлыхъ поуѣздныхъ площадяхъ, но и въ предѣлахъ уѣзда мѣстные и отхожіе промыслы развиты далеко не въ одинаковой степени. Объ этомъ придется говорить впоследствии; теперь замѣтимъ только, что неравномѣрность эта достигаетъ своего высшаго развитія въ Скопинскомъ уѣздѣ: тогда какъ въ западной половинѣ его мѣстные заработки играютъ самую невидную роль, въ восточной—они значительно распространены, и наоборотъ: отхожіе заработки, почти неразвитые въ восточной части уѣзда, занимаютъ собой до $\frac{1}{2}$ рабочаго населенія западныхъ волостей.

Имѣющіяся данныя позволяютъ намъ въ цифрахъ указать, какой родъ мѣстныхъ заработковъ особенно распространенъ въ каждомъ уѣздѣ:

Ч и с л о с е м е й .

	Раненб. уѣзда.	Данк. уѣзда.	Скоп. уѣзда.
Гдѣ есть мастеровые	1,507	1,024	949
Имѣющихъ земледѣльческіе заработ.	7,889	6,219	4,586
Съ прочими заработками	1,985	1,355	2,616
Итого промысловыхъ	11,381	8,599	8,151

Во всѣхъ уѣздахъ наиболѣе распространенный мѣстный заработокъ земледѣльческій; семьи, занимающіяся имъ, составляютъ:

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ	69%	всѣхъ промысловыхъ семей.
„ Данковскомъ уѣздѣ	72	„ „ „
„ Скопинскомъ уѣздѣ	56	„ „ „

Подъ земледѣльческимъ заработкомъ здѣсь разумѣется: подесятинная обработка земли частновладѣльческихъ экономій, поденщина, батрачество и „обработка душъ“ своимъ безлошаднымъ односельцамъ. Особенно значительное развитіе здѣсь имѣютъ подесятинные заработки, благодаря упомянутому способу обработки своихъ земель въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ (крестьянскимъ инвентаремъ). Обычно

женно крестьянинъ еще съ осени обязывается произвести полную обработку и уборку известнаго числа десятинъ какой-либо экономіи; онъ обязывается три раза вспахать, забороновать, засѣять, скосить, связать, свезти хлѣбъ на гумно, сложить его въ скирды и даже покрыть ихъ, словомъ, произвести всѣ сельско-хозяйственныя операціи, кромѣ молотьбы. Обычная плата за такую работу во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ—4—5 р. съ десятины; нрѣдка она спускается до 3 р. 30 к. (при двухъ вспашкахъ) и подымается до 6 р. Иногда къ указаннымъ операціямъ крестьянинъ за ту же плату обязывается вывезти навозъ со двора экономіи. Обязанный производить всѣ работы по первому требованію экономіи, т.-е. въ самый разгаръ и своихъ полевыхъ работъ, крестьянинъ тяготеетъ подесятинными заработками; только крайняя нужда въ деньгахъ по осени (большая часть платы выдается впередъ) и указанныя арендныя условія (съ обязательной отработкой части арендной платы) заставляютъ крестьянина „забираться“ такими заработками даже и при существующихъ низкихъ цѣнахъ. Рѣдко подесятинные заработки поддерживаютъ хозяйство крестьянъ; напротивъ, значительное распространеніе ихъ—вѣрный признакъ его разстройства и малой зажиточности крестьянъ. Конечно, при такихъ условіяхъ разсматриваемый видъ земледѣльческихъ заработковъ и указанный взглядъ на него крестьянъ долженъ былъ бы вызывать усиленное переселеніе. Съ другой стороны, земледѣльческіе заработки удерживаютъ крестьянина отъ отхода на сторону,—отхода, едва ли не еще болѣе вредящаго хозяйству, чѣмъ подесятинный заработокъ; кромѣ того, крестьяне часто, забравъ деньги впередъ, не выполняютъ своихъ обязательствъ,—и годъ отъ году все больше, по ихъ выраженію, „опутываются заработками“, накапливая на себѣ значительный долгъ; такимъ образомъ, подесятинные заработки являюся и сдерживающею силою переселенческаго движенія. Мы скоро увидимъ, что переселенія происходятъ и изъ мѣстъ съ большимъ развитіемъ мѣстныхъ земледѣльческихъ заработковъ, и изъ такихъ, гдѣ ихъ нѣтъ вовсе, но, повидимому, ихъ сдерживающее вліяніе сильнѣе.

Батрачество и поденщина тоже довольно развиты. Въ батраки идутъ изъ безлошадныхъ или изъ другихъ захудалыхъ семей, получая въ лѣто отъ 25—35 р., или въ годъ отъ 40—50, рѣже 60. Плата поденщику тоже не высока: мужчина получаетъ зимой около 20 к., весной 25—30 к., лѣтомъ во время уборки отъ 30—50 к.; плата женщинѣ еще ниже: больше 30 к. въ сутки она никогда не получаетъ, а зимой ея дневной заработокъ не превышаетъ 15, иногда 12 копѣекъ. Плата за обработку надѣловъ безлошадныхъ домохозяевъ весьма различна, но обыкновенно она превышаетъ значительно подесятинную плату при обработкѣ частновладѣльческой земли: тамъ деньги получаютъ впередъ, здѣсь по уборкѣ хлѣба.

Занятіе мастерствами, какъ показываютъ и вышеприведенныя цифры, здѣсь мало развито; здѣшніе мастеровые удовлетворяютъ лишь потребности мѣстнаго населенія; о сбытѣ продуктовъ на рынкѣ не можетъ быть и рѣчи: это все плотники, кузнецы, сапожники, портные и т. п. мастера, необходимыя въ крестьянскомъ быту. Впрочемъ,

плотники иногда живут на мѣстныхъ паровыхъ мельницахъ, а, напримѣръ, журавинскіе портные ходятъ по окрестнымъ селамъ, имѣя опредѣленный и довольно постоянный заработокъ: хорошій плотникъ на мельницѣ получаетъ отъ 60—120 р. въ годъ, ходячій портной зарабатываетъ 8—10 р. въ мѣсяцъ.

Въ разрядъ „прочихъ“ заработковъ отнесены весьма разнообразныя мѣстные промыслы. Въ двухъ южныхъ уѣздахъ (Раненбургскій и Данковскій) преобладаютъ работы на винныхъ заводахъ, подвозъ къ нимъ картофеля и пр.; въ Раненбургскомъ уѣздѣ — кой-какіе лѣсные заработки (рубка лѣса, жженіе угля), работы на желѣзной дорогѣ, а также ломка камня, что еще чаще встрѣчается по берегамъ Дона и въ иныхъ мѣстахъ Данковского уѣзда. Мѣсячный рабочій на винномъ заводѣ получаетъ отъ 5—9 р., но лошадные крестьяне еще чаще работаютъ на нихъ безъ всякой платы — изъ-за прокорма лошади бардой. Вообще и эту видъ „прочихъ“ заработковъ и по своему малому распространенію, и по размѣру рабочей платы даетъ ничтожную поддержку здѣшнему крестьянину-земледѣльцу. Наибольшее число семей этой категоріи оказывается въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ для нѣсколькихъ волостей имѣетъ большое значеніе разработка каменнаго угля близъ Чулково и Воскресенскаго (Побѣдное тожъ). Заработокъ здѣсь („на шахтѣ“, какъ говорятъ крестьяне) значительно выше, чѣмъ могутъ дать другія мѣстныя работы: зимой шахтеръ получаетъ 40—45 к. въ день, лѣтомъ отъ 50—80 к. Но многіе крестьяне пугаются этой непривычной, тяжелой работы подъ землей, — работы, вредно вліяющей на здоровье, и даже есть случаи, что бѣгутъ отъ нея на просторъ Томской губерніи.

Многіе изъ видовъ отхожихъ промысловъ тоже носятъ земледѣльческій характеръ. Довольно развитъ уходъ изъ всѣхъ 3-хъ уѣздовъ на уборку хлѣбовъ въ землю Войска Донскаго, въ Самарскую, Воронежскую, Тамбовскую и другія южныя губерніи; уходятъ въ гуртовщину преимущественно въ Ставропольскую губ., нанимаются въ батраки къ крестьянамъ промышленныхъ подмосковныхъ уѣздовъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ средній размѣръ заработка колеблется отъ 40—60 р. въ лѣто. Но наиболѣе распространенный видъ отхожихъ заработковъ — работа на московскихъ и владимірскихъ торфяныхъ болотахъ. На торфяныя работы уходятъ въ первыхъ числахъ мая и работаютъ или на такъ называемомъ „столовомъ, ручномъ торфу“ — до 8 іюля, или идутъ на машинный торфъ, гдѣ работа тянется до первыхъ чиселъ августа; при работѣ на столовомъ торфу средній заработокъ отъ 30 до 40 р., на машинномъ 50—70 р. Въ виду такого значительнаго заработка, а, главное, соблазниаясь задаткомъ съ осени въ 15—20 р., крестьяне все сильнѣе стремятся „на торфъ“, несмотря на крайне антигигіеничныя условія этого промысла. Уходъ на торфяныя заработки принимаетъ особенно сильное развитіе въ западной части Скопинскаго уѣзда, гдѣ совершенно нѣтъ возможности ни арендовать земли, ни найти какой-либо работы на мѣстѣ. Въ одной изъ волостей этой части Скопинскаго уѣзда (Чуриковской) уходъ на сторону вообще и на торфъ преимущественно до того развитъ, что не

только въ безлошадныхъ дворахъ, но и у семей, лично обрабатывающихъ свою землю, *все* работники уходятъ на сторону; развѣ только въ наиболѣе зажиточныхъ и многосемейныхъ домохозяйствахъ работникъ остается все лѣто дома. Въ случаѣ отлучки всѣхъ работниковъ семьи, они уходятъ, взметавъ яровые, а одинъ изъ нихъ возвращается ко времени уборки, нанявъ кого-либо изъ остающихся произвести взметъ пара. Въ послѣднее время изъ западныхъ волостей Скопинскаго уѣзда стали уходить на торфъ и женщины, получая по осени задатокъ рублей въ 5—6 и зарабатывая въ лѣто (отъ 6 мая по 15 августа) отъ 15 до 25 р. Вообще эта часть Скопинскаго уѣзда развитіемъ отхожихъ промысловъ напоминаетъ сѣверные уѣзды губ., напримѣръ, Рязанскій, и рѣзко отличается отъ остальныхъ частей изслѣдуемаго района; но и здѣсь замѣтна еще нелюбовь къ уходу на сторону, куда гонить ихъ недостаточный надѣлъ при полномъ отсутствіи сѣмной земли и мѣстныхъ заработковъ, и здѣсь живо помнятъ время, когда столько было земли, что „ночами поле пахивали, съ огнемъ хлѣбъ молачивали“,—время, когда „денегъ было съ нужу, а хлѣба—съ душу“; теперь, благодаря сильному росту населенія, „утѣшеніе въ землѣ“ стало очень ощутительно.

Только въ западной части Скопинскаго уѣзда отхожіе промыслы стали почти обычнымъ явленіемъ; въ другой части его и въ уѣздахъ Раненбургскомъ и Данковскомъ они не такъ давно стали развиваться и при упомянутомъ „неуваженіи“ къ нимъ крестьянъ они не въ силахъ не только сдержатъ, но и умѣрить переселенческаго движенія; встрѣчаются даже такіе случаи, что крестьяне, взявъ съ осени задатки у радчиковъ на торфяныя работы и распродавъ зимой свое имущество, весной отправляютъ на эти средства свои семьи съ односельцами, идущими въ Томскую губернію; сами же отправляются на торфъ, чтобы съ заработанными деньгами догнать своихъ на пароходѣ.

Если сравнить относительныя цифры рабочихъ, занимающихся отхожими заработками у переселенцевъ и у наличнаго населенія той же мѣстности, то оказывается: въ Данковскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ ушедшія на самару семьи выдѣляли изъ себя въ отходъ болѣе шій $\%$, а въ Скопинскомъ уѣздѣ—значительно меньшій, чѣмъ наличныя дворы, т.-е., какъ будто, изъ Скопинскаго уѣзда выселялись (съ 1877—82 г.) семьи, еще не сильно вовлеченныя въ отходъ на сторону. Впрочемъ, это заключеніе нельзя считать вполне устойчивымъ: число переселенцевъ Скопинскаго уѣзда съ 1877 г. очень мало. Упомянутыя сейчасъ цифры видны изъ таблицы:

	Раненб. уѣз.		Данков. уѣз.		Скопинск. уѣз.	
	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.	Налич.	Перес.
Всѣхъ рабочихъ	19,978	2,003	10,209	883	16,683	331
Рабочихъ въ отхож. пром.	4,369	612	1,909	215	7,359	52
$\%$	22	30	19	24	44	16

Хотя мы не имѣемъ необходимыхъ данныхъ, чтобы прослѣдить, насколько за послѣднее время возрасла тяжесть крестьянскихъ податей и налоговъ, но нельзя не упомянуть, что крестьяне иногда приводили этотъ фактъ, какъ одну изъ причинъ, понижающихъ ихъ достатокъ и

влекущихъ ихъ въ переселенческой потокъ. Иногда они указывали на тяжесть оброка (временно-обязанные), особенно, если имъ приходилось его отработывать; иногда ихъ сильно стѣсняли сроки взносовъ платежей и трудность „обернуться“, добыть къ сроку денегъ при почти полномъ отсутствіи кредита; но чаще всего ихъ смущалъ ростъ платежей, сравнительно съ предъидущими годами, хотя благосостояніе ихъ не только не улучшилось, но подъ вліяніемъ многихъ причинъ идетъ къ упадку. Такъ, напримѣръ, по даннымъ дубовскаго волостнаго правленія, въ 1865 г. на окладную душу села Дубоваго приходилось всѣхъ платежей 6 р. 68 к., но съ тѣхъ поръ возросъ земскій налогъ, установленъ налогъ за право пользованія лѣсомъ (крестьяне государственные), перешли къ денежному платежу въ продовольственный капиталъ,—и теперь приходится всѣхъ платежей 12 руб. 10 к. съ души. Правда, по цѣлому уѣзду съ окладной души бывшихъ государственныхъ крестьянъ сходить только 10 р. 40 к., но и возрастаніе платежей у цѣлаго разряда крестьянъ почти по 4 р. съ души за послѣднія 15—16 лѣтъ не можетъ не быть весьма ощутительнымъ. Хотя тяжесть платежей и не вызываетъ ни въ одномъ уѣздѣ особенно большихъ недоимокъ, по все же въ Раненбургскомъ уѣздѣ на средняго домохозяина приходится ея 12 р. 30 к., въ Данковскомъ—1 р. 20 к., въ Скопинскомъ—90 к. Эти среднія данныя еще не говорятъ о незначительности недоимки не только у отдѣльныхъ домохозяевъ или общинъ, но даже и у цѣлыхъ волостей. Напримѣръ, въ самой бѣдной волости Раненбургскаго уѣзда (Карповской) въ среднемъ на надѣльный дворъ приходится 41 р. 60 к. недоимки; въ одной изъ общинъ этой волости (большая Карповка) средній размѣръ недоимки на домохозяина—67 р. 90 к. У отдѣльныхъ крестьянъ размѣръ недоимки иногда доходитъ до 100 рублей и болѣе. Понятно, что такіе дворы, общины, волости почти лишены возможности идти на вольныя земли: общество безъ уплаты недоимки не отпуститъ, а уплатить ее, распродавъ имущество, —ничего не останется на дорогу. Дѣйствительно, трудность уплаты недоимки являлась въ нѣкоторыхъ общинахъ сильнымъ тормазомъ переселенческаго движенія; особенно на это указывали крестьяне Карповской, Нарышкинской и Головиницкой волостей Раненбургскаго уѣзда.

Въ ряду постоянныхъ (хотя и мало распространенныхъ) условій переселенческаго движенія слѣдуетъ упомянуть о безводіи. Въ этихъ уѣздахъ, по характеру мѣстности напоминающихъ степныя пространства южной Россіи, не только чувствуется большой недостатокъ въ текущихъ водахъ, не только вполнѣ отсутствуютъ озера, а пруды лѣтомъ пересыхаютъ, зимой вымерзаютъ, но и грунтовныя воды находятся иногда на такой глубинѣ, что рытье колодезевъ совершенно невозможно. На недостатокъ въ водѣ, какъ на условіе, вызывающее переселенія, указывали крестьяне Ягодновской и Кочуровской волостей—Данковскаго уѣзда, Никольской волости—Раненбургскаго уѣзда и нѣкоторые другіе. Слѣдуетъ замѣтить, что эта причина никогда не являлась вполнѣ самостоятельной, а приводилась рядомъ съ безлѣсьемъ, съ тѣсною земельной вообщее и пр.; да это и понятно: иначе должны бы выходить селенія въ полномъ составѣ, тогда какъ этого не случалось и отъ безводья выходили только отдѣльныя семьи.

До сихъ поръ имѣлись въ виду условія переселенческаго движенія, дѣйствующія постоянно, хотя и съ различной степенью напряженности; теперь скажемъ нѣсколько словъ о вліяніи неурожайныхъ годовъ, пожаровъ, аукціонныхъ продажъ крестьянскаго имущества за недоимку и другихъ причинахъ, хотя и временныхъ, но сильно расшатывающихъ крестьянское хозяйство и способствующихъ напряженности переселеній. Изъ такихъ временныхъ причинъ особенно вліятельна по своей распространенности и силѣ—неурожайные годы. Мы знаемъ уже, что главная масса (больше $\frac{2}{3}$) всѣхъ переселеній послѣдняго шестилѣтія падаетъ на 1881 г. Это объясняется не только тѣмъ, что открылась новая благодатная страна для выселенцевъ—Війскій округъ, что съ 70-хъ годовъ стала появляться масса вызововъ въ тотъ благословенный край со стороны поселившихся тамъ родныхъ, но, главное, неурожаями послѣднихъ лѣтъ вообще и въ особенности неурожаемъ 1880 года: 1881 годъ далъ средній урожай,—и переселенческая волна сразу упала. Въ бѣдственные годы неурожаевъ всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе такимъ земледѣльческимъ краемъ, каковъ югъ Рязанской губ., составляющій предметъ нашего изслѣдованія. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастье, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять,—стремится туда. Зажиточный мужикъ, проѣвъ въ голодный годъ кое-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ прочтѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно расшатано неурожаемъ,—онъ тоже спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевле хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ благодарной почвѣ, болѣе производителенъ; заматавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же: „хуже не будетъ!“ Крестьяне повсюду говорили, что въ плохой годъ или послѣ него всегда больше идутъ на самару, и что урожайный годъ, оживляя надежды, удерживаетъ многихъ на мѣстахъ: „Кому захочется отъ своего хлѣба за чужимъ гнаться?“ замѣчали они.

Подобно неурожаямъ, усиливаютъ переселенческое движеніе и другія временныя бѣдствія: пожары, продажи за недоимки и пр. Они не имѣютъ такого распространенія, дѣйствуютъ на меньшій районъ, но за то едва ли не сильнѣе неурожаевъ разстраиваютъ хозяйства тѣхъ, на кого обрушиваются. Пожаръ заставляетъ рѣшиться на выходъ съ родной стороны не только тѣхъ, кто и раньше подумывалъ объ этомъ; онъ иногда гонитъ съ родины и такихъ крестьянъ, которые до тѣхъ поръ вовсе не собирались переселяться: увидятъ, что имъ не подъ силу снова обзаводиться хозяйствомъ, постройками—и пойдутъ съ страховой суммой въ Томскую губер. Въ 1880 г. въ с. Троицкомъ сгорѣли до 60 дворовъ; сгорѣли и риги съ хлѣбомъ; многіе стали выселяться на страховку, хотя было и избы „сгоряча поставили“, да увидали, что нечѣмъ будетъ обсѣяться, что не на что завести „ни клѣти, ни сарая, ни сохи съ бороной“. Въ томъ же году выгорѣло 34 двора въ Журавинкахъ; 10 изъ нихъ ушло въ Томскую губ. „Хоть и продешевили

стройку (получивъ страховую премію), да покупищивовъ искать не пришло; огонь, батюшка, живо выкушилъ“. Въ Протасьевѣ (Вѣдновской волости) въ 1875 г. ушла на самару 21 семья; 13 изъ нихъ только что выгорѣли. Въ 1881 и 1882 годахъ ушло изъ села Бол. Кочуры 13 семей; нѣкоторыхъ изъ нихъ погналъ неурожай 1880 г., нѣкоторыхъ—аукціонъ того же года, когда было продано за недоимку на 800 р. крестьянскаго имущества и пр.

При разсмотрѣнныхъ земледѣльческихъ условіяхъ, вызывающихъ переселенческое движеніе, при малой распространенности и невыгодности мѣстныхъ заработковъ, при недружелюбномъ отношеніи крестьянъ къ отходу на сторону и проч.,—при наличности такихъ условій письма родственниковъ изъ Томской губ., рисующія мѣста своего новаго жительства чрезвычайно заманчивыми красками, почти всегда сулящія удовлетвореніе излюбленнаго идеала своихъ земляковъ: „паши, гдѣ хочешь, и коси, сколько осилишь“,—такія письма не могутъ не вліять не только на направленіе переселеній, а и на самую ихъ напряженность. Но ошибочно было бы думать, что переселенцы разсматриваемаго района идутъ, не взвѣсивъ трудностей пути и устройства на новыхъ мѣстахъ. Если довольно многіе идутъ съ недостаточными средствами и даже вовсе безъ нихъ, то потому только, что и на родинѣ они были въ безвыходныхъ условіяхъ, что имъ терять нечего. Мы видѣли уже, что такіе обстоятельныя крестьяне, какъ Емельянъ Катасоновъ, и письмами, и личнымъ вліяніемъ „окорачиваютъ“ движеніе; то же самое дѣлали крутовскіе ходоки, ломовскіе „оглядчики“ и нѣкоторые другіе, ходившіе разузнавать на мѣстѣ далекую и просторную Сибирь. Вообще крестьянъ нельзя упрекнуть въ томъ, что они опрометчиво идутъ въ невѣдомую даль; скорѣе, зная условія ихъ жизни, можно удивляться ихъ сдержанности, привязанности къ родной сторонѣ и тому, какъ они настойчиво стремятся разсвѣять неизвѣстность, царящую надъ далекой, но манящей къ себѣ стороной, посылая туда своихъ пытовщиковъ и разузнавая объ ней отъ земляковъ, побывавшихъ тамъ, надо удивляться осторожности, съ какой они относятся къ ихъ письмамъ и рассказамъ. Впрочемъ, крестьянинъ и не можетъ поступать менѣе осмотрительно: для него это шагъ безповоротный; распродавъ все имущество, онъ дѣлаетъ для себя почти невозможнымъ возвращеніе на родину. Мы видѣли, какъ осторожно относились крестьяне села Никольскаго къ заманчивымъ описаніямъ новыхъ мѣстъ ихъ односельцевъ, Арбузовымъ: несмотря на полное довѣріе къ нему, они готовы были подумать, что Арбузовъ погнѣбъ и что его именемъ кто-то хочетъ сыграть съ ними злую шутку, заманивъ ихъ въ далекій край своими письмами о просторѣ въ Томской губ. Рассказывали, что иногда отецъ не довѣряетъ сыну, зовущему его на новыя земли: отправляясь къ нему, онъ оставляетъ свою семью дома, пока лично не убѣдится, что тамъ можно хорошо устроиться. Еще больше, чѣмъ письма, увлекаетъ крестьянъ примѣръ зажиточныхъ земляковъ: богатый крестьянинъ Чулковскихъ выселковъ (Скопинскаго уѣзда) Петръ Ивановъ весной 1882 года повелъ за собой въ Томскую губ. нѣсколько десятковъ семей изъ своей и сосѣднихъ деревень; то

же было въ Демкинѣ (Раненбургскаго уѣзда) и окрестныхъ селеніяхъ въ 1881 году, когда вернулся съ развѣдокъ Бійскаго округа извѣстный богачъ въ околоткѣ Матвѣй Гуровъ: онъ распродалъ свое имущество и, захвативъ семью, ушелъ на мѣсто развѣдокъ; за нимъ двинулось много народу. Но такіе случаи вполне понятны: „если ужъ богачи переселяются, переселяются не зря, а побывавъ на новыхъ мѣстахъ, то, значить, тамъ хорошо“,—такъ объясняли крестьяне значеніе подобныхъ примѣровъ.

Посмотримъ же, какія причины вызываютъ болѣе сильное переселенческое движеніе среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими? Обратимъ, прежде всего, вниманіе на наиболѣе вліятельныя земельныя условія обоихъ разрядовъ мѣстности выселенія и на ихъ сравнительное благосостояніе при началѣ послѣдняго шестилѣтняго періода движенія. Для того, чтобы послѣдующія цифры какъ можно ближе выражали земельныя условія и достатокъ крестьянъ *передъ выходомъ* изъ ихъ среды переселенцевъ, цифровыя данныя о наличномъ населеніи сложены съ соотвѣтствующими величинами у переселенцевъ: безъ этого приѣма значительный % выселеній могъ бы сильно измѣнить экономическую фізіономію оставшихся на мѣстѣ жителей, увеличивъ, напримѣръ, количество земли, приходящейся на ихъ средняго работника. Вотъ эти абсолютныя данныя, необходимыя для вывода послѣдующихъ среднихъ величинъ и процентныхъ отношеній для мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ, т.-е. для всѣхъ 261 общинъ, принимавшихъ участіе въ движеніи послѣдняго шестилѣтія:

Разряды крестьянъ.	Число наличныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.			
	Дворовъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Вынудѣн- ной аренды.	Безлоша- дныхъ.	Съ 1 лоша- д.	Съ 2 лоша- д.	Съ 3-ми и болѣе.
Въ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ.									
Быв. { Четверти.	4.027	6.710	49.199	2.725	2.149	1.119	986	889	1.033
госу- { Душевные.	17.334	28.948	166.107	2.287	7.754	5.671	5.060	3.619	2.984
Быв. помѣщичьи.	9.749	14.554	57.985	3.495	9.843	3.518	2.636	1.943	1.652
Въ Раненб. уѣздѣ.									
Быв. { Четверти.	1.643	2.727	17.905	1.110	293	503	428	387	325
госу- { Душевные.	6.380	10.400	65.437	977	2.310	2.089	1.908	1.283	1.100
Быв. помѣщичьи.	6.099	8.940	34.987	2.634	5.580	2.222	1.684	1.224	969
Въ Данков. уѣзд.									
Быв. { Четверти.	2.134	3.584	29.272	761	1.671	551	502	462	619
госу- { Душевные.	1.805	2.774	18.314	120	546	559	575	346	325
Быв. помѣщичьи.	3.064	4.763	19.553	815	3.428	1.057	789	619	599
Въ Скопин. уѣздѣ.									
Быв. { Четверти.	250	399	2.022	854	185	65	56	40	89
госу- { Душевные.	9.149	15.774	82.356	1.190	4.898	3.023	2.577	1.990	1.559
Быв. помѣщичьи.	586	851	3.465	46	835	239	163	100	84

Изъ данныхъ предыдущей таблицы выведемъ количество земель, приходившихся на рабочаго каждого разряда крестьянъ во всѣхъ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ:

		Десятины на работника.			
		Надѣльныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе государ- ствен.	Четвертные	7,3	0,4	0,4	8,1
	Душевые	5,7	0,1	0,3	6,1
	И тѣ и другіе	6,1	0,1	0,3	6,5
Бывшіе помѣщичья		4	0,2	0,7	4,9

Мы видимъ, что въ земельномъ отношеніи бывшіе помѣщичья въ началѣ послѣдняго шестилѣтняго періода переселеній были гораздо хуже обставлены, чѣмъ бывшіе государственные вообще: надѣльной земли у послѣднихъ по 2,1 десятины болѣе на каждого рабочаго, и только аренда нѣсколько поддерживала бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, но и съ ней, и съ собственной землей они все же бѣднѣе бывшихъ государственныхъ болѣе, чѣмъ на 1½ десятины (1,6 дес.) на работника. Наиболѣе многоземельными были въ то время четвертные крестьяне: въ общей сложности ихъ средній рабочій пользовался на 2 десятины большимъ количествомъ земли, чѣмъ рабочій бывшихъ государственныхъ душевыхъ, и слишкомъ на 3 десятины (3,2 дес.) больше рабочаго изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ.

Слѣдующая табличка указываетъ, каковы экономическія послѣдствія разсмотрѣнныхъ земельныхъ условій для 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ:

		% къ общему числу дворовъ.			
		Взлосади.	Съ 1 лощ.	Съ 2 лощ.	Съ 3 и бол.
Бывшіе государствен.	Четвертные	28	24	22	26
	Душевые	32	30	21	17
	И тѣ и другіе	32	28	21	19
Бывшіе помѣщичья		36	27	20	17

48%
38%
37%

Оказывается, что разряды крестьянъ по степени ихъ достатка слѣдуютъ въ томъ порядкѣ, какъ и по ихъ надѣленности землей: тогда какъ у четвертныхъ крестьянъ почти 1/2 дворовъ владѣеть 3-мя и болѣе лошадьми и болѣе 1/4 имѣютъ по 3 лошади и болѣе, у государственныхъ, душевыхъ и бывшихъ помѣщичьихъ дву и болѣе лошадины не составляютъ и 2/3, а многолошадные и 1/5 ихъ общаго числа; причѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ наибольшій %, безлошадныхъ дворовъ.

Посмотримъ на цифры каждого уѣзда:

Раненбургскаго уѣзда.

		Десятинъ на работника.			Всѣхъ вообще.
		Надѣльн.	Собствен- ныгь.	Аренд- ныгь.	
Бывшіе государствен.	Четвертные	6,6	0,4	0,1	7,1
	Душевые	6,3	0,1	0,2	6,6
И тѣ и другіе		6,4	0,2	0,2	6,8
Бывшіе помѣщичьи		3,9	0,3	0,6	4,8

Данковскаго уѣзда.

Бывшіе государствен.	Четвертные	0,2	0,2	0,3	8,9
	Душевые	6,6	0,04	0,2	6,84
И тѣ и другіе		7,3	0,1	0,3	7,9
Бывшіе помѣщичьи		4,1	0,2	0,7	5

Скопинскаго уѣзда.

Бывшіе государствен.	Четвертные	5,1	2,1	0,4	7,6
	Душевые	5,2	0,1	0,3	5,6
И тѣ и другіе		5,2	0,1	0,3	5,6
Бывшіе помѣщичьи		4,1	0,1	1	5,2

Таблица показываетъ, что во всѣхъ уѣздахъ порядокъ разрядовъ по отношенію къ ихъ земельному обезпеченію остается тотъ же, что и по цѣлому району: лучше всѣхъ снабжены землей четвертные, затѣмъ государственные душевые, потомъ бывшіе помѣщичьи.

Подворное распредѣленіе лошадей для разныхъ разрядовъ cadaго уѣзда выразится въ слѣдующихъ процентахъ:

Раненбургскаго уѣзда.

		% къ общему числу дворовъ.			
		Всего лошади.	Съ 1 лош.	Съ 2 лош.	Съ 3 и бол.
Бывшіе государствен.	Четвертные	31	26	24	19
	Душевые	33	30	20	17
И тѣ и другіе		32	30	20	18
Бывшіе помѣщичьи		36	28	20	16

Данковскаго уѣзда.

Бывшіе государствен.	Четвертные	26	24	22	28
	Душевые	31	32	19	18
И тѣ и другіе		29	27	21	23
Бывшіе помѣщичьи		34	26	20	20

Скопинскаго уѣзда.

Бывшіе государствен.	Четвертные	26	22	16	36
				52%	
Бывшіе помѣщичьи	Душевые	33	28	22	17
				39%	
	И тѣ и другіе	32	28	22	18
		41	28	17	14
				31%	

Таблица показываетъ, что и въ отдѣльныхъ уѣздахъ разряды крестьянъ по отношенію къ степени ихъ зажиточности слѣдуютъ въ намѣченномъ ранѣе порядкѣ; только въ Данковскомъ уѣздѣ бывшіе государственные душевые мѣстности выселеній, если не бѣднѣе, то и не зажиточнѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: у послѣднихъ на 3% больше безлошадныхъ домохозяевъ, но за то на 3-же процента у нихъ больше дву и болѣе лошадныхъ.

Разобранныя цифровыя данныя свидѣтельствуютъ о сравнительно большемъ достаткѣ именно тѣхъ разрядовъ крестьянъ, откуда вышелъ и болѣе процентъ переселенцевъ.

Ранѣе, разсматривая силу переселенческихъ хозяйствъ сравнительно съ домохозяйствами, оставшимися на мѣстѣ, мы пришли къ заключенію, что переселенческое движеніе вызывается нуждой, проявляющейся то въ несоотвѣтствіи количества земли съ рабочими силами семьи, то въ недостаткѣ угодій для скота, то въ тяжелыхъ условіяхъ арендованія земли и во многихъ иныхъ, постоянныхъ и временныхъ, неудобствахъ и несчастіяхъ. Такое разнообразіе условій, влекущихъ въ переселенческое движеніе, дѣлаетъ участниками въ немъ не однихъ бѣдняковъ, но и домохозяевъ среднего достатка и даже вполне зажиточныхъ; была даже намѣчена нормальная сила среднего переселенческаго двора, выражающаяся 2,4 головами крупнаго скота и мало измѣняющаяся у различныхъ разрядовъ крестьянъ. Эта норма, вѣроятно, зависитъ отъ стремленія переселенца брать съ собою известную сумму денегъ; не собравъ ее, крестьянинъ избѣгаетъ уходить въ далекую сторону. Правда, мы видѣли, что уходить въ Томскую губ. и менѣе чѣмъ съ 50 р., и даже Христовымъ именемъ, но за то идутъ и „тысячники“, унося съ собою до 5,000 р.; средняя же группа переселенцевъ, взявшихъ отъ 50—300 р., составляетъ главное зерно движенія, вмѣщая въ себѣ 60% всѣхъ выходцевъ. Мы видѣли также, что нужда, вызывая движеніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и задерживаетъ его, видѣли, что это встрѣчается, главнымъ образомъ, у менѣе достаточныхъ помѣщичьихъ крестьянъ. Припомнимъ все это, станетъ ясно, что болѣе достаточный разрядъ крестьянъ можетъ выдѣлить на переселеніе и болѣе % семей.

Большая легкость выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ зависитъ не только отъ большаго ихъ достатка сравнительно съ бывшими помѣщичьими, но и отъ меньшей обремененности

платежами ихъ надѣльной земли, что даетъ имъ возможность безъ всякаго затрудненія передать свой надѣлъ обществу или отдѣльному домохозяину и даже получить за него нѣкоторую сумму денегъ на дорогу. Слѣдующая таблица *) разъяснитъ сказанное:

	Общая сумма платежей (въ рубляхъ).		Платежей на десятину надѣла.	
	Бывш. госуд.	Бывш. помѣщ.	Бывш. госуд.	Быв. помѣщ.
Раненбургскаго уѣзда .	198,009	160,263	2,4	4,6
Данковскаго уѣзда . .	101,419	85,431	2,1	4,4
Скопинскаго уѣзда . .	203,413	14,980	2,4	4,3
По всѣмъ 3-мъ уѣздамъ.	502,841	260,674	2,3	4,5

Тогда какъ бывшіе государственные крестьяне съ десятины надѣла платятъ 2 р. 30 к., бывшіе помѣщичьи почти вдвое болѣе—4 р. 50 к. При такомъ высокомъ платежѣ съ десятины въ нѣкоторыхъ общинахъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ надѣльная земля сдается только за часть платежей, на ней лежащихъ; на примѣръ, переселенцы уже упоминавшихся Демкинскихъ выселокъ сдали свою землю только за выкупные платежи, остальные платежи и повинности они обязались уплачивать сами. Такихъ общинъ въ нашихъ уѣздахъ немного, но и въ остальныхъ бывшіе помѣщичьи крестьяне или вовсе никакой приплаты не получаютъ, или она значительно ниже, чѣмъ у бывшихъ государственныхъ душевыхъ. Бывшіе государственные четвертные находятся еще въ гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ въ этомъ отношеніи: они передъ выходомъ на самару продаютъ свою наследственную землю по 50—70 р. за десятину, получая весьма значительныя для крестьянина средства, что дѣлаетъ для нихъ уходъ на переселеніе особенно легкимъ, причѣмъ во всѣхъ уѣздахъ они уносятъ съ собою наибольшія суммы.

Но однихъ этихъ условій далеко недостаточно для объясненія большихъ выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ помѣщичьими. Такъ, на примѣръ, мы видѣли, что достатокъ (въ тѣхъ общинахъ, откуда происходили переселенія съ 1877 г.) бывшихъ государственныхъ душевыхъ крестьянъ Раненбургскаго уѣзда не особенно превышаетъ зажиточность крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, а, между тѣмъ, % переселеній первыхъ вдвое больше; въ Данковскомъ же уѣздѣ достатокъ обоихъ этихъ разрядовъ мѣстности выселенія одинаковъ, а % выселенія у бывшихъ государственныхъ душевыхъ все же болѣе (въ 1½ раза), чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ. Для объясненія этихъ и подобныхъ имъ фактовъ необходимо имѣть въ виду самый ходъ переселенческаго движенія и нѣкоторыя особенности экономической жизни различныхъ разрядовъ крестьянъ.

Намъ удалось прослѣдить ходъ переселенческаго движенія у бывшихъ государственныхъ крестьянъ съ первыхъ годовъ настоящаго сто-

*) Данныя приведены для мѣстности выселеній, хотя среднія величины почти тѣ же и для уѣздовъ. Количество десятинъ надѣльной земли приведено раньше.

лѣтія; весьма возможно, что оно происходило здѣсь и раньше и сдѣлалось, такимъ образомъ, обычнымъ явленіемъ среди селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ; у нихъ были въ разныхъ мѣстахъ односельцы и даже родные, извѣщавшіе объ условіяхъ жизни на новыхъ мѣстахъ. Ничего подобнаго такимъ переселенческимъ традиціямъ не могло быть у крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, до 1861 г. приврѣленныхъ къ мѣстамъ своего жительства. Мы знаемъ, что и за послѣднее время (съ 1877—82 годъ) % вовлеченныхъ въ движеніе общинъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (56%) значительно превышаетъ тотъ же % у бывшихъ помѣщичьихъ (22%) и видѣли изъ параллельнаго разряда цифръ, что % выселеній тамъ больше, гдѣ болѣе % общинъ участвуетъ въ движеніи. Наконецъ, было констатировано цифрами, что % выселенія разныхъ разрядовъ крестьянъ очень мало разнится, если при выводѣ его принимать во вниманіе не все населеніе разряда или извѣстной территоріи, а только населеніе общинъ, уже давшихъ движенію хотя бы одну семью. Все это приводитъ насъ къ заключенію, что ходъ переселенческаго движенія до и послѣ 1861 г. является весьма вліятельной причиной большаго процента выселеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ сравнительно съ бывшими помѣщичьими; вліяніе же ея должно все болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ привлеченія къ движенію большаго процента общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и по мѣрѣ распространенія свѣдѣній о мѣстахъ переселеній.

Кромѣ этихъ причинъ, *облегчающихъ* движенія на вольныя земли бывшихъ государственныхъ крестьянъ, есть и такія, которыя влекутъ ихъ въ переселенческій потокъ преимущественно предъ разрядомъ бывшихъ помѣщичьихъ. Сюда относятся: болѣе болѣе прироста населенія, болѣе болѣе неравномѣрность въ опредѣленіи земли (у государственныхъ четвертныхъ), менѣе развитые мѣстные заработки, меньшая возможность арендованія вѣнадѣльной пашни, переживаемый ими сельскохозяйственный кризисъ. О значеніи неравномѣрности распредѣленія четвертной земли уже было говорено раньше; здѣсь скажемъ объ остальныхъ намѣченныхъ причинахъ.

Экономически болѣе выгодное положеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ заставляетъ предполагать у нихъ и болѣе плодovitость; дѣйствительно, приростъ населенія у нихъ значительно выше, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; слѣдующая таблица даетъ цифры для сужденія объ этомъ во всей мѣстности выселенія каждаго уѣзда отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ:

		Раненбург.	Данков.	Скопин.	Во всѣхъ	
		уѣзда.	уѣзда.	уѣзда.	3-хъ уѣз.	
Душъ обоого пола.	По X ревизіи.	У быв. госуд.	38,851	20,565	47,353	106,769
		У быв. помѣщ.	28,979	15,843	2,676	47,498
	Наличныхъ (считая съ пере- селенц. съ 1877 г.)	У быв. госуд.	54,737	26,779	68,036	149,552
		У быв. помѣщ.	37,433	20,109	3,530	61,072
% прироста населенія обоого пола.	У быв. госуд.	40	31	43	40	
	У быв. помѣщ.	29	27	32	29	

Приростъ населенія со времени X ревизіи во всѣхъ 261 общинахъ,

участвующихъ въ движеніи, у бывшихъ государственныхъ крестьянъ выше на 11%, чѣмъ у бывшихъ помѣщичьихъ; въ Данковскомъ уѣздѣ разница эта менѣе значительна (только 4%).

Конечно, болѣе возросшее населеніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ дѣлаетъ для нихъ болѣе ощутительной разницу ихъ настоящихъ земельныхъ условій сравнительно съ прежними, чѣмъ для бывшихъ помѣщичьихъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ вмѣстѣ на ревизскую мужскую душу бывшихъ государственныхъ крестьянъ приходилось 4,1 десятины надѣльной земли, на наличную же приходится только 2,3 десятины; у бывшихъ помѣщичьихъ—вмѣсто 2,3 десятины, приходится 1,9 десятины, т.-е.:

У бывшихъ государ. уменьшилось на 1,8 *) десят. на каждую душу.

” ” помѣщ. ” ” 0,6 ” ” ” ”

Понятно, что такое болѣе осязательное стѣсненіе въ земельныхъ условіяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ должно заставлять ихъ выходить на новыя мѣста съ болѣею силой, чѣмъ бывшихъ помѣщичьихъ. Разбираемое вліяніе прироста населенія у разныхъ разрядовъ крестьянъ каждаго уѣзда видно изъ таблицы:

		Десятинъ надѣла на мужскую душу.					
		Раненб. уѣз.		Данк. уѣзд.		Скоп. уѣзд.	
		Въ 1858 г.	Въ 1882 г.	Въ 1858 г.	Въ 1882 г.	Въ 1858 г.	Въ 1882 г.
Бывшіе государст.	Четвертные	4,3	3,2	5,3	3,9	3,6	2,3
	Душевые	4,2	3	4,7	3	3,6	2,3
	И тѣ и другіе	4,3	3	4,8	3,5	3,6	2,4
Бывшіе помѣщичьи		2,4	1,9	2,5	1,9	2,6	1,9
		0,5		0,6		0,7	

Во всѣхъ уѣздахъ разряды крестьянъ по отношенію къ ощутительности земельного стѣсненія отъ прироста населенія слѣдуютъ въ томъ же порядкѣ, какъ и % ихъ выселеній.

Весьма замѣтное стѣсненіе и въ пахотной, и, въ особенности, въ выгонной землѣ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ юга Раненбургскаго уѣзда заставляеть нѣкоторыя общины этого разряда отдѣлять часть пашни подъ выгонъ и переходить отъ пестрополя къ болѣе правильному чередованію хлѣбовъ, къ трехпольному сѣвообороту. Объ этомъ придется говорить нѣсколько дальше; здѣсь же замѣтимъ, что этотъ сельскохозяйственный кризисъ приходится переживать бывшимъ государственнымъ крестьянамъ.

Приведенныя раньше цифры аренды внѣнадѣльной земли показываютъ, что бывшіе государственные крестьяне арендуютъ значительно меньше, чѣмъ бывшіе помѣщичьи: въ мѣстности выселенія всѣхъ 3-хъ уѣздовъ бывшіе государственные снимаютъ среднимъ числомъ на ра-

*) У бывшихъ государственныхъ произошло уменьшеніе надѣла на мужскую душу почти на 1/3 (на 32%), у бывшихъ помѣщичьихъ лишь на 1/4 (на 24%).

ботника 0,3 десятины, а бывшіе помѣщичьи въ 2 $\frac{1}{2}$ раза больше—0,7 десятины; въ Скопинскомъ уѣздѣ эта разница особенно велика: бывшіе помѣщичьи снимаютъ земли на работника въ 3 $\frac{1}{3}$ раза больше, чѣмъ бывшіе государств.: первые—по 1 десят. на работника, вторые—по 0,3 десят. Это нельзя объяснять только бѣльшей надѣленностью земель бывшихъ государственныхъ крестьянъ, а, слѣдовательно, и меньшей потребностью ихъ въ арендѣ: мы видимъ, напримѣръ, что бывшіе государственные четвертные Данковского уѣзда—съ наибольшимъ количествомъ надѣльной земли—арендуютъ больше государственныхъ душевыхъ своего уѣзда и больше государственныхъ душевыхъ и четвертныхъ уѣздовъ Рязанбургскаго и Скопинскаго. Въ Скопинскомъ уѣздѣ бывшіе помѣщичьи и государственные крестьяне меньше, чѣмъ въ двухъ другихъ, отличаются по размѣру надѣла, а, между тѣмъ, въ немъ-то, какъ мы сейчасъ указали, бывшіе помѣщичьи крестьяне особенно превосходятъ государственныхъ количествомъ вѣнадѣльной аренды. Значительно меньшій размѣръ сѣмной земли у бывшихъ государственныхъ крестьянъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ ихъ невыгоднаго положенія вдали частновладѣльческихъ имѣній: болѣе близкіе къ послѣднимъ крестьяне, бывшіе помѣщичьи, забираютъ болѣешую часть сдаваемой земли. Въ Скопинскомъ уѣздѣ это особенно ясно: вся западная половина его почти сплошь заселена крестьянами, принадлежащими къ вѣдомству государственнаго коннозаводства; только изрѣдка между ихъ землями попадаютъ надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и частновладѣльческой имѣнія; конечно, аренда земли здѣсь возможно лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Такимъ положеніемъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ по отношенію къ частновладѣльческимъ экономіямъ объясняется и меньшее развитіе у нихъ мѣстныхъ *) заработковъ, которые, какъ мы видѣли, по преимуществу состоятъ изъ работъ на землѣ частныхъ владѣльцевъ. На западѣ Скопинскаго уѣзда, напримѣръ, мѣстные заработки почти вовсе не развиты. Недостатокъ же арендованной земли и малое развитіе мѣстныхъ промысловъ должны повліять на усиленіе переселенческаго движенія изъ разряда бывшихъ государственныхъ крестьянъ преимущественно предъ бывшими помѣщичьими, у которыхъ и аренда земли, и мѣстные заработки развиты нѣсколько сильнѣе.

Постараемся теперь выяснитъ, отъ чего зависятъ переселенія изъ извѣстныхъ мѣстностей каждаго уѣзда. Для этого раздѣлимъ всѣ общины на двѣ части: въ одну войдутъ тѣ, гдѣ былъ хотя одинъ случай переселеній съ 1877 г., т. е. вся мѣстность выселенія, въ другую—всѣ остальные; сдѣлавъ соотвѣтствующую группировку глав-

*) Вотъ проценты всѣхъ семей, высылающихъ хоть одного изъ своихъ рабочихъ на мѣстные заработки, у главныхъ разрядовъ крестьянъ дѣльных уѣздовъ; проценты взяты изъ „Сборника статистич. свѣдѣній по Рязанской губ.“, т. II:

	Рязанб. у.	Данк. у.	Скоп. у.
У бывшихъ государственныхъ.	41%	41%	31%
„ „ помѣщичьихъ.	63%	64%	58%

ныхъ экономическихъ факторовъ и главныхъ признаковъ достатка, посмотримъ каковы они въ мѣстности выселенія и въ остальномъ районѣ. Въ дальнѣйшихъ таблицахъ цифровыя данныя о переселенцахъ присчитаны по тѣмъ же соображеніямъ, какія были высказаны нѣсколько раньше. Приведемъ сначала выведенныя указаннымъ способомъ абсолютныя цифры:

Мѣстности.	Число наличныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.				
	Дворъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Вынаѣль- ной арендн.	Безлопа- ныхъ.	Съ 1-ю ло- шадью.	Съ 2-мя ло- шадьми.	Съ 3-мя лоша- ми и болѣе.	
Раменбургскаго уѣзда.										
Мѣстность выселенія . . .	14.122	22.108	118.309	4.721	8.183	4.814	4.020	2.894	2.394	
Остальной районъ . . .	7.969	11.878	46.052	6.818	9.867	2.987	2.124	1.468	1.390	
Даниовскаго уѣзда.										
Мѣстность выселенія . . .	7.004	11.139	67.139	1.696	5.645	2.167	1.866	1.427	1.543	
Остальной районъ . . .	8.764	13.207	62.943	482	8.147	3.147	2.125	1.740	1.753	
Скопимскаго уѣзда.										
Мѣстность выселенія . . .	9.985	17.026	87.843	2.090	5.918	3.327	2.796	2.130	1.732	
Остальной районъ . . .	10.891	17.225	84.560	5.496	16.685	3.664	2.816	2.323	2.088	
По вѣстмъ 3 уѣздамъ.										
Мѣстность выселенія . . .	31.111	50.273	273.291	8.507	19.746	10.308	8.682	6.451	5.669	
Остальной районъ . . .	27.624	42.310	193.555	12.796	34.699	9.798	7.065	5.531	5.231	

Изъ данныхъ таблицы опредѣлимъ сначала количество земли, приходящееся на работника обѣихъ мѣстностей всѣхъ уѣздовъ вмѣстѣ:

Десятинъ на работника.

	Надѣль- ныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.
Мѣстность выселенія	5,4	0,2	0,4	6
Остальной районъ	4,6	0,2	0,3	5,1

Такимъ образомъ, въ среднемъ выводѣ для всего района изслѣдованія тѣ общины, откуда происходили переселенія съ 1877 года, были нѣсколько лучше обставлены въ земельномъ отношеніи: у нихъ каждый работникъ былъ снабженъ на 0,8 десят. надѣльной земли больше, чѣмъ въ томъ районѣ, откуда не было вовсе переселеній. Хотя въ мѣстности выселенія было меньше собственной и арендной земли, но все же и вмѣстѣ съ ними средній рабочий района, недавшаго переселенцевъ, былъ бѣднѣе землей на 0,3 десятины.

Сравнительная экономическая сила обѣих мѣстностей 3-хъ уѣздовъ видна изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

	% къ общему числу дворовъ.			
	Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лош. и болѣе.
Мѣстность выселенія	33	28	21	18
			39	
Остальной районъ	35	26	20	19
			39	

Повидимому, и экономическій достатокъ мѣстности выселенія былъ нѣсколько выше, такъ какъ въ ней безлошадныхъ дворовъ было на 2% меньше, чѣмъ въ остальномъ районѣ, а проценты дву и болѣе лошадныхъ тамъ и тамъ одинаковы.

Теперь посмотримъ, какъ снабжены землей обѣ мѣстности каждаго уѣзда:

	Десятинъ на работника.			
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
<i>Раненбургскаго уѣзда.</i>				
Мѣстность выселенія	5,4	0,2	0,1	6
Остальной районъ	3,8	0,6	0,8	5,2
				} + 0,8
<i>Данковскаго уѣзда.</i>				
Мѣстность выселенія	6	0,2	0,8	6,7
Остальной районъ	4,8	0,4	0,6	5,44
				} + 1,26
<i>Скопинскаго уѣзда.</i>				
Мѣстность выселенія	5,2	0,1	0,3	5,6
Остальной районъ	4,9	0,3	1	6,2
				} - 0,6

Т.-е. въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ мѣстности выселенія имѣли больше земли на работника, въ Скопинскомъ же было больше земли (всей вообще) въ тѣхъ общинахъ, которыя не приняли участія въ переселенческомъ движеніи.

То же самое придется повторить и относительно зажиточности: въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ мѣстность выселенія пользовалась большимъ достаткомъ, въ Скопинскомъ — нѣсколько меньше. Это видно изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

	% къ общему числу дворовъ.			
	Безлошадныхъ.	Съ 1 лошадью.	Съ 2 лошадьми.	Съ 3 лош. и болѣе.
<i>Раненбургскаго уѣзда.</i>				
Мѣстность выселенія	34	28	21	17
			38	
Остальной районъ	38	27	18	17
			35	
<i>Данковскаго уѣзда.</i>				
Мѣстность населенія	30	28	20	22
			42	

Остальной районъ	36	24	20	20
			40	

Скопинскаго уѣзда.

Мѣстность выселенія	33	28	21	18
			39	

Остальной районъ	33	27	21	19
			40	

Констатированная цифрами нѣсколько большая надѣленность и немного высшій экономическій достатокъ мѣстности выселенія зависятъ отчасти отъ преобладанія въ ней бывшихъ государственныхъ крестьянъ:

Душъ обоюго пола въ мѣстности выселенія.
Высшихъ государственныхъ.

	Всего.	Число.	%
Раненбургскаго уѣзда	92,170	54,407	59
Данковскаго "	46,888	26,779	57
Скопинскаго "	71,566	68,012	95
Итого	210,624	149,108	71%

Но о причинахъ болѣе сильнаго выселенія изъ среды крестьянъ, бывшихъ государственныхъ, было уже сказано, а чтобы понять причину выселенія по мѣстностямъ, независимо отъ разрядовъ крестьянъ, надо изолировать вліяніе послѣднихъ. Для этого посмотримъ, каковы экономическія условія и достатокъ мѣстности выселенія каждаго уѣзда сравнительно съ остальнымъ райономъ того же разряда крестьянъ. Необходимыя для того сырыя цифры въ мѣстности выселенія каждаго разряда уже приведены раньше; теперь приводимъ ихъ лишь для района общинъ, стоящихъ внѣ движенія (остальной районъ).

Въ общинахъ, не давшихъ съ 1866 г. переселенческому движенію ни одной семьи. (Остальной районъ).	Число на-личныхъ.		Число десятинъ.			Число дворовъ.			
	Дворовъ.	Рабочихъ мужчинъ.	Надѣльной земли.	Собственной земли.	Вывѣдъ-ной аренд.	Возлош-ныхъ.	Съ 1 лоша-д.	Съ 2 лоша-д.	Съ 3 и бо-лѣе.
Раненбургск. уѣзда.									
Бывшіе государств.	604	972	6.124	691	407	206	148	107	143
Бывшіе помѣщичьи.	7.365	10.906	39.928	2.153	8.454	9.781	1.976	1.361	1.247
Данковскаго уѣзда.									
Бывшіе государств.	1.607	2.290	16.709	27	548	592	409	314	292
Бывшіе помѣщичьи.	7.157	10.917	46.234	455	7.599	2.552	1.716	1.427	1.463
Скопинскаго уѣзда.									
Бывшіе государств.	5.131	8.587	48.297	3.265	3.314	1.712	1.307	1.104	1.008
Бывшіе помѣщичьи.	5.760	8.635	36.263	2.230	8.372	1.652	1.509	1.219	1.080
По вѣсть 3-мъ уѣздамъ.									
Бывшіе государств.	7.342	11.849	71.130	3.983	4.269	2.510	1.864	1.525	1.443
Бывшіе помѣщичьи.	20.282	30.458	122.435	4.838	25.425	7.285	5.201	4.007	3.790

Сравнимъ сначала достатокъ и земельныя условія мѣстности выселенія и остального района каждаго разряда въ 3-хъ уѣздахъ вмѣстѣ:

		Десятинъ на работника:			
		Надѣльныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.
Бывшіе госу- дарственныя.	Мѣстность выселенія . .	6,11	0,1	0,3	6,5
	Остальной районъ . . .	6	0,3	0,4	6,7
Бывшіе помѣ- щичьи.	Мѣстность выселенія . .	4	0,2	0,7	4,9
	Остальной районъ . . .	4	0,2	0,3	5

Мы видимъ, что въ среднемъ выводѣ для всего района изслѣдованія какъ бывшіе государственные, такъ и бывшіе помѣщичьи крестьяне выселялись изъ общинъ, даже нѣсколько хуже обставленныхъ въ земельномъ отношеніи, чѣмъ остальные общины соответствующаго разряда.

Экономическая сила домохозяйствъ мѣстности выселенія тоже была скорѣе немного ниже, чѣмъ въ остальномъ районѣ того же разряда:

		% въ общему числу дворовъ.			
		Безлошад- ныхъ.	Съ 1 ло- шадью.	Съ 2 ло- шадьями.	Съ 3 и болѣе.
Бывшіе го- сударст- венныя.	Мѣстность выселенія	32	28	21	19
	Остальной районъ.	34	25	21	20
				40	
				41	
Бывшіе по- мѣщичьи.	Мѣстность выселенія	36	27	20	17
	Остальной районъ.	36	26	20	18
				37	
				38	

По отдѣльнымъ уѣздамъ мы получимъ слѣдующее количество земли на работника для обѣихъ мѣстностей каждаго разряда:

Раненбургскаго уѣзда.

		Надѣльныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.	
Бывшіе госу- дарственныя.	Мѣстность выселенія	6,1	0,2	0,2	6,5	} -0,6
	Остальной районъ .	6,3	0,7	0,4	7,4	
Бывшіе помѣ- щичьи.	Мѣстность выселенія	3,9	0,3	0,6	4,8	} 0
	Остальной районъ .	3,7	0,2	0,9	4,8	

Дажковскаго уѣзда.

		Надѣльныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.	
Бывшіе госу- дарственныя.	Мѣстность выселенія	7,5	0,1	0,3	7,9	} +0,39
	Остальной районъ .	7,3	0,01	0,2	7,51	
Бывшіе помѣ- щичьи.	Мѣстность выселенія	4,1	0,2	0,7	5	} +0,06
	Остальной районъ .	4,2	0,04	0,7	4,94	

Скопинскаго уѣзда.

		Надѣльныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообще.	
Бывшіе госу- дарственныя.	Мѣстность выселенія	5,2	0,1	0,3	5,6	} -0,8
	Остальной районъ .	5,6	0,4	0,4	6,4	
Бывшіе помѣ- щичьи.	Мѣстность выселенія	4,1	0,1	1	5,2	} -0,3
	Остальной районъ .	4,2	0,3	1	4,5	

Мы видимъ, что землевладѣніе и землепользованіе обѣихъ мѣстностей каждаго разряда весьма мало разнится во всѣхъ уѣздахъ; эта разница нѣсколько замѣтнѣе у бывшихъ государственныхъ крестьянъ: въ Скопинскомъ и Раненбургскомъ уѣздахъ средней рабочей мѣстности выселенія былъ бѣднѣе землей болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ десятины сравнительно съ среднимъ рабочимъ остальнаго района, въ Данковскомъ же наоборотъ: средней рабочей мѣстности выселенія имѣлъ въ своемъ пользованіи на 0,4 десятины больше.

Подобныя же колебанія мы замѣтимъ и по отношенію къ экономической силѣ домохозяйствъ обѣихъ мѣстностей въ обоихъ разрядахъ каждаго уѣзда:

		% къ общему числу дворовъ.			
		Безлошад. Съ 1 лош.		Съ 2 лош. Съ 3 лош.	
<i>Раненбургскаго уѣзда.</i>					
Быв. государств.	Мѣстность выселенія . . .	32	30	20	18
	Остальной районъ . . .	34	25	18	24
				38	
				42	
Быв. помѣщич.	Мѣстность выселенія . . .	36	28	20	16
	Остальной районъ . . .	38	27	18	17
				36	
				35	
<i>Данковскаго уѣзда.</i>					
Быв. государств.	Мѣстность выселенія . . .	29	27	21	23
	Остальной районъ . . .	37	25	20	18
				44	
				38	
Быв. помѣщич.	Мѣстность выселенія . . .	34	26	20	20
	Остальной районъ . . .	36	24	20	20
				40	
				40	
<i>Скопинскаго уѣзда.</i>					
Быв. государств.	Мѣстность выселенія . . .	32	28	22	18
	Остальной районъ . . .	33	25	22	20
				40	
				42	
Быв. помѣщич.	Мѣстность выселенія . . .	41	28	17	14
	Остальной районъ . . .	34	26	21	19
				31	
				40	

Достатокъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ мѣстности выселенія въ Раненбургскомъ и Скопинскомъ уѣздахъ ниже, а въ Данковскомъ выше, чѣмъ въ остальномъ районѣ; у бывшихъ помѣщичьихъ разница замѣтна въ Скопинскомъ уѣздѣ, гдѣ хозяйство крестьянъ

мѣстности выселенія значительно болѣе распатано, чѣмъ въ общинахъ, не выдѣлившихъ изъ себя переселенцевъ; у послѣднихъ, какъ видно изъ предъидущей таблицы, и земли нѣсколько меньше (на 0,3 десятины на работника).

Только что разобранныя цифры заставляютъ насъ придти къ выводу, что (если устранить вліяніе разрядовъ крестьянъ) причина выселенія изъ цѣлыхъ районовъ находится въ весьма малой зависимости отъ ихъ земельныхъ условій и достатка ихъ населенія.

Въ чемъ же слѣдуетъ видѣть причину выселеній изъ данныхъ районовъ и чѣмъ задерживаются они въ остальныхъ мѣстностяхъ нашихъ уѣздовъ? Уже изъ первой главы настоящаго изслѣдованія и изъ только что разобранныхъ цифръ можно видѣть, что болѣе значительный выходъ крестьянъ на переселеніе изъ известной мѣстности зависитъ отъ сгущенія въ ней государственныхъ крестьянъ, а также отъ близкаго положенія къ ней первоначальныхъ центровъ удачнаго направленнаго движенія. Это станетъ еще яснѣе, когда мы поближе взглянемъ въ цѣлыя поуѣздныя площади и въ естественныя группы волостей, на которыя всѣ онѣ разбиты нами по процентамъ выселеній изъ нихъ.

Начнемъ съ выселеній изъ цѣлыхъ уѣздовъ. Но, чтобы въ дальнѣйшемъ изложеніи не приводить цифровыхъ данныхъ, безъ которыхъ легко можно обойтись, необходимо сдѣлать здѣсь небольшую оговорку. Мы не разъ уже убѣждались, насколько тѣсна связь земельныхъ условій крестьянъ нашего района и ихъ достатка, признакомъ котораго для нашей земледѣльческой мѣстности мы брали подворное распределеніе лошадей; мы видѣли, что между этими данными всегда существуетъ прямая зависимость: чѣмъ больше приходится надѣльной, собственной и арендной земли на работника, тѣмъ выше благосостояніе средней семьи, и обратно: чѣмъ земли меньше, тѣмъ ниже достатокъ взятой группы. Поэтому-то мы считаемъ вполне возможнымъ, не входя въ разборъ достатка крестьянъ послѣдующихъ группъ, судить о немъ по количеству земли на ихъ средняго работника.

Намъ извѣстно, что по % выселеній изслѣдуемые нами уѣзды мало разнятся другъ отъ друга, но все же изъ Раненбургскаго уѣзда идутъ наиболѣе сильныя выселенія (съ X ревизіи онъ выдѣлилъ 7% своего населенія), наименѣе сильныя — изъ Скопинскаго (5%), Данковскій же занимаетъ среднее мѣсто, давъ движенію 6%. Мы познакомились съ причинами выхода съ родины отдѣльныхъ семей; теперь выяснимъ, гдѣ искать причину указанной разницы поуѣздныхъ % выселенія. Обратимся сначала къ земельнымъ условіямъ, которыя, какъ замѣчено, укажутъ намъ и средній достатокъ уѣзда. Вотъ необходимыя для вывода сырыя цифры по цѣлымъ уѣздамъ:

	Наличныхъ рабочихъ *)	Всѣхъ десятинъ.		
		Надѣльн.	Собствен.	Аренд. **)
Раненбургскаго уѣзда.	33,986	164,361	7,443	26,899
Данковскаго уѣзда.	24,346	130,082	2,125	20,603
Скопинскаго уѣзда.	34,248	172,403	7,573	26,124

*) Здѣсь приложены и рабочіе переселенческихъ семей, вышедшихъ съ 1877—82 г.

**) Арендная пашня взята въ 3-хъ поляхъ и къ ней приложенъ арендуемый лугъ; принята во вниманіе только внѣнадѣльная аренда.

Выводя среднія количества на рабочаго, получимъ:

	Десятинъ на работника.				Всѣхъ Проценты вообще. выселеній.
	Надѣльн.	Собствен.	Арендн.	вообще.	
Раненбургскаго уѣзда. . .	4,8	0,2	0,8	5,8	7
Данковскаго уѣзда. . .	5,3	0,1	0,9	6,3	6
Скопинскаго уѣзда. . .	5	0,2	0,8	6	5

Мы видимъ, что разница земельныхъ условій (а, слѣдовательно, и достатка) уѣздовъ *весьма не существенна*; но даже если бы и придавать ей значеніе, разница въ процентахъ выселеній не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ разницы въ земельныхъ условіяхъ, — онѣ совершенно не соотвѣтствуютъ другъ другу: средній по % выселеній Данковскій уѣздъ наилучше обставленъ въ земельномъ отношеніи.

И такъ, болѣшимъ или меньшимъ достаткомъ крестьянъ нашихъ уѣздовъ нельзя объяснить разницы въ % выселеній изъ нихъ. Но мы видѣли уже, что бывшіе государственные крестьяне (въ силу разобранныхъ нами условій ихъ жизни) даютъ болѣшій % выселеній; видѣли и то, насколько могущественно дѣйствуетъ на усиленіе движенія удачный выборъ его направленія: въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ оно сильно возрасло въ послѣднее время въ значительной степени и оттого, что получались благопріятныя вѣсти отъ выходцевъ въ Томскую губ.; въ Скопинскомъ же уѣздѣ удвоеніе процентовъ ежегодныхъ переселеній послѣдняго шестилѣтія, главнымъ образомъ, слѣдуетъ объяснить смѣной южнаго направленія восточнымъ, „степнаго“ — томскимъ. Посмотримъ, насколько цифры подтверждаютъ намѣченную зависимость для поуѣздныхъ площадей:

	Душъ обоаго пола по X ревизіи. % выселеній У бывшихъ государс. въ Сибирь.			
	Всего	Число.	%	съ 1858 г.
Раненбургскаго уѣзда. . . .	103,098	41,222	40	76
Данковскаго уѣзда.	78,169	28,617	36	65
Скопинскаго уѣзда.	101,549	71,729	71	12

Въ Раненбургскомъ уѣздѣ по сравненію съ Данковскимъ и % бывшихъ государственныхъ нѣсколько больше, и наиболѣе удачное — томское — направленіе нѣсколько сильнѣе развито; это, вѣроятно, и по-вышаетъ на 1% выселенія изъ перваго уѣзда. Въ Скопинскомъ уѣздѣ, несмотря на значительное преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ, малый % „томенцовъ“ (12%) сдержалъ выселенія на 2% противъ Раненбургскаго уѣзда. Только благодаря чрезвычайно большому числу бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ Скопинскомъ уѣздѣ и указанной уже скученности ихъ въ его западной части, изъ него и могла выйти такая масса крестьянъ (73% всѣхъ его переселенческихъ семей) по значительно менѣе удобному — южному — направленію: много они тогда не знали, а тѣснота давно уже погнала ихъ „въ степь“, на земледѣльческіе и иные отхожіе заработки; поэтому-то изъ Скопинскаго уѣзда въ первый 18-ти лѣтній періодъ (съ 1859—77 г.) и вышла такая масса всѣхъ его выходцевъ (4/3), пока неудобство

ожного направлення не выяснилось окончательно; тогда переселенія приостановились, но съ 1877 г. снова начали усиливаться, получивъ новое—восточное направленіе.

Посмотримъ теперь, какъ степень сгущенности бывшихъ государственныхъ крестьянъ и ходъ движенія вліяли на % выселенія по группамъ волостей, отмѣтимъ и частныя уклоненія этихъ процентовъ въ отдѣльныхъ волостяхъ подъ вліяніемъ иныхъ дѣятелей. Начнемъ съ Раненбургскаго уѣзда, а въ немъ—съ его трехъ первыхъ группъ, заключающихъ въ себѣ всѣ волости, кромѣ одной. Вотъ сырыя цифры, необходимыя для сужденія о земельныхъ условіяхъ этихъ группъ:

	Наличныхъ рабочихъ.	Всѣхъ десятинъ.		
		Надѣльныхъ.	Собствен.	Арендныхъ.
I группа	5,751	36,486	277	1,400
II "	11,887	61,917	1,300	6,241
III "	15,458	62,008	4,074	18,002

А, выводя среднее количество земли на каждого рабочего, получимъ:

	Десятинъ на работника.				% выселеній всѣхъ вооб. съ 1859—82 г.
	Надѣльн.	Собств.	Аренди.	Всѣхъ вооб.	
I группа	6,3	0,1	0,2	6,6	18
II "	5,2	0,2	0,3	5,9	8
III "	4	0,3	1,1	5,4	2

Т.-е., какъ будто, % выселеній стоитъ въ прямой зависимости отъ земельныхъ условій и экономическаго достатка группы: выселеніе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше благосостояніе группы. Но такія земельныя условія находятся въ тѣсной связи съ относительнымъ количествомъ въ нихъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ:

Въ I группѣ на 16,995 рев. душъ об. п. 15,361 душа быв. гос., т.-е. 90%
 Во II " " 35,713 " " " " 19,433 души " " т.-е. 54%
 Въ III " " 47,600 " " " " 6,263 " " " т.-е. 13%

А мы уже познакомились съ причинами выселеній изъ разряда бывшихъ государственныхъ и видѣли, что болѣе сильный выходъ изъ него на переселеніе зависитъ далеко не отъ одного размѣра ихъ надѣла, а и отъ многихъ иныхъ условій, которыя дѣйствительно и имѣются на лицо во всѣхъ 3-хъ волостяхъ I группы, такъ какъ ни въ одной изъ нихъ нѣтъ меньше 75% бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Но, напримѣръ, во главѣ II группы стоитъ Головинщинская волость, сплошь состоящая изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, а между тѣмъ, изъ нея выселилось 15% всего населенія, а въ Старовленовской волости III группы, давшей только 1% выселенцевъ,—84% бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Чтобы понять эти уклоненія, надо пояснѣе представить себѣ географическое положеніе волостей и группъ, а также ходъ распространенія движенія по площади уѣзда.

Въ началѣ настоящаго изслѣдованія было замѣчено, что наши группы волостей суть сплошныя территоріальныя пространства. Всѣ три волости I группы (Путятинская, Колыбельская и Зенвинская) лежатъ близъ тамбовской границы, на самомъ югѣ Раненбургскаго уѣзда; изъ

этих-то волостей, какъ мы знаемъ, и началось съ давнихъ поръ переселенческое движеніе; изъ нихъ же пошли первые „томенцы“, благодаря родственнымъ связямъ съ переселенцами Тамбовской губ.; а мы видѣли, какое громадное значеніе для цѣлыхъ поуѣздныхъ площадей имѣютъ ходъ движенія и удачный выборъ его направленія; то же вполне приложимо и къ разсматриваемымъ группамъ. Изъ волостей I группы движеніе стало распространяться къ сѣверу уѣзда; ближайшими къ нимъ волостями на этомъ пути были: Головинщинская *) и двѣ пригородныя (Кривополянская и Брючкова); первая, несмотря на то, что состоитъ исключительно изъ бывшихъ помѣщичьихъ, дала 15%, вторая и третья—только по 5% переселенцевъ, хотя около 3/10 ихъ населенія составляютъ бывшіе государственные крестьяне, а по близости къ центру движенія всѣ онѣ расположены одинаково. Такое уклоненіе несомнѣнно объясняется подгороднымъ положеніемъ послѣднихъ двухъ волостей. Изъ самыхъ пригородныхъ слободъ выселеній вовсе нѣтъ: крестьяне здѣсь даже подсмѣиваются надъ ушедшими на самару изъ другихъ селеній, говоря: „ушли въ Сибирь,—такъ и найдутъ тамъ жизнь сибирскую,—хуже чего ужь!“ Вообще у слободскаго, малоземледѣльческаго населенія, занятаго мастерствомъ и разными работками въ городѣ, бросающаго земледѣліе больше подъ влияніемъ послѣдняго и только изрѣдка по малоземелію,—у такого населенія не могло появиться много переселенцевъ, ищущихъ земельного пространства за тысячи верстъ.

За этими волостями лежитъ Ломовская, съ 68% бывшихъ государственныхъ крестьянъ, но болѣе удаленная отъ центра движенія, чѣмъ Головинщинская, и давшая только 13% выселеній; за ними—и почти въ порядкѣ процентовъ—расположены остальные волости II группы. Только Карповская волость, находясь между Головинщинской (15%) и Гагинской (8%), дала лишь 1% переселенцевъ, такъ что ее, какъ сказано, пришлось отнести къ третьей группѣ; такое уклоненіе было уже приводимо, какъ примѣръ вліянія крайней бѣдности крестьянъ; бѣдность не даетъ имъ силы собрать необходимыя средства для ухода въ Сибирь и для уплаты долговъ и недоимокъ. Дѣйствительно, это самая бѣдная волость уѣзда, судя по среднему количеству скота на домохозяйина и по проценту безлошадныхъ дворовъ; бѣднѣе ея лишь подгородная Брючкова, но та, какъ мы замѣтили, мало и занимается земледѣліемъ, сдавая массу своихъ земель сосѣднимъ крестьянамъ. Вотъ относительныя величины для всего Раненбургскаго уѣзда, для подгородной и Карповской волостей, позволяющія составить понятіе объ экономическомъ характерѣ и силѣ Карповской волости:

	Брючкова волость	Карпов. волость	Весь Ра- ненбург. у.
Головъ крупнаго скота на дворъ	1,7	1,7	2,6
% безлошадныхъ дворовъ	57	46	36
% всѣхъ мѣстныхъ промысловыхъ семей . .	58	54	54
% рабочихъ, занятыхъ отхожими заработками.	21	46	20

*) На почвенной картѣ Рязанской губ. село Головинщино названо Алексѣевскимъ.

Кромѣ сказаннаго, мы видимъ изъ этой таблички, что Карповская волость, занимая свои семьи мѣстными заработками не меньше средняго по уѣзду, вынуждена отпускать на сторону чуть не $\frac{1}{2}$ своихъ взрослыхъ рабочихъ, т.-е. въ $2\frac{1}{3}$ больше средняго по уѣзду. Все это достаточно свидѣтельствуетъ о выдающемся низкомъ уровнѣ благосостоянія Карповской волости; если добавить, что она вся состоитъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, то станетъ вполне понятнымъ ея исключительное положеніе среди волостей съ сильно развитымъ переселенческимъ движеніемъ.

Волости III группы, расположенныя къ сѣверо-востоку отъ двухъ первыхъ группъ, значительно болѣе удалены отъ центра движенія и состоятъ почти изъ сплошнаго населенія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; такой характеръ ихъ, а также и двѣ названныя выше пригородныя волости какъ бы заслонили собой развитіе движенія по ихъ направленію, уклонивъ его къ сѣверо-западу отъ главнаго центра, т.-е. отъ I группы. Въ III группѣ обращаютъ на себя вниманіе Сергіево-Шереметевская волость, стоящая во главѣ группы, хотя населена исключительно бывшими помѣщичьими крестьянами, и Старо-Кленская—лишь съ 1% выселеній, хотя въ ней 84% крестьянъ, бывшихъ государственныхъ. Но о массовомъ выселеніи въ Ставропольскую губ. изъ Сергіево-Шереметевской волости около 1863 г. уже было говорено при историческомъ обзорѣ движенія: большая часть „ставропольцевъ“ возвратилась на родину, да и остальные плохо устроились на новомъ мѣстѣ, но все же своимъ уходомъ уменьшили населеніе волости на 5%; теперь выселенія изъ Сергіево-Шереметевской волости вовсе прекратились, такъ какъ о томскомъ направленіи сюда еще не дошли слухи, а Ставропольская губ. уже никого не влечетъ къ себѣ. Старо-Кленская волость, расположенная вблизи волостей, населенныхъ бывшими помѣщичьими крестьянами, имѣетъ и вполне сходный съ ними характеръ; въ ней довольно сильно развиты не только мѣстные земледѣльческіе заработки, но и составляютъ весьма существенное подспорье земледѣлію другіе промыслы, особенно шерстобитство и валање сапоговъ.

Салтыковская волость, составляющая IV группу, стоитъ внѣ связи съ движеніемъ трехъ первыхъ группъ. Хотя 95% ея крестьянъ принадлежатъ къ разряду бывшихъ помѣщичьихъ, но она первая по благосостоянію волостей Раненбургскаго уѣзда. Всѣхъ рабочихъ мужичинъ (считая и переселенцевъ) въ ней было около 1877 г. 890.

Надѣльной земли	3,950	десятинъ	или	на	работника	4,4	десят.
Собственной	1,905	"	"	"	"	2,1	"
Арендной	1,151	"	"	"	"	1,3	"

Т.-е. на средняго работника всей земли приходилось $7,8$ десят. Изъ 76 семей, ушедшихъ на переселеніе, почти $\frac{1}{2}$ (36) взяли съ собой 300 и болѣе рублей и только 21 семья понесла на новыя мѣста менѣе 150 р. Такимъ образомъ, мы видимъ, что изъ Салтыковской волости пошли весьма зажиточные крестьяне; шли они отъ сильной тѣс-

ноты въ выгонахъ (почти всѣ пораспаханы), отъ тѣсноты усадебъ, доходившей до того, что по 3 двора строились другъ за другомъ, и отъ сильнаго поднятія арендныхъ цѣнъ на землю. Почти всѣ переселенцы отсюда направились въ Стерлитамакскій уѣздъ, Уфимской губ., въ 1876 и 1877 гг. Около этого времени салтыковцы прослышали о тамошнемъ привольѣ отъ одного знакомаго барина и послали на осмотръ земли двухъ ходоковъ; ходоки одобрили мѣста и повели за собой своихъ земляковъ въ Уфимскую губернію. Наибольше зажиточные переселенцы устроились тамъ хорошо, купивъ себѣ земли (по 15—23 р. за десятину); большинство же поселилось на арендной землѣ, платя первое время по 1 руб. за хозяйственную десятину чернозема; но теперь цѣны на землю сильно поднялись. Хотѣли еще выйти въ Уфимскую губ. до 50 семей изъ села Салтыковъ; послали вторыхъ ходоковъ. Ходоки попали въ Уфимскую губ. въ неурожайный годъ и не одобрили тамошнихъ мѣстъ; притомъ же, они, повидавъ своихъ земляковъ, ушедшихъ въ Стерлитамакскій уѣздъ, рассказывали, что немногіе выиграли отъ переселенія, а что есть и такіе, которые совсѣмъ живутъ плохо: по работникамъ да по квартирамъ, не имѣя своего хозяйства и даже избы. Хотя ходоки и говорили, что тамъ стоятъ высокія цѣны на трудъ, что многорабочей семьѣ можно живо подняться, но общій ихъ отзывъ былъ таковъ, что движеніе ихъ въ Уфимскую губ. остановилось, а объ Томской губ. здѣсь совсѣмъ не слышали: это самая сѣверная волость уѣзда, наибольше удаленная отъ южнаго центра движенія.

Волости Данковскаго уѣзда разбиты на 3 группы: первая состоитъ изъ одной Бигильдинской волости, лежащей на лѣвомъ берегу Дона, почти въ центрѣ уѣзда; вторая—изъ 6 волостей—расположена въ сѣверо-востоку отъ первой; остальные 13 волостей образовали третью группу, занимающую югъ и западъ уѣзда. Абсолютныя цифры, характеризующія ихъ земельныя условія, таковы:

	Наличныхъ рабочихъ.	Всѣхъ десятинъ.		
		Надѣль- ныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.
I группа	1,332	9,685	267	798
II „	7,815	37,679	978	9,206
III „	15,199	82,618	880	10,599

Среднія количества земли на рабочаго:

	Десятинъ на работника.				% выселе- ній съ 1859—82 г.
	Надѣль- ныхъ.	Собствен- ныхъ.	Аренд- ныхъ.	Всѣхъ вообщо.	
I группа	7,3	0,2	0,6	8,1	21
II „	4,8	0,1	1,2	6,1	9
III „	5,1	0,1	0,7	6,2	2

Проценты выселеній II и III группъ уже никакъ нельзя ставить въ связь съ ихъ земельными условіями; значительное же количество земли на работника I группы зависитъ отъ того, что вся эта волость состоитъ изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, тогда какъ ни въ

одной из остальных групп этот разряд не составляет и $\frac{1}{2}$ всего населенія:

Въ I группѣ на	4,468	рев. душъ об. п.	4,468	душъ быв. гос. т.-е.	100%
Во II	24,717	" " " "	4,144	души	17%
Въ III	48,984	" " " "	20,005	душъ	41%

Эти цифры показываютъ, что и преобладаніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ не могутъ быть объяснены %/о выселеній изъ II и III волостныхъ группъ Данковскаго уѣзда. Только послѣдовательный ходъ переселенческаго движенія даетъ удовлетворительное объясненіе такой неравномѣрности выселеній.

Мы видѣли уже, что въ Данковскомъ уѣздѣ было два центра движенія: на югѣ и въ срединѣ его. Переселенія съ юга уѣзда намъ удалось прослѣдить до 20-хъ годовъ настоящаго столѣтія, когда шли значительныя выселенія въ Самарскую губернію изъ Орловки, Звѣрева, Зашева и Телепнева *); мы видѣли, какъ это направленіе сильно дискредитировалось послѣ неудачнаго переселенія 70-хъ годовъ, какъ вслѣдствіе этого вовсе остановилось движеніе изъ южныхъ волостей уѣзда (извѣстія о Томской губерніи только что начали проникать сюда). Движеніе на вольныя земли изъ втораго переселенческаго центра—изъ Бигильдинской волости—начались, по крайней мѣрѣ, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія; въ то же время, шли переселенія изъ смежныхъ съ Бигильдинымъ селеній Долгаго и Малиновъ, принадлежащихъ къ волостямъ Долговской и Кудрявской (Воскресенской тожь). Мы знаемъ, что съ 70-хъ годовъ здѣсь (главнымъ образ., въ Бигильдинской волости) привилось томское направленіе переселеній и что съ тѣхъ поръ оно усиливается. Изъ Бигильдина (Сурки тожь) движеніе стало распространяться во всѣ стороны, кромѣ юга, гдѣ пригородная Богословская волость, смежная съ Бигильдинской, еще болѣе безусловно отнеслась къ движенію (давъ 2% выселеній со времени X ревизіи), чѣмъ Крючковская, Раненбургскаго уѣзда, и по тѣмъ же причинамъ; такимъ образомъ, I группа явилась центромъ движенія преимущественно для 6 волостей II группы, причемъ %/о выселеній изъ нихъ находятся въ прямомъ соотвѣтствіи съ % бывшихъ государственныхъ крестьянъ каждой волости:

Долговская волость	40%	бывшихъ государ. крестьянъ	14%	высели.
Ягодновская	37%	"	"	12%
Кудрявская	24%	"	"	9%
Змѣвская	6%	"	"	8%
Кочуровская	1%	"	"	7%
Мураевинская	0%	"	"	4%

Впрочемъ, послѣдовательность процентовъ выселеній внутри этой группы находится въ соотвѣтствіи и съ разстояніемъ волостей отъ центра движенія; всѣхъ дальше отъ него—Мураевинская волость, ближайшія—Долговская, Ягодновская и Кудрявская.

*) На картѣ значится Покровское.

Подъ вліяніе бигильдинскаго центра, вѣроятно, подпадутъ и сѣверо-западные волости III группы; если еще оно мало отразилось на нихъ, то потому, во-первыхъ, что онѣ очень отдалены отъ Бигильдина, а, во-вторыхъ, 3 изъ этихъ волостей (Лошаковская, Спѣшневская или Ивановская и Хитровская или Спасская) сплошь состоятъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Вліяніе этого главнаго центра переселенческаго движенія Данковскаго уѣзда сказывается уже и на юго-восточныхъ волостяхъ: Знаменской, высланной 4% своего населенія въ Томскую губ., и Самодуровской, откуда выселилось 5% въ Томскую же и Оренбургскую губерніи; во время мѣстныхъ изслѣдованій намъ даже попадались письма выселившихся въ Томскую губ. изъ волостей, близкихъ къ Бигильдину, въ Баловневской волости, къ которой принадлежитъ одинъ изъ южныхъ центровъ движенія—Зашево.

Волости Скопинскаго уѣзда по проценту выселеній изъ нихъ естественно распадаются на двѣ группы: 7 западныхъ волостей составили I группу, откуда выселенія гораздо значительнѣе; остальные 9 волостей образовали II группу, давшую въ 3½ раза меньше % сходовъ. Земельныя условія обѣихъ группъ видны изъ слѣдующихъ цифровыхъ данныхъ:

	Наличныхъ рабочихъ.	Число десятинъ.		
		Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.
I группа	18,323	98,071	846	6,200
II „	15,925	74,332	6,726	19,924

А средніе размѣры земли на рабочаго видны изъ слѣдующей таблочки:

	Десятинъ на работника.			% выселеній всей вообщ. съ 1859—82 г.
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	
I группа	5,4	0,03	0,3	5,75
II „	4,6	0,4	1,2	5,2

То-есть наиболѣе сильныя выселенія произошли изъ той части Скопинскаго уѣзда, гдѣ надѣльность крестьянъ выше, но собственной и, въ особенности, арендной земли настолько меньше, что и въ общей сложности у нихъ приходится меньше земли на работника, чѣмъ во II группѣ. Въ I группѣ надѣль выше, аренды меньше, а это—свойства экономическихъ условій бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и, дѣйствительно, эта группа почти исключительно состоитъ изъ нихъ.

Въ I группѣ на 54,540 рев. душ об. п. 51,675 душъ быв. гос., т.-е. 95%
Во II „ „ 47,009 „ „ „ „ 20,252 „ „ „ „ 43%

Въ Скопинскомъ уѣздѣ не было особаго центра, откуда бы переселенческое движеніе постепенно распространялось на окрестныя селенія и волости, какъ это мы видѣли въ Рязанбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Здѣсь характеръ движенія былъ иной. Еще раньше X ревизіи отхожіе промыслы въ степныя и низовыя губерніи Россіи и на Кавказъ были очень развиты; государственные крестьяне западныхъ волостей Скопинскаго уѣзда, гонимые скученностію населенія, сначала шли туда искать работы, а затѣмъ нѣкоторыя семьи осѣда-

ли тамъ окончательно; свѣдѣнія о тѣхъ, сравнительно недалекихъ мѣстахъ получались личнымъ опытомъ почти каждаго схода, — и выселенія шли довольно равномернo по всей площади I группы: въ четырехъ волостяхъ (Чуриковской, Казинской, Павелецкой и Чернавской) и абсолютныя, и относительныя цифры выселенія почти одинаковы.

Волости II группы по характеру движенія подходятъ къ Раненбургскому и Данковскому уѣздамъ, — п у нихъ замѣтна гораздо болышая неравномѣрность выселеній, а въ послѣднее время даже появился свой центръ движенія — Чулковскіе выселки, Корневской волости, — откуда въ 1882 году вышло много семей въ Томскую губернію; за ними потянулись туда и крестьяне окрестныхъ селеній Полянской и другихъ волостей. Въ этой группѣ обращаетъ на себя вниманіе Вослѣбская волость, почти всецѣло состоящая изъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ (96% ихъ), а, между тѣмъ, давшая лишь 1% выселеній; но это легко объясняется ея восточнымъ положеніемъ (среди бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ) и близостью къ Скопину, дающему всѣмъ 3-мъ селеніямъ этой волости разнообразныя мѣстные заработки, благодаря чему ими занимаются здѣсь больше $\frac{1}{2}$ семей (52%), а отхожіе развиты значительно менѣе, чѣмъ даже въ другихъ волостяхъ II группы, не говоря уже о I, гдѣ % работающихъ на сторонѣ мужчинъ въ $4\frac{1}{2}$ раза превышаетъ тотъ же % Вослѣбской волости: всѣхъ рабочихъ, занимающихся отхожими промыслами:

въ I группѣ	9,855, т.-е. 54%
во II „	2,912, т.-е. 18%
въ Вослѣбской волости	171, т.-е. 12%

(въ ней всѣхъ наличныхъ рабочихъ 1,457).

Можно съ весьма большою вѣроятностью утверждать, что въ восточныхъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда переселенческое движеніе будетъ все усиливаться, если только Томская губернія будетъ представляться переселенцамъ такимъ же благословеннымъ краемъ, какъ до сихъ поръ. Въ западной группѣ тоже замѣтно въ послѣднее время измѣненіе и характера, и направленія переселенческаго движенія: вмѣсто юга, переселенцы идутъ на востокъ (главнымъ образомъ, въ Війскій округъ); вмѣсто случайнаго поселенія въ мѣстахъ своихъ отхожихъ промысловъ, крестьянинъ ищетъ новыхъ путей; здѣсь созданъ свой центръ движенія — Затворнинская волость, откуда уже выслылось до 30 семей въ Томскую губернію. Съ другой стороны, какъ уже и было замѣчено, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной части уѣзда отхожіе промыслы *на стверь* (преимущественно въ Московскую и Владимірскую губерніи) принимаютъ такой сплошной характеръ, что придаютъ этимъ частямъ большое сходство съ промышленными уѣздами сѣвера губерніи, начиная развивать здѣсь типъ промысловаго крестьянина, теряющаго ту жажду земельного простора, которая влечетъ за тисачи верстъ истаго земледѣльца.

Чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что въ сѣверныхъ уѣздахъ губерніи переселеній нѣтъ, а въ излѣдуемой нами южной черноземной

мѣстности переселенческое движеніе принимаетъ такіе широкіе размѣры? Изъ сѣверныхъ уѣздовъ мы выбираемъ Рязанскій, такъ какъ цифровыя данныя о немъ имѣются въ изданномъ первомъ выпускѣ I тома *Статистическаго сборника по Рязанской губерніи*.

Въ слѣдующей таблицѣ сопоставлены среднія цифры земли на работника во всѣхъ 4-хъ уѣздахъ:

	Десятины на работника.			
	Надѣльныхъ.	Собственныхъ.	Арендныхъ.	Всѣхъ вообще.
Рязанскій уѣздъ	4,1	0,6	0,9	5,6
Раненбургскій уѣздъ.	4,8	0,2	0,8	5,8
Данковскій уѣздъ	5,3	0,1	0,9	6,3
Скопинскій уѣздъ.	5	0,2	0,8	6

Песчаную, иловатую и суглинистую почву Рязанскаго уѣзда съ небольшими клиньями мелкаго чернозема, составляющими не болѣе $\frac{1}{10}$ всей его площади,—такую почву нельзя и сравнивать съ прекраснымъ черноземомъ 3-хъ уѣздовъ юга губерніи, особенно Раненбургскаго; въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня едва занимаетъ $\frac{1}{2}$ площади надѣльныхъ земель, тогда какъ въ южныхъ уѣздахъ распаханно около $\frac{4}{5}$ крестьянскаго надѣла; пашни частновладѣльческихъ экономій занимаютъ на югѣ не меньшую площадь и почти всѣ онѣ обрабатываются инвентаремъ крестьянина. При такихъ условіяхъ крестьянинъ южныхъ уѣздовъ, даже и одинаково надѣленный землей съ крестьяниномъ сѣвера, долженъ бы быть гораздо болѣе земледѣльцемъ, чѣмъ этотъ послѣдній; таблица же показываетъ, что средній рабочій переселенческихъ уѣздовъ пользуется почти на $\frac{1}{2}$ десятины большимъ количествомъ земли, чѣмъ рабочій Рязанскаго уѣзда; понятно, что этимъ еще болѣе опредѣляется земледѣльческій характеръ южнаго крестьянина.

Имѣя предъ собою такую массу своихъ и частновладѣльческихъ пахотныхъ земель, которая онъ изъ году въ годъ обрабатываетъ своимъ рабочимъ скотомъ, крестьянинъ юга губерніи долженъ держать значительно больше лошадей, чѣмъ крестьянинъ Рязанскаго уѣзда; цифры вполне подтверждаютъ эту догадку:

	Раненбург. уѣзда.	Данковск. уѣзда.	Скопинск. уѣзда.	Рязанск. уѣзда.
% безлошадныхъ дворовъ	36	34	33	38
% дворовъ съ 1 лошадыю	27	25	27	35
% " " 2 лошадыми	20	20	21	17
% " " 3 лош. и болѣе	17	21	19	10

} 37 } 41 } 40 } 27

Дѣйствительно, въ Рязанскомъ уѣздѣ значительно больше безлошадныхъ и однолошадныхъ дворовъ и меньше дву и болѣе лошадныхъ, т. е. въ сѣверномъ уѣздѣ значительно меньше вполне исправныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, чѣмъ въ южныхъ. Необходимо замѣтить, что изъ этихъ данныхъ нельзя заключать о большой зажиточности крестьянъ юга губерніи: здѣсь нерѣдко встрѣчается такой фактъ, что двулошадный крестьянинъ по недостатку корма не въ си-

лахъ держать коровы; это чаще всего бываетъ у помѣщичьихъ крестьянъ, „закладывающихся подъ десятинные заработки“; чтобы выполнить свои обязательства предъ частнымъ землевладѣльцемъ, они должны держать, по крайней мѣрѣ, двухъ лошадей, хотя бы семья оставалась безъ молока. Дѣйствительно, сравнивъ общее количество скота (крупнаго и мелкаго въ переводѣ на крупный), мы увидимъ, что Рязанскій уѣздъ снабженъ имъ почти такъ же, какъ и уѣзды юга.

На средній дворъ приходится:

Въ Рязанскомъ уѣздѣ	2,3	головъ крупнаго скота.
„ Раненбургск. „	2,6	„ „ „
„ Данковскомъ „	2,7	„ „ „
„ Скопинскомъ „	2,9	„ „ „

Это объясняется гораздо большимъ количествомъ рогатаго скота у крестьянъ Рязанскаго уѣзда, гдѣ (сравнительно съ южными уѣздами) имѣются значительные луга и травяныя пастбища, такъ какъ только 37% общей площади уѣзда занята пашней.

Размѣръ промысловыхъ занятій всѣхъ 4-хъ уѣздовъ видимъ изъ слѣдующихъ процентныхъ отношеній:

	Раненбург. уѣзда.	Данков; уѣзда.	Скопинск. уѣзда.	Рязан. уѣзда.		
% семей, имѣющихъ мѣстные заработки	54	56	39	37		
% занимающихся отхожими заработками	{	мужчинъ	20	21	37	50
		женщинъ	—	—	—	6

Благодаря сильному развитію въ южныхъ уѣздахъ земледѣльческихъ заработковъ, мѣстные работы имѣютъ значеніе для меньшаго % семей Рязанскаго уѣзда, чѣмъ даже въ Скопинскомъ уѣздѣ, но зато отхожіе промыслы въ Рязанскомъ уѣздѣ настолько развиты, что $\frac{1}{2}$ всѣхъ его мужчинъ рабочаго возраста занята ими; до такого развитія отхода на сторону доходитъ лишь западъ Скопинскаго уѣзда, но зато въ мещерской сторонѣ Рязанскаго уѣзда до $\frac{3}{4}$ всѣхъ рабочихъ уходятъ на сторонніе заработки, покидая землю на руки женщинъ; ничего подобнаго, какъ мы видѣли, нѣтъ даже и въ западныхъ волостяхъ Скопинскаго уѣзда; о другихъ мѣстностяхъ 3-хъ южныхъ уѣздовъ и говорить нечего: онѣ посылаютъ въ отходъ не болѣе $\frac{1}{3}$ доли своихъ рабочихъ. Изъ Рязанскаго уѣзда даже значительный % женщинъ уходитъ на заработки (болѣе $\frac{1}{30}$ всѣхъ работницъ); правда, и съ запада Скопинскаго уѣзда уже начинается выходъ женщинъ на торфъ, но здѣсь онъ далеко не такъ развитъ, какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ, а въ Раненбургскомъ и Данковскомъ уѣздахъ и въ восточной части Скопинскаго женскихъ отхожихъ заработковъ вовсе нѣтъ. Надо замѣтить, что какъ мѣстные, такъ и отхожіе промыслы Рязанскаго уѣзда носятъ гораздо болѣе ремесленный характеръ, чѣмъ въ уѣздахъ юга: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рязанскаго уѣзда развито кустарное производство (сапожники, колесники, производство листовою ваты и пр.), а наиболѣе распространеннымъ отхожимъ промысломъ является здѣсь плотничество, тогда какъ мы видѣли, что

ничего подобного нѣтъ въ южныхъ уѣздахъ, гдѣ крестьянинъ и въ своихъ мѣстныхъ, и въ отхожихъ заработкахъ, въ большинствѣ случаевъ, остается земледѣльцемъ или дѣлается черноработчимъ.

Изъ этихъ краткихъ цифровыхъ указаній становится яснымъ, что въ уѣздахъ земледѣліе и до сихъ поръ играетъ значительно большую роль, чѣмъ въ Рязанскомъ, гдѣ занятія крестьянина имѣютъ болѣе промысловый характеръ. Крестьянинъ эта губерній почти исключительно земледѣлецъ. Поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема, онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія; всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отзывалось на его благосостояніи. Мы видѣли, что государственные крестьяне Рязанбургскаго, Данковскаго и даже Скопинскаго уѣздовъ начали уходить съ своей родины подъ давленіемъ „тѣсноты“ еще лѣтъ 70 назадъ: отрѣзаны кусокъ земли — полсела переселяется на вольныя мѣста; соберутся нѣсколько родственниковъ и порѣшатъ: „отъ здѣшней тѣсноты“ уйти нѣкоторымъ изъ нихъ, съ тѣмъ, чтобы ихъ земля досталась остающимся; иногда даже цѣлая деревня посылала отъ себя развѣдчиковъ присмотрѣть гдѣ-либо мѣсто попросторіѣе. Такъ продолжалось, съ перерывами, до настоящаго времени. Даже отхожіе промыслы западной части Скопинскаго уѣзда, направленные въ мѣста, обильныя землей, нуждающейся въ рабочихъ рукахъ, — даже и они способствовали переселеніямъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Со времени освобожденія къ бывшимъ государственнымъ стали примыкать и бывшіе помѣщичьи крестьяне, тоже еще не привычныя къ инымъ работамъ, кромѣ земледѣльческой, занимаясь хлѣбопашествомъ то на своей землѣ, то на барщинѣ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ были значительно иныя условія.

Изъ всѣхъ крестьянъ Рязанскаго уѣзда 74% принадлежали къ разряду помѣщичьихъ; но и остальная $\frac{1}{4}$ государственныхъ крестьянъ (какъ видно изъ статистическаго сборника по Рязанскому уѣзду) находилась не въ лучшихъ земельныхъ условіяхъ. Привычка видѣть въ землѣ свою исключительную кормилицу не могла у нихъ выработаться ужь потому, что много надѣльной земли (около 7,000 десятинъ, т.-е. почти $\frac{1}{6}$ часть ея) лежало далеко отъ ихъ селеній, въ другихъ уѣздахъ; они были вынуждены сдавать ее, перебиваясь на остальной, которой приходилось лишь 2,7 дес. всѣхъ угодій на ревизскую душу, а пахотной земли немного болѣе $1\frac{1}{2}$ десятины во всѣхъ трехъ поляхъ или подъ розью было меньше $\frac{1}{2}$ десятины. При указанной качествѣ почвы такое незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина Рязанскаго уѣзда иной типъ занятій: для него было невозможно прокармливать только земледѣліемъ; онъ издавна занялся мѣстнымъ (при обиліи лѣсовъ, а потомъ и отхожимъ плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ *). Если такой типъ полупромысловаго крестьянина выработал-

*) Ничто подобное мы видѣли въ пригородныхъ волостяхъ трехъ южныхъ уѣздовъ; только тамъ не въ силу неблагоприятныхъ земельныхъ условій, а подъ вліяніемъ города съ его заработками крестьянинъ отвыкалъ видѣть въ землѣ единственный источникъ жизни и не охотно шелъ устраивать новыя земледѣльческія хозяйства въ далекомъ краѣ.

ся у государственныхъ крестьянъ Рязанскаго уѣзда, то у помѣщичьихъ и подавно такъ должно было случиться: они до 1861 г. не могли располагать собой для выселеній, тогда какъ отхожіе заработки были для нихъ вполне доступны и при крѣпостномъ правѣ.

Въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія земледѣльческаго хозяйства. Тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на 3 поля, на югѣ Раненбургскаго и Данковскаго уѣздовъ до послѣдняго времени много „пестрополя“, да и теперь еще въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ оно занимаетъ значительныя пространства; есть два-три случая пестрополя и у бывшихъ помѣщичьихъ. Обыкновенно отдаленная часть надѣльной пашни не разбита на 3 поля, а всякій получаетъ въ ней по нѣсколько полосъ (до 1 и даже до 2-хъ десятинъ на душу) въ полное свое распоряженіе, безъ всякаго вмѣшательства со стороны общины; каждый сѣетъ, что ему угодно, и заводитъ сѣвооборотъ, какой ему покажется удобнѣе. Проѣзжая мимо такого поля, видишь рядомъ съ полосами ржи разныхъ сортовъ яровое, и тутъ же изрѣдка черябеть только что пометанный паръ; всѣ эти клочки перемежаны въ самомъ прихотливомъ порядкѣ и дѣйствительно придаютъ полю *пестрый* видъ. Рѣдко кто оставляетъ подъ паромъ часть своей земли въ пестрополѣ; обыкновенно сѣютъ хлѣбъ, не давая землѣ отдыха: кто сѣетъ одни яровые, кто чередуетъ ихъ съ озимой рожью, а иногда встрѣтишь безсѣнный посѣвъ ржи на рожь. Понятно, что только прекрасный черноземъ можетъ нѣкоторое время выдерживать такой посѣвъ, но и онъ истощился, такъ что урожай пестрополя не превышаетъ трехъ четвертей ржи на десятину, тогда какъ паровая десятина трехполя даетъ въ тѣхъ мѣстахъ не меньше шести четвертей ржи. Такъ какъ въ пестрополѣ поступаетъ дальняя часть пашни, то объ унавоженіи его не можетъ быть и рѣчи: навоза не хватаетъ и на ближайшую паровую землю.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, а иногда тамъ только и сѣютъ по унавоженному полю; безъ навоза земля не вернетъ и зеренъ. Въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется необходимость унавоживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія. Только въ самыхъ сѣверныхъ волостяхъ Данковскаго уѣзда да въ нѣкоторыхъ Скопинскаго весь навозъ вывозится на поля; въ южныхъ волостяхъ Раненбургскаго уѣзда, хотя у нихъ (у бывшихъ государственныхъ крестьянъ) и есть топливо, помимо навоза, недостаточно созрѣло сознаніе необходимости вывоза его на пашню, а на остальномъ громадномъ пространствѣ всѣхъ трехъ уѣздахъ много навоза идетъ на отопленіе избъ или по крайней нуждѣ (особенно въ неурожайные годы и по веснѣ) онъ продается ближайшимъ частнымъ землевладѣльцамъ для удобренія ихъ земель или мѣщанамъ — на топливо. Вообще за отсутствіемъ лѣсныхъ матеріаловъ въ южныхъ уѣздахъ, не только у крестьянъ идетъ на топливо навозъ и солома, но и въ нѣкоторыхъ дворянскихъ и купеческихъ имѣніяхъ комнаты отапливаются соломой; дрова употребляются лишь на кухнѣ.

Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлають 2 и 3 вспашки при посѣвѣ овса (третій разъ ломають по посѣвѣ), три вспашки для озимаго хлѣба и отъ 4—5 разъ перепашиваютъ просо (4-й или 5-й ломають); въ южныхъ уѣздахъ вспашка просянаго поля рѣдко производится болѣе 3-хъ разъ, ржанаго и яроваго обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва. Впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать ту оговорку, что зажиточный крестьянинъ производитъ болѣе совершенную обработку земли. Такъ-вы главныя черты обработки при трехпольномъ сѣвооборотѣ; въ пестропольѣ и того хуже: случается, что по только что свошенному ржищу снова сѣютъ рожь, запахиваютъ зерна и даже оставляютъ посѣвъ не забороненнымъ. Но неурожай послѣднихъ лѣтъ и замѣтно истощившаяся почва вообще заставляютъ не только вывостить на пашню навозъ и обрабатывать землю съ болѣею тщательностью, но и замѣнять пестрополье трехпольемъ. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ только что перешли къ трехпольному сѣвообороту, въ иныхъ собираются переходить къ нему и даже постановлены объ этомъ приговоры. Мы видѣли, что кривополянцы хотять сократить или вовсе уничтожить свое громадное пестрополье. Крайняя тѣснота пастбищъ заставила большое село Зенкино составить приговоръ о томъ, чтобы запустить часть своей пашни подъ выгонъ; съ 1882 г. зенкинцы думали уничтожить пестрополье, перейдя къ тремъ полямъ, что не только подыметъ урожайность полей, но и дастъ возможность выгона по пару. До 1880 г. въ селѣ Ломовомъ было около 700 десятинъ подъ пестропольемъ; теперь они раздѣлили всю пашню на 3 поля, и этотъ переходъ настолько затруднителенъ для многихъ крестьянъ, что они засѣваютъ чуть не $\frac{1}{3}$ своего яроваго поля рожью.

Понятно, что плохая обработка почвы, плохое удобрение полей, пестрополье и переживаемый или только что пережитый сельскохозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ, — все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращение посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополя трехпольемъ, запуская подъ выгонъ часть пашни) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала.

III.

Ходъ передвиженія переселенцевъ и послѣдствія переселеній.

Извѣстія о новыхъ мѣстахъ поселенія и ихъ развѣдка. — Случаи возвращенія выселившихся семей. — Сборъ переселенцевъ и внимательство администраціи. — Размѣры переселенческихъ партій. — Ходъ и способы передвиженія, стоимость, продолжительность и трудности пути. — Послѣдствія движенія для переселенцевъ. — Краткія указанія на земельныя и хозяйственныя условія Томской губ. — Способы устройства тамъ переселенцевъ. — Условія уфимско-оренбургскаго края и Самарской губ. и устройство въ нихъ новоселовъ. — Степняки.

Цифровыя данныя, разобранныя нами въ первой главѣ настоящаго изслѣдованія, показали, что до 1877 года господствовало южное направление переселенческаго потока, но въ новѣйшее шестилѣтіе оно

уступило мѣсто переселеніямъ на востокъ; это послѣднее направленіе приняло въ себя такъ много переселенцевъ, что даже явилось преобладающимъ за весь рассматриваемый двадцатичетырехлѣтній періодъ движенія (съ X ревизіи). Въ силу такого важнаго значенія переселеній въ Сибирь, мы, прослѣживая передвиженіе переселенческихъ партій, сосредоточимъ главное вниманіе именно на этомъ направленіи. Къ тому же передвиженіе сходцевъ въ степныя и низовныя губерніи Европейской Россіи и на Кавказъ совершается почти такимъ же образомъ, какъ это дѣлаютъ мѣстные крестьяне, уходя туда въ отхожіе заработки. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ „степняки“ принадлежатъ къ наименѣе зажиточной категоріи сходцевъ; наскучивъ своими ежегодными походами „въ степь“ на заработки и не имѣя дома прочнаго ховяйства, они рѣшаются окончательно перебраться въ знакомыя имъ мѣстности, надѣясь тамъ современемъ обзавестись хозяйствомъ или хоть „кормиться“ лучше, чѣмъ на своей родинѣ. Тогда они приходятъ домой, чтобы забрать свои семьи и распродать имѣющуюся стройку и разный домашній скарбъ, а лѣтомъ окончательно перекочевываютъ по хорошо знакомой имъ дорогѣ въ мѣста новаго поселенія. Тутъ сборы просты, путь ясенъ; нѣтъ надобности въ извѣстіяхъ съ мѣстъ будущаго поселенія, а тѣмъ менѣе въ специальныхъ развѣдкахъ ихъ. Значительно сложнѣе сборы и ходъ передвиженія переселенцевъ въ далекую Томскую губернію и въ тѣ мѣста, куда отхода на заработки не существуетъ.

Переселенецъ, поселившись на новомъ мѣстѣ, обыкновенно шлетъ своимъ роднымъ письма, въ которыхъ старается знакомить съ условіями своего новаго мѣста жительства. Письма читаются вслухъ собравшимся односельцамъ и переходятъ изъ рукъ въ руки, разнося вѣсть о далекихъ земляхъ далеко за предѣлы селенія. Наилучшія вѣсти идутъ изъ Томской губерніи и, главнымъ образомъ, изъ ея Бійскаго округа. Изъ первыхъ писемъ у крестьянъ нашего района составилось понятіе о Томской губерніи, какъ о краѣ, не только изобилующемъ легко достающейся пахотной землей и лугами, гдѣ лѣсу и топки вдоволь, гдѣ „хлѣбомъ и бѣднѣемъ не бѣется“, но и образовалась увѣренность, что старательный и хорошій работникъ даже безъ средствъ скоро можетъ стать на ноги. Вотъ какъ пишетъ изъ Томской губерніи переселенецъ Раненбургскаго уѣзда, ушедшій съ родины въ 1878 г.: „Удовольствіе, какое сѣно! Я наставилъ на душу 400 копенъ, кромѣ вольныхъ мѣстовъ. Церковь 2 версты; лѣсъ-боръ 3 версты; всякія ягоды и хмѣля возлѣ деревни. Земли пахать — сколько угодно; земля и лѣса никогда не дѣлятся, и объѣздкичовъ нѣту. Потомъ наемка очень дорога: уборка хлѣба—за десятину 20 пуд. хлѣба даютъ; нѣту восповъ косить хлѣбъ... Еще рѣки очень хороши; озера рыбныя... Хлѣба всякіе родятся: рожь, пшеница, ярица, гречуха, просо, овесъ, ячмень и горохъ. У насъ въ деревнѣ ржаная мука 30 коп. пудъ. Потомъ работника подражаютъ въ годъ 50 руб. сер. и даютъ 2 десятины подъ посѣвъ хлѣба“. Такихъ писемъ изъ Томской губерніи много; но и по этой выдержкѣ уже можно судить, какое сильное впечатлѣніе на крестьянина должны были произвести подоб-

ныя вѣсти о просторѣ благодатнаго сибирскаго края. Въ письмахъ часто встрѣчаются указанія, что тамъ еще много мѣстъ для поселенія, что всѣмъ мѣста хватитъ. Одинъ изъ „томенцовъ“ пишетъ въ 1880 году: „Народъ по всѣмъ селамъ и деревнямъ — новоселы; а въ Бійскомъ есть еще новые участки для поселенъ, и афиши прибиты желающимъ“. Новоселы Томской губерніи до того довольны новыми мѣстами своего поселенія, что въ ихъ письмахъ часто встрѣчаются восторженные отзывы о той сторонѣ и горячіе призывы туда своихъ родныхъ и односельцевъ. Одинъ „томенецъ“ восклицаетъ: „У васъ — умереть, у насъ — воскреснуть!“ Крестьянинъ села Зенкина Степанъ Фоминъ въ 1880 г. ушелъ въ Бійскій округъ изъ семьи своего брата, живущаго вполнѣ зажиточно; онъ пишетъ: „Если вы думаете прожить безъ меня, то живите, а меня отъ такихъ хорошихъ мѣстъ не отворотите“. Иногда слышатся такіе призывы въ Томскую губернію: „Хоть на нешинованныхъ колесахъ (безъ шинъ), хоть на немудрой лошади — поѣзжай къ намъ“. Крестьянинъ Рязскаго уѣзда пишетъ своему зятю въ Маклаковскую волость, Скопинскаго уѣзда: „Намъ хорошо жить; только завсегда объ васъ тужимъ, потому вы хоть и на своей сторонѣ, да бѣдствуете. Такъ вы слушайтесь болѣе бабъ: хоть и на своей сторонѣ, а до конца будете страдать“. Иногда даже совѣтуютъ своимъ роднымъ идти въ Томскую губернію хотя бы и безъ всякихъ средствъ: „Еще повторяю вамъ, зять нашъ любезный Никифоръ Семеновъ, — пишетъ переселенецъ Данковскаго уѣзда, — проси ты своего родителя какъ ни можно на самару; ежели онъ не пойдетъ, то чтобы тебя отпустилъ; ежели ничего не будетъ давать, то проси его благословить, возьми паспортъ (и) еди со Христовымъ именемъ. Господь тебя донесетъ въ добромъ здоровѣ, и то ты будешь семь брать счастливы“.

Имяющееся въ нашихъ матеріалахъ одно письмо изъ Семирѣченской области тоже расхваливаетъ тамошнія мѣста; но туда понали очень не многіе, — рѣдко слышится и призывъ оттуда. Крестьянинъ села Колыбельскаго, Прохоръ Шевыревъ, ушелъ въ Сибирь еще въ 1862 г. изъ семьи брата; ему дали лошадь и 5 р. на дорогу; теперь онъ полный хозяинъ и зоветъ брата къ себѣ: „Любезный братецъ, весьма я желаю, чтобы ты пріѣхалъ къ намъ на житье. Здѣсь весьма можно жить: хлѣба урожаются хорошіе; скотоводство можно водить сколько угодно; сѣнокосу довольно и всякаго изобилія. Если желаете къ намъ идти, берите увольнительные приговоры; мѣста здѣсь много“. Изъ Уфимской и Оренбургской губерній тоже приходятъ иногда хорошіе слухи отъ новоселовъ; но тамъ они не могутъ приписаться къ обществамъ; купить земли нѣтъ силъ и по большей части приходится жить на арендованной землѣ, а это смущаетъ даже и тѣхъ, кому удалось обзавестись полнымъ хозяйствомъ. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ на свою родину (въ пригородную Богословскую слободу, Данковскаго уѣзда) новосель Стерлитамакскаго уѣзда: „Живемъ, слава Богу, — въ своемъ домѣ, и скотинка есть: 5 лошадей, 2 дойныхъ коровы, 1 телка, 20 овецъ, и хлѣба слава Богу... и все слава Богу, и можно. А жить, во-первыхъ, тѣмъ намъ не нравится, что живемъ мы

на арендованной землѣ, а, во-вторыхъ, что мы лишились своей родной стороны“. Онъ, видимо, придаетъ довольно большое значеніе второй причинѣ, но изъ дальнѣйшаго ясно, что первая — для него все же наиболее важная причина неудовлетворенности условіями Уфимской губерніи; онъ пишетъ дальше: „... Теперь только то и можно, (что) пройти въ Томскую губернію: тамъ принимаютъ къ обществамъ“. Потомъ онъ проситъ извѣстить, какова теперь (онъ уже 5 лѣтъ, какъ выселился) жизнь на родинѣ и „если не совсѣмъ плоха, то я бы желалъ возвратиться на родину“. Мы видѣли, какъ неудачны были переселенія 70-хъ годовъ въ Самарскую губернію изъ южной части Данковскаго уѣзда; несмотря на это, и оттуда (изъ Бугурусланскаго уѣзда) получаютъ иногда довольно благопріятныя вѣсти, хотя далеко не такія, какъ изъ Томской губерніи. Крестьянинъ села Телепнева, съ 1876 г. поселившійся въ Бугурусланскомъ уѣздѣ, пишетъ брату: „Мы живемъ, благодаря Всевышнему Творцу: скотина есть (4 лошади и втроемъ рогатаго), хлѣба у насъ съ избыткомъ достанетъ на годъ. Любезные братцы, если у васъ возможно жить и нѣтъ большаго утѣшенія, то живите тамъ, а если послѣ нашего ухода жить стало еще хуже, то приходите къ намъ“. Но изъ Уфимской, Оренбургской и Самарской губерній нерѣдки письма, прямо хулящія тамошнія мѣста; въ одномъ изъ нихъ (изъ Оренбургской губерніи) говорится: „забрались туда, да и не съ чѣмъ вернуться, а то бы рады были“; Томскую же губернію предпочитаютъ Кавказу и даже Амуру. Молокане деревни Жабиной (Раненбургскаго уѣзда) пишутъ на родину изъ Барнаульскаго округа, Томской губерніи, расхваливая тѣ мѣста и говоря, что имъ отведенъ большой участокъ земли для самостоятельнаго поселка, приглашаютъ къ себѣ: „ежели кто желаетъ, — непременно идите, — мѣста хватитъ. Изъ Самарской губерніи семейства, продолжаютъ они, были на Амурѣ и на Кавказѣ — лучше здѣшнихъ мѣстовъ не нашли“.

Но даже и изъ Томской губерніи приходятъ иногда разпорѣчивыя вѣсти. Для примѣра приведу выдержки изъ писемъ новоселовъ, перешедшихъ въ Боготольскую волость, Маринскаго округа, изъ Путятинской волости, Раненбургскаго уѣзда. Крестьянинъ села Дехихового Козьма Шарнинъ ушелъ въ Томскую губернію въ 1880 г. и съ тѣхъ поръ уже написалъ нѣсколько писемъ; во всѣхъ очень одобряетъ жизнь. Въ одномъ изъ нихъ пишетъ: „Мы пришли и поработали въ двѣ недѣли хлѣба, — во весь годъ не поѣдимъ... Земли гдѣ угодно, тамъ и наши, земля — черноземъ... Еще слушайте: я вамъ говорю, здѣсь называется сибирскій край, и къ намъ прежде ссылали въ Сибирь, а теперь не ссылаютъ; народъ образованъ. А вы зовете самара, и мы думали — самара. Слава Богу, всего вволю, ни съ чего не бьемся“. Крестьянинъ села Крутого оттуда же пишетъ совсѣмъ другое: „... Земля въ деревнѣ Вагиной (Боготольской волости) мнѣ не нравится: лѣсъ за 18 верстъ можно достать; сѣнокосъ плохой, — заливныхъ луговъ нѣтъ. Затѣмъ, — ованчиваетъ онъ письмо, — пожелавъ всѣмъ добраго здравія, совѣтую оставаться тамъ, гдѣ вы и сейчасъ: будетъ для васъ гораздо лучше“. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ разный взглядъ на

качество земли объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что въ селѣ Крутомъ качество почвы и условія надѣла много лучше, чѣмъ въ Делиховомъ, гдѣ надѣлъ идетъ въ сдачу лишь за подати, тогда какъ въ Крутомъ сдающій получаетъ на каждую душу 7 р. доплатъ; поэтому-то крутовской крестьянинъ и оказывается болѣе требовательнымъ.

Письма переселенцевъ послѣдняго ухода (въ 1881 и 1882 гг.) по своимъ описаніямъ Томской губерніи нѣсколько отличаются отъ первыхъ: въ нихъ попрежнему хвалятъ обиліе и просторъ сибирскаго края, но все чаще встрѣчаются указанія на вздорожаніе приписки, на поднятіе цѣнъ на хлѣбъ и вообще на затруднительность устроиться на новыхъ мѣстахъ; иногда даже въ нихъ говорится, что всѣ лучшія мѣста заняты или малодоступны, что приходится селиться не тамъ, гдѣ бы хотѣлось. Вообще, подъ вліяніемъ послѣднихъ писемъ, у крестьянъ начинается такое мнѣніе, что, при всемъ просторѣ Томской губерніи, для того, чтобы тамъ устроиться, нужны нѣкоторыя средства, что, отправясь туда съ малой суммой и истратясь на дорогу, будешь вѣкъ бѣдствовать и жить по работникамъ.

Письменные извѣстія о мѣстахъ поселенія не удовлетворяютъ крестьянъ; обыкновенно они провѣряются развѣдчиками. Иногда цѣлое общество изъ среды себя снаряжаетъ ходока, давая ему на дорогу въ Томскую губернію 70—80 рублей; тогда онъ обязанъ обстоятельно осмотрѣть мѣста и, вернувшись, рассказать о нихъ обществу; но чаще общество только помогаетъ какому-либо односельцу, и безъ того уже собиравшемуся идти „смотреть мѣста“: давая ему 40—50 рублей „помоги“, оно обязываетъ его извѣстить письмами о томъ, что увидитъ, а если такой ходокъ вернется на родину, то и устно передаетъ обществу, каковы „вольныя земли“. Такъ какъ потребность выселенія назрѣваетъ не сразу во всемъ обществѣ, а у отдѣльныхъ семей, то гораздо чаще идутъ на развѣдку главы или другіе члены послѣднихъ, идутъ на свой счетъ, безъ помощи общества; если развѣдчикомъ отправляется мужикъ хозяйственный и правдивый, если онъ облюбуется для поселенія подходящее мѣсто и вернется лишь за тѣмъ, чтобы окончателно туда перебраться,—въ такому ходоку, какъ мы видѣли, иногда присоединяются 10—20 и болѣе семей и даже платятъ ему „за показъ мѣста“. Но по мѣрѣ того, какъ вѣсти о трудности устройства на новыхъ мѣстахъ все болѣе проникаютъ въ среду крестьянъ, желаніе лично увидать тѣ мѣста, куда думаютъ перебраться на жительство, растетъ все сильнѣе; теперь уже нерѣдко можно встрѣтить недовѣріе къ осмотру мѣстъ односельцемъ: „съ чего обманывать, а только гдѣ-жъ ему знать всѣ твои обстоятельства,“—замѣчали крестьяне на нашъ вопросъ о причинѣ недовѣрія. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что иногда изъ одного селенія выходятъ по нѣскольку ходокъ и каждый изъ нихъ присматриваетъ мѣста или только для своей семьи, или для известной группы семей, которой и адресуются его письменныя или устныя извѣстія; другія же семьи ждутъ вѣстей отъ своихъ „оглядчиковъ“. Трудность оцѣнить условія новыхъ мѣстъ заставляетъ крестьянъ практиковать иногда болѣе долгія, хотя и болѣе точныя, путь развѣдки—опытъ: случалось такъ, что отецъ послалъ

своего взрослого сына съ тѣмъ, чтобы онъ съ своей женой попыталъ, насколько удобно устраниваться на новыхъ мѣстахъ. „Если ты хорошо пристроишься, пойду и я съ остальной семьей вслѣдъ за тобою!“ — говорилъ отецъ, провожая.

Расходы ходока весьма невелики. Обыкновенно ходокъ изъ средней по зажиточности семьи беретъ съ собой 30—40 р. и съ этими скромными средствами направляется въ Томскъ пароходнымъ путемъ. До Томска обыкновенно всѣ деньги израсходованы, и „оглядчикъ“ во время своихъ развѣдокъ кормится, нанимаясь въ поденныя работы; заработки же даютъ ему средства и на обратный путь. Чтобы яснѣе представить себѣ способъ передвиженія развѣдчиковъ, прослѣдимъ путь цѣлой ихъ партіи изъ села Ломоваго. Весной 1881 года отправились „на осмотръ мѣстъ“ въ Бійскій округъ главы 8 семей села Ломоваго; въ числѣ ихъ шелъ крестьянинъ Михаилъ Ивановъ Бобровскій, со словъ котораго и передаемъ о ходѣ путешествія этихъ 8 оглядчиковъ. Всѣ они отправились чрезъ Рязань, откуда пароходнымъ путемъ достигли Тюмени; здѣсь Михаилъ Ивановъ, сложившись съ четверыми изъ своихъ спутниковъ, купилъ лошадь, на которой всѣ пятеро и добрались благополучно до Бійска; трое же поѣхали на пароходѣ до Томска, и о судьбѣ ихъ разскащикъ ничего не знаетъ. Михаилъ Ивановъ взялъ съ собой на дорогу 30 р.; приблизительно по столько же взяли и остальные. Дойдя до Бійска, они израсходовали почти всѣ свои средства и нанялись въ работники, приглядываясь, въ то же время, къ жизни той стороны; такъ жили они до декабря, когда рѣшились вернуться на родину, считая крайне труднымъ устроиться въ Томской губерніи, не имѣя 100—150 р. на первое обустройство; двое изъ нихъ, не успѣвъ заработать денегъ на обратный путь, остались въ Сибири, и только Михаилъ Ивановъ съ двумя остальными тогда же отправился домой. Имѣя съ собой не болѣе 20 р. на каждого, они шли пѣшкомъ, сначала довольно часто подсаживаясь къ проѣзжавшимъ подутчикамъ, но когда они добрались до желѣзной дороги, у нихъ такъ мало осталось денегъ, что пришлось идти пѣшкомъ вдоль линіи, только изрѣдка, въ видѣ отдыха, позволяя себѣ подсаживаться на товарные поѣзда, — и то денегъ, заработанныхъ въ Томской губерніи, едва хватило на харчи.

Иногда извѣстная группа семей уполномочиваетъ своего ходока взять пріемные приговоры отъ того общества, гдѣ онъ найдетъ удобное для поселенія мѣсто; дѣйствительно, нѣкоторые развѣдчики такъ и дѣлали и даже законтрактовали землю въ аренду для себя и для семей, пославшихъ ихъ. Но въ послѣднее, время ходоки изъ среднезажиточныхъ семей довольно часто стали неодобрительно отзываться даже и о Томской губ., указывая, главнымъ образомъ, какъ и въ письмахъ, на трудность первоначальнаго обустройства. Мы видѣли, что ломовскіе „оглядчики“ вернулись, выставляя эту причину своихъ неудачныхъ развѣдокъ. Топковскіе ходоки (изъ Гагинской волости) тоже возвратились домой изъ Бійскаго и Барнаульскаго округовъ съ недобрыми вѣстями и сильно окоротили стремленіе туда изъ своего и сосѣднихъ селеній: „Народъ тамъ, — говорили они, — разновѣрный,

разбойники, въ церковь не ходять; обрядъ тамъ иной—ни двора, ни риги, только изба да овинъ, а главное—устроиться трудно, приписка дорога“. Крутовскіе ходоки тоже не одобрили Війскаго округа: проходка и устройство дороги, да и земля не понравилась; хоть черноземъ, да хуже нхняго (въ с. Крутомъ, дѣйствительно, одинъ изъ лучшихъ надѣловъ по качеству почвы по всему Раненб. уѣзду). Крестьянинъ с. Урусова, Пителинской волости, посланный на развѣдку отцемъ, пишетъ ему изъ Томской губ.: „Трудно прискаты мѣста хорошаго для всего: въ иномъ селеніи дѣсь далеко, въ иномъ луга плохи“. Въ большинствѣ же случаевъ ходоки хвалятъ приволье Томской губ. и совѣтуютъ своимъ землякамъ; кому трудно жить на родной сторонѣ, перебраться туда; очень часто ходоки даже и не возвращаются домой, выписывая къ себѣ свои семьи, а сами озабочиваются приготовленіемъ всего необходимаго для перваго обзаведенія хозяйствомъ; семья развѣдчика идетъ къ нему, а съ ней вмѣстѣ тянутся „въ вѣрныя мѣста“ и другія, имѣющія основаніе довѣрять его практичности. Но желаніе остаться на родинѣ у здѣшнихъ крестьянъ такъ велико, что даже и въ этихъ случаяхъ семья не всегда слушается призыва своего главы; если есть малѣйшая возможность, она старается остаться дома и вернуть къ себѣ счастливаго развѣдчика; у насъ записано нѣсколько такихъ случаевъ, когда домохозяинъ, уйдя на развѣдку въ неурожайный годъ, принужденъ былъ вернуться обратно, несмотря на то, что уже отыскалъ удобное мѣсто и вызывалъ къ себѣ семью: семейные отписали ему, что хлѣбъ на этотъ разъ уродился и не только прокормиться можно, но есть надежда на поправку хозяйства, а тамъ „поди еще,—обзаводись“.

При всей указанной осмотрительности крестьянина, среди идущихъ на переселеніе встрѣчаются неудачныя попытки устроиться на новыхъ мѣстахъ, заставляющія ихъ возвращаться на родину. Кромѣ приведенныхъ въ началѣ изслѣдованія неудачныхъ случаевъ переселенія въ Ставропольскую и Самарскую губерніи, въ нашихъ матеріалахъ отмѣчено болѣе 50 случаевъ обратнаго возвращенія переселенцевъ; почти половина ихъ приходится на переселенія въ Самарскую губернію, а остальные дѣлятся почти поровну между томскими и оренбургско-уфимскими направленіями. Такая неравномѣрность распредѣленія неудачныхъ случаевъ переселеній можетъ быть отчасти объяснена тѣмъ, что переселенія въ Томскую губернію (хотя и самыя многочисленныя) происходили въ новѣйшее время, а, слѣдовательно, не успѣли еще опредѣлиться всѣ неудачные случаи этого направленія; но наиболѣе вѣдательной причиной замѣченнаго явленія слѣдуетъ несомнѣнно считать тѣ менѣе удовлетворительныя условія, какія даетъ переселенцу Самарская губ. Изъ числа неудачныхъ переселеній въ Самарскую губернію около 10 семей вернулись, попавъ туда на нѣсколько подъярядъ неурожайныхъ годовъ, 8-ми семьямъ не понравились условія, въ какихъ онѣ должны были тамъ очутиться, а въ особенности—невозможность приписаться къ обществу, необходимость жить на арендной землѣ или по работникамъ. Почти тѣ же причины выставляли и семьи, вернувшіяся изъ Оренбургской и Уфимской губерній, а 3 изъ нихъ

указали на полное отсутствіе средствъ для обзаведенія и уплаты задатка за арендную землю. Изъ 12 вернувшихся семей томскаго на правленія 5 не дошли до мѣста вслѣдствіе бѣдности или за смертью большака; 5 вернулись, не имѣя силъ устроиться и обзавестись хозяйствомъ, да и народъ не понравился; про одного говорили, что „скупчивъ очень, по деревнѣ своей затосковалъ“, а одну семью, вполне устроившуюся въ Бійскомъ округѣ, выслали по этапу, такъ какъ волостное правленіе долго не прислало увольнительнаго приговора, срокъ же паспорта давно истекъ. Вотъ, напримѣръ, какъ рассказывалъ о своемъ возвращеніи одинъ изъ недошедшихъ до Томской губерніи по недостатку средствъ (Миронъ Петровъ изъ Братовки, Нарышкинской волости). Онъ отправился въ Томскую губернію, — самъ-десять, одинъ работникъ, — съ 30 рублями, на старой лошади. Шелъ онъ съ значительной партией изъ другихъ деревень, все время собираясь; по дороговизна прокорма лошади (до 75 к. и даже до 1 р. въ сутки) сдѣлала для Мирона Петрова немислимымъ продолженіе пути; дойдя до Троицка (Оренбургской губерніи), онъ вернулся назадъ, тоже собираясь и останавливаясь для заработка средствъ на дальнѣйшій путь. Возвратясь домой, Миронъ поселился на квартирѣ (изба была продана); и онъ, и дѣти собираются. Пять истобенскихъ семей вернулись изъ Томской губерніи, такъ какъ попали они въ такое мѣсто, гдѣ все раскольники и вся хорошая земля позанята ими, а остальная, хоть ея и много, будто бы, „не родить не только хлѣба, но и путовой травы“. Почти всегда возвратившихся переселенцевъ ждетъ на родинѣ страшная нужда; работникамъ приходится жить въ людяхъ, ихъ семьямъ — по чужимъ избамъ и побираться, такъ какъ избы самарцевъ продаются на своѣз или (по ветхости) на сломъ, а земля или сдается въ аренду на долгій срокъ, или (наслѣдственно-четвертая) вовсе продается. Конечно, пятидесятью фактами не исчерпываются всѣ неудачные случаи переселенческаго движенія; но если даже допустить, что еще такое же или немного большее число ихъ ускользнуло отъ нашей регистраціи, то и при этомъ они дадутъ весьма небольшой % неудачныхъ выселеній; другое дѣло, какъ устраиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ (объ этомъ дальше), но возвращающихся семей въ районѣ нашего изслѣдованія очень немного.

Оносительно организаціи развѣдки слѣдуетъ замѣтить, что она поставлена крайне неудовлетворительно. Хотя крестьянинъ дѣлаетъ, какъ мы видѣли, громадныя усилія, чтобы не идти наобумъ, чтобы узнать далекою Томскую губернію, но средства его въ этомъ отношеніи крайне ограничены: понавъ въ какой-нибудь пунктъ, который ему извѣстенъ изъ писемъ и рассказовъ другихъ крестьянъ, онъ часто не въ силахъ перенестись въ другое мѣсто за какихъ-нибудь 100—200 верстъ, — онъ долженъ дорожить каждымъ рублемъ, оставшимся у него отъ расходовъ на дальнемъ пути. Этимъ и объясняется та странность, что, напримѣръ, вернушіеся крестьяне села Истобнаго увѣрили, будто вся земля позанята раскольниками, а оставшаяся нигуда не годна: они попали въ неудачную мѣстность, а дальше производить свои розыски не имѣли силъ; „только птицы быстрокрылыя, — говорили

они,—могутъ разыскать въ Сибири хорошее мѣсто, если раньше не знать его“. Едва ли не наиболѣе существенная помощь, въ какой нуждается крестьянинъ, идущій на переселеніе, — это точныя и *детальныя* свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ, куда направляется переселенческій потокъ.

Когда крестьянинъ рѣшился „идти на самару“, когда, по его мнѣнію, найдены „вѣрныя мѣста“, начинаются сборы въ далекій путь и, прежде всего, распродажа имущества. Если семья избираетъ пароходный путь, распродается все: не только постройка, земледѣльческія орудія, домашняя утварь, одежда, рогатый и мелкій скотъ, но даже и лошадь,—все обращается въ деньги; если же предстоитъ поѣздка на лошади, крестьянинъ захватываетъ съ собою почти всю свою одежду и другіе менѣе громоздскіе пожитки и инструменты. Обыкновенно еще съ осени, исподволь начинается распродажа имущества самарцевъ, но очень многіе рѣшаются на переселеніе какъ - то внезапно, порывисто, когда уже односельцы позаживнѣе вполнѣ снарядились въ путь. Въ послѣднемъ случаѣ идетъ слѣпная распродажа за безцѣнокъ; тутъ выгодно бываетъ „проводать“ или „отпускать“ самарцевъ; но даже и въ первомъ случаѣ рѣдко удается получить настоящую цѣну за продаваемое. Какому крестьянину можетъ понадобиться *вторая* изба, рига, *второй* сарай? Какой крестьянинъ въ силахъ дать настоящую цѣну за скотъ и землю? Конечно, только зажиточный. Правда, даже среднія хозяева употребляютъ всѣ усилія, чтобы быть въ силахъ хоть одного самарца „отпустить“, а, главное, чтобы купить его землю, если есть у него собственная или наслѣдственно-четвертная; изъ-за этого многіе даже входятъ въ долги; но все же весьма понятно, что при значительныхъ партіяхъ переселенцевъ, при малыхъ размѣрахъ селеній, откуда идутъ они, при бѣдности окрестнаго населенія, имущество самарцевъ продается по очень низкимъ цѣнамъ; мы уже знаемъ, что иногда бываетъ очень трудно и даже невозможно найти покупателя на него и что болѣе зажиточные разряды крестьянъ отчасти поэтому даютъ болѣе % выселеній. Особенно благоприятно въ этомъ отношеніи обставлены бывшіе государственные четвертные крестьяне: они могутъ продать наиболѣе цѣнную часть имущества крестьянина—надѣльную землю и, притомъ, продать наиболѣе зажиточному населенію—крестьянамъ своего разряда, значить и наиболѣе выгодно. Но и у нихъ иногда, — когда размѣры общества незначительны, когда они окружены наиболѣе бѣднымъ населеніемъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, — даже продажа земли очень затрудняется; тогда имъ приходится обращаться къ стороннимъ лицамъ, къ кушамъ; но тѣ неохотно покупаютъ землю, обложенную оброчной податью и расположенную въ чрезполосномъ владѣніи съ остальными домохозяевами общества. Таковы условія государственныхъ четвертныхъ крестьянъ с. Ягоднаго, — и около 10 здѣшнихъ семей должны были воздержаться отъ переселенія въ 1881 году, такъ какъ торговавшій ихъ землю купецъ (около 50 десят.) отказался отъ покупки передъ самымъ выходомъ на самару, а продать землю кому-либо другому не представлялось возможности: въ ихъ обществѣ толь-

ко 53 наличныхъ домохозяина (вмѣстѣ съ желавшими уйти), а кругомъ—помѣщичьи крестьяне да частные землевладельцы. Чтобы избавиться отъ необходимости продавать свое имущество за бездѣнокъ, болѣе зажиточные переселенцы, успѣвшіе собрать необходимую на дорогу сумму, часть имущества поручаютъ остающимся дома родственникамъ, и тѣ уже, распродавая его исподволь, пересылаютъ вырученныя деньги.

Но, кромѣ подобныхъ хозяйственныхъ затрудненій, переселенія нерѣдко задерживались и мѣстной администраціей. Хотя сначала въ программу нашихъ опросовъ крестьянъ не были включены вопросы о вмѣшательствѣ администраціи въ изучаемое движеніе, но сами крестьяне указывали на задержку съ этой стороны, и у насъ накопилось довольно значительное количество такихъ фактовъ по Ранинбургскому и Данковскому уѣздамъ; приведемъ нѣсколько изъ нихъ.

Въ Ранинбургскомъ уѣздѣ. Въ 1880 году переселенцы с. Журавнокъ сначала были удержаны исправникомъ; но когда выяснилось, что переселенцы уже распродали свое имущество, уходъ на самару болѣе не задерживался. Около того же времени 13 семей изъ селца Пителина стали собираться въ Томскую губернію: пораспродали имущество, получили даже задатки за избы; но вдругъ бумага отъ исправника, а за ней вскорѣ явился становой, объяснивъ, что на переселеніе идти законъ не позволяетъ, что отъ переселенія они только разорятся, а что можно идти на заработки по паспорту. Большая часть побоялась закононарушенія и осталась, хотя имъ трудно было снова обзаводиться и хозяйство ихъ опустилось; только 2 семьи поняли благой намекъ и, взявъ паспорта, ушли въ Томскую губернію. Въ село Буховое пріѣзжалъ самъ исправникъ, уговаривая не ходить на самару; когда мы были тамъ (осенью 1881 года), крестьяне высказывали опасенія, какъ бы не было болѣе сильной задержки со стороны полиціи. Изъ Дмитріевскаго Боровна (Екимецкой волости) вышли въ 1877 г. на переселеніе 2 семьи; послѣ ихъ ухода собрались уйти еще семей 5; нѣкоторыя уже продали свои избы; исправникъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ выдачу паспортовъ въ теченіе мая мѣсяца, когда обыкновенно переселенцы отправляются въ путь.

Въ Данковскомъ уѣздѣ. Крестьяне с. Требунокъ рассказывали намъ, что въ началѣ 1881 года „исправникъ очень строго наказывалъ, чтобы никто на самару не смѣлъ уходить, не велѣлъ было самарцамъ давать паспорта, но потомъ смиловался,—не сталъ вмѣшаться“. Въ селѣ Долгомъ говорили, что отъ нихъ значительно больше ушло бы на переселеніе, если бы „со стороны начальства задержекъ не было: иной годъ вовсе не пускали на уходъ“. Такъ, напримѣръ, по словамъ должовцевъ, лѣтъ 12 назадъ нѣсколько человѣкъ изъ ихъ села пошли на развѣдку вольныхъ земель и нашли много хорошихъ мѣстъ; но когда они и много другихъ семей съ ними стали собираться въ дорогу, „начальство всѣхъ окоротило; никто не ушелъ“. Изъ Федоровки (Зміевской волости) двѣ семьи ушли въ Томскую губ. въ 1881 г., но когда вслѣдъ за ними хотѣли уйти еще семьи двѣ, то ихъ „задержалъ исправникъ и помѣщикъ“.

Приведенные примѣры (какъ и другіе, отмѣченные у насъ случаи) показываютъ, что уѣздная администрація сама часто колебалась, какъ отнестись къ переселенческому движенію, и что если въ прежнее время она задерживала уходъ крестьянъ на вольныя земли, то въ послѣдніе годы относилась къ нему гораздо мягче и даже сама какъ бы указала путь, какимъ можно обходить законъ, запрещающій переселенія безъ увольнительныхъ и пріемныхъ приговоровъ. Такое отношеніе къ движенію мѣстныхъ властей вполне понятно: сдержать его онѣ не были въ силахъ, а остановить нѣсколько десятковъ дворовъ, уже распродавшихъ все имущество, значило привести въ полный упадокъ ихъ хозяйство.

Когда имущество распродано, возможно ббльшая сумма денегъ реализована и всѣ препятствія къ уходу устранены, крестьянинъ, идущій пароходнымъ путемъ, отправляется въ Рязань, а избравшіе себѣ сухопутный маршрутъ заготовляютъ подводы, рассчитывая по 3—4 и даже по 5 человекъ на каждую: семья изъ 7—8 человекъ снаряжаетъ 2 подводы, семья изъ 4 и даже 5 человекъ обыкновенно довольствуется одной. Телѣга такой переселенческой повозки должна быть прочная, непременно покрытая кузовомъ (родъ возка на колесахъ или кибитки), лошадь — крѣпкая, способная идти безостановочно мѣсяца три, сдѣлавъ въ нихъ до 5,000 верстъ. Снаряженіе такой повозки съ лошадью обходится обыкновенно около 70 руб., но иной бѣднякъ ухитряется справиться ее и за 40—50 руб., а всякій мало-мальски исправный хозяинъ не пожалѣетъ на нее и 100 р.; такая повозка дойдетъ безъ поломки до самаго мѣста, лошадь будетъ меньше утомляться, да и тамъ, на новыхъ мѣстахъ, бросать ихъ не придется.

Во всѣхъ изслѣдуемыхъ нами 3-хъ уѣздахъ былъ только одинъ случай выхода на переселеніе цѣлой общины; это — крестьяне, бывшіе г. Григорова (нынѣ государственные), села Бигильдина; вся община въ 5 дворовъ съ 19 наличными душами обоого пола. Она вышла весной 1881 года въ Війскій округъ, продавъ свою надѣльную землю (30 десятинъ) бигильдинскому же четвертному крестьянину за 1,500 р. съ переводомъ на него всѣхъ лежащихъ на землѣ платежей. Мы уже познакомились съ попытками къ массовымъ выселеніямъ изъ Хрущевской волости, Данковскаго уѣзда, и изъ Демкинскихъ выселокъ и Шереметьевской волости, Раненбургскаго; кромѣ того, нѣсколько мелкихъ общинъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ тоже пытались переселиться въ полномъ составѣ. Назовемъ всѣ извѣстныя намъ случаи такихъ попытокъ. Въ 1875 г. изъ села Круглаго, Тепловской волости, хотѣла выселиться въ Самарскую губернію вся община (78 наличныхъ дворовъ въ настоящее время) временно-обязанныхъ крестьянъ г. Хомякова; но всѣмъ выйти не было разрѣшено, а по частямъ выходили неохотно; все-таки, 5 семей выселилось тогда. Лѣтъ 12 назадъ хотѣла выйти „на вольныя земли“ вся вотчина (95 дворовъ) кн. Голицына деревни Колодезной, Хитровской волости; дѣло окончилось такъ же, какъ и въ Хрущевской волости: посланнымъ въ Рязань ходокамъ губернаторъ не разрѣшилъ выселеніе цѣлой общины, и переселеніе не состоялось. Около того же времени мѣстныя

власти задержали выселеніе изъ села Большіе Кочуры, откуда хотѣли выйти „на самару“ около $\frac{1}{3}$ семей временно-обязанныхъ крестьянъ кн. Шаховскаго; нѣкоторыя ушли тайкомъ, но ихъ вернули съ дороги. Въ 1880 г. вся община (19 дворовъ) крестьянъ-собственниковъ села Лычнаго собиралась уйти въ Томскую губернію и уже хлопотала о продажѣ своего надѣла; богатый крестьянинъ изъ общины бывшихъ государственныхъ того же села соглашался внести выкупъ за ихъ землю и, сверхъ того, дать имъ по 20 или по 30 рублей за десятину, да „одиначки забунтовали“, т. е. малосемейные и бездѣтные не захотѣли уходить съ родины, — и продажа (а съ ней и переселеніе) не состоялась. Весной 1881 года шишкинская община села Дубоваго хлопотала о продажѣ своей земли, чтобы на вырученныя деньги двинуться всѣмъ міромъ (20 дворовъ) въ Томскую губернію; но такъ какъ они недавно вышли на выкупъ, то, сверхъ выкупной суммы, имъ почти ничего не пришлось бы получить, а, слѣдовательно, не съ чѣмъ было бы и двинуться; они остались, хотя нѣсколько семей думаютъ все же попытать счастья въ Бійскомъ округѣ. Въ Скопинскомъ уѣздѣ было двѣ подобныхъ попытки: въ 1869 г. община крестьянъ-собственниковъ Питомскихъ Хуторовъ (Курбатовской волости) собралась выселиться въ Самарскую губернію, но была удержана властями; а Савиловскій Хуторъ (21 дворъ, Яблоневской волости) еще въ 1882 году хлопоталъ о продажѣ своей земли, чтобы уйти въ Томскую губернію. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ мелкія общины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ встрѣчали задержку своему выселенію или со стороны властей, или въ затруднительности продать свою землю: очень трудно крестьянамъ, состоящимъ на выкупѣ, найти покупателя на ихъ землю; еще труднѣе всѣмъ согласиться на продажу надѣла; а только при такомъ условіи и возможна продажа его для цѣлой общины. Въ этомъ случаѣ обыкновенно являются несогласными одиначки: имъ не для кого предпринимать такой рѣшительный шагъ да и труднѣе, чѣмъ семьямъ многогарабочимъ, устроиться на новыхъ мѣстахъ.

Если изъ среды бывшихъ государственныхъ крестьянъ не было случаевъ выхода на переселеніе цѣлыми общинами, не было даже и попытокъ къ тому, за то изъ громаднхъ селъ этого разряда крестьянъ выходили иногда весьма значительныя партіи переселенцевъ въ одинъ годъ. Въ годъ самаго сильнаго переселенческаго движенія съ юга Рязанской губерніи (1881) изъ пяти селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ выселилось болѣе чѣмъ по 50 семей; впрочемъ, ни изъ одного изъ нихъ не вышло тогда болѣе $\frac{1}{3}$ его населенія:

Изъ с. Колыбельскаго	изъ 403 нал. семей	вышло въ 1881 г.	81 с., т. е.	20%
„ „ Истобнаго . . .	372 „ „ „ „ „	53 „ „	14%	
„ „ Демкина . . .	349 „ „ „ „ „	64 „ „	12%	
„ „ Ломоваго . . .	521 „ „ „ „ „	52 „ „	10%	
„ „ Бигильдина . . .	425 „ „ „ „ „	66 „ „	15%	

Кромѣ того, можно указать еще на весьма значительныя выселенія въ томъ же году изъ пяти селъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ; изъ каждаго вышло свыше 30 семей: изъ Путятина 48 семей,

изъ Кривополянья 42, изъ Ратчина 37, изъ Буховаго 35 и изъ Требунокъ 42. Въ остальные годы послѣдняго шестилѣтїя (съ 1877—82 г.) не было ни одного случая, когда бы годичное выселеніе изъ одной общины достигало 50 семей, и только въ двухъ селахъ оно было выше 30 семей; оба эти большія села состоятъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ: село Салтыки выдѣлило изъ себя въ 1877 году 45 семей въ Уфимскую губернію и Журавинка въ 1880 году дала 33 переселенческихъ семьи въ Томскую губернію. Во всѣхъ такихъ случаяхъ выселеній большаго числа семей онѣ не выходятъ въ одинъ и тотъ же день, образуя одну партію, а обыкновенно разбиваются на нѣсколько болѣе мелкихъ, иногда направляющихся даже и въ Бійскій округъ разными дорогами или идущими въ разныя мѣста поселенія. Партіи, принимающія восточное направленіе (въ Томскую, Уфимскую и Оренбургскую губерніи) и совершающія свой путь на лошадяхъ, состоятъ обыкновенно изъ 10—20 подводъ, иногда, впрочемъ, и значительно болѣе. Къ партіи большаго села присоединяются отдѣльныя семьи ближайшихъ деревень; иногда отдѣльныя партіи догоняютъ другъ друга, — и цѣлый громаднѣйшій обозъ переселенцевъ тянется въ Томскую губернію, загромождая дорогу на десятки верстъ; по крайней мѣрѣ, на это указываютъ переселенцы въ своихъ письмахъ; напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ говорится: „Довольно крику положила Рассея: обозъ (переселенцевъ) тянулся на 25 верстъ!“.

Переселенцы, направляющіеся въ Бійскій и Барнаульскій округа Томской губерніи, слѣдуютъ двумя главными путями. Одни съ мѣста идутъ на лошадяхъ; они съ Рижска круто поворачиваютъ на востокъ вдоль линіи оренбургской желѣзной дороги и, пройдя въ этомъ направленіи по Тамбовской, Пензенской, Самарской и Оренбургской губерніямъ, достигаютъ Оренбурга и Орска, откуда уклоняются къ сѣверу-востоку, слѣдуя на Троицкѣ; изъ Троицка нѣкоторыя партіи продолжаютъ идти въ томъ же сѣверо-восточномъ направленіи и, исподволь уклоняясь къ востоку, чрезъ Курганъ, Ишимъ, Тюкалинскъ достигаютъ Барнаула и Бійска; иногда же переселенцы съ Троицка идутъ почти прямо на востокъ и достигаютъ Барнаула чрезъ Петропавловскъ и Омскъ, съ юга огибая озеро Чаны. Другая часть переселенцевъ ѣдетъ по козловско-ризанской желѣзной дорогѣ до Рязани, откуда по Окѣ, Волгѣ и Камѣ направляется въ Пермь пароходнымъ путемъ; изъ Перми по уральской желѣзной дорогѣ достигаетъ Екатеринбургъ, а оттуда на лошадяхъ слѣдуетъ въ Тюмень; здѣсь часть переселенцевъ покупаетъ лошадей и направляется на нихъ въ Бійскій округъ, чрезъ Ишимъ и Тюкалинскъ, остальные же воднымъ путемъ (по Тоболу, Иртышу и Оби) достигаютъ Томска, а нѣкоторые даже и Барнаула; изъ Томска и Барнаула нанимаютъ лошадей или идутъ пѣшкомъ до мѣстъ своего поселенія. Прослѣдимъ (насколько позволитъ нашъ матеріалъ) стоймость, продолжительность и инныя условія обонхъ путей съ ихъ развѣтвленіями. Начнемъ съ тюменскаго пути.

Переселенцы, направляясь этимъ, преимущественно пароходнымъ путемъ, берутъ съ собой весьма немного изъ своихъ пожитковъ, нагружая ими мѣшокъ-два такихъ размѣровъ, чтобы быть въ силахъ

унести ихъ на себѣ. Достигнувъ Рязани по желѣзной дорогѣ въ третьемъ классѣ (4-го на козловско-рязанской нѣтъ; скидки никакой не дѣдается), переселенцы условливаются съ пароходной компаніей о доставкѣ ихъ въ Нижній, гдѣ пересаживаются на другіе пароходы, идущіе до Перми. Въ Перми они рѣдко останавливаются даже и на день, а прямо переходятъ съ пароходной пристани на вокзалъ уральской желѣзной дороги, по которой большинство переселенцевъ ѣдутъ за половинную плату, а ихъ багажъ идетъ даромъ; впрочемъ, судя по письмамъ, многіе не знаютъ объ этой скидкѣ и платятъ наравнѣ съ остальными пассажирами 3-го класса. Въ Екатеринбургѣ переселенцы нанимаютъ подводы обыкновенно съ вѣсу, платя по 30 или 40 к. за пудъ; людей взвѣшиваютъ наравнѣ съ багажемъ; иногда платятъ съ повозки рублемъ 12—14 или съ человѣка 2—2½ рубля. Слѣдуя безостановочно, рязанскіе переселенцы достигаютъ Тюмени недѣли черезъ двѣ. Въ Тюмени, повидимому, можно довольно выгодно покупать лошадей, такъ какъ новоселы въ своихъ письмахъ изъ Томской губерніи совѣтуютъ своимъ роднымъ и землякамъ запастись лошадьми именно здѣсь и пишутъ, что лошадь съ полной упряжкой обходится около 40 рублей. Снарядивъ себѣ подводы, часть переселенцевъ направляется на нихъ до мѣста своего будущаго поселенія, употребляя на этотъ переходъ недѣль 7, такъ что въ общей сложности они пробудутъ въ пути слишкомъ 2 мѣсяца (недѣль 9). Переселенцы, продолжающіе дальнѣйшій путь на пароходахъ, дойдя до Тюмени, сдѣлали уже треть пути: до Томска они ѣдутъ водой около двухъ недѣль и столько же отъ него до мѣста своего поселенія (напримѣръ, до деревни Шубенки) на наемныхъ подводахъ; такимъ образомъ, эта часть переселенцевъ отъ Рязани до деревни Бійскаго округа достигаетъ недѣль въ шесть, т.-е. выигрываетъ сравнительно съ предъидущими недѣли 3 времени, приходя на мѣсто передъ началомъ полевыхъ работъ—въ 20-хъ числахъ іюня, тогда какъ тѣ попадаютъ въ Бійскій округъ въ самый разгаръ страдной поры—въ средній іюль, „спустя недѣлю Казанской“, какъ сообщаютъ переселенцы въ письмахъ на родину.

Во что обходится переѣздъ до мѣста поселенія на купленныхъ въ Тюмени лошадяхъ, намъ не удалось прослѣдить ни по письмамъ, ни изъ устныхъ разсказовъ возвратившихся ходоковъ; но общая стоимость этого пути отъ Рязани обходится приблизительно рублемъ по 30 на человѣка, считая стоимость харчей и прокормъ лошади. Судя по письмамъ, около той же суммы издерживаютъ переселенцы, идущіе по водѣ вплоть до Барнаула; стоимость этого пути, не считая ѣды, около 19—20 р. на человѣка съ 12 лѣтъ; путь ребенка до двѣнадцатилѣтняго возраста обходится на половину дешевле, а за самыхъ маленькихъ ничего не платится. Общую стоимость пути рязанскихъ переселенцевъ, идущихъ отъ Тюмени до Томска на пароходахъ, мы можемъ опредѣлить съ весьма значительной точностью, благодаря частымъ письменнымъ указаніямъ и личнымъ бесѣдамъ съ вернувшимися развѣдчиками. Проѣздъ каждаго человѣка (съ 12 лѣтъ) обходится:

До Рязани по желѣзной дорогѣ около	1 р. 80 к.
Отъ Рязани до Перми на пароходѣ	7 " 25 " *)
" Перми до Екатеринбургa	3 " (иногда 6 р.).
" Екатеринбургa до Тюмени	2 " — "
" Тюмени до Томска	6 " — "
" Томска до Шубенки	2 " — "

А всего . . . 22 р. 05 к.

Въ письмахъ обыкновенно общая стоимость пути отъ Рязани до Томска указывается 17—20 р., а вмѣстѣ съ харчами 30—35 р. на человѣка, что вполнѣ согласуется и съ приведенною детальною стоимостью пути.

Какъ переселенцы, направляющіеся въ Томскую губернію чрезъ Рязань и Тюмень, такъ и идущіе туда на своихъ лошадяхъ чрезъ Оренбургъ и Троицкъ, не могутъ выйти съ родины раньше первыхъ чиселъ и даже середины мая; первыхъ задерживаетъ таяніе льда на рѣкахъ, вторыхъ — отсутствіе подножнаго корма. Обыкновенно переселенцы, идущіе на своихъ лошадяхъ, достигаютъ Бійскаго округа мѣсяца чрезъ 3, т.-е. не раньше первыхъ чиселъ августа; разница въ продолжительности пути чрезъ Омскъ и Ишимъ (съ Троицка), повидимому, незначительна. Эта часть переселенцевъ захватываетъ съ собой гораздо больше груза, чѣмъ идущіе пароходнымъ путемъ: они захватываютъ большую часть своей одежды, инструментовъ, вообще все, что не особенно тяжело и громоздко и можетъ уложиться на ихъ повозкахъ; кромѣ того, идя въ такой долгій путь, они берутъ съ собой състныхъ припасовъ, по крайней мѣрѣ, на мѣсяць—овса, пшена, а, главное, сухарей. Сухари, по словамъ крестьянъ, занимаютъ мало мѣста и даютъ „плотную“ пищу: размочать въ водѣ съ солью да лукомъ, — и выходитъ „сытное хлебово“. Болѣе или менѣе зажиточный крестьянинъ старается брать въ дорогу самоваръ, чтобы пить кипяченую воду: „ѣхать приходится въ самый жаръ; поило мучить, а вода со всячинкой“, — поясняетъ въ своемъ письмѣ одинъ переселенецъ. Самый трудный путь до Оренбургской и даже до Тобольской губерній: лошадь приходится кормить покупнымъ сѣномъ или овсомъ, а пудъ овса доходить до 80 к., до 1 р. и даже выше; за фунтъ хлѣба платятъ по 5—6 копѣекъ; милостыню подаютъ плохо. За Оренбургомъ лошадь, главнымъ образомъ, на подножномъ корму, да и овесъ не дороже 35 к. пудъ; фунтъ пшеничнаго хлѣба продается по 2 к.; его подаютъ цѣлыми фунтами, такъ что иногда и не особенно нуждающіеся посылаютъ дѣтей просить милостыню; тутъ начинается хлѣбная сторона. При такихъ условіяхъ пути его стоимость до самаго мѣста поселенія — около 80—75 р. на семью изъ 4—5 человѣкъ на одной повозкѣ.

Наши матеріалы не даютъ точной цифры переселенцевъ, идущихъ тѣмъ или другимъ изъ рассмотрѣнныхъ нами путей; можно только

*) Такова наиболѣе часто указываемая сумма проѣзда; въ одномъ письмѣ она падаетъ до 6 р., въ одномъ подымается до 8 р.

сказать, что сухимъ путемъ — съ мѣста на своихъ подводахъ — идетъ бѣльшая часть переселенческихъ семей: почти всѣ бѣдныя и бѣльшая часть многосемейныхъ; имъ этотъ путь обходится дешевле. Не надо представлять себѣ, что всѣ переселенцы *идутъ* на подводахъ: очень часто взрослые работники *идутъ* съ ними рядомъ, только изрѣдка подсаживаясь; *идутъ* же дѣти, женщины и старики. Мы знаемъ уже, что обыкновенно переселенцы стараются снарядить повозку на вѣдье 4—5 человекъ; но бѣдныя рѣдко въ силахъ справиться больше одной повозки, хотя бы у него была и большая семья; раньше былъ приведенъ примѣръ, когда крестьянинъ идетъ въ Томскую губернію самъ-десять на одной лошади; подобные случаи далеко не единичны; притомъ, бѣдныя очень сильно рассчитываютъ на подаенія, которыя невозможны на тюменскомъ пути. Понятно, почему бѣдныя идутъ чрезъ Оренбургъ: онъ иногда самъ-5, самъ-6 ухитряется дойти до Бійскаго округа съ 50 рублями, а по пароходному пути ему нужно для этого не менѣе 150 р. Такой же расчетъ руководить и многосемейнымъ средняго достатка; напримѣръ, семья изъ 9 человекъ на двухъ подводахъ издержать рублей 140, а, идя чрезъ Тюмень, ей нужно не менѣе 225 р., считая расходъ на взрослога 30 р., а на малолѣтнихъ ниже 12 лѣтъ по 15-ти (3 малолѣтка и 6 старше 12 лѣтъ). Расходъ на лошадь и повозку крестьянинъ не считаетъ путевымъ расходомъ: онъ необходимы на новомъ мѣстѣ. На выборъ пути отчасти оказываетъ вліяніе и нежеланіе распродавать свои пожитки за безцѣнокъ; сухимъ путемъ, какъ уже сказано, можно захватить большій грузъ; но одно это не могло бы заставить крестьянина отказаться отъ выгодъ пароходнаго пути, которыя онъ сознаетъ совершенно ясно: придя къ началу страдной поры, онъ можетъ заработать себѣ хлѣба на цѣлый годъ, тогда какъ на лошади онъ дойдетъ въ Бійскій округъ не раньше середины августа, упустивъ самое удобное время для заработка; такого рода соображенія часто приводятъ переселенцы въ своихъ письмахъ на родину, совѣтуя приходить въ Томскую губ. не позже Петрова дня.

Хотя въ громадномъ большинствѣ случаевъ переселенцы идутъ съ родины въ началѣ весны, но бываетъ, что они уходятъ и въ августѣ, или оставшись для уборки своего хлѣба, или рассчитывая заработать во время лѣта денегъ на дорогу; такъ, напримѣръ, какъ было уже упомянуто, поступаютъ торфяники. Въ этихъ случаяхъ осеннихъ переселеній они почти всегда предпринимаются пароходнымъ путемъ, хотя и тутъ изрѣдка идутъ лошадьми, иногда зазимовывая по дорогѣ.

Но далеко не всѣ переселенцы идутъ до Томска $1\frac{1}{2}$ — 3 мѣсяца, какъ было указано раньше; такая скорость возможна только для семей, запасшихъ достаточныя средства на всю дорогу; для бѣдниковъ же она бываетъ неопредѣленно долга. Они иногда идутъ 5—6 мѣсяцевъ и даже годъ и больше года. По какому бы маршруту ни шли переселенцы, не имѣя средствъ для дальнѣйшаго пути, они останавливаются на заработки: то поступаютъ на работу въ Самарской и Оренбургской губерніяхъ, то по близости Тюмени; и здѣсь, и тамъ переселенцы нанимаются на земледѣльческія работы, плотничаютъ, посту-

паютъ на мѣстные заводы и пр.; пока взрослые члены семьи зарабатываютъ деньги для продолженія пути, женщины и дѣти кормятся милостыней. Терпя страшныя лишения въ своемъ дальнемъ странствованіи, переселенцы часто заболѣваютъ и умираютъ въ дорогѣ.

О трудностяхъ, испытываемыхъ переселенцами въ пути, есть указанія очевидцевъ. Г. И. Левитовъ въ *Русской Мысли* за июнь 1883 года и г. И. Л. въ № 4 газеты *Русь* того же года приводятъ совершенно сходные факты, свидѣтелями которыхъ они были въ своей поѣздкѣ отъ Москвы до Томска: переселенцы и на этомъ пароходномъ пути часто нуждаются въ самыхъ необходимыхъ жизненныхъ припасахъ; дѣти и взрослые заболѣваютъ и умираютъ на дорогѣ; роды женщинъ происходятъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Г. Ядринцевъ указываетъ въ своихъ работахъ на блужданія переселенцевъ и на трудность и продолжительность переселенія сухимъ путемъ, на своихъ подводахъ. На стр. 118 и 119 своей *Поѣздки по Западной Сибири* *), онъ говорить: „Бываетъ часто, что переселенцы не сразу находятъ мѣста въ Сибири, но долго блуждаютъ... Въ этихъ блужданіяхъ для нихъ проходить чрезвычайно много времени. Переселенцы, двинувшись разъ въ путь, странствуютъ цѣлыя годы съ семьями... Мы убѣдились, что наша колонизація — цѣлый водоворотъ движеній и переселеній по разнымъ направленіямъ, что только чрезъ нѣсколько лѣтъ въ извѣстной мѣстности является колонизаціонный осадокъ“. На основаніи личныхъ наблюденій г. Ядринцевъ такъ описываетъ **) ходъ передвиженія переселенцевъ по сухопутному маршруту:

„Цѣлыя караваны повозокъ во 100 и болѣе семей, человѣкъ въ 300 и 400 душъ, заразъ двигаются по сибирскимъ дорогамъ. Переселенцы не имѣютъ нигдѣ крова; они останавливаются подъ открытымъ небомъ въ полѣ. Здѣсь располагаются цѣлыя семьи подъ тѣлѣгами; больные и дѣти находятся тутъ же. Нерѣдко приращеніе семей, какъ и смерть, застаютъ людей во время путешествія тоже среди поля. Положеніе значительной части переселенцевъ — нищенское. Входя въ Сибирь, они уже начинаютъ питаться подаяніемъ по деревнямъ, и нищенство составляетъ профессію переселенца, иначе дойти до мѣста у него не стало бы средствъ. На главной трактовой дорогѣ Сибири крестьяне-старожилы сообщили намъ, какъ фактъ, что изъ всего числа обозовъ они помнятъ только двѣ партіи переселенцевъ, не побившихся... но помощь эта, исходящая изъ добровольной благотворительности, весьма случайная“.

При описанныхъ условіяхъ передвиженія „томенцовъ“ не только бѣднѣйшія семьи, но и семьи средней зажиточности могутъ очутиться въ большой крайности среди пути: падеть лошадь, заболѣетъ или умретъ кто-либо изъ семьи, — положеніе можетъ сдѣлаться безвыходнымъ. Въ этихъ случаяхъ очень полезны крупныя партіи, члены которыхъ условливаются иногда не покидать другъ друга въ пути. Но,

*) Помѣщено въ „Запискахъ Западно-Сибир. Отдѣла Импер. Рус. Геогр. Общества“, в. II, 1880 г.

**) „Сибирь, какъ колонія“, стр. 151.

къ сожалѣнію, такая самопомощь мало развита и трудно достижима при скромныхъ средствахъ переселенцевъ; напротивъ того, очень часто первоначальныя партіи разстраиваются; переселенцы изъ одной присоединяются къ другимъ партіямъ, такъ что нерѣдко въ Томскую губ. приходятъ партіи, состоящія изъ выходцевъ разныхъ губерній, не имѣющихъ ничего общаго, кромѣ стремленія на вольныя земли. Впрочемъ, у насъ есть нѣкоторыя указанія на самопомощь переселенцевъ во время ихъ пути и на нѣкоторую необходимую стройность, какую стремятся принять „томенцы“ во время своего далекаго передвиженія. Иногда просто выбираютъ изъ себя старосту для порядка,— чтобы за лошадьми доглядывать на ночлегахъ, чтобы проситься въ непогоду переночевать въ попутныхъ селеніяхъ; такіе старосты выбираются какъ тѣми переселенцами, которые идутъ на Оренбургъ, такъ и другими, сворачивающими отъ Тюмени на Ишимъ. Иногда переселенцы при выходѣ условливаются во взаимной помощи: заболѣвшаго не покидать; у кого лошадь падетъ — дать средства на покупку новой; если кто умретъ на дорогѣ—вся партія останавливается для похоронъ. Приведемъ извѣстные намъ случаи. Партія изъ 10 семей села Журавинки условилась съ нѣсколькими партіями сосѣднихъ селеній во взаимной помощи; онѣ сдѣлали „запись“ въ какомъ-то „присутствіи“: если у кого лошадь падетъ — купить на общій счетъ; умретъ кто — всѣмъ остановиться и какъ слѣдуетъ похоронить; средствъ не хватитъ—прокормить, до мѣста довести. Сдѣлавъ такую запись, собрали по 5 р. съ подводы и отдали деньги избранному изъ своей среды старостѣ. Другія партіи журавинцевъ тоже иногда условливались (на словахъ) помогать своимъ какъ во время пароходнаго пути, такъ и при маршрутѣ на Оренбургъ; журавинцы, передавая намъ эти факты, не согласились съ нашимъ скептическимъ отношеніемъ къ такого рода обѣщаніямъ; они приводили факты, свидѣтельствовавшіе о ихъ выполнении, указывали на совершенныхъ бѣдняковъ, дошедшихъ одновременно съ остальными, благодаря поддержкѣ земляковъ. Пупковскіе, Юсовскіе и Требунковскіе переселенцы также уговаривались на словахъ не покидать другъ друга въ пути и, какъ говорятъ крестьяне, дѣйствительно помогали; Юсовцы, напримѣръ, собирали по 50 к. съ подводы, чтобы замѣнить павшую лошадь односельца. Въ одной изъ „томенскихъ“ партій села Бигильдина каждая семья внесла передъ отправкой въ путь по 25 р. на случай помощи кому-либо изъ своихъ членовъ. Но вообще подробности пути переселенцевъ и ихъ взаимныя отношенія во время его было трудно прослѣдить изъ разспросовъ крестьянъ; возвратившіеся—рѣдкость; мѣстные крестьяне очень мало знаютъ объ этомъ, даже и письма переселенцевъ даютъ для этого интереснаго предмета весьма скудный матеріалъ.

Познакомясь съ ходомъ передвиженія переселенцевъ по самому дальнему и трудному пути, легко составить себѣ понятіе о ихъ передвиженіяхъ и по остальнымъ направленіямъ; замѣтимъ только, что и уфимскіе, и оренбургскіе переселенцы передвигаются тоже или на своихъ лошадяхъ съ самой родины, или ѣдутъ пароходомъ и желѣзною дорогою до Екатеринбурга, откуда нанимаютъ подводы до мѣста поселенія.

Посмотримъ, въ какихъ условіяхъ очутятся новоселы въ Томской губ. и въ другихъ мѣстахъ своего поселенія и какъ они устраиваются тамъ.

Переселенія въ Томскую губ. направляются исключительно въ ея южную часть, во всѣ округа (уѣзды) обширныхъ владѣній горнаго Алтая: въ Томскій, Кузнецкій, Барнаульскій и Бійскій, но преимущественно въ послѣдній. Судя по письмамъ и рассказамъ новоселовъ и развѣдчиковъ, эти преимущественно земледѣльческіе округа обладаютъ громадными свободными пространствами прекраснаго чернозема. Всѣ земли Алтайскаго округа принадлежатъ кабинету Его Величества и находятся въ завѣдываніи алтайскаго горнаго управленія; земля тамъ не продается вовсе, но часть ея отведена въ надѣлы крестьянамъ или состоитъ во владѣніи городскихъ обществъ. Въ приѣмныхъ приговорахъ алтайскихъ крестьянъ и письмахъ переселенцевъ иногда обозначаются размѣры надѣловъ, отведенныхъ крестьянскимъ обществамъ; они очень разнообразны и нерѣдко достигаютъ баснословныхъ размѣровъ: отъ 12½ и 15 десятинъ, доходятъ до 100, до 160 и болѣе десятинъ на душу. Въ одномъ письмѣ изъ Бійскаго округа переименовывається нѣсколько селеній *), имѣющихъ по 100 десятинъ на каждую душу, а въ другомъ—изъ Томскаго уѣзда, Кайманской волости деревни Буровлянки — переселенецъ сообщаетъ: „Есть земля отъ деревни верстъ 12, которая отъ сотворенія міра ни бѣмъ не пахана, и сѣна съ нея никто не косилъ, и лѣсу никто и не рубилъ. Надѣлы для крестьянъ менѣе 15 десятинъ на душу быть никогда не можетъ, а сейчасъ—по пространству мы считали—приходится на каждый дворъ земли удобной болѣе 300 десятинъ“. Такіе громадные надѣлы могутъ показаться невѣроятными, несмотря на сибирскій просторъ; но мы находимъ полное подтвержденіе этимъ даннымъ у г. Ядринцева, собравшаго нѣкоторыя цифровыя свѣдѣнія во время своей поѣздки въ Алтайскій горный округъ.

Всѣ земли Алтая г. Ядринцевъ считаетъ возможнымъ подраздѣлить *): 1) на земли кабинета Его Величества, еще не занятыя; 2) на земли, отданныя по положенію 19 февраля 1862 г. (1861 года?) въ пользованіе крестьянъ до окончательнаго надѣла; 3) земли кабинета подъ козачьими станицами; 4) земли, отданныя въ пользованіе городскихъ обществъ; 5) земли, уступаемыя для новообращенныхъ Алтайской миссіей, и 6) земли кочевыхъ калмыковъ. Къ сожалѣнію, и г. Ядринцевъ не указываетъ размѣровъ каждой изъ этихъ частей; но въ цитируемомъ сочиненіи (стр. 55), у него есть слѣдующія цифровыя указанія. Все пространство Алтайскаго округа исчисляется въ 382,000 кв. верстъ (около 40.000,000 десятинъ); всѣхъ селеній въ округѣ 1,353; имъ нарѣзано 7.264,787 десятинъ, такъ что на душу сельскаго населенія Алтая приходится въ среднемъ выводѣ около 44½ десятинъ; но земля распределена крайне неравномѣрно, колебанія

*) Чумровка, Буланиха, Шубенка, Поперечное, Трынкино.

**) „Зап. Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русскаго Геогр. Общества“ 1880 г., кн. II, стр. 115.

надѣла громадны: отъ 1 до 1,370 десятинъ на душу. Вѣроятно, даже на мѣстахъ трудно (а, быть можетъ, и невозможно) добыть точныя данныя о размѣрѣ надѣла всѣхъ обществъ, такъ какъ г. Ядринцевъ могъ привести свидѣнія инженера Мейена о надѣлахъ лишь въ 206 селеніяхъ (изъ 1,353), упомянувъ, кромѣ того, что „о землѣ въ 18 селеніяхъ свидѣній совсѣмъ нѣтъ“. Но уже и изъ этихъ неполныхъ указаній можно ясно видѣть, какъ неравномѣрно распредѣлена земля между крестьянами Алтайскаго округа и какимъ громаднымъ земельнымъ просторомъ пользуются нѣкоторыя селенія:

По	1,000 десятинъ на душу въ	4 селеніяхъ.
„	500 „ „ „ „	2 „
„	300 „ „ „ „	10 „
„	200 „ „ „ „	14 „
„	150—100 „ „ „ „	47 „
„	14—7 „ „ „ „	88 „
„	7—2 „ „ „ „	18 „

А въ 33 селеніяхъ земля еще не отмежевана крестьянамъ. Такимъ образомъ, въ 77 селеніяхъ этого вѣроятно, небольшого уголка Алтая на каждую душу приходится отъ 100—1,000 десятинъ надѣла; въ такія-то мѣстности, конечно, и направляются новоселы; объ этомъ-то просторѣ и пишутъ они на родину.

Громадность земельного простора Алтайскаго округа подтверждается и многими иными фактическими указаніями переселенцевъ. Они въ большинствѣ своихъ писемъ говорятъ, что „ни земля, ни луга“ въ Томской губ. не дѣлятся, что каждый можетъ косить и пахать, гдѣ хочетъ,—всякому мѣста хватить: такъ великъ размѣръ землевладѣнія мѣстныхъ крестьянъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, хотя пашня и остается недѣленной попрежнему, но лучшіе и ближайшіе луга начинаютъ идти въ передѣлъ по числу дворовъ, работниковъ или душъ семьи, а иногда и всѣ луга дѣлятся. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда возросшее населеніе приходитъ къ необходимости точнаго распредѣленія даже и пашни, крестьяне вовсе перестаютъ принимать къ себѣ переселенцевъ; такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Малаховѣ (Барнаульскаго округа) недавно были приняты послѣдніе новоселы, и крестьяне, подѣливъ всю землю по душамъ, окончательно прекратили пріемъ; у нихъ пришлось по этому передѣлу по 15 десятинъ на душу. По нѣкоторымъ указаніямъ можно видѣть, что и усадебная земля („домѣстье“), и выгоны здѣсь очень просторны. На каждый дворъ отводится помѣстье около 20—30 сажень поперечнику, а вдоль—сколько понадобится, столько и забираютъ подъ огороды *). Скотъ пасется свободно, безъ пастуха; но „съ Троицы до Воздвиженья“ и луга, и хлѣбъ заказываютъ, а скотъ загоняется на выгонъ, расположенный вокругъ селенія на нѣсколько верстъ (на 2, 4 и даже 8) и изгородью отдѣленный отъ пашни и луговъ. На нѣсколько верстъ за изгородью идетъ пашня всего селенія, а дальше расположены займки, пашни и

*) Огородовъ въ Томской губ., кажется, мало; овощи сѣются въ поляхъ.

луга отдѣльныхъ, болѣе сильныхъ хозяевъ. Сѣнокосы настолько обильны, что крестьяне накашиваютъ по 200—400 и даже по 500 копенъ на душу даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ луга начинаютъ дѣлиться. Не только дровяного, но и строевого лѣса (сосна, кедръ) нерѣдко совершенно достаточно для своего хозяйства и даже на продажу; если же своего не хватитъ, то въ казенномъ лѣсу можно за билетъ въ 1—2 рубля нарубить бревенъ рублей на 40—50 и больше.

При такихъ прекрасныхъ земельныхъ условіяхъ томскій крестьянинъ обремененъ не высшими платежами, чѣмъ государственный крестьянинъ Рязанской губ.: кромѣ шестирублеваго оброка на землю, онъ вноситъ въ казенную палату до 2-хъ рублей подушныхъ и иныхъ податей съ каждой души, а, вмѣстѣ съ мѣрскими и волостными расходами, ихъ на каждую душу мужскаго пола придется 10—11 рублей ежегоднаго платежа. Хотя казенная палата ведетъ свои расчеты по душамъ, требуя по 8 руб. съ копѣйками съ каждой, но крестьянскія общества производятъ совершенно иную раскладку среди своихъ членовъ. Такъ какъ земля въ большинствѣ случаевъ не дѣлится, то было бы несправедливо раскладывать подати по количеству ревизскихъ душъ: домохозяинъ, имѣющій больше рабочей силы и болѣе достаточный, захватитъ и большее количество земли подъ распашку, и больше накоситъ сѣна на надѣльныхъ лугахъ; ему, конечно, легче уплатить и подати. Эти-то принципы — насколько намъ удалось прослѣдить — и положены въ основаніе раскладки податей алтайскими крестьянами: иногда подати разложены исключительно по рабочей силѣ, иногда — соразмѣрно съ количествомъ скота cadaго двора, но чаще объ эти единицы раскладки приняты во вниманіе. Обыкновенно общую сумму платежей распредѣляютъ такимъ образомъ, чтобы подростки отъ 15—19 и старики отъ 55—60 лѣтъ несли половину высшаго оклада; высшій окладъ (отъ 11—20 рублей) несутъ лишь полные работники (20—55 лѣтъ); остальная же сумма платежей распредѣляется по скоту; напримѣръ, на каждую овцу по 3—5 коп., а на голову крупнаго скота — по 12—14 копѣекъ.

Повидимому, если не вездѣ, то въ громадномъ большинствѣ мѣстностей Алтайскаго округа почва состоитъ изъ прекраснаго, еще дѣвственнаго чернозема, дающаго высокіе урожаи. Напримѣръ, конопля тамъ сѣется на полевой землѣ и безъ всякаго удобренія, а, между тѣмъ, „выростаетъ лучше, чѣмъ у насъ въ огородахъ, — какъ лѣсъ стоитъ“, — пишетъ одинъ изъ переселенцевъ Раненбургскаго уѣзда. Другой переселенецъ пишетъ, что если на той землѣ вести правильный трехпольный сѣвооборотъ, если хорошенько ее обрабатывать, то „и въ 100 лѣтъ ее не выпахать“; онъ же говоритъ дальше: „мы видѣли, (что) на брошенной землѣ выросла трава осотъ въ 3 аршина вышины, а если пролежить земля 5—6 лѣтъ, то сплошь зарастетъ березовымъ лѣсомъ; у cadaго крестьянина пашня, какъ въ саду“.

При указанныхъ громадныхъ количествахъ свободной земли алтайскіе крестьяне ведутъ переложное хозяйство: поднявъ новъ, крестьянинъ засѣваетъ ее 3, 4, 5 лѣтъ безъ отдыха, производя одну, рѣдко двѣ вспашки подъ каждый хлѣбъ; при такихъ условіяхъ обработки

уже на 4-й годъ земля зарастаетъ сорными травами, а на 5-й урожай становятся настолько плохи, что приходится переходить на новый участокъ нови. Послѣ 4—5 лѣтняго посѣва земля лежитъ въ залежи отъ 5—10 лѣтъ и снова поступаетъ подѣ распахку; за это время она иногда успѣваетъ порости лѣсомъ, который крестьяне обыкновенно выжигаютъ. Новая земля подымается „сибирской сохой“ (родъ плуга) въ шесть лошадей; въ остальные годы земля распахивается четырьмя и даже тремя лошадьми; при указанныхъ приемахъ сибирской обработки земли одной и двумя лошадьми пахать вовсе нельзя.

Хотя озимья рожь и пшеница довольно хорошо рождаются, но обыкновенно здѣсь сѣютъ яровые хлѣба и въ особенности пшеницу бѣлотурку, воздѣлываніе которой считаютъ особенно выгоднымъ; но, кромѣ пшеницы и ржи, сѣютъ: овесъ, гречу, просо, картофель, ленъ, коноплю, сѣютъ овощи: капусту, огурцы, рѣдьку, морковь, рѣпу,—словомъ, все то, что воздѣлывается и въ Рязанской губ.,—даже бахчи съ арбузами и дынями разводятся томскими крестьянами; только яблоки почему-то не удаются тамъ; многіе новоселы высказываютъ сожалѣніе объ этомъ въ своихъ письмахъ и пытаются перенести этотъ фруктъ съ своей родины на сибирскую почву.

Урожай въ Алтайскомъ округѣ крайне разнообразенъ: на новыхъ земляхъ они доходятъ до невѣроятныхъ размѣровъ и быстро падаютъ послѣ каждаго сбора хлѣба съ того же клочка земли; урожай зависитъ, конечно, и отъ годовичныхъ колебаній температуры и количества водяныхъ осадковъ. Дѣйствительно, въ письмахъ встрѣчаются указанія на весьма различную урожайность почвы въ весьма близкихъ другъ отъ друга мѣстностяхъ. Есть указанія и „среднихъ“ урожаяевъ; конечно, они имѣютъ только приблизительное значеніе; судя по нимъ, томскіе урожай немногимъ превышаютъ лучшія мѣстности Рязанбургскаго уѣзда и вездѣ замѣтно, что при громадномъ количествѣ соломы наливъ зерна сравнительно плохъ. Средній урожай озимыхъ ржи и пшеницы обыкновенно считаютъ въ 12—14 копенъ съ десятины при 5—6 мѣрахъ выхода изъ копны; овесъ при томъ же количествѣ сноповъ даетъ изъ копны 10 мѣръ и проч. Выражая въ пудахъ *средніе* урожай съ десятины, обыкновенно считаютъ, что:

Пшеница и озимая рожь даютъ	70 пудовъ.
Греча, просо, ядрица около.	100 „
Овесъ	120—150 „

Но по болѣе части встрѣчаются указанія на гораздо болѣе высокіе урожай въ Бійскомъ, Барнаульскомъ и Томскомъ округахъ Алтая. Такъ, напримѣръ, новосель пишутъ объ урожаяхъ Томскаго округа:

Рожь	даетъ на десятину	25—30 копенъ	по 6—10 пуд.	изъ копны.
Пшеница	„ „ „	25—30	„ „ 4—10	„ „ „
Овесъ	„ „ „	20—25	„ „ 8—12	„ „ „

Просо даетъ съ десятины 80—120 пудовъ; ленъ родится аршина въ 2 высоты; конопля „какъ лѣсъ“; картофель родится безъ перепашки. Но особенно сильно поражаютъ рязанскаго крестьянина басно-

словные урожан гречи, которая стала очень плохо родиться на его родинѣ: почти во всѣхъ письмахъ новоселовъ, какъ только зайдетъ рѣчь объ урожаяхъ Томской губ., подробно указываются урожан гречи; разъ посѣянная, она даетъ въ теченіе 5—10 и даже болѣе лѣтъ по 100—150 и 200 пудовъ съ десятины,—стоитъ только перепахать поле весной: нападвшія зерна („падалица“), сохраняясь въ пухломъ черноземѣ подъ снѣгомъ, послѣ весенней перепашки дадутъ такіе обильные урожан.

Что переселенцы въ своихъ письмахъ не преувеличиваютъ богатствъ Алтайскаго округа, что урожан тамъ дѣйствительно таковы, мы можемъ привести свидѣтельство г. Ядринцева, который, на стр. 86 своей *Повѣдки съ горной Алтай*, говоритъ: „Урожан самъ-10 въ этихъ мѣстахъ средніе, но родится самъ-20 и самъ-30“. А на стр. 67 имъ приводятся урожан въ пудахъ:

Съ десятины пшеницы	до 175 пудовъ.
„ „ ржи	„ 150 „
„ „ ярицы	„ 170 „
„ „ овса	„ 250 „

Эти урожан значительно выше приведенныхъ нами среднихъ урожаевъ и весьма близки къ тѣмъ высокимъ урожаямъ, какіе очень часто приводятся въ переселенческихъ письмахъ. Вообще переселенцы, направляясь въ южные округа Томской губерніи, выбрали для своего поселенія дѣйствительно лучшія мѣста: г. Ядринцевъ называетъ ихъ „житницей Западной Сибири“. Впрочемъ, слѣдуетъ упомянуть, что нѣкоторые изъ вернувшихся переселенцевъ говорили о плохихъ урожаяхъ Томской губерніи, объясняя ихъ поздними-весенними заморозками или сильными лѣтними ливнями, губительно дѣйствующими на посѣвы; они говорили, что и „хорошій урожан въ Сибири не на радость: хлѣбъ дешевъ, а иначе и денегъ достать негдѣ“. Но подобныя мнѣнія единичны, и крестьяне иногда объясняли ихъ желаніемъ говорившихъ оправдать свою неудачную попытку устроиться въ Сибири.

Цѣны на разные сорта хлѣбовъ и до сихъ поръ въ Алтайскомъ округѣ довольно низки, но онѣ сильно поднялись за послѣдніе 3—4 года подъ вліяніемъ громаднаго наплыва туда новоселовъ. Если сравнить цѣны, приводимыя въ переселенческихъ письмахъ послѣдняго времени, съ соотвѣтствующими цѣнами на бійскомъ базарѣ во время проѣзда чрезъ этотъ городъ г. Ядринцева въ 1878 году (стр. 62), то окажется, что онѣ поднялись теперь болѣе, чѣмъ вдвое:

Пудъ ржаной муки . . . въ 1878 г.	17 к.,	въ 1881 г.	35 к.
„ пшеничной . . . „	23 „	„	50 „
„ просяной крупы . . „	27 „	„	50 „
„ гречневой „	20 „	„	50 „
„ овса „	7 „	„	20 „
„ сѣна „	5 „	„	10 „

Есть указанія, что еще и до сихъ поръ возъ сѣна съ доставкой на домъ можно купить за 40—50 к.; но остальные приведенныя цѣны,

повидимому, довольно ясно опредѣлились и иногда даже значительно повышаются, какъ, напр.: весной 1881 года пудъ гречневой крупы доходилъ до 80 коп., а пшено до 90 к. Въ одномъ изъ писемъ, гдѣ говорится о вздорожаніи всѣхъ продуктовъ въ Томской губерніи съ наплывомъ переселенцевъ, приводятся такіа цѣны: пудъ сѣна—15 к., возъ соломы—50 к., за 100 вилокъ (вочней) капуста—3 р., сотня огурцовъ—50 к.

Главный заработокъ въ этой земледѣльческой сторонѣ состоитъ въ наймѣ на различныя полевая работы; новоселы занимаются производить обработку земли и уборку хлѣба или съ платой продуктами сельскаго хозяйства, или за деньги—поденно, въ лѣто и на цѣлый годъ. Плата работнику здѣсь не ниже, чѣмъ на югѣ Рязанской губерніи: поденщина осенью и зимой колеблется между 20 и 30 копѣйками, а въ страдную пору доходить до 50 к.; годовою работникъ получаетъ 35—50 р. и, сверхъ того, 2 засѣянныхъ десятины (рожью и пшеницей). Есть прямиа и положительныя свидѣтельства, что крестьянинъ, имѣющій лошадей, почти не занимается обрабатывать чужую землю,—своей у всякаго довольно; нанимается только рабочая сила человека; причемъ за подъемъ десятины 10-ти--20-ти лѣтнаго залога платится 2 р., за второпашку—1 р.; за жнитво десятины—отъ 3 до 6 рублей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое обиліе сѣна, что хозяину идетъ лишь третья конна, а двѣ—косцу; молотятъ изъ 9-й или 10-й мѣры. Если плата за работу и не высока, то при существующихъ низкихъ цѣнахъ на продукты первой необходимости бѣднякъ можетъ „хорошо кормиться“ и даже можетъ надѣяться обзавестись современнымъ собственнымъ хозяйствомъ.

Обыкновенно переселенцы идутъ съ своей родины по годовымъ паспортамъ; оглядѣвшись на новыхъ мѣстахъ, они выхлопываютъ себѣ казенныя участки *) или, чаще, приѣмные приговоры крестьянскихъ или мѣщанскихъ обществъ, — и тогда только могутъ получать увольнительныя приговоры своихъ сельскихъ обществъ. Послѣдніе приговоры въ большинствѣ случаевъ добываются безъ большихъ проволочекъ: повидимому, администраціей въ послѣднее время приняты мѣры, чтобы не было задержекъ въ этомъ отношеніи со стороны волостныхъ правленій, да и сами мѣстные крестьяне нерѣдко заботятся о томъ, такъ какъ земля переселенца съ его отчисленіемъ переходитъ въ распоряженіе общества. Но, несмотря на это, переселенцевъ, перечисленныхъ въ новое мѣсто жительства, очень небольшой %; большинство продолжаетъ жить по паспортамъ съ своей родины, возобновляя ихъ ежегодно, въ чемъ тоже помогаетъ имъ или ихъ общество, или отдѣльные домохозяева, взявшіе на себя надѣлы самарцевъ.

Казалось бы, что самый удобный способъ поселенія новоселовъ—образованіе новыхъ самостоятельныхъ поселковъ на свободныхъ земельныхъ участкахъ; для этого надо лишь заручиться разрѣшеніемъ томской казенной палаты и алтайскаго горнаго управленія; но въ на-

*) Земля въ Алтайскомъ округѣ не продается, почему и переселенцы никогда не устраиваются тамъ на собственныхъ купленныхъ участкахъ.

нихъ матеріалахъ имѣется мало указаній на такой родъ водворенія рязанскихъ переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ. Это объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, какъ уже было замѣчено, переселенческія партіи разбредаются по дорогѣ къ Томской губерніи и приходятъ сюда отдѣльными семьями, которыя не могутъ образовать самостоятельнаго поселка. Иногда же партіямъ семей въ 20—30 удается занять свободныя земли, получивъ на это надлежащее разрѣшеніе; при такомъ поселеніи отводятся весьма значительныя участки отъ 15 до 50 и болѣе десятинъ *) на душу, а въ одномъ случаѣ на 13 душъ колоканъ изъ дер. Жабиной, Раненбургскаго уѣзда, было отведено столько земли въ Барнаульскомъ округѣ, что новоселы зовутъ своихъ земляковъ, говоря: „хоть пріѣзжайте 500 душъ и больше,—мѣста хватитъ!“ Вся переимѣнная участка стала жабинцамъ въ 130 руб., т. е. по 10 р. на душу. Переселенцы села Долгаго, ушедшіе съ родины въ 1881 году, хотѣли приписаться въ деревню Талицы, Бійскаго округа, гдѣ уже причислились въ 1880 году двѣ семьи изъ ихъ села; съ нихъ потребовали за приписку по 30 р. съ ревизской души; долговцамъ это показалось дорого,—и они вмѣстѣ съ семьями, пришедшими съ ними изъ сосѣднихъ селъ (Сурковъ и Никольскаго), стали хлопотать объ отводѣ для поселенія особаго казеннаго (вѣроятно, изъ земель кабинета) участка, и, дѣйствительно, имъ былъ отведенъ участокъ близъ „Свѣтлаго озера“, но для поселенія на немъ они должны увеличить свою партію еще нѣсколькими семьями.

Гораздо чаще разрозненныя партіи переселенцевъ, дойдя до Алтайскаго округа, стараются приписаться уже къ существующимъ поселеніямъ. Лишь одни отставные солдаты имѣютъ право селиться на землѣ мѣстныхъ обществъ безъ ихъ спроса, а остальные новоселы, только получивъ пріемный приговоръ отъ нихъ, становятся ихъ полнoprавными членами. Прежде пріемка была очень дешева—рублей по 5 съ ревизской души; теперь она рѣдко гдѣ дешевле 15—20 р., а во многихъ мѣстахъ Алтайскаго округа достигла 50 и даже 60 руб. съ каждой ревизской души, сдѣлавшись совершенно недоступной не для однихъ бѣдняковъ, но и для многихъ хозяевъ средняго достатка. Кромѣ условленной суммы денегъ, переселенецъ долженъ поставить обществу ведро или $\frac{1}{2}$ ведра воды, долженъ заплатить старостѣ и волостному писарю „за хлопоты“. А, между тѣмъ, жить на землѣ, арендуемой у общества, очень неудобно: оно всячески тѣснитъ такого новосела, вынуждая приписку, и имѣетъ право согнать его съ своей земли во всякое время. Приписка къ обществамъ настолько тяжела для переселенца, что, преодоливъ ее, онъ считаетъ себя на половину устроившимся. Издалека очень трудно судить о причинѣ такой дороговизны пріемныхъ приговоровъ: быть можетъ, мѣстныя общества хотѣтъ воспользоваться безвыходнымъ положеніемъ переселенцевъ, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ тамъ, — куда особенно силенъ притливъ переселенцевъ, — становится тѣсно. Мы уже видѣли, что подѣ

*) Есть одно указаніе, что въ этомъ случаѣ новоселы получаютъ трехлѣтнюю льготу отъ податей.

вліяніемъ ихъ наплыва въ нѣкоторыхъ обществахъ пришлось присту-
пить къ передѣлу земли; крестьяне указываютъ цѣлую волость (Бій-
скую), гдѣ пріемъ новоселовъ скоро долженъ вовсе прекратиться, такъ
какъ становится тѣсно самимъ. Одинъ изъ переселенцевъ пишетъ:
„Во всю Томскую губернію народу понаѣхало неисчислимо; приписы-
ваются въ захватъ“. Какъ ни странно слышать о „тѣснотѣ“ въ зе-
мельныхъ условіяхъ Томской губерніи, но если имѣть въ виду, что
новоселы очень часто стремятся въ одни и тѣ же пункты, особенно
излюбленные и болѣе извѣстные, то это станетъ весьма вѣроятнымъ.

Затруднительность поселенія на свободныхъ участкахъ и вздорожа-
ніе приписки къ крестьянскимъ обществамъ заставляютъ значительное
большинство переселенцевъ отказаться отъ обонхъ этихъ способовъ
устройства въ Томской губерніи: они или приписываются въ мѣщане
Бійска и Барнаула, или вовсе обходятся безъ перечисленія, живя по
нѣскольку лѣтъ по паспортамъ съ родины; легкость мѣщанскихъ по-
даей при обиліи городской земли, сдающейся въ аренду, особенно
способствуетъ приливу новоселовъ въ мѣщане. Переселенцы нерѣдко
указываютъ на то, что хотя въ деревнѣ и легче жить, да подати та-
желѣе: тогда какъ крестьянинъ платитъ до 12 р. съ души, съ мѣща-
нина, живущаго въ городѣ, сходитъ около 75 копѣекъ и даже, живя
въ деревнѣ, онъ платитъ лишь 3 р. Хотя новоселы, приписавшись къ
крестьянскому обществу или образовавъ самостоятельный поселокъ,
вполнѣ обезпечены землей, но арендныхъ цѣны на земли Алтайскаго
округа еще такъ низки, что многіе находятъ болѣе выгоднымъ заво-
дить на первое время свое хозяйство на съемной землѣ. Сдаются въ
аренду и городскія, и крестьянскія, и, кажется, свободныя земли ка-
бинета; десятина пахотной земли снимается за 40 — 50 копѣекъ въ
годъ; вспаханную и засеянную (пшеницей или рожью) десятину мож-
но снять рублемъ за 6. Иныя снимаютъ въ аренду лѣтъ на 12 по многу
земли и устрояютъ на ней хутора, „живя, какъ господа“. Аренда
луга тоже очень дешева; такъ, напримѣръ, одинъ переселенецъ снялъ
травы на 80 копѣекъ, а накосилъ 36 возовъ, другой—за 50 копѣекъ
накопилъ 100 копенъ. Какъ великъ наплывъ переселенцевъ, приписы-
вающихъ въ мѣщане, показываетъ быстрый ростъ Бійска и Барнаула.
Переселенецъ изъ Раненбургскаго уѣзда, описывая городъ Бійскъ,
говоритъ, что „онъ пространство сталъ занимать большое: около
2,000 домовъ; построй весь по плану, и къ нему ежегодно прибавля-
ются новоселы—домовъ по сту и болѣе. Торговый народъ сталъ ще-
голять не попрешнему; товары всѣ до цѣнъ небывалыхъ дошли“. Г.
Ядринцевъ въ своей *Попздкѣ въ горный Алтайскій округъ* указываетъ
на подобныя же явленія. Онъ говоритъ (стр. 59), что замѣчается зна-
чительное увеличеніе населенія въ Барнаулѣ и Бійскѣ, благодаря при-
пискѣ новоселовъ къ мѣщанскимъ обществамъ: къ Барнаулу съ 1865
по 1878 годъ причислена 421 семья переселенцевъ, а въ Бійскѣ въ
теченіе пятилѣтія (съ 1875 по 1879 годъ) на 3,380 мѣщанъ припи-
салось 1,337 душъ переселенцевъ.

Обезпечивъ себя, однимъ изъ указанныхъ способовъ, надѣльной или
арендной землей, новосель старается обзавестись необходимымъ для

хозяйства инвентаремъ и постройками. Посмотримъ, во что обойдется самое скромное хозяйственное обзаведеніе въ Томской губерніи. Г. Ядринцевъ говоритъ („Поѣздка“, стр. 115): „Въ деревняхъ переселенцевъ мы встрѣчаемъ дома всевозможной формы и размѣровъ, начиная отъ низенькаго сруба и мазанки до обыкновенной избы“; о томъ же рассказываютъ возвратившіеся ходоки и сами переселенцы въ своихъ письмахъ. Вообще новосель довольтвуется самой скромной стройкой, сберегая свои средства на другія хозяйственныя нужды, а въ особенности на приобрѣтеніе рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій. При дешевизнѣ дѣснаго матеріала стоимость постройки въ Алтайскомъ округѣ, по крайней мѣрѣ, втрое ниже, чѣмъ въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи: порядочную избу, стоящую въ Раненбургскомъ уѣздѣ 150 р., въ Томской губерніи можно купить за 50 р.; въ Бійскомъ округѣ переселенецъ купилъ хорошій домъ въ 4 комнаты со всей домашней утварью за 300 руб., тогда какъ такой же домъ на его родинѣ обошелся сосѣднему купцу въ 1,000 руб. Большой спросъ на стройку со стороны вновь прибывающихъ переселенцевъ создалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Алтайскаго округа особый видъ заработка: старожилы заготавливаютъ срубы и продаютъ новоселамъ. При такихъ условіяхъ переселенцы иногда снаряжаютъ себѣ маленькую избушку съ наиболѣе необходимой пристройкой для скота за 25—30 руб. Но наиболѣе цѣнная часть первоначальнаго обзаведенія—рабочій скотъ: для полнаго, самостоятельнаго хозяйства необходимо, по крайней мѣрѣ, 3 лошади, да и такой крестьянинъ долженъ будетъ или вовсе отказаться отъ разработки нови, или спряться съ сосѣдями, такъ какъ для этого необходимо одновременное усиліе 6 лошадей, запряженныхъ въ плугъ. Скотъ въ Сибири тоже значительно дешевле, чѣмъ въ Рязанской губерніи; но все же за лошадь надо заплатить не менѣе 20—25 руб., за корову 18—20 руб. Такимъ образомъ, новосель, чтобы стать настоящимъ пахаремъ, долженъ понести по самому скромному расчету слѣдующіе расходы:

Изва съ пристройкой для скота	25 р.
3 лошади	60 „
Корова	18 „
Сибирская соха для второпашки *)	7 „

Итого . . . 110 р.

Стоимость приписки въ обществу средней семьи (въ 6 наличныхъ душъ обоого пола при 2-хъ ревизскихъ мужскаго пола) около 40 р., а иногда и 100 р., а вмѣстѣ съ предъидущей цифрой составитъ отъ 150—210 р., не считая многихъ мелкихъ расходовъ, неизбѣжныхъ при первоначальномъ обзаведеніи. Дѣйствительно, и крестьяне указываютъ на необходимость имѣть не меньше 150 р. по приходѣ на мѣсто на своихъ лошадяхъ (хотя бы на двухъ); тогда, по ихъ мнѣнію, можно скоро стать полнымъ хозяиномъ, настоящимъ «жителемъ». Но въ письмахъ нерѣдко говорится, что «200 р. истратилъ, а всего испра-

*) Сибирская соха для подъема нови 13—15 р.

вить не удалось»; есть и такія заявленія, что крестьянинъ, взявшій съ собой 200 р. и уйдя на 4-хъ лошадахъ, цѣлый годъ пробылъ въ Томской губерніи, пока ему удалось вполне обзавестись хозяйствомъ. Вообще крестьяне все яснѣе и яснѣе сознаютъ необходимость довольно значительной суммы для перваго обзаведенія на новыхъ мѣстахъ своего поселенія; одинъ переселенецъ, прося выслать ему поскорѣе долгъ въ 50 руб., такъ рисуетъ свое положеніе и объясняетъ крайнюю нужду въ деньгахъ: «Вы сами знаете, что послѣ пожара остаются однѣ стѣны, — и тогда трудно бываетъ; а мы теперь съли, какъ какія залетныя птички садятся середь поля, не имѣя никакой пристани».

Для средней семьи въ 6—7 человекъ необходимы 2 повозки, и путевые расходы ея до Томской губерніи обойдутся рублемъ въ 150; по пути чрезъ Тюмень нужна не меньшая сумма; столько же нужно, какъ сейчасъ высчитано, и для перваго обзаведенія на мѣстѣ, а всего—около 300 р. И такъ, по приведенному разсчету, только тотъ переселенецъ можетъ благополучно дойти до Томской губерніи и устроиться тамъ полнымъ хозяиномъ, который понесетъ съ собой не менѣе 300 р.; всѣ остальные обзаведутся хозяйствомъ не сразу, нанимаясь годъ или нѣсколько лѣтъ въ работники, и даже семьи ихъ будутъ вынуждены жить первое время по чужимъ людямъ, на квартирахъ. Такъ — по самому умѣренному разсчету; господинъ же Ядринцевъ (*Сибирь, какъ колонія*, стр. 153) считаетъ переселенія на свой счетъ доступными только тѣмъ крестьянамъ, которымъ удастся собрать не менѣе 500 рублей. На основаніи цифръ, приведенныхъ во 2-й главѣ о числѣ переселенческихъ семей, взявшихъ съ собой ту или иную сумму денегъ, и на основаніи только что представленнаго разсчета можно составить себѣ приблизительное представленіе о томъ, какъ устроились въ Томской губерніи рязанскіе переселенцы послѣдняго шестилѣтія. Всѣ взявшіе съ собой 300 и болѣе рублей, т. е. около $\frac{1}{3}$ (19%) всѣхъ новоселовъ, завели полное хозяйство, сѣвъ на надѣльную или (рѣже) на арендную землю; нѣсколько болѣе $\frac{1}{3}$ (22%) понесшихъ въ Томскую губернію отъ 150—300 р. осѣли преимущественно на арендной (иногда и на надѣльной) землѣ, рѣдко «вполнѣ соху осилили», хотя непременно имѣютъ свою запашку, спрягаясь для того съ такими же, какъ и они, одно и двухлошадными дворами; почти всѣ новоселы этихъ двухъ группъ живутъ въ собственныхъ избахъ. Остальныя $\frac{2}{3}$ (59%) переселенцевъ, взявшихъ менѣе, чѣмъ по 150 р., почти всю эту сумму издержали во время пути, и на новомъ мѣстѣ никому изъ нихъ не только не удалось стать „настоящимъ жителемъ“, но и на надѣльную землю принесли очень немногіе; большинство переселенцевъ этой группы не въ силахъ вести хотя бы и не полного хозяйства, хотя бы и на арендной землѣ: ихъ работники живутъ по батракамъ, а остальные члены семьи на наемныхъ квартирахъ. Но, повидимому, и изъ этихъ бѣдняковъ очень многіе чрезъ 2—3 года обзаводятся сначала неполнымъ хозяйствомъ и на арендной землѣ, а потомъ,—продолжая отнуждаться „въ люди“ часть своихъ работниковъ,—осиливаютъ приписку и прикупаютъ лошадей, переходя въ разрядъ полныхъ пахарей. Въ нашихъ матеріа-

лахъ есть нѣсколько указаній на то, какъ бѣднякъ-новосель, исключительно благодаря своему упорному труду въ благодатныхъ условіяхъ Алтая, становится зажиточнымъ хозяиномъ, какимъ онъ никогда не могъ стать на своей родинѣ. Г. Ядринцевъ приводитъ нѣсколько поразительныхъ примѣровъ такого же рода. На стр. 121-й своей *Потѣдки въ Алтай* онъ рассказываетъ такого рода случай: около 1875 г. пришла партія новоселовъ и неподалеку отъ Барнаула поселилась въ шалашахъ, среди лѣса, зимой. Многіе сдѣлались жертвой тифа и цынги. За зиму ихъ средства истощились, — и весной часть ихъ стала побираться, часть пошла на заработки. Не имѣя сѣмянъ для посѣва хлѣба, они посадили бывшіе у нихъ арбузные сѣмена близъ одной деревни старожиловъ, на навозной почвѣ. Урожай былъ такъ хорошъ, что на заработанныя и на вырученныя за арбузы деньги „переселенцы купили хлѣба на сѣмена, арендовали землю и года черезъ два, объезжая избами, раскинули свои хозяйства“.

Только что приведенные факты вполне подтверждаютъ довольно распространенное мнѣніе крестьянъ, что человеку зажиточному и богатому, могущимъ принести на мѣсто поселенія не меньше 150—200 рублей, а также и окончательному бѣдняку, которому „не у чего дома жить“, — переселеніе сразу приноситъ ощутительную пользу: первые — вскорѣ по приходѣ въ Алтай заживутъ значительно лучше, чѣмъ на родинѣ, а бѣднякъ-переселенецъ чрезъ нѣсколько лѣтъ можетъ обзавестись полнымъ хозяйствомъ (на что онъ рѣдко могъ рассчитывать на родинѣ) и во всякомъ случаѣ ему здѣсь кормиться можно, тогда какъ для дома онъ жилъ впроголодь. Средній крестьянинъ, который дома жилъ сносно, отъ переселенія въ Томскую губернію проиграетъ на первое время: такой семьѣ, пока она не обзаведется дорого стоящимъ инвентаремъ, придется отсылать въ люди почти всѣхъ своихъ работниковъ и даже, быть можетъ, жить сначала на арендной, а не на надѣльной землѣ.

Уфимская и Оренбургская губерніи по своимъ естественнымъ богатствамъ очень мало уступаютъ Томской губерніи. Вотъ какъ характеризуетъ природныя силы Уфимской губерніи г. Романовъ на стр. 277 своего извѣстнаго изслѣдованія *Переселеніе крестьянъ Вятской губерніи*:

„Лѣтомъ 1879 года мы имѣли случай побывать въ нѣсколькихъ починкахъ вятскихъ переселенцевъ въ Уфимской губерніи. Видѣнная нами мѣстность представляетъ весьма благоприятныя условія для заселенія. Она орошается р. Уфюю и ея притоками, — по берегамъ ихъ не трудно выбирать мѣста, удобныя для основанія починковъ. Кромѣ того, въ этой мѣстности встрѣчается много небольшихъ озеръ. Долины рѣкъ и другія низменности способны сдѣлаться отличными лугами. О недостаткѣ лѣса здѣсь не можетъ быть и рѣчи, потому что пока все еще покрыто лѣсомъ, и каждый участокъ для усадьбы и для пашни получается изъ-подъ лѣса. Расчистка лѣса — первый и главнѣйшій трудъ всякаго новаго поселенца въ этой мѣстности. Лѣса здѣсь липовые и частью изъ другихъ цѣнныхъ лиственныхъ породъ (вязъ, ильмъ и др.); почва, на которой они растутъ, весьма цѣнная для земледѣ-

лія—черноземно-суглинистая. Первые урожан съ такой, вновь расчищенной изъ-подъ лѣса, почвы бывають превосходны, да и затѣмъ она еще долго способна давать обильные урожан безъ удобренія“.

Земельный просторъ уфимско-оренбургскаго края тоже громаденъ. Чтобы составить о немъ нѣкоторое понятіе, воспользуемся цифровыми данными, доставленными въ комиссію свѣдущихъ людей. Хотя въ этихъ матеріалахъ сдѣланы указанія лишь на нѣкоторыя земли, находящіяся во владѣніи частныхъ лицъ, но уже и изъ нихъ видно значительное распространеніе частнаго землевладѣнія въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ; притомъ, участки частновладѣльческихъ земель достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ:

Уфимско-оренбургскимъ управленіемъ государственныхъ имуществъ продано съ 1876—81 г. казенной земли на льготныхъ условіяхъ 383 частнымъ лицамъ 498,475 дес., т.-е около 1,300 десятинъ на каждое лицо.

Въ Уфимской губерніи съ 1869 года по 114 купчимъ крѣпостямъ продано въ частныя руки башкирскихъ земель не менѣе. 501,599 дес., т.-е. около 4,400 дес. на каждый крѣпостной актъ.

Въ Оренбургской губерніи продано башкирскихъ земель. 269,313 дес.,

Отведено и предположено къ отводу офицерамъ Оренбургскаго казачьяго войска 1,069 отдѣльныхъ участковъ, въ которыхъ будетъ 460,523 дес., т.-е. около 430 дес. на участокъ.

Такимъ образомъ, около 1½ милліона десят. находятся во владѣніи 1,556 частныхъ лицъ; размѣры ихъ участковъ колеблются между нѣсколькими сотнями и нѣсколькими тысячами десятинъ. Большинство этихъ и другихъ частновладѣльческихъ земель уфимско-оренбургскаго края сдаются въ аренду, а при удобномъ случаѣ и продаются, такъ какъ сами владѣльцы не въ силахъ ихъ лично эксплуатировать, благодаря малой населенности края и по недостатку необходимыхъ капиталовъ.

Въ тѣхъ же матеріалахъ, кромѣ приведенныхъ данныхъ, есть нѣкоторые свѣдѣнія о свободныхъ земляхъ, оставшихся за надѣломъ башкиръ и войсковыхъ обывателей:

Свободныхъ земель Оренбургскаго казачьяго войска	1.1396,484 дес.
Свободныхъ земель у башкиръ-вотчинниковъ:	
По Оренбургской губерніи.	2.736,362 „
„ Уфимской губерніи.	141,506 „
<u>Итого всѣхъ показанныхъ свободныхъ земель</u>	<u>4.274,352 „</u>

Обиліе земель этого края отражается и на размѣрѣ надѣла Оренбургскаго войска: на каждую мужскую душу здѣсь предоставлено въ надѣлъ 30 десят. Благодаря такому размѣру надѣла, значительная

часть надѣльныхъ земель оренбургскихъ казаковъ настолько же доступна арендной эксплуатаціи ея новоселами, какъ и только что указанныя 9 милліоновъ десят. свободныхъ и частныхъ земель.

Изъ этихъ неполныхъ данныхъ все же достаточно ясно, что какъ по природнымъ богатствамъ, такъ и по количеству доступныхъ для новоселовъ земель уфимско-оренбургскій край весьма удобенъ для заселеній. Существеннѣйшее отличіе его отъ Алтайскаго округа заключается въ самомъ способѣ эксплуатаціи земель, доступномъ для переселенцевъ: тогда какъ въ Томской губерніи новоселы или сразу поселяются на надѣльныхъ земляхъ, или могутъ добиться этого чрезъ нѣкоторое время, въ губерніяхъ Уфимской и Оренбургской они должны приобрѣтать себѣ землю покупкой (что доступно немногимъ) или пребывать на арендной землѣ безъ всякой надежды на болѣе прочную хозяйственную самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ: башкирскія, козацкія земли и земли городскихъ обществъ доступны для новоселовъ лишь на арендныхъ условіяхъ; земли частныхъ владѣльцевъ могутъ быть и покупаемы; остаются земли казны и сельскихъ обществъ, которыя въ Алтайскомъ округѣ поступаютъ въ надѣль новоселамъ; про Уфимскую же и Оренбургскую губерніи въ нашихъ матеріалахъ есть прямыя указанія, что ихъ сельскія общества не принимаютъ къ себѣ новыхъ членовъ, а на казенныхъ земляхъ могутъ селиться тамъ только безземельные крестьяне и крестьяне дарственнаго надѣла *). Живя по преимуществу на арендной землѣ, переселенцы уфимско-оренбургскаго края должны еще чаще приписываться къ городамъ, чѣмъ мы видѣли это въ Алтайскомъ округѣ. И дѣйствительно, по свѣдѣніямъ статистическаго комитета, въ 3-хъ городахъ Оренбургской губерніи населеніе сильно возрасло за 14 лѣтъ (съ 1868—81 г.):

	Въ 1868 году.	Въ 1881 году.
Въ Илецкѣ	2,470 душъ об. п.	5,769 д. об. пола.
„ Верхнеуральскѣ:	6,100 „ „ „	10,354 „ „ „
„ Орскѣ	3,690 „ „ „	14,341 „ „ „

Т.-е. за 14 лѣтъ населеніе этихъ городовъ возрасло въ 1½, 2 и 4 раза, что только и можетъ быть объяснено припиской къ нимъ переселенцевъ.

Въ настоящее время продажныя цѣны на землю въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ возрасли до 23—25 р. за десятину; для приобрѣтенія земли въ собственность нужны значительныя средства, какими рѣдко располагаютъ переселенцы. Конечно, можно бы было производить покупку съ разсрочкой платежа (такъ устраиваются, по словамъ г. Романова, нѣкоторые изъ вятскихъ переселенцевъ), но на такой способъ приобрѣтенія земли рязанскими новоселами у насъ нѣтъ указаній. Мы видѣли, какъ устроились въ Уфимской губерніи переселенцы Салтыковской волости: хотя наиболѣе зажиточные изъ нихъ

*) Въ 1882 г. переселенцы Оедоровской общины, села Мураевни, Данковскаго уѣзда, получившіе въ даръ четвертую часть высшаго надѣла, хлопотали въ Оренбургской губерніи объ отводѣ имъ казеннаго участка; имъ было обѣщано исполненіе ихъ просьбы; дѣло стало лишь за документами.

купили себѣ земельные участки, но большая часть ихъ живетъ на арендной землѣ; многіе не имѣютъ земельного хозяйства и даже избы, живя по квартирамъ и въ батракахъ. Остальные переселенцы въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія, осѣли, въ лучшемъ случаѣ, на арендной землѣ, заведя на ней собственное хозяйство, а многіе изъ нихъ и вовсе не въ силахъ имѣть своей запашки, добывая себѣ пропитаніе батрачествомъ и другими работами. Послѣ сказаннаго понятно, почему рязанскіе переселенцы съ такой силой стремятся въ дальнюю Томскую губ., минуя уфимско-оренбургскій край.

Въ Самарской губерніи далеко нѣтъ того земельного простора, какой еще и до сихъ поръ существуетъ въ Томской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ. По свѣдѣніямъ о казенныхъ земляхъ, доставленнымъ въ комиссію свѣдущихъ людей, количество удобныхъ для переселенцевъ казенныхъ земель всего 183,267 десятинъ; на нихъ могутъ быть поселены до 24,404 душъ, тогда какъ въ предѣлахъ самой губерніи „есть до 40,000 безземельныхъ крестьянъ, которые должны быть расселены“, какъ говорится въ примѣчаніи къ цитируемымъ цифровымъ даннымъ. Конечно, и кромѣ земель казны есть въ Самарской губерніи доступны для новоселовъ земли: изъ указаній, имѣющихся въ нашихъ матеріалахъ, видно, что новоселы селятся тамъ и на арендной, и на купленной землѣ и даже приписываются къ обществамъ; всѣ эти указанія относятся преимущественно къ 70-мъ годамъ. Въ то время изъ Данковскаго и Рязанскаго уѣзд. переселились въ Самарскую губернію около 20 семей и осѣли тамъ на приобрѣтенныхъ въ собственность участкахъ земли. Около 1873 года до 30 семей изъ Протасьева, Лазовки и сосѣднихъ селеній Рязанскаго уѣзда поднялись на лошадахъ въ Самарскую губернію, гдѣ посланный впередъ ходокъ уже снялъ въ аренду до 1,000 дес. въ удѣльной конторѣ (по 1 р. 40 к. за десятину); но рядъ неурожайныхъ лѣтъ и солонцоватая почва заставили многихъ вернуться на родину. Были уже приведены случаи неудачнаго переселенія въ Самарскую губернію въ 70-хъ годахъ изъ Телепнева, Зашева, Звѣрева и Орловки; нѣкоторыя семьи тогда приписались было къ обществу, но имъ досталась крайне тяжелая для обработки земля, которую надо пахать на 5 лошадахъ, такъ что даже сами мѣстные крестьяне (по словамъ телепневцевъ) не пахутъ ее, предпочитая снимать землю въ аренду у башкиръ и калмыковъ. Рядъ неудачныхъ попытокъ къ переселеніямъ въ Самарскую губернію, какъ мы видѣли, значительно сократилъ выходъ туда новоселовъ изъ трехъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи.

Большинство „степняковъ“ (выходившихъ преимущественно изъ Скопинскаго уѣзда до 70-хъ годовъ) направлялось, главнымъ образомъ, въ Землю Войска Донскаго и въ Ставропольскую губернію. Переселились туда преимущественно бѣднѣйшіе хозяева. Благодаря дешевизнѣ арендной земли, многимъ удалось обзавестись своимъ хозяйствомъ на съемныхъ станичныхъ земляхъ; но большая часть такихъ сходцевъ и до сихъ поръ живетъ по квартирамъ, занимаясь шерсто-битствомъ или нанимаясь въ батраки и на иные заработки. Особенно

плохо стали устраиваться ушедшіе „въ степь“ въ 70-хъ годахъ, что и повліяло сначала на приостановку переселенческаго движенія изъ Скопинскаго уѣзда, а затѣмъ на измѣненіе его направленія, — когда стали извѣстны обильныя земли восточныя губерніи. Повидимому, ни въ Землѣ Войска Донскаго, ни въ Ставропольской губерніи переселенцамъ Рязанской губерніи не удавалось устроиться на собственной или на надѣльной землѣ, не слышно и о припискѣ къ городамъ, а потому почти всѣ они до сихъ поръ живутъ по паспортамъ съ своей родины, только очень немногіе—одинокіе сходцы—входили въ семью мѣстныхъ крестьянъ степныхъ губерній („выходили замужъ“) и, такимъ образомъ, всецѣло сливаясь съ мѣстными жителями, устраивались вполне прочно.

Дозволено цензурою. Москва, 5 мая 1884 года.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

Э. Литтре и позитивизмъ.

Г. Каро *).

(Переводъ съ французскаго).

Предисловіе автора. Великая смута, происходящая въ настоящее время въ области нравственнаго и религіознаго сознанія человѣчества, замѣтна даже для поверхностнаго наблюдателя. Принципы, которыми жило человѣчество въ прошломъ, которыми оно считаетъ возможнымъ жить въ настоящемъ, подвергаются сомнѣнію подъ напоромъ новыхъ идей, имѣющихъ претензію быть порожденіемъ позитивной науки. Мы полагаемъ, что своевременно будетъ изложить въ короткомъ и точномъ очеркѣ сужденіе о школѣ, служащей наиболѣе авторитетною выразительницею этихъ идей и пользующейся нѣкоторымъ обаяніемъ популярности во Франціи. Но, прежде чѣмъ приступить въ этому, мы считаемъ долгомъ ближе изучить человѣка, резюмирующаго собою исторію этого ученія въ его торжествующей фазѣ, овладѣвшаго, благодаря своему характеру, выдающимся способностямъ и необыкновеннымъ талантамъ, симпатіями общества и въ значительной мѣрѣ склонившаго въ пользу философской школы сочувствіе, лично имъ вполнѣ заслуженное. Человѣкъ этотъ—г. Э. Литтре.

Мы рассмотримъ позитивизмъ въ этой послѣдней его формѣ, прослѣдимъ его по отвѣтамъ, даннымъ имъ весьма недавно въ разрѣшеніе задачъ, ежедневно возникающихъ изъ изученія духа и изъ опытовъ надъ жизнью человѣка. Мы естественно дойдемъ до вопроса о томъ, что ожидаетъ въ будущемъ эту философію, пользующуюся такимъ успѣхомъ въ настоящемъ. Ея побѣда, если вѣрить нѣкоторымъ громкимъ заявленіямъ, должна быть окончательною (поскольку могутъ быть окончательными побѣды этого рода). Но тутъ-то и возникаютъ вопросы: будетъ ли ея необыкновенный успѣхъ настолько же продолжителенъ, насколько онъ, повидимому, блестящъ? Постоянны ли, неизмѣнны ли причины ея успѣха? Не объясняется ли это быстрое торжество политическими и социальными условіями настоящаго времени? Въ осо-

*) „M. Littré et le positivisme“, par E. Caro. Paris, 1883.

бенности же мы остановимся на вопросъ: суждено ли позитивизму, какъ системѣ, пережить двухъ человекъ, въ которыхъ онъ воплотился, г. Огюста Конта и г. Эмиля Литтре, и самые шансы его жизнениости не стоятъ ли въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ его стройности и твердости, какъ доктрины? Это послужитъ поводомъ къ разсѣянію недоразумѣній, повидимому, еще продолжающагося въ нѣкоторыхъ умахъ подъ вліяніемъ слова, которое перестало соответствовать понятію, имъ выражаемому. Я попытаюсь выяснитъ, что позитивистское движеніе, —размѣровъ и значенія котораго, какъ увидитъ читатель, я отнюдь не отрицаю,—привело, въ концѣ-концовъ, къ совокупности отрицаній, приобретающихъ тѣмъ большую силу и популярность, чѣмъ проще и радикальнѣе они кажутся, хотя связь ихъ съ позитивизмомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, основывается на неопредѣленности выраженій, на недоразумѣніи, и сами эти отрицанія противорѣчатъ истинному духу позитивной философіи,—духу абсолютной нейтральности, если бы только нейтральность не была химерою въ философіи, какъ и въ политикѣ.

Какъ бы то ни было, вопросъ этотъ стоитъ серьезнаго разсмотрѣнія и обсуждения; онъ стоитъ въ связи съ великими задачами настоящаго времени. Отрицанія, исключенія цѣлаго ряда идей и вѣрованій создали капиталную проблему девятнадцатаго вѣка, представляющуюся мнѣ въ такой формѣ: можетъ ли позитивная наука, какъ предполагаютъ иные, своими собственными силами и одними своими знаніями создать новое мировоззрѣніе, создать всецѣло новую цивилизацію и передѣлать человѣчество по предложенному ею образцу? Если это возможно, то каково будетъ новое мировоззрѣніе? Каковы будутъ новая цивилизація и будущее человѣчество, обѣщаемыя намъ въ замѣну существующихъ и извѣстныхъ? Ради чего должны мы поступиться сокровищами нашихъ иллюзій, если намъ будетъ доказано, что сокровища эти мнимы и что мы жили до сихъ поръ въ какомъ-то снѣ на яву, подъ очарованіемъ послѣдовательныхъ галлюцинацій?

Глава первая.

Эмиль Литтре.—Исторія его работъ и его идей.

I.

Очеркъ этотъ можно было бы озаглавить: *Литературная, политическая и философская исповѣдь г. Литтре*. Въ одномъ изъ наиболѣе любопытныхъ и наименѣе извѣстныхъ своихъ произведеній онъ самъ употребилъ это выраженіе для характеристики описанія послѣдовательнаго развитія своей мысли, тѣхъ колебаній, которыя она испытывала. Онъ любилъ писать объ этомъ, особливо въ послѣдніе годы жизни. Г. Литтре очень охотно самъ себя комментировалъ въ предисловіяхъ, въ примѣчаніяхъ, въ *sautes*, вставляемыхъ въ статьи, немѣющія личнаго характера, въ разныхъ оправдательныхъ приложеніяхъ, сопровождающихъ большую часть его произведеній. Мы зада-

лись мыслью собрать эти разбѣянные листки, какъ бы затерянные въ массѣ его трудовъ, мало замѣченные при ихъ выходѣ въ свѣтъ, отчасти забытые нынѣ. Для освѣщенія личности писателя и человѣка они цѣннѣ всякихъ объективныхъ этюдовъ, дѣлаемыхъ со стороны. На самомъ дѣлѣ, поразителенъ свѣтъ, проливаемый ими на интеллектуальную и нравственную жизнь г. Литтре, когда они собраны въ одно цѣлое. Разбросаны они болѣе или менѣе повсюду; открыть ихъ можно почти случайно въ его послѣднихъ произведеніяхъ и иногда тамъ, гдѣ всего менѣе ожидаешь. Собранные же и сопоставленные въ должной послѣдовательности, они являются настоящими мемуарами, чѣмъ-то вродѣ интереснѣйшей автобіографіи, полной личныхъ впечатлѣній; наиболѣе обильную жатву въ этомъ отношеніи мы находимъ во второмъ изданіи книги, озаглавленной: *Conservation, Révolution, Positivisme*. Тутъ г. Литтре даетъ полный просторъ своей откровенности. Въ книгѣ этой, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1852 году, были собраны нѣкоторыя его статьи, печатавшіяся въ газетѣ *National*. Перечитывая ихъ для втораго изданія, авторъ увидалъ, что онъ по всѣмъ почти пунктамъ расходится съ тѣмъ, что имъ тогда было написано. Какъ быть съ этимъ? Не желая прикрывать своимъ именемъ идеи, которыхъ онъ уже не допускалъ, ни оставлять въ жертву послѣдующимъ полемикамъ книгу, оказывающуюся компрометирующимъ свидѣтельствомъ для его новыхъ идей, онъ рѣшился просто перепечатать старую книгу, обсудая каждую ея главу при свѣтѣ своего обновленнаго разума и приобрѣтеннаго опыта. Таковъ былъ найденный имъ выходъ. Съ одной стороны, этимъ способомъ онъ удовлетворялъ мужественное чувство личной солидарности, побуждавшее его не скрывать злополучныхъ страницъ; съ другой стороны, онъ самъ себя исправлялъ и калялся передъ обществомъ въ своихъ заблужденіяхъ.

Для исторіи умственного развитія извѣстнаго лица ничего не можетъ быть интереснѣе такого рода замѣчаній, приложенныхъ къ каждой статьѣ,—замѣчаній, написанныхъ съ неподражаемою наивностью и независимостью человѣкомъ, съумѣвшимъ отказаться отъ своихъ прежнихъ мнѣній и, что еще важнѣе, отъ самолюбія, самого себя оспаривающимъ, строго осуждающимъ собственные заблужденія и ложныя сужденія, которыя его самого поражаютъ. Помимо источника драгоцѣнныхъ психологическихъ указаній, мы видимъ въ этомъ совершенно новое и не лишенное величія нравственное явленіе. Это исторія переувѣренности убѣжденій ума искренняго, имъ самимъ рассказанная. Передъ нами постепенно выступаетъ изображеніе человѣка, поразительно похожее, многократно ретушированное, передающее его выдающіяся черты,—обширную эрудицію, могучую рабочую силу, всеобъемлющую любознательность, безпозойную любовь къ истинѣ (*irrequietus amor*), въ ихъ сочетаніи съ нѣкоторою неустойчивостью убѣжденій, являющеюся, быть можетъ, ихъ необходимымъ послѣдствіемъ и характернымъ признакомъ. Одинъ блестящій писатель сказалъ разъ не безъ нѣкотораго оттѣнка грусти: „La contradiction est le signe de la vérité“ (противорѣчіе есть признакъ истины). Мы не пойдемъ такъ далеко, но готовы согласиться, что во многихъ случаяхъ оно есть при-

знакъ искренности. Таковымъ оно, несомнѣнно, оказывается среди политическихъ грезъ и революцій въ области мысли, обуревающихъ наше время, но лишь въ томъ разѣ, когда очевидно, что оно не вызвано соображеніями личнаго честолюбія и выгоды. Политѣйшее безкорыстіе нигдѣ такъ ясно не проявляется, какъ въ разсказахъ г. Литтре, передающаго намъ свою Одиссею среди современныхъ идей и страстей, стремящагося до послѣдняго дня жизни исправить свои заблужденія, заполнить пробѣлы въ своемъ умственномъ образованіи, достигнуть возможнаго совершенства въ жизни нравственной.

Слѣдуетъ еще добавить, что пользование этими личными свидѣтельствами, весьма недавними относительно, даетъ возможность попытать изслѣдованіе по многимъ новымъ пунктамъ, такъ какъ большинство произведеній, посвященныхъ г. Литтре, относится къ довольно далекому прошлому, когда еще преждевременно было бы вдаваться въ разборъ сложной общности его жизни, когда передъ главою позитивизма лежалъ длинный путь политическаго и интеллектуальнаго опыта, предстояло не мало разочарованій и было впереди много лѣтъ жизни, работы, страданій.

Припомнимъ послѣдовательный рядъ трудовъ, наполнявшихъ собою его жизнь, являющихся какъ бы движущеюся картиною развитія его ума. Высокое нравственное наслажденіе находимъ мы для себя въ возможности отдать должную честь тѣмъ, чьихъ убѣжденій не раздѣляемъ. Философскій споръ не долженъ превращаться въ арену грубой борьбы и ожесточенныхъ взаимныхъ избіеній; такой споръ между честными людьми не можетъ выходить изъ области идей, подавшихъ поводъ къ разномыслию, и умалять взаимнаго уваженія спорящихъ. Исполненіе этого требованія очень легко, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, какъ г. Литтре, въ лицѣ котораго мы имѣемъ возможность почтить высокой образецъ человѣческой природы, одинъ изъ тѣхъ типовъ, въ которыхъ наиболѣе рельефно выразились возвышенныя нравственныя достоинства, непререкаемая искренность и величайшія усилія дѣятельной, правильной и плодотворной мысли.

Собственно говоря, исторія жизни г. Литтре заключается въ его книгахъ; вся его жизнь такъ тѣсно связана съ его трудами, что видѣлить ее можно лишь путемъ нѣкоторой абстракціи; вся она есть ничто иное, какъ непрерывный шестидесятилѣтній трудъ. Возникновеніе мысли объ извѣстномъ произведеніи, подготовительныя работы и изысканія, исполненіе самаго произведенія, обстоятельства, задерживающія или ускоряющія это исполненіе,—вотъ вся его исторія съ разнообразными измѣненіями, совершающимися въ его мысли, постоянно напряженно-дѣятельной и какъ бы самое себя контролирующей.

Г. Литтре развивался подъ вліяніемъ идей конвента. Отецъ его, служившій унтеръ-офицеромъ во флотѣ, принадлежалъ къ самой крайней партіи. Г. Литтре почиталъ за счастье, что молодой сержантъ былъ отправленъ въ 1790 году въ Индію и „тѣмъ былъ спасенъ отъ опаснаго участія въ неистовствахъ того времени“. По этому поводу онъ передаетъ одинъ случай изъ воспоминаній. Экипажъ праздновалъ въ открытомъ морѣ годовщину взятія Бастиліи; случилось такъ, что

артиллеристъ заставилъ г. де-Вельея, будущаго министра реставраціи, тогда же простаго офицера, плясать *ronde* вокругъ главной мачты подъ нѣсню, сочиненную молодымъ революціонеромъ. Позднѣе, вѣрный своимъ богамъ, отецъ Литтре часто говорилъ, что Робеспьеръ былъ оклеветанъ и что процессъ его долженъ подлежать пересмотру*). Семейныя связи вполнѣ соотвѣтствовали политическимъ убѣжденіямъ. Близкими людьми были: Ватаръ, печатавшій *Journal des communes libres*, заговорщики Арена, Чераци, Демервиль, нынѣ забытый философъ Секонъ (Second), авторъ книги *Сенситивизмъ*, и Делоръ, историкъ города Парижа. Эти два члена конвента, принадлежавшіе когда-то къ противоположнымъ партіямъ, сошлись въ общей ненависти къ новому правительству, несмотря на то, что одинъ изъ нихъ имѣлъ довольно уважительный поводъ не любить другаго. Г. Секонъ, монтаньяръ, вотиновалъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ за смертный приговоръ г. Делору, и этотъ послѣдній едва избѣжалъ гильотины. При встрѣчѣ послѣ подобнаго недоразумѣнія обоюдная неловкость положенія весьма понятна. Неловкость эта была непродолжительна. Г. Делоръ откровенно высказалъ, что, одолѣвъ въ то время его партія, онъ не задумался бы точъ въ точъ также распорядиться съ монтаньярами. Это правдивое заявленіе разсѣяло послѣднюю тѣнь холодности. Со стороны матери такія же связи, тѣ же традиціи. Дѣдъ, г. Иогано (Joannot), бумажный фабрикантъ и якобинецъ, былъ убитъ во время термидорской реакціи. Впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на мать г. Литтре, Софію Иогано, было такъ сильно, что не изгладилось во всю жизнь. Это доказывается тѣмъ, что во время переворота 18 брюмера, среди всеобщаго молчанія, она громко и рѣзко укорила въ Тюльерійскомъ саду одного депутата за то, что онъ, по ся мнѣнію, недостаточно энергично защищалъ собраніе. Сентъ-Бѣвъ описалъ ее нижеслѣдующими живыми и яркими чертами: „То была античная женщина, одѣтая, по бѣльшей части, не какъ дама, а какъ служанка, постоянно занятая домашней работой, превосходная хозяйка, образцовая мать; при этомъ она была одарена возвышенною душою и чувствомъ справедливости, которое она должна была передать сыну, составлявшему ея гордость и самолюбіе. Онъ много унаслѣдовалъ отъ нея, какъ равно и отъ отца“.

Въ этой скромной и республиканской средѣ родился Эмиль Литтре 1 февраля 1801 года. Несмотря на свои политическія убѣжденія, его отецъ, неимѣвшій никакого состоянія, поступилъ на службу по финансовому управленію. Онъ былъ человѣкъ очень умный, замѣчательно способный къ труду, съ изъ ряда выходящею силою воли, безукоризненно честный. Среди тяжелыхъ жизненныхъ условій у него достало силъ достигнуть классическаго образованія, котораго въ юности ему дано не было; онъ выучился по-гречески и познакомился даже съ санскритскимъ языкомъ. Ко всему въ жизни онъ относился крайне серьезно. Будучи противникомъ религіозныхъ вѣрованій, къ насмѣшкамъ Вольтера и его послѣдователей онъ относился съ чувствомъ глубокаго

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2-e édition, p. 314.

отвращенія. Г. Литтре нашелъ въ бумагахъ отца замѣтку, доказывающую, что ему очень не по душѣ были глумленія XVIII в. надъ религіей; что, сдѣлавшись отцомъ семейства, онъ счелъ себя отвѣтственнымъ передъ дѣтьми за свои религіозныя убѣжденія, заново принялся за изученіе всѣхъ теологическихъ вопросовъ, но изученіе это не измѣнило его убѣжденій *).

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что, когда настало время, онъ заставилъ сыновей, Эмиля и Бартеlemi, работать такъ же, какъ работалъ самъ. Въ домѣ царилъ строгость необыкновенная, каждый обязанъ былъ дѣлать свое дѣло безъ отдыха, почти не зная развлеченій. Это была своего рода свѣтская семинарія, въ которой самыя рекреациі имѣли характеръ обученія и соревнованіе было доведено до крайнихъ предѣловъ. Эмиль Литтре былъ приходящимъ ученикомъ лица Louis le Grand и товарищемъ Ежена Бурнуфа и Гашета. Въ концѣ каждаго года, подѣ двойнымъ вліяніемъ личныхъ склонностей и строгости отца, онъ получалъ всѣ награды своего класса. Одинъ проицательный критикъ, г. Гардія (Guardia), приписываетъ этому основательному ученію и школьнымъ успѣхамъ любовь г. Литтре къ классическимъ авторамъ и къ академическимъ почестямъ, имѣвшимъ для него особую привлекательность. Болѣе серьезную пользу принесла ему школа тѣмъ, что развила въ немъ страсть къ наукѣ и привычку къ занятіямъ; изъ нея онъ вынесъ очень солидныя и обширныя познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ, въ нѣмецкомъ, англійскомъ и итальянскомъ, что было въ тѣ времена большою рѣдкостью, и, кромѣ того, ненасытную любознательность, основанную на убѣжденіи, что школьный курсъ есть не болѣе, какъ подготовка къ занятію наукою.

Позднѣе, въ своихъ наивно-пространныхъ воспоминаніяхъ, тамъ и сямъ разбросанныхъ въ его книгахъ и даже въ чужихъ (въ видѣ предисловія **) , онъ всегда любилъ поговорить о своей семьѣ.

„Сравнивая себя съ отцомъ, — писалъ онъ, — и признавая все его превосходство надо мною, я часто сожалѣлъ о томъ, что житейскія обстоятельства сложились для него менѣе благопріятно, чѣмъ для меня. Что вышло изъ этого? Вышло то, что онъ состарѣлся, занимая мелкую должность, въ могилу сошелъ неизвѣстнымъ, хотя плавалъ по Индійскимъ морямъ не безъ кораблекрушеній и сражался съ англичанами. Тогда какъ нѣсколько произведеній, заслужившихъ одобреніе публики, открыли мнѣ двери академіи, поставили меня на видное мѣсто среди людей моего времени“.

Въ немъ въ высокой степени живо было чувство семейной солидарности; ему бы хотѣлось, чтобы всѣ семьи имѣли свои собственные архивы, общность которыхъ могла бы служить матеріаломъ для настоящей исторіи нравственной жизни народа. „Съ тѣхъ поръ, какъ лучшая философія научила меня высоко цѣнить традицію и охраненіе преданія, я не разъ сожалѣлъ о томъ, что со времени среднихъ вѣковъ буржуазныя семейства не подумали вести скромныхъ записокъ, въ которыя бы вносились всѣ выдѣляющіяся событія домашней жизни

*) См. предисловіе къ книгѣ г. Ежена Ноэля: *Memoires d'un imbécile*.

**) *Revue de philosophie positive*, mai—juni. 1880.

съ тѣмъ, чтобы хроникки эти передавались изъ рода въ родъ до его угасанія. Какъ любопытны были бы тѣ изъ этихъ лѣтописей, которыя бы дошли до насъ! Сколько погибшихъ указаній, сколько потеряннаго опыта могло бы быть спасено ничтожною заботливостью, духомъ послѣдовательности!“

По выходѣ изъ школы передъ нимъ открылась жизнь во всей своей тревожащей неизвѣстности. „Жизнь, — говорилъ онъ въ откровенной бесѣдѣ послѣднихъ дней, — есть для нѣкоторыхъ завлекательный и блестящій романъ, для большинства же очень скромная повѣсть. Въ ранней молодости каждый ищетъ примѣненія своихъ знаній и способностей, занятій по силамъ и по характеру. Когда это найдено (если только удалось найти), человѣкъ устроивается, женится, работаетъ, испытываетъ удачи и неудачи, выпадаютъ на его долю кое-когда радости и много-много слезъ, потомъ вдругъ, къ удивленію своему, онъ замѣчаетъ, что сталъ старъ, очень старъ, что жизнь прожита, и у него вырываются слова восьмидесятилѣтняго Вольтера: „Въ томъ золотомъ возрастѣ, когда мнѣ было семьдесятъ лѣтъ!“

Нѣкоторое время по выходѣ изъ школы г. Литтре былъ въ нерѣшительности относительно дальнѣйшаго примѣненія своихъ способностей. Онъ думалъ было поступить въ политехническую школу и, несомнѣнно, исполнилъ бы это намѣреніе, если бы не помѣшала тяжкая болѣзнь. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ состоялъ секретаремъ при графѣ Дарю, а затѣмъ рѣшительно отдался медицинѣ, но врачомъ-практикомъ никогда въ жизни не былъ.

„Я много писалъ о медицинѣ, — говоритъ онъ въ одномъ предисловіи *),— писалъ въ журналахъ, въ словаряхъ, монографію о холерѣ; десять лѣтъ я занимался въ госпиталяхъ, былъ усерднымъ ученикомъ г. Рейера (Rayer) и не сдалъ ни одного экзамена, не получилъ никакого диплома и не имѣю званія доктора“. Вотъ какъ онъ объясняетъ этотъ странный фактъ. Въ 1827 году онъ приготовился держать экзаменъ, когда смерть отца совершенно измѣнила его положеніе и вынудила его озаботиться не только обезпеченіемъ собственнаго существованія, но и содержаніемъ матери. Онъ рѣшился отказаться отъ карьеры врача и не рискнулъ нускаться въ врачебную практику въ Парижѣ, требовавшую большихъ затратъ на обстановку и сопряженную съ большимъ рискомъ. Онъ сталъ давать уроки, не отказываясь, впрочемъ, отъ занятій медпциной. По врожденному упрямству ему не хотѣлось потерять плодовъ начатаго изученія, и онъ продолжалъ, въ качествѣ вольнаго слушателя, посѣщать клинику г. Рейера въ госпиталѣ Charité, гдѣ онъ близко сошелся съ выдающимися молодыми людьми, товарищами по курсу, гг. Мишонъ (Michon) и Наталисъ Гюльо (Natalis Guillot). Впослѣдствіи онъ практиковалъ лишь случайно, подавая бесплатно врачебную помощь крестьянамъ маленькаго села, близъ Мезонъ-Лафита, гдѣ онъ проводилъ лѣто. Интересно, въ какихъ скромныхъ выраженіяхъ онъ говоритъ о своей медицинской практикѣ:

*) Médecine et Médecins, préface.

„При постоянной осторожности въ лѣченіи я приносилъ, конечно, пользу крестьянамъ и получилъ за то лучшую изъ наградъ — ихъ признательность, выражавшуюся въ добромъ ко мнѣ расположеніи и, при случаѣ, въ оказываемыхъ мнѣ ими услугахъ. На этой практикѣ я, между прочимъ, на себѣ испыталъ, какія волненія причиняетъ врачеваніе, когда въ важныхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти человѣка, медикъ не убѣжденъ ни въ вѣрности діагностики, ни въ правильности лѣченія; боязнь ошибки порождаетъ чувство, похожее на раскаяніе въ томъ, зачѣмъ взялся за дѣло безъ твердой увѣренности. Отвѣтственность врача и его власть надъ болѣзнью находится въ полномъ несоотвѣтствіи; первая громадна, а вторая очень мала, и именно вслѣдствіе крайней ограниченности этой власти, возможность упущенія самой малой ея доли служить источникомъ самыхъ тревожныхъ опасеній“.

• Говоря о нравственномъ удовлетвореніи, испытанномъ имъ благодаря медицинѣ, онъ доходитъ до краснорѣчія: „Ни на что въ мірѣ не промѣняю я ту долю знанія, которую приобрѣлъ когда-то упорнымъ трудомъ. Для человѣка, не боящагося отнестись сочувственно къ человѣческимъ немощамъ, въ какой бы формѣ онѣ ни предстали передъ нимъ — въ обезображенномъ ли на столѣ амфитеатра, или на госпитальной койкѣ, молящими о помощи въ страданіи и о спасеніи, — для такого человѣка немногія знанія могутъ сравниться съ врачебною наукою. Я входилъ въ соприкосновеніе со многими и различными областями знанія, и ни одна изъ нихъ не разочаровала меня въ медицинѣ, въ ея изслѣдованіяхъ и въ созерцаіи патологическихъ явленій, надъ которыми такъ трудно и такъ сладостно одержать побѣду“ *).

Къ этому излюбленному предмету, оставшемуся до конца его любимымъ предметомъ среди самыхъ разнообразныхъ занятій, относятся многочисленныя труды, обратившіе на него вниманіе публики, какъ на выдающагося представителя этой науки, и открывшіе ему двери медицинской академіи. Онъ долго работалъ надъ изданіемъ и переводомъ твореній Гипократа, появившихся въ печати съ 1839 до 1861 года. Первый томъ произвелъ сильное волненіе въ ученомъ мірѣ, возвѣстивъ ему о появленіи настоящаго ученаго. Съ 1832 года г. Литтре издалъ множество произведеній, изъ которыхъ самымъ замѣтнымъ было *Le choléra oriental* (восточная холера); съ 1837 до 1846 г. онъ издавалъ вмѣстѣ съ г. Дезеймери медицинскій журналъ *l'Expérience*; въ 1848 г. имъ переведена „Естественная исторія“ Плинія старшаго; въ 1851 г. „Руководство къ физиологіи“ Мюллера; въ 1854 г. онъ работалъ въ сотрудничествѣ г. Шарля Робенъ надъ новымъ изданіемъ *Словаря медицины и хирургіи* Пьера Нистена. Его настоящею спеціальностью въ этой серіи работъ были: научная критика и исторія медицины; его введеніе къ Гипократовымъ трактатамъ по истиннѣ мастерское произведеніе. Хотя сущность текста не достигаетъ совершенства, комментаріи и примѣчанія не могутъ почитаться послѣднимъ словомъ науки, хотя кое-гдѣ встрѣчаются неясности и нѣкоторыя филологическія неточности, тѣмъ не менѣе, этотъ громадный трудъ соста-

*) Предисловіе къ книгѣ г. Е. Ноэля: *Mémoires d'un imbécile*.

вилъ эпоху въ наукѣ, и если со временемъ удастся кому-нибудь его превзойти, то не иначе, какъ пользуясь имъ же въ очень большой мѣрѣ. Въ физиологическихъ и медицинскихъ вопросахъ г. Литтре есть, по моему мнѣнію, скорѣе представитель историческаго изслѣдованія и свободной критики, чѣмъ интуиціи, представитель науки какъ эрудиціи, а не науки, ведущей къ открытіямъ. Большая часть ошибочныхъ сужденій о значеніи людей въ области специальныхъ знаній происходитъ отъ смѣшенія эрудиціи съ способностью дѣлать открытія. Г. Литтре обладалъ громадными знаніями; онъ работалъ больше, чѣмъ могъ бы работать человекъ заурядныхъ способностей, зналъ все, что нужно было знать для столь разнообразныхъ занятій; онъ совмѣстилъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы стать превосходнымъ историкомъ медицины, и по этой части оставилъ намъ не мало законченнаго, образцово изложеннаго и оцѣненнаго критикою; но изъ своего столь превознесеннаго метода онъ не извлекъ ни одного открытія. Знаменитое изданіе *Словаря Нистена* могло бы такъ же смѣло быть подписано послѣдователемъ Кабаниса, какъ и послѣдователемъ г. Огюста Конта, принимая, разумѣется, во вниманіе, разницу времени и успѣхи, сдѣланные наукою. Словарь этотъ есть, конечно, произведеніе позитивной науки, свободной отъ какихъ бы то ни было мистическихъ вліяній или спиритуалистическихъ соображеній; но онъ отнюдь не необходимый результатъ позитивизма. Нѣтъ ни одного научнаго открытія, которое стояло бы въ прямой связи съ импульсомъ, даннымъ Огюстомъ Контомъ или его доктриной. Я этимъ не хочу, сказать, что никто изъ позитивистовъ не сдѣлалъ ни одного открытія въ области физиологическихъ и медицинскихъ знаній, а лишь ставлю вопросъ: не могли ли тѣ же открытія быть сдѣланы помимо вліянія позитивистской школы?

Г. Литтре былъ, между прочимъ, съ 1831 года сотрудникомъ газеты *National*, специально занятымъ переводами изъ иностранныхъ журналовъ. Эту невидную обязанность онъ исполнялъ въ теченіе трехъ лѣтъ до конца 1834 года, когда ему пришлось написать нѣсколько статейкъ научнаго содержанія въ отдѣлѣ, называемомъ на языкѣ журналистовъ *Variétés*. Одна изъ нихъ, появившаяся въ началѣ 1835 года, поразила Армана Карреля, сидѣвшаго въ то время въ тюрьмѣ *Sainte-Pélagie*, и онъ написалъ по этому поводу матери г. Литтре письмо, которое та хранила болѣе сорока лѣтъ въ портфель и не хотѣла опубликовывать до тѣхъ поръ, пока не была закончена его карьера *). „Вамъ шлю я мой привѣтъ по поводу восхитительной статьи нашего Эмиля, напечатанной сегодня въ *National*. Я знаю, что удовольствіе, которое вамъ это доставитъ, для него всего дороже, и что похвалы, которыхъ его скромность не приняла бы отъ меня, переданныя черезъ ваше посредство, будутъ ему особенно пріятны сознаніемъ радости, доставленной матери. Передайте ему, что онъ выше всѣхъ насъ, что я не знаю въ Парижѣ человека, способнаго написать такую статью о Гершелѣ, какъ его статья, и краснѣю при воспоминаніи, что я былъ въ теченіе трехъ лѣтъ главнымъ редакторомъ

*) *Conservation, Révolution, Positivism, Remarques*, 2 édition, p. 201.

журнала, въ которомъ онъ довольствовался положеніемъ, столь несоотвѣствующимъ его знаніямъ и таланту, по меньшей мѣрѣ, равному этимъ знаніямъ. Высоту, до которой достигъ нашъ добрый и скромный Литтре невиднымъ и неустаннымъ трудомъ, я измѣряю лишь сознаніемъ собственнаго невѣденія по множеству предметовъ, о которыхъ онъ, какъ бы шутя, трактуетъ съ такою замѣчательною глубиною“. Вотъ письмо, по истинѣ достойное благородной души писавшаго его и того, кому нмѣ воздавалась честь, кому указывалась блестящая будущность.

Въ это время (1835 г.) г. Литтре женился. Прежде чѣмъ рѣшиться на женитьбу, онъ пережилъ періодъ тяжелой внутренней борьбы. Говорятъ, будто, подъ напоромъ самыхъ мрачныхъ мыслей, онъ колебался въ выборѣ между бракомъ, дальнимъ путешествіемъ и самоубійствомъ. Мать настояла на женитьбѣ и выбрала для него особу очень умную, съ преданной душой и къ тому же религіозную. „Родившаяся у него дочь, — говоритъ Сентъ-Бѣвъ, — ставшая впоследствии столь достойною своего отца, дѣльною помощницею въ его трудахъ, была воспитана въ вѣрѣ матери, т.-е. по-христіански. Такъ этотъ философъ, одаренный настолько же нѣжнымъ сердцемъ, насколько былъ возвышенъ его умъ, понималъ вѣротерпимость и практиковалъ ее въ своей семьѣ. Онъ самъ воспитывалъ дочь и подобно тому, какъ уважалъ религіозныя убѣжденія своей жены, такъ же деликатно и нѣжно относился къ убѣжденіямъ дочери“. Одинъ изъ его ближайшихъ друзей рассказывалъ нашему ученому товарищу, г. Бодри, какъ по достиженіи дочерью возраста, въ которомъ она могла вполне понимать его, г. Литтре намѣревался изложить ей свои убѣжденія и дать возможность самой сдѣлать выборъ между мнѣніями отца и вѣрою матери; но, когда настало время, онъ оставилъ эту мысль, боясь причинить тѣмъ горе женѣ.

Родственные чувства были очень сильны у г. Литтре, и это проявлялось во всѣхъ важныхъ случаяхъ его жизни — въ 1838 г., когда онъ лишился брата, умершаго жертвою трупнаго зараженія, въ 1842 году, когда скончалась его мать. Лица, видѣвшія его отчаяніе, говорятъ, что онъ на цѣлые мѣсяцы впалъ въ какое-то ступнѣе, не могъ ничѣмъ заниматься, не бралъ пера въ руки. Но рабочій человѣкъ не въ правѣ надолго предаваться своей горести, и въ томъ его спасеніе. Г. Литтре вынужденъ былъ приняться за дѣло; жизнь не ждала вокругъ него и не могла входить въ счеты со смертію. Упорная работа вывела его изъ опаснаго состоянія, которое, по словамъ близкихъ людей, могло окончиться самоубійствомъ или сумасшествіемъ.

Въ 1840 году онъ прочелъ произведенія Огюста Конта и увлекся его философіей. Вскорѣ потомъ онъ познакомился съ самимъ учителемъ и отдалъ свое перо на служеніе человѣку, просвѣтившему его новымъ свѣтомъ; въ этомъ направленіи онъ работалъ до тѣхъ поръ, пока между ними не возникъ разладъ и г. Литтре уклонился изъ-подъ непосредственнаго вліянія своего учителя. Но въ началѣ и въ теченіе многихъ годовъ г. Литтре былъ вѣрнымъ послѣдователемъ этого

ученія и его проповѣдникомъ даже на страницахъ *National*, „не потому, — говоритъ онъ, — чтобы главные редакторы раздѣляли ту же доктрину; между ними были послѣдователи очень различныхъ философскихъ школъ; но они предоставляли мнѣ полную свободу высказывать мои убѣжденія, какъ я хотѣлъ, и не одинъ разъ, а всегда, когда я находилъ это удобнымъ“. Такимъ образомъ, съ 1844 года эта газета становится для него какъ бы открытою трибуною для распространенія этой философіи.

Мы еще возвратимся къ возникновенію и послѣдовательнымъ видоизмѣненіямъ позитивистской доктрины въ стойкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, подвижномъ умѣ г. Литтре, а пока ограничимся указаніемъ на изданія, относящіяся къ этой категоріи его трудовъ: *Analyse raisonnée du cours de philosophie positive* (1845 годъ), *Application de la philosophie positive au gouvernement des sociétés* (1849 годъ), *Conservation, Révolution et Positivisme*, (1852 г.). Изданія эти представляютъ собою въ большей своей части собранія статей, появившихся въ *National*. Въ 1859 году вышла книга *Paroles de philosophie positive*, въ 1863 году *Fragmens de philosophie positive et de sociologie contemporaine*. Съ 1867 г. онъ основалъ и редактировалъ вмѣстѣ съ Вырубовымъ журналъ *Revue de philosophie positive* *), ставшій въ послѣдніе годы его жизни единственнымъ органомъ, проводившимъ его идеи.

Внутренній рядъ перечисленныхъ нами философскихъ трудовъ могъ бы наполнить собою долгую жизнь и удовлетворить энергическую дѣятельность. Но одновременно съ параллельными работами по исторіи медицины и по пропагандѣ позитивной философіи г. Литтре писалъ для *Journal des Savants*, для *Journal des Débats* и для *Revue des Deux Mondes* рядъ статей по совершенно иной отрасли знаній, этюды по исторіи и литературной критикѣ, по сравнительной филологіи и лингвистикѣ, составившіе нѣсколько томовъ „Исторіи французскаго языка“ (*Histoire de la langue française*), — заглавіе слишкомъ громкое для сборника отрывочныхъ статей, что, впрочемъ, сознавалъ и самъ авторъ; въ 1875 году появились въ свѣтъ *Littérature et histoire, Les Barbares et le Moyen Age* и переводъ *Ada* Данта въ 1879 году, наконецъ, *Études et Glanures* въ 1880 году. Этими академическими работами онъ, самъ того не предвидя, былъ вовлеченъ въ изученіе стараго французскаго языка и сдѣлался впоследствии великимъ знатокомъ и авторитетомъ по этой части. Въ 1839 г. онъ назначенъ членомъ академіи надписей и изящной литературы и вскорѣ потомъ избранъ на мѣсто г. Фориеля въ комиссію, которой было поручено составленіе *Исторіи французской литературы*. Онъ взялся за это новое дѣло съ обычнымъ своимъ упрямствомъ, не знавшимъ никогда ни препятствій, ни усталости, и почувствовалъ въ себѣ пробужденіе невидимыхъ до того времени влеченій, благодаря которымъ и благодаря своей желѣзной

*) Около мѣсяца тому назадъ г. Вырубовъ заявилъ о прекращеніи этого журнала „въ виду равнодушія публики къ общимъ вопросамъ. Какъ писатели, такъ и читатели интересуются чѣмъ угодно, только не высшими научными вопросами“.

Примѣч. переводч.

волѣ, онъ сдѣлался археологомъ языка, неотразимымъ свидѣтелемъ его преобразованій, первокласснымъ филологомъ, учителемъ и судьей. Изъ совокупности всѣхъ врожденныхъ и приобретенныхъ, поздно сказавшихся качествъ возникло великое твореніе *Словарь французскаго языка* (*Dictionnaire de la langue française*), монументальное твореніе, котораго одного было бы достаточно для того, чтобы прославить имя автора и которое является не болѣе, какъ эпизодомъ его многосторонней дѣятельности, но эпизодомъ славно и торжественно ее завершающимъ. Г. Литтре долго готовился къ этому труду изученіемъ происхожденія и органическихъ видоизмѣненій французскаго языка. Убѣжденный, подобно своимъ предшественникамъ Рейцару и Дицу, въ томъ, что образованіе средневѣковыхъ языковъ не составляетъ случайнаго продукта разложенія латинскаго языка, что ихъ преобразование подчинено таинственнымъ, но логическимъ законамъ, и представляются случайными лишь вслѣдствіе нашего незнанія, — г. Литтре принялся за дополненіе, или, вѣрнѣе, за продолженіе ихъ изысканій и открытій въ томъ же направленіи. Путемъ самыхъ тонкихъ аналогій онъ доискивается грамматическихъ правилъ, которыми обусловились преобразования языка; онъ усердно занимается просодіей старыхъ французскихъ поэмъ, ищетъ въ слоудоареніи уловить законы произношенія и черезъ нихъ добраться до этимологіи. Такимъ образомъ, ему удается опредѣлить способъ образованія промежуточныхъ нарѣчій, настолько ему знакомыхъ и оцѣненныхъ имъ, чтобы открыть въ нихъ черты природной силы и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходства передъ новыми языками, изъ нихъ выработавшимися путемъ сложнаго процесса. Только въ 1846 году, послѣ долгихъ колебаній, онъ счелъ себя въ достаточной мѣрѣ подготовленнымъ къ труду, взялся за который уже въ теченіе пяти лѣтъ его убѣждалъ чловѣкъ, достойный занять подобающее ему мѣсто въ исторіи французской литературы XIX столѣтія. То былъ г. Гашетъ, школьный товарищъ г. Литтре, одинъ изъ знаменитыхъ книгопродавцевъ-издателей, одаренныхъ способностью угадывать таланты, выводить ихъ на свѣтъ Божій и становиться издателемъ не только книгъ, но и людей. Безъ его одобреній и упорныхъ настояній, безъ нѣ котораго насилія съ его стороны надъ чрезмѣрно, иногда слишкомъ робкою скромностью стараго товарища, *Словарь*, по всей вѣроятности, никогда бы не былъ оконченъ.

Чтобы составить себѣ понятіе о громадности этого произведенія и о размѣрахъ представляемаго имъ труда, слѣдуетъ прочесть разсказъ (*causeries*), написанный г. Литтре за годъ до смерти подъ заглавіемъ: *Какъ я написалъ мой словарь французскаго языка* *); имъ проливается новый свѣтъ на приемы и методъ, принятые авторомъ, и, въ то же время, на подробности интимной его жизни, неразрывно связанной въ теченіе пятнадцати лѣтъ съ этимъ произведеніемъ. Въ этихъ *causeries* странно перемежшаны очень ученые объясненія, относящіяся къ предварительнымъ изысканіямъ, къ логическому построенію этого

*) „Comment j'ai fait mon dictionnaire de la langue française“. Помѣченъ 1 марта 1880 г. и изданъ въ *Études et Gravures*.

грандиознаго памятника, и подробности о дѣлахъ домашнихъ, о получении денегъ авансомъ отъ издателя, о послѣдующихъ платежахъ, о неожиданныхъ барышахъ и затѣмъ выраженія изумленія передъ необыкновеннымъ успѣхомъ изданія. Мы разберемъ нѣкоторыя страницы, дающія интересныя черты къ характеристикамъ г. Литтре. По прошествіи сорока лѣтъ, онъ самъ удивляется, что осмѣлился взяться за такое предпріятіе.

Mais quoi! rien ne remplit
Le vastes appétits d'un faiseur de conquêtes *).

„Посмотримъ,—говоритъ онъ,—что такое въ сущности мои *vastes appétits* (алчность). Я одаренъ однимъ изъ тѣхъ неугомонныхъ, безпокойныхъ умовъ, которымъ бы хотѣлось охватить разнообразныя области знанія и, по прекрасному выраженію Мольера, уяснить все—*obtenir des clartés de tout*; алчный на приобрѣтенія и скупой на приобрѣтенное, я не хотѣлъ ни съ чѣмъ разстаться. Такъ, взявшись уже за мой словарь, я продолжалъ работать надъ моимъ Гиппократомъ. О чемъ только я ни мечталъ? Если бы мнѣ не помѣшали старческая слабость и удручавшія ее болѣзни, я бы взялся съ нѣсколькими сотрудниками за всеобщую исторію, планъ которой уже былъ мною составленъ“ **). Первая мысль о словарѣ возникла въ 1841 году и, въ то же время, имъ былъ заключенъ договоръ съ издателемъ-книгопродавцемъ; но необходимо было закончить другія работы, и прошло еще нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ онъ могъ „вести это новое дѣло въ рамки своихъ повседневныхъ занятій“. Тѣмъ не менѣе, эти годы не были потеряннымъ временемъ для будущаго изданія. „Извѣстно, что иногда во снѣ бессознательной работой мысли выясняется идея, занимавшая насъ наяву; такъ во время слишкомъ продолжительнаго сна моего проекта опредѣлились мои идеи“. Съ общаго согласія съ г. Гашетомъ рѣшено было расширить первоначальный планъ и не ограничиваться *этимологическимъ* словаремъ, но прибавить къ его заглавію слово *историческій*. Такая мысль главнѣйшимъ образомъ занимала г. Литтре съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ со всѣхъ сторонъ обдумывать планъ предполагаемаго труда. Онъ отнюдь не скрываетъ, что самая идея принадлежитъ не ему. Ея зародышъ встрѣчается еще у Вольтера, предлагавшаго, вмѣсто произвольныхъ примѣровъ, приводить фразы, заимствованныя у лучшихъ писателей. Жаненъ совѣтовалъ смѣло доходить до старофранцузскаго языка, которымъ страстно увлекался самъ, и не бояться искать авторитетовъ въ его литературѣ.

Г. Литтре воспользовался идеей Вольтера и совѣтомъ Жанена и создалъ совершенно самостоятельный планъ, лично ему принадлежащій. Онъ первый взялся всецѣло подчинить словарь исторіи. Тѣмъ не менѣе, онъ не безъ колебаній принялъ окончательное предложеніе г. Гашета и потребовалъ двадцать четыре часа на размышленіе.

*) „Но что же это? Ничѣмъ не можетъ быть удовлетворена громадная алчность побѣдителя“.

***) На эту тему имъ прочитана лекція въ политехнической школѣ въ Бордо во время войны, 1 февраля 1871 года.

„Эти двадцать четыре часа я провелъ въ страшномъ волненіи, во всю ночь не сомкнувъ глазъ, мысленно взвѣсивая всю тяжесть дѣла, которое приходилось окончательно принять на себя. Въ жизни никогда еще такой реальной строгости не звучалъ въ моемъ умѣ непреклонный стихъ Горация: *quid ferre recusant, quid valeant humeri*. Громадность труда, долженствовавшаго, какъ я предвидѣлъ, длиться до моей старости, и необходимость въ теченіе долгихъ лѣтъ такъ расположить его, чтобы онъ не мѣшалъ работамъ, дававшимъ мнѣ средства къ жизни, шли въ разрѣзъ съ моими стремленіями. Наконецъ, къ утру рѣшимость одержала верхъ. Мнѣ стало стыдно отступать назадъ. Событіе осуществить выработанный мною планъ былъ такъ великъ, что я подписалъ договоръ“. При чтеніи этого драматическаго разсказа о ночи ученаго невольно приходитъ въ умъ сравненіе съ Александромъ или Конде въ ночь, предшествовавшую рѣшительной битвѣ. И, на самомъ дѣлѣ, то была битва, которую предстояло дать и выиграть человеку, имѣющему, по справедливости, право называться „великимъ служителемъ французскаго языка“.

Мы не можемъ входить въ безчисленныя подробности всего дѣла, излагаемыя намъ г-мъ Литтре съ неутомимою обязательностью. Мы ограничимся лишь нѣсколькими указаніями. Прежде всего, необходимо было выбрать массу примѣровъ изъ классиковъ и изъ книгъ на старофранцузскомъ языкѣ. Для этого потребовалась цѣлая мастерская. Въ распоряженіе г. Литтре было дано нѣсколько человекъ, обязанныхъ читать за него и дѣлать выписки подходящихъ фразъ на маленькихъ карточкахъ, съ тѣмъ словомъ въ заголовкѣ, къ которому слѣдуетъ прибравать примѣры. Г. Литтре тоже читалъ и дѣлалъ выборки изъ нѣкоторыхъ книгъ. Его указанія, инструкціи сотрудникамъ имѣли очень общій характеръ: собрать сколь можно больше примѣровъ на каждое слово, не опускать ни архаизмовъ, ни неологизмовъ, ни отступленій отъ грамматики, обращать вниманіе на употребленія словъ въ переносномъ или извращенномъ значеніи и отдавать предпочтеніе примѣрамъ, особенно интереснымъ по изяществу или по анекдоту, подавшему къ нимъ поводъ, или по историческому событію. По установленіи программы, мастерская пущена въ ходъ и заработала съ правильною и плодотворною методичностью. Всѣ карточки каждаго изъ подручныхъ сходились въ рукахъ главнаго начальника и слагались въ сборникъ положительныхъ указаній, обработанныхъ для уясненія грамматическаго употребленія *). Общее расположеніе каждой статьи такое: слово, произношеніе, спряженіе глагола, если въ немъ представляются какія-либо неправильности, опредѣленія значенія и разныхъ смысловъ, расположенныя систематически съ подтвержденіемъ примѣрами, замѣствованными у писателей XVII, XVIII и XIX вѣковъ, примѣчанія, если къ таковымъ представляется поводъ, относительно правописанія, смысла, грамматическаго построенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ обсужденіе синонимовъ; историческая часть состоитъ изъ собранія примѣровъ съ древнѣйшихъ временъ до XVI вѣка, и, наконецъ, этимологія. Такихъ

*) Предисловіе къ словарю, стр. 6 и 36.

образомъ, каждая отдѣльная статья представляетъ собою монографію слова, его исторію, его положеніе въ настоящемъ и въ прошедшемъ. Ничего подобнаго до того времени не существовало.

Планъ былъ превосходный, но онъ не сразу выяснился во всей своей полнотѣ передъ сознаніемъ автора, а опредѣлился лишь послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ и многихъ безплодныхъ уклоненій съ надлежащаго пути. Такая первоначальная неопредѣленность представляла первое серьезное затрудненіе. „Тотъ, кто взглянетъ на мои четыре тома, съ ихъ тысячами страницъ въ три колонки, пойметъ, конечно, что на все это потрачено много времени; но онъ никакъ не въ состояніи представить себѣ сколько еще времени бесцѣдно ушло на тщетныя попытки, на передѣлки всего заново“. Второе затрудненіе представляла необходимость ограничить выборъ примѣровъ. „При тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ я задумалъ мой словарь, я бы потерялся во времени и въ пространствѣ, если бы дозволилъ себѣ увлечься стремленіемъ къ полнотѣ по каждому изъ составлявшихъ его отдѣловъ. Необходимо было рѣшиться на многія жертвы и имѣть въ виду цѣлое, отказавшись отъ полной законченности частей. Я не имѣю поводовъ раскаиваться въ такой рѣшимости. Цѣлое появилось на свѣтъ, и это самое важное, такъ какъ во многихъ случаяхъ ему принадлежитъ господствующее значеніе надъ частями“.

Печатаніе началось по настоянію издателя, правильно разсудившаго, что оно никогда не начнется, если дожидаться окончанія труда и одобренія его со стороны автора. Тутъ возникли новыя тревоги. Судя по положенію работъ, несчастный авторъ убѣдился, что скоро у него не хватитъ оригинала, и вслѣдствіе этого печатаніе пойдетъ такъ медленно, что ни онъ, ни издатель, оба люди уже не молодые, не доживутъ до его окончанія. Потеря для обоихъ была бы громадною, но для автора она, сверхъ того, была сопряжена съ большимъ нравственнымъ лишеніемъ. Онъ упалъ духомъ: предстояло либо отказаться совсѣмъ отъ словаря, либо поторопиться его изготовленіемъ и удовольствоваться произведеніемъ слѣпнымъ и незаконченнымъ. Г. Литтре пытался было утѣшиться тѣмъ, что его словарь, каковой онъ ни выйдетъ, будетъ, все-таки, стоять далеко выше всѣхъ другихъ произведеній этого рода, и что этимъ можно удовлетвориться; онъ *лестилъ* самъ себѣ, старался самого себя увѣрить въ необходимости ограничиться меньшимъ и худшимъ, сознавая, что большее и лучшее было бы возможно. Испушеніе было громадно, но за то какво же и разочарованіе. Послѣ минутной слабости г. Литтре устыдился того, что считалъ отступничествомъ, и доблестно рѣшился не отступать ни на шагъ отъ предполагаемаго плана. Но для его осуществленія необходимо было всю жизнь свою подчинить одной идеѣ, по часамъ распредѣлить на многіе годы свою работу и работы сотрудниковъ, не зная ни перерыва, ни отдыха, чтобы не отставать отъ типографіи. Г. Бажанъ, потомъ гг. Жюльенъ и Замеръ, за ними Десра, Бодри, капитанъ Андре смѣняли другъ друга съ неутомимою ревностью. Окончательный просмотръ лежалъ на г. Литтре, но просматривать приходилось такую массу, что онъ не выдержалъ бы непосильнаго труда безъ двухъ по-

мощниковъ — жены и дочери, работавшихъ подъ его наблюдениемъ и въ сферѣ его личной дѣятельности. Благодаря необыкновенной экономіи времени и силъ, достигнутой разумнымъ распределениемъ труда, печатаніе, начавшееся въ послѣдней четверти 1859 года, было окончено въ 1872 году. Оно продолжалось болѣе тринадцати лѣтъ и ему предшествовали два года подготовительныхъ работъ.

Эти пятнадцать лѣтъ были годами истиннаго подвижничества. Съ восьми часовъ утра до обѣда, въ шесть часовъ, и съ семи часовъ вечера до трехъ утра, — такова мѣра ежедневнаго труда, посвященнаго словарю. Только на два часа въ послѣобѣденное время г. Литтре отрывался отъ него для необходимыхъ текущихъ занятій. Правильность этой жизни была нарушена политическими событіями — войною и коммуною. Г. Литтре принялъ всевозможныя мѣры къ сохраненію сокровища — мелкихъ лоскутковъ бумаги, карточекъ, въ которыхъ заключалась будущность, его словаря. Онъ самъ передаетъ намъ Одиссею восьми ящичковъ, перенесенныхъ во время войны изъ подвала маленькаго домика въ Мениль-ле-Руа въ подвалы дома Гашетъ. Судя по предосторожностямъ, принятымъ г. Литтре къ ихъ сохранности, можно бы подумать, что въ этихъ ящикахъ заключено богатство банкира; въ нихъ дѣйствительно лежало богатство, только идеальное. Когда представилась возможность вернуться въ Парижъ, все оказалось въ цѣлости, „все спало мирнымъ сномъ, длившимся нѣсколько мѣсяцевъ, и, какъ въ волшебной сказкѣ Перро, все сразу пошло попрежнему“. Несмотря на пережѣву въ жизни г. Литтре, сдѣлавшагося членомъ національнаго собранія, прерванный трудъ былъ оконченъ почти въ предположенный срокъ. Г. Литтре было пятьдесятъ восемь лѣтъ, когда онъ передалъ въ типографію первый листъ оригинала; въ 1872 году, при окончаніи труда, ему исполнилось семьдесятъ одинъ годъ. Блестящій успѣхъ былъ достойной наградою столькихъ волненій, столькихъ нравственныхъ и физическихъ усилій. Успѣхъ этотъ превзошелъ самыя горделивыя ожиданія автора. Французская литература обогатилась великимъ творениемъ, безъ котораго немислимо обойтись ни одному писателю. Пройдетъ столѣтіе, по меньшей мѣрѣ, прежде чѣмъ кому-либо удастся превзойти его, каковы бы ни были несовершенства его частей, исчезающія въ грандіозной стройности и красотѣ цѣлаго.

Съ наивнымъ удовольствіемъ высчитываетъ г. Литтре, что оригиналъ (безъ дополненія) составлялъ 415,636 листовъ, что просмотрѣно 2,200 корректурныхъ гранокъ, что если бы напечатать все въ одну колонку, длина ея составила бы 37,525¹/₄ метровъ (около 37 верстъ). Онъ въ восторгѣ отъ великолѣпныхъ результатовъ, достигнутыхъ непрерывною работою безъ отдыха, безъ развлеченій. Одно обстоятельство, неважное, въ сущности, было для автора источникомъ неутѣшной скорби. „Мнѣ хотѣлось, — говоритъ онъ, — собрать за общей трапезой, поздравить моихъ сотрудииковъ, издателя и нѣкоторыхъ старыхъ друзей. Болѣзнь вынудила меня отказаться отъ сборища и обѣдовъ. Сперва я полагалъ, что отложить нашъ прощальный обѣдъ придется лишь на время; отложить пришлось навсегда. Время ничего не поправило, а только все ухудшило; эти строки я едва пишу слабою и больною рукою“.

Продолжительный, неумолимый недугъ безвыходно заперъ г. Литтре въ его комнатѣ, почти приковалъ къ креслу, „подобно бѣднику Скарону“ *). Но Скаронъ не былъ врачомъ, и г. Литтре имѣлъ надъ нимъ то грустное преимущество, что могъ опредѣлить признаки и прогрессивный ходъ своей болѣзни. Странная идея пришла ему тогда въ голову, а именно: не есть ли его болѣзнь послѣдствіе образа жизни, который онъ велъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, посвященныхъ словарю? Онъ внимательно изслѣдуетъ всѣ признаки болѣзни, тщательно старается отдѣлить личныя поврежденія здоровья отъ наслѣдственнаго расположенія къ подагрѣ и заканчиваетъ любопытное излѣдованіе названнымъ восклицаніемъ: „Я признаю словарь рѣшительно невиннымъ въ удручающихъ меня органическихъ поврежденіяхъ!“ Онъ согласенъ быть больнымъ, даже тяжкою и неизлѣчимою болѣзнию, лишь бы никто не могъ обвинить въ томъ словарь. Все хорошо, или, по крайней мѣрѣ, сносно, лишь бы правъ былъ его словарь.

Рядъ почестей былъ наградою трудовой жизни, ненасытнаго стремленія къ знанію. „Мои труды,—говоритъ г. Литтре въ 1874 году,—награждены выше, чѣмъ я когда-либо могъ разсчитывать. Немногаго просилъ я у общества; оно дало мнѣ болѣе того, чего и ожидалъ и на что считалъ себя въ правѣ. Я свидѣтельствую объ этомъ въ тѣ минуты, когда, достигнувши глубокой старости, уже ничего не ищу, ничего не преслѣдую“ **). Онъ, по справедливости, гордился тѣмъ, что всѣ почести выпали на его долю по избранію. Еще молодымъ онъ избранъ былъ, сорокъ лѣтъ назадъ, членомъ академіи надписей; *Journal des Savants* избралъ его своимъ сотрудникомъ; въ медицинскоѣ академіи онъ занялъ одно изъ мѣстъ, предоставляемыхъ этимъ учрежденіемъ лицамъ, неимѣющимъ степени доктора; французская академія, какъ бы сожалѣя о томъ, что отвергла его въ 1863 году, послѣ знаменитыхъ преній, воспользовалась окончаніемъ словаря и избрала автора своимъ членомъ. Наконецъ, пробывши нѣкоторое время депутатомъ, г. Литтре былъ избранъ пожизненнымъ сенаторомъ и, такимъ образомъ, удостоился всѣхъ почестей, доступныхъ для человѣка науки, причѣмъ никогда не поступился ни малѣйшею долею своей свободы въ пользу какой-либо власти или партіи. Онъ порѣшилъ разъ навсегда: „устроить свою жизнь такъ, чтобы не допустить возможности нареканій, строго ограничивши свое честолюбіе исключительно тѣмъ, что дается избраніемъ или общественнымъ мнѣніемъ“. Онъ достигъ этого и тѣмъ самымъ оградилъ себя отъ недоброжелательствъ, возбуждаемыхъ его философскими мнѣніями, которыя безусловно закрывали для него нѣкоторыя карьеры. Оставаясь во все время второй имперіи въ абсолютной оппозиціи, г. Литтре на себѣ доказалъ, что въ нашей социальной средѣ, помимо карьеры, всѣ желанія причинить вредъ оказываются неимѣющими никакого значенія въ области философіи и литературы. „Противъ меня были возбуждаемы такія полемики, которыми разсчитывали меня уничтожить, или, въ случаѣ упорства съ моей стороны,

*) *Littérature et Histoire*, préface., p. 7.

**) *Etudes et Glanures*, p. 437.

отклонить толпу и общественное мнѣніе отъ проклятаго чловѣка. Чѣмъ же кончилось? Извѣстные и неизвѣстные друзья во Франціи и внѣ ея отнеслись съ презрѣніемъ къ этимъ выходкамъ или не обратили на нихъ никакого вниманія... И на самомъ дѣлѣ, противники, разрозненные страстью и преувеличеніями въ спорѣ, остаются другъ для друга недосигаемыми. Не лучше ли бы было оставить оскорбительные и недобросовѣстные политическіе приемы *)? При особенно рѣзкихъ нападкахъ и даже оскорбленіяхъ г. Литтре утѣшалъ себя такого рода размышленіями: „Читатели республиканскихъ журналовъ не читаютъ журналовъ монархическихъ и клерикальныхъ, и наоборотъ. Ни тѣ, ни другіе знаютъ другъ друга не хотѣть, и въ результатѣ получается полное обоюдное незнаніе. Этимъ создается нѣчто похожее на то, что каждый говорить какъ бы самъ съ собою для собственнаго удовольствія. Говорятся вещи неправдивыя, неправдоподобныя, неизмѣющія никакого вліянія и значенія; противникъ изображается въ искаженномъ видѣ единственно ради того, что пріятно видѣть его изуродованнымъ, и этимъ довольствуется большинство партій... А такъ какъ люди противныхъ партій не читаютъ другъ друга и въ особенности другъ другу не вѣрятъ, то и выходитъ, что журналы противоположныхъ направленій не въ состояніи дескредитировать чловѣка въ средѣ, ему сочувствующей и поддерживающей его“ **).

Г. Литтре стремился все знать, все сдѣлать, или, по меньшей мѣрѣ, попытаться; онъ былъ даже поэтомъ. Мы говоримъ это не потому, что онъ пробовалъ переводить „Адъ“ Данта стихами на языкѣ XIV вѣка; это скорѣе *tour de force* эрудиціи, чѣмъ поэтическое вдохновеніе: но онъ не разъ пытался придать своей мысли ритмъ и стихотворную форму, напоминающую нѣсколько Ламартина. Этого рода опыты мы находимъ въ концѣ книги *Littérature et Histoire*. Въ этихъ стихахъ выдѣлся избытокъ его чувствъ, возбужденныхъ нѣкоторыми возвышенными сюжетами. „Свѣтъ“, „Звѣзды“, „Старость“, „Земля“, — вотъ чѣмъ вдохновлены эти пѣсни. Въ нихъ встрѣчаются смѣлыя строфы. прекрасныя стихи, но общій тонъ не выдержанъ, все построеніе натянуто и тяжеловато. Поэтическія искушенія были, впрочемъ, очень скоропроходящи, и самъ г. Литтре не придавалъ никакого серьезнаго значенія своимъ стихотворнымъ произведеніямъ въ такомъ родѣ:

O terre, mon pays, monde parmi les mondes,
Tandis que je te suis dans les plaines profondes,
Il me prend un plaisir austère et pénétrant
A joindre mes destins aux tiens, dans la carrière
D'où tu viens en arrière,
Où tu vas en avant.

Въ ряду прозаическихъ произведеній, однимъ изъ наиболѣе обработанныхъ и могущихъ дать лучшее понятіе о писателѣ слѣдуетъ указать его *Речь*, произнесенную въ 1875 году при вступленіи его во французскую академію. Это похвальное слово предшественнику, г.

*) Conservation, Révolution, Positivism, Remarques, 2 éd., p. 46—49.

***) Littérature et Histoire, préface, p. 7

Вильмену, превосходно составлено. Г. Литтре относится къ сошедшему въ могилу академику менѣе строго, чѣмъ его собратія по филологіи; онъ превозноситъ краснорѣчіе профессора, тонко разбираетъ его значеніе въ литературѣ. Ни въ одномъ изъ своихъ произведеній г. Литтре не проявилъ въ такой мѣрѣ достоинствъ писателя, какъ въ академической рѣчи. Онъ достигъ въ ней такой же высоты, какой достигалъ мѣстами въ своей книгѣ *Варвары и средніе вѣка* и въ нѣкоторыхъ страницахъ своихъ философскихъ сочиненій.

Былъ ли онъ писателемъ по природѣ? Несомнѣнно, въ немъ были для того всѣ задатки: сознание силы и правды, умѣніе находить удачныя, новыя образы, стремленіе къ красотѣ, желаніе достигнуть совершенства. Но это самое стремленіе и его желаніе слишкомъ замѣтно проглядываютъ въ томъ, что онъ писалъ. Въ его манерѣ писать, несомнѣнно, видно честное отношеніе къ предмету и нѣкоторая неловкость. Первое побуждаетъ его представить все такимъ, каково оно есть въ дѣйствительности и каковымъ отражается въ его умѣ; неловкость заключается въ желаніи сказать слишкомъ многое, высказать все. Вслѣдствіе этого основная мысль какъ бы расплывается въ подробностяхъ, теряется въ предложеніяхъ вводныхъ и во всякихъ нагроможденіяхъ. Таковъ естественный результатъ безконечныхъ поправокъ, стремленія къ грамматической точности и психологической вѣрности, вставокъ и дополненій, чрезмѣрно удлиняющихъ и затемняющихъ предложеніе. Г. Литтре излишне хлопоталъ о полнотѣ въ ущербъ ясности, достигаемой не иначе, какъ путемъ постоянныхъ пожертвованій и урѣзокъ, которыхъ онъ не умѣлъ дѣлать. Ему не доставало чувства художественной мѣры. Несмотря на многія прекрасныя страницы, имъ написанныя, его нельзя назвать художникомъ. Онъ это самъ чувствовалъ. „Когда я пишу,—говорилъ онъ,—то бываю порою доволенъ написаннымъ. Но затѣмъ наступаетъ время сомнѣнія (le quart d'heure de Rabelais), потребность перечитывать, исправлять, передѣлывать къ корректурнымъ гранкамъ. Въ этой второй фазѣ я рѣшительно всѣмъ недоволенъ“.

Тогда-то именно онъ и портилъ все, желая исправить и добиться лучшаго. Для иныхъ писателей этотъ второй моментъ есть время дѣйствительнаго усовершенствованія ихъ произведеній въ доступной для нихъ мѣрѣ; другіе же тутъ-то и уступаютъ несчастному искушенію дополнить и передѣлывать до безконечности. Извѣстно, сколько труда причиняла подобная слабость Бальзаку и какъ дорого она обходилась его издателямъ, доходившимъ съ нимъ до настоящихъ ссоръ. Чуть не насильно приходилось вырывать у него корректурные оттиски, которые онъ все исправлялъ и переправлялъ, требуя новыхъ оттисковъ, мучая типографію безконечной работой. Не доходя до той же крайности, г. Литтре страдалъ тѣмъ же недовѣріемъ къ себѣ. Вслѣдствіе этого его слогъ тяжелъ, фраза длинна, запутана, лишена живости и какъ бы нерѣшительна.

Коснемся послѣдней черты, дополняющей нравственный образъ г. Литтре. Былъ ли онъ человѣкъ скромный и въ какой мѣрѣ?—„Несомнѣнно, — отвѣчаетъ онъ самъ на этотъ вопросъ,—въ смыслѣ мнѣнія,

какое я имѣю самъ о себѣ. Давно уже я самъ себя разбираю,—разбираю часто и серьезно,—и не думаю, чтобы передъ такимъ постоянно повторяющимся разборомъ могло во многихъ устоять высокое мнѣніе о себѣ. У меня, по крайней мѣрѣ, оно не устояло. Но если понимать скромность въ томъ смыслѣ, что человѣкъ не выставляется на видъ, не лѣзетъ впередъ, остается даже назадъ,—въ такомъ случаѣ и я считаю нужнымъ сдѣлать оговорку: меня не скромность удерживала назадъ, а сознаніе недостаточности силъ, которыя и бы могъ противопоставить смутно предвидѣннымъ случайностямъ. Порою я бывалъ слишкомъ самонадѣянъ и теперь, когда мой словарь оконченъ, я нахожу, что много надо было имѣть смѣлости, чтобы взяться за него. На такого рода дѣла у меня всегда хватить смѣлости; во всемъ же остальномъ я могъ бы быть хорошимъ солдатомъ и не годился бы въ командиры“ *). Эта вѣшняя робость мѣшала ему говорить въ собраніяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ; также рѣдко слышался его голосъ въ академіяхъ. Г. Литтре самъ рассказываетъ, какъ по пятницамъ, день засѣданій академіи надписей и изящной словесности, которыя онъ навѣщалъ очень аккуратно, пока болѣзнь дозволяла,—онъ все время перелистывалъ Боссюэта и приискивалъ въ немъ примѣры для словаря. Во французской академіи онъ появлялся только въ дни выборовъ; онъ уже сильно недомогалъ съ самаго своего избранія въ эту академію и въ ней говорилъ очень рѣдко и лишь когда былъ вынуждаемъ высказать свое мнѣніе относительно опредѣленія или этимологіи какого-либо слова для нескончаемаго академическаго словаря, за который общество академиковъ принимается вновь, какъ только онъ оконченъ, чтобы оставаться постоянно въ курсѣ измѣненій языка. Но за частымъ отсутствіемъ знаменитаго ученаго, его до нѣкоторой степени замѣнялъ его историческій словарь, никогда не сходившій со стола. Это было его записанное мнѣніе, къ которому обращались во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ, который слушали всегда съ уваженіемъ. Такимъ образомъ, г. Литтре, все-таки, принималъ большое и достойное участіе во всѣхъ преніяхъ, касавшихся обширной области языкознанія, навсегда неразрывно связанной съ его именемъ.

II.

Г. Литтре былъ скорѣе организаторомъ, чѣмъ изобрѣтателемъ. Самъ онъ, повидимому, того же мнѣнія о себѣ, что и высказано имъ въ послѣсловіи (эпилогѣ) одной изъ его книгъ: „Во мнѣ были способности, давшія мнѣ возможность выдвинуться и обратить на себя вниманіе; но онѣ высказались поздно за недостаткомъ подходящаго для нихъ примѣненія. Мой умъ не изъ быстро находчивыхъ въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ; не было человѣка безпомощнѣе меня передъ внезапными трудностями, если мнѣ не бывало дано времени ихъ изучить и къ нимъ приготовиться. Такимъ образомъ, мнѣ пришлось очень

*) Conservation, Révolution, Positivism, 2 éd., p. 492.

долго учиться; но это было необходимо, и я бы считалъ себя теперь неблагодарнымъ, если бы сталъ на это жаловаться, какъ на потерю времени“ *). Какимъ онъ былъ въ жизни интеллектуальной, такимъ же оставался и въ практической жизни. У него не было инициативы идеи; но разъ ему представлялась идея, хотя бы въ зародышномъ состояніи и въ неполномъ видѣ, онъ брался за нее съ свойственною ему одному силою, преслѣдовалъ ее съ послѣдовательностью, на которую только онъ и былъ способенъ, до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что идея эта не болѣе, какъ неполный призракъ истины. Тогда въ немъ возникала новая внутренняя работа; онъ пытался, съ своею обычною добросовѣстностью, *предостеречь* себя противъ собственныхъ интеллектуальныхъ привычекъ и побороть то, что называлъ „своею всестороннею неспособностью“. Онъ глубоко чувствовалъ основной недостатокъ своего ума, заключающійся въ томъ, что „ничего ему не давалось вдохновеніемъ и, такъ сказать, напередъ онъ вынужденъ былъ все приобретать дорого достигающимся и многократно повтореннымъ опытомъ“ **).

Этимъ объясняется исторія его убѣжденій. При тщательномъ изученіи ихъ послѣдовательности въ строго хронологическомъ порядкѣ, а не въ ихъ совокупности, вполне выясняются различныя фазы, пройденныя г. Литтре въ политикѣ и въ философіи, тѣ промежуточные шаги, которые вели его отъ одной фазы къ другой, и прогрессивное развитіе его ума подъ одновременнымъ вліяніемъ опыта и мысли. Онъ въ самомъ себѣ осуществилъ законъ эволюціи, проявленія котораго въ человѣческихъ обществахъ имъ изучены съ такою любознательностью. И надо отдать ему полную справедливость въ томъ: перемены его убѣжденій никогда не обуславливались какими-либо низкими мотивами, недостойными истиннаго мыслителя. Къ величайшей чести его должно признать, что онъ всегда стремился къ свѣту, какъ бы тяжело и болѣзненно ни было ощущеніе этого свѣта. Г. Литтре принадлежалъ къ числу немногихъ людей, не ставящихъ свое „я“ выше истины, своего самолюбія выше правды,—людей, дерзающихъ просто и смѣло произнести два крайне тяжелыхъ слова: „я ошибался“.

Любопытно прослѣдить проявленіе такой добросовѣстности въ политическихъ и соціальныхъ вопросахъ. Въ данномъ случаѣ слѣдуетъ пользоваться его собственными указаніями и только ими одними. Самымъ выдающимся документомъ можетъ служить второе изданіе его книги: *Conservation, Révolution, Positivisme*, о которомъ мы уже упоминали. Въ этомъ изданіи мы находимъ драгоценнѣйшіе комментаріи, каждая глава снабжена интереснѣйшимъ *post-scriptum*, подвергнута безпощадной критикѣ и безчисленнымъ исправленіямъ, дающимъ возможность оцѣнить перемену въ образѣ мыслей автора, вызванную тридцатью годами опыта и работы мысли. Авторъ порою выставляетъ „обстоятельства, смягчающія“ его прошлыя ошибки и заблужденія, но съ необыкновенною твердостью исправляетъ ихъ и отказывается отъ оши-

*) *Études et Glanures*, p. 425.

***) *Conservation, Révolution, Positivisme*, 2 éd., p. 204.

бочныхъ мнѣній. Мы ограничимся приведеніемъ лишь немногихъ выдающихся примѣровъ. 18 ноября 1850 года, подъ вліяніемъ идей Огюста Конта, г. Литтре написалъ нѣсколько страничекъ, утопическихъ страницъ о *миръ запада (la paix occidentale)*. Въ нихъ опъ развиваетъ ту наивную мысль, что за прекращеніемъ всеобщей войны, охватившей Европу тридцать пять лѣтъ назадъ и въ виду тридцати-пятилѣтняго періода мира, есть много шансовъ полагать, что война уже никогда болѣе не вспыхнетъ. „Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, — говоритъ опъ, — соціологія предвидитъ этотъ вѣчный миръ; она предвидѣла его до потрясенія 1830 года, до грозы, едва не разразившейся въ 1840 году, предвидѣла до февральскихъ событій 1848 года, и постоянно, вопреки самыхъ тревожныхъ признаковъ, событія подтверждали ея предвидѣніе. Равнымъ образомъ и теперь можно предсказать миръ для всей нашей переходной эпохи, за которою наступитъ новая эра западно-республиканской конфедераціи, долженствующая навсегда положить конецъ вооруженнымъ столкновеніямъ. Уже теперь установилась солидарность между націями; она еще болѣе окрѣпнетъ черезъ 10—15 лѣтъ. Нѣмцы, англичане, итальянцы, французы и испанцы научатся понимать другъ друга еще лучше, чѣмъ понимали въ 1848 году, и еще менѣе, чѣмъ тогда, будутъ склонны воевать другъ съ другомъ... Въ настоящее время мы видимъ въ Европѣ политическія побѣды и пораженія, время военныхъ пораженій миновало. Борьба ведется на Западѣ между партіями, а не между націями“. Посмотримъ, что говоритъ г. Литтре въ 1878 году объ утопистѣ 1850 года: „Эти несчастныя странички, — пишетъ опъ, — находятся въ вѣчномъ противорѣчій съ только что пережитыми нами событіями. Даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, я скорблю о довѣрчивости, ихъ внушившей... Едва я успѣлъ сказать, поддавшись суетному воодушевленію, что Европа не увидитъ болѣе военныхъ погромовъ, имѣющихъ смѣниться политическими пораженіями, какъ разразился военный погромъ въ Крыму, затѣмъ Австрія побита въ Италіи, она же побита Пруссіей, Франція потерпѣла пораженіе при Седанѣ и Мецѣ и еще недавно разгромлена Турція. Кончится ли на этомъ? Кто знаетъ! Съ самомнѣніемъ, которое теперь мнѣ самому кажется смѣшнымъ, я противопоставлялъ то, что я называю реальною политикою, предвидящую вѣчный миръ вопреки признаковъ противнаго, политикѣ, называемой мною вульгарною, выводящей на основаніи признаковъ заключенія о возможности войны или мира. Несостоятельность реальной политики была вполне доказана, и еще разъ и столь полно восторжествовала вульгарная политика“ *).

Къ этому г. Литтре гордо прибавляетъ: „Мнѣ хотѣлось непременно самому напомнить объ этихъ страничкахъ, чтобы докончить мою политическую и философскую исповѣдь. Я ошибался. Но кто же не ошибался? Но не это меня смущаетъ. Нѣтъ, меня смущаетъ увѣренность, съ которою я относился къ угрожающимъ явленіямъ, и въ особенноти мое безразсудство, поведшее къ тому, что въ подкрѣпленіе

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 éd., p. 480 et 483.

вѣры въ социологію мною выставлены предвидѣнія, долженствовавшія такъ скоро оказаться глубоко ошибочными“. Онъ объясняетъ эти необыкновенныя заблужденія двумя причинами: первая причина личная, это—абсолютная его вѣра въ непогрѣшимость сужденій Огюста Конта. Этому преобладающему вліянію онъ приписываетъ лелѣянные имъ въ то время химеры о паденіи бонапартизма, объ упроченіи республики въ 1850 году, о необходимости отмѣны бюджетовъ исполненія и университета, объ оставленіи навсегда войны, о близости позитивнаго періода и о скоромъ наступленіи окончательнаго торжества доктрины, долженствующей управлять міромъ. Другая причина, которою онъ объясняетъ самонадѣянность своихъ несбывшихся пророчествъ, заключается въ смѣшеніи въ то время въ его умѣ понятій о предреканіяхъ социологическихъ съ предвидѣніями такихъ наукъ, какъ астрономія. Въ пылу первыхъ увлеченій доктриною, ему представилось, что, подобно тому, какъ превосходство астрономіи доказывается массамъ ея предвидѣніемъ явленій въ пространствахъ небесныхъ, такъ же значеніе социологін можетъ быть утверждено предвидѣніемъ въ области политики извѣстныхъ явленій, ею подготовленныхъ и предусмотрѣнныхъ, на томъ основаніи, что явленія эти самою социологіей вызваны. Но впоследствии онъ пришелъ къ соображенію, что чѣмъ проще наука, тѣмъ ея предвидѣнія обширнѣе и безошибочнѣе, и наоборотъ, чѣмъ наука сложнѣе, тѣмъ ограниченнѣе и сомнительнѣе ея предвидѣнія. Такова именно социологія, сложнѣйшая изъ всѣхъ наукъ, а потому наименѣе способная предусматривать вдалѣ вслѣдствіе многочисленности и тонкости элементовъ, входящихъ въ ея расчеты. Такимъ образомъ онъ дошелъ до установленія между двумя политиками: эмпирической, составляющей достояніе государственныхъ людей, дипломатовъ, министровъ, государей, представительныхъ собраній; эта политика, при помощи ближайшихъ опытовъ и иногда гениальныхъ вдохновеній, рѣшаетъ дѣла, управляетъ ходомъ событій и составляетъ предположенія о ихъ послѣдствіяхъ; другая политика—научная—не имѣетъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время достаточныхъ средствъ предвидѣть событія и случайности, тѣмъ не менѣе, она указываетъ главнѣйшія теченія социальнаго развитія, и, слѣдовательно, должна быть весьма принимаема въ соображеніе. При всемъ этомъ можно еще многое сказать противъ правильности ея предположеній и точности указываемыхъ ею теченій по отношенію къ отдаленному будущему. Г. Литтре не разъ повторяетъ это характеристическое признаніе. Въ силу вышесказаннаго онъ прямо отказывается отъ двусмысленной и мудреной роли позитивистскаго пророка, въ которой онъ потерпѣлъ такія крупныя неудачи. Онъ довольствуется собраніемъ возможно большаго числа наблюденій, ихъ классификаціей, обсужденіемъ причинъ прошедшихъ событій и законовъ, ихъ обусловившихъ, онъ старается разобраться въ постоянно возрастающей сложности этихъ наблюденій и стремится подвести ихъ къ согласованію съ основными причинами. Тутъ онъ въ своей настоящей роли экспериментальнаго философа.

Съ тѣмъ же чистосердечіемъ, очень трогательнымъ въ старикѣ, заслужившемъ столь высокое уваженіе общества, г. Литтре разбиралъ

одну за другой свои политическія иллюзіи, не щадя своего самолюбія и ничѣмъ не стѣсняясь. Около 1848 г., подѣ опьяняющимъ дѣйствіемъ февральской революціи и подѣ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на него идеями г. Огюста Конта, онъ убѣждается въ томъ, что пережитые Франціей государственные перевороты предвѣщаютъ наступленіе, новой эры и что міръ находится наканунѣ *позитивнаго* періода, когда, при философскомъ согласованіи знаній, всѣ общества обратятся къ *позитивизму*. Оставалось только подготовить переходъ отъ стараго къ новому. Главныя черты этой реформы, долженствовавшей привести насъ къ окончательному складу жизни, состояли въ возможномъ ограниченіи парламентской власти низведеніемъ ея на рѣшеніе финансовыхъ вопросовъ, въ соразмѣрномъ ограниченіи всеобщей подачи голосовъ впредь до полной ея отміны съ наступленіемъ духовнаго образа правленія *), въ созданіи, наконецъ, центральной власти, составленной изъ трехъ верховныхъ сановниковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ исполнительную власть и избираемыхъ исключительно населеніемъ города Парижа.

„Этимъ путемъ,—говорилъ г. Литтре,—пролетаріи непосредственно получаютъ власть въ свои руки. Это необходимо для окончанія долгой революціи Запада. Ради свободы позитивизмъ отмінить бюджеты вѣроисповѣданій и университетскій, откроетъ клубы и развяжетъ руки прессѣ; ради сохраненія порядка позитивизмъ предоставитъ преобладаніе Парижу, центральной власти и пролетаріямъ **). Парижъ всегда низвергалъ правительство и устанавливалъ на ихъ мѣсто новыя, и такъ всегда будетъ, пока Франція будетъ Франціей. Во всѣхъ нашихъ революціонныхъ перипетіяхъ силою вещей Парижу постоянно предоставлялось избраніе или признаніе правительства. Что же повелѣваетъ позитивная политика, какъ не признаніе этой неизбѣжности и ея упорядоченіе?... Парижъ, облеченный великою избирательною функціей, не замедлитъ вѣбритъ власть рабочимъ, и въ этомъ онъ явится только осуществителемъ здоровыхъ тенденцій. Пролетаріатъ стремится къ власти, а такъ какъ прогрессивныя инстинкты развиты въ немъ болѣе, чѣмъ въ другихъ классахъ, то онъ и достигнетъ власти при болѣе предпочтительныхъ интеллектуальныхъ условіяхъ ***). Управление Франціей, городомъ Парижемъ и верховенство пролетаріата,—въ этомъ заключалась вся программа г. Литтре. Онъ отстаивалъ не только права пролетаріата, что составляетъ сущность демократіи, но необходимость поставить его въ привилегированное положеніе, необходимость создать новую аристократію, аристократію на выворотъ, верховенство парижскаго рабочаго, произвольно и легально распоряжающагося судьбами Франціи.

То была идея г. Огюста Конта; но г. Литтре, которому было поручено отъ имени комиссіи изложить ее передъ собраніемъ общества

*) См. *Рус. Мысль*, ноябрь 1883 г. „Религія позитивнама“. *Прим. перев.*

**) *Conservation, Révolution, Positivisme*, предисловіе къ 1-му изданію, выкинутое при второмъ изданіи.

***) *Conserv., Rév., Posit.*, 1 éd., p. 23.

позитивистовъ, заявляетъ, тридцать лѣтъ спустя, что онъ всецѣло раздѣлялъ ее. „Я неохотно согласился напечатать эти странныя страницы,—писалъ онъ позднѣе.—Иначе, какъ странными, я не могу ихъ назвать. Но передъ читателями я не желалъ скрыть всей глубины того, что я теперь считаю моими заблужденіями“ *). Онъ удивлялся даже, что противники не воспользовались противъ него этимъ документомъ во время полемики изъ-за его академической кандидатуры въ 1863 году. Онъ признаетъ, что съ ихъ стороны это былъ бы честный бой и что самъ онъ былъ бы поставленъ въ прискорбную необходимость отступить отъ своихъ мнѣній въ крайне неудобный моментъ. Свободный отъ этого вѣшняго давленія, г. Литтре изложилъ полное отреченіе отъ этихъ мнѣній сперва въ книгѣ: *Огюстъ Контъ и позитивная философія*, потомъ въ *Fragments de philosophie positive* и, наконецъ, въ *Remarques*, написанныхъ въ 1878 году. Онъ передаетъ намъ, какъ событія разнесли до основанія всѣ эти гипотетическія построенія, подобно карточнымъ домикамъ; онъ превосходно выясняетъ, почему нѣкоторыя условія, присущія политической и социальной жизни Франціи, превращаютъ эти измышленія Конта въ неосуществимую гипотезу. Онъ признаетъ, что всѣ эти измышленія основаны на трехъ крупныхъ фактическихъ ошибкахъ: первая, это—мнѣніе, будто февральская революція привела къ положенію, называемому позитивистами „transition“ (переходомъ), составляющему единственную ступень между теперѣшнимъ положеніемъ и окончательнымъ строемъ народной жизни. Вторая ошибка—вѣра въ пролетаріевъ, въ ихъ способность взять въ свои руки и удержать власть, къ чему они оказываются рѣшительно неспособными. На самомъ дѣлѣ, пролетаріи, какъ и заявилъ впоследствии г. Литтре, не представляютъ собою всей полноты классовъ народа, они лишь одна изъ частей его во Франціи, по крайней мѣрѣ; другая часть, очень важная и болѣе многочисленная, состоитъ изъ крестьянства. Третья ошибка заключается въ неправильной оцѣнкѣ социалистовъ, которыхъ г. Литтре принималъ тогда за полу-позитивистовъ, чѣмъ они отнюдь никогда не были **). Эти три фактическія ошибки, заключаетъ г. Литтре, отнимали всякую надежду на возможность осуществить проектъ революціоннаго и переходнаго правленія, не говоря уже о противодѣйствіи провинцій господству Парижа, буржуазныхъ классовъ преобладанію рабочихъ, крестьянскаго населенія системамъ социалистическимъ или инымъ.

Вмѣстѣ съ осужденіемъ взгляда на преобладающую роль пролетаріата, разрушились всѣ ключи того же рода, нѣкоторое время занимавшія умъ г. Литтре. Онъ созналъ, наконецъ, что нѣтъ середины между гигантскою химерою непосредственнаго *самоправленія* народной массы, приводящаго къ анархіи или диктатурѣ, и чистою, простою формою парламентскаго режима. Онъ рѣшительно перешелъ на сторону послѣдняго и подъ конецъ жизни сталъ ревностнымъ его защитникомъ. Не разъ онъ развивалъ по этому поводу замѣчательныя соображенія.

*) Conserv., Rév., Posit., 2 éd., p. 246.

**) Conservation, Révolution, Positivism, p. 247, 248 et 327.

Дѣло въ томъ, что массы способны дать перевѣсъ чувствамъ и тенденціямъ, поддерживать и санкціонировать и совсѣмъ не способны управлять. Чѣмъ многочисленнѣе масса, тѣмъ менѣе она способна постановить какое-либо рѣшеніе въ дѣлѣ управленія государствомъ; у нея не достаётъ знаній, личныя занятія каждаго отнимаютъ у большинства много времени, интересы настолько разнообразны, что примирить ихъ не представляется возможности*). Предоставленіе правительственной власти непосредственно массѣ неминуемо стало бы источникомъ величайшихъ золъ; для избѣжанія этихъ золъ, для пользы дѣла необходимы посредники, то-есть, въ сущности, режимъ парламентскій, и таковой, будь онъ монархическій или республиканскій, оказывается наиболѣе приспособленнымъ къ настоящему положенію западно-европейскихъ народовъ.

Такъ, мало-по-малу умудряемый повторяющимися опытами, правительственнымъ мышленіемъ, одушевляемый безусловною правдивостью по отношенію къ своимъ убѣжденіямъ и событіямъ, этотъ прогрессирующій умъ расширялся и освобождался изъ-подъ вліянія доктрины, возвышался и умиротворялся. Г. Литтре глубокими и тонкими штрихами очерчиваетъ исторію внутренней жизни ума, самоконтролирующагося, самонаказующагося и безостановочно совершенствующагося: „Очень долгая жизнь среди постоянныхъ страданій, правда, но съ головою, сохраняющею, какъ мнѣ кажется, полную ясность мысли, опять наводитъ меня на обсужденіе прошедшаго путемъ сравненія съ настоящимъ, не увлекаясь, впрочемъ, подобно старцу Горацию, ни похвалами прошлому, ни критикой и осужденіемъ настоящаго. Я считаю особенно поучительнымъ для себя лично, по крайней мѣрѣ, оглянуться назадъ, лѣтъ за сорокъ или за пятьдесятъ, и сообразить, что случилось, благодаря пережитымъ событіямъ, со всѣмъ тѣмъ, во что мы вѣрили, чего боялись, на что возлагали надежды. Мнѣ сдаётся, несмотря на увѣренія въ противномъ, что старикъ, не упорный, конечно, не менѣе молодого способенъ *образумиться (est redressable)* и не можетъ оставаться постоянно вѣрнымъ предубѣжденіямъ, которыми увлекался и которымъ подчинялся когда-то. Я опять ставлю себя на точку зрѣнія позитивной философіи, какою я ее принималъ безъ всякаго ограниченія. Событія научили меня неизбѣжности ограниченій. Много ли найдется старыхъ революціонеровъ, старыхъ консерваторовъ, которые бы рѣшились, подобно мнѣ, старому позитивисту, принять на себя долю вины въ своихъ разочарованіяхъ, не сваливая ее всю цѣликомъ на обстоятельства“ (**).

Ограниченія, необходимости которыхъ его научили событія, выразились въ его все большемъ и большемъ удаленіи подъ старость отъ школы революціонеровъ, отъ ея историческихъ сужденій, ея правительственныхъ и политическихъ приемовъ. Опредѣляя *революцію*, онъ говоритъ о ней, какъ о совокупности тенденцій, стремящихся насильственно разрушить прошедшее въ его вѣрованіяхъ и учрежденіяхъ-

*) Remarques, p. 171 et 252.

**) *Expérience rétrospective au sujet de notre plus récente histoire.*

Ея источникъ онъ видитъ въ возрастающемъ конфликтѣ между позитивнымъ знаніемъ и теологическими вѣрованіями; ея опасность — въ анархическихъ тенденціяхъ, неизбежномъ результатѣ рационалистическихъ воззрѣній, чисто субъективныхъ, не имѣющихъ поддержки въ опытѣ, умозаключеній, изъ которыхъ каждое имѣетъ настолько привлекательности, чтобы покорить себѣ нѣкоторое число умовъ, но ни одно не обладаетъ достаточною устойчивостью для подчиненія большинства, для полученія значенія закона *). Черезъ это революція вноситъ разложение въ общество и, въ то же время, рѣзко уничтожаетъ очарованіе поколѣній. Прошедшее ей ненавистно; она ведетъ противъ него ожесточенную борьбу. То и другое служитъ источникомъ величайшихъ ошибокъ и вопіющихъ несправедливостей. Революція изрекаетъ безусловное *отлученіе* противъ всего прошедшаго, объявляетъ его всецѣло негоднымъ и позорнымъ; она бы уничтожила его безслѣдно, если бы только могла; исторіи она знать не хочетъ. Въ умахъ просвѣщенныхъ эволюціонная доктрина все болѣе и болѣе вытѣсняетъ собою эту доктрину насиія. Она признаетъ за прошедшимъ его историческія права, объясняетъ основанія его бытія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не отрицаетъ у революціи извѣстной доли законности, смотря по времени и по мѣсту. Медленно и логически, въ пространствѣ и во времени, эволюціонная доктрина развертываетъ послѣдовательность идей и генерацій; она ничего не обрываетъ насильственно, она констатируетъ и слѣдитъ за движеніемъ логическаго и естественнаго прогресса, свойственнаго органической жизни общества; она не присвоиваетъ себѣ способности измѣнять въ свою пользу естественный ходъ вещей; она научно подчиняется управляющему имъ закону и лишь на условіи такого подчиненія считаетъ возможнымъ имъ пользоваться.

Изъ этой экспериментальной и умозрительной философіи легко вывести всѣ идеи и всѣ чувства, которыми руководился г. Ляттре при оцѣнкѣ современныхъ событій, которыми обуславливалась его ненависть къ вооруженному социализму, его неоднократныя осужденія коммуны, его энергическое осужденіе всѣхъ видовъ политическаго убійства **). Противъ всѣхъ этихъ проявленій насиія его приговоръ безпощаденъ и онъ высказывалъ его, не стѣсняясь ничѣмъ. Подъ влияніемъ этихъ идей онъ почиталъ политическимъ преступленіемъ всякую инсurreкцію, равно и всякій государственный переворотъ, ниспровергающій или пытающійся ниспровергнуть установленную власть съ тѣмъ, чтобы передать правленіе въ руки какого-либо человѣка или партіи. Этотъ родъ преступленія, по его мнѣнію, есть самый тяжкій, по крайней мѣрѣ, въ нашихъ современныхъ обществахъ. Отраженные толчки нанесеннаго имъ удара обрушиваются не только на частныхъ лицъ, поражаемыхъ ради уничтоженія ихъ сопротивленія, но также на общественное благосостояніе, на положеніе международное, на взаимныя отношенія гражданъ, на общественную нравственность. Этотъ видъ преступленій заслуживаетъ особаго изученія, какъ болѣзненное, соци-

*) Remarques, p. 103.

**) Remarques, p. 453, 457 et suiv.

ально-патологическое явление *). „Съ 1814 по 1871 годъ (до бордоскаго постановленія, признавашаго третью республику, какъ совершившійся фактъ, до версальскаго постановленія, признавашаго законность факта) исторія наша полна политическихъ преступленій; ихъ совершаютъ короли, императоры, люди изъ народа и подвергаются за то безошадному приговору передъ судомъ социологій... Всѣ въ теченіе этихъ сорока семи лѣтъ, рѣшительно всѣ, легитимисты, республиканцы и империалисты, одинаково виновны и подлежатъ равному осужденію. Я сталъ бы презирать себя, если бы допустилъ какое-либо исключеніе въ пользу республиканской партіи на томъ основаніи, что самъ я республиканецъ, и если бы позволилъ себѣ одобрять такіа дѣянія этой партіи, которыя я осуждаю у другихъ. Я не допускаю, чтобы дурное для однихъ могло быть хорошимъ для другихъ, ни оправданія средствъ ради конечной цѣли. Я всегда и безусловно на сторонѣ тѣхъ, кто рѣшительно отказывается отъ пути насилія; по отношенію же къ тѣмъ, кто отъ нихъ не отказывается, я сохраняю полное безпристрастіе, но только безпристрастіе, а не равнодушіе, такъ какъ съ глубочайшею сердечною скорбью присутствовалъ при многихъ перипетіяхъ нашей современной исторіи“.

Тѣми же принципами объясняются отношеніе г. Литтре, какъ историка, къ христіанству и положеніе, принятое имъ въ качествѣ законодателя при торжественномъ случаѣ, когда онъ нашелъ, что власти погрѣшаютъ противъ либерализма и терпимости. Иногда люди передовой демократической партіи выражали удивленіе по поводу его благоприятныхъ для христіанства сужденій объ исторической роли этой религіи. Г. Литтре держался въ данномъ случаѣ очень простаго различія: какъ послѣдователь позитивнаго ученія, онъ принадлежалъ къ философской партіи и былъ противникомъ теологій, настаивалъ на ихъ несовмѣстимости; по его мнѣнію, съ новымъ міровоззрѣніемъ. Но, какъ историкъ, онъ говорилъ и обязанъ былъ говорить совершенно иначе. Тогда онъ вспоминаетъ, что религіи стоятъ въ неразрывной связи съ развитіемъ человѣчества; что развитіе это не можетъ быть отдѣлено отъ вліяній на него религій, и что, — взвѣсивши все и пренося степень достигнутой нами цивилизаціи, — справедливость повелѣваетъ отдать должное постояннымъ и могущественнымъ сотрудникамъ, помогавшимъ цивилизаціи совершить ея дѣло. „Кто бы усмотрѣлъ въ этомъ новомъ положеніи противорѣчіе или отступничество съ моей стороны, тотъ доказалъ бы только узость своего ума и вслѣдствіе тяжести своихъ предразсудковъ“ **).

Равнымъ образомъ не было бы ни практическимъ противорѣчіемъ, ни отступничествомъ отъ своихъ убѣжденій, если бы г. Литтре, сдѣлавшись государственнымъ человѣкомъ, призваннымъ вѣдать матеріальные и нравственные интересы нашихъ столь сложныхъ обществъ, призналъ бы своею непремѣнною политическою обязанностью предоставить теологіямъ (религіямъ) покровительство и независимость, обя-

*) *Révue de philosophie positive*, juillet—août 1879.

**) *Révue de philosophie positive*, mars—avril 1880.

зательныя для государства по отношенію ко всѣмъ доктринамъ. Специально на эту тему написана даже очень любопытная статья, появившаяся одновременно въ *Revue de philosophie positive* и въ *Temps* въ 1879 году подъ заглавіемъ: *Le catholicisme selon le suffrage universel en France*. Статья эта произвела глубокое впечатлѣніе въ обоихъ лагерахъ: въ той партіи, съ которою обыкновенно вотировалъ г. Литтре, и въ противной; первая была скандализирована громкою огласкою такого раскола, вторая—поражена такимъ безпристрастіемъ. Въ сущности же, г. Литтре оставался вѣренъ себѣ и своимъ убѣжденіямъ. Конечно, онъ не питалъ нѣжныхъ чувствъ ни къ крекитализму, ни къ иезуитамъ. Онъ считалъ одною изъ первѣйшихъ заботъ для современной политики — борьбу съ тѣмъ и съ другимъ; онъ опасался торжества ихъ доктринъ и довольно рѣзко излагалъ эти доктрины. Но на этотъ разъ для него дѣло шло не о доктринѣ, а о справедливости. Для отклоненія опасности ихъ торжества представлялись на выборъ двѣ системы: первая — предупредительная, дѣйствуетъ посредствомъ закона, устанавливая исключенія, поражалъ интердиктомъ ту или другую ассоціацію, то или другое обученіе; вторая—репрессивная, не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ и принимаетъ репрессивныя мѣры, когда представляется къ тому необходимость, но, ради соблюденія и защиты драгоцѣннѣйшихъ и національныхъ интересовъ, обращается къ сильно развитымъ и поддерживаемымъ свѣтскимъ учрежденіямъ *). Съ этой точки зрѣнія г. Литтре смотритъ на вопросъ и рѣшаетъ его съ необычайною твердостью принциповъ. При какихъ бы ни было обстоятельствахъ, онъ объявляетъ себя противникомъ предупредительной системы исключительныхъ мѣръ. Въ данномъ случаѣ, т. е. по отношенію къ свободѣ преподаванія, онъ считаетъ ихъ недостигающими цѣли и вредными, и приводитъ не мало тому доказательствъ. По его мнѣнію, режимъ свободы не только несравненно дѣйствительнѣе вышеуказаннаго, но только одинъ и дѣйствителенъ при условіи постоянства, умѣренности и искусства. Въ видѣ возраженія приводятъ доводы о законности репрессалій. Неужели, говорятъ сторонники первой системы, должно быть терпимымъ относительно того, кто самъ не допускаетъ терпимости? Неужели можно предоставить свободу тому, кто отказывается въ ней другимъ? Г. Литтре, не колеблясь, отвѣчаетъ: „Да. Съ давнихъ поръ люди свѣтскіе, сторонники новыхъ идей и учрежденій, превозносятъ свое нравственное превосходство надъ изобрѣтателями теологическихъ доктринъ; разумѣть, конечно, надо превосходство въ правосудіи и въ справедливости. Первымъ доказательствомъ служить именно терпимость по отношенію къ противникамъ. Эта терпимость есть вѣрнѣйшій залогъ побѣды. Слѣдовательно, должно дозволить иезуитамъ среди народа свободно составлять общины, враждебныя этому народу, вѣчно стремящіяся всякими способами уничтожить всѣ свѣтскія учрежденія? Эти враждебныя общины не прекратятъ своего существованія, будетъ или не будетъ у нихъ отнято право преподаванія. Поддерживающія ихъ

*) *Revue de philosophie positive*, septembre-octobre 1879.

религиозныя убѣжденія непоколебимы никакими мѣропріятіями; противупоставлять имъ слѣдуетъ тоже убѣжденія, а въ таковыхъ нѣтъ недостатка. Кромѣ этого нѣтъ другихъ средствъ; опасность устранить нельзя, съ нею должно считаться, не преувеличивая ее и не умаляя. Жъ тому же, разъ мы съумѣемъ стать выше предубѣждений, ничего не можетъ быть полезнѣе постоянной угрозы и ея послѣдствія — выдержки, къ которой насъ вынуждаетъ опасная бдительность ожесточеннаго врага“ *).

Такова сущность знаменитой деклараціи принциповъ, которая явилась какъ бы послѣднимъ словомъ г. Литтре въ сенатѣ. Природная робость, во всякомъ случаѣ, помѣшала бы ему прочесть эту рѣчь, если бы онъ даже былъ здоровъ, и онъ изъ своего рабочаго кабинета адресовалъ ее своимъ друзьямъ и недругамъ. Она произвела необыкновенно сильное впечатлѣніе. По его мнѣнію, не правы были тѣ, кто видѣлъ въ этой рѣчи не простой протестъ во имя справедливости, равной для всѣхъ. На этомъ единственномъ пунктѣ г. Литтре разошелся съ своими политическими друзьями. Помимо этого, никакого существеннаго измѣненія въ его мнѣніяхъ не замѣчается; съ высоты позитивистскихъ понятій онъ съ прежнею строгостью осуждаетъ то, что называетъ „теологіями“. Тѣмъ не менѣе, все это подавало поводъ къ обширному пониманію его.

„Когда увидѣли, что на исторической почвѣ онъ стоитъ за католицизмъ среднихъ вѣковъ, тогда многимъ представилось будто въ глубинѣ души онъ питаетъ тайную привязанность къ похваляемой имъ доктринѣ; похвалы были, само собою, только относительныя. Равнымъ образомъ участіе, принятое имъ въ дебатахъ о публичномъ преподаваніи, нисколько не противорѣчило такому заключенію и даже, казалось, подтверждало его. Онъ явился тутъ рѣшительнымъ сторонникомъ политики, иначе относящейся къ католицизму, какъ религія большинства націи, чѣмъ къ нему обыкновенно относятся республиканцы“ **). Этого довольно было, чтобы внушить однимъ надежды и встревожить другихъ. Г. Литтре объявилъ и надежды, и тревоги совершенно безосновательными.

Чтобы ясно уразумѣть состояніе его духа и мысли въ эти дни, столь близкіе къ смерти, нужно прочесть нѣчто вродѣ философскаго завѣщанія, опубликованнаго въ 1880 г. подъ грустными и серьезнымъ заглавіемъ: „Въ послѣдній разъ“ (*Pour la dernière foi*). „Если есть вопросы, — говоритъ онъ, — возвратиться къ которымъ представляется нѣкоторый поводъ, то надо самому себѣ сознаться, что возвращаешься къ нимъ въ послѣдній разъ, когда дожилъ, какъ я, до восьмидесятилѣтняго возраста съ изрядною тяжестью патологическихъ разстройствъ на плечахъ“.

Г. Литтре припоминаетъ въ общихъ чертахъ кризисы своей философской жизни. Въ началѣ его вѣрованія были деистическія: Богъ, душа и безсмертіе. Эти вѣрованія онъ почерпнулъ въ окружавшей его

*) Revue de philosophie positive, p. 239 et 242.

***) Revue de philosophie positive, mai—juin 1880.

средѣ безъ догматическаго ученія. Но уже въ ранней молодости онъ отказался отъ религіи натуральной и сталъ *отрицателемъ* (*négateur*) въ духѣ XVIII вѣка. Много лѣтъ спустя, позитивная философія успокоила его колебанія и привела его къ новой точкѣ зрѣнія, признающей за „теологіями“ значеніе историческаго продукта эволюціи человѣчества, убѣждающей насъ въ относительности нашихъ разумѣній и не допускающей ни утвержденія, ни отрицанія въ виду громадности неизвѣстнаго *). Г. Литтре заявляетъ, что съ тѣхъ поръ этотъ взглядъ его не измѣнился...

Съ снокойствіемъ и твердостью стоика встрѣтилъ онъ старость, пережилъ ее и смотрѣлъ на неизбѣжность смерти, неисчерпаемой темы размышленій и поученій моралистовъ. Но сами они расходятся во взглядахъ: одни вѣрятъ, что смерть есть переходъ къ новой жизни; другіе думаютъ, что ею всецѣло кончается существованіе человѣческой личности. Каковы бы ни были разномыслія и разногласія, всѣ покоряются ея неизбѣжности, одни съ вѣрою въ послѣдующую вѣчную жизнь, другіе съ вѣрою въ вѣчный покой **). Мысль о смерти не покидала г. Литтре въ послѣдніе годы жизни. Она вдохновляла его лучшія страницы, между прочимъ, нижеслѣдующія, сокращаемыя мною съ величайшимъ сожалѣніемъ: „Молодость мало думаетъ о смерти; но мысль о ней все чаще приходитъ на умъ по мѣрѣ приближенія старости. Доживши до пятидесяти лѣтъ, я оглянулся, чтобы сообразить, какая часть жизни прожита, и снова пустился въ путь, предполагая дожить до семидесяти лѣтъ. Этотъ довольно щедро мною самимъ себѣ назначенный періодъ давалъ возможность пока не особенно думать о смерти. Пришелъ и этотъ возрастъ, и прошелъ, и уже далеко онъ назадъ; конецъ съ каждымъ днемъ близится, и своимъ я считаю лишь прожитой день. Въ старости Вольтеръ писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что видъ звѣднаго неба наводитъ на думы о скоромъ концѣ для него этого зрѣлища, котораго онъ уже вѣчно не увидитъ. Подобно ему, съ мыслью о томъ, что, быть можетъ, это въ послѣдній разъ, люблю и я смотрѣть на яркія звѣзды, на зелень моего сада и на необъятный просторъ моря“. Далѣе онъ разбираетъ различные роды смерти, какъ бы самъ готовясь къ концу: „Одни умираютъ покойно, для другихъ конецъ сопряженъ съ мучительными болями. Одинъ рано теряетъ сознаніе, другой до конца сохраняетъ ясность мысли. Одинъ до послѣдняго вздоха надѣется поправиться, другой чувствуетъ приближеніе конца; такъ моя мать за нѣсколько дней до смерти говорила, что пора идти къ своимъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать различныхъ безчисленныхъ случайностей. Трудно заранѣе приготовиться къ послѣднимъ минутамъ: такъ въ нихъ все разнообразно и случайно! Давно уже я говорю себѣ самому и другимъ: „Всякій умираетъ какъ можетъ, а не какъ хочетъ. Въ смерти, какъ и въ жизни, царитъ случайность“. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что при конечномъ разчетѣ съ жизнью характеръ играетъ болѣе важную роль, чѣмъ вѣрованія, и

*) Revue de philosophie positive, octobre 1877 et mai 1880.

**) Remarques, p. 430.

что приготовленія къ смерти должны быть различныя, сообразно характеру каждаго. Тѣмъ, кто безъ сожалѣнія и горя смотреть на неизбежность конца, достаточно поддерживать въ себѣ эти чувства; тѣ же, кому онъ страшенъ и ненавистенъ, „должны стараться преодолѣвать себя самихъ, искать развлеченія въ привязанности близкихъ и въ занятіяхъ“. Мы не знаемъ, въ какомъ изъ этихъ расположеній духа застала смерть г. Литтре. На томъ, что приведено нами, оговариваются достовѣрныя, документальныя свѣдѣнія о его жизни. Какъ протекали послѣдніе дни благороднаго труженика? Это вопросъ, который, вѣроятно, разрѣшится когда-нибудь. Но пока онъ внѣ компетенціи нашего суда и единственнымъ отвѣтомъ съ нашей стороны можетъ быть только почтительное молчаніе.

Мы приняли на себя не легкую задачу передать, основывая на показаніяхъ самого г. Литтре, его жизнь, всецѣло посвященную труду и мысли, исторію его почти безчисленныхъ работъ, внутреннюю и часто драматическую исторію его души. Каковы бы ни были разногласія съ такимъ человѣкомъ, все-таки, нельзя не питать глубокой симпатіи и полного уваженія къ его высокимъ нравственнымъ качествамъ, побуждавшимъ его не оставлять послѣ себя сознательно ни малѣйшаго зародыша заблужденій и употребить послѣдніе годы жизни на своего рода строгій судъ надъ самимъ собою не въ области дѣлъ, а въ области убѣжденій, причемъ онъ сознается въ томъ, что многократно впадалъ въ ошибки. Мы изучили человѣка по его собственнымъ указаніямъ, и если представленный нами портретъ вѣренъ, то наша въ этомъ случаѣ заслуга состоитъ лишь въ точной передачѣ образа, начертаннаго самимъ г. Литтре съ такою трогательною правдивостью.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Позитивная философія, ея измѣненія и ея будущность.

I.

Какая бы участь ни постигла позитивизмъ въ будущемъ, устоятъ ли онъ въ своихъ основныхъ чертахъ или превратится, какъ я полагаю, въ болѣе радикальныя и простыя ученія, имя г. Литтре останется неразрывно связаннымъ съ его началомъ и съ его успѣхами. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ знанія, отмѣченныхъ его эрудиціей, его нельзя назвать изобрѣтателемъ и начинателемъ. Никогда и ни въ какой изъ интеллектуальныхъ сферъ онъ не проявилъ того, чѣмъ обусловливается великое учительство, — инициативы идей. Всѣ идеи, отмѣченныя его именемъ, встрѣчены имъ болѣе или менѣе случайно на различныхъ путяхъ его многосторонней дѣятельности, конечно, не безъ тайной къ нимъ предрасположенности. Онѣ возникли не въ его собственномъ сознаніи, а открыты имъ у другихъ и иногда довольно поздно. Но, разъ увлекшись ими, онъ усваиваетъ ихъ съ обычнымъ серьезнымъ энтузіазмомъ, налагаетъ на нихъ отличительную печать

своей добросовѣстности, распространяеть ихъ съ усердіемъ неофита, стремящагося силою пропаганды наверстать потерянное время. Въ то же время и въ силу того же умственного процесса, ради лучшаго ихъ усвоенія, онъ приспособляетъ ихъ къ характеру своего ума, видоизмѣняетъ ихъ для того, чтобы лучше отстаивать. По праву основателя и уважаемаго критика и неутомимаго апологета, онъ отвѣдываетъ представляющее недостойнымъ поддержки для пользы дѣла, удерживая лишь то, что ему кажется существеннымъ.

Такова вкратцѣ исторія его встрѣчи съ позитивизмомъ и послѣдующихъ къ нему отношеній. Съ философій г. Конта онъ познакомился, уже проживши полжизни, на пятнадцатомъ году существованія самой доктрины, и съ первой же минуты отдался ей всею душою; съ тѣхъ поръ и до конца дней своихъ онъ излагаетъ ей учене, поддерживаетъ ее съ неизмѣннымъ постоянствомъ и непоколебимою силою убѣжденія; силою своего авторитета онъ выводитъ ее съ новыхъ ложныхъ путей, на которые увлекалъ ее слишкомъ смѣлый и безпокойный вождь. Былъ ли онъ въ этомъ самобытенъ, такъ сказать, оригиналенъ? Конечно, нѣтъ, если рѣчь идетъ объ основныхъ концепціяхъ, породившихъ это философское направление; тѣмъ не менѣе, за нимъ должно признать извѣстнаго рода самобытность (оригинальность) въ смыслѣ критическихъ приемовъ, послужившихъ къ уясненію идей, а равно и за его диалектику, несомнѣнный продуктъ его личной частойчивости и знаній, ежедневно протъзупоставляемую имъ въ борьбѣ съ возраженіями и предубѣжденіями, находящую новые доводы противъ новыхъ препятствій. Въ исторіи философіи нашего времени онъ займетъ мѣсто рядомъ съ основателемъ школы, мѣсто, равное съ нимъ, быть можетъ. Такъ почти въ каждой философской школѣ на ряду съ ея основателемъ мы встрѣчаемъ имя организатора доктрины или ея защитника, — Ксенофонта рядомъ съ Парменидомъ или Зенономъ.

Надо, впрочемъ, отмѣтить, что г. Литтре выступаетъ защитникомъ позитивизма лишь послѣ того, какъ поставилъ его въ мѣру, почитаемую имъ приемлею, и рѣшительно пожертвовавши частями доктрины, казавшимися ему несостоятельными и негодными. Многіе выводы и положенія, первоначально имъ принятые, сами собою падаютъ подъ его руку; позитивизмъ все болѣе и болѣе подвергается урѣзкамъ. Ничто не можетъ быть поучительнѣе измѣненій, которымъ подверглась эта философія въ двадцатилѣтній періодъ со смерти Огюста Конта до смерти г. Литтре.

Огюстъ Контъ умеръ 5 сентября 1857 года. Посмотримъ, въ какомъ видѣ представлялось, въ этотъ торжественный для исторіи школы моментъ, философское учене, впервые возвыщенное за тридцать пять лѣтъ передъ тѣмъ небольшою брошюрою, издавною всего въ ста экземплярахъ, прошедшею въ то время почти незамѣченною и представляющею нынѣ единственный интересъ точнаго указанія даты. Въ теченіе долгихъ послѣдующихъ лѣтъ плодотворная дѣятельность Огюста Конта не ослабѣла ни на одинъ день, ни на одинъ часъ, за исключеніемъ времени, отнятаго недугомъ, удручавшимъ въ болѣе или менѣе серьезныхъ формахъ могучій мозгъ, надрываемый работою. Ка-

питательный трудъ, прославившій его имя, воздвигался постепенно, подобно зданію, съ этажа на этажъ до его увѣнчанія. Въ 1826 году ему предшествовало опубликованіе окончательнаго плана. Съ 1830 до 1842 года появились въ свѣтъ шесть томовъ, составлявшіе *Курсъ позитивной философіи*; въ нихъ систематически распределены общія, предлиминарныя положенія, философія математическая, философія физики, въ тѣсномъ смыслѣ, философія химіи и философія биологій; все заканчивается философіей соціальною. Такъ создалось то, что г. Литтре называлъ „философскимъ твореніемъ XIX вѣка“ (*Œuvre philosophique du XIX siècle*), задачей котораго было „примѣнить къ философіи положительность научнаго метода и дать наукамъ стройность философской системы“. Шестнадцать лѣтъ прошло отъ возникновенія замысла до его осуществленія; но замыселъ былъ настолько вѣренъ, что, несмотря на такой долгій промежутокъ времени, исполненіе оказалось въ точности соответствующимъ ему *).

Можно было предположить, что, достигнувши такого результата, великій труженикъ удовлетворится и ограничится распространеніемъ своего творенія, убѣжденіемъ несогласныхъ. Ничуть не бывало. Едва окончивши эту часть своей задачи, которую можно назвать теоретическою, онъ уже задумывалъ или мечталъ о второй части, посвященной политическимъ и соціальнымъ примѣненіямъ его теорій. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ обдумыванія, съ 1851 до 1854 года, онъ издалъ *Système de politique positive ou Traité de sociologie instituant la religion de l'humanité*. Къ этому новому ряду политическихъ, соціальныхъ и религиозныхъ концепцій относится нѣсколько разнообразныхъ его сочиненій: *Календаръ позитивизма*, *Библиотека позитивизма*, *Катехизисъ позитивизма* **); наконецъ, за годъ до его смерти появляется первый томъ книги: *Synthèse subjective, ou système universel des conceptions propres à l'état normal de l'humanité*. Мы не станемъ передавать здѣсь, цѣною какихъ испытаній было совершено великое произведеніе. Этого рода идеи захватываютъ человѣка всецѣло и не оставляютъ мѣста ничему иному. „Огюсть Контъ имѣлъ возможность заниматься философіей въ Парижѣ, чего лишены былъ Декартъ. Но всю жизнь онъ прожилъ въ бѣдности и неизвѣстности; а подъ конецъ ему грозила даже полная нищета. Беззаботное отношеніе къ завтрашнему дню облегчалось для него непосредственностью его призванія“ ***). Послѣдніе годы онъ жилъ исключительно вспомошествованіями друзей и послѣдователей; но онъ жилъ и умеръ въ счастливомъ сознаніи, что мечты его осуществились. Возможно ли большее счастье для человѣка? „Что такое жизнь великаго человѣка? Идея юности, осуществленная въ годы зрѣлости“, — сказала Альфредъ де-Вивьи. Огюсть Контъ воспользовался этими словами для характеристики своей жизненной карьеры. Въ этомъ нельзя видѣть ни заносчивости, ни самохвальства, а единственно вѣрное со-

*) Principes des philosophie positive, préface d'un disciple, p. 8.

**) *Русская Мысль* 1883 г., ноябрь: „Религія позитивизма“.

***) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple, p. 21.

знаніе великости совершеннаго дѣла. Онъ былъ человѣкомъ единой идеи *).

Цѣлью его стремленій была универсальность какъ въ области мысли, такъ и въ области дѣла. Однимъ разомъ, усиленіемъ единичнаго ума онъ думалъ основать одновременно теоретическую и практическую систему, всеобъемлющую философію, резюмирующую собою частныя философіи всѣхъ наукъ, политику или социальную организацію, которая бы примирила и согласовала прогрессъ съ порядкомъ, и, наконецъ, религію, которая замѣнила бы собою всѣ другія религіи и управляла бы всѣми человѣческими стремленіями посредствомъ опредѣленнаго идеала. За осуществленіе этой задачи онъ взялся съ удивительною энергіей, съ необычайнымъ напряженіемъ умственныхъ силъ. Послѣ довольно продолжительной неизвѣстности и тяжелой борьбы, онъ кончилъ тѣмъ, что приобрѣлъ нѣсколькихъ преданныхъ послѣдователей, а въ философскомъ мірѣ, долго остававшемся равнодушнымъ, вызвалъ нѣкоторое волненіе, въ которомъ преобладающими чертами были удивленіе и до извѣстной мѣры безпокойство. Но самое вниманіе на него было обращено очень поздно. Книги Огюста Конта, переполненныя отвлеченностями и техническими выраженіями, утомительными длиннотами, написанныя неприятнымъ, рѣзкимъ слогомъ, распространялись крайне слабо и медленно въ средѣ немногихъ интересующихся философскими вопросами и той части публики, „которая носитъ въ себѣ зародыши предрасположенія къ принятію позитивистскихъ доктринъ“. Со стороны автора не было, впрочемъ, ничего предпринято къ распространенію своихъ произведеній; онъ издавалъ ихъ, и только; какъ пойдутъ они, онъ о томъ не заботился и лишь отъ времени до времени поддерживалъ ихъ публичными, бесплатными чтеніями, пользовавшимися особенною извѣстностью. При всемъ своемъ желаніи приобрести „послѣдователей, для привлеченія ихъ онъ не прибѣгалъ даже къ самымъ элементарнымъ средствамъ, ни къ личному вліянію, которое онъ могъ имѣть **). Онъ самъ прививался, что никогда не рассчитывалъ болѣе, чѣмъ на полсотни послѣдователей на всемъ европейскомъ Западѣ, и высказывалъ свое удовольствіе, когда число ихъ оказалось больше. Онъ предполагалъ, правда, что внослѣдствіи начнутся обращенія массами; онъ былъ убѣжденъ, что весь міръ пойдетъ за нимъ; наступленія этого часа онъ ждалъ съ увѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ своей непогрѣшимости и въ своей универсальности. Съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе приближалъ предопредѣленный судьбами моментъ обращенія человѣчества. Но должно замѣтить, что въ это время онъ находился въ томъ „патологическомъ періодѣ“, о которомъ его ученики говорятъ съ большою скорбью. Онъ уже не спорилъ, не доказывалъ, — онъ изрекалъ и первосвященствовавалъ, пользовался всѣми прерогативами первосвященства, совершалъ браки и преподавалъ другія таинства новаго культа; онъ уже не писалъ писемъ, а разсылалъ настырскія посланія. Позитивизмъ дошелъ

*) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 1.

**) Auguste Comte et la Philosophie positive, p. 665.

до полного осуществленія того, что о немъ сказалъ г. Гексли: „это католицизмъ безъ христіанства“.

Несмотря на важныя разпогласія, уже ясно опредѣлившіяся въ эти послѣдніе годы, г. Литтре былъ признаннымъ преемникомъ дѣла Огюста Конта, во-первыхъ, какъ человѣкъ непререкаемой честности и всѣми за нее чтимый; во-вторыхъ, какъ обладающій энциклопедическими знаніями, передъ которыми всѣ преклонялись. Онъ познакомился съ г. Контомъ въ 1840 году. Удрученный тяжелыми обстоятельствами, онъ искалъ развлеченія внѣ сферы своихъ обычныхъ работъ и занятій. Одинъ пріятель далъ ему прочесть *Систему позитивной философіи*. Г. Контъ, узнавши, что онъ читаетъ его книгу, прислалъ ему ея экземпляръ. Съ этого началось ихъ знакомство. Г. Литтре всегда съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, имѣвшемъ такое огромное вліяніе на всю его послѣдующую жизнь. „Г. Контъ не ошибся, оказавши мнѣ такое вниманіе,—говорилъ онъ.—Его книга произвела на меня подавляющее впечатлѣніе. Во мнѣ поднялась внутренняя борьба между моими прежними мнѣніями и новыми. Послѣднія одержали рѣшительную побѣду, показавши мнѣ, что мое прошлое было не болѣе, какъ положеніемъ подготовительнымъ, съ которымъ они не были въ противорѣчьи, а являлись его расширеніемъ и развитіемъ. Съ тѣхъ поръ я сталъ послѣдователемъ позитивной философіи и остаюсь имъ навсегда, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя были вызваны непрерывными усиліями ввести соотвѣтствующія исправленія и расширенія“ *). Ниже мы увидимъ, въ какой широкой мѣрѣ оказались необходимыми эти исправленія, мы увидимъ, что наслѣдство учителя принято ученикомъ далеко не безусловно. Какъ распорядился онъ, какъ разобрался въ этомъ запутанномъ наслѣдїи, что ввѣлъ онъ для себя изъ сокровищницы съ крайне смѣшаннымъ содержаніемъ, что включилъ въ свое интеллектуальное достояніе и что отбросилъ, какъ подозрительное и негодное? Мы долго занимались изученіемъ идей г. Литтре и считаемъ себя въ правѣ сказать, что въ его умѣ крѣпкая связность доктрины незамѣтно ослаблялась, что догматизмъ первыхъ дней начиналъ уступать мѣсто болѣе или менѣе свободнымъ концепціямъ, единственнымъ связующимъ звеномъ коихъ оставалось отрицаніе, тая что, въ концѣ-концовъ, позитивная философія, основанная для того, чтобы избѣжать чисто отрицательнаго направленія восемнадцатаго вѣка, послѣ величайшихъ усилій совершить философское и соціальное переустройство, вынуждена была возвратиться къ своему исходному пункту. Если прослѣдить внимательно всѣ пути восхожденія и нисхожденія этой школы, всѣ кажущіяся колебанія, обманывающія глаза, то яснѣе станетъ, что отнесеніе ея теологическихъ и метафизическихъ умозрѣній есть, очевидно, идея отрицательная и представляетъ собою единственный догматъ, непоколебимо устоявшій къ концу долгой, полулѣтковой разработки, и что, въ то же время, въ этой идеѣ кроется наиболѣе явная и рѣшительная причина популярности самой школы въ средѣ массы публики, неизмѣнющей времени вникать въ подробности и всматриваться въ отлѣнки.

*) Auguste Conte et la Philosophie positive, préface.

Конечно, разложение это выяснилось не сразу. Несмотря на возникновение некоторых сомнений и на потрясение доверия по иным важным вопросам, г. Литтре всегда оставался крѣпко преданнымъ первоначальной идеѣ позитивизма, равно искреннимъ почитателемъ Коцта и его безусловнымъ апологистомъ во всемъ, что касалось изложенія всей цѣлостности ученія. Онъ не переставалъ провозглашать интеллектуальныя и въ особенности нравственныя благодѣянія, преподанныя этою философіею ему лично и людямъ его времени, страдавшимъ однимъ съ нимъ нравственнымъ недугомъ. По его мнѣнію, она есть, въ одно и то же время, продуктъ и врачеваніе эпохи глубокихъ смуть. Глухой, смутный ужасъ охватывалъ людей мысли и бессознательную толпу. На самомъ дѣлѣ, что происходило кругомъ? Долгія потрясенія, обманутыя надежды, безпрерывныя колебанія, боязнь возврата къ отринутому прошлому и неувѣренность въ будущемъ, опредѣлить которое нѣтъ возможности. Эта смута въ настоящемъ, неурядица въ убѣжденіяхъ, отсутствие внутренняго равновѣсія душъ, поразительная неустойчивость вѣрованій, всѣхъ равно удручающія, — все это, заявляють намъ, есть слѣдствіе аптагонизма постоянно возрастающаго знанія съ случайно уцѣлѣвшими остатками господства теологіи и метафизики, чувствующихся, что ихъ разрушаютъ знанія. Огюсть Коцтъ первый созналъ ясно, что истинное призваніе новой философіи должно состоять въ проведеніи связи между умственною и соціальною устойчивостью и устойчивостью науки, покоящейся на невыблемыхъ основахъ, созданныхъ всѣмъ прогрессомъ цивилизаціи, и въ извлеченіи изъ позитивныхъ знаній цѣльной системы вѣрованій, долженствующей прекратить вѣчную, прискорбную борьбу между вѣрою и знаніемъ. Таковъ центръ, къ которому сойдутся всѣ, покинувшіе традиціонныя вѣрованія подъ разрушительнымъ вліяніемъ соціальной среды. Собравши и связавши во едино всѣхъ разрозненныхъ, новая философія окажетъ величайшую соціальную услугу; возведя реальное познаніе міра въ интеллектуальный догматъ, она поставитъ нравственнымъ догматомъ служеніе человечеству *).

Г. Литтре признаетъ Огюста Коцта благодѣтелемъ, подобно тому, какъ древле Лукрецій таковымъ признавалъ Эпикура, и провозглашаетъ его освободителемъ своей собственной души и поработеннаго міра. „Будучи обязанъ ему такимъ благотворнымъ свѣтомъ, могу ли я ставить ему на счетъ нѣкоторыя заблужденія, въ которыя былъ имъ вовлеченъ? Если бы меня не просвѣтили его труды, я не вышелъ бы, по складу ума и по характеру моихъ занятій, изъ положеній отрицательныхъ, такъ какъ, съ одной стороны, послѣ многократныхъ усилій, созналъ невозможность удовлетвориться какою-либо теологическою или метафизическою философіею, а съ другой стороны — сознавалъ собственное безсиліе возвыситься до универсальной точки зрѣнія, могущей замѣнить для меня метафизику и теологію. Эту точку зрѣнія указалъ мнѣ г. Огюсть Коцтъ. Это произвело во мнѣ настоящій переворотъ; мой умъ прояснился, и я обрѣлъ спокойствіе“. **).

*) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple.

***) Auguste Conte et la Philosophie positive, p. 516.

въ дѣйствительности Огюсть Контъ возвратилъ утраченную ясность духа взволнованному поколѣнію, похвала эта не была бы преувеличенной и никакая благодарность не въ состояніи была бы сравняться съ оказаннымъ имъ благодѣяніемъ. Но сознаніе очень и очень многихъ людей этого поколѣнія протестуетъ и громко заявляетъ, что если и нашлись одиночные мыслители, подобно г. Литтре, испѣлившіеся такимъ средствомъ и для своего успокоенія удовлетворившіеся простымъ включеніемъ идеи абсолютнаго, то средство это далеко не дѣйствительно для огромнаго большинства, для всѣхъ, и душевная пустота слишкомъ велика для того, чтобы можно было ее заполнить фактами и формулами законовъ. Даже нерѣшеннымъ остается, всегда ли удовлетворяло это средство самого г. Литтре.

За это именно, за эти услуги въ особенности, г. Литтре признаетъ Огюста Конта новаторомъ,—за то, что утишилъ внутреннюю борьбу безъ устраненія философіи, обыкновенно враждебной знанію, а придавши философіи всѣ атрибуты знанія, тѣ же методы, иначе сказать, отождествивши ее съ позитивнымъ знаніемъ, вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нея независимую и, по тому самому, враждебную силу; не за то, что имъ предложены принципы доктрины и организаци (многими было дѣлаемо это до него), а за то, что имъ предложенъ новый принципъ, сконцентрировавшій въ себѣ всѣ качества положительнаго знанія, единаго неуязвимаго и возрастающаго,—принципъ, вносящій связность и логическую послѣдовательность, элементы интеллектуальнаго мира, и радикально уничтожающій въ умахъ всякія причины и поводы къ противорѣчію. Въ томъ, кто проникнется этимъ принципомъ, устанавливается, если можно такъ выразиться, единое сознаніе, какъ результатъ единаго способа мышленія,—позитивнаго *). Этимъ устраняются всякіе поводы къ внутренней борьбѣ, возникающей въ умахъ между данными положительнаго знанія и заманчивыми химерами, влекущими умъ въ иную сторону. Ограничивая сферу мысли областью *прогрессивнаго* знанія, г. Контъ окончательно исключаетъ знаніе *умозрительное* (*connaissance imaginaire*); онъ вынуждаетъ его сначала укрыться въ абсолютное, а затѣмъ послѣднимъ усиліемъ закрываетъ доступъ къ этому абсолютному, признанному гипотетичнымъ и во всякомъ случаѣ недоступнымъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что благодарный ученикъ,—забывая всю исторію эмпиризма, постоянно приходящаго къ тѣмъ же результатамъ подъ другими формами и наименованіями,—доходитъ до энтузіазма въ прославленіи учителя, принесшаго освобожденіе міру: „Лучъ генія озарилъ г. Конта. При исходѣ безпорядочной борьбы XVIII вѣка г. Контъ въ началѣ XIX увидалъ фактивную или субъективную сторону, приеущую всякой теологіи, и всякой метафизикѣ; онъ составилъ проектъ и усмотрѣлъ возможность устранить эту ихъ сторону, представляющую своимъ вѣчнымъ разладомъ съ реальною спекулятивностью величайшее затрудненіе настоящаго времени; онъ созналъ, что для достиженія такого устраненія необходимо предварительно найти динамическій законъ исторіи, и онъ

*) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple.

нашелъ этотъ законъ; возвысившись черезъ это важное открытіе надъ всѣми человѣческими знаніями, онъ пришелъ къ тому выводу, что точный и плодотворный научный методъ можетъ быть обобщенъ, и обобщилъ его; наконецъ, онъ понялъ существованіе неразрывной связи между всеобъемлющею философіею и социальнымъ строемъ и первый указалъ на основы рациональнаго управленія человѣчествомъ. Совершившій все это, говорить г. Литтре, заслуживаетъ быть поставленнымъ на ряду съ величайшими людьми, имена которыхъ связаны съ эволюціею, обусловившею собою прошлое и имѣющею обусловить грядущее“. Этою страницею, представляющею собою не столько краткій очеркъ философій, сколько гимнъ въ честь философа, стоящаго во главѣ ея, заканчиваетъ г. Литтре свой трудъ, посвященный учителю, просвѣтителю и утѣшителю.

Вообще говоря и становясь на высоту точки зрѣнія автора, такое восхваленіе меня не удивляетъ; оно трогаетъ меня даже своею искренностью, своею торжественностью. Но, признаюсь, для меня менѣе понятна другая страница, заимствованная изъ той же книги и кажущаяся мнѣ стоящею въ нѣкоторыхъ пунктахъ въ противорѣчій съ эволюціями ученика, ставшаго независимымъ. Я считаю нужнымъ привести ее дословно, такъ какъ она переходитъ за предѣлы мнѣній г. Литтре и можетъ легко быть обращена противъ самого г. Литтре. „Нынѣ,—говорилъ онъ въ предисловіи, написанномъ въ 1863 году,—прошло болѣе двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ приверженцемъ этой философій, и ни разу не было обмануто внушенное мнѣ ею довѣріе, установившееся послѣ долгихъ размышленій и многихъ колебаній. Чтобы предохранить себя отъ иллюзій и предрассудковъ, я прибѣгалъ къ двойной повѣркѣ: во-первыхъ, посредствомъ личнаго опыта, постоянно обращаясь къ помощи этой философій; во-вторыхъ, наблюдая, какъ она оправдывается общимъ ходомъ вещей. Будучи занятъ весьма разнообразными предметами, исторіею, языкованіемъ, философіею, медициною, я постоянно пользовался ею, какъ орудіемъ, указывающимъ мнѣ родовое мѣсто, происхождение и конечное значеніе каждаго вопроса и предохраняющимъ меня отъ впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, тяжкаго недуга нашего времени. Во всемъ она удовлетворяетъ меня, никогда не обманываетъ и всегда освѣщаетъ. Не менѣе личнаго опыта говоритъ за нее и общій ходъ вещей. Онъ не только опровергаетъ ея значенія, но, наоборотъ, всякое явленіе въ наукѣ или въ политикѣ приноситъ новое подтвержденіе“. Глазамъ не вѣришь, перечитывая эту страницу послѣ *Remarques*, написанныхъ въ 1878 году къ новому изданію отдѣльною книгою *Conservation, Révolution, Positivisme*. Мы разбирали эти примѣчанія въ предъидущей главѣ и выяснили, что они представляютъ собою простую исторію искреннаго человѣка, отказавшагося отъ прежнихъ мнѣній, признанныхъ имъ ошибочными, неосторожно принятыхъ когда-то безъ достаточной повѣрки, подъ влияніемъ позитивизма и патроната Огюста Конта. Каждое изъ этихъ примѣчаній можетъ быть противопоставлено увѣреніямъ г. Литтре, будто позитивная философія всегда предохраняла его отъ впаденія въ противорѣчіе съ самимъ собою, отъ

этого *тяжкого недуга нашего времени*. Вся эта удивительная книжка, съ которою мы познакомили читателей, есть повѣствованіе о противорѣчіяхъ, въ которыя впадалъ добросовѣстный человѣкъ, признающійся въ своихъ многократныхъ заблужденіяхъ и ошибкахъ. Изъ нея же явствуетъ, что ходъ вещей столь же мало послужилъ къ практической демонстраціи состоятельности позитивизма, сколько и личный опытъ автора. Г. Литтре перечислилъ въ ней длинный рядъ ошибочныхъ выводовъ своего учителя, не оправдавшихся послѣдующими событіями и приведшихъ къ горькому заключенію, что исторія не подчиняется индукціямъ соціологін. Для безпристрастнаго сужденія о цитированной страницѣ необходимо принять во вниманіе извѣстную временную экзальтацію, отъ которой не избавлены лучшіе умы въ увлеченіи своимъ предметомъ и какъ бы опьяняемые идеей.

Извѣстно, впрочемъ, что еще при жизни Огюста Конта, за нѣсколько лѣтъ до его смерти, г. Литтре сбросилъ съ себя сдѣлавшееся слишкомъ тѣснымъ и тяжелымъ ярмо, наложенное учителемъ, который закончилъ тѣмъ, что превратилъ свой авторитетъ въ господство, въ произвольную и мистическую тиранію. Поводомъ къ такой относительной и не безъ труда совершившейся эмансипаціи послужили политическія разногласія. Начало разрыва тѣсной иттиности относится ко времени государственнаго переворота 1851 года. Въ погонѣ за могущественными покровителями для политики, имъ измышленной, Огюсть Контъ присталъ къ людямъ, совершившимъ переворотъ во Франціи, какъ впоследствии обращался за тѣмъ же въ Россію. Кончилось тѣмъ, что г. Литтре совершенно отдалился отъ общества позитивистовъ, не прекращая, впрочемъ, взноса субсидій, которыми жилъ въ это время г. Огюсть Контъ. По мѣрѣ удаленія отъ человѣка, имѣвшаго такое огромное вліяніе на него въ теченіе одиннадцати лѣтъ, г. Литтре все болѣе и болѣе сознавалъ необходимость подвергнуть проверкѣ позитивнымъ методомъ все то, что проповѣдывалъ учитель въ послѣдніе годы жизни и что въ началѣ было принято ученикомъ на вѣру. „Я не думаю,—говоритъ г. Литтре съ благороднымъ смиреніемъ,—чтобы я въ состояніи былъ это сдѣлать, если бы оставался подъ непосредственнымъ вліяніемъ г. Конта“ *). Въ началѣ критика доктринъ г. Конта, на которую отважился его ученикъ, ограничивалась вопросами о методѣ, правда, очень важными, и о послѣдствіяхъ, изъ него вытекающихъ: преобладаніе чувства, провозглашенное г. Контомъ, подчиненіе разума сердцу, настоящая теократическая политика, возвратъ, наконецъ, къ новому теологическому порядку вещей, по методу, ничѣмъ не различествующему отъ прежняго. Но начавшаяся критика не могла остановиться на полпути и довела свое дѣло до конца. По послѣдующимъ произведеніямъ г. Литтре мы имѣемъ возможность прослѣдить ходъ измѣненій во мнѣніяхъ ученика и популярнѣйшаго изъ послѣдователей г. Конта, начавшихся при жизни основателя школы и завершившихся послѣ его смерти.

*) *Auguste Conte et la Philosophie positive*, p. 602.

Мы отмѣтимъ эти измѣненія въ ихъ послѣдовательности. Наступилъ моментъ, когда Огюсть Контъ, воображая и завѣряя, что лишь развивающъ свою доктрину, всецѣло измѣнилъ весь свой методъ, — именно тогда, „когда онъ задумалъ перейти отъ принциповъ, установленныхъ въ системѣ позитивной философіи, къ примѣненію ихъ, установленному въ системѣ позитивной политики“. Онъ самъ признается, что въ то время оставилъ объективный методъ, направленный къ изысканію объясненій въ обобщеніи фактовъ, для объективнаго метода, ставящаго на мѣсто концепціи законовъ личную интуицію и умозрѣніе.

Въ это время онъ уже не обсуждаетъ, не обращается къ фактамъ, — онъ измышляетъ, онъ декретируетъ свои личные мнѣнія относительно политическаго и социальнаго примѣненія системы. Въ политикѣ, напримѣръ, въ ожиданіи всеобщаго обновленія, основаннаго на разграниченіи дѣховной и свѣтской власти, онъ считаетъ необходимымъ установленіе *завѣдомо революціоннаго* правительства на періодъ времени, называемый имъ *междувластіемъ*, т. е. на переходное время. Мы уже знаемъ, что онъ мечталъ объ учрежденіи диктатуры при посредствѣ триумvirата, избираемаго исключительно населеніемъ Парижа изъ среды пролетаріевъ. Г. Литтре имѣлъ неосторожность принять въ 1848 г. безъ должной критики такіа идеи, отъ которыхъ ему пришлось отказаться впоследствии.

„Это было для меня сильнымъ нравственнымъ пораженіемъ, — говорить онъ, — и я, не обинуясь, признаюсь въ томъ. Единственнымъ утѣшеніемъ въ этомъ случаѣ представляется мнѣ, во-первыхъ, полученный урокъ быть скромнѣе, во-вторыхъ, предостереженіе не слишкомъ полагаться на себя, а для моихъ читателей — возможность видѣть во мнѣ вѣрнаго вожака лишь постольку, поскольку самъ онъ не ошибается“ *).

Въ дѣлѣ религіи разномысліе было еще рѣшительнѣе. Едва Контъ замѣтно отклонился отъ позитивистскаго положенія, „что всѣ явленія подчинены постояннымъ законамъ, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить ни молитвою, ни поклоненіями“, какъ Литтре удалился отъ него. Онъ ни на одну минуту не склонился въ пользу болѣе, чѣмъ странныхъ концепцій, отзывающихся галлюцинаціями, по которымъ земля, или великій фетишъ, пространство, или великая среда, необъятное, или великое существо, называемые Контомъ великою Троицею, противопоставляются христіанской Троицѣ. Понятно, когда теологія говоритъ именемъ откровенія. А здѣсь что мы видимъ? — спрашиваетъ г. Литтре. — Фикцію? Но фикція не можетъ быть объектомъ какого бы то ни было вѣрованія, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Реальная дѣйствительность? Но кто же можетъ повѣрить, будто у земли есть воля и добрыя намѣренія по отношенію къ будущему человѣческому роду, и кто же станетъ сообразовать съ этимъ свое поклоненіе и образъ дѣйствій? Къ тому же Огюсть Контъ въ этотъ періодъ своей жизни открыто заявляетъ, что разумъ человѣческій не можетъ обходиться безъ вѣры въ независимыя воли, участвующія своимъ вмѣшательствомъ въ

*) Auguste Conte et la Philosophie positive, p. 587.

мировыхъ событіяхъ. Такое признаніе наноситъ смертельный ударъ всей позитивной философіи. На самомъ дѣлѣ, въ основѣ этой философіи лежитъ положеніе, что разумъ не есть необходимо ни теологиченъ, ни метафизиченъ, что таковымъ онъ пребываетъ лишь въ переходномъ состояніи. Если же намъ заявляютъ, что таковъ онъ необходимо, въ такомъ разѣ надо возвратиться къ предшествовавшему теологическому состоянію и навсегда оставить надежду на возможность серьезно противопоставить бессильныя измышленія теологіи, которая исходитъ изъ глубины исторической и освящена вѣковымъ величіемъ установленій и оказанныхъ ею услугъ *).

По всѣмъ этимъ пунктамъ политическаго, социальнаго и религіознаго синтеза, г. Литтре, не безъ тайной скорби, рѣшительно отдѣляется отъ Конта: „Я бы очень желалъ, чтобы этого не случилось. Будучи послѣдователемъ первой части системы, я въ той же мѣрѣ готовъ былъ стать адептомъ и второй ея части, подъ вліяніемъ непреодолимаго влеченія, обусловливаемаго демонстрированіемъ истины. Такого влеченія не стало, и мнѣ пришлось отказаться отъ выводовъ, неизмѣннихъ для меня разумной причины бытія. Такимъ образомъ, твердо оставаясь вѣрнымъ позитивной философіи, какъ основѣ, я не менѣе твердо отказываюсь, поскольку это лично меня касается, отъ позитивной политики, выведенной г. Контомъ изъ его философіи“. Г. Литтре увѣряетъ, будто, въ сущности, онъ не разбилъ на части созданнаго г. Контомъ и пребывающаго цѣльнымъ и непоколебимымъ, и что онъ выдѣлилъ только неподходящія выводы и примѣненія. Но ему выпало на долю раздѣлить на двѣ части ученіе г. Конта, что было крайне горько; ему пришлось показать, что самъ Огюстъ Контъ измѣнилъ своимъ принципамъ и своему методу **). Эту измѣну, признаваемую имъ съ такою скорбью, г. Литтре приписываетъ болѣзненному состоянію г. Конта и ослабленію, произведеннымъ чрезмѣрною работою.

Вполнѣ ли это вѣрно? Къ тѣмъ ли только пунктамъ, которые указаны въ этой трогательной исповѣди, относится измѣна или диссидентство ученика? Я прошу замѣтить, что ни на мгновенье не усумнился въ безусловной искренности этого, по истинѣ, честнаго чловека; но не могу не отмѣтить, что, помимо указанныхъ, есть другіе пункты, по которымъ мнѣнія его измѣнились подъ вліяніемъ опыта, размышленія, соприкосновенія съ людьми и событіями; и нѣтъ никакой возможности сказать, что твореніе Огюста Конта осталось „цѣльнымъ и непоколебимымъ“ даже въ своей первой части, какъ говоритъ г. Литтре. Энтузіазмъ первыхъ лѣтъ смѣнился размышленіемъ, и оно совершило свою медленную, но неустанную работу. Г. Литтре совершенно вѣрно замѣчаетъ: „Во всякомъ случаѣ дѣдо ученика критиковать. Я разумѣю, конечно, добросовѣстную критику, выдѣляющую ошибочное лишь для того, чтобы въ болѣе яркомъ свѣтѣ показать вѣрное“. Если бы Огюстъ Контъ написалъ только одну книгу, наиболѣе устойчивую противъ нападеній,—*Систему позитивной философіи*, то

*) Auguste Conte et la Philosophie positive, p. 562—564.

***) Auguste Conte et la Philosophie positive, préface, p. IV.

и эту книгу слѣдовало подвергнуть очень серьезному изученію и въ ней слѣдовало, по тщательномъ разсмотрѣніи, отмѣтить слабыя стороны и пробѣлы. При жизни Огюста Конта и при его раздражительности, его послѣдователи вынуждены были относиться къ его произведеніямъ съ величайшею сдержанностью, и, само собою разумѣется, г. Литтре менѣе, чѣмъ кто-либо, былъ склоненъ потревожить послѣдніе его дни. Въ иныхъ условіяхъ оказывается произведеніе по смерти автора. По отношенію къ нему всякая сдержанность была бы неумѣстной, оскорбительною даже; въ этомъ разѣ дѣло идетъ о торжествѣ метода и принциповъ, хотя бы цѣною унытія и гибели того или иного. Огюсть Контъ стоитъ выше всякихъ панегириковъ; хвалы ему и единственные достойныя его хвалы воздаетъ исторія, эта вѣчная критика идей и вещей, достойныхъ жить въ исторіи и управлять ея ходомъ *).

Исполняя долгъ критика, возлагаемый на него уваженіемъ къ истинѣ, г. Литтре не преминулъ указать слабыя стороны системы и ея неудовлетворительность. Мы не можемъ вдаваться во всѣ подробности контраверса, но считаемъ своею обязанностью отмѣтить то, что г. Литтре исключаетъ изъ позитивистской программы, чѣмъ считаетъ нужнымъ дополнить ее, и, наконецъ, тѣ части системы, которыя кажутся ему допущенными лишь временно. Въ заключеніе своего труда, при общемъ обзорѣ позитивной философіи, онъ указываетъ въ ней на три существенныхъ пробѣла. На первомъ мѣстѣ онъ ставитъ политическую экономію. Онъ не допускаетъ мысли, чтобы она была исключена г. Контомъ догматически, какъ наука ложная; онъ признаетъ, что наука эта составляетъ неотдѣлимую часть социологіи и не можетъ быть оставлена въ пренебреженіи безъ ущерба для всей теоріи послѣдней. Новѣйшая школа высоко цѣнитъ такую мысль, что социальный организмъ есть вѣрное, хотя въ увеличенныя до громадности размѣрахъ, воспроизведеніе живаго организма. Въ социальномъ организмѣ политическая экономія представляетъ собою то, чѣмъ служитъ питаніе для живаго организма, т.-е. его вегетативная часть, ежедневно поддерживающая его существованіе. Путемъ анализа и сравненія не трудно вывести, что высшія отправления социального организма, тѣ, которыя управляютъ нравственною, эстетическою, научною частями и обусловливаютъ эволюцію, находятся въ абсолютной зависимости отъ низшихъ отправленій, обеспечивающихъ матеріальное существованіе общества, что можетъ быть названо промышленностью, подобно тому, какъ въ живомъ организмѣ высшія отправления нервной системы находятся въ зависимости отъ питанія, безъ котораго они не могутъ ни существовать, ни быть познаваемы. И такъ, пропускъ политической экономіи составляетъ важный пробѣлъ въ социологіи и крупную ошибку въ методѣ, устанавлиющемъ іерархію наукъ. Второй пробѣлъ, требующій неперемѣннаго заполненія, относится къ теоріи мозга. Гипотеза Галля, принятая слишкомъ неосмотрительно, или, вѣрнѣе, приспособленная съ нѣкоторыми измѣненіями г. Контомъ къ

*.) Auguste Conte et la Philosophie positive, p. 651.

его системѣ, введена въ нее опрометчиво. Необходимо поспѣшить удаленіемъ изъ зданія негодныхъ матеріаловъ сооруженія; но удаленіе ихъ произведетъ очень важную пустоту, придется заново и сполна создать *біологическую психологію*, всю совокупность органическихъ условій, при которыхъ проявляется мысль. Понятая въ такомъ смыслѣ, эта теорія относится къ біологіи; ее должно изучить въ анатоміи, въ психологіи, въ зоологіи, въ эволюціи по возрастамъ, въ патологіи. Правда, для ученыхъ она представляется пока въ зародышномъ состояніи, будучи самою сложною и самою трудною частью біологіи; но уже приобретенный въ этой области запасъ знаній и ежедневно приобретаемый показываютъ, чѣмъ будетъ эта наука современнѣе. Наконецъ, самый важный пробѣлъ образовался отъ пропуска психологіи, не психологіи, какъ мы ее разумѣемъ, не той, которую защищаетъ Стюартъ Милль противъ рѣзкаго приговора Огюста Конта, не индивидуальной психологіи, а психологіи коллективнаго человѣка, называемой имъ „субъективною теоріею человечества“ и заключающей въ себѣ, кромѣ изученія формальныхъ условій мысли, еще мораль и эстетику. Этихъ теорій нѣтъ въ позитивной философіи, тогда какъ онѣ необходимы для нея. Онѣ составляютъ неперемѣнное дополненіе къ ней. Пока онѣ не конституированы, массы истинно философскихъ положеній остаются не классифицированными, безъ связи, безъ послѣдовательности. Но, какъ говоритъ г. Литтре, „онѣ являются лишь послѣдствіемъ объективнаго знанія“; только при помощи этого знанія и по окончаніи совершеннаго пути можно разсматривать субъективный инструментъ, сдѣлавшій этотъ путь и его побѣдившій; теорія субъекта есть необходимое дополненіе теоріи объекта *).

И такъ, въ доктринѣ Огюста Конта нашлось и указано не мало пробѣловъ и, притомъ, очень важныхъ пробѣловъ. Но, подобно ему, его ученикъ и критикъ въ то же время не вышелъ изъ подготовительнаго періода, изъ эры программъ. Одна изъ этихъ программъ, хорошо выполненная, сослужила бы истиннымъ интересамъ науки болѣе существенную и важную службу, чѣмъ всѣ эти неопредѣленные обѣщанія, всѣ преждевременно составляемые перечни будущихъ знаній или препирательства о неполнотѣ предложенныхъ таковыхъ перечней. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, что г. Литтре не оставилъ послѣ себя очень важныхъ произведеній, изъ которыхъ нѣкоторые закончены; но эти произведенія не имѣютъ отношенія къ специальному ученію, которому онъ посвятилъ столько трудовъ, съ которыми тѣсно связано его имя. Тутъ и онъ, какъ его учитель, оставилъ только очень рѣзкія критическія нападкы на метафизику и теологію и проекты будущихъ побѣдъ, наброски въ самыхъ общихъ чертахъ научнаго будущаго, какимъ оно ему представлялось, манифесты въ честь наступленія эпохи позитивизма.

Г. Литтре суждено было испытать не мало разочарованій даже въ такой наукѣ, какъ соціологія, на которую онъ наиболѣе полагался. А, между тѣмъ, съ какимъ восторгомъ онъ ее привѣтствовалъ! „Назва-

*) Auguste Conte et la Philosophie positive, p. 663.

ніе и сущность, — говорилъ онъ гордо, — созданы г. Контомъ; я настолькоъ уже старъ, что помню, съ какими презрѣніемъ было встрѣчено это варварское наименованіе. Что добраго могло скрываться подь этимъ плохимъ неологизмомъ? Этикетъ былъ достоинъ товара, имъ прикрываемаго. И что же? Товаръ и этикетъ всѣми приняты; названіе получило право гражданства вездѣ и во Франціи, и важное научное движеніе, вызванное идеей, еще только что начинается“ *).

Мы не станемъ вдаваться въ разсмотрѣніе того, дѣйствительно ли это созданіе г. Конта такъ оригинально, какъ полагаетъ г. Литтре, и правда ли, будто ранѣе позитивизма не существовало подь болѣе простыми наименованіями ни исторіи человѣческихъ обществъ, ни изученія соціальной жизни, ея органовъ и функций; мы лишь констатируемъ, что г. Литтре видѣлъ настоящій критерій доктрины въ точности соціологическихъ законовъ и въ ихъ послѣдовательномъ осуществленіи. Къ этой наукѣ и къ ея ненюгнршимъ предвидѣніямъ онъ обращался ради убѣжденія умовъ неповорныхъ. Его приводило въ отчаяніе непримиримое несогласіе противоположныхъ убѣжденій, и въ этой то наукѣ онъ искалъ примиряющаго средства: „Я очень хорошо знаю, что люди, которыхъ я признаю весьма выдающимися людьми, отнюдь не убѣждаются тѣмъ, что представляется мнѣ очевиднымъ, и, наоборотъ, то, что мнѣ кажется убѣдительнымъ, не имѣетъ для нихъ ни значенія, ни силы. Когда два человѣка, одинъ изъ очень холоднаго, другой изъ очень жаркаго помѣщенія, сходятся въ помѣщеніе съ среднею температурою, то одинъ изъ нихъ находитъ эту температуру теплою, другой холодною. Разногласіе между этими равно истинными ощущеніями можетъ быть разрѣшено только безличнымъ термометромъ. Я долго искалъ термометра, по скалъ котораго я бы могъ провѣрять принятыя мною мнѣнія“. Онъ полагалъ, что обрѣлъ такой „безличный термометръ“ для философскихъ идей въ двойной скалъ, показывающей одновременно въ исторіи человечества уменьшеніе сверхъестественнаго и возрастаніе естественнаго, уменьшеніе понятій объективныхъ, уменьшеніе божественнаго права и возрастаніе права народнаго, уменьшеніе войнъ и увеличеніе промышленности **). Онъ не сомнѣвался въ томъ, что такой термометръ можетъ своими колебаніями регулировать мнѣнія и достигнуть желанной цѣли — быть судьбою человѣческихъ разногласій. Но самъ г. Литтре къ концу жизни долженъ былъ сознать и созналъ, насколько такіа указанія неопредѣленны, сомнительны, противорѣчивы, сколько неизвѣстныхъ входитъ во всѣ подобныя вычисленія и лишаетъ выгоды точности. Я остановлюсь на одномъ только примѣрѣ. Можетъ ли, съ точки зрѣнія соціологіи, быть что-нибудь очевиднѣе закона уменьшенія войнъ по мѣрѣ возрастанія промышленности? Что же оказывается? Исторія и практика какъ нельзя убѣдительнѣе доказываютъ ложность такого положенія, и по личному опыту, по тому, что происходило и происходитъ передъ нашими глазами, мы вынуждены признать полную несостоятельность предвидѣній,

*) Conservation, Révolution, Positivism, 2 éd. Remarques, p. 277.

***) Principes de philosophie positive, préface d'un disciple, p. 71.

основанныхъ на этомъ положеніи. Въ одной изъ своихъ *Remarques*, звучащихъ глубокою грустью; г. Литтре самъ принужденъ въ томъ сознаться. Въ то время, какъ индустрія, слѣдуя гигантскими шагами за успѣхами наукъ, не перестаетъ развиваться и увеличивать власть человѣка надъ природою, связываетъ народы постоянными обмѣнами и создаетъ между ними извѣстнаго рода солидарность всѣхъ съ каждымъ и каждого со всѣми, заставляетъ насъ смотрѣть на всякій перерывъ этихъ общеній не только какъ на частное бѣдствіе, но какъ на бѣдствіе общее, и чрезъ то становится великимъ агентомъ всеобщаго мира,—въ это самое время, по какому-то странному противорѣчію, война становится болѣе грозною, чѣмъ когда-либо, надежда на миръ исчезаетъ передъ громадными вооруженіями народовъ, передъ духомъ завоеваній и національностей, стремящимся все передѣлать, перестроить по своему *). Войны племенъ, вооруженіе цѣлыхъ націй, арміи въ полтора, два милліона человѣкъ, постоянно готовы броситься одна на другую и кроваво-огненнымъ ураганомъ пронестись надъ старою Европой, сама промышленность, направленная на службу грубой силы, на изготовленіе орудій разрушенія, — все это не можетъ, конечно, особенно радовать друзей мира и укрѣплять вѣру въ мирныя предсказанія. Въ дѣлѣ текущей политики такая же участь постигла большинство предсказаній Конта. Трудно ошибаться чаще и впадать въ болѣе полновѣсныя ошибки, чѣмъ онъ, когда брался за роль пророка, и г. Литтре перечисляетъ его промахи съ обыкновенною добросовѣстностью и честностью.

Къ чему же сводится эта соціологія, отъ которой наобѣщали намъ такъ много? Къ теоріи прогресса на землѣ, прогресса человѣчества. Но надежды этого рода не составляютъ монополіи позитивизма. Тюрго, Гердеръ, Кантъ, Гегель, всѣ новѣйшіе мыслители выражали подобныя чаянія; каждый по своему, и я весьма сомнѣваюсь въ томъ, что позитивизмъ разъяснилъ задачу цѣлымъ рядомъ своихъ увѣреній, вродѣ того, что цѣль прогресса состоитъ въ принороченіи соціального существованія человѣка къ позитивной концепціи вселенной, что прогрессъ не зависить ни отъ государей, ни отъ народовъ и совершается помимо ихъ, вопреки имъ, непрерывно, единственно *эволютивною силою исторіи*, что все дѣло человѣка заключается просто въ томъ только, чтобы согласовать свои дѣйствія съ этою силою, чѣмъ самая эта эволюція получаетъ значеніе одной изъ формъ универсальнаго фатума. Изъ всего этого ясно выдѣляется одна идея—комбинированное понятіе прогресса и необходимости, ведущее несомнѣнно къ уменьшенію нравственной отвѣтственности отдѣльной личности и коллективной отвѣтственности народовъ. Намъ говорятъ еще, что революція приняла на себя отрицательную часть дѣла, т.-е. уничтоженіе вѣрованій и учрежденій, озававшихъ свою долю пользы въ прошломъ и непригодныхъ для порядка вещей, имѣющаго наступить въ будущемъ. Позитивизму предстоитъ организовать общество на расчищенной такимъ образомъ почвѣ. По настоящему; слѣдовало бы опредѣ-

*) *Remarques*, p. 278.

лечь организацию этого „имѣющаго наступить порядка вещей“. Г. Литтре нигдѣ ничего подобнаго не сдѣлалъ. Обезкураженный примѣромъ необычайнаго фіаско *Позитивной политики и Субъективнаго синтеза*, онъ уже не рискнулъ самъ пускаться на ненадежную почву свободной утопіи и ограничился неопредѣленными формулами. Организовать общество сообразно позитивному міросозерцанію, — дальше онъ не идетъ. Желая дать болѣе точныя опредѣленія, онъ указываетъ на великіе законы социологій, на непрерывность развитія науки и на постоянно возрастающую свѣтскость (лаичность) въ современномъ человѣчествѣ. Но достаточно ли этого для водворенія навсегда благоденствія и счастья на землѣ?

При внимательномъ разсмотрѣніи всего, написаннаго г. Литтре, въ хронологическомъ порядкѣ, оказывается, что догматизмъ его сводится на очень немногое. Вліяніе позитивной философіи на его умственное развитіе было очень глубоко, но мало-по-малу ея догматы утратили въ его умѣ свою опредѣленность. Любопытный *Эпилогъ*, написанный имъ уже слабѣющею рукою въ заключеніе комментированнаго имъ изданія книги: *Conservation, Révolution, Positivism*, даетъ ясныя указанія на состояніе его духа, на что до сихъ поръ не было обращено должнаго вниманія. Въ письмѣ къ одному американцу, хорошо знакомому съ французскою литературою (г. Гариссу), Сентъ-Бевъ такъ выразился о г. Литтре: „Этому здоровому, крѣпкому и даже сильному уму не достаетъ отгѣнковъ, и этотъ недостатокъ даетъ себя чувствовать даже въ его интеллектуальной вѣрѣ (представляющейся мнѣ своего рода суевѣріемъ и довѣрчивостью) въ систему, которая въ своихъ общихъ чертахъ, какъ мнѣ кажется, не имѣетъ необходимой связи съ неяснымъ, темнымъ и часто большимъ мозгомъ Огюста Конта“. Г. Литтре, познакомившись внослѣдствіи съ содержаніемъ этого письма, отвѣчалъ на него, протавупоставляя свое философское направленіе направленію своего критика: „Сентъ-Бевъ отказывался отъ всякой опредѣленной философіи. Онъ хотѣлъ быть свободнымъ мыслителемъ и сохранять полную независимость мнѣній... Онъ осуждаетъ мое подчиненіе философскимъ догматамъ, называя его суевѣріемъ“. Вслѣдъ за этимъ г. Литтре пользуется случаемъ, почти послѣднимъ въ его жизни, и излагаетъ, такъ сказать, исповѣданіе своей философской вѣры: „Не во гнѣвъ этому выдающемуся уму и сильному критику, я признаю господство догматовъ, и сводное мышительство меня не удовлетворяетъ“. Положимъ — такъ; но въ чемъ же состоитъ его позитивистское *Credo*? „Для меня убѣдительно іерархія наукъ; социологія указываетъ мнѣ нѣкоторые великіе законы, и я не могу и теперь не могу отказаться быть послѣдователемъ философіи, являющейся результатомъ такого упорядоченія человѣческихъ знаній“. Вотъ и все.

Пересмотримъ строчку за строчкой всю эту программу; въ ней мы найдемъ знаменитую классификацію наукъ, которая, по существу, не имѣетъ необходимой связи съ позитивизмомъ и легко можетъ быть отдѣлена отъ него *), особливо, если ввести въ нее, какъ указывалъ

*) Г. Литтре не разъ возвращался къ теоріи іерархіи наукъ и ихъ упорядоченія, столь излюбленной Огюстомъ Контомъ. Онъ излагалъ ее и защищалъ

самъ г. Литтре, политическую экономію, теорію мозговыхъ отравленій, психологію, эстетику и ученіе о нравственности. Далѣ что? Нѣсколь-ко законовъ социологіи, крайне общихъ законовъ, безъ достовѣрности въ указаніяхъ на будущее, вслѣдствіе чрезвычайной сложности этой науки, каковъ, напримѣръ, законъ эволюціи, совершенно вѣрный по отношенію къ прошлому, — законъ, включенный Огюстомъ Контомъ въ его доктрину и сослужившій прекрасную службу г. Литтре въ его историческихъ опредѣленіяхъ, но законъ этотъ существовалъ, несомнѣнно, ранѣе гг. Конта и Литтре и принимается очень многими филосо-фами, неимѣющими ничего общаго съ позитивизмомъ, и, въ концѣ концовъ, „философія, являющаяся результатомъ упорядоченія человѣ-скихъ знаній“, т. е., говоря проще, позитивное мировоззрѣніе. Это одно безусловно позитивистскаго происхожденія. Но въ чемъ сущность этого мировоззрѣнія? Мы не увидимъ никого изъ стоящихъ въ бурсі этихъ вопросовъ, если скажемъ, что это не столько догматъ, сколько отрицаніе. Намъ говорятъ: оно есть противоположеніе двумъ другимъ мировоззрѣніямъ, — теологическому, въ силу котораго въ мірозданіи и въ управленіи міромъ челоѣку чудятся невидимые виды, изъ кото-рыхъ онъ создаетъ себѣ боговъ, или единая воля, изъ которой онъ создаетъ единаго бога, и метафизическому, въ силу котораго челоѣкъ отрицаетъ таковыя воли и ставитъ на ихъ мѣсто антитезы, силы, вѣчныя причины. Позитивное мировоззрѣніе ничего не создаетъ и ни-чего не предполагаетъ; оно передаетъ то, что видитъ и что поддается его наблюденію, міръ явленій, которымъ управляютъ законы, а не воли и не таинственныя силы, — міръ, изъ котораго, вмѣстѣ съ ста-рыми теологіями, изгнаны абсолютное и безконечное старой метафизи-ки, — міръ, въ которомъ все, исходящее изъ опыта, возвращается къ опыту, въ которомъ знаніе есть не боѣе, какъ точное выраженіе того, что далъ опытъ, въ которомъ признано, что ничто реально сущее не можетъ быть установлено ни черезъ индукцію, ни черезъ умозрѣніе, ничто не можетъ быть угадано, въ которомъ все, не поддающееся непосредственному наблюденію, почитается какъ бы несуществующимъ. Что это, какъ не исключеніе изъ философіи всего того, что не есть ощущаемое явленіе или законъ? И если намъ говорятъ, что отнынѣ всякое разногласіе между позитивною философіей и позитивною наукою становится невозможнымъ, то мы, съ своей стороны, скажемъ, что насъ

въ своей книгѣ: *Огюстъ Контъ и позитивизмъ*, въ *Лекціи, читанной въ поли-технической школѣ въ 1871 году*, въ предисловіи къ книгѣ: *Науки съ точки зрѣ-нія философіи*. Онъ крѣпко стоитъ за нее, но, сколько мнѣ извѣстно, самъ воспользовался ею всего одинъ разъ, единственно для того, чтобы распо-ложить въ нѣкоторомъ порядкѣ весьма разнообразныя статьи, составляющія со-держание послѣдней книги, и чтобы придать имъ нѣкоторый видъ связности и послѣдовательности, котораго онъ не имѣлъ бы безъ этого. Это одна изъ теорій, представляющихъ извѣстный спекулятивный интересъ; но для ея при-мѣненія къ исторической эволюціи знаній необходимо подвергнуть ее многимъ исправленіямъ и измѣненіямъ. Во всякомъ же случаѣ, ученые и философы могутъ безразлично принимать ее, или не принимать, нисколько не становясь черезъ это адептами позитивной доктрины. Слѣдовательно, между нею и док-триною нѣтъ необходимой связи.

крайне удивило бы противное, такъ какъ достоинствѣ философіи становится исключительно лишь то, что въ нее вноситъ эта наука. Въ своей сущности и въ своемъ методѣ философія превращается въ высшее обобщеніе частныхъ наукъ; собственнаго у нея ничего нѣтъ; она не болѣе, какъ „упорядоченіе позитивныхъ знаній“. Это—позитивная наука, дополненная отрицаніемъ. Правда, самое отрицаніе не есть безусловное; она не отрицаетъ ни безконечнаго, ни абсолютнаго, ни начальной причины; она ихъ не знаетъ и знать не хочетъ. Ей нѣтъ дѣла ни до чего, неподдающагося опытному изслѣдованію; о чемъ-либо такомъ не должно даже задумываться, ничего такого она не знаетъ и похвάζεται своимъ незнаціемъ. Таково міровоззрѣніе, извлеченное г. Литтре изъ обширнаго запаса эрудиціи и діалектики, пущенныхъ въ дѣло Огюстомъ Контомъ. Въ этомъ міровоззрѣніи вся конечная сущность его мѣтній; оно же есть заключительный выводъ всего позитивистскаго движенія, послѣдняя связь, уцѣлѣвшая между различными группами мыслителей, считающихъ себя въ большей или меньшей степени послѣдователями позитивизма.

Во Франціи первое мѣсто должно быть отведено вѣрнымъ адептамъ, послѣдовавшимъ за Огюстомъ Контомъ до конца, каковы докторъ Робине и г. Лафитъ, а на ряду съ ними тѣмъ, которые отошли вмѣстѣ съ г. Литтре при его анти-теологическомъ расколѣ, каковы г. Вырубовъ и докторъ Шарль Робень. Группа вѣрныхъ насчитываетъ въ Парижѣ никакъ не болѣе сотни человѣкъ; нѣсколько группъ существуетъ въ провинціи; таковыя же есть въ Швеціи и въ южной Германіи. Для Англіи необходимо сдѣлать то же различіе, какъ и для Франціи, смотря по тому, послѣдовали ли адепты до конца за Контомъ (*Later Comtism*) и сполна ли принимаютъ его систему философскую, социальную и религіозную, или же держатся исключительно *Курса позитивной философіи (earlier Comtism)*. Миссъ Гарриетъ Мартино, Ричардъ Конгревъ, уклонившіяся впослѣдствіи въ пѣтивизмъ, и докторъ Брижъ были вначалѣ наиболѣе ревностными послѣдователями. Докторъ Брижъ велъ очень живую полемику съ Стюартомъ Миллемъ, нѣкоторое время интересовавшую Англію. Онъ поддерживалъ ненарушимость единства доктрины Огюста Конта, тогда какъ Милль разбивалъ эту доктрину на двѣ независимыя другъ отъ друга части, изъ которыхъ „одна содержитъ въ себѣ великія истины при небольшомъ числѣ заблужденій, а въ другой нѣсколько удачныхъ положеній едва-едва проглядываютъ сквозь настоящей хаосъ непослѣдовательностей“. Но самъ Стюартъ Милль и многіе англійскіе мыслители, въ томъ числѣ первоклассные, гг. Бэнъ, Балей, Льюисъ, Гербертъ Спенсеръ, въ значительной степени подчинялись вліянію позитивизма, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своей философской карьеры. Всѣ они очень легко освободились отъ этого вліянія во всемъ томъ, что оказывалось слишкомъ узкимъ и исключительнымъ. Но, я увѣренъ, ни одинъ изъ нихъ не станетъ отвергать начального вліянія. Вслѣдъ за этими позитивистами первой или второй формации во Франціи и въ Англіи, нельзя не упомянуть о колеблющейся и постоянно возрастающей въ числѣ массы позитивистовъ, ученыхъ, политиковъ, свѣтскихъ людей,

которые, не углубляясь въ сущность доктрины, приняли два ея положенія, ясно понятія ими сквозъ усложненія и неясности подробностей и въ которыхъ къ тому же резюмируется вся философія школы: отбросить метафизику и ограничить знанія позитивною наукою, должствующею всему удовлетворить, такъ какъ она одна даетъ результаты, могущіе быть повѣренными, и даетъ средства избѣгать ошибокъ и противорѣчій.

II.

Мы сказали, что отрицаніе есть единственное общее положеніе и единственная связь между различными группами, на которыя распадается школа позитивистовъ; вѣрнѣе было бы сказать—двойное отрицаніе, результатъ двухъ послѣдовательныхъ исключеній. Позитивизмъ исключаетъ и тѣмъ самымъ отрицаетъ идеи религіи и метафизики; но, вхѣстѣ съ тѣмъ, по официальнымъ программамъ, онъ исключаетъ и тѣмъ отрицаетъ матеріализмъ и атеизмъ.

Я хорошо знаю, что г. Литтре говоритъ, будто ничего не отрицаетъ теоретически; при всякомъ изложеніи программы онъ твердо держится рѣшеній оставаться равно далекимъ отъ противоположныхъ утвержденій, не догматизировать ни за, ни противъ реальностей невидимыхъ, ни за, ни противъ сущности вещей, не видѣть и не знать ничего внѣ удостовѣренныхъ фактовъ и демонстрированныхъ законовъ, не выходить изъ области физическихъ явленій, исключительно имѣющихъ характеръ положительности (позитивности), требуемой школою. Догматизируя, онъ постоянно остается вѣренъ догмату ничего не утверждать, ничего не отрицать такого, что стоитъ внѣ круга, строго намѣченнаго опытомъ, доступнымъ чувствамъ. На этотъ счетъ его афоризмы категоричны и многочисленны. Здѣсь стоитъ привести одну изъ послѣднихъ написанныхъ имъ страницъ, какъ образецъ определенности и твердости его заявленій: „Не зная ни начала, ни конца всего существующаго, мы не имѣемъ основанія отрицать существованіе чего-либо внѣ этого начала и этого конца (это противъ матеріалистовъ и атеистовъ), какъ не имѣемъ основанія утверждать... (это противъ спиритуалистовъ, метафизиковъ и теологовъ). Позитивная доктрина обходитъ конечный вопросъ о божественномъ разумѣ, — обходить въ томъ смыслѣ, что, подобно частнымъ наукамъ, составляющимъ какъ бы ея притоки, она заявляетъ о полномъ своемъ невѣдѣніи того, что касается начала и конца вещей, изъ чего необходимо вытекаетъ заключеніе, что, не отрицая божественнаго разума и не утверждая его существованія, она остается совершенно нейтральною между утвержденіемъ и отрицаніемъ, представляющимися равносильными, съ указанной точки зрѣнія. Само собою разумѣется, что она исключаетъ матеріализмъ, объясняющій то, чего никто объяснить не можетъ. Она не скрываетъ также всей чудовищности натурализма, такъ какъ, подобно г. де-Местру, говоря о Природѣ, она ставитъ вопросъ: „Это что за женщина?“ Если Природа представляетъ общность

познаваемых нами вещей, тѣмъ лучше; это знаніе, какъ и сами вещи, относительное, экспериментальное и не касается сферъ, называемыхъ нами *непознаваемыми (incommissable)*, которыхъ и мы избѣгаемъ по ихъ непознаваемости. Если же, наоборотъ, Природа представляетъ безконечную силу, созидающую и *устраивающую (arrangeur)* вселенную, тѣмъ хуже; никакое позитивное знаніе не открыло такой силы, которая, по этому самому, и должна быть обходима строгимъ молчаніемъ. Экспериментально мы находимся въ полномъ невѣдѣніи относительно вѣчности матеріи и гипотезы Божества. На чемъ основано мнѣніе о вѣчности матеріи? На томъ, что мы ни видимъ ни ея роста, ни уменьшенія, ни зарожденія, ни уничтоженія? Но догматъ, несомнѣнный въ границахъ познаваемаго, далѣе этого не идетъ и имѣетъ не большее значеніе, чѣмъ какой бы то не было опытъ не даетъ никакихъ знаній ни о началѣ, ни о концѣ времени. И такъ, мы не знаемъ, безконеченъ ли міръ во времени, какъ не знаемъ, ограниченъ ли онъ въ пространствѣ, ни обратно — безконеченъ ли міръ въ пространствѣ и конеченъ ли во времени“. Равнымъ образомъ нѣкоторые философы неправы тѣмъ, что упрекаютъ Лапласа за *дерзость*, съ которою онъ, при изясненіи системы міра, отвергаетъ Божество, какъ бесполезную гипотезу. „Выраженіе *дерзость (insolence)* не должно имѣть мѣста въ языкѣ философа, — говоритъ г. Литтре. — Если отрицаніе есть дерзость, то не менѣе дерзко будетъ и утвержденіе; и то, и другое равно неубѣдительно для позитивной философіи. Сами эти философы и метафизики, толкуя о высшемъ принципѣ порядка, гармоніи, единства, вынуждены сознаться, что принципъ этотъ, иначе говоря, Божество, не поддается сознательному уразумѣнію, научному изслѣдованію. А все то, что не можетъ быть ни изслѣдовано, ни сознательно воспринято внѣшними чувствами, — не есть ли же это только гипотеза, относительно которой мнѣнія свободны и не могутъ почитаться дерзкими?“ Въ другомъ мѣстѣ, въ отвѣтѣ г. Стюарту Миллю, по мнѣнію г. Литтре, отступившему отъ этого основнаго закона, г. Литтре очень твердо резюмируетъ всю свою доктрину по этому предмету въ слѣдующихъ словахъ: „Не должно полагать, будто позитивное *философствованіе (le philosophe positif)*, трактующаго о второстепенныхъ причинахъ, оставляетъ полную свободу мнѣній относительно начальной причины. Нѣтъ, на этотъ счетъ оно не даетъ никакой свободы; оно признаетъ начальную причину неизвѣстною и непознаваемою. Признаніе непознаваемости не заключаетъ въ себѣ ни утвержденія, ни отрицанія. Отсутствіе утвержденія и отсутствіе отрицанія нераздѣлимы, и нельзя произвольно откидывать одно и держаться другаго; нельзя служить одновременно двумъ господамъ, относительному и абсолютному. Составлять себѣ какое-либо опредѣленное мнѣніе тамъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ неизвѣстнаго, значить не соглашаться, а противопоставлять другъ другу несомнѣстности“.

Заявленіе достаточно опредѣленное. Но тутъ возникаетъ важный вопросъ: возможно ли существованіе такого идеальнаго равновѣсія?

*) Transrationalisme. Revue de philosophie positive, janvier 1880, p. 42.

Может ли умъ человѣческой удовлетвориться имъ надолго безъ систематическихъ усилій, непремѣнно временныхъ и преходящихъ? Не склонится ли онъ необходимо вправо или влѣво, въ сторону того и другаго изъ противоположныхъ утверждений, чѣмъ доказано будетъ, по меньшей мѣрѣ, что подобная неопредѣленность противна человѣческой природѣ, самому существу человѣческаго разума? Программа обязательнаго нейтралитета въ вопросахъ о причинахъ и началѣ міра установлена со всевозможною опредѣлительностью. Вѣренъ ли ей г. Литтре на практикѣ? Вѣрнѣе ли, чѣмъ онъ, остались ей другіе позитивисты? Да и вообще въ философіи, какъ въ политикѣ, соблюдалась ли когда-нибудь съ неизмѣнною точностью программа нейтралитета? Не будучи самымъ рѣшительнымъ скептикомъ, крайне трудно остаться въ такой химерической средѣ и долго держаться въ положеніи неустойчиваго равновѣсія. Подобное состояніе почти невозможно; о немъ мечтали часто; осуществлялись же эти мечты очень рѣдко. И почти всегда выходило такъ, что если нейтралитетъ этого рода склоняется въ какую-либо сторону, то скорѣе въ сторону отрицанія. Есть ли поводъ удивляться этому? Принимая въ соображеніе вещи въ ихъ естественной связи и человѣческой умъ въ его логичности, иначе и быть не можетъ. Не отдавая себѣ самому вполнѣ яснаго отчета, разумъ уступаетъ влеченію къ великимъ проблемамъ, особливо раздражающимъ своею недоступностью, и инстинктивно склоняется къ разрѣшенію ихъ въ томъ или иномъ смыслѣ, притомъ въ одномъ смыслѣ предпочтительнѣе, чѣмъ въ другомъ, и предпочтеніе оказывается въ большинствѣ случаевъ на сторонѣ отрицанія. Происходитъ такъ уже потому, что въ самомъ исходномъ актѣ, въ актѣ признанія неразрѣшимости этого рода проблемъ, скрывается нѣкоторое враждебное усиліе одолѣть и отбросить метафизическіе и религіозные инстинкты, приращенные всѣмъ людямъ. Думая остаться нейтральнымъ, человѣкъ склоняется въ извѣстную сторону, такъ какъ самая нейтральность пріобрѣтается цѣлью своего рода внутренней борьбы *).

Въ такомъ именно положеніи находится г. Литтре. Выходя изъ идеальнаго равновѣсія, въ которомъ онъ напрасно думалъ удержаться, онъ склоняется не на сторону спиритуалистовъ и метафизиковъ, а на сторону ихъ противниковъ. Нужны ли тому доказательства? Въ нихъ недостатка нѣтъ, стоитъ только открыть любое изъ философскихъ произведеній г. Литтре. Многочисленность ссылокъ была бы въ данномъ случаѣ неумѣстна; но во избѣжаніе какихъ бы то ни было сомнѣній и возраженій, мы ограничимся немногими примѣрами и укажемъ на слѣдующую выдержку изъ его *Paroles de philosophie positive*: „Міръ въ его настоящемъ видѣ представляется намъ заключающимъ въ самомъ себѣ свои причины; причины эти мы называемъ законами. Наука объясняетъ вселенную причинами, въ ней самой заключающимися, началомъ саморазвитія (*immanence*)... Саморазвитіе безвѣчно непосредственно, ибо оставляя типы и формы, оно безъ по-

*) Тѣ же мысли высказаны въ другомъ сочиненіи г. Капо: „*Materialisme et la Science*“, chap. III.

средниковъ приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ вѣчными двигателями безконечной вселенной и отрываетъ пораженному и восхищенному уму міры, несущіеся надъ безднами пространства, и жизнь, несущуюся надъ безднами времени“ *). Повидимому, въ этихъ словахъ заключается очень опредѣленная доктрина. Ею противуполагаются другъ другу идея надприроднаго (*de la transcendence*) идеѣ саморазвитія (*de l'immanence*), объясняющей вселенную причинами, заключающимися въ ней самой, и утверждающей, что въ ней (во вселенной) самой причина ея бытія, необходимости и безконечности этого бытія. Такое утвержденіе довольно странно заходить за предѣлы „области явленій, повѣренныхъ опытомъ и доказанныхъ закономъ“.

На практикѣ г. Литтре отступаетъ также отъ нейтралитета, столь горячо имъ рекомендуемаго въ программахъ, когда дѣло касается природы души. Для послѣдовательнаго позитивиста душа должна оставаться простымъ X, неизвѣстностью, невѣдомою причиною явленій въ области мысли, чувства и воли. въ чемъ бы сама причина ни заключалась, въ самомъ организмѣ или въ началѣ, отъ него отличномъ и высшемъ. Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что г. Литтре оказывается противникомъ души, какъ таковой, и низводитъ ее на степень отправления нервной системы. Онъ охотно даетъ свой патронатъ, публичную почесть предисловія, подписаннаго его именемъ, такимъ книгамъ, какъ *Matérialisme et Spiritualisme* г-на Лебле, въ которой одна доктрина побивается ради торжества противуположной. Изъ этого есть достаточныя основанія заключить, что дипломатическій нейтралитетъ позитивистовъ прикрываетъ собою ихъ секретный союзъ съ противниками общаго врага спиритуализма и что немалою наивностью было бы воображать, будто, при великомъ столкновеніи между доктринами, позитивисты могутъ оставаться безпристрастными. Въ предисловіи къ книгѣ г. Лебле г. Литтре утверждаетъ, что мысль, есть для нервнаго вещества тоже самое, что тяжесть для матеріи, т.-е. нѣчто неотвлекаемое и, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, въ себѣ самомъ заключающее объясненіе себя: „Подобно тому, какъ физикъ признаетъ, что матерія вѣснѣтъ, такъ физиологъ констатируетъ, что нервное вещество мыслить, причѣмъ ни тотъ, ни другой не претендуютъ объяснять, почему одна вѣснѣтъ и почему другое мыслить“. Противъ такихъ положеній не сказали бы ни слова ни г. Молепотъ, ни г. Карлъ Фогтъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается души, г. Литтре явно склоняется на сторону доктринъ психохимизма. Онъ возстаетъ противъ довольно невиннаго положенія г. Курно, сказавшаго, „что человѣкъ составилъ себѣ понятіе о душѣ единственно для уясненія себѣ собственнаго существа, своихъ высшихъ способностей, явленій познаванія, неизмѣняющихъ ничего общаго съ явленіями, научно изучаемыми физиологомъ“. Г. Литтре протестуетъ противъ такого полуспиритуалистическаго тезиса, очевидно, безпокоящаго его, и заявляетъ: „Въ психическихъ штудіяхъ я на сторонѣ физиологовъ, а не психологовъ. Я готовъ на всевозможныя уступки относительно нѣкоторыхъ психи-

*) Стр. 34.

ческих явлений, покрытых еще мраком; но достоверно известно, что все явления познания происходят в мозгу, без него не существуют, уничтожаются, как скоро мозг подвергнется разрушительным повреждениям; а мозг составляет достояние физиологии. Отдѣлять органъ отъ его функции въ наше время противунаучно^{*)}. Я не вхожу въ разсмотрѣніе вопроса по существу, а лишь указывая на отгѣнки высказанныхъ положеній; относительно же этихъ отгѣнковъ сомнѣніе невозможно. Изъ нихъ явствуетъ вся платоничность, вся мнимость вышеуказаннаго нейтралитета.

Но въ то время, какъ большинство позитивистовъ подъ бессознательнымъ давленіемъ своего ученія склоняется къ чистому и простому материализму, меньшинство неожиданно уклоняется въ иную сторону и, какъ бы уступая непреодолимому влеченію, вопреки догмату о чувственномъ, осязаемомъ опытѣ, стремится выйти изъ этого круга, пылкимъ умозрѣніемъ переступить запретную грань и унести мысль въ тѣ сферы, въ которыхъ сокрыты невѣдомыя причины. Это движеніе, противоположное только что описанному, представляетъ не мало любопытнаго и, своимъ новымъ и еще болѣе удивительнымъ противорѣчіемъ основамъ ученія, доказываетъ, насколько трудно позитивизму оставаться вѣрнымъ старой программѣ полного, научнаго безстрастія, какъ тяжело для него неопредѣленное и нерѣшительное положеніе между положительнымъ и отрицательнымъ въ вопросѣ о начальныхъ причинахъ и какъ, повинувшись непреодолимой логикѣ, онъ вынужденъ или не касаться невѣдомаго и вмѣстѣ безконечное въ природу, или показать за предѣлами вселенной безграничную дѣйствительность, безконечную силу и тѣмъ возбудить въ сознаніи человѣка неукротимую жажду проникнуть въ сферы невѣдомаго.

Чтобы показать непреодолимость возвратнаго влеченія въ область, объявленную позитивной наукой запретною, намъ стоитъ только припомнить примѣръ г. Конта во второмъ періодѣ его философской жизни, приведшей его къ своего рода гуманитарному мистицизму. Послѣ высокоумнаго витійствованія противъ всякой теологіи и всякой метафизики, онъ возвращается самъ къ теологіи и къ какой еще! Онъ доходитъ до того, что вѣрить въ волю (*à des volontés*); онъ, не вѣрившій ни во что, кромѣ законовъ, пишетъ въ стилѣ оракуловъ слѣдующій стихъ, противорѣчащій всей позитивной философіи:

Pour compléter les lois il faut des volontés.

(Для дополненія законовъ нужны воли).

Онъ покончилъ тѣмъ, что основалъ религію человѣчества. Какое блестящее доказательство вѣрности мысли, высказанной однимъ современнымъ философомъ: „Такова сила метафизическихъ инстинктовъ, что если выгнать метафизику изъ области вѣрованной дверью науки, то она быстро возвращается дверью поэзіи и мистицизма“.

Самъ г. Литтре, добровольно заключившійся въ позитивныя рамки, склонный даже къ механистической теоріи, не избѣжалъ, кажется,

*) Revue de philosophie positive, janvier 1880, p. 43.

притягательнаго вліянія таинственныхъ сферъ. Мы приведемъ одну очень странную выдержку изъ его книги *Опытъ Контъ и позитивная философія* (стр. 505): „Уму человѣческому рѣшительно недоступно все то, что внѣ фактовъ и законовъ, — матеріально, наприимѣръ, глубины безконечнаго пространства, интеллектуально — безконечное взаимодѣйствіе причинъ. Но недоступность не обусловливаетъ несуществованія. Необъятность, какъ матеріальная, такъ и интеллектуальная, тѣсно связана съ нашими знаніями и черезъ эту связь становится идеей позитивной и принадлежитъ къ тому же порядку. Я хочу сказать, что, соприкасаясь съ знаніями и охватывая ихъ, необъятность представляется имѣющею двойкій характеръ реальности и недоступности. Это океанъ, волнующійся у нашихъ береговъ, для плаванія по которому нѣтъ у насъ ни лодки, ни паруса, но созерцаніе котораго столь же полезно, сколь поразительно“. Насколько мыслей можетъ навести насъ признанная реальность безконечнаго, „соприкасающаяся съ нашими знаніями и охватывающая ихъ со всѣхъ сторонъ“, а равнымъ образомъ это полезное и поразительное видѣніе, привлекающее и подавляющее насъ! То же видѣніе представлялось г. Стюарту Миллю. Онъ видѣлъ „просвѣты въ окружающей насъ стѣнѣ“, черезъ которые проскальзываетъ лучъ свѣта, озаряющаго невѣдомое пространство внѣ замыкающей насъ стѣны. Онъ пытается даже указывать, что вмѣстѣ съ усвоеніемъ позитивной философіи возможно представленіе въ невѣдомомъ Божества, управляющаго міромъ. „Что до меня касается, — говоритъ г. Лютре, — я не рѣшусь заходить такъ далеко. Я принимаю важныя поученія, истекающія изъ неизвѣдываемаго. Оно прямо противится этимъ безразсуднымъ стремленіямъ, противится безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій, безъ споровъ, однимъ своимъ существованіемъ. Для меня достаточно созерцанія его на тронѣ мрачнаго величія для того, чтобы освободиться отъ какаго бы то ни было догматизма“ *). Но для всѣхъ этого недостаточно, и при подобныхъ видѣніяхъ не легко освободиться отъ догматизма.

Никто изъ мыслителей, въ большей или меньшей степени связанныхъ съ школою позитивистовъ, не принялъ съ большою смѣлостью необходимость такой концепціи непознаваемаго и ея послѣдствій, никто съ такою ясностью и рѣшительностью не высказалъ ея настоящей смыслъ и значеніе, чѣмъ г. Гербертъ Спенсеръ. Но тѣмъ самымъ логически разбивается позитивизмъ. Вотъ сущность его положеній: доводы, коими доказывается непознаваемость абсолютнаго, не полно выражаютъ истину; они единственно выражаютъ ея логическую сторону, а не психологическую. Всѣ положенія этого рода опускаютъ или, вѣрнѣе, исключаютъ одно обстоятельство величайшей важности. Рядомъ съ опредѣленнымъ сознаніемъ, законы котораго формулируются логикою, есть сознаніе неопредѣленное, не могущее быть сформулированнымъ. Существуетъ цѣлый порядокъ мыслей, реальныхъ, хотя неопредѣлимыхъ, составляющихъ нормальное явленіе познавательной способности. Говорятъ, что мы не можемъ знать абсолютнаго; но разъ гово-

*) *Revue de philosophie positive*, janvier 1880, p. 49.

рится о невозможности знать абсолютное, тѣмъ самымъ косвеннымъ образомъ признается существованіе абсолютнаго. Если мы отрицаемъ возможность познать сущность абсолютнаго, то, слѣдовательно, допускаемъ его существованіе; и этого единственнаго обстоятельства достаточно, чтобы доказать, что абсолютное представлялось разуму *не какъ ничто, а какъ нѣчто*... Постоянно присущее разуму представленіе существованія реальнаго и субстанціональнаго составляетъ самую основу познания. Относительное немыслимо, если оно не поставлено въ соотношеніе съ реальнымъ абсолютнымъ; въ противномъ случаѣ само относительное превратится въ абсолютное, и доводъ окажется противорѣчающимъ себѣ самому... Разматривая дѣятельность мысли въ ея условіяхъ и въ ея законахъ, мы равнымъ образомъ видимъ, насколько невозможно для насъ отрѣшиться отъ представленія реальнаго, скрытаго кажушимся, и какъ изъ этой невозможности вытекаетъ наше неразрушимое вѣрованіе въ такую реальность *).

Въ этомъ твердомъ реализмѣ, противопоставляемомъ разлагающему всемірному феноменизму, въ этой невозможности представленія относительнаго безъ соотношенія съ реальнымъ абсолютнымъ какъ будто слышится отдаленный, но явственный отголосокъ знаменитой теоріи Декарта о необходимомъ, которое предполагается существованіемъ случайнаго, о безконечномъ, какъ о послѣдней степени конечнаго, в высшей опорѣ существованій, какъ о послѣдней реальности, на которой зиждятся сѣпленія идей и міровъ. Любопытно, что самый смѣлый изъ философовъ экспериментальной школы такъ ясно установилъ вышеуказанную двойкую невозможность, логическую невозможность одного относительнаго, если оно не стоитъ въ причинной связи съ абсолютнымъ, и психологическую невозможность для насъ отрѣшиться отъ идеи субстанции, Кантовскаго *нуменъ*, вездѣ противопоставляемаго какъ антитеза *феномена*, вездѣ и необходимо мыслимаго какъ начало существа и разума. Такой возвратъ къ метафизикѣ былъ неизбеженъ съ того момента, какъ только было допущено внѣ границъ позитивнаго значенія существованіе таинственнаго внѣшняго, будь то смутно указываемое г. Ляотре необъятное, на грани котораго онъ тщетно усиливается остановить умъ человѣка, или будь то непознаваемое, въ которомъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ видятъ безымянное начало существующаго, неизсякаемый источникъ силы. Тщетно обь является это начало, въ одно и то же время, реальнымъ и недоступнымъ. Разъ оно признается реальнымъ, стало быть, оно до нѣкоторой степени извѣстно, если же оно доступно въ какой бы ни было мѣрѣ познанию, то можно ли воспрепятствовать мысли къ нему стремиться, хотя бы мысль подвергалась опасности разбиться о „непереходимую стѣну“, о которой говоритъ г. Стюартъ Милль, или подвергнуться крушенію въ пространствахъ, пускаться въ которыя запрещаетъ г. Ляотре, погибнуть въ пустотѣ или въ „океанѣ, волнующемся у нашихъ береговъ, для плаванія по которому у насъ нѣтъ ни лодки, ни паруса?“

*) *Premiers principes*, chap. IV, p. 93—10.

Есть только одно средство уничтожить подобныя стремленія, эти вѣчно возрождающіеся порывы ума и окончательно, навсегда изгнать призракъ абсолютнаго, не дающій намъ покоя, это—рѣшительное отрицаніе. Запретить мысли исканіе начальныхъ причинъ можно только заявленіемъ, что таковыхъ не существуетъ. Но это будетъ, опять-таки, своего рода метафизика, — метафизика обратная. Отрицаніе какой бы то ни было начальной причины есть тоже догматъ, хотя отрицательный; а этого не допускала философія Конта, ни первоначальный духъ его школы. Что же вышло? Уже со втораго поколѣнія большинство послѣдователей позитивизма вышло изъ химерической и невозможной неопредѣленности и стало на сторону простаго, чистаго отрицанія и, желая избѣгнуть какого бы то ни было подозрѣнія въ идеализмъ, или опасности впасть въ идеализмъ, оно приняло болѣе точныя и ясныя положенія Бюхнера и Молешота. Послѣдствіемъ было неизбѣжное столкновеніе и союзъ между ними упрощеннымъ позитивизмомъ и научнымъ матеріализмомъ; союзъ этотъ остается ненарушимымъ и даже укрѣпляется, повидимому. Ряды послѣдователей чистаго позитивизма съ его неопредѣленностями рѣдѣютъ съ каждымъ днемъ. Да не подумаетъ кто-нибудь, что мы говоримъ все это изъ-за мелочнаго желанія поймать на противорѣчій себѣ самой сильную философскую школу, что ради этого только мы указывали двойное и противоположное стремленіе, которому невольно поддаются ея главные представители, — одни возносясь порывомъ трансцендентной мысли къ высшему источнику существованій и силъ, другіе, возвращаясь къ началу саморазвитія (имманенціи), недопускающаго никакихъ внѣ-природныхъ источниковъ и причинъ. Отнюдь нѣтъ. Мы представили эту поучительную картину противоположныхъ стремленій, порожденныхъ однимъ и тѣмъ же ученіемъ, для того, чтобы показать на блестящемъ примѣрѣ ничѣмъ непреборимое свойство человѣческаго ума, влекущее его къ догматизированію о сущности вещей, — чтобы доказать, что позитивная философія преслѣдовала химеру, устанавливая свой знаменитый принципъ неразъединимаго отклоненія, утвержденія и отрицанія, что ни одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ представителей позитивной философіи не остался вѣренъ этой программѣ, что всѣ или утверждали, или отрицали что-либо, выходящее изъ ряда изслѣдуемыхъ явленій и законовъ, причеиъ одни указывали на недоступныя проблемы, представляющіяся уму и все болѣе и болѣе его привлекающія, другіе ихъ отвергали и заявляли просто, что вѣрованіе въ такія проблемы есть послѣдній изъ предразсудковъ человѣческаго ума. Въ обоихъ случаяхъ первоначальная программа школы, очевидно, нарушается. На такое постоянно повторяющееся явленіе, въ которомъ сказывается одинъ изъ законовъ мышленія, конечно, стоило указать, къ какому бы выводу это ни привело впоследствии.

III.

Виды скептицизма измѣняются сообразно съ особенностями ума и сообразно съ временемъ. Только по отношенію къ особо выдающимся

людямъ можетъ быть рѣчь о сомнѣніи, подобномъ сомнѣнію Паскаля, которое было ничѣмъ инымъ, какъ пламеннымъ исканіемъ высшихъ истинъ и отчаяніемъ отъ невозможности придать имъ геометрическую очевидность. Равнымъ образомъ никто, кромѣ какихъ-нибудь дилетантовъ, не станетъ говорить объ ученѣ, изящномъ и энциклопедическомъ сомнѣніи на манеръ Монтеня или объ ученой, переполненной абстракціями и формулами критикѣ Канта, доступныхъ только философамъ по профессіи, которымъ однимъ доступно пониманіе волненій субъективнаго идеализма. Позитивизмъ естественно привлекалъ къ себѣ большое число мыслящихъ людей своего времени, однихъ въ силу инстинктивнаго нерасположенія и презрѣнія къ метафизикѣ, имъ незнаваемой; другихъ, благодаря утомленію вѣчными и безплодными спорами. Они нашли въ этой философіи форму скептицизма, удобную и популярную для нашего времени, времени успѣха наукъ, ихъ плодотворнаго примѣненія, постоянства и безошибочности ихъ выводовъ. Это ограниченный скептицизмъ. Говоря по правдѣ, абсолютный скептицизмъ сталъ невозможенъ; повторенные опыты, безошибочныя предвидѣнія астрономовъ, возможность постоянной провѣрки явленій физическихъ, точность вычисленій исключаютъ возможность сомнѣнія, по крайней мѣрѣ практически, въ порядкѣ явленій физическихъ и доступныхъ чувствамъ. Новѣйшій скептицизмъ, сообразно научному характеру и нѣкоторымъ предубѣжденіямъ нашего времени, остается скептицизмомъ лишь по отношенію къ метафизикѣ; во всемъ остальномъ онъ превратился въ узкій догматизмъ, вѣрить въ явленія физическія и постоянное соотношеніе явленій; онъ вѣрить также, но безъ точныхъ ея опредѣленій, въ природу (*la nature*), въ ея необходимость и вѣчность.

Благодаря всему этому, современное поколѣніе возмнилъ видѣть свой собственный образъ въ позитивной философіи и сразу увѣровало въ нее.

Помимо вышеуказанной, есть еще другая причина, заключающаяся въ нашихъ политическихъ и социальныхъ обстоятельствахъ, особенно же въ разгорающейся все болѣе и болѣе борьбѣ между свѣтскимъ государствомъ и теологическими вѣрованіями. Г. Литтре вѣрно угадалъ, какія преимущества даетъ это соперничество представляемой имъ доктринѣ; онъ отлично понималъ, что свѣтское общество, вынужденное противопоставить догматъ догмату, не колеблясь схватится за доктрину позитивную, дабы противопоставить ее теологіи, которую она радикально разрушаетъ, или различнымъ метафизикамъ съ ихъ абсолютнымъ, оставляющимъ широкую возможность возврата къ религіознымъ концепціямъ и потому заподозриваемымъ массою публики въ единомыслии „съ общимъ врагомъ“. Его не могло удивить предпочтеніе, оказанное въ торжественныхъ случаяхъ нѣкоторыми партіями и нѣкоторыми политическими дѣятелями Огюсту Контю, и ихъ попытки сдѣлать изъ этого имени символъ и знамя; причемъ они упустили изъ вида, что знаменитый главарь школы отнюдь не поборникъ свободы и всю свою жизнь стремился къ установленію подъ разными видами духовной диктатуры, которою и облекалъ себя самого въ пламенныхъ и упорныхъ мечтаніяхъ. Въ предшествовавшей главѣ мы видѣли, съ

жакимъ высокимъ чувствомъ правды и права г. Литтре возставалъ противъ всякаго примѣненія предупредительныхъ законовъ, противъ всякаго призыва къ оружію. Тѣмъ не менѣе, онъ гордился успѣхами „новаго свѣтскаго государства“ и противопоставлялъ ихъ послѣдовательному упадку „старого теологическаго государства“. „Много искусства нужно нашимъ противникамъ,—говоритъ онъ,—болѣе, чѣмъ сколько они проявили до сихъ поръ, для того, чтобы удержать или возвратить громадную область, потерянную ими въ то время, какъ всѣ позиціи были въ ихъ рукахъ. Невѣріе проникло во всѣ слои общества, отъ верхняго до нижняго, и въ настоящее время, кажется, въ болѣе мѣрѣ проникло въ нижніе слои; оно отняло у церкви, если можно такъ выразиться, выгнуло на духовную мостовую (*a mis sur le pont spirituel*) множество людей, которымъ въ морали и въ политикѣ нечѣмъ руководиться, кромѣ революціонныхъ и метафизическихъ идей. Но этого мало; запросъ существуетъ на нѣчто болѣе. Позитивная философія открываетъ имъ убѣжище, безопасное отъ наступательнаго возврата теологическихъ доктринъ, даетъ имъ *научную веру* (*la foi scientifique*) и открываетъ обширное поприще ихъ соціальной дѣятельности“ *).

Кажущійся успѣхъ позитивной философіи долженъ быть приписанъ совокупности этихъ вліяній. Но большинство послѣдователей позитивизма сдѣлало изъ этого наименованія только лозунгъ партіи и до странности упростило доктрину. Оно низвело вопросъ къ формѣ, представляющейся мнѣ послѣднимъ видоизмѣненіемъ, которому должно подвергнуться это ученіе; въ такой обновленной формѣ, болѣе доступной массѣ, вопросъ этотъ есть, быть можетъ, самый важный изъ вопросовъ нашего времени. „Не достаточно ли одной науки (должно разумѣть позитивную науку) для того, чтобы дать человѣку все необходимое ему какъ въ области идеала, такъ и въ области промышленной и физической? Можетъ ли быть нужно еще что-нибудь? Какая надобность тревожить нашъ умъ отблесками свѣта, когда у насъ тутъ подъ руками и передъ глазами неизсякаемый источникъ свѣта, никогда не обманывающаго, осязательный опытъ и неопровержимая повѣрка явленій и фактовъ? У насъ все есть, и критерій всякой очевидности. Чего же еще желать“?

Но въ дѣйствительности достаточно ли этого? Можно ли думать, что позитивная наука на самомъ дѣлѣ способна удовлетворить сполна благородные и возвышенные запросы человеческой мысли? Область позитивнаго опыта слишкомъ тѣсна, заключена въ слишкомъ узкія границы, въ которыхъ нѣтъ возможности удержаться. У самого г. Литтре на каждомъ шагу прорывается какъ бы сожалѣніе о такой недостаточности, о пробѣлахъ. Въ концѣ своихъ изслѣдованій о гипотезахъ космогоніи онъ признается, что позитивная космогонія въ состояніи изложить только послѣдовательную связь между нѣкоторыми фазами эволюціи, но добровольно отказывается отъ объясненія чего-либо, выходящаго изъ этихъ предѣловъ; она не въ правѣ да-

*) Remarques, p. 313.

же, что бы ни говорилось по этому поводу, принять такіа гипотезы, какъ гипотеза трансформизма, „хотя, по мнѣнію г. Литтре, теорія эта въ высшей степени одобрительна“ (*éminentement recommandable* *). Случается, что, изложивши всѣ проблемы науки о природѣ, окинувши взоромъ всѣ высоты, къ изслѣдованію которыхъ стремится умъ человѣка, ученый останавливается, усталый и недовольный, и восклицаетъ: „Не съ гордымъ чувствомъ удовлетворенности оставлю я читателя. Я изложилъ гипотезы, относящіяся до вселенной, до земнаго шара, до живыхъ существъ. Ничто неспособно въ равной мѣрѣ дать уму человѣка осязательно узнать предѣлы, его ограничивающіе. Какъ только онъ дѣлаетъ попытку добраться до того, что означается гордымъ наименованіемъ космогоніи, ему приходится пройти многія огромныя ступени; но какое бы обширное пространство онъ ни прошелъ, до какихъ бы высотъ онъ ни достигъ, передъ нимъ отсрываются новыя необозрѣмыя пространства, и онъ остается обреченнымъ на невѣдніе“.

Самыя гипотезы этого рода не стоятъ ли въ противорѣчій съ методомъ школы, которая, говоря строго, не должна допускать ничего непровѣреннаго, а, слѣдовательно, должна бы заниматься только тѣмъ, что можетъ подлежать провѣркѣ? Употребляемое г. Литтре выраженіе *позитивныя гипотезы* не можетъ почитаться удовлетворительнымъ слѣдователями чистой доктрины, такъ какъ гипотезы эти подлежатъ колебанію въ степени достовѣрности по мѣрѣ открытія новыхъ фактовъ, имъ благопріятныхъ или противныхъ, и въ этомъ смыслѣ онѣ ни въ какой мѣрѣ не имѣютъ характера позитивности. Кто же не пойметъ, сколько проблемъ будетъ вѣчно ускользать отъ изслѣдованій этой школы, даже въ области физики и психологій, каковы, напри- мѣръ, имѣющія предметомъ сущность матеріи и силы, начало движенія, начало жизни, источникъ чувствъ? Г. Литтре даетъ такой отвѣтъ: „Тутъ уже начинается область вещей, знать которыя невозможно. Относительно таковыхъ я заявляю, что не должно существовать ни отрицанія, ни утвержденія. Я не знаю непознаваемаго и лишь констатирую его существованіе; въ этомъ заключается высшая философія. Идти далѣе значитъ вдаваться въ химеры, не доходить до этой грани— покинуть свое дѣло“. Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы запретить вдаваться въ изысканія на этомъ опасномъ и величественномъ пути. А кто же не сознается, какому приниженію подвергался бы человѣческій разумъ (настоящему *capitis diminutio*), если бы ему вмѣнено было въ безусловную обязанность ограничиваться сферою провѣряемыхъ фактовъ и доказываемыхъ законовъ? При такомъ положеніи разумъ долженъ, повидимому, совершенно отказаться отъ смѣлыхъ предположеній, составляющихъ его высшее выраженіе, и оставаться неподвижнымъ на грани позитивной науки, за которою эти предположенія неудержимо стремятся и вѣчно ее раздвигаютъ, открывая ей же новыя, безконечныя горизонты.

Особливо же явно сказывается немощность позитивизма въ изслѣдованіяхъ, относящихся до феноменовъ духа, до духа самаго и зако-

*) La Science au point de vue philosophique, p. 559 et préface.

новъ, имъ управляющихъ. Я приведу только два примѣра и ограничусь, притомъ, простыми указаніями. Каждый изъ этихъ двухъ пунктовъ, въ полномъ развитіи, потребовалъ бы цѣлаго изслѣдованія, которое повело бы насъ слишкомъ далеко, до безконечности. Сущность психологій и установленіе нравственности заставятъ позитивную науку совершенно въ располхъ. Никакимъ логическимъ приемомъ невозможно извлечь изъ нея что-либо, могущее помочь намъ въ удовлетворительномъ изученіи этихъ двухъ проблемъ; чтобы быть послѣдовательнымъ, позитивизмъ долженъ былъ бы ихъ просто устранить. Г. Литтре не разъ пытался разрѣшить ихъ и всякій разъ терпѣлъ неудачу. Мы не его въ томъ винимъ, конечно, а непригодность употребленнаго имъ орудія, слишкомъ узкій методъ, въ которомъ, по системѣ, онъ замыкается съ какимъ-то непреодолимымъ упорствомъ, обрекающимъ заранѣе на бесплодность всѣ его усилія.

Начнемъ съ психологій. Г. Литтре допускалъ когда-то этотъ терминъ и даже, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, былъ сторонникомъ самаго понятія, какъ это видно изъ его книги объ Огюстѣ Контѣ. Впослѣдствіи онъ легко увидалъ, что терминъ этотъ можетъ послужить поводомъ къ своего рода спиритуалистическому экивоку. Дабы избѣжать такового, онъ кончилъ тѣмъ, что совершенно отвергъ этотъ терминъ и замѣнилъ его выраженіемъ *психическая физиологія* или, короче, *психофизиологія* (*psychophysiologie*), опредѣляя словомъ *психическій* относящееся до чувствъ и мыслей, а словомъ *физиологія* образованіе и соотношеніе этихъ чувствъ и мыслей, сообразно съ устройствомъ и дѣятельностью мозга. Но переимѣна наименованій отнюдь не измѣняетъ сущности предмета, и предметъ можетъ сказать: „Какимъ именемъ меня ни называй, я остаюсь тѣмъ, что я есть“. Г. Литтре напрасно старается насъ увѣрить, будто описаніе психическихъ явленій съ ихъ соподчиненіемъ и взаимною связью есть чистая физиологія, изученіе функций и ея послѣдствій, будто интеллектуальныя и моральныя явленія принадлежатъ нервной ткани, будто человѣкъ въ этомъ отношеніи есть только кольцо, правда, самое крупное кольцо, въ цѣпи безъ точно опредѣленнаго конца, нисходящей до послѣднихъ животныхъ *); все это не болѣе, какъ рядъ личныхъ мнѣній, высказанныхъ безъ доказательства, а потому ничуть не убѣдительныхъ. Я скажу даже, что онъ и не пробуетъ убѣждать въ короткихъ страницахъ, написанныхъ имъ скорѣе по поводу этого вопроса, а не для разрѣшенія его. Онъ не доказалъ самаго существеннаго, это—мнимой невозможности субъективной психологій. Возраженія эти повторяются каждыя пятнадцать-двадцать лѣтъ по различнымъ новымъ поводамъ, но отъ времени не приобретаютъ значенія. Равно г. Литтре не доказалъ, чтобы при всѣхъ анатомическихъ и физиологическихъ наблюденіяхъ надъ мозгомъ можно было обходиться безъ предварительной психологій, нужной для уясненія такихъ опытовъ и безъ которой невозможнымъ кажется установить какое-либо различіе между функциями различныхъ органовъ мозга и понять что-либо въ различіи движеній,

*) La Science au point de vue philosophique, p. 308.

происходящих въ нервной системѣ или въ сѣромъ веществѣ, такъ какъ вся общность этихъ явленій представляетъ собою рядъ признаковъ, безусловно нѣмыхъ для того, кто не имѣетъ о нихъ надлежащаго предварительнаго понятія.

Стюартъ Милль съ необычайною силою анализа разбивалъ такія претензіи позитивной философіи, съ которою онъ расходился по этому капитальному вопросу. „Если бы даже, — говоритъ онъ, — было доказано (чего въ данномъ случаѣ нѣтъ), что всякому состоянію сознающихъ способностей неизмѣнно предшествуетъ какое-либо особое состояніе нервной системы, и специально въ ея центрѣ, въ мозгу, и, все-таки, остается непровержимымъ, что никому неизвѣстно, въ чемъ заключаются эти нервныя состоянія, о которыхъ постоянно такъ говорится, какъ будто они извѣстны. Мы не знаемъ и не имѣемъ никакихъ средствъ узнать, чѣмъ одни отличаются отъ другихъ. Даже для изученія законовъ ихъ послѣдовательности и существованія мы не имѣемъ иныхъ способовъ, какъ только наблюденіе надъ состояніемъ духа, коего они суть предполагаемые источники и причины. Въ противоположность претензіямъ мозговой психологіи, ничто такъ хорошо не установлено, какъ возможность для насъ въ настоящее время дѣлать выводы объ интеллектуальныхъ и нравственныхъ явленіяхъ изъ физиологическихъ законовъ организациі нервовъ. Доступныя для насъ свѣдѣнія о нихъ могутъ быть получены только путемъ непосредственнаго изученія черезъ мысленное наблюденіе. Такимъ образомъ, несомнѣнно существуетъ обособленная наука о духѣ“. Стюартъ Милль заканчиваетъ словами: „Въ очень крупную, въ очень важную въ практическомъ отношеніи ошибку впадаетъ тотъ, кто обдуманно отказывается отъ средствъ, которыя намъ даетъ психологическій анализъ, и кто берется создавать теорію духа на основаніи физиологическихъ данныхъ. При всемъ несовершенствѣ науки о духѣ, я не колеблюсь утверждать, что она ушла, все-таки, много дальше, чѣмъ соответствующая ей часть физиологіи, и отказываться отъ первой ради послѣдней кажется мнѣ противнымъ истиннымъ правиламъ индуктивной философіи“ *). Со времени г. Литтре и одновременно съ нимъ въ Германіи, въ Англии и во Франціи было сдѣлано не мало попытокъ подвести всю науку о духѣ подъ психологію мозга. Я полагаю, что на этомъ пути не сдѣлано ни шагу впередъ; попрежнему все дѣло ограничивается безмѣрными надеждами, возлагаемыми на новую науку, неоправданнымъ презрѣніемъ и устарѣлыми эпитафиями, бездоказательными утверженіями и непогрѣшимыми программами. Дальше этого никто не пошелъ.

Установленіе науки о нравственности повстрѣчало такія же неудачи. Г. Литтре съ своими возвышенными побужденіями, высокимъ развитіемъ, съ чистотою жизни и благородствомъ привычекъ, былъ, какъ и подобало, однимъ изъ мыслителей, наиболее искренно занятыхъ условіями нравственности и ея будущностью въ мірѣ, преобразованномъ позитивизмомъ. Ему невыносимо прискорбно было бы видѣть нарушеннымъ или умаленнымъ фондъ нравственныхъ идей въ представ-

*) Stuart Mille: „La logique“, chap. IV.

дѣвшейся ему картинѣ будущаго общества, управляемаго новыми законами. А такъ какъ для него эти новые законы отождествлялись съ торжествомъ позитивной науки, имѣющей сдѣлаться единственною властительницею и непогрѣшимою руководительницею личной дѣятельности каждаго и социальной эволюціи, то ему казалось, съ точки зрѣнія науки, необходимымъ, а съ точки зрѣнія нравственнаго сознанія обязательнымъ возстановить на всемірно принятыхъ основаніяхъ идею правды и весь нравственный строй, стоящій отъ нея въ зависимости.

Сдѣлать это онъ пробовалъ нѣсколько разъ. Въ первомъ своемъ трудѣ *) , увлеченный исканіемъ этихъ основаній въ физиологіи, онъ пытался доказать, что нравственность истекаетъ изъ двухъ противоположныхъ импульсовъ, изъ любви къ себѣ и любви къ другимъ, изъ эгоизма и альтруизма (по словарю позитивистской школы), которые въ свою очередь происходятъ — первый изъ необходимости питанія, налагаемой на организмъ для его существованія, какъ особи; второй (альтруизмъ) исходитъ изъ необходимости любить, налагаемой на него соединеніемъ половъ для существованія вида. Но тщетно старается г. Литтре возвысить и облагородить эти два влеченія своими обобщеніями; тщетно подводитъ онъ подъ терминъ эгоизма всевозможныя формы любви къ самому себѣ: на низшихъ ступеняхъ въ видѣ удовлетворенія необходимѣхъ потребностей, безъ которыхъ невозможно продолженіе жизни; надъ этою элементарною ступенью онъ ставитъ эгоизмъ разумный въ видѣ употребленія всѣхъ средствъ къ достиженію наиболѣе продолжительнаго существованія и наибольшей суммы счастья. Тщетно предупреждаетъ онъ насъ, что подъ страннымъ терминомъ *альтруизмъ* (производимымъ имъ отъ различія половъ) должно понимать все то, что служитъ къ продолженію вида и чѣмъ обусловливается до бесконечности разнообразныя импульсы, приводящіе къ любви, къ семьѣ, потомъ, восходя и обобщаясь далѣе, къ отечеству и всему человѣчеству. Онъ, по видимому, самъ недоволенъ своими положеніями и не увѣренъ въ имѣющихъ получиться результатахъ. Подобныя элементы ничего иного породить не могутъ, какъ только постоянныя столкновенія между эгоизмомъ и добродушіемъ, при отсутствіи какого бы ни было авторитета, могущаго предупредить или регулировать эти столкновенія. Какое высшее начало будетъ призвано для рѣшенія спора между такого рода инстинктами или страстями? И такъ, міръ представляется беспорядочной и бесконечною борьбѣю. Намъ говорятъ, будто изъ этой борьбы выработается нравственность и совершитъ свою необходимую эволюцію „по мѣрѣ того, какъ понятіе о человѣчествѣ будетъ подавлять эгоизмъ и развивать альтруизмъ“. Кто же поручится намъ за это? Кто можетъ удостовѣрить, что въ этой борьбѣ побѣжденнымъ останется эгоизмъ, что возбуждаемый низкими инстинктами и смутными воспоминаніями о своемъ происхожденіи онъ не возвратится въ порывахъ ужасающагося атаканізма, что не произойдетъ взрыва наслѣдственнаго звѣрства, что въ человѣкѣ никогда не проснется животное

*) *Revue de philosophie positive*, janvier 1870.

и, подобно потоку, сорвавшему преграды, не снесетъ работу вѣковъ, плоды человѣческой цивилизаціи, побѣды исторіи, всѣ формы „индивидуальной и коллективной идеализаціи“, всѣ научныя основы новаго соціальнаго строя, заложеныя геніальною рукою, упроченныя опытомъ и временемъ?

Изъ двухъ фізіологическихъ явленій ни одно не можетъ имѣть превосходства надъ другимъ; на какомъ же основаніи можетъ явиться надежда на продолжительное господство одного надъ другимъ? Г. Литтре не могъ не чувствовать неудовлетворительности своей теоріи. Нѣсколько лѣтъ спустя, онъ пытался дополнить ее довольно неожиданнымъ объясненіемъ идеи правды (justice *) и придать ей посредствомъ этого новаго источника характеръ авторитетности, необъяснимый при біологическомъ происхожденіи отъ потребностей. Онъ сразу низводитъ эту идею, управляющую всею нравственностью, къ „простѣйшему психическому явленію“, къ сознанію равенства двухъ крайностей. Онъ говоритъ: „Она есть не иное что, какъ отвлеченіе чисто интеллектуальнаго и крайне простаго явленія, черезъ которое мы интуитивно узнаемъ сходство или различіе двухъ предметовъ. А есть А, или А не есть В, — вотъ крайній предѣлъ, къ которому приводятъ всѣ наши сужденія, какъ будущей точкѣ отправленія. Эта интуиція не разложима, не сократима, не превращаема въ иные элементы; это одна изъ основъ нашей логической системы“. Тутъ можно бы остановить г. Литтре и спросить, что означаетъ на языкѣ церебральной фізіологіи многократно повторяемыя выраженія *интуитивное явленіе* и *интуиція*, довольно плохо вяжущіяся съ данными позитивной науки и очень схожія съ природными и формальными законами мышленія, по „пагубному“ ученію метафизики. Его можно было бы также спросить, по какому праву онъ переноситъ чисто интеллектуальное понятіе въ область дѣйствія и посредствомъ какого непредвидимаго превращенія аксіома противорѣчія становится источникомъ всякой нравственности? Г. Литтре даетъ не совсѣмъ ясный отвѣтъ на это возраженіе. „Такой переходъ, — говоритъ онъ, — очень естествененъ и легокъ. Извѣстно, что, анатомически, интеллектуальныя (познавательныя) способности и способности аффективныя имѣютъ одинъ общій центръ и, въ силу этого, воздѣйствуютъ другъ на друга, какъ бы ни объяснялось это воздѣйствіе, различіемъ ли познавательныхъ клѣточекъ отъ аффективныхъ, или, наоборотъ, тождественностью ихъ строенія, во всякомъ случаѣ дѣятельность ихъ различается лишь сообразно получаемому нервному впечатлѣнію, внутреннему или внѣшнему“. Я весьма сомнѣваюсь въ томъ, что подобное объясненіе удовлетворитъ кого бы то ни было, сомнѣваюсь даже, что оно удовлетворало самого автора.

То, что мы называемъ нравственнымъ равенствомъ двухъ лицъ, не имѣетъ рѣшительно ничего общаго или сходнаго ни съ логическою тождественностью двухъ выраженій, ни съ математическимъ равенствомъ величинъ. Предполагаемая передача одного и того же впечат-

*) La Science au point de vue philosophique, p. 331, 339 et 346. Эти дѣятели теоріи г. Литтре разобраны г. Каро въ книгѣ: „Problèmes de morale sociale“, chap. V.

лѣнія „отъ познавательной кѣточки аффективной“ не выясняетъ намъ, какъ возникаетъ и переходитъ въ сознаніе нравственное начало, состоящее въ уваженіи къ личности и ея неприкосновенности, въ обязательности соблюдать таковое самому, что составляетъ долгъ, и въ требованіи того же отъ другихъ, что составляетъ право. Равенство двухъ трехугольниковъ констатируется позитивною наукою, устанавливается простымъ измѣреніемъ величинъ. Двѣ машины, выпущенныя изъ разныхъ мастерскихъ, производятъ равное количество работы, — это, опять-таки, относится къ вѣдѣнію позитивной науки; опредѣленіе работы дѣлается точно, величины получаются равныя, слѣдовательно, машины равносильны. Это такъ. Но что же изъ этого выходитъ въ примѣненіи къ человѣку? Естественная исторія, въ область которой сводится человѣкъ и все ему свойственное, по своимъ законамъ и условіямъ, не признаетъ такого рода равенствъ. Тутъ понятія о равенствѣ величинъ теряютъ всякій смыслъ, понятіе же о нравственномъ равенствѣ двухъ человѣческихъ существъ, подчиненныхъ одинаковымъ законамъ и огражденныхъ одинаковымъ правомъ, есть понятіе очень сложное и очень позднее по времени происхожденія; оно продуктъ развитія цивилизаціи и далеко не „первобытное и неразложимое психическое явленіе“. Дѣло въ томъ, что если мы ограничимся мрачнымъ свѣтомъ, проливаемымъ на этотъ вопросъ наукою о природѣ, и не заимствуемъ иного свѣта изъ высшей сферы, иныхъ, болѣе чистыхъ знаній, если природа есть единственный нашъ учитель нравственности, то она представляетъ намъ свои законы, стоящіе въ полнѣйшемъ противорѣчьи съ придуманною людьми нравственностью: природенное неравенство расъ, организмовъ и мозговъ, чудовищное неравенство силъ и умственныхъ способностей между лицами одной расы, одного народа, одной семьи, — неравенство вездѣ, со всѣми его послѣдствіями: съ господствомъ права сильнаго во всемъ его ужасѣ на всѣхъ ступеняхъ животной жизни, борьба за существованіе въ нарождающемся человѣчествѣ, какъ и во всемъ живущемъ на землѣ, гибель слабыхъ въ этой битвѣ за жизнь, господство полезности вида надъ личными интересами, бессмысленная трата зародышей и особей, до которыхъ дѣла имѣть міровой силѣ, слѣпой создательницѣ, вызывающей ихъ къ бытію лишь затѣмъ, чтобы обречь на смерть, какъ только обезпечено сохраненіе различныхъ типовъ.

Таковъ единственный нравственный законъ науки о природѣ, которому логически должно бы слѣдовать человѣчество. Само собою разумѣется, что онъ совершенно противоположенъ нравственности, какъ ее понималъ г. Литтре и о какой мечталъ Огюсть Контъ. Но въ томъ-то и вопросъ, не обращался ли г. Литтре, помимо науки о природѣ, еще куда-либо въ поискахъ за основами эстетической культуры и нравственности, картины которыхъ онъ развертываетъ передъ нашими глазами? Мы съ удовольствіемъ воспроизводимъ слѣдующія глубоко прочувствованныя слова г. Литтре: „Не напрасно видимъ мы въ людяхъ, отошедшихъ въ вѣчный мракъ, нашихъ предковъ и отцовъ; въ людяхъ, живущихъ съ нами подъ однимъ солнцемъ, не напрасно мы видимъ братьевъ и товарищей труда; не напрасно видимъ

мы въ людяхъ, нарождающихся или имѣющихъ народиться, нашихъ чадъ и самую дорогую частицу насъ самихъ. Чѣмъ болѣе человекъ удалается отъ эгоизма, тѣмъ лучше и счастливѣе сознаеть онъ себя. Если отечество внушало столько самоотверженія, и такого трогательнаго самоотверженія, то чего же не въ силахъ сдѣлать человѣчество, всемірное отечество *)? Мы восхищены такими прекрасными картинами будущаго, такимъ торжественнымъ заявленіемъ человѣческой солидарности. Но во всемъ этомъ мы видимъ, по примѣру самого г. Литтре, преоданному имъ по поводу жизни г. Конта, изліянія чувствъ, доходящія до своего рода лиризма, выраженія *субъективнаго* расположенія, достойна всякаго уваженія. Мы не можемъ уяснить себѣ тайной для насъ логической связи между этими чувствами и позитивнымъ взглядомъ на міръ, т.-е. непремѣннымъ условіемъ принимать за правило только физическія вліянія и доказанное ихъ соотношеніе. Тутъ мы достигли высшей человѣческой сферы, и оказывается очевидная противоположность между работою человека и работою природы, что бы ни говорила объ этомъ позитивистская школа. Физическая природа даетъ только уроки эгоизма. Она не знаетъ личнаго права, или презираеть его; она не знаетъ ни добродушія, ни милосердія; она уважаетъ и заставляетъ уважать одинъ законъ — право сильнаго. Человѣчество, руководимое чудными инстинктами, ведетъ свою работу въ обратномъ направленіи; оно не лишаетъ права на жизнь слабыхъ и немощныхъ; напротивъ, оно ихъ уважаетъ, призираетъ и любитъ; къ праву и правосудію оно присоединило милость и милосердіе; оно не подражаетъ природѣ, а реформируетъ ее. Г. Литтре сдѣлалъ какъ разъ то же самое; онъ беретъ во всей ея суровости позитивную науку, даетъ клятву повиноваться ей до конца, а въ концѣ его трудовъ оказывается, что онъ всецѣло измѣнилъ, передѣлалъ неблагодарныя и безчеловѣчныя данныя этой науки. Произошло же это потому, что, самъ того не подозрѣвая и вопреки логикѣ, онъ вложилъ въ дѣло свою душу. Только ею, единственно своею душою онъ создалъ такую нравственность, настолько же чуждую безстрастной природѣ, насколько сама природа чужда нашимъ страстямъ и нашимъ скорбямъ.

Не подлежитъ сомнѣнію неудача, которую потерпѣлъ г. Литтре въ своей попыткѣ создать научную психологію и нравственность. Что же касается проблемъ, выходящихъ изъ сферы знанія, то онъ ихъ просто отстраняеть и ограничивается насмѣшками надъ спиритуалистами и ихъ тщетными усиліями разрѣшить эти проблемы. „Насъ упрекають, — говоритъ онъ, — въ томъ, что мы оставляемъ большіе пробѣлы, которые будутъ вѣчнымъ препятствіемъ къ преобладанію позитивной доктрины въ управленіи нравственною жизнью обществъ. Говорять, что мы нисколько не удовлетворяемъ потребностямъ человѣческой души, влекущимъ ее возвыситься за предѣлы видимаго міра, заниматься непостижимыми тайнами и повиноваться инстинкту, внушающему намъ вѣрованія въ продолженіе жизни за гробомъ. На это намъ легко отвѣчать не потому, что мы хотя сколько-нибудь удовле-

*) Conservation, Révolution, Positivisme, 2 édition, p. 395.

творили подобныя желанія, но потому, что, любопытствуя не менѣе нашихъ противниковъ проникнуть въ загробныя и внѣмировыя тайны, мы никогда не имѣли возможности удовлетворить собственную любознательность. Несомнѣнно, очень прискорбно быть какъ бы запертымъ въ кругу относительнаго; но выйти изъ него намъ не удастся; мы покорно повторяемъ слова поэта:

Sors tua mortalis, non est mortale quod optas

и ждемъ болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыя теперь въ ходу“.

Я не стану ловить на словѣ г. Литтре, не стану излагать болѣе убѣдительныхъ доказательствъ, чѣмъ тѣ, которыя его не удовлетворили. Въ настоящее время я веду рѣчь совсѣмъ объ иномъ предметѣ. Но, быть можетъ, мы въ правѣ были бы просить нашего строгаго критика быть разборчивѣе въ возраженіяхъ по вопросамъ этого рода. Обратите вниманіе на нерѣшительность, явно сказавшуюся въ его разборѣ идеи конечнаго, основной идеи метафизики, неразрывно связанной съ гипотезою о планѣ и предначертаніи въ природѣ. Перечитавши *Préface d'un disciple* *), легко убѣдиться въ нерѣшительности этого систематическаго и правдолюбиваго ума, боющагося сдѣлать опасную для школы уступку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не считающаго возможнымъ несправедливо отвернуться отъ очевидности, представляющейся ему въ иныхъ неотразимыхъ случаяхъ. Возраженіе, состоящее въ томъ, что очевидность эта во многихъ случаяхъ утрачиваетъ свою ясность и затемняется, ничего не доказываетъ. Тамъ, гдѣ гипотеза проверена (какъ г. Литтре признаетъ относительно устройства глаза и въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ), есть ли возможность отказываться признать существованіе какой-либо причины, у которой былъ извѣстный планъ и предположенная цѣль, ею достигнутая? По добросовѣстности своей, г. Литтре не можетъ не признать факта, но уклоняется отъ такого его объясненія и прибѣгаетъ къ иному, которое ничего не уясняетъ: „Нѣтъ основанія спрашивать, почему живая субстанція слѣгается въ такія формы, въ которыхъ аппараты, съ болѣею или меньшею точностью, приспособлены къ извѣстной цѣли, къ извѣстной функціи. Такая приспособляемость есть одна изъ имманентныхъ, изъ себя самой развивающихся способностей живаго вещества, каковы способности питаться, сокращаться, чувствовать, мыслить“. Сколько возраженій вызываетъ дающій подобное объясненіе! „Удивительно,— очень вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ осмѣиваемыхъ спиритуалистовъ **),—удивительно, что г. Литтре, человѣкъ настолько сильный въ научномъ методѣ, думаетъ такъ легко отдѣлаться словами. Кто же не узнаетъ въ этомъ одного изъ приемовъ, какими пробавлялась схоластика и которое современная наука стремится изгнать отовсюду?“ И это настолько вѣрно, что другой писатель - позитивистъ, г. Робень, по этому очень важному пункту отдѣляется отъ г. Литтре. Не существуетъ того, что называется организованною матеріей, которая будто бы одарена, не-

*) Principes de philosophie positive.

***) Les Causes finales, par M. Paul Janet, 2 éd., p. 631.

известно почему и какъ, способностью стремиться къ достиженію известной цѣли; или, если таковая существуетъ, то какъ вы можете знать ее, когда вы знаете лишь явленія и законы? Говорить о приспособляющейся способности (*vertu accommodatrice*) материн то же, что воскрешать усыпляющія способности и т. п., навсегда убитое Мольеромъ. Въ другомъ своемъ сочиненіи г. Литтре горячо возстаетъ противъ самоизлечивающей способности Гиппократова ученія. Почему же нелѣпо признавать за организованной матеріей способность самоизлечиваться и не нелѣпо признавать за нею способность самоприспособляться къ известной цѣли? *).

Сколько разъ можно бы было поймать г. Литтре не на противорѣчій, собственно, съ самимъ собою, а на полномъ разладѣ между заполонившею его системою и увлекающимъ его свѣтомъ разума! Онъ говоритъ гдѣ-то, что ничто не трогаетъ его такъ сильно, какъ созерцаніе безграничной вселенной, видимой глазами, инструментами, посредствомъ вычисленій, и слабого, но мыслящаго человѣчества, брошеннаго въ непостижимыя пространства. „Когда человѣкъ пустился въ неустанные поиски за сущностью вещей, ему обѣщано было таинственнымъ инстинктомъ, что дѣйствительность, истина не отнимуть чудеснаго у его воображенія, ни теплоты у его сердца. Обѣщаніе было исполнено: вселенная раскрылась въ величїи, составляющемъ высшую красоту“. Я знаю, что не должно слишкомъ придираться къ метафорамъ. Но что же такое, наконецъ, этотъ таинственный инстинктъ, о которомъ говорится столь торжественно? Не есть ли это, опять-таки, одна изъ запретныхъ конечныхъ причинъ? Нѣтъ ли тутъ опять чего-либо, превосходящаго узкій кругъ феноменовъ? Не есть ли это отголосокъ вѣчнаго, таинственнаго голоса, какъ бы говорящаго человѣка: „Поднимайся все выше, все выше!“ Наконецъ, когда г. Литтре, съ какимъ-то религиознымъ энтузіазмомъ, показываетъ намъ человѣчество, идущее впередъ изъ вѣка въ вѣкъ, существованіе идеальное и, въ то же время, реальное, долго остававшееся неизвѣстнымъ, затѣмъ освобождающееся отъ скрываващаго его мрака, всюду оплодотворяющее землю, ревниво охраняющее умственные и нравственные богатства поколѣній и совершенствующее насъ изъ рода въ родъ своими материнскими поученіями и благотворнымъ вліяніемъ; когда онъ начертываетъ намъ картину „реальнаго идеала, который должно знать (наука и образованіе), любить (религія), украшать (искусства), обогащать (промышленность) и который такимъ образомъ захватываетъ подъ свою верховную власть все наше существованіе, индивидуальное, семейное и соціальное“ **), — тогда намъ хотѣлось бы остановить г. Литтре и спросить его, какимъ образомъ, будучи заменуть въ кругъ явленій, видимыхъ и научно констатируемыхъ, при помощи какихъ строго-позитивныхъ данныхъ можетъ онъ создавать мечты блаженства среди нищеты и борьбы настоящаго времени, какъ можетъ онъ двигать волшебные дворцы, въ которыхъ живетъ преобразившееся че-

*) Les Causes finales, par M. Paul Janet, 2 éd., p. 631.

***) Conservation, Révolution, Positivism, 2 éd., p. 409.

ловѣчество, — эти *templa serena*, творенія поэта и мечтателя? Г. Литтре отвѣтилъ бы мнѣ, что способность идеализировать есть одно изъ благороднѣйшихъ качествъ человѣческаго ума. Идеаль — его мечта и культъ въ одно время; человѣческій умъ стремится къ нему и обожать его, очеловѣчиваетъ его и самъ подъ его влiянiемъ идеализуется*). Допустимъ, что это такъ. Но что же такое сама способность идеализировать, какъ не способность видѣть большее и лучшее, чѣмъ дѣйствительное, реальное, убѣгать отъ холоднаго величiя космическихъ пространствъ, влагая въ нихъ свою мысль, или отъ зрѣлища человѣческихъ обществъ, замѣняя своимъ собственнымъ творенiемъ созданное безчувственною природою и безнравственною исторiею, т. е. двумя формами грубаго царства фактовъ? Эта способность, могущая все идеализировать, есть ли она сама созданiе только чистаго механизма? А вѣчная работа человѣка, старающагося осуществить свою мечту на землѣ при помощи знанiй, искусствъ, милосердiя, пересоздать миръ по своей идеѣ, не есть ли она самый сильный протестъ противъ всякой философи, объясняющей человѣка слѣпыми законами матерiи и случая и дѣлающей, такимъ образомъ, изъ мысли и разума самыя непонятныя явленiя во вселенной, пронизанной мыслью и понятой разумомъ?

Мы высказали наши разногласiя съ г. Литтре по очень важнымъ вопросамъ. Мы думаемъ, что ему не удалась попытка создать новую философию и что онъ началъ воздвигать ее на основанiи, слишкомъ узкомъ для нашихъ идей. Но другiе возьмутся за то же дѣло. Ихъ много, между ними есть ученые, есть сильные; это уже важный задатокъ въ жизненной борьбѣ. Кромѣ того, поприще для будущей борьбы расчищено отъ всего того, что могло мѣшать борьбѣ; положенiя ясно опредѣлены; новые бойцы бросили весь бесполезный багажъ. Старый позитивизмъ реформированъ; онъ умеръ въ доктринальной формѣ, наложенной на него г. Контомъ и отчасти принятой г. Литтре; онъ умеръ какъ разъ въ ту минуту, когда вступалъ въ политику, когда получалъ освященiе отъ новыхъ властей и отъ партiй, которымъ, по видимому, принадлежитъ будущее. Но, освобожденный отъ старой доктрины, онъ болѣе живучъ, чѣмъ когда-либо; своими отрицанiями онъ начинаетъ превращаться въ официальную философию Францiи. Это даетъ намъ поводъ предвидѣть очень серьезныя столкновенiя. Несмотря на предсказанiя социологии, ни душевный миръ, ни миръ между нацiями далеко не обезпеченъ. Все, чего мы требуемъ, это, чтобы едва начатая и обѣщающая быть очень жаркою борьба не переносилась на улицу, чтобы ареною ея было сознание, судьей разумъ, единственнымъ оружиемъ слово и чтобы ни одна изъ партiй, принимающихъ участiе въ этой борьбѣ идей, не прибѣгала къ силѣ, которую случай можетъ дать въ ея распоряженiе. Истина должна сама совершить свое дѣло. Таково было желанiе г. Литтре, таково и наше желанiе.

*) Ibid., p. 395.

Глава третья.

I.

Мы уже признали, что, если прежній позитивизм умеръ, какъ система, то онъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, какъ тенденція. Онъ завѣщаль новымъ поколѣніямъ вопросъ, въ которомъ выразились всѣ усилія этой много потрудившейся школы и на который мы уже имѣли случай указать: въ состояніи ли позитивная наука быть единственнымъ свѣточемъ человѣчества, распорядителемъ его идей и нравственности? Сможетъ ли она дать человѣку все то, чего онъ въ правѣ ожидать для потребностей воображенія и сердца, которыхъ, очевидно, не имѣется въ виду уничтожить, и для удовлетворенія запросовъ мысли, стремленія къ правдѣ,—можетъ ли позитивная наука дать все это съ такою же легкостью, съ какою ей удастся постепенно покорять силы природы, расширять власть человѣка надъ матеріей, улучшать существованіе человѣка и почти до безграничности удовлетворять потребностямъ его благосостоянія? Найдется ли въ ней отвѣтъ на всѣ представленія о счастьи, какія могутъ слагаться человѣкомъ, на всѣ условія его бытія? Въ состояніи ли *научная вѣра (la foi scientifique)*, противупоставляемая г-мъ Литтре, подъ этимъ выразительнымъ наименованіемъ, вѣрованіямъ философскимъ и религіознымъ и разумѣемая въ очень тѣсномъ смыслѣ,—въ состояніи ли она всецѣло замѣнить ихъ собою послѣ того, какъ она ихъ разрушить?

Мы не станемъ воспроизводить, во имя спекулятивной мысли, предметы интуиціи или вѣрованія, отодвинутые позитивною критикою въ область недоступныхъ возможностей или же чистыхъ химеръ. Намъ пришлось бы развивать цѣлую систему противъ другой системы. Въ настоящее время мы имѣемъ въ виду рассмотреть вопросъ только съ одной точки зрѣнія: чѣмъ станетъ человѣческая жизнь подъ исключительнымъ господствомъ научной вѣры? По заключенію одного англійскаго писателя, много занимавшагося этимъ вопросомъ, до сихъ поръ не представлялось сомнѣнія въ томъ, что „двумя основами нравственной жизни у западныхъ народовъ были: существованіе олицетворяемаго бога, производящаго жизнь, и безсмертія души, ее увѣковѣчивающаго“. Къ этому слѣдуетъ добавить вѣру въ абсолютность обязанностей, въ законъ, независимый отъ человѣческихъ договорныхъ соглашеній, отъ расъ и климатовъ. Такова сущность доктрины, подразумѣваемая идеями и правами нашей цивилизаціи и какъ бы запечатлѣнная въ инстинктахъ смѣняющихся поколѣній. Несмотря на разногласіе въ частностяхъ, на этихъ пунктахъ сходятся Платонъ и св. Августинъ, Лейбницъ и Боссюэтъ, Кантъ и христіанство. Этого ряда вѣрованій не удалось вырвать изъ сознанія человѣчества никакимъ философіямъ, ни Гоббе, ни Спинозѣ или Вольтеру. Но чего не могли достигнуть диалектика и иронія относительно большинства людей, оставшихся вѣрными этимъ доктринамъ, ни относительно цивилизаціи, вѣрной себѣ самой и своему общему направленію, то стремится со-

вершить новѣйшая критика во имя позитивной науки. Увѣряютъ, будто она, — по знаменитому выраженію XVIII вѣка, — скоро „очиститъ человѣческій умъ отъ всякихъ матеріаловъ для суевѣрія“. Тутъ-то и возникаетъ вопросъ: что же произойдетъ въ мірѣ, когда эти „основы“ будутъ уничтожены? Если надъ умами восторжествуетъ позитивная концепція міра, тогда человѣку необходимо будетъ приучиться думать и чувствовать иначе, чѣмъ онъ думалъ и чувствовалъ до сего времени; необходимо будетъ передѣлать человѣка въ соотвѣтствіи съ новыми формами идей и жизни, создать для его духа новый климатъ и заставить въ немъ жить волею или неволею.

Мнѣ бы хотѣлось разобрать сущность этого новаго нравственнаго климата, его элементы и вліяніе. Посмотримъ смѣло на проблему, занимающую наиболѣе выдающіеся умы нашего времени. Одни, повидимому, поражены какимъ-то ужасомъ при мысленномъ измѣреніи пустоты, которую оставляютъ въ человѣческомъ сознаніи имѣющія исчезнуть вѣрованія. Другіе, при видѣ преобразованнаго человѣчества, до самозабвенія увлекаются безграничными надеждами и восторгами; для нихъ уже не существуетъ препятствій на триумфальномъ пути, открывающемся для человѣчества, провозглашающаго само себя богомъ, послѣднимъ богомъ, то-есть высшимъ существомъ, какое только доступно его сознанію. Иные, наконецъ, относясь теоретически благопріятно къ новымъ доктринамъ, не могутъ оставаться спокойными въ ожиданіи великихъ переворотовъ, которые они предвидятъ: будущность человѣчества представляется имъ въ мрачныхъ краскахъ. Всѣ чувствуютъ роковое и драматическое значеніе вопроса.

Этому порядку идей обязана своимъ происхожденіемъ книга, произведшая недавно сильное впечатлѣніе въ Англіи; ея заглавіе такъ же знаменательно, какъ и самый успѣхъ: *Is life worth living?* Стоитъ ли жить? или текстуально: *Жизнь стоитъ ли того, чтобы жить?* *). Стоитъ ли жить, когда признаны химерическими и отброшены, какъ таковые, всѣ идеалы, стоящіе выше факта и физическаго закона? Изъ-за чего тогда хлопотать и биться? Такова основная мысль, выраженная этимъ оригинальнымъ, тревожащимъ заглавіемъ. Строгая критика найдетъ важные недостатки въ указываемой книгѣ: въ ней соединено слишкомъ много вопросовъ, которые было бы лучше разбить врозь; въ ней есть излишніа длинноты и пробѣлы, нѣкоторая растрепанность, не всегда являющаяся результатомъ художественности, шутки сомнительнаго достоинства, тяжеловатый юморъ. Но за то нельзя отрицать въ ней убѣдительность діалектики, упорной и тонкой, глубокое изученіе предмета, обстоятельное значеніе вопроса и его основныхъ условій, честность мышленія и чувства, внушающія довѣріе читателю. Какова ни есть эта книга, несмотря на слишкомъ очевидные ея недостатки, ея значеніе въ томъ, что она явилась какъ нельзя болѣе во время и поставила вопросъ прямо. Хорошо было бы, если бы каждый мыслящій человѣкъ нашего времени занимался всесторон-

*) Во Франціи эта книга появилась одновременно въ двухъ переводахъ. Переводъ г. Сальмона авторизованъ авторомъ.

нимъ обсужденіемъ этого вопроса спокойно, безъ иллюзій, въ духѣ полнѣйшей искренности. Здѣсь не мѣсто для разбора книги Вильяма Маллока, и мы не имѣемъ въ виду слѣдить ни за ея планомъ, ни за ея методомъ, ни за общеою аргументаціею, а предоставляемъ лишь себѣ при случаѣ дѣлать ссылки на ея автора, какъ на свидѣтеля, заслуживающаго быть выслушаннымъ всякій разъ, когда въ предпринятомъ нами изслѣдованіи его идеи будутъ сходиться съ нашими. Есть, между прочимъ, одинъ основной пунктъ, вполне выясненный авторомъ и который мы считаемъ нужнымъ выдѣлать тотчасъ же, — это долго исчезающая сила импульса, посредствомъ которой религиозныя идеи оказываютъ на умы очень продолжительное вліяніе даже тогда, когда сами онѣ, повидимому, исчезли. Въ занимающемъ насъ вопросѣ соображеніе это имѣетъ капитальную важность. Вопросъ состоитъ въ томъ, что станетъ съ человѣческой жизнью, когда ее не частично и не въ нѣкоторыхъ только проявленіяхъ, а всецѣло подведутъ подъ данныя позитивной науки? Чтобы серьезно, научно отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо одно предварительное условіе, а именно: при разборѣ будущей цивилизациі должны быть съ величайшею тщательностью устранены всѣ элементы, которые могли быть въ нее введены спиритуалистическими и религиозными вліяніями, отнынѣ отмечаемыми.

Не подлежитъ сомнѣнію, что мы долго живемъ прошлою жизнью, хотя теоретически это прошлое уже не существуетъ для насъ; это въ особенности такъ въ порядкѣ практическихъ идей и нравственныхъ чувствъ. Въ насъ сложился и живетъ извѣстный рядъ привычекъ и инстинктовъ, составляющихъ часто достояніе одного семейства или рода, расы; они-то и связываютъ насъ потому въ будущемъ, дѣлаютъ бессознательными невольниками прошлаго и вовлекаютъ насъ въ почти неразрываемую ассоціацію впечатлѣній или идей.

Возьмемъ примѣръ, который послужитъ намъ мѣриломъ значенія этихъ скрытыхъ вліяній. Нѣкоторыми философскими и религиозными школами ставится такой вопросъ: „можетъ ли атеистъ быть честнымъ человѣкомъ?“ Въ данномъ случаѣ честность, очевидно, разумѣется въ смыслѣ обыкновенной нравственности; иначе не было бы поводовъ задаваться такимъ вопросомъ. Въ такомъ разѣ не можетъ подлежать сомнѣнію утвердительный отвѣтъ, и мы имѣемъ передъ глазами примѣры атеистовъ — людей вполне честныхъ по правиламъ общепринятой морали. Мы каждый день встрѣчаемъ такихъ, которые возвышаются до милосердія, до добродѣтели, жизнь которыхъ можетъ быть почти таема образцомъ, типомъ, достойнымъ подражанія. Но такими индивидуальными явленіями вопросъ не разрѣшается логически ни для всего человѣчества, ни для его будущности. Тутъ было бы необходимо предварительно разобрать, въ какой мѣрѣ сказались въ подобной жизни вліянія настоящаго или вѣковаго прошлаго, среды идей, ее окружающихъ, проникнутыхъ вѣяніями христіанства или спиритуализма, вліянія коллективныхъ привычекъ расы, націи или семьи, личныхъ, наконецъ, привычекъ, прибрѣтенныхъ самимъ человѣкомъ внѣ его новыхъ убѣжденій. Все это очень трудно, очень тонко, очень сложно. Вопросъ объ атеистѣ честномъ человѣкѣ не есть, слѣдовательно, во-

прось фактической. Какъ таковой, онъ разрѣшается слишкомъ легко и просто. Чтобы сдѣлать его интереснымъ, его надо превратить въ задачу логики; слѣдуетъ поставить его въ такой формѣ: въ состояніи ли будетъ нравственность будущаго, извлеченная изъ позитивнаго опыта, произвести теоретически то, что теперешняя цивилизація разумѣетъ подъ наименованіемъ честнаго человѣка? Только въ такомъ видѣ обсужденіе вопроса представляетъ дѣйствительный интересъ. Чтобы разрѣшить вопросъ, необходимо было бы начать съ устраненія всѣхъ элементовъ предшествовавшей цивилизаціи, издавна вкоренившихся въ сознаниі, которое предполагается подвергнуть разбору. Но и тогда останется недознаннымъ, не сохранится ли въ глубинѣ этого сознания первобытныхъ инстинктовъ и влеченій, неподдающихся позитивной нравственности, невѣдомыхъ силъ, исходящихъ изъ источника, не вполне извѣстнаго церебральной психологій, вліяній импульса, которыя, при кажущемся торжествѣ новой нравственности, будутъ превосходить ее во всѣхъ отношеніяхъ, господствовать надъ нею, возвышать человѣка надъ его доктриной и которыя, вопреки этой доктринѣ, создадутъ человѣку высшую нравственность, необъяснимую его идеями.

Изъ этихъ разнообразныхъ элементовъ вопроса самое выдающееся мѣсто принадлежитъ таинственному вліянію христіанства, переживающему въ иныхъ душахъ свое, такъ сказать, официальное пораженіе. Никто лучше г. Репана не описалъ подобнаго состоянія, столь часто встрѣчающагося у нашихъ современниковъ, у которыхъ извѣстный минимумъ религіозныхъ идей, удѣлѣвшій подъ сухимъ раціонализмомъ или подъ строгимъ эмпиризмомъ, все-таки, поддерживаетъ нравственную жизнь и руководитъ ею. Г. Репанъ очертилъ намъ высоко нравственнаго человѣка, который по окончаніи богословскаго образованія разорвалъ всякую связь съ старыми традиціями и вступилъ на путь нѣмецкой философіи и критики *). „Эта пережѣна,— говоритъ онъ,— ни въ чемъ не измѣнила его нравственныя правила... Вся жизнь была проникнута (рагфшѣе) воспоминаніями этихъ плодотворныхъ вѣрованій, бѣвою которыхъ можно было пожертвовать, не отрѣшавшись отъ ихъ духа“. Чисто личный характеръ носитъ воспоминаніе о чудесномъ времени психологическаго развитія, когда еще живы нравственные соки старой религіи, но человѣкъ уже свободенъ отъ ея научныхъ цѣлей... Вопреки собственной волѣ, остатками нашей добродѣтели мы часто обязаны этимъ отринутымъ формуламъ. Мы живемъ тѣнью, ароматомъ, сохранившимся въ опорожненномъ сосудѣ; послѣ насъ будутъ жить тѣнью этой тѣни. „Я иногда опасаясь, не оказалось бы это немного призрачно-легкимъ“, — прибавилъ академической ораторъ при весьма знаменательныхъ апплодисментахъ аудиторіи.

Этотъ - то тонкій и почти неуловимый элементъ и слѣдовало бы устранить какою-нибудь химическою операціею, *сублимировать*, какъ говорили алхимики, чтобы имѣть возможность съ точностью опредѣлить, сколько останется на днѣ тигля нелетучаго вещества, дѣйстви-

*) Засѣданіе французской академіи 25 мая 1882 г.

тельно пригоднаго для адептовъ позитивнама. Но какъ трудно добыть такое вещество чистымъ и безъ примѣсей! Столь деликатная операція требуетъ много такта, тонкости и искренности; она представляетъ собою опытъ нравственной химіи. На самомъ дѣлѣ въ умственной атмосферѣ, которою мы живемъ, заключается множество разнородныхъ элементовъ; она насыщена всѣмъ пережитымъ цивилизованнымъ міромъ и условіями его существованія. Мы дышемъ ею, сами не отдавая себѣ въ томъ отчета; такъ же, какъ мы, дышать ею и позитивисты. Въ сужденіяхъ и въ ихъ чувствахъ не трудно отличить большое число такихъ идей, происхожденіе которыхъ должно бы представляться имъ подозрительнымъ, но которыя составляютъ природную и привычную часть воздуха, необходимаго для ихъ дыханія; этимъ воздухомъ жизнь ихъ поддерживается долго спустя послѣ того, какъ они возмечтали, будто создали для себя новыя условія существованія.

Въ этомъ заключается обыкновенная ошибка позитивистовъ. Они увѣряютъ, — говорить г. Маллокъ, — что *обезрелижили (déreligionisée)* человѣческую жизнь, прежде чѣмъ начали заниматься ею. Это очень странная ошибка. Они воображаютъ, стало быть, будто религія существуетъ лишь въ своей чистой формѣ, что она есть всегда чувство, отличное отъ благочестія или согласованія съ вѣрованіемъ, само себя познающимъ. Они хотятъ увѣрить себя, будто достаточно освободиться отъ формы, и тѣмъ все будетъ покончено. Но это едва - едва можетъ быть признано лишь началомъ дѣла. Религіозная идея весьма рѣдко встрѣчается въ чистомъ состояніи; обыкновенно въ жизни она комбинируется съ дѣяніями и чувствами; она даетъ имъ совершенно новыя особенности, окраску и сущность. Она вездѣ и во всемъ скрыта, даже тамъ, гдѣ всего менѣе, казалось бы, ее должно искать, — въ умѣ и даже въ характерѣ, въ нашихъ сущихъ и будущихъ стремленіяхъ. Въ еще болѣшей мѣрѣ найдемъ мы ее въ героизмѣ, въ чистотѣ, въ любви къ ближнему, въ любви къ правдѣ и во всемъ томъ, что цѣнится позитивистами не менѣе, чѣмъ самыми восторженными стиритуалистами. Они, кажется, думаютъ, что имъ достаточно устранить Бога, чтобы захватить его наслѣдство. Поразивши вѣрованія, они тотчасъ же обращаются къ жизни, указываютъ ея совровища и призываютъ насъ насладиться ими. Но они весьма и весьма обсчитались.

Въ настоящее время все измѣнилось. Религія есть одна изъ красокъ жизни, входящая въ составъ всѣхъ другихъ красокъ, сохранившихся на палитрѣ; она-то и придаетъ имъ видъ глубины и блескъ. Если бы удалось какимъ-либо способомъ ее удалить, все поблекнетъ и обезцвѣтится *).

Можно отнять у человечества его теперешніе догматы, но нельзя уничтожить дѣйствія, произведеннаго этими догматами въ теченіе вѣковъ. Скрытые подъ разнообразными формами, они охватили всю нравственную жизнь, проникли ее собою и теперь они проявляются, болѣе или менѣе скрытно, во всѣхъ нашихъ идеяхъ и надеждахъ, во всѣхъ занимающихъ насъ интересахъ и даже въ нашихъ удовольствіяхъ. А

*) W. Mallock, édition Didot, p. 91—95.

потому для современнаго человѣка нѣтъ ничего болѣе труднаго, какъ сдѣлаться позитивистомъ въ дѣйствительности и со всѣми послѣдствіями, обусловливаемыми этимъ словомъ, рѣзко оторваться отъ восемнадцати вѣковъ христіанства и болѣе чѣмъ двадцати двухъ вѣковъ метафизики, тяготящихся надъ нимъ. Поучительно было бы вычислить, сколько спиритуализма осталось, послѣ этого долгаго прошлаго, видѣннымъ въ понятія и въ чувства человѣчества, какое количество нравственныхъ идей сохранилось въ сознаніи поколѣній, подобно тому, какъ солнечная теплота сохраняется въ каменномъ углѣ или въ алмазѣ. Это историческое сознаніе человѣчества осталось религіознымъ. Намъ упрекнуть, быть можетъ, за употребленіе этого слова въ слишкомъ общемъ смыслѣ для обозначенія всѣхъ идеалистическихъ элементовъ, вліяніемъ вѣковъ вошедшихъ въ душу народовъ Запада. Такія понятія имѣютъ различные источники; я это знаю. Иныя обязаны своимъ происхожденіемъ философіямъ; они суть порожденія свободной работы мысли. Но этого рода философскія идеи, этотъ свѣтскій спиритуализмъ, если можно такъ выразиться, вліяли прямо лишь на очень небольшое число избранныхъ умовъ. Вся масса протекшихъ поколѣній оставалась имъ чуждое. Если эти идеи доходили до массъ, то не иначе, какъ посредствомъ религіознаго вліянія и при условіи смѣшенія съ нимъ. Вотъ почему всякій разъ, когда намъ приходится обращаться къ разсмотрѣнію великаго историческаго явленія, мы резюмируемъ подъ наиболѣе яснымъ, наиболѣе понятнымъ и общеупотребительнымъ выраженіемъ всѣ однородные элементы, послѣдовательно вошедшіе въ составъ сложной сущности сознанія. Какъ бы ни было высоко происхожденіе таковыхъ элементовъ и какъ бы ни были велики умы ихъ представителей, метафизика всегда будетъ играть второстепенную роль въ исторіи человѣчества, по сравненію съ тою, какую сѣиграли на мировой сценѣ религіи.

И это понято нѣкоторыми изъ вожаковъ новыхъ школъ. Почему-то они и нападаютъ прямо на религіозный элементъ, ни мало не сомнѣваясь, что въ своемъ паденіи онъ увлечетъ за собою всякій спиритуализмъ, со включеніемъ идеализма, представляющаго собою его послѣднюю форму. Во время недавняго спора одинъ изъ самыхъ горячихъ полемистовъ нашего времени, г. Генри Маре, безжалостно осмѣиваетъ то, что другіе убѣжденные, но менѣе смѣлые разрушители религіи желали бы сохранить подъ именемъ *свѣтскихъ вѣрованій* (*своу-ансѣс лаікуес*) и поставить на мѣстѣ и на самыхъ обломкахъ догматовъ. „Свѣтскія вѣрованія, — говоритъ онъ, — мнѣ нравится это выраженіе. Не прочь бы я былъ узнать, въ чемъ они состоятъ. Вѣрованіе религіозное понятно. Вы признаете высшее существо, откровеніе; вы преклоняетесь и повинуетесь. Все идетъ прекрасно. Видъ этого я не могу себѣ представить ничего иного, кромѣ индивидуальнаго разума. Разумомъ я постигаю извѣстныя научныя истины, каковы: *дважды два четыре*, или: *прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками*. Но я не думаю, чтобы то были свѣтскія вѣрованія, о которыхъ намъ говорятъ и на которыхъ можетъ быть основана нравственность. Не существуетъ ни одного такого вѣрованія, которое не могло

бы быть отрицаемо разумомъ. Очевидно, не замѣчаютъ, что знаменитыя свѣтскія вѣрованія суть просто слѣды разрушеннаго христіанства“. Онъ обращается къ поддерживающимъ эти вѣрованія и обвиняетъ ихъ въ непослѣдовательности: „Всѣ законы, — говоритъ онъ, — изъ которыхъ вы строите нравственность, должны бы быть почитаемы вами за предразсудки, ибо всѣ они исходятъ изъ предразсудковъ. Вы подкопали фундаментъ, а замокъ стоитъ на воздухѣ, держится силою привычекъ“.

Представляется въ достаточной мѣрѣ доказаннымъ, что современный міръ, несмотря на усилія новыхъ ученій, все еще живетъ капиталомъ (изрядно умалившимся и ежедневно умалиющимся) нравственныхъ идей, накопленныхъ многими вѣками. Но что же будетъ, когда капиталъ будетъ весь израсходованъ и растроченъ? Если вѣрить предсказаніямъ позитивизма, день этотъ наступитъ скоро, и тогда придется довольствоваться тѣмъ, что строго заключаютъ въ себѣ данныя позитивнаго опыта. Тогда „совершится въ мірѣ измѣненіе, смыслъ и значеніе коего пока неизвѣстны намъ, но попытаться угадать которые мы, все-таки, можемъ; это—превращеніе кончающей эры въ другую эру, начинающуюся“.

Попробуемъ свести къ болѣе простымъ выраженіямъ основныя данныя того, что г. Литтре называетъ научною вѣрою, откинувши всякія метафизическія или религіозныя затемнѣнія. Всѣ основныя идеи каждой науки должны будутъ сдѣлаться предметомъ позитивнаго знанія, неопровержимаго и провѣреннаго опыта; явленія психическія будутъ изучаемы лишь въ ихъ внѣшнихъ проявленіяхъ и въ ихъ органическихъ условіяхъ; по существу исчезнетъ всякое различіе между психическими явленіями и явленіями физическими, такъ какъ всякое различіе этого рода предполагаетъ разницу субстанціи тамъ, гдѣ можетъ быть познана лишь разница манифестаціи (проявленія). Единство природы предполагается; я не говорю признана въ утвердительномъ смыслѣ,—это было бы противно программѣ самаго строгаго воздержанія по отношенію къ началамъ и первымъ причинамъ. Но результаты получаются тѣ же: исканіе основъ психологіи въ біологіи, основъ нравственности въ естественной исторіи видовъ, такъ какъ человѣческая жизнь ни по своимъ условіямъ, ни по основнымъ законамъ не отличается отъ общемировой жизни, которой она является лишь представительницею на высшей интеллектуальной ступени, дозволяющей человѣку лучше сознавать ея условія и законы. Нигдѣ нѣтъ рѣзкаго перерыва въ порядкѣ явленій, сводимыхъ безразлично къ непрерывнымъ превращеніямъ силы и матеріи, проявляющимся то въ видѣ особей, въ формѣ міровъ или планетъ, тѣлъ или влѣточекъ, то въ видѣ явленій, въ формѣ движенія или ощущенія, истинета или мысли, до сихъ поръ неотожествляемыхъ, но все болѣе и болѣе тѣснымъ анализомъ и имѣющихъ рано или поздно проявить свою идентичность изъ-подъ чисто кажущагося разнообразія обстоятельствъ и условій, встрѣчаемыхъ ими въ безконечныхъ сочетаніяхъ вещей. Ничего не допускать, ничему не вѣрить иначе, какъ по провѣрѣ позитивнымъ опытомъ,—въ этомъ вся доктрина и весь методъ. На этомъ основаніи берутся пересоздать всю

нравственную жизнь, рисковавшую погибнуть под обломками старых доктринъ. Исполнено ли это? Если не исполнено до настоящаго дня, то можно ли предполагать, что будетъ исполнено, что совершится обещанное новаторами и что, въ концѣ-концовъ, человѣчеству, въ замѣну принятія-имъ новыхъ истинъ, будутъ возвращены подъ иною формою интеллектуальныя и нравственныя сокровища, лишиться которыхъ ему грозила опасность, или что ему будетъ данъ, по меньшей мѣрѣ, позитивный эквивалентъ тѣхъ идей, которыя одиѣ, какъ намъ казалось, способны придать жизни ея значеніе и цѣну?

II.

Такъ поставленный вопросъ, повидимому, не затрудняетъ позитивистовъ. Имъ говорятъ: „Вы отнимаете у человѣческой жизни все то, что, по мнѣнію мудрецовъ, могло спасти ее отъ полной безцѣльности. Докажите же теперь, что остающееся достаточно для приданія ей цѣли“. Они принимаютъ такой вызовъ и берутся доказать, что ими уничтожены только химеры, которыя не могли быть достаточною опорой для счастья или нравственности, и что, измѣняя условія и видъ жизни, они тѣмъ не умаляли ни ея серьезности, ни значенія.

Г. Литтре не разъ высказывалъ благородную заботливость о томъ, чтобы въ его рукахъ не уменьилось это нравственное сокровище человечества. Съ 1851 года онъ занялъ положеніемъ теоріи позитивнаго счастья. О ней стоитъ поговорить, такъ какъ въ ней въ зачаточномъ состояніи заключены всѣ отвѣты послѣдующихъ мыслителей позитивной школы на важный вопросъ о судьбѣ человечества.

Во времена анархіи, — говорилъ онъ, — когда одни безконечно печалуются о неизбѣжности всеобщаго разрушенія, другіе увлекаются пылкою страстью разрушать, многіе охвачены разслабляющимъ скептицизмомъ и эгоистичною грустью, полезно показать всѣмъ, что нѣтъ поводовъ печаловаться объ исчезающемъ прошломъ, ни хлопотать о разрушеніи отрицаніемъ, ни погибать бесполезно отъ изнурающаго скептицизма, но что можно и должно жить съ яснымъ умомъ, съ чистою душою и съ пламеннымъ сердцемъ. Возможно ли это при новой доктринѣ? Несомнѣнно возможно. Кто мѣшаетъ позитивистамъ иными способами и иными приѣмами достигнуть неоцѣнимыхъ благъ — ясности ума, чистоты души и пламенности сердца? Любить есть первое условіе для счастья, обещаннаго и осуществленнаго позитивною философіей. Любовь внушаетъ отвращеніе отъ міра насилій, войнъ, эгоистичныхъ богатствъ; онъ внушаетъ энергическое желаніе выдти изъ положенія, въ которомъ слишкомъ долго жили наши предшественники. Она отерывааетъ нашимъ симпатическимъ инстинктамъ безконечность бытія не въ сверхъестественныхъ обителяхъ, а на нашей землѣ, въ непрерывности наслѣдованія поколѣній. Знать есть второе условіе удовлетворенности нашей души; а что же лучше позитивной науки можетъ удовлетворить ее въ этой потребности? Какое великое откровеніе заключаетъ въ себѣ научное знаніе, развертывающее передъ нами ре-

альныя картины того, что мы видимъ въ природѣ, — картины, о которыхъ древніе понятія не имѣли! Раскрылись пространства; въ какъ цѣлыя міры несутся въ видѣ блестящихъ точекъ. Подобно пространствамъ, расширилось прошлое; человѣкъ древнѣе, и до него жизнь проявлялась подѣ всевозможными формами, тѣмъ менѣе сложными, чѣмъ дальше уходитъ въ глубь времени, до того, наконецъ, что встрѣчаются первобытные слон, липенные какихъ бы то ни было организмовъ. Вотъ дѣйствительность во всемъ ея величїи, во всей красотѣ и ужасѣ. При видѣ этой дѣйствительности серьезное и плодотворное волненіе охватываетъ сердце, и мы повторяемъ съ Дантомъ: *Il naufragar in questo mar è gioia* (утонуть въ этомъ морѣ — наслажденіе). Служить есть третье условіе благоденствія человѣка. По мнѣнію г. Канта, въ древнія времена рабства и невольнаго труда самымъ тяжелымъ испытаніемъ для возвышенныхъ душъ была невозможность свободно посвятить себя служенію другимъ. Мы же, не будучи ни рабами, ни невольниками, имѣемъ полную возможность посвятить себя служенію человѣчеству, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чѣмъ мы свободны. Въ этомъ направленіи все облагораживается и освящается. Заключение выводилось само собою: созерцать вѣчные законы всемірной и любить достойное любви, — ради этого стоитъ жить.

Такова была тридцать лѣтъ тому назадъ, подѣ непосредственнымъ и личнымъ вліяніемъ г. Канта, доктрина г. Литтре. Въ 1878 году, пересматривая эти странички и подвергая ихъ тщательному и, по обыкновенію, свободному обсужденію, онъ ихъ одобряетъ и развиваетъ далѣе нѣкоторыя идеи. Надо замѣтить, что нѣсколько разнятся между собою откровенія (откровеніе теологическое, откровеніе научное), настолько же различествуютъ и блага, доставляемыя ими людямъ. Въ христіанствѣ первое мѣсто занимало личное благо; оно не занималось имъ прямо; оно заботилось о личномъ спасеніи и черезъ это до нѣкоторой степени способствовало, конечно, и улучшенію общины. Но, по правдѣ, говоритъ г. Литтре, градъ Божій не имѣетъ ничего общаго съ человѣческой общиною; стоитъ только вспомнить малое число избранныхъ, для того, чтобы увидать, какъ велика разница между двумя представленіями о счастьи, христіанскимъ и позитивнымъ.

Позитивная философія, прежде всего, преслѣдуетъ идею соціальнаго блага для всѣхъ. Можно даже сказать, что въ ней поглощается личное благо. Первая ея забота есть созданіе всѣми возможными средствами общаго совершенствованія, интеллектуальнаго, нравственнаго и матеріальнаго; она задается обязанностью знать ходъ вещей, способствовать ему сознательнымъ и привлекательнымъ трудомъ, дѣлать такъ, чтобы всякое поколѣніе передавало послѣдующему поколѣнію увеличенное наслѣдство. Она не нуждается въ санкціи, въ вульгарномъ смыслѣ наградъ и наказаній, исходящихъ отъ суда свыше. Тѣмъ не менѣе, санкція есть; но она не зависитъ отъ личной власти, всегда произвольной. Она предоставлена безличной силѣ, а именно прогрессивному дѣйствию современной среды; она измѣняется и развивается по мѣрѣ того, какъ измѣняется и развивается сама эта среда. Въ этомъ нѣтъ ничего случайнаго, неупорядоченнаго, ни немощнаго.

Вся масса людей, безъ сопротивленія, подчиняется требованіямъ господствующей нравственности; неподчиняющіеся отнюдь не остаются безнаказанными. Нравственность, подобно наукѣ и эстетикѣ, живетъ въ общемъ сознаніи, и общество живетъ ею; ею вѣрять и, обратно, оказываетъ на нее свое благотворное вліяніе. Поэтому отдѣльныя личности безсильны передъ нею, и ея санція имѣетъ не только неоспоримую силу, но, въ дѣйствительности, и неоспариваемую *)).

Въ этой теоріи легко замѣтить большое усиліе связать личное счастье съ общественнымъ, дабы превратить одно въ другое. По излюбленной г. Литтре формулѣ, противопоставляющей три теоріи счастья, у язычниковъ возрожденіе (la rédemption) имѣло характеръ матеріальный, у христіанъ искупленіе нашло характеръ личнаго блага, въ позитивизмѣ оно имѣетъ характеръ соціальной нравственности. Знаменитый англійскій профессоръ Гексли, исходя изъ аналогичныхъ принциповъ, приходитъ почти къ такимъ же результатамъ. Говоря о высшемъ благѣ, выражающемся двояко, въ счастья и нравственности, онъ устанавливаетъ различіе. Когда рѣчь идетъ о счастья, тогда можно разумѣть счастье общества или счастье членовъ, его составляющихъ. Если же дѣло касается нравственности, то можно различать общественную нравственность, имѣющую своимъ критеріемъ и объектомъ счастье общества, и нравственность личную, имѣющую критеріемъ и объектомъ индивидуальное счастье. Это прекрасно! Но затѣмъ, когда онъ переходитъ къ объясненіямъ, то объясненія его касаются только одного пункта—общественнаго счастья или общественной нравственности. Вслѣдствіе этого понятнымъ становится, почему онъ какъ бы вполне согласенъ съ спиритуалистами и почему могъ сказать:

„Какая бы участь ни постигла наши интеллектуальныя вѣрованія, наше образованіе даже, прелесть святости и безобразіе порочности останутся для всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ глаза, чтобы видѣть, не простыми метафорами, а реальными и глубокими ощущеніями“.

Еще болѣе понятно заявленіе Тиндаля, далеко отстающаго отъ Гексли на пути отрицанія, когда онъ говоритъ, что, отказавшись отъ вѣрованій своей молодости, „онъ не знаетъ ни одного извѣстнаго ему тогда явленіе въ области духа, ни одной обязанности, ни одного дѣла милосердія, ни самоотреченія, ни одной возвышенной мысли, ни одной радости въ жизни или въ созерцаніи природы, которыхъ не желалъ бы сохранить и теперь“.

Всѣ эти стремленія, очень почтенныя сами по себѣ, хотя, быть можетъ, и не очень логичныя, приводятъ къ нижеслѣдующему гимну Жоржа Эліота, поэтическая душа котораго выражаетъ ихъ съ своего рода восторженною вѣрою:

„О, если-бъ слиться мнѣ съ невидимымъ хоромъ
Безсмертныхъ и еще живущихъ мертвецовъ,
Въ тѣхъ жизняхъ, которыя улучшаются ихъ присутствіемъ!

*) Théorie positive de la révélation et de la félicité, chap. XXVIII de Conservation, Révolution, Positivismisme, p. 417—429.

Такъ жить, это само небо!...

Это значить вносить въ миръ неумирающую гармонию,
Въ которой живетъ дивный порядокъ,
Правящій прогрессомъ человечества съ возрастающею силою.
Унаследовать бы намъ сладостную чистоту,
За которую мы бились, страдали и гибли,
Вперивши взоръ въ обширное прошлое, гдѣ лашь отчаяніе!
Наше очищенное существо будетъ жить, пока человѣческое время
Не смежитъ очей и человѣческое небо
Не свернется, подобно свитку, поворачиваясь въ могилѣ,
Гдѣ уже его нѣтъ, никогда не прочтеть. Это будущая жизнь,
Которую сдѣлали для насъ болѣе славною мученики,
По слѣдамъ которыхъ мы стараемся идти. Если-бъ мнѣ достигнуть
Этихъ чистыхъ небесъ! Стать для другихъ душъ
Кубкомъ доблести въ минуту великой агоніи,
Зажечь пламя великодушія, дать пищу чистой любви,
Вызвать улыбки, незнакомыя съ жестокостью,
Являть собою присутствіе вездѣ разлитого добра,
Все болѣе крѣпнущаго, чѣмъ болѣе оно развивается!
Такъ сольюсь я съ невидимымъ хоромъ,
Гармонія котораго есть радость міра“.

Такова высшая идея, которую составилъ себѣ позитивизмъ о жизни, — высшая, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне смутная. Въ сущности, что выражаетъ эта социологическая поэма? Послѣдовали новой философіи имѣютъ странную и, въ извѣстномъ смыслѣ, неудобную привычку удерживать языкъ старыхъ религій и приспособлять его къ выраженію такихъ идей, къ которымъ онъ совсѣмъ непримѣнимъ. Отъ такового, иногда насильственнаго, приспособленія получается послѣдовательность словъ, оказывающаяся просто рядомъ метафоръ, требующихъ объясненія для того, чтобы не вводить въ заблужденіе наивныхъ людей. Для уразумѣнія скрывающейся подъ ними мысли необходимо быть знакомымъ съ ключемъ ихъ символизма. Подъ конецъ своей жизни, г. Литтре, съ грустью видѣвшій злоупотребленія г. Конта въ этомъ направленіи, заявилъ, „что онъ былъ и остается противникомъ употребленія въ смыслѣ позитивно-философскомъ выраженій, заимствованныхъ у языка теологическихъ вѣрованій!“ Но таковая тенденція существуетъ въ школѣ, самъ г. Литтре не разъ ей подчинялся, и нигдѣ она не достигала такого развитія, какъ въ поэтическихъ изліяніяхъ Элюота. Что же разумѣется подъ мистическими выраженіями, приведенными выше? Чтѣ это за *невидимый хоръ безсмертныхъ мертвецовъ* и какъ можно *слиться съ нимъ въ тѣхъ жизняхъ, которая улучшаются ихъ присутствіемъ* и о которыхъ можно сказать, что *такъ жить — это само небо*? Если разобрать серьезно, то все сводится къ мысли, что умершіе, въ нѣкоторомъ, совершенно фантастическомъ смыслѣ, оживаютъ въ благодѣяніяхъ, содѣянныхъ ими для потомства. Все остальное не болѣе какъ лирическое развитіе этой мысли. *И неумирающую гармонию, и дивный порядокъ, и будущую жизнь, прославлен-*

ную мучениками, — всю эту двойную перспективу, съ одной стороны уходящую въ обширное прошлое, породившее лишь отчаяніе, съ другой — раскрывающую будущее, сулящее радости міру, чистота неба, — все это должно разумѣть въ смыслѣ совершенно реалистичномъ. „Эти чистота неба, — говоритъ г. Маллокъ, — которыя должны быть въ виду людей одного поколѣнія, суть увеличеніе (судни наслажденій, изготовленное ихъ добрымъ поведениемъ для востѣдующаго поколѣнія. Такъ, для позитивистовъ настоящее есть будущая жизнь прошлаго, земля есть небо, непрестанно ее осуществляющее. На ней оказывается нѣчто вродѣ постоянно играющаго хора; исполнители еще не совсѣмъ попали въ тонъ, но съ каждою минутою они совершенствуются. И теперь мы живемъ среди такого неба, но не замѣчаемъ всѣхъ его прелестей, которыя были бы таковыми для нашихъ дѣдовъ, если бы эти прелести явились сто лѣтъ тому назадъ“. Англійскій юмористъ дѣлаетъ далѣе нѣсколько игривыхъ замѣчаній: „Но само собою разумѣется, что эта мнимая музыка не вездѣ раздастся. Гдѣ же она? И когда мы ее услышимъ, то окажется ли она достойною раточаемыхъ ей похвалъ? Намъ указываютъ средство предоставить каждому исполнителю надлежащій инструментъ или возможность пѣть своимъ голосомъ, но не говорятъ, какимъ путемъ имѣть хорошіе голоса и хорошіе инструменты; равнымъ образомъ остается нерѣшеннымъ, что будетъ разигрывать оркестръ, Бетховена или Оффенбаха, что запоетъ хоръ, покаянный псаломъ или застольтую пѣсню *)“.

Въ данномъ случаѣ была бы весьма умѣстна вышеуказанная нами химическая операція, состоящая въ удаленіи всѣхъ разрозненныхъ элементовъ метафизическаго или религіознаго происхожденія, въ устраненіи производящихъ иллюзіи блестящихъ метафоръ, въ очищеніи мысли отъ ея оболочки, оставляя лишь самую сущность. Какая голая и холодная реальность оказалась бы передъ нами! Недостаткомъ чувствительности не страдаютъ такіе позитивисты, какъ гг. Гёвсли, или Литтре, или Жоржъ Элюотъ. Напротивъ, только ихъ личная чувствительность, пламенная подъ ледяной корой доктрины, распространяетъ свой жаръ на все окружающее. Сущность же идеи представляетъ собою весьма немногое. Вѣдною, сухою, холодно-реальною, отчаянно-посредственною является она, не будучи оживляема мечтами или страстью этихъ возвышенныхъ умовъ, а, напротивъ, будучи путемъ анализа лишена престижа, придаваемаго ей отблескомъ красота, заимствованныхъ у идей совершенно иного порядка, или прелестью краснорѣчія и поэзіи!

Главные представители новыхъ ученій упорно сохраняютъ цѣлмыя ряды иллюзіи. Они вѣрятъ въ возможность не отнимать у человечества ни одного изъ выспихъ его наслажденій и даже обезпечить таковыя, найдя для нихъ непоколебимую точку опоры въ реализмѣ. Слушая ихъ, легко впасть въ ошибку. Они требуютъ права смотрѣть на нравственность, какъ на высшую цѣль, въ которой должно вести каждое изъ нашихъ дѣланій. Для нихъ, какъ и для спиритуалистовъ

*) W. Mallock, p. 42—84.

всѣхъ отгѣнковъ, она есть то, чѣмъ представляется, при одномъ непремѣнномъ условіи, а именно, чтобы въ ней мы видѣли весь смыслъ жизни, безъ нея бы почитали все потеряннымъ. Дабы не разойтись съ ними, благоразумно не требовать отъ нихъ дальнѣйшихъ объясненій. Всякое объясненіе, доведенное до конца, можетъ разрушить очарованіе иллюзіей. Не трудно разобрать, къ чему сводится все это высшее благо, будучи строго приурочено къ даннымъ позитивной философіи. Эта философія необходимо предполагаетъ, что возможность известнаго рода высшаго блаженства, доступнаго всѣмъ, заключается въ настоящей жизни; въ этомъ она капитально расходится съ ученіями, опирающимися на безграничную вѣру въ правосудіе Божіе и имѣющими въ своемъ распоряженіи двойное сокровище — идеала и вѣчности. Въ позитивизмѣ цѣль, которою обусловлена вся система нравственности, конечная цѣль, достойная того, чтобы къ ней стремиться, должна лежать въ этой жизни и нигдѣ кромѣ; исцѣлять ее должно на землѣ, въ границахъ времени, тамъ, гдѣ возможно существованіе жизни и сознанія, внѣ всякаго представленія о существѣ надприродномъ (трансцендентномъ), внѣ всякаго идеала или императивнаго закона, внѣ силъ, стоящихъ выше силъ, дѣйствующихъ въ этомъ мірѣ.

Въ чемъ же состоитъ для логичнаго и послѣдовательнаго позитивиста это высшее благо, заключающее въ себѣ одновременно тайну нашей жизни и всѣ ея правила? Позитивисты говорятъ постоянно о жизни въ такомъ смыслѣ, будто личное счастье есть ея конечная цѣль; а какъ скоро требуется объяснить сущность этого счастья, они уклоняются въ иную сторону и отвѣчаютъ изложеніемъ условій и законовъ социальнаго счастья *). Благодаря этой вѣчной путаницѣ, они могутъ употреблять общепринятая выраженія, говорить, что добро есть всегдашняя цѣль ихъ усилій, единственная желательная цѣль жизни. Но какою цѣною и при какихъ условіяхъ можетъ человѣкъ осуществить это добро, достигнуть указанной цѣли? Для этого необходимо, чтобы онъ отказался отъ преслѣдованія своего личнаго счастья; добиться такого отказа не легко, конечно. Затѣмъ нужно экзальтировать его симпатическія чувства, довести его до того, чтобы онъ свое счастье видѣлъ въ счастьи другихъ; это есть уже геройство и встрѣчается рѣдко. Осуществить такіа условія очень трудно, вслѣдствіе чего общее благо и нравственность становятся предметами роскоши, недоступными для огромнаго большинства.

Ко всему этому присоединяется вопросъ, на какомъ основаніи и въ силу какого права предполагаетъ позитивистъ потребовать отъ современнаго человѣка акта самоотверженія, или того болѣе — постояннаго самопожертвованія? Говоря послѣдовательно Будды: „Жизнь мрачна; за нею послѣдуетъ неопредѣленное число столь же мрачныхъ жизней, и ихъ роковое чередованіе будетъ продолжаться безъ конца до тѣхъ поръ, пока ты не откажешься добровольно отъ самого себя, пока не отречешься отъ всѣхъ желаній, этихъ пагубныхъ зародышей послѣдующихъ существованій“, — говоря такъ, можно довести фаталиста край-

*) W. Mallock, p. 43, 52, 104, *passim*.

ниго Востока, удрученнаго двойнымъ гнетомъ климата и нужды, до отказа отъ бесплодныхъ заботъ и борьбы, до самоуничтоженія, до умерщвленія въ себѣ даже желаній, до того, что онъ съ дикою радостью погрузится всѣмъ существомъ своимъ въ иракъ нирваны, которая не есть небытіе, конечно, а сліяніе съ безконечнымъ. Это понятно. Еще болѣе понятно и еще легче объяснимо, что, исходя изъ совершенно иныхъ основаній, христіанинъ доходитъ до того же результата, т.-е. до добровольнаго самоотреченія; что, подъ влияніемъ ученія Христа, отдавашаго свою жизнь изъ любви къ человѣку, христіанинъ запечатлѣваетъ въ душѣ этотъ великій примѣръ; что, слѣдуя ему, онъ творитъ дѣла милости и доводитъ милость до самоотверженія, изъ любви къ Богу жертвуетъ личными благами и душу свою полагаетъ за братьевъ своихъ, за счастье ближняго въ надеждѣ на вѣчное спасеніе. Наконецъ, въ порядкѣ вещей будетъ, если послѣдователь г. Бонта, — подобно учителю своему, убѣжденный въ существованіи верховнаго судьби и необходимости санкціи, къ тому же проникнутый святостью нравственнаго закона, — приметъ мужественное рѣшеніе исполнить все, требуемое этимъ закономъ, и даже свои личные цѣли принести въ жертву цѣлямъ общимъ. Это настолько въ порядкѣ вещей и порядокъ этотъ настолько строгъ, что совѣсть контиста не спокойна, если онъ замѣчаетъ, что къ его нравственному рѣшенію примѣшивается проблескъ личнаго удовольствія. Но во имя какого высшаго соображенія можетъ новый человѣкъ отказаться отъ личнаго счастья, когда въ мірѣ царитъ одна научная вѣра, ничего незнающая, кромѣ физическихъ законовъ? Человѣку представляются двѣ вещи, одна сомнительная и чуждая ему, указываемая лишь тонкими дедукціями, принципы и выводы коихъ ему недостаточно ясны, — это общее и неопредѣленное счастье всего человѣчества; другая вполне ясная и очевидная, прямо касающаяся его лично, непреодолимо привлекающая его всевозможными соблазнами, — это его собственное счастье. Вы хотите, чтобы онъ пожертвовалъ благами вѣрными, для полученія которыхъ ему стоитъ только протянуть руку, ради блага отдаленнаго, сомнительнаго, неопредѣляемаго по самой своей природѣ, дѣйствія котораго онъ, по всей вѣроятности, никогда не ощутитъ на себѣ, — блага общаго! Вы слишкомъ многого требуете отъ человѣка. Это мистификація, если вы думаете заставить его такъ поступить изъ расчета; это суевѣріе, если вы его къ тому ведете путемъ обязательства; во всякомъ случаѣ, вы хотите навязать ему роль простачка, обманутаго. Но если онъ имѣетъ о жизни достаточно ясное представленіе, видитъ ее такою, какова она въ дѣйствительности, онъ на это не поддастся. На самомъ дѣлѣ, изъ-за чего онъ станетъ хлопотать, какъ можно на это рассчитывать, когда впереди не видится награды отъ высшаго существа, когда нѣтъ закона, святаго по происхожденію или по характеру, который бы поставлялъ это ему въ обязанность? Жизнь слишкомъ коротка. Неужели всю ее посвятить упорнымъ хлопотамъ о счастья другихъ? Такъ мало времени на то, чтобы думать о своемъ, такъ много труда нужно, чтобы приобрести его, столько усилій требуется для того, чтобы удержать это скоротечное счастье! Человѣку

слишком много заботь о томъ только, чтобы не очень страдать. А отъ него требуютъ, чтобы онъ забылъ о себѣ и посвятилъ себя заботамъ о счастья отлеченнаго существа, человѣческаго рода, — существа, неимѣющаго даже собственнаго бытія, ни сознанія, ни личныхъ ощущеній, такого существа, которое проявляетъ свое бытіе въ миллиардахъ послѣдовательныхъ существованій, подобныхъ моему, во всякомъ разѣ неимѣющихъ большаго права на уваженіе, такъ какъ эти существованія слагаются изъ такихъ же впечатлѣній, радостей и страданій, каковы мои радости и мои страданія, съ тою лишь разницею, что эти послѣднія мои, или, вѣрнѣе, я самъ, тогда какъ тѣ касаются меня только въ воображеніи. Зачѣмъ же жертвовать настоящею и осязательною дѣйствительностію въ пользу того, что въ сущности есть, быть можетъ, не болѣе какъ мечта?

Чтобы добиться такою самоотверженія, позитивисты рассчитываютъ на симпатическія чувства, которыя они пытаются довести до высокой степени напряженности и энергичности, могущей, по ихъ мнѣнію, дать имъ преобладаніе. Такимъ образомъ, симпатія стала бы силою, управляющею всѣми другими инстинктами; и двигателемъ общаго благополучія. Не иллюзія ли и это? Г. Малловъ высказываетъ по этому поводу превосходныя сужденія, составляющія одну изъ лучшихъ частей его книги; я передамъ нѣсколько страницъ, стараясь сохранить оригинальный характеръ подлинника. Въ практикѣ эти прекрасныя чувства оказываются очень недостаточными, если ихъ не поддерживаетъ и не управляетъ ими высшая идея, придающая имъ то, чего они сами по себѣ имѣть не могутъ: обязательность, связность и прочность. Чувства эти неравномерно распределены между людьми, дѣйствуютъ прихотливо и пристрастно; ихъ легко можетъ нарализовать довольно часто повторяющійся возвратъ эгоизма, съ чѣмъ всегда необходимо считаться. Мы видимъ проявленія безкорыстнаго героизма въ грубыхъ людяхъ во время кораблекрушеній, на примѣръ. Глядя на проявленіе такого самоотверженія, можно подумать, что тутъ-то и высказывается настоящая природа человѣка, что въ человѣкѣ есть постоянный запасъ благожелательности и симпатій, утилизировать и направлять которыя мы, навѣрное, научимся мало-по-малу. На такой оптимизмъ нельзя полагаться. Въ тѣхъ же натурахъ, при иныхъ обстоятельствахъ, эгоизмъ проявляется съ неожиданною силою. Тотъ самый матросъ, который вчера съ опасностію жизни спасъ утопавшую женщину, опрокинетъ и растопчетъ ее сегодня, чтобы выбѣжать самому изъ горящаго театра. Надо признаться, что сказанное здѣсь про матроса есть тенденція, общая всѣмъ людямъ. Примѣры этому можно найти въ исторіи, въ жизни великихъ людей и даже въ жизни лучшихъ людей на землѣ. Какое бы мѣсто ни было отведено безкорыстнымъ побужденіямъ, необходимо признать, что вообще вліяніе ихъ ограничено и проявляется съ достаточною силою лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при исключительныхъ обстоятельствахъ. При *отсутствіи высшихъ мотивовъ*, они получаютъ преобладаніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣяніе на пользу ближняго представляетъ исключительную важность, а могущая отъ того произойти для насъ потеря ока-

зывается исключительно ничтожною, или же въ иныхъ обстоятельствахъ, когда для насъ нѣтъ другаго выбора, кромѣ геройства или позора. Но все это возможно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, при крупныхъ опасностяхъ, при большихъ катастрофахъ. Намъ же занимаютъ не эти исключительности, а обычное теченіе жизни, когда чувства настроены совершенно нормально. А при такомъ положеніи, безкорыстныхъ побужденій, оставаясь такимъ же фактомъ, какъ эгоизмъ, стоять существенно ниже предъявляемыхъ къ нимъ требованій и далеко не въ соразмѣрности съ призваніемъ управлять жизнію человѣка.

Посмотрите, что происходитъ даже съ очень благонамѣреннымъ человѣкомъ, когда дѣло доходитъ до оцѣнки и сопоставленія условій его личнаго счастья съ счастьемъ общимъ. Конечно, если мы имѣемъ возможность, безъ всякаго неудобства для себя, подавить въ себѣ всѣ желанія, „идущія въ разрѣзъ съ благомъ человѣчества“, какъ говоритъ г. Гёбсли (слѣдовало бы сказать—почти всѣ, имѣя въ виду приходящіяся на долю злой воли),—мы охотно согласимся подавить ихъ всѣ. Но если такое самоподавленіе сопряжено съ важными неудобствами, если оно требуетъ постоянной внутренней борьбы для рѣшимости воздержаться отъ какого-либо дѣянія, тогда окажется необходимымъ ясное и опредѣленное сознаніе, что счастье, коюго черезъ это дѣяніе лишаются другіе, въ значительной мѣрѣ превосходить то удовольствіе, которое бы оно намъ дало. Предположите для примѣра, что человѣкъ влюбленъ въ жену своего пріятеля и общается въ театрѣ. Само собою, онъ откажется отъ своего намѣренія, если узнаетъ, что исполненіе его повлечетъ за собою нѣчто очень важное, вродѣ пожара театра и гибели многихъ зрителей. Но онъ не откажется отъ побѣдки изъ-за того единственнаго соображенія, что его примѣръ можетъ нѣсколько понизить нравственный уровень лицъ, сидящихъ въ партерѣ. И человѣкъ всегда склоненъ болѣе или менѣе повривить душою и потянуть вѣсы въ свою пользу, когда приходится взвѣшивать эти два рода счастья. Я рассчитываю, на примѣръ, что должествующее увеличить сумму моихъ удовольствій на миллионъ фунтовъ стерлинговъ обойдется каждому изъ членовъ общества въ полкопѣйки. Въ обыденной жизни мы постоянно наталкиваемся на подобныя соображенія. Съ одной стороны, я знаю, что такой-то образъ дѣйствій доставитъ мнѣ значительныя выгоды, съ другой—я понимаю, что если всѣ станутъ поступать такъ же, то причинять тѣмъ большое общественное зло; но, вѣстѣ съ тѣмъ, я убѣжденъ, что на самомъ дѣлѣ мой образъ дѣйствія въ данномъ, частномъ случаѣ причинитъ ничтожный или очень легкій вредъ обществу. Тутъ не могутъ имѣть мѣста и вліянія на рѣшеніе соображенія матроса, жертвующаго собою при кораблекрушеніи: спастись самому цѣною жизни женщины или спасти ее, рискуя своею жизнію. Тутъ интересы мельче, и, благодаря ловкому извороту логики, пропорція получается совершенно иной видъ, альтернатива выразится, примѣрно, въ такой заманчивой формѣ: съ одной стороны, допустить потерю женщиною сережки, что далеко не важно, или же, съ другой, сломать

себя руку, что уже достаточно серьезно. Вот какъ въ большинствѣ случаевъ станетъ разсуждать сидящій въ каждомъ изъ насъ находчивый счетчикъ; въ результатъ подобнаго двойнаго ариметическаго дѣйствія получится почти несомнѣнное рѣшеніе избѣжать большой неприятности, риска причинить маленькій вредъ общинѣ. „Изъ этого слѣдуетъ, что общія условія неопредѣленнаго счастья представляютъ собою идеаль, совершенно непригодный для уравновѣшенія личныхъ искушеній, или даже для возбужденія въ насъ охоты къ самоотреченію, котораго отъ насъ требуютъ“ *).

Такимъ образомъ, изъ экзальтированнаго чувства симпатіи нельзя создавать общее и постоянно дѣйствующее правило. Чистѣйшею утопіею оказывается желаніе управлять человѣческой жизнью посредствомъ безкорыстной чувствительности, если только сама эта чувствительность не вдохновляется чѣмъ-либо высшимъ, поддерживающимъ ее на потребной высотѣ, предупреждающимъ ея уклоненія, устраняющимъ ея болѣе или менѣе добровольныя иллюзіи и нерѣшительность, регулирующимъ ея вѣчныя колебанія. Всѣ краснорѣчивые или лирическіе призывы къ самоотреченію и самопожертвованію останутся безъ отклика и отвѣта со стороны душъ посредственныхъ, изъ которыхъ и состоитъ вся масса человѣчества. При отсутствіи обязательности добродѣтели, души эти, не отвергая ее, будутъ подчинять ее тому, что имъ ближе и дороже, погонѣ за собственнымъ счастьемъ; въ практической жизни онѣ останутся глухи къ благороднымъ совѣтамъ, не имѣющимъ и не мѣгущимъ имѣть значенія приказаній. Все это удастся исполнѣ только по отношенію къ прекраснымъ душамъ, къ такимъ именно, которыя ни въ какихъ указаніяхъ и совѣтахъ не нуждаются. Имъ врожденны и благородныя побужденія, и безкорыстныя чувства, въ нихъ они развиты утонченною культурою.

Кромѣ всего сказаннаго, надо выяснитъ, что такое намъ предлагаютъ. Новый человѣкъ не долженъ, говорятъ, ничего принимать на вѣру отъ другихъ; таково правило, преподанное ему учителями, таково первое положеніе экспериментальнаго метода. Отъ права разсуждать онъ, конечно, не откажется въ то время, когда окажется надобность отстаивать свое личное право на счастье. Считаютъ возможнымъ приучить его предпочитать общее благо его частному благу. Но что же такое само это благо? Въ чемъ его сущность и гдѣ его объектъ? Если я жертвую собою, то, по меньшей мѣрѣ, долженъ я знать, кому или чему послужить на пользу моя жертва. Ничего не можетъ быть глупѣе, какъ пожертвованіе, хотя бы какимъ-либо удовольствіемъ изъ-за громкой фразы, изъ-за химеры. Общественное счастье, которымъ насъ манятъ въ такихъ великолѣпныхъ фразахъ, представляется мнѣ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ суммою личныхъ благъ. Если оно на самомъ дѣлѣ только это, тогда чего ради стану я ему подчиняться? Мое счастье, мое благо нисколько не ниже чужаго и заслуживаетъ, по меньшей мѣрѣ, такихъ же заботъ. Мнѣ говорятъ: общественное благо не это только, оно есть также гарантія частныхъ благъ; оно

*) W. Mallock, p. 60 et suiv.

означает порядок и дисциплину общества, въ которомъ каждый будетъ имѣть возможность естественно пригнѣвать свои способности въ движенію счастья. Общественная нравственность, которую хотятъ намъ создать, будетъ представлять собою совокупность эмпирическихъ правилъ, отрицательныхъ условій счастья, т.-е. условій, препятствующихъ возникновенію въ общественной средѣ препятствій, мѣшающихъ счастью каждаго. Допустимъ, что это такъ; но когда мнѣ предлагается просто совѣтъ, тогда я сохраняю за собою полную свободу его оцѣнки и свободу дѣйствій. Если я нахожу, что показанная мнѣ цѣль не стоитъ, на мой взглядъ, по крайней мѣрѣ, средствъ, необходимыхъ для ея достиженія, если я думаю, что изъ-за ничтожной доли, которую я могу внести въ социальную кооперацію, я рискую утратить предпочитаемыя мною личныя блага, мое спокойствіе, мою личную безопасность, производительное примѣненіе моихъ способностей, мои досуги и удовольствія,—кто же въ такомъ разѣ могъ бы разумно возстать противъ моихъ расчетовъ, заставить меня выйти изъ моего, достаточно обезпеченнаго, убѣжища и броситься въ борьбу? Меня хотятъ увѣрить, будто я ошибочно рассчитываю, будто я самъ сдѣлаюсь жертвою собственного эгоизма, будто участіемъ въ социальной коопераціи я служу своимъ интересамъ и, въ концѣ-концовъ, измѣняя этой коопераціи, я себѣ самому измѣняю. Но я-то лично во всемъ этомъ далеко не увѣренъ. Я нахожу, что состояніе цивилизаціи, среди которой я живу и живеть большинство людей, довольно сносно, жить можно, какъ хочется, ни о чемъ, кромѣ себя, не думая, и не пущусь я на поиски за чѣмъ-то другимъ лучшимъ, но невѣрнымъ, не имѣя, притомъ, возможности предусмотрѣть ни случайностей, ни бурь, съ которыми сопряжена такая погоня за неизвѣстнымъ. Что могутъ мнѣ возразить на это съ экспериментальной точки зрѣнія? Быть можетъ, я ошибаюсь; но кто докажетъ мнѣ, что я ошибаюсь? Когда дѣло идетъ о моемъ личномъ счастьи, кто въ правѣ быть лучшимъ судьей, чѣмъ я самъ?

Намъ, правда, говорятъ, что въ эмпирическихъ правилахъ социального благоденствія, которое хотятъ намъ навязать, нѣтъ ничего произвольнаго, что правила эти, хотя и сложились изъ опыта, суть настоящіе законы, что въ нихъ выражается необходимость нѣкоторыхъ общихъ фактовъ, фатализмъ природы, а не произвольныя концепціи ума. Обратно тому, какъ поступаютъ платоникки, спиритуалисты и мечтатели, не политика должна зависѣть отъ нравственности, а нравственность должна стоять въ зависимости отъ политики. Этого требуетъ новая наука,—наука, управляющая фактами человѣчества,—соціологія. Учителя этой науки объявляютъ намъ, что человѣчество есть нѣчто конкретное и живое, одного порядка съ обществами животныхъ. Въ обществахъ животныхъ хорошо лишь то дѣяніе, которое просто сообразно съ органическими законами группы, рассматриваемой какъ живое существо; изъ этого слѣдуетъ, что человѣческая нравственность должна почерпать свои принципы изъ условій существованія социальной группы. Измѣнятся условія, измѣнится климатъ или историческія обстоятельства, въ то же время, измѣнится и нравственность. Сама

по себѣ она есть вещь относительная, хотя необходимая въ данное время и въ соответствіи съ настоящими условіями существованія группы. Какъ охрана общихъ интересовъ, она стала священною. Настоящее ея имя — социальная гигиѣна.

Таковы происхожденіе и характеръ законовъ для общинъ, о которыхъ мечтаютъ позитивисты. Во всемъ этомъ заключается отрицаніе нравственнаго единства человѣческаго рода и признаніе преобладающаго значенія исторіи и мѣстности. Въ нихъ отражается не человѣчество, но существу своему постоянное и вѣрное себѣ самому подл личными формами, но безконечное разнообразіе и множественность интересовъ группъ, распределенныхъ по разнымъ частямъ земнаго шара, слабо связанныхъ между собою не тождественностью природы, обуславливающей одинаковость обязанностей и права, а случайными анатомическими аналогіями и приблизительнымъ совпаденіемъ достиженія ими одинаковой точки эволюціи въ ряду животныхъ формъ. Въ то же время, вполне ясно, что каждое изъ этихъ эмпирическихъ правилъ, выдаваемыхъ за социальныя законы, можетъ подлежать спору. Едва ли что можетъ подвергаться болѣе разнообразнымъ толкованіямъ, чѣмъ эти мнимыя условія существованія той или иной группы и законы, ихъ выражающіе. Припомнимъ смѣлаго критика, недавно спросившаго съ трибуны палаты депутатовъ, какое изъ свѣтскихъ вѣрованій, устанавливающихъ правила нравственности, можетъ избѣжать оспариванія и опасности отрицанія разумомъ? „Есть социальныя учрежденія, — говоритъ онъ, — которыя слѣдуетъ уважать до тѣхъ поръ, пока они одобряются большинствомъ; но они отнюдь не представляютъ собою собранія неоспоримыхъ принциповъ“; это совокупность эмпирическихъ правилъ, дѣйствующимъ здѣсь удачно, въ другомъ мѣстѣ неудачно, въ зависимости отъ того или другаго социальнаго положенія, того или иного градуса широты, а, слѣдовательно, постоянно подлежащихъ пересмотру, могущихъ быть такъ же легко измѣненными голосованіемъ, какъ измѣняется таможенный законъ, когда они перестаютъ удовлетворять большинство, не признающее за ними общественной полезности. Животное подчиняется условіямъ своего существованія, специфическимъ законамъ; но оно подчиняется, не понимая ихъ; а потому не предстоить опасности оспариванія ихъ животными. Человѣкъ, достигшій долгою эволюціею теперешняго умственнаго развитія, узнавшій предполагаемую низкость своего происхожденія, не остановится уже передъ тайною, скрывавшею отъ его предковъ основанія и происхожденіе этихъ законовъ. Онъ увидитъ въ нихъ лишь наслѣдственныя привычки, усвоенныя длиннымъ рядомъ поколѣній; а какъ только анализъ изведетъ ихъ на степень естественнаго факта или ассоціаціи идей, которая весьма легко можетъ быть лишь ассоціаціей предразсудковъ, тогда всѣ эти законы сразу лишатся всякой авторитетности. Позитивисты очень-ошибаются, говоря, будто они, тѣмъ не менѣе, останутся священными на томъ единственномъ основаніи, что ими ограждены общіе интересы, такъ какъ интересы измѣняются съ теченіемъ времени, и полезность извѣстныхъ эмпирическихъ условій постоянно можетъ подвергаться сомнѣнію и вопросу.

Таковъ законъ эволюціи. А развѣ не эволюція управляетъ нравственностью въ той же мѣрѣ, въ какой она управляетъ природою и исторією?

Ничего не можетъ быть труднѣе, какъ объяснить образованіе позитивной совѣсти, или, говоря по нынѣшнему, раздувая слова и умаляя понятія, — *генезисъ* (*la genèse*) позитивистской совѣсти, т. е. такого нравственнаго сознанія, въ которое не входитъ рѣшительно ни малѣйшаго вдохновенія, ни отраженія прошлаго, сознанія, стоящаго внѣ высшей идеи или высшаго закона. Чѣмъ будетъ это сознаніе и какъ сможетъ оно, строго говоря, стать сознаніемъ нравственнымъ (совѣстью), если оно слагается безъ вліянія выше его стоящаго закона, если оно не признаетъ никакого категорическаго повелѣнія, если оно устраняетъ всякій авторитетъ, могущій освѣтить его недоумѣнія, побѣдить его сопротивленія или осудить его неповиновенія? Какъ сможетъ эта совѣсть сама себя связать или обязать? Въ силу какой физической необходимости или какой экспериментальной индукціи, такъ какъ исключена всякая рачіональная необходимость или всякое нравственное обязательство, стоящее внѣ и выше человѣка?

Нѣтъ заблужденія болѣе распростраеннаго, какъ то, защиту котораго я очень недавно слышалъ въ нашихъ палатахъ, гдѣ имѣю обыкновеніе собирать болѣе или менѣе вѣрные отголоски современныхъ контроверзовъ. Тамъ доказывали, что, если между людьми есть разногласія по вопросамъ религіи и метафизики, то таковыхъ разногласій не существуетъ по отношенію къ правдѣ и неправдѣ, добру и злу. „Всѣ люди, — говорилось тамъ, — соединены въ одномъ нравственномъ исповѣданіи обязанности, состоящемъ въ провозглашеніи существованія для всѣхъ обязательнаго права; это утверждаютъ даже нарушающіе правду, такъ что воры искренно говорятъ о честности и вѣтвоступленіи и, такимъ образомъ, отдають дань уваженія соединяющему ихъ нравственному сознанію“ *). Меня удивляютъ такіа рѣчи. Гдѣ же могло быть констатировано „нравственное исповѣданіе“ обязанности и права всѣми людьми? Это возможно было до позитивизма, когда огромное большинство людей, разрозненныхъ по инымъ вопросамъ, согласно было насчетъ нравственныхъ принциповъ, не особенно доискиваясь происхожденія этихъ принциповъ. Теперь же, когда анализъ направился въ эту сторону, нельзя уже сохранить иллюзіи насчетъ этого мнимаго нравственнаго единства. Практически очень возможно, что такое кажущееся согласіе будетъ еще долго держаться силою привычки и преданія. Теоретически оно уничтожено. Уничтожено оно съ того дня, когда во имя позитивнаго экспериментализма поднятъ споръ объ основахъ этого согласія. Депутатъ - оптимистъ (слова котораго приведены выше), по всей вѣроятности, не слышалъ предложеннаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ той же залѣ страшнаго вопроса: существуетъ ли, независимо отъ вкуса большинства и отъ его рѣшеній, всегда могущихъ быть отмѣненными, хоть одинъ неизблennyй нравственный законъ, имѣется ли, напримѣръ, достаточно проч-

*) Засѣданіе 22 іюня 1882 г. по вопросу о судебной присягѣ.

ное основаніе для учрежденія единоженства? А, между тѣмъ, если есть какое-либо учрежденіе, въ которомъ прямо заинтересованы обязанность и право, то, очевидно, именно это, устанавливающее обязанность мужчины гарантировать право женщины и ея личности. Гдѣ же, помимо высшаго закона, можно найти достаточно вѣрныя узы нравственнаго сознанія, которыя бы помѣшали людямъ разбредиться врозь по прихоти частныхъ фантазій или свободныхъ утопій? Но этотъ высшій законъ— это уже будетъ или метафизика, или религія; ни того, ни другаго допускать не желаютъ. Намъ, правда, говорятъ о чести, о собственномъ достоинствѣ. Я вполне признаю практическую силу этихъ чувствъ. Но все это предполагаетъ собою иной порядокъ идей, чѣмъ тѣ, которыя могутъ подлежать осязательному опыту и зависимымъ отъ него индукціямъ. Честь есть чувство очень энергичное и сложное, о которомъ можно было бы сказать, что оно есть экзальтированное сознаніе долга. Если же понятіе о долгѣ поколеблено въ самыхъ основаніяхъ, то честь не въ состояніи пережить этого. Что касается ссылки на чувство человѣческаго достоинства, то черезъ него сказывается и выражается въ тонкихъ и гордыхъ чертахъ наше сознаніе превосходства человѣческой природы. Чувство это спиритуалистическаго происхожденія и, какъ таковое, заслуживаетъ быть заподозрѣно въ глазахъ логиковъ позитивистской школы. Въ силу всѣхъ этихъ доводовъ, нравственное сознаніе (совѣсть) оказывается лишь послѣднею иллюзіею умирающей метафизики, или даже, — по одному энергичному выраженію, — „послѣднимъ призракомъ угасшей религіи“.

Но посмотрите, съ какими противорѣчіямъ приводятъ природа и человѣчество. Все сказанное нами выведено съ строгою послѣдовательностью; съ точки зрѣнія чистой логики, мы, очевидно, въ правѣ говорить такъ. Но въ дѣйствительности, въ практикѣ жизни знаменитые позитивисты держались правилъ, доходили до тонкостей, до minutenности въ исполненіи предписаній нравственнаго сознанія, теоретически не существующаго, но долженствующаго существовать. Ибо для нравственнаго сознанія не есть уже существованіе, если оно поставлено въ зависимость отъ побужденій, не имѣющихъ никакихъ правилъ, ничего универсальнаго, могущихъ измѣняться во всякое время, проявляющихся лишь въ мимолетномъ волненіи, порою съ трудомъ выдерживающихъ давленіе эгоизма, — отъ такихъ побужденій, которымъ чисто человѣческіе совѣты и болѣе или менѣе произвольныя индукціи не въ состояніи придать опредѣленнаго характера обязательности и прочности. Къ счастью, не изсякъ невѣдомый источникъ, дающій бытіе добрымъ и прекраснымъ душамъ; онѣ являютъся на свѣтъ у насъ и у нихъ, часто въ явное противорѣчіе съ системами, которыя онѣ призваны проводить въ міръ. Эти-то души и спасаютъ человѣчество отъ логики.

Дозволено цензурою. Москва, 3 мая 1884 года.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

Экономическія замѣтки о Болгаріи.

I.

Землевладѣніе въ Болгаріи и разныя его виды. — Общинно-семейное землевладѣніе и остатки общинно-деревенскаго.

Кромѣ того интереса, какой представляетъ для насъ Болгарія въ качествѣ славянской страны, національное возрожденіе которой совершилось почти на нашихъ глазахъ, она въ высшей степени интересна и поучительна, какъ одна изъ тѣхъ странъ, экономической строй* которыхъ находится въ почти примитивномъ еще состояніи. Историческія обстоятельства хотя и разрушили уже въ этой странѣ такія древнія общественно-экономическія формы, какъ первобытная, деревенская община во всей ея цѣлости, но пощадили еще очень многое, оставшееся еще отъ этихъ формъ, и, кромѣ того, помѣшали развитію тѣхъ условій, при которыхъ усложняется общественное раздѣленіе труда, происходитъ дифференцированіе сословій и проч. Поэтому въ экономической жизни этой страны мы встрѣчаемъ довольно много явленій, давнымъ давно пережитыхъ уже Западной Европой и какъ бы нарочно сохраненныхъ ходомъ событій для освѣщенія европейскаго прошлаго. Такія страны слишкомъ драгоцѣнны въ социологическомъ смыслѣ, чтобы оставлять ихъ безъ вниманія, но, къ сожалѣнію, въ этомъ-то именно отношеніи, т. е. въ отношеніи социально-экономическомъ, Болгарія изъ всѣхъ южно-славянскихъ земель наименѣе еще изслѣдована. А, между тѣмъ, и въ теоретическомъ отношеніи, и для освѣщенія очень многихъ сторонъ нынѣшняго политическаго положенія Болгаріи—этой во всякомъ случаѣ во многихъ отношеніяхъ близкой намъ страны будущаго—экономическія свѣдѣнія о ней могутъ быть для насъ не только интересны, но и очень полезны. Въ виду этого мы считаемъ для себя позволительныхъ познакомить читателей съ небольшимъ количествомъ этого рода свѣдѣній, собранныхъ нами во время пребыванія въ Болгаріи. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что свѣдѣнія эти относятся, главнымъ образомъ, къ восточной части Болгаріи

и представляют собою результат отчасти личных наблюдений, отчасти же и главнымъ образомъ, — по возможности систематическихъ распросовъ у мѣстныхъ жителей *).

До сихъ поръ сдѣланныя археолого-историческія изслѣдованія, какъ кажется, не даютъ еще возможности опредѣлить сколько-нибудь ясно экономическую организацію древнихъ болгаръ и тѣ измѣненія въ экономическомъ строѣ, какія должны были произойти отъ смѣшенія ихъ съ славянскими племенами на Дунаѣ. О временахъ, далеко еще предшествовавшихъ появленію турокъ, преданіе говоритъ, что люди жили тогда въ Болгаріи „колибами“ или „хижами“—хуторами, каждая семья или, лучше сказать, родъ, отдѣльно. Самое слово „колиба“ (турец. *koliba*) или „хижа“ означаетъ шалашъ, хижину, вообще лѣтнюю легкую постройку **). Въ такомъ смыслѣ оно употребляется и теперь въ Добруджѣ, гдѣ рыбаки живутъ на рыбныхъ заводахъ въ колибахъ изъ тростника. Въ Болгаріи же этимъ словомъ называлось, а въ Тырновскомъ округѣ и въ Балканахъ и теперь называется дѣлое общинное поселеніе—постройка или группа построекъ, представляющая собою хуторъ, въ которомъ подъ одной крышей или въ одномъ дворѣ живетъ дѣлая родственная между собой община. Вокругъ собственно колибы, т.-е. жилой постройки, находились принадлежавшіе въ ней огороды и нивы. Хозяйство въ такихъ колибахъ велось сообща, подъ управленіемъ старѣйшинъ. Если населеніе общины размножалось до того, что пространство первоначальной колибы не могло уже вмѣщать ея, то новыя семьи выдѣлялись и устроивали возлѣ старой колибы новыя. Такимъ образомъ, изъ нароставшихъ постепенно другъ около друга хуторовъ составились потомъ нынѣшнія деревни, а такъ какъ все населеніе каждой деревни происходило отъ общаго предка, то и самыя деревни и до сихъ поръ носятъ названія, указывающія на это обстоятельство: козаровцы, драгнѣвцы, илювцы и т. д. Составляли ли выдѣлившіяся колибы съ первоначальной одну экономическую единицу, т.-е. владѣли ли они землею сообща и сообща же ее обрабатывали, объ этомъ свѣдѣній не имѣется, даже и по преданіямъ, но, по всей вѣроятности, это было именно такъ. На это прямо указываетъ существующее и по настоящее время обычное право преимущественной покупки земли сосѣдами и односельчанами. И теперь, если кто-нибудь продаетъ свою землю, то, по обычаю, сосѣди пользуются правомъ купить ее преимущественно передъ лицами посторонними, а также, если земля будетъ куплена жителемъ чужаго села, то мѣстные жители имѣютъ право выкупить ее обратно, внеся уплаченныя за нее деньги. Эти обычаи, по толкованію Лавалэ, могли произойти не иначе, какъ въ видѣ остатка отъ того времени, когда каждый только

*) При этомъ считаемъ своею обязанностью выразить особенную благодарность г. Харлампію Ангелову, бывшему окружному управителю Разградскаго округа, которому мы обязаны, главнымъ образомъ, въ этомъ отношеніи.

***) Слово *хижа* существуетъ и въ украинскомъ языкѣ и означаетъ плетеную изъ хвороста и обмазанную глиной холодную пристройку къ хатѣ. Лѣтомъ въ ней живутъ; а зимою она служитъ мѣсто кладовой. Въ правобережной Украйнѣ хижа называется еще *санькиръ*.

пользовался частью общинной земли, право собственности на которую принадлежало всей общинѣ. Если больше заставляет предполагать это, а также и то, что болгарская семейная община, теперь еще существующая, произошла отъ первобытной сельской общины, тотъ фактъ, что и по настоящее время, какъ мы увидимъ далѣе, пашбища и лѣса въ Болгаріи составляютъ общинное владѣніе и только одни поля (кромя, конечно, усадебъ и состоящей при нихъ земли) представляютъ частную или личную собственность, дающую, между прочимъ, право участія и въ общинномъ пользованіи лѣсами и пастбищемъ.

Какъ бы то ни было, но, переходя изъ сферы преданій и догадокъ въ область историческихъ фактовъ, мы видимъ, что во время владычества турокъ Болгарія представляла уже собой въ экономическомъ смыслѣ агломератъ семейныхъ общинъ, совершенно похожихъ на сербскую „задругу“ и существующихъ рядомъ съ государственнымъ и личнымъ землевладѣніемъ и въ настоящее время. Начало частной поземельной собственности въ Болгаріи было положено, по всей вѣроятности, турками. По завоеваніи этой страны, вся земля въ ней была объявлена принадлежащей султану. Часть ея была тогда же выдѣлена и поступила въ вѣдѣніе духовенства, съ тѣмъ, чтобы доходы съ этихъ земель (вакуфовъ) были употребляемы въ пользу мечетей, школъ и другихъ религиозно-общественныхъ учреждений. Затѣмъ прочая земля или была оставлена въ качествѣ государственной собственности и давалась частнымъ лицамъ во временное пользованіе на всевозможныхъ условіяхъ, или же была роздана, на основаніяхъ, близкихъ къ феодальнымъ, турецкимъ военнымъ начальникамъ и другимъ лицамъ. Впослѣдствіи этотъ послѣдній видъ турецкаго землевладѣнія превратился въ обыкновенное частное крупное землевладѣніе—*чифлики*, владѣльцы которыхъ *чифликчи* или *бей*, т.-е. помѣщики, пользовались крѣпостнымъ или, лучше сказать, сеньоральнымъ правомъ надъ людьми побѣжденной національности, населявшими эти чифлики, т.-е. болгарами. Что касается этихъ послѣднихъ, то еще во время завоеванія турки отобрали у нихъ для себя нѣкоторую часть неразработанныхъ земель и большую часть разработанныхъ, и вотъ тогда именно, когда пришлось разграничить землю, доставшуюся завоевателямъ и оставленную побѣжденнымъ, — оставшимся безъ земли болгарамъ было предоставлено разрабатывать для себя новые участки, съ тѣмъ, чтобы участки эти послѣ шестилѣтней обработки поступали уже въ полную собственность разработавшаго ихъ, который и получалъ тогда на эту землю и документы, какъ собственникъ. Точно также были выдаваемы документы и цѣлымъ селамъ на земли, которыя приписывались къ нимъ для общиннаго пользованія (*патрукѣ*) или оставались у нихъ отъ прежняго времени въ качествѣ такихъ же *мэтрукѣ* или же *юраджіѣ*, т.-е. земель, оставленныхъ побѣдителями во владѣніи туземцевъ, на условіи извѣстной подати (б. ч. десятины) и сеньоральнаго подчиненія бегамъ. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе земли, укрѣпленіе извѣстнаго количества ея въ частную собственность и юридическое оформленіе этой собственности. Что касается

чишликовъ, то беги довольно долго пользовались своими помещичьи-ми правами относительно поселянъ. Нужно сказать, впрочемъ, что права эти были скорѣ сеньориальнаго характера, чѣмъ помещичьяго въ русскомъ смыслѣ, т.-е., другими словами, чишлики пользовались только извѣстнымъ количествомъ обязательнаго труда со стороны крестьянъ, ихъ поля должны были обрабатываться раньше крестьянскихъ, ихъ жатвы должны были сниматься раньше, чѣмъ крестьянскія, и т. п. Наконецъ, въ 1858 году, когда вообще регулировались поземельныя отношенія въ Турціи, обязательный трудъ болгаръ въ пользу беговъ былъ и вовсе отиженъ и замѣнился въ чишликахъ трудомъ по найму, что, разумѣется, значительно облегчило болгарское населеніе, хотя, конечно, турки имѣли достаточно простора, чтобы не исполнять своихъ обязательствъ и дѣлать разныя другія обиды. Окончательно же и формально обязательныя отношенія болгаръ къ бегамъ прекратились только теперь, по освобожденіи Болгаріи.

Въ настоящее время всѣ земли Болгаріи въ отношеніи владѣнія раздѣляются на государственныя, вакуфныя и частныя. Что касается государственныхъ земель, то ихъ теперь не особенно много и они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ лѣсовъ и сѣнокосовъ; пахотныхъ же земель, за исключеніемъ нѣкоторыхъ округовъ, почти нѣтъ, кромѣ тѣхъ земель, которыя остались послѣ выселившихся изъ Болгаріи черкесовъ. Эти пахатныя земли сдаются (какъ и въ турецкое время) въ аренду, съ половины продуктовъ, причѣмъ половина эта выплачивается или натурой, или деньгами. Земли, оставшіяся послѣ черкесовъ, или отдаются также въ аренду, или (главнымъ образомъ) надѣляются бѣженцамъ изъ Эракіи и Македоніи и прочему безземельному люду. Вакуфныя земли составлялись изъ а) земельныхъ участковъ, завѣщанныхъ и пожертвованныхъ на содержаніе мечетей, монастырей, училищъ, мостовъ, фонтановъ и т. п.; б) земель, десятина съ которыхъ назначена государствомъ въ пользу мечетей, и проч., и с) земель, отданныхъ владѣльцами при жизни, съ сохраненіемъ ими права пользоваться извѣстной частью доходовъ для себя. Земли первой и послѣдней категорій находятся въ завѣдываніи самихъ жертвователей или ихъ наслѣдниковъ; въ случаѣ же смерти жертвователей и отсутствія наслѣдниковъ, земли эти поступали прежде въ завѣдываніе такъ называемаго эвсафа, особаго министерства вакуфовъ, управляющаго въ Турціи землями 2-й категоріи и вообще всѣми дѣлами вакуфовъ; теперь же администрація этихъ земель лежитъ, конечно, на болгарскомъ правительствѣ. Обыкновенно въ каждомъ округѣ окружный совѣтъ сдаетъ всѣ эти вакуфныя земли въ аренду, а доходъ съ нихъ находится въ депозитѣ казначейства, откуда и выдается „джаміямъ“ (мечетямъ), школамъ и прочимъ турецкимъ учрежденіямъ по мѣрѣ надобности и съ разрѣшенія окружнаго управителя. Къ сожалѣнію, ни турецкое общество, ни духовенство не имѣютъ никакой возможности контролировать это управленіе вакуфами, что, разумѣется, не можетъ способствовать установленію добрыхъ отношеній между турецкимъ населеніемъ Болгаріи и ея правительствомъ.

Наконецъ, частная поземельная собственность въ Болгаріи распа-

дается на сравнительно небольшое *крупное* землевладѣніе—чифлики и *мелкое*. При отсутствіи въ настоящее время правильныхъ статистическихъ свѣдѣній о Болгаріи невозможно и сколько-нибудь точное опредѣленіе размѣровъ этихъ двухъ родовъ землевладѣнія. Приблизительно же, по отзывамъ болгаръ, можно думать, что чифлики составляютъ не болѣе $\frac{1}{4}$ всей поземельной собственности, и только въ нѣкоторыхъ, немногихъ, впрочемъ, округахъ, половина всей земли принадлежитъ бегамъ. Чифликами владѣютъ почти исключительно турки и только въ самое послѣднее время появились чифликчи изъ болгаръ, и то въ самомъ ничтожномъ пока количествѣ. Благодаря этому обстоятельству, министерству Каравелова удалось безъ всякаго труда провести законъ, который запрещаетъ продажу чифликовъ въ цѣломъ ихъ видѣ и никакой судъ не имѣетъ права утверждать крѣпостныхъ актовъ, относящихся къ такой продажѣ, могутъ же быть продаваемы земли крупныхъ имѣній только по частямъ, причѣмъ каждому лицу предоставляется покупать не болѣе 25 дюлюмовъ въ однѣ руки. Это ограниченіе приобрѣтать землю въ количествѣ, превышающемъ 25 дюлюмовъ, относится, нужно замѣтить, не только къ покупкѣ земли изъ чифликовъ, но и вообще ко всякой покупкѣ кѣмъ бы то ни было, у кого бы то ни было. Понятно, что такая мѣра, въ виду неудобства положенія нынѣшнихъ чифликчи - турокъ въ современной Болгаріи, при серьезномъ ея выполненіи могла бы, въ концѣ-концовъ, повести ни къ чему иному, какъ, если не къ полному уничтоженію, то къ большому затрудненію развитія въ будущемъ крупнаго землевладѣнія въ Болгаріи. Мѣра эта, впрочемъ, была вызвана не столько соображеніями этого рода, сколько опасеніями, чтобы турецкое крупное землевладѣніе не замѣнилось землевладѣніемъ какихъ-нибудь другихъ иностранцевъ, которые могли бы въ такомъ случаѣ явиться сильнымъ и, притомъ, не особенно желательнымъ факторомъ внутренней болгарской политики. Вѣроятно, поэтому законъ этотъ не имѣлъ до сихъ поръ вполнѣ строгаго примѣненія и постоянно обходится, особенно теперь, посредствомъ покупки земли не только на имя одного лица, но также и на имя его жены, cadaго изъ дѣтей, прочихъ родственниковъ и т. д. Понятно, что, въ виду этого, вопросъ о томъ, поведетъ ли этотъ аграрный законъ къ уравненію землевладѣнія и помѣшаетъ ли развиваться новому крупному землевладѣнію — остается вопросомъ, разрѣшеніе котораго будетъ зависетьъ отъ очень сложныхъ экономическихъ и политическихъ отношеній, могущихъ возникнуть и внутри страны, и особенно внѣ ея—съ сосѣдними государствами. Предсказывать въ этомъ отношеніи что-нибудь, конечно, трудно, хотя, кажется, вполнѣ слѣдуетъ пожелать, чтобы мелкое землевладѣніе продержалось въ Болгаріи до тѣхъ поръ, пока крупное земледѣльческое хозяйство могло бы водвориться въ Болгаріи на другихъ основаніяхъ, чѣмъ это было до сихъ поръ въ Западной Европѣ.

Переходя затѣмъ къ мелкому частному землевладѣнію, мы должны замѣтить, что оно въ Болгаріи и до сихъ поръ, въ строгомъ смыслѣ, не можетъ быть вполнѣ названо *частнымъ*. Въ настоящее время землевладѣніе частныхъ лицъ можно раздѣлить на два вида: личное вла-

дѣіе земель и семейно-общинное землевладѣніе, причеиъ оба эти вида связаны съ чисто общиннымъ владѣніеиъ или пользованіеиъ общественными лѣсами, пастбищами, а иногда и сѣнокосами. Что касается *ичмаго* владѣнія, то обыкновенно, кромѣ усадебной земли, предметомъ его бываетъ участокъ „нивы“—пахотной земли и „левады“—сѣнокоса, въ размѣрѣ того и другаго вмѣстѣ, среднимъ числомъ отъ 20 до 60 дюлюмовъ *). Наиболѣе бѣдные землевладѣльцы имѣютъ около 5-ти дюлюмовъ, самые же богатые около 200; но это уже цифры крайнія, встрѣчающіяся довольно рѣдко, вообще же среднее землевладѣніе колеблется между указанными нами выше размѣрами; при этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что землевладѣльцы-турки владѣютъ сравнительно болѣшимъ количествомъ земли, чѣмъ болгары, но это, по всей вѣроятности, очень скоро измѣнится, какъ вслѣдствіе переселенія турокъ, такъ и потому, что они, все-таки, потеряли уже свое прежнее, болѣе или менѣе привилегированное, положеніе въ странѣ.

Самый интересный въ теоретическомъ отношеніи видъ землевладѣнія въ Болгаріи—это, разумѣется, семейно-общинный. Къ сожалѣнію, относительно этой формы хозяйства, процвѣтающей еще въ Сербіи подъ именемъ „задруги“, мы менѣе всего богаты личными наблюденіями, такъ какъ семейная община, находящаяся въ настоящее время въ Болгаріи вообще въ состояніи разложенія, почти исчезаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, съ которыми намъ пришлось познакомиться. Поэтому мы должны будемъ ограничиться только нѣкоторыми свѣдѣніями, добытыми путемъ разспросовъ, остальное же постараемся дополнить данными, почерпнутыми изъ очень обстоятельной книги Богшича: *О юго-славянскомъ обычномъ правѣ **)*.

Оставляя пока въ сторонѣ подробное описаніе болгарской семейной общины, мы коснемся только характерныхъ чертъ ея, относящихся къ землевладѣнію. Постояннымъ, т.-е. недѣлимимъ и неотчуждаемымъ, имуществомъ семейной общины бываетъ обыкновенно *непокретно иманіе*, т.-е. именно, прежде всего, земля, а затѣмъ *орудія труда*. Нивы, левады, виноградники, иногда участки пастбища и лѣса, а также жилища, хозяйственные постройки, мельницы, сельско-хозяйственные орудія—составляютъ основное общинное имущество, унаслѣдованное общиной отъ предковъ и долженствующее перейти потомству и называемое: *иманіе, мюлкъ, стока, бащина, дѣдинна*. Самыя названія такого общиннаго имущества показываютъ какъ его происхождение, такъ и характеръ, представляя антитезу личной собственности—*„свойщина“*, *особины: добитъкъ, жива стока, покущина*, которая приобрѣ-

*) *Дюлюмъ, увратъ* или *пѣлонъ*, практикуемая въ Болгаріи мѣра поверхности, состоитъ изъ 4-хъ *леховъ*, изъ которыхъ каждый представляетъ собой десять квадратныхъ шаговъ (*раскрач*—шагъ, отъ слова *крак*—нога). Для болѣе конкретнаго опредѣленія этой послѣдней мѣры, т.-е. шага, служатъ разстояніе между колесами обыкновенной крестьянской тележки (колы), равняющееся почти 1-му метру. Такимъ образомъ, дюлюмъ можно считать равняющимся приблизительно почти 40 квадратнымъ метрамъ.

***) *V. Bogšić: „Zbornik sadosnijh pravnih obicaja i juznih slavena“*. Кн. I. Zagreb, 1874.

тается, независимо отъ общаго наследственнаго капитала, путемъ чисто личнаго труда или промысла. Такимъ образомъ, значить, болгарская семейная община владѣть сообща извѣстнымъ земельнымъ участкомъ на чисто общинныхъ основаніяхъ, т.-е. скорѣе *пользуется* землей, чѣмъ владѣть, такъ какъ по существующему обычаю земля, полученная отъ предковъ—*бащинна, дѣднина*, должна быть передана слѣдующей генерациі въ такомъ видѣ, въ какомъ была унаслѣдована живущей генерацией. Общинная земля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отчуждена; продажа ея можетъ состояться только развѣ въ самомъ крайнемъ случаѣ, вродѣ безысходной бѣдности, уплаты долга по рѣшенію суда и т. п. Небольшой участокъ поля или виноградника можетъ еще быть обмѣниваемъ на другой, или даже проданъ иногда съ цѣлью приобрѣтенія большаго или лучшаго участка, но и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, не иначе, какъ съ согласія всѣхъ рѣшительно полноправныхъ членовъ общины-семьи. Никто и не станеть въ Болгаріи покупать общинную землю, не заручившись напередъ такимъ согласіемъ, и если даже, наконецъ, такое согласіе и будетъ получено и земля перейдетъ въ собственность другихъ лицъ, то члены общины или ихъ потомки, все-таки, сохраняютъ всегда за собою право выкупить свою землю обратно, возвративши заплаченные за нее деньги. Общинная земля и прочее постоянное недвижимое имущество, какъ мы сказали, должны всегда оставаться принадлежащими общинѣ, и изъ нихъ никогда не можетъ быть выдѣлена никакая часть ни по выдѣлу, ни по завѣщанію въ отдѣльное владѣніе кому-нибудь изъ членовъ общины. Пока существуетъ семейная община, ея земельный участокъ остается въ полной неприкосновенности, дѣлежъ же происходитъ только при окончательномъ распаденіи самой общины, о которомъ мы будемъ говорить послѣ. Для болѣе полной характеристики семейно-общиннаго землевладѣнія прибавимъ еще, что семья не только сообща владѣть землей, но и сообща ею пользуется. При недѣлимости семьи, при жизни всей семьи, какъ бы велика она ни была, подъ одной крышей, все хозяйство, а въ томъ числѣ, прежде всего, обработка земли, производится сообща всѣми членами семьи-общины, подъ управленіемъ главы семьи—*домакина*, которымъ бываетъ или отецъ (баща), или кто-нибудь изъ старшихъ родственниковъ; сообща же, какъ увидимъ далѣе, происходитъ и потребленіе продуктовъ этого общиннаго хозяйства.

Такою представляется въ отношеніи землевладѣнія болгарская *семейная* община, которая теперь, какъ мы сказали уже, почти никогда не охватываетъ собою цѣлаго поселенія, за исключеніемъ совѣмъ еще примитивныхъ балканскихъ „колибъ“, представляющихъ собою еще деревенскую общину въ малыхъ размѣрахъ. Но, несмотря на то, что каждая изъ составляющихъ современную болгарскую деревню семейныхъ общинъ владѣть отдѣльнымъ участкомъ земли, несмотря на то, что, вслѣдствіе постоянно прогрессирующаго распаденія семейныхъ общинъ, современная Болгарія теперь уже представляетъ собою въ значительной степени страну личнаго землевладѣнія, *деревенская* община еще сохранила извѣстную долю своего первобытнаго экономического характера, владѣя сообща въ качествѣ коллективнаго юриди-

ческаго лица лѣсами, пастбищами и иногда сѣнокосами, а въ нѣкоторыхъ округахъ, по словамъ книги Божишича, и пахотными землями, находящимися по берегамъ рѣкъ (вѣроятно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воздѣлывается рисъ), каменоломнями, залежами глины, кирпичными заводами, церковнымъ имуществомъ и, наконецъ, общественными суммами деревни. Всѣмъ этимъ болгарская деревенская община владѣтъ какъ самостоятельная эконоическая, а не только административная единица (какою она въ сущности никогда и не была), и владѣтъ, нужно замѣтить, вполне общиннымъ способомъ; по крайней мѣрѣ, относительно пастбищъ, и лѣсовъ, которые въ Болгаріи почти никогда не бывають предметомъ личнаго владѣнія. Какъ лѣснымъ матеріаломъ для построекъ, такъ и деревомъ для топлива, каждый членъ деревенской общины имѣтъ право пользоваться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ своихъ потребностей. Пользованіе это, впрочемъ, регулируется тѣмъ, что каждый, желающій вырубить для себя извѣстное количество лѣса, долженъ заявлять объ этомъ *кмету* (старшинѣ) своей деревни и получить отъ него письменное разрѣшеніе; что же касается дровянаго лѣса, то ежегодно, по рѣшенію схода деревенской общины, отводится для рубки топлива извѣстная дѣлянка, въ которой каждый изъ членовъ общины имѣтъ право рубить столько дровъ, сколько ему необходимо, разумѣется, опять-таки, съ вѣдома и подъ надзоромъ кмета. Кромѣ того, пользованіе лѣсомъ обусловливается еще оставшимся со времени турокъ налогомъ въ пользу казны въ размѣрѣ 10% со стоимости вырубляемаго лѣса. Этотъ лѣсной налогъ взимался во времена турецкаго управленія исключительно только съ строеваго лѣса, теперь же онъ взимается со всѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ. Тѣ деревни, которыя въ предѣлахъ своихъ владѣній не имѣють лѣсовъ, пользуются лѣснымъ матеріаломъ изъ большихъ лѣсовъ сосѣднихъ деревень, составляющихъ, такимъ образомъ, предметъ совмѣстнаго пользованія нѣсколькихъ селъ. Въ случаѣ же отсутствія такихъ лѣсовъ, деревенская община пользуется казенными лѣсами на тѣхъ же основаніяхъ. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что деревенскія общины пользовались иногда своими правами относительно лѣсовъ самымъ хищническимъ образомъ, продавая ихъ на срубъ, гуртомъ, или губя ихъ въ высшей степени безпорядочною рубкою, особенно во время турецкаго правительтва. Въ результатѣ этого оказывается и теперь уже значительное обезлѣсеніе Болгаріи и величайшая трудность удержать лѣсонстребленіе теперь, несмотря даже на очень строгіе законы въ этомъ отношеніи. Что касается затѣмъ пастбищъ, то они находятся также въ общемъ пользованіи всей деревни и, притомъ, безъ всякихъ ограниченій относительно числа головъ пасомаго скота, — ограниченій, практикуемыхъ, какъ извѣстно, на общинныхъ пастбищахъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи. Въ Болгаріи каждый членъ общины имѣтъ право выгонять на пастбища столько скота, сколько онъ имѣтъ; что же касается лицъ, постороннихъ общинѣ, то они могутъ пользоваться пастбищемъ только по договору съ общиной, болѣею частію по найму. Иногда случается, что нѣсколько деревень имѣють одно пастбище, въ такомъ случаѣ особеннымъ предметомъ общаго вниманія бываетъ

наблюденіе, чтобы никакая часть общаго пастбища не была обращена которою-нибудь изъ деревень подъ пахоть или сѣнокось. Выдѣлъ части пастбища допускается только въ томъ случаѣ, если обнаруживается у нѣкоторыхъ членовъ деревенской общины недостатокъ въ сѣнокосахъ, и тогда выдѣляемая часть пастбища превращается въ общественный сѣнокось, сѣномъ съ котораго пользуются всѣ, неимѣющіе собственныхъ левадъ. Понятно, что такой выдѣлъ общественного выгона совершается не иначе, какъ по рѣшенію всей деревенской общины.

Такіе факты, какъ общинное владѣніе землями и пастбищами, совмѣстность этого владѣнія между нѣсколькими деревнями, право пользоваться сосѣдними и казенными лѣсами въ случаѣ недостатка своихъ и, наконецъ, внесеніе 10% налога со всякаго вырубленнаго лѣснаго матеріала, отъ котораго налога не свободны даже владѣльцы чифликовъ, если они рубятъ и свой собственный лѣсъ,—все это, по нашему мнѣнію, нельзя не разсматривать, какъ признаки когда-то существовавшей вполне правильной деревенской общины, распавшейся потомъ на общины семейныя, соотвѣтствующія сербской задругѣ. Налогъ на рубку лѣса, обязательный даже для чифликчи, помѣщиковъ,—это несомнѣнный остатокъ того отдаленнаго времени, когда лѣса и пастбища были еще *res nullius* и когда только развѣ возникшее позже государство могло считаться чѣмъ-то вродѣ верховнаго ихъ собственника. Если же мы прибавимъ ко всему этому еще фактъ существованія обычая, по которому, какъ мы упоминали уже, потомки личныхъ владѣльцевъ земли или даже сосѣдніе землевладѣльцы сохраняютъ за собой въ Болгаріи право выкупа или преимущественной передъ прочими приобрѣтателями покупки земельного участка, въ случаѣ его продажи, то мы, кажется, должны придти къ заключенію, что и въ настоящее время абсолютное право собственности на землю въ Болгаріи еще не существуетъ *). Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ, начиная отъ личнаго мелкаго землевладѣльца, обязаннаго обычаемъ уступать свою землю потомкамъ прежнихъ владѣльцевъ или сосѣдямъ преимущественно передъ другими покупателями, и кончая помѣщикомъ, неимѣющимъ права рубить свой лѣсъ безъ уплаты десятины въ казну, право земельной собственности является чѣмъ-то условнымъ и во всякомъ случаѣ неполнымъ. Это, впрочемъ, и вполне понятно, если мы припомнимъ, что Болгарія, благодаря историческимъ обстоятельствамъ,

*) Къ сожалѣнію, отсутствіе какой бы то ни было статистичекой рѣшительно не позволяетъ намъ опредѣлить хотя съ приблизительной точностью то отношеніе, которое существуетъ между частнымъ и общинно-семейнымъ землевладѣніемъ въ Болгаріи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и при существованіи статистики опредѣленіе это было бы очень труднымъ, такъ какъ раздѣлъ семейной общины не всегда еще служитъ началомъ личной собственности. Семья до того еще крѣпка въ Болгаріи, что даже обособившись, она имѣетъ тенденцію снова развиться въ семью-общину. Мы знаемъ примѣры большихъ семействъ, давно уже оставившихъ земледѣліе и практикующихъ полное раздѣленіе труда между своими членами, но, все-таки, живущихъ совместно, со многими признаками общинности. Такими являются очень часто семьи, напр., купцовъ и даже чиновниковъ и проч.

попала подъ власть турокъ въ то время, когда римскія юридическія воззрѣнія на собственность не могли еще пустить въ ней прочныхъ корней. Благодаря этому, а также благодаря почти полному невмѣшательству турокъ въ коммунальные обычаи и общественную организацію подвластныхъ имъ народовъ, въ Болгаріи точно также, какъ въ Сербіи, несмотря на слабыя попытки турецкой феодализаціи, сохранились чисто славянскія воззрѣнія на собственность и многія первобытно-славянскія экономическія формы. И только теперь начинаютъ видоизмѣняться эти воззрѣнія и формы, по уже подъ влияніемъ совсѣмъ другихъ условий, о которыхъ мы скажемъ послѣ, когда будемъ говорить о распаденіи современной болгарской семейной общины и о связанныхъ съ этимъ распаденіемъ прочихъ общественныхъ явленіяхъ.

II.

Охотничьи промыслы въ Болгаріи: ловля звѣрей и рыболовство, рыболовныя «содружничества».—Земледѣліе: земледѣльческія орудія (между прочимъ, и каменные) и приемы.—Орошеніе.—Организація земледѣльческаго труда.—Толока и общественныя запашки.—Рабочія «дружества» или артели земледѣльцевъ.—Хозяйство чифликовъ.—Скотоводство, ичеловодство и проч.

Совершенно въ параллель съ примитивностью землевладѣнія идетъ въ Болгаріи и примитивность земледѣлія, равно какъ и другихъ видовъ промысла и продукціи. За исключеніемъ нѣкоторыхъ поселеній по берегамъ Дуная и по окраинамъ Чернаго моря, гдѣ держится еще рыболовство въ качествѣ спеціальнаго занятія жителей, охотничьи промыслы въ Болгаріи существуютъ уже только въ видѣ прибавочныхъ къ земледѣлію и другимъ формамъ труда, играя при этомъ, все-таки, видную роль въ хозяйствѣ. Каждый болгарскій земледѣлецъ зимою, кромѣ того, и *ловчій*; съ наступленіемъ зимы онъ отправляется охотиться на кабановъ, участвуетъ въ облавахъ, устраиваемыхъ на волковъ, и проч. Также точно рядомъ съ земледѣльческимъ хозяйствомъ идетъ очень часто и занятіе рыболовствомъ. Самый простѣйшій и вмѣстѣ примитивнѣйшій видъ этого промысла состоитъ въ ловлѣ просто *руками*. Такимъ образомъ ловятъ преимущественно небольшихъ сомовъ: человекъ осторожно входитъ въ воду, держась возлѣ какихъ-нибудь свай или камыша, о которые любятъ тереться сомы, подкарауливаетъ ихъ, быстрымъ движеніемъ хватаетъ пальцами за жабры и нанизываетъ пойманную рыбу на гибкій ивовый прутыкъ. Достаточно примитивенъ также, хотя и не лишень оригинальной замысловатости, способъ ловить рыбу на скакалецъ или штурецъ. Штурецъ или скакалецъ—это ничто иное, какъ обыкновенный кузнечикъ; ихъ ловятъ, прикрѣпляютъ къ ихъ заднимъ ножкамъ небольшіе шарки изъ тѣста, сдѣланнаго изъ какого-то растенія, называемаго просто „желта-трава“, очень ядовитаго для рыбъ, и пускаютъ въ такомъ видѣ на поверхность воды. Рыба, замѣтивши движенія кузнечиковъ, хватается шарки, прикрѣпленные къ ихъ ножкамъ, отравляется или одурѣваетъ, какъ отъ употребляемаго у насъ кувельвана, и выплываетъ на поверх-

ность воды, откуда ее и вылавливают саками. Въ неособенно глубокой водѣ часто ловятъ рыбу большими саками, форма которыхъ представляетъ половину конуса, разрѣзаннаго по оси. Еще чаще употребляется восточный, довольно оригинальный рыболовный снарядъ, называемый по-турецки *сертме* или по-болгарски *мръжя*; это круглая сѣтка, обвѣшанная по окружности свинцовыми шариками. Ее берутъ въ руки за центральную часть, собираютъ какимъ-то особеннымъ образомъ въ рукѣ и бросаютъ такъ, что она ложится на воду, развернувшись полнымъ кругомъ, и затѣмъ, разувѣтся, тонетъ, послѣ чего ее вытаскиваютъ такъ, что свинцовые грузики сходятся внизу вмѣстѣ и сѣтка образуетъ родъ мѣшка, въ которомъ трепещется захваченная рыба. Всѣ эти способы рыболовства одиночны, т.-е. не требуютъ болѣе одного человѣка. Затѣмъ ловля рыбы *кошами* требуетъ уже, по крайней мѣрѣ, двухъ человѣкъ. Она производится, какъ и у насъ, посредствомъ сплетенныхъ изъ лозы или тростника конусообразныхъ снарядовъ, которые разставляются въ разныхъ, преимущественно въ глубокихъ, мѣстахъ рѣки. Наконецъ, въ большихъ размѣрахъ, требующихъ уже большаго количества рукъ, рыбу ловятъ неводами — *боазъ-кесенъ*, имѣющими совершенно такое же устройство, какъ и у насъ. Въ организаціи рыбнаго промысла отчасти удѣляла еще старая артельная форма „*содружничества*“, отчасти же замѣнилась уже и замѣняется ловлей отъ хозяина-предпринимателя. Содружничество—это совершенно свободная артель, образуемая иногда на нѣсколько дней, иногда же на все лѣто. Входя въ эту артель, каждый изъ „содружниковъ“ вноситъ что-нибудь изъ вещей, необходимыхъ для промысла: это лодку, кто сѣтъ, кто весла и т. д.; затѣмъ каждый вноситъ свою долю сѣстныхъ припасовъ, потребленіе которыхъ притомъ расходится, впрочемъ, сообща всѣмъ разомъ. Роль атамана или распорядителя въ содружествѣ поручается обыкновенно кому-нибудь болѣе опытному въ рыболовномъ промыслѣ, но она не соединяется рѣшительно ни съ какими привилегіями, и при раздѣлѣ удова всѣ содружники получаютъ поровну. При ловлѣ отъ хозяина, всѣ рыболовныя снасти принадлежатъ, конечно, ему, а рыболовы играютъ роль простыхъ наемныхъ рабочихъ, получающихъ, независимо отъ удова, поденную или мѣсячную плату. Переходъ отъ артельной формы къ предпринимательству въ рыбномъ промыслѣ обуславливается, прежде всего, создаваемой правительствомъ, съ фискальными цѣлями, монополизацией промысла, посредствомъ отдачи рыбныхъ озеръ, лимановъ и проч. въ аренду и взиманія десятины съ рыбы, пойманной въ морѣ или въ Дунаѣ. Кромѣ того, играетъ свою роль, конечно, и расширеніе самаго промысла, связанное съ усовершенствованіемъ орудій, требующимъ большихъ издержекъ, а, главное, постоянства артели.

Господствующую въ Болгаріи систему сельскаго хозяйства едва ли даже можно назвать трехпольною, такъ какъ въ нѣкоторыхъ, особенно малоземельныхъ хозяйствахъ, землю, вмѣсто того, чтобы оставлять подъ паромъ, засѣваютъ овсомъ (на сѣно, впрочемъ) или кукурузою. Земля вспахивается обыкновенно раломъ, плугъ же (въ одну или въ двѣ пары воловъ или буйволовъ) употребляется только для вспахива-

нія нови или залежи. Оба эти орудія такого же примитивнаго устройства, какъ и у насъ, съ той развѣ разницей, что ярмо для воловъ отличается еще большей неуклюжестью, чѣмъ наше малороссійское. Удобреніе почвы производится очень рѣдко. На озими въ первый разъ вспахиваютъ землю въ сентябрѣ и затѣмъ второй разъ въ октябрѣ для закрытія посѣва. На яровые посѣвы вспахиваютъ землю съ осени и затѣмъ перепашиваютъ весной въ мартѣ. Для запахиванія посѣва рѣдко употребляются даже рало или борона, обыкновенно же привязываютъ къ лошади какой-нибудь сухой кустъ съ положенными на него камнями или что-нибудь въ этомъ родѣ и таскаютъ по полю. Сѣютъ рожь, пшеницу, ячмень, овесъ, просо, кукурузу; въ сѣверной Болгаріи, главнымъ образомъ, рожь, въ южной же пшеницу; собираютъ хлѣбъ съ полей точно такъ же, какъ и у насъ въ Малороссіи, свозятъ на гумно и складываютъ въ *кладни* (13 сноповъ, складываемыхъ крестообразно колосьями къ центру). Затѣмъ молотѣба производится посредствомъ такъ наз. *гармана* или *гарман-біз* и почти никогда цѣпами, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нужна бываетъ въ хозяйствѣ солома въ снопахъ, что случается рѣдко, такъ какъ для крышъ почти всегда употребляется исключительно черепица. Гарманъ — это круглая, тщательно утоптанная площадка съ врытымъ посредникъ столбомъ, къ которому привязывается на веревкѣ нѣсколько лошадей. На этой площадкѣ раскладываются снопы и лошадей заставляютъ бѣгать по нимъ, вокругъ столба, отъ времени до времени передвигая и подравнивая солому, чтобы она попадала подъ лошадиныя копыта, которыми зерно и выбивается изъ колосьевъ. Затѣмъ, послѣ достаточнаго повторенія этой операціи, солому убираютъ и приступаютъ къ очисткѣ оставшагося на площадкѣ зерна, посредствомъ вѣянія. Хозяева же, неимѣющіе достаточнаго для этой цѣли количества лошадей или воловъ, употребляютъ для молотѣбы особое, довольно оригинальное, орудіе—*диканы*, на которое намъ хотѣлось бы обратить вниманіе археологовъ и этнографовъ. Это орудіе представляетъ собой нѣчто вродѣ днища обыкновенныхъ русскихъ саней, конечно, безъ полозьевъ, или, другими словами, довольно длинную, широкую и тяжелую доску, съ одной стороны загнутую вверхъ на подобіе передка саней; нижняя сторона этой доски усажена вбитыми въ нее небольшими камнями, расположенными въ нѣсколько продольныхъ рядовъ. Молотѣба посредствомъ этого каменнаго орудія производится такъ, что, вмѣсто нѣсколькихъ лошадей на гарманѣ, впрягаютъ въ эти диканы, къ приподнятому ихъ концу, одну или двѣ лошади и таскаютъ, такимъ образомъ, это орудіе по снопамъ, причѣмъ камни выбиваютъ зерно изъ колосьевъ. Если тяжесть диканъ оказывается недостаточной, то на нихъ становится человекъ, или накладываются еще камни сверху. Кромѣ диканъ, употребляются еще для той же цѣли высѣченныя изъ камня тяжелые цилиндры съ продольными насѣчками въ видѣ желобковъ; цилиндры эти также прикрѣпляются къ упряжкѣ лошади и ихъ такимъ образомъ таскаютъ по гарману. Иногда, вмѣсто такихъ каменныхъ цилиндровъ, употребляется просто толстые древесные пни, усаженные множествомъ вбитыхъ въ нихъ клинь-

евъ. Послѣ вѣянiя, очищенное и просушенное на солнцѣ зерно складываютъ въ *житнику*. Это деревянная постройка, помѣщающаяся довольно высоко надъ землей въ каменныхъ столбахъ и раздѣленная обыкновенно перегородками на 4 отдѣленiя, замѣняющiя собою наши закрома—для ржи, ячменя, овса и кукурузы. Иногда житница бываетъ только о 3-хъ отдѣленiяхъ, тогда кукуруза помѣщается въ особой пристройкѣ, называемой *кошъ*. Кошъ представляетъ собой плетеную изъ лозы и обмазанную изнутри, а иногда и снаружи, глиной постройку, въ видѣ усѣченного конуса, метра 1½ въ основанiи, съ полукруглой крышей. Въ нижней части коша дѣлается небольшая дверца, посредствомъ которой выбираютъ изъ коша кукурузу, чтобы не раскрывать крыши, снимающейся только во время наполненiя его. Оставшаяся послѣ вѣянiя мякина помѣщается въ особой постройкѣ, называемой *плевникъ*, которая дѣлается также изъ хвороста, на подобiе хлѣбовъ какъ нашихъ малороссiйскихъ, такъ и болгарскихъ, очень другъ на друга похожихъ. Для помѣщенiя сѣна служитъ *чарданъ* или *поуръ* — деревянная платформа, помѣщающаяся на деревянныхъ же столбахъ въ человѣческой ростъ вышиною, на которой и складываются стоги сѣна, во избѣжанiе порчи отъ сырости и мышей. Всѣ эти хозяйственныя постройки, равно какъ и помѣщенiя для скота, располагаются опредѣленнымъ способомъ въ двухъ дворахъ, находящихся при всякой болгарской усадьбѣ, объ обыкновенномъ устройствѣ которой будетъ сказано ниже. Овины, какъ и у насъ въ Украинѣ, здѣсь вовсе неизвѣстны. Кукурузу, обломавши съ стеблей, связываютъ въ пучки и развѣшиваютъ для просушки; когда же она просохнетъ, то обираютъ зерно просто руками, собираясь для этого по нѣсколько семей поочереды другъ у друга.

Рисъ (*урисъ*) разводится только въ Румелии около Пловдива (Филиппополя) и Татаръ-Пазарджика, на поляхъ, называемыхъ *челтици*, находящихся по берегамъ рѣкъ, искусственно заливаемыхъ для этой цѣли водою. Въ прошломъ году, впрочемъ, рѣшенiемъ областного собранiя было постановлено уничтоженiе этихъ рисовыхъ плантацiй (*челтиковъ*) въ виду распространяемыхъ ими болѣзней. Картофель разводится въ небольшомъ количествѣ и почти только въ огородахъ. Табакъ воздѣлывается на ловадахъ и на поляхъ, ленъ и конопля — на нивахъ. Изъ масличныхъ растений особенно важенъ въ Болгарiи кунжутъ (*шерланъ*). Изъ овощей разводятся бобы, горохъ, фасоль и проч.—на огородахъ, огурцы, дыни, арбузы, тыква—на бахчахъ. Въ садахъ, главнымъ образомъ, сливы, черешни, вишни, груши, яблоки, дюли (айва), волошскiе орѣхи. Виноградники (лозя) бываютъ въ большомъ видѣ при усадьбахъ, въ градинахъ (садахъ), но, главнымъ образомъ, совсѣмъ отдѣльно, за селомъ, причѣмъ виноградники всего села или даже города почти всегда бываютъ расположены вмѣстѣ. По большей части тамъ же, вмѣстѣ съ виноградниками, бываютъ и фруктовые сады.

Орошенiе полей почти не существуетъ, но за то практикуется замѣчательная старательная система орошенiя огородовъ и иногда луговъ. Окколо рѣки, стовка, ручья, а то и просто нарочно выкопан-

наго водоема, расположеннаго такъ, чтобы въ него отовсюду стекала по канавкамъ дождевая вода, устанавливается колесо вродѣ мельничнаго, съ сдѣланными по окружности его деревянными или желѣзными ящичками, открытыми сбоку вдоль окружности и, разубѣтся, въ одну сторону. Это колесо вращается посредствомъ вала, захватываемаго зубчатымъ колесомъ самаго примитивнаго устройства; колесо же это приводится въ движеніе посредствомъ рычага, къ которому припрягается пара лошадей или биволицъ (буйволовъ). Вращаясь, мельничное колесо зачерпываетъ своими ящичками воду, подымаетъ ее вверхъ и выливаетъ въ довольно высоко помѣщенное корыто, изъ котораго вода течетъ сначала по желобкамъ, а потомъ по канавкамъ, прорытымъ на пространствѣ (иногда очень большомъ) всего огорода. Канавки эти, развѣтвляясь, обходятъ каждую изъ очень многочисленныхъ грядокъ, на которыя разбитъ весь огорода, и приспособлены такъ, что буквально каждые 2 — 3 квад. фута поверхности очень обильно снабжаются водою. Весь этотъ оросительный аппаратъ чрезвычайно простъ и можетъ быть устроенъ не только плотникомъ, но и каждымъ крестьяниномъ, умѣющимъ обращаться съ топоромъ. Онъ не требуетъ почти никакихъ особенныхъ расходовъ и приноситъ замѣчательно хорошіе результаты, давая возможность поддерживать въ огородахъ самую богатую растительность во время даже очень большой засухи. Введеніемъ этой системы орошенія болгары обязаны туркамъ, которые, отличаясь страстью и даже религіознымъ уваженіемъ въ водѣ, дошли въ этомъ отношеніи до невѣдомой европейцамъ степени совершенства. Каницъ, помѣщая въ своей книгѣ *) рисунокъ описаннаго нами аппарата для орошенія, говоритъ объ этой системѣ съ большимъ уваженіемъ, считая ее хотя и позаимствованной у турокъ, но оригинальною, все-таки, для придунайской Болгаріи. Это послѣднее, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ система эта распространена во всей Румыніи, благодаря, впрочемъ, тамошнимъ болгарамъ-огородникамъ, а, кромѣ того, намъ приходилось видѣть ее также по берегамъ Роны въ Швейцаріи и слышать о ея существованіи въ южной Франціи, куда она занесена, по всей вѣроятности, отъ испанскихъ мавровъ. У насъ, въ Россіи, система эта могла бы найти очень широкое примѣненіе также на огородахъ, въ особенности на югѣ, а, кромѣ того, на табачныхъ плантаціяхъ и т. п. Говоря объ орошеніи, нельзя не прибавить, что во всей Болгаріи, да и въ Румыніи тоже, точно также, какъ и вездѣ, куда только проникла восточная цивилизація, трудно встрѣтить какой-нибудь ручей въ его первобытномъ видѣ: всѣ выѣстилица воды самымъ тщательнымъ образомъ регулируются и направляются къ сохраненію и утилизаціи всякой атмосферной и почвенной влаги.

Что касается организации земледѣльческаго труда, то она почти совершенно одинакова и въ семейной общинѣ, и въ надѣльномъ мелкомъ хозяйствѣ. Объ устройствѣ семейной общины мы намѣрены говорить далѣе, такъ какъ въ цѣльномъ изложеніи это будетъ гораздо

*) F. Kancitz: „Donau-Bulgarien“, p. 220.

интересѣ для читателя. Въ отдѣльныхъ же хозяйствахъ взрослые, т.-е. могущіе работать, члены семьи представляютъ собою почти исключительно весь контингентъ рабочей силы. Раздѣленіе земледѣльческаго труда между членами семьи почти совершенно то же, что и у насъ: разработка новыхъ нивъ, борчеваніе пней, паханіе, посѣвъ, косьба, рубка дровъ, производство и починка хозяйственныхъ орудій и инструментовъ,—все это виды труда, лежащаго исключительно на мужчинахъ, какъ требующіе или довольно большого количества силы, или особеннаго умѣнья. Затѣмъ въ жатвѣ, кладкѣ сноповъ, работѣ въ виноградникахъ и огородахъ, на кукурузныхъ плантаціяхъ, молотбѣ на гарманѣ, а иногда и въ пастыбѣ стадъ принимаютъ участіе и женщины. Баштѣ (отецъ) руководитъ и распоряжается всѣми работами, принимая, разумѣется, и самъ въ нихъ участіе, если не занятъ дѣлами, требующими его отсутствія, вродѣ поѣздокъ, участія въ общественныхъ дѣлахъ и т. п. Посторонніе рабочіе въ малыхъ хозяйствахъ встрѣчаются очень рѣдко, но если бываютъ, то работаютъ обыкновенно наравнѣ съ членами семьи и плату получаютъ, по большей части, натурою, кромѣ того, получаютъ пищу и обувь тоже отъ хозяевъ.

Нѣкоторые земледѣльческія и хозяйственныя работы совершаются всѣми жителями деревни или соединенными силами большей или меньшей группы сосѣдей. Таковы, прежде всего, работы на общественныхъ поляхъ, предназначенныхъ для содержанія церквей, школъ и другихъ учреждений и составляющихъ выдѣленную для этой цѣли часть общественаго пастбища. Эта общественная работа—*тлъка* (названіе вполнѣ, кажется, соответствующее малорусской *толокѣ* и великорусской *идмочи*) совершается обыкновенно всегда въ праздники и сопровождается угощеніемъ, музыкой, танцами (хора) и проч. и въ ней всегда принимаетъ участіе все рабочее населеніе деревни. Въ другихъ случаяхъ толоки, не имѣющихъ такова вполнѣ общественаго значенія, какъ поддержка церквей и т. п., а имѣющихъ частный характеръ, участвуетъ обыкновенно только группа сосѣдей. Посредствомъ такой тлъки производится: сборъ винограда для вина, сборъ конопли, трепаніе ея и чистка послѣ вымочки, вылуциваніе кукурузы и т. п. Толокою также совершается и очистка дворовъ отъ навоза. Это обыкновенно бываетъ разъ въ году, въ день св. Игнатія, передъ Рождествомъ, всегда во всей деревнѣ разомъ, причемъ деревня дѣлится на группы („кутки“, какъ говорится на Украинѣ) въ 15—30 сосѣдей, и каждая группа, собираясь вмѣстѣ, производитъ очистку навоза поочереды другъ у друга. Приготовленія къ этому дню дѣлаются какъ къ какому-нибудь празднику; въ самый же день всѣ встаютъ очень рано, ночью еще собираются въ назначенный заранѣе дворъ и приступаютъ къ его очисткѣ, послѣ чего слѣдуетъ угощеніе „съ винкомъ“ и музыкой; затѣмъ переходятъ въ слѣдующій дворъ, продѣлываютъ то же самое и т. д. до конца.

Кромѣ этихъ видовъ земледѣльческой общественной коопераціи, постоянно практикуется въ Болгаріи, также какъ и у насъ на Украинѣ, „спряжка“, т.-е. соединеніе рабочаго скота и орудій нѣсколькими сосѣдами и обработка полей поочереды общими силами, „спілка“, т.-е.

аренда поля сообща и совмѣстная его обработка и т. п. Изъ этого рода ассоціацій особенно интересны земледѣльческія рабочія „дружества“, описаніе которыхъ мы позаимствуемъ изъ книги Богишича, такъ какъ нами непосредственно они не могли быть изслѣдованы, а, между тѣмъ, представляютъ собой очень интересное экономическое явленіе. Лѣтомъ, въ Лѣсковацкомъ округѣ, рабочіе, неимѣющіе достаточнаго количества работы дома, отправляются на такъ называемыя „мабаша“, т.-е., соединяясь въ „дружество“ или артель, идутъ въ Румынію, Сербію, Турцію, Венгрію, Австрію, иногда и въ южную Россію, гдѣ или снимаютъ землю на лѣто и обрабатываютъ ее сами на свой счетъ и рискъ, или же просто чинимаются всѣмъ дружествомъ на жатву и прочія земледѣльческія работы. Такое земледѣльческое дружество составляетъ изъ 15—60-ти, а иногда 100 человекъ, подъ предводительствомъ „главатаря“. Члены такого дружества бывають разнаго рода, смотря по размѣрамъ своего участія трудомъ и капиталомъ: 1) члены, участвующіе и трудомъ, и капиталомъ; 2) однимъ трудомъ безъ капитала; 3) участвующіе какъ въ прибыли, такъ и въ убыткахъ; 4) принимающіе участіе только въ прибыли, но не раздѣляющіе риска предпріятія; 5) „случи“ и 6) поденщики. Дружество обыкновенно составляетъ къ 18 января или къ 1 февраля, или 1 марта, а ликвидируетъ свои дѣла и расходится въ Николинъ день. Участіе въ прибыляхъ предпріятія, конечно, всегда бываетъ пропорціонально съ участіемъ въ предварительныхъ издержкахъ: кто вноситъ большую долю капитала и труда, тотъ получаетъ большую долю и въ прибыли, но принимаетъ также на себя и долю риска, участвуя также въ убыткахъ. Пользующіеся же меньшей долей прибыли „простые работники“ въ убыткахъ не участвуютъ. Вслѣдствіе этого и того, что „сами работники не всѣ одинаковы“, и доли прибыли, получаемыя членами дружества, бывають очень различны. „Главатарь“, который управляетъ всѣмъ предпріятіемъ и который бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и наиболѣе крупнымъ вкладчикомъ въ капиталъ предпріятія, имѣетъ и наибольшую долю въ прибыли; онъ обыкновенно получаетъ 2 или даже 3 доли. Затѣмъ остальные, смотря по степени участія, получаютъ 2, $1\frac{1}{2}$, $1\frac{1}{3}$, 1, $\frac{3}{4}$, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, и даже $\frac{1}{8}$ доли. Очень важное обстоятельство при составленіи капитала для предпріятія составляетъ то, что каждый желающій участвовать не только трудомъ, но и капиталомъ, но неимѣющій при этомъ денегъ, можетъ, тѣмъ не менѣе, внести извѣстную долю въ капиталъ, уплативши % на извѣстную сумму въ размѣрѣ обыкновенно 20%; тогда онъ считается участникомъ въ капиталѣ предпріятія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и должникомъ кассы „дружества“. Иногда это же самое достигается путемъ частнаго займа у главатаря или у кого-нибудь изъ членовъ дружества. Всякій работаетъ сколько и какъ можетъ, конечно, въ зависимости отъ общаго хода работы; работаетъ и самъ главатарь, сколько успѣетъ, такъ какъ онъ имѣетъ на себѣ много другихъ обязанностей: онъ представляетъ собой все дружество, ведетъ дѣла съ разными лицами и властями, онъ снимаетъ землю для обработки, хранитъ у себя кассу, выдаетъ, что кому нужно, — однимъ словомъ, заботится о всѣхъ интересахъ дружества. Въ случаѣ, если

кто изъ членовъ друщества заболѣтъ во время работы, его лечатъ на счетъ общей кассы, но потомъ вычитаютъ издержки на леченіе изъ его доли. Если кто заболѣтъ очень сильно, такъ что лишится надолго возможности участвовать въ работахъ, но не желаетъ, тѣмъ не менѣе, выйти изъ друщества, то онъ можетъ поставить вмѣсто себя наемнаго работника. Когда работы окончатся, наступаетъ расчетъ и дѣлежъ прибылей. Прежде всего, получаютъ свою долю низшіе члены друщества—не заплаченные еще поденщики, слуги и члены, не раздѣляющіе риска. Затѣмъ оцѣниваются оставшіяся орудія, сѣмена на посѣвъ, посуда и прочее мелкое имущество друщества, которое обыкновенно главатаръ оставляетъ за собою, вычитая изъ своей доли соотвѣтствующую сумму по оцѣнѣ; затѣмъ происходитъ дѣлежъ между членами друщества по условленнымъ долямъ.

На жатву ржи и косьбу идутъ для заработковъ больше въ старопланинскіе округи, въ Румелию или Добруджу. Собираются обыкновенно отъ 50 до 100 *момче* и *момичекъ* (парней и дѣвушекъ), образуютъ собой рабочее друщество и подъ предводительствомъ „драгомана“ отправляются на заработки. Такъ какъ для этого сорта артели особеннаго капитала не требуется, то участіе въ ней гораздо проще: все, что зарабатывается, идетъ въ общую артельную кассу и, по возвращеніи, дѣлится поровну. „Драгоманъ“ играетъ такую же роль въ этомъ друществѣ, какъ главатаръ въ предъидущемъ (за исключеніемъ, конечно, капитала); ему же поручаютъ родители и надзоръ за своими, часто еще очень молодыми дѣтьми, особенно за дѣвушками.

Хозяйство въ помѣщичьихъ имѣніяхъ (чифликахъ) почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго крестьянскаго хозяйства въ отношеніи системы, орудій и т. п. Вся разница заключается въ томъ, что въ чифликахъ работаютъ больше лошадьми, чѣмъ волами или буйволами, каменныхъ орудій для молотбы не употребляютъ, хотя не употребляютъ и европейскихъ молотилокъ и т. п. Вообще сельско-хозяйственныя машины и агрономическія усовершенствованія здѣсь почти вовсе не нашли еще себѣ мѣста; насъ увѣрили, что во всей Болгаріи существуетъ всего одинъ только паровой плугъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы припомнимъ, что чифликами владѣютъ съ нѣсколькими единичными исключеніями только турки, люди, вообще, не особенно склонные къ реформамъ. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что хотя теперь бѣльшая часть земли въ чифликахъ и обрабатывается самими владѣльцами, но годъ отъ году количество земли, отдаваемой въ *исполицу* и въ аренду, увеличивается. Какъ на причину этого, кромѣ недостатка хозяйственной энергіи владѣльцевъ, указываютъ еще и на постоянно возрастающую дороговизну наемнаго труда. Чифликчи отдаютъ свои земли обыкновенно съ половины урожая, причемъ владѣлецъ земли даетъ отъ себя зерно для посѣва и землю, а половинщикъ—свой трудъ и всѣ заботы по обработкѣ, начиная отъ оранки и посѣва до сбора сноповъ включительно. Дѣлежъ происходитъ снопами—на половину. Въ аренду крупные землевладѣльцы отдаютъ земли на 1 или на 2—3 года съ платой по 2 крины (10 окъ=30 фунт.—зерна) за дюлюмъ. Кромѣ чифликчи, отдаютъ свою землю въ аренду

преимущественно горожане; берутъ же ее сельскіе жители, неимѣющіе достаточнаго количества собственной земли.

При обработкѣ чифликовъ самими владѣльцами посредствомъ наемныхъ рабочихъ, эти послѣдніе нанимаются обыкновенно отчасти на годъ, отчасти же на извѣстное только время лѣта, причемъ плата производится или натурой, или деньгами. Годовые рабочіе при хозяйской пищѣ и обуви получаютъ обыкновенно отъ 2-хъ до 10-ти полуимперіаловъ, если деньгами, или 2—3 киль (кила=100 окъ=300 фунт.) ржи, смотря по условію. На лѣто нанимаются отъ св. Георгія до св. Димитрія, т. е. на 6 мѣсяцевъ, тоже или за деньги, или за житѣ. Въ первомъ случаѣ за лѣто при хозяйской пищѣ и обуви (цервули) работникъ получаетъ отъ 5-ти до 6-ти полуимперіаловъ; во второмъ же половину или треть урожая, со скидкой въ пользу хозяина въ вознагражденіе за посѣвъ. Временно рабочіе обыкновенно нанимаются на день или на увратъ *). При платѣ деньгами подневный рабочій получаетъ—мужчина 1 или 1¹/₂ франка въ день, а женщина 1 фр. при хозяйской пищѣ; натурой же во время жатвы рабочій получаетъ также 1¹/₂ или 1¹/₃ снятаго хлѣба, причемъ дѣлается вычетъ въ пользу хозяина за посѣвъ. Что касается условій самой работы, то рабочій день для наемныхъ земледѣльческихъ рабочихъ начинается передъ разсвѣтомъ и продолжается обыкновенно до захода солнца. Перерывы работы бывають при этомъ для завтрака отъ 1¹/₂ часа до 1 часа и для обѣда отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ, считая и время послѣобѣденнаго сна. Вообще же какъ количество, такъ и интенсивность дневной работы опредѣляются, какъ и у насъ, различными обстоятельствами и хозяйственными соображеніями вродѣ погоды, времени и т. д.

Скотоводство находится въ Болгаріи хотя не въ блистательномъ состояніи, но, все-таки, его можно назвать удовлетворительнымъ въ смыслѣ достаточности для земледѣльческихъ и домашнихъ потребностей. Специальное скотоводное хозяйство или, лучше сказать, полудикое скотоводство существуетъ больше на равнинахъ Добруджи, гдѣ съ этой цѣлью скотоводы или имѣють собственныя пастбища, или же арендуютъ земли у сельскихъ общинъ или въ чифликахъ; собственными пастбищами владѣють, впрочемъ, немногіе. Разводятъ преимущественно овцы, затѣмъ волю и буйволы; количество головъ достигаетъ отъ 1—2,000 до 8—10,000. Улучшенныя породы скота почти не разводятся и вообще рациональнаго скотоводства нѣтъ даже и въ зародышѣ; овцы разводятся обыкновенной породы, рогатый же скотъ измѣльчавшей и смѣшавшейся венгерско-украинской расы. Въ обыкновенныхъ хозяйствахъ держатъ отъ 1 до 20 лошадей, смотря по состоянію, 1 или 3 пары воловъ или буйволовъ и отъ 20 до 500 штукъ овецъ; коровъ или буйволицъ держатъ почти во всякомъ дворѣ, самыя же бѣдные люди держатъ для молока козъ. При стадахъ почти всегда

*) *День*, кромѣ единицы времени, означаетъ въ этомъ случаѣ, какъ и у насъ на Украинѣ, мѣру поверхности, т. е. количество земли, могущее быть обработаннымъ однимъ человѣкомъ въ одинъ день. *Увратъ* — значить то же, что день (оборотъ солнца).

можно видѣть 2—4-хъ ословъ, въ качествѣ вьючныхъ животныхъ для пастушьаго имущества. Помѣщеніе для скота (хлявъ) строится совершенно такъ же, какъ и наши малороссійскія кошары. Вообще можно сказать, что недостатка ни въ рабочемъ, ни въ домашнемъ скотѣ въ Болгаріи нѣтъ, и несомнѣнно, что этимъ страна обязана, прежде всего, существованію общинныхъ пастбищъ, дающихъ полную возможность каждому держать необходимое для него количество какъ крупнаго, такъ и мелкаго скота. Количество это, конечно, регулируется въ извѣстной степени количествомъ сѣнокосовъ, находящихся въ личномъ владѣніи хозяевъ, но, при продолжительности лѣта въ Болгаріи, бѣдные люди имѣютъ несравненно больше возможности держать скотъ, чѣмъ у насъ. Кромѣ того, разумеется, количество скота находится и въ прямой зависимости отъ общаго уровня зажиточности, который въ Болгаріи, конечно, гораздо выше, чѣмъ въ Россіи.

Что касается пчеловодства, то въ каждомъ частномъ хозяйствѣ всегда можно найти нѣсколько ульевъ, но существуютъ и спеціальныя пчеловодныя хозяйства. Такіе спеціалисты—*пчелари* имѣютъ обыкновенно пасѣки (*пчелиники*) отъ 5 до 500 пней. Пчелъ держатъ въ „травнахъ“ или „кошорахъ“ — ульяхъ, сплетенныхъ на основѣ изъ прутьевъ изъ особаго вьющагося растенія *повитокъ* и обмазанныхъ глиной или кизякомъ. Если сборъ меда такъ удаченъ, что улья наполняются сотами совершенно, тогда подъ ними копаютъ ямы съ ходами въ бокъ; въ такомъ случаѣ и ямы эти, и даже иногда боковые ходы наполняются сотами. Затѣмъ въ Болгаріи въ довольно значительныхъ размѣрахъ существуетъ также и „вѣденіе-то на буби“ — шелководство, но и оно находится въ очень грубомъ еще состояніи, а поэтому и болгарскій шелкъ не имѣетъ на европейскомъ рынкѣ такого сбыта, какой бы онъ могъ имѣть при болѣе усовершенствованномъ веденіи дѣла. Впрочемъ, теперь шелководство должно бы развиваться успѣшнѣе, такъ какъ болгарское правительство уничтожило налогъ, большой тяжестью лежавшій на этомъ производствѣ при туркахъ.

III.

Домашнія занятія и производства.—Бродячія, сельскія и городскія ремесла.—Организація ремесленныхъ цеховъ—эснафовъ.—Общественныя работы.—Общественная служба.

Болгарія находится въ настоящее время еще въ той фазѣ экономическаго развитія, когда раздѣленіе труда не выдѣлило еще производства многихъ предметовъ первой необходимости даже въ отдѣльныя ремесла, и производства эти остаются еще или вполнѣ, или въ значительной части чисто домашними. Кромѣ полевыхъ работъ и домашняго хозяйства, мужчины въ каждой болгарской семьѣ занимаются сами приготовленіемъ сельско-хозяйственныхъ орудій, упряжи, повозокъ, сооруженіемъ разныхъ построекъ и т. п., почти не прибѣгая къ помощи ремесленниковъ. Женщины же, кромѣ приготовленія пищи, разныхъ молочныхъ и другихъ продуктовъ и запасовъ и проч., испол-

няютъ все то, что относится къ производству бѣлья и одежды для всей семьи, а если можно, то и на продажу въ городъ. Почти въ каждой кештѣ (*Кашца*) можно найти всѣ необходимые для этихъ занятій инструменты, начиная съ гребня и веретена и кончая ткацкимъ станкомъ, конечно, самаго примитивнаго устройства. Такимъ образомъ домашними средствами готовится полотно и шерстяная ткань — тонкая для женскихъ костюмовъ и болѣе тяжелая, родъ грубаго бѣлага или коричневаго сукна, называемаго *юба*, — для мужскаго и верхняго женскаго платья. Изъ этихъ матеріаловъ дѣлаются тѣми же женщинами *ризы* (бѣлье) и *дръхи* (одежда) какъ для взрослыхъ, такъ и для дѣтей. Производство полотна цѣликомъ происходитъ дома, начиная съ обработки конопли и льна и кончая выбѣлкой холста. Что же касается шерстяныхъ тканей, то безъ помощи ремесленника готовятся только ткани, носимыя женщинами, вродѣ малорусскихъ запасокъ или плахтъ, сукно же или гоба дѣлается хотя тоже дома, но изъ шерсти, приготовленной для выдѣлки пряжи уже особымъ ремесленникомъ — *дръбаремъ* (шерстобитомъ), и затѣмъ въ сотканномъ уже видѣ отдается на *тепавица* (малорус. валюши) для валянія. *Тепавичары* ходятъ по селамъ и собираютъ куски гобы для этой окончательной отдѣлки, затѣмъ разносятъ ихъ обратно и получаютъ деньги, совершенно такъ же, какъ и у насъ въ Малороссіи. Изъ всѣхъ матеріаловъ для одежды только кожа теперь рѣдко уже выдѣлывается дома, — вожи по большей части продаютъ *табакамъ* (кожевникамъ) и у нихъ покупаютъ уже выдѣланный сапожный товаръ или даже совсѣмъ уже готовую обувь.

Ремесло тепавичаровъ, дающее окончательную отдѣлку приготовленному дома продукту, представляетъ намъ наглядно переходъ отъ чисто домашняго производства къ ремесленному въ томъ случаѣ, когда отъ продукта требуется уже извѣстная степень совершенства, достигаемаго посредствомъ употребленія особаго инструмента или приспособленія, которымъ не можетъ обладать каждое отдѣльное хозяйство, уже вслѣдствіе только малыхъ размѣровъ своего домашняго производства. Такой же точно переходъ совершается и въ томъ случаѣ, когда для приданія продукту извѣстнаго совершенства требуется нѣкоторый навыкъ или специальное умѣнье. Только что было нами сказано, что одежда всегда готовится дома; точно также дома обыкновенно дѣлаются и повозки, домашними же силами и умѣньемъ строятся и отдѣлываются обыкновенно кешты (дома). Но извѣстное стремленіе къ совершенству выдѣлываемыхъ такимъ образомъ вещей повело уже въ Болгаріи къ тому, что, оставаясь еще домашними, производства эти въ болѣе изысканномъ видѣ сдѣлались уже предметомъ *сельскаго ремесла*, — ремесла, не вполне еще отдѣлившася отъ земледѣлія, но уже начавшаго обособляться. Такимъ образомъ, въ каждомъ селѣ въ Болгаріи можно найти *шевача* или *абаджи* (портнаго), шьющаго болѣе изысканные, затѣливые костюмы, *колара*, дѣлающаго колеса и повозки, *дюмера* — специалиста по постройкѣ домовъ. Затѣмъ необходимость въ специально-техническихъ приспособленіяхъ и инструментахъ, а также постоянная потребность въ ихъ услу-

такъ дѣлають сельскими ремесленниками, прежде всего, *ковача* (кузнеца) *водиницара* (мельника), *свѣштаря*, приготовляющаго свѣчи, *мутафи*, дѣлающаго ковры, безъ которыхъ не обходится и самая бѣдная болгарская семья, попоны на лошадей и буйволовъ и т. п. Но всѣ эти сельскія ремесла представляютъ собой, какъ мы сказали уже, только переходное экономическое явленіе, такъ какъ представители ихъ занимаются ремеслами, какъ дѣломъ постороннимъ, такъ сказать, второстепеннымъ, продолжая, все-таки, оставаться, въ то же время, земледѣльцами.

Болѣе совершенный въ смыслѣ раздѣленія труда типъ ремесла представляютъ собой *бродячія ремесла*, очень часто встрѣчающіяся въ Болгаріи. Ихъ, такъ сказать, портативность обуславливается больше всего, конечно, тѣмъ, что они могутъ удовлетворить потребностямъ ббльшей массы людей, чѣмъ та, которую дала бы имъ одна деревня, но отчасти, все-таки, и недостаточнымъ еще раздѣленіемъ труда между городомъ и деревней и полнымъ почти еще отсутствіемъ мануфактуры. Тепавичары не представляютъ уже собой полного типа бродячаго ремесленника, такъ какъ орудіе ихъ производства, все-таки, находится на одномъ мѣстѣ и они путешествуютъ только для сбора и отдачи работы. Но *дрѣмбари*—это ремесленники уже вполне бродяги. Нося съ собой свой инструментъ—*дрѣмбу*, они обходятъ села и, заходя въ каждую кешту, обрабатываютъ тамъ накопленную заранѣе каждой хозяйкою шерсть, установивши наскоро свой нехитрый, подвижной инструментъ гдѣ-нибудь подъ стѣнной избы. Точно также представляютъ изъ себя вполне бродячихъ ремесленниковъ *кузнецы* — цыгане (главн. образомъ), изумляющіе европейца своимъ до нельзя примитивнымъ подвижнымъ инструментомъ, вполне замѣняющимъ для нихъ цѣлую кузницу. Пишущему эти строки пришлось, напр., однажды видѣть, какъ буквально среди дороги одному такому артисту была заказана хозяиномъ бахчи пружина для ружейнаго замка. Чтобы приготовить такую во всякомъ случаѣ не особенно грубую для кузнечнаго мастерства вещь, цыганъ преспокойно усѣлся тутъ же среди дороги, вырубилъ огна, разложилъ маленькій костеръ изъ нѣсколькихъ тутъ же подобранныхъ щепокъ, приготовилъ себѣ такимъ образомъ нѣсколько углей, потомъ сдѣлалъ пальцемъ въ землѣ ямку, положилъ туда угли, подулъ на нихъ маленькимъ мѣхомъ, устроеннымъ просто изъ овечьей шкуры, сшитой вродѣ волынки, и кузнечный горнъ былъ готовъ. Раскаливъ кусокъ желѣза, онъ воткнулъ въ землю маленькую, съ собой же таскаемую наковаленку, вынулъ молотокъ и черезъ какихъ-нибудь $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа требуемая пружина была готова. Проходя по улицамъ какого-нибудь села, всегда можно натѣнуться на одного, двухъ человекъ *калайджи*, сидящихъ гдѣ-нибудь въ тѣни и окруженныхъ цѣлой кучей разныхъ мѣдныхъ и жестяныхъ сосудовъ, снесенныхъ изъ окрестныхъ кештъ для полуцы или починки. Такъ же точно, бродя изъ села въ село и изъ хаты въ хату, работаютъ *брѣдари*, дѣлающіе и поправляющіе берда для ткацкихъ станковъ, *решетари*, *гребенари*, выдѣлывающіе деревянные гребни для пряжи, *куфери*—слесари, починяющіе замки и т. п., *кошикари*, т.-е. корзинщики,

бъвари, дѣлающіе и исправляющіе бочки и всякую другую бондарную посуду. Эти послѣдніе ходятъ, впрочемъ, не всегда, а только передъ временемъ сбора винограда, когда вездѣ приводится въ порядокъ посуда для приготовления вина.

Наконецъ, ремесла, требующія не только специальныхъ приспособленій и искусства, но и болѣе или менѣе обработаннаго уже матеріала, и отчасти начинающія превращаться уже въ мануфактуру, поневолѣ сосредоточиваются въ городахъ. *Сабаджи*, выдѣлывающіе желѣзные печи, *текеджи*—жестяники, *мѣдники*—мѣдники, *котлари* или *казанджи*, дѣлающіе металлическую посуду, *керемедали*—черепичники и горшечники, *касани*—мясники, *раклари*—производители сундуковъ, *дограмаджи*—древодѣлы и проч.,—это уже чисто городскіе ремесленники. Къ нимъ въ городахъ слѣдуетъ прибавить также еще и *чизмарей*—сапожниковъ, *ковачей*, *тютюнджи*—табачныхъ торговцевъ, *швачей*—портныхъ, *бъварей*—бондарей, *кожухарей*—мѣховщиковъ, *табаковъ* (*табацы*—кожевники), *воиджи*—подошвенниковъ, *диканарей* (*диванджи*), дѣлающихъ диваны и поправляющихъ ихъ въ случаѣ порчи и проч. Всѣ эти ремесла успѣли уже образовать довольно многочисленный классъ учениковъ и подмастерьевъ, составляющихъ, вмѣстѣ съ хозяевами-мастерами, совершенно выдѣлвшееся уже ремесленное сословіе, имѣющее и свою особую сословную организацію, очень сходную съ организаціей и цѣлями европейскихъ цеховъ. Такимъ образомъ, въ этихъ ремеслахъ есть уже и рабочіе по найму, остающіеся въ такомъ положеніи нерѣдко всю жизнь и только при особенно благопріятно сложившихся обстоятельствахъ могущіе разсчитывать сдѣлаться самостоятельнымъ „майгуромъ“. Ученики (*чурацы*), — это тѣ мальчики, которыхъ отдають къ хозяину для обученія мастерству; они поступаютъ обыкновенно къ хозяину на нѣсколько мѣсяцевъ, на годъ, а иногда и больше, безъ всякой платы, и если затѣмъ и получаютъ плату, то развѣ самую ничтожную. Иногда при этомъ ученики получаютъ отъ хозяина и пищу. Затѣмъ, когда ученикъ уже усвоитъ себѣ ремесло въ достаточной мѣрѣ, т. е. черезъ 2—3 года, онъ остается у хозяина въ качествѣ подмастерья — *колфа* и въ этомъ званіи уже получаетъ правильную заработную плату. За эту плату почти все время рабочихъ находится въ безусловномъ распоряженіи хозяина. У болгарскихъ ремесленниковъ работа начинается зимою „пѣтель какъ запѣ“, т. е. съ 12-ти до 2-хъ часовъ ночи, и продолжается вплоть до захода солнца; лѣтомъ работа начинается съ зари и кончается съ заходомъ. Перерывы для отдыха и ѣды бывають зимою на зарѣ (между 5-ю и 6-ю часами утра) для завтрака, не больше одного часа, и въ полдень, для обѣда, отъ 1 до 1½ часа. Въ нѣкоторыхъ болѣе утомительныхъ ремеслахъ, напр., у казанджи, ковачей и пр., бывають еще два раза въ день перерывы отъ ½ до ¾ часа, но не болѣе. При такомъ очень большомъ количествѣ рабочаго времени, устройство мастерскихъ въ высшей степени примитивно и антигигіенично. Обыкновенно мастерскія помѣщаются въ крошечныхъ мазанкахъ съ очень низкимъ потолкомъ, рабочіе сидятъ почти всѣ безъ исключенія по-турецки, поджавъ подъ себя ноги (намъ собственными глазами слу-

чалось видѣть даже кузнецовъ, работающихъ сидя въ такомъ положеніи), въ страшной грязи и нечистотѣ, при отсутствіи всякой вентиляціи. Неудивительно, что у нихъ при такихъ условіяхъ почти постоянно развиваются различныя профессиональныя болѣзни: горбатость, узость груди и чахотка—у портныхъ, боли въ колѣняхъ — у сапожниковъ и т. д.; пьянство у всѣхъ; но то, вошедшее въ поговорку, преимущество, которымъ у насъ пользуются въ этомъ отношеніи сапожники, въ Болгаріи принадлежитъ, кажется, кузнецамъ, по крайней мѣрѣ, болгарская поговорка гласитъ: „напился като ковачъ“.

Въ смыслѣ ремесленной корпоративной организаціи всѣ мастера одного ремесла составляютъ собою учрежденіе, имѣющее, какъ мы сказали, большое сходство съ цехомъ и называемое эснафъ *). Каждый самостоятельный ремесленникъ или „мастуръ“ долженъ непременно быть членомъ эснафа, иначе онъ не имѣетъ права работать и можетъ даже быть изгнанъ изъ города. Полноправными членами эснафа считаются только „мастуръ“, чураки же и колфы, хотя и состоятъ подъ покровительствомъ и отчасти подъ властью эснафа, но не имѣютъ въ немъ ни права голоса, ни даже права присутствовать на собраніяхъ. Во главѣ каждого эснафа находится *меджлисъ*—совѣтъ, состоящій изъ *первенцовъ*, стариковъ, и *эснафъ-баши*, официального представителя эснафа, должностнаго лица вродѣ нашихъ бывшихъ цехмистровъ. Въ Татарь-Пазарджикскомъ округѣ, по словамъ книги Богичича, каждый цехъ имѣетъ „първомастуръ“, „старѣйшину“ и „бирника“—счетовода, которые представляютъ собой комитетъ, управляющій всѣми текущими дѣлами. Наконецъ, общее собраніе всѣхъ членовъ эснафа обсуждаетъ основныя дѣла всей корпорациі, заслушиваетъ и провѣряетъ денежный отчетъ кассы, существующей въ каждомъ эснафѣ и составляющейся изъ одновременныхъ взносов при вступленіи членовъ въ эснафъ, а иногда и изъ ежегодныхъ взносов, избираетъ ежегодно эснафъ-баши и т. д. Исполненіе рѣшеній, принятыхъ эснафомъ, возлагается на меджлисъ и эснафъ-баши. Основныя функціи эснафа, какъ корпорациі, заключаются, главнымъ образомъ, во взаимной поддержкѣ и гарантіи отъ вторженія въ свою экономическую область чуждыхъ конкурирующихъ элементовъ; къ этому присоединяются еще и просвѣтительныя дѣла въ видѣ поддержки школъ и отчасти церковно-религіозныя, такъ какъ въ организаціи и обычаяхъ эснафовъ есть нѣкоторыя черты, очень сближающія эти учрежденія съ церковными братствами. Въ тѣхъ эснафахъ, о которыхъ намъ удалось получить свѣдѣнія, эти черты заключаются, впрочемъ, только въ томъ, что

*) Богичичъ или, лучше сказать, отвѣчавшій на его вопросы отличаетъ цехи отъ эснафовъ, но, повидимому, скорѣе со стороны обрядностей, чѣмъ въ организаціонномъ отношеніи. Такъ, въ одномъ мѣстѣ (стр. 501—504) говорится, что въ Тырновѣ недавно были еще цехи—теперь же только эснафы, которые имѣютъ право давать свидѣтельство о знаніи мастерства и производить колфъ въ мастуръ, за что и получаютъ положенную таксу. Въ описаніи цеховъ Татарь-Пазарджика мы находимъ одно обстоятельство, которое, можетъ быть, также составляетъ разницу между цехомъ и эснафомъ,—это власть цеха надъ чураками и колфами, доходящая даже до права тѣлеснаго наказанія, что, сколько намъ извѣстно, въ эснафахъ не практикуется.

штрафы за открытіе лавокъ въ праздники взимаются воскомъ, который и отдается въ церкви, и въ денежной поддержкѣ, оказываемой церквамъ каждымъ эснафомъ поочереді въ теченіе года *). Другія же черты, вродѣ присутствія въ церкви со свѣчами, содержанія особой корпоративной свѣчи или лампы передъ особенно уважаемой мѣстной иконой и т. п., въ извѣстныхъ намъ мѣстностяхъ уже не существуютъ, хотя, вѣроятно, существовали прежде. Съ нашей специально-экономической точки зрѣнія гораздо болѣе интересъ представляютъ другія черты эснафовъ, а именно значеніе ихъ какъ кредитныхъ, а отчасти и промышленныхъ ассоціацій. Въ извѣстныхъ намъ эснафахъ каждый членъ имѣетъ право съ разрѣшенія совѣта получать изъ корпоративной кассы болѣе или менѣе долгосрочныя ссуды за извѣстные %, идущіе, конечно, въ пользу кассы. Ссуды эти выдаются, главнымъ образомъ, если даже не исключительно, только или на открытіе *дукена* (мастерская и лавка вмѣстѣ), или на поддержаніе существующаго уже, но пошатнушагося вслѣдствіе какихъ-нибудь несчастныхъ случайностей ремесленного заведенія. Въ Татарь-Пазарджикѣ, какъ видно изъ книги Богишича, отдѣльные цехи имѣютъ еще и такіе обычаи: если какой-нибудь чужой торговецъ привезетъ товаръ или какой-нибудь сырой матеріалъ на продажу, то ни одинъ мастуръ не смѣетъ купить ничего, пока не сойдется собраніе и не рѣшить, по какой цѣнѣ можно покупать привезенный товаръ; потомъ товаръ покупается цѣлымъ цехомъ сообща и дѣлится между купившими на соответственныя доли; при этомъ возможна покупка и въ кредит (на почекъ); тогда купившій уплачиваетъ за свою долю по истеченіи срока или по разсрочкѣ въ цехъ, деньги же торговцу уплачиваются цехомъ. Если же является какой-нибудь торговецъ для покупки готовыхъ уже произведеній какого-нибудь ремесла, то, опять-таки, ни одинъ мастуръ не имѣетъ права продать свои издѣлія отдѣльно, а продаютъ всѣ вмѣстѣ, соразмѣрно съ имѣющимся у каждаго количествомъ товара, такъ, понятно, чтобы каждый могъ сбыть свою часть продукта, не будучи обиженъ самъ и безъ обиды для другихъ.

По отношенію къ чуракамъ и колфамъ эснафъ, какъ мы сказали, является учрежденіемъ покровительствующимъ, а отчасти и имѣющимъ нѣкоторую власть. Но, кромѣ этого, эснафъ въ отношеніи ихъ служитъ посредникомъ или даже высшей инстанціей при разборѣ недоразумѣній между учениками и подмастерьями съ одной стороны и хозяевами-мастерами—съ другой. Какъ въ эснафахъ намъ извѣстныхъ, такъ и въ цехахъ, описываемыхъ въ книгѣ Богишича, чурацы и колфы не имѣютъ права покидать самовольно своего хозяина, причѣмъ въ эснафахъ это больше обычай, чѣмъ право, тогда какъ въ цехахъ

*) Каждый эснафъ, когда наступаетъ его годичная очередь попеченія о нуждахъ церкви, выбираетъ изъ своей среды 5—6 человекъ, составляющихъ собою „*черковно настоятельство*“, комитетъ, вѣдающій всѣ церковныя дѣла. На слѣдующій годъ очередь заботъ о церкви переходитъ къ другому эснафу, избирающему опять новое настоятельство, и т. д. Такъ что „*черковно настоятельство*“ или „*черковно эпитрение*“ не представляетъ собой даже какого-нибудь постояннаго учрежденія.

это гораздо строже. Въ случаяхъ подобныхъ недоразумѣній, выходящихъ изъ-за заработной платы, эснафъ, являясь посредникомъ, очень часто самъ назначаетъ плату подмастерью или заставляетъ хозяина давать колфъ ту плату, которую ему предложилъ другой переманивавшій его мастеръ. Въ разградскихъ эснафахъ подмастерья не несутъ никакихъ повинностей въ пользу эснафа и не имѣютъ права на участіе въ собраніяхъ, ни подачи голоса; въ лѣсновацкомъ же цехѣ портныхъ— подмастерья обложены ежегоднымъ налогомъ въ 5 грошей, въ половину, впрочемъ, меньшимъ, чѣмъ налогъ мастеровъ. Къ сожалѣнію, у Богашича не упоминается, даетъ ли этотъ налогъ и право участія въ собраніяхъ цеха или нѣтъ.

Принятіе въ члены эснафа или признаніе ремесленника мастеромъ, имѣющимъ право на самостоятельное занятіе своимъ ремесломъ въ собственномъ *дюкенѣ*, въ разградскихъ эснафахъ совершается очень просто и безъ особенныхъ затрудненій. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ для этого не требуется даже особыхъ доказательствъ знанія мастерства, въ другихъ же, напр., у сапожниковъ, требуется свидѣтельство объ этомъ отъ мастера, у котораго ремесленникъ былъ подмастерьемъ. Кандидатъ въ мастуры просто заявляетъ совѣту (*меджлису*) своего эснафа и эснафъ-баши о своемъ намѣреніи открыть самостоятельный дюкенъ и проситъ принять его въ эснафъ. Совѣтъ затѣмъ опредѣляетъ взносъ съ новаго члена въ кассу эснафа, сообразно съ его средствами и положеніемъ его дѣлъ, взимаетъ этотъ взносъ и выдаетъ свидѣтельство. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и ремеслахъ это происходитъ нѣсколько торжественнѣе; такъ, намъ рассказывали, что при принятіи въ эснафъ кузнецовъ совершается болѣе или менѣе торжественная попойка, въ теченіе которой на кандидата—колфу съ церемоніей надѣвается кожаный передникъ въ знакъ возведенія его въ мастера. Въ Татарь-Пазарджикѣ церемонія возведенія колфъ въ мастера происходятъ одинъ разъ въ теченіе довольно значительнаго промежутка времени, имѣютъ въ большой степени религіозный характеръ и совершаются съ большой торжественностью *).

Дѣла, касающіяся всѣхъ эснафовъ данной мѣстности, такія, какъ поддержка или основаніе школъ, помощь церквамъ и т. п., рѣшаются собраніемъ, состоящимъ изъ эснафъ-баши и выборныхъ отъ каждаго эснафа по 2 человѣка. Это собраніе называется *гуляма-та лонджа*; такъ же называется и общее собраніе каждаго отдѣльнаго эснафа.

Таково положеніе и организація ремесленнаго производства въ Болгаріи. Что касается мануфактуръ и фабрикъ, то въ этомъ отношеніи Болгарія— страна вполнѣ еще дѣвственная. Существуетъ нѣсколько кожевенныхъ и подошвенныхъ заводовъ, мыльныхъ и свѣчныхъ фабрикъ, и только. Въ Сливѣ существуетъ „дружество“ для обработки шелка и приготовленія фабричнымъ путемъ сукна; оно снабжаетъ, между прочимъ, своимъ сукномъ нѣкоторыя части румелійской и бол-

*) Объ этихъ церемоніяхъ, кромѣ книгъ Богашича (стр. 501 — 504), см. выписку изъ нея въ статьѣ Ефименко „О церковныхъ братствахъ“ въ „Словѣ“ 1880 г.

гарской арміи. Дружество это представляет собою правильную акціонерную компанію. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что большая часть существующихъ въ настоящее время фабрикъ основаны иностранцами. Въ отношеніи же всевозможныхъ фабрикантовъ и мануфактурныхъ издѣлій Болгарія находится въ полнѣйшей зависимости отъ Австріи и отчасти отъ другихъ странъ, между которыми первое мѣсто занимаютъ Англія и Турція; подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить далѣе.

Говоря о земледѣліи, мы упоминали о нѣкоторыхъ работахъ, имѣющихъ общественный характеръ и исполняемыхъ всѣмъ рабочимъ населеніемъ данной мѣстности сообща. Такова обработка и уборка тѣхъ общинныхъ земель, доходъ съ которыхъ предназначенъ на содержаніе школы и для другихъ общественныхъ цѣлей. Точно такой же характеръ имѣетъ и постройка разныхъ общественныхъ же сооружений. При устройствѣ *фонтановъ* и *колодець* предлагается также общественный трудъ всего населенія и затѣмъ при освященіи ихъ изъ каждаго дома приносятся хлѣбъ, „ястіе и вино“ и прочіе продукты и происходитъ большой праздникъ, на который приглашаются обыкновенно и жители сосѣднихъ деревень. Для постройки большихъ *мостовъ* также собираются рабочіе изъ всѣхъ окрестныхъ сель, доставляются въ складчину всѣ необходимые строительные матеріалы, собираются деньги на угощеніе во время и послѣ постройки, сопровождается, какъ и всякая тѣлка, музыкою и танцами. Точно такимъ же образомъ, соединеніемъ наличныхъ силъ всего населенія совершаются и разныя другія предпріятія, имѣющія общественное значеніе, какъ, напр., преслѣдованію разбойниковъ и т. п.

Затѣмъ, чтобы закончить очеркъ существующей теперь въ Болгаріи организаціи труда, мы должны упомянуть еще о нѣкоторыхъ видахъ *общественной службы*, особенно о такихъ, въ которыхъ сохранился еще примитивный способъ вознагражденія. Общественные пастухи получаютъ плату деньгами только развѣ въ городахъ и большихъ паланкахъ (мѣстечкахъ), причѣмъ каждый платитъ за свой скотъ поштучно и отдѣльно отъ другихъ, обыкновенно же плата пастуху производится натурою—ячменемъ, кукурузою и вообще хлѣбомъ. Пищи пастухи, обыкновенно, не получаютъ, а готовятъ ее себѣ сами. Сельскіе же учителя и писаря получаютъ еще въ очень многихъ мѣстахъ пищу „на редъ“, т. е. имъ носятъ обѣды поочередно изъ каждаго дома, также точно получаетъ обѣдъ и *кигая*, помощникъ или разсылный, состоящій при деревенскомъ *кметѣ* (старостѣ). Прежде такимъ же образомъ продовольствовались и священники, но теперь относительно ихъ этотъ обычай уже вышелъ изъ употребленія. Но самый интересный въ этомъ отношеніи и вполнѣ характерный для Востока фактъ представляетъ собою организація гостепріимства, какъ одна изъ общественныхъ функцій деревни. Въ каждой болгарской деревнѣ (какъ турецкой, такъ и чисто-болгарской) существуетъ обыкновенно очередь для приема путешественниковъ, и каждый путникъ, придя въ деревню и желая отдохнуть и поѣсть, старается, прежде всего, отыскать *кигая*, который и указываетъ ему очередной домъ, гдѣ уже

путникъ находить заранѣе приготовленное угощеніе, постель, помѣщеніе для лошадей и проч. Очень часто, разбуживаемые даже среди ночи возгласомъ вихая: „имате гостя“, хозяева не только не выражаютъ никакого неудовольствія, но, напротивъ, нерѣдко даже спорятъ между собою за честь принять путешественника, отъ котораго, нужно замѣтить, они никогда не возьмутъ никакой платы, такъ какъ обычай не позволяетъ этого безусловно, и единственный способъ, которымъ путникъ можетъ выразить свою благодарность, — это развѣ небольшой подарокъ или нѣсколько мелкихъ монетъ, даваемыхъ дѣтямъ, что требуется, впрочемъ, обыкновеннымъ приличіемъ. Интересно, что этотъ восточный обычай оказался до того страннымъ уже для европейца, что даже такой наблюдательный путешественникъ, какъ Ami Boué, не могъ понять его и, рассказывая въ своей книгѣ „La Turquie“ о томъ, какъ онъ не разъ пользовался подобнымъ безкорыстнымъ гостепрѣимствомъ, объясняетъ это то распорядительностью турецкихъ властей, то расторопностію своего драгомана, то, наконецъ, добродушіемъ и прекрасными личными качествами жителей Болгаріи, вовсе и не догадываясь, что онъ имѣетъ дѣло съ социальнымъ учрежденіемъ... Эта сама по себѣ, можетъ быть, и не особенно обременительная повинность принимаетъ, однако, иногда и совсѣмъ нешуточный характеръ во время храмовыхъ праздниковъ, ярмарокъ и т. п. случаевъ, когда путешественники являются цѣлыми толпами. Въ такихъ случаяхъ „редъ“ по большей части нарушается тѣмъ, что многіе останавливаются у своихъ знакомыхъ, хотя, впрочемъ, это улаживается взаимнымъ соглашеніемъ сосѣдей, тѣмъ болѣе, что не получить „гостя“, быть, такъ сказать, обойденнымъ, считается очень большою обидой и позоромъ.

IV.

Способы передвиженія и транспорта.—Разные виды торговли и ея современная организація въ связи съ политическимъ положеніемъ страны.—Организація кредита.—Земледѣльческія кассы.

Въ Болгаріи въ настоящее время можно встрѣтить чуть ли не всѣ способы передвиженія и транспорта, начиная съ вьючныхъ животныхъ и кончая желѣзной дорогой. Вьючный мулъ и лошадь составляютъ единственный способъ передвиженія по извилистымъ тропинкамъ Балканъ. Тяжести навьючиваются на муловъ, идущихъ гуськомъ и связанныхъ между собою для безопасности веревкой, что и составляетъ собой *керванъ* (караванъ). Въ остальной странѣ транспортировка тяжестей совершается также караваннымъ способомъ, на подводахъ, запряженныхъ лошадьми, волами или буйволами. Такіе караваны снаряжаются иногда хозяевами, которымъ принадлежатъ и повозки и лошади и у которыхъ служатъ по найму сопровождающіе караванъ люди. Но, чаще всего, караваны состоятъ изъ подводъ самостоятельныхъ владѣльцевъ, соединяющихся для пути на подобіе нашихъ чумаковъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ это бываетъ болѣею частію

обыкновенные земледѣльцы, занимающіеся извозомъ въ свободное отъ хлѣбопашества время и въ видѣ подсобнаго промысла. Если имѣется въ виду какая-нибудь транспортровка, нѣсколько такихъ хозяевъ соединяются вмѣстѣ для образованія каравана и избираютъ между собой кого-нибудь болѣе опытнаго, въ качествѣ предводителя каравана—*керванджи-баши* (тоже, что атаманъ у нашихъ чумаковъ). Этотъ керванджи-баши ведетъ уже торгъ насчетъ платы за перевозимую кладь съ владѣльцами ея и въ пути распоряжается всѣмъ при полномъ подчиненіи ему всего каравана. За перевозку клади платится обыкновенно съ каждаго 100 окъ (300 фунт.) за 100 верстъ по 2—2½ фр. Въ пути подводы идутъ, постоянно мѣняясь поочереди своимъ положеніемъ въ караванѣ, такъ какъ скотъ, везущій переднюю подводу, наиболѣе утомляется. На ночь подводы устанавливаются въ кругъ, внутри котораго помѣщаютъ скотъ (если его не пасутъ въ сторонѣ) и раскладываютъ огонь, а съ внѣшней стороны ходитъ очередная караульная, очень часто вооруженная „пушкой“ (ружьемъ). Караваны и въ настоящее время никогда почти не пускаются въ путь безъ оружія. Деньги за провозъ дѣлятся между участниками, сообразно тяжести, перевозимой на подводѣ каждаго изъ нихъ; при этомъ керванджи-баши получаетъ столько же, сколько и прочіе, безъ всякаго преимущества, опять-таки, точно такъ же, какъ и у нашихъ чумаковъ. Расходы на пищу несетъ каждый за себя отдѣльно, но ѣдятъ обыкновенно всѣ вмѣстѣ. Извозничество, какъ отдѣльный промыселъ, существуетъ въ видѣ такъ называемыхъ *талиари* (талигарджи); они не образуютъ каравановъ, а ѣздятъ въ одиночку и, притомъ, болѣею частію только лошадьми. Отъ Пловдива (Филиппополя) транспортровка грузовъ по рѣкѣ Марицѣ происходитъ на *пловахъ* (плотахъ). Для перевозки пассажировъ въ Болгаріи существуетъ почтовое сообщеніе; пассажиры обыкновенно ѣздятъ въ колахъ (повозкахъ), а въ Балканахъ верхомъ на лошадахъ, причѣмъ въ мѣстахъ, болѣе опасныхъ, для переѣздовъ соединяются въ караваны, сопровождаемые иногда и вооруженной охраной.

Параллельно съ прочими явленіями экономической жизни, торговля въ Болгаріи также имѣетъ въ себѣ очень много примитивнаго, хотя въ этомъ отношеніи движеніе впередъ идетъ въ этой странѣ съ той непобѣдимой быстротой и неуклонностью, которая замѣчается въ каждой полупервобытной странѣ, начинающей дѣлаться рынкомъ для сбыта товаровъ сосѣднихъ странъ, болѣе цивилизованныхъ и успѣвшихъ развить уже у себя капиталистическое производство. Конечно, первобытная мѣновая и бродячая торговля при этомъ должна съ каждымъ днемъ сокращаться и дѣйствительно сокращается, но, тѣмъ не менѣе, какъ мы говоримъ, она продолжаетъ еще существовать, причѣмъ нѣкоторые виды ея представляютъ большое сходство съ видами такой же торговли, существующей еще и до сихъ поръ въ Россіи. Такъ, напр., горшки и прочія гончарныя издѣлія въ Болгаріи, точно такъ же, какъ и у насъ въ Малороссіи, развозятся по селамъ и обмѣниваются на черный хлѣбъ—рожь, количество которой, даваемое въ обмѣнъ, болѣею частію опредѣляется вмѣстимостью обмѣнивае-

приобрѣсть, конечно, и на базарѣ, но обыкновенно покупка ихъ всегда по возможности откладывается до ярмарки, гдѣ они могутъ быть куплены и дешевле, и лучшаго качества, чѣмъ на базарѣ. Ярмарки бываютъ въ окружныхъ городахъ, и то, впрочемъ, не во всѣхъ, по большей части одинъ только разъ въ году. Ярмарки въ различныхъ мѣстахъ отличаются различнымъ характеромъ и значеніемъ: нѣкоторыя ярмарки преимущественно важны въ отношеніи торговли скотомъ, другія же служатъ мѣстомъ оптовой торговли, какъ, напр., большія ярмарки въ Эски-Джума, куда съѣзжаются купцы изъ Вѣны, Малой Азіи, Константинополя, Анатолии и т. д. На эту ярмарку доставляются и предметы мѣстнаго крупнаго производства: кожи изъ Габрова, шурки изъ Оракии, нитки (особенно предпочитаемыя портными) изъ Анатолии и т. п.; продается также очень много мѣдной посуды, матеріалъ для которой доставляется въ сыромъ видѣ изъ Англій и обрабатывается уже въ Болгаріи.

Постоянная торговля въ лавкахъ и магазинахъ чрезвычайно распространена въ Болгаріи: въ самыхъ маленькихъ селахъ всегда можно найти одну, двѣ лавочки, въ которыхъ продаются кофе, сахаръ, петроль, свѣчи, табакъ, сапунъ, рисъ, спички и т. п.; въ городскихъ лавкахъ, главнымъ образомъ, коженые и затѣмъ колоніальные и мануфактурные товары, почти всѣ безъ исключенія доставляемые изъ Австріи. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что при всей многочисленности лавокъ и магазиновъ, только очень немногіе изъ нихъ ведутъ сколько-нибудь крупную торговлю; обыкновенно же это самыя невзрачныя лавочки, въ которыхъ сбывается по значительпо, впрочемъ, высокимъ цѣнамъ европейскій бракованный товаръ 2-го и 3-го сорта, поддѣлки и имитации, которыми такъ извѣстна австрійская продукція и съ которыми было бы рѣшительно невозможно показаться гдѣ-нибудь на самомъ плохомъ даже европейскомъ рынкѣ, но которыя составляютъ здѣсь въ полу-Азіи (Halb-Asien) главную массу сбываемаго товара.

Вотъ этотъ-то отбросъ европейскихъ рынковъ, произведенія швиндлерской австрійской индустрии, и составляетъ, главнымъ образомъ, то, на что обмѣниваются основные продукты болгарской земли, служащіе предметомъ очень энергичнаго вывоза, для котораго такъ необходимы теперь Австріи и гермоніи въ дунайскомъ судоходствѣ, и желѣзныя дороги на сѣверѣ Балканскаго полуострова. Эти основные продукты, предметы вывоза изъ Болгаріи, — хлѣбъ, шерсть, кожи и прочее драгоценное для Запада сырье. Торговля ими составляетъ въ настоящее время сущность всей массы коммерческихъ оборотовъ въ странѣ.

Первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ, конечно, *хлѣбная торговля*. Она сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ дунайскихъ и черноморскихъ портахъ: Варшѣ, Балчикѣ, Мангаліи, Кюстенджи, Рушукѣ, Силистрии, Никополѣ, Тульчѣ и, наконецъ, Сулинѣ, а, кроме того, по всему протяженію рушукско-варнской желѣзной дороги, гдѣ возлѣ каждой станціи устроены болѣе или менѣе обширныя амбары и магазины для ссыпки хлѣба. Развѣтвленія же этой торговли охватываютъ собою всѣ окружные города, мѣстечки и вообще базарные пункты страны. Первымъ крупнымъ поставщикомъ хлѣба является, прежде

всего, само государство, которое взимает налоги натурою въ видѣ десятины зерноваго хлѣба. Хлѣбъ этотъ свозится въ окружные города и тамъ продается казной съ аукціона. Покупать его обыкновенно уже крупные хлѣбные торговцы и отправляютъ затѣмъ караванами въ порты или на желѣзную дорогу. Затѣмъ тѣ же торговцы занимаются скупкою хлѣба на базарахъ и ярмаркахъ, гдѣ его бываетъ иногда очень много, такъ какъ крестьяне предпочитаютъ иногда платить десятину деньгами, по цѣнамъ, опредѣлившимся на торгахъ; такъ какъ законъ разрѣшаетъ дѣлать это непременно цѣлому сельскому обществу вмѣстѣ, а не отдѣльнымъ хозяевамъ, то и продажа хлѣба въ подобныхъ случаяхъ бываетъ довольно крупною по количеству, въ ущербъ, конечно, цѣнѣ. Наконецъ, сами крестьяне подвозятъ хлѣбъ къ желѣзной дорогѣ и портамъ и тамъ продаютъ его, но это только тогда, когда разстояніе позволяетъ сдѣлать это безъ особенныхъ издержекъ на провозъ. Это, такъ сказать, нормальный ходъ хлѣбной торговли въ Болгаріи,—нормальный, конечно, только въ сравненіи съ другого рода приемами, которые практикуются уже въ очень большихъ размѣрахъ и въ недалекомъ будущемъ грозятъ сдѣлаться гораздо нормальнѣе предъидущихъ. Приемы эти заключаются въ томъ, что хлѣбные торговцы съ весны еще отправляютъ своихъ агентовъ по селамъ для закупки *будущаго* хлѣба: такъ какъ въ началѣ лѣта, еще передъ жатвой, сельское населеніе Болгаріи, какъ и вездѣ, впрочемъ, сильно нуждается въ деньгахъ, то крестьяне продаютъ будущій хлѣбъ очень охотно и, конечно, очень выгодно для торговцевъ, которые потомъ продаютъ тотъ же хлѣбъ на 50—80% дороже. Это страшное зло въ свое время очень энергично преслѣдовалось турецкимъ правительствомъ, которое запрещало подобныя сдѣлки и не давало никакого хода жалобамъ купцовъ на неисполненіе подобныхъ договоровъ со стороны продавцовъ-крестьянъ. Къ сожалѣнію, болгарское правительство смотритъ на это совсѣмъ не такъ, въ особенности консервативная, такъ называемая чорбаджійская партія, которая теперь, какъ извѣстно, получила перевѣсъ въ управленіи страной и въ составъ которой входитъ немалое количество хлѣбныхъ торговцевъ, лицъ, само собою разумѣется, очень въ этомъ вопросѣ заинтересованныхъ. Кромѣ законодательнаго вліянія, которое можетъ обнаруживать, или обнаруживаетъ „чорбаджійская партія“, для хлѣбныхъ торговцевъ очень важны и административное содѣйствіе какъ въ этихъ операціяхъ, такъ и въ покупкѣ казеннаго хлѣба съ аукціона,—содѣйствіе, которое можетъ быть, разумѣется, обеспеченнымъ при господствѣ упомянутой партіи. Эти экономическіе факты, какъ видитъ читатель, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ и на все внутреннее содержаніе той политической борьбы въ Болгаріи, свидѣтелями которой мы были еще надняхъ.

Совершенно тѣ же приемы, только въ гораздо большей степени, господствуютъ и въ торговлѣ *шерстью*, которая почти основана на раздачѣ денегъ впередъ за будущую стрижку. Торговля шерстью находится почти исключительно уже въ рукахъ западно-европейскихъ (французскихъ, англійскихъ и особенно австрійскихъ) агентовъ, разбѣзжающихъ и расмылающихъ своихъ второстепенныхъ агентовъ по всей

странѣ. *Кожѣ* (ягнячьѣ и козьѣ) сбываются тоже почти исключительно на Западѣ. Агенты по этой торговлѣ живутъ въ городахъ и заключаютъ обыкновенно сдѣлки съ *касапами* (мясниками); а, кромѣ того, они имѣютъ своихъ комиссіонеровъ и по селамъ. Касапы обыкновенно дѣлаютъ коллективныя условія съ подобными агентами насчетъ доставки шкуръ и продаютъ исключительно только за деньги. Довольно большую роль въ выгодной торговлѣ играютъ также *кости* и *тряпье*. Организациа собиранія ихъ заключается въ томъ, что купцы-промышленники обращаются обыкновенно въ городскіе совѣты и получаютъ отъ нихъ исключительное право на собираніе костей и тряпокъ, затѣмъ сами нанимаютъ людей или заключаютъ сдѣлки съ цыганами, которые уже ходятъ по селамъ и собираютъ тряпье, а также разыскиваютъ кости преимущественно по берегамъ рѣвъ, гдѣ обыкновенно устраиваются бойни. Кромѣ этихъ продуктовъ, изъ Болгаріи вывозится также воскъ, шелкъ, рисъ (изъ Тракіи), розовое масло, сырой хлопъкъ, волю, овцы и проч.; скотъ преимущественно вывозится въ Константинополь.

Что касается организациа *кредита* въ Болгаріи, то при недавнемъ еще существованіи банка въ Софіи правильный торговый кредитъ въ европейскомъ смыслѣ тамъ не успѣлъ еще развиться и въ торговлѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ частному кредиту, занимая деньги другъ у друга. Для мелкихъ займовъ обращаются обыкновенно къ такъ называемымъ *фаизчи* (ростовщикамъ), которые даютъ подъ залогъ домовъ, лавокъ, виноградниковъ и пр. недвижимой собственности деньги съ платою отъ 1 до 2% въ мѣсяць. Фаизчи обыкновенно бываютъ изъ евреевъ, болгаръ, изрѣдка турокъ и проч. Въ селахъ за мелкими ссудами обращаются къ болѣе состоятельнымъ селянамъ же, причѣмъ деньги даются подъ поручительство сосѣдей, а иногда подъ залогъ за 2—5% въ мѣсяць. Для долгосрочныхъ же ссудъ и, притомъ, специально для земледѣльческаго сельскаго населенія существуютъ въ Болгаріи прекрасныя учрежденія—*земледѣльческія кассы*, заведенныя еще турками и реорганизованныя въ настоящее время нынѣшнимъ болгарскимъ правительствомъ.

Эти земледѣльческія кассы учреждены съ цѣлю давать ссуды исключительно лицамъ земледѣльческаго класса, для улучшенія домашняго хозяйства или обработки земли. Ссудами могутъ пользоваться только земледѣльцы тѣхъ селъ, которые участвуютъ въ составленіи капитала этихъ кассъ. Капиталъ же этотъ составляется изъ денегъ, вырученныхъ за хлѣбъ, собираемый для этой цѣли обществами съ своихъ обывателей, и изъ тѣхъ денегъ, которыя вносятся отъ частныхъ лицъ и остались отъ кассъ, существовавшихъ прежде при турецкомъ правительствѣ. Кассы раздѣляются по количеству капитала (отъ 500 тыс. грошей до 1-го милліона и болѣе) на три разряда, сообразно которымъ назначается жалованье состоящимъ при нихъ должностнымъ лицамъ—кассирамъ, писарямъ и прислугѣ. Кассиры избираются ежегодно слѣдующимъ образомъ: въ концѣ года окружный начальникъ предлагаетъ, чтобы каждое село выбрало по одному избирателю на каждые 50 дворовъ; эти избиратели собираются въ окружномъ городѣ

и тамъ выбираютъ по 3 кандидата для кассъ 2-го и 3-го разряда и по 6 кандидатовъ для кассъ 1-го разряда, изъ которыхъ окружный начальникъ утверждаетъ получившихъ наибольшее количество голосовъ и, притомъ, такихъ лицъ, „кои-то ся спечелили довѣріею на начальство“. Изъ этого послѣдняго условія читатель видитъ, что администраціи предоставляется достаточно широкое вліяніе на дѣла кассы, которое, конечно, можетъ быть тѣмъ или инымъ, смотря по направленію и видамъ существующаго въ данное время правительства. Въ кассиры не можетъ быть избрано лицо неграмотное, а, кромѣ того, еще до баллотировки каждый кандидатъ долженъ представить за себя поручителей. Поручители эти даютъ формальное обязательство отвѣчать своимъ имуществомъ за кассировъ въ случаѣ растраты, хотя бы она была сдѣлана и не самимъ кассиромъ, а писаремъ или прислугой, за которыхъ отвѣтственнымъ лицомъ считается кассиръ. Кромѣ земледѣльцевъ, какъ мы сказали, никакія другія лица пользоваться ссудами изъ этихъ кассъ не могутъ. Занимающіе представляютъ въ обезпеченіе долга или поручителей, или залогъ. Въ крайнемъ случаѣ кассиръ имѣетъ право выдавать ссуды и безъ того обезпеченія, но на свою личную отвѣтственность. Ссуды выдаются на срокъ отъ 3-хъ до 12-ти мѣсяцевъ по 9% въ годъ или $3\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяць, причемъ количество % ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено. Проценты взыскиваются при выдачѣ ссуды, причемъ, кромѣ этихъ процентовъ и платы за гербовую марку, получающій ссуду ничего не платитъ. Если кто-нибудь возвратитъ долгъ раньше срока, то проценты отъ дня уплаты до срока ему возвращаются. При выдачѣ ссудъ требуется, чтобы кассиръ обращалъ строгое вниманіе на состоятельность поручителей, которыми могутъ быть только люди, имѣющіе не менѣе 3-хъ чифтъ воловъ, буйволовъ или лошадей, или 30 овецъ. Если ссуда берется подъ залогъ движимаго имущества, то оно своею стоимостью должно превышать сумму ссуды на $\frac{2}{3}$; при залогѣ же недвижимаго имущества годовой доходъ съ него долженъ превышать на $\frac{2}{3}$ сумму ссуды. Въ случаѣ несостоятельности должника въ срокъ, ему дѣлается отсрочка, но не болѣе, какъ на время, равняющееся половинѣ перваго срока; если же и затѣмъ долгъ не будетъ уплаченъ, то онъ взыскивается съ поручителя или съ продажи залога. Изъ суммъ, собранныхъ кассой въ видѣ процентовъ, удовлетворяются, прежде всего, расходы самой кассы, затѣмъ остатокъ употребляется отчасти на увеличеніе основнаго капитала, отчасти же на разныя общественныя дѣла: училища, улицы, мосты и т. п. На эти послѣднія надобности можетъ быть ассигновано не болѣе $\frac{2}{3}$ всей суммы, составившейся изъ процентовъ, и то не иначе, какъ съ разрѣшенія окружнаго начальника. Контроль земледѣльческихъ кассъ, прежде всего, возлагается на окружныхъ управителей, затѣмъ черезъ совѣтниковъ по дѣламъ казны на губернаторовъ. Впрочемъ, „въ извѣстна мѣрка“ право надзора за кассами принадлежитъ и сельскимъ избирателямъ: во время выбора кассировъ избираются также и 3 лица для ревизіи кассъ. Эти избранные вмѣстѣ съ двумя лицами, назначаемыми окружнымъ начальникомъ, составляютъ ревизионную комиссію, кото-

рая, кромѣ ревизіи, имѣетъ еще и право возбуждать вопросы объ увеличеніи капитала кассы и новыхъ сборовъ съ этой цѣлю. Сборы въ пользу кассы дѣлаются, какъ мы сказали, зерномъ (житомъ или ячменемъ) съ cadaго чифта воловъ или лошадей, причемъ съ цѣлю кадастра слуги кассы ходятъ по селамъ и дѣлаютъ перепись скота, на основаніи которой кассовое управленіе распоряжается потомъ о сборѣ хлѣба. Для ускоренія этого сбора слуги кассы ходятъ по селамъ (кассы находятся въ окружныхъ городахъ) и затѣмъ собранный хлѣбъ продается съ аукціона въ окружномъ управительномъ совѣтѣ въ присутствіи кассира.

Понятно, что при той широтѣ вліянія, какая предоставлена въ земледѣльческихъ кассахъ администраціи, польза, которую они могутъ принести земледѣльческому населенію, легко можетъ быть сведена къ самымъ ничтожнымъ размѣрамъ; но, при сколько-нибудь честномъ отношеніи со стороны властей, кассы эти могутъ быть въ высшей степени полезными и предотвратить множество тѣхъ бѣдствій, какія терпятъ, напримѣръ, русскій народъ отъ своихъ кулаковъ и мироѣдовъ.

Дозволено цензуров. Москва, 3 мая 1884 года.

Типо-литографія Н. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

РЫБОЛОВНЫЯ АРТЕЛИ.

Рыболовныя и звѣроловныя артели сѣвера, или, точнѣе, бассейна Ледовитаго океана, представляютъ *три опредѣленныхъ типа организаціи: покрутъ, чистая артель и артель-міръ*. Первый типъ господствующій; это, если можно такъ сказать, кулацкая артель. Сфера ея дѣйствія тамъ, гдѣ требуется болѣе значительный капиталъ въ видѣ кредита труду, рыболовныхъ снастей и продуктовъ продовольствія. Базисъ ея—обездоленный рабочій, оторванный отъ орудій производства, доведенный невыгодными экономическими и общественными условіями до полной кабалы капиталисту-кулаку. Результатомъ таковыхъ печальныхъ условій является безусловное господство капитала, полное подчиненіе ему труда.

Другіе два типа организаціи въ сущности очень близки другъ къ другу. Единственное существенное различіе ихъ состоитъ въ томъ, что артель составляютъ нѣсколько сговорившихся на общее дѣло равноправныхъ товарищей; въ артели мірской равноправными и равнообязанными товарищами являются всѣ члены міра, дѣйствующие или всѣ одновременно, или группами поочереды, или товарищи составляютъ изъ представителей отдѣльныхъ равныхъ группъ. Существенныя черты обоихъ типовъ однѣ и тѣ же: справедливость и равенство во всемъ—въ правахъ и обязанностяхъ, въ составленіи потребнаго капитала и въ пользованіи полученнымъ продуктомъ. Въ нихъ капиталъ не отдѣленъ отъ труда и тѣмъ болѣе не господствуетъ надъ нимъ: членъ-рабочій, вмѣстѣ съ тѣмъ, и капиталистъ; нѣтъ потому кабалы капитала и всѣхъ невыгодныхъ послѣдствій ея. Единственно дисгармонирующее обстоятельство, это—маломощные члены, не могущіе внести потребный на ихъ часть небольшой капиталъ и потому при дѣлежѣ продуктовъ получающіе на свою часть менѣе тѣхъ, которые являются и представителями капитала.

П о к р у т ъ .

Справедливая и выгодная во всѣхъ отношеніяхъ артельная организація уступаетъ, гдѣ приходится столкнуться съ организаціей капиталистической—покрутомъ. Вообще говоря, можно сказать, гдѣ дѣло ведется

на широкую ногу, гдѣ большое производство, гдѣ требуется значительный капиталъ, гдѣ и пожива для него большая, тамъ господствуетъ покрутъ.

Типичнымъ представителемъ покрута являются промыслы: новоземельскіе моржовые, тюленьи и мурманскіе тресковые.

«Особенность артели, устроенной на началѣ покрута, та, что капиталъ, необходимый для веденія дѣла, и на первомъ планѣ орудія производства принадлежатъ одному лицу, которое можетъ участвовать или не участвовать въ артели личнымъ трудомъ; остальные члены артели ничего въ нее не вносятъ, кромѣ своей рабочей силы. Хозяину принадлежитъ весь капиталъ промысловой артели. Онъ доставляетъ судно: ладью или шкуну, промысловыя снасти, ружья, порохъ, сѣти,—все, что относится къ орудіямъ производства. Онъ на собственный счетъ заготавливаетъ съѣстные припасы, сколько ихъ нужно промышленникамъ на все время промысла, приблизительно въ такомъ размѣрѣ на человѣка: около 7 пуд. муки ржаной и ячменной, 1½ ячменной крупы и толокна, столько же соленой трески, 1½ пуд. солонины, 10 фун. масла коровьяго и 10 фун. коноплянаго, ушатъ творогу и т. п.; промыслы продолжаются съ конца мая, когда западный берегъ Новой Земли освобождается отъ льда, до начала сентября. Такимъ образомъ, вся артель состоитъ почти на полномъ содержаніи у хозяина; онъ доставляетъ даже нѣкоторые принадлежности одежды членамъ артели» *).

Особенно значительный капиталъ требуется на мурманскомъ промыслѣ; здѣсь въ становищѣ, т.-е. въ томъ мѣстѣ, которое артель избираетъ для временнаго пребыванія на промыслѣ, «хозяинъ обязанъ заготовлять для своихъ покрученниковъ жилье, амбары для склада припасовъ, амбары для посола рыбы, промысловыя орудія, топливо, соль для посола и жерди для сушки рыбы, кожи, кожаные фартуки и разную необходимую мелочь; съѣстные припасы на все время промысла заготавливаются хозяиномъ въ становищѣ съ осени предыдущаго года и лежатъ тамъ цѣлую зиму подъ присмотромъ лопарей: Впрочемъ, изъ съѣстныхъ припасовъ заготавливаютъ только муку по 1 кулю на человѣка и крупъ, остальную пищу промышленники добываютъ сами изъ моря. Вообще, хозяева стараются сдѣлать содержаніе своихъ покрученниковъ какъ можно скуднѣе и не долюбиваютъ, если кто-нибудь составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе» **).

Последнее обстоятельство, стремленіе хозяина свести потребности рабочаго къ невозможному минимуму, бросается въ глаза всѣмъ наблюдавшимъ покрутъ, какъ ученымъ изслѣдователямъ, такъ и командироваемымъ чиновникамъ.

Вотъ что говоритъ г. Максимовъ ***) о новоземельской артели: «Промысловыя артели обряжаются изъ рукъ вонъ безтолково: какъ хозяинъ, монополистъ видитъ въ своихъ покрученникахъ простое орудіе для своей

*) Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. Ст. А. Ефименко. Выпускъ 1, стр. 26—27.

**) Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. Ст. А. Ефименко. Выпускъ 2, стр. 30.

***) «Годъ на Сѣверѣ», т. II, стр. 138.

личной прибыли, не понимая (и, къ несчастью, не столько не умѣя, сколько не желая понимать) ни его высокочеловѣческаго достоинства, ни его требованій, какъ разумнаго существа. Сырой избой, утлымъ судномъ, на 1/2 испорченною провизіей, рваной одеждой, скуднымъ вознагражденіемъ за трудъ обставленъ безжалостнымъ монополистомъ всякій покрутъ, снаряжающійся имъ на Новую Землю за моржами. Вотъ почему теперь большая часть печерцевъ и мезенцевъ обратилась къ роднымъ рѣкамъ, богатымъ семгой, и почему одни только самоѣды крутятся на новоземельскихъ промыслахъ, — самоѣды, не сознающіе еще своего нравственнаго челоуѣческаго достоинства и злоумышленно своими хитрыми сосѣдями поддерживаемые въ животномъ, невѣжественномъ коснѣніи. Изъ дальняго Кемскаго поморья идетъ сюда крайняя, рваная, беззащитная бѣдность, у которой нѣтъ иной вѣры, какъ вѣры въ случай, и надежды, всегда вроткой посланницы небесъ, хотя не всегда оправдываемой».

Покрутъ, оставаясь въ сущности такимъ, какимъ мы его видѣли сейчасъ, видоизмѣняется черѣдко въ нѣкоторыхъ частяхъ, принимая то ту, то другую форму. Въ примѣръ можно привести кольскія тресковыя артели, по бѣдности не могущія завести свои промысловыя орудія, какъ лопари и бѣднѣйшіе изъ жителей Колы.

«Они идутъ *) въ покрутъ къ хозяевамъ, составляя такія же артели покрученниковъ, какъ тѣ, которыя мы разсматривали, т.-е. поморскія; но устройствомъ кольскія артели нѣсколько отличаются отъ поморскихъ. Хозяинъ обязывается дать своимъ покрученникамъ только содержаніе и главныя изъ орудій производства. Остальное, необходимое для промысла, покрученники берутъ у хозяина въ аренду: напримѣръ, за неводъ для ловли наживки, которымъ могутъ пользоваться 12 шнякъ, артельщики платятъ хозяину 12 руб., т.-е. по рублю съ артели, за столъ, котлы, чаны—5 руб. и т. д. Пользованіе шнякой уплачивается хозяиномъ и артелью пополамъ; такъ какъ арендная плата шняки 10 руб. въ годъ, то артель уплачиваетъ хозяину 5 руб., если судно принадлежитъ ему, и наоборотъ: хозяинъ платитъ ту же сумму, если судно идетъ отъ промышленниковъ».

Точно также, какъ утверждаетъ г. Полъновъ**), въ мурманскомъ промыслѣ не всѣ продукты хозяйскіе; часть ихъ—чай, сахаръ, ромъ—вычитаются по оцѣнкѣ изъ паевъ покрученниковъ.

Такимъ образомъ, въ покрутъ весь капиталъ, нужный для промысла, въ видѣ промысловыхъ орудій, продуктовъ питанія и проч., представляется однимъ лицомъ — хозяиномъ-капиталистомъ. Капиталистъ именно хозяинъ: онъ даже подбираетъ членовъ артели, назначаетъ кормщика, главу ея, если, разумѣется, не принимаетъ участія въ промыслѣ самъ. Послѣднее обстоятельство зависитъ исключительно отъ него же. Въ тюленьихъ артеляхъ, напр., хозяинъ почти всегда принимаетъ участіе, въ мурманскихъ рѣдко, такъ какъ большинство хозяевъ снаряжаетъ по нѣсколько артелей, черѣдко болѣе 10.

*) Ефименко. Выпускъ 2, стр. 38.

**) Отчетъ по командировкѣ на Мурманскій берегъ. «Сельское хозяйство и лѣсоводство» 1876 г., ч. СХХІ.

Мы видимъ въ покрутѣ два элемента: *хозяева-предприниматели и рабочая сила—покрученники.*

Первый элементъ активный весь капиталъ промысла ихъ, какъ и инициатива и организація артелей. Вторые—элементъ пассивный, рабочая сила, идущіе на промыселъ «съ однимъ брюхомъ», всецѣло подчиненные капиталисту.

Развитіе капитализма не остановилось на отдѣленіи труда отъ орудій производства, не остановилось на закабаленіи артельщика кулаку; капитализмъ пошелъ далѣе: сталъ концентрироваться, разрастаться, подавлять мелкій, подчинять его себѣ, жить, такъ сказать, на его счетъ, какъ этотъ живетъ на счетъ труда. Вотъ что говоритъ г. Подѣновъ *), одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей:

«У крупныхъ рыбопромышленниковъ Мурманскаго берега свои корабли, которые къ началу промысла подходятъ къ мѣсту нахождения факторій промышленниковъ на Мурманскомъ берегу. Владѣльцы кораблей не держатъ рабочихъ для лова, а покупаютъ или, правильно говоря, принимаютъ рыбу, выловленную шняками, на свои корабли, гдѣ находятся вѣсы для взвѣшивания привезеннаго товара и гдѣ кормицику выдается квитанція въ пріемъ рыбы. Корабли отправляютъ рыбу въ Питеръ. Стараясь сдѣлать болѣе рейсовъ, крупные промышленники заботятся о привлеченіи на свою сторону какъ можно болѣе шнякъ. Способъ привлеченія весьма простъ; онъ заключается въ ссуженіи владѣльцевъ шнякъ столь необходимыми ему деньгами. Этотъ послѣдній выдаетъ вексель на занятую сумму и отдаетъ приказъ своимъ кормицикамъ сдавать рыбу на корабли ссудившаго рыбопромышленника, который въ отношеніи своего должника и его покрученниковъ называется хозяиномъ. Кредитъ, которымъ пользуется владѣлецъ шнякъ, находится въ прямомъ отношеніи къ числу ихъ и простирается отъ 50—200 руб. Въ сущности, это своеобразный способъ найма рабочихъ, съ одной стороны избавляющій крупнаго промышленника отъ непріятности найма рабочихъ, часто нарушающихъ заключенныя ими условія, а съ другой—дающій возможность шнякамъ продавать на сторону излишнюю рыбу».

Черезъ 10 строкъ г. Подѣновъ замѣчаетъ: «Бъ сожалѣнію, и тутъ является знакомое промышленнымъ странамъ неумѣренное господство капитала. Крупные промышленники пользуются тѣмъ, что, ссудивши хозяина шняки; ставятъ его въ совершенную отъ себя зависимость и употребляютъ всѣ усилія, чтобы не давать ему возможности выйти изъ этого положенія; въ этомъ ихъ прямая выгода... Такимъ образомъ, онъ имѣетъ возможность устанавливать во время промысла цѣну на рыбу».

Теперь уже конкурируютъ на Мурманѣ нѣсколько крупныхъ капиталистовъ, какъ Савинъ, Паллизенъ, Базарный, Зебекъ, Филипповъ и др. Общій оборотъ факторій доходитъ до 150 тысячъ рублей и свыше **).

Представители труда называются покрученниками. Участіе ихъ въ трудѣ не равно: одни вносятъ сырую рабочую силу, безъ всякихъ спе-

*) Отчетъ.

***) Немировичъ-Данченко: «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ». «Отеч. Записк.» 1874 г., № 8.

ціальныхъ обязанностей,—это *простые покрученники*; другіе же, кромѣ того, вносятъ свое искусство, знаніе дѣла, какъ люди или очень опытные, или щедро надѣленные природою. А такъ какъ отъ этихъ качествъ въ значительной степени зависитъ успѣхъ предпріятія, то и распредѣленіе выгодъ дѣла находится отъ нихъ въ большой зависимости. Такъ, самый опытный и искусный дѣлается старшимъ въ артели; онъ управляетъ судномъ, ходомъ промысла, такъ сказать, ведетъ все дѣло,—это *кормщикъ*. Второй послѣ него, наприм., въ новоземельской артели, по опытности и искусству называется полукормщикомъ, третій—полуженщикомъ. Но обыкновенно только кормщикъ выдѣляется, какъ глава артели, руководитель, а прочіе остаются покрученниками.

Въ мурманской артели каждый изъ 4-хъ человекъ ея имѣетъ свое специальное занятіе, возлагаемое на него раздѣленіемъ промыслового труда, и согласно своему главному назначенію получаетъ и особое названіе: кормщика, весельщика, тягльца, наживочника, или наживляльщика. Кормщикъ считается главой артели и представителемъ хозяйскихъ интересовъ; иногда обязанность кормщика исполняетъ самъ хозяинъ артели. Кормщикъ, кромѣ присмотра за общимъ ходомъ дѣла и управленія судномъ, во время промысловой работы долженъ указывать мѣсто, куда выметывать ярусъ и какъ выметывать; при самомъ процессѣ выметыванія, требующемъ нѣкотораго искусства и сноровки, кормщикъ играетъ также важную роль; онъ же и поднимаетъ ярусъ. Также принимаетъ онъ участіе и въ «дѣланіи» выловленной рыбы, т.-е. въ ея приготовленіи: его обязанность пластать рыбу и очищать ее отъ внутренностей. Три остальные, «рядовые» члена артели—тяглецъ, весельщикъ и наживочникъ—ничемъ не разнятся другъ отъ друга по своимъ правамъ: всѣ они должны равно повиноваться кормщику, всѣ имѣютъ равную долю въ общей добычѣ, но обязанности ихъ различны. Тяглецъ получилъ свое названіе отъ того, что онъ помогаетъ кормщику тянуть ярусъ; наживочникъ отъ того, что онъ наживляетъ уды; весельщикъ отъ его обязанности гребти. Когда кормщикъ поднимаетъ ярусъ, то ему помогаетъ тяглецъ, въ то же время весельщикъ гребетъ, а наживляльщикъ очищаетъ уды отъ наживки, «глушитъ» ихъ, т.-е. завязываетъ такъ, чтобы онѣ не задѣвали другъ за друга, и, укладывая ярусъ въ порядкѣ, перебрасываетъ выловленную рыбу въ носъ или корму шняки. Въ дѣланіи рыбы тяглецъ также помогаетъ кормщику. Его обязанность отвертывать рыбъ голову, которую онъ бросаетъ въ воду или откладываетъ для сушки, и затѣмъ подавать рыбу кормщику для чистки. Обязанность весельщика вынести рыбу на мѣсто посолки; наживляльщикъ же очищаетъ отъ выброшенныхъ внутренностей максу, т.-е. печень, и складываетъ въ особую посуду. Такое же раздѣленіе труда существуетъ и въ другихъ частяхъ промысловыхъ занятій *).

Количество членовъ въ разсматриваемыхъ артеляхъ различно; въ мурманскихъ каждая артель состоитъ изъ 4-хъ человекъ; ново-земельскія моржевыя изъ 8—15, а по г. Максимова **) до 20; тюленьи также состоятъ изъ неодинаковаго числа. По словамъ г. Полѣнова ***) , нормаль-

*) Ефименко. Выпускъ 2, стр. 31.

**) «Годъ на Сѣверѣ», т. II.

***) Отчетъ по командировкѣ на Мурманскій берегъ.

ный составъ мурманскихъ артелей изъ 4-хъ человекъ измѣняется при женскомъ элементѣ: двѣ женщины идутъ за одного мужчину и называются половинками. Кроме того, въ каждой артели одинъ или два мальчика—зуйки, въ качествѣ помощниковъ-учениковъ. Обязанность зуйки—готовить пищу, содержать въ чистотѣ жилище и исполнять прочія работы; въ случаѣ же болѣзни артельщика, зуйка замѣняетъ его, получая должную плату. Зуйки обыкновенно дается съ двухъ тюковъ снасти по одной рыбѣ. Такимъ образомъ, кроме прекраснѣйшей практической школы рыболова, зуйка получить и заработокъ иногда рублей до 25 *).

Обратимся къ чрезвычайно важному вопросу, *это—ассоціація капитала и труда, насколько она выгодна для представителей того и другого, что даетъ труженнику и кулаку*. Въ этомъ отношеніи имѣется значительный матеріалъ; многіе изслѣдователи и даже нѣкоторые предприниматели дѣлали вычисления.

«По прибытіи въ Архангельскъ,—говоритъ, кажется, рыбопромышленникъ **),—обыкновенно къ ярмарочному времени, грузъ продается партіями прѣзжимъ покупателямъ изъ окружающихъ уѣздовъ и губерній и вырученные деньги раздѣляются на три части, изъ коихъ двѣ части получаетъ хозяинъ за перевозку рыбы въ Архангельскъ, за промысловыя суда и снаряды и за продовольствіе промышленниковъ, и только $\frac{1}{3}$ раздѣляется между промышленниками. Эти вырученные деньги, которыя въ хорошій промышленный годъ составляютъ 70—100 руб. на человека, служить и семейству его зимнимъ пропитаніемъ до февраля, когда опять отправляются».

$\frac{1}{3}$ труду, $\frac{2}{3}$ капиталу—это самое общее явленіе покрута, гдѣ бы онъ ни былъ.

О томъ же Мурманѣ г-жа Ефименко говоритъ ***): «Размѣры участія артели опредѣляются обычаемъ, который устраняетъ свободный договоръ между хозяиномъ и его покрученниками, кроме кормщика; опредѣляется же такъ: весь промыселъ дѣлится на три части, изъ которыхъ двѣ идутъ хозяину, а одна на артель. Эта треть дѣлится между всѣми членами артели, включая и кормщика, поровну, значить каждый получаетъ $\frac{1}{12}$ всей промысловой добычи. Вотъ эта-то $\frac{1}{12}$ принимается при расчетахъ за единицу и называется паемъ; слѣдовательно, на долю хозяина приходится 8 паевъ, а всѣ рабочіе вмѣстѣ получаютъ 4 пая. Пай считается мѣрною удова и цѣнность добываемаго промысла опредѣляется количествомъ денегъ, приходящимся изъ общей выручки на пай; напр., если говорится, что на пай пришлось 50 руб., значить вся промысловая выручка артели 600 руб., изъ которыхъ хозяинъ получаетъ 400 руб., а всѣ рабочіе 200 руб. Но кормщику, какъ представителю и блюстителю своихъ интересовъ, хозяинъ уступаетъ еще половину одного изъ своихъ паевъ («половой» пай) и сверхъ того даетъ, смотря по предварительному уговору, 10—15 р. Эти деньги называются «свершонокъ»; размѣры свершонка зависятъ отъ репутаціи кормщика, его искусства, честности, старательности и

*) «Отечественныя Записки» 1874 г., № 8.

**) Зебекъ: „О рыбномъ промыслѣ на Мурманскомъ берегу“. „Морской Сборникъ“ 1867 г., № 11.

***) Сборникъ, т. II, стр. 32.

т. д. Такимъ образомъ, на долю кормщика приходится около $\frac{1}{6}$ общей цѣнности промысла. Передъ отправкой на Мурманъ хозяинъ даетъ еще каждому изъ своихъ покрученниковъ полтинникъ или рубль, который называется «завинной» или «заручной» и при расчетѣ не идетъ въ общій счетъ. Вотъ какъ распределяется промысловый продуктъ между артелью и ея хозяиномъ».

Почти то же говоритъ изслѣдователь болѣе ранняго періода, г. Данилевскій *): «На основаніи постоянного и неизмѣннаго правила, сумма, выручаемая за всю наловленную на Мурманскомъ берегу рыбу, дѣлится такъ: $\frac{2}{3}$ ея идутъ хозяину, а $\frac{1}{3}$ на работниковъ. Каждый получаетъ поровну, по $\frac{1}{12}$ доли, что составляетъ пай, служащій мѣриломъ улова. Хозяинъ, кромѣ обыкновеннаго пая, отдаетъ кормщику $\frac{1}{4}$ пая своего, да еще свершонокъ 10—50 руб. Кормщикъ есть не только распорядитель лова, начальникъ экипажа шняки, но и хранитель хозяйскаго добра и всѣхъ его интересовъ. И такъ, хозяинъ беретъ себѣ $\frac{7}{14}$ пая, а 4 работника вмѣстѣ получаютъ $\frac{4}{14}$ пая».

«Добытый промыселъ, по словамъ Максимова **), дѣлится на три части: двѣ поступаютъ въ пользу хозяина, крутившаго народъ, за его снасти и суда; остальная $\frac{1}{3}$ добычи дѣлится поровну между 4 работниками. Кормщикъ получаетъ отъ хозяина еще половой, т.-е. половину того, что ему досталось по раздѣлу $\frac{1}{2}$, и, сверхъ того, награду—свершонокъ отъ 50—5 руб., смотря по своимъ способностямъ и по богатству промысла».

Къ тому же приходятъ и позднѣйшіе наблюдатели. «По продажѣ добычи въ Архангельскѣ, вырученная сумма дѣлится на 12 пая, изъ которыхъ 8 хозяинъ беретъ себѣ, а 4 отдаетъ рабочимъ, причемъ $\frac{1}{4}$, рѣдко $\frac{1}{2}$ пая даетъ по достоинству кормщику. Сверхъ того, этотъ еще вначалѣ получаетъ подарокъ—свершонокъ—5—20 руб.».

Но не всегда бываетъ такъ легко опредѣлить долю члена артели, какъ въ тресковомъ промыслѣ, гдѣ всѣ артели имѣютъ опредѣленный размѣръ—4 человѣка—и прочно установились взаимныя отношенія между капиталомъ и трудомъ. Такъ, напр., новоземельская артель, состоящая изъ 8—15, даже 20 человѣкъ, значительно уклоняется при распредѣленіи продукта отъ мурманской артели. Здѣсь нѣтъ такихъ строго опредѣленныхъ правилъ; многія мѣстности руководятся своимъ обычаемъ. Кормщикъ артели, выходящей изъ Кемскаго уѣзда, получаетъ 2—2 $\frac{1}{2}$ пая, а низшіе покрученники получаютъ менѣе пая; въ Мезенскомъ же уѣздѣ раза въ 4—6 болѣе обыкновеннаго покрученника, полукормщикъ половину этого, полууженикъ—четверть. Но при подобномъ разнообразіи общее для всѣхъ способовъ распредѣленія есть то, что за единицу принимается «пай», т.-е. доля артельщика среднихъ качествъ. Но какъ опредѣляется величина пая? Въ Поморьѣ Кемскаго уѣзда въ ходу слѣдующій способъ для опредѣленія размѣровъ пая: весь промыселъ дѣлится на столько частей, чтобъ ихъ приходилось въ три раза больше, чѣмъ людей въ артели (напр., если въ артели 8 человѣкъ, то на 24 части,

*) „Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи“, т. VI.

**) Немировичъ-Данченко. „Отечеств. Записки“ 1874 г., № 8.

если 10, на 30, если нѣсколько больше 10, напр., 14, то на 40, и т. д.); каждая же такая часть и есть пай, величиною котораго опредѣляется размѣръ участія въ промысловомъ продуктѣ зауряднаго члена артели. При такомъ способѣ дѣлежа всѣ артельщики, вмѣстѣ съ кормщикомъ, получаютъ только треть всѣхъ паевъ, а $\frac{2}{3}$ приходится на долю хозяина. Но эти $\frac{2}{3}$ хозяинъ получаетъ еще только въ томъ случаѣ, если онъ не принимаетъ въ промыслѣ никакого личнаго участія, на практикѣ же часто бываетъ, что онъ самъ отправляется на промыселъ, обыкновенно въ качествѣ кормщика. Тогда онъ, конечно, сверхъ вознагражденія за капиталъ, получаетъ долю, какая причитается кормщику за его трудъ и искусство *).

Тюленьи артели имѣютъ въ этомъ отношеніи такое рѣшительное отклоненіе отъ общихъ понятій объ артели, что, повидимому, сами себя отрицаютъ, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія теоріи. Артель ловить звѣрей сообща, но добыча не составляетъ общей артельной собственности. «Еще недавно,—говоритъ г-жа Ефименко **),—все, что было добыто промышленниками, принадлежащими къ одной артели, считалось собственностью всей артели и дѣлилось на пай, распределеніе которыхъ между хозяиномъ и его покрученниками или покручиками опредѣлялось обычаемъ и предварительнымъ условіемъ, опредѣлялось болѣею частью такъ: хозяинъ получалъ на одинъ пай больше, чѣмъ всѣ покрученники вмѣстѣ, число же паевъ, значить, и величина каждаго пая опредѣлялись числомъ членовъ артели. Теперь же дѣло устроено иначе: каждый промышленникъ сохраняетъ за собой частное право на свой промыселъ, впрочемъ, не на тѣхъ звѣрей, которыхъ онъ успѣлъ убить, такъ какъ охота ведется артельно, сообща, а на тѣхъ, которыхъ успѣлъ «выволочить», т.-е. вытащить до становища. Такое измѣненіе въ самыхъ основаніяхъ дѣлежа произошло отъ того, что въ этомъ промыслѣ успѣхъ много зависитъ отъ личныхъ качествъ промышленника, впрочемъ, главнымъ образомъ, отъ его физической силы. Сила эта нужна не для того, чтобы вести самую охоту, а чтобы вытащить добычу, выволочить ее до промысловой избы, которая иногда находится въ значительномъ разстояніи отъ мѣста охоты.

«...Каждый промышленникъ здѣсь является представителемъ выволоченной имъ части промысла, и самъ уже дѣлится съ хозяиномъ на условіяхъ, опредѣленныхъ предварительнымъ договоромъ; впрочемъ, пай хозяину за лодку, а у иныхъ хозяевъ еще особый пай за котлы и винтовки, артель платитъ сообща, но чѣмъ тутъ опредѣляется пай,—объ этомъ нѣтъ свѣдѣній. Кроме того, еще одинъ юрокъ артель завѣщаетъ Богу; на завѣщанномъ юркѣ ставится крыжъ (крестъ), чтобъ не смѣшать его съ другими. Затѣмъ каждый промышленникъ дѣлится съ хозяиномъ или изъ половины, или изъ пятой. Изъ половины, это значить, что если онъ вытянулъ четыре юрка, то два отдается хозяину, два себѣ; если изъ пятой, то добыча покрученниковъ дѣлится на пять частей, изъ которыхъ хозяинъ беретъ себѣ три, а покрученнику оставя-

*) Ефименко. Сборникъ. Вып. I, стр. 28.

**) Ibid., т. I., стр. 39—40.

еть двѣ. Последній способъ дѣла (дѣлежа) считается крайне стѣснительнымъ для покрученниковъ. Вообще, когда промыселъ удачный, хозяинъ получаетъ огромный барышъ. Но такъ какъ удачные годы бываютъ далеко не постоянно, то иногда хозяину приходится содержать покрученниковъ совсѣмъ задаромъ; всѣ свои убытки онъ наверстываетъ въ промысловый годъ. Экономическія отношенія хозяина къ покрученникамъ не ограничиваются обыкновенно временемъ промысла; онъ цѣлый годъ помогаетъ имъ въ случаѣ нужды, изъ чего и вытекаютъ обязательныя отношенія къ хозяину его покрученниковъ, крайне невыгодныя для послѣднихъ».

Этого достаточно. На различныхъ отклоненіяхъ отъ этого типа организаціи не станемъ останавливаться. Теперь обратимся къ вопросу: *что даетъ эта ассоціація капитала и труда работнику и предпринимателю?* Многие останавливались на этомъ вопросѣ, беря, главнымъ образомъ, мурманскій тресковый промыселъ. Одинъ изъ слѣдователей, г. Данилевскій *), говоритъ: «Покрутъ потому лучше, что 1) убытки и барыши равномернѣе распределяются между участниками промысла; 2) не всякій хозяинъ имѣетъ возможность слѣдить за своимъ ловомъ; 3) при напередъ опредѣленной платѣ между хозяевами могло бы быть соперничество, отчего всѣ лучшіе работники перешли бы къ богатѣйшимъ; 4) система покрута имѣетъ для рабочихъ прелесть лоттерей».

«Съ перваго взгляда,—продолжаетъ онъ,—можетъ показаться такое распределеніе весьма стѣснительнымъ для рабочихъ и черезъ-чуръ уже выгоднымъ для хозяевъ, какъ многіе и думаютъ». Онъ старается подорвать это мнѣніе слѣдующимъ расчетомъ: «Свѣдѣнія, собранныя мною отъ опытныхъ (!) хозяевъ, говорятъ иное. Если положить на пай 200 р.—средній уловъ, то хозяинъ получитъ 16,000 руб. асс. Расходъ выходитъ 820 руб., да проценты за капиталъ, который онъ беретъ въ долгъ въ видѣ продуктовъ, перевозка и проч.—1,238 руб. Чистый доходъ 362 руб. асс., т.-е. менѣе двухъ паевъ. Но если хозяинъ имѣетъ собственное судно и небольшой капиталъ, то выгоды его увеличиваются на 468 руб., всего 830 руб. Немногіе рѣшились бы сдѣлаться хозяевами, если бы не исполняли, вмѣстѣ съ тѣмъ, должность кормщика» **).

Мы сейчасъ увидимъ, насколько правъ г. Данилевскій. «Всѣ заведенія,—говоритъ современный г. Данилевокому изслѣдователь ***)—стоятъ не дороже 600 руб. асс., а ежегодный ремонтъ около 50 руб. Съ такой поддержкой рыбацкіе снаряды служатъ не менѣе 6-ти лѣтъ. Въ 6-ти лѣтнюю сложность промышленники получаютъ въ каждое лѣто по 100 руб. асс. на брата; поэтому на часть хозяина причитается по 800 руб., и изъ нихъ, если вычесть продовольствіе работниковъ, стоящее при готовой рыбѣ 200 руб., ремонту 50 руб., за соль около 100 руб., преміи кормщику 50 руб. и возвратъ капитала съ суммы, употребленной на первоначальное обзаведеніе 100 руб.; то остается чистаго барыша 300 руб., т.-е. 50% на вкладной капиталъ».

*) Изслѣдованіе, т. VI.

**) Ibid.

***) «Указаніе средствъ поднять промыслы на сѣверн. берегахъ Россіи». «О. Б.» 1857 г.

Заслуживаетъ вниманія расчетъ, сдѣланный человѣкомъ, близко знакомымъ съ дѣломъ, промышленника Оскерко *). Онъ беретъ средняго промышленника, снаряжающаго 4 судна. При первомъ обзаведеніи его затраты будутъ: 1) на четыре судна четыре яруса, по 150 руб. каждый, да неводъ 30 руб., всего 630 руб.; 2) станъ, амбары для склада продовольствія, снастей, для посола рыбы, жерди для сушки ея и пр. 400 руб.; 3) четыре промысловыхъ судна, приготовленные для промысла, съ парусами, веслами и всѣми принадлежностями, по 70 рублей каждое— 280 руб.; 4) продовольствіе 16 человѣкъ промышленниковъ въ теченіе четырехъ промысловыхъ мѣсяцевъ 200 руб., по 50 руб. на судно,— всего около 1,500 руб. Положимъ, что на каждое судно придется 1,300 пудовъ выловленной рыбы, на четыре судна 5,200 пудовъ. Теперь еще расходы на соль для посола рыбы: на каждую тысячу пудовъ рыбы идетъ по 200 пудовъ соли, а на все приведенное количество до 1,000 пуд., на сумму 200 руб. Посоленная рыба теряетъ столько вѣсу, сколько вѣситъ употребленная на посолъ ея соль, значить изъ 5,200 пуд. выйдетъ 4,200 пуд. Изъ этого количества надо исключить $\frac{1}{3}$, идущую на покрученниковъ; останется въ пользу предпринимателя 2,800 пуд. Если эта рыба будетъ продана въ Архангельскѣ по 50 коп. пудъ, хозяинъ получитъ 1,400 руб.; вычтя 200 руб. на соль, останется 1,200 руб. Но къ этому надо прибавить еще выручку отъ продажи рыбьей максы. Отъ 5,200 пуд. рыбы получится максы 520 пуд., за исключеніемъ $\frac{1}{3}$ въ пользу покрученниковъ, около 340 пуд. Если положить пудъ максы по 1 руб. 40 коп., то всѣ 340 пуд. дадутъ выручки 476 руб., всего съ рыбою 1,676 руб. Эта сумма, очень осторожно выведенная, сразу возвращаетъ весь затраченный на обзаведеніе капиталъ и еще даетъ больше 10% чистаго барыша въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ промысловаго времени. Въ слѣдующіе промыслы придется уже дѣлать только незначительные расходы на содержаніе покрученниковъ и на поддержаніе основнаго капитала.

Дѣлалъ расчетъ и г. Маликовъ **); въ сожалѣнію, въ немъ много ошибокъ и его можно цитировать только въ исправленномъ видѣ г-жи Ефименко. Онъ принимаетъ весь расходъ хозяина на снаряженіе судна, т.-е. артели, въ 340 руб.; сюда входитъ шняка, ярусъ, мука, крупа и соль, а также половина пая кормщику. Выручку на пай онъ принимаетъ въ 50 руб., слѣдовательно, выручка рабочихъ 200 р., а предпринимателя, очевидно, 400 руб. За вычетомъ всѣхъ этихъ расходовъ, хозяинъ получитъ болѣе 17% чистаго барыша, покрывъ, такимъ образомъ, въ первый же годъ затраты на предметы, составляющіе основной промысловый капиталъ артели, т.-е. шняку и ярусъ; шняка же, по сообщенію г. Маликова, можетъ служить 5 лѣтъ, а ярусъ 2—3 года.

Въ заключеніе приведемъ еще одинъ расчетъ г. Немировича-Данченко, къ сожалѣнію, не отличающійся точностію ***). Издержки на устройство

*) Промысл. Мурманскій берегъ. «Архангельскія Губерн. Вѣд.» 1868 г., №№ 51—58.

**) Отчетъ по поводу командировки въ Онежскій и Кемскій уѣзды. «Арханг. Губ. Вѣд.» 1872 г., № 15.

***) «Отечественныя Записки» 1874 г., № 8.

промысла хозяинъ понесетъ слѣдующія: шняка 75 руб., заведение яруса 100 руб., по кулю муки на члена — 40 руб., соль и крупа — 20 руб., остальные расходы—50 руб. Всего 285 руб., а выручка 450 руб., чистый доход 165 руб. или около 60%. Хозяинъ, снаряжающій 10 шнякъ, какъ въ большинствѣ, приобретаетъ 1,650 руб. Но это въ первый годъ; шняка же служить 5 лѣтъ, а ярусъ 2—3 года, такъ что на 2-й и 3-й годъ хозяинъ тратитъ не болѣе 130 руб., а выручить 320 руб. или почти 260%.

Въ теченіе 5-ти лѣтъ на одну шняку онъ истратитъ 870 руб., а выручить 2,250 руб., т.е. получить чистаго барыша 1,380, а на 10 шнякъ истратитъ 8,700 руб. и выручить 22,500 руб., или почти утроитъ капиталъ, положенный въ основу предпріятія. Въ то же время, т.е. въ 5 лѣтъ, работникъ получитъ 300 руб. за упорный 30-ти мѣсячный трудъ.

Покрутъ не всегда бываетъ именно такимъ, какижъ мы видимъ его въ мурманскомъ тресковомъ промыслѣ. Иногда онъ принимаетъ и другія формы, хотя отношеніе между капиталомъ и трудомъ въ сущности остается тѣмъ же. Какъ на примѣръ, можно указать на тюленьи артели мезенцевъ. «У нихъ за промысловую единицу,—говоритъ г-жа Ефименко *)»,—принимается артель въ 7 человекъ. Составляется она хозяиномъ, который заключаетъ словесный договоръ съ каждымъ покрусенникомъ объ условіяхъ, на какижъ тотъ приметъ участіе въ промыслѣ.

«По договору хозяинъ обязуется доставить лодку со всѣми промысловыми принадлежностями, а также полное содержаніе покрусенникамъ. За единицу при дѣлѣжѣ промысла въ такой артели принимается пай или ужна, которая получается отъ раздѣла всей добычи на столько частей, чтобъ ихъ было на одинъ больше всего числа промышленниковъ. Такъ какъ промышленниковъ въ артели обыкновенно семь, то ужна составляетъ восьмую часть всей добычи (отъ слова ужна и покрусенники называются иногда уженниками, уженщиками). Такимъ образомъ, на каждого члена артели приходится по паю; лишній пай идетъ на лодку, значить, ея хозяину. Но покрусенникъ, работая на хозяйскомъ содержаніи, долженъ за него уплатить хозяину, и плата эта дѣлается обыкновенно половиной ужны: Иногда покрусенникъ крутится изъ пятой; это значить, что онъ изъ своей восьмой обязуется отдать $\frac{2}{5}$ хозяину, оставляя $\frac{3}{5}$ себѣ. Пусть артель добыла всего 120 кожъ, тогда на ужну приходится по 15 кожъ, полагая цѣну кожи 3 руб., всего на 45 руб. Изъ этихъ 15 покрусчикъ, въ первомъ случаѣ, отдаетъ хозяину $7\frac{1}{2}$ кожъ на 22 $\frac{1}{2}$ руб., во второмъ 9 на 27 руб. Остальную часть ужны онъ также обязательно продаетъ хозяину».

Приведенныхъ расчетовъ, думаемъ, вполнѣ достаточно, чтобы судить объ экономическомъ значеніи покрусъ и о распредѣленіи продукта между трудомъ и капиталомъ. Большинство изслѣдователей, какъ видно, занималось мурманскимъ тресковымъ промысломъ и имъ характеризовало покрусъ. Это и понятно. По большимъ размѣрамъ, по огромному значенію для извѣстной части Архангельскаго края и по типичности артельной организаціи тресковый промыселъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Остановимся немного на приведенныхъ расчетахъ.

*) Сборникъ. Выпускъ I, стр. 42.

Гг. Данилевскій и Полѣновъ являются крайне тенденціозными наблюдателями въ смыслѣ оптимизма, причѣмъ г. Полѣновъ увѣряетъ, что это — «прекрасное и едва ли не лучшее сочетаніе условій для развитія вполне свободнаго труда!» Г. же Данилевскій старается уменьшить доходъ хозяина и показать выгоды рабочаго въ самомъ розовомъ цвѣтѣ, выставляя на видъ то обстоятельство, что онъ получалъ свѣдѣнія «отъ опытныхъ хозяевъ». Онъ беретъ, напр., предпринимателя при самомъ невыгодномъ положеніи, ведущаго дѣло въ кредитъ, безъ собственного капитала, на тяжелыхъ условіяхъ, — предпринимателя, снаряжающаго только одну шняку, что совсѣмъ не вѣрно: каждый предприниматель снаряжаетъ среднимъ числомъ 4—5 шнякъ и болѣе. Вычисляя чистые барыши покрученника, г. Данилевскій неопозволительно забываетъ необходимые расходы его на дорогу отъ дома до Колы или Развилоцкой станціи, которые по нѣкоторымъ даннымъ доходятъ до 8—12 руб. Рабочій беретъ у хозяина зимою хлѣбъ, разные съѣстные припасы, одежду, обувь, все это беретъ, разумѣется, по произвольно назначенной хозяиномъ цѣнѣ. Весьма основательный расчетъ сдѣланъ человекомъ, глубоко знавшимъ условія производства, промышленникомъ Оскерко *). Мы видимъ, что онъ владѣть расходы производства при четырехъ шнякахъ въ 1,500 руб.; въ первый же годъ промышленникъ добудетъ продуктовъ на свою часть на 1,676 руб., т.-е. всѣ расходы покрываются и хозяинъ получитъ болѣе 10% чистаго барыша (вѣрнѣе почти 12%) и это въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что г. Оскерко писалъ, по его словамъ, съ цѣлью доказать, что мурманскіе промышленники вовсе не такъ эксплуатируются, какъ объ этомъ думаютъ. Но остановиться на этомъ расчетѣ значитъ остановиться на полпути; необходимо вести расчетъ далѣе, т.-е. посмотрѣть, какіе барыши получитъ предприниматель въ слѣдующіе 4 года, такъ какъ нѣкоторые большіе расходы дѣлаются разъ въ пять лѣтъ. Въ этомъ отношеніи дополненіемъ къ расчету г. Оскерко могъ бы служить расчетъ г. Немировича-Данченко, если бы послѣдній не уклонялся въ противоположную сторону, вслѣдствіе чего къ его расчету слѣдуетъ относиться очень осторожно.

Мы видѣли уже, что г. Немировичъ-Данченко въ первый годъ высчитываетъ проценты предпринимателя, опредѣляя ихъ въ 65 (вѣрнѣе, 60% по его же цифрамъ); во второй и третій годъ, по его словамъ, проценты доходятъ до 260! Въ теченіе 5-ти лѣтъ на 10 шнякъ предприниматель истратитъ 8,700 руб., а выручитъ 22,500 руб. За тѣ же 5 лѣтъ работникъ получитъ 300 руб. за упорный 30-ти мѣсячный трудъ! «Въ дѣйствительности же, — продолжаетъ г. Немировичъ-Данченко, — покрученникъ не получитъ и этого, такъ какъ зимой забираетъ хлѣбъ въ долгъ у хозяина. За пудъ хлѣба онъ даетъ 1 р. 30 к. За соль на рыбу и на себя въ бѣломорскихъ селахъ мироѣды грабятъ по 70—90 коп., тогда какъ имъ обошлось 30—50 коп. и менѣе. Такимъ образомъ, капиталистъ съ покрученника на хлѣбъ беретъ 25—30%, на соли отъ 40—100%. Кроме того, по дорогѣ изъ Норвегіи хозяинъ завозитъ ромъ, за

*) Промысловый Мурманскій берегъ. «Арханг. Губерн. Вѣд.» 1868 г., №№ 51—59.

ведро котораго беретъ 7—8 руб., тогда какъ ему обошелся по 2 руб. 40 коп., т.-е. беретъ по 300%.

Если этотъ расчетъ покажется излишне мрачнымъ, вернемся къ нѣскольکو оптимистическому взгляду г. Оскерко и продолжимъ его. Изъ перечисленныхъ статей расхода на второй годъ останутся только расходы на содержаніе рабочихъ 200 руб. и 200 р. на соль, положимъ хоть 500 руб., выручить же онъ среднимъ числомъ тоже 1,676 руб., т.-е., все-таки, чистыхъ 235%! То же будетъ на второй и на третій годъ и только на четвертый и пятый годъ доходы значительно упадутъ.

Результаты такихъ порядковъ крайне печальны. «Вездѣ, гдѣ вы только встрѣтите покрутича, — говоритъ г. Маликовъ *), — онъ находится въ неисходномъ долгу у хозяина, и я даже сомнѣваюсь, возможно ли найти гдѣ-либо такое счастливое исключеніе, чтобы хотя одинъ изъ нихъ не былъ долженъ». По словамъ г. Немировича, «одни и тѣ же промышленники изъ лѣта въ лѣто крутятся въ артель одного хозяина. Они ему привержены, по мѣстному выраженію, т.-е. находятся у него въ вѣчной кабалѣ, влѣдствіе долга, наростаго мало-по-малу на отцахъ и дѣтихъ» **).

«Разсчитываясь съ хозяиномъ по окончаніи промысла, — говоритъ тотъ же авторъ, — промышленникъ не видитъ денегъ вовсе, а покрываетъ насколько возможно старый долгъ, который почти всегда бываетъ такъ великъ, что не можетъ быть покрытъ уплатою, и тутъ же молятъ Христомъ-Богомъ мироѣда не отказать ему въ новомъ кредитѣ. Весною ему опять понадобятся деньги на уплату податей, — опять иди на поклонъ къ мироѣду. Покрученникъ всегда работаетъ для того, чтобы расплатиться съ долгомъ, всегда живетъ подъ гнетомъ обязательствъ. Немудрено поэтому, что покрученникъ, несмотря на свой страшно тяжелый трудъ, въ продолженіе 6-ти мѣсяцемъ, не сводитъ даже концы съ концами, а о какихъ-либо сбереженіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Такимъ образомъ, создается здѣсь болѣе чѣмъ крѣпостная зависимость. И это еще не все. Часто хозяева въ свою пользу вычитаютъ за каждый прогульный день рубль».

То же самое подтверждаетъ и г-жа Ефименко ***). «Отношенія покрученниковъ къ своимъ хозяевамъ, — говоритъ она, — не ограничиваются только промысловымъ временемъ; напротивъ, они обнимаютъ собою всю жизнь покрученниковъ, которые стоятъ въ вѣчной экономической зависимости отъ своихъ хозяевъ. По заявленію лицъ, компетентныхъ въ дѣлѣ, едва ли можно найти въ Поморьѣ такого крестьянина изъ покрученниковъ, который не былъ бы долженъ хозяину: большинство состоитъ въ неоплатномъ долгу. Хозяину, конечно, выгодно поддерживать такія отношенія къ своимъ покрученникамъ, доставляющія ему всегда обязательно готовое количество необходимыхъ рабочихъ силъ. Поэтому хозяинъ всегда готовъ дать покрученнику что нужно, конечно, на выгодныхъ для себя условіяхъ, точно также, какъ готовъ при всякомъ случаѣ утянуть что-нибудь въ содержаніи, не додать при расчетѣ, пользуясь зависимымъ положеніемъ покрученника, и т. д.

*) «Аргангельскія Губернскія Вѣдомости» 1872 г., № 15.

**) «За сѣвернымъ полярнымъ кругомъ».

***) Сборникъ. Выпускъ II, стр. 33—34.

«Когда происходит дѣлежъ промысловой добычи въ Архангельскѣ, послѣ продажи рыбы, покрученникъ тутъ же уплачиваетъ хозяину долгъ, который бываетъ почти всегда такъ великъ, что не можетъ быть покрытъ уплатою. А, между тѣмъ, ему надо заправить на зиму хлѣба и пр., — денегъ нѣтъ, онъ опять дѣлаетъ «заборъ» у хозяина, и это такъ тянется изъ года въ годъ, даже изъ поколѣнія въ поколѣніе. Покрученникъ всегда работаетъ для того, чтобы расплатиться съ долгомъ, всегда живетъ подъ гнетомъ обязательствъ. И чѣмъ достаточнѣе хозяинъ, тѣмъ болѣе имѣетъ онъ возможности затягивать въ эти обязательныя отношенія рабочія силы, тѣмъ тяжелѣе эти обязательства, тѣмъ труднѣе выбраться изъ нихъ покрученнику».

О санитарныхъ условіяхъ жизни покручниковъ читатель можетъ судить по слѣдующимъ даннымъ *):

«Въ Шельпино въ рабочей избѣ попрігляднѣе на пространство двухъ квадратныхъ саженей жило до 20-ти человекъ. Несмотря на отсутствіе промышленниковъ, воздухъ въ ней былъ спертъ и душенъ; въ немъ, казалось, еще клубились міазмы отъ сушившейся обуви и другихъ ингридентовъ.

«Нары были неимовѣрны грязны. Я поднялъ съ одной свалившуюся рогожу и отдернулъ руку съ чувствомъ, близкимъ къ ужасу, — тамъ кишмя кишѣла разная мерзость. Сквозь щели плохо сложенной печи сквозилъ ѣдкій дымъ, а въ щели плохо сложенного сруба дуло холодомъ, насквозь пронизывала струя вѣтра. На полу лежали груды сору и мусору; тутъ и грязь, и органическія вещества. Толстый слой сажі лежилъ вокругъ печи.

«— Неужели здѣсь у васъ спятъ 20 человекъ?

«— А какъ же не спать, — умаешься, заснешь.

«— И не душно?

«— Бываетъ, кто ночью на корячкахъ выползетъ за дверь, да такъ и ложится на вѣтеръ. Ужь это если очень одурѣетъ. А то ничего, спятъ. Тепло—кости размаетъ. Тутъ хоть буди, не добуднишься».

Въ другихъ станахъ было еще хуже.

«Куда ни зайди, все равно, развѣ что найдешь еще хуже. Въ одномъ станѣ люди помѣщались въ два яруса. Одни на нарахъ, другіе подъ ними. Всюду какія-то войлочные да рогожныя подстилки, въ которыхъ кишмя кишитъ всякая нечисть. Нигдѣ ни малѣйшаго удобства. Напротивъ, чѣмъ богаче хозяева, тѣмъ хуже ихъ станъ, тѣмъ онъ грязнѣе и тѣснѣе. Были избы, гдѣ нельзя было оставаться ни минуты. Оттуда такъ и отшибало. «Точно полѣномъ по лбу», выразился провожавшій. Въ колоніи Вайда артели глядятъ, сравнительно съ колонистами, какими-то жалкими, приниженными, голодными. Вотъ идетъ толпа ихъ. Всѣ глядятъ въ землю; ни громкаго слова, ни веселой пѣсни. На плечахъ лохмотья, ноги двигаются какъ-то криво. Толпа потеряла что-то и ищетъ на землѣ.

«— По многу ли на брата заработаете?

«— У насъ, братъ, хоть какой ловъ будь, все едино; все въ хозяйскій карманъ уйдетъ, ничего не останется намъ; вода, бываетъ, какъ

*) Немировичъ-Данченко. «Отечественныя Записки» 1874 г., №№ 8—10.

каша загустѣть рыбой, а покрученнику развѣ грошъ перепадеть, а больше ничего. Бывали такіе годы послѣ зимней голодовки, что жонкѣ и на ленту не хватитъ со всего промысла.

«Внутри ихъ становъ мерзость запустѣнія доходить до ужаса, точно въ ночь видишь какой-то кошмаръ передъ тобой. Чернота, вонь, гадость самая омерзительная. «А грязь эта по мордѣ бьетъ», мѣтко говоритъ промышленникъ. Мы вышли отсюда одурманенные».

Къ чему можетъ вести все это, показываютъ слова г. Соловцова *): «Хозяева плохимъ содержаніемъ покрутиковъ доводятъ ихъ до того, что они для улучшения пищи тайно продаютъ рыбу, сало, даже снасти, и при этомъ всѣ дѣйствуютъ за одно съ круговой порукой. Измѣнника ожидаетъ смертная казнь: покрутики при первомъ удобномъ случаѣ сталкиваютъ донощика со шняки въ воду, или сбрасываютъ со скалы на камень, или же убиваютъ побоями».

Таковъ покрутъ; таково это экономическое безобразіе! Покрутъ—это очень хитрая организація, дающая всѣ выгоды кулаку и закабаляющая массу.

Что касается покрута не въ смыслѣ экономической организаціи, а бытовой, то въ этомъ отношеніи онъ представляетъ не мало интереснаго. Такъ, нерѣдко нѣсколько артелей (маленькія весновальныя артели) обыкновенно соединяются для промысловыхъ работъ по 3—5, чаще всего по 4 человѣка; большая артель, составившаяся изъ маленькихъ, называется ромшей. Ромшане (члены ромши) «состоятъ въ одномъ заговорѣ», какъ выражаются крестьяне, т. е. промышленяютъ сообща, останавливаются въ одномъ мѣстѣ, на одной льдинѣ. Того изъ промышленниковъ, кто поумнѣе и поопытнѣе, ромша выбираетъ въ «юровщики»; обязанность юровщика распоряжаться ходомъ работъ. Ромша ѣстъ сообща; сколько останется съѣстныхъ припасовъ, то по окончаніи лова разверстывается между всѣми артелями; не принимается въ расчетъ, если какой-нибудь промышленникъ, въ той или другой артели, не могъ принять участія въ промыслѣ, напр., по болѣзни, или потому, что былъ оставленъ въ стану для надзора. Дѣлятъ же добычу между артелями, наблюдая, чтобъ каждой досталось одинаковое количество звѣрей одного достоинства и одинаковой цѣнности; напр., поровну дѣлятъ сначала звѣрей съ крыломъ, или лысуновъ, потомъ малыхъ звѣрей—сѣруновъ. Раздѣливъ поровну, еще прикидываютъ на вѣсъ, чтобъ провѣрить, дѣйствительно ли всѣ получили поровну. Послѣ общаго дѣлежа, каждая отдѣльная артель дѣлятъ добычу между собой **).

Подобное соединеніе, кромѣ тюленьихъ артелей, бываетъ и въ моржовыхъ, гдѣ такая большая артель называется плотною котляною. Такое же соединеніе нѣсколькихъ артелей бываетъ и въ тресковыхъ артеляхъ, только не для тресковаго лова, а для ловли наживки ***).

Для характеристики отношеній внутри артелей особенно замѣчательны новоземельскія артели. «Опытъ нѣсколькихъ столѣтій, — говоритъ г-жа Ефименко ****), укрѣпилъ въ промышленникахъ представленіе о необхо-

*) „Архангельск. Губерн. Вѣд.“ 1861 г., № 44.

**) Сборникъ. Выпускъ I, стр. 51—52.

***) Ibid. Выпускъ II, стр. 40.

****) Ibid. Выпускъ I, стр. 29.

димости поддерживать въ артели строгую дисциплину. И, дѣйствительно, малѣйшій недостатокъ въ дружномъ дѣйствіи, какое-нибудь ослушаніе или беспорядокъ можетъ произвести полнѣйшую неудачу промысла, а въ иномъ случаѣ можетъ грозить даже гибелью судна: не надо забывать, что дѣло происходитъ въ совершенной пустынѣ, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ жидья, посреди постоянныхъ опасностей. Вслѣдствіе этого необходимость безусловнаго повиновенія кормщику настолько глубоко сознается промышленниками, что обыкновенно не только не допускается ослушаніе, но даже и малѣйшее противорѣчіе главѣ артели («я не видалъ ни одного случая неповиновенія,—говоритъ Беръ,—волѣ хозяина и даже не слышалъ малѣйшаго противорѣчія»), хотя внѣ артели онъ рѣшительно ничѣмъ не стоитъ выше другихъ. По отношенію другъ къ другу, члены артели обязуются вести себя ласково и дружелюбно, по отношенію ко всей артели честно, т.-е. должны заботиться объ общемъ интересѣ, все добытое должны вносить въ артель, ничего не скрывая въ свою частную пользу. Въ этомъ отношеніи любопытенъ разсказъ академика Бера *). Беръ далъ мальчику рубль за пойманную имъ мышъ и отецъ мальчика сказалъ: «этотъ рубль принадлежитъ артели и долженъ быть раздѣленъ». Беръ былъ пораженъ строгостью, съ которой промышленники слѣдуютъ правиламъ, введеннымъ обычаемъ. Эти правила исполняются точнѣе, чѣмъ писанный законъ во всѣхъ государствахъ. «Никто одинъ другаго не обманываетъ,—говоритъ Беръ,—но каждый поступаетъ честно, ибо неизвѣстный за честнаго не можетъ составить артели и быть принятъ въ нее. Я никогда не слышалъ, чтобы въ похвалу кого-либо на Новой Землѣ, называли добрымъ, но всегда честнымъ... Удивила меня въ этой странѣ всеобщая безопасность и неприкосновенность собственности, при совершенномъ отсутствіи полиціи и правителей... Избы не имѣютъ замковъ. Обыкновеніе это, повидимому, имѣетъ силу закона. Но изъ такой избы никогда ничто не пропадало и если бы вся артель вымерла, то и тогда наслѣдники получили бы слѣдующее имъ». Беръ приводитъ въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытные примѣры. Въ этой необыкновенной честности, отличающей всѣ отношенія промышленниковъ не только между собою, но и къ постороннимъ лицамъ, нельзя не замѣтить вліянія старинной стройной организаціи «морскаго устава». Ставя постоянно на первый планъ общій интересъ, заставляя подчинять этому общему свой личный и частный и, притомъ, не физическимъ давленіемъ, а очевидной для всѣхъ взаимной связью интересовъ, эта организація замѣчательно подняла нравственный уровень новоземельскихъ промышленниковъ.

*) Беръ. «Записки Русск. Географ. Общества» 1846 г., Ж 1.

СТРАННИКИ.

(Очеркъ изъ исторіи раскола).

I.

Странничество сложилось въ отдѣльную секцію не раньше второй половины XVIII в. ¹⁾, но элементы его „догматики“ даны самимъ началомъ старообрѣскаго движенія, а *modus vivendi*, признанный странниками спасительнымъ, былъ такъ же старъ, какъ русская исторія, съ которой вмѣстѣ онъ появился въ качествѣ самаго первобытнаго, спасительнаго средства отъ соціальнаго зла. Такимъ образомъ, правильная оцѣнка психической „подкладки“ севты, ея цѣли и смысла можетъ быть произведена только, если мы примемъ во вниманіе, прежде всего, основную тенденцію нашей исторіи и выяснимъ, какъ воздѣйствовало соціально-политическій строй на народную психику,

¹⁾ Чтобы не пестрить статью частымъ повтореніемъ немногочисленныхъ указаній, приводимъ здѣсь перечень матеріаловъ, какими мы пользовались: Ркп. Сбор. Имп. Публ. Библиот., от. I, № 515 (Записки, отчеты, мнѣнія по дѣламъ раскола. Есть записка о странникахъ и извлеченіе изъ процессовъ). Прекрасное извлеченіе изъ дѣлъ комиссіи гр. Стенбока сдѣлано г. *Трефолевымъ* въ „Трудахъ Яросл. Статистич. Ком.“ 1866 г., вып. I. *Щановъ*: Земство и расколъ, „Отеч. Зап.“ 1861 г., № 12. „Время“ 1862 г., №№ 10 — 11. „Правосл. Обоз.“ 1864 г., ст. *Вескинскаго*; „Странникъ“ 1871 г. ст. *Морошкина*; „Душеп. Чт.“ 1863 г., № 12; 1864 г., № 1. (Оба сообщенія въ отдѣлѣ „Извѣстій и замѣтокъ“); „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., №№ 11 и 12; 1873 г., № 1, ст. *Розова*; *Максимовъ*: „Бродячая Русь“ (гл. о „Скрытникахъ“), Сборникъ прав. свѣд. о раск. *Кельсиева*. *Варадиновъ*: Ист. министер. внутр. дѣлъ, т. VIII. См. также „Рус. Архивъ“ 1864 г. и 1866 г. (ст. *Трефолева* и мнѣнія о странникахъ *И. С. Аксакова*). „Руководство для сельск. паст.“ (повр. изд.) 1874 г., №№ 14 — 16. „Братское Слово“ 1875 г., № 4; 1876 г., № 2. Журналь „Истина“ за разные годы. „Совр. Лѣт.“ (издававшаяся при „Рус. Вѣст.“) 1868 г., № 16, ст. *Субботина*, „Заря“ 1871 г., № 9. *Ливановъ*: „Раскольники и Острож.“ См. также „Вят. Губ. Вѣд.“ 1869 г., № 34, „Пенз. Епарх. Вѣд.“ 1866 г., № 20, „Яросл. Еп. Вѣд.“ 1864 г., № 24, 27, „Берегъ“ 1880 г., № 130, „Духовн. Вѣстн.“ 1866 г., № 4, „Моск. Епарх. Вѣд.“ 1869 г., № 9, „Донскія Епарх. Вѣд.“ 1871 г., № 22.

Другіе матеріалы отмѣчаемъ въ своемъ мѣстѣ.

какое основное чувство формировалось и было преобладающим в пору появления и развития старовѣрскаго движенія. Поэтому, прежде всего, мы должны обозначить крупными, рѣзкими штрихами социальное состояніе массы во второй половинѣ XVII в. и въ XVIII в.

Колонизаціонная дѣятельность нашего крестьянства представляетъ основной, богатый важными послѣдствіями, фактъ нашей исторіи. Наша равнина такъ велика, что даже теперь, послѣ тысячелѣтней колонизаціонной работы, она заселена слабѣе, чѣмъ любая полоса остальной Европы. Понятно, что одна эта обширность равнины являлась немалымъ препятствіемъ правильнаго развитія социально-политической жизни. Всюду, гдѣ начиналась историческая жизнь, т.-е гдѣ возникалъ сознаваемый личностью антагонизмъ между нею и обществомъ, гдѣ личности становилось душно и тѣсно въ стихійно-сложившихся формахъ быта,—она, эта личность, подыскивая своихъ единомышленниковъ, уходила на просторъ, за предѣлы осѣлости рода, общины,—порывала связи съ надоѣдавшимъ прошлымъ, даже на минуту не задумываясь надъ мыслью доставить себѣ искомый просторъ, не уходя съ роднаго пепелища. Гдѣ мало земли, доступной для заселенія, тамъ этотъ первобытный процессъ разрѣшенія антагонизма между личностью и обществомъ скоро уступаетъ мѣсто другому. Какъ только территорія заселена, населеніе увеличилось, явились общественныя неравенства,—возникаетъ неизбежное недовольство классовъ и личностей, которымъ тяжело жить; сознаніе начинаетъ работать; является протестъ сознанныхъ неудобствъ, исканіе новыхъ формъ жизни,—словомъ, прогрессъ вступаетъ въ свои права... Но когда, какъ у насъ, равнина обширна до отчаянія, когда, для исхода накопившагося недовольства, постоянно въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ отереть влпаны займки пустопорожнихъ мѣстъ, тогда понятно, что процессъ нарастанія, скученія населенія происходитъ чрезвычайно медленно, незамѣтно. Не возникаетъ въ сознаніи и мысли о возможности какой-нибудь другой борьбы съ социальнымъ зломъ, кромѣ колонизаціоннаго ухода. Да и самое зло, отъ котораго уходитъ человѣкъ, только чувствуется. Отъ тяготы человѣкъ уходитъ, знаетъ, что тамъ тяжело, а почему именно, отчего, главнымъ образомъ, происходить тягости и неудобства,—о томъ почти нѣтъ и мысли. А, между тѣмъ, бытовая форма, выгодная для общественной группы, остающейся на мѣстахъ, укрѣпляется и развивается въ направленіи, опредѣляемомъ, конечно, интересами господствующихъ группъ. Люди, въ положеніи протестантовъ уже ушедшихъ, или тоже уходятъ по слѣдамъ прежнихъ выходцевъ, или остаются на мѣстахъ, разрѣшая антагонизмъ между жизненной тягой и собственнымъ желаніемъ освободиться отъ нея то жалобой на горькую долю, то фаталистической сентенціей, изъ которыхъ, по нашимъ, напр., пословицамъ, можно построить цѣлую систему фатализма. Примиряясь, такимъ образомъ, съ данной бытовой формой, благодаря неумѣнью, недостаточности силъ (такъ какъ лучшіе, наиболее сильные умомъ и волей люди уходять) выяснить опредѣленные пункты недовольства, люди эти съ теченіемъ времени даже вырабатываютъ и укрѣпляютъ традицію почтенія къ

дающей их общественной формѣ, — традицію, которая укореняется даже въ выходцахъ, въ „вольницѣ“, уходящей на новыя мѣста. Вольница, уходя на новыя мѣста, устраиваясь на нихъ, безсознательно воспроизводитъ ту бытовую форму, отъ которой въ сущности и бѣжала, а съ теченіемъ времени даже объединяется съ метрополіей, отдается подъ ея крѣпкую руку и за это получаетъ привилегіи, льготы, „дарское жалованіе“. Само собою разумѣется, что метрополія „топора на ногу не роняетъ“ и за льготы, за привилегіи освобожденіемъ отъ податей на 10—20 лѣтъ да выборнымъ судомъ вознаграждаетъ себя посылкою воеводы и дьяковъ—всякой приказной твари и служилой челяди, которая, обсижившись на мѣстѣ, скоро опутываетъ новое мѣсто крѣпкой паутиной ¹⁾. А, между тѣмъ, льготы отталкиваютъ старозаимщиковъ отъ новыхъ пришлецовъ въ колонію, или даже и на нихъ самихъ ложатся новой тягой, потому что оказывается, что льготы даны землѣ, а не людямъ... Земля заявляетъ претензію удержать при себѣ работника, даже если онъ не видитъ въ ней проку и снова хотѣлъ бы уйти. Важская уставная грамота, напр., предоставляетъ крестьянамъ право выводить изъ-за монастырей старыхъ своихъ тяглецовъ безданно и безошлинно... Въ 1524 г. крестьянамъ дозволено звать къ себѣ для поселенія только нетяглыхъ и неписьменныхъ людей ²⁾. Привилегію имѣть здѣсь уже собственно земля, тягло. Тяглець посильнѣе получаетъ уже право надъ малочнымъ. Тяглець забитый и малочный получаетъ право надъ несопкойной, непосѣдливой натурой. Къ XVII в. на голову разрозненнаго, непосѣдливаго крестьянства, все ищущаго воли и простора, сваливается новая бѣда—прикрѣпленіе къ землѣ, не волостной только, но и помѣщичьей, къ землѣ служилыхъ людей. Много еще простора на окраинахъ нашей равнины, но государство все крѣпче держитъ на мѣстахъ рабочія руки. Оно помогаетъ съискивать уходящихъ людей и крестьянамъ, и служилымъ людямъ. Мужикъ, предъявлявшій до сихъ поръ къ *Божьей землѣ* только право на получение плодовъ потраченнаго на нее труда, вдругъ видитъ, что земля, имъ вспаханная, — не Божья и государева, а господская, что онъ на ней наемникъ, что онъ не имѣетъ права на все то, что земля дала, а за податями долженъ еще отдать значительную часть какому-то новому человѣку. Онъ уходилъ, а за нимъ гнались по пятамъ то свои, то служилый человѣкъ, настигавшій его всюду, гдѣ онъ поселялся, и снова, и снова садившійся ему на шею. Крѣпостное право сложилось незамѣтно для крестьянства изъ прецедентовъ рабства, кабалы и даже самой колонизаціи, поскольку она поощрялась „дарскимъ жалованьемъ“, вродѣ права заемщиковъ насильно сажать на тягло своихъ уходящихъ товарищей. Протестъ противъ „силы мездѣшной“, все сильнѣе и гуще напиравшей на простоватаго Миклушку Селянни-

¹⁾ *Заблудитъ*: Ист. рус. жизни, ч. I, стр. 566—574 и слѣд. *Калачевъ*: О волостныхъ и сельскихъ судахъ въ древней и нынѣшней Россіи. „Сбор. Госуд. Знаній“, т. VIII.

²⁾ *В. И. Сергеевичъ*: Лекція и изслѣдованія по ист. рус. права. Сиб., 1883 г., стр. 636.

вича, въ той формѣ, въ какой онъ продолжалъ практиковаться Миклушской, ни къ чему, конечно, привести не могъ, кромѣ большаго закрѣпощенія. Въ то время, какъ изъ села одного владѣльца въ Юрьевъ день уходило нѣсколько человѣкъ, на ихъ мѣсто въ опустѣвшіе дворы являлись новые люди. Мужикъ чувствовалъ, что что-то не ладно, а никакъ не могъ узнать, гдѣ болитъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ служилаго человѣка вообще. Онъ уходилъ отъ дурнаго владѣльца къ хорошему и дальше этого различенія не шелъ. Одинъ уходилъ, другой садился на его мѣсто. Не было даже частныхъ створовъ не ходить къ такому-то, если онъ него ушли тогда-то и тотъ-то, потому что сознанія солидарности между крестьянствомъ почти не существовало, не выработалось, и, намъ кажется, въ этомъ нельзя не признать нѣкотораго вліянія той же равнины. Населеніе на ней такъ расбросано, имѣетъ такой разнообразный этнографическій составъ, а до конца XVII в. да и въ теченіе XVIII пользовалось еще такими разнообразными по мѣстностямъ и по государеву усмотрѣнію льготами и „царскимъ жалованьемъ“, что все это рѣшительно лишало неразвитый умъ человѣка изъ массы въ XVII в. возможности отвлечься отъ этихъ различій и оцѣнить сходства въ политическомъ положеніи различныхъ группъ крестьянства. Да, пожалуй, и этого сходства не было. Сынъ кабалнаго холопа самъ могъ, разжившись отъ какой-нибудь случайности, которыхъ было тогда такъ много, имѣть не одного холопа, а даже купить раба въ полное распоряженіе. Въ XVIII в. правительствомъ должно было пропагандировать сознаніе сословной солидарности, запрещая покупку крестьянъ и населенныхъ имѣній недворянами вообще и, между прочимъ, крестьянствомъ ¹⁾. Въ XVII в. рабы и холопы у крестьянъ—дѣло обычное. Въ XVIII в. въ самый разгаръ крестьянскихъ общихъ бунтовъ и мѣстныхъ возмущеній крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ мы замѣчаемъ то же явленіе. Бунты ни мало не роятъ идею солидарности. Государственные крестьяне очень часто покупали крѣпостныхъ для поставки за себя въ рекруты. Въ 1768 г. это было запрещено сенатомъ, но, тѣмъ не менѣе, Радичевъ въ своей книгѣ еще рассказываетъ, что случаи этой покупки бывають, и объясняетъ, какъ обходится сенатское запрещеніе. Даже помѣщичьи крестьяне покупали себѣ холоповъ на имя помѣщика ²⁾. Неудивительно, что, при такомъ отсутствіи сознанія солидарности интересовъ группы, возванія Разинныхъ, Булавиныхъ, Пугачевыхъ, движенія, начинавшіяся на окраинахъ, у вольницы, гдѣ чувство свободы было живѣе, куда собирався цвѣтъ протестантовъ изъ массы, — находили мало отголоска и сочувствія въ центрахъ, гдѣ оставалось все наиболѣе угнетенное, задавленное, лишенное энергии къ достиженію лучшаго будущаго, примирившееся съ невыносимо-тяжелымъ строемъ, какъ съ неизбежной судьбой. Всѣ силы этой осѣвшей, не имѣвшей энергии подняться, массы тратились на приспособленіе къ средѣ. Въ то время какъ окраины хотѣли свободы, вольной жизни, такъ или иначе ставили

¹ и ²) В. И. Семевскій: Крестьяне въ царств. Екатерины II, стр. 2—4, 9, 149—150.

правительству требованія, болѣе или менѣе ясно формулированныя, массы осѣдлыхъ людей, напротивъ, старались примѣниться къ требованіямъ сверху, сжаться до нельзя, обрѣзать минимумъ своей жизни чуть что не до нуля. На воззванія съ окраинъ къ „воровскимъ“ шайкамъ приставали лишь тѣ, кто испробовалъ всѣ способы примѣниться къ требованіямъ „командующихъ“ классовъ; крѣпостные, выведенные изъ терпѣнія возмутительными поборами и притѣсненіями помѣщика, грабили его и жгли, и убивали за одно съ „воровскими козаками“. А рядомъ съ возмущившейся деревней оставалась другая, гдѣ владѣльцемъ былъ монастырь, а „посельскій“ монахъ, приказчикъ, не очень обижалъ обывателя, благодаря своей „простотѣ“, или гдѣ служилый владѣлецъ, все-таки, не очень ужъ „лютовалъ“ надъ своимъ людьми, — и тогда эта деревня оставалась спокойною въ виду сосѣдняго бунта и заботилась лишь о томъ, какъ бы себя сберечь отъ „воровскихъ“ людей, которые грабили не стѣсняясь, кто попадалъ подъ руку, не щадя и крестьянъ ¹⁾ „Воровскихъ“ шаекъ этихъ было такъ много, разбой и грабежи были такъ часты и систематичны, что, наконецъ, даже и разобрать невозможно было сподвижниковъ Разина, Булавина и пр. отъ обыкновенныхъ, безразборчивыхъ воровъ и грабителей. Начальство, солдаты, попы ²⁾, монахи ³⁾, бѣглецы-крестьяне, даже крестьяне осѣдые, — словомъ, всѣ грабили каждого, кто былъ въ данную минуту слабѣе и беззащитнѣе. Озлобленіе, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, сознаніе полнѣйшей необезпеченности жизни, развивавшіяся, между прочимъ, и подъ вліяніемъ этого сплошнаго грабежа, конечно, опять-таки, не могли не выростить, ни укрѣпить сознанія солидарности крестьянскихъ интересовъ, да ихъ, какъ видно, и не было, до такой степени все было разрознено, разбито, обезсилено и обезсмыслено. Мы понимаемъ, конечно, что „воровскія“ шайки — явленіе той же колонизаціи въ началѣ исторіи, когда онѣ, напр., назывались ушкуйниками и ходили добывать новыя колоніи; мы понимаемъ, что безразборчивыми въ грабежѣ, въ объектѣ своей дѣятельности вообще, шайки эти сдѣлались несомнѣнно подъ вліяніемъ мѣръ правительства усадить народъ на мѣстѣ, подъ вліяніемъ препятствій мирной колонизаціонной работѣ и социальныхъ неустройствъ; мы согласны, что въ послѣднемъ счетѣ шайки эти представляютъ явленіе стихійнаго социального протеста, но думать, чтобы и сами воровскіе люди считали себя носителями такого протеста, чтобы они знали за кого они и противъ кого и *практически разбирали* это, — думать такъ нѣтъ никакихъ оснований. Это ходячее мнѣніе доказываетъ только, что намъ *кажется* такая исторія, но что съ настоящей исторіей мы справляемся не часто. Г. Успенскій совершенно правъ, когда протестуетъ противъ пред-

¹⁾ *Бяляевъ*: Русское общ. отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II. „Библиот. для Чт.“ 1865 г., № 3, стр. 65 — 66, 70 — 71, 89. Ср. *Аристовъ*: Объ историческомъ значеніи русскихъ разбойничьихъ пѣсень, стр. 8—10, 27, 34—35, 126.

²⁾ *Есиповъ*: Раскольничьи дѣла, т. II, стр. 141—143.

³⁾ *Аристовъ*, стр. 36—37.

ставления „народа“ какъ какой-то коллективной однородности вродѣ „овса“ или „икры“, которая вся живетъ одной идеей, однимъ чувствомъ, гдѣ одна особь идетъ туда же, куда и всѣ другія. Изъ такого расплывчатого представленія и выходитъ, что и въ современности, и въ исторіи мы все гонимъ „подъ одно“. Разбойникъ, коли онъ народъ, долженъ не трогать своихъ и высоко держать знамя протеста. Народъ долженъ ему сочувствовать, помогать, идти за нимъ въ протестъ. Раскольникъ, коли онъ народъ, долженъ „отъ писанія“ оправдывать разбойника, просищать его насчетъ социальнаго значенія разинскаго бунта и приставать вмѣстѣ съ нимъ къ разинской вольницѣ. На дѣлѣ же оно вовсе не такъ. Народъ въ концѣ XVII и въ XVIII в. разбивался на множество едва уловимыхъ группъ, объединенныхъ случайно случайными интересами и выгодами. Въ сущности, силою вещей, „каждый долженъ былъ стоять за себя“, и только вѣрилось, что одинъ „Богъ за всѣхъ“.

И это понятно. Читатель знаетъ, конечно, какъ невыносимо плохо жилось крестьянству при крѣпостномъ режимѣ. Для нашей цѣли достаточно будетъ напомнить это „житье“ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Крестьянству, сидѣвшему на мѣстѣ „за своими господами“, дѣйствительно было отъ чего въ отчаяніе придти. Не будемъ ужъ считать невыносимыхъ повинностей, той массы времени и труда, которая шла въ пользу владѣльца.

Звѣрство да „безсмысленный, вѣчный испугъ“,—это, конечно, единственные психическіе продукты, какіе могла произвести подобная „жизнь“... Мирный уходъ на новое мѣсто невозможенъ больше. Одно спасеніе—въ воровской шайкѣ,—спасеніе, требующее, конечно, весьма большаго запаса звѣрства, пренебреженія къ чужой и собственной жизни. Жизнь на свой паи, конечно, вырабатываетъ это звѣрство, какъ можетъ, но все же она дѣйствуетъ только на исключенія, все же остается масса, сидящая на мѣстахъ въ состояніи „безсмысленнаго, вѣчнаго испуга“, безысходнаго отчаянія, этихъ преобладающихъ душевныхъ настроеній эпохи.

Петръ запретилъ крестьянамъ заниматься торговлей, брать на откупъ кабацкіе и таможенные сборы. Громадное количество промысловъ, которыми прежде занимались крестьяне, отнято у нихъ въ казну и отдавалось на откупъ другимъ сословіямъ. Были, напр., отобраны въ казну соляныя варницы, мѣстонахожденія руды, разрабатывавшейся крестьянами, и пр. А, между тѣмъ, каждый крестьянскій шагъ, всякое движеніе, всякое имущество были обложены. Вотъ, напр., перечисленіе повинностей при Петрѣ, сдѣланное Посошковымъ: крестьяне должны были платить: поземельныя, подушныя, хомутейныя, прикольныя, мостовыя, пчелиныя, банныя, покосовшинныя и съ подводчиковъ десятины. Кромѣ того, на нихъ лежали разныя натуральныя повинности вродѣ постоянной, ямской, рекрутской и пр. *). Не будемъ ужъ считать повинностей случайныхъ, вродѣ работъ цѣлыми областями на какомъ-нибудь каналѣ, на Азовской или Олонецкой верфи, на по-

*) *Посошковъ*: О скудности и богатствѣ, изд. Погодина, стр. 219—220.

стройкѣ Петербурга и пр. Къ концу царствованія Петра народъ, такимъ образомъ, былъ такъ разоренъ, что при Екатеринѣ пришлось волей-неволей приостановить сборъ денежныхъ и хлѣбныхъ податей, кромѣ подушныхъ, и отерочить до 1727 г. взысканіе недоимокъ за всѣ прошлые года. Но и послѣ Петра, несмотря на благія намѣренія, сказывающіяся иногда въ указахъ правительства, положеніе народа ни мало не измѣнилось, потому что крѣпостной принципъ отношеній власти къ подданнымъ не измѣнился и производилъ тѣ же звѣрскія послѣдствія. Постоянныя смѣны, перетасовки, упраздненія и восстановленія различныхъ мѣстныхъ и центральныхъ учреждений мало что не облегчали, еще хуже тяготили и путали: не было ничего прочнаго, установившагося, кромѣ страшнаго гнета и грабительства, находившихъ въ этихъ постоянныхъ поломкахъ и перестройкахъ новую и богатую пищу. Такимъ образомъ, неустановленность какихъ бы то ни было общественныхъ отношеній, кромѣ отношеній крѣпостныхъ, не менѣе страшныхъ въ силу своей установленности, полнѣйшая необеспеченность жизни и имущества крестьянства, презрѣніе, отрицаніе чело-вѣческой личности во всѣхъ, даже самыхъ скромныхъ и элементарныхъ ея проявленіяхъ, — вотъ общій колоритъ отношеній государства къ жизни народной въ XVII—XVIII в.

Гдѣ и въ чемъ существовали выходы и почему одни, а не другіе?

Прежде всего, отмѣтимъ выходъ, повидимому, невѣроятный, но весьма характерный, въ сущности, по своей психической подкладкѣ. Мы говоримъ о военной службѣ. Читатель знаетъ, опять-таки, что такое это было. Тягость военной службы признавалась въ XVIII в. даже правительствомъ, какъ оно ни мало склонно было сантиментальничать въ отношеніяхъ къ „подлому народу“. Что же касается самого народа, то онъ, конечно, еще лучше зналъ, своими боками, что такое была солдатская выправка въ старину.

Несмотря, однако, на то, что служба тяжела, солдатъ скоро въ роли сысканой или экзекуціонной команды теряетъ нравственную связь съ народомъ; ежели, конечно, не убѣгаетъ изъ строя, привыкаетъ считать себя въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ. Солдаты въ одномъ подметномъ письмѣ петровскаго времени жалуются на Петра, что онъ сравнилъ ихъ съ *посохою* (крестьянствомъ), потому что даже въ мирное время они ни днемъ, ни ночью не знаютъ покоя на работѣ, часто вовсе и не солдатской. Недаромъ народъ относился съ такимъ ужасомъ къ солдатчинѣ: въ каждомъ деревенскомъ парнѣ, взятомъ въ строй, выработывался тамъ врагъ народный и народъ это не могъ не чувствовать.

И, несмотря на все это, военная служба представлялась иногда для крестьянства въ завлекательномъ свѣтѣ. При Петрѣ I для скорѣйшаго пополненія войска позволено было крѣпостнымъ записываться въ солдаты. Тотчасъ послѣ смерти Петра этотъ выходъ изъ огня да въ полымя былъ закрытъ. При вступленіи на престолъ Елизаветы пошли слухи, что снова будетъ дано крѣпостнымъ дозволеніе записываться въ полки, и охотники толпами пошли записываться „въ вольницу“ (такъ называли заодно съ разбойничьими шайками и солдатъ):

Но въ вѣрности слуха легковѣрныхъ разубѣдили кнутаомъ и ссылкой въ Сибирь на казенныя работы вѣчно. Радищевъ въ своей книгѣ даетъ объясненіе этого факта. Давая въ одной главѣ своей книги картину рекрутскаго набора, онъ отличаетъ крѣпостнаго, поразившаго его своимъ веселымъ, оживленнымъ видомъ среди общаго плача. На вопросъ автора крѣпостной отвѣчаетъ, что какъ ни плохо въ солдатахъ, но все же онъ становится вольнымъ, надъ нимъ не будетъ тяготѣть полная, безконтрольная власть барина. Мы точно, хотя и не въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, передаемъ смыслъ тирады крѣпостнаго. Конечно, у Радищева тирада эта выглядит дѣланной: едва ли крѣпостной такъ точно и опредѣлительно могъ выяснитъ причину своей радости, но несомнѣнно, что причину эту Радищевъ указываетъ отъ лица крѣпостнаго въ общемъ совершенно вѣрно. Какъ ни пригнетала среда человѣка, какъ ни убивала въ немъ чувство личности, личнаго достоинства, правъ на личное счастье,—чувство это, тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, и именно поэтому жило; развивалось и толкало даже на такія жертвы, какъ добровольное поступленіе въ тогдашнюю „вольницу“. Разбой, примыканіе къ воровскимъ шайкамъ, опредѣлялся тѣмъ же чувствомъ. Въ бѣга уходилъ тотъ, кто живѣе чувствовалъ, чья богатая натура сильнѣе хотѣла воли, счастья, жизни человѣческой, а не скотской. Что именно чувство личности развивалось въ солдатѣ, даже если онъ взятъ былъ поневолѣ, и что солдатъ дорожилъ этимъ чувствомъ, желѣлъ его,—видно и изъ жалобы приведеннаго мною подметнаго письма. Это фактъ очень характерный; онъ показываетъ направленіе и цѣль протеста задавленныхъ массъ.

Тотъ же самый принципъ личности, ищущей освобожденія, реабилитации, требующей признанія своихъ человѣческихъ правъ, сказывается другой своей стороной въ бунтахъ. Что касается мѣстныхъ бунтовъ, то въ теченіе всего XVIII в., какъ и XIX, такія вспышки постоянны ¹⁾ и многочисленны, но разрознены, прежде всего, въ силу своей, такъ сказать, непосредственности. Это взрывы чувства, конвульсія отчаянія, относительно которыхъ никто изъ „зачинщиковъ“ и „пособниковъ“ даже за минуту не можетъ сказать, проявятся они или нѣтъ и въ какой формѣ. Тутъ неизвѣстно, какая именно капля переполнитъ „чашу терпѣнія“, сколько именно времени не лопнетъ дребезжащая струна. Но и въ бунтахъ общихъ, заранѣе подготовленныхъ, болѣе или менѣе упорныхъ, мы видимъ одинъ общій колоритъ протеста эпохи,—протестъ личности противъ личности и полное пренебреженіе къ учрежденіямъ, къ социальному строю. Человѣкъ XVII—XVIII в. за личностями не видитъ общества; общественныхъ требованій, общественныхъ идеаловъ у него нѣтъ, да на вольномъ просторѣ нашей равнины такіе идеалы не могли и вырасти, особенно при полной неопредѣленности организациі государства. Опредѣленной организациі труда, сознательной, формулированной, нѣтъ и въ поминѣ; община и артель —

¹⁾ Соловьевъ, т. XX, 227 и др., т. XXIV, 103, 174—175, 243—244, 300 и др. Семейскій, стр. 366—367 и др.

формы стихійныя, слагающіяся естественнымъ путемъ подъ полнымъ вліяніемъ велѣній и необходимостей, предъявляемыхъ природою. Отношенія труда и капитала строятся на основѣ рабской и крѣпостнической. Протестъ труда противъ капитала сводится къ протесту противъ злыхъ, жестокихъ, несправедливыхъ представителей капитала, а не противъ самой формы коопераціи: отвлечь эту форму отъ личностей, ее опредѣляющихъ и употребляющихъ, никто не можетъ, умственное развитіе эпохи ниже этой задачи даже въ своихъ передовыхъ представителяхъ. И вотъ поэтому-то даже нельзя говорить объ общественно-политическихъ идеалахъ нашихъ народныхъ движеній въ XVII—XVIII в. Идеаловъ этихъ тѣмъ болѣе не было, не могло быть на окраинахъ, у вольницы, гдѣ личность больше, чѣмъ всюду, ярче выходила и сознательнѣе выпиралась на первый планъ. На окраины уходили наиболѣе воспримчивые и энергическіе люди; тамъ они стояли почти внѣ всякой общественной организаціи, потому что козацкій кругъ не представлялъ никакихъ сдержекъ личности, которая, наконецъ, вольна была ему не подчиниться и уйти на всѣ четыре стороны. Личная энергія здѣсь была все для человѣка: ею опредѣлялись его удача, его счастье. Почти не было правильно организованнаго труда: вольница жила больше грабежемъ кочевниковъ и своихъ соплеменниковъ по торговымъ путямъ. Конечно, съ теченіемъ времени и тутъ стала образовываться зажиточная, степенная, хозяйная часть населенія и голытьба, которую первая старалась эксплуатировать; антагонизмъ между этими экономическими группами былъ сознатъ. Зачинщики бунтовъ, каковы Разинъ, Булавинъ, Голый, Пугачевъ, къ голытьбѣ, голи кабацкой обращались съ своими воззваніями, были атаманами этой голытьбы. Но въ этой голытьбѣ и они, и сама голытьба въ себѣ не видали ничего, кромѣ безхозяйныхъ личностей; они не протестовали противъ общественныхъ неравенствъ,—въ экономической ли, въ политической ли сферѣ,—все равно; они протестовали лишь противъ злоупотребленій этими неравенствами, противъ личностей, употребляющихъ неравенство во зло. Въ этомъ различеніи добрыхъ отъ злыхъ людей все дѣло въ постановкѣ сознательныхъ цѣлей бунтовъ; дальше этого различенія бунтари и не идутъ. Личность можетъ сдѣлать и добро, и зло; хорошъ человѣкъ—все хорошо, худъ человѣкъ—плохо; устрани его, посади на его мѣсто хорошаго,—вотъ и опять уничтожено общественное зло. Общественно-политической идеи, требованій реформы нѣтъ и въ поминѣ даже въ зародышевомъ видѣ. Да это и понятно. Личность, прежде всего, только чувствуетъ, что она вступаетъ въ какое-то противорѣчіе съ обществомъ, что нѣчто извнѣ, нѣчто въ окружающихъ людяхъ давитъ ее и стѣсняетъ, заставляетъ ограничивать свои интимные порывы и желанія. Она и возстаетъ, прежде всего, противъ личностей же, старается освободиться отъ гнета съ помощью того же орудія, какимъ ее саму пригнетаютъ, съ помощью гнета и самоуправства. Съ успѣхомъ этого освобожденія борьба также безсознательно изъ оборонительной переходитъ въ наступательную: личность не останавливается на своемъ освобожденіи, она хочетъ давить, угнетать, въ свою очередь, другихъ. Деспотизмъ

главы патриархальной семьи, насилия и деспотизмъ завоевателей суть явленія этого порядка. Здѣсь же, намъ кажется, разгадка деспотизма удачниковъ изъ массы—вродѣ Никона. Когда личность, какъ мотивъ, лежитъ въ основѣ народнаго движенія, она приводитъ къ тому же деспотизму въ видѣ насилия и самоуправства надъ представителями гнетущаго порядка жизни. Само собою разумѣется, что если смотрѣть на народное движеніе, какъ наши бунты XVII—XVIII в. со стороны, то въ основѣ этого движенія мы откроемъ социальную причину, и цѣль движенія для насъ, когда мы смотримъ со стороны на дѣло, непременно общественная,—это стремленіе найти такую форму общественной жизни, въ которой бы личность и общество не были въ антагонизмѣ, или чтобы этотъ антагонизмъ, по крайности, былъ по возможности уменьшенъ,—но эта цѣль бессознательна: сами творцы и участники движенія не знаютъ, что они творять; на своихъ плечахъ они чувствуютъ, что въ общественной жизни что-то неладно, могутъ указать лицъ, отъ которыхъ приходится туго, но и только. Опредѣливши по своему причину зла, они начинаютъ расправляться съ нимъ „своими средствами“, и изъ этой расправы, понятно, ничего не выходитъ, кромѣ большаго усиленія врага. И, наблюдая данное историческое явленіе, мы можемъ, конечно, говорить съ своей субъективной точки зрѣнія о бессознательномъ недовольствѣ социальномъ политическимъ строемъ, о стихійномъ протестѣ противъ этого строя, но говорить о политическихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, говорить о козацкомъ государствѣ (когда даже въ этомъ „государствѣ“ шелъ разладъ между „голытьбой“ и „кармазинниками“),—это значитъ извращать весь смыслъ историческихъ фактовъ.

И такъ, вотъ выводъ изъ немислимо тяжелаго положенія, въ какое поставлена была масса въ XVII—XVIII в.: уходъ въ бѣга и примыканье къ разбойничьимъ шайкамъ, уходъ въ военную службу, мѣстные и общіе бунты. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ психическая подкладка одна—стремленіе личности къ освобожденію отъ матеріальнаго гнета, къ вольной жизни, которая прагматически складывается, осуществляясь на дѣлѣ, въ бессознательную стихійную бытовую форму—общины, артели, круга, міра. Сознательнаго отношенія къ этой формѣ нѣтъ, потому что личность видитъ вокругъ себя только личностей и не разви-лась до отвлеченія отъ личностей формы ихъ быта. А потому даже среди протестантовъ, на окраинахъ, эволюція стихійно-бытовой формы естественно идетъ въ сторону крѣпостнаго режима, выражаясь сначала въ распаденіи однородной массы на „голытьбу“ и „кармазинниковъ“, на козаковъ „войсковой руки“ и „старшинной руки“, а потомъ и въ полномъ, впоследствии (и даже скоро) крѣпостномъ подчиненіи „голытьбы“ „кармазинникамъ“, т. е. повторяется уже отмѣченный нами выше процессъ, происходившій при первой, мирной колонизаціонной работѣ въ удѣльно-вѣчевую пору и въ началѣ московскаго періода.

Какъ ни много было, однако, въ XVII—XVIII вѣк. бродячей, бѣгло-войльницы, все же она представляла меньшинство, все же за ней оставалась масса и среди этой массы выдвигались протестанты другаго рода. Чѣмъ жила эта масса, что давали ей эти другіе протесты, куда

вели ее и какъ она къ нимъ относилась? Въ бунтаряхъ протестъ безсознательнъ, цѣли элементарны до послѣдней степени, непосредственны сполна. Просторъ и воля, отсутствіе сдержки для всего, что бы человѣкъ ни дѣлалъ;—вотъ что, прежде всего, нужно. Правда, протестъ освѣщается нѣкоторымъ нравственнымъ идеаломъ,—люди выступаютъ противъ поступающихъ несправедливо, противъ дурныхъ, злыхъ личностей, портящихъ общественную жизнь. Но понятія о добрѣ и злѣ тутъ до крайности спутаны, неясны, представляются больше красными словами, чѣмъ дѣйствительнымъ началомъ жизни. Видно, что люди толкуютъ по наслышкѣ и, притомъ, больше „для разговора“, чѣмъ въ серьезъ. Нравственная идея вырабатывается собственно среди массъ, спокойно сидящихъ на мѣстахъ. Тамъ, загнанная въ безысходную пропасть, мысль работаетъ надъ созданиемъ, какъ говорятъ пессимисты, „иллюзій и фикцій“ въ области теоретической, въ области мировоззрѣнія, чтобы здѣсь найти устои, который далъ бы возможность если не выдраться изъ пропасти, то, по крайней мѣрѣ, примѣниться къ ней. Въ виду общественнаго зла, сознание начинаетъ свою работу, прежде всего, въ области нравственныхъ истинъ. Изъ человѣка все—и добро, и зло исходитъ. Дурныхъ людей насиліемъ и самоуправствомъ не переведешь на свѣтъ, — этотъ выводъ скоро назрѣваетъ въ умѣ человѣка на основаніи ежедневнаго жизненнаго опыта. А отсюда прямо слѣдуетъ, что нужно убѣдить человѣка перемѣнить жизнь, исправиться, „сократиться“, дѣлать добро, а не зло, нужна проповѣдь нравственныхъ истинъ. Только длинный историческій опытъ, только дальнѣйшая работа сознанія на почвѣ науки, устанавливающая новые взгляды на человѣческую волю, на зависимость человѣческаго самоопредѣленія отъ среды, приводитъ къ сознанію важности общественныхъ формъ, ихъ вліянія на характеръ и нравственность человѣка, и къ мысли о реформѣ социальныхъ учреждений. Но пока сознаніе находится на антропоцентрической степени развитія, пока ученіе о свободѣ волнъ господствуетъ, пока люди думаютъ, что человѣкъ, личность все можетъ, что захочетъ, — до тѣхъ поръ общественной формѣ, учреждениямъ не даютъ никакого значенія, до тѣхъ поръ проповѣдь нравственныхъ истинъ считается единственнымъ средствомъ спасенія отъ социальнаго зла, какъ прежде такимъ средствомъ признавался уходъ на новыя мѣста. Проповѣдь нравственныхъ истинъ,—сравнительно, значить,—представляетъ шагъ впередъ въ развитіи общества; это переходная ступень къ требованію общественной реформы, но, опять-таки, и здѣсь еще нѣтъ мѣста общественной идеѣ, она еще не появляется, или же появляется въ зародышевомъ видѣ, столь неопредѣленная, что рѣшительно нельзя развить изъ нея даже сотой доли тѣхъ выводовъ, какіе будутъ сдѣланы позднѣе, рѣшительно нельзя изъ нея развить дѣятельности „съ преобладаніемъ социальной стороны“.

Выработка нравственныхъ началъ и проповѣдь ихъ, работа пробуждающейся сознательной мысли съ половины XVII в. становится все сильнѣе. Чѣмъ дальше идетъ дѣло, тѣмъ больше свѣжихъ силъ изъ массы отдается работѣ въ области религіозно - нравственной мысли,

отыскивая тутъ исходъ изъ невыносимой жизненной муки, научаясь даже въ музѣ этой находить успокоеніе и освѣженіе личности, нравственное самоудовлетвореніе. Чѣмъ дальше идетъ работа въ этой области, тѣмъ больше гаснутъ, пропадаютъ, разбиваются и мельчаютъ другіе способы спасенія отъ соціальнаго зла. Концентрированные „земскіе“ бунты XVII в. съ развитіемъ вѣрнопостнаго права разбиваются на мѣстные, бунтовщиками остаются одни крестьяне; но и они все больше прислушиваются къ новой проповѣди и, входя во вкусъ ея, бросаютъ старую манеру раздѣлки со зломъ... Нравственная идея эпидемически охватываетъ массы, какъ будто въ нихъ было какое-то предрасположеніе къ ея воспріятію, къ ея усвоенію не только умомъ, но и сердцемъ, и дѣлами. Не всякая эпоха отзывчива на проповѣдь нравственныхъ истинъ. Церковь проповѣдывала нравственную идею и до XVII в. очень ревностно и очень давно. Но отчего же только теперь массы стали къ ней такъ воспримчивы? Для этого посмотримъ еще на психическое настроеніе массъ въ теченіе XVII — XVIII в., на ту общественно-психологическую почву, на которой принялась нравственная идея. Это покажетъ намъ причины воспримчивости къ нравственной проповѣди, опредѣлитъ и самую стоимость и направленіе этой проповѣди, широту идеи, подхватывавшейся массой.

Если мы обратимся къ состоянію умственнаго развитія массъ, то увидимъ, что народъ въ XVII — XVIII вѣк. находился сполна подъ властію воображенія, въ періодъ бессознательнаго художественнаго творчества, художественнаго мышленія образами и картинами. Участіе разсудка крайне ничтожно. Отсюда легковѣріе, полная нетребовательность къ „достаточно основанію“, слѣпая вѣра въ чудесное. Страхъ и удивленіе преобладаютъ надъ всѣми другими ощущеніями и чувствами. Поражаетъ и останавливаетъ на себѣ вниманіе все необыкновенное и уродливое, странное, необъяснимое. При такомъ состояніи умственнаго развитія понятно, что соціальная жизнь, полная случайностей и неожиданностей, должна была держать массы то въ напряженномъ состояніи ужаса, то въ ожиданіяхъ чего-то еще болѣе страшнаго и неизвѣстнаго ¹⁾. Неожиданный какой-нибудь ударъ судьбы, чума, появленіе зловѣщей кометы, вспышка противъ помѣщика и жестокая до звѣрства экзекуція послѣ этого, нападеніе „воровской шайки“ повергали населеніе въ такое отчаяніе, до такой степени поражали и парализовали дѣятельность всѣхъ душевныхъ способностей, что люди дѣйствительно „не помнили себя“. Горе безысходное, страхъ, отчаяніе, тяготѣвшія постоянно надъ массой, до того разстроили и распатали нервную систему народа, что эпидемически распространяются зараженія истерикой. Мужчины и женщины вликутъ и икаютъ на пуціи страхъ обывателямъ. Правительство издаетъ указы, дѣлаетъ наказы по этому предмету то одному вѣдомству, то другому. Кликучество становится преступленіемъ и даже теперь еще сохраняется память о

¹⁾ Эти интеллектуальныя черты эпохи отлично отмѣчены А. Шаповымъ въ ст. „Міросозерданіе, мысль, трудъ и женщина въ XVIII ст.“ „Отеч. Зап.“ 1873—74 г.

томъ, какую роль оно играло когда-то въ 937 ст. улож. о наказаніяхъ. Съ 1666 г. по 1670 г. обыватели города Шуи бьютъ челомъ царю, что въ Шуѣ на посадѣ то и дѣло объявляются „грѣшныя люди, порченые мужеска и женска полу, различными всякими совѣстями мучимы бываютъ“; нападаетъ на нихъ „тоска лютая“, „икота“, „нечистый, злой духъ кричитъ въ нихъ, ово звѣремъ, ово птицею“; они мечутся, бьются, приходятъ въ неистовство, „а отъ чего, и то намъ, сиротамъ, невѣдомо“ ¹⁾. Около того же времени въ Муромскомъ уѣздѣ, Владимірской губерніи (по тогдашнему, „въ Стародубской сторонѣ“), сходить на землю по усердной молитвѣ нѣкоторыхъ православныхъ людей самъ Саваоѣвъ въ огненномъ облакѣ на пламенной колесницѣ, воплощается въ бѣглого солдата Данилу Филиппова и полагаетъ начало сектѣ „людей Божіихъ“. Въ Тюмени, въ 1677 г., кличутъ трое мужчинъ и одна монахиня. Въ Тобольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Березовкѣ, монахъ Данило, „пойманный на Москвѣ въ церковныхъ расколахъ“, завелъ пустынь. Въ этой пустынѣ у него „наученіемъ сатанинскимъ старицы и дѣвки бились о землю и говорили, что они въ то время, какъ бьются, видятъ Пресвятую Богородицу и небо отверсто, ангелы вѣнцы держатъ тѣмъ людямъ, которые въ той пустыни постригаются. И, слыша его, старца Данилы, такую прелесть“, многіе изъ Томска, изъ Тюмени изъ иныхъ городовъ, оставя дома и имущество, бѣгутъ къ нему въ пустынь съ женами и дѣтьми и постригаются. Для розыска въ этой пустыни отправлена команда, но она донесла, что та пустыня съ людьми до ихъ приѣзда сгорѣла ²⁾. Въ 1718—20 годахъ кликуши вызываютъ мѣропріятія московскаго губернатора. Духовный регламентъ предписалъ архіереямъ при посѣщеніи епархій спрашивать, есть ли кликуши. Оказалось, что кликушъ всюду много, и онѣ появляются „стаями“ въ теченіе всего XVIII в. въ разныхъ городахъ и областяхъ Россіи ³⁾. Необходимо замѣтить, что значительная доля кликушъ приходится на старовѣровъ.

Измученныя тягою жизни, ужасомъ предъ ея всевозможными случайностями, съ распатанной всѣмъ этимъ нервной системой, сильно предрасположенной къ заболѣваніямъ, легковѣрныя, экзальтированныя проповѣдниками нравственной идеи, массы въ теченіе XVII — XVIII вѣк. представляютъ всколыхнутое море... Всевозможныя волны слуховъ, то ужасныхъ, то свѣтлыхъ, радужныхъ, то и дѣло поднимаются и ходятъ всюду. Каждое событіе исторіи того времени своеобразно отмѣчается въ народномъ сознаніи волною слуховъ и толковъ и, можетъ быть, это-то еще и живить ее, хотя и не сильно, потому что, въ то же время, самосожженія растутъ такъ же эпидемически, какъ и истерика, и, повидимому, въ тѣсномъ союзѣ между собою ⁴⁾. Слухи и толки дѣйствительно идутъ волнами, то принимая однородную окраску ненависти и угрозы, то надежды, то ужаса и отчаянія.

¹⁾ *Примовъ*: Русскія кликуши. „В. Евр.“ 1868 г., № 10, стр. 649—650.

²⁾ *Ibid.*, стр. 655 и слѣд.

³⁾ Допол. къ Актамъ Историч., т. VIII, стр. 215—216.

⁴⁾ *Ibid.*, т. XXI, стр. 255; т. XXIV, стр. 103 и др.

Покончимъ сначала съ первой группой — оптимистической, куда мы относимъ и угрозы, потому что онѣ сейчасъ же производятъ вмѣстѣ съ тоскливымъ замираемъ сердца въ ожиданіи неизвѣстнаго: „что-то будетъ?“ и надежду, что, „можетъ быть, авось все переимѣнится“.

Возобновляется и распространяется повсемѣстно ходившая при Петрѣ сказка, что самъ Петръ въ плѣну въ Столгольмѣ, удержанъ тамъ влюбившейся въ него царицей, что со времени возвращенія Петра изъ-за границы царствовалъ собственно не онъ, а похожій на него шведъ, отправленный шведской царицей вмѣсто Петра, что теперь умеръ этотъ шведъ, а царь живъ, и царевичъ живъ. Къ Екатеринѣ I относятся презрительно-отрицательно; каждый слухъ подхватывается, и самый нелѣпый самозванецъ находитъ легковѣрную толпу приверженцевъ. При Екатеринѣ I появляются сразу два самозванца и затѣмъ то и дѣло проскакиваютъ снова, давая лишнюю работу „розыскной канцеляріи“, которая своимъ привлеченіемъ къ каждому дѣлу народа толпами еще больше приводитъ въ ужасъ массы. И, рядомъ съ предсказаніями и угрозами „смятеній“, мы встрѣчаемся съ толками, уже совершенно безнадежными: „Когда государь преставлялся, то самъ про себя говорилъ: еще было мнѣ жить, да мѣръ меня проклялъ. Жестокъ онъ, сударь, былъ, а сказываютъ — его вѣнокъ жестокае его будеть“.

Однако, сверху все идетъ какая-то ломка, все переимѣны. Иногда на площадяхъ читаютъ указы, въ которыхъ какъ будто манятъ какими-то милостями и льготами. Легковѣрной надеждѣ легковѣрнаго вѣба немного надо, чтобы снова загорѣться, а жить такъ страшно, тяжело безъ нея. И новая волна слуховъ поднимается и растетъ, усиливаясь и свѣтлѣя, какъ только становится хоть чуть-чуть полегче дышать. Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдите только по „Полному собранію законовъ“ и вы увидите, какая масса утѣшительныхъ слуховъ, подложныхъ манифестовъ, „развратныхъ“, „нескладныхъ“ рѣчей волновали массы въ теченіе XVII—XVIII вѣк., какъ эта волна разрасталась въ мало-мальски благопріятныя царствованія. Правительство то и дѣло сыплетъ указами, предназначенными быть ушатомъ холодной воды для легковѣрныхъ головъ. Въ указѣ 1757 г. мы читаемъ, что многіе русскіе и иностранные подданные разглашаютъ „живыя вѣдомости о нынѣшнихъ штатскихъ, политическихъ и воинскихъ дѣлахъ“ и „присовокупляютъ къ тому развратныя толкованія и совсѣмъ нескладныя разсужденія со столь большою продерзостью, сколь меньше имѣютъ объ оныхъ они свѣдѣніе и понятіе“¹⁾. Почти непосредственно затѣмъ новый указъ констатируетъ, что разные бѣглецы люди разглашаютъ слухи, будто въ Астрахани къ винограднымъ садамъ велѣно принимать всякаго званія людей, кто бы откуда ни пришелъ²⁾. Во 2-й мѣсяцъ царствованія Екатерины II ей уже приходится заявлять въ указѣ, что „нѣкоторыхъ помѣщиковъ крестьяне, будучи ослѣплены разсѣянными отъ непотребныхъ людей слухами, отложились отъ должнаго повинно-

¹⁾ 1-е Послан. Собр. законовъ, т. XVI, № 10,733.

²⁾ Ibid., № 10,760.

венія, а потому и далѣе поступили на многія своевольства и продерзости“¹⁾). Затѣмъ опять скоро новый указъ противъ „дерзностныхъ толковъ и странныхъ разсужденій не только о гражданскихъ правахъ и правительствомъ издаваемыхъ уставахъ, но и о божественныхъ законеніяхъ“²⁾). Въ 1764 г. разнаго званія люди „по неосновательному и ложному дерзкихъ людей разглашенію оставляютъ свои мѣста и бѣгутъ селиться въ непозволенныхъ мѣстахъ“³⁾). Въ томъ же году въ Петербургѣ появилось „нескладное сочиненіе“, происшедшее, по словамъ именнаго указа, „отъ самаго подлаго и глупаго духа, кроющагося между вѣрноподанными Ея Императорскаго Величества“ и составленное „для обмана невинныхъ, малосвѣдущихъ людей“. Это „нескладное сочиненіе“ былъ ложный именной указъ и начинался такъ: „время уже настало лихоимство искоренить; весьма желаю въ покоѣ пребывать, однако, весьма Наше дворянство пренебрегаетъ“ и проч. Тотъ же указъ, несмотря на разоблаченіе, появился въ 1767 г. въ Ярославлѣ⁴⁾). Въ 1766 г. въ главную дворцовую канцелярію явилось нѣсколько крестьянъ-ходоковъ съ прошеніемъ, въ которомъ, ссылаясь на бывшій, будто бы, въ этомъ году указъ, чтобы за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, конхъ платить крестьяне не въ состояніи, отписывать ихъ на Ея Императорское Величество, крестьяне просили о припискѣ ихъ въ общество дворцовой конторы. Подателей спросили: видѣли ли они указъ? Оказалось, что они о немъ только слышали⁵⁾). Въ томъ же году выѣхавъ съ указомъ о созывѣ комиссіи для составленія новаго уложенія прошелъ слухъ, тотчасъ выразившійся въ мѣстныхъ вспынкахъ, что новый законъ уничтожить вѣрноподданныхъ отношенія⁶⁾). Въ 1771 году поселенцы въ казенныхъ шелковыхъ заводахъ на р. Ахтубѣ (знаменитой въ разбойничьихъ лѣсахъ и преданіяхъ о вольницѣ) отказались отъ работы, потому что прошелъ слухъ объ указѣ отъ сената, чтобы быть тѣмъ всѣмъ поселенцамъ козаками⁷⁾). Бѣглецы, виновники убійства преосвященнаго Амвросія во время чумы въ Москвѣ, „разносятъ ложные, злодѣйскіе, касающіеся къ замѣшательству слухи“⁸⁾). Еще въ 1764 году курьерамъ, ѣдущимъ въ отдаленные пункты, указано „не разглашать живыхъ вѣдомостей“, что, очевидно, нерѣдко случалось; тѣмъ не менѣе, въ 1796 г. подпоручикъ Иванъ Федосѣевъ, отправленный съ казеннымъ порученіемъ въ Оренбургъ, по дорогѣ рассказываетъ, отъ имени Павла Петровича, что помѣщичьи крестьяне будутъ государевы и собирать оброки съ нихъ станутъ наравнѣ съ крестьянами казеннаго вѣдомства⁹⁾). Слухи распространяются устно, вырастаютъ изъ подметныхъ писемъ и фальшивыхъ указовъ, которые правительству то и дѣло приходится опро-

1) Т. XVI, № 11,593.

2) Ibid., № 11,843.

3) Ibid., № 12,254.

4) Ibid., № 12,089, т. XVII, № 12,890.

5) *Семевскій*, стр. 365, 367, 373 и др.

6) Собр. Зак., т. XIX, № 13,655.

7) Ibid., № 13,859.

8) Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 17,776.

9) Ibid., т. V, №№ 2,877, 3,143; т. VIII, № 6,150; т. XII, № 9,105 и пр., и пр.

вергать. Указы по поводу подметных писем сыплются со времени Петра точно из рога изобилия; каждое новое царствование подтверждает и напоминает эти указы по нѣсколько разъ вплоть до царствования Императора Александра I, когда понадобился, по обычаю, новый указъ по этому поводу ¹⁾.

Слухи поднимаютъ народныя надежды, производятъ мѣстныя вспышки, а, между тѣмъ, является команда и производитъ страшную экзекуцію; вмѣсто ложныхъ вѣдомостей, являются настоящіе указы, мало что не оправдывающіе ожиданій, а приносящіе все большую и большую тяготу, тѣмъ болѣе ужасную, что, благодаря „живымъ вѣдомостямъ“, постоянно шевелится и растетъ мысль о лучшемъ будущемъ: жить такъ хочется, чѣмъ больше себя обрѣзаешь и сокращаешь; такъ ярко свѣтитъ счастье среди густой тьмы текущаго прозябанія. Жить хочется, а попытки улучшить жизнь не удаются, слухи не оправдываются и люди не знаютъ, что имъ сдѣлать, чтобы лучше жилось. Для того, чтобы это прозябаніе было сколько-нибудь сносно, мало однихъ этихъ неопредѣленныхъ, измѣнчивыхъ колебаній между надеждой и отчаяньемъ. Ходитъ цѣлая полоса слуховъ другого рода,—слуховъ, которые наталкиваютъ личность на выходъ совсѣмъ въ другой родъ, гораздо болѣе глубокой и прочной, чѣмъ тѣ, какіе мы видѣли до сихъ поръ. Эта новая полоса слуховъ носитъ характеръ идейный: концентрируя въ себѣ всѣ отголоски, всѣ видоизмѣненія психическаго настроенія массъ, обобщая эти настроенія въ одно, выраженное цѣлостно, въ грандіозномъ образѣ, подчиняющемъ неволью воображеніе, новые слухи ведутъ за собой цѣлый рядъ образовъ и идей, которые иначе освѣщаютъ житье-бытье массы; открывая собою длинную цѣпь созерцаній, они даютъ новый смыслъ жизни. Мы говоримъ о слухахъ и толкахъ о пришествіи въ міръ антихриста и о нравственной идеѣ, выведенной отсюда старовѣрьемъ. Идея объ антихристѣ при Петрѣ вовсе не представляетъ достоинства одного только раскола; она распространена повсемѣстно. И это совершенно понятно. Рассказы объ антихристѣ дѣйствовали, прежде всего, на воображеніе, какъ страшная сказка. Притомъ, сказка эта имѣла такъ много реальныхъ чертъ, такъ полно иногда захватывала дѣйствительность, что, разъ заинтересовавшись ею, нельзя было скоро отъ нея отойти, а, присматриваясь дальше, въ ней человекъ находилъ такой глубокой смыслъ, что становился ея ревностнымъ распространителемъ и исповѣдникомъ, потому что изъ этой сказки для него выросла новая вѣра—„старая вѣра“, какъ говорили книжники, только очищенная отъ поповскихъ искаженій, сдѣланныхъ при патриархѣ Никонѣ. Мы въ другомъ мѣстѣ уже показывали, какъ выросъ образъ антихриста въ сознаніи народныхъ массъ до Петра ²⁾. Теперь ограничимся только связнымъ изложеніемъ толковъ и слуховъ по этому предмету при Петрѣ.

Народная легенда, однако, не проходитъ этого важнаго пункта такъ спѣшно. Ея уваженіе къ царскому имени такъ велико, государь

¹⁾ Ibid., т. XXXIX, № 22502.

²⁾ „Дѣло“ 1831 г., № 9—10.

въ ея воображеніи окруженъ такимъ ореоломъ правоты и святости, что она никакъ не можетъ допустить помраченія этой единственной свѣтлой надежды. (Даже бунтовская вольница съ трудомъ переваривала мысль о неправости царя, да и то она ратовала противъ царей „подмѣнныхъ“ и узурпаторовъ, за царей „настоящихъ“ (самозванцы). Царь для народа источникъ правосудія и милости,—это высшій представитель правды, какъ ее сознаетъ въ данную минуту массовая мысль, и, разъ этотъ источникъ правды изсякъ, исчезнетъ вмѣстѣ съ нимъ и всякая надежда на лучшее, всякая вѣра въ жизнь. А масса въ жизнь не можетъ, не вѣрить: слишкомъ ужъ жизнь полна для нея смысла, хотя сплошь и рядомъ грознаго и невыносимо тяжелаго.

Синоду было предписано бороться съ суевѣрїями. Во исполненіе этого повелѣнія, синодъ въ 1723 г. постановилъ: „сочинить увѣщаніе съ такимъ разсужденіемъ, что годоваго артуса и богоявленской воды храненіе не нужно, что въ строеніи золотыхъ и серебряныхъ на иконы окладовъ, подсвѣчниковъ и лампадъ особеннаго благочестія и славы Божіей приплода нѣтъ“. Потомъ, по распоряженію синода, стали отбирать въ церковную казну привѣски у образовъ, разорять часовни, отмѣнять крестные ходы. И весь этотъ „раціонализмъ“ вводится такъ угловато и оригинально, что даже сенатъ долженъ былъ указать синоду на нецѣлесообразность такой проповѣди: онъ обращалъ вниманіе синодскаго секретаря на то соблазнительное обстоятельство, что „отъ разоренныхъ часовенъ расбросаны кресты и главы и валяются безъ призора, отчего происходитъ большой соблазнъ“, что нельзя отмѣнять крестные ходы и пр. ¹⁾). Понятно, что народъ еще менѣе сената склоненъ оставить все это безъ вниманія, когда особенно онъ хочетъ окончательно убѣдиться въ томъ, что имѣетъ дѣло съ антихристомъ. Чтобы уменьшить бѣгство изъ полковъ, Петръ въ письмѣ къ князю Я. Ѳ. Долгорукову велѣлъ накалывать на лѣвой рукѣ солдатъ крестъ и натирать его порохомъ. Эта мѣра практиковалась. Въ 1718 г. у бѣглыхъ, приведенныхъ вмѣстѣ съ рекрутами капитаномъ Лампе, были „запятнаны лѣвыя руки рекрутскимъ пятномъ“ ²⁾). Развѣ это не дѣло антихриста? Крестъ — „врыжь латинскій“, да еще и на лѣвой рукѣ!... Говорять: „печатаетъ царь солдатъ въ руки и та печать на лбахъ и рукахъ—антихристова“. Да еще и всѣхъ будутъ печатать: „привезены изъ-за моря клейма на корабляхъ, и кого запечатываютъ, тому и хлѣбъ дадутъ“ ³⁾). Производится подушная перепись,—опять дѣло антихриста: „видимъ по свящ. писанію и изъясненію соловецкихъ страдальцевъ, что у васъ отъ Р. Х. восемь лѣтъ убавлено, сего ради живыми подписями весь родъ человѣчъ въ погибель ввели, а мы подѣ живыми ваши лѣта не подписуемся, творите съ нами, что хотите“ ⁴⁾).

¹⁾ Соловьевъ, т. XVIII, стр. 217—218.

²⁾ Голиковъ: Дѣянія Петра В., т. IV, стр. 169; „Рѣс. Арх.“ 1873 г., стр. 2072—73, 2298.

³⁾ Есиповъ, I, 14.

⁴⁾ Сказаніе объ антихр. „Чт. въ Общ. Ист. и Др.“ 1863 г., № 1, стр. 69.

Какъ подобаетъ антихристу, Петръ творить чудеса. Левину рассказываютъ его двоюродные братья: „у насъ многіе офицеры говорятъ, что онъ, государь, въ одно время училъ три роты на водѣ лѣтомъ, — будто по льду подымаетъ, также и воду въ кровь превращаетъ“ ¹⁾. Всякая оригинальность, всякая ненормальность организма, отмѣченная у людей, близкихъ къ Петру, — все какъ нельзя лучше доказываетъ, что это противникъ Христовъ. У сына графа Головкина — красная щека, у сына Федора Ивановича Чемоданова „черное пятно на щекѣ и на томъ пятнѣ волосы черные же“, а владѣльцы пятенъ — двоюродные братья — и это, вы думаете, спроста? Вы думаете, тутъ не открывается никакого знаменія? Открывается: въ антихристово время будутъ такіе люди ²⁾. Строгость Петра въ рассказахъ преувеличивается до звѣрства. Напр., рассказываютъ, что „собралъ онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ челоуѣкъ съ двѣсти и, поставя на колѣна, велѣлъ побить до смерти изъ пушки“. Его побѣды — новое несомнѣнное доказательство излюбленной идеи. „По писанію сбывается, — говорятъ грамотные люди, — беретъ государь непріятельскіе города боемъ, а иные лествю. И Царьградъ онъ, государь, возьметъ, да и Римъ возьметъ же лествю и соберетъ жидовъ всѣхъ и съ ними, жидами, пойдетъ въ Іерусалимъ, и тамъ станетъ царствовать и ихъ, жидовъ, возлюбить, а они, жиды, въ скорѣхъ числѣхъ его не познають; и будутъ у нихъ, жидовъ, гладъ и всякая имъ нужда, и въ то время они, жиды, его, государя, познають, что онъ антихристъ, и на немъ сей вѣкъ скончается“ ³⁾. Праздники по поводу побѣдъ, устраиваемые на заморскій ладъ, съ фейерверками, пушечной пальбой, шутовскими процессіями, неизбѣжно освѣщаются народомъ, непривычнымъ къ зрѣлищамъ такого рода, по своему. Празднованіе, напр., въ 1723 г. Ништадскаго мира, продолжавшееся двѣ недѣли, даетъ старовѣрамъ поводъ говорить, что „антихристъ въ то время сажился на престолъ и поставлены въ Москвѣ Красныя ворота, только наши старовѣры въ тѣ ворота не ѣздятъ“ ⁴⁾. „Въ послѣднее время вопросятъ дани отъ мертвыхъ и отъ живыхъ, — говоритъ Мееодій Патарскій, — въ то время отрекутся люди отъ православныя вѣры“ и пр., „а не хотащія тогда отрещися... оны въ домахъ своихъ сожигаются, а иные въ рѣкахъ и озерахъ утопающе, а иные съ хранинъ убиваются, и сихъ вмѣнитъ Богъ въ мученика“ ⁵⁾.

„Сбывается, сбывается“, — думаетъ въ ужасѣ челоуѣкъ XVIII в., прислушиваясь къ этой страшной сказкѣ, факты которой у всѣхъ предъ глазами, а освѣщеніе такъ рѣзко и такъ понятно. Отгадка социальнаго зла именно тутъ, въ этомъ понятномъ, образномъ обобщеніи. Зло отъ личности. Зло страшно, необъятно, но и личность — сила не здѣшняя; это сатана, противникъ Христовъ. Челоуѣкъ XVII в. доработался до метафизическаго обобщенія „горя-злосчастья“. Фигура этого горя толь-

1) и 2) *Есиповъ*, I, 14, 44, 565.

3) *Ibid.*, II, 59.

4) *Соловьевъ*, т. XVIII, стр. 212.

5) Сказаніе объ антихр., стр. 56—57.

ко страшно неясна: его пластическіе признаки, необходимые, чтобы образъ подчинялъ себѣ воображеніе человѣка, сводятся въ сущности лишь къ тому, что оно „лыкомъ подпоясано, мочалами изопутано“. Человѣкъ XVIII в. объяснилъ это обобщеніе „горя-злосчастья“, вложивъ его въ образъ антихриста, пластически вполне законченный и опредѣленный. Отсюда открывается путь развитія дуалистическаго религиознаго воззрѣнія безпоповщинскихъ согласій.

А къ этому еще представьте человѣка съ чуткой, до болѣзненности нервной системой, заполоненнаго суевѣрїями, легковѣрнаго, надъ которымъ образы фантазіи имѣютъ власть болѣе дѣйствительную, чѣмъ простыя соображенія и построенія разсудочной дѣятельности, и вы увидите, поймете, что каждое слово такой сказки волосы дыбомъ ставятъ на головѣ, производитъ ужасъ мертвѣющей: дрожать колѣна, зубъ не попадаетъ на зубъ, весь организмъ, вся мысль инстинктивно складываются въ одно безотчетное побужденіе: бѣжать, безъ оглядки бѣжать отъ этого невыносимаго ужаса, изъ этого міра, одержимаго сатаной...

Чтобы еще болѣе опредѣлить и выяснить массовое настроеніе въ XVIII в., мы позволимъ себѣ привести одинъ отрывокъ изъ слѣдственнаго дѣла, весьма характерный для этого въ томъ отношеніи, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ среднимъ человѣкомъ и, притомъ, здоровымъ, повидимому, что тоже необходимо отмѣчать. Въ началѣ XVIII в. при одной тамбовской церкви былъ дьячекъ Степанъ. Онъ былъ поверхностно знакомъ съ св. писаніемъ, но то, что зналъ, сильно его интересовало, какъ и многихъ, многихъ людей того времени. Да и въ самомъ дѣлѣ, время тревожное, все сдвинуто съ мѣста, перетасовано, „не довернешься—бьютъ, перевернешься—бьютъ“, а новости за новостями сыплются, какъ изъ рога изобилія, хочется въ этомъ разобраться, найтись, — что другое научить, какъ не писаніе? Сами занятія Степана толкаютъ его къ книжкѣ. Всюду разнообразныя толки о реформахъ, о Петрѣ, о знаменіяхъ пришествія антихристова, котораго ждутъ, чтобы не ходить дальше, съ 1666 г. А, между тѣмъ, всюду шныряютъ „фискалы“ и стерегутъ всякое не то что неосторожное, а даже неопредѣленное, сомнительное слово. Работа „заплетныхъ мастеровъ“ кипитъ, не переводится. Говорятъ, поэтому, шепотомъ, съ пугливой оглядкой, полусловами, намеками, наводящими ужасъ. Встрѣчается Степанъ съ какимъ-то монахомъ Саввой, завязывается разговоръ о современныхъ дѣлахъ, и монахъ заражаетъ собесѣдника мыслью объ антихристѣ: „Видишь,—говоритъ онъ о Петрѣ,—одинъ владѣть, патріарха-то нѣтъ, а печать видима: велитъ бороды брить!“ Ужаснулся Степанъ, и первое, естественное побужденіе говорить ему: уйди! Уйти, однако, Степанъ сразу не рѣшился; только въ церковь пересталъ ходить. Несомнѣнной увѣренности въ наступленіи царства антихриста, однако, еще нѣтъ; пошелъ къ духовнику посоветоваться. Но духовникъ тоже тронуть этой идеей. „Какъ мы бывали въ Воронежѣ, въ пѣвчихъ,—говоритъ онъ Степану,—то пѣвали передъ государемъ и при компаніи, проклинали измѣнниковъ кой-какихъ. Однажды дошелъ разговоръ до Талицкаго, и государь говорилъ: „какой онъ воръ, Талицкой! Ужъ и я, по его, антихристъ! О, Господи, ужъ и я

антихристь предъ Тобою!“. Пѣвчими эти скорбныя размышленія вовсе не поняты. „Къ чему онъ это говорилъ? — задумывался попъ, — кто знаетъ!“... А у Степана „отъ тѣхъ поповыхъ словъ все сумнѣнне къ сумнѣнню, и въ мысли своей онъ держитъ, что Петръ прямой антихристь“. Въ старопечатной Кирилловой книгѣ увидалъ Степанъ, что „во имя Петра имать сѣсти гордый князь міра сего — антихристь“; рѣчь идетъ о папѣ, а у Степана свой Петръ на умѣ. Подъ вліаніемъ этихъ толковъ Степанъ бросаетъ жену и постригается въ Тамбовѣ въ монахи подъ именемъ Самуила. Его предостерегаютъ: первое гоненіе антихриста будетъ на монастыри. „Ничего, — отвѣчаетъ Степанъ, — тогда уйду въ горы“.

Пріѣзжаетъ къ Самуилу дядя, монахъ Никодимъ. Спрашиваетъ его Самуилъ о царѣ, не антихристь ли? Тотъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, не антихристь, а развѣ предтеча его“. Около того времени случилось въ монастырѣ какое-то дѣло; для слѣдствія и допросовъ монаховъ забрали и увезли въ Воронежъ. Въ это время Самуилъ написалъ и подбросилъ на незнакомый дворъ письмо о царѣ-антихристѣ. Вышелъ регламентъ съ нѣкоторыми мѣрами противъ монашества; тогда Самуилъ ужь окончательно рѣшилъ, что царь антихристь: „отводить отъ монашества! Надо бѣжать въ пустыню“. На этотъ разъ Степанъ дѣйствительно ушелъ. Его скоро, однако, поймали, отодрали плетью и посадили на цѣпь въ монастырѣ, изъ котораго онъ убѣжалъ. Самуилу удалось убѣжать второй разъ. Теперь онъ ушелъ въ степь и сталъ проповѣдывать бурлакамъ о наступленіи царства антихриста. Но тутъ ему, какъ на грѣхъ, попались книги, изданныя духовною властью противъ раскола „Увѣтъ Духовный“, „Працица“ (Питирима Новгородскаго), „Знаменія пришествія антихристова“ (Степана Яворскаго). Прочитавъ ихъ Самуилъ и, какъ человѣкъ искренній, сознался въ своихъ заблужденіяхъ, повѣрилъ, что „царь какъ царь“, и снова воротился въ свой монастырь. Онъ былъ еще молодъ, любознателенъ, были, очевидно, способности, и его взяли на Москву — учиться. Скучно, однако, зубрить латынь, подвергаться плети префекта за нехождение въ классъ человѣку взрослому, давно женатому, да еще тропутому такъ или иначе проклятыми вопросами. А тутъ еще человѣкъ узнаетъ, что жена его вышла за другаго. Припоминаются ему запрещенія регламента, потому что, не будь ихъ, и жена постриглась бы горяча, въ первое время ихъ разлуки. И думаетъ Самуилъ: „онъ все, Петръ и новать“. И опять бранитъ онъ Петра и пишетъ бранныя слова на бумажкахъ. Попалась одна такая бумажка и представлена куда слѣдуетъ. Взяли Самуила въ тайную канцелярію и послѣ допросовъ и пытокъ казнили... Это случилось уже послѣ смерти Петра ¹⁾.

Читатель видитъ, что въ этомъ весьма характерномъ эпизодѣ нѣтъ ни одного раскодоучителя, рѣшительно не видна прикосновенность людей, промелькнувшихъ предъ нами, къ какой-нибудь старовѣрской

¹⁾ „Правосл. Обзор.“ 1860 г., № 7, ст. С. М. Соловьева. Есть пересказъ того же дѣла у Есипова въ „Древн. и Нов. Россіи“ 1879 г. Ср. въ такомъ же родѣ рассказъ о Левинѣ у Есипова: „Раск. Дѣян“, т. I.

организациі. Все это „церковные“—попы, монахи, люди изъ массы,— все люди, ничѣмъ особеннымъ изъ массы не выдѣляющіеся, не исключая и самого Степана. Послѣдній самый обыкновенный человекъ, любознательный, благодаря грамотности, разыскивающій въ книжкѣ, къ которой онъ полонъ довѣрія, разгадки тревожныхъ житейскихъ задачъ. Вы видите, что всѣ эти люди дождемъ реформъ, тягою неопредѣлившейся жизни выбиты изъ колеи, перепуганы. Они, какъ стадо овецъ, мечутся изъ стороны въ сторону, пугаемые призраками своего собственнаго соображенія, самыми бессмысленными выдумками, самими „зрѣшными“ слухами и вѣстями. Ихъ гложетъ червь недовольства, хочется удовлетворенія, но мысль не показываетъ выхода, а, между тѣмъ, стихійнаго побужденія „уйти“ безъ разъясненій и раздумья уже мало. Какъ такъ уйти? Почему? Степанъ здоровый человекъ, но не особенно сильный умственно. Онъ въ силу этого можетъ слушать соображенія про и contra. Попалась ему книжка, обдумался при ея чтеніи человекъ, успокоился, страхъ уменьшился, грозный образъ потускнѣлъ: „царь какъ царь“. Мысль больше не работаетъ, относительную цѣнность аргументаціи она оцѣнить неспособна. Недовольство остается, а, между тѣмъ, оно безотчетно, въ немъ разобраться силъ не хватаетъ... Будь Степанъ человекъ нервный, онъ бы не сомнѣвался; большую душу сильнѣе захватилъ бы образъ антихриста, какъ у Левина. Будь онъ умнѣе, онъ сдѣлался бы теоретикомъ мистикодуалистической идеи. Но онъ не столкнулся съ людьми, уже работавшими въ этомъ направленіи, и образъ антихриста всю жизнь только смущалъ его... Такъ и у всего большинства въ то время: міръ сказочный и міръ реальный въ воображеніи перепутаны и сбиты такъ, что мысль ихъ не различаетъ; она мѣшаетъ быль съ небылицей и поступаетъ такъ, какъ велятъ фантастическіе образы; реальныя лица и отношенія она облекаетъ фантастическимъ туманомъ, фантастическими средствами старается достигъ реальной цѣли—спасенія отъ „царющаго зла“, успокоенія, отдыха отъ непрерывной двухвѣковой общественной суетоки... (по крайней мѣрѣ). Сказки объ антихристѣ,— такъ, какъ онѣ ходили въ массѣ,— конечно, не могли сами по себѣ дать нравственнаго успокоенія, но онѣ въ высокой степени возбуждали массы, заставляли прислушиваться къ знакомому, страшно отдающему слову, дѣлали воспримчивыми къ проповѣди нравственной идеи,— проповѣди, начинавшейся съ антихриста. А самая проповѣдь, проникаясь настроеніемъ массъ, освѣщала и освящала это настроеніе, успокаивала человека, давала силу страдать, давала самоудовлетвореніе личности...

Дозволено цензурою. Москва, 3 мая 1884 года.

Типо-литографія И. Н. Кушнерова и К^о, Пименовская ул., д. Кушнеровой.

И. П. Рассадина. Изд. К. Т. Солдатеикова. — «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губ.» Т. IV. «Темниковскій уѣздъ». Изд. тамб. губ. земства. 10

Иностранная книга.

«Новая Австралія». *Маренъ Ля-Меле* (L'australie nouvelle. *Marin La-Meslée*). — «Происхождение мадяровъ». *Вамберу*. (Der ursprung der Magiaren. Eine ethnologische Studie von *Herrmann Vambery*). — «Культурная исторія крестовыхъ походовъ». *Прутца*. (Kulturgeschichte der Kreuzzuge von *Hans Prutz*). — «Земледѣльческая жизнь въ Пикардіи и Артуа при старомъ порядкѣ». *Барона Калонна*. (La vie agricole sou l'ancien régime en Picardie et en Artois. *Baron. A. de Calonne*. 29

О переѣвѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ номеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные — недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ. За переѣву адреса на адресъ той же категоріи уплачивается 25 коп.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію, съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала действительно не была получена тою конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ 11 до 4-хъ часовъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ исключительно въ помѣщеніи редакціи, гдѣ въ принятіи оныхъ выдаются установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставленные рукописи должны быть четко переписаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія расчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію. Гонораръ уплачивается только за статьи, вышедшія въ свѣтъ. Деньги выдаются черезъ пять дней по выходѣ книги. Авансы не выдаются. Отдѣльные оттиски статей дѣлаются не иначе, какъ по заявленію желанія на то авторомъ и на ихъ счетъ.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагаются срокъ отъ одного до четырехъ мѣсяцевъ, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не приняты, сохраняются редакціей въ продолженіе шести мѣсяцевъ, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ конхъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку протыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка. Относительно же прикомлаемыхъ въ редакцію и непринятыхъ ею для помѣщенія въ журналъ стихотвореній редакція не въ какую переписку не входитъ, еслибы даже на то предлагались марки.

Принимаемая для помѣщенія въ журналъ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,

ВЫХОДЯЩИЙ ЕЖЕМЪСЯЧНО, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ,

КНИГАМИ ОТЪ 25 ДО 35 ЛИСТОВЪ.

Открыта подписка на 1884 годъ

(ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

За восемь мѣсяцевъ (май—декабрь), съ приложеніемъ начала статей, не оконченныхъ въ первыхъ четырехъ книгахъ:

Въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки . . .	10 р.
» » » съ доставкою . . .	10 р. 50 в.
Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	11 р.
За границу	12 р.

ЗА ВЕСЬ ГОДЪ:

Въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки . . .	15 р.
» » » съ доставкою . . .	16 р.
Съ пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	17 р.
За границу	19 р.

На шесть мѣсяцевъ (второе полугодіе) половина годовой платы.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЙ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается: въ конторѣ журнала— въ Москвѣ, Леонтьевскій пер., 21; въ отдѣленіи конторы— на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ лавокъ, при конторѣ объявленій П. Н. Печковской; Въ Петербургѣ— въ отдѣленіи конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. Фону и К°, на Невскомъ, въ домѣ Армянской церкви; и въ Кіевѣ— при конторѣ типографіи П. Н. Кушнерова и К°, Елизаветинская улица, домъ Михельсона.

Гг. иногороднихъ просятъ высылать деньги исключительно съ контору.

За подписку въ другихъ мѣстахъ редакція журнала не отвѣчаетъ.

Контора открыта ежедневно отъ 11 часовъ утра до 4 часовъ дня.

Редакторъ С. А. Юрьевъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

**RETURN TO: CIRCULATION DEPARTMENT
198 Main Stacks**

LOAN PERIOD	1	2	3
Home Use			
	4	5	6

ALL BOOKS MAY BE RECALLED AFTER 7 DAYS.

Renewals and Recharges may be made 4 days prior to the due date.
Books may be renewed by calling 642-3405.

DUE AS STAMPED BELOW.

MAY 12 2002

FORM NO. DD 6
50M 6-00

UNIVERSITY OF CALIFORNIA, BERKELEY
Berkeley, California 94720-6000

C008544221

2-199

